

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1908.

ЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

*

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIX-й.

ЮЛѢ.

1908 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

I. За кулисами дипломатии. Ю. С. Карцова.	3— 12	XII. Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ. В. В. Варнеке.	135—158
II. Генераль Зальцовъ. (Воспоминанія). А. Жиркевича.	13— 20	XIII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій.	159—209
III. Учебныя воспоминанія. В. Лебедевъ.	21— 36	XIV. Радостная кончина. Сообщ. А. Е. К.	211—213
IV. Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви. А. Печчаева.	37— 56	XV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:	
V. Изъ записокъ стараго помѣщика. (Быль изъ прошлаго). Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	57— 73	а) Къ исторіи винной монополіи 1659 г. Сообщ. П. Суворовъ.	74
VI. Исторія карель. В. Крохинъ.	75— 87	б) Отношеніе главноначальствующаго Кремлевскою Экспедиціею П. С. Валуева къ преосвященному Августину. 20 ноября 1812 г. Сообщ. В. Афанасьевъ.	88
VII. Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева. В. Н.	89—119	в) Акrostихъ, поднесенный Д. П. Трошинскому. Сообщ. Петръ Челищевъ.	120
VIII. Дитя любви. Изъ записокъ стараго помѣщика. Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	121—123	г) Къ исторіи монастырей 1670 г. Сообщ. П. Суворовъ.	210
IX. Овладеніе неприятелемъ крѣпостью Кинбурнь во время Крымской войны. Сообщ. П. В. Вороновъ.	124—128	XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
X. Изъ давно прошедшаго. (Отрывочныя воспоминанія). Л. Драке.	129—132		
XI. Царская милость. (Изъ воспоминаній восточной войны). Сообщ. П. Гловацкій.	133—134		

Приложеніе: Портретъ Тамбовскаго Епископа Пахомія.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1908 года.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества.
Т. СХХV. СПб. 1906.

Въ 18-мъ, 46-мъ и 109-мъ томахъ сборника были помѣщены документы, касающіеся сношеній австрійскихъ пословъ и посланниковъ при дворѣ Петра III и Екатерины II со своимъ правительствомъ. Въ 125-й томъ вошли донесенія князя Лобковича и Зедделера австрійскому государственному канцлеру князю Кауницу, съ 1772 по 1776 годъ. Для исторіи пугачевщины, польскихъ дѣлъ, жизни двора, не говоря уже о внѣшнихъ сношеніяхъ, много драгоцѣнныхъ данныхъ.

Н. П. Лихачевъ. Инокъ Омы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. СПб. 1908.

Новая работа неутомимаго Н. П. Лихачева, недавно награжденная по присужденію особой комиссіи при Императ. обществѣ любителей древней письменности преміей имени А. М. Кожевникова, невелика по объему, но для русской исторіи имѣетъ большое значеніе. Авторъ открылъ, издалъ, описалъ и изслѣдовалъ новый памятникъ древне-русской публицистики, проливающей яркій свѣтъ на блестящую эпоху политической самостоятельности тверскаго княжества, о которой заботливо умалчивали лѣтописцы счастливой побѣдительницы Москвы. Этотъ памятникъ—похвальное слово князю Борису Александровичу Тверскому, дошедшее до насъ въ спискѣ, который позднѣе оригинала на цѣлое столѣтіе и относится къ серединѣ XVI вѣка, съ частыми и необычными сокращеніями, съ ненужнымъ избыткомъ надстрочныхъ знаковъ, съ небольшими пропусками и множествомъ ошибокъ; издатель воспроизвелъ текстъ буквально, желая дать читателю слово въ настоящемъ его видѣ и предоставить ему самому разбираться въ текстѣ и критиковать его. Слово—сплошной панегирикъ тверскому князю, котораго усердный риторъ восхваляетъ въ такихъ выпрєнныхъ выраженіяхъ: „Елма преподобному и похвалѣмому возвеселятся людїе и яко же рече Соломонъ, паче жъ и нами видимый и иже посреди насъ не невидомъ свѣтило великое, великій князь Борисъ Александровичъ, иже хвалимый и прославляемый отъ востока да иже и до Запада! И како жъ мы не возвеселимся иже толику радость даровалъ Богъ Тверской земли, иже по благодати Божіей и даннаго Богомъ на утверженіе Тверской земли и на крѣпость человѣческому роду, да восхвалимъ и почтемъ благороднаго и благовѣрнаго и иже отъ чрева материя Богомъ обѣтованнаго и иже быти ему земному оку и иже всѣмъ вкупѣ радость и веселіе и безъ печали житіе... И радовашесь вся земля Тверская, яко дарова имъ Богъ такова государя и пастыря и истиннаго Христолюбца и Богомъ утверждаема на отчимъ престолѣ, и овїи же Моисея того именуютъ и руководствомъ Божїимъ новаго Израїля, Богомъ спасенный градъ Тверь добръ правящи, и инїи же втораго Константина, да великое его челоуѣколюбїе“... Такимъ тяжелымъ и напыченнымъ языкомъ написано все слово. Даже наружность своего героя авторъ описываетъ такъ: „лице великаго князя Бориса Александровича свѣтяшеса паче камени сапеїра и темпаїа и кождо насъ на него зряще и всякаго веселїя исполнитися“ Князь Тверской послалъ на флорентинскій соборъ своего посла Оому, о которомъ и говорится въ словѣ, „и повелѣ ему прилежно смотрити“. Передавая маршрутъ Оомы и говоря о немъ въ третьемъ лицѣ, слово вдругъ сбивается на первое лицо: „на Флорензѣ, и ту наѣхалъ есми папу Римскаго“... Можно думать, что авторъ слова и посольство одно лицо, но далѣе возникаетъ сомнѣніе въ этомъ, потому что ниже говорится, что посольство Оома, слыша на соборѣ похвалы тверскому князю, „вся глаголы повелѣ писати... а мы же повсегда трапезѣ его причастици быхомъ... тако же и азъ, почетшу оныхъ отецъ похваленїа о великомъ князѣ Борисѣ“ и т. д... Уже давно извѣстно было, что на флорентинскомъ соборѣ былъ русскій посольство Оома, но отъ кого онъ былъ посланъ, опредѣленно разрѣшается лишь теперь, по обнаруженїю похвальнаго слова тверскому князю. „Напрашивается мысль“—говоритъ Н. П. Лихачевъ,—„не бояринъ ли тверской Оома, бывший посломъ тверскаго князя на флорентинскомъ соборѣ, принялъ монашество и написалъ слово? Однако авторъ опредѣленно говоритъ, что посольство Оома велѣлъ записать рѣчи митрополитовъ и принесе на Русь—“мы же почтохомъ такова писанїа и удивихомся“... Противопологая себя боярямъ, исполняющимъ „порученїа“ службы, иннокъ Оома какъ бы подчеркиваетъ, что онъ не одио лицо съ бояриномъ, посланнымъ на соборъ. Кто такой этотъ придворный и приближенный иннокъ, оставившїй намъ столь замѣчательный памятникъ, вопросъ остается открытымъ“. Стараясь установить съ возможной точностью время написанїа слова, изслѣдователь, на основанїи очень мѣткаго соображенїя, приходитъ къ выводу, что оно создано около 1453 г. Москва тогда еще не была центромъ Руси, давнее соперничество Твери и Москвы продолжалось, и на тверскомъ престолѣ сидѣлъ энергичный и недюжинный челоуѣкъ, о которомъ, по показанїю

Тамбовскій Епископъ
Пахомій.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

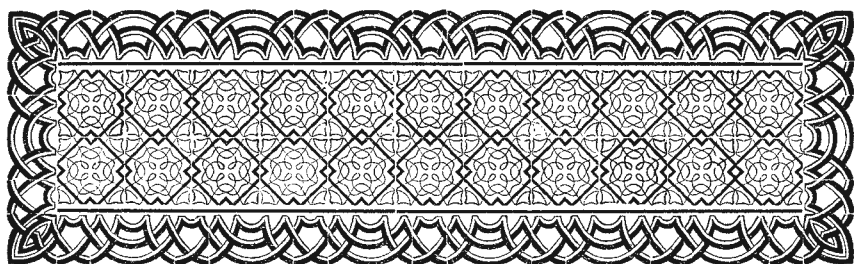
Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ» платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

За кулисами дипломатіи.

(Окончаніе).

ГЛАВА VII ¹⁾.

Стратегическая зависимость нашей арміи за Дунаемъ отъ Австро-Венгріи — Необходимость блюсти конвенцію 3-го янв. 1877 г. какъ зѣницу ока.—Порядимскій проектъ перемирія. — Несоотвѣтствіе его съ основами конвенціи 3-го января 1877 г.—Князь Горчаковъ отказывается принять отвѣтственность уступки Австріи Босніи и Герцеговины.—Сборы Н. П. Игнатъева въ армію.—Впервые слышитъ онъ о существованіи конвенціи 3-го янв. 1877 года.—Соглашаясь съ доводами Н. П. Игнатъева, Государь Императоръ посылаетъ телеграмму о движеніи войскъ къ Босфору.—Въ лагерѣ наслѣдника цесаревича Н. П. Игнатъевъ узнаетъ о заключеніи перемирія.—Положеніе арміи послѣ перемирія.—Въ виду измѣнившейся обстановки слѣдовало ли Н. П. Игнатъеву заключать миръ въ С.-Стефано?—Въ крушеніи исторической задачи—кто отвѣтственъ?

Невыгодность соглашенія съ Австро-Венгрією слишкомъ была въ глаза. Австро-Венгрія предоставляла Россіи воевать, сама сохраняла свободу дѣйствій, а за нейтралитетъ подобнаго рода требовала себѣ Боснію и Герцеговину. Одну минуту у насъ хотѣли было объявить Австріи войну, однако, мысль эта была оставлена. Князь Бисмаркъ предупредилъ, что Австріи нужна Германія въ видахъ политическаго равновѣсія, а потому нанести ей рѣшительный ударъ Германія не дозволить. Когда же турки отвергли сначала постановленія Константинопольской конференціи, а потомъ Лондонскій протоколъ, Россія оказалась передъ альтернативою: или принять австрійскія условія или не воевать совсѣмъ. Послѣднее было невозможно по причинѣ броженія, охватившаго русское общество и славянофильскихъ симпатій придворныхъ сферъ. Дѣлать было нечего, горькой необходимости пришлось подчиниться: 3-го января 1877 г. между Россією и Австро-Венгрією была подписана военная конвенція. Россія попала въ положеніе изолированное и отъ доброй воли, своей

¹⁾ См. «Русск. Стар.», июнь 1903 г.

яко бы союзницы, Австро-Венгрии зависимое. За гранью Дуная наша действующая армия собою изображала, говоря словами поэта:

...тяжелый нѣкій шаръ,
На тонкомъ волосѣ висящій.

При такихъ обстоятельствахъ, элементарное чувство самосохранения подсказывало намъ беречь каждый пунктъ конвенціи, какъ зѣницу око. Иначе Австрія получала не только возможность, но и нравственное право отнять у насъ свою руку и протянуть ее нашему противнику—Англии.

Какими бы дефектами соглашение наше съ Австро-Венгрією ни отличалось, назначеніе свое обеспечивать тылъ нашей арміи оно выполнило безусловно. Послѣ одной изъ Плевненскихъ битвъ, графъ Андраши зашелъ къ нашему послу Е. П. Новикову и заявилъ ему: „Profiter des embarras du prochain ne porte jamais bonheur. J'ai des observations à Vous faire, mais j'attendrai pour cela que Vous ayez plus de foin dans vos bottes“. Не пошевелила Австрія пальцемъ, и когда военное счастье намъ улыбнулось, и передъ побѣдоноснымъ російскимъ воинствомъ турецкія арміи и крѣпости стали сдаваться одна за другую.

Установилось мнѣніе, будто бы разрывъ съ Австрією послѣдовалъ, отчасти вслѣдствіе происковъ русской панславистической партіи, отчасти вслѣдствіе традиціоннаго коварства Вѣнскаго кабинета. Въ защиту послѣдней версіи выступилъ оффиціозный публицистъ министерства иностранныхъ дѣлъ С. М. Горяиновъ (Босфоръ и Дарданеллы, С.-Петербургъ, 1907 г.). Въ дѣйствительности, виновникомъ краха былъ никто иной, какъ творецъ австро-русскаго соглашения, канцлеръ А. М. Горчаковъ.

Въ половинѣ ноября 1877 г. въ нашей главной квартирѣ, стоявшей въ Порадимѣ было приступлено къ составленію условій мира съ турками. О конвенціи 3-го января 1877 года авторы мирнаго проекта ничего не знали, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ предположеніяхъ своихъ они отъ нея значительно отклонились. Особенно рельефно противорѣчія эти обозначилась по двумъ важнымъ вопросамъ: Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи. По вопросу Босніи и Герцеговины конвенція гласила совершенно опредѣленно: „Россія предоставляетъ Императору австрійскому избрать время и способъ оккупации Босніи и Герцеговины ¹⁾“. Въ порадимскомъ проектѣ этотъ пунктъ получилъ слѣдующую ре-

¹⁾ Описание Рус.-тур. войны 1877—78 гг., т. II, стр. 7. Изданіе военно-истор. комиссіи главнаго штаба.

дакцію: „Босніи и Герцеговинѣ даруется автономное управление съ достаточными гарантіями, при ближайшемъ участіи въ опредѣленіи ихъ сосѣдней съ ними Австро-Венгріи“. По вопросу границъ Болгаріи конвенція (ст. 3) оговаривала „недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго славянскаго или иного государства“. Порадимскій проектъ пространство будущей Болгаріи предуказывалъ: „въ предѣлахъ болгарской національности и никакъ не меньшихъ противъ тѣхъ, которые были намѣчены Константинопольскою конференціею“. Затѣмъ, порадимскій проектъ былъ отправленъ въ Бухарестъ проживавшему тамъ князю Горчакову на разсмотрѣніе.

Здѣсь позволю себѣ сдѣлать отступленіе и поставить вопросъ: была ли, въ самомъ дѣлѣ, надобность вопросы военные и сторону политическую связывать тѣснымъ узломъ? Вѣдь наше сепаратное соглашеніе съ Турціею безъ европейской санкціи, все равно обойтись не могло. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же было затрогивать больныя мѣста и преждевременно раскрывать карты. Не политичиѣ ли поступили бы наши делегаты, если бы вопросы компетенціи европейской,—Боснію и Герцеговину, границы Болгаріи и др.,—они отложили до созыва конференціи, а тѣмъ временемъ потребовали бы отъ турокъ уступокъ характера исключительно военного: передачу намъ флота и крѣпостей, допущеніе русской арміи подѣ стѣны Царьграда и т. п.

Инициаторомъ австро-русскаго соглашенія былъ князь Горчаковъ. Поэтому для кого другого, а для него конвенція 3 января 1877 г. была обязательна. Получивъ порадимскій проектъ, онъ долженъ былъ съ конвенціею его свѣрить, постановленія конвенціи въ него вписать и въ такомъ исправленномъ видѣ отослать въ главную квартиру обратно. „Но князь Горчаковъ, говоритъ г. Горяиновъ, сознавалъ, что уступка славянскихъ земель австро-венгерской монархіи могла возбудить негодованіе въ Россіи“ ¹⁾. Внеси онъ въ порадимскія мирныя условія измѣненія въ духѣ конвенціи, сразу обнаружилось бы: Боснія и Герцеговина и есть та цѣна, за которую русское правительство купило отъ Австріи безопасность тыла нашей арміи. Признать себя виновникомъ подобной сдѣлки у князя Горчакова не хватило гражданскаго мужества. Между порадимскими условіями и конвенціею разницы словно не замѣчая, онъ порадимскій проектъ препроводилъ императорамъ германскому и австрійскому на отзывъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, въ Вѣнѣ сообщеніе князя Горчакова

¹⁾ Босфоръ и Дарданеллы, стр. 307.

произвело впечатлѣніе самое неблагоприятное. Русская политика совершала зигзагъ: отъ совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріею снова вернулась она на почву Константинопольской конференціи и европейскаго концерта. Но сослаться на Константинопольскую конференцію Россія уже потому была не въ правѣ, что конвенція съ Австро-Венгіею была заключена позже, а слѣдовательно, всему тому, что было говорено и условлено до нея, она подводила итогъ. Помѣнявшись ролями, теперь Австрія упрекала Россію въ вѣроломствѣ. Вопросы политической этики всегда болѣе или менѣе спорны. Но, ставъ на точку зрѣнія исключительно практическую и военную, нельзя не признать—минута, которую для разрыва съ Австріею выбралъ князь Горчаковъ, была самая неподходящая. Наша армія на плечахъ непріятеля переваливала черезъ Балканы. На морѣ господствовалъ турецкій флотъ, а къ нему во всякое время могла подплыть и присоединиться англійская эскадра. На алтарѣ какого-то фантастическаго общественнаго мнѣнія съ легкимъ сердцемъ старый канцлеръ принесъ въ жертву и безопасность сообщеній дѣйствующей арміи и международное положеніе Россіи. Разувѣрившись въ Россіи, Австрія начала искать сближенія съ Англіею.

Назначенный уполномоченнымъ для заключенія мира съ Турціею, генераль Н. П. Игнатьевъ къ выѣзду изъ Петербурга въ армію дѣлалъ сборы. О существованіи конвенціи 3-го января 1877 года и ея двухъ главнѣйшихъ пунктовъ,—отдачи Босніи и Герцеговины въ дискреціонное распоряженіе австрійскаго императора и недопущеніе на Балканскомъ полуостровѣ образованія значительнаго государства,—даже не подозрѣвая, онъ былъ всецѣло поглощенъ разработкою, разумѣется, въ духѣ началъ Константинопольской конференціи, прелиминаріевъ С.-Стефанскаго мира. Раскрыть ему глаза и предостеречь его князь Горчаковъ не только не счелъ нужнымъ, наоборотъ, въ этомъ направленіи онъ его поощрялъ. На одномъ изъ засѣданій, при видѣ работы генерала Игнатьева, кропотливой, испещренной турецкими и болгарскими названіями, онъ воскликнулъ: „*mais c'est un travail de bénédiction*“. Впослѣдствіи, когда С.-Стефанскій трактатъ былъ обнародованъ и вызвалъ протесты державъ, это не помѣшало ему утверждать: С.-Стефанскій договоръ есть личное дѣло генерала Игнатьева, и для него явился сюрпризомъ. „*J'ai haussé les épaules*“, по петербургскимъ гостинымъ рассказывалъ старый князь.

Сколько времени продолжалась бы странная мистификація—это неизвѣстно, но тайну конвенціи генераль Игнатьевъ узналъ совершенно случайно изъ бѣглой фразы генерала Н. Н. Обручева: „А мы въ Вѣнѣ по вопросу болгарскихъ границъ руководствовались

вашиими желаніями“, проговорился генераль Обручевъ. Страшно пораженный, Н. П. Игнатъевъ бросился къ Государю Императору, который, въ свою очередь, потребовалъ объясненія отъ Горчакова. „Andrassy, доложилъ канцлеръ, a exigé de Novikow sa parole d'honneur que le Général Ignatieff ne saura rien de la convention“.

Въ это самое время на жгучую тему—заключать ли съ турками перемиріе или продолжать движеніе на Константинополь, между Государемъ Императоромъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ происходилъ оживленный обмѣнъ телеграммъ. Генераль Н. П. Игнатъевъ горячо доказывалъ необходимость занять позицію на среднемъ Босфорѣ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ фарватеръ проходитъ вплотную у берега. Чувствуя себя связаннымъ словомъ, даннымъ Англии—что онъ Константинополя не возьметъ, Императоръ Александръ II не соглашался. „Но въ городъ мы и не войдемъ, возражалъ Н. П. Игнатъевъ, мы расположимся у его стѣнъ, а, затѣмъ, европейскія державы попросимъ пожаловать въ Одессу на конгрессъ. Одесса центръ культурный, куда пріѣхать князю Горчакову, во всѣхъ отношеніяхъ, будетъ легко и удобно“. Послѣ нѣкотораго колебанія, Государь уступилъ. Была составлена и отправлена великому князю телеграмма—идти впередъ и занять позицію на Босфорѣ.

Въ упованіяхъ самыхъ радужныхъ покидалъ Петербургъ Н. П. Игнатъевъ. Едва за Дунаемъ, одно за другимъ, его постигли разочарованія. По дорогѣ онъ захалъ въ Русукскій отрядъ, въ главную квартиру наслѣдника цесаревича. Тутъ, какъ громомъ, его ошеломило извѣстіе—перемиріе подписано и военныя дѣйствія приостановлены.—Я хотѣлъ брать Шумлу, сказалъ ему государь наслѣдникъ цесаревичъ, а великій князь взялъ да и заключилъ перемиріе.—Встревоженный, возмущенный, Н. П. Игнатъевъ поспѣшилъ далѣе. Настигнувъ главнокомандующаго, онъ приступилъ къ нему съ вопросомъ:—Ваше Императорское Высочество, а телеграмма Государя Императора?—Главнокомандующій уклонился отъ полнаго отвѣта. Въ это время военно-телеграфными сообщеніями завѣдывалъ генераль Чингизъ, товарищъ Н. П. Игнатъева по Пажескому корпусу. Тебя казнить слѣдуетъ, накинулся на него Н. П. Игнатъевъ. Ты мусульманинъ, а потому ты отъ главнокомандующаго утайлъ Высочайшую телеграмму, въ которой повелѣвалось идти на Константинополь.—Помилуй Богъ, взмолился Чингизъ. Да эту телеграмму я собственными руками передалъ великому князю.—Теперь зная въ чемъ дѣло, Н. П. Игнатъевъ возвратился къ великому князю.—Ну, да, отвѣтилъ великій князь, телеграмму я получилъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Турки наши условія приняли, а я далъ

слово, что какъ только они наши условія примуть, я заключу перемиріе.

Еще наканунѣ столь грозное, на слѣдующій же день подписанія и обнародованія перемирія 19-го янв. 1878 г., положеніе русской арміи вдругъ сдѣлалось безвыходнымъ. До самой послѣдней минуты Турція уповала на милость побѣдителя и, чтобы ее заслужить, готова была на всякія жертвы. Но, въ виду непреклонности, проявленной въ вопросѣ болгарской независимости русскими делегатами, она передалась Англии. Недоразумѣнія съ Австро-Венгеріею, хотя и начались ранѣе, но дотолѣ они тлѣлись незамѣтнымъ огнемъ. Когда же Россія о своихъ намѣреніяхъ относительно Босніи и Герцеговины и границъ Болгаріи, объявила всенародно, Австрія, въ отвѣтъ, приступила къ мобилизаціи. Что Румынія станетъ на сторону Австріи, а не Россіи, въ этомъ сомнѣнія не могло быть ни малѣйшаго. Послѣ акта 19-го янв. 1878 г. ровно черезъ двѣ недѣли, англійская эскадра вошла въ Мраморное море и бросила якорь у Принцевыхъ острововъ.

Общая обстановка нашей арміи, стратегическая и политическая, съ положеніемъ Наполеоновскихъ войскъ въ Испаніи представляла нѣкоторое сходство. Въ обоихъ случаяхъ, главенство на морѣ безусловно принадлежало Англии. Какъ и французамъ, спереди и фланговъ намъ угрожали англійскій флотъ и возможность десанта. Но передъ нами французы имѣли важное преимущество: ихъ коммуникація шла прямымъ путемъ, по направленію родной Франціи. Между тѣмъ, у насъ позади находились рѣка Дунай и двѣ непріязненныя державы: Австро-Венгерія и Румынія желѣзнымъ кольцомъ, охватывали вражескія силы побѣдоносную русскую армію. При такихъ обстоятельствахъ, о продолженіи войны нечего было и думать. Оставалось дипломатіи поспѣшить на выручку, дабы, наготу фактической капитуляціи прикрывая цвѣтами риторики, изъ плодовъ побѣды спасти—что только возможно.

Въ сонмѣ европейскихъ государствъ единственная держава, которая въ извѣстной мѣрѣ къ Россіи благоволила, была Германія. Съ Россіею она была связана и узами вѣковой дружбы и признательностью за доброжелательство Россіи въ тяжелые моменты борьбы за германское объединеніе. Къ сожалѣнію, съ княземъ Бисмаркомъ князь Горчаковъ не ладилъ и обязываться ему не хотѣлъ. На запросы князя Бисмарка, прямые и косвенные,—на какихъ условіяхъ предполагала бы Россія заключить миръ, — князь Горчаковъ отвѣчалъ неизмѣнно: „Je n'ai pas besoin de Bismarck pour faire la paix“. Послѣ того, становится понятнымъ—почему князь Бисмаркъ отошелъ въ сторону и занялъ позицію наблюдательную. Све участіе

онъ ограничилъ тѣмъ, что петербургскому кабинету изъявилъ готовность помочь Россіи подвести итоги и положеніе ликвидировать, но выступать въ роли заступника Россіи, когда его о томъ Россія и не просила, онъ счелъ со своимъ достоинствомъ несогласнымъ и совершенно излишнимъ.

Создавая С.-Стефанскую Болгарію, Россія, очевидно, предполагала для дальнѣйшихъ своихъ видовъ въ Болгарахъ найти послушное орудіе. Не ошибалась ли она въ подобныхъ расчетахъ? Вѣдь съ Эгейскаго моря въ Болгарію потянуло бы англійскимъ вѣтромъ, а не русскимъ. С.-Стефанскій договоръ, однако, осуществленъ не былъ, поэтому и всѣ споры о его достоинствахъ и недостаткахъ являются занятіемъ довольно празднымъ. Самое названіе „прелиминарный договоръ“ уже показываетъ, что русское правительство окончательнаго значенія договору не придавало, а, напротивъ, оно намѣревалось подвергнуть его пересмотру державъ. Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ было, вообще, заключать договоръ? Задачу пріостановить военныя дѣйствія и заручиться согласіемъ Турціи на мирныя условія Россіи въ достаточной степени выполнило перемиріе 19-го янв. 1878 г. Смыслъ С.-Стефанскаго договора могъ быть только одинъ: дать болгарамъ доказательство доброй воли Россіи и отвѣтственность за неисполненіе ихъ желаній свалить на Европу. Въ доброй волѣ, по отношенію къ нимъ, Россія болгары ни минуты не сомнѣвались. Сознаніе жертвъ, ради нихъ принесенныхъ Россіею, не помѣшало имъ, нѣсколько лѣтъ спустя, обратиться къ Англій и, при ея содѣйствіи, совершить соединеніе княжества съ Восточною Румеліею.

Краснорѣчиво и убѣдительно доказывалъ генералъ Н. П. Игнатьевъ великому князю главнокомандующему невыгодность стоянки у Мраморнаго моря и необходимость армію передвинуть и расположить на Босфорѣ. Въ томъ же духѣ изъ Петербурга на великаго князя производилось давленіе. Въ главной квартирѣ совѣщаніе слѣдовало за совѣщаніемъ. При всемъ желаніи специалисты военно-морского дѣла не рѣшались признать возможность помѣшанія англійской эскадрѣ прорваться черезъ Босфоръ и вступить въ Черное море. Двухнедѣльный срокъ, — отъ 19-го января и до 2-го февраля, — это и былъ золотой промежутокъ, улыбка судьбы, благоприятный случай, въ жизни народовъ не повторяющійся, которымъ, увы, мы не воспользовались. Одобряемые близостью англійскаго флота, турки поспѣшно воздвигали укрѣпленія, собирали и стягивали войска. Овладѣть Босфоромъ для насъ, съ каждымъ днемъ, становилось труднѣе.

Положеніе, которое на берегахъ Мраморнаго моря заняла наша

армія, отчасти представляеть аналогію съ положеніемъ прусскихъ войскъ въ 1866 году, при Никольсбургѣ. Угрозъ Франція Пруссіи тогда не дѣлала. Черезъ посла своего Бенедетти, Императоръ Наполеонъ III ограничился заявленіемъ, что расширеніе прусской территоріи Франція допуститъ лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но и такого предостереженія, по формѣ столь мягкаго, Бисмарку было достаточно. Немедленно потребоваль онъ прекращенія войны, а, когда король Вильгельмъ и весь генералитетъ этому воспротивились, онъ подалъ въ отставку и, въ концѣ концовъ, поставилъ на своемъ.

Послѣ выѣзда изъ Петербурга генерала Н. П. Игнатьева, событія чередовались съ головокружительною быстротою: 19-го января было подписано перемиріе, и военныя дѣйствія были приостановлены, Австрія мобилизовала войска, въ Мраморномъ морѣ появилась англійская эскадра. Путемъ заключенія еще разъ съ Турціею договора, можно ли было надѣяться улучшить наше положеніе или, наоборотъ, пришло время ударить отбой, поспѣшить и, при томъ, какъ можно скорѣе, созывомъ европейской конференціи? Независимо соображеній политическихъ, генералу Игнатьеву не мѣшало подумать и о себѣ лично. То обстоятельство, что конвенцію 3-го янв. 1877 г., въ угоду Андраши, отъ него скрывали, свидѣтельствуетъ о недовѣрїи, съ какимъ въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ къ нему относились. Не въ однихъ иностранныхъ коллегахъ генералъ Игнатьевъ имѣлъ передъ собою враговъ, но и собственное его начальство только и ждало отъ него невѣрнаго шага, чтобы выставить его козломъ отпущенія и виновникомъ всѣхъ неудачъ. И, тѣмъ не менѣе, генералъ Н. П. Игнатьевъ во-время не спохватился и 19-го февр. 1878 г. въ С.-Стефано съ Турціею подписалъ договоръ. Что же подвигнуло его поставить свое имя подъ актомъ, который, въ лучшемъ случаѣ, являлся ударомъ хлыста по воздуху? Тутъ, во всемъ объемѣ, сказалось пагубное вліяніе слишкомъ продолжительнаго пребыванія Н. П. Игнатьева въ Константинополѣ. Дѣло освобожденія турецкихъ христіанъ, на поприщѣ котораго онъ съ такимъ успѣхомъ подвизался, онъ считалъ своимъ собственнымъ. Волною событій поднятый на необычайную выѣсоту, онъ поддался оптическому обману и продолжалъ вѣрить въ свою звѣзду и свои силы, когда въ дѣйствительности, изъ-подъ ногъ его давно ушла почва. Однимъ почеркомъ пера уничтожилъ онъ плоды своей долготѣней и блестящей дипломатической карьеры а затѣмъ,—чего собственно его противники и добивались, — онъ съ арены внѣшней политики сошелъ навсегда.

Императоръ Александръ II объявилъ войну Турціи подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, вопреки собственному убѣ-

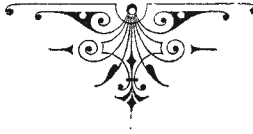
жденію. Собираясь нанести ударъ Турціи, его преимущественно озабочивало — какъ бы ударъ этотъ по своей стремительности не отозвался въ Европѣ и не повлекъ за собою другую войну — европейскую. Отсюда въ самой концепціи войны — роковое раздвоеніе, которое и парализовало заключительное ея дѣйствіе. Въ тѣ времена, между военачальниками находились люди популярныя, съ громкими именами: фельдмаршалъ А. И. Барятинскій, генераль Д. А. Милютинъ, наконецъ, наследникъ престола, Великій Князь Александръ Александровичъ, который, безъ сомнѣнія, пригласилъ бы къ себѣ въ начальники штаба кого-нибудь изъ видныхъ дѣятелей¹⁾. Но государь Императоръ далъ слово Англіи — что Константинополя онъ не возьметъ — и опасался, тѣмъ болѣе съ появленіемъ національнаго вождя, чтобы событія не осложнились и не зашли слишкомъ далеко. Главнокомандующими онъ назначилъ своихъ двухъ братьевъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, въ той увѣренности, что въ рѣшительную минуту выше помысловъ личной славы они поставятъ безусловное повиновеніе Монарху. Не оттого ли и составъ штаба дѣйствующей арміи вышелъ инородческий: во главѣ его очутились два поляка, генералы Непокойчицкій и Левицкій? Вдругъ событія получили оборотъ, при которомъ приближеніе арміи къ столицѣ Оттоманской Имперіи сдѣлалось чисто военною, стратегическою необходимостью. Передъ Императоромъ Александромъ II была тяжелая дилемма: либо преждевременно остановить наступленіе, либо нарушить слово, данное Англіи. Поэтому, государь могъ думать, что движеніе впередъ послѣдуетъ независимо его воли, какъ естественное развитіе военныхъ дѣйствій, и въ этомъ смыслѣ своему брату главнокомандующему онъ посылалъ указанія. Но читать между строками петербургскихъ инструкцій, противорѣчивыхъ и сбивчивыхъ, великій князь Николай Николаевичъ не могъ и настойчиво требовалъ категорическаго отвѣта, а, когда этотъ отвѣтъ пришелъ, на бѣду, было уже поздно. Отъ начальниковъ передовыхъ частей приходили донесенія о крайнемъ переутомленіи войскъ. Дипломатическою канцеляріею дѣйствующей арміи завѣдывалъ извѣстный дипломатъ, сподвижникъ ген. Н. П. Игнатьева, А. И. Нелидовъ. Къ сожалѣнію, А. И. Нелидовъ на должной высотѣ не оказался и, въ виду ожидавшагося, со дня на день, прибытія Н. П. Игнатьева съ полномочіями, онъ не устоялъ противъ соблазна на историческомъ доку-

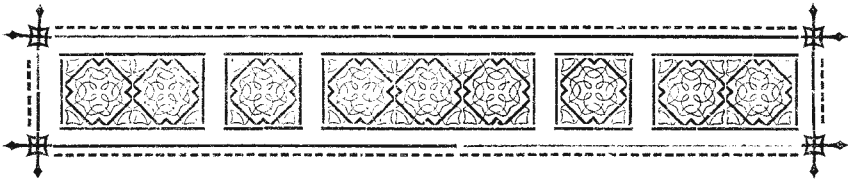
---

¹⁾ Въ Порадимѣ генераль Н. П. Игнатьевъ совѣтовалъ государю командованіе арміею принять на себя, Д. А. Милютина назначить нач. штаба, а ген. Н. Н. Обручева ген.-квартирмейстеромъ.

ментъ начертать свою фамилію. Свою миссію великій князь Николай Николаевичъ выполнилъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Въ крушеніи исторической задачи слѣдуетъ поставить отвѣтственнымъ поэтому не его. Причиною этого является избытокъ осторожности и нерѣшительность Императора Александра II; а еще болѣе виноваты тѣ царедворцы, которые, не любя Россіи и повинуваясь внушеніямъ зависти, людямъ патріотическаго направленія и дѣятельнымъ сознательно помѣшали выдвинуться и занять первое мѣсто.

Ю. С. Карцовъ.

Генераль Залѣсовъ ¹⁾.

(Воспоминанія).

(Окончаніе).

Настало тяжелое для меня время судебного разбирательства дѣла А. и майора К.—Негодование Залѣсова еще болѣе усилилось, когда на судѣ я демонстративно подошелъ къ А., сидѣвшему за рѣшеткой въ качествѣ обвиняемаго, и протянулъ ему руку, а затѣмъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ посѣтилъ въ крѣпости отбывавшаго наказаніе бывшаго моего начальника, о чемъ генералу сейчасъ же сдѣлалось извѣстнымъ ²⁾.

Но давно кончилось грустное дѣло, давно виновные понесли законную кару, а Залѣсовъ все не утверждалъ меня въ должности полкового адъютанта, несмотря на неоднократныя о томъ ходатайства и генерала Каменскаго, и новаго командира полка полковника Максимова, по-прежнему упрекая меня въ недонесеніи о готовившемся въ полку крахѣ.

Наконецъ, неожиданно для всѣхъ, когда, по просьбѣ моей, перестали напоминать обо мнѣ генералу, самъ онъ утвердилъ меня въ должности, чтò если и не означало еще полного забвенія прошлаго, то все же указывало на возвращеніе мнѣ нѣкоторой доли довѣрія...

Кстати будетъ замѣтить, что Саратовская катастрофа не измѣнила почти ни въ чемъ режима, учрежденнаго Залѣсовымъ въ ди-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1908 года.

²⁾ Кстати замѣтить, что на судѣ держалъ себя Залѣсовъ съ большимъ самообладаніемъ, всю вину сваливъ съ плечъ своихъ на другихъ. Когда защитникъ А., присяжный повѣренный изъ Петербурга Винтергальтеръ, попробовалъ, было, допрашивать стоявшаго передъ судомъ генерала сидя, въ небрежной позѣ, то судѣ предложилъ ему задавать вопросы стоя...

визіи. Только теперь сталъ онъ уже не довѣрять и командирамъ полковъ, прислушиваясь къ присылаемымъ на нихъ анонимнымъ доносамъ, еще болѣе сваливая всю черную работу по дивизіи, всю отвѣтственность на чужія плечи...

Съ утвержденіемъ меня въ должности, не переставалъ я, однако, время отъ времени, чувствовать по-прежнему на себѣ подозрительно-наблюдающій взоръ его превосходительства.

Такъ, напримѣръ, Залѣсовымъ были заведены въ помѣщеніи дивизионнаго собранія состязанія полковыхъ оркестровъ музыки. Каждый изъ оркестровъ, въ присутствіи начальства и специалистовъ, долженъ былъ сыграть нѣсколько пьесъ разнаго рода. Тутъ же присутствовали командиры отдѣльныхъ частей, адъютанты, публика, бравшая входные билеты, стоимость которыхъ шла въ награду наиболѣе отличившемуся оркестру. Залѣсовъ и сидѣвшіе съ нимъ за особымъ столомъ цѣнители музыки ставили за каждую сыгранную пьесу отмѣтки. Подобныя состязанія походили скорѣе на забаву, которой увлекались въ угоду генералу... Но и тутъ Залѣсовъ, вызывая меня, нарочно подчеркивалъ недостатки оркестра Саратовскаго полка, при томъ не всегда безпристрастно: изъ-за меня, такимъ образомъ, лишались награды мои, ни въ чемъ неповинные, музыканты...

Разъ въ недѣлю, во время лагернаго сбора, по учрежденному генераломъ порядку, всѣ полковые оркестры и барабанщики дивизіи, въ опредѣленный часъ собирались на сыгровку у передней линейки Оренбургскаго полка—подъ руководствомъ капельмейстеровъ и полковыхъ адъютантовъ.—Продѣлывалась какъ бы репетиція общаго церемоніальнаго марша. Такъ какъ занятія производились недалеко отъ дачи начальника дивизіи, то нерѣдко на грохотъ и шумъ, поднятые подобными упражненіями, выходилъ по сосновому лѣску, мимо бараконъ нижнихъ чиновъ больныхъ глазами, Залѣсовъ—посмотрѣть на ученье. И снова, при этомъ, доставалось мнѣ, моимъ музыкантамъ...

Когда затѣмъ дивизія, готовясь къ Царскому смотру, репетировала церемоніальный маршъ, то барабанщики Саратовскаго полка, выстроенные въ двѣ шеренги впереди баталіонныхъ колоннъ, благодаря оплошности престарѣлаго старшаго барабанщика Зубарева, нѣсколько отклонились въ сторону отъ линіи прохожденія частей, чего я не могъ видѣть, такъ какъ, по уставу, находился передъ полкомъ. Сейчасъ же послѣдовалъ по адресу моему гнѣвный окликъ Залѣсова:

„Полковой адъютантъ!.. Гдѣ ваши барабанщики?.. Что вы гарцуете передъ полкомъ?! Я ссажу васъ съ коня“!..

Замѣчаніе это было тѣмъ комичнѣй, что ѣздилъ я верхомъ довольно плохо, а „конь“, на которомъ я, по мнѣнію генерала, „гарцевалъ“, была вислоухая, смиренная, казенная кляча, которую не безъ труда удавалось разогнать и для рыси...

Не всегда ограничивался по отношенію ко мнѣ Залѣсовъ одними окриками и ядовитыми фразами. Приходилось попадать и подъ дисциплинарныя взысканія.

Такъ, полкъ нашъ долженъ былъ командировать въ лагерь подъ Ригу нижнихъ чиновъ съ офицеромъ, для опытовъ въ Высочайшемъ присутствіи съ новымъ приборомъ стрѣльбы. По бумагѣ, присланной, въ виду этой командировки, изъ штаба дивизіи, написанной неясно, не представилось возможнымъ сдѣлать выводъ, должны ли были нижніе чины и офицеръ явиться такого-то числа къ мѣсту назначенія, или же этого числа лишь двинуться изъ полка. Сидя въ гостяхъ на дачѣ у добраго моего знакомаго, новаго начальника штаба дивизіи полковника Новогребельскаго, я высказалъ ему сомнѣнія мои по этому поводу.

„А вотъ самое лучшее“ посоветовалъ онъ: „Напишите-ка вы сейчасъ, у меня, оффиціальную записку отъ полка въ штабъ дивизіи, прося разъясненій; я же вложу ее въ докладъ начальнику дивизіи.—Тутъ все и разъяснится“.

Съ помощью самого Новогребельскаго набросалъ я записку, и полковникъ съ ней и другими бумагами отправился на дачу къ Залѣсову, а я, ничего не подозревая, вернулся къ себѣ въ лагерь.

Не прошло, однако, съ только-что описаннаго свиданія, и трехъ часовъ, какъ въ полкъ изъ дивизіи принесли пакетъ съ надписью „в. нужное“.

Вскрывъ конвертъ, я увидѣлъ въ немъ записку мою, испещренную рукой Залѣсова пѣтнымъ карандашомъ, а вмѣстѣ съ ней бумагу за подписью генерала, въ которой, между прочимъ, имѣлось такое резюме:

„Подпоручика Жиркевича, за крайне дерзкую и въ высшей степени недисциплинарную записку къ начальнику штаба дивизіи, арестовать на трое сутокъ на гауптвахтѣ“.

Какъ потомъ оказалось, полковникъ Новогребельскій, пытавшійся выручить меня, тоже получилъ соотвѣтствующее внушеніе за то, что позволилъ себѣ представить въ докладъ „подобную“ записку, роняя достоинство начальника дивизіи частными сношеніями съ подпоручиками. Но, въ сущности, и до сихъ поръ я не знаю, за что отсидѣлъ тогда трое сутокъ. Просто Залѣсову захотѣлось показать мнѣ, что, не смотря на прекрасныя аттестаціи начальства, не-

смотря на утверженіе меня въ должности, прошлое далеко еще мнѣ имѣ не забыто.

Скоро въ сношеніяхъ моихъ съ начальникомъ дивизіи произошло нѣчто, на этотъ разъ, комичное.

Канцелярія Саратовскаго полка помѣщалась за Зеленымъ мостомъ въ Рафаиловскихъ казармахъ. Въ тѣхъ же казармахъ, черезъ обширный дворъ, расположена была и музыкантская команда.

Какъ-то, зимнимъ утромъ, когда усидчиво работалъ я въ канцелярії надъ срочнымъ отчетомъ, прибѣжавшій музыкантъ сообщилъ мнѣ о томъ, что въ казармы музыкантской команды неожиданно нагрянулъ начальникъ дивизіи, замѣченный лишь при появленіи его на дворѣ. Надѣвъ оружіе, я поспѣшилъ въ команду, гдѣ и засталъ полный переполохъ и безпорядки. Дѣло въ томъ, что музыканты мои, увидѣвъ идущаго по двору Залъсова, вздумали въ двѣ минуты подмести полъ, съ утра неубранный: въ воздухѣ, поэтому, носилась клубами ѣдкая пыль. Кромѣ того, постели музыкантовъ были неубраны, всюду—грязь, соръ, разбросанныя вещи. Среди этого безпорядка стояла фигура генерала, который, при появленіи моемъ, осматривалъ тюфяки, съ цѣлью убѣдиться, достаточно ли въ нихъ соломы, не прячутъ ли подъ нихъ нижніе чины хлѣбъ, вещи, табакъ. Одновременно вѣрно было нижнимъ чинамъ раскрыть свои сундучки. Въ казармѣ, въ довершеніе всего безпорядка, стоялъ невообразимый холодъ и, несмотря на сильные морозы, она оказалась совсѣмъ нетопленной. Сразу же бросилось мнѣ въ глаза, что Залъсовъ сильно чѣмъ-то недоволенъ, даже не кивнувъ головою на сдѣланную мною ему „честь“.—Осмотръ команды, между тѣмъ, продолжался и при мнѣ, а затѣмъ, повозившись въ казармѣ еще съ полъ-часа, велѣлъ генераль музыкантамъ „сыграть что-нибудь“.—Такъ какъ капельмейстера въ помѣщеніи еще не было, то староста команды Кордель, собравъ наскоро музыкантовъ, сыгралъ съ ними довольно нестройно полковой маршъ, что вызвало совсѣмъ уже кислое выраженіе на лицѣ начальства: перепуганные „артисты“, лишенные при томъ опытнаго руководителя—я самъ это видѣлъ—немилосердно ввали... Изрѣдка Залъсовымъ задавались и мнѣ вопросы, по которымъ дѣлалъ я доклады.

Наконецъ, генераль обратилъ вниманіе на „Сибирскій холодъ“, стоявшій въ казармѣ, строго спросивъ объ его причинахъ.

Я поспѣшилъ доложить, что давно веду переписку съ хозяйственнымъ управленіемъ полка о поправкѣ совершенно негрѣющей печи, но ничего не могъ до сихъ поръ добиться; что о той же печи доносилось и въ дивизію...

„Помню“—замѣтилъ Залѣсовъ: „но чѣмъ же тогда отапливается казарма“?...

„Въ казармѣ,—Ваше Превосходительство, живетъ много людей“—правдиво отвѣтилъ я, не подумавъ о томъ, съ кѣмъ говорю: „она отапливается дыханіемъ“..

„Дыханіемъ?“..—переспросилъ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ генераль, и подъ нависшими его усами проскользнуло нѣчто въ родѣ улыбки, а суровые до того глаза блеснули почти радостно: „оригинальные же, однако, у васъ, въ полку, способы отопленія казенныхъ помѣщеній!. И командиръ полка про это знаетъ?“!..

Въ прежнемъ невѣдѣніи того, что говорю, сообщилъ я, что и полковнику обо всемъ извѣстно.

Съ этого момента бесѣды, Залѣсовъ, словно нарочно, завелъ со мною разговоръ на тему о командѣ, а я, ободренный его смягчившимся обращеніемъ, давалъ ему подробные отвѣты, по-прежнему не стѣсняясь формой рѣчи.

Наконецъ, генераль, вдоволь наживавшись головой—съ очевидной цѣлью запомнить хорошо все, мною говорившееся, отбылъ изъ казармы.

Не прошло и двухъ часовъ со времени его отъѣзда, какъ явился въ полковую канцелярію полковникъ Максимовъ, сильно взволнованный и негодующій. Его уже вызывалъ къ себѣ начальникъ дивизіи, сказавъ между прочимъ:

„Въ музыкантской командѣ нашелъ большой непорядокъ—во всемъ. Полковой адъютантъ—слишкомъ болтливъ: на одно мое слово у него нашлось по десяти объясненій. Узналъ отъ него удивительную новость: въ Саратовскомъ полку вмѣсто установленнаго закономъ способа отопленія практикуется еще и свой особый способъ—дыханіе нижнихъ чиновъ“...

И пошелъ, и пошелъ варьировать на послѣднюю тему...

„Ну, что же вы надѣлали?“!..—раздраженно напустился на меня командиръ: „какъ же можно было докладывать что-либо подобное о солдатскомъ дыханіи?“..

„Но, г. полковникъ“, слабо оправдывался я: „мною употреблено было лишь литературное выраженіе“...

И по адресу моихъ „литературныхъ выраженій“ послѣдовала соответственно—рѣзкій отзывъ.

Въ результатъ, музыкантская команда немедленно же была устроена въ другомъ помѣщеніи, а моя литературная вольность въ обращеніи съ Залѣсовымъ, равно какъ и всѣ замѣченные генераломъ беспорядки, обошлись для меня безъ взысканія...

VI.

Поступленіе мое въ 1885 году въ военно-юридическую академію на три года оторвало меня отъ дивизіи, хотя, пользуясь каникулярнымъ временемъ, приѣзжалъ я въ Вильну и даже гостилъ въ лагерѣ Саратовскаго полка, почему и зналъ хорошо, что въ дивизіи все идетъ по-старому.

Помню страшный пожаръ, когда, благодаря неосторожному обращенію съ огнемъ курившаго послѣ обѣда въ баракѣ нижняго чина, сильному вѣтру, сухой погодѣ и соломеннымъ крышамъ бараковъ, въ полчаса не стало солдатскаго лагеря Саратовскаго полка. Между фигурами растеряннаго, перепуганнаго офицерства, ожидавшаго разноса за беспорядки, повлекшіе за собою пожаръ, выгодно выдѣлялась своимъ спокойнымъ, хотя и разгнѣваннымъ, видомъ, фигура начальника дивизіи, сразу—водворившаго порядокъ и напомнившаго о необходимости немедленно же возможно удобнѣе размѣстить людей...

Будучи въ академіи, познакомился я съ генераломъ М.—и его семьей—родственниками Залъсова. Узнавъ, что я ѣду въ Вильну на каникулы, генераль поручилъ мнѣ непременно повидаться съ Залъсовымъ и передать ему его поклонъ. Когда же я заявилъ, что мы, молодежь, настолько далеко поставлены отъ своего начальника, что о такой фамиллярности, какъ частныя бесѣды, и думать не смѣемъ, то генераль замѣтилъ:

„Вы только исполните мое порученіе, а за послѣдствія отвѣчу я“.

Приѣхавъ въ Вильну, мнѣ удалось, при посредствѣ командира полка, выхлопотать разрѣшеніе—явиться къ Залъсову.

Не безъ трепета, ровно въ назначенный для меня часъ, въ полной парадной формѣ, звонилъ я уже у дверей городской квартиры генерала. Меня ввели затѣмъ въ кабинетъ, убранный просто, даже, пожалуй, убого, безъ какихъ-либо обычныхъ украшеній.

Приемъ, оказанный мнѣ Залъсовымъ, былъ болѣе, чѣмъ любезенъ. Разрѣшилъ мнѣ присѣсть, подавъ руку (чего не удостоивались порою и штабъ-офицеры), генераль довольно долго бесѣдовалъ со мною на разныя темы, главнымъ образомъ объ академіи, профессорахъ, о первыхъ моихъ столичныхъ впечатлѣніяхъ и т. п. Я отвѣчалъ непринужденно, ободренный вниманіемъ.

Благодушный тонъ, какимъ велась со мною бесѣда, чуть было не испортилъ моментъ, когда, исполняя порученіе М.,—я заикнулся о поклонѣ послѣдняго.

„Ну, мнѣ пріятно видѣть васъ не потому, чтобы... тамъ... М.—

поручилъ вамъ передать мнѣ его поклонъ“—замѣтилъ довольно сѣрдито Залъсовъ: „совсѣмъ не потому“.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ, едва упомянулъ я про то, что надѣюсь окончить академію, генераль, какъ бы пораженный моею самоувѣренностью, остановилъ меня, сказавъ:

„Ну, это еще неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, окончите ли вы академію или нѣтъ, а польза для васъ будетъ... Поживете въ столицѣ, почитаете, подумаете, послушаете умныхъ людей“...

Въ самомъ тонѣ, какимъ велась бесѣда, все же чувствовалось, что Залъсовъ смотритъ на меня, какъ на офицера, одной ногою шагнувшаго уже за порогъ дивизіи...

Несомнѣнно, для того, чтобы я передалъ кому слѣдуетъ слова его, уронилъ Залъсовъ и слѣдующія фразы:

„Никогда меня особенно не радуютъ эти звѣзды, ленты, кресты: я за ними не гонялся и не гоняюсь... Но я радъ тому, что, благодаря моимъ трудамъ, довелъ дивизію до состоянія, когда въ ней всѣ работаютъ—каждый насколько можетъ... Это сознаніе—выше для меня всяческихъ наградъ“...

Невольно вспомнились мнѣ тутъ и судъ надъ полковникомъ А., и смерть друга моего Нилендера, и хозяйственное разореніе Саратовскаго полка, и личныя гоненія, которыя перетерпѣлъ я понапрасну отъ генерала, и многое другое изъ быта дивизіи, и моя статья „о воспитательномъ значеніи солдатской школы“. Такъ и хотѣлось, пользуясь случаемъ, заговорить съ Залъсовымъ по-человѣчески, высказавъ ему всю правду о той ненормальной обстановкѣ, въ которой „работаютъ“ подчасъ его подчиненные. Но страхъ—быть грубо оборваннымъ—удержалъ меня отъ слишкомъ откровенныхъ сердечныхъ изліяній. Да и самъ я былъ уже не тотъ безшабашный прапорщикъ, который въ прежнее время дерзнулъ подать грозному начальнику дивизіи дерзновенную критику на его идеалы.

На порогѣ, когда я собирался выйти, вдругъ остановилъ меня генераль словами:

„Дѣло прошлое... подпоручикъ. Вы уходите изъ дивизіи... Скажите же мнѣ откровенно, какъ порядочный офицеръ, знали ли вы, будучи въ должности полковаго адъютанта, о томъ, что въ полку готовится исторія съ казначеемъ?“...

Ясно было изъ этого вопроса, что Саратовская катастрофа не переставала беречь совѣсть Залъсова.

По-прежнему безстрашно и честно глядя въ глаза спрашивавшаго, я повторилъ то, что всегда говорилъ ранѣе, т. е., что собственно

ничего опредѣленнаго я лично не зналъ, а обо всемъ лишь догадывался... Отвѣтъ мой видимо не удовлетворилъ его...

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Окончивъ военно-юридическую академію, вернулся я въ Вильну, будучи назначенъ въ военно-окружный судъ. Залѣсова въ округѣ уже не было, но память о немъ еще была свѣжа въ дивизіи. Затѣмъ, послѣ командованія корпусомъ, назначили генерала членомъ Военнаго Совѣта. Скоро дошли до Вильны слухи, что „гроза 27-й пѣх. дивизіи“ угасаетъ въ Петербургѣ. Никто не жалѣлъ его... По-прежнему, по адресу генерала, раздавалось не мало проклятій... О существованіи моемъ Залѣсовъ, конечно, давно позабылъ.

Какъ-то понадобилось мнѣ похлопотать въ столицѣ за товарища по полку, поддерживавъ его въ правомъ дѣлѣ. Въ тѣ дни связей, протекціи у меня не было... И я написалъ письмо... генералу Залѣсову.

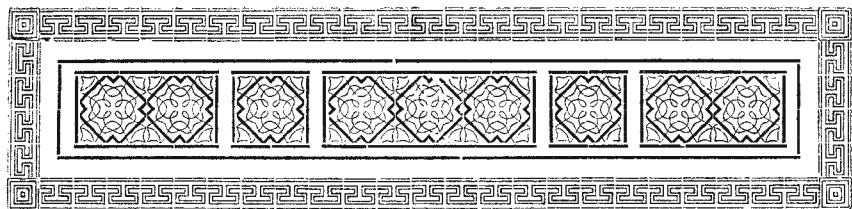
Двѣ недѣли напрасно ждалъ я отвѣта. А тамъ изъ газетъ узналъ о томъ, что генералъ скончался...

Подробность эта изъ личнаго прошлаго приводится мною лишь для того, чтобы показать, что, много выстрадавъ отъ Залѣсова, зная служебные и человѣческіе недостатки его, до конца не переставалъ я вѣровать въ благородство этого сердца, въ тайнѣ давно простившаго мнѣ собственныя мои прегрѣшенія, вольныя и невольныя.

А. Жиркевичъ.

Г. Смоленскъ.
20 октября 1907 г.

Учебныя воспоминакія ¹⁾.

Казанскій университетъ на рубежѣ второго пятидесятилѣтія своей жизни.

Вятаго ноября 1904 года исполнилось столѣтіе существованію Казанскаго университета. Имѣвъ удовольствіе состоять его студентомъ въ самую эпоху его перехода на вторую половину столѣтія, беру рѣшимость подѣлиться съ лицами, интересующимся университетскимъ бытомъ старыхъ временъ и, въ частности, съ товарищами-казанцами тѣмъ, что сохранилось у меня въ памяти о тогдашнихъ временахъ вообще, о тогдашней Казани, о дѣлахъ и житьѣ-бытьѣ университета и его студентовъ.

Предлагая читателямъ мои очерки и воспоминанія, считаю нужнымъ оговориться, что, можетъ быть, кое въ чемъ мнѣ измѣнила память и кое въ чемъ сужденія мои нѣсколько субъективны. Хотя я и старался быть совершенно объективнымъ повѣствователемъ, но могло случиться, что иногда, возвращаясь въ глубь пятидесятилѣтія, вновь переживая въ памяти бывшее и наблюдавшееся, я невольно выходилъ изъ роли сторонняго наблюдателя, а иногда, можетъ быть, больше говорилъ о себѣ, чѣмъ это можетъ интересовать читателя... Но вѣдь кто же изъ пишущихъ воспоминанія въ этомъ не грѣшенъ?

Прежде всего однако приходится отмѣтить странное историческое совпаденіе: предполагавшееся торжественное празднованіе 50-тилѣтняго юбилея Казанскаго университета было отмѣнено высшимъ начальствомъ, повидимому, по случаю Крымской войны. Не со-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, июль 1907 года.

стоялось, т. е. отложено *ad calendae graecas*, и празднованіе столѣтняго юбилея, тоже совпавшаго съ войною, да еще болѣе тяжелою и болѣе для насъ несчастною, чѣмъ была Крымская. И странное дѣло: мало того, что не было тогда дозволено празднованіе 50-тилѣтія, но приказано было даже закрыть комиссію, учрежденную при университетѣ для составленія его исторіи за протекшее время и уже начавшую свои засѣданія въ концѣ октября 1853 г. Комиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ знаменитаго математика, бывшаго профессора, а тогда уже помощника попечителя учебнаго округа, Н. И. Лобачевского, изъ такихъ солидныхъ людей, какъ профессора—Буличъ, Дмитріевскій, Ивановъ, Китары, Ковалевскій, Котельниковъ и Протопоповъ—едва-ли способна была сочинить что-либо непріятное для правительства или несогласное съ его видами. Вѣдь тогда на этотъ счетъ было строго, и самые отчаянные въ душѣ либералы не рисковали выходить изъ роли скромныхъ овечекъ... А если бы тогда уже была бы составлена предполагавшаяся исторія, какъ облегчились бы труды нынѣшняго составленія исторіи столѣтняго существованія нашего Казанскаго университета!

Почему послѣдовалъ тогда запретъ — это совсѣмъ непонятно: нельзя же предположить, что убоались словъ „исторія университета“, смѣшавъ ихъ со словами „университетская исторія“. Вѣдь университетскія исторіи — продуктъ позднѣйшаго времени, создаваемый, по большей части, безтактностью самой же высшей администраціи, какъ бы съ цѣлью увеличивать трудъ составителей „исторій университетовъ“...

И мало того, что университетъ остался безъ исторіи своего перваго 50-тилѣтія, но оно не было ознаменовано ни оффиціальнымъ празднованіемъ, ни Высочайшимъ рескриптомъ, ни наградами университетскимъ дѣятелямъ, ни милостями студентамъ. Былъ только устроенъ балъ по иниціативѣ и подпискѣ студентовъ; да нѣкоторые профессора ¹⁾ издали 2-хъ-томный сборникъ своихъ статей въ память юбилея ²⁾.

Помню, съ какой завистью бывало глядѣли мы, гимназисты, сиди въ классѣ еще въ іюнѣ и въ началѣ іюля, на пріѣзжавшихъ уже въ концѣ мая и началѣ іюня на вакацію старшихъ товарищей на-

¹⁾ Математики: Ковальскій, Лобачевскій, Поповъ; юристы: Мейеръ, Осонинъ, Фогель; экономистъ Бабстъ и медикъ (профессоръ судебной медицины) Блосфельдъ.

²⁾ Теперь столѣтіе свое университетъ ознаменовалъ изданіемъ своей исторіи, которой вышло уже 4 тома in 4°, и доведенной пока до 1828 г.

шихъ, приходившихъ въ гимназію (по тогдашнимъ правиламъ) представляться ея директору, обязанному наблюдать за студентами во время пребыванія ихъ въ гимназическомъ городѣ. Помню, какъ мы завидовали ихъ голубымъ воротникамъ, мундирамъ съ серебряными (а у студентовъ столичныхъ — золотыми) петлицами и ихъ, полного сознанія своего превосходства надъ нами, фигурамъ со шпагой на боку и трехъуголкой на головѣ. Тутъ сердца гимназистовъ-латинистовъ (т. е. готовящихся къ университету) ¹⁾ начинали биться усиленнымъ темпомъ, и желаніе поскорѣ смѣнить противный красный воротникъ и околышъ (дававшій поводъ уличнымъ мальчишкамъ дразнить гимназистовъ „красной говядиной“) на благородные голубые—разгоралось до *pes plus ultra*.

Въ тѣ времена въ Нижегородской гимназіи, гдѣ я учился, выпускные экзамены производились въ концѣ мая и въ началѣ іюня. Переводные же (не знаю такъ-ли теперь) происходили въ первой половинѣ іюля въ тѣхъ видахъ, чтобы вакаціонное время совпадало съ ярмарочнымъ. Къ ярмаркѣ тогда тяготѣла и приспособлялась вся жизнь богоспасаемаго града Нижняго-Новгорода.

Кончилась наконецъ экзаменаціонная страда; разбрелись товарищи, кто куда; латинисты же въ чаяніи сойтись снова и, можетъ быть, опять сидѣть рядомъ, но уже на университетскихъ скамьяхъ.

Послѣ сухого, по часамъ размѣренного гимназическаго режима, съ обязательнымъ сидѣніемъ въ классахъ и зубреніемъ уроковъ, университетъ являлся нашему воображенію въ нѣкоемъ ореолѣ: профессора вмѣсто учителей, лекціи вмѣсто задаванія и спрашиванія уроковъ „отъ сихъ до сихъ“; осмысленное преподаваніе вмѣсто отбыванія учителями своихъ часовъ, давно ставшаго для нихъ скучной повинностью; осмысленное слушаніе лекцій, съ записываніемъ и обработкой ихъ; научныя бесѣды съ профессорами... Наконецъ свободная, привольная, веселая студенческая жизнь... Словомъ, все то, о чемъ мы много наслышались и въ гимназіи отъ учителей, и отъ старшихъ товарищей-студентовъ, да и дома отъ отцовъ и ихъ знакомыхъ,—все это неудержимо тянуло въ университетъ, тянуло безъ какихъ-либо заднихъ мыслей — о полученіи „правъ“, о „слу-

---

¹⁾ Съ 1849—50 учебнаго года введена была въ гимназіяхъ бифуркація: начиная съ 4-го класса гимназисты, по желанію собственному или родительскому, раздѣлялись на имѣющихъ намѣреніе поступить въ университетъ и на предназначающихъ себя для поступленія въ гражданскую службу по выходѣ изъ гимназіи. Для первыхъ обязательно было изученіе латинскаго языка; для вторыхъ онъ замѣнялся изученіемъ законовѣдѣнія въ 5, 6 и 7 классахъ и усиленными упражненіями въ ариметикѣ въ 4-мъ классѣ.

жебныхъ преимуществъ“; мечтать объ этомъ, о выходѣ „въ люди“, юноши тѣхъ временъ больше предоставляли за себя своимъ родителямъ, опекунамъ и вообще „старшимъ“... Только болѣе взрослые намѣчали себѣ извѣстную карьеру, не всегда конечно осуществившуюся. Но иные изъ товарищей, не мечтавшіе о высшемъ образованіи, тотчасъ по выходѣ изъ гимназіи опредѣлялись къ гражданскимъ дѣламъ; иные поступали въ военную службу—юнкерами.

Пріятно и весело, а потому быстро и незамѣтно пролетѣло время, оставшееся до поступленія въ университетъ, посвященное полному отдыху отъ семилѣтнихъ (а для меня четырехъ-лѣтнихъ, такъ какъ я началъ гимназію съ 4-го класса) гимназическихъ трудовъ. Это время отдыха, предшествующаго переходу отъ школьнаго режима средне-учебныхъ заведеній къ университетской свободѣ ученія, пожалуй, что самое счастливое время въ жизни юношей учебного возраста. У многихъ это вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха окончательнаго перехода изъ дѣтства къ юношеству, эпоха первыхъ, неясныхъ еще порывовъ души, ищущей себѣ другую сочувствующую душу—только другого пола. Нѣкоторымъ случается въ это свободное отъ другихъ занятій время дѣйствительно найти эту парную душу; тогда время пролетаетъ еще быстрѣе въ блаженномъ упоеніи чарами первой, святой любви... и тутъ какъ бы неожиданнымъ ударомъ является часъ разлуки—отъѣздъ въ университетъ... А до этого рокового часа полное отсутствіе заботъ (разумѣется, для юноши, имѣющаго нѣкоторый достатокъ), свобода отъ ученія, безпрепятственный отдыхъ, партикулярное платье, вмѣсто тогдашней омерзительной гимназической формы,—все это какъ бы подготавливало уже къ чему-то совсѣмъ новому, къ коренной перемѣнѣ жизни...

А впереди университетъ, въ представленіи юноши являющійся какъ бы священнымъ храмомъ, въ которомъ онъ надѣется, подобно Гёте, найти „неизсякаемый ключъ живой воды, отвѣты на всѣ вопросы“, не думая, конечно, что благоговѣйной надеждѣ этой, быть можетъ, и не суждено осуществиться, какъ сѣтовалъ тотъ же Гете, побывавъ въ университетѣ. Но вѣдь Гёте былъ гений; по своимъ дарованіямъ, по своему уму онъ, очевидно, стоялъ выше того, что могъ ему дать университетъ его времени; и не удивительно, что онъ не нашелъ въ немъ того, чего искалъ: это искомое было уже отъ природы въ немъ самомъ. Въ представленіи же обыкновеннаго смертнаго университетъ является дѣйствительно въ какомъ-то ореолѣ.

Не нашелъ удовлетворенія въ университетѣ Гёте; не находятъ его теперь и многіе изъ студентовъ, главнымъ образомъ изъ нашихъ русскихъ; не находятъ не потому, что по талантамъ и развитію

своему сколько-нибудь близки къ этому великому человѣку, а потому, что *не хотятъ* искать въ университетской наукѣ того, что имъ нужно, чтобъ сдѣлаться полезными для общества гражданами и работниками.

Около половины августа 1853 г. я отправился въ Казань въ сопровожденіи отца, непремѣнно хотѣвшаго видѣть, какъ я устроюсь студентомъ. Собственно привлекалъ меня университетъ Московскій, въ пользу котораго склоняли и слухи о лучшемъ составѣ профессоръ, и желаніе поскорѣе ознакомиться съ первопрестольной столицей, въ которой я еще не бывалъ. Но были соображенія и въ пользу Казани: Нижегородская гимназія принадлежала тогда къ Казанскому учебному округу и, слѣдовательно, по существовавшему тогда правилу, я могъ поступить въ Казанскій университетъ безъ пріемнаго экзамена, тогда какъ въ Москвѣ студенту чужого округа пришлось бы продѣлать эту скучную процедуру. Уговаривалъ и отецъ въ пользу Казани, можетъ быть изъ боязни, какъ бы юноша не сбился съ пути въ пучинѣ московской жизни; не зналъ онъ, что и въ Казани имѣлась своя пучина. Было, правда, и еще одно соображеніе въ пользу Казани: попасть въ Московскій университетъ было труднѣе вслѣдствіе существованія тогда комплекта, ограниченнаго 300-ми студентами для всѣхъ факультетовъ вмѣстѣ, кромѣ медицинскаго. Казанскій же университетъ, какъ и нынѣ, не принадлежалъ къ числу многолюдныхъ; въ мое время всѣхъ студентовъ было въ немъ, кажется, съ небольшимъ 300, считая и медиковъ ¹⁾.

---

¹⁾ Послѣдовавшее въ 1849 г. ограниченіе числа студентовъ имѣло цѣлью (по словамъ в. к. Елены Павловны) побудить дворянъ больше поступать въ военную службу, для умноженія числа офицеровъ. Скорѣе однако можно думать, что сдѣлано это было подъ влияніемъ политическихъ соображеній: студенты всегда были нѣкоторымъ пугаломъ для правительства. Поэтому вѣроятно и приказано было принимать въ университеты только юношей „самыхъ отличныхъ по нравственному образованію“. Немѣющіе аттестатовъ отъ учебныхъ заведеній (какъ, напр., молодые люди домашняго воспитанія) должны были представлять полицейскія удостовѣренія о своемъ „нравственномъ образованіи“, каковыя и получались безъ затрудненія, за приличную мзду, конечно.

За ограниченіемъ числа студентовъ послѣдовалъ рядъ мѣръ къ пресѣченію „вредныхъ учений“; въ 1849 же году было пріостановлено преподаваніе государственнаго права (вновь разрѣшенное только въ 1857 году); въ 1850 г. ограничено преподаваніе философіи и поручено оно профессорамъ богословія „для прекращенія провозглашенія съ университетскихъ кафедръ мечтательныхъ теорій подъ именемъ философіи“, какъ писалъ въ 1852 году министръ нар. просвѣщенія кн. Ширинскій-Шихматовъ. Инструкціей 1850 г. ректорамъ и деканамъ внушалось усилить надзоръ за преподаваніемъ. Въ 1852 г. послѣдовало запрещеніе принимать въ профессора иностранныхъ

Для меня однако обстоятельства сложились такъ, что и въ университетѣ своего округа мнѣ пришлось сдавать вступительный экзамень. Дѣло было въ томъ, что я, какъ хорошо знавшій латынь (благодаря отцу, страстному латинисту), въ гимназіи латинскаго языка не изучалъ, поступивъ, по совѣту ея директора, на отдѣленіе готовящихся къ гражданской службѣ, изучавшихъ законовѣдніе взамятъ латыни, требовавшейся для университета. Вѣроятно, директоръ, узнавъ о моихъ познаніяхъ въ латыни, нашель, что занятія латинскимъ языкомъ съ преподавателемъ-нѣмцемъ, почти не знавшимъ русскаго языка и служившимъ посмѣшищемъ для гимназистовъ, ничего не прибавили бы къ моему знакомству съ латинскими классиками, тогда какъ нѣкоторое знакомство съ законовѣдніемъ могло пригодиться и въ университетѣ, въ случаѣ поступленія на юридическій факультетъ.

Судя по здравому смыслу, разумѣется, никому изъ насъ и въ голову не приходило, чтобы мнѣ, окончившему гимназію первымъ ученикомъ, съ золотою медалью, пришлось бы сдавать въ университетѣ вступительный экзамень изъ чего-либо другого, кромѣ латинскаго языка. Но, какъ извѣстно, здравый смыслъ не всегда руководитъ нашими администраторами, даже университетскими: ректоръ Симоновъ не рѣшился взять на свою отвѣтственность („чтобъ не вышло неприятностей съ начальствомъ“, какъ онъ мнѣ сказалъ, принимая прошеніе) позволить мнѣ проэкзаменоваться изъ одной латыни и предложилъ сдать весь гимназическій курсъ, ободривъ словами: „у васъ такой хорошій аттестатъ, вамъ это не будетъ трудно“. А дѣло все было въ томъ, что въ моемъ гимназическомъ аттестатѣ забыли оговорить, что я обязанъ сдать только латынь, какъ это оказалось въ аттестатахъ, напримѣръ, учениковъ Симбирской гимназіи, начальство которой было или догадливѣе, или смѣлѣе начальства Нижегородской ¹⁾.

ученыхъ, отмѣненное лишь черезъ 10 лѣтъ—въ 1862 г. Впрочемъ уже въ 1854 г. разрѣшено было увеличить контингенты на 50 человекъ по каждому университету. Ограниченіе числа студентовъ отмѣнено только при Александрѣ II, съ конца 1855 года.

¹⁾ Надо замѣтить, что раньше эпохи моего поступленія въ университетъ было обязательно сдавать вступительный экзамень по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса. Кажется, съ конца 1840-хъ годовъ требованіе это оставлено въ силѣ только для учениковъ съ плохими аттестатами и для желающихъ поступить въ университетъ не своего округа.

Строгими вступительными экзаменами министръ графъ Уваровъ надѣялся положить начало постепенному очищенію университетовъ отъ пло-

Для полноты разсказа надо однако вернуться назадъ и описать свое путешествіе изъ Нижняго въ Казань и первыя впечатлѣнія, полученныя отъ столицы Казанскаго царства.

Въ настоящее время имѣется очень удобное, быстрое и дешевое сообщеніе по Волгѣ; а страдающіе „водобоязнью“ могутъ достигнуть Казани даже по желѣзной дорогѣ, сдѣлавъ заѣздъ сперва въ Москву, а оттуда черезъ Рязань на Казань, по знаменитой своими безпорядками Московско-Казанской дорогѣ, проложенной вопреки здравому смыслу, безуспѣшно внушавшему, что естественное сообщеніе Москвы съ Казанью лежитъ черезъ Нижній. Такое сообщеніе и существовало издавна въ видѣ почтоваго тракта; но во время навигаціи всѣ предпочитали, разумѣется, ѣздить на пароходахъ.

Путешествіе наше по Волгѣ продолжалось, помнится, около трехъ сутокъ. Специально пассажирскихъ пароходовъ въ тѣ времена еще не было, хотя пароходство существовало уже съ конца 30-хъ годовъ. На нѣкоторыхъ пароходахъ были очень хорошія каюты, даже съ нѣкоторой роскошью; но пароходчики смотрѣли на пассажировъ, какъ-бы на нѣкоторый случайный дополнительный грузъ, для заполнения пустыхъ мѣстъ въ корпусахъ пароходовъ, въ сущности предназначавшихся для буксировки баржъ съ товарами. На самые пароходы рѣдко грузилось что-либо кромѣ дровъ для машины, да пассажирскаго багажа. Были, правда, какъ бы случайно каюты и на баржахъ, частію для публики низшаго сорта, частію для пароходной прислуги, которая уступала свои помѣщенія желающимъ проѣхать спокойнѣе, но конечно дешевле „таксы“, безъ подмочки дождемъ, грозящей палубнымъ пассажирамъ.

Путь совершался медленно, даже и хорошими ходаками (какимъ считался, напримѣръ, пароходъ „Орель“, на которомъ мы шли въ Казань) изъ-за частыхъ „перекатовъ“, на которыхъ приходилось иногда, смотря по состоянію воды, сидѣть по нѣсколько часовъ. Никакихъ предостерегательныхъ знаковъ и никакого освѣщенія, чѣмъ теперь такъ богата Волга, тогда на ней не существовало.

Если ночь была темная, то изъ опасенія засѣсть гдѣ-нибудь

хихъ студентовъ. Мѣра эта не была бы, пожалуй, лишнею и въ настоящее время, когда гимназін даютъ университетамъ такую массу юношей-недоучекъ, верхоглядовъ, малоразвитыхъ для усвоенія университетскаго преподаванія. Страшно подумать, какой контингентъ молодежи этого сорта дадутъ университетамъ гимназін теперь, послѣ гимназическихъ забастовокъ и митинговъ—совсѣмъ выбившихъ изъ колеи гимназическую молодежь, забывшую, какъ и гг. студенты, свое истинное назначеніе учиться и учиться прежде, чѣмъ сдѣлаться политическими дѣятелями.

на мели, пароходы останавливались у пристаней, а то и гдѣ придется, у берега, ночевать, а съ разсвѣтомъ опять трогались въ путь. Были, правда, какіе-то водяные стражи, чины, такъ называемой въ народѣ „водяной миликаціи“ т. е. коммуникаціи, иногда подѣзжавшіе на лодкѣ къ застрявшему судну—и только. Помогали ли они сколько-нибудь судоходству—дѣло темное. Думается, что по тогдашнимъ обычаямъ содѣйствіе ихъ ограничивалось только полученіемъ бакшиша.

Благодаря продолжительности путешествія пароходная публика, скученная на небольшомъ пространствѣ пароходной палубы, *volens nolens* обближалась, бесѣдовала, играла въ карты, читала, если было что (библіотекъ на пароходахъ не было, да и теперь есть ли—не знаю); нѣкоторые однако предпочитали почаще навѣщать буфетъ, закусывать, чайничать, а то и просто спать большую часть дня, ночь не въ счетъ. Любоваться же видами волжскихъ береговъ скоро надоѣдало, такъ какъ на плесѣ между Нижнимъ и Казанью они довольно однообразны.

Нашъ пароходъ велъ двѣ баржи съ грузомъ, причаленныхъ не сзади, какъ обыкновенно дѣлается, а вплотную съ боковъ парохода; это давало скучающей публикѣ больше мѣста для движенія во время длиннаго путешествія, такъ какъ палубы баржъ, находясь на одномъ уровнѣ съ палубой парохода,—соединялись съ нею сходнями.

Нашъ пароходъ шелъ, какъ я сказалъ, около 3 сутокъ; это было сравнительно скоро; такъ какъ случалось иногда, между прочимъ и мнѣ потомъ, ѣздить чуть ли не цѣлую недѣлю. Эта продолжительность не очень длиннаго пути (разстояніе между Нижнимъ и Казанью сухимъ путемъ считается около 400 верстъ, а водою, кажется, около 700—800) никого однако не ужасала, кромѣ стремящихся скорѣе попасть домой или куда очень было нужно; но мирились съ этой затыжкой, потому что ѣзда на лошадахъ, то въ облакахъ пыли, то по непролазной грязи слишкомъ утомительна, да при томъ и много дороже. Ѣзда вверхъ по Волгѣ, то есть изъ Казани въ Нижній была конечно еще продолжительнѣе, чѣмъ внизъ по рѣкѣ: на большихъ буксирныхъ пароходахъ требовалось не меньше шести-семи сутокъ, особенно при низкой водѣ, да съ наступленіемъ темныхъ ночей. При этихъ обстоятельствахъ даже пароходы, возившіе почту, ходили по 3—4 сутокъ; знаю это по собственному опыту. Когда появились пароходы общества „Самолетъ“ и стали ходить безъ баржъ, совершая путь между Нижнимъ и Казанью аккуратно въ 30 часовъ, публика была въ восторгѣ отъ быстрого сообщенія: сегодня утромъ выѣхалъ, а завтра въ полдень на мѣстѣ!

Главной причиною медленности движенія были все тѣ же перекааты, что существуютъ и нынѣ, нѣкоторые съ характерными названіями вродѣ: Телячій бродъ, Собачья дыра и др. Разница только въ томъ, что теперь они нѣсколько упорядочены; имѣютъ предостерегательные знаки, освѣщаются по ночамъ, снабжены наблюдающимъ персоналомъ; но все это, кажется, по-прежнему, нисколько не уменьшаетъ трудности ихъ преодоленія во время мелководья. Способъ же расчистки перекаатовъ, состоящій въ томъ, что песокъ съ одного мѣста перепускается на другое, вмѣсто того, чтобы совсѣмъ вынимать его изъ воды и удалять его на такія мѣста береговъ, откуда онъ не могъ бы быть снесенъ весеннимъ разливомъ,—способъ, очевидно, не достигающій цѣли облегченія судоходства. Словомъ—это вѣчная Сизифова работа: перекааты не расчищаются, а только постепенно передвигаются ниже; песокъ съ какого-нибудь Телячго брода оказывается на Собачьей дырѣ и т. д.; а мать-кормилица Волга все больше и больше мелѣетъ—отъ прибавки песку и всякой дряни, доставляемыхъ весенними разливами. Увидѣвъ ее въ прїѣздъ мой въ Нижній въ 1891 году, послѣ почти 20 лѣтняго промежутка времени, я до боли въ сердцѣ былъ пораженъ, увидѣвъ вмѣсто водной шири отъ такъ называемаго откоса до противоположнаго берега съ селомъ Боръ—узкую ленточку воды между песчаныхъ грядъ!

Давнымъ давно не путешествовавъ по Волгѣ, не знаю, какіе способы къ сдвиженію судовъ съ мелей употребляются теперь; но въ тѣ времена, о которыхъ я пишу, употреблялась такъ называемая „свайка“, т. е. заостренное съ нижняго конца бревно, опускаемое съ парохода перпендикулярно въ воду, при чемъ посредствомъ натяженія (конечно попросту—руками) канатовъ, привязанныхъ къ верхнему концу этого бревна, приподнимались носъ или корма парохода, смотря по надобности и—давъ ходъ машинѣ—онъ сдвигался съ мели. Затѣмъ, сдвинувшись, пароходъ опять подчаливалъ отчаленныя баржи и такъ до слѣдующаго препятствія... Случалась и такая непріятность, что, при попыткахъ сдвинуться, въ котлы и цилиндры попадалъ песокъ, и приходилось терять цѣлые часы на очистку машины.

Рано утромъ, котораго числа августа мѣсяца—не помню, пароходъ нашъ доползъ наконецъ до Казани, т. е. не до самой столицы Эдигеева и Сумбекина царства, а до пристани (Бакалда), находящейся въ Адмиралтейской слободѣ, расположенной на самомъ берегу Волги, почти въ 6-ти верстахъ отъ города. Хорошихъ извозчиковъ на пристани въ то время было мало; по крайней мѣрѣ, намъ пришлось

ѣхать въ городъ на татарской телѣжкѣ очень первобытнаго устройства.

Адмиралтейская слобода, какъ, быть можетъ, извѣстно даже изъ нѣкоторыхъ учебниковъ географіи, соединяется съ городомъ дамбою. Но дамба эта имѣла въ тѣ времена такую прекрасную мостовую, что ею пользовались только по крайней необходимости, во время половодья, когда кругомъ города вода, проникающая иногда и въ нижнія улицы города. Въ остальное же время предпочитали ѣздить стороной, полемъ, и тѣмъ охотнѣе, что этотъ путь, будучи удобнѣе дамбы, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно короче.

Имъ и воспользовался нашъ возница татаринъ. Однако и эта „мягкая“, какъ онъ увѣрялъ, дорога оказалась довольно тряской. И впослѣдствіи, ѣздя на пристань и обратно, мнѣ приходилось испытывать прелести этого сообщенія, все-таки остававшагося однако лучшимъ въ сравненіи съ дамбой.

Добравшись до города, остановились мы въ гостиницѣ „Лондонъ“ на Большой Проломной, считавшейся тогда изъ лучшихъ въ городѣ. Гостиница эта, съ претензіями на роскошь, вродѣ загаженныхъ мухами и закопченныхъ бронзовыхъ люстръ и разныхъ бесполезныхъ украшеній, подходила вполне къ типу провинціальныхъ гостиницъ, вообще оправдывающихъ собою замѣчаніе Пушкина объ азіатской роскоши—„азіатская грязь, азіатское свинство“.

Какъ большинство нашихъ городовъ, да пожалуй отчасти и чужеземныхъ, Казань производитъ издали болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ въ своихъ внутреннихъ деталяхъ. Но на первый взглядъ она мнѣ даже и внутри показалась прямо столицей въ сравненіи съ Нижнимъ. Правда, живописное положеніе этого послѣдняго, раскинушагося на горѣ, по горѣ и подъ горою, на протяженіи болѣе трехъ верстъ и имѣющее себѣ соперника только въ расположеніи Кіева,—едва-ли не единственное въ Европѣ; но зато внутренностью своею онъ 50 лѣтъ тому назадъ сильно разрушалъ очарованіе своей внѣшности.

Тоже и Казань: ея положеніе на продолговатомъ холмѣ, переходящемъ въ Арское поле, увѣнчанномъ стѣнами кремля (довольно мизернаго впрочемъ, въ сравненіи съ нижегородскимъ), съ находящимися внутри его—соборомъ, монастыремъ, губернаторскимъ и архіерейскими домами и другими постройками, даже черезчуръ его загроздившими,—а главное—съ Сумбекиной башней, издали уже привлекающей взору путешественника своею оригинальною архитектурою, съ блестящимъ золоченымъ яблокомъ на верхушкѣ шпиля—положеніе дѣйствительно довольно красивое издали. И внутрен-

ность города, на первое время, до ближайшаго знакомства съ ея подробностями, показала мнѣ гораздо болѣе благоустроенною, чѣмъ въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ Нижнемъ. Особенно поражала новичковъ - провинціаловъ, въ томъ числѣ и меня конечно, Воскресенская улица, сплошь, кромѣ тротуаровъ, вымощенная торцами и служившая, за отсутствіемъ порядочныхъ тротуаровъ и благодаря вообще малой ѣздѣ въ провинціальныхъ городахъ, во всю свою ширину мѣстомъ прогулки для публики и студентовъ. Нѣкоторые магазины на этой улицѣ отличались красивой внѣшней отделкой, тоже привлекавшей вниманіе новичковъ.

Улицу, правда, сильно безобразили обгорѣвшія стѣны длиннаго зданія духовной семинаріи и университетскаго дома, находившагося на углу Воскресенской и переулка, отдѣляющаго университетскія владѣнія отъ зданія полиціи. Домъ этотъ впрочемъ вскорѣ былъ отремонтированъ и сдѣлался ректорскимъ. Но зданіе семинаріи, а въ кремлѣ зданіе присутственныхъ мѣстъ, во все время нашего студенчества сохраняли печальный видъ строеній, сильно пострадавшихъ отъ пожара, безъ крышъ, потолковъ и оконныхъ рамъ, почти что грозя паденіемъ. Это были все еще незаглаженные слѣды пожара 1842 года, на устраненіе которыхъ, вѣроятно, не хватало суммъ или энергіи у подлежащихъ вѣдомствъ. А благодаря этому присутственные мѣста ютились въ наемныхъ домахъ; гдѣ помѣщалась духовная семинарія—не помню.

Какъ бы то ни было, всетаки если нижегородцы хвалились, что „Нижній городокъ — Москвы уголокъ“, то казанцы были тогда гораздо болѣе въ правѣ примѣнить этотъ отзывъ къ своему городу.

Знакомство мое съ городомъ началось, разумѣется, прогулкой къ университету. Длинное зданіе его, при малой высотѣ, не поражаетъ величественностью, тѣмъ болѣе, что стоитъ въ улицѣ, а не на просторѣ.

Правда, три его портика съ колоннами довольно внушительны; но и только. Болѣе сильное впечатлѣніе храма науки производитъ его обширный вестибюль съ бюстами великихъ людей... А дворъ университета въ наше время еще украшался памятникомъ поэту Державину, помѣщеннымъ тамъ временно „до присканія мѣста“, которое и нашлось ему впоследствии передъ зданіемъ театра въ началѣ сквера, въ наше время еще не существовавшаго. Памятникъ стоялъ въ промежуткѣ между двумя зданіями, въ одномъ изъ которыхъ помѣщается бібліотека, а въ другомъ физическая и химическая аудиторія съ ихъ кабинетами и лабораторіями. А позади памятника возвышалось красивое, съ куполомъ, зданіе анатомическаго театра, соединявшееся съ этими двумя зданіями полукруглой

колоннадой. Все это въ общемъ, на обширномъ дворѣ университета, производило грандіозное впечатлѣніе. Оно увеличивалось еще высящимся справа отъ зданія бібліотеки зданіемъ астрономической обсерваторіи съ ея башнею. За обсерваторіей внизу, на углу университетскаго владѣнія стояло тогда подпертое бревнами зданіе магнитной обсерваторіи, давшее трещины вслѣдствіе отсутствія желѣзныхъ связей, какъ вредящихъ точности магнитныхъ наблюденій и—вслѣдствіе негодности, кажется, пустовавшее.

По мѣрѣ знакомства съ внутренностью зданія университета убѣждаешься, что устроена она не особенно удобно: внизу темный корридоръ во всю длину зданія; во 2-мъ этажѣ, гдѣ помѣщаются аудиторіи,—узкіе корридоры не представляли и въ наше время большихъ удобствъ, а теперь, при обиліи слушателей, вѣроятно, приводятъ въ отчаяніе университетское начальство. Въ нижнемъ этажѣ въ правомъ крылѣ зданія, съ угла, помѣщалась квартира грозы студентовъ инспектора Ланге и его канцелярія, а окнами на дворъ—танцевальный залъ (нынѣ аудиторія), казначейство университета съ желѣзными дверями и стражемъ у нихъ съ саблею наголо (стоитъ ли онъ и понынѣ?),—далѣе студенческая больница и т. д. Въ лѣвой отъ вестибюля половинѣ зданія помѣщались квартиры нѣкоторыхъ служащихъ, комнаты студентовъ-пѣвчихъ и, кажется, столовая казеннокоштныхъ студентовъ. Впрочемъ, многое, вѣроятно, остается и теперь въ томъ же видѣ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ. Оригинально устроенная церковь, какъ разъ надъ главнымъ входомъ, производитъ и теперь конечно, какъ производила въ свое время, внушительное впечатлѣніе таинственности, находясь въ полумракѣ, прорѣзываемомъ свѣтомъ изъ фонаря въ потолокъ, падающимъ сквозь желтое граненое стекло, да отчасти попадающимъ изъ алтаря. На Пасхѣ, когда публика допускается къ осмотру университетскихъ достопримѣчательностей, въ числѣ ихъ сторожа, въ наше время, показывали ей и „солнце“, освѣщающее церковь.

По величинѣ и нѣкоторому отсутствію казенщины въ характерѣ постройки университетъ былъ замѣчательнѣйшимъ зданіемъ въ городѣ въ то время, что очень странно, такъ какъ посѣщавшіе Казань частые пожары, по справедливому замѣчанію извѣстнаго полковника Скалозуба о Москвѣ, должны бы въ свое время поспособствовать къ украшенію и Казани.

Величественное въ своемъ родѣ зданіе университета нѣсколько страдаетъ отъ сосѣдства зданія полиціи (отдѣляющагося только переулкумъ), увѣнчаннаго, по русскому обычаю, каланчей, безобраз-

нымъ сооруже́ніемъ, рѣзко отличающимъ наши города отъ городовъ цивилизованныхъ странъ ¹⁾).

Эта близость полиціи къ университету казалась какъ бы предназнаменованіемъ, что со временемъ полиціи не разъ придется стать въ очень близкія отношенія къ университету, благодаря студенческимъ безпорядкамъ, забастовкамъ и прочимъ проявленіямъ пренебреженія къ истинному назначенію студента и увлеченія не своимъ дѣломъ.

Воскресенская улица, несмотря на отсутствіе особенно красивыхъ зданій, привлекала вниманіе пріѣзжихъ провинціаловъ тѣмъ, что всё дома на ней каменные и при томъ не прерываются заборами, также впрочемъ, какъ и на Большой Проломной. Но эта послѣдняя—спеціально торговая улица, тогда какъ на Воскресенской находятся только лучшіе магазины, вродѣ столичныхъ. Въ наше время тутъ былъ, между прочимъ, бакалейный магазинъ Санина, долго премировавшій, пока не былъ побитъ помѣстившимся по близости магазиномъ другого Санина, красивѣе устроеннымъ и болѣе снабженнымъ товарами, гдѣ можно было покупать, между прочимъ, чай съ надписью „poir douchist“.

На Воскресенской же находился домъ Акчурина, своеобразной постройки съ надворными галереями. Въ этомъ домѣ, помимо разныхъ магазиновъ и мастерскихъ, находились студенческія квартиры съ номерами, въ которыхъ студенческая братія проживала въ перемежку съ особами прекраснаго пола и легкаго поведенія, творя свойственныя безнадзорной молодежи безобразія. Не знаю, часто ли университетская инспекція рѣшалась заглядывать въ эту „лавру“, какъ студенты называли свои „номера“. Кажется, въ этомъ же домѣ или рядомъ помѣщался нашъ любимый трактиръ „Китай“, съ прекрасными билліардами. Здѣсь нерѣдко коротали студенты свободное время. Словно для ихъ удобства трактиръ имѣлъ два входа, одинъ съ Воскресенской, другой за угломъ. Этимъ послѣднимъ входомъ мы, большею частію, и пользовались, чтобъ не попасть подъ всевидающее око инспектора Ланге, часто гулявшаго по Воскресенской. Въ трактиры студенты ходили, впрочемъ, не только для билліарда,

¹⁾ Кстати сказать, даже въ Москвѣ доселѣ продолжаетъ безобразить собою Тверскую улицу и площадь передъ генераль-губернаторскимъ домомъ, каланча самой казенной постройки, дающая поводъ удивляться, какъ это цѣлый рядъ генераль-губернаторовъ мирился и мирится съ лицеизрѣніемъ этого ужаснаго творенія отечественной архитектуры. Только въ Кіевѣ видѣли мы каланчи довольно красивой архитектуры; но вообще же для чего онѣ, при существованіи телеграфовъ и телефоновъ и электрическихъ пожарныхъ сигналовъ?

но также и поѣсть получше и почитать газетъ, ставшихъ болѣе интересными въ разгаръ Крымской войны. Въ отдаленныхъ комнатахъ нѣкоторыхъ изъ трактировъ низшаго разряда велась азартная игра, при чемъ и безъ того тощіе студенческіе карманы искусно опустошались маркерами и вольноприходящими татарами и другими личностями.

Находящійся въ концѣ Воскресенской, ближе къ Кремлю, обширный гостинный дворъ оказывался сразу нужнымъ студенту-новичку чтобы снабдить себя пшлагой и трехуголкой и замшевыми перчатками, — существенными принадлежностями тогдашняго студенческаго костюма. Магазины гостиннаго двора, хотя и не отапливаемые зимою, были достаточно снабжены разными товарами, находившими хорошей сбытъ среди мѣстнаго общества и наѣзжавшей „провинціальной“ публики.

Находящаяся у воротъ, ведущихъ въ кремль, Спасская башня, съ военною церковью внутри, не поражая своей шатровой архитектурой, была интересна для жителей Казани тѣмъ, что съ нея раздавался набатъ при всякомъ пожарѣ... Дѣлается ли это и теперь? ¹⁾

Въ кремлѣ, очень застроенномъ казенными зданіями самаго казеннаго типа, сразу обращаетъ на себя вниманіе пріѣзжающихъ губернаторскій домъ, выстроенный въ нѣсколько восточномъ стилѣ. Стоящій по близости его Благовѣщенскій соборъ не представляетъ ничего особеннаго, но привлекаетъ благочестивыхъ, наравнѣ съ находящимся подалеже Спасскимъ монастыремъ, — мощами свв. Гурія а этотъ — Варсонофія, значительно впрочемъ пострадавшимъ отъ знаменитыхъ казанскихъ пожаровъ.

Больше всѣхъ другихъ построекъ въ кремлѣ бросается въ глаза, разумѣется, Сумбекина (Сююнбекина) башня, интересующая какъ

---

¹⁾ Кстати сказать насъ, хотя бы, напр., жителей Н.-Новгорода, очень удивляли костюмы, въ какихъ казанскіе пожарные выѣзжали на пожары: это были обтертыя солдатскія шинели, съ грязными красными воротниками и солдатскія фуражки безъ козырька. Конечно „не красна шаба углами“, и можетъ быть, эти оборванцы пожарные отлично знали свое дѣло; но все какъ-то странно было видѣть ихъ такими оборванцами, привыкли видѣть у себя въ Нижнемъ пожарныхъ въ бушлатахъ, съ мѣдными касками на головахъ. А впрочемъ, на удивленіе публики, и теперь въ Петербургъ, пожарные, пріѣхавъ на пожаръ, прежде, чѣмъ приступать къ своему дѣлу начинаютъ переодѣваться въ какія-то старыя хламиды; авось-де пожаръ обойдетъ, пока они совершаютъ свой маскарадъ! Казанскіе пожарные нашего времени поступали разумнѣе, являясь на пожаръ прямо въ лохмотьяхъ и, вѣроятно, не такъ часто предоставляли стогать живьемъ людямъ и животнымъ, какъ это нерѣдко случается въ послѣдніе годы въ певской столицѣ.

своимъ оригинальнымъ видомъ, такъ и существующими о ней легендами. У насъ, свѣжеиспеченныхъ студентовъ, сейчасъ же явилось желаніе въ нее проникнуть; это было не трудно, такъ какъ входъ не былъ загороженъ; но онъ и первыя ступени каменной лѣстницы, ведущей въ первый этажъ башни, были до того загажены нечистотами, что требовалось не мало храбрости и отсутствія брезгливости, чтобы одолѣть это слишкомъ „естественное“ препятствіе. Однако я съ нѣкоторыми товарищами не разъ отваживались на этотъ подвигъ и лазили до самаго верха башни, не смущаясь даже и тѣмъ, что, начиная со 2-го этажа, лѣстницы были очень непрочныя и ветхія деревянныя, состоявшія частію даже просто изъ доски, съ прорубленными въ ней отверстиями для ногъ. Возможность обрушенія подъ нами полугнилыхъ лѣстницъ не приходила намъ въ голову... Преодолевъ трудность подъема, посѣтитель вознаграждается прекраснымъ видомъ на необозримую даль, съ живописно расположенными на ближайшемъ плаці окрестностей города монастырями — Зилантьевымъ и Кизическимъ. Любуясь видами, невольно забывалось о предстоящемъ небезопасномъ спускѣ внизъ... Въ просвѣтахъ оконъ верхняго этажа башни, служившаго, повидимому, колокольней въ позднѣйшее время, мы, по привычкѣ, свойственной всѣмъ путешественникамъ, хотя уже и не были оными, сдѣлавшись студентами, выцарапали свои имена и фамиліи среди различныхъ, привычныхъ русскому человѣку, надписей, болѣе, чѣмъ игриваго содержанія, украшавшихъ собою стѣны и окна башни.

Людей богомольныхъ привлекалъ (какъ конечно и теперь привлекаетъ) Богородицкій монастырь съ чудотворной иконой Казанской Божіей матери, такъ позорно прозванной монахинями въ 1904 году. Онѣ, вѣроятно, успѣли уже замѣнить похищенную икону копіей, такъ какъ подлинная, повидимому, дѣйствительно уничтожена похитителями. А если бы она нашлась, то конечно создалась бы о ея возвращеніи легенда, подобная той, которою окружено ея первоначальное появленіе въ Казани.

Икона эта въ мое время пользовалась уваженіемъ даже католиковъ, несмотря на ихъ пренебреженіе въ русской „схизмѣ“; моя хозяйка — полька ѣздила въ монастырь молиться передъ этой иконой наравнѣ съ истыми православными.

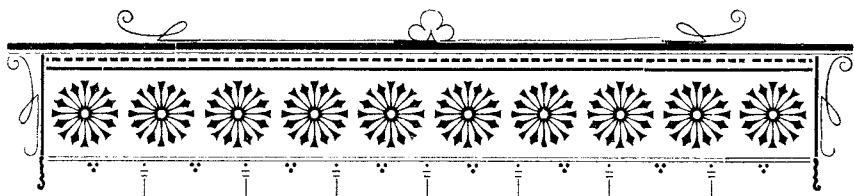
Изъ другихъ достопримѣчательностей Казани обращали на себя вниманіе вновь прибывшихъ: 1) древняя часовня (нынѣ церковь) внутри гостинаго двора, остатокъ, говорятъ, церкви временъ Іоанна Грознаго. Теперь она реставрирована, но тогда представляла собой почти развалину и была кругомъ обстроена лавочками разныхъ торговцевъ. Вообще—особенно любовнаго отношенія къ старинѣ въ Казани, какъ и вездѣ

у насъ на Руси, замѣтно не было: замѣчательнѣйшая изъ церквей города по архитектурѣ и внутренней и внѣшней отдѣлкѣ — соборъ Петра и Павла, напоминающій собою московскую церковь Успенія на Покровѣ и отчасти нижегородскія церкви Строгоновскую (Рождества Богородицы) и Георгіевскую — стояла въ наше время въ очень запущенномъ видѣ. Въ 1891 г. я видѣлъ ее уже реставрированную, но какъ будто неособенно толково. Въ не менѣе запущенномъ видѣ пребывала и старинная церковь Богоявленія на Большой Проломной, значительно вросшая въ землю. А самая улица Б. Проломная обращаетъ на себя вниманіе новичковъ своимъ бойкимъ торговымъ движеніемъ и множествомъ лавокъ, магазиновъ, трактировъ, мастерскихъ и пр.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви.

Тамбовская епископская кафедра учреждена въ 1682 году. Первый нашъ епископъ Леонтій, „не сошелся съ своею распущенной“ ¹⁾, не знавшей никакого закона, кромѣ своего собственнаго произвола, паствой и по необходимости долженъ былъ вскорѣ оставить кафедру. Его преемникомъ былъ извѣстный е. Пителирь ²⁾. Обладая свѣтлымъ административнымъ умомъ, отзывчивымъ сердцемъ, адамантовой волей и будучи чуждъ какихъ-либо своихъ личныхъ корыстныхъ цѣлей и плановъ, епископъ Пителирь съ честью и успѣхомъ правилъ Тамбовской паствой, своимъ примѣромъ воодушевляя и ободряя всѣхъ самоотверженныхъ пастырей. Вполнѣ раздѣляя правительственные взгляды на культурно-колонизаторское значеніе русскихъ монастырей, онъ основалъ 2 монастыря, въ центрѣ мордвы—Вознесенскій женскій и Трегуляевскій—мужской и имъ завѣщаль не легкое дѣло обрусенія верхоценской мордвы, и исправленія и подъема нравственнаго уровня сброднаго населенія края ³⁾. Зная же, что

¹⁾ И. М. Покровский. «Русскія Епархіи» 380. Подробныя свѣдѣнія о первомъ епископѣ Тамбов. см. «Истор. Вѣст.» 1900 г., т. 80, статья С. Введенскаго.

²⁾ Подроб. свѣд. о Пителирѣ въ статьѣ: «Святит. Пителирь 2-й Е. Тамб.» С. Введенскаго, «Т. Е. Вѣд.» 98—99 гг.

³⁾ «Наши степи и лѣса, издревле занятыя мордвой, мещерой, буртусами и въ XVI вѣкѣ пополненыя массой служилыхъ людей, теперь въ XVII в., съ каждымъ годомъ, мѣсяцемъ и днемъ все болѣе и болѣе пополнялись разнаго рода пришлыми людьми, шедшими сюда по самымъ разнообразнымъ мотивамъ и побужденіямъ». «Были тутъ и авантюристы, искавшіе молочныхъ водъ и кисельныхъ береговъ, и разные неудачники—терѣзливцы Московскаго уклада, и пропація буйныя головы, уносящія себя отъ суда и смертной казни, и просто гуляющіе люди, всю скитальческую муку выме-

современный ему человекъ въ сужденіяхъ о религіи начиналъ со внѣшности (и часто ею только и оканчивалъ), онъ обратилъ вниманіе на благоустройство церквей своего каѳедрального города и особенно соборнаго храма. Въ видахъ же обезпеченія будущности своей каѳедры, онъ сосредоточилъ во власти ея значительныя земельныя владѣнія. Умирая, е. Питиримъ оставлялъ каѳедру сравнительно благоустроенною и во всякомъ случаѣ твердо поставленною на путь прогресса. Его преемнику, епископу Игнатію ¹⁾, оставалось только продолжать начатое дѣло, и онъ дѣйствительно продолжалъ. Къ концу XVII вѣка Тамбовская каѳедра являлась далеко не послѣдней каѳедрой, какой она была при открытіи, и могла разсчитывать на свѣтлую будущность въ новомъ вѣкѣ. Но, увы! на самой, такъ сказать, зарѣ XVIII вѣка властный голосъ царя Петра произнесъ надъ ней свой грозный приговоръ: „погибни“, за одну только неприспособленность къ новымъ условіямъ жизни епископа ея. Епископъ ссылается въ Соловки... Епископія, въ качествѣ самостоятельной единицы, упраздняется и поступаетъ въ вѣдѣніе Рязанскаго митрополита, сохраняя свою территоріальную обособленность и самое названіе Тамбовской ²⁾, домъ запечатывается, архіепископская ризница, всякіе архіерейскіе домовые припасы и вотчины поступаютъ въ вѣдѣніе монастырскаго приказа ³⁾. По властному слову Петра сразу уничтожено все, что могло напоминать ему о ненавистномъ ему е. Игнатію, отождествившемся въ его представленіи съ Тамбовской епархіей. Представители и главные насадители культуры въ краѣ, монастыри и истинные пастыри оказались снова предоставленными самимъ себѣ, и при томъ тогда, когда они еще не успѣли какъ слѣдуетъ отдохнуть и вдохнуть въ себя силъ для новыхъ мукъ, для новыхъ битвъ, когда вслѣдствіе сильнаго пополненія народонаселенія разнаго рода утекляцами, спасавшими свои головы отъ рѣшительнаго грознаго царя, отъ нихъ требовалась по долгу пастырства особая напряженность всѣхъ силъ. Какъ свѣтлый метеоръ блеснуло на тамбовскомъ небосклонѣ кратковременное епископство и снова налегла черная, душащая тьма. Нестѣсняемые никѣмъ и

щавшіе, волей-не волей, на мѣстныхъ осѣвшихъ обывателяхъ, донимая ихъ отгономъ скота, уносомъ пожитковъ, открытымъ разбоемъ, блуднымъ дѣломъ» (Дубасовъ, VI т., 18 стр.) и отборомъ земли, что особенно примѣнялось въ отношеніи къ беззащитной мордвѣ. (Е. Оглоблинъ. «Въ Мордовскомъ краѣ». «Истор. Вѣст.» 1899 г.).

¹⁾ Подроб. свѣд. въ статьѣ С. Введенскаго: «Игнатій, Е. Тамб.», «Истор. Вѣст.» 902 г., ноябрь.

²⁾ «Русскія епархіи». И. Покровскаго, 379—385.

³⁾ «Извѣстія Тамб. уч. Арх. Комиссіи» XXXV в., 26 стр.

ничѣмъ противники церкви и всякой вообще порядочности старались вознаградить себя за потерянное время.

Лишенное своего епископа, безпризорное ¹⁾, малограмотное, по-вально невѣжественное ²⁾ въ религіозной области, приходское духовенство чинило бунты, драки, площадное ругательство, вело себя зазорно и гнусно ³⁾, къ величайшему прискорбію истинныхъ христіанъ и неизреченной радости раскольниковъ-сектантовъ, потому что наставники послѣднихъ были хорошими грамотеями, нерѣдко тайно содержавшими въ своихъ домахъ маленькія школы, а одинъ изъ нихъ, послѣдователь Тверитинова, нѣкто Тарасъ Максимовъ, приобрѣлъ даже въ своемъ кружкѣ славу знаменитаго проповѣдника ⁴⁾.

Наши монастыри, вслѣдствіе распоряженій грознаго царя, обязанные доставлять всѣ свои средства денежныя и провіантныя на государственныя нужды, начиная отъ содержанія гвардіи и кончая содержаніемъ большого, такъ называемаго, казеннаго овчарнаго двора, бывшаго въ Тамбовѣ ⁵⁾, влчили жалкое существованіе. Лишенные права принимать молодыхъ постриженниковъ, они остались при однихъ престарѣлыхъ и дряхлыхъ монахахъ и монахиняхъ и больныхъ, увѣчныхъ инвалидахъ ⁶⁾, опредѣленныхъ къ нимъ по царскимъ указамъ. Получая же нищенскіе оклады ⁷⁾, они помирали, какъ сами жаловались въ своихъ челобитныхъ царю, голодною смертію. О чинномъ, истовомъ исполненіи церковнаго устава, о над-

¹⁾ До 1723 г. Тамб. епархія была приписана къ Рязанской митрополіи, но обширность собственной епископіи не давала возможности митрополиту слѣдить за священно-церковно-служителями приписанной епархіи и была въ вѣдѣніи поповскихъ старостъ, облеченныхъ властью только собирать и пересылать жалобы въ духовный приказъ съ его волокитой, который, по всей вѣроятности, помѣщался въ Рязани. Съ 23 года и безъ того уже слабая регулирующая сила была отодвинута еще далѣе—мы разумѣемъ приписку Тамб. епархіи 28 февр. 1723 г. къ Синодальной области и подчиненіе ея духовной дикастеріи. («Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком.» XXXV в., 29 стр.

²⁾ Скудоуміе нашихъ пастырей простиралось до того, что они не знали самыхъ основныхъ истинъ православной вѣры. («Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком.» XXXV в., 28 стр. Срав. «Изв. Арх. Ком.» XXXVIII в., 48 стр.)

³⁾ Дубасовъ. «Первые опыты училищ. дѣла въ Тамбов. краѣ». «Истор. Вѣсти.» 1893 г., 53 т., 147 стр.

⁴⁾ Дубасовъ. «Очерки Тамб. быта». «Истор. Вѣст.» 1892 г., 49 т., 662 стр. срав. II в., 105 стр.

⁵⁾ «Извѣст. Тамб. Арх. Ком.» XXXV в. 29 стр.

⁶⁾ Дубасовъ. «Истор. Вѣст.» 94 г., т. 57. «Тамбовскіе земцы», 165 стр.

⁷⁾ Такъ, напримѣръ, игумены женскихъ монастырей получали да и то неакуратно, по 1 р. въ годъ, а простыя монахини по 25 коп., кромѣ того, по 1 четверти съ 2 четвериками ржи и столько же овса (Дубасовъ, «Тамб. земцы». «Истор. Вѣст.» 94 г., 57 т., 165 стр.)

лежащемъ, разумномъ веденіи монастырскаго хозяйства, о стройности, гармоничности вообще монастырскаго уклада жизни, при каковыхъ условіяхъ монастыри только и могутъ благотворно воздѣйствовать на приходящихъ подъ ихъ мирные кровы истерзанныхъ жизнью людей,—нельзя было и думать. Приходилось нашимъ монастырямъ, сослужившимъ русскому государству не малую службу въ XVII в., теперь отказаться отъ своихъ естественныхъ, освященныхъ исторіей, правъ—быть расадниками свѣта Христова. Лишенные нравственной опоры въ лицѣ епархіальнаго архіерея и живо чувствуя на себѣ гнетъ свѣтской власти, они вдались въ мистицизмъ и являлись расадниками неправыхъ мнѣній, какъ это было съ Трегуляевскимъ монастыремъ, который былъ скомпрометтированъ выходящею изъ него проповѣдью однородною съ противогосударственнымъ ученіемъ Талицкаго и Левина объ антихристѣ, иже есть Петръ I (см. объ этомъ въ изд. Есипова „Раскольнич. дѣла XVIII стол.“ и друг.) ¹⁾.

Нравственное состояніе Тамбовской паствы было очень невысоко. Разнаго рода „утеклецы“ царскаго гнѣва пополняли собою и безъ того значительныя разбойническія шайки, хозяйничавшія въ нашихъ краяхъ, такъ что самая страна получила названіе разбойнаго края и потребовала отъ Петра высылки многочисленныхъ военныхъ командъ противъ воровскихъ людей, организаціи общественной охраны ²⁾.

При преемникахъ Петра Великаго нашъ край надолго оставленъ былъ правительствомъ безъ призора ³⁾. Съ него собирали только подати и недоимки, каковымъ вниманіемъ особенно надѣленъ былъ нашъ край въ царствованіе Анны Ивановны.

Приходское духовенство во времена послѣ Петра влачило жалкое существованіе, а при жестокомъ Биронѣ оно гнбло, какъ муха въ паутинѣ ⁴⁾. О какомъ-нибудь благотворномъ вліяніи его на паству не могло быть и рѣчи.

Разбойники, по словамъ И. Дубасова, собирались въ нашихъ провинціяхъ, какъ и во времена Петра партіями, человекъ въ сто и болѣе, на лодкахъ разѣзжали по рѣкамъ Цнѣ, Мокшѣ, Окѣ и Волгѣ, учиняя многія грабительства и смертныя убійства ⁵⁾.

¹⁾ «Черты Рус. исторіи и быта эпохи импер. Петра II». Н. И. Барсовъ. «Истор. Вѣст.» 1891 г., 45 т., 418 стр.

²⁾ Дубасовъ, I в., 15.

³⁾ Дубасовъ, II, 58.

⁴⁾ И. Экземплярскій. «Рекрутскіе наборы». Руковод. для сельск. паст. 1863 г. II, 22 стр.

⁵⁾ Дубасовъ, III, 86—88.

Простые народы, по словамъ попа Преображенскаго г. Тамбова собора Трифона Иванова, жили у насъ въ Тамбовѣ беззаконно, Бога едва знающіе, женящіеся четвертымъ бракомъ ¹⁾).

Лучшія времена для Тамбовской церкви начались при Елизаветѣ Петровнѣ. Въ 1758 году Тамбовская епархія оканчиваетъ свое скитальческое существованіе, снова выдѣляется въ самостоятельную административную единицу и получаетъ своего собственнаго епископа. Мрачная, въ высшей степени непривлекательная, картина ожидала нашего перваго епископа, не имѣвшаго себѣ предшественника. (59-лѣтнее заустѣніе каѳедры уничтожило всѣ труды тамбовскихъ архіереевъ XVII в.). Городъ маленький, захудалый, малолюдный, ветхій и поразительно бѣдный ²⁾). Архіерейскій каѳедральный соборъ имѣлъ только все еще пока одинъ этажъ, построенный при епископѣ Питиримѣ и цѣлыхъ 59 лѣтъ разрушаемый стихіями.

Архіерейскій домъ былъ занятъ воеводскимъ архивомъ, ветхое строеніе во дворѣ архіерейскаго дома еще въ 1726 году было продано охочимъ людямъ, съ аукціона и деньги отданы въ Синодальную казну ³⁾). Немного удобствъ могли представить для новаго архіерея и доставшіяся ему по наслѣдству постройки упраздненнаго Казанскаго монастыря, лежащаго около городской стѣны. Двѣ деревянныя церкви его съ тремя престолами едва стояли, небольшое зданіе (3 сажени въ длину и 3 сажени въ ширину), раздѣленное на девять келій, „отъ гнилости валилось на землю“ ⁴⁾). Вездѣ и всюду поразительное убожество и гнетущая нищета. Если теперь отъ города и дома обратить свой взоръ на паству и епархію, то и тутъ опытному глазу и чуткому сердцу не на чемъ остановиться и облегченно вздохнуть. Рѣшиться идти на такую каѳедру могъ только человѣкъ беззавѣтно преданный церкви, искренно вѣрующій въ торжество правды и чуждый какихъ-либо корыстныхъ расчетовъ. Такимъ, по нашему мнѣнію, и былъ нашъ первый епископъ Пахомій Симанскій. Малороссъ по происхожденію ⁵⁾ и ученикъ Кіево-Могило-Заборов-

¹⁾ Дубасовъ, III, 94.

²⁾ Подробныя свѣдѣнія о томъ, какую жалкую картину представлялъ изъ себя Тамбовъ въ половинѣ XVII в. см. «Изв. Тамб. Арх. Ком.» XXXII, 8 стр.

³⁾ «Тамб. Епар. Вѣд.», 96 г., № 31. И. Покровскій. «Тамб. Епар. и ея предѣлы».

⁴⁾ «Извѣстія Тамб. Арх. Ком.» XXXI в., 14 стр.

⁵⁾ Прибавленіе къ «Вологод. Е. Вѣд.» 1869 г., №№ 14, 15, 607 стр. Суворовъ, объ іерархахъ быв. Великоустуж. епар.

ской академіи въ періодъ ея наивысшаго процвѣтанія ¹⁾, онъ былъ человѣкомъ большого административнаго такта, практически-распорядительной сметки, сильной воли и разумно-добраго сердца. Какъ дворянинъ по происхожденію, Пахомій начиналъ свою службу на военномъ поприщѣ, но затѣмъ, не удовлетворившись этого рода дѣятельностью, онъ покидаетъ военный чинъ и постригается въ монахи и быстро начинаетъ восходить по ступенямъ іерархіи. Вскорѣ онъ былъ назначенъ строителемъ Никола-Солійской пустыни, затѣмъ переведенъ въ игумены Лукьянской пустыни, откуда по времени (53 г.) былъ переведенъ въ Никитскій Переяславскій монастырь и сдѣланъ архимандритомъ. Въ томъ же 53 году, „какъ ревностный, опытный и нужный настоятель“, онъ переведенъ былъ въ Іосифо-Волоцкій монастырь, гдѣ и оставался до 1758 г. Свое пребываніе здѣсь, какъ и вездѣ, Пахомій ознаменовалъ тѣмъ, что „монастырь, имѣющій не малое число вотчинъ и отъ давняго нестроенія пришедшій въ крайнюю ветхость и запустѣніе, исправилъ и возстановилъ величіе Іосифской обители“. Его управленіе монастыремъ характеризуется, какъ строгое управленіе, тяжелое для людей непорядочныхъ. Строгій къ другимъ, онъ строгъ былъ и къ себѣ, ничего не позволялъ себѣ такого, что могло бы его компрометтировать. Его строгость къ себѣ со всей рельефностью обнаружилась по поводу одной клеветы, возведенной на него непорядочными людьми, подведшей его подъ судебное слѣдствіе. Дѣло въ слѣдующемъ. Крестьянинъ Маторинъ съ сообщниками донесъ высшему начальству, что 3 февраля 1755 г. архимандритъ ночью порою, нарядясь въ нагольный тулупъ и шапку, какъ долженъ быть мірянинъ, съ сообщникомъ своимъ Ташилаевымъ и другими, былъ въ разныхъ деревняхъ, въ которыхъ безчинствовалъ и въ ту же ночь возвратился домой, сдѣлавъ, какъ оказывалось по подсчету, 250 верстъ. Св. Синодъ, по окончаніи слѣдствія, опредѣлилъ, и чтобы архимандриту Пахомію,

---

¹⁾ Мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что Пахомій получилъ школьное образованіе, но намъ это кажется несомнѣннымъ. Трудно предположить, чтобы малороссъ-дворянинъ, при всеобщемъ увлеченіи Академіей, оставался чуждъ этому стремленію и, чтобы онъ, не получившій образованія, могъ въ молодыхъ сравнительно лѣтахъ (онъ былъ архим. 1753 г., умеръ 1789 г.), получить санъ архимандрита въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ, въ центрѣ Россіи, и затѣмъ послѣ 1753 г., с.-петербургскимъ архіепископомъ, извѣстнымъ Сильвестромъ Кулябкой, бывшимъ въ 40 г. ректоромъ Кіевск. Академіи, могъ быть произведенъ (Хитровъ) въ епископы неустроенной, возстановленной епископіи, когда этотъ епископъ долженъ былъ быть не только хорошимъ администраторомъ, но и опытнымъ педагогомъ, способнымъ руководить семинаріей.

яко невинно оклеветанному, остаться безъ всякаго въ томъ порока, при первой своей, яко же онъ понынѣ состоитъ въ честности“. Такими-то страданіями, говоритъ лѣтописецъ, прочитывавшій это слѣдственное дѣло, Богъ готовилъ святильника Тамбовской епархіи ¹⁾).

Прибывши на кафедру и лицомъ къ лицу представши передъ своей неустроенной паствой, Пахомій не потерялся. Размѣстившись кое-какъ съ своимъ штатомъ (7-ю іеромонахами и іеродіаконами и 2 монахами) въ зданіи Казанскаго монастыря, онъ съ ревностью принялся за выполненіе принятыхъ на себя обязанностей и заботъ. Сознывая всю тяжесть и непосильность для одного труда урегулированія жизни епархіи, 59 лѣтъ не видѣвшей своего епископа и жившей исключительно по влеченію своихъ грубыхъ инстинктовъ, преосвященный Пахомій рѣшилъ надлежащимъ образомъ устроить консисторію—этотъ органъ епархіальнаго управленія. И вотъ, по его избранію въ число членовъ этого епархіальнаго судебно-административнаго учрежденія поступають трегуляевскій архимандритъ Варсонофій, нижнеломовскій архимандритъ Тихонъ, архимандритъ Сергій (очевидно изъ свиты архіерейской) и секретарь Гавриль Саковскій. Члены были готовы. Не было законовъ. По приказанію епископа узаконенія для рѣшенія дѣлъ о подсудныхъ и о постройкѣ церквей частью списаны были въ Св. Синодѣ, частью истребованы изъ духовныхъ правленій. Началось судопроизводство подъ бдительнымъ руководствомъ самого владыки, требовавшаго скорого и, главное, правильнаго рѣшенія дѣла. Когда, въ первый же годъ его службы въ Тамбовѣ, приказано было произвести разборъ священно-церковно-служителей для отдачи въ солдаты, то епископъ Пахомій самъ взялъ на себя трудъ повѣрять дѣйствія уполномоченной на то комисіи. Разборъ былъ строгій, но растворенный архипастырскимъ благоразуміемъ. Зная, какъ тяжело ложились эти рекрутскіе наборы на семьи и какъ горька была доля солдата въ то время, и не имѣя возможности какъ-нибудь иначе освободить церковь отъ лишнихъ и совершенно не нужныхъ ей лицъ, епископъ Пахомій, по согласію съ воеводами, записывалъ нѣкоторыхъ изъ церковниковъ въ число помѣщичьихъ крестьянъ, другихъ отпускалъ въ податное сословіе, нѣкоторыхъ, наконецъ, подарилъ помѣщикамъ, къ величайшей, надо полагать, радости церковниковъ ²⁾. Вѣдь они

¹⁾ Архивъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря, дѣло на 84 листахъ.

²⁾ Впослѣдствіи, именно въ 1775 г., по «всемиловѣйшему манифесту» повелѣно было замѣшанныхъ въ пугачевскомъ бунтѣ причетниковъ вмѣсто военной службы опредѣлить въ податное сословіе. (Истор.-статист. опис. Тамб. епар. Хитровъ, 96 стр.

же и до приписи были тѣми же крестьянами-хлѣбопашцами, рабами сохи и косы. Разборъ этотъ, потребовавшій отъ комиссіи ближайшаго знакомства съ священно-церковно-служителями, да потомъ и сама жизнь открывали предъ епископомъ одну за другою тѣневя стороны его ближайшихъ подчиненныхъ. Консисторія была завалена слѣдственными дѣлами о священно-церковно-служителяхъ. Для большей успѣшности въ рѣшеніи дѣлъ преосвященный испросилъ (1763) у Св. Синода второго секретаря—Ивана Бантышъ-Каменскаго, лично извѣстнаго ему. Строгій судъ епископа не щадилъ никого: страдалъ неисправный, не отвѣчающій своему призванію священно-церковно-служитель, страдалъ и консисторскій приказнослужитель. Наказанія извѣстныя: били рублемъ, стегали кнутомъ, не забывали пользоваться и замкомъ. Карая и исправляя необузданное грубое старое духовенство, владыка особенно былъ строгъ къ новымъ ставленникамъ. Прежде чѣмъ поставить кого-либо во священника или діакона, онъ заставлялъ ихъ выучиться чтенію, пѣнію и отправленію богослуженія. Тѣ, кто сопротивлялись рѣшенію епископа и оказывали мало успѣховъ, по нѣскольکو лѣтъ проживали въ Тамбовѣ на своемъ содержаніи, работая въ свободное отъ богослуженія время на архіерейскій домъ, копая рвы и канавы, вбивая сваи на рѣкѣ, гоняя лѣсъ изъ Трегуляева по рѣкѣ и т. п.

Само собою понятно, что всѣ эти мѣры строгости епископа не могли и не нравились нашимъ духовнымъ, и они, естественно, скоро стали чувствовать къ нему ненависть.

Близость же въ былое время нашего духовенства къ народу и сбродность этого послѣдняго, среди котораго нерѣдко было встрѣтить какого-нибудь прорвавшагося или пропившагося бѣглеца-крючодѣя, породили то, что всѣ эти обиженные нашли дорогу въ С.-Петербургъ. Запасшись витіеватымъ, лживымъ прошеніемъ ¹⁾ (среди нашихъ сбродниковъ всегда бывали довольно витіеватые писаки всякаго рода жалобъ, кляузъ, прошеній и т. п. скандальныхъ бумагъ), они отправлялись въ Синодъ просить на деспотичнаго епископа. Синодъ по какой-то странной, непонятной причинѣ дѣлалъ постановленія, согласныя съ просьбой, безъ предварительнаго слѣдствія и такимъ образомъ только разжигалъ огонь взаимной розни между пастырями и ихъ епископомъ.

Исправляя старыхъ и подготавливая новыхъ священно-церковно-служителей при своемъ монастырѣ, мудрый владыка видѣлъ, что это

---

¹⁾ «Въ то время, говорить гр. Саліасъ, было обычно, чтобы подающій просьбу прибѣгалъ къ преувеличенію и ко лжи». (Саліасъ. «Русск. Вѣстн.» 76 г., 112 стр.)

средство не надежно, что оно может быть терпимо только въ качествѣ временнаго. Для образованія кандидатовъ священства необходимо основать и учредить семинарію. И вотъ онъ съ рѣшимостью и благоразуміемъ, достойными похвалы, берется за это дѣло. Какъ власть имѣющій, онъ могъ распорядиться, чтобы приходскія церкви представили $\frac{1}{30}$ всѣхъ своихъ доходовъ на семинарію, но, какъ человѣкъ добраго сердца, онъ облагаетъ всѣ церкви по 1 к. съ двора, имѣя за собой синодскій указъ въ Крутицкую епархію отъ 1739 г. и указъ нижегородскаго епископа Теофила Чернутакаго ¹⁾). Участвовали ли монастыри во взносъ денегъ на семинарію, первый исторіографъ Тамбовской епархіи не говоритъ, но надо полагать: отъ зоркаго глаза дѣятельнаго епископа не укрывались и они, и платили, какъ и вездѣ, $\frac{1}{20}$ часть своихъ доходовъ. Благодаря энергичному дѣйствованію епископа къ 1764 году,—году секуляризаціи церковныхъ имуществъ, когда воспрещены были уже всякіе сборы съ духовенства и монастырей на школы,—собрано было 1.984 рубля. Изъ Трегудяевскихъ дачъ привезено 1000 брусевъ лѣсу; приготовлено множество тесу ²⁾).

Собирая и готовя необходимыя средства и матеріалы для постройки семинаріи, Пахомій одновременно съ тѣмъ сталъ хлопотать передъ городомъ объ отводѣ мѣста подъ семинарію. „На тѣсной усадьбѣ Казанскаго монастыря при архіерейскомъ домѣ не оказалось мѣста для семинаріи. Епископъ Пахомій облюбовалъ для нея очень удобное мѣсто между бывшимъ Казанскимъ монастыремъ и городскою крѣпостью по берегу рѣки Цны. Мѣсто это, не болѣе 70 сажень длины и 50 ширины, было застроено обывательскими домами—тутъ жили разночинцы. Епископъ Пахомій вошелъ съ ходатайствомъ въ Тамбовскую провинціальную канцелярію и коллегію экономіи очистить удобное для постройки семинаріи мѣсто. Но, несмотря на то, что у города было много мѣста, куда можно свести разночинческое населеніе, провинціальная канцелярія оказалась очень невнимательной къ просьбѣ епископа и пользѣ просвѣщенія. Она не только не дѣлала распоряженій въ смыслѣ просьбы владыки, но даже не сочла нужнымъ отвѣтить ему. Только нѣкоторые изъ обывателей, понявъ серьезность и важность предпринимаемаго дѣла, добровольно переселились на новыя мѣста, другіе остались на прежнихъ мѣстахъ, такъ что преосвященному Пахомію и на этотъ разъ пришлось обращаться въ Св. Синодъ, и Св. Синодъ писалъ Сенату“ ³⁾). Мы не

¹⁾ «Дух. школы въ Россіи». П. В. Знаменскаго, стр. 230.

²⁾ Хитровъ «Историко-статистическое описаніе Тамбовской епархіи», 1861 г., 83 стр.

³⁾ «Тамб. Епар. Вѣд.» 96 г., № 31, стр. 774. «Тамб. Епар. и ея пред.». И. Покровскаго.

знаемъ, чѣмъ кончилась эта переписка, намъ только извѣстно, что въ послѣдствіи, при епископѣ Теодосіи, при учрежденіи семинаріи, пришлось снова хлопотать объ отводѣ мѣста, какое и было отведено въ противоположной избранному Пахоміемъ мѣсту сторонѣ, на ямахъ и оврагахъ.

Въ то время, какъ энергичный епископъ въ Тамбовѣ готовилъ все необходимее для открытія и устройства зданія семинаріи, въ Москвѣ въ Славяно-Греко-Латинской академіи воспитывалось двое молодыхъ людей ¹⁾, съ выдачею имъ жалованія отъ тамбовскаго епископа по 25 руб. въ годъ—этихъ первыхъ учителей учреждаемой семинаріи. Къ сожалѣнію, роковой 1764 годъ положилъ конецъ всѣмъ хлопотамъ, довольно сильно уже разошедшагося съ подчиненнымъ духовенствомъ епископа. Сборовъ дѣлать было нельзя—воспрещено, да недовольное духовенство и не дало бы, штаты не положены. Съ наличными деньгами и матеріалами при отсутствіи даже опредѣленнаго усадебнаго мѣста дѣлать было нечего и по необходимости приходилось утѣшаться однѣми надеждами...

Несравненно плодотворнѣе была работа нашего епископа по упорядоченію и устройству своей резиденціи—Казанскаго монастыря. Являясь полнымъ хозяиномъ доставшагося ему монастыря, избавленнымъ отъ всякаго сторонняго вмѣшательства, онъ сразу поставилъ дѣло устройства монастыря на твердую почву и во всей полнотѣ проявилъ свои хозяйственныя и настоятельскія способности. Зная, что бѣдное духовенство и нищенствующій народъ не можетъ дать необходимыхъ ему для того средствъ, онъ рѣшилъ привлечь къ этому дѣлу богачей-помѣщиковъ. И, вѣроятно, благодаря имъ ²⁾, главнымъ образомъ, онъ, принятый имъ ветхій монастырь въ теченіе

---

¹⁾ Мы не знаемъ, кто были эти молодые люди, не знаемъ и того, что случилось съ ними и по необходимости приходится строить догадки и предположенія на этотъ счетъ. Намъ думается, что двое молодыхъ людей, воспитывавшихся въ Славяно-Греко-Латинской академіи, были изъ питомцевъ сосѣднихъ семинарій Владимірской (открытой въ 1750) и Суздальской или Воронежской (открытой въ 1745), вслѣдствіе новаго распредѣленія епархій, отошедшихъ къ Тамбов. епар. Извѣстно, что въ 1758 г. Тамб. епар. была возобновлена не въ тѣхъ территоріальныхъ границахъ, въ которыхъ она существовала съ открытія ея въ 1682, а съ присоединеніемъ къ ней нѣкоторыхъ городовъ съ уѣздами отъ сосѣднихъ епархій. Такимъ образомъ къ ней отчислены: отъ епархіи Воронежской—Добринскъ, отъ Владимірской—Краснослободскъ, отъ Суздальской—Темниковъ, Керенскъ, Наровчатъ, Верхній Ломовъ и Нижній Ломовъ, отъ другихъ пограничныхъ—Троицкъ и Корсунь. (Хитровъ, 2 стр.).

²⁾ Множество колоколовъ, напримѣръ, по свидѣтельству И. И. Дубасова, было отлито на средства «добродѣтельныхъ подателей».

нѣсколькихъ лѣтъ преобразилъ въ весьма красивый, благоустроенный городокъ, составившій лучшее украшеніе непригляднаго Тамбова. Все доставшееся нашему епископу по наслѣдству было разрушено, и воздвигнуты новыя зданія. Явились новыя крѣпкія деревянныя церкви и среди нихъ величественная Предтеченская *теплая* церковь ¹⁾, которой, по волѣ епископа, предназначалось, видимо, играть роль кафедральнаго собора.

„Въ полную гармонію и симметрію съ названною церковью, возвышалась Казанская колокольня, имѣвшая видимо, монументальный, величественный видъ. На одной изъ сторонъ ея красовались боевые часы—диво-дивное для тогдашняго Тамбова, со сводовъ ея вечерней и утренней порой лилось море звуковъ, извлекаемыхъ опытной монашеской рукой изъ множества колоколовъ (самый большой вѣсилъ 731 пудъ—цифра внушительная для того времени)“.

Другую группу симметрическихъ зданій составляли архіерейскій домъ и консисторія. Оба эти зданія были расположены другъ противъ друга. Первый представлялъ изъ себя обширные покои съ двумя флигелями, послѣдній—зданіе, занимающее въ длину 16 саженъ.

Всѣ зданія были раскрашены разными красками, что, взятое вмѣстѣ съ двумя фруктовыми садами, разведенными около архіерейскаго дома, и раскрашенной монастырской оградой, придавало особенную прелесть монастырьку ²⁾.

Внѣшнему изяществу монастыря соотвѣтствовала внутренняя его благоустроенность. Церкви монастыря стали обзаводиться хорошею утварью и ризницей. Явились богатые облаченія, парчевыя и шелковыя,—дорогія Евангелія и сосуды. Все это вмѣстѣ съ торжественными архіерейскими служеніями ³⁾, сопровождавшимися ви-

¹⁾ Насколько величественна была эта церковь, можно судить отчасти уже по тому одному, что при тогдашней дешевизнѣ на нее пошло строительныхъ матеріаловъ на 2.342 р. 50 коп.

²⁾ Описаніе монастыря взято изъ краткой замѣтки И. И. Дубасова по поводу описи Казанскаго монастыря, относящейся къ 1764 году. «Извѣст. Тамб. учен. Арх. Комиссіи» XXXI в., 14 стр., срав. «Изв. Арх. Ком.» III в., стр. 29.

³⁾ О томъ, что пресвящ. Пахомій любилъ торжественныя церковныя служенія, можно судить, какъ изъ описанія его встрѣчи въ Устюгѣ (о чемъ рѣчь ниже), такъ и изъ того, что въ Устюгѣ имъ были учреждены крестные ходы вокругъ Успенскаго собора и архіерейскаго дома въ понедѣльникъ, среду и пятницу Пасхальной недѣли, уничтоженные, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, послѣ его удаленія съ названной каедрѣ. (Прибав. къ «Вологод. В. Вѣд.» 1874 г., № 2, стр. 67 «Устюжскій лѣтописецъ», имѣющій заглавіе: «Списокъ съ лѣтописца г. Устюга Вел., составл. изъ лѣтописца же Устюж.-

тиватыми, неслыханными дотолѣ тамбовцами, проповѣдями ¹⁾, доставляло тамбовцамъ истинное, религіозное наслажденіе, привлекая все большее и большее число расположенныхъ къ епископу и благоустроенному имъ монастырю.

„Монастырь, читаемъ мы въ краткой замѣткѣ И. И. Дубасова по поводу описи Казанскаго монастыря, относящейся къ 1764 году, своимъ *богослужебнымъ* укладомъ, подъ надзоромъ самого епархіальнаго епископа, сталъ больше и больше, годъ отъ году, привлекать къ себѣ богомольцевъ“ ²⁾.

Въ отношеніи къ своимъ крестьянамъ, жившимъ при Казанскомъ монастырѣ, преосвященный Пахомій былъ добрымъ заботливымъ хозяиномъ. „Своими крестьянами, читаемъ мы только-что въ цитированной замѣткѣ Дубасова, монастырь, видимо, дорожилъ. Онъ никогда не продавалъ ихъ и не получалъ за то ни копѣйки. Крестьяне отбывали умѣренную барщину и только. Никакихъ денежныхъ и вещественныхъ сборовъ масломъ, яйцами, медомъ и холстомъ съ нихъ не брали. Если же случалась экстренная и сверхположенная работа, то крестьянамъ за это платили по 10—15 коп., смотря по работѣ ³⁾. Отъ этого казанско-монастырскіе крестьяне сравнительно благоденствовали. У нихъ были избы со стекольчатými окончинами, просторныя и теплыя, и всѣ они были сыты и одѣты и ничѣмъ не обижены“.

Въ 1764 году, однако, произошло сильное недоразумѣніе между епископомъ Пахоміемъ и его крестьянами. Дѣло въ слѣдующемъ. 26 февраля 1764 года состоялось утвержденіе штатовъ для монастырей. Въ силу положенія этихъ штатовъ архіереямъ третьеклассныхъ епархій (каковою была и Тамбовская) разрѣшалось имѣть при себѣ по 46 человѣкъ служителей изъ крестьянъ ближайшихъ къ архіерейскому дому монастырей, но предоставлялось архіереямъ

Успенскаго собора свящ. Львомъ Вологдинымъ и Императ. Спб. акад. наукъ корреспондентомъ штабъ-лѣкаремъ Яковомъ Фризомъ, дополненный изъ соотной писцовой книги и разными любопытныхъ гражданъ другими записями съ 1212—1822 гг.»),

¹⁾ При архіерейскомъ домѣ былъ специальный проповѣдникъ іеромонахъ Іосифъ, родомъ изъ Кіева, бывший впослѣдствіи—послѣ учрежденія штатовъ въ 1764 г.—игуменомъ Козловскаго Троиц. монастыря. («Церковно-историческій сборникъ», кн. 9. «Историческое опис. Троиц. Козл. мон.» 1849 г.).

Послѣ названнаго Іосифа въ роли проповѣд. видимъ свящ. Александра Полянскаго (Дубасовъ, 40 стр., III, 150).

²⁾ «Извѣстія Тамб. Арх. Ком.» в. XXXI, стр. 15.

³⁾ Цѣна очень высокая по тому времени. Третій епископъ тамбовскій Теофилъ въ самомъ концѣ XVIII в. нанималъ свободныхъ поденщиковъ для семинаріи, копать землю по 5 коп. на день.

право оставлять и изъ бывшихъ служителейъ тѣхъ, которыхъ архіерей пожелаетъ. При домѣ преосвященнаго Пахомія были служители изъ Никольскаго Черняева монастыря, приписаннаго къ архіерейскому дому, хотя и не ближайшаго къ архіерейскому дому. Преосвященный Пахомій пожелалъ оставить 46 человекъ изъ прежнихъ служителей, о чемъ чрезъ консисторію и заявилъ въ коллегію экономіи. Но кто-то наговорилъ крестьянамъ, что они теперь свободны и могутъ отправляться къ своимъ родичамъ, на земли Черняева монастыря. Крестьяне повѣрили обману и ушли всѣ изъ Тамбова. Епископъ донесъ о побѣгѣ въ коллегію экономіи, а та сдѣлала распоряженіе о высылкѣ бѣглецовъ. Отвѣты получались печальные: или не находили бѣглецовъ, или взятые они убѣгали съ дороги. Въ своемъ донесеніи о побѣгѣ съ дороги шацкій экономическій казначей, нѣкто прапорщикъ Всеволожскій, такъ, напимѣръ, писалъ консисторіи. Служители архіерейскаго дома отбились отъ посланной имъ команды, состоявшей изъ помощника его Спѣсивцева, присланнаго изъ Тамбова вахмистра, солдатъ и пристойнаго числа старость и рядовыхъ крестьянъ, и съ немалымъ крикомъ объявили, что они въ Пилатовскій домъ, къ его преосвященству Пахомію, не пойдутъ и указовъ коллегіи экономіи, и посланной изъ Тамбовской канцеляріи команды, и данной вахмистру инструкціи не слушаютъ. Отойти де ты, вахмистръ съ командой, прочь, мы васъ побьемъ до смерти и побросаемъ въ рѣку Цну, пропадете замѣсто собаки, а помощника Спѣсивцева изрѣжемъ въ мелкіе куски и наѣдимся его нечистаго мяса. Да въ томъ же азартномъ ополченіи поносили казначея и ругали всякими скверными непотребными словами. Если бы да оный казначей Всеволожскій въ ихъ азартѣ сегодня былъ, то они знали бы, что съ нимъ дѣлать, пересталъ бы онъ съ архіереемъ переписку имѣть, только де Богъ отъ ихъ рукъ его укрываетъ“.

Въ іюнѣ 1766 года всѣ крестьяне, оставленные Пахоміемъ въ качествѣ служителей, были возвращены въ Казанскій монастырь. Когда они явились въ архіерейскій домъ, то подали преосвященному Пахомію просьбу на казначея Всеволожскаго, помощника его Спѣсивцева, вахмистра Прибылова и бурмистра Киселева о возвращеніи имъ взятыхъ названными лицами съ каждаго изъ нихъ денегъ. Въ просьбѣ своей они объяснили, что когда они отправлены были въ Тамбовъ съ присланнымъ изъ архіерейскаго дома стряпчимъ и отъ него съ дороги бѣжали, то сдѣлали это потому, что Всеволожскій при отдачѣ ихъ стряпчему и именно приказалъ: „когда де вы изъ города (Шацка) выйдете, то идите де на всѣ 4 стороны, куда хотите“. А они по побѣги жили въ своихъ домахъ, о чемъ де не токмо оный управитель вѣдалъ и всякія подати съ

✽

нихъ бралъ, но и шацкая провинціальная канцелярія знала, токмо какъ оная канцелярія, такъ и объявленный казначей не знамо чего ради, ихъ не выслали, и они къ тому никакого подтвержденія не имѣли, а объявили де вмѣсто ихъ въ ту канцелярію другихъ крестьянъ, точію самыхъ малыхъ и ни къ какой должности еще не способныхъ, да сверхъ того изъ нихъ тѣхъ 6 человекъ, которые имъ *ничего не дали*“. Преосвященный чрезъ консисторію сообщилъ указомъ обо всемъ томъ шацкой канцелярії. Послѣдняя, заслушавъ указъ консисторіи, нашла возможнымъ для себя сдѣлать только постановленіе: запросить консисторію, по какимъ указамъ оная консисторія начала въ шацкую провинціальную канцелярію писать указами, а прежде писала промеморіями? Ежели о томъ указъ вновь въ тою консисторію присланъ, то съ онаго о присылкѣ точной копіи отписать“ ¹⁾.

Объединяя все сказанное о дѣятельности преосвященнаго Шахомія, мы невольно приходимъ къ мысли, что это былъ одинъ изъ дѣятельныхъ епископовъ $\frac{1}{2}$ XVIII в. и если бы онъ былъ понятъ высшимъ духовнымъ начальствомъ, былъ поддержанъ, ободренъ, а не исторгнутъ насильственно изъ сродной ему стихіи и, такимъ образомъ, не былъ обреченъ на нравственное одиночество, онъ сдѣлалъ бы очень и очень много для нашего края, и кто знаетъ, можетъ быть, на цѣлое десятилѣтіе ранѣе, а можетъ быть, и болѣе, далъ бы возможность увидѣть правильно-организованное училище. Но, повторяемъ, дѣятельный епископъ не былъ понятъ, не встрѣтилъ себѣ сочувствія и поддержки въ правительственныхъ сферахъ, напротивъ того, всѣ прошенія и кляузы на него со стороны разсерженнаго тамбовскаго духовенства были приняты къ свѣдѣнію и доставили виновнику ихъ переводъ на другую кафедру, къ великому огорченію всѣхъ благомыслящихъ людей Тамбовской епархіи, тщетно просившихъ возвратить имъ любимаго ими пастыря, особенную цѣну котораго они, очень можетъ быть, ощутили тотчасъ послѣ его удаленія изъ Тамбова ²⁾. Убѣдившись окончательно, можетъ быть, даже изъ личныхъ объясненій въ Синодѣ, по поводу взводимыхъ на него обвиненій, что онъ не въ состояніи за-

¹⁾ «Извѣст. Тамб. Арх. Ком.» в. X, изд. 1886 г., стр. 44—46.

²⁾ По почину товарища тамб. воеводы, секунданта-маіора Ивана Тарбѣева, духовные и свѣтскіе сановники, въ количествѣ 106 человекъ подали прошеніе въ Св. Синодъ, въ которомъ, указывая на достоинства любимаго епископа, просили его возвращенія. Пршшеніе не только не было уважено, но подвергло просителей наказанію: свѣтскіе были преданы суду Прав. Сената, духов. наказаны особымъ образомъ. («Ист. стат. опис. Тамб. епар.» Хитровъ, 87 стр.)

чититъ себя, не въ состояннн убѣдить своихъ судей въ чистотѣ своихъ дѣйствій и разумности плановъ, епископъ Пахомій, сторяча, рѣшилъ навсегда распроститься съ ролью администратора, желая тѣмъ самымъ обратить вниманіе своихъ судей на необдуманность рѣшенія. Прибывши на мѣсто новаго своего служенія, преосвященный Пахомій съ особенной торжественностью вступилъ въ свой каедральный соборъ ¹⁾, ясно давая понять своимъ подчиненнымъ, что онъ архіерей, а не заточникъ, какъ это имъ могло казаться на первый взглядъ. Все свое краткое временное пребываніе онъ посвятилъ на устройство церкви въ честь своего ангела хранителя и упорядоченіе консисторіи. Освятивши церковь, епископъ Пахомій, какъ нѣкогда Никонъ, самъ отказался отъ каедры и переселился въ Московскій монастырь, сначала Ново-Спасскій ²⁾, а потомъ Андроніевскій, гдѣ и провелъ остатокъ своихъ дней.

Но и въ мѣстахъ своего добровольнаго заключенія, какъ и на Тамбовской и Устюжской каедрахъ, епископъ Пахомій является предъ нами человѣкомъ церковнымъ, любящимъ уставность и благолѣпіе храмовъ и къ тому же человѣкомъ отзывчиваго сердца. Въ бытность свою на покоѣ въ Андроніевскомъ монастырѣ своемъ устроилъ колоколъ въ 835 п. 20 ф., а по кончинѣ своей (5 мая 1789 г.) завѣщалъ на благоустройство его 5.000 руб. ³⁾. Кромѣ того,

---

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ вступленіе преосв. современный ему лѣтописецъ. Преосв. Пахомій прибылъ въ Устюгъ ночью на 4-ое марта и остановился ночевать за р. Сухоною, въ 4 верст. отъ города, въ деревнѣ Олбовѣ, гдѣ встрѣтили его экономъ, казначей и крестовый іеромонахъ архіер. дома. На другой день, 4-го марта, по распоряженію преосвященнаго, во всѣхъ церквахъ Устюга совершены были раннія литургіи, послѣ которыхъ все духовенство собралось въ Успенскій соборъ. Когда владыка двинулся изъ Олбова, во всѣхъ церквахъ города начали звонъ во всѣ колокола и въ то же время духовенство въ крестномъ ходѣ изъ Успен. собора отправилось къ Рождественской церкви. По прибытіи въ эту церковь владыко облачился «во весь архіер. чинъ» и потомъ шествовалъ съ крестнымъ ходомъ въ Успенскій соборъ, въ которомъ и совершалъ первую литургію». Прибавленіе къ «Вологод. Е. Вѣд.» 1869 г. №№ 14, 15. Объ іерархахъ бывшей «Велико-Устюжской епархіи», Суворовъ, стр. 607.

²⁾ О пребываніи преосвящ. въ Ново-Спасскомъ монастырѣ мы ничего не знаемъ. Къ сожалѣнію, не могли повѣрить даже того краткаго замѣчанія о его пребываніи тамъ, что будто бы онъ ознаменовалъ свое пребываніе тамъ, отлитіемъ нѣсколькихъ колоколовъ, какое дѣлаетъ прот. Хитровъ, ссылаясь на Истор. Рос. Іерархіи («Истор.-стат. опис.» 85 стр.).

³⁾ Мы не знаемъ, въ какомъ году переселился преосв. Пахомій въ Андроніевскій монастырь, не знаемъ также и того, какую роль игралъ онъ тамъ. Оффициально онъ не состоялъ настоятелемъ монастыря, но фактически, надо полагать, былъ имъ. И вотъ почему. Извѣстіе о пожертвованіи колокола относится къ 1779 г. Если теперь принять во вниманіе характеръ преосв.,

30.000 по духовному завѣщанію оставилъ онъ на Екатерининскую больницу и остальные 296 руб. въ распоряженіе высокопреосвященнаго митрополита Платона.

Погребенъ онъ въ придѣлѣ св. Андроника въ Спасскомъ монастырѣ, въ сѣверо-западномъ углу, въ приготовленной еще при жизни могилѣ.

Высказываемый нами взглядъ на епископа Пахомія рѣзко (до противоположности) расходится со взглядомъ на него священника Георгія Хитрова, высказаннымъ имъ въ „Историко-статистическомъ описаніи Тамбовской епархіи“, напечатанномъ въ 1861 году, и И. Дубасова, высказаннымъ въ статьѣ: „Къ исторіи Тамбовской церкви“, напечатанной въ 1 выпускѣ его „Очерковъ“, въ 1883 году. Тотъ и другой характеризуютъ Пахомія какъ человѣка очень недалекаго въ умственномъ отношеніи, жестокаго и корыстолюбиваго. Фактовъ, неоспоримо утверждающихъ ихъ сужденія, они не приводятъ, есть только глухія ссылки на указы, насланные изъ Синода, фактическая сторона которыхъ, за отсутствіемъ формальнаго слѣдствія надъ епископомъ, можетъ быть легко оспариваема. Архивъ тамбовской консисторіи совершенно не имѣетъ дѣлъ, могущихъ имѣть какое-либо значеніе для характеристики Пахомія, не сохранились даже тѣ синодскіе указы, на которые ссылается Хитровъ и вслѣдъ за нимъ Дубасовъ.

Новыя данныя, добытыя нами о Пахоміи, исключаютъ возможность согласованія ихъ съ указанными характеристиками Пахомія. Въ виду всего этого, мы рѣшили не полемизировать съ названными авторами, а изложить положительный свой взглядъ на него, представивъ самимъ читателямъ заключать о личности Пахомія. Для облегченія труда читателей, вниманію ихъ здѣсь предлагаются характеристики, сдѣланныя названными авторами съ *сохраненіемъ* *всѣхъ ссылокъ на документы*.

„При рассмотрѣніи поведенія священноцерковнослужителей, чи -

именно любовь его къ торжественности церковной, то думается, не будетъ ошибкой предположить, что этотъ подарокъ былъ сдѣланъ имъ въ началѣ своего пребыванія въ названномъ монастырѣ. А если такъ, то не будетъ, думается, ошибкой предположеніе, что ему же принадлежитъ инициатива и веденіе дѣла (хотя не посредственное) по благоустройству монастыря. Дѣло въ томъ, что на эти годы, годы пребыванія въ монастырѣ еп. Пахомія, падаютъ извѣстія о правильной систематической реставраціи монастыря. Въ 1777 г. изъ коллег. экон. отпущено 500 руб. на возобновленіе теплой церкви съ трапезой, 78 г.—500 для поправки кровли надъ братскимъ корпусомъ и возобновленіе настоятельскихъ покоевъ; 1779—500 руб. на поправку монастыря.

таемъ мы у Хитрова, открылось между ними множество порочныхъ. Виновные, еще прежде изслѣдованія ихъ вины, были внезапно схватываемы консисторскими служителями, которые несчастныхъ привозили въ кандалахъ въ консисторію, не забывъ захватить въ домахъ ихъ вольную плату за труды и подводу. Если консисторія въ то же время не отпускала ихъ домой, то непременно они поступали или въ консисторскій тюремный домъ на неопредѣленное время, или были отправляемы въ воеводскую канцелярію для причисленія ихъ въ податное сословіе. Заключенные изъ-подъ крѣпкой стражи военной не могли приносить никакого оправданія; отъ нихъ и не принимались никакія объясненія епископомъ Пахоміемъ. Въ этомъ случаѣ нерѣдко священнослужительскія жены и дочери—дѣвицы отправлялись пѣшія въ Св. Синодъ и тамъ получали справедливую защиту своимъ мужьямъ и отцамъ. Колодники выпускались и, по просьбамъ ихъ, переводимы были въ сосѣднія епархіи, а за ними слѣдовали многіе другіе изъ страха притязанія со стороны преосвященнаго (Указъ Синода 1761 г. мая и іюля). Наказанію подвергались не только люди, достойные того, но и сказавшія неосторожное слово предъ епископомъ безъ умысла, по невѣдѣнію. (Указъ Синода 1766 г. 6 ноября).

Отъ ставленниковъ предъ посвященіемъ требовались деньги на колокола отъ 10 до 50 руб. съ человѣка (епископъ Пахомій имѣлъ сильную страсть къ колоколамъ). Кто не давалъ всей требуемой суммы, тотъ или получалъ отказъ въ посвященіи, или поступалъ послѣ плетей подъ консисторскую стражу на неопредѣленное время. Эти ставленники, поступали ли они на мѣста причетническія или священническія, проживая въ городѣ на собственномъ содержаніи иногда годовъ по 5, рыли вмѣстѣ съ подначальными причетниками подлѣ Казанскаго монастыря рвы, настилали ихъ дерномъ, носили кирпичи на колоколитный заводъ, очищали мѣсто для конюшеннаго двора, били сваи на рѣкѣ для постройки бани, изъ Трегуляевскихъ дачъ по рѣкѣ Цѣ на плотяхъ переплавляли лѣсъ на постройку архіерейскаго дома, изъ Казанскаго монастыря возили на себѣ снѣгъ. Изнуренные работою, они доходили до крайней нищеты. Въ лохмотьяхъ являсь въ Синодъ, они испрашивали разрѣшенія на посвященіе,—и Синодъ давалъ строгія предписанія епископу Пахомію о немедленномъ посвященіи этихъ просителей, а иногда позволялъ имъ принимать посвященіе отъ сосѣднихъ епископовъ, чтобы имъ болѣе не являться въ Тамбовъ. (Указы Синода отъ 1766 г. 6 и 10 апр.).

Когда объявлена монаршая воля объ обителяхъ (учрежденіе штатовъ для монастырей 1764 г.), Пахомій приступилъ къ исполненію ея и исполнилъ съ ревностью вѣрноподаннаго.

Такъ какъ по другимъ епархіямъ заведены были семинаріи, то и Пахомій помышлялъ объ образованіи духовнаго юношества своей паствы. Дѣятельно готовилъ матеріалы и средства на постройку семинаріи...

Деревянный домъ для жительства и при немъ церковь были готовы въ скорое время. Въ 1764 году вмѣсто вотчинъ положено жалованіе 4.232 руб. 20 коп. на домъ и консисторію. На мѣсто крестьянъ предписано избрать изъ нихъ 44 человекъ служителей, для исправленія домашнихъ работъ при домѣ. Вышла новая бѣда. Служители избраны, но разбѣжались и уже чрезъ годъ отысканы совокупными усиліями воеводскихъ канцелярій тамбовской и шацкой. Военная команда принудила ихъ къ повиновенію.

Для постройки конюшеннаго двора съ разными службами послѣ неоднократныхъ понужденій со стороны военной канцеляріи были сведены съ монастырской земли нѣсколько дворовъ Покровской слободы.

Епископъ Пахомій чѣмъ далѣе жилъ въ Тамбовѣ, тѣмъ болѣе ослабѣвалъ союзъ его съ паствою. Незаконное отлученіе отъ церкви значительныхъ лицъ по одной личной мести (Указъ Синода 760 г. 19 іюня), пристрастное рѣшеніе слѣдственныхъ дѣлъ, изъ которыхъ иныя поэтому переслѣдовались въ другихъ епархіяхъ (Указъ Синода 779 г. декаб. 24), своекорыстное удержаніе денегъ съ вѣчныхъ памятей и изъ жалованія инвалидовъ, получавшихъ содержаніе отъ монастырей (Указъ 762 г. мар. 18), чрезмѣрно строгое обращеніе съ духовенствомъ, все это, чрезъ жалобы доходя до Св. Синода, заставило его удалить епископа Пахомія изъ Тамбова, и 14 ноября 1766 г. онъ переведенъ въ Устюгъ. Изъ Устюга на первый же годъ своего служенія епископъ Пахомій переведенъ по жалобамъ духовенства той епархіи въ Москву; сначала въ Новоспасскій монастырь, потомъ въ Андроніевъ, гдѣ и скончался въ 1789 году. Въ томъ и другомъ монастырѣ онъ оставилъ своимъ памятникомъ нѣсколько вылитыхъ имъ колоколовъ".— („Историко-статистическое описаніе Тамбов. епархіи“, 78—85). Въ іюнѣ 1758 года, читаемъ мы въ статьѣ Дубасова, къ намъ прибылъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Это былъ человекъ слишкомъ замѣтный по жестокости, даже и въ тѣ суровыя времена.

Онъ былъ ласковъ только къ постороннимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена нѣкоторые суровые помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сбѣлъ священниковъ плетьюми и заковывалъ ихъ въ ручныя и ножныя кандалы, а сыновей

и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ.

Во времена епископа Пахомія по епархіи разѣзжали консисторскіе пристава. Они схватывали заподозрѣнныхъ въ чемъ-либо священнослужителей, связывали ихъ и везли на судъ и расправу въ консисторію.

Случалось, что епископъ Пахомій наказывалъ священниковъ плетями, кандалами и консисторскою тюрьмою за какое-нибудь неосторожное или неумѣлое слово. (Указъ Синода 1766 г. 6 ноября).

Тягости тамбовскаго духовенства въ описываемое нами время выражались, между прочимъ, въ томъ, что со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10—50 руб. съ человѣка, и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть канавы, возить лѣсъ и кирпичи, бить сваи и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники несли такую барщину лѣтъ по 5.

Консисторскихъ чиновниковъ епископъ Пахомій заставлялъ приходить на службу въ 6 часу утра и за опаздываніе подвергалъ ихъ жестокимъ побоямъ, иногда собственноручнымъ, сбѣкъ плетями и держалъ подъ крѣпкимъ карауломъ, сковавъ ножными желѣзами. Вслѣдствіе этого однажды произошелъ слѣдующій замѣчательный фактъ.

10 ноября 1763 года въ Тамбовѣ была буря. Шумъ отъ вѣтра былъ такой, что консисторскіе чиновники не слышали звона къ заутренѣ. Поэтому канцеляристы Тарховъ и Александровъ опоздали на службу и явились въ свою канцелярію въ 7 часовъ. Архіерейскіе шпіоны дали знать объ этомъ владыкѣ. Провинившихся канцеляристовъ немедленно потребовали къ Пахомію и высѣкли. Но этимъ наказаніе не ограничилось. Тархова и Александрова начали заковывать въ кандалы. Дюжіе канцеляристы стали отбиваться и произвели ужасный крикъ. Къ несчастію, этотъ крикъ былъ услышанъ въ консисторіи, и вся канцелярія, измученная существующими порядками, ринулась въ архіерейскій домъ на выручку товарищей. Преосвященный Пахомій перепугался, окружилъ себя дворнею своего гостя помѣщика Девлеткильдѣева и приказалъ учинить колокольный набатъ. На звонъ прибѣжали пѣвчіе, монастырскіе служки, консисторскіе члены съ архимандритомъ Никономъ во главѣ и многіе городскіе обыватели...

Такимъ образомъ архипастырь былъ спасенъ, а его враговъ забрали въ провинціальную канцелярію (Москов. арх. минист. юстиціи, № 265, изъ бывшаго тамбов. уѣзд. суда).

Слухъ о дѣятельности Пахомія дошелъ наконецъ до Синода, и 14 ноября 1766 года Тамбовская епархія была избавлена отъ своего

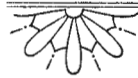
владыки. Епископъ Пахомій переведенъ былъ въ Устюгъ, а оттуда—въ Москву, въ Андроніевъ монастырь.

Памятниками тамбовскаго архипастырства епископа Пахомія въ настоящее время (1883 г.) служатъ большіе соборные и монастырскіе колокола, къ которымъ онъ имѣлъ исключительную внимательность.

Повидимому, нашъ бывшій епископъ все величіе православія понималъ съ колокольной точки зрѣнія. Таковъ онъ былъ и въ Москвѣ ¹⁾.

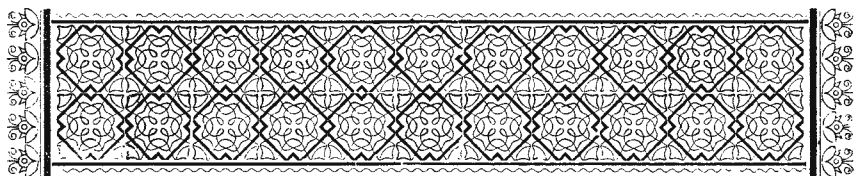
А. Нечаевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края“, Дубасова I в., 98—100 стр.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

(Быль изъ прошлаго).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго XIX столѣтiя, когда по волѣ императора Николая I, защищая престолъ Габсбурговъ, войска наши дрались съ венграми, а русское общество съ лихорадочнымъ интересомъ слѣдило за ходомъ военныхъ дѣйствiй, дамское общество въ одномъ изъ губернскихъ городовъ заготовляло для раненыхъ корпiю, собираясь для этого на семейные вечера въ домъ дворянства.

Разставленные за колоннами большого зала столы, служившiе всегда для игръ въ карты, были на этотъ разъ завалены грудой матеріала для корпiи, и къ маменькамъ и дочкамъ, усердно занимавшимся этой работой, то и дѣло присаживалась молодежь, шутиливо стараясь имъ помогать.

— Ну куда вамъ браться за наше дѣло,—сказала пожилая дама подсѣвшему къ нимъ молодому совѣтнику Кочетову,—распорядитесь лучше, чтобы намъ подали чай, а то отъ корпiи одолѣваетъ кашель.

Дама эта была Александра Матвѣвна Радомина, которую глаза называли Александрой Медвѣвной. Это была вдова, имѣвшая взрослыхъ очень умныхъ дочекъ. Жила она открыто, и у нея бывалъ весь городъ. Когда же кто-нибудь изъ мужчинъ долго не заѣзжалъ къ ней, то, увидя его изъ окна, она грозила кулакомъ, заставляя его повернуть оглобли къ ней въ ворота.

Не успѣлъ совѣтникъ исполнить это порученiе, какъ къ Радоминымъ подошелъ губернаторъ Кожуховъ. Это былъ человекъ средняго роста, на кривыхъ ногахъ, съ большимъ хохломъ на головѣ и съ зачесанными висками впередъ. Онъ былъ въ фракѣ и со звѣздой.

— Что новенькаго скажете намъ, Матвѣй Львовичъ—обратилась, къ нему Радомина,—какъ наши дѣла за границей? и скоро ли къ намъ вернуть артиллеристовъ, а то ужъ кавалеровъ-то у насъ много поубавилось.

Старый холостякъ Кожуховъ, глядя на ея дочекъ, улыбнулся и, подсѣвъ къ нимъ, разсказалъ объ успѣшномъ дѣлѣ венгровъ подъ начальствомъ Гергея.

— Ну, вотъ и такъ,—сказала старуха Радомина, язычка которой всѣ боялись,—воображаю, какъ обрадованы будутъ Гиргеевы; вѣдь его дѣдъ, говорятъ, былъ венгръ.

Выходка эта губернатору не понравилась, такъ какъ молодой Гиргеевъ, выйдя изъ кадетскаго корпуса съ гражданскимъ чиномъ, служилъ при немъ чиновникомъ, и онъ разсказалъ тутъ же о намѣреніи Александра Сергѣевича Гиргеева отправиться въ дѣйствующую армію, шутливо добавивъ, чтобы Радомина его чиновниковъ не затрогивала, а то и у него самого языкъ какъ бритва.

Но Медвѣвна, нисколько не смущаясь, отвѣтила: „очень жаль, что не изъ татаръ, а то бы языкъ вашего превосходительства употребила въ дѣло“. Вокругъ раздался громкій хохотъ.

Не прошло и полчаса, какъ обществу уже было извѣстно намѣреніе Гиргеева отправиться на войну, и пересудамъ не было конца. Одни говорили, что онъ поссорился съ матерью изъ-за сестры, которую мать принуждала выйти замужъ за богатаго оренбургскаго полковника Фабръ, а другіе, улыбаясь, намекали на свадьбу хорошенькой Яковлевой, которую мать насильно отдаетъ за гусара Коновалова. А вѣдь какъ Гиргеевъ порхалъ съ ней на балахъ и вечерахъ; положить, бывало, она свою головку ему на плечо во время вальса и улыбаясь что-то шепчетъ. Сдѣлаютъ тура три по большой залѣ дворянскаго собранія, да потомъ столько же, такъ что, посадивъ ее на стулъ, оба едва отдышутся. Что же касается до мазурки, то они почти всегда танцевали ее въ первой парѣ и, чтобы разрознить эту парочку, коварныя подруги нерѣдко заранѣ брали слово у Александра Сергѣевича танцевать съ ними кадрили или мазурку.

Гиргеевъ въ эти его юные годы еще не считался женихомъ, и маменьки только охали, что онъ былъ молодъ для ихъ дочекъ, хотя онъ благодаря своей наружности при его высокомъ ростѣ всѣмъ нравился, а хорошее состояніе его еще болѣе возбуждало къ нему интересъ. Это былъ веселый жизнерадостный юноша, который хорошо танцевалъ и пѣлъ, аккомпанируя себѣ на роялѣ. Ни одинъ изъ вечеровъ, ни кавалькады, ни пикники не обходились безъ его

участія, и онъ, какъ единственный сынъ у своей богатой вдовой матери, широко пользовался и свободой, и средствами.

Губернскій городъ С. отличался тогда своими оригинальными постройками, представляя собою дворянское гнѣздо. Цѣлыя улицы и даже кварталы были застроены дворянскими домами, обнесенными съ улицы чугунными рѣшетками, и парадные подъѣзды большею частью находились со двора.

Весело жилось въ бывшее время семьямъ помѣщиковъ, оставлявшимъ въ С. почти всѣ доходы съ своихъ имѣній. Зимой и въ особенности во время выборовъ дворянство буквально наполняло городъ. Кто же не имѣлъ собственнаго дома, тотъ заранѣе нанималъ квартиру или нѣсколько номеровъ въ гостиницѣ, которые достать въ половинѣ сезона не всегда представлялось возможнымъ.

Хлѣбъ-соль и радушіе старыхъ помѣщиковъ были завѣтомъ ихъ предковъ и нерѣдко привлекали въ провинцію столичнаго гостя, несмотря на отсутствіе въ то время желѣзнодорожнаго сообщенія и столь трудный переѣздъ на почтовыхъ. Министерскій чиновникъ добивался въ С. казеннаго порученія, а поступающая на службу молодежь стремилась туда же на немногія въ то время бывшія должности отъ правительства. Вечера, обѣды, рауты давались на перебой радушными семействами, а многочисленные балы и маскарады переполняли залы дворянскаго собранія, въ которомъ съ особенной торжественностью всегда встрѣчался Новый годъ.

Петербургскій гость, не скрывая отрадныхъ впечатлѣній отъ простоты провинціальнаго нравовъ и теплоты привѣта, неохотно возвращался къ натянутой жизни холодной сѣверной столицы.

Дворянство любило щеголять выѣздомъ, и рѣдкое семейство не имѣло въ городѣ двухъ каретъ и десятка цѣнныхъ лошадей, тѣмъ болѣе, что пѣшая прогулка дамъ по городу, безъ сопровожденія лакея, считалась въ провинціи предосудительной. Рысаки и лихія тройки, подобранныхъ подъ масть коней, служили выѣздомъ дворянской молодежи и предметомъ частыхъ пикниковъ и катаній съ женскимъ персоналомъ. Нерѣдко цѣлые поѣзда такихъ троекъ уносили престарѣлыхъ маменекъ съ красивыми дочками въ загородныя дачи, гдѣ, въ сопровожденіи молодежи, происходили пиры и танцы. Быстрота удалыхъ коней давала знать о себѣ проходимъ сотнями серебряныхъ бубенчиковъ, которыми украшалась троечная сбруя лошадей прежнихъ помѣщиковъ, при чемъ главный шикъ этого украшенія заключался въ подборѣ тона голосовъ бубенчиковъ, которые, не раздражая слуха, какъ пчелки жужжали въ массѣ снѣжной пыли, сопровождавшей несущійся поѣздъ.

И хотя въ это время всѣ удовольствія были прекращены, но

общество тѣмъ не менѣе не могло не замѣтить отсутствія Гиргеева, и разгадка причины этого дала поводъ дамамъ съ слѣдующаго же дня посѣщать его мать.

Однѣ пріѣзжали для выраженія сочувствія и сожалѣнія, что ихъ дочки лишаются пріятнаго кавалера, а другія изъ любопытства узнать дѣйствительную причину этого отъѣзда. Но къ общему удивленію никто ихъ не заставалъ дома. Всѣ спрашивали другъ друга: „Видѣли вы Александра Сергѣевича или его сестру?“ и отрицательный отвѣтъ сильно возбуждалъ общее любопытство.

Въ семействѣ же Гиргеевыхъ въ это время происходили важныя событія. У Анны Семеновны просилъ руки ея дочери мѣстный богатый помѣщикъ Иваницкій, котораго тайно любила Катринъ и ждала переѣзда его изъ Петербурга въ С. Александръ Сергѣевичъ, обрадованный предстоящей свадьбой сестры и огорченный, что вслѣдствіе этого долженъ былъ отложить поѣздку въ дѣйствующую армію, проводилъ дни и вечера въ семействѣ Яковлевыхъ, гдѣ также готовились къ свадьбѣ и ждали жениха.

Юный Гиргеевъ и Катенька Яковлева любили другъ друга, какъ дѣти, которымъ нравилось вмѣстѣ танцовать, скакать верхомъ или кататься въ кабриолетѣ. Онъ не жалѣлъ, что она выходитъ замужъ, но имъ только жаль было разставаться, такъ какъ послѣ свадьбы она должна была уѣхать въ другую губернію. Когда пріѣхалъ гусарь Коноваловъ и юные друзья замѣтили, что ему не нравились частыя посѣщенія Александра Сергѣевича, то послѣдній у Яковлевыхъ пересталъ бывать, но за то день свадьбы Гиргеевъ весь провелъ у нихъ и передъ вѣнцомъ самъ надѣвалъ бѣлый атласный башмачекъ на Катеньку и, убравъ ея головку живыми цвѣтами, крѣпко при матери ее поцѣловалъ. Встрѣтился онъ съ Катенькой затѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, когда она выдавала замужъ такую же свою хорошенькую дочку, какой была сама.

Гиргеевъ, получивъ спартанское воспитаніе того времени въ корпусѣ, сохранилъ чистоту и, проведя послѣ этого годъ подлѣ сестры и матери, не успѣлъ еще окунуться въ омутъ чувственныхъ развлеченій молодежи, почему ему и не разъ приходилось выслушивать насмѣшки кокетливыхъ барынь, которыя называли его въ глаза Юсифомъ Прекраснымъ.

Свадьба Катринъ Гиргеевой состоялась въ концѣ зимы при роскошной обстановкѣ, а съ наступленіемъ лѣта проводили и Александра Сергѣевича вмѣсто Венгріи на Кавказъ.

Въ домѣ Иваницкихъ въ день отъѣзда Александра Сергѣевича многолюдное общество было приглашено на завтракъ, послѣ котораго начались трогательныя сцены его прощанія съ матерью и

Иваницкими, и не только они, но и многія дамы его благословляли и цѣловали. Къ подъѣзду былъ поданъ дормезъ, запряженный четверикомъ почтовыхъ лошадей, съ лакеемъ на козлахъ, и Гиргеевъ, крестясь и напутствуемый крестнымъ знаменемъ вслѣдъ отъѣзжавшаго экипажа, взволнованный и растроганный, быстро уносился на новую жизнь и неизвѣстное будущее.

Черезъ три недѣли безостановочной ѣзды Гиргеевъ былъ уже во Владикавказѣ, гдѣ, остановившись въ единственной гостиницѣ, сдѣлалъ визиты нѣсколькимъ военнымъ начальникамъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были семейные, то, познакомившись съ ними, сталъ у нихъ бывать. Особенно онъ былъ обласканъ начальникомъ Владикавказскаго военнаго округа, который пригласилъ Гиргеева во все время пребыванія его во Владикавказѣ у него обѣдать. Семейство его заключалось изъ жены и двухъ свояченицъ, изъ которыхъ младшая Любочка была очаровательная блондинка, стройная, высокаго роста и съ кудрявой головкой. Другое семейство командира артиллерійской батареи Апачинина было также не менѣе интересно, и онъ женатый на грузинской княжнѣ былъ гостепріимень до крайности, почему Гиргееву и приходилось бывать у нихъ поочередно.

Дамское общество во Владикавказѣ было въ то время очень малое и заключалось, кромѣ семействъ этихъ начальниковъ, еще изъ двухъ—трехъ военныхъ барынь.

Жена этого батарейнаго командира Варвара Яковлевна, по-грузински Бабали, маленькая, худенькая брюнетка, хотя и не была красавицей, но до крайности интересной. Сядетъ, бывало, она въ своей уборной передъ каминомъ и, протянувъ крошечныя ножки на рѣшетку, заставитъ горничную расчесывать свои до полу длинныя волосы, а милѣйшій супругъ ея Алексѣй Петровичъ въ своей неизмѣнной черной ермолочкѣ, похаживая, покуриваетъ трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ.

Тепло и уютно всегда чувствовалось въ этой семьѣ. Къ обѣду собирались офицеры его батареи, и появлялась жившая у нихъ юная и чрезвычайно скромная сестра хозяйки, совершенная блондинка княжна Сопико; а иногда приходила и другая сестра Като, жена инженернаго капитана. Въ это же время прѣхалъ во Владикавказъ командиръ Кабардинскаго полка полковникъ князь Барятинскій, человекъ высокаго роста и сильнаго сложенія. Онъ одѣвался щеголевато, носилъ лаковые щиблеты и воротнички снѣжной бѣлизны. За Бабали онъ сильно ухаживалъ и вообще въ семействѣ Алексѣя Петровича держалъ себя очень просто. Встанетъ, бывало, на стулъ и займется исправленіемъ стѣнныхъ часовъ, а въ день

рожденія хозяйки помогаль ей разставлять столы и сортировать закуски и вина. Во время же обѣда упросилъ Бабалю снять съ вожки атласный башмачекъ, изъ котораго и выпилъ шампанское за ея здоровье. Примѣру Барятинскаго послѣдовали всѣ офицеры, но когда очередь дошла до Гиргеева, то онъ съ юношеской неприужденностью просилъ разрѣшенія хозяйки выпить шампанское изъ бокала. Разрѣшеніе, конечно, послѣдовало, но Барятинскій замѣтилъ ему, что это не любезно, а смущенная Бабаля хотя и улыбалась, но видимо осталась недовольна, и только одна сидѣвшая съ нимъ рядомъ Сопико своимъ взглядомъ одобрила этотъ поступокъ.

Обѣдъ кончился и, съ наступленіемъ вечера, офицеры начали расходиться, что намѣренъ былъ сдѣлать и Гиргеевъ, взявъ въ руки непривычный глазу военныхъ шапо-клякъ, но Бабаля и ея мужъ просили его провести у нихъ вечеръ, сказавъ съ улыбкой, что Барятинскій съ Алексѣемъ Петровичемъ и двумя пожилыми офицерами сядутъ за карты, а Гиргеевъ въ наказаніе за свой поступокъ передъ Бабалей долженъ занимать дамъ.

Послѣ этого Бабаля, сѣвъ на козетку и показавъ возлѣ себя стулъ Гиргееву, кокетливо спросила: „вѣдь вы навѣрное думаете, что я на васъ сердита? ошибаетесь, напротивъ, мнѣ очень понравился вашъ маленькій капризъ“—и, протянувъ ему руку, добавила: „мы будемъ друзьями“. Гиргеевъ поцѣловалъ протянутую ручку и старался завѣрить, что онъ не выпилъ изъ башмачка только потому, что пили всѣ изъ него.

— А если бы вамъ одному пришлось выпить?

— Заранѣе ничего не могу сказать вамъ, но, можетъ быть, и выпилъ бы одинъ глотокъ, такъ какъ вина по молодости своихъ лѣтъ я пить еще не научился.

И дѣйствительно Александръ Сергѣевичъ вина никогда не пилъ, почему за обѣдомъ кавказскія барыни, смотря на него какъ на юношу, изъ шалости заставляли пить кахетинское изъ чайной ложки, сами вливая ему въ ротъ.

Александръ Сергѣевичъ въ этотъ разъ провелъ во Владикавказѣ болѣе мѣсяца и несмотря на такой короткій срокъ сдѣлался почти домашнимъ человѣкомъ какъ въ семействѣ Апачининыхъ, такъ и начальника округа. Они оба предлагали ему поступить къ нимъ на военную службу, но Гиргеевъ подъ предлогомъ желанія посмотреть Дальній Кавказъ, простился съ ними и опредѣлился юнкеромъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ, квартировавшихъ на рубежѣ Большой Чечни.

Командиръ этого полка былъ нѣмецкій баронъ, и въ полку его

не любили, кромѣ весьма немногихъ избранныхъ, которыхъ онъ и приглашалъ къ себѣ обѣдать; въ числѣ послѣднихъ было двое разжалованныхъ въ солдаты поляковъ: одинъ часовой мастеръ, наблюдавшій постоянно за часами въ его домѣ, а другой—оберегавшій его здоровье врачъ.

Баронъ, какъ человѣкъ корыстный, чрезмѣрно пользовался предоставленнымъ тогда офицерамъ правомъ брать солдатъ для заготовки фуража для лошадей, отпуская каждому рабочему по пяти копеекъ въ день и по двѣ чарки водки; но офицеры могли брать для этого на работы не болѣе двоихъ. Баронъ же, подѣ предложомъ заготовки войскамъ для экспедицій, бралъ солдатъ сколько хотѣлъ и, припасая сѣна по нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ, дѣлалъ поставку его по справочнымъ цѣнамъ, наживъ такимъ образомъ въ бытность свою командиромъ полка не одну сотню тысячъ рублей, получая еще за это и благодарность.

Съ первыхъ же дней поступленія Гиргеева въ полкъ онъ приобрѣлъ симпатіи не только юнкеровъ и офицеровъ, но даже и командира полка, который удостоилъ его приглашеніемъ къ себѣ приходить обѣдать; но Гиргеевъ, избѣгая еще незаслуженнаго вниманія, воспользовался этимъ только одинъ разъ и, удаляясь даже отъ офицерскихъ пирушекъ, всецѣло отдался службѣ, поступивъ въ роту стараго капитана, отъ котораго всѣ бѣжали какъ отъ чумы; несмотря на то, что его всѣ предупреждали о личности этого капитана, но Гиргеевъ изъ молодечества хотѣлъ испытать всѣ трудности солдатской жизни.

Капитанъ Марцелинъ Семеновичъ, полякъ по происхожденію, былъ въ 1831 году разжалованъ изъ офицеровъ во время польскаго возстанія и сосланъ на Кавказъ, гдѣ почти въ 20 лѣтъ и дослужился вновь уже сѣдой до чина капитана. Въ ротѣ его не было не только ни одного младшаго офицера, но даже и юнкеровъ, кромѣ Гиргеева, почему эта добровольная кабала послѣдняго настолько польстила Марцелину Семеновичу, что онъ, продержавъ его мѣсяць въ казармахъ, самъ предложилъ перейти на квартиру. Гиргеевъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ это избавляло его отъ ужасной казарменной атмосферы и дало возможность перейти на устроенную заранѣе квартиру въ отдѣльной избѣ отставнаго семейнаго солдата, гдѣ до того времени жилъ крѣпостной лакей Гиргеева.

Служба въ этой ротѣ считалась образцовой, вслѣдствіе педантичности капитана. Онъ какъ зимой, такъ и лѣтомъ съ разсвѣтомъ дня являлся въ цитадель, гдѣ помѣщалась рота, которая къ его приходу всегда была выстроена и первая выходила за крѣпостныя ворота, чтобы отправляться на рубку лѣса, фуражировку и проч.

Батальономъ этимъ командовалъ шестидесятилѣтній полковникъ Оома Оомичъ К., начавшій службу на Кавказѣ вольноопредѣляющимся дивизіоннымъ писаремъ. Онъ былъ совсѣмъ сѣдой, широкоплечій, высокаго роста и говорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ. Безстрашный во время экспедицій, онъ гарцевалъ на конѣ передъ фронтомъ своего баталіона, вынимая то и дѣло изъ кармана фляжку съ горячительнымъ и даже нерѣдко мѣшая перестрѣлкѣ. О немъ рассказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ онъ ѣздилъ на родину, женился тамъ на какой-то молодой богатой купчихѣ и, возвращаясь въ полкъ безъ жены, два раза записывалъ въ свой формуляръ родившихся безъ него дѣтей, при чемъ каждый разъ приглашалъ офицеровъ на пирушку и со смѣхомъ говорилъ, что его молодая жена послѣ cadaго ребенка присылаетъ ему на зубокъ по 5.000 рублей.

Гиргеевъ, чуждый развлеченій, которыми пользовались его товарищи, не упускалъ случая участвовать въ набѣгахъ и экспедиціяхъ, и когда его рота должна была остаться въ крѣпости, то онъ, пользуясь протекціей Оомы Оомича, прикомандировывался къ другимъ ротамъ. Во время же весенней экспедиціи послѣ трудности баталіона при взятіи заваловъ, на долю Гиргеева выпалъ случай оказать особое отличіе при отступленіи роты, командиръ которой и поручикъ Е. были тяжело ранены, а фельдфебель убитъ, и Гиргеевъ, какъ портупей-юнкеръ, несмотря на контузію въ голову, вывелъ подъ сильнымъ огнемъ роту, подобравъ всѣхъ убитыхъ и раненыхъ; за что, однако же, не получилъ никакой награды, вслѣдствіе недоброжелательныхъ отношеній начальника отряда, генерала изъ гребенскихъ казаковъ. Генералъ этотъ былъ старый холостякъ и не могъ простить Гиргееву того обстоятельства, что изъ Грозной въ лагерь пріѣзжало навѣстить этого юношудамское общество двухъ его старшихъ начальниковъ, остановившихся у его, Гиргеева, солдатской палатки.

Эта несправедливость возмущала не только Оому Оомича, но и полкового командира, которые затѣмъ и старались осыпая Гиргеева своимъ вниманіемъ, хотя баронъ не могъ не замѣтить съ усмѣшкой, что начальнику отряда Гиргеевъ не понравился, вѣроятно, за то, что плохо цѣнить расположеніе къ себѣ старшихъ, удаляясь отъ всѣхъ подъ предлогомъ службы.

Вскорѣ послѣ этого сдѣлалось извѣстно о назначеніи начальника Владикавказскаго военнаго округа начальникомъ лѣваго фланга и командующимъ дивизіей, въ ожиданіи котораго, въ крѣпости для инспекторскаго смотра, полкъ сталъ готовиться, и баронъ, привыкшій наживаться чѣмъ только было можно, спѣшилъ на этотъ разъ привести въ порядокъ обмундированіе своихъ солдатъ.

Закаленные въ бою кавказскія войска того времени преимущественно хорошо знали тѣ ружейные приемы, съ которыми приходилось мѣтко стрѣлять и драться въ рукопашную, зарядженіе же ружья на 12 темповъ и маршировка тихимъ шагомъ въ программу не входили, чего юнкера и разжалованные совсѣмъ не знали, почему полковой командиръ и озаботился немедленнымъ обученіемъ послѣднихъ, пригласивъ для того поручика, только-что переведеннаго въ полкъ изъ прапорщиковъ гвардіи. Молодой поручикъ, оказавшись корпуснымъ товарищемъ Гиргеева, объяснилъ барону, что Гиргеевъ былъ въ корпусѣ извѣстнымъ фронтовикомъ, подходившимъ всегда въ качествѣ ординарца къ императору Николаю I и великому князю Михаилу Павловичу, почему полковой командиръ, назначивъ Гиргеева въ помощь офицеру, высказалъ свое намѣреніе особо представить его начальнику дивизіи.

Не прошло и мѣсяца, какъ полкъ, выстроенный съ знаменами, громко привѣтствовалъ дивизіоннаго начальника, сорокапятилѣтняго красавца генерала-лейтенанта. Его исполинскій ростъ, сильное сложеніе и громкій пріятный голосъ во время команды дѣлали его величественнымъ.

Генералъ Петръ Петровичъ Н.—самъ былъ гвардеецъ и, принявъ дивизію, обратилъ главное вниманіе на одежду, пищу и помѣщеніе войскъ, почему, не приказавъ даже пройти мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, вызвалъ отъ каждой роты по нѣсколько солдатъ и осмотрѣлъ ихъ нижнюю одежду, въ числѣ которыхъ оказалось нѣсколько разжалованныхъ, и среди этихъ очутились любимцы барона часовой мастеръ и врачъ въ разноцвѣтныхъ канаусовыхъ рубашкахъ. Баронъ, думая поправить дѣло, вызвалъ впередъ и всѣхъ юнкеровъ, заставивъ ихъ также снять верхнее платье, при чемъ и они также всѣ оказались въ тонкомъ цвѣтномъ бѣльѣ, исключая Гиргеева, у котораго все было сшито изъ солдатскихъ дачекъ и даже на ногахъ были портянки. Обстоятельство это чрезвычайно удивило всѣхъ и особенно барона, который зналъ, что Гиргеевъ, хотя и не носилъ какъ всѣ юнкера тонкаго мундира, но въ обыкновенное время подъ солдатскимъ сукномъ имѣлъ шелковую подкладку.

Послѣ этого инспекторскаго смотра какъ баталіонный, такъ и ротный командиръ удвоили свое вниманіе къ Гиргееву и въ слѣдующую затѣмъ экспедицію ему даже разрѣшено было жить въ палатѣ съ баталіоннымъ адъютантомъ подпоручикомъ Шуйскимъ.

Шуйскій былъ человекъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый съ большимъ открытымъ лбомъ и орлинымъ носомъ. Онъ былъ полякъ, но въ характерѣ его не было и тѣни польской за-

*

носчивости, и вообще онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ, что возбуждалъ къ себѣ общія симпатіи и, живя въ крѣпости особнякомъ, всегда уклонялся отъ разговоровъ о своемъ происхожденіи. Ранѣе Шуйскій служилъ офицеромъ въ артиллеріи и, имѣя у себя какіе-то документы польскаго сената о происхожденіи его предковъ отъ нашихъ князей Шуйскихъ, отказался ихъ выдать правительству, за что былъ разжалованъ въ солдаты и дослужился затѣмъ до чина подпоручика; но Шуйскаго все-таки называли въ полку всѣ офицеры княземъ, а солдаты говорили ему ваше сіятельство. Офицеры и даже полковой командиръ, указывая на только-что пожалованный титулъ князя поручику Кабардинскаго полка Святополькъ-Мирскому, совѣтовали и Шуйскому обратиться къ государю съ ходатайствомъ о предоставленіи и ему княжескаго достоинства, но онъ стѣснялся сдѣлать это, боясь подвергнуть отвѣтственности своихъ родственниковъ, спрятавшихъ его документы.

Экспедиція эта, какъ затѣмъ и слѣдующая дали возможность Гиргееву оказать новыя отличія, за которыя онъ не только былъ произведенъ въ офицеры, но и получилъ георгиевскій крестъ; тяжелая же рана въ ногу заставила его сначала долго лѣчиться, а затѣмъ быть прикомандированнымъ къ одному изъ Кавказскихъ линейныхъ казачьихъ полковъ, гдѣ удалая казачья жизнь пришлась Гиргееву по сердцу.

Нанявъ отдѣльный домикъ у одного отставнаго эсаула, онъ въ немъ прекрасно устроился, познакомившись съ офицерами какъ этого полка, такъ и квартировавшихъ въ станицѣ линейнаго баталіона и донской сотни. Чуждый картежной азартной игры, которая была въ большомъ ходу на Кавказѣ, Гиргеевъ началъ посѣщать хороводы, на которые по вечерамъ собирались дочери казаковъ. Тутъ молодыя, красивыя дѣвушки, держа въ рукахъ цвѣтные фонари, пѣли пѣсни и танцевали, и фамиллярное обращеніе офицеровъ указывало на короткое со многими изъ нихъ отношеніе. Офицеры стѣснялись только подходить близко къ дочери эсаула Фросѣ, которая при приближеніи ухаживателей, оставляла хороводъ и какъ серна исчезала быстро въ темнотѣ ночи. Фрося была дочерью хозяина дома, гдѣ квартировалъ Гиргеевъ, но видѣть ее въ этой семьѣ ему не приходилось.

Ей было только 15 лѣтъ, но она казалась старше. Средняго роста, съ гибкимъ станомъ и жгучими черными глазами она слыла среди своихъ подругъ красавицей и обращала на себя общее вниманіе офицеровъ, но говорить съ ней никому изъ нихъ не удавалось. Эта нелюдимость Фроси заинтересовала Гиргеева и возбудила въ немъ сильное желаніе узнать ее ближе, что однако случилось

не скоро. Но вотъ, однажды, онъ былъ на охотѣ на кабановъ; карабахскій конь его, запутавшись въ камышахъ, упалъ, и Гиргеевъ настолько сильно былъ зашибленъ, что его на рукахъ принесли въ станицу. Хозяева приняли въ немъ самое теплое участіе, и Фрося, прикладывая на разбитый бокъ больного компрессы и давая по указанію врача лѣкарства, цѣлыя ночи просиживала у изголовья Гиргеева. Тутъ онъ узналъ причину ея отчужденности отъ общества мужчинъ. Оказалось, что когда ей было еще только 13 лѣтъ, жившій у нихъ на квартирѣ офицеръ, изъ армянъ, воспользовавшись ея дѣтскимъ возрастомъ, обезчестилъ ее, а черезъ три дня былъ убитъ въ сраженіи. Объ этомъ несчастіи она тогда же передала родителямъ, и они были сильно озабочены, такъ какъ по достиженіи 16 лѣтъ обязаны были по письменному условію отдать ее замужъ за сына станичнаго начальника, съ которымъ по обычаю они въ дѣтствѣ были засватаны, съ неустойкой въ 500 рублей.

Гиргеевъ хотя наружно и возмужалъ подъ кавказскимъ солнцемъ, но женщинъ близко еще не зналъ, и влеченіе его къ Фросѣ перешло въ сильное чувство. Они настолько полюбили другъ друга, что скрывать это передъ родителями ея не представлялось болѣе возможнымъ; передъ тѣмъ же, какъ Фросѣ исполнилось 16 лѣтъ, Гиргеевъ передалъ имъ сумму неустойки и на время переговоровъ съ семействомъ ея жениха самъ уѣхалъ во Владикавказъ.

Но не прошло и двухъ недѣль послѣ этого, какъ онъ получилъ письмо отъ сотеннаго командира о томъ, что Фрося была повѣнчана, хотя и сказала въ церкви священнику, что ее замужъ отдають насильно.

Извѣстіе это удручающе подѣйствовало на душу Александра Сергѣевича, и онъ не скоро могъ собраться съ мыслями.—Вотъ она первая любовь,—думалъ онъ,—любить такъ я больше уже никого не буду и зачѣмъ меня занесло въ эту станицу, гдѣ дикіе нравы казаковъ заставляютъ ихъ смотрѣть на женщину какъ на вещь. Но дѣла нельзя было поправить, почему волей-неволей пришлось покориться обстоятельствамъ, и онъ рѣшилъ избѣгать какихъ бы то ни было объясненій съ родителями Фроси, которые такъ вѣроломно съ нимъ поступили, почему и отдалъ письменное распоряженіе своему лакею перевезти вещи въ сосѣднюю станицу, гдѣ была штабъ-квартира этого казачьяго полка, найдя тамъ предварительно помѣщеніе.

Этотъ пріѣздъ Гиргеева во Владикавказъ былъ первымъ послѣ того, какъ его видѣли тамъ штатскимъ, и всѣ его знакомые и особенно Апачинины были удивлены той перемѣной, которая произошла въ немъ въ эти три года. Вмѣсто веселаго, безпечнаго юноши

они встрѣтили возмужалаго, загорѣлаго, обросшаго уже бородой раненнаго офицера.

Въ семействѣ Апачининыхъ произошли перемѣны: Сопико вышла замужъ, и Бабаля сильно чувствовала ея отсутствіе. Вечера приходилось проводить болѣе монотонно,—выслушивая рассказы хозяина и офицеровъ о военныхъ дѣлахъ въ округѣ за это время, о перемѣнахъ, которыя произошли среди начальства и проч.—Какъ много значить, когда недостаетъ одного человѣка въ семьѣ,—размышлялъ Гиргеевъ,—сидя въ пасмурномъ настроеніи около хозяйки.—„Не стало Сонички и вмѣстѣ съ ея чудной бѣлокурой головкой совѣмъ исчезла веселость въ домѣ“. Онъ невольно перенесся въ грубую семью Фроси и ужаснулся мысли, что могъ бы когда-нибудь назвать ея родителей родными, и эта мысль настолько отрезвила его, что онъ вскочилъ, какъ ужаленный, испугавъ этимъ движеніемъ не только сосѣдку, но даже и хозяина. Послѣдовалъ общій вопросъ, что съ нимъ случилось, и Гиргееву пришлось выпутываться.

— Вотъ видите ли,—сказалъ онъ,—я вспомнилъ Владикавказъ моего перваго приѣзда, затѣмъ странствованія свои за эти три года по дремучимъ лѣсамъ, немирнымъ ауламъ и дикимъ казачьимъ станицамъ и теперь, пригрѣвшись снова въ вашей радушной семьѣ, почувствовалъ впервые такую тоску по родинѣ, что готовъ былъ бы хоть сейчасъ бросить службу и безъ оглядки бѣжать домой.

Вскорѣ послѣ этого Гиргеевъ уже былъ на линіи, гдѣ кое-какъ устроившись въ своей новой квартирѣ, началъ хлопотать объ отставкѣ. Но не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ, проходя вечеромъ по станицѣ, онъ совершенно неожиданно встрѣтилъ на мосту мужа Фроси, который, не сказавъ ни слова, выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета и видя, что Гиргеевъ остался невредимъ, онъ на него бросился съ обнаженной шашкой. Гиргеевъ, хорошо дравшійся на эскадронахъ, отпарировалъ ударъ и своей шашкой выбилъ шашку хорунжаго Вьючнаго и, направивъ въ него дуло своего пистолета, приказалъ ему не трогаться съ мѣста.

— Что я тебѣ сдѣлалъ?—спросилъ Гиргеевъ,—и за что ты меня хотѣлъ убить?

Обезоруженный хорунжій, отступивъ назадъ, угрюмо отвѣтилъ:

— За что же вы обезчестили мою жену, съ которой я былъ сосватанъ въ дѣтствѣ?

— Но развѣ она не рассказала тебѣ о Каргановѣ и о томъ, что случилось съ ней, когда ей было 13 лѣтъ?

— Ничего не знаю,—отвѣтилъ смущенный Вьючный.

— А добровольно Фрося шла за тебя замужъ?

| Нѣтъ,—она сказала въ церкви,—что любить другого, и я

просилъ освободить меня отъ этого брака, но такъ какъ ея родители тутъ же потребовали неустойку, то я волей-неволей долженъ былъ жениться.

Гиргеевъ послѣ этихъ словъ опустилъ пистолеть и, подойдя къ хорунжему, протянулъ ему руку, сказавъ: „теперь понятна мнѣ эта злоба, и я охотно прощаю вамъ вашъ ужасный поступокъ, убѣжденный, что когда вы разспросите жену, то между нами болѣе не будетъ столкновеній“.

Молодые люди разстались. Вьючный ѣхаль въ свою станицу и, поглаживая гриву верхового коня, раздумывалъ о томъ, что онъ чуть было не убилъ человѣка, который далеко не былъ виновенъ въ его семейномъ несчастіи. Онъ рѣшилъ не говорить ни слова своимъ о случившемся, но разспросить жену обо всемъ, что было съ ней.

Гиргеевъ же, вернувшись къ себѣ, долго не могъ успокоиться, и возможность быть убитымъ не въ сраженіи, гдѣ онъ готовъ былъ положить свою голову, но разбойничьимъ выстрѣломъ своего же изъ злобы за казачку, его возмущала. Въ первый разъ близко сошелся онъ съ женщиной и такъ неудачно, и это отбило у него охоту къ дальнѣйшимъ увлеченіямъ.

На другой день, обѣдая у начальника линіи, онъ передалъ объ отправленной имъ въ свой полкъ отставкѣ, до полученія которой просилъ оставить его при казачьемъ полку, разчитывая еще хоть одинъ разъ понюхать пороху.

Желаніе Гиргеева сбылось скоро, и казакамъ вмѣстѣ съ нѣхотнымъ баталіономъ пришлось участвовать въ набѣгѣ на немирный аулъ.

Темнота ночи позволила тихо подойти отряду и обложить аулъ, въ которомъ все спало, а для прегражденія непріятелю возможности уйти въ горы, артиллерія подъ прикрытіемъ войска была разставлена въ разныхъ пунктахъ. Съ разсвѣтомъ дня въ аулъ былъ отправленъ парламентаръ съ предложеніемъ о сдачѣ, но такъ какъ онъ не возвращался, и со всѣхъ сторонъ появились горцы, съ которыми началась перестрѣлка, то начальникомъ отряда было послано для взятія аула двѣ роты линейнаго баталіона и съ Гиргеевымъ часть спѣшенныхъ казаковъ. Въ аулѣ солдатамъ и казакамъ пришлось сакли брать съ боя, такъ какъ оставшіеся въ нихъ горцы заперли двери и отстрѣливались изъ оконъ.

На площадкѣ близъ мечети стояла большая сакля, принадлежавшая, повидимому, старшинѣ аула. Гиргеевъ съ нѣсколькими солдатами и казаками, послѣ сдѣланнаго по нимъ выстрѣла, проникли въ саклю. Сначала въ ней никого не оказалось, когда же

быль поднять коверъ, отдѣлявшій вмѣсто двери другую комнату, то въ ней увидѣли въ углу присѣвшаго на пятки сѣдого старика-горца; онъ вооруженный молился передъ кораномъ, лежавшимъ на низенькомъ столикѣ. Русскій воинъ не рѣшился нарушить этой молитвы, и они остановились, но старикъ мгновенно вскочилъ и, сдѣлавъ выстрѣлъ, тяжело ранилъ одного изъ солдатъ, послѣ чего, конечно, былъ убитъ. Осмотрѣвъ всѣ закоулки сакли и не найдя болѣе никого, они выходили наружу, но въ сѣняхъ изъ открытой западни послѣдовалъ новый выстрѣлъ, которымъ былъ убитъ казакъ, озлобленные его товарищи бросились въ выходъ, откуда затѣмъ раздались страшные крики женщины, заставившіе Гиргеева спуститься туда, гдѣ онъ и освободилъ молодую черкешенку отъ освирѣпѣвшихъ солдатъ; при этомъ одинъ изъ нихъ, держа за ноги найденнаго тамъ двухлѣтняго ребенка, хотѣлъ объ стѣну разможжить ему голову, говоря, что когда выростетъ, будетъ такой же злодѣй. Но мальчикъ этотъ, оказавшійся братомъ черкешенки, былъ также освобожденъ Гиргеевымъ и оставленъ въ саклѣ, жечь которую онъ запретилъ.

По возвращеніи отряда на линію въ числѣ нѣсколькихъ плѣнныхъ, къ удивленію начальниковъ, оказалась захваченная казаками и 14 лѣтняя Хейкла, спасенная Гиргеевымъ отъ смерти.

Обстоятельство это главнымъ образомъ ставило его въ затрудненіе, такъ какъ захватили Хейклу тѣ самые казаки, которые находились съ нимъ при разгромѣ аула, почему волей неволей и пришлось ему помѣстить ее у себя, рассчитывая какъ можно скорѣе вернуть Хейклу въ ея семью.

Появленіе Хейклы у Гиргеева, составило цѣлое событіе, и каждому хотѣлось посмотреть плѣнницу, такъ что первое время ему приходилось видѣть у себя группы любопытныхъ, но хорошенькая дикарка пряталась въ свою комнатку и видѣть ее постороннимъ удавалось рѣдко.

Командиръ казачьяго полка, извѣстный того времени генералъ, принялъ большое участіе въ Хейклѣ и поручилъ своимъ переводчикамъ передать жителямъ ближайшихъ мирныхъ ауловъ о желаніи возвратить Хейклу ея семейству, послѣ чего многіе изъ мирныхъ черкесовъ и предлагали въ этомъ случаѣ свои услуги, но Хейкла слѣдовать за ними отказалась наотрѣзъ, боясь попасть имъ въ жены, такъ какъ по обычаю горцевъ они всегда похищаютъ для себя невѣсты.

При такомъ обстоятельстве Хейкла находилась около трехъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ она научилась немного говорить по-русски и настолько перестала дичиться, что даже однажды согла-

силась быть на вечерѣ у командира полка къ большому удовольствію молодежи. Гиргеевъ къ этому дню постарался одѣть ее въ роскошный костюмъ черкешенки, подаривъ при этомъ маленькій подѣ чернью кривой кинжалъ, который былъ заткнутъ у нея за поясъ.

Хорошенькая плѣнница, привязавшаяся за это время къ Гиргееву, не отходила отъ него на вечерѣ ни на шагъ, и когда командиръ полка шутя отвелъ его въ другую комнату, то Хейкла ухватилась за его рукавъ, говоря, что она безъ него не останется, что и подало поводъ тутъ же переговорить серьезно о ея участи, такъ какъ Гиргеевъ со дня на день ждалъ отставки и долженъ былъ уѣхать на родину.

— Что мы будемъ дѣлать съ Хейклой—говорилъ Александръ Сергѣевичъ командиру и нѣсколькимъ окружавшимъ ихъ офицерамъ,—не сегодня, такъ завтра я долженъ совсѣмъ уѣхать и оставлять въ такомъ положеніи нашу дикарку, которая, завѣрю васъ честью, господа, была для меня не болѣе какъ сестрой, очень тяжело.—Услышавъ это, Хейкла опустила свою головку на плечо Гиргееву и изъ-подъ темныхъ ея рѣсницъ блеснули слезы.—Я не оставлю тебя, урুষь,—шептала она,—возьми меня къ себѣ, и я буду твоей рабой.

Эта неоднократно происходившая въ квартирѣ Гиргеева, но неожиданная для окружающихъ сцена обнаружила симпатіи къ Хейклѣ двухъ офицеровъ: штабсъ-капитана генеральнаго штаба Кидяева и незадолго передъ этимъ поступившаго въ полкъ гусарскаго поручика Хомятова, желаніе которыхъ взять къ себѣ Хейклу настолько было сильно, что они даже заявили о своемъ намѣреніи на ней жениться. Такое проявленіе чувствъ молодыхъ людей объяснили сначала излишне выпитымъ кахетинскимъ, большіе мѣдные кувшины съ которымъ уже нѣсколько разъ были опорожнены гостями, но состоявшаяся на другой день между ними дуэль указала на дѣйствительно пылкое чувство обоихъ, и за Кидяевымъ, какъ первымъ, выразившимъ желаніе сдѣлать Хейклу своей женой, и было признано это право.

Узнавъ о дуэли, командиръ полка былъ сильно недоволенъ и высказалъ, что самоуправное рѣшеніе относительно Хейклы не можетъ быть имъ допущено безъ ея на то согласія, объяснивъ при этомъ Кидяеву, что хотя за отъѣздомъ Гиргеева онъ можетъ взять къ себѣ Хейклу, но при отвѣтственности за нее до тѣхъ поръ, пока не явятся за ней ея родные. Тѣмъ дѣло и было рѣшено.

Гиргеевъ, проживъ около трехъ мѣсяцевъ подѣ одной кровлей съ Хейклой, чувствовалъ себя далеко не хорошо, опасаясь передъ концомъ своей службы какой-либо новой неприятности, такъ какъ исто-

рія съ Фросею была еще слишкомъ свѣжа, почему, не получая все еще отставки, онъ рѣшилъ какъ можно скорѣе развязаться съ казачьей службой и тутъ же вскорѣ отправился въ штабъ-квартиру своего пѣхотнаго полка.

Что происходило съ Хейклою въ назначенный день отъѣзда Гиргеева, описать трудно; она, обвивъ его ноги руками и не пуская отъ себя, плакала, какъ ребенокъ, говоря, что никогда не приметъ русской вѣры и не будетъ женой Кидяева. Эти сцены заставили Александра Сергѣевича отложить свою поѣздку на нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ вещи его исподволь укладывались для дороги, а Кидяевъ заблаговременно перебрался въ его квартиру. Когда же Александръ Сергѣевичъ наконецъ уѣхалъ, то Хейкла, какъ дикій звѣрекъ, металась изъ угла въ уголъ, нѣсколько разъ выбѣгала на улицу и успокоилась только послѣ того, какъ ее убѣдили, что она останется жить у Кидяева лишь до пріѣзда ея родныхъ.

Такъ прошло нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ Кидяевъ тщетно всѣми силами старался пріучить къ себѣ этого дикаго звѣрка, но Хейкла, какъ рассказываетъ онъ, не говорила съ нимъ ни слова и, прижавшись въ уголъ своей комнатки, даже отказывалась принимать пищу.

И вотъ однажды утромъ станица была сильно взволнована ужаснымъ происшествіемъ: Кидяевъ былъ найденъ у себя въ квартирѣ съ перерѣзаннымъ горломъ. Онъ лежалъ на полу около письменнаго стола, на которомъ стояло зеркало и валялась окровавленная бритва. Хейклу немедленно арестовали, посадивъ въ мѣшокъ, которымъ называлось подвальное помѣщеніе для преступниковъ.

Но къ счастью Хейклы, вскорѣ была найдена при осмотрѣ квартиры упавшая за столъ собственноручная записка Кидяева къ матери; въ ней онъ писалъ, что жизнь ему уже давно настолько тяжела, что онъ рѣшилъ покончить съ собой и просить простить его и за него помолиться.

Освобожденную плѣнницу тутъ же взялъ къ себѣ Хомятовъ, и она, напуганная этимъ кровавымъ происшествіемъ, пошла уже безъ сопротивленія, но въ ту же ночь, задумавъ бѣжать, была найдена съ расшибленной ногой въ глубокомъ рву, окружавшемъ станицу, послѣ чего и пролежала около мѣсяца больной въ квартирѣ Хомятова.

Хомятовъ избалованный, единственный сынъ у знатныхъ родителей и большой кутила въ гусарскомъ полку, не оставилъ своихъ привычекъ и на Кавказѣ. Онъ относился ко всему легко и не былъ способенъ на серьезное чувство, почему во время болѣзни Хейклы, ухаживавшая за ней хозяйка квартиры не рѣдко была сви-

дѣтельницаей его непріятныхъ для больной шутокъ, кончавшихся ея негодованіемъ и угрозами. Когда же Хейкла совершенно выздоровѣла, то, воспользовавшись отсутствіемъ Хомятова, бѣжала лишь въ томъ одѣяніи, въ которомъ была взята въ плѣнъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и во время зимней экспедиціи, предназначавшейся для вырубкн широкихъ просѣкъ въ глубь Чечни, начальникомъ отряда часть войскъ была отправлена для взятія близъ находившагося немирнаго аула. Послѣ разгрома аула, когда отрядъ вышелъ на большую поляну и начальствомъ дѣлались распоряженія о распредѣленіи войскъ къ отступленію, въ небольшой перемычкѣ лѣса было замѣчено нѣсколько пѣшихъ горцевъ. Хомятовъ бросился туда со своей сотней, но тутъ же былъ сраженъ двумя пулями. Оторопѣвшіе казаки, сдѣлавъ въ свою очередь по нимъ залпъ, положили всѣхъ на мѣстѣ. Когда же съ убитыхъ горцевъ стали снимать оружіе, то среди нихъ нашли вооруженную женщину, которая, по завѣренію очевидцевъ, была Хейклой, но такъ какъ тѣла убитыхъ горцевъ войсками нашими не подбирались, то это послѣднее обстоятельство не могло быть тщательно провѣрено.

В. А. Шомпулевъ.

Къ исторіи винной монополіи 1659 г.

Государю Пресвященному Маркелу архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому бьютъ челомъ и являютъ сироты Государевы, Воложжана посадккіе людишка Ѳетка Осиповъ сынъ Коковинъ съ товарищи. Въ нынѣшнемъ, государь, въ 168-мъ году (т. е. въ 1659-мъ) подрядилися мы сироты твои на Колмогорахъ у таможенново и кружечныхъ дворовъ у головы у Ивана Михайлова съ товарищи въ двѣ тысени вѣдръ вина — поставить намъ сиротамъ твоимъ на три срока то вино на Колмогорахъ, и въ томъ у насъ винѣ Колмогорскому головѣ дана задаточная запись. И мы сироты твои на Вологдѣ винокурню построили совсѣмъ, и Вологодского кружечнаго двора голова Ѳедотъ Патракіевъ да ларешной цѣловальникъ Киприянъ Желвунцовъ на ту винокурню пріѣзжалъ и намъ сиротамъ твоимъ отказалъ и того подряднаго вина курить не велѣлъ. И мы сироты твои ходили съ Колмогорскимъ съ ларешнымъ цѣловальникомъ гостиные сотни съ Максимомъ Поповымъ на Вологдѣ къ стольнику и воеводѣ Алексѣю Павловичу Еропкину и приносили съ собою списокъ Великого Государя 3 грамоты за рукою Колмогорского таможенново головы Ивана Михайлова, и стольникъ и воевода Алексѣй Павловичъ Еропкинъ намъ сиротамъ Государевымъ отказалъ, и Великого Государя подряднаго вина курить и винныхъ запасовъ покупать не велѣлъ по ихъ Ѳедотову челобитью съ товарищи. Государь пресвященный Маркель, архіепископъ Вологодскій и Бѣлозерскій, пожалуй насъ сиротъ Государевыхъ, вели государь челобитье наше и явку записать, чтобъ намъ сиротамъ Государевымъ въ его Ѳедотовѣ задержкѣ съ товарищи въ томъ порядномъ винѣ отъ Великого Государя въ опалѣ не быть и отъ Колмогорского головы Ивана Михайлова съ товарищи по той записи въ прострочкѣ не быть. Государь святитель, смилуйся.

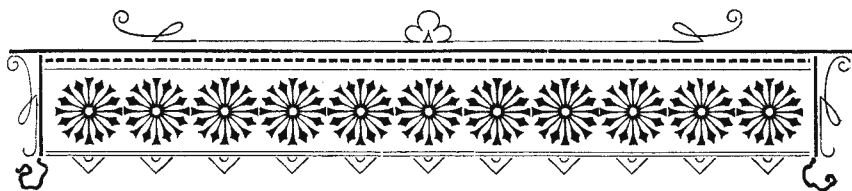
На оборотѣ челобитной рукоприкладства: къ сей извѣтной челобитной Ѳетка Осиповъ и вмѣсто Емельяна Ѳедорова руку приложилъ. Къ сей извѣтной челобитной Кирилко Юрьевъ руку приложилъ.

Помѣта: Записать. 168-го ноября въ 23 день. Подалъ явку Воложжанинъ посадкой человекъ Ѳедоръ Коковинъ. Діакъ Данила Столбичкой.

Сообщилъ И. Суворовъ.

Исторія карель ¹⁾.

(Окончаніе).

VIII.

Великая Сѣверная война и Ништадтскій миръ.

Въ 1700 году началась новая война русскихъ со шведами, которая въ Карелии выразилась вначалѣ партизанскими набѣгами русскихъ карель на шведскую сторону, шведо-финновъ на русскую сторону. Между прочими мѣропріятіями Петра Великаго за время начала военныхъ дѣйствій слѣдуетъ отмѣтить два факта, оказавшіе извѣстное вліяніе на карель: это были—основаніе въ 1701 г. Петровскихъ заводовъ, около которыхъ потомъ возникъ городъ Петрозаводскъ, и въ 1702 г.—корабельной верфи на Свири, обращенной потомъ въ г. Лодейное поле. Значеніе Петровскихъ заводовъ, а впоследствии и Петрозаводска заключалось въ томъ, что они стали экономическимъ центромъ для карель, жившихъ въ нынѣшнихъ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи и отчасти Салминскомъ уѣздѣ Выборгской губерніи (Шуезерскій приходъ).

Въ 1710 году русскіе овладѣли г. Кексгольмомъ, и это событіе оказало то же вліяніе на православныхъ карель, оставшихся въ шведскихъ владѣніяхъ, что и появленіе русскихъ войскъ въ 1656 г.: они стали присягать русскимъ, нападать на шведовъ и финновъ. Коскинень объясняетъ это вліяніемъ православныхъ священниковъ ²⁾, хотя скорѣе всего сказалось тутъ не успѣвшее испариться въ православныхъ кареляхъ тяготѣніе ихъ къ русскимъ. По Ништадтскому миру приладожская Карелия была возвращена Россіи, но не вся:

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь, 1908 г.

²⁾ Suomen Kansan historia стр. 322.

прежній Ильинскій-Иломантскій погостъ остался за шведами, т. е. граница прошла тамъ, гдѣ теперь идетъ граница между Выборгской и Куопіоской губерніями; восточная часть послѣдней составила шведскую Карелию.

*Притѣсненія православныхъ карель въ шведской Карелии
въ XVIII вѣкѣ.*

Въ шведской Карелии православное населеніе жило въ деревняхъ: Липери, Иломанси, Піэлистьярви, Пелькъярви, Тохмаярви, Ките. Во время Великой Сѣверной войны часть православныхъ карель погибла, часть разбѣжалась и вернулась на свои мѣста лишь по заключеніи мира. Объ ихъ участи и положеніи за весь XVIII вѣкъ расскажемъ по труду Салениуса „Kreikan usko Suomessa“. До 1730 г. у православныхъ карель здѣсь не было даже священника потому, что они не въ состояніи были содержать его, не успѣвъ оправиться матеріально отъ разоренія, причиненнаго войною, и сильно терпя отъ притѣсненій шведскихъ чиновниковъ. Шведскія власти не могли простить православнымъ карелямъ ихъ симпатій къ русскимъ. Въ 30-ые годы было позволено леисманамъ, судьямъ и др. чиновникамъ притѣснять православныхъ (71); въ 1734 г. король нашелъ возможность принудить православныхъ карель платить оброки и пасторамъ. Въ 1741 году пасторъ въ Липери просилъ, чтобы русскаго священника туда не пускали, а православныхъ карель обратили въ лютеранство (69). Въ 1756 году пробствъ и пасторы получили приказаніе ревизовать православныя общины, напр., какъ православный священникъ учить катехизису (67). Въ 1758 году король постановилъ, чтобы пасторы безъ оглашенія вѣнчали православныхъ, что было подтверждено и въ 1868 году (69). Такъ какъ до 1765 года у православныхъ былъ лишь одинъ священникъ, не успѣвавшій исполнять требы въ такомъ громадномъ по пространству приходѣ, то пасторы крестили дѣтей. Въ 1790 году пасторы Вегелиусъ и Монтинъ получили позволеніе совершать требы для православныхъ и „дружески обращать ихъ въ лютеранство“ (69). Свѣтскія власти содѣйствовали духовнымъ. Подъ предлогомъ уничтоженія языческихъ обрядовъ и обычаевъ среди православныхъ карель чиновники жгли ихъ часовни, вмѣшивались въ церковныя службы. Такъ чиновникамъ приказано было „препятствовать въ православныхъ церквахъ мошенничествамъ и глупымъ поступкамъ“ (56). Основываясь на этомъ, одинъ бродяга сжегъ въ 1749 году часовню въ Коверо подъ тѣмъ предлогомъ, что тамъ творились волшебства. Губернаторъ Яковъ Вреде, узнавъ о

существованіи часовень и въ другихъ мѣстахъ, приказалъ ихъ также сжечь, послѣ чего часовни не возстановлялись (56).

Несмотря на эти притѣсненія, число православныхъ увеличилось: притѣсненія нравственно возвышали ихъ, они, кромѣ земледѣлія, занимались ремеслами и торговлею и были зажиточнѣе лютеранъ. Лютеране стали посѣщать православную церковь такъ, что шведскія власти вынуждены были въ 1681 году постановить, чтобы лютеране не ходили въ иновѣрныя церкви (54, 55).

Со стороны шведскихъ властей борьба велась тѣмъ болѣе страстно, что здѣсь вопросъ былъ не въ одной только вѣрѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ понятіи о національности: будучи православными, карелы считали себя и русскими. Въ особенности жившіе ближе къ русской границѣ ревностно держались и вѣры, и одежды, и обычаевъ русскихъ (55). Шведскія власти отлично сознавали, что главною причиною такого пониманія карелами своей принадлежности къ русскимъ и тяготѣнія къ нимъ былъ церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи для карель. Поэтому шведскія власти стали настаивать на томъ, чтобы богослуженіе для карель совершалось по-фински; крестьяне же отстаивали церковно-славянскій языкъ, на которомъ богослуженіе у нихъ совершалось еще и въ 1765 году. Когда въ 1766 г. православныхъ карель обязали научиться грамотѣ, они просили позволенія научиться русской грамотѣ, а не финской (65). Въ 1767 г. шведское правительство строго запретило кареламъ праздновать русскіе праздники и молиться за русское правительство (64), а въ 1774 году консисторія предписала чиновникамъ принудить православныхъ карель слушать богослуженіе на финскомъ языкѣ (64). Присоединеніе Финляндіи къ Россіи въ 1809 году помѣшало шведскимъ властямъ довести въ этомъ отношеніи дѣло до конца. И кто бы могъ подумать, что за доведеніе до конца ихъ дѣла возьмется наше духовенство, которое въ 60-ые годы минувшаго столѣтія и ввело въ православно-карельскихъ приходахъ Куопіоской губерніи богослуженіе на финскомъ, а не на карельскомъ языкѣ. Результатомъ этого было то, что въ настоящее время православные карелы Куопіоской губерніи ничѣмъ уже не отличаются отъ чистыхъ финновъ, кромѣ своего православія, отъ котораго они толпами еще до обнародованія въ Финляндіи указа о свободѣ вѣроисповѣданія стали отказываться и переходить въ лютеранство, какъ это и можно прослѣдить по финскимъ газетамъ, издаваемымъ въ гор. Іоэнсу: въ Pohjois-Karjala и Karjalatar конца 1905 г. и начала 1906 года.

Приладожская Карелія въ XVIII.

Въ приладожской Кареліи, перешедшей по Ништадтскому миру подъ русскую власть, были оставлены шведскіе порядки и шведскіе чиновники, которые удержали и въ дѣлопроизводствѣ шведскій языкъ. Опираясь на шведовъ-чиновниковъ, имѣя поддержку себѣ и въ высшихъ чиновникахъ нѣмцахъ, лютеранское духовенство и здѣсь, какъ и въ куопіоской Кареліи, не отказывалось отъ попытокъ обращенія православныхъ карель въ лютеранство. Для огражденія поэтому православныхъ карель Синодъ въ 1728 и 1735 годы строго запрещаетъ пасторамъ совершать богослуженія для православныхъ и учить ихъ. Указомъ 1747 года Синодъ запретилъ пасторамъ крестить дѣтей православныхъ родителей, въ 1758 году пасторамъ запретили вѣнчать православныхъ и склонять ихъ къ лютеранству¹⁾.

Вслѣдствіе присоединенія этой части Кареліи къ Россіи, число православныхъ въ ней увеличилось отъ переселенія сюда русскихъ: солдатъ, купцовъ, ремесленниковъ. Вернулась, вѣроятно, и часть карель изъ нынѣшней Олонецкой губерніи въ нынѣшній Салминскій приходъ Выборгской губерніи, финны же лютеране, бывшіе здѣсь до войны, очевидно, или бѣжали или погибли во время войны. По крайней мѣрѣ лютеранская община, бывшая здѣсь до войны, послѣ войны исчезла, замѣнившись православною общиною.

Монастыри Валаамскій и Коневецкій были возстановлены. Валаамскій монастырь получилъ себѣ въ 1728 и 1732 годы деревни въ Кексгольмской области. Коневецкій монастырь получилъ въ 1728 году одинъ дворъ въ Пюхярви, въ 1797 году земли въ Сакколъ и рыбныя ловли въ Ряйсальѣ. Наибольшія земли получилъ себѣ Александро-Невскій монастырь: Сердобольскій, Импилахтинскій и Суйстамскій приходы достались ему.

Салминскій, Раутускій, Саккольскій, Валькъярвскій, Яаккимскій, Париккальскій, Куркіокскій, Рускеальскій и Суоярвскій приходы были отданы русскимъ дворянамъ въ помѣстья.

Всѣ эти явленія, вмѣстѣ взятыя: переселенія русскихъ сюда; русскіе помѣщики, монастыри, равно какъ и возникновеніе Петербурга, новой столицы Русскаго государства, въ устьяхъ Невы—оказали за время XVIII вѣка сильное вліяніе на обрусѣніе населенія Выборгской губерніи, какъ финско-лютеранскаго, такъ и православно-карельскаго, которое было немногочисленно по западнымъ берегамъ Ладожскаго озера и подавляющимъ по сѣверо-восточнымъ. Графъ Ребиндеръ, проѣзжавшій по Выборгской губерніи въ Петер-

¹⁾ Salenius. Kreikan usko.

бургъ послѣ войны 1808—1809 годовъ, не безъ горечи пишетъ: „Напрасно старались мы напомнить себѣ, что попираемъ еще финскую землю; все отличалось отъ нашего: обычай, одежда, образъ мыслей; даже языкъ, которымъ говорилъ народъ, представлялъ собою какую-то тарабарщину, смѣшанную съ русскими словами, такъ что мы его едва понимали“. Германъ Верихъельмъ замѣчаетъ о языкѣ населенія Выборгской губерніи: „финскій языкъ служитъ разговорнымъ языкомъ, хотя и русскій языкъ столь же общеизвѣстенъ“¹⁾.

Приладожская Карелія въ XIX вѣкъ.

Въ 1811 году приладожская Карелія, какъ составлявшая часть Выборгской губерніи, была отдѣлена отъ имперіи и присоединена къ Финляндіи. Финляндцы рѣшили выкупить у русскихъ помѣщиковъ и монастырей ихъ земли, что и начали немедленно приводить въ исполненіе, закончивъ выкупъ уже во вторую половину XIX вѣка. Финляндское правительство въ 1826 году объявило всѣхъ крестьянъ этихъ земель, выкупленныхъ у русскихъ помѣщиковъ, арендаторами казенной земли (*lampuodeiksi*) и только къ концу XIX вѣка крестьяне получили права собственности на обрабатываемые ими участки, кромѣ крестьянъ пограничныхъ приходоу Салминскаго уѣзда.

Салминскій уѣздъ къ концу XIX вѣка составлялъ помѣстье графовъ Орловыхъ, отъ которыхъ въ началѣ XIX вѣка онъ былъ купленъ купцами Громовыми. Громовы въ 1848 году основали здѣсь впервые школы—русскія: въ Салмѣ, Шуезерѣ, Корписелькѣ, Киделѣ и Шуйстамо. Горное вѣдомство, купившее земли Салминскаго уѣзда отъ Громовыхъ, перепродало ихъ въ 70 годы XIX вѣка финляндской казнѣ за исключеніемъ Шуезерскаго прихода.

Такъ какъ земли Салминскаго уѣзда позже всего перешли въ распоряженіе финляндской казны, то и русское вліяніе удержалось въ населеніи приходоу: Салминскаго, Шуезерскаго, отчасти Имбилахтинскаго и Шуйстамскаго по настоящее время.

Въ „*Suomen maakunnat. Pohjois-ja Ståkarjala*“ (стр. 44, 45, 70) говорится, что въ Сердоболѣ, какъ и въ другихъ приладожскихъ мѣстностяхъ, русскія деньги были въ исключительномъ употребленіи до 70-хъ годовъ XIX вѣка; финскихъ денегъ даже не брали. Въ Сердоболѣ съ 1757 года была школа, бывшая въ вѣдѣніи нѣмцевъ. До 50-хъ годовъ XIX вѣка преподаваніе въ ней велось на

¹⁾ Danielson, 44.

русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: исторія и географія преподавались по-русски, остальные предметы по-нѣмецки; на другихъ языкахъ не позволялось говорить даже въ перемѣны. Въ 1842 году нѣмецкій языкъ былъ замѣненъ шведскимъ. О существованіи такой же школы въ Кексгольмѣ пишетъ Я. Гротъ въ письмѣ къ Плетневу отъ 21 мая 1846 года: „Здѣсь родъ народной школы, самый первоначальной, гдѣ учатъ только два учителя: Фабриціусъ преподаетъ русскій языкъ, да географію и исторію по-русски же, ректоръ — другіе предметы (по-шведски)“. „Лучшіе изъ домовъ Кексгольма принадлежатъ русскимъ купцамъ“, пишетъ Я. Гротъ въ „Переѣздахъ по Финляндіи отъ Ладожскаго озера до рѣки Торнео“ на стр. 7. (Спб. 1847). Въ Сердоболѣ, по его же словамъ, жителей „на лицо не болѣе 450 человекъ, хотя записано въ немъ до 700; къ приходу здѣшней русской церкви принадлежитъ около 800 человекъ; большая часть этого числа состоитъ изъ финновъ окрестныхъ селеній. Русскій языкъ здѣсь болѣе извѣстенъ, нежели въ Кексгольмѣ; но однако жъ прислуга въ обоихъ городахъ говоритъ почти исключительно по-карельски (это какая-то смѣсь русскихъ словъ съ финскими)“ (стр. 15, 16). Ласковскій въ статьѣ „О православныхъ Выборгской губерніи“, помѣщенной въ „Современной Лѣтописи“ 1866 г., № 8, говоритъ, что еще въ 1859 году въ Кексгольмѣ на 1 тысячу жителей было 550 православныхъ, „торговля въ Кексгольмѣ и Сердоболѣ въ рукахъ русскихъ купцовъ“.

Карельское населеніе сѣверо-восточной части Выборгской губерніи еще въ срединѣ XIX вѣка, было настолько обрусѣлымъ, что называло себя русскимъ и говорило полурусскимъ языкомъ, который Я. Гротомъ былъ принятъ за нарѣчіе русскаго языка: „прибывшіе съ судномъ“, пишетъ онъ въ помянутыхъ „Переѣздахъ“ о встрѣченныяхъ имъ въ Кексгольмѣ карелахъ изъ Салминскаго уѣзда „называли себя русскими, но говорили особеннымъ нарѣчіемъ“.

Современный карельскій языкъ по сравненію съ финскимъ языкомъ.

Вліяніе русскаго языка чувствуется въ языкѣ православныхъ карель Выборгской Карелии еще и въ настоящее время, несмотря на стремленія учителей финскихъ народныхъ школъ и мѣстной финской администраціи очистить языкъ карель отъ русскихъ словъ. Такъ въ газетѣ „Laato K-ка“, № 53, 1905 года помѣщена такая замѣтка: „Ученикъ здѣшней (Сердобольской) семинаріи А. Панчу послалъ въ Гельсингфорсъ финскому литературному обществу пере-

чень 1.100 окареленныхъ русскихъ словъ. Слова собраны въ окрестностяхъ Импилахти. Болѣе основательное и тщательное изслѣдованіе даетъ, вѣроятно, неизмѣримо обильнѣйшее дополненіе къ этому сборнику, такъ какъ послѣдній есть лишь какъ бы образчикъ такихъ словъ“. Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ окареленныхъ русскихъ словъ: дѳрогу—дорога, туугчу—туча, пїятенчу—пятница, закусізъ—закусить, гуляима—гулять, мѳлодчу—молодецъ, богатопу—богатый, скуушпу—скупой, невѳску—невѳстка и пр.

Кромѣ этого въ языкѣ карель много встрѣчается такъ называемыхъ финскими языковѣдами велскихъ словъ. (См. напр. Suomen maakunnat. Pohjois-ja Stákarjala. Relander, стр. 66). Примѣры ихъ: эилендя—понимать (по-фински *ymmärtää*), кирвота—подать (по-фински—*puhota*), хуруа—лѣвый (по-фински *vasen*), левкята—хватать (по-фински—*kehua*), каймата—проводить (по-фински *senkata*) и проч.

Наконецъ многія слова, будучи общими и для карельскаго и для финскаго языковъ, имѣютъ разное значеніе у карель и у финновъ. Напр., пухунъ—у карель означаетъ дую, у финновъ—говорю; тю онанъ—у карель—посылаю, у финновъ—толкаю; ájá—у карель много, у финновъ—дѣдушка и проч.

Само собою, что въ языкѣ русскихъ карель количество русскихъ словъ, благодаря и русскимъ школамъ и сношеніямъ съ русскими, все болѣе увеличивается, окареливаніе же ихъ ослабляется.

Неудивительно поэтому, что „многое въ языкѣ (финляндскихъ) порубежныхъ карель непонятно финнамъ“, какъ это свидѣлствуется и самими финляндцами, напр., Реландеромъ въ книгѣ „Suomen maakunnat. Pohjois-ja Stá Karjala“, стр. 66, и наоборотъ карелы не понимаютъ финскаго литературнаго языка, какъ это свидѣлствуется, напр., Брандерсомъ въ его брошюрѣ „Tietoja Suojärven pitäjästá“.

Вліяніе финскихъ народныхъ школъ на населеніе приладожской Кареліи.

И Брандерсъ и Реландеръ согласно отмѣчаютъ вліяніе финскихъ народныхъ школъ въ Кареліи на языкъ молодого поколѣнія карель: „рѣчь молодого поколѣнія стала приближаться къ рѣчи населенія остальной Финляндіи“ къ неудовольствію стараго поколѣнія карель, порицающаго молодежь, прошедшую финскую школу, за то, что она „не умѣетъ болѣе и говорить по-человѣчески“, т. е. по-карельски ¹⁾.

¹⁾ Реландеръ, стр. 66.

Оказывая вліяніе на православныхъ карель, финскія народныя школы должны были оказать тѣмъ болѣе сильное вліяніе на финновъ сѣверно-западныхъ береговъ Ладожскаго озера. Населеніе приладожской Карелии, состоящее съ XVII вѣка по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера большею частью изъ финновъ и успѣвшее за XVIII вѣкъ и начало XIX значительно обрусѣть, быстро стало офинниваться во вторую половину XIX вѣка подъ вліяніемъ финскихъ народныхъ школъ, и въ настоящее время уже въ мѣстностяхъ по сѣверо-западнымъ берегамъ Ладожскаго озера слѣды русскаго вліянія стерты. Вниманіе финской интеллигенціи поэтому къ концу XIX вѣка обратилось на сѣверо-восточные берега Ладожскаго озера, на приходы съ православно-карельскимъ населеніемъ.

Финскія школы въ приходахъ православной Карелии стали впервые основываться въ 80 годы минувшаго столѣтія. О томъ, какъ онѣ были встрѣчены населеніемъ православно-карельскимъ, можно судить по статьѣ „Вѣроисповѣданіе и народность“, помѣщенной въ газетѣ „Laatokka“, № 63—1905 года. „При основаніи первой финской школы въ Салмѣ салминскіе крестьяне хотѣли воспрепятствовать этому исключительно на томъ основаніи, что большая часть населенія ихъ прихода исповѣдуетъ православіе, почему въ финской школѣ и нѣтъ надобности... Съ трудомъ удалось основать школу (въ Салмѣ), послѣ чего появились тамъ и другія школы, однако, подобно тому какъ и въ другихъ пограничныхъ приходахъ, понятіе о народности не находится въ удовлетворительномъ положеніи... Салминцы не хотѣли даже признать своего языка финскимъ... по непониманію многіе православные (карелы) присваиваютъ сами себѣ названіе русскихъ“.

Отсюда видно, какъ карелы не хотѣли финскихъ школъ у себя, не потому только, что они православные, но и еще по двумъ причинамъ: они не хотѣли русскихъ школъ и потому, что при ихъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и Россіею имъ необходимы русскія школы, а не финскія, и потому, что они сознаютъ себя русскими, чего не могъ скрыть и авторъ вышеприведенной статьи.

Финская школа всѣми силами стремится офиннить православныхъ карель; учителя финскихъ народныхъ школъ усердно стремятся уничтожать признаки обрусѣнія. Объ этой своей цѣли одинъ изъ учителей финскихъ народныхъ школъ на годовомъ праздникѣ Питкерантскаго общества молодежи 23 іюля 1905 года говорилъ между прочимъ такъ: „У насъ здѣсь въ пограничной Карелии нѣтъ собственно борьбы между партіями суометарьянцевъ и конституціоналистовъ, за то у насъ есть болѣе важное и болѣе отчетливое дѣленіе на партіи и есть борьба между офинниваніемъ и обрусѣ-

ніем“. („Laatokka“, № 82, 1905 г.). Поэтому-то во время большой забастовки въ Финляндіи въ концѣ 1905 года финляндская интеллигенція въ Карелии настаивала на закрытіи русскихъ школъ въ Карелии, какъ обрусѣвающихъ карель.

Вопросъ о языкѣ богослуженія въ приходахъ съ православно-карельскимъ населеніемъ.

Учителя финскихъ школъ обратили также вниманіе и на церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи православныхъ карель. Церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи для карель поддерживалъ въ представленіи карель ихъ связь съ русскимъ народомъ, ихъ близость къ русскому народу, поддерживалъ русскія слова въ языкѣ карель. Видя такимъ образомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ помѣху для офинниванія, учителя финскихъ народныхъ школъ въ православной Карелии возстали противъ церковно-славянскаго языка въ богослуженіи. Лѣтомъ и осенью 1905 года особенно усердно агитировали учителя въ Салминскомъ приходѣ противъ церковно-славянскаго языка. № 69, 53, 57, 64, 62, 63 газеты „Laatokkin“ за 1905 г. заключаютъ въ себѣ описанія такой агитаціонной дѣятельности учителей финскихъ народныхъ школъ. И несмотря на всю эту агитацію, несмотря на всѣ труды учителей, подавляющее большинство православныхъ карель Салминскаго прихода высказалось за церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи и за русскій языкъ въ школахъ, или правильнѣе сказать, за русскія школы. Вопросъ о языкѣ богослуженія для православныхъ карель въ Выборгской губерніи поднимался уже въ 60-е годы, когда часть православнаго духовенства высказалась за необходимость введенія финскаго языка въ богослуженіи для карель. Такіе близорукіе сторонники финскаго языка въ богослуженіи для карель среди православнаго духовенства имѣются и въ настоящее время. Эти духовныя лица оправдываютъ введеніе финскаго языка въ богослуженіе для карель тѣмъ, что финскій языкъ будто бы понятенъ для карель, хотя въ дѣйствительности финскій языкъ понятенъ тѣмъ лишь кареламъ, которые прошли финскую народную школу. Однако почему же тогда не совершали богослуженіе для карель на ихъ же карельскомъ языкѣ, разъ дѣло идетъ о необходимости совершать богослуженіе на родномъ языкѣ молящихся? Эти духовныя лица или не хотятъ понять, или умышленно ведутъ дѣло въ Выборгской Карелии къ тѣмъ результатамъ, которые теперь обнаружались въ Куопіоской Карелии. Тамъ, какъ выше мы указали, уже съ конца XVIII вѣка

богослуженіе стало совершаться на финскомъ языкѣ для православныхъ карель, и православные карелы поэтому давно вполне офиннились. Сдѣлавшись совершенными финнами, они стали смотрѣть на свое православіе, 1) какъ на послѣднее напоминаніе о нефинскомъ своемъ происхожденіи; 2) какъ на послѣднюю поэтому помѣху для окончательнаго сліянія съ чистофинскимъ населеніемъ; они стали тяготиться своимъ православіемъ, равно какъ и своими русскими фамиліями. Послушайте, напр., какъ говоритъ о своемъ православіи одинъ изъ такихъ куопіоскихъ карель, ѣздившихъ осенью 1905 г. въ Петербургъ для перехода тамъ въ лютеранство. Напомнимъ лишь въ объясненіе поѣздокъ въ Петербургъ для перехода въ лютеранство, что законъ о свободѣ вѣроисповѣданія въ Финляндіи обнародованъ былъ лишь въ началѣ 1906 года, такъ что переходить въ лютеранство въ 1905 году можно было лишь въ имперіи. „Когда мой дѣдъ въ началѣ минувшаго столѣтія отъ рабства бѣжалъ изъ Россіи, то жгучая жажда свободы заставила его сдѣлать это... Онъ освободилъ отъ рабства свое тѣло, и Финляндія стала его родиною. Но развитіе идетъ медленно, и *онъ могъ стать финномъ лишь наполовину, т. е. физически...* я, его внукъ, счастливъ тѣмъ, что могъ освободить отъ рабства также и совѣсть и душу своего рода. И я сдѣлалъ это изъ-за того же жгучаго стремленія къ свободѣ. Мое дѣло заключалось лишь въ продолженіи дѣла дѣда. И я чувствовалъ (въ моментъ перехода въ лютеранство), что теперь, именно теперь пробилъ тотъ часъ, *когда я съ будущимъ своимъ родомъ окончательно и духовно слился съ финскимъ народомъ“* ¹⁾. Вотъ такимъ образомъ взглядъ на православіе совершенно офиннивагося карела. Православіе мѣшало ему вполне слиться съ финскимъ народомъ; будучи православнымъ, онъ не могъ сознать себя чистокровнымъ финномъ; православіе давило его, словно цѣпи раба, напоминая о связи съ русскими—ненавистными русскими: онъ, подобно многимъ другимъ куопіоскимъ кареламъ, сбросилъ съ себя не только православіе, но и русскую фамилію своихъ предковъ. Этотъ же результатъ будетъ, конечно, и съ православными карелами Выборгской губерніи, когда они посредствомъ финскихъ народныхъ школъ и богослуженія на финскомъ языкѣ будутъ офиннены.

¹⁾ Karjalatar, № 5, 1906 года, статейка „Одно воспоминаніе“.

Православное духовенство въ Карелии.

Православно-русское духовенство должно бы было это понимать. Впрочемъ по близорукости своей православно-русское духовенство не хочетъ заглядывать въ будущее, имѣя нѣкоторое для себя удобство въ настоящемъ отъ богослуженія на финскомъ языкѣ. Не могу не привести предварительно одинъ аналогичный фактъ удобства въ настоящемъ. Въ 1843 году коронный фохтъ Арениусъ разрушилъ часовню въ Менчелѣ (Сердобольскаго прихода) подъ тѣмъ предлогомъ, что она была старовѣрческая. Мѣстные жители утверждали, что здѣсь никогда и не было старовѣровъ, обвиненіе же это было выставлено православнымъ священникомъ Сердоболя, обязаннымъ разъ въ годъ ѣздить въ Менчелу для совершения тамъ богослуженія. Тяготясь поѣздками за 17 верстъ на лодкѣ, священникъ подалъ заявленіе о принадлежности часовни старовѣрамъ¹⁾. Часовня была разрушена и перестала такимъ образомъ напоминать жителямъ о ихъ православіи, перестала поддерживать ихъ религіозное рвеніе, заставивъ ихъ ѣздить для удовлетворенія своего религіознаго чувства въ Сердоболь. Зато священнику было теперь удобнѣе. Также дѣло обстоитъ для православно-русскаго духовенства и въ отношеніи богослужебнаго языка для православныхъ карель. При обработанности въ литературномъ отношеніи финскаго языка переводить православныя богослужебныя книги на финскій языкъ несравненно легче, чѣмъ на совершенно необработанный карельскій языкъ. Съ одной стороны удобство отъ легкости перевода на финскій языкъ, съ другой—благосклонность мѣстной финской интеллигенціи за содѣйствіе по офинниванію карель и нашли въ средѣ православно-русскаго духовенства горячихъ сторонниковъ богослуженія на финскомъ языкѣ. Въ послѣднее время духовная власть пошла даже еще далѣе въ этомъ направленіи. Въ православныя священники стали назначать православныхъ карель, офиннившихся предварительно въ финской народной школѣ и затѣмъ въ сердобольской финской учительской семинаріи. Въ виду громаднаго значенія Сердобольской финской учительской семинаріи въ дѣлѣ офинниванія восточной части Выборгской губерніи, мы приведемъ особо исторію возникновенія этой семинаріи и значеніе ея дѣятельности въ православной Карелии. Теперь же укажемъ лишь для примѣра на образъ мыслей одного изъ такихъ священниковъ, именно священника сердобольской церкви Садовникова, питомца сердобольской

¹⁾ Muinois jaännöksiö ja muistoja Sortavalan Kihlakunnasta. Killinen въ Suomen Muibas muisto—lhdixtyksen eti kakanskirja. 1890.

учительской семинаріи. Въ финской газетѣ «Karjala», № 14, 1906 года Садовниковымъ была помѣщена статья „Отвѣтъ Юрю Karjal'ы“, въ которой онъ, указывая на свои достоинства съ финской точки зрѣнія, между прочимъ, заявляетъ, что „я—одинъ изъ нѣсколькихъ финляндскихъ православныхъ священниковъ, которому невозможно обратиться въ русскаго... Я читаю «Helsingin Sanomat» (главный органъ младофинновъ) по той причинѣ, что это единственная газета моего образа мыслей... О, если бы я могъ въ нѣкоторой степени посодѣйствовать поднятію населенія Кареліи до уровня остальной Финляндіи“... Видите отсюда, какъ православный священникъ, получающій содержаніе отъ русскаго Св. Синода, гордится тѣмъ, что онъ—не русскій; будучи финномъ, онъ принадлежитъ къ младофинской партіи, наиболѣе враждебно относящейся ко всякой попыткѣ русской власти тѣснѣе объединить Финляндію съ Россією; какъ младофиннъ, онъ стремится поскорѣе обратить православныхъ карель въ чистѣйшихъ финновъ. Что подъ „поднятіемъ населенія Кареліи до уровня остальной Финляндіи“ священникъ Садовниковъ имѣетъ въ виду офинниваніе православныхъ карель, подтверждается его рѣчью на юбилейномъ обѣдѣ по поводу исполнившагося 25-лѣтія существованія финской сердобольской учительской семинаріи: „Священникъ Садовниковъ говорилъ о томъ очень важномъ трудѣ, который Сердобольская семинарія выполнила особенно въ самой восточной Кареліи“. („Laatokka“, № 120—1905 г.). Насколько можно судить по нынѣшнимъ назначеніямъ священниковъ въ приходы православной Кареліи, высшая духовная власть наша стремится назначать въ священники именно такихъ лицъ, какъ священникъ Садовниковъ. Жаль будетъ тогда тѣхъ 60 тысячъ рублей, которые отпускаются ежегодно Св. Синодомъ на содержаніе священниковъ финляндской епархіи.

Вѣдь при дружныхъ усиліяхъ финскихъ народныхъ школъ и православнаго духовенства по офинниванію православныхъ карель Выборгской губерніи, скоро исчезнутъ такія, напр., заявленія со стороны православныхъ карель, одно изъ каковыхъ ради, конечно, осмѣянна помѣщено въ газетѣ „Laatokka“ (№ 141—1905). „Православные крестьяне Суоярвскаго прихода съ древнѣйшихъ временъ были вѣрны русскому царю, въ теченіе столѣтій боролись съ шведами (подъ шведами разумѣютъ карелы православные одинаково какъ шведовъ, такъ и финновъ-лютеранъ) какъ и теперь, и были вѣрны старинѣ“... Ну, а если такому карелу внушатъ мысль, что онъ и самъ—тотъ же финнъ, котораго до сихъ поръ считалъ чужакомъ для себя, что онъ съ русскимъ общаго имѣетъ лишь вѣроисповѣданіе, то для него естественнымъ будетъ тотъ выводъ, что предки его по

недоразумѣнію боролись въ союзѣ съ русскими противъ своихъ братьевъ-финновъ, что онъ долженъ исправить это недоразумѣніе, какъ это и обнаруживается теперь среди куошюскихъ карель.

Въ своемъ стремленіи офиннивать православныхъ карель, финляндцы не ограничиваются карелами, живущими въ предѣлахъ Финляндіи, но дѣлаютъ попытки къ офинниванію и среди карель, живущихъ въ предѣлахъ имперіи, т. е. въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Попытки эти пока выражаются въ стремленіяхъ пробудить въ русскихъ карелахъ сознаніе о себѣ, какъ финскомъ племени, требовать введенія своего языка въ свои школы и въ свои церкви. Такія попытки въ настоящее время проявляются въ слѣдующемъ. Прежде всего указанная идея сѣютъ среди русскихъ карель путешествующіе подъ предлогомъ научныхъ цѣлей финляндцы. (См. напр. Эрвасті: *Muistelmia matkalta Venäjän Karjalasta* — Воспоминанія изъ путешествія по русской Карелии). Затѣмъ нѣкоторое вліяніе оказываютъ въ этомъ же отношеніи и тѣ православные карелы, которые, поселившись по торговымъ дѣламъ въ Финляндіи и офиннившись, въ сношеніяхъ своихъ съ оставшимися на родинѣ родственниками проводятъ тѣ же идеи. (См. *Uusi Suometar* № 22—1906 года письмо „Архангельскимъ кареламъ“). Наконецъ не останется безъ послѣдствій и пребываніе русскихъ карель въ финской учительской семинаріи въ г. Сердоболѣ. Въ спискахъ кончившихъ курсъ эту семинарію мы видимъ одного карела изъ Архангельской губерніи (1900 г. Лесаевъ), двухъ — изъ Олонецкой (1887 г. Сутинень и 1901 г. Невалайнень).

Въ виду такихъ стремленій финляндцевъ, являющихся слѣдствіемъ ихъ мечтаній о Финляндіи до Онежскаго озера и Бѣлаго моря, русскимъ нужно обратить болѣе серьезное вниманіе на свои школы среди карель, такъ какъ русскія школы при надлежащей своей постановкѣ въ два или три десятилѣтія смогутъ окончательно слить карель съ русскимъ населеніемъ и тѣмъ сдѣлать мечты финляндцевъ объ объединеніи всѣхъ финскихъ племенъ чистѣйшею фантазіею.

Сообщилъ В. Крохинъ.

Отношеніе главноначальствующаго Кремлевскою Экспедиціею П. С. Валуева къ преосвященному Августину, 20 Ноября 1812 г.

Ваше Преосвященство
Милостивый мой Архипастырь.

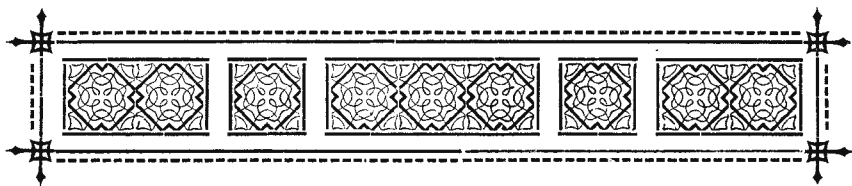
По слухамъ, дошедшимъ до меня отъ оставшихся здѣсь въ бытность непріятели, навѣрное извѣстно, что священникъ при церкви, имѣющейся въ Тверскомъ домѣ, Михаилъ Анофріевъ получилъ отъ императора Наполеона камилавку и рясу и сверхъ сего по волѣ онаго императора облаченъ былъ въ архіерейскую одежду. Утвари церковныя по объясненію его изъ помянутой церкви раскрадены, но вмѣсто оныхъ явились у него постороннія вещи. Не имѣя права входить въ разсмотрѣніе изъясненныхъ обстоятельствъ, поелику оныя принадлежать духовному начальству, рѣшился я представить себѣ на Ваше усмотрѣніе.

Вашего Преосвященства
Всепокорнѣйшій слуга Петръ Валуевъ.

Сообщилъ В. Афанасьевъ.

Примѣчаніе: Тверской домъ, нынѣ генераль-губернаторскій, былъ въ 1812 г. въ вѣдѣніи Кремлевской Экспедиціи.

Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева.

VI 1).

естественно, что, проникнутый эстетическими стремлениями и войдя въ поэтическую среду, Плетневъ самъ началъ писать стихотворенія. Но его поэтическая дѣятельность была не велика. Какъ онъ самъ сообщалъ Гроту, стихи давались ему послѣ долгихъ усилій. Поэтому съ 1827 г. прекратилось печатаніе стиховъ Плетнева и, вѣроятно, съ этой поры онъ пересталъ бесѣдовать съ неподатливыми музами. Напечатанные въ „Сочиненіяхъ“ стихи неизвѣстныхъ годовъ всѣ могутъ быть отнесены къ тому же времени до 1827 г., а послѣ этого года Плетневъ отдалъ въ печать, и то по просьбѣ, только небольшое стихотвореніе къ одной финляндской красавицѣ (1840 г.) 2).

Первыя произведенія написаны въ разныхъ родахъ: есть и идиллія, и баллада, и ода; но любимымъ родомъ Плетнева всегда оставался элегическій. Есть также и что-то въ родѣ притчей: „Ломоносовъ“, „Невольное безсмертіе“. Первое изъ стихотвореній, элегія „Старость“, напечатано въ 1819 году 3), а написано, можетъ быть, и гораздо ранѣе, потому что, какъ говорится у Бартенева, „въ то время не спѣшили печатаніемъ“. Поэтъ такъ начинаетъ свою элегію:

„Скрылись призраки моихъ счастливыхъ лѣтъ;
Послѣдній другъ—надежда улетѣла...
И жизнь безъ радостей, осенній будто цвѣтъ,
Съ погибшею красою омертвѣла“...

1) См. „Русская Старина“, іюнь 1908 г.

2) Въ «Соч. и переп.» стихотворенія помѣщены въ 3 томѣ.

3) «Соревнователь» ч. VIII, стр. 88.

Признакъ не совсѣмъ благопріятный, что поэтъ настраиваетъ свою лиру сразу же въ минорный тонъ... Да и большинство стихотвореній, какъ сказано, написаны въ томъ же духѣ. Можно было бы и не придавать особаго значенія элегическому характеру стиховъ, такъ какъ онъ, особенно въ то время, не всегда являлся выраженіемъ дѣйствительныхъ чувствованій поэта. Но относительно Плетнева нужно сказать, что ему дѣйствительно приходилось впадать въ грустное настроеніе, какъ увидимъ ниже.—Въ содержаніи первыхъ стихотвореній главную роль играетъ любовь, потомъ другія утѣхи. Дѣйствуютъ тутъ, по обычаю времени, Эмилія, Эрминія, амуры, Камены. Особаго интереса первыя элегіи не представляютъ. Что касается формы, то первыя произведенія кой-гдѣ напоминаютъ Жуковского своими „очарованьями“ и „упованьями“..Какъ у Жуковского часто читаемъ стихи въ родѣ, напр., слѣдующихъ:

„Побудь со мной, продли очарованья;
Дай сладкаго вкусить воспоминанья“...

такъ и Плетневъ беретъ свои стихи такими созвучіями довольно часто. Въ той же „Старости“ находимъ:

„Гдѣ ты, моя весна? Куда сокрылась ты
Съ плѣнительнымъ твоимъ очарованьемъ?
Отдай, измѣнница, мнѣ сладкія мечты
И дружество съ веселымъ упованьемъ“...

Баллада написана по образцу поэтовъ-пѣсельниковъ того времени.

„Долго, долго вѣсти нѣтъ
Пашѣ отъ милаго друга:
Онъ поѣхалъ далеко
Въ незнакомую чужбину.
Не забылъ ли милый тамъ
Про нее, красу дѣвицу,
А у ней и день и ночь
Все на мысли только милый“ и т. д. ¹⁾.

Въ одѣ „Честь“ ²⁾, поэтъ, также въ современномъ духѣ, заявляетъ:

„Краса отечества и гордость,
Герой, слава нашихъ дней,
Вы, коихъ мужество и твердость
Спасли Европу отъ цѣпей;

¹⁾ Ib. 1821, ч. XIII, стр. 268.

²⁾ Ib. 1820, кн. XI.

Хранители законовъ чести,
 Отвергшіе трофеи мести
 Среди дивныхъ подвиговъ своихъ!
 Я вашими плѣненъ дѣлами,
 И лира вамъ звучитъ струнами:
 Склоните слухъ на голосъ ихъ“.

Послѣдующія стихотворенія, уже приблизительно съ 1821 года, гораздо лучше и по отдѣлкѣ стиха и по содержанію. Стихъ становится очень гладкимъ, а содержаніе получаетъ болѣе искренности. Особенно это слѣдуетъ сказать о дружескихъ посланіяхъ Плетнева къ Дельвигу, Пушкину и др. Въ отличіе отъ тогдашней, довольно употребительной манеры авторовъ посланій—чрезмѣрно удлинять ихъ, что видимъ даже у Пушкина, не говоря уже о Жуковскомъ,—посланія Плетнева по большей части коротки. Изъ нихъ тѣ, которыя можно назвать анакреонтическими, положительно хороши: къ Дельвигу съ Баратынскимъ и къ одному первому.

„Дельвигъ, какъ бы съ нашей лѣнью
 Хорошо въ деревнѣ жить;
 Подъ наслѣдственной сѣнью
 Липецъ прадѣдовскій пить!“¹⁾ и проч.

Прочувствованностью отличаются посланія къ Пушкину по вышеизложенному поводу и къ Гнѣдичу²⁾. Въ нихъ, между прочимъ, отразились нѣкоторыя минуты душевнаго настроенія Плетнева. Онъ обращается такъ къ Гнѣдичу:

„Служитель музъ и древняго Омера,
 Судья и другъ поэтовъ молодыхъ!
 Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
 Есть тайная, особенная вѣра.
 Она зоветъ къ тебѣ меня, поэтъ!

Причиной обращенія къ опытному другу явилась неувѣренность въ своихъ поэтическихъ силахъ:

Зачѣмъ скрывать? Въ поэзіи моей
 Останется лишь повѣсть заблужденій,
 Постыдная уму игра страстей,
 А не огонь небесныхъ вдохновеній.

Плетневъ проситъ поэта сказать ему откровенно, продолжать ли

¹⁾ «Соч. и переп.» III, 288.

²⁾ Ib. III, 253.

ему поэтическія занятія, или же оставить навсегда надежду сдѣлаться любимцемъ музъ:

Скажи, еще ль боротся мнѣ съ судьбой,
Иль позабыть обмановъ сладкихъ поле?
Быть можетъ, я вступилъ средь дѣтскихъ лѣтъ ¹⁾
На поприще поэзіи ошибкой.
Какъ другъ, скажи мнѣ съ тихою улыбкой:
„Сними съ себя вѣнокъ, ты не поэтъ“.

Гнѣдичъ отвѣчалъ Плетневу также стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ призываетъ его къ мужеству и высказываетъ ту мысль, что справедливыми судьями поэта могутъ быть не друзья, которые не чужды пристрастія, и не заблуждающаяся толпа, а только его собственная совѣсть и природа ²⁾).

Въ посланіи къ Пушкину Плетневъ также говоритъ:

„Притворство прочь: на поприщѣ моемъ
Я не свершилъ достойное поэта.
Но мысль моя божественнымъ огнемъ
Въ минуты думъ не разъ была согрѣта“.

Онъ проситъ Пушкина не искать въ стихахъ любимыхъ имъ созданій, такъ какъ эти созданія живутъ въ несказанныхъ мечтахъ. Онъ не свободенъ, такъ какъ его заѣдаютъ заботы:

На мнѣ лежитъ властительная цѣпь
Суровыхъ нуждъ, желаній безнадежныхъ,
Я прохожу уныло жизни степь,
И радуюсь средь радостей ничтожныхъ...
Минетъ ли срокъ изнеможенья силъ?
Минетъ ли срокъ заботъ моихъ унылыхъ?

Плетневъ проситъ переселить его туда, гдѣ царствуетъ мысль и вѣрный вкусъ къ красотѣ, и гдѣ невѣжество и лесть безсильны,—

Но здѣсь, какъ здѣсь боротся съ жизнью намъ?

По его словамъ, ему чужды его друзья, къ которымъ онъ „вотще стремится“, ему не къ кому „прийти отъ жизни отдохнуть“.

...Съ любовію моею
Къ поэзіи, въ душѣ съ тоской глубокой,
Быть можетъ, я подь бурей грозныхъ дней
Склонюсь къ землѣ, какъ тополь одинокій!..

¹⁾ Такимъ образомъ, эстетическія наклонности Плетнева выразились стихотворными попытками еще въ дѣтскіе годы.

²⁾ Соч. Гнѣдича, изд. Смирдина, Спб. 1854, стр. 143.

Стихотвореніе произвело на Пушкина впечатлѣніе, и онъ, какъ выше сказано, отвѣчалъ ему извиненіемъ и признаніемъ дѣйствительныхъ его поэтическихъ способностей.

Выраженную въ посланіи къ Пушкину мысль о несходствѣ настроеній поэта съ привычками толпы или пристрастныхъ цѣнителей высокаго повторяетъ Плетневъ въ посланіи къ А. Ѳ. Воейкову ¹⁾, и тутъ же есть намеки и на душевное его состояніе.

Готовъ признаться я: бесѣдуя съ Каменной,
Спокойствія ищу, вознаграждаю дни,
Когда бесплодно мной утрачены они;
Поэзія мнѣ жизнь—последнею замѣной
Насильно взятаго холодною судьбой.
Зачѣмъ же повергать на судъ неумолимыхъ,
Что тайно ввѣрилъ мнѣ смягченный жребій мой
Въ замѣну радостей, ничѣмъ не возвратимыхъ.

Неспокойное душевное состояніе подтверждается и перепискою Плетнева. Такъ, въ 1827 году онъ пишетъ Пушкину о своихъ друзьяхъ: „Правду сказать, что я въ любви самый несчастный человѣкъ. Кого ни выберу для страсти, всякій меня броситъ“ ²⁾. А Пушкинъ ему пишетъ въ 1830 г., что его, Плетнева, меланхоліей не удивишь, онъ самъ на этомъ собаку съѣлъ. О причинахъ меланхоліи опредѣленно сказать трудно; мы еще возвратимся къ этому.

Въ заключеніе обзора стихотворной дѣятельности Плетнева, рассмотримъ взглядъ его на назначеніе поэта и его дѣйствительную судьбу, взглядъ, поскольку его можно опредѣлить изъ стихотвореній же. Въ посланіи къ Вяземскому ³⁾ (неизвѣстнаго года; но судя по тому, что Плетневъ называетъ его здѣсь „новымъ знакомцемъ“— оно написано въ началѣ 20-хъ годовъ, когда они познакомились) авторъ предъявляетъ требованія къ поэту, сущность которыхъ — обличеніе. Но обличать онъ совѣтуетъ Вяземскому не плохихъ поэтовъ, противъ которыхъ вооружался Вяземскій, а

...презрительныхъ невѣждъ,
Постыдной лѣнностью безпечно усыпленныхъ!
Порода ихъ зоветъ среди подвиговъ почтенныхъ
Хранить свой давній блескъ: отъ нихъ ли ждать надеждъ?

Вмѣсто подвиговъ они занимаются охотой и топчутъ при этомъ поля, усѣянные потомъ и слезами. Затѣмъ—обличать такихъ же

¹⁾ «Соч. и переп.» III, 262.

²⁾ Ib. III, 343.

³⁾ Ib. III, 301.

невѣждъ, „рвущихся на поприще Беллоны“, которые считаютъ свой долгъ исполненнымъ, свою „далекую мѣту“ достигнутою, когда найдѣнуть „блестящіе эпoletы“. Заключаетъ онъ слѣдующими строками.

„Судья въ расправѣ чуждъ и отдыха и лѣни,
И правду грозную таять не любитъ онъ;
Тотъ не поэтъ, кто ждетъ отъ Музы одной забавы;
Для добродѣтели пиши, пиши для славы!
Пусть смѣлый голосъ твой злодѣевъ устрашитъ:
И лаврами тебя отечество почититъ.

Но совѣтъ этотъ авторъ, какъ онъ самъ писалъ Пушкину, не считаетъ выполнимымъ, по указанной имъ же причинѣ: публика не можетъ правильно оцѣнить произведенія поэта, она даже его не слушаетъ. Эту послѣднюю мысль о судьбѣ поэта Плетневъ кратко выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи, подъ названіемъ „Удѣлъ поэзіи“¹⁾).

„Какъ мѣсяцъ молодой на спящую природу
Лучи серебряные льетъ;
Какъ ранній соловей веселье и свободу
Въ дубравѣ сумрачной поетъ;
Какъ свѣтлый ключъ въ степи, никѣмъ не посѣщенный,
Прохладною струею бьетъ:
Такъ вдохновенный жрецъ поэзіи священной
Свой голосъ громкій подаетъ.
Онъ пламенную пѣснь надъ хладною землею
Въ восторгъ чистомъ заведетъ:
Промчится гласъ его, исполненный душою,
И невнимаемый умретъ“.

Таково мнѣніе Плетнева о поэтѣ, подобное которому черезъ 10 лѣтъ выражено было Пушкинымъ въ его „Эхо“ (1831 г.).

Добавимъ, кстати, что нѣкоторыя стихотворенія Плетнева находили себѣ мѣсто въ прежнихъ хрестоматіяхъ (Галахова, Гербея).

¹⁾ Иб. III, 310. Это стихотвореніе, подъ названіемъ «Эпилогъ», даннымъ ли Плетневымъ, или Гротомъ—неизвѣстно, помѣщено Гротомъ въ концѣ напечатанныхъ прежде. Но оно напечатано подъ указаннымъ нами заглавіемъ въ «Соревнователѣ» 1821, ч. 16.

V.

Первый прозаическій трудъ Плетнева относится еще ко времени его студенчества: по порученію тогдашняго попечителя С. С. Уварова, онъ перевелъ съ французскаго похвальное слово ген. Морб, и Гречь, которому Уваровъ показывалъ эту работу, похвалилъ ее. По свидѣтельству Плетнева, первымъ литературнымъ лицомъ, пригласившимъ его, по выходѣ изъ института, былъ Я. О. Галинковскій, задѣтый кѣмъ-то въ „Сынъ Отечества“ и собиравшій партію противъ его издателя, Греча ¹⁾. Но что было результатомъ этого перваго приглашенія, намъ неизвѣстно.

Изъ принадлежащихъ же Плетневу самостоятельныхъ трудовъ первымъ является цитированное выше предисловіе къ роману Георгіевскаго. Уже изъ приведенныхъ ранѣе выдержекъ можно было видѣть, что этотъ трудъ носитъ явные слѣды подражанія Карамзину. Первые строки особенно свидѣтельствуютъ объ этомъ: отъ нихъ вѣетъ самою нѣжною сентиментальностью. „Жизнь молодого человѣка, скончавшаго поприще свое на двадцать пятомъ году, не можетъ быть для всѣхъ занимательною. Юность обильна однѣми мечтами. Авторъ „Евгеніи“ не достигъ той счастливой эпохи, когда начинаютъ осуществляться сіи призраки. Но должно ли за то съ холоднымъ равнодушіемъ оставить безъ вниманія короткій путь, на которомъ смерть его остановила? Не большее ли надобно принять участіе въ судьбѣ его, когда юная душа уже воспламенялась порывами ко всему высокому и прекрасному? По крайней мѣрѣ, я считаю себя въ правѣ посадить цвѣтокъ на свѣжей могилѣ своего Агатона“. Далѣе, Плетневъ первымъ побужденіемъ къ уваженію человѣка считаетъ присутствіе въ немъ чувствительности. „Если истинная чувствительность и твердыя правила заставляютъ уважать людей въ зрѣлыхъ лѣтахъ, то можно ли юношѣ отказать въ любви за сіи качества, особенно, смѣю сказать, въ нынѣшнее время, когда разсѣянность сдѣлалась стихіей юношей, когда такъ рѣдко встрѣчаются молодые сократы“. Въ такомъ тонѣ написана вся біографія. Всякая фраза показываетъ стремленіе къ образности выраженія. Георгіевскій же, повидимому, былъ еще чувствительнѣе Плетнева. Его герой,—конечно, Эрастъ—и героиня Евгенія влюбляются другъ въ друга съ перваго взгляда, и проводятъ затѣмъ время „посреди вѣчныхъ радостей и непрерывнаго наслажденія“. Плетневъ, на просьбу оцѣнить произведеніе, писалъ другу, что „восторги его

¹⁾ Біографія Плетнева соч. К. Я. Гротомъ, стр. 10.

слишкомъ пламенны“, и что невозможно такъ скоро влюбиться. Георгіевскій отвѣчалъ, что для его героевъ это вполне естественно, такъ какъ, напр., Евгенія „превышаетъ все, что онъ видѣлъ, и о чемъ даже могъ мечтать“. Плетневъ еще обращаетъ вниманіе на отсутствіе завязокъ и развязокъ и получаетъ отвѣтъ: „вѣчныя радости, безпрерывное наслажденіе—какія могутъ быть тутъ завязки?“¹⁾

Такимъ образомъ, мы здѣсь знакомимся отчасти съ критическими взглядами Плетнева. Онъ требуетъ поубавить „пламенникъ любви“, т. е. требуетъ большей естественности, но въ то же время недоволенъ отступленіями отъ правилъ въ отношеніи завязокъ и развязокъ.

Тѣмъ же подражателемъ Карамзину является Плетневъ въ другомъ произведеніи, относящемся къ слѣдующему 1819-му году, на которое мы обращаемъ вниманіе потому, что оно, насколько намъ извѣстно, является единственнымъ образчикомъ прозаическаго творчества его. Это небольшое разсужденіе, носящее заглавіе „*Письмо къ невѣстѣ*“²⁾, изображаетъ счастливое состояніе Эмилии, ставшей невѣстой. Если съ ней сбылось то, о чемъ говоритъ Платонъ, изслѣдуя сущность любви и находя, что она состоитъ въ встрѣчѣ двухъ половинъ одной души, доселѣ бывшихъ разъединенными, то она пребываетъ въ счастливѣйшемъ состояніи своей жизни, такъ какъ нѣтъ ничего блаженнѣе этого. Если, продолжаетъ авторъ, ты будешь жить въ селѣ, то „прелестная простота сельскихъ картинъ призоветъ тебя къ тихимъ удовольствіямъ... Съ какою радостію будешь пробуждаться ты съ восхожденіемъ солнца, чтобы, встрѣтивъ оное, привѣтствовать съ другомъ своимъ трудолюбивыхъ поселянъ, вышедшихъ на раннія свои работы! Съ какою нѣжною заботливостію ты будешь помогать имъ во всѣхъ нуждахъ“ и т. д.

Важнымъ источникомъ для опредѣленія взглядовъ Плетнева на поэзію является статья его, помѣщенная въ журналѣ „*Благонамѣренный*“, подъ заглавіемъ: „*О средствахъ усовершенствованія русской словесности, какъ науки*“³⁾. Здѣсь нужно обратить вниманіе на три пункта. Во-первыхъ, авторъ говоритъ о необходимости хорошей теоріи русской словесности. Что до сихъ поръ не было ея у насъ, это оправдываетъ онъ мыслью, что теорія въ поэзіи слѣдуетъ за практикой. Мы пока пріобрѣтали еще образцы и не успѣли

¹⁾ «Соч. и переп.» I, стр. 11.

²⁾ «Соревнователь» 1819 г., ч. V, стр. 72—79.

³⁾ «Благонамѣренный» 1819 г. кн. 8. Эта статья опущена въ «Соч. и перепискъ».

изложить теоріи. Теперь наступила эта необходимость. Но, далѣе, онъ высказываетъ положенія, ограничивающія вліяніе теоріи. Начертывая кратко планъ „изящной прозы“, авторъ говоритъ: „нельзя будетъ не упомянуть объ украшеніи рѣчи тропами и фигурами, хотя сіи термины, съ безконечною цѣпью подобныхъ названій, невольное возбуждаетъ отвращеніе отъ науки изящной прозы“... „За чѣмъ исчислять сіи неисчислимые случаи?.. Оставимъ это сухое, бесплодное поле въ наукѣ словесности“... Говоря о поэзіи, авторъ отдаетъ довольно скромное мѣсто правиламъ. „Наука поэзіи не можетъ прозанка сдѣлать поэтомъ... Поэзія, какъ душа всѣхъ прекрасныхъ искусствъ въ обширномъ своемъ значеніи, не подлежитъ правиламъ словесности, потому что не слова, по извѣстной мѣрѣ расположенныя, составляютъ ее, а отличный, одною природою внушаемый способъ чувствовать и чѣмъ-нибудь изъяснять свои вдохновенныя чувствованія“. Но все-таки правила доставятъ случай всѣмъ справедливѣе судить о произведеніяхъ поэзіи; съ другой стороны, они могутъ укрощать неумѣстные порывы юнаго воображенія“... Но вообще, „поэты въ новѣйшія времена сдѣлались свободнѣе древнихъ“. Наконецъ, авторъ считаетъ необходимымъ прибавить къ существующимъ Грамматикѣ, Риторикѣ и Поэзіи еще часть, которую онъ называетъ: „Характеристики классическихъ писателей“. Здѣсь, по мнѣнію автора, и нужно указать заслуги выдающихся нашихъ писателей. А теперь, какъ говоритъ онъ, даются только ихъ „послужные списки“.

Такимъ образомъ, по взглядамъ автора, сущность поэзіи заключается не въ правилахъ, которыя одни не могутъ сдѣлать поэта, а въ присутствіи особаго таланта. Однако и правила необходимы, чтобы дать вдохновенію способы къ проявленію и предохранить отъ ошибокъ, но они не должны стѣснять поэта, который сдѣлался „свободнѣе“. Мысли эти не отличаются оригинальностью. Онѣ, собственно говоря, всегда господствовали въ сужденіяхъ объ искусствѣ. У насъ уже Сумароковъ заявлялъ, что одна наука стихотворства не сдѣлаетъ поэта, для этого нужно еще кое-что. Это, пожалуй, признавали всегда и „поэты“, только иногда ошибка ихъ состояла въ томъ, что они признавали въ себѣ талантъ, на самомъ дѣлѣ его не имѣя... Что же касается пристрастія къ правиламъ, то оно и дѣйствительно, въ десятыя годы прошлаго столѣтія, было еще очень сильно. Напр., въ журналахъ часто передъ стихами помещались метрическія схемы, по которымъ слѣдуетъ читать произведеніе, и довольно сложныя. Извѣстно, какъ сильно проявилъ себя „классицизмъ“ при появленіи „Руслана и Людмилы“. Добавленіе автора о томъ, что правила не должны стѣснять творчество, и слу-

*

жить отраженіемъ возникшаго стремленія освободиться отъ регламентацій старыхъ теорій.

Въ 1822 году Вольное Общество Соревнователей заявляетъ, что оно вводитъ въ свое изданіе новый отдѣлъ критики ¹⁾. Въ этомъ заявленіи, неизвѣстно кѣмъ составленномъ (можетъ быть, тѣмъ же Плетневымъ, первая критическая статья котораго и помѣщается вслѣдъ за этимъ и взгляды котораго очень сходны, даже и въ выраженіяхъ, съ послѣдующими взглядами самаго заявленія), Общество высказываетъ такія мнѣнія о критикѣ. Оно увѣрено, что „словесность наша богата хорошими сочиненіями, даже превосходными; но мы не можемъ похвалиться избыткомъ основательныхъ разборовъ. Посему критика въ „Соревнователь П. и Б.“ не будетъ ограничиваться новостями“..., которыя часто бываютъ очень недолговѣчны. Не будетъ она разбирать дурныхъ произведеній, которыя умрутъ и безъ заботъ о нихъ; будетъ указывать болѣе достоинства, чѣмъ недостатки, потому что, заявляетъ Общество, „одно указанное совершенство даетъ образецъ, хотя одинъ, но все полезный, а двадцать выставленныхъ ошибокъ (безъ замѣны ихъ лучшимъ) не общають ни одной истины вкусу“. О слабыхъ мѣстахъ произведеній Общество считаетъ за лучшее говорить съ умѣренностью, „чтобы ни въ какомъ случаѣ критика не могла унизиться до брани“.

Здѣсь мы находимъ, такимъ образомъ, одни только указанія на внѣшніе приемы критики. Эти приемы совершенно должны примыкать, по своему безобидному характеру, ко взглядамъ старыхъ литературныхъ дѣятелей—Новикова и Карамзина въ эпоху изданія „Вѣстника Европы“. Плетневъ въ своихъ критическихъ статьяхъ и примѣняетъ эти приемы. Онъ выбираетъ для разборовъ такихъ авторовъ, какъ Милоновъ, нравившійся въ то время, Батюшковъ, Жуковский и др. Ниже увидимъ, что и по характеру его критика была „доброю“, какъ и называетъ ее Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ брату. „Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности“ ²⁾.

Вслѣдъ за заявленіемъ Общества и помѣщается первый критическій разборъ Плетнева: *Сатиры, посланія и др. мелкія стихотворенія М. Милонова* ³⁾. Въ самомъ началѣ авторъ источникъ истинно поэтическаго произведенія полагаетъ въ „истинномъ одушевленіи поэта“, которое противоположно „холодному жару къ

¹⁾ «Соревнователь» 1822, ч. XVII, стр. 33.

²⁾ Письмо отъ 15 марта 1825 г. Въ изд. Павленкова стр. 1534.

³⁾ «Соч. и переп.» I, стр. 12.

авторству“. Другими словами, какъ говорилось ранѣе и въ статьѣ „Благонамѣреннаго“, для поэта главнѣйшая необходимость—имѣть творческій талантъ. „Разсудокъ можетъ быть прекраснымъ наставникомъ стихотворца, но не замѣнить чувствительности и воображенія“. Далѣе доказывается, что Милоновъ проявилъ въ своихъ произведеніяхъ истинный талантъ и преимущественно въ сатиры и элегіи. Въ частности, подраздѣляя сатиры на „веселыя“ и „важныя“, Плетневъ указываетъ, что Милонову свойственнѣе послѣдній видъ: поэтъ „чаще приходилъ въ пылокое негодованіе, нежели въ затѣйливый смѣхъ. Онъ самыми рѣзкими чертами изображалъ пороки... Въ важныхъ сатирахъ слогъ его особенно отрывистъ и силенъ, періоды коротки, и теченіе мыслей, какъ въ лирическихъ пьесахъ, стремительно“. Что касается элегій Милонова, то онѣ отличаются отъ произведеній въ этомъ родѣ другихъ поэтовъ: Батюшкова и Жуковскаго. Въ отличіе отъ сердечныхъ страданій и мечтательности этихъ поэтовъ, у Милонова находимъ, говорить авторъ, страданія отъ жизни, въ которой нѣтъ того, что онъ искалъ. „Онъ потерялъ вѣру въ идеальныхъ людей, которыхъ безпрестанно ищутъ всѣ поэты“. Подтвердивъ, затѣмъ, примѣрами талантъ поэта въ элегіи, авторъ обращаетъ вниманіе на форму стихотвореній, и констатируетъ здѣсь отсутствіе заботливости со стороны поэта о своемъ слогѣ. Волѣдствіе этого Милоновъ въ отношеніи формы стоитъ гораздо ниже Батюшкова и Жуковскаго, съ которыми можетъ быть сравниваемъ по силѣ вдохновенія. Здѣсь критикъ высказываетъ другую основную мысль разбора, что для поэтическаго произведенія, сверхъ таланта, необходимо еще и трудолюбивое отношеніе къ отдѣлкѣ стиховъ. „Чтобы сдѣлать стихи легкими, надобно ихъ написать съ большимъ трудомъ. Всякое произведеніе искусства требуетъ для совершенной своей отдѣлки необыкновеннаго терпѣнія, а поэзія стоитъ выше всѣхъ искусствъ, и, слѣдственно, ея произведенія съ большимъ трудомъ противъ прочихъ надобно обрабатывать“... „Не предлагая вопроса, какой поэтъ выше: одаренный большимъ талантомъ и не умѣющій хорошо писать, или при меньшемъ талантѣ совершенно владѣющій языкомъ—мы замѣтимъ только, что языкъ есть собраніе понятій, облеченныхъ въ условные звуки. Слѣдовательно, кто пренебрегаетъ тайнами языка, тотъ, сочиняя, противорѣчитъ своему намѣренію, т. е. выраженію мыслей“. Къ недостаткамъ Милонова относятся: стеченіе въ одномъ мѣстѣ многихъ согласныхъ, а часто и гласныхъ, неумѣстныя усѣченія словъ (чаще всего) и запутанная разстановка. Критикъ заключаетъ: „сравнивъ дарованія его съ выраженіемъ мыслей словами, скажемъ, что никто справедливѣе Милонова не

выбиралъ эпитафію для своей книги: „Меня переживуть мои сердечны чувства“.

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ разборѣ оды Петрова ¹⁾, мы находимъ дополненіе къ мыслямъ только-что изложенной статьи. Тамъ развивается положеніе, что двѣ стихіи поэзіи—талантъ, выражающійся въ процессѣ творчества, какъ вдохновеніе, и умъ, заботящійся о внѣшней отдѣлкѣ,—должны уравниваться другъ другомъ, ни одинъ не долженъ входить къ область другого. О Петровѣ критикъ говоритъ ²⁾: „умъ его, преобладая надъ всѣмъ, охлаждаетъ чувствительность, и сообщаетъ лирической поэзіи дидактическую сухость. Страсть къ равносильнымъ выраженіямъ заставляетъ его употреблять слова то грубыя, то низкія, то малоизвѣстныя... Нѣтъ ни одного изъ нихъ неточнаго, напротивъ, они слишкомъ вѣрно соотвѣтствуютъ своимъ понятіямъ. Но грубость ихъ звуковъ, малоупотребительность и видимая изысканность лишаютъ слогъ той прелести, которая въ поэзіи никогда не должна быть жертвою точности“.

Изъ нашего краткаго изложенія статьи Плетнева о Милоновѣ видно, что она вполне отвѣчаетъ принципамъ предварительнаго заявленія. Это не критика въ позднѣйшемъ смыслѣ слова, а разборъ хорошаго произведенія съ точки зрѣнія теоріи словесности.

Болѣе глубокими мыслями отличаются слѣдующіе разборы, хотя все же чисто теоретическая, отвлеченная точка зрѣнія является преобладающей.

Порицая Милонова за небрежное отношеніе къ отдѣлкѣ стиховъ, Плетневъ и старается доказать примѣрами другихъ писателей, именно Батюшкова и Жуковскаго, насколько важна эта сторона дѣла. Въ „Замѣткѣ о сочиненіяхъ Жуковскаго и Батюшкова“, относящейся къ тому же году ³⁾, критикъ высказываетъ мысль, что въ дѣйствительныхъ талантахъ въ Россіи никогда не было недостатка, но истинно поэтическихъ произведеній было мало, такъ какъ былъ необработанъ языкъ поэтической. Только со времени Дмитріева поэтическія произведенія начали пріобрѣтать интересъ. Послѣ него тому же способствовали особенно два поэта, которые начали собою новый періодъ русской поэзіи, это — Жуковскій и Батюшковъ. Ихъ произведенія были причиною того, что новый нашъ стихотворный языкъ пріобрѣлъ всѣ необходимыя качества: „чистоту, свободу и гармонію“.

¹⁾ Ib. I, стр., 121.

²⁾ Ib. I, стр. 124, 128.

³⁾ Ib. I, стр. 23.

Въ послѣдующемъ изложеніи замѣтки опять проводится мысль о значеніи поэтического таланта. При этомъ новою чертою критики Плетнева, очень важною, является забота отличить индивидуальность поэта и опредѣлить ее возможно точнѣе. Въ силу такого различія данные поэты, „какъ стихотворцы, могутъ быть соперниками, а какъ поэты, они должны остаться друзьями, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ особенный родъ—и каждый въ своемъ родѣ равно счастливый властелинъ“. И затѣмъ слѣдуютъ характеристики обоихъ поэтовъ, очень вѣрныя, хотя и не обширныя: Жуковского, какъ романтика, и Батюшкова, какъ неоклассика. „Жуковский, воспитанникъ и основатель въ Россіи романтической школы поэзіи, совершенно постигнулъ прекрасную въ ней сторону. Глубокія чувства, смѣлая мечтательность, богатство, или, лучше сказать, роскошь самыхъ свѣжихъ картинъ природы, составляютъ настоящія красоты романтической и вмѣстѣ Жуковского поэзіи“...

О Батюшковѣ критикъ говоритъ: „Батюшковъ держится новѣйшей классической школы. Нѣжность чувствъ, умѣряемая голосомъ истины, воображеніе живое, но всегда послушное строгому вкусу, описанія прекрасныя, но никогда не преувеличенныя—отличаютъ сію школу отъ романтической. Батюшковъ задумывается, а не мечтаетъ. Его скорѣе увлечетъ чувство, нежели воображеніе. Онъ преимущественно любитъ такъ называемую пластическую красоту, а не воображаемую... Чувство нѣги и наслажденія, въ разнообразнѣйшихъ видахъ, но постоянно прекрасныхъ, разливается на всю его поэзію“.

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ въ литературныхъ характеристикахъ Плетнева полное отсутствіе предвзятости и односторонности. Причиною этого было ихъ отсутствіе въ кружкѣ литераторовъ, въ которомъ онъ вращался. Онъ сразу очутился подъ влияніемъ талантливѣйшихъ друзей столь различныхъ направленій, какъ неоклассикъ Батюшковъ, романтикъ Жуковский, байронистъ, а потомъ реалистъ Пушкинъ. Видя, какъ всѣ эти, столь не похожіе одинъ на другого, писатели мирно уживаются въ взаимномъ уваженіи другъ къ другу, и онъ привыкъ каждому воздавать должное по заслугамъ. Этимъ-то, если можно такъ выразиться, свободомысліемъ объясняется и то обстоятельство, что Плетневъ рѣшительно подаль свой голосъ за народное направленіе въ поэзіи. Оно чувствовалось тогда очень слабо, даже и въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ. Жуковский, напримѣръ, продолжалъ свои переводы, Батюшковъ писалъ свои космополитическія элегіи, Пушкинъ тогда еще не опредѣлился. И вотъ Гнѣдичъ въ это время выступаетъ съ своей идилліей „Рыбаки“, гдѣ вмѣсто обычныхъ аркадскихъ пастушковъ изо-

бразиль русскихъ рыбаковъ на берегу Невы. Конечно, народность этого произведенія не высокаго качества, однако оно дало поводъ Плетневу выразить свои справедливыя замѣчанія о народности въ поэзіи въ статьѣ 1822 г., подъ заглавіемъ: „*Рыбаки, идиллія Гнѣдича*“¹⁾. Здѣсь же мы находимъ и краткое изложеніе общихъ его воззрѣній на искусство.

Выписавъ слова Гнѣдича о необходимости народности въ идилліи, критикъ замѣчаетъ, что это свойство должно проникать собою не только всѣ роды поэзіи, но и произведенія всѣхъ искусствъ, и продолжаетъ такимъ образомъ: „Что значитъ произведеніе поэзіи, или другого какого-нибудь изящнаго искусства? Слѣдствіе вдохновенія, голосъ души, которая не въ состояніи удержать въ себѣ ощущеній, рождающихся отъ созерцанія или умственнаго представленія прекрасныхъ предметовъ“. Матеріаль и орудія для выраженія такихъ ощущеній могутъ быть различны, по роду искусства. „Какая цѣль каждаго произведенія искусства?“ спрашиваетъ онъ далѣе. „На этотъ вопросъ трудно отвѣчать вдругъ“, говоритъ онъ и, становясь на единственно вѣрную историческую почву, замѣчаетъ: „Первое произведеніе искусства, кажется, родилось безъ цѣли. Оно было слѣдствіемъ сильнаго ощущенія души, которая не въ состояніи была отказать себѣ въ потребности изліянія онаго, точно такъ, какъ мы не можемъ удержаться отъ улыбки, когда слушаемъ что-нибудь истинно забавное. Но въ обществахъ людей всякое случайное открытіе получаетъ со временемъ свое примѣненіе и свою цѣль. Такимъ образомъ и произведенія искусствъ назначены были для возбужденія въ другихъ точно такого же удовольствія, какое находили художники, изображая въ чувственномъ видѣ душевныя свои ощущенія“. Эта, чисто эстетическая, ступень съ теченіемъ времени дала мѣсто практической. „Простая забава сдѣлалась забавою поучительною. Зрители или слушатели, удовлетворяя любопытству своего воображенія, начали почерпать въ произведеніяхъ искусствъ уроки жизни. Художники преобразились въ прорицателей. На чемъ оставались слѣды ихъ дѣятельности, то становилось священнымъ. Величайшія пожертвованія не были тягостными, когда требовалъ ихъ для блага общества голосъ вдохновеннаго человѣка. Это была послѣдняя ступень, до которой искусства могли возвыситься между людьми. Итакъ, *ихъ цѣль состоитъ въ доставленіи такого удовольствія, которое бы насъ дѣлало способными ко всякому прекрасному дѣйствию.*

„Есть произведенія искусствъ, которыя стремятся къ доставле-

¹⁾ Гв. I. стр. 29.

нію одного только удовольствія и достигаютъ въ полной мѣрѣ своей цѣли. Когда художникъ останавливается на такомъ успѣхѣ, это доказываетъ, что онъ не дорожитъ своимъ достоинствомъ. Другія, не доставляя никакого удовольствія, желаютъ возбудить прямо какую-нибудь благородную рѣшимость. Если художникъ не умѣетъ плѣнить прежде, это значить, что онъ самозванецъ въ своемъ искусствѣ. Но кто помощію плѣнительныхъ своихъ произведеній возбуждаетъ порочныя чувствованія, тотъ употребляетъ во зло свое искусство и унижаетъ себя“. Итакъ, „когда произведеніе поэзіи, или другого искусства рождается отъ истиннаго одушевленія, когда оно въ состояніи совершенно овладѣть нашимъ сердцемъ и направить волю нашу къ какой-нибудь прекрасной рѣшимости, то какимъ бы орудіемъ ни образовалъ его художникъ и въ какую бы страну оно перенесено ни было, вездѣ и всегда будутъ почитать его совершеннымъ“.

Но, продолжаетъ критикъ, какъ бы ни были совершенны художественныя произведенія, удовлетворяющія вышеизложеннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ „неопредѣленнымъ, или всеобщимъ искусствамъ“—они будутъ ниже тѣхъ, которыя удовлетворяютъ еще и требованію народности. Причины этому слѣдующія, и во-первыхъ, любовь къ отечеству. „Любовь къ отечеству есть первая добродѣтель въ гражданинѣ—и она столь естественна каждому, что мы не умѣемъ вообразить такого космополита, который бы не чувствовалъ внутренняго удовольствія, услышавъ звуки природнаго языка въ чужой землѣ или приближаясь къ отечеству изъ дальнаго путешествія... По любви къ отечеству всѣ произведенія народной поэзіи становятся для насъ особенно драгоцѣнными. Они возвышаютъ нравственное бытіе народа и потому дѣлаются предметомъ всеобщаго наслажденія. Произведеніе поэзіи, заимствованное по предмету изъ другой страны, ограничивается тѣснымъ кругомъ знатоковъ и любителей искусствъ; но народное мало-по-малу переходитъ отъ высшаго класса къ среднему, а потомъ и къ низшему. Знакомыя имена, знакомыя происшествія, знакомыя мѣста возбуждаютъ любопытство въ самомъ необразованномъ человѣкѣ. Удивительно ли, что въ Аѳинахъ почти каждый гражданинъ могъ быть судьей поэта или другого художника?.. Въ нынѣшнее время, когда число произведеній поэзіи чрезвычайно увеличилось, самые чужестранцы, любопытствуя узнать поэзію какого-нибудь народа, всего прежде ищутъ особенно относящагося къ тому народу... Кто бы повѣрилъ, что въ Парижѣ съ большимъ участіемъ читаютъ переводы нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, нежели переводъ единственной, несравненной пьесы Батюшкова „Умирающій Тассъ“?.. Народная поэзія

преимущественнѣе неопредѣленной потому, что она вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли: она живѣйшее въ насъ рождаетъ удовольствіе, и чувствованія, ею возбуждаемыя, глубже и продолжительнѣе бываютъ въ нашемъ сердцѣ“. Съ другой стороны, изъ народности поэзій вытекаютъ выгоды и для самихъ поэтовъ. „Изображая свою природу, свои нравы и проч., они не будутъ принуждены мучить свое воображеніе, чтобы хорошо описать то, чего они не видали своими глазами. Имъ надобно будетъ только вглядываться во всѣ окружающіе ихъ предметы — и критика не укоритъ ихъ ни въ ложныхъ картинахъ, ни въ смѣси чувствованій древнихъ съ новѣйшими, ни въ другихъ подобныхъ симъ ошибкахъ, почти безпрестанно встрѣчающихся у нашихъ поэтовъ“. Авторъ добавляетъ, что нечего бояться того, что наша сѣверная природа не такъ роскошна, какъ южная: „истинно прекрасное и въ самой дикости своей прекрасно. Природа въ „Водопадѣ“ Державина можетъ очаровать и полуденнаго жителя“.

Изложеніе взглядовъ на искусство не было главною цѣлью статьи; оно явилось только по поводу мысли о народности и поэтому, конечно, кратко. Авторъ не имѣлъ въ виду подробно разсматривать свою теорію, такъ какъ считалъ ее общепризнавную, и не подкрѣплялъ своихъ разсужденій яркими примѣрами. Вслѣдствіе этого они рожаютъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Прежде всего, первое положеніе. Если произведеніе искусства „есть голосъ души, которая не въ состояніи удержать въ себѣ ощущенія отъ прекрасныхъ предметовъ“, то, казалось бы, должна въ силу этого исключаться всякая другая цѣль произведенія, кромѣ выраженія прекраснаго, охватившаго душу поэта и доставленія другимъ этого удовольствія. Авторъ же, говоря далѣе о цѣли произведенія, рѣшительно требуетъ, чтобы оно направляло еще нашу волю къ какой-нибудь прекрасной рѣшимости. Но какъ же, напримѣръ, смотрѣть на поэтическія произведенія, имѣющія своимъ предметомъ, хотя бы описаніе прекрасной природы? Какую рѣшимость могутъ вызвать они въ читателей? А съ другой стороны, прекрасное уже въ самомъ себѣ не заключаетъ ли силы, которая вообще побуждаетъ къ благороднымъ проявленіямъ воли, вообще облагораживаетъ ее? Можетъ быть, авторъ разумѣетъ послѣднее; но тогда всякое возвышенное удовольствіе можетъ быть цѣлью поэческаго произведенія. Въ статьѣ 1824 года Плетневъ, говоря объ Анакреонѣ, объясняетъ, почему „исторія включила его въ число великихъ людей“. Между тѣмъ творенія его имѣютъ предметомъ такое состояніе челоѣка, „когда душа, въ нѣкоторомъ утомленіи отъ требованій и пожертвованій гражданской жизни, прецедается природѣ, отдыхаетъ на волѣ

и оживляется привѣтливою улыбкою любви и дружбѣ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о поэзіи такимъ образомъ: „Кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ, кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей, тотъ испыталъ это чувство, которое называю я поэзіей“. Съ нашей точки зрѣнія здѣсь, при сопоставленіи этихъ цитатъ съ требованіемъ благородной рѣшимости, получается противорѣчіе, потому что, на нашъ взглядъ, второе возможно лишь на почвѣ земныхъ отношеній. Съ точки же зрѣнія современниковъ Плетнева, пожалуй, было иначе, то есть благородное какъ разъ и начиналось съ отрѣшенія отъ ничтожныхъ потребностей бѣдной нашей жизни. Вообще, такимъ образомъ, въ теоріи Плетнева чисто эстетическій элементъ выступаетъ очень ярко.

Далѣе, что касается народности поэзіи, то авторъ намъ не даетъ опредѣленія этого понятія. Но изъ дальнѣйшихъ разсужденій видно, насколько можно придавать этому слову его настоящее значеніе. Плетневъ указываетъ, что „грубыя, низкія выраженія столь же противны въ идилліи, какъ и высокопарныя. На картинѣ, гдѣ изображенъ сельскій видъ, не должны встрѣчаться низкія явленія“, и, вообще, критикъ желаетъ, чтобы простота слога поэтическаго народнаго по характеру произведенія „удерживала всю прелесть поэзіи“²⁾. Всѣмъ требованіямъ народности поэзіи удовлетворяютъ, по отзыву критика, „Рыбаки“. „Характеры рыбаковъ совершенно списаны съ природы“. „Читая сію идиллію, не скажешь, что стихотворецъ дразнить рыбаковъ испорченнымъ ихъ языкомъ. Напротивъ, онъ подслушалъ ихъ разговоръ и передалъ намъ, какъ долженъ передавать поэтъ“. На нашъ взглядъ, „Рыбаки“ очень смахиваютъ на „трудолюбивыхъ поселянъ“ тогдашней литературы. Поэтому, требованіе народности, выставленное Плетневымъ, нельзя считать имѣющимъ особое значеніе, потому что трудолюбивые поселяне появились задолго до Плетнева. Но теоретическія разсужденія его о народности и приложеніи этого принципа ко всѣмъ искусствамъ, какъ мы сказали, являются вполнѣ справедливыми и смѣлыми для того времени.

Одиннадцать лѣтъ спустя послѣ этой статьи, т. е. въ 1833 году, Плетневъ посвятилъ предмету народности въ литературѣ цѣлое разсужденіе, которое было произнесено имъ, какъ профессоромъ, на университетскомъ актѣ³⁾. О томъ, что такое эта идея народности, авторъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: „Она представляетъ собою

¹⁾ *Иб.* I, стр. 114, 115. «Анакреонтическая ода Державина «Мечта».

²⁾ *Иб.* I, стр. 161. «Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ».

³⁾ *Иб.* I, стр. 217. «О народности въ литературѣ».

особенность, необходимо соединяющуюся съ идеею каждаго народа. Сколько же предметовъ должно войти въ ея совокупность! Черты, составляющія физиономію души нашей, предварительно были какъ стихіи въ томъ обществѣ, которое воспитало наши страсти, въ той природѣ, которая упоевала наши чувства, въ той религіи, которая возвысила наши помыслы, въ тѣхъ обычаяхъ, которые освящены для насъ давностію, въ тѣхъ предразсудкахъ, отъ которыхъ не спасаетъ насъ никакая философія. Еще болѣе: одинъ и тотъ же народъ, въ разные періоды своей исторіи при содѣйствіи разныхъ причинъ, скрывающихся то въ политикѣ, то въ морали, то въ ученыхъ мнѣніяхъ какого-нибудь времени, является съ безчисленнымъ множествомъ оттѣнковъ, которые всѣ принадлежатъ разсматриваемой идеѣ“.

Опредѣляя народность такимъ образомъ, авторъ, однако, нигдѣ не говоритъ о томъ, какъ же именно эта идея должна примѣняться въ литературѣ. Онъ только ставитъ свою задачу прослѣдить исторически развитіе этой идеи. „Не трудно убѣдиться“, говоритъ онъ, „что новѣйшей литературѣ принадлежитъ одно только это выраженіе, а самая идея современна древнѣйшимъ писателямъ“. Такъ, вся литература греческая отличается этимъ свойствомъ, она народна въ высшей степени. Вслѣдствіе этого „литература въ Греціи дѣйствительно была то же, что и самая жизнь, составляя только особенную ея форму, а не такое искусство, котораго практика ищетъ себѣ задачъ внѣ существенности, т. е. внѣ жизни“. Напротивъ, „римской литературѣ не достааетъ народности“. Средніе вѣка отличаются разъединеніемъ духовной и обыденной жизни. Первая была чисто латинскою, а потому и литература не могла быть народною, за немногими лишь исключеніями. Въ новое время европейскіе народы догадались, что истинный путь развитія національности немислимъ безъ самобытности; поэтому они начали ревностно изучать свое прошлое.—Что же касается Россіи, то авторъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Отечество наше занимаетъ высокое положеніе въ ряду европейскихъ государствъ. Исторія литературы нашей чрезвычайно многосложна и своеобразна. „Въ ту роковую эпоху, когда кичливая ученость попрадала отечественный языкъ и на нѣсколько вѣковъ отдалила его возстаніе, изъ христіанскихъ державъ одна Россія, какъ святыню, сохранила это драгоцѣнное свое достояніе. Одно сіе обстоятельство уже прямо повело ее къ народности въ литературѣ“. Такимъ образомъ, духовное развитіе Руси пошло національнымъ, самобытнымъ путемъ, и такова же была литература. Но, говоритъ авторъ, „памятники той эпохи подобны обломкамъ статуи“, смотря на которые „мы не можемъ не чувствовать, какъ

прекрасно было цѣлое, но постичь его не можемъ"... Бѣдствія, постигшія Русь, не заглушили народной особенноти, или „думы“ ея, которая проявлялась „то въ назидательномъ поученіи, то въ простодушной лѣтописи, то въ любопытномъ описаніи путешествія, то въ аллегорической сказкѣ, то въ народныхъ пѣсняхъ, дышащихъ тою истиною, которая составляетъ верхъ совершенства въ произведеніяхъ человѣка“. Несчастливая пора наступила для Россіи тогда, когда и въ нее проникли „искушенія жеучености“. „Подобно западнымъ европейцамъ“, говоритъ авторъ, „и мы разъединили жизнь мышленія отъ жизни гражданственной. Въ литературѣ начало преобладать стремленіе къ разрѣшенію вопросовъ, заимствованныхъ внѣ круга общезитія нашего... Произведенія словесности не являлись какъ отголоски истинныхъ чувствованій или картины дѣйствительной жизни, но какъ образчики древнихъ формъ, въ познаніи которыхъ состояла главная цѣль ученія“.

Говоря о среднихъ вѣкахъ русской жизни, авторъ забываетъ о томъ глубоко невѣжествѣ, въ которое впала тогда Россія, и что, поэтому, не только нельзя говорить о народной литературѣ того времени, но и вообще о литературѣ въ строгомъ смыслѣ слова. Что же касается жеучености, то нечего много говорить въ пользу того, что схоластическая образованность, съ одной стороны, была необходима, какъ таковая именно, а съ другой—была и на Западѣ, откуда только и можно было заимствовать науку, единственную.

„Науки“, продолжаетъ авторъ, „введенныя геніемъ Петра, начинали совершенствоваться общезитіе“. Если бы, по мнѣнію автора, дѣятелями новаго просвѣщенія были чисто русскіе, то не произошло бы одного обстоятельства, самаго неблагопріятнаго для народности въ нашей литературѣ. „Но, къ удивленію, въ тогдашнее время, изъ русскихъ, въ полномъ значеніи, ученый человѣкъ былъ одинъ только Ломоносовъ“. И вотъ, у насъ получилъ преобладающее значеніе иностранный языкъ. „Вскорѣ, что только могло учиться въ Россіи, все стало мучиться одной жаждой: знать языкъ иностранный, безъ всякой цѣли, безъ всякой нужды“.

Всѣ высказанныя здѣсь мысли, съ нашей точки зрѣнія, уже не возбуждаютъ теперь недоразумѣній. Все имѣетъ свое объясненіе, поэтому и мы не будемъ входить въ разсужденія по этому поводу.

„Въ Россіи“, говоритъ далѣе авторъ, „можно было отличить тогда три особенныхъ направленія духа“. Одни жили внѣ гражданственности своей, посвящая ученые труды древнему міру. Изъ остальныхъ, болѣе знакомыхъ съ жизнью и принадлежащихъ обществу, большая часть „составляли отголосокъ всего иностраннаго“, а меньшая „по какому-то еще не остывшему чувству народности, изучали разные эпохи

русскаго быта, или въ современныхъ его чертахъ искали пищи своимъ талантамъ“. Какъ примѣръ, Плетневъ приводитъ Екатерину II, которая оказалась дѣйтельною сторонницею русскаго духа во всѣхъ областяхъ гражданственности. Мы мимоходомъ замѣтимъ, что Екатерина II была по происхожденію иностранка. Дальнѣйшее изученіе родной старины нашло себѣ ревнителей въ лицѣ Новикова и М.-Пушкина. Въ Александрово время особенно проявилъ себя, какъ меценатъ, Румянцевъ. На поприщѣ же литературномъ авторъ отмѣчаетъ Карамзина и Крылова. Наконецъ, въ послѣднее время, народныя теченія заявлены были собраніемъ законовъ. „Здѣсь, въ этой совокупности нашихъ законовъ, гдѣ каждый день, каждый часъ запечатлѣнъ идеею того, кто движетъ всѣ пружины и напрягаетъ всѣ нравственныя силы націи, здѣсь воплѣнъ постигнута будетъ наша исторія, а съ нею и самая народность“. Заключительныя слова рѣчи обращены къ тому „мужу, столь же высоко образованному, какъ и ревностному патріоту, котораго первое слово къ намъ было: народность“, т. е. министру народнаго просвѣщенія, гр. Уварову.

Мысли Плетнева о народности проникнуты тѣмъ же духомъ, что и правительственное заявленіе того времени (и послѣдующаго), выраженное этимъ министромъ, о трехъ началахъ русской жизни: православіи, самодержавіи и народности. Правда, заявленіе это людьми разныхъ направленій толковалось различнымъ образомъ, и даже само правительство, провозглашавшее этотъ принципъ народности, дѣйствовало часто совершенно вразрѣзъ съ нимъ... И разсужденія Плетнева въ данной рѣчи — отвлеченны; при нихъ недостаетъ примѣровъ; въ частности, не говоритъ онъ и о томъ, въ чемъ должна проявляться истинная народность въ литературныхъ произведеніяхъ. Однако и по этой статьѣ можно судить о его мнѣніяхъ: русскій народъ обладаетъ прекрасными свойствами и *опредѣленною* фізіономіею и является равноправнымъ и равнозначашимъ членомъ европейской семьи народовъ. Дурныхъ сторонъ русской жизни Плетневъ не хочетъ замѣчать, или уменьшаетъ ихъ значеніе, или же, наоборотъ, тѣмъ обстоятельствамъ, которыя были слѣдствіемъ исторической необходимости, онъ придаетъ значеніе непонятныхъ и печальныхъ исключеній изъ правильнаго хода русской жизни.

Обращаясь для подтверждающихъ поясненій по этому вопросу къ другимъ статьямъ Плетнева, мы находимъ очень мало соотвѣствующихъ мѣстъ. Даже не находимъ стремленія выработать ясный взглядъ на предметъ, несмотря на то, что, казалось бы, споры западниковъ и славянофиловъ должны были бы побудить его къ этому. Но отсюда видно, что Плетневъ оставался и впослѣдствіи консерваторомъ, и что его мало интересовали современные общественныя

идеи и народническія въ частности. Вездѣ въ соотвѣтствующихъ упоминаніяхъ авторъ предполагаетъ смыслъ термина яснымъ и не допускающимъ разногласій въ пониманіи ¹⁾. Говоря о простонародіи, Плетневъ употребляетъ слѣдующіе термины: сначала „трудолюбивые поселяне“ ²⁾, потомъ „мужички“ ³⁾, которые въ настоящее время звучатъ такъ приторно — некрасиво, обличая лишь крѣпостническіе идеалы. О нравственности народной Плетневъ самыхъ идеальныхъ представлений: „Гартманъ“, пишетъ онъ, „все толкуетъ о поддержаніи въ Финляндіи нерастлѣнныхъ нравовъ. Я подозреваю, что въ простомъ русскомъ народѣ (не въ городахъ) столько же чистоты и невѣдѣнія, сколько и въ Финляндіи ⁴⁾“. Плетневъ, очевидно, не углублялся въ размышленія по этому предмету и считалъ патриотизмомъ — возмущаться, когда заговаривали о неурядицахъ русской жизни. Такъ, ему неприятно „направленіе новыхъ“ — Гоголя, Одоевскаго, Сологуба, которые, стремясь превознести достоинство русскаго народа, ни о чемъ не рассказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей ⁵⁾. Это Плетневъ находитъ „страннымъ“. Говоря разъ о крѣпостномъ правѣ, Плетневъ сообщаетъ Гроту, что Арсеньевъ (К. И., профессоръ) доказывалъ ему и Максимовичу „фактами, что нынѣшнее (1843) состояніе помѣщичьихъ крестьянъ (благодаря множеству мѣръ правительства противъ злоупотребленій) гораздо лучше состоянія крестьянъ казенныхъ. „Это ввело“, прибавляетъ онъ „насъ и его во множество интересныхъ государственныхъ взглядовъ“ ⁶⁾. Къ сожалѣнію, нигдѣ болѣе не находимъ указаній Плетнева, какъ онъ смотритъ на крѣпостное право, освобожденіе крестьянъ и т. п.

Слѣдующая за разборомъ „Рыбаковъ“ статья представляетъ собою небольшую оцѣнку сценической игры тогдашней драматической артистки Е. С. Семеновой (род. 1786, ум. 1849) въ роляхъ Клетемнестры и Медеи трагедій Расина ⁷⁾. Здѣсь мы находимъ важныя мысли о сценическомъ искусствѣ вообще и мѣткую характеристику игры Семеновой, въ частности. Авторъ указываетъ, что драматическое искусство изъ всѣхъ искусствъ является наименѣе выгоднымъ для таланта художника. Служитель Мельпомены лишень преимущества другихъ художниковъ: передать всю душу свою потомству

¹⁾ Есть только опредѣленіе народнаго характера басенъ Крылова, II, 3

²⁾ Ib. I, 20, 154, 282.

³⁾ Ib. II, 424.

⁴⁾ Переп. съ Гр. I, 502 (1842 г.).

⁵⁾ Ib. II, 327.

⁶⁾ Ib. II, 132.

⁷⁾ «Драматическое искусство г-жи Семеновой». 1822. (Соч. и переписка I, 44—53).

и послѣ смерти жить въ своемъ твореніи. Кромѣ того, актеръ стоитъ въ зависимости отъ автора пьесы. Поэтому, собственно говоря, часто большая доля порицаній, которыя публика выражаетъ актеру, должна быть отнесена на долю автора. Поэтому вообще сценическимъ художникомъ быть трудно. „Что“, спрашиваетъ авторъ, „показываетъ величіе таланта въ драматическомъ искусствѣ? Правильное и непрерывное созиданіе всѣхъ представленій, которыя актеръ на себя принимаетъ, удовлетворительный отчетъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ своего искусства и, наконецъ, полное въ себѣ вмѣщеніе всей души представляемаго лица“. Последнюю мысль авторъ поясняетъ такимъ образомъ. „Чтобы актеру вмѣстить въ себя душу представляемаго лица, для сего ему надобно совсѣмъ на время отречься самого себя и такъ очаровать зрителей, чтобы они забыли настоящее его лицо, а видѣли бы въ немъ того, кого онъ представляетъ“. Далѣе авторъ высказывается, что подобно тому, какъ поэту необходимо умѣнье отдѣлывать свои произведенія, и актеръ не долженъ полагаться только на свой талантъ, но долженъ изучать свое искусство, никогда не останавливаться въ развитіи его въ себѣ. Такимъ требованіямъ вполне отвѣчаетъ игра Семеновой. Въ результатѣ этихъ двухъ качествъ настоящаго актера, умѣнія и старанія, которыя она приложила къ дѣлу, и было то, что въ Клетемнестрѣ и Медеѣ всѣ увидѣли вновь созданныя ею лица“, такъ какъ артистка „обняла свое искусство полною душою“. Въ роли Клетемнестры артистка „въ самой сильной горести сохранила лицо этой пылкой и гордой женщины“. Что же касается Медеи, то артисткѣ принадлежитъ та заслуга, что она шире и глубже взглянула на характеръ Медеи и представила не преступную женщину, не злую фурію, какъ понимали ее другія артистки до нея въ Петербургѣ и въ Парижѣ, но сообщила ей трагической характеръ, вслѣдствіе чего зрители могли видѣть, что мысль погубить дѣтей, чтобы отмстить Язону, терзаетъ ее, какъ самую нѣжнѣйшую мать“. Для полноты обзорѣнія, слѣдуя своему мнѣнію о драматическомъ талантѣ, авторъ даетъ краткій отзывъ и о внѣшнихъ качествахъ игры артистки, голосѣ и мимикѣ. Заканчиваетъ авторъ тѣмъ, съ чего началъ, т. е. изложеніемъ чертъ совершеннаго артиста. Здѣсь онъ отмѣчаетъ, что артистка многимъ обязана Н. И. Гнѣдичу, и заключаетъ такимъ образомъ: „пока мы въ своихъ актерахъ и актрисахъ не будемъ видѣть людей самыхъ образованныхъ и вступившихъ въ союзъ съ просвѣщеннѣйшими людьми, до тѣхъ поръ у насъ драматическое искусство не возвысится до той степени совершенства, на которой оно стоитъ въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ Европы“.

Таковы требованія автора отъ актеровъ. Что же касается разбора самыхъ драматическихъ произведеній, то изъ относящихся сюда статей укажемъ на разборъ трагедіи Шиллера „*Орлеанская Дѣва*“, по поводу перевода ея Жуковскимъ (1824) ¹⁾. Авторъ вначалѣ привѣтствуетъ появленіе трагедіи, видя въ этомъ эпоху драматическаго творчества: „только со времени перевода „*Орлеанской Дѣвы*“ мы увидѣли на своемъ языкѣ романтическую трагедію со всѣми совершенствами“.., тогда какъ до этого на русской сценѣ еще господствовала французская классическая поэзія. Передавъ содержаніе трагедіи, авторъ по поводу ея финала, отступающаго отъ исторіи, выражаетъ свое общее мнѣніе, что поэтъ въ такихъ частныхъ случаяхъ имѣетъ право отступать отъ дѣйствительности, если эти случаи не вліяютъ на сущность дѣла, а между тѣмъ мѣшаютъ его цѣли: облагораживать и умилять душу. Затѣмъ авторъ высказывается по поводу отличительныхъ чертъ романтической трагедіи сравнительно съ французской классической. Романтическая поэзія, явившись реакціей противъ французскихъ авторитетовъ, заявила себя и свободою въ отношеніи формы, въ частности позволила себѣ отступить въ драмѣ отъ пресловутыхъ трехъ единствъ. Плетневъ и защищаетъ это отступленіе, считая его совершенно необходимымъ. Онъ отвергаетъ мнѣніе ложноклассиковъ, что единство времени способствуетъ иллюзіи. Критикъ возражаетъ: „если зритель увѣренъ, что онъ не остается цѣлыхъ сутокъ въ театрѣ (предѣлъ времени для драмы по требованію единства времени), тогда для воображенія все равно: недѣлю, мѣсяцъ, годъ или болѣе продолжается представляемое дѣйствіе, потому что для него такъ же легко сближать случаи, раздѣляемые сутками, какъ и десятилѣтіями“. Для той же иллюзіи требовалось и единство мѣста (или декораций). Но вѣдь и тутъ не проведешь зрителя! „Что бы сказали о живописцѣ, если бы онъ, превосходно изобразивъ лицо героя, вырѣзалъ изъ полотна его фигуру для большаго сходства съ оригиналомъ? Таковы точно правила, предписываемыя въ пѣтикахъ для соблюденія единства времени и мѣста“. Эти требованія стѣсняють художника, который долженъ имѣть въ виду „одно лучшее, поэтическое“, тогда какъ эти единства заставляютъ его опускать и вставлять эпизоды вопреки требованіямъ его идеала. Авторъ далѣе и указываетъ, насколько сильно пострадала бы трагедія Шиллера, если бы онъ счелъ для себя необходимымъ поступить по требованіямъ ложноклассическаго искусства. Изъ всѣхъ единствъ необходимымъ

¹⁾ «Орлеанская Дѣва Шиллера въ переводѣ Жуковскаго». 1824. Ів. I, 132—160.

является только единство дѣйствія, что и выполнено въ данномъ произведеніи.

Авторъ все-таки оговаривается, что защитники французскаго вкуса могутъ, быть можетъ, его опровергнуть, но опытъ, непосредственное чувство свидѣтельствуеетъ ему, что трагедіи ложноклассиковъ для него кажутся хуже, чѣмъ, напримѣръ, Шекспира, Шиллера, Гёте. Вкусъ опредѣляется и особенностями національными. Это и доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что французы съ удовольствіемъ смотрятъ на представленія трагедій своихъ поэтовъ, а у насъ онѣ дѣйствуютъ слабѣе, чѣмъ англійскія и нѣмецкія. И далѣе Плетневъ требуетъ, чтобы новыя трагедіи были „наши“, то есть вполнѣ національны. Мы, говоритъ онъ, начавъ съ трагедій французскихъ, не должны останавливаться и на нѣмецкихъ, а ожидать такихъ, къ которымъ нѣмецкія составляютъ ближайшую ступень: это тѣ, „въ которыхъ нѣкогда восторженные зрители увидятъ все собственное: и объемъ дѣйствія, и его расположеніе, и движеніе страстей, и краски ихъ, и прелесть языка ¹⁾).

Свои требованія реальности критикъ простираетъ еще дальше. Обращая вниманіе на характеры дѣйствующихъ лицъ и сравнивая Шиллера съ Шекспиромъ, онъ находитъ, что послѣдній стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо выше перваго. У Шекспира „всѣ чувствуютъ, мыслятъ, говорятъ сообразно съ тѣми обстоятельствами жизни, въ которыхъ находятся. Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчить ей“. Что же касается Шиллера, то авторъ отмѣчаетъ ту особенность его героевъ, что всѣ они какъ-будто позаимствовали свой характеръ отчасти у поэта. Поэтому-то у Шиллера „поселянинъ и вельможа, простой воинъ и государь часто стремятся къ чему-то одному и даже сходно изъясняются“. И далѣе приводятся примѣры этого свойства Шиллеровскихъ персонажей.

Затѣмъ критикъ говоритъ о тѣхъ достоинствахъ русскаго перевода, которыя собственно принадлежатъ Жуковскому. Это, во-первыхъ, новый размѣръ стиха. Авторъ защищаетъ выборъ Жуковскаго и, между прочимъ, называетъ русскій языкъ лучшимъ для поэзіи. А затѣмъ говоритъ о томъ, какъ надобно переводить съ иностранныхъ языковъ. Нужно заботиться не о томъ, главнымъ образомъ, чтобы передать буквально текстъ, но чтобы получились тѣ же мысли и характеръ оригинала. Жуковскій такъ и дѣлалъ. Что касается языка, то авторъ признаетъ, что поэтъ далъ въ трагедіи русскій языкъ чистый, ясный, сильный и благородный. Онъ побѣдилъ всѣ трудности необработанной рѣчи. Плетневъ замѣчаетъ, что только

¹⁾ Ib. I. 145.

русская лирика пользуется болѣе обработаннымъ языкомъ, такъ что Жуковскій въ данномъ случаѣ былъ талантливымъ новаторамъ.

Въ началѣ XIX в. выступилъ на литературное поприще Байронъ, оказавшій потомъ вліяніе на творчество Пушкина. Обожаніе Байрона въ кружкѣ гениальнаго поэта произвело впечатлѣніе и на Плетнева, но поэзія Байрона не соотвѣтствовала кроткой и миролюбивой его натурѣ, поэтому онъ и не могъ понять правильнымъ образомъ протестующаго характера его поэзіи. Плетневъ отзывался такимъ образомъ о Байронѣ: „нельзя извинить въ немъ, что онъ, по какой-то странной мизантропіи, какъ бы не признаетъ въ человѣкѣ истинно благородныхъ чувствованій, когда изображаетъ его въ счастливомъ гражданскомъ состояніи. Онъ скорѣе открываетъ ихъ въ какомъ-нибудь страдальцѣ или злодѣѣ. Вѣроятно, такая прихоть воображенія происходитъ изъ частныхъ обстоятельствъ жизни поэта; но онъ долженъ помнить, что носитъ на себѣ священную обязанность говорить языкомъ истины и писать не для одного вѣка, а для потомства“. Но со стороны литературной онъ отдалъ Байрону должное. Сюда относятся статьи Плетнева 1822 г.: „Шильонскій узникъ“ и „О Кавказскомъ Пльнникѣ“ Пушкина. Первая статья написана по случаю выхода перевода Жуковского.

Со стороны литературной Плетневъ за новымъ явленіемъ признаетъ всѣ права и предрекаетъ ему прочное положеніе въ будущемъ, „потому что его (Байрона) произведенія носятъ на себѣ неизгладимую печать гениа“. „Картины природы въ его описаніяхъ самыя вѣрныя и свѣжія; чувства души глубоки и сильны“. Но онъ съ сожалѣніемъ констатируетъ тотъ фактъ, что „мы находимся почти въ необходимости отказаться въ эпическомъ родѣ отъ прелестныхъ вымысловъ чудеснаго“, которыхъ не допускаетъ Байронъ въ своихъ поэмахъ. „Высокая степень просвѣщенія и чистота религіи не позволяютъ намъ принимать участія въ дѣйствіяхъ волшебниковъ и волшебницъ. Такова участь поэзіи: подобно красотѣ, она прелестнѣе бываетъ въ возрастѣ дѣтскаго легкомыслія и теряетъ силу своего очарованія въ зрѣлости“. Здѣсь виденъ литературный консерваторъ, стоявшій за непосредственность поэзіи. Чувство реальнаго не отзывалось на этомъ приговорѣ. Однако и это признаніе поневолѣ новаго реальнаго направленія можно счесть заслугой со стороны критика въ литературной борьбѣ этой эпохи. Далѣе критикъ признаетъ право и за тою особенностью новыхъ поэмъ, что въ нихъ часто всего только одинъ герой, и повѣствовательный элементъ уступаетъ мѣсто изображенію чувствъ человѣка. Плетневъ сознается, что въ этомъ Байронъ достигъ полнаго совершенства.

Въ разборѣ „Кавказскаго Пльнника“ Плетневъ не прибавляетъ

✱

къ оцѣнкѣ Байрона чего-либо существенно новаго. Эта статья принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ статьямъ, гдѣ Плетневъ касается своего любимѣйшаго поэта и друга. Плетневъ разобралъ поэму безпристрастно и далъ вѣрное сужденіе, въ которомъ сходится съ позднѣйшимъ приговоромъ самого Пушкина. Критикъ указываетъ на подражаніе Байрону: „повѣсть „Кавказскій Плѣнникъ“ написана въ родѣ новѣйшихъ англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона“. Пушкинъ говоритъ о своемъ произведеніи, что оно „слабо, молодо, неполно“,—и Плетневъ признаетъ, что „присшествіе въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ можно бы сдѣлать и разнообразнѣе и даже полнѣе“... „ходъ страсти, которая бываетъ изобрѣтательна и неумоима, слишкомъ здѣсь коротокъ“... „Еще болѣе остается неполнымъ рассказъ о плѣнникѣ. Его участь нѣсколько „загадочна“. И Пушкинъ признаетъ, что „Кавказскій Плѣнникъ“—первый неудачный образъ характера, съ которымъ онъ „насилу сладилъ“. Что касается литературной стороны, то Плетневъ въ восхищеніи отъ красотъ поэмы. „Мѣстныя описанія въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ рѣшительно можно назвать совершенствомъ поэзіи. Сколько смѣлости въ начертанія, сколько искусства въ отдѣлкѣ!“

По художественности описанія Пушкинъ, по мнѣнію Плетнева здѣсь стоитъ выше Байрона. Въ концѣ статьи находимъ слѣдующій общій отзывъ критика о поэтѣ: „конечно, онъ не безъ ошибокъ. Въ первой его поэмѣ „Русланъ и Людмила“ есть погрѣшности въ планѣ; главные лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическомъ, требующемъ величайшихъ соображеній и зрѣлости генія. Можно ручаться, что постоянное вниманіе и любовь къ своему искусству доведутъ его до того совершенства въ планахъ, которое теперь такъ видимо въ частныхъ отдѣлкахъ его произведеній“.

Кромѣ этой статьи и разбора „Музы“, Плетневъ далъ еще статью о Пушкинѣ, помѣщенную въ „Современникѣ“, подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ“, о которой скажемъ ниже.

Объ антологическомъ стихотвореніи „Муза“ онъ отзывается съ восхищеніемъ: „нѣтъ ни одного слова лишняго, ни одного стиха невыдержаннаго, ни одной картины недодѣланной. Нужно ли прибавлять, что гармонія стиховъ въ семь сочиненіи составляетъ пріятнѣйшую музыку для слуха“ (стр. 58). Но кстати замѣтимъ, что подобные же восторги Плетневъ расточаетъ и при разборѣ другихъ поэтовъ, напримѣръ, Вяземскаго.—Эстетическая натура критика проявляется въ выраженномъ имъ тутъ же желаніи, чтобы русскіе

люди со вкусомъ къ изящному позаботились объ изданіи антологическаго сборника.

Насколько сильно было владычество риторики во времена первыхъ опытовъ Плетнева, и насколько кружокъ Пушкина все-таки былъ выше въ этомъ отношеніи, показываетъ разборъ Плетнева „*Путешественника*“ Жуковскаго (1823). „У насъ“, говоритъ критикъ, „многіе возстаютъ противъ новостей поэзіи и защищаются однимъ оружіемъ: чего нельзя назвать по всей формѣ одою, сатирою, комедією, трагедією, то не хорошо. Они воображаютъ, что главные четыре рода могутъ обнять все, что заключаетъ въ себѣ область поэзіи“. Плетневъ становится на сторону Вольтера, который заявлялъ, „что всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго“. „Сначала“, говоритъ критикъ, „должно доказать, удовлетворяетъ ли произведеніе всѣмъ требованіямъ вкуса“, а потомъ и отнести его къ подходящему роду поэзіи. Разборъ и написанъ съ цѣлью показать, что это произведеніе именно очень трудно отнести къ какому-нибудь определенному роду, однако это нисколько не мѣшаетъ ему быть истинно прекраснымъ произведеніемъ поэзіи. По существу содержанія его можно отнести къ роду элегическому.

Статья объ элегии Батюшкова „*Умирающій Тиссъ*“ высказываетъ мысль, что поэтическое произведеніе не можетъ быть никогда только списываніемъ съ природы, хотя бы „предметъ въ прозаическомъ своемъ видѣ уже блисталъ лучшими красотоми поэзіи“. „Поэзія означаетъ созданіе“ и для своей цѣли—созиданія прекраснаго идеальнаго міра она должна „положить собственную печать“ на предметъ и „возвести его въ свою сферу“ (стр. 97). Поэтъ въ данномъ случаѣ какъ нельзя лучше выполнилъ свою задачу: событіе, самое по себѣ поэтическое—смерть Тасса—онъ преобразовалъ въ совершенно идеальное, сдѣлалъ его предметомъ поэзіи посредствомъ поэтическаго изображенія всей его жизни.

Въ 1825 году написана Плетневымъ статья о русскихъ поэтахъ въ видѣ письма къ графинѣ Соллогубъ ¹⁾. Письмо это написано по особому поводу. Оно было вызвано замѣчаніемъ графини, будто „трудно указать, кто бы изъ нашихъ поэтовъ замѣнилъ ей то удовольствіе, которое чувствуетъ она, читая любимаго своего Ламартина“. Плетневъ и постарался доказать ей противное.

Высказывая здѣсь общій взглядъ на поэзію, Плетневъ заявляетъ себя чистымъ эстетикомъ: тотъ испытываетъ чувство поэзіи, „кто жилъ нѣсколько часовъ, отдавшись благороднымъ, лучшимъ своимъ желаніямъ; кто въ это время былъ совершенно свободенъ отъ ни-

¹⁾ Ib. I, 160—200.

чтожныхъ потребностей жизни нашей и чуждъ волненія земныхъ страстей“. А французская поэзія какъ разъ и не отвѣчаетъ этому идеалу по своимъ свойствамъ. „Самое лучшее поэтическое движеніе во Франціи не смѣло явиться въ прелестной простотѣ своей; оно говорило вполголоса и то жеманнымъ языкомъ“. Конечно, есть и исключенія, но о большинствѣ, говоритъ онъ, это нужно признать справедливымъ. Почему же, спрашивается, любятъ французскую поэзію? Потому что ее знаютъ, а почему знаютъ—это уже вопросъ политическій. Что касается русской поэзіи, то на нее не могли вліять „правила общежительной французской вѣжливости“. Наша поэзія удалилась отъ свѣта, и потому ее мало знаютъ, потому и не любятъ. Между тѣмъ она имѣетъ своихъ представителей, которые не только не ниже французскихъ, но часто и превосходятъ ихъ. И Плетневъ при перечисленіи русскихъ поэтовъ не скупится на похвалы имъ. Выше всѣхъ онъ ставитъ Державина, а изъ французскихъ поэтовъ никто къ нему не можетъ и приблизиться. За Державиннымъ удостоиваются громкихъ похвалъ и другіе писатели. Всѣ они выше соотвѣтствующихъ французскихъ, писавшихъ въ томъ же родѣ. Не мудрено, поэтому, что друзья критика отозвались неодобрительно о „письмѣ“ его. „Экая эралашь!“ писалъ Пушкинъ ¹⁾ Вяземскому вскорѣ послѣ выхода статьи. Плетневу пришлось даже оправдываться отъ обвиненій друзей въ „куростройствѣ“ ²⁾. Правда, Плетневъ отчасти и самъ предвидитъ, что его могутъ осудить за похвалы, и заранѣе отвѣчаетъ: „недостатки находятъ и въ Омерѣ. Я о нихъ не говорилъ потому, что они совсѣмъ не противорѣчатъ моимъ мнѣніямъ“. „Наша литература еще молода. Ей надобно открывать теперь больше видовъ къ прекрасному“.

Отзывомъ о „*Съверныхъ цвѣтахъ*“ (1825) заканчиваются статьи двадцатыхъ годовъ. Плетневъ послѣ этой статьи умолкаетъ до 1831 г., когда былъ написанъ имъ некрологъ барона Дельвига. Здѣсь онъ отдаетъ дань своему доброжелательству. Какъ о человѣкѣ, о Дельвигѣ онъ отзывается съ похвалами его любви къ знанію. Какъ о поэтѣ говорить, восторгаясь „свѣжестью его картинъ, силою чувствъ, музыкой простоты“: „кто, прочитавъ его стихотворенія, не почувствуетъ наслажденія, тотъ или отжилъ или не начиналъ еще жить для восторговъ къ изящному“.

Такова была журнальная дѣятельность Плетнева за первый періодъ. Изъ нашего обзора статей Плетнева, писанныхъ имъ въ двадцатые годы, видно, что онѣ соотвѣтствовали предварительному

¹⁾ Однотомное изд., стр. 1528.

²⁾ «Соч. и переписка» Плетнева III, 315.

заявленію Вольнаго Общества. Какъ мы видимъ, критикъ согласенъ, что русская литература обладаетъ большимъ количествомъ хорошихъ поэтическихъ произведеній. Онъ ставитъ даже ее выше французской, хотя и съ той оговоркой, что она еще молода („Письмо къ графинѣ“). Согласно заявленію, критикъ не разбираетъ произведеній авторовъ безъ твердой репутаціи и въ разбираемыхъ произведеніяхъ преимущественно отмѣчаетъ хорошее. Вообще, критика Плетнева очень скромная, ни въ какомъ случаѣ не „зубастая“, какъ совѣтовалъ ему Пушкинъ. Его теорія искусства выражена имъ въ разборѣ „Рыбаковъ“. Она, какъ подтверждается это и другими мѣстами его разборовъ, въ основѣ своей эстетическая. Поэзія — это область прекраснаго, идеальнаго, чуждаго волненія земныхъ страстей, хотя поэтъ творитъ свой міръ на основаніи природы, „подражая ей, облагораживая ее. Плетневъ не склоняется преимущественно ни къ классицизму, ни къ романтизму, но восторгается прекраснымъ вообще, независимо отъ видоизмѣненій направленія. Онъ признаетъ за художникомъ свободу творчества. У поэта могутъ быть свои оттѣнки въ эстетическихъ взглядахъ и привязанностяхъ, такъ что, вообще, не можетъ быть и не должно быть правилъ для творчества—такихъ, которыя бы стѣсняли проявленія творчества. Плетневъ, вообще, мало значенія придаетъ риторикѣ, — главное для поэта составляетъ, съ одной стороны, талантъ, а съ другой, работа надъ собой, надъ своимъ искусствомъ. Послѣдняя должна проявляться въ стремленіи къ возможно большому внѣшнему изяществу и къ достиженію полнаго соответствія между мыслью и формой. Однако эта форма должна быть поэтической, т. е. не должна допускать непривычныхъ прозаическихъ выраженій. Въ силу признанія за авторомъ свободы, Плетневъ, какъ мы видѣли, съ одинаковымъ уваженіемъ отзывается и о Батюшковѣ и о Жуковскомъ и т. д. Наконецъ онъ признаетъ необходимость народности въ поэзіи, хотя она въ его неясныхъ опредѣленіяхъ является облагороженною, т. е. денатурализованною.

Что касается внѣшней стороны его статей, то надо замѣтить, что подражаніе Карамзину, которое находимъ въ первыхъ статьяхъ, скоро исчезаетъ, и простота изложенія является обычною принадлежностью всѣхъ послѣдующихъ статей. Въ нѣкоторыхъ разборахъ замѣтна схематичность изложенія: сначала трактуется о внутреннихъ достоинствахъ произведенія, потомъ о его внѣшнемъ характерѣ.

Характеризуя первый періодъ жизни и дѣятельности Плетнева, можно сказать, что это было для него время основанія послѣдующихъ свѣтскихъ и литературныхъ связей и привязанностей, время наибольшей напряженности жизни. Къ этому же періоду относится

и женитьба Плетнева, первымъ бракомъ, на Степанидѣ Александровнѣ Раевской, отъ которой у него была одна дочь Ольга. О послѣдней Плетневъ часто упоминаетъ въ своихъ письмахъ къ Гроту. Она впоследствии вышла замужъ и скоро умерла. Что касается интенсивности его дѣятельности за этотъ періодъ, то стоитъ только перечислить его труды, чтобы видѣть, насколько былъ онъ занятъ, и насколько, значитъ, справедливо могъ онъ жаловаться друзьямъ, что онъ заваленъ работою¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на немъ лежали: учительскіе труды въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, которые его больше всего тяготили; разнообразныя хлопоты по дѣламъ друзей—литераторовъ и отчетность по нимъ; занятія въ царскомъ домѣ и, при всемъ томъ, еще и его собственные журнальные труды. При такомъ обиліи дѣлъ ему необходимо было знать, что друзья его цѣнятъ его работы и заботы о нихъ. Поэтому онъ и огорчался, когда не замѣчалъ со стороны друзей должнаго, по его мнѣнію, внимательнаго къ себѣ отношенія. Напримѣръ, ему было непріятно видѣть, какъ иногда беззаботно относился Пушкинъ къ изданіямъ своихъ сочиненій, о которыхъ Плетневъ не переставалъ думать. Или, когда Баратынскій и Пушкинъ остались недовольны его письмомъ къ графинѣ и увидѣли въ этомъ одно „куростройство“, то Плетневъ съ чувствомъ обиды оправдывается въ этомъ передъ Пушкинымъ. Сюда же присоединялись иногда нападки враждебныхъ журналистовъ. Въ томъ же письмѣ къ Пушкину онъ пишетъ, что его „письмо къ графинѣ“ „облаяли“ въ Сынѣ Отечества. При тихомъ и мнительномъ его характерѣ, становятся, такимъ образомъ, понятными и то грустное настроеніе, и та хандра, или меланхолія, въ которую онъ впадалъ часто, и въ силу которой онъ готовъ былъ совершенно разочароваться въ сочувствіи друзей. Затѣмъ посѣтили его и такія невзгоды, какъ смерть самыхъ близкихъ къ нему друзей: Молчанова, статсъ-секретаря, съ которымъ онъ и жилъ лѣтомъ на дачѣ неразлучно, и Дельвига въ 1831 г. О нихъ обоихъ Плетневъ пишетъ Пушкину: „онъ (Молчановъ) и Дельвигъ были для меня необходимы, чтобы я вполнѣ чувствовалъ счастье жизни. Смерть ихъ сдѣлала изъ меня какого-то автомата²⁾“.

Множество дѣлъ, а также и часто посѣщавшее его дурное состояніе духа были, вѣроятно, причиною того, что Плетневъ послѣ неудачнаго письма къ графинѣ пріостановилъ свою литературную дѣятельность, главнымъ образомъ прозаическую. Съ 1825 года онъ ничего не написалъ до смерти Дельвига, которому посвященъ не-

¹⁾ Плетневъ пишетъ, что онъ сочиняетъ очень медленно—II, 553, такъ что литературные труды должны были отнимать много времени.

²⁾ Ib. III. 374.

большой некрологъ, и выступилъ только уже въ 1833 г. съ своею рѣчью о народности въ литературѣ. Пушкинъ спрашиваетъ брата въ письмѣ: „что Плетневъ умолкъ? Конечно, бѣдный боленъ, или „Войнаровскимъ“ (Рылѣва) недоволенъ 1)“. Муза покинула его съ 1827 г. Баратынскій, получивъ отъ него по поводу смерти Дельвига письмо, „дышащее разувѣренностью и уныніемъ“, въ отвѣтъ писалъ ему слѣдующее: „неужели ты вовсе оставилъ литературу? Знаю, что поэзія не заключается въ мертвой буквѣ, что молча можно быть поэтомъ; но мнѣ жаль, что ты оставилъ искусство, которое лучше всякой философіи утѣшаетъ насъ въ печаляхъ жизни. Вотъ почему самые мрачные поэты могутъ сохранить бодрость духа. Примись опять за перо, милый Плетневъ“ 2).

Скажемъ, наконецъ, о двухъ характеристикахъ Плетнева въ этотъ періодъ, которыя у насъ имѣются. Одну изъ нихъ мы приводили раньше, говоря о полицейскихъ донесеніяхъ, гдѣ Плетневъ аттестуется человѣкомъ смирнымъ, даже робкимъ. Другую оставилъ Никитенко, познакомившійся съ Плетневымъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ. Онъ говоритъ такимъ образомъ въ своемъ дневникѣ: „Былъ у Плетнева. Его обращеніе просто. Въ чувствахъ и рѣчахъ больше мягкости, чѣмъ силы“ 3).

В. Н.

(Окончаніе слѣдуетъ).

1) Соч. Пушкина въ одномъ томѣ, изд. Павленкова 1537.

2) К. Я. Гротъ. «П. А. Плетневъ». Біографическій очеркъ. Спб. 1902. Стр. 20, 21.

3) Дневникъ, I, 233.

Акrostихъ, поднесенный Д. П. Трощинскому.

Въ хранящемся въ Императорской Публичной Библиотекѣ сборникѣ „Разныхъ Сочиненій“, составленномъ въ концѣ XVIII вѣка какимъ-то любителемъ, находятся забавно-нелѣпые стихи, совершенно въ хвостовскомъ духѣ, поднесенные статсъ-секретарю Д. П. Трощинскому, (о немъ см. „Русс. Стар.“ 1882 г., июнь). Первые три стиха помѣщены въ „Отчетъ Импер. Публичной Библиотеки за 1900 и 1901 г.г.“, СПБ., 1905 г., стр. 172.

Благотворный мой Избавитель!

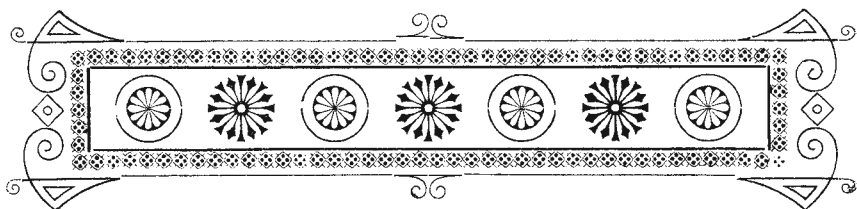
Душею сострадаю,
Мою зря горьку часть,
И въ черную напасть
Терзающую вникаю:
Реченье Истины направилъ
И Кротку Божеству представилъ
Изъять меня изъ хляби алчна вещества,

Прійми жъ души моей благодаренье,
Разженныхъ чувствъ и сердца рвенье,
О даръ избраннѣйшій для благъ!
Когда торжествовалъ мой врагъ,
Острия свой взоръ, скрипя клыками,
Фатальный ковъ обрывши рвами;
Изъ ихъ когтей чтобъ изхитить
Единой лъзя было Орлицѣ,
Великой той душѣ, Фелицѣ,
Извлечь и жребій тяжкій облегчить,—
Чертогъ тогда не ты ль отверзъ мнѣ Божества?

Ты сталь! И алчность устыдилась
Рокъ храснулъ вдругъ, и буря укротилась.
О, смертныхъ другъ! Будь въ вѣкъ благословень!
Щастливъ тобой, но я не удивленъ:
Извлечь изъ зубъ, то пусть-таки понятно,
Но вотъ алтыннымъ что душонкамъ необъятно!
Стенящій вопль тебя мой огорчилъ,
Когда въ отчаяньи я рвался и ругался,
Изящный Мужъ! однимъ ты мною занимался
И благостью Кошунство ты казнилъ.

Сообщ. Петръ Челищевъ.

Дитя любви.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

Лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ средѣ помѣщиковъ Саратовской губерніи находилось двое очень богатыхъ братьевъ Ж... Старшій П., женатый на мѣстной дворянкѣ, имѣлъ дѣтей и занималъ высокое положеніе въ уѣздѣ; второй же братъ, сравнительно, жилъ скромно, женатъ не былъ, но, находясь въ связи съ своей крѣпостной дѣвушкой, прижилъ съ ней дочь. Дѣвочка эта росла въ большой роскоши, и ей давалось хорошее образованіе, не исключая языковъ и музыки. При жизни отца она въ семьѣ его брата была на правахъ близкой родной и пользовалась общимъ расположеніемъ. Дядя такъ много оказывалъ ей вниманья, что вкрался этимъ въ довѣріе брата, который, завѣщая ему вотчины, просилъ передать свой большой капиталъ незаконной дочери, въ чемъ старшій братъ и далъ клятвенное обѣщаніе.

Дѣвочкѣ этой уже было 14 лѣтъ, когда отца ея убили крестьяне. Послѣ чего дядя взялъ ее къ себѣ въ домъ, но, пользуясь тѣмъ, что по матери она числилась его крѣпостной, съ первыхъ же дней грубо отдѣлилъ ее отъ своей семьи, сажая сначала за особый столъ во время обѣда, а затѣмъ и заставилъ ее убирать комнаты своей дочери. Несчастная сирота не вынесла такой рѣзкой перемѣны и стала чахнуть. Когда же знакомые отца начали интересоваться ея участіемъ, то П. подъ разными предлогами не допускалъ возможности ее видѣть и наконецъ рѣшился отдать ее для обученья къ известной въ то время въ Саратовѣ модисткѣ Орловой. Участъ этой дѣвушки возбуждала большое любопытство общества, но вслѣдствіе распоряженія П. ее около двухъ лѣтъ никто не могъ видѣть. Лѣтъ 17 Лида впервые показалась за прилавкомъ моднаго магазина, поражая всѣхъ своей наружностью, такъ какъ обиженнаго ребенка

судьба наградила замѣчательной красотой. Вскорѣ о ней заговорилъ весь городъ, но времена крѣпостного права, къ несчастію, налагали тяжелую печать на дѣтей любви, и въ виду этого интересовавшееся общество не приняло въ ней никакого серьезнаго участія. П. же, желая окончательно затереть Лиду, рѣшилъ выдать ее замужъ за своего незаконнаго сына изъ крѣпостныхъ, который въ то время находился камердинеромъ у его законнаго сына офицера, стоявшаго съ полкомъ въ Варшавѣ. Обстоятельство это приводило дѣвушку въ отчаяніе, но въ это время сильно заинтересовавшійся ею молодой помѣщикъ, ротмистръ Гатчинскихъ кирасиръ, похитилъ ее и увезъ въ деревню, о чемъ модистка Орлова въ тотъ же день дала знать П., который заявилъ о томъ жандармскому штабъ-офицеру и прокурору, и по ихъ распоряженію полиціей Лида, какъ крѣпостная, была водворена къ своему помѣщику. Послѣ чего П. велѣлъ обрѣзать ей косу, нарядить въ посконный сарафанъ и лапти и сослалъ ее на скотный дворъ своего подгороднаго имѣнья. Дѣло же, возбужденное противъ ротмистра за похищеніе крѣпостной дѣвушки, было прекращено, благодаря лишь вліянію бывшаго въ то время губернатора Кожевникова.

Находясь подъ сильнымъ присмотромъ дворовой челяди, несчастная Лида томилась въ непривычной для нея ужасной обстановкѣ, которую она врядъ ли могла бы долго выдержать, но энергичный ротмистръ, бывъ въ это время уже уѣзднымъ предводителемъ со-сѣдняго съ Саратовскимъ уѣзда, не дремалъ и, съ помощью близкихъ ему двоихъ друзей, снова ее похитилъ, но уже при другой комбинаціи: онъ подыскалъ отставнаго изъ дворянъ титулярнаго со-свѣтника забуддыгу, который за три тысячи рублей долженъ былъ на ней жениться и быть ея фиктивнымъ мужемъ. Свадьба происходила поздно вечеромъ, при запертыхъ дверяхъ въ Ильинской церкви, гдѣ женихъ, давно не видѣвшій на себѣ приличнаго платья, на этотъ разъ былъ одѣтъ въ щегольской фракъ и бѣлый галстухъ, а затѣмъ въ каретѣ привезена была красавица Лида. По окончаніи свадебнаго обряда, молодая была увезена въ домъ ротмистра, а мужу въ присутствіи двоихъ свидѣтелей въ церковной сторожкѣ, гдѣ дожидался маклеръ, замѣнявшій теперешнихъ нотаріусовъ, были выданы три тысячи рублей, на которые тутъ же молодой супругъ далъ заемное письмо ротмистру и, кромѣ того, было условлено, что мужъ Лиды черезъ три года будетъ получать подъ письменное обя-зательство ежегодно по тысячѣ рублей, а ежели вздумаетъ потре-бовать къ себѣ жену, то, какъ несостоятельный должникъ, будетъ посаженъ въ тюрьму.

Исторія эта въ свое время надѣлала немало шума, и хотя зло-

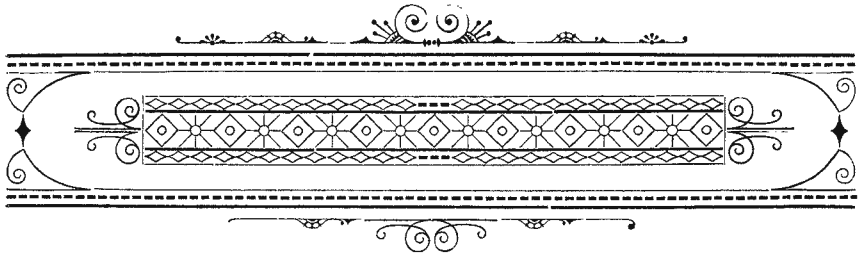
счастливаго титулярнаго совѣтника за похищеніе хотѣли предать суду, но самъ благодѣтельный дядюшка П., запуганный вліятельными дворянами возможностью довести о его поступкахъ съ Лидой до свѣдѣнія Государя, самъ первый хлопоталъ о прекращеніи этого дѣла.

Послѣ этого прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ нашему ротмистру и Лидѣ Богъ далъ сына, а затѣмъ, послѣ смерти фиктивнаго супруга у нихъ родилась еще дочь и, наконецъ, Лида сдѣлалась законной женой ротмистра. Прелестныя дѣти наслаждались все лучшее своихъ родителей, для которыхъ настала новая забота усыновить ихъ. Но такъ какъ для усыновленія дворянамъ изъ незаконныхъ дѣтей въ то время требовалась особая Высочайшая милость и послѣ подаваемыхъ по этому поводу всеподданнѣйшихъ прошеній производился главноуправляющимъ собственной канцеляріи Его Величества конфиденціальный запросъ губернатору и губернскому предводителю о томъ: заслуживаютъ ли родители этой милости, то относительно ихъ дочери устроить усыновленіе было легко, что же касается сына, то встрѣтилось большое затрудненіе, такъ какъ онъ оказался юридически законнымъ сыномъ титулярнаго совѣтника, почему мнѣ по должности губернскаго предводителя и пришлось въ своемъ сообщеніи Долгорукому, для доклада Государю, изложить обстоятельства перваго замужества Лиды, послѣ чего повелѣніемъ Императора Александра II сынъ ротмистра былъ усыновленъ.

Вся же исторія, однако же, не прошла безслѣдно для П., который такъ ужасно поступилъ съ Лидой, и Божья кара лишила его обоихъ законныхъ сыновей, которые окончили жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. П. же до самой смерти своей представлялъ собою что-то странное и ухаживалъ всю жизнь за высокопоставленными лицами и преимущественно за губернаторами и полиціей.

В. А. Шомпулевъ.

Овладѣніе непріателемъ крѣпостью Кинбурнь во время Крымской войны.

Вольшая крѣпость Кинбурнь, расположенная на песчаной косѣ того же имени, до Крымской войны, имѣла назначеніе защитить проходъ изъ Чернаго моря въ Очаковскій лиманъ отъ вторженія непріателя. Съ этою цѣлью крѣпости былъ приданъ видъ сомкнутаго форта, сильный артиллерійскій огонь котораго былъ сосредоточенъ на одномъ изъ фасовъ, обращенныхъ къ узкому проходу съ моря въ лиманъ, въ который впадаетъ рѣка Днѣпръ. На этомъ фасѣ, параллельномъ проходу, были установлены тогдашняго типа гладкостѣнные бомбовыя пушки и мортиры большого калибра, способныя состязаться съ соответственнымъ вооруженіемъ вражескихъ судовъ; остальные фасы укрѣпленія, хотя и были вооружены, но слабѣе предыдущаго. Если бы непріателю удалось воспользоваться высадкою своихъ войскъ на косу, то, предпринявъ атаку укрѣпленія съ тыла, осаждающій не встрѣтилъ бы надлежащаго сопротивленія. Да и вообще операція непріательскаго десанта на косу считалась невозможною, такъ какъ съ морской стороны коса была омываема мелководьемъ на значительное разстояніе, такъ что подходъ къ ея берегу былъ невозможенъ даже для мелкосидящихъ шлюпокъ или плотовъ, а высадка со стороны лимана гарантировалась полною надеждою на сильную оборону прохода въ лиманъ. Самый проходъ въ лиманъ не имѣлъ никакихъ искусственныхъ загражденій, которыя могли бы препятствовать свободному проходу по немъ непріательскихъ судовъ.

Осенью 1854 года, небольшой отрядъ непріятельской флотиліи съ посаженными на ней десантными войсками, подъ начальствомъ французскаго генерала Базена ¹⁾, подошедши къ Кинбурнской крѣпости, сталъ на якорь и усиленно бомбардировкою началъ громить укрѣпленіе. А какъ крѣпость, кромѣ земляныхъ верковъ, имѣла блиндажи и прочныя каменные казематы, прикрытыя надежною толщею земли, то гарнизону и различнымъ боевымъ и провіантскимъ складамъ, хранившимся въ оборонительныхъ зданіяхъ, не пришлось терпѣть уронъ, а незначительныя поврежденія въ постройкахъ немедленно исправлялись. Видя бесполезность и неудачу своего предпріятія, непріятель, хотя и продолжалъ канонаду, но гораздо слабѣе и вмѣстѣ съ этимъ отрядилъ нѣсколько пароходовъ для форсированія прохода; однако и это ему не удалось, такъ какъ его суда, рискнувшія прорваться въ лиманъ, по не знанію фарватера, попали на отмели и, будучи повреждены снарядами нашихъ орудій изъ крѣпости, должны были возвратиться назадъ.

Въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней послѣ несбывшаго намѣренія атакующаго прорваться черезъ проходъ, изъ крѣпости стали наблюдать, что въ теченіе дня нѣсколько непріятельскихъ шлюпокъ и паровыхъ катеровъ разставляютъ на поверхности моря плавучіе буйки и вѣхи, совершая эту работу въ то время, когда нашъ небольшой колесный пароходъ, державшій ежедневное сообщеніе между Кинбурномъ и Очаковомъ, курсируя вдоль прохода, подходилъ и отходилъ отъ крѣпости. Ночью же изъ крѣпости видѣли, что на поверхности моря появлялись разноцвѣтные огни, не мѣнявшіе своихъ мѣстъ. Такія проявленія какъ бы спокойной дѣятельности непріятеля и наши наблюденія, какъ сказано выше, продолжались недолго, и затѣмъ прекратилось появленіе ночныхъ огней, хотя плавучіе знаки на поверхности моря оставались видимыми днемъ.

Такъ какъ непріятельскій подходъ къ Кинбурну послѣдовалъ осенью, когда южныя ночи продолжительны и весьма темны, то, воспользовавшись одною изъ такихъ ночей и при томъ дождливой, атакующій тихо и съ потушенными огнями на судахъ, незамѣтно для обороняющагося, успѣлъ сдѣлать не только прорывъ черезъ проходъ, но и высадку своихъ войскъ съ артиллеріею на Кинбурнскую косу въ тылу крѣпости—со стороны лимана. Съ наступленіемъ послѣ этой роковой ночи утренняго разсвѣта, защитники крѣпости были поражены неожиданнымъ появленіемъ части непріятельскаго флота

---

¹⁾ Тотъ Базенъ, который впоследствии прославился неблагоприятнымъ для него судебнымъ процессомъ.

и войскъ его на такомъ мѣстѣ, занятіе котораго считалось немислимымъ.

Вся хитрость непріятеля, при несмѣтливости защитниковъ Кинбурна, заключалась въ томъ, что когда нашъ пароходъ совершалъ свои дневные рейсы по проходу, французы пользовались этимъ обстоятельствомъ и по линіи направленія движенія этого судна разставляли на морѣ буйки и знаки, провѣряя правильность ихъ положенія въ теченіе нѣсколькихъ дней, соображаясь съ направлениемъ движенія нашего парохода. Въ злосчастную же ночь для Кинбурна, по устроенному у себя створу были зажжены плавучіе огни, прикрытые отъ взоровъ изъ крѣпости, непріятель далъ возможность своимъ судамъ безошибочно направить ихъ движеніе по проходу, минуя опасныя мели. Такимъ образомъ темнота ненастной ночи и недостаточная бдительность обороняющагося были союзниками для непріятеля къ удачному выполнению придуманной имъ хитрости.

Въ теченіе дня и ночи, слѣдовавшихъ за высадкой, непріятель съ поспѣшностью принялся за насыпку земляныхъ батарей и постановку на нихъ орудій и къ вечеру второго дня открылъ губительный огонь по крѣпости. Само собою разумѣется, что бомбардированіе крѣпости съ тыла наносило значительный вредъ какъ обороняющимся, такъ и матеріальнымъ средствамъ обороны, такъ какъ дѣйствию непріятельскихъ снарядовъ открывались слабыя и видимыя части внутренности укрѣпленія и орудій, такъ что большая часть вооруженія оборонительныхъ линій за подбитіемъ орудій должна была замолкнуть.

Базень, видя успѣшное дѣйствіе своей артиллеріи и произведенныя разрушенія въ крѣпости, рѣшился предложить коменданту Кинбурна вступить въ переговоры о дальнѣйшей участи крѣпости и ея гарнизона. Съ этою цѣлью временно прекративъ бомбардированіе, непріятель выкинулъ парламентерскій флагъ, который понудилъ коменданта отвѣтить тѣмъ же—въ знакъ согласія на переговоры. Французы немедленно послали своихъ парламентеровъ къ крѣпости во главѣ своего полковника, съ нашей же стороны вышелъ къ нимъ комендантъ съ группою офицеровъ разныхъ чиновъ. Надобно замѣтить, что комендантомъ крѣпости былъ генераль, удрученный дряхлостью отъ своихъ преклонныхъ лѣтъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій воинскаго характера, соответствующихъ цѣли свиданія враждующихъ сторонъ, французскій полковникъ спросилъ, кто изъ вышедшихъ на переговоры комендантъ крѣпости и согласенъ ли онъ, избѣгая напрасныя жертвы жизней защитниковъ, сдать крѣпость непріятелю. Генераль отвѣтилъ, что комендантомъ состоитъ онъ и,

что по предварительномъ обсужденіи защитниковъ, на бывшемъ въ крѣпости собраніи, изъявляетъ свое согласіе на сдачу крѣпости безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Въ это время одинъ изъ защитниковъ Кинбурна военный инженеръ поручикъ Седергольмъ, завѣдовавшій въ крѣпости инженерною частью, выступилъ впередъ и, волнуясь закричалъ, что комендантъ лжетъ, что онъ трусъ, а не комендантъ и, что онъ, Седергольмъ, будетъ защищать крѣпость до послѣдней капли своей крови. Инцидентъ этотъ вызвалъ протестъ и угрозы со стороны старика-коменданта, на которые Седергольмъ отвѣтилъ воинственнымъ порывомъ, желая зарубить генерала саблею, и, обнаживъ которую, бросился исполнить свое намѣреніе. Но Седергольмъ былъ удержанъ окружающими, не допустившими его до насилія, такъ что коменданту не было уже особенныхъ препятствій къ позорному согласію сдаться на волю непріятели.

Такимъ образомъ крѣпость Кинбурнъ попала въ руки непріятели, равно какъ и гарнизонъ ея, который былъ оправленъ въ плѣнъ въ Константинополь и далѣе на Принцевы острова, гдѣ и оставался все время до окончанія Крымской войны. Храбрый поручикъ Седергольмъ во все время своего плѣненія получалъ жалованье по русскому окладу особо отъ французскаго правительства и особо отъ турецкаго, по возвращеніи же изъ плѣна не оставленъ былъ выдачею ему такого же содержанія и отъ русскаго правительства, за защиту же крѣпости и искренность къ проявленію своихъ воинскихъ взглядовъ и вѣрнопоподданнической готовности жертвовать своею жизнью для защиты отечества, былъ награжденъ чиномъ и орденомъ Св. Владиміра четвертой степени съ мечами и бантомъ.

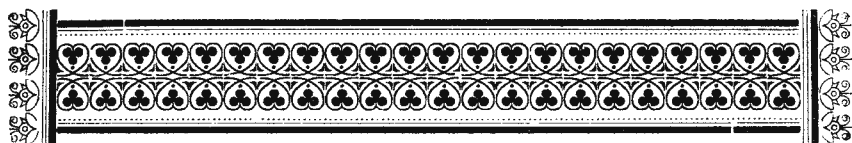
По подписаніи условія о сдачѣ Кинбурна французскій полковникъ-парламентеръ, возвратясь въ свой лагерь, доложилъ генералу Базену о происшедшемъ недоразумѣніи между комендантомъ и поручикомъ, вслѣдствіе чего непріятельскій главнокомандующій при вступленіи въ крѣпость пожелалъ видѣть протестовавшаго поручика Седергольма, котораго любезно обласкалъ и заявилъ свое желаніе занять скромное его помѣщеніе, съ убогою мебелью, состоявшею изъ стола, нѣсколькихъ стульевъ и твердаго дивана, который служилъ ночнымъ ложемъ для Базена въ теченіе трехъ дней. По возвращеніи Седергольма изъ плѣна онъ отыскалъ этотъ диванъ и хранилъ его, какъ реликвію, перевозя съ мѣста на мѣсто при перемѣнѣ своихъ служебныхъ должностей; улыбаясь, онъ говорилъ своимъ знакомымъ, что этотъ диванъ—ложе маршальскаго ранга.

По окончаніи войны, послѣдовавшій военный судъ надъ виновниками сдачи непріятелю Кинбурнской крѣпости былъ прекращенъ за смертію главнаго виновника—коменданта, остальные же подсу-

димые, въ томъ числѣ и Седергольмъ, были оправданы и продолжали свою дальнѣйшую службу. Седергольмъ послѣ войны былъ строителемъ въ Николаевѣ (Херсонскомъ), Керчи и начальникомъ инженеровъ финляндскаго военнаго округа, затѣмъ—членомъ инженернаго комитета главнаго инженернаго управленія, въ каковой должности и окончилъ свое земное поприще въ чинѣ генераль-лейтенанта.

Сообщ. **Ив. Вороновъ.**

Изъ давно прошедшаго.

(Отрывочныя воспоминанія).

Волѣ 40 лѣтъ тому назадъ, въ 1864 году, введена была военно-окружная система, ¹⁾ замѣнившая прежнюю по управленію войсками и учрежденіями военнаго вѣдомства, при чемъ собственно изъ 7-ми поволжскихъ губерній образованъ былъ Казанскій военный округъ, съ штабомъ онаго въ Казани и первымъ командующимъ войсками этого округа назначенъ былъ генералъ Кноррингъ, вскорѣ замѣненный извѣстнымъ боевымъ генераломъ Константиномъ Романовичемъ Семякинъ.

Въ ряду различныхъ учрежденій округа, сформированъ былъ и отдѣльный штабъ мѣстныхъ войскъ, первымъ начальникомъ коихъ былъ генералъ П., командовавшій ранѣе однимъ изъ округовъ корпуса внутренней стражи, вполнѣ архаическимъ учрежденіемъ, долгое время существовавшимъ и, наконецъ, по непригодности упраздненнымъ. Гражданское управленіе губерніями оставлено было

---

¹⁾ Въ день открытія въ 1864 г. дѣятельности вновь учрежденныхъ военно-окружныхъ управленій Казанскаго округа опредѣлено было отслужить въ мѣстномъ кафедральномъ соборѣ молебенъ. Къ назначенному часу прибыли туда генералитетъ съ командующимъ войсками округа во главѣ и чины названныхъ управленій; неожиданно, однако, произошла небольшая заминка, такъ какъ причту собора никто изъ старшихъ присутствовавшихъ военныхъ властей—въ большинствѣ не православнаго вѣроисповѣданія—не могъ пояснить въ честь какого святого слѣдовало служить молебенъ, хотя день праздника штаба округа (кажется, Св. Александра Невскаго) и былъ извѣстенъ и присутствовалъ начальникъ штаба генералъ Батезатулъ. Вопросъ этотъ благополучно разрѣшилъ только *окружной ветеринаръ* Ряб—ковъ, пояснивъ, что слѣдовало настоятелю собора. Разсказъ объ этомъ привелось намъ слышать отъ лица, присутствовавшего въ этотъ день въ соборѣ.

*

при этомъ по-прежнему въ полной власти губернаторовъ и боевую силу округа составляли въ то время (1865—1868 гг.) главнымъ образомъ разныхъ наименованій мѣстныхъ войска, а именно: 7 губернскихъ (бывшихъ гарнизонныхъ) баталіоновъ, 16 резервныхъ баталіоновъ съ постояннымъ (кадровымъ) и переменнымъ составами и 113 этапныхъ и конвойныхъ командъ ¹⁾. Штабъ этихъ войскъ, бывший тогда подъ начальствомъ полковника М., подраздѣлялся на пять отдѣленій ²⁾ и помѣщался въ верхней части города на Старо-Горшечной улицѣ, при чемъ пятое отдѣленіе (судное) находилось въ вѣдѣніи оберъ-аудитора В. Аскоченскаго ³⁾, коего генералъ П., бывший вообще грубымъ въ обращеніи и не стѣснявшійся въ своихъ выраженіяхъ особенно съ подчиненными, называлъ не только заочно, но и въ глаза, — конечно „шута“, — кутейникомъ и будучи плохо знакомъ съ правилами тогдашняго военного судопроизводства порядочно таки его побаивался, говоря иногда: „ужь подведутъ меня когда-нибудь эти кутейники“.

Въ районѣ обширнаго округа расположена была только одна 37 дивизія съ своею артиллерійскою бригадою и штабъ ея находился тогда въ Пензѣ, гдѣ губернаторомъ былъ Александровскій—отецъ недавно убитаго тамъ же губернатора. Этою дивизіею командовалъ сначала генералъ Тетеревниковъ, поступившій вскорѣ вольнослушателемъ въ только, что учрежденную военно-юридическую Академію, а потомъ генералъ Ченгери, командовавшій во время мятежа въ Царствѣ Польскомъ 25 Смоленскимъ пѣхотнымъ полкомъ и наводившій страхъ на повстанцевъ въ Радомской губерніи.

Первымъ начальникомъ штаба округа былъ генералъ Батезауль—чистокровный сибаритъ ⁴⁾, а послѣ него—Романовскій, отличавшійся при завоеваніи Туркестана и, наконецъ, губернаторомъ въ Казани былъ генералъ Н., спустя, кажется, годъ замѣненный С., весьма горячаго темперамента бюрократомъ, энергически преслѣдовавшимъ взяточниковъ ⁵⁾. Не останавливался на мало интересномъ из-

¹⁾ Собственно въ Казани, въ 1865 году, кромѣ частей мѣстныхъ войскъ расквартированы были 146 пѣх. Царицынскій полкъ и нѣсколько сотенъ Уральскихъ казаковъ.

²⁾ Однимъ изъ коихъ—инспекторскимъ—завѣдывалъ я съ 1865 до 1868 г.

³⁾ Родной братъ редактора журнала „Домашняя Бесѣда“.

⁴⁾ Не стѣснявшійся иногда въ халатъ принимать доклады въ кабинетѣ своей квартиры.

⁵⁾ Судя по времени, вѣроятно, про этого губернатора даль правдивый отзывъ авторъ статьи «Изъ замѣтокъ судебного дѣателя» («Рус. Стар.» 1907, февраль, стр. 273), сказавъ: «губернаторъ С. грубый насильникъ и чловѣкъ мало образованный».

ложеніи порядка тогдашней штабной дѣятельности, ограничусь лишь нѣкоторыми наиболѣе характерными частностями въ этомъ отношеніи.

При объѣздахъ губерніи, С. не стѣснялся лично производить при подходящихъ случаяхъ ручную расправу съ волостными старшинами и проч., а когда получился какъ-то въ Казани нумеръ извѣстнаго въ свое время сатирическаго журнала „Искра“ съ каррикатурою на губернатора, то его клевретъ полиціймейстеръ немедленно распорядился отобрать экземпляры этого нумера изъ гостиницъ и кондитерскихъ, въ томъ числѣ и изъ любимой тогда мѣстными жителями кондитерской Комонена (на Воскресенской улицѣ). Все же, несмотря на указанные дефекты, названный губернаторъ крутыми мѣрами дѣйствительно навелъ, такъ сказать, „лакъ“ въ губерніи, при чемъ, какъ говорили, по преимуществу крѣпко доставалось взяточникамъ, свившимъ себѣ прочныя гнѣзда въ разныхъ управленіяхъ и учрежденіяхъ губерніи.

Городъ Казань состоялъ изъ двухъ частей — Европейской съ кремлемъ и всѣми правительственными въ немъ зданіями и Татарской части. Лучшею улицею была Воскресенская съ гостиницею и кондитерскою Комонена. На той же улицѣ былъ и университетъ съ памятникомъ Державину, почему-то находившимся тогда за высокимъ каменнымъ заборомъ, и въ недалекомъ разстояніи громадное зданіе дворянскаго собранія. Мѣстами для прогулокъ были такъ называемое „Черное озеро“ и довольно мизерный Износковъ садъ, а также — за городомъ — русская Швейцарія. Трамваевъ или конокъ тогда въ городѣ не было. Большая часть улицъ грязно содержались, какъ напр.: Проломная, а нѣкоторые были и не мощены. Въ кремлѣ одно изъ зданій занято было недавно учрежденнымъ юнкерскимъ пѣхотнымъ училищемъ.

Начальникъ штаба полковникъ М. занимался дѣлами штаба такъ сказать черезъ пятое въ десятое и былъ въ сущности гостемъ въ немъ; онъ обладалъ плохимъ зрѣніемъ, что и послужило какъ-то причиною слѣдующаго довольно забавнаго съ нимъ недоразумѣнія. Приобрѣтенъ былъ новый образъ Казанской Матери Божіей и въ кіотѣ установленъ въ одной изъ залъ штабнаго помѣщенія. Дано было знать, что для осмотра образа прибудетъ генераль П. Къ назначенному часу всѣ чины штаба собрались въ залъ; прибылъ названный генераль и, опираясь на палку, прихрамывая направился къ тому мѣсту, гдѣ былъ образъ; не доходя 5—6 шаговъ, онъ остановился и спросилъ отрывисто начальника штаба: „а какого святого?“, на что полковникъ бѣгло посмотрѣвъ на образъ, доложилъ: „Св. Николая Чудотворца, ваше п-во“; генераль П. усмѣхнулся и

замѣтилъ: „а кого же онъ на рукахъ держать?“ . Послѣ нѣкотораго замѣшательства, послѣдовало должное разъясненіе ¹⁾.

Въ концѣ 1865 года полковникъ М. былъ произведенъ въ генералы, съ назначеніемъ командиромъ бригады, и исправляющимъ должность начальника штаба назначенъ былъ подполковникъ Николай Ивановичъ Бобриковъ (впослѣдствіи финляндскій генераль-губернаторъ, злодѣйски убитый въ Гельсингфоргсѣ).

Въ округъ прибыла 2 пѣхотная дивизія, которою командовалъ тогда генералъ Зотовъ (впослѣдствіи командиръ 4 корпуса).

Наступилъ 1866 годъ. Генералъ Семякинъ скончался (въ одинъ и тотъ же день съ своею супругою) и командующимъ войсками округа назначенъ былъ генераль-адъютантъ Глинка-Мавринъ ²⁾.

Какъ тогда кочевали пѣхотные полки, примѣромъ можетъ служить названной дивизіи Либавскій полкъ. Въ 1860 году онъ былъ въ Вильнѣ, прибывъ туда изъ Риги, въ 1861 году квартировалъ въ Плоцкѣ, въ 1862 и 1863 годахъ — въ Вѣлостокѣ, въ 1863 и 1864 годахъ—въ Островѣ, Остроленскаго уѣзда, а въ концѣ 1865 году очутился въ Сарапулѣ Вятской губерніи.

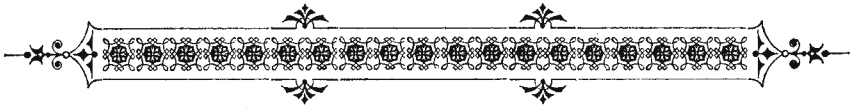
Л. Драке.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Тогда же этому генералу предложено было посмотреть недавно устроенную штабную бібліотеку; перелистывая каталогъ книгъ собственно для формы, генералъ П. приказалъ показать ему извѣстное сочиненіе генерала Милютина „Война 1799 года въ Италіи“, и разсматривая приложенную къ книгѣ карту театра военныхъ дѣйствій, замѣтилъ: „городъ Уринъ — какое странное названіе!“ рѣчь шла о городѣ Туринѣ, но на бѣду буква Т оказалась тамъ, гдѣ изображены были горы и почтенный начальникъ мѣстныхъ войскъ недостававшую букву проглядѣлъ, что конечно сейчасъ же было ему пояснено.

²⁾ Отличавшійся, несмотря на преклонные годы, склонностью къ гимнастическимъ упражненіямъ и особенно настаивавшій на занятія ею въ войскахъ округа.

Царская милость.

(Изъ воспоминаній Восточной войны).

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1878 года мы вступили въ Русдукъ. Въ Русдукѣ оказались большіе запасы турецкихъ галетъ, ячменя и еще чего-то. Мы пытались наложить на эти запасы свою руку, но намъ объявили, что хотя это турецкіе запасы, но принадлежать они обществу Русдукско-Варнской желѣзной дороги (кажется, Англійское), т. к. уступлены обществу въ уплату за перевозку турецкихъ войскъ въ минувшую кампанію. Нечего дѣлать,—пришлось разговаривать съ обществомъ и купить у него. Наши интенданты сочли выгоднымъ купить всѣ склады, если не ошибаюсь за 2 мил. рублей. Для приѣма складовъ, составлена была комиссія изъ интендантскихъ чиновниковъ и потребовали отъ вступившихъ въ Русдукъ войскъ одного депутата, по возможности, знающаго французскій языкъ.

Если не говорящимъ, то кое-какъ маракующимъ по-французски—оказался прапорщикъ Тир. полка Гр. Его и назначили.

По разговорамъ Гр., при приѣмѣ интендантскимъ чиновникамъ оказалось скучно перемѣривать и пересчитывать все купленное. Порѣшили воспользоваться вычисленіемъ кубическаго содержанія складовъ и опредѣленіемъ такимъ образомъ содержимаго въ нихъ.

Не помню теперь,—ошибка ли въ исчисленіи или негодность купленныхъ продуктовъ,—вызвала начеть казны, въ общей суммѣ около 100 т. рублей.

Какъ водится, начеть этотъ былъ распределенъ на членовъ комиссіи, въ томъ числѣ и на прапорщика Гр. съ вычетомъ законной части изъ ихъ содержанія.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одни изъ интендантскихъ чиновниковъ сосланы въ Сибирь, другіе умерли, а третіе повыходили въ отставку. Съ сосланныхъ въ Сибирь и умершихъ взятки гладки, а, по какому-то распоряженію, отставные интендантскіе чиновники освобождаются отъ взысканій. И въ концѣ концовъ всю сумму около 100 т. рублей пришлось удержать съ Гр.

Въ 1883 году я вступилъ въ командованіе Тир. пѣхотнымъ полкомъ, въ которомъ служилъ Гр. Вычеты съ поручика Гр. начались еще до моего командованія.

Ознакомившись съ этимъ дѣломъ, я вошелъ съ ходатайствомъ о сложеніи начета, но получилъ отказъ, а потому вычеты изъ содержанія поручика Гр. продолжались и къ 1890 году, помнится, удержано было уже свыше 3 тыс. руб.

Въ 1890 году полкъ имѣлъ счастье участвовать въ маневрахъ въ Высочайшемъ присутствіи.

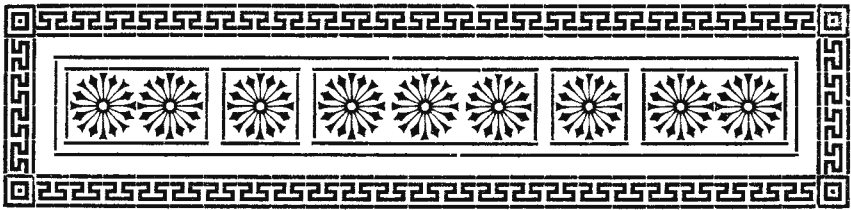
Однажды, послѣ придворнаго обѣда, собрался кружокъ генераловъ, рассказывавшихъ, между прочимъ, разные курьезы, встрѣчавшіеся въ ихъ быту. Случайно и я попалъ въ этотъ кружокъ — и послѣ разказа къмъ-то курьезнаго случая, нѣсколько соответствующаго дѣлу Гр., — я попросилъ позволенія рассказать болѣе интересный случай, на ту же тему, и рассказалъ о дѣлѣ поручика Гр., добавляя, что послѣ маневровъ мнѣ остается войти съ представленіемъ о продленіи жизни и службы Гр. хотя на 250—300 лѣтъ, т. к. иначе нельзя будетъ взыскать съ него вычетами 100 т. руб.

Слышавшій мой разказъ представитель главнаго штаба, Г. О. обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „разказъ вашъ очень курьезенъ. Не можете ли вы дать мнѣ сегодня записку объ этомъ. Я ее, какъ курьезъ, доложу Государю Императору“. Я, по памяти, наскоро составилъ записку и вручилъ ее генералу О. Видимо, онъ доложилъ ее Государю Императору Александру III, потому что вскорѣ послѣдовало Высочайшее повелѣніе сложить начеть съ Гр. и даже возвратитъ ему прежде удержанные болѣе трехъ тысячъ рублей.

Несомнѣнно, это не единственный случай царской милости, когда дѣло докладывалось Государю. Къ сожалѣнію, многія дѣла самостоятельно рѣшались канцеляріями, безъ доклада.

Сообщ. П. Гловацкій.

Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ.

Документальные источники по исторіи нашего театра чрезвычайно скудны: кромѣ тѣхъ документовъ, которые опубликованы въ вышедшихъ до сихъ поръ четырехъ томахъ „Архива дирекціи Императорскихъ театровъ“ ¹⁾, только самыя немногочисленныя свѣдѣнія, разсѣяанныя въ литературѣ, могутъ удовлетворить любознательность изслѣдователя. Поэтому первой задачей историка нашего театра является обработка и хотя бы первоначальная группировка опубликованнаго въ Архивѣ матеріала.

I.

Прежде всего необходимо коснуться тѣхъ законодательныхъ актовъ и распоряженій, коими регламентировалась жизнь нашего театра, входившаго въ общій составъ учреждений Императорскаго двора и какъ составная часть жившая общюю съ послѣднимъ жизнью.

Серія относящихся сюда документовъ открывается слѣдующимъ именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Сенату объ учрежденіи русскаго театра 30 августа 1756 года ²⁾.

¹⁾ Изданіе дирекціи Императорскихъ театровъ. С.-Петербургъ. 1892 г. О выдающемся научномъ значеніи этого сборника см. *А. Н. Сиротининъ*. Театральный Архивъ. Артистъ (1893 г.) № 29 стр. 93—99. Частичную обработку этого матеріала представляетъ статья *С. Святлова*: театральное училище въ XVIII вѣкѣ. Библиотека театра и искусства за 1902 г. стр. 30—40.

²⁾ Томъ II, стр. 54, № 55.

„Повелѣли мы нынѣ учредить Русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ острову, близъ кадетскаго дома. А для онаго повелѣно набрать актеровъ и актрисъ: актеровъ изъ обучающихся пѣвчихъ и ярославцевъ въ кадетскомъ корпусѣ, которые будутъ къ тому надобны, а въ дополненіе еще къ нимъ актеровъ изъ другихъ неслужащихъ людей, также и актрисъ приличное число. На содержаніе онаго театра опредѣлить по силѣ сего Нашею Указа, считая отъ сего времени въ годъ денежной суммы по 5.000 рублей, которую отпускать изъ статей-конторы всегда въ началѣ года по подписаніи Нашею указа. Для надзиранія дома опредѣляется изъ копистовъ лейбъ-компаніи Алексѣй Дьяконовъ, котораго пожаловали Мы армейскимъ подпоручикомъ съ жалованіемъ изъ положенной на театръ суммы по 250 рублей въ годъ. Опредѣлить въ оный домъ, гдѣ учрежденъ театръ, пристойный караулъ. Дирекція того русскаго театра поручается отъ Насъ бригадиру Александру Сумарокову, которому изъ той же суммы опредѣляется сверхъ его бригадирскаго оклада, раціонныхъ и деньщичьихъ денегъ въ годъ по 1.000 рублей и заслуженное имъ по бригадирскому чину съ пожалованья его въ оный чинъ жалованіе, въ дополненіе къ полковничью окладу добавить и впредь выдавать полное годовое бригадирское жалованье; а его бригадира Сумарокова изъ армейскаго списка не выключать. А какое жалованье какъ актерамъ и актрисамъ, такъ и прочимъ при театрѣ производить, о томъ ему бригадиру Сумарокову отъ двора данъ реестръ.

О чемъ Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу“.

Этотъ указъ въ сущности гораздо больше заботится о судьбѣ, а главное, о жалованьи бригадира Сумарокова, чѣмъ о всѣхъ остальныхъ дѣятеляхъ вновь учреждаемаго театра; и эта черта едва-ли случайная: она показываетъ, что, или вѣрнѣе кого, считалъ законодатель заслуживающимъ своего особаго вниманія. Всѣ его заботы сосредоточены на служебномъ и матеріальномъ положеніи бригадира Сумарокова. Зато въ несомнѣнный ущербъ дѣлу обойдены молчаніемъ статьи, въ сущности заслуживающія наибольшаго вниманія со стороны законодателя. Сюда, прежде всего, относится юридическое и матеріальное положеніе актеровъ. Послѣднему былъ посвященъ особый реестръ, лично высланный Сумарокову, но этимъ самымъ указъ какъ нельзя болѣе краснорѣчиво подчеркнул всю разницу, отдѣляющую въ его глазахъ директора театра отъ остальныхъ служащихъ, тѣмъ самымъ поставленныхъ въ полное ему подчиненіе. Затѣмъ не указана еще одна подробность первостепенной важности. Предлагаая наполнить кадры актеровъ изъ ярославцевъ

и обучающихся въ кадетскомъ корпусѣ—пѣвчихъ, указъ ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, слѣдуетъ ли это пополненіе дѣлать по соглашенію съ будущими актерами, или же всякій опросъ ихъ признается излишнимъ. Хотя на этотъ счетъ у насъ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, но общій характеръ отношеній высшей власти къ служителямъ сцены въ эту эпоху заставляеть думать, что согласія зачисляемыхъ въ актерскіе кадры не требовалось: недаромъ указъ рекомендуетъ брать въ актеры тѣхъ, „которые къ тому будутъ надобны“, совершенно обходя вопросъ о томъ, насколько таковая надобность будетъ соотвѣтствовать интересамъ этихъ надобныхъ для дѣла людей.

Приходится очень жалѣть о томъ, что нашъ документъ совершенно умалчиваетъ о средѣ, изъ которой предполагалось брать для театра актрисъ. Дѣло въ томъ, что до этого нашъ театръ обходился безъ женскаго элемента и поэтому по бытовымъ условіямъ эпохи появленіе женщины на сценѣ должно было явиться чѣмъ-то весьма сложнымъ и необычнымъ ¹⁾. И вотъ поэтому-то чрезвычайно было бы интересно найти въ этомъ законодательномъ актѣ хотя какое-нибудь указаніе на этотъ счетъ, но, къ прискорбію, таковыхъ мы не находимъ, почему вопросъ остается открытымъ, подлежа разрѣшенію путемъ побочныхъ изысканій окольными путями.

Къ 6 января 1759 года относится другой документъ ²⁾, свидѣтельствующій, что Императрица „изволила указать русскаго театра комедіантамъ и прочимъ, кто при ономъ находится, которые до сего времени были въ одномъ бригадира Александра Сумарокова смотрѣніи, и именоваться имъ придворными; и опредѣленные на все содержаніе того русскаго театра и комедіантовъ деньги, также и разныя иныя имѣющіяся при томъ театрѣ вещи, то есть платье и прочее, все имѣть въ вѣдомствѣ той конторы и отнынѣ къ получаемымъ на содержаніе того театра пяти тысячамъ рублей, въ прибавку комедіантамъ жалованья и на прочее содержаніе, учинить прибавку по двѣ тысячи рублей, а съ прежнимъ получать по семи тысячъ рублей въ годъ, изъ той же суммы, откуда же пять тысячъ рублей опредѣлены ³⁾, и для того—впредь партикулярныхъ зрителей впускать безденежно ⁴⁾.

¹⁾ См. нашу замѣтку: „Первая русская актриса“. „Вѣстникъ Всемирной Исторіи“ 1900 г. № 6.

²⁾ Томъ II, стр. 57, № 59.

³⁾ Т. е. изъ статей-конторы см. *ibid.*, № 55.

⁴⁾ Это послѣднее распоряженіе получаетъ связь со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ указа только въ томъ случаѣ, если эти партикулярные зрители означаютъ публику, съ которыхъ взиманіе платы прекращалось этимъ указомъ и тѣмъ самымъ пропадавшая отъ этого сумма прихода те-

13-го октября 1766 года Екатерина издала указъ, которымъ вносился извѣстный порядокъ въ расходование денежныхъ суммъ на содержаніе личнаго состава театральныхъ служащихъ и, сверхъ того, проводились начала разумной экономіи ¹⁾. Особенно любопытна первая статья этого указа, предлагавшая: „разобрать всѣхъ нынѣ при спектакляхъ находящихся людей и о излишнихъ, безъ контрактовъ содержимыхъ, подать къ Намъ настоящую вѣдомость, чужеземцы ли они, могущіе отсюда отлучиться, или российскіе подданные, кои безъ пропитанія оставлены быть не могутъ“. Въ самомъ „статѣ всѣмъ къ театрамъ и къ камеръ и къ бальной музыкѣ принадлежащимъ людямъ, также и сколько въ годъ и на что именно для спектаклей полагается сумма“ ²⁾, при перечнѣ служащихъ въ оперѣ указано: „первымъ пѣвцамъ и пѣвицамъ по десяти-

атральной кассы покрывалась той казенной прибавкой въ 2.000 рублей. Вопросъ о бесплатныхъ посѣтителяхъ постоянно составлялъ предметъ вниманія театральной администраціи. Такъ, 1784 года октября 23 было определено, для порядочнаго входа въ театръ пользующимся безденежно входомъ и для отвращенія многимъ въ томъ злоупотребленій, дать всѣмъ таковымъ годовые билеты (томъ II № 225). Неоднократно запрещалось лицамъ, служившимъ при театрахъ, занимать бесплатно мѣста во время первыхъ представлений (№№ 234 и 363). Когда, очевидно, число посѣтителей увеличилось, и бесплатные посѣтители лишали мѣсть публику, болѣе достойную, 8 августа 1794 г. князь Юсуповъ издалъ распоряженіе „постороннихъ зрителей безденежно никого не пропускать“ (№ 388). Затѣмъ составляется подробный списокъ лицъ, кому именно отпускались ложи безденежно. Здѣсь мы находимъ губернатора, полицеймейстера и тому подобныхъ должностныхъ лицъ. Только одну ложу въ 3-мъ ярусѣ № 1 въ Большомъ театрѣ отпустили для актеровъ, а въ Маломъ—предоставляли—балконъ, съ лѣвой стороны актрисамъ (№ 415). Является вопросъ, почему такое преимущество оказано актрисамъ, а актеры, для которыхъ спектакли являлись не менѣе полезными и поучительными, лишены этого права. Не имѣемъ ли мы и въ данномъ случаѣ дѣло съ едва-ли умѣстной галавностью дирекціи по адресу актрисъ, слѣды чего можно замѣтить во многихъ документахъ Архива.

На этой почвѣ иногда выходили большія нареканія. Такъ, напримѣръ, 21 января 1794 г. Сандунова заняла мѣсто въ ложѣ для актрисъ, но зритель за сборами ее оттуда вывелъ и предложилъ перейти въ „Парадизъ“. Сандунова отказалась, и изъ-за этого вышла цѣлая исторія, разбирать которую пришлось Императрицѣ; см. *А. Н. Сиротининъ*. Новые свѣдѣнія о Сандуновыхъ. „Истор. Вѣстникъ“ 1890 г. № 3, стр. 618 сл.

Затѣмъ нѣсколько документовъ посвящено вопросу о бесплатныхъ мѣстахъ для дежурнаго генераль-адъютанта (№№ 482, 573, 575 и 589), что поддерживаетъ связь театра съ придворными установленіями. Распоряженіемъ отъ 29 апрѣля 1800 года кресло для дежурнаго генераль-адъютанта было предложено „отнынѣ отдавать оныя при спектакляхъ желающимъ за деньги“ (№ 589).

¹⁾ Томъ II, стр. 85 сл. № 94.

²⁾ Составленъ И. П. Елагинимъ см. *ibid* № 97.

лѣтней здѣсь службѣ давать пенсіону по 200 рублей по смерти ихъ. а прочимъ въ половину, но съ тѣмъ, если они нигдѣ уже въ другихъ государствахъ служить не будутъ“¹⁾. Любопытно сравненіе цифръ расхода по отдѣльнымъ частямъ театральнаго вѣдомства, устанавливаемыхъ этимъ указомъ: на оперу и камеръ-музыку ассигновано — 37.400 рублей; на балетъ — 24.100; на бальную музыку — 9.200 руб. (въ сущности, никакого отношенія эта статья расхода къ театру не имѣетъ и свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ тѣсно переплетался собственно театръ съ остальными придворными увеселеніями); на французскій театръ — 21.000 руб.; на русскій театръ — 10.500 рублей. Было бы ошибкой думать, что сравнительно крайне скудная послѣдняя цифра говорила о пренебрежительномъ отношеніи власти именно къ русскому театру: размѣры этой цифры опредѣляются тѣмъ, что выписанные изъ-за границы артисты остальныхъ труппъ вполнѣ естественно требовали вознагражденіе гораздо болѣе крупное, чѣмъ то, которымъ могли удовольствоваться наши доморожденные таланты.

Этотъ статъ удовлетворилъ однако далеко не всѣхъ, и уже 20 декабря того же 1766 года Екатерина писала въ придворную контору: „До свѣдѣнія моего дошло, что по причинѣ конфирмованнаго нами стата для оркестра и театра, многіе почитаютъ себя быть обиженными изъ принадлежащихъ къ театру и музыкѣ; того ради чрезъ сіе повелѣваемъ господину Елагину самому, такъ какъ сочинителю того стата, привести все по оному въ прямое дѣйствіе, дабы онъ тѣмъ самымъ могъ доказать совершенство онаго учрежденія передъ нами“²⁾.

12-го іюля 1783 года Екатерина издала указъ д. т. сов. А. В. Ожсуфьеву, назначенному въ тотъ же самый день предсѣдателемъ комитета для управленія зрѣлищами и музыкой и участвовавшему въ дѣлахъ комитета до 16 мая 1789 года³⁾, слѣдующаго содержанія: „Вамъ извѣстно, что хотя на содержаніе при дворѣ Нашемъ разныхъ зрѣлищъ и музыки опредѣлена не малая сумма, но оная

¹⁾ Итальянская опера состояла по преимуществу изъ иностранцевъ. Среди 59 лицъ, входившихъ въ составъ ея персонала, русскими являются только: Марія Когляревская (№ 26), Шарлота Шлаковская (? № 58), Агафья Яворская (№ 59) и хохоль Василій Сорока, 7 января 1762 г. Высочайшимъ указомъ опредѣленный на службу въ «Итальянскую кампанію» (см. Архивъ, Отдѣлъ III, стр. 65 - 72).

²⁾ Отд. II, стр. 90, 91 № 97. Улаживанію вызванныхъ этимъ распоряженіемъ неудовольствій посвящены документы за №№ 98, 99, 100.

³⁾ Отдѣлъ III, стр. 14—15.

ежегодно дополняема была платежемъ изъ кабинета Нашего, по причинѣ неисправнаго многими полученія жалованья, сверхъ того во всѣхъ почти зрѣлищахъ, несмотря на столь знатное для нихъ иждивеніе, видимы были недостатки. Таковыя обстоятельства побудили Насъ для поправленія всего того и для приведенія въ порядокъ сдѣлать новыя распоряженія“.

Кромѣ дѣлаго ряда статей (1 — 8), касающихся внутренняго порядка веденія дѣлъ, здѣсь мы встрѣчаемъ статьи, въ значительной степени ослаблявшія личный произволъ директора и вносившія въ управленіе театрами начала коллегіальности. Такова статья 9: „Хотя все управленіе внутреннее театровъ, людей къ нимъ принадлежащихъ и музыка принадлежатъ директору, въ чемъ всѣ и обязаны ему повиновеніемъ, но безъ согласія комитета не можетъ директоръ ни принять никого въ службу, ни отпустить изъ оной, сдѣлать какую-либо прибавку въ окладѣ, а о всемъ томъ предлагаетъ комитету и поступаетъ, какъ въ ономъ опредѣлено по большинству голосовъ“. Статья 14-я гласитъ: „Исполненіе, прилежное должности, и послушаніе комитету и директору должны быть главнѣйшими обязательствами всѣхъ и каждого, къ театрамъ и музыкѣ принадлежащаго безъ различія пола, званія и таланта“.

Установивъ въ статьѣ 19 число городскихъ театровъ, распоряженіе въ то же время предписывало (ст. 20): „Запрещается комитету или дирекціи театральной присвоить себѣ исключительное право на зрѣлища и позволяется всякому заводить благоустроенныя для публики забавы, держась только государственныхъ узаконеній и предписаній въ уставѣ полицейскомъ“. Эта статья получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что впоследствии театры въ столицахъ составляли монополію министерства Императорскаго Двора, и оттого театральное дѣло страдало чрезвычайно, и частнымъ предпринимателямъ пришлось потратить не мало силъ для отмѣны этого совершенно несправедливаго акта, чтò и состоялось только въ царствованіе Александра III-го.

Статья 23-я касается репертуара, при чемъ директору предписывалось наблюдать, „дабы однимъ родомъ зрѣлищъ вмѣсто забавы не наскучить“. При этомъ необходимо отмѣтить любопытную подробность: составленіе репертуара возлагалось на директора, но „если приказано будетъ у двора дать то зрѣлище, которое къ тому же дню пріуготовлено было для публики на городскомъ театрѣ, то директоръ пріемлетъ мѣры, чтобы для публики другое зрѣлище пріуготовлено было“. Такимъ образомъ подчеркивается вполне зависимость спектаклей „для партикулярныхъ зрителей“ интересамъ придворныхъ увеселеній, изъ-за которыхъ приходилось совершенно

нарушать строй жизни театра ¹⁾. (Остальные статьи этого документа, касаясь отдѣльныхъ частныхъ театральнаго дѣла, будутъ еще разобраны особо).

1 января 1784 г. комитетъ издалъ особое „указаніе комитета для принадлежащихъ къ Придворному театру“ на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, явившееся развитіемъ того начала, которое преподано Екатериной въ 1783 г. въ бумагѣ на имя Олсуфьева. Здѣсь требовалось отъ всѣхъ принадлежавшихъ къ театру признаніе власти и полное ей подчиненіе (§ 1 и 2), устанавливается порядокъ раздачи ролей (§ 3) и срокъ ихъ изученія (§ 4), при чемъ запрещалось подѣ страхомъ штрафа отказываться отъ назначенной роли (§ 5) ²⁾, опредѣляется число репетицій (§ 6) или „пробѣ“—три, и поведеніе на нихъ актеровъ; при семъ послѣднимъ рекомендовалось во время репетицій „удаляться всякихъ вредныхъ шутокъ и съ благопристойностью сообщать другъ-другу свои мнѣнія о труднѣйшихъ въ пьесѣ мѣстахъ“ (§ 7). Затѣмъ „представляющимъ первыя роли“ давалось право дѣлать замѣчанія исполнителямъ второстепенныхъ ролей (§ 8). „Если кто дерзнетъ обижать другого ругательными словами или употребить другія наглости во время пробы или представленія, то дирекція будетъ имѣть право не токмо наложить на виноватаго штрафъ, но смотря по обстоятельствамъ дать ему отпускъ“ (§ 9). Наставленія такого рода по адресу актеровъ находятъ наиболѣе яркія выраженія въ статьѣ 14: „желательно, чтобы всѣ члены театра, который долженъ быть училищемъ благонаравія, вели себя всегда съ такою благопристойностью, чтобы впечатлѣнія добродѣтели и благонаравія, которыя возбуждать старались авторы своими сочиненіями, не истреблялись чрезъ непорядочные ихъ поступки ³⁾. Вслѣдствіе чего дирекція освобождается отъ своихъ обязательствъ противъ тѣхъ, которые дерзнуть своими подлыми поступками причинять безчестіе театру съ самой той минуты, когда

¹⁾ Отношенія ко двору регламентированы особо въ ст. 97, при чемъ 3-й ея пунктъ предписывалъ: „всякое воскресенье, въ которое не случится балъ при дворѣ, дать инструментальную и вокальную музыку“. Это подчиненіе придворнымъ увеселеніямъ особенно ясно сказалось въ редакціи 18-й статьи, гдѣ публичные спектакли предлагается устраивать только „кромѣ вышесказанныхъ придворныхъ зрѣлищъ“ какъ бы въ видѣ дополненія къ нимъ.

²⁾ Иллюстраціей къ этому можетъ служить отказъ нѣмецкой актрисы Каролины Меллеръ играть роли «первой служанки», почему комитетъ и опредѣлилъ «дать ей абшидъ» см. № 178 стр. 160 ср. № 227, № 420.

³⁾ См. относящееся сюда столкновеніе актера Никиты Маркова съ Крутицкимъ 23 октября 1785 г. за № 284, 3, при чемъ было постановлено держать Крутицкаго, за поношеніе ругательными словами своего директора, двое сутокъ подѣ стражею при конторѣ.

она отъ кого послѣдуетъ“ ¹⁾. Необходимо отмѣтить, что положеніе это, такъ строго и точно отмѣчавшее всѣ обязанности актеровъ по отношенію дирекціи и точно устанавливавшее наказаніе за каждую ихъ провинность, ни однимъ словомъ не упоминаетъ ни о правахъ актеровъ, ни объ обязанностяхъ дирекціи по отношенію къ послѣднимъ, оставляя ихъ, такимъ образомъ, совершенно беззащитными и безправными и отдавая ихъ тѣмъ самымъ на полную власть произволу всякаго рода администраціи, чему не мало примѣровъ и знаетъ исторія театра того времени.

22-го декабря 1796 года былъ данъ именной Высочайшій указъ князю Юсупову ²⁾ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ относительно устройства театровъ, какъ придворныхъ, такъ и городскихъ ³⁾, при чемъ въ концѣ указа высказывалась увѣренность, что „сими распоряженіями при добромъ стараніи и наблюденіи вашемъ не трудно вамъ будетъ привести ввѣренную вамъ часть въ лучшее состояніе“. Большинство входящихъ въ составъ этого документа распоряженій носитъ мелкій и чисто административный характеръ ⁴⁾. Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ только пунктъ 8-й: „вольные спектакли запретить давать во весь Великій постъ и во всю недѣлю св. Пасхи, во весь Успенскій постъ, за двѣ недѣли до Рождества Христова и до 28 декабря, въ день Воздвиженія Креста Господня, въ день Усѣкновенія Главы святого Іоанна, наканунѣ Богоявленія Господня и во всѣ субботы“. Какъ извѣстно, это распоряженіе, безразличное для казенныхъ театровъ, но весьма существенное для частныхъ и провинціальныхъ, за самыми незначительными поправками удержалось вплоть до послѣдняго времени.

Мелочный характеръ императора Павла, опредѣлившій всю правительственную дѣятельность его времени, сказался въ слѣдующей бумагѣ, изданной отъ имени главнаго директора А. Л. Нарышкина ⁵⁾, который „повелѣтъ изволилъ, что какъ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ усмотрѣно, что музыканты вѣдѣнія театральной дирекціи и прочіе служащіе носятъ фраки несогласно Высочайшему повелѣнію, то посему отъ конторы театральной ди-

¹⁾ Отдѣлъ II, стр. 153—159.

²⁾ Въ началѣ 1791 года былъ назначенъ главнымъ директоромъ надъ зрѣлищами и музыкой (Отд. III стр. 21).

³⁾ Отд. II стр. 465 № 431.

⁴⁾ Дополнительный и болѣе детальныи характеръ носитъ изданный при томъ же князѣ Юсуповѣ «Плавъ Управленію театра»; *ibid* стр. 474 — 476 № 442.

⁵⁾ Смѣнившій по этой должности гр. Н. Шереметева 28 марта 1799 года, см. Отд. III, стр. II.

рекции и въ подтвержденіе и предписать всѣмъ служащимъ г.г. актерамъ и музыкантамъ, въ сходственность Высочайшему повелѣнію, отнынѣ носить мундиры, а статскимъ—кафтаны, и имѣть позволеніе носить шпаги ¹⁾“. Въ томъ же году состоялся Высочайшій приказъ, засвидѣтельствованный въ примѣненіи только къ французской труппѣ, чтобы начало спектаклей „всегда было ровно въ 5 часовъ пополудни и продолжалось не болѣе какъ до 8 часовъ вечера“ ²⁾, въ чемъ также сказался общій характеръ мѣропріятій Павла. Характерно для этой эпохи и предписаніе князя Юсупова, чтобы режиссеры всѣхъ труппъ наблюдали, „чтобы никто изъ актеровъ въ представленіи не имѣли орденовъ, звѣздъ и лентъ, ни въ городскихъ театрахъ, ни въ Гатчинѣ“ ³⁾. Правда, и при Екатеринѣ директоръ театра, по неосторожности разрѣшившій актерамъ въ пьесѣ „Сибирякъ“ ⁴⁾ нарядиться въ русскіе мундиры, получилъ за это выговоръ съ повелѣніемъ отнюдь этого имъ не дозволять въ какомъ бы то ни было представленіи ⁵⁾. Вообще въ это печальной памяти царствованіе мѣропріятія по театру принимаютъ чрезвычайно мелочной характеръ; образцомъ ихъ служить подробная, подписанная тѣмъ же Нарышкинымъ „инструкція дежурнымъ господамъ оберъ-офицерамъ, которому унтеровъ разставлять по постамъ, также и капельдинеровъ, а счетчикамъ, бывшимъ у продажи билетовъ и находящимся у кресель и ложъ, по назначенному росписанію правителемъ конторы, отъ него получаемымъ“ ⁶⁾, предусматривавшая такія мелочи этого дѣла, которыя едва-ли нуждались въ такой точной и всесторонней регламентаціи.

II.

Происхожденіе актеровъ, входившихъ въ составъ труппы русскаго театра, далеко не всегда подлежитъ опредѣленію на основаніи документовъ Архива ⁷⁾. Изъ актрисъ 14 поступили въ труппу по окончаніи театральнаго училища, при чемъ двѣ ихъ нѣхъ: Нас-

¹⁾ Отд. III, стр. 578. № 550.

²⁾ Ibid. стр. 589 № 572.

³⁾ Отд. II, № 465.

⁴⁾ Соч. актера Ив. Соколова, см. архивъ III стр. 44, исполнялось 22 іюля и 22 сент. 1790 г. (Ibid 171). Непонятно, какъ могъ Пикаръ сообщать объ инцидентѣ съ этой пьесой въ письмѣ отъ 1781 г.

⁵⁾ Письма Пикара къ князю А. Б. Куракину. „Русск. Старина“ 1870 г. стр. 131.

⁶⁾ Ibid. стр. 596—599, № 582.

⁷⁾ Ихъ сводка сдѣлана въ III отдѣлѣ на стр. 23—44.

тася Айвазова и Марія Борисова, сначала были зачислены фигурантками въ балетную труппу, и уже затѣмъ переведены въ драматическую труппу. Домна Аристархова и Матрена Воробьевская значатся по документамъ прїѣзжими изъ Рязани актрисами, слѣдовательно, попали на казенную сцену съ провинціальной, вѣроятно, крѣпостной. Надежда Калиграфова въ 1785 году переведена въ труппу Петербургскаго театра изъ труппы Московскаго Россійскаго театра. Пять актрисъ служили ранѣе въ вольномъ Россійскомъ театрѣ на Царицыномъ Лугу, дѣятелями котораго, какъ извѣстно, были по большей части воспитанники Сиропитательнаго дома. Относительно 16 актрисъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, откуда и послѣ какой подготовки явились онѣ на сцену.

Изъ мужской половины труппы также скудны наши свѣдѣнія относительно 18 актеровъ; 11 человекъ поступило изъ школы, 10 поступило изъ вольнаго театра на Царицыномъ Лугу ¹⁾. Трофимъ Константиновъ и Василій Рыкаловъ изъ актеровъ Тульскаго намѣстничества. Сила Сандуновъ, Иванъ Сторожевъ и Яковъ Шушеровъ приняты съ Московскаго театра; Бобровъ Елисей числится изъ солдатскихъ дѣтей; Сергѣй Голевъ 1 февраля 1792 года изъ пушкарей Л.-Гв. Преображенскаго полка опредѣленъ на службу дирекціи актерскимъ ученикомъ, а впослѣдствіи состоялъ актеромъ; Александръ Пономаревъ значится изъ московскихъ мѣщанъ, а Алексѣй Яковлевъ изъ петербургскихъ купцовъ. Для характеристики семейныхъ отношеній труппы необходимо указать, что изъ 39 актрисъ труппы—10 были женами своихъ же товарищей по сценѣ, остальные же 29 по документамъ значатся дѣвицами, при чемъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, принимая во вниманіе тогдашніе нравы и возрѣнія общества на актеровъ, засвидѣтельствованъ бумагами только одинъ случай выхода замужъ актрисы за лицо, не принадлежавшее къ театральному міру, а именно изъ доклада И. П. Елагина отъ 6-го іюля 1767 г. мы знаемъ, что „танцовщица Аграфена Игнатьева уже давно до этого вышла замужъ за поручика и кабинетъ-курьера Рудавскаго“ ²⁾. Извѣстны два случая, когда съ особаго разрѣшенія выходили замужъ за актеровъ еще воспитанницы театральной школы, при чемъ ихъ въ такихъ случаяхъ со дня выхода замужъ зачисляли въ составъ труппы ³⁾. Любопытный случай имѣлъ мѣсто съ актеромъ русской труппы Стороже-

¹⁾ Актеръ Крутицкій съ женой и Волковъ были приняты въ труппу изъ воспитанниковъ Сиропитательнаго дома, см. Отд. II, № 138; ст. 1, ср. 147.

²⁾ Отдѣлъ II, № 102, стр. 95.

³⁾ Ibid. № 341 и 463.

вымъ, какъ это видно изъ слѣдующаго документа: „Правитель конторы господинъ подполковникъ Харламовъ объявилъ, что Его Высокопревосходительство господинъ оберъ-гофмаршалъ театраль-ной дирекціи главный директоръ и кавалеръ Александръ Львовичъ Нарышкинъ повелѣтъ извоилъ россійской труппы актера Сторожева за непозволанный бракъ посадить подъ стражу при конторѣ и содержать до повелѣнія Его Высокопревосходительства, во исполненіе онаго повелѣнія къ господину инспектору русской труппы Клушину послана была записка, дабы онъ упомянутаго Сторожева съ тѣмъ же посланнымъ прислалъ въ контору немедленно, что имъ и исполнено. Определено: показаннаго актера Сторожева содержать при конторѣ подъ стражею до повелѣнія Его Высокопревосходительства господина главнаго директора и кавалера“ 1). Этотъ документъ очень краснорѣчиво свидѣтельствуешь о томъ, какъ были стѣснены актеры даже въ своей частной жизни.

Такъ же скудны наши свѣдѣнія и относительно входившихъ въ составъ балетной труппы артистокъ; о большинствѣ ихъ мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, про 25 танцовщицъ мы знаемъ, что онѣ поступили на сцену по окончаніи театральнаго училища; 7 артистокъ зачислены въ казенную балетную труппу изъ крѣпостныхъ Шкловскаго графства: 16 апрѣля 1800 г. изъ Шкловскаго графства были зачислены: Азаревичева, Буткевичъ, Кавалерова, Ласимовичева, Сонина и Янчевичева, а 21 іюля того же года къ нимъ прибавлена танцовщица Чевакина. Того же самаго 16-го апрѣля 1800 года изъ крѣпостныхъ Шкловскаго графства были зачислены въ балетную труппу Герасимъ и Романъ Беккеръ, Буткевичъ, Кусаковъ, Полетыкъ, Скоробогатый, Чутиковъ и Шамборскій.

Крѣпостными графства Шкловскаго явились, несомнѣнно, остатки труппы, устроенной въ Шкловскомъ помѣстьѣ отставленнымъ фаворитомъ Екатерины С. Г. Зоричемъ (1743—1799), считавшимся такимъ авторитетомъ въ театральныхъ дѣлахъ, что его вызывалъ въ 1787 г. въ Херсонъ князь Потемкинъ для устройства театральной части 2). Умеръ Зоричъ въ 1799 г., и результатомъ ликвидаціи его труппы, могъ явиться и этотъ переходъ актеровъ въ казенную труппу.

А. П. Барсуковъ, подробно описавшій житье-бытье С. Г. Зорича

1) Ibid. № 548, стр. 577.

2) Г. Ф. Гельбингъ. „Русскіе избранники“, пер. В. А. Бильбасова Берл. 1900 г., стр. 449. *Балетный-Камеискій*. Словарь достоп. люд. М. П., 1836, 401—404.

въ Шкловѣ¹⁾, между прочимъ говорить, что „С. Г. Зоричъ тамъ постоянно держалъ театральную труппу (польскую)“²⁾. Хотя и нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ для того, чтобы опровергать это извѣстіе, но можно думать, что не одна только польская труппа была у Зорича. Фамиліи нѣкоторыхъ артистовъ, поступившихъ отъ него въ казну, позволяютъ, кажется, думать, что у него играли и русскіе артисты. Болѣе чѣмъ вѣроятно устройство у него французскихъ спектаклей, для которыхъ для него писалъ пьесы директоръ Шкловскаго корпуса французъ Салморанъ, какъ это видно изъ слѣдующаго пункта поданной имъ жалобы на Зорича: „за представленія мною комедій и оперъ въ два года, на что я употреблялъ свое платье и сочинялъ самъ тѣ комедіи, въ разсужденіи, что я не имѣю ничего оставить дѣтямъ моимъ, кромѣ плодовъ, которые я получаю отъ моихъ дарованій, требую я 800 рублей“³⁾. Во французскихъ же спектакляхъ могла участвовать и жена Салморана⁴⁾, сестра придворной французской актрисы Сажъ⁵⁾.

Изъ числа артистокъ балетной труппы 18 были замужемъ за своими же товарищами по труппѣ. Самое существо балетнаго искусства сказалось, между прочимъ, и въ томъ, что въ составъ балетной труппы, состоявшей изъ 147 лицъ⁶⁾, 34 были иностранцы. Среди артистокъ русскаго театра была одна, принятая изъ дѣвичьяго монастыря. Эта артистка была встрѣчена весьма недружелюбно подругами по сценѣ, особенно извѣстной Елизаветой Ивановой. Все это весьма любопытно, и было бы интересно поближе познакомиться съ причинами, приведшими бывшую черницу на театральные подмостки, но, къ прискорбію, относящейся сюда документъ не даетъ достаточнаго матеріала для освѣщенія этихъ подробностей. Изъ документа⁷⁾ видно, что 27 августа 1785 года „россійскаго театра правящій временно должность инспектора актеръ Соколовъ призванъ былъ въ комитетъ и испрашиванъ, по какой причинѣ принята къ русскому театру изъ дѣвичьяго монастыря актриса, получающая жалованье близъ года, на театрѣ, играющей въ представленіяхъ не видна и способною быть можетъ ли?“ На что онъ, Соколовъ, и отвѣтствовалъ,— „хорошо-ль она играетъ или нѣтъ, не знаетъ, потому что ее на

1) Шкловскіе авантюристы. „Заря“ 1871 г., № 1, стр. 330—361.

2) Стр. 336.

3) Ibid. стр. 360.

4) Ibid. стр. 343.

5) Ibid. стр. 339. Эта г-жа Сажъ входила въ составъ Петербургской французской труппы см. Арх. отд. II № 349, 1.

6) Полный ихъ списокъ см. въ въ отдѣлѣ III на стр. 72—95.

7) Отд. II, № 277 стр. 276.

театръ не видываль, а нѣкоторыя російскія актрисы, а именно Елизавета Иванова, гнушаясь происходящей объ ней худой молвы, не желаютъ съ нею быть въ должности“. Но несмотря на такую пустую и неправильную отговорку, приказано ему было сей актрисѣ съ прочими выдать роль твердить изъ трагедіи „Артистовъ“ съ тѣмъ, чтобы она трагедія, черезъ три недѣли непременно по законамъ театральнымъ, къ пробѣ была готова, дабы комитетъ, увидя въ пробѣ сію актрису, могъ дать рѣшеніе о ея способности. Это все тѣмъ болѣе странно, что репутація самой г-жи Ивановой далеко не безупречна.

Размѣры жалованья артистовъ русской труппы и его постепенный ростъ видны изъ слѣдующей таблицы штатовъ за различные годы ¹⁾

Годъ.	Число артпст.		Мужск. окладъ.		Женскій окладъ.	
	Муж.	Женщ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
1766	11	7	800	200	700	250
1786	16	11	700	280	1100	150
1791	19	16	1000	200	1400	200
1799	18	16	2000	200	2000	200

При этомъ мы видимъ, что особенной разницы между окладами актеровъ и актрисъ не существовало. Кромѣ того, необходимо отмѣтить, что съ 1766 по 1799 г. высшій женскій окладъ неизмѣнно принадлежалъ Елизаветѣ Ивановой, занимавшей амплу первой актрисы, при чемъ въ теченіе 13 лѣтъ ея жалованье почти удвоилось. Необходимо отмѣтить, что въ то время, какъ высшій окладъ актера съ 1766 по 1799 годъ возросъ съ 800 руб. до 2000 руб., а высшій окладъ актрисы за то же время поднялся съ 700 руб. до 2000, низшій окладъ актера удержался на цифрѣ 200 руб., а низшій окладъ актрисы даже палъ съ 250 руб. до 200 руб. Вознагражденіе актеровъ не исчерпывалось этимъ жалованьемъ. Въ штатѣ на 1786 г. при спискѣ актеровъ російскаго театра читаемъ слѣдующую замѣтку ²⁾: „всѣ оныя природные російскіе служатъ безъ контрактовъ, квартиры положено имѣть казенныя, а на дрова производится день-

¹⁾ См. отд. II.

²⁾ Ibid. стр. 315.

гами, а сверхъ того по опредѣленію комитета, марта 10 дня 1784 года, должно давать въ каждый годъ по четыре бенефиса ¹⁾. Нѣкоторый свѣтъ на характеръ бенефисовъ проливаетъ распоряженіе князя Юсупова, отъ 30-го марта 1794 г. (№ 383) по поводу бенефиса актера Трофима Константинова. По условію послѣднему полагалось ежегодно въ октябрѣ имѣть бенефисъ, съ тѣмъ, чтобы сума съ бенефиса составляла вознагражденіе въ 600 рублей. Въ 1794 году Константиновъ поставилъ трагедію „Дмитрій Самозванецъ“, но сборъ съ нея составилъ только 400 рублей, поэтому князь Юсуповъ и отдаетъ приказаніе о выдачѣ дополнительной изъ казны суммы въ 200 руб. ²⁾. Такимъ образомъ, бенефисныя суммы представляли собою нѣчто фиксированное, и недоборъ отъ бенефиса могъ составлять убытокъ не бенефицианта, а дирекціи. Бенефисы, на основаніи новыхъ распоряженій Екатерины отъ 1783 года, давались для одобренія талантовъ, паче же въ природныхъ авторахъ и актерахъ, 1) для сочинителей: комедій, трагедій и оперъ, коихъ труды приобрѣли въ публикѣ хвалу и удовольствіе; 2) для капельмейстеровъ или сочинителей музыки за такіе же успѣхи; 3) для актеровъ, оказавшихъ успѣхи въ ремеслѣ своемъ ³⁾. Въ частности былъ данъ въ 1784 г. бенефисъ нѣмецкой труппы актеру Шпенглеру за то, что его малолѣтнія дѣти всегда употребляютъ для представленія на театрахъ ⁴⁾.

Въ видѣ особой награды 12 января 1791 года, находившемуся уже на пенсіи актеру Якову Шумскому, игравшему въ „Амфитріонѣ“ роль Созія, былъ отданъ весь сборъ съ этого спектакля, равнявшійся 436 руб., что явилось какъ бы бенефисомъ своего рода ⁵⁾.

Въ 1800 году инспектору Крутицкому, въ воздаяніе за усердіе исправленія должности и къ одобренію впередъ, былъ назначенъ бенефисъ ⁶⁾.

Въ случаѣ провинности дирекція карала актеровъ уменьшеніемъ

¹⁾ Ср. *ibid.* № 189 стр. 187: сверхъ того давать имъ въ годъ по четыре бенефиса: 1-й на мясопустной, 2-й на святой недѣлѣ, 3-й въ октябрѣ мѣсяцѣ и 4-й на Рождествѣ. На такомъ основаніи, какъ въ напечатанномъ отъ комитета объявленіи, при раздачѣ ложъ постановлено: собираемая въ оныя бенефисы деньги, вычтя напередъ всѣ отъ комитета расходы, раздѣлить на столько частей, сколько актеровъ и актрисъ по списку состоятъ бюджетъ, и, отложивъ изъ того двѣ части, первую раздѣлить на двое, одну половину отдать первому актеру, а другую первой актрисѣ, вторую же раздѣля на четыре части, дать двѣ актерамъ, да двѣ же актрисамъ.

²⁾ Ср. № 378.

³⁾ № 130, § 33.

⁴⁾ № 226.

⁵⁾ № 349, § 2.

⁶⁾ № 609.

жалованья. Такъ, когда 6-го мая 1793 года, актеръ Гамбуровъ на улицѣ безъ всякой причины ударилъ палкою актера Воробьева, то дирекція распорядилась за это увѣчье и безчестіе отъ его, Гамбурова, прибавочное при сей дирекціи жалованье 500 рублей производить ему Воробьеву, доколѣ не примирится ¹⁾.

Въ дополненіе къ жалованью актеры получили квартиру въ натурѣ ²⁾. Сюда относится, между прочимъ, постановленіе комитета отъ 16 апрѣля 1784 г., когда было опредѣлено: „ко испомѣщенію російскаго театра, актеровъ, актрисъ и театральнаго училища, нанять каменный домъ, состоящій въ Литейной части... надворнаго совѣтника Александра Зейдлера ³⁾, тѣ же изъ артистовъ, которые не получали казенной квартиры, получали въ замѣнъ деньгами, какъ это видно изъ прошенія російскаго актера Никиты Маркова о выдачѣ ему въ счетъ жалованья на расплату долговъ двухъ сотъ рублей денегъ съ вычетомъ впредь въ одинъ годъ, поелику онъ съ самаго начала вступленія въ службу, не получая казенной квартиры, ни за то денегъ, имѣеть на себѣ отъ найма квартиру долга болѣе 100 рублей ⁴⁾.

Изъ 20 актеровъ, составлявшихъ въ 1791 г. труппу російскаго театра, только три получали квартирныя деньги; это именно: Иванъ Соколовъ и Яковъ Шушеровъ, получавшіе по 120 рублей квартирныхъ, и Иванъ Савиновъ, актеръ низшаго оклада, получавшій 84 рубля, квартирныхъ; всѣ же остальные, равно какъ и всѣ актрисы труппы, имѣли казенныя квартиры, при чемъ лица, получавшія квартирныя деньги, не получали дровяного довольства, тогда какъ 11 актеровъ получали на дрова деньгами, и актерамъ выдавалось по 6 сажень дровъ въ годъ каждому, а Якову Воробьеву съ женой вмѣстѣ выдавалось 20 сажень дровъ. Изъ артистовъ только двѣ получали по 6 сажень дровъ, всѣ же остальные получали деньгами ⁵⁾.

По свѣдѣніямъ 1799 г. изъ 20 актеровъ російской труппы, только Иванъ Сторожевъ получалъ 150 квартирныхъ ⁶⁾, не получая при

¹⁾ По указу отъ 13 октября 1766 г. полагалось: „квартиры сверхъ жалованья давать и опредѣлять впредь въ казенномъ домѣ только такимъ, которые по должностямъ своимъ обязаны частыя имѣть репетиціи, но не болѣе, какъ сколько казенный, въ Милліонной улицѣ находящійся, домъ помѣститъ можетъ. Отдѣлъ II, № 94, стр. 5.

²⁾ № 376.

³⁾ Отдѣлъ II, № 199, стр. 197.

⁴⁾ Ibid. № 202, 1.

⁵⁾ См. *ibid.* № 350, стр. 387—388.

⁶⁾ О квартирныхъ Шушерину съ 1-го марта 1786 г. по 1-е октября 1786 г. 310 рублей, см. № 342, стр. 370.

этомъ дровяного довольства. Всѣ остальные имѣли казенныя квартиры, при чемъ трое получали по 12 сажень (Крутицкій, Воробьевъ, Петровъ), трое по 8 сажень (Сусловъ, Рахмановъ и Яковлевъ), а остальные по 6 сажень. Само собою разумѣется, что больше сажень дровъ получали тѣ самые артисты, которые получали и больше жалованья. Изъ артистокъ въ томъ же году только одна Елизавета Иванова, получавшая высшій окладъ жалованья, получала 20 сажень. Три артистки: Екатерина Михайлова, Авдотья Воробьева ¹⁾ и Анна Милевская получали по 8 сажень, а Прасковья Черникова получала 10 саж., хотя жалованье ея было ниже жалованья Михайловой. Остальные получали по 6 саж., кромѣ Катерины Янковской и Домны Аристарховой, не получавшей дровъ ²⁾.

При спискахъ труппы на 1786 г. читаемъ: „квартиры положено имѣть казенныя, на дрова производится деньгами ³⁾).

При вынужденномъ совмѣстномъ жительствѣ на казенныхъ квартирахъ возникали иногда неудобства отъ личныхъ свойствъ сосѣдей. Такъ 26 апрѣля 1800 г. инспекторъ русской труппы Крутицкій подалъ рапортъ, „что квартирующая въ наемномъ домѣ Петровыхъ, актриса Целагея Андреева Рябчикова, будучи въ нетрезвомъ состояніи, дѣлала разныя неблагопристойности и похабства, наводя тѣмъ прочимъ квартирующимъ въ томъ домѣ безпокойство, почему Крутицкій и представлялъ о усмиреніи ея благопристойными наставленіями, навѣвъ оное тѣмъ, что вывести ее изъ квартиры ⁴⁾).

13-го октября 1766 года Екатерина издала указъ придворной конторѣ, въ которомъ между прочимъ предписывалось: „положенные въ статѣ пенсіоны производить, докладываясь Намъ съ прописаніемъ, сколько, въ силу опредѣленнаго стата, тотъ человѣкъ пенсіона достоинъ, и сколько лѣтъ онъ безвыѣздно при дворѣ Нашемъ выслужилъ“ ⁵⁾. Статъ, на который ссылался указъ, гласить: „между прочимъ въ примѣненіи къ актерамъ русской труппы, что они, какъ Россійскіе, должны до смерти имѣть свое пропитаніе здѣсь, по отставкѣ давать до 200 рублей, смотря по ихъ достоинствамъ. Изъ остальной 1.130 руб. суммы обучать ребятъ обоюго пола, а остатки хранить въ общей суммѣ для произведенія пенсіоновъ ⁶⁾. Въ „новыхъ распоряженіяхъ 1783 г.“ статья о пенсіяхъ (35-я) редактирована такъ: „долговременно въ театрахъ, такожь въ балетахъ

¹⁾ вмѣстѣ съ мужемъ она по-прежнему получала вмѣстѣ 20 саж.

²⁾ Ibid. № 486, стр. 528—529.

³⁾ Ibid. № 294, стр. 315.

⁴⁾ Отд. II. № 586.

⁵⁾ Отд. II, № 94 ст. 7.

⁶⁾ Отдѣлъ II, стр. 88.

и мѣзкѣ служившіе, кои не будутъ въ состояніи продолжать далѣе труды ихъ, могутъ ожидать пенсіи съ наблюденіемъ, однакожь, 1) что никому пенсія не можетъ быть дана иначе, какъ по выслуженіи, прилежномъ и безотлучномъ, въ совершенной исправности и послушаніи десятилѣтняго времени. 2-е) природные російскіе должествуютъ пользоваться въ томъ преимуществомъ передъ иностранцами; 3-е) пенсіи таковыя могутъ опредѣляемы быть, начиная съ самаго меньшаго числа, даже до половины оклада для російскихъ и до третьей части онаго для иностранныхъ; 4-е) сверхъ суммы никого на пенсіи не опредѣлять, а ожидать ваканціи; 5-я) комитетъ въ семь дѣлѣ обязанъ наблюдать всемѣрную осторожность и справедливость и не инако назначаетъ таковыя пенсіи, какъ съ дозволенія Нашега“¹⁾.

2 октября 1783 года, какъ видно изъ „дневной записки“ комитета, было „начато разсматриваніе генеральной всѣмъ при театрахъ служащимъ вѣдомости съ отмѣтками, впредь до опредѣленія производить ли кому пенсіонъ, отставить ли кого безъ онаго—или отказать, съ замѣною должностей ихъ другими, способнѣйшими“²⁾.

На основаніи такихъ положеній производилось назначеніе и выдача пенсіона³⁾ актерамъ, а также и ихъ осиротѣлымъ семьямъ: такъ, 4-го октября 1798 г. вдовѣ умершаго актера Андреяна Прокофьева и его двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ было положено выдавать до возраста ихъ лѣтъ на содержаніе по 6-ти рублей въ мѣсяць⁴⁾.

При опредѣленіи матеріальныхъ условій артистовъ XVIII вѣка, нужно имѣть въ виду, что статьей 27 „новыхъ распоряженій“, данныхъ Императрицей Екатериной на имя д. с. с. Олсуфьева, 12 іюля 1783 года предписывалось: „стараться впредь завести и утвердить, чтобы платье казенное было для роль характерныхъ, а тѣ, кто играютъ обыкновенныя роли, обязаны были бы исполнять оныя въ собственномъ ихъ платьѣ“⁵⁾.

Въ узаконеніяхъ комитета для принадлежащихъ къ придворному театру 1784 г. этотъ пунктъ редактированъ такъ: „какъ всякій актеръ обязанъ имѣть собственное платье, то и требуется, чтобы оно было порядочное и приличное роли. Характерныя же платья выда-

¹⁾ Отдѣлъ II, № 130, стр. 35.

²⁾ Отдѣлъ II, № 155.

³⁾ Къ русской группѣ относятся документы за №№ 94 (7.) 165, 171, 182 (17) 186 (4 и 9) 202 (5) 204, (2) 234, 268, 269 (1), 311, 322, 349.

⁴⁾ № 477.

⁵⁾ *ibid.* № 130 стран. 116 это было включено въ договоръ съ Плавильщиковымъ, которому изъ казеннаго гардероба было оставлено два платья: черное бархатное и дикое съ шитьемъ см. № 328.

ваемы будутъ изъ театральной кладовой, но съ тѣмъ, чтобы оныя возвращаемы были по окончаніи представленія пьесы тому, отъ кого оныя приняты будутъ. Не дозволяется оныхъ уносить съ собой, а тѣмъ меньше отъ небреженія марать или портить подь опасеніемъ взыскапія и исправленія на счетъ того, кто тому будетъ причиною“ ¹⁾.

При этомъ иногда выдавались отдѣльнымъ артистамъ особыя суммы для пріобрѣтенія сценическихъ костюмовъ. Такъ, 19 мая 1792 г. было постановлено выдавать танцовщицѣ Марьи Грековой и танцовщику Ивану Вальберхову „изъ спектакельной суммы на башмаки и чулки въ мѣсяцъ каждому по 10 рублей“ ²⁾. Эта статья расходовъ въ примѣненіи къ Ивану Вальберхову была въ полномъ объемѣ включена и въ ордеръ, выданный казначею 31 января 1796 года, при чемъ тому же Вальберхову выдавалось по этому ордеру для фигурантовъ и фигурантокъ, двадцати шести человекъ, на башмаки и чулки, на каждаго по 4 рубля и 37½ коп.—113 рублей 75 коп. ³⁾.

Что касается специально драматической труппы, то здѣсь мы находимъ въ штатахъ 1791 г. указаніе, что артисткѣ Катеринѣ Барановой ⁴⁾ выдавалось 1100 рублей жалованья и „за употребленіе при спектакеляхъ своихъ уборовъ—300 рублей“ ⁵⁾.

Матеріаль необходимый для шитья этихъ костюмовъ, пріобрѣтался или прямо у купцовъ ⁶⁾, или же чрезъ посредство портныхъ, которые и представляли счета ⁷⁾. Иногда костюмы эти покупались у актеровъ. Такъ, 5-го мая 1789 г. постановлено выдать за купленный полосатый кафтанъ у актера Рахманова для театрального гардероба—20 рублей ⁸⁾. Еще раньше у актера Козьмы Гомбурова были куплены въ театральный гардеробъ для употребленія при спектакеляхъ платья: одной пары тафтяной, цвѣтомъ розовой, женской, покрытой флеромъ и вышитой серебромъ, и двухъ паръ мужскихъ суконныхъ, цвѣтомъ мордоре, вышитыхъ золотомъ—за каждую по 50 р., а за все 150 рублей ⁹⁾. Покупались подчасъ платья старья и не у актеровъ. Такъ, 1764 года, ноября 13-го, было определено

¹⁾ № 176, стр. 157.

²⁾ См. № 365 стр. 407.

³⁾ № 412, стр. 450.

⁴⁾ О ней см. отд. III стр. 24.

⁵⁾ Отд. II, № 350, стр. 388.

⁶⁾ См. напр. отд. III, №№ 297, 4; 286, 6; 332, 10 и 13; 333, 3; 467; 604; 605.

⁷⁾ См. №№ 333, 2; 338, 3; объ обязанностяхъ этого портного см. № 442. § 6.

⁸⁾ № 332. § 6.

⁹⁾ № 276 стр. 275.

по дешевизнѣ купить у генераль-поручика П. И. Мелесино накладку золотую съ фольгой на кафтанъ и на камзолъ, и у князя Н. А. Голицына парчевой голубой серебряной кафтанъ съ камзоломъ и штанами ¹⁾. Очень любопытный матеріалъ представляютъ списки статей костюмовъ, представленные отъ портного мастера Федора Отты, для постановки оперы „Ценобіи“, для серьезнаго балета „Оракуль“ ²⁾ и для французской оперы „Аземія“, для французской оперы „Рихардъ“ и для французской комедіи „Два Брата“ ³⁾.

Россійской труппы артисты раздѣлялись на представителей извѣстныхъ, болѣе или менѣе опредѣленныхъ, амплуа. По статуту 1766 г. амплуа эти таковы.

НАЗВАНІЕ АМПУА.	Число актеровъ.	Сумма жалованья каждому.
I. Актеры.		
Первый трагич. и комич. любовн.	1	800
Второй	1	600
Третій	1	500
Перъ-Нобль	1	600
Перъ-комикъ	1	600
Слуга первый	1	600
Слуга второй	1	300
Резонеръ	1	250
Подъячій	1	250
Два конфиданта	2	200
II. Актрисы.		
Первая трагич. и комич. любовн.	1	700
Вторая	1	600
Первая служанка	1	600
Вторая служанка	1	300
Старуха	1	400
Двѣ конфидантки	2	250 ⁴⁾

¹⁾ № 231 стр. 216.

²⁾ № 463 стр. 490—496

³⁾ № 469 стр. 497—498.

⁴⁾ См. огд. II, стр. 88—89 № 95

Поэтому актеры и приглашались въ труппу на опредѣленные амшлуа, какъ это видно хотя бы изъ дѣла о пріемѣ на службу въ актеры московскаго купца Николая Сахарова ¹⁾ съ женой. Тѣмъ не менѣе дирекція выговаривала себѣ право назначать каждому артисту роли по своему усмотрѣнію. Въ дѣлѣ о приглашеніи въ труппу російскаго театра Варвары Новиковой оговорено, что по должности своей, она, Новикова, обязана учить, играть и пѣть на придворныхъ театрахъ, гдѣ приказано будетъ всѣ первыя роли женскія, а иногда и мужскія, какъ въ операхъ, такъ и въ комедіяхъ и драмахъ, занимая сія роли или одна сама собою или раздѣленно съ другими, и не разбирая того, служанку ли, старуху, крестьянку или другое лицо представлять будетъ, короче сказать, она обязана играть и пѣть всѣ тѣ роли, къ которымъ она отъ дирекціи признана будетъ ²⁾.

Такое полное подчиненіе актеровъ начальству, а въ частности директору, располагавшему правомъ распредѣленія ролей, вполне соответствовало „узаконеніямъ комитета“ отъ 1783 г., строго запрещающимъ „дѣлать отмѣны самопроизвольно въ назначенныхъ роляхъ“ ³⁾. Понятно, что при такомъ положеніи вещей часто имѣли мѣсто неудовольствія. Такъ, по свидѣтельству Пикара, г-жа Бона ⁴⁾ жаловалась Императрицѣ, что у ней отняли роль, которую она всегда исполняла въ оперѣ „Алкидъ“ ⁵⁾. По свидѣтельству того же Пикара, недавно была война между Паизелло ⁶⁾ и оперными артистами за раздачу ролей. Актрисы также раздѣлились на двѣ враждебныя партіи: одна состоитъ изъ хорошенькихъ и ихъ покровителей, а другая—изъ нехорошенькихъ, но даровитыхъ. Извѣстно, что между театральными героинями рѣдко бываетъ миръ и согласіе и

¹⁾ № 660.

²⁾ Отд. II, № 416, отъ 25 апрѣля 1796 г. ср. дѣло о приглашеніи въ С. П.-Бургскую труппу Шушерина, *ibid.* № 296,—Константинова № 378. Также поступала дирекція и съ иностранными артистами, входившими въ составъ, напримѣръ, французской труппы, какъ это видно изъ условій приглашенія артистки Сень-Клеръ. См. отд. III стр. 54.

³⁾ Отд. II, № 176, § 2 и 5.

⁴⁾ Такой артистки по архивнымъ даннымъ въ составѣ казенной труппы не значится. Не слугала ли ее неособенно точный Пикарь (см. выше) съ артисткой Бонафани? Это была первая придворная пѣвица, состояла на службѣ съ 1 марта 1782 г., когда была Высочайше уволена отъ службы до окончанія срока обязательствъ (см. Архивъ, отд. III, стр. 65). Не шла также и опера «Алкидъ».

⁵⁾ «Русск. Стар.» 1870 г., стр. 147.

⁶⁾ Капельмейстеръ и композиторъ, надзиратель музыки, а затѣмъ «инспекторъ итальянской оперы серьезной и буфъ», о немъ см. Архивъ, отд. III, стр. 118—119.

г-ну Паизелло еще часто придется воевать съ капризами этихъ барынь ¹⁾.

Документъ, относящійся къ Варварѣ Новиковой, доказываетъ, какъ широка была сфера примѣненія дарованія каждаго артиста, обязаннаго выступать одинаково и въ оперѣ и въ драмѣ, что является совершенно невозможнымъ при теперешнемъ положеніи вещей. Между тѣмъ такое совмѣщеніе разнородныхъ съ теперешней точки зрѣнія дарованій обусловливалось прежде всего самымъ характеромъ репертуара того времени, когда такъ часто номера пѣнія входили въ составъ драматическихъ пьесъ, представлявшихъ собою нѣчто среднее между оперой и драмой ²⁾. Артисты, неподготовленные выступать съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ въ оперѣ, такъ и въ драмѣ, не могли бы справиться съ подобными пьесами. Необходимо имѣть въ виду при этомъ, что съ чисто театральной точки зрѣнія такое совмѣщеніе являлось въ высокой степени желательнымъ: необходимое для опернаго артиста умѣніе пѣть развивало голосовыя средства артиста и придавало необходимую силу его декламации, носившей тогда болѣе музыкальный, пѣвучій характеръ ³⁾, тогда какъ участіе въ драмѣ приучало исполнителя оперныхъ партій къ болѣе осмысленной фразировкѣ, и давало ту осмысленность, что при пѣніи нерѣдко приносится въ жертву чисто вокальнымъ эффектамъ, а игръ придавала большую реальность. Какъ на актрису съ чрезвычайно широкимъ артистическимъ діапазономъ можно указать на Екатерину Васильевну Михайлову. Дочь актрисы Михайловой — Авдотья, она исполняла не только роли служанокъ и другія рѣзвыя роли (т. е. субретокъ), а также переодѣванія требующія роли въ русскихъ комедіяхъ и операхъ, но выступала и во французскихъ спектакляхъ. Такъ она выступала во французскихъ операхъ: „Земира и Азоръ“, „Ринальдъ д'Астъ“, „Блезъ и Бабе“, во французскихъ комедіяхъ: „Два брата“, „Смѣлость и любовь“ (роль Евгеніи) ⁴⁾. Такое совмѣщеніе разнообразныхъ требованій достигалось только при основательной сценической подготовкѣ, знакомившей артистовъ со всей техникой театральнаго дѣла: для самоучекъ, переходящихъ сразу изъ зрителей въ актеры, подобное совмѣщеніе было бы невозможно.

¹⁾ «Русск. Стар.» ibid. 151.

²⁾ Этимъ пьесамъ посвящено специальное изслѣдованіе проф. А. М. Лобода, въ Читеніяхъ въ обществѣ Нестора Лѣтописца, томъ XIII, 1899 г. стр. 191—221.

³⁾ См. хотя бы С. Т. Аксаковъ, Литературныя и театральныя воспоминанія на 1812 г. Полн. собр. соч. IV Моск. 1896 г. стр. 60.

⁴⁾ См. отд. III, стр. 34.

III.

Пьесы покупались дирекціей за извѣстную сумму, какъ это видно изъ слѣдующаго прошенія регистратора Захара Крыжановскаго, просившаго „чтобы къ вѣщему его одобренію въ упражненіи переводовъ комитетъ благоволилъ отъ него купить переведенныя имъ на російскій діалектъ нѣсколько партитуръ комическихъ оперъ“. Сумма, назначаемая имъ, колеблется за отдѣльныя пьесы отъ 50 до 200 руб., а всего за 6 пьесъ онъ желалъ получить 600 рублей ¹⁾.

Мы видѣли выше, что въ вознагражденіе авторовъ пьесъ предлагалось давать имъ бенефисы (№ 130 стр. 33). Согласно этому въ 1784 г. былъ данъ бенефисъ секретарю Якову Княжину за сочиненныя имъ для театровъ пьесы, которыя уже были представлены въ дѣйствиіи ²⁾. Когда актеръ Иванъ Соколовъ представилъ въ распоряженіе дирекціи 3 свои пьесы: („Сибирякъ“ въ 5 актахъ, „Мушка“ въ 3 актахъ и „Влюбленный слѣпецъ“ въ 1 актѣ), то ему былъ обѣщанъ за каждую комедію третій бенефисъ ³⁾. Плавильщикову вмѣсто 3-го бенефиса за сочиненную комедію: „Добрые родственники“ было выдано 300 рублей, см. № 330. Та же сумма была выдана въ вознагражденіе г-ну Ефимову, за сочиненную комедію „Вояжеръ“ ⁴⁾, триста же рублей были выданы ему и за сочиненіе трагедіи „Вшеславъ“ ⁵⁾. Сочинивъ трагедію: „Тохмась Кулыханъ“ и комедію „Исправленіе“ или „Добрые родственники“, онъ исходатайствовалъ о разрѣшеніи поставить ихъ въ свою пользу, что и было уважено ⁶⁾. Нельзя опредѣлить въ данномъ случаѣ, получилъ ли Плавильщиковъ сборъ въ качествѣ автора или же какъ актеръ, случайно освобожденный отъ необходимости подыскивать для себя чужую пьесу.

Въ 1800 г. было выдано російской труппы цензору Клушину за переводъ сочиненія: комедій: „Разсудительный дуракъ“, „Худо быть близорукимъ“, „Американцы“, „Услужливый“ и за поправку и приведеніе въ порядокъ многихъ драматическихъ сочиненій, — 800 рублей ⁷⁾.

---

¹⁾ № 157, § 13. Въ 1785 г. за переводы ему было выдано 200 рублей, см. № 243, § 7.

²⁾ № 195, § 3.

³⁾ № 272, § 4.

⁴⁾ № 332, § 5.

⁵⁾ См. № 357.

⁶⁾ № 279, § 7.

⁷⁾ № 642.

Составленіе репертуара опредѣлялось такимъ правиломъ ¹⁾: „назначеніе зрѣлищъ для игранія при дворѣ, хотя такъ же зависѣть будетъ отъ воли Нашей, но ежели бы не было дано о томъ особаго повелѣнія, директоръ старается наблюдать въ томъ очередь, дабы однимъ родомъ зрѣлищъ, вмѣсто забавы, не наскучить“. Что сама Екатерина вмѣшивалась въ составленіе репертуара—это видно изъ записки А. Ланского ²⁾ (отъ мая 1783 г.) съ извѣщеніемъ, что Ея Величеству угодно, чтобы въ будущій понедѣльникъ была комедія „Журналистъ“ ³⁾.

Въ 1800 г. театральной дирекціи главный директоръ А. Л. Нарышкинъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ приказалъ „нынѣ же сдѣлать репертуаръ, сколько и какихъ именно въ теченіи нынѣшняго 1800 г., т. е. начиная отъ Пасхи до будущаго въ 1801 г. великаго поста, русская труппа дать можетъ на Каменномъ театрѣ спектаклей“ ⁴⁾.

Для сужденія о театральной цензурѣ мы располагаемъ матеріалами, относящимися только къ концу изучаемаго періода. Высшее наблюденіе за содержаніемъ пьесъ принадлежало, какъ это и вполнѣ естественно, верховной власти. Такъ 23 октября 1798 г. Императоръ Павелъ отдалъ распоряженіе, „чтобы комедія, сочиненная г. Капнистомъ, подъ названіемъ „Ябеда“, на театрѣ представлена не была“ ⁵⁾. Очевидно, обличительный характеръ пьесы пришелся не по вкусу Павлу и вызвалъ эту суровую мѣру, что нисколько не помѣшало почти ровно черезъ годъ (31 октября 1799 г.) возложить на того же самаго Капниста должность, которая состояла въ разсматриваніи вѣхъ пьесъ и переправленіи оныхъ, какъ человѣка совершенно сію часть знающаго ⁶⁾. Поэтому когда въ 1800 г. актеръ

¹⁾ Отд. II, № 130, стр. 23.

²⁾ Бывшаго тогда фаворитомъ Императрицы (съ 1780 по 1884 г.).

³⁾ Василий Ильичъ, къ которому обращена эта записка,—В. И. Бибииковъ, назначенный 12 декабря 1765 г. «имѣть дирекцію надъ російскимъ театромъ» см. отд. III, стр. 2, № 11. Екатерина вообще принимала самое живое участіе въ жизни театра, входя во всѣ мелочи. Такъ, напримѣръ: она указала «въ придворномъ театрѣ наблюдать и исполнять нижеслѣдующее: 1) чтобы передовыя плошки были изъ бѣлаго воску, каждая о четырехъ свѣтильняхъ по сдѣланному образцу, 2) заднія плошки между кулисъ, изъ желтаго воску съ шестью свѣтильнями по образцу же» (отд. II, № 295.) Надо слишкомъ любить театръ и относиться къ нему съ полной серьезностью для того, чтобы находить время, среди государственныхъ дѣлъ, удѣлять вниманіе и такимъ мелочамъ.

⁴⁾ Отд. II, № 570.

⁵⁾ Отд. II, № 478.

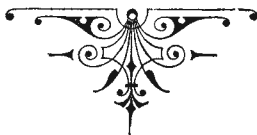
⁶⁾ Ibid. № 517: въ изданіи явная нетѣпость: «какъ человѣка совершеннаго сію часть знающаго».

русской труппы Рыкаловъ написалъ пьесу, подъ заглавіемъ „Зоя“, то она была отдана на разсмотрѣніе Капнисту ¹⁾.

Должность цензора исполнялъ Александръ Клушинъ, назначенный на эту должность 18 іюля 1799 года, 23 іюля 1800 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ русскаго театра ²⁾.

Пьесы изъ цензуры поступали къ инспектору російской труппы, каковымъ до Клушина былъ Крутицкій ³⁾.

Б. В. Варнеке.

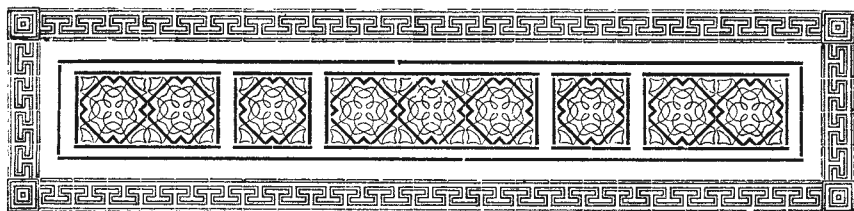

---

¹⁾ Ibid. № 608.

²⁾ О немъ см. отд. III, стр. 31; онъ занимался и переводами драматическихъ произведеній, а именно: комедій «Разсудительный дуракъ», «Худо быть близорукимъ», «Американцы», «Услужливый». Къ цензурированію имъ пьесъ относятся документы изъ II отд. №№ 551—553 и 565—567, 578.

³⁾ См. дѣло № 603, отд. II.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. ¹⁾

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Подготовка къ осадѣ Силистріи.

5 сентября Платовъ отрядилъ генер. Иловайскаго съ тремя полками казаковъ для производства поиска въ Руцдумъ, любимое мѣстопребываніе Пегливана, и гдѣ онъ, во множествѣ, собиралъ награбленныя имъ вещи. Никто не зналъ, гдѣ находится это гнѣздо, его долго искали и, наконецъ, нашли, благодаря бѣгству туда 500 бѣглецовъ изъ Россевата. Этого числа было бы совершенно достаточно, чтобы защищать его, но охваченные паникой, они бѣжали въ лѣса, оказавъ лишь слабое сопротивленіе.

Самое расположеніе Руцдума, въ которомъ нашли 4 пушки, ужасно походить на разбойничій притонъ. Селеніе это лежитъ въ долигѣ, окруженной высокими горами, покрытыми лѣсомъ; прикрывавшій его ретраншаментъ, длиною 3—4 версты, вился по извилинамъ горъ, но подвергался анфиладному огню съ трехъ сторонъ, а потому и не представлялъ сильнаго сопротивленія регулярнымъ войскамъ. Укрѣпленіе это годилось лишь какъ временная защита отъ внезапнаго нападенія, чего и опасался Пегливанъ отъ своихъ товарищей по разбойничеству. Домъ его былъ очень обширенъ, хорошо меблированъ и выстроенъ на половину на турецкій ладъ, на половину на европейскій. Два чудныхъ фонтана украшали его дворъ, гдѣ было еще нѣсколько зданій и садовъ, составлявшихъ, въ окружности, до 2.000 шаговъ.

Еще задолго до этого, Платовъ и его казаки только и мечтали о Руцдумѣ и заранѣе поздравляли другъ друга съ огромными богатствами, которыя они тамъ найдутъ и присвоятъ себѣ, но ожи-

¹⁾ См. «Русск. Стар.», июнь 1908 г.

данія отчасти обманули ихъ, хотя тамъ было не мало чѣмъ можно поживиться съ аппетитами менѣе ненасытными, нежели у казаковъ.

До сихъ поръ кампанія была ведена очень хорошо, операціи были связны и результаты счастливые. Планъ атаки турокъ подъ Россеватомъ былъ также очень хорошъ, но послѣ этой легкой побѣды, кн. Багратіонъ потерялъ 5—6 дней въ ожиданіи провіанта и военныхъ припасовъ, а потому не могъ долѣе надѣяться на панику, внушенную имъ раньше и которая открыла бы ему ворота Силистріи. Онъ черезъ-чуръ льстилъ себя мечтою о легкости завладѣнія этой крѣпостью, гдѣ, какъ онъ долженъ былъ хорошо знать, былъ очень сильный гарнизонъ, всегда имѣвшій возможность получить помощь отъ великаго визиря изъ Рушука. Если бы Багратіонъ двинулся на Шумлу и даже на Варну, онъ достигъ бы, быть можетъ, большаго успѣха; въ Шумлѣ не было почти войскъ, а его положеніе, по дорогѣ къ Балканамъ, было очень важно. Варна находилась, хотя и очень далеко отъ линіи нашихъ операцій и нашихъ магазиновъ, и овладѣть ею было очень трудно, но въ этой части Румелии, отдаленной отъ великаго визиря, ужасъ, внушаемый русской арміей, и страхъ передъ нею были таковы, что быть можетъ Варна открыла бы намъ свои ворота, и занятіе ея имѣло гораздо большее значеніе, чѣмъ Силистріи. Турки смотрятъ на нее, какъ на ключъ къ Константинополю. Послѣ взятія Варны и Шумлы, Силистрія могла бы быть оставлена турками, такъ какъ отъ нихъ всего можно было ожидать.

Однако, я не могу скрыть, что изложенный планъ былъ болѣе отважный, чѣмъ осторожный, и Багратіонъ мнѣ сказалъ потомъ, что наступленіемъ на Силистрію онъ имѣлъ въ виду отвлечь великаго визиря отъ меня и тѣмъ спасти Валахію, потеря которой повлекла бы за собой полное разрушеніе всѣхъ нашихъ операцій.

Считая себя тогда очень слабымъ и дѣйствительно находясь подъ угрозою турокъ, я долженъ былъ благодарить Багратіона за его планъ дѣйствій (личный интересъ въ сторонѣ). Но предположивъ, что онъ избралъ лучшей планъ, все же неудачу въ достиженіи цѣли слѣдуетъ приписать тому, что онъ не выказалъ ни достаточной послѣдовательности, ни быстроты въ своихъ операціяхъ. Послѣ Россеватскаго сраженія онъ дѣйствовалъ безъ опредѣленнаго плана и скорѣе отдался теченію событій, чѣмъ былъ хозяиномъ ихъ. Онъ обратился за помощью къ деньгамъ и случайностямъ, которыя, по правдѣ сказать, иногда служатъ лучше, чѣмъ таланты.

Кн. Багратіонъ приказалъ артиллерійскому маіору Магденко подвести къ Силистріи суда для транспортировки продовольствія, но было бы лучше, если бы онъ приказалъ ремонтировать мостъ въ

Гирсовѣ, въ 10 или 15 верстахъ отъ Силистріи и не отправляялъ бы по Дунаю маленькія суда, для которыхъ и сентябрьскіе вѣтры представляютъ уже опасность; онъ могъ бы провести ихъ черезъ Борщъ. Эта рѣка течетъ параллельно Дуная, на разстояніи 5—6 верстъ, и соединяется съ нимъ нѣсколькими большими каналами, теченіе которыхъ направлено съ сѣвера на югъ, т. е. перпендикулярно теченію обѣихъ рѣкъ.

Въ большую воду по Борщу могутъ пройти канонерскія лодки и большія суда съ транспортами, такъ что и флотилія легко могла пройти изъ Гирсова въ Туртукай, не рискуя быть подъ огнемъ Силистріи, о чемъ тогда и не подозрѣвали, а узнали, когда уже было поздно.

Гирсовскій мостъ нужно было поставить верстахъ въ 10—12 ниже Силистріи, и я считаю огромной ошибкой, что этого не сдѣлали, что и доказали результаты.

3 сентября Марковъ двинулся вдоль моря и выслалъ сильный отрядъ къ Мангаліи. Подходя туда, казаки замѣтили, что турки выходятъ изъ крѣпости съ большимъ числомъ повозокъ. Получивъ это донесеніе, Марковъ немедленно отправилъ ген. Денисьева съ отрядомъ для занятія города, который онъ и нашелъ уже покинутымъ жителями.

Городъ очень хорошо и красиво выстроенъ и достаточно сильно укрѣпленъ; въ немъ было найдено 4 пушки, гарнизонъ же достигалъ не менѣе 3.000 чел., считая и вооруженныхъ жителей.

Денисьевъ приказалъ гусарамъ и казакамъ преслѣдовать ушедшихъ турокъ, и имъ удалось захватить нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Оставивъ 200 казаковъ въ Мангаліи, столько же въ Кюстенджи и присоединивъ къ себѣ Орловскій полкъ съ ген. Палицынымъ, Марковъ покинулъ затѣмъ берега Чернаго моря, чтобы быть ближе къ Багратиону, подвигавшемуся въ то время къ Силистріи. Онъ направился на Биттиринъ, оставилъ тамъ Палицына, а затѣмъ вышелъ близъ Руддума. Во время этого движенія, онъ выслалъ небольшіе отряды къ Базарджику и даже къ Варнѣ, чѣмъ вызвалъ въ этой части страны сильную панику. Не доходя 25 верстъ до Силистріи, онъ занялъ селеніе Кайнарджи, расположенное влѣво отъ дороги, идущей въ Шумлу. Селеніе это знаменито миромъ, подписаниемъ графомъ Румянцевымъ, въ 1774 году, съ турками.

Между тѣмъ, Измаиль-паша, послѣ сдачи Кюстенджи, подошелъ къ Коварнѣ и потребовалъ выкупныхъ денегъ, но жители прогнали его. Узнавъ объ этомъ, Марковъ вывелъ заключеніе, что въ этомъ городѣ не имѣется гарнизона, а потому послалъ туда полковника Мельникова съ его полкомъ и тремя эскадронами гусаръ. Послѣ

*

небольшой перестрѣлки съ жителями, Мельниковъ двинулъ часть казаковъ и гусаръ въ городъ; жители испугались и бѣжали. По занятіи нами, Коварна была разрушена. Этотъ красивый городокъ, расположенъ на берегу моря, въ 50 вер. отъ Мангаліи, въ 35 отъ Базарджика и лишь въ 25 отъ Варны. Мангалія находится въ 35 вер. отъ Кюстенджи, а этотъ послѣдній въ 75 отъ Баба-Дага, который отъ Измаила лежитъ въ 50 верстахъ; слѣдовательно, отъ Измаила до Коварны 210 верстъ и до Варны 235 верстъ.

Весь походъ Маркова можно назвать очень смѣлымъ, такъ какъ ему приходилось двигаться мимо Базарджика, гдѣ былъ очень сильный гарнизонъ.

Въ Коварнѣ нашли 3 пушки; тамъ же Марковъ собралъ до 3.000 болгаръ, которыхъ и отправилъ на лѣвый берегъ Дуная.

Багратіонъ поручилъ заботу обо всѣхъ этихъ несчастныхъ, а также и сборъ ржи въ Болгаріи, одному греку, по имени Каруелли, надворному совѣтнику, служившему чиновникомъ по иностраннымъ дѣламъ. Онъ былъ человѣкъ слабый и большой интересантъ; предполагалось, что онъ замѣнитъ Радофинаки въ Сербіи, но затѣмъ, назначеніе туда уполномоченнаго министра было отмѣнено и тамъ, по-прежнему, оставили только повѣреннаго по дѣламъ г. Педова.

Каруелли остановился въ Руцумѣ и дѣйствительно тамъ собралъ много ржи, которую и отправилъ въ Галацъ, куда, затѣмъ, пріѣхалъ и самъ. Рожь эта, назначенная для наполненія нашихъ магазиновъ, наполнила лишь карманы Каруелли, его агентовъ и, какъ говорятъ, Безака, который дѣйствовалъ съ ними заодно. Однако объ его грабежѣ было доложено Багратіону, который принужденъ былъ назначить слѣдствіе и поручилъ его ген. Денисьеву, очень честному человѣку, храброму и блестящему офицеру, но слабому и скромному, когда не имѣлъ дѣла съ врагами. Онъ вскорѣ открылъ плутовство этихъ господъ, но, узнавъ, что Безакъ замѣшанъ въ эту исторію (а тогда этотъ сербъ имѣлъ большую власть), Денисьевъ нашель все правильнымъ, и одно государство (какъ всегда) было наказано за свою довѣрчивость.

8 сентября Багратіонъ двинулся на Силистрію, 9-го дошелъ до Дербентскаго моста, а 10-го онъ произвелъ, въ 5 вер. отъ Силистріи, рекогносцировку.

Въ тотъ же день, нѣсколько казаковъ Иловайскаго полка, бросились въ Дунай и на глазахъ всей арміи переплыли рукавъ, достигли одного острова, близъ Силистріи, и взобрались туда, не смотря на огонь засѣвшихъ тамъ для защиты острова, турокъ.

Казакъ почти всѣхъ ихъ перебили, и только нѣсколько спаслись бѣгствомъ въ большихъ лодкахъ. Этотъ удивительный подвигъ ка-

заковъ доказываетъ, какую пользу приноситъ войско единственной націи, обладающей имъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую же кавалерію можно было заставить переплыть такимъ образомъ широкую и быструю рѣку?

11-го сентября казаки Платова вытѣснили турокъ съ горъ, изъ садовъ и виноградниковъ, окружающихъ Силистрію. Назначенный имъ въ помощь 7 Егерскій полкъ подоспѣлъ лишь къ концу, когда, послѣ долгаго сопротивленія, кн. Трубецкой, полк. Лаптевъ, флигель-адъютантъ капитанъ Паскевичъ и кн. Мадатовъ, находящійся при Платовѣ, преслѣдовали турокъ съ горы на гору, изъ одного лѣса въ другой, вплоть до стѣнъ города. При преслѣдованіи мы потеряли 2-хъ офицеровъ и 80 солдатъ.

Силистрію защищаль бѣжавшій изъ Россеватъ Емикъ-Оглы, который, оправившись отъ страха, собралъ въ Силистрію всѣхъ вооруженныхъ жителей изъ сосѣднихъ деревень, принадлежавшихъ ему, также какъ и городъ; изъ нихъ онъ составилъ многочисленный гарнизонъ крѣпости. Такимъ образомъ, количество образовавшихся защитниковъ города и размѣры крѣпостныхъ укрѣпленій не позволили Багратіону ни окружить Силистрію, ни блокировать ее. Кромѣ того, Силистрія могла получать помощь изъ Рушука черезъ Дунай и сушей черезъ Туртукай.

Я дамъ описаніе Силистріи, когда опишу осаду ея, производившуюся подъ моимъ начальствомъ, въ 1810 году.

Разъ мы не воспользовались обаяніемъ побѣды подъ Россеватомъ и, подъ вліяніемъ паники, охватившей турокъ, не захватили тогда же Силистріи, которая должна была сдаться побѣдителю, теперь, когда мы подошли къ стѣнамъ города, стало ясно, что мы не въ состояніи его взять и, если, несмотря на это, мы все-таки упорствовали въ непремѣнномъ желаніи одолѣть невозможное, то потерпѣли бы полную неудачу, подобно гр. Румянцеву въ 1773 году.

Но напрасно Багратіонъ заблуждался въ совершенной безнадежности задуманнаго имъ предпріятія, онъ могъ бы дѣйствовать обсервационнымъ корпусомъ, въ 5—6 тысячъ человекъ; конечно, Емикъ-Оглы не вышелъ бы атаковать этотъ корпусъ, такъ какъ у него было слишкомъ мало войскъ, а вооруженные жители годны только для защиты своихъ жилищъ и никогда не выходятъ изъ города. Во-вторыхъ, соединившись съ Марковымъ и имѣя 14.000 чел., онъ могъ бы двинуться къ Шумлѣ или занять дефиле Татарицы и засѣсть на дорогѣ въ Туртукай, отрѣзавъ, такимъ образомъ, сообщеніе съ Силистріей, и тогда могъ бы взять ее вслѣдствіе недостатка продовольствія, котораго едва хватило бы на 2 мѣсяца.

Не имѣя возможности окружить Силистрію, Багратіонъ располо-

жилъ лагеремъ корпусъ Милорадовича въ первой линіи, по Гирсовской дорогѣ, въ 5 вер. отъ мѣстечка, на возвышенности, передъ лѣсомъ, окружающимъ ее. Въ лѣсу выстроили 3 редута, изъ которыхъ: одинъ на берегу Дуная, для усиленія аванпостовъ и для предупрежденія всякихъ неожиданностей. Въ 2-хъ верстахъ отъ первой линіи, на возвышенностяхъ, была расположена 2-я линія, гдѣ стала вся пѣхота Платова и главная квартира Багратіона. Платовъ съ его кавалеріей со всѣми казаками занялъ Калопетри, по дорогѣ въ Разградъ, въ 5 вер. отъ Силистріи, и отдѣлилъ отъ себя отряды до Туртукая. Флотилія Центитовича подошла къ городу и заняла островъ Капарачъ.

Дежурный генералъ Тучковъ заболѣлъ. Багратіонъ, очень довольный возможностью отъ него отдѣлаться, назначилъ на его мѣсто генер. Булатова, въ лицѣ котораго, если онъ ничего и не выигралъ въ нравственномъ отношеніи, то во всякомъ случаѣ нашель въ немъ человѣка болѣе дѣятельнаго и годнаго къ службѣ, которой онъ отдавалъ по 20 часовъ въ сутки.

Раньше чѣмъ продолжать слѣдить за операціями кн. Багратіона, я долженъ описать операціи Засса, Войнова и гр. Каменскаго у Баба-Дага и Измаила и мои въ большой Валахіи.

Когда кн. Багратіонъ двинулся на Мачинъ и Гирсово, онъ оставилъ ген. Засса въ Тульчѣ, а когда Зассу поручили осаду Измаила, что было предметомъ его давнишнихъ желаній и результатомъ дружбы его съ Безакомъ, онъ назначилъ гр. Каменскаго въ Тульчу и приказалъ ему скрыть въ ней всѣ укрѣпленія, также какъ и въ Бага-Дагѣ; въ то же время, на него возлагалось наблюденіе за берегомъ Чернаго моря и за высадкой, если бы турки задумали произвести таковую.

Для этихъ операцій онъ назначилъ ему:

- 1 баталіонъ Охотскаго полка;
- 1 „ Камчатскаго п.;
- 1 „ 11-го Егерскаго п.;
- 5 эскадроновъ Переяславскихъ драгунъ;
- и 1 полкъ казаковъ.

16 и 17 іюня Измаильскіе турки, видя, что ихъ не атакуютъ, попробовали снова занять островъ Четаль, но они были отброшены войсками флотиліи, а 18-го числа Войновъ приказалъ выстроить три редута на правомъ флангѣ своей позиціи, на большомъ курганѣ, гдѣ, въ 1807 году, Мейндорфъ также выстроилъ редутъ.

Войновъ, не безъ основанія, надѣялся, что ему поручатъ осаду Измаила, но, обманувшись въ своихъ надеждахъ, вышелъ въ отставку, подъ предлогомъ болѣзни и, дѣйствительно, нѣсколько времени спус-

тя, серьезно заболѣлъ; скверное настроеніе усилило слабость, и онъ уѣхалъ въ Текучъ и больше не участвовалъ въ этой кампаніи.

Зассъ снова перешелъ Дунай и принялъ командованіе Войновскимъ корпусомъ. Этотъ корпусъ былъ раздѣленъ на три отряда, подъ начальствомъ генераловъ: Балла—расположеннаго на правомъ флангѣ; Гампера—въ центрѣ и Назимова—на лѣвомъ флангѣ. Эти самыя позиціи занимали въ 1807 г. Мейндорфъ, Войновъ и Зассъ. Такъ какъ корпусъ былъ весьма слабого состава, то Зассъ окружилъ всѣ три лагеря сильными ретраншаменстами, чтѣ было его, весьма хорошимъ, обычаемъ въ войнѣ съ турками.

Онъ оставилъ на островѣ Четаль 2 баталіона Охотскаго полка для устройства связи между двумя флотиліями, блокировавшими городъ съ востока и запада, и приказалъ проложить дорогу изъ фашинъ и тростника черезъ весь островъ. Дорога эта была очень скоро устроена капитаномъ главнаго штаба Мишо ¹⁾).

Кромѣ того, Зассъ приказалъ выстроить 2 редута, для прикрытія обѣихъ флотилій.

26 іюля турки сдѣлали серьезную вылазку противъ нашего лѣваго фланга, но были отбиты капитаномъ 11-го Егерскаго полка Пригара. Въ этомъ дѣлѣ былъ раненъ того же полка полковникъ Лангеръ. Затѣмъ, Зассъ приказалъ открыть траншейныя работы и выстроить передъ центральнымъ отрядомъ батареи. За этими работами наблюдалъ капитанъ Мишо, и велись онъ очень усердно. Онъ бы не проявлялъ такой поспѣшности, если бы не былъ увѣренъ, что гарнизонъ слабъ и уже нуждается въ продовольствіи, благодаря чему вскорѣ долженъ сдаться. По открытіи бомбардировки съ нашихъ батарей, обѣ флотиліи также приняли въ этомъ участіе.

6-го августа визирь Челибей-Мустафа прислалъ парламентаря, но Зассъ потребовалъ, чтобы онъ самъ явился для личныхъ объясненій, но Челибей отказался исполнить это требованіе, и переговоры остановились. Тогда Зассъ вытребовалъ изъ Бырлата 12 осадныхъ орудій и 10-го числа выстроилъ батарею въ 150 туазовъ по фронту. Турки, не имѣя возможности разрушить ее своимъ огнемъ, рѣшили произвести атаку отрядомъ въ 1.500 чел. Командовавшій батареей, майоръ 11-го Егерскаго полка Васильевъ защищался съ отвагой. Зассъ подкрѣпилъ его, и турки были отбиты съ потерями. Дѣло было живое и продолжительное.

Батарея наша была слишкомъ выдвинута, изолирована и не

---

¹⁾ 1827 г. Теперь графъ, генералъ-лейтенантъ и дежурный генералъ штаба Государя; превосходный офицеръ. См. журналъ 1812 г. — чѣмъ ему обязана Россія.

имѣла поддержки. Выше я объяснялъ причины, побудившія Мишо рискнуть такъ приблизиться, но все же и съ турками слѣдовало быть осторожнѣе, а при осадѣ надо, чтобы траншеи упирались въ редуты, прикрывающіе ихъ. Конечно, Мишо былъ не правъ, но въ этомъ случаѣ обстоятельства благоприятствовали. Батарея была окончена 11 августа, а 12-го огнемъ съ нея въ городѣ былъ взорванъ пороховой погребъ и сожженъ складъ сѣна, находившійся близъ вала, вслѣдствіе чего турецкія лошади лишились корма. Эти обстоятельства ускорили капитуляцію, которая и была подписана 13-го, а 14-го Зассъ уже занялъ два бастиона и ворота города. Мы взяли въ Измаилѣ 221 пушку, 9 вооруженныхъ пушками судовъ флотиліи, много военныхъ припасовъ и 21 знамя. Въ городѣ было 4.500 солдатъ и 2.700 вооруженныхъ жителей, всего 7.200 чел., а Зассъ не имѣлъ и 6.000 чел.; потерялъ же онъ во время осады не больше 100 чел., но за то онъ вернулъ всѣхъ русскихъ дезертировъ.

Турецкія войска и жители, получивъ разрѣшеніе выйти изъ крѣпости, куда пожелаютъ, нагрузивъ повозки вещами и больными, ушли изъ крѣпости. Челибей, прибывъ въ Константинополь, былъ сосланъ на острова архипелага и былъ счастливъ, что отдѣлался такимъ образомъ. Ссылка—это лучшая участь, которую можетъ ожидать визирь въ немилости.

Если бы мы выждали нѣсколько дней, то гарнизонъ принужденъ былъ сдаться военно-плѣнными, но Зассъ хотѣлъ выиграть время, однако, какъ мы увидимъ, послѣ осады онъ потерялъ его слишкомъ много.

Жители христіане и нѣкоторые изъ турокъ остались въ городѣ, а другіе ушли частію въ Бухарестъ или въ Браиловъ. Теперь неопасно было увеличивать гарнизонъ этого послѣдняго, такъ какъ чѣмъ больше соберется тамъ людей, тѣмъ скорѣе истощатся тамъ запасы продовольствія.

Вслѣдъ затѣмъ, Попандопуло получилъ приказаніе приблизиться съ своей флотиліей къ Браилу, а Зассу приказано, какъ только Измаилъ будетъ взятъ, двинуться въ Болгарію и догнать главныя силы арміи. Измаилъ сдался 14 августа, значить, числа 16 Зассъ долженъ былъ, во исполненіе приказа, выступить и, по расчету, догнать армію 30 числа; а засимъ, по предположенію, двинуться на Кюстенджи, чтó измѣнило бы направленіе операцій. Но, будучи задержанъ трудностями отправки турокъ (чтó онъ могъ бы поручить другому), а главное—своими личными интересами, которые онъ ставилъ выше всего я, наконецъ, серьезно заболѣвъ, онъ выступилъ только 30 августа.

Въ Измаилѣ оставлено было только 4 очень слабыхъ баталіона.

Въ Мачинѣ и Кучефанѣ былъ оставленъ съ Алексопольскимъ полкомъ полковникъ Абдулинъ, нерѣшительный и весьма ограниченный офицеръ. Онъ задумалъ взять нѣсколько укрѣпленій Браиловскаго раіона, находившихся на одномъ изъ острововъ Дуная, но турки были тамъ очень сильны, чего Абдулинъ и не предполагалъ. Они отбили его нападеніе, и онъ потерялъ 40 чел. убитыхъ. Несмотря на это, Абдулинъ написалъ великолѣпную реляцію и представилъ это дѣло, въ самыхъ яркихъ краскахъ, какъ побѣду, прося себѣ орденъ св. Георгія. Засѣвъ, болѣе тонкій, не поддавался на его краснорѣчіе и приказалъ разслѣдовать дѣло. Конечно, слѣдствіе открыло бы правду, и Абдулинъ не избѣжалъ бы суда, но смерть избавила его отъ позора. Онъ умеръ отъ болѣзни, горя и страха.

Между тѣмъ, гр. Сергѣй Каменскій, разрушивъ Исакчу, Тульчу и Баба - Дагъ, получилъ приказаніе двинуться на Кюстенджи, но вѣчно трусливый и видѣвшій вездѣ, на Черномъ морѣ, турецкіе флоты, дѣлавшіе высадки въ тылу у него, постоянно просилъ помощи и такъ надобѣль Багратіону своими скучными опасеніями, что тотъ отвѣтилъ ему, что турки имѣли всего 17 судовъ, которыя не могли вмѣстить въ себѣ болѣе 1.500 чел. и что онъ легко могъ ихъ побѣдить. Графъ Каменскій, наконецъ, подошелъ къ Кюстенджи и докончилъ разрушеніе ея, также какъ и Мангаліи. Эта флотилія, въ 17 судовъ, дѣйствительно появлялась вездѣ, но войска ея нигдѣ не высаживались, такъ какъ начальникъ флота видѣлъ казаковъ на всемъ побережьи Чернаго моря и считалъ ихъ гораздо болѣе сильными, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, онъ легко могъ взять обратно Кюстенджи и Мангалію, гдѣ мы оставили очень слабые отряды, совершенно недостаточные для защиты этихъ городовъ.

Администрація и порядки управленія Валахіей.

Я пріѣхалъ въ Бухарестъ 24 іюля и не скрывалъ отъ себя ни непріятностей, ни опасностей, которыя меня ожидали и мнѣ угрожали, но я твердо рѣшилъ не поддаваться никакимъ страхамъ и вліяніямъ другихъ. Я заставилъ себя никогда не уклоняться отъ своихъ принциповъ и исполнять планы, выработанные мною для блага службы съ твердостью и безъ всякихъ частныхъ соображеній, но для этого я былъ вынужденъ сначала быть очень осторожнымъ и даже скрытнымъ.

Чтобы облегчить читателямъ трудъ отыскивать во всѣхъ журналахъ моихъ кампаній противъ турокъ описаніе Валахіи, ея жи-

телей и администрацію, я считалъ необходимымъ повторить частью то, о чемъ я уже говорилъ. Я хочу рассказать теченіе тѣхъ событій, которыя произошли до моего пріѣзда, и описать различныя интриги, театромъ которыхъ былъ Бухарестъ.

Моя Валахская кампанія была, конечно, одна изъ особенно интересныхъ и счастливыхъ во время этой войны, и я не долженъ ничего пропустить, чтобы описать опасности, которыхъ я избѣжалъ, и пренятствія, которыя я имѣлъ счастье побѣждать, рискуя даже наскучить читателямъ нѣкоторыми повтореніями.

Когда я говорилъ вообще объ управленіи двумя провинціями и о нравахъ и обычаяхъ ихъ жителей, меня нельзя упрекнуть въ пристрастіи описать ихъ только съ хорошей стороны или въ слишкомъ сильной снисходительности, но я скажу еще разъ, что, по сравненію съ Валахіей, управленіе Молдавіей было моделью правильности и порядка.

Ни одно описаніе не можетъ приблизиться къ дѣйствительности, когда говоримъ о служащихъ въ Валахіи; ихъ ужасная безнравственность и даже злодѣйство были страшны для человѣчества. Слова: порядокъ, судъ, честность, честь—совершенно забыты въ Валахіи, тамъ подкупаютъ всѣхъ служащихъ, т. е. платятъ за право совершать безнаказанно всѣ преступленія. Каждое мѣсто, въ короткій срокъ, даетъ большое богатство тому, кто прослужитъ годъ; затѣмъ, онъ долженъ уступить свое мѣсто другому (такъ какъ это одно изъ злоупотребленій въ этомъ чудовищномъ правленіи, что ни одинъ служащій не долженъ оставаться болѣе года на одномъ и томъ же мѣстѣ). Затѣмъ, онъ пріѣзжаетъ въ Бухарестъ и предается роскоши, на столько не обузданной, на сколько дурного тона; проживаетъ плоды своего грабежа и послѣ двухлѣтняго бездѣйствія, снова покупаетъ себѣ мѣсто, на которомъ разбогатѣвъ, возвращается въ столицу проживать накопленное. Такова была порочная жизнь валахскихъ бояръ.

Расхищеніе казны, воровство, жестокость чиновниковъ не только не скрываются, но даже поощряются подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Вліяніе денегъ въ перекупкѣ зерна составляетъ только не большой доходъ, предоставляемый лицамъ второстепеннымъ. Есть еще множество другихъ, болѣе доходныхъ, статей наживы, которыя также никогда не забываются.

Страна раздѣлена на уѣзды, и каждый уѣздъ управляется администраторомъ, котораго называютъ, какъ въ Россіи, исправникомъ. Мѣста эти имѣютъ таксу, болѣе или менѣе, высокую, смотря, сколько онѣ могутъ принести боярамъ, въ свою очередь платящимъ дань членамъ Дивана. Исправники—настоящіе деспоты

въ своемъ уѣздѣ, нисколько не страшились ни слѣдствій, которыхъ всегда умѣли избѣжать, ни наказаній, никогда не совершавшихся надъ ними, благодаря взяточничеству начальства. Они открыто, безъ всякаго опасенія брали у крестьянъ зерно, скоть, деньги и проч. Каждая семья должна платить Дивану извѣстную сумму; исправникъ удваиваетъ, утраиваетъ, или удесятеряетъ ее по собственному усмотрѣнiю и, конечно, безъ всякаго приказа или закона и дѣлится этими деньгами съ членами Дивана. Если же крестьянинъ осмѣлится отказать въ этихъ ужасныхъ вымогательствахъ или пожаловаться, то его сажаютъ въ тюрьму, бьютъ, тиранятъ всевозможными мученiями, которыхъ онъ часто не выносить и умираетъ, или, на глазахъ несчастнаго, пытаются его жену и дѣтей ¹⁾. Я уже говорилъ о жестокости этихъ палачей.

Мѣсто исправника даетъ minimum 7—8 тысячъ дукатовъ въ годъ. Начальникъ полиціи называетъ себя ага—это покровитель воровъ и хранитель ихъ кражъ, честныя дѣла котораго даютъ отъ 15—20 тысячъ дукатовъ въ годъ.

Спатаръ содержалъ милицію, для преслѣдованія и задержанія разбойниковъ въ лѣсахъ и по дорогамъ, послѣдніе же воровали, казнили и часто дѣлили добычу съ Спатаромъ. Въ доброе старое время, его доходы насчитывали до 15.000 дукатовъ. Судьи (или логофеты) столько же граждане, сколько и преступники, затѣвали тяжбы и обвиняли въ преступленіи людей, которыхъ имѣли въ виду ограбить. Наконецъ, Диванъ—состоящій изъ главнаго казначея, который былъ первымъ членомъ, и трехъ или четырехъ совѣтниковъ, получалъ публично жалованье отъ каждаго чиновника и, такимъ образомъ, казначей приумножалъ свое состояніе небольшимъ доходомъ въ 30—40 тысячъ дукатовъ. Разумѣется, на это мѣсто всегда находилось много желающихъ.

Занявъ Молдавію и Валахію, нашъ Дворъ совершилъ непростительную ошибку, имѣвшую гибельные результаты; эта ошибка заключалась въ томъ, что мы оставили имъ ихъ привилегіи, ихъ ужасную администрацію и не ввели (какъ сдѣлали австрійцы въ 1788 г.) временное правленіе. Конечно, я не претендую на защиту нравственности всѣхъ администраторовъ, которыхъ бы мы назначили туда, и въ Россіи есть также много злоупотребленій и хищеній казны, но то, что могла сдѣлать русская администрація, не

---

¹⁾ Это случалось ежедневно. Многіе изъ моихъ читателей могутъ усомниться въ истинѣ подобныхъ жестокостей, но кто знаетъ азіатскіе и боярскіе нравы, тотъ повѣритъ этому.

имѣло сравненія съ тѣмъ, что дѣлали бояре, которымъ, по какой-то изумительной небрежности, поручили дѣла.

При княженіи тамъ нѣкоторыхъ князей, злоупотребленій было меньше, а если и были, то во всякомъ случаѣ болѣе обузданныя, чѣмъ со времени занятія княжествъ русскими. Князья, имѣвшіе право на жизнь и смерть своего народа, были очень заинтересованы не допускать ни разрушенія страны, ни эмиграціи ея жителей, часто повторяющихся въ Трансильваніи и въ Болгаріи. Когда ужь очень сильно начинали притѣнять народъ и вынуждали эмиграцію, тогда князья удерживали своихъ чиновниковъ отъ чрезмерныхъ вымогательствъ, но при русскихъ, у которыхъ правленіе было всегда очень снисходительное, бояре не знали удержу и, къ несчастію, встрѣтивъ среди людей, окружающихъ генераловъ и даже самихъ нѣкоторыхъ генераловъ, у коихъ можно было купить протекцію или которые были непростительно слѣпы, они безъ всякой осторожности предавались безнравственности и растлѣнію нравовъ.

Быть можетъ, покажется, что я ужь очень строгъ къ этимъ боярамъ, но я справедливъ и говорю правду; хотя я долженъ сказать, что, зная суть дѣла, мои упреки къ ихъ моральной сторонѣ, конечно, не могутъ относиться ко всѣмъ безъ исключенія. Говорю я такъ потому, что имѣю на то право.

Я зналъ среди нихъ людей очень уважаемыхъ, деликатныхъ и честныхъ, правда, въ очень маломъ числѣ, но достаточно, чтобы спасти Ниневію. Я обвиню скорѣе продажное, угнетающее и варварское правительство, при которомъ стонали обѣ провинціи—Молдавія и Валахія, чѣмъ жителей, которыхъ называли безнравственными. Бояре, быть можетъ, скорѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ обвиненія. При другомъ правленіи, а не при безразсудномъ, отвратительномъ деспотизмѣ турокъ, они навѣрное были бы другими, такъ какъ, въ общемъ, между ними есть и не глупые, способные къ дѣлу, добрые, нѣжные и даже очень скромные. Ихъ паденіе можно приписать ужасу къ турецкой саблѣ, которая постоянно висѣла надъ ихъ головой. Имѣй они другіе примѣры передъ глазами, болѣшую образованность и цивилизацію, они бы сдѣлались вскорѣ тѣмъ, чѣмъ дѣлались другія націи, но до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ рабствѣ у невѣжественной, чудовищной, фанатичной націи, они останутся всегда тѣмъ, чѣмъ есть ¹⁾).

---

¹⁾ 1829 г.—Въ 1828 г., когда я пріѣхалъ командовать корпусомъ въ Валахію, то замѣтилъ значительныя перемѣны въ нравственности бояръ и прогрессъ въ образованіи, которое многіе получили въ Германіи и Франціи

Ко всему сказанному добавлю, что въ Бухарестѣ имѣлось нѣсколько партій; каждый бояринъ дѣлался врагомъ всѣхъ остальныхъ, лишь только онъ достигалъ какого-либо мѣста, и тогда всѣ возставали противъ него. Между ними не существовало ни родственной связи, ни узъ дружбы, да и могло ли быть это чувство въ сердцахъ развратниковъ!

Я уже говорилъ, что русская партія была самая слабая, или скорѣе ничтожная, она состояла изъ бояръ менѣе алчныхъ и испорченныхъ, которые, по крайней мѣрѣ, не имѣли пороковъ, доходившихъ до холодной жестокости. Во главѣ этой партіи былъ Варламъ, служившій въ русскихъ войскахъ въ войну 1769 года и бывший приверженцемъ русскихъ, потому что, во 1-хъ, это было въ его интересахъ, во-вторыхъ,—пользуясь довѣріемъ князя Ипсиланти и не смотря на грозившія ему опасности, онъ приготовилъ безъ особаго труда магазины для русскихъ, даже въ то время, когда турки были еще въ Бухарестѣ. Такое отношеніе его къ русскимъ тѣмъ болѣе важно, что, будучи посвященъ въ секретъ нашего наступленія, онъ не могъ рассчитывать на какое-либо снисхожденіе со стороны турокъ, зная хорошо, что ихъ месть такъ же ужасна, какъ и неумолима. Лучшія фамиліи въ Валахіи: Гика, Градистанъ, Бракованъ и бояринъ Ненчулеско, были согласны съ направленіемъ Варлама, въ тѣхъ же интересахъ и по тѣмъ же соображеніямъ. Но вся эта партія состояла лишь изъ 10—12 членовъ высшаго класса, всѣ же остальные греки или валахи были преданы или проданы туркамъ и ихъ главному адепту Филипеско.

Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что Константинъ Филипеско, происходя отъ самой старинной въ краѣ фамиліи, человекъ 50-ти лѣтъ, умный, дѣятельный, коварный, котораго я уже описалъ какъ самаго отчаяннаго негодяя всей Валахіи, стоитъ всего того, что я о немъ говорилъ. Связанный узами дружбы съ подобнымъ ему негодяемъ, Александромъ Суцо, и заслуживъ взаимное довѣріе, они приготовили и подписали листы, осуждавшіе на смерть Варлама, Гику и 20 другихъ бояръ.

и которое обѣщало еще большее улучшеніе. Я былъ окруженъ со стороны бояръ знаками привязанности и довѣрія и сохранилъ объ этомъ вѣчное воспоминаніе и благодарность. Я дѣйствительно привязался къ нимъ въ теченіе 10 мѣсяцевъ, прожитыхъ мною въ Валахіи. Всего болѣе странно, что я испыталъ тогда, сравнивая съ тѣмъ, что было въ 1809 г., это та же семья Филипеско, которая отвоинилась ко мнѣ съ особымъ расположеніемъ; Константинъ умеръ много лѣтъ назадъ, а его дѣти доказали, что они не унаслѣдовали отъ него его ненависти ко мнѣ.

Когда мы вошли въ Бухарестъ, Варламъ былъ во главѣ правленія, въ немъ соединялись должности великаго вестіара (президента Дивана) и каймакама—помощника князя Ипсиланти. Безъ сомнѣнія, русскіе ему были очень обязаны и не должны были забыть его услугъ, но, однако, вскорѣ случилось иное.

Намъ извѣстно, что Милорадовичъ первый занялъ Бухарестъ и считалъ его своимъ завоеваніемъ. Пожираемый амбиціей, ослѣпленный чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, не имѣющимъ основанія, гордый расположеніемъ къ нему великаго князя Константина и даже Государя, опьяненный своими первыми успѣхами и оказанной имъ услугой, спасшій два раза Бухарестъ, онъ считалъ себя самымъ блестящимъ, выдающимся генераломъ Молдавской арміи и не скрывалъ своихъ безумныхъ желаній сдѣлаться въ одинъ прекрасный день главнокомандующимъ.

Онъ завладѣлъ довѣріемъ Михельсона, человѣка склоннаго къ предубѣжденіямъ, и игралъ, благодаря ему, долгое время, первую роль въ нашей арміи. Очевидно, человѣкъ такого характера, не имѣющій ни малѣйшаго понятія ни объ администраціи, ни о политикѣ, а также не имѣвшій ни логики, ни толка въ идеяхъ и будучи неспособнымъ къ глубокому мышленію, былъ именно тѣмъ, чего было нужно Филипеско. А этотъ послѣдній съ своею коварною проницательностью, съ перваго же раза, какъ онъ его увидалъ, прекрасно понялъ его и не замедлил воспользоваться его недостатками. Я уже говорилъ, что онъ покровительствовалъ любви генерала къ своей дочери; онъ отдалъ ее ему на позоръ, получивъ за то его полное довѣріе. Онъ старался свергнуть Варлама и достигъ этого.

Михельсонъ, увлекаемый вліяніемъ, которое имѣлъ на него Милорадовичъ, относился благосклонно къ Филипеско, и всѣ окружающіе главнокомандовавшаго были куплены этимъ сквернымъ валахомъ. Варламъ, не смотря на его заботы и преданность, былъ смѣщенъ, изгнанъ и преслѣдуемъ, а Филипеско былъ назначенъ великимъ вестіаромъ, имѣя теперь возможность раздавать другія назначенія своимъ клеветамъ. Вскорѣ Валахія была разграблена съ такою алчностью, примѣра которой исторія страны не могла болѣе представить. Треть жителей эмигрировала, столь богатая и плодородная страна, имѣвшая возможность содержать три такихъ армій, какъ наша, оказалась не въ состояніи прокормить одинъ слабый корпусъ ¹⁾. Наконецъ, заговоръ, составленный Фанариатомъ Суцо и

¹⁾ Чтобы судить о томъ злѣ, которое причинилъ Милорадовичъ странѣ и арміи, протежируя и поддерживая администрацію Филипеско, достаточно указать, что Молдавія и Валахія, при турецкомъ правительствѣ, снабжали

Филипеско, чтобы заставить русских удалиться, вследствие недостатка продовольствія, былъ начать и продолжался съ преступной активностью.

Князь Ипсиланти, оклеветанный благодаря гоненіямъ Михельсона, осмѣянный и рекомендованный двору, какъ человекъ опасный, безпринципный и разоренный, принужденъ былъ покинуть Валахію. Родофинаки, его другъ, служившій при Михельсонѣ, былъ уволенъ и посланъ министромъ въ Сербію. Тогда Филипеско, не имѣя ни соперниковъ и никого выше себя, не встрѣчая на пути своемъ препятствій, сдѣлался открыто тираномъ ихъ родины и агентомъ турецкаго правительства. Послѣ смерти Михельсона, Милорадовичъ, на время замѣнившій его, и не думалъ (что и надо было ожидать, зная его) измѣнить это гибельное положеніе вещей. Невѣроятно, что князь Прозоровскій, человекъ неподкупный, твердый, прекрасно видѣвшій и судившій вещи, страстный патриотъ, слишкомъ поздно раскрылъ глаза на опасности, грозившія арміи, и разрушенію страны. Будучи сначала ослѣпленнымъ Милорадовичемъ, окруженный людьми, которыхъ послѣдній сумѣлъ ему навязать, питая безграничное довѣріе къ г. Кушникову, своему бывшему адъютанту, потомъ сенатору, а затѣмъ назначенному президентомъ Дивана двухъ провинцій, и ослѣпленный Милорадовичемъ—его интимнѣйшимъ другомъ, послѣ Италіанской кампаніи, Прозоровскій, говорю я, былъ обманутъ Филипеско, не подозрѣвая того, и лишь очень поздно отнялъ отъ него управленіе Валахіей и удалил Милорадовича изъ Бухареста. Послѣдній такъ привыкъ считать себя начальникомъ провинціи, которую (какъ онъ говорилъ) онъ завоевалъ и приказывалъ называть себя „спасителемъ ея“¹⁾, онъ не воображалъ никогда, что возможно было замѣнить

хлѣбомъ Константинополь въ теченіе 3--4 мѣсяцевъ въ году и, кромѣ того, гарнизоны 15 крѣпостей. Манукъ-Бей, комендантъ Рушукъ (о немъ я уже говорилъ), находилъ средства вымогать еще въ Валахіи большое количество зерна, по умѣреннымъ цѣнамъ. Зерно это турки перепродавали въ Болгарію, но въ 4 раза дороже; все это нисколько не истощало обѣ провинціи. Вдругъ, годъ спустя, по прибытіи русскихъ въ Бухарестъ и 6 мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія администраціи Филипеско, страна не могла прокормить 25.000 чел. нашей арміи. Это невѣроятно!

1) Въ запискахъ объ Аустерлицкой кампаніи я описалъ скверную шутку, какую я сыгралъ съ Милорадовичемъ, немного спустя послѣ моего пріѣзда въ Бухарестъ, и эта шутка сдѣлала Милорадовича моимъ заклятымъ врагомъ. Извѣстно, что онъ приказалъ выгравировать свой портретъ съ надписью внизу: „Miloradovitch sauveur de Boukharest“. Это дало мнѣ мысль очень злую и, сознаюсь, очень неприличную. Среди всѣхъ талантовъ ген. Милорадовича, какъ въ военномъ дѣлѣ, такъ и въ гражданскомъ, нужно

его въ странѣ, гдѣ онъ царствовалъ деспотично. Войска были отданы во власть боярамъ; ихъ распри рѣшались всегда въ пользу послѣднихъ, и эти бояре, гордые и заносчивые въ благополучіи, низкіе и трусливые въ несчастіи, доходили до того, что не кланялись даже русскимъ генераламъ. Милорадовичъ сталъ ненавистенъ войскамъ, которыми командовалъ; генералы отдалялись отъ него; единственный, кто могъ противостоять ему—ген. Уланіусъ, вскорѣ умеръ, какъ говорятъ, отравленный Филипеско ¹⁾.

Для войскъ не хватало дровъ; всюду госпитали, содержаніе которыхъ возложено было на страну, нуждались въ ремонтѣ и въ продовольствіи; ни одинъ магазинъ не имѣлъ запасовъ; если Диванъ и снабжалъ войска хлѣбомъ, то сквернаго качества и неправильнаго вѣса ²⁾; ни одна жалоба, ни одно представленіе не были приняты Милорадовичемъ, все отсылалось къ Филипеско и его агентамъ, среди которыхъ насчитывали много грековъ, пріѣхавшихъ изъ Константинополя, какъ лакеевъ валахскихъ князей. Не брезгая никакими низостями и взяточничествомъ, эти греки пріобрѣли себѣ большія состоянія, напр., Хаджи-Моска, Фака, Романе, Біліо, Стеціо-Маго и другіе негодяи, подобные имъ.

Филипеско имѣлъ 3 сыновей; одинъ изъ нихъ былъ женатъ на дочери Эмануала Больме, одной изъ лучшихъ фамилій Молдавіи, она хотя и воспитывалась въ Петербургѣ, но также не любила русскихъ.

указать на одинъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ и которымъ гордился ужасно, хотя это совершенно не нужно для командованія арміей. Онъ могъ смѣло назваться изъ всѣхъ генераль-аншефовъ лучшимъ танцоромъ; ученикъ знаменитаго Пика, онъ могъ танцевать въ театрѣ и особенно выдѣлывать труднѣйшія антраша. Въ Бухарестѣ, на балахъ, онъ приводилъ въ восторгъ всѣхъ валаховъ, весьма неповоротливыхъ, даже во время танцевъ. Очутившись, однажды, у него въ залѣ, гдѣ былъ его портретъ, я стеръ букву «v» и замѣнилъ ее буквой «t» и получилось „Sauter de Boukharrest“. Онъ долго не замѣчалъ этого.

¹⁾ Никто не могъ этого доказать, но никто въ арміи не сомнѣвался въ этомъ. Офицеры полка Уланіуса, бывшіе свидѣтелями его смерти, замѣтили симптомы яда. Уланіусъ перехватилъ корреспонденцію Филипеско съ турками, и такъ какъ онъ былъ человекъ твердый съ сильнымъ характеромъ, то онъ могъ открыть много такого, чтò Филипеско скрывалъ. Когда же онъ заболѣлъ лихорадкой, его хирургъ далъ ему лекарство, составленное имъ самимъ, послѣ принятія котораго, Уланіусъ умеръ на другой день.

²⁾ Русскіе солдаты обыкновенно сами дѣлаютъ хлѣбъ, получая муку. Я считаю это большимъ злоупотребленіемъ потому, что для этого принуждены отвлекать людей отъ строя. Но зато они дѣлаютъ экономію муки, изъ которой готовятъ квасъ—напитокъ русскихъ крестьянъ, очень здоровый и необходимый въ странѣ, гдѣ сырая вода смертельна.

Консуль Франціи, маленькій Ду ¹⁾, о которомъ я уже говорилъ, былъ смертельнымъ врагомъ русскихъ, шпиономъ турокъ и очень дѣятельнымъ агентомъ своего государства, сблизился съ этой женщиной.

Милорадовичъ, съумѣвшій истратить въ Бухарестѣ 250.000 рублей и оставить еще 60.000 руб. долгу ²⁾, не обѣдая у себя и трехъ дней въ теченіе трехъ лѣтъ, совершенно переселился къ Филипеско; онъ тамъ жилъ, тамъ ѣлъ, тамъ проводилъ цѣлые дни, занимался дѣлами и оттуда отдавалъ всѣ приказанія.

Филипеско все слышалъ, все зналъ и все передавалъ г. Ду. Если онъ не могъ открыто передавать туркамъ всѣ новости, столь для нихъ необходимыя, то таковыя пересылались г. Ду съ французскимъ курьеромъ, которые во все время войны ѣздили такимъ образомъ, не будучи ни разу ни останавливаемы, ни осматриваемы.

Въ зиму 1807—1808 г., когда Милорадовичъ уѣхалъ въ Петербургъ, въ командованіе войсками вступилъ старшій послѣ него генер.-маіоръ Бахметьевъ. Онъ былъ на столько же напуганъ, на сколько возмущенъ всѣмъ тѣмъ, что происходило въ Валахіи, и напрасно старался разрушить ту силу, которая его не боялась, имѣя вѣрную и могущественную поддержку. Однако, впоследствии, ему удалось ее сломить.

Когда Милорадовичъ примчался изъ Петербурга, стало извѣстно, что Государь купилъ одно изъ его имѣній, въ десять разъ дороже его стоимости (великодушіе, въ данномъ случаѣ, не заслуженное). Милорадовичъ привезъ съ собой 200.000 руб., которые съумѣлъ истратить въ 6 мѣсяцевъ, и тотчасъ же освободилъ своихъ друзей въ Бухарестѣ отъ Бахметьева. Его пріѣздъ былъ триумфомъ для всѣхъ.

Филипеско былъ увѣренъ, болѣе чѣмъ когда-либо, въ безнаказанности, а французы и турки получили свѣдѣнія обо всемъ, что имъ нужно было знать. Бахметьевъ молча удалился.

¹⁾ Очевидно, мы сдѣлали большую ошибку, оставивъ въ Яссахъ и Бухарестѣ консуловъ Франціи и Австріи. Они занимались шпионствомъ и обманами, а мы были ихъ жертвами; въ продолженіе всей этой войны мы дѣлали ошибку за ошибкой, за которыя дорого расплачивались.

²⁾ 1827 г. Въ 1826 г. я жилъ въ Парижѣ. Молодой Филипеско, внукъ великаго вестяра, пріѣхалъ навѣстить меня и посовѣтоваться о средствахъ получить долгъ въ 37.000 дукатовъ (приблизительно 44 тысячи руб.), которыя Милорадовичъ былъ долженъ его дѣду. Я посовѣтовалъ ему бросить это дѣло, такъ какъ Милорадовича уже не было въ живыхъ, и онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько милліоновъ долга. Наконецъ, эти 37.000 дукатовъ были украдены у Валахіи ея преторомъ, и потеря ихъ была только справедлива. Кромѣ этого долга и нѣсколькихъ мелкихъ, Милорадовичъ былъ долженъ одному купцу Балтареско, не получившему ни одного су.

Филипеско написалъ Императору письмо отъ имени всѣхъ бояръ Валахіи, умоляя его оставить имъ Милорадовича. Письмо было подписано 4—5 его интимными друзьями, къ которымъ прибавили 300 фальшивыхъ подписей, и напечатано во всѣхъ иностранныхъ газетахъ, разглашавшихъ о благодѣяніяхъ Милорадовича и о любви народа къ своему спасителю. Вся армія съ презрѣніемъ смотрѣла на эти самовольства, а вся Европа была занята именемъ Милорадовича, чего только и нужно было этому смѣшному и опасному фанфарону.

Такъ какъ президентъ Дивана обѣихъ провинцій имѣлъ резиденцію въ Яссахъ и не могъ слѣдить за дѣлами Валахіи, то князь Прозоровскій назначилъ туда вице-президента. Это была хорошая мысль, если бы выборъ его, по протекціи Кутузова, не палъ бы на генерала Энгельгардта, командира Ново-Ингерманландскаго полка. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, хорошій и бравый офицеръ, но совершенно незнакомый съ администраціей, человѣкъ бѣдный и отецъ 8 чел. дѣтей, прижитыхъ имъ отъ жены одного солдата; онъ имѣлъ слабость жениться на ней, послѣ того, какъ 10 лѣтъ содержалъ ее. Все это заставило его принять это мѣсто и трепетать передъ Милорадовичемъ, который часто умѣлъ внушать этотъ трепетъ не только своимъ подчиненнымъ, но даже и начальникамъ.

Пріѣхавъ въ Бухарестъ, Энгельгардтъ началъ проводить, съ большою строгостью, принципы честности, чтѣ совершенно не подходило къ валахамъ и не надолго испугало ихъ, такъ какъ г.г. Филипеско очень скоро нашли дорогу въ сердце ихъ вице-президента.

Противъ обычая и закона Филипеско продолжали занимать свои мѣста болѣе двухъ лѣтъ, изъ нихъ Константинъ, между тѣмъ, пересталъ быть великимъ вестіаромъ, но сохранилъ за собой всѣ прерогативы и доходы и даже продолжалъ всѣ дѣла, дѣйствуя отъ имени вестіара, замѣнившаго его. Приемникомъ его былъ дряхлый старецъ Вакареско, честный, но слабый, человѣкъ ничтожный, изображавшій изъ себя манекена.

Митрополитъ Дозиха, старый пьяница и интересантъ, также продался Филипеско ¹⁾.

Изъ всего этого видно, что Милорадовичъ не хотѣлъ и не вѣ-

¹⁾ Когда я пріѣхалъ въ Бухарестъ, этотъ митрополитъ назначилъ 4.000 священниковъ; все это были крестьяне, желавшіе избавиться отъ пошлинъ и барщины, и за 2—3 дуката получали санъ священника, не умѣя ни читать, ни писать. Я его упрекнулъ за эту безнравственность, но онъ пришелъ ко мнѣ пьяный и наговорилъ неприяностей, и я съ трудомъ удалилъ его. Черезъ нѣкоторое время онъ вскорѣ умеръ.

рилъ въ свое удаленіе изъ Валахіи, что администраторы этой провинціи были заинтересованы удержать его. Другой генераль, который замѣнилъ бы Милорадовича и пожелавшій бы освѣтить эти мрачныя беззаконія, могъ ожидать отъ нихъ всего.

Между тѣмъ, Прозоровскій, несмотря на интриги Кушникова и Безака (еще трепетавшихъ передъ обаяніемъ Милорадовича), узрѣлъ наконецъ всѣ такъ долго продолжавшіеся ужасы и рѣшилъ назначить въ Бухарестъ генерала Эссена 1-го. Честный человѣкъ, врагъ всякихъ злоупотребленій и чрезвычайно твердаго характера, онъ былъ бы полезенъ для Валахіи, но онъ не захотѣлъ принять этой должности, и Прозоровскій предложилъ ее мнѣ.

Въ Галацѣ онъ очень подробно и съ выраженіемъ большого довѣрія говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи противъ Милорадовича, о необходимости смѣнить его и приказалъ мнѣ строго слѣдить за администраціей этой страны, но въ то же время (по какому-то странному противорѣчію), въ письменномъ приказѣ, онъ сдерживалъ мое усердіе и измѣнялъ свои словесныя приказанія. Мнѣ поручили только военную часть, запретивъ вмѣшиваться въ дѣла правленія, которыя я долженъ былъ предоставить сенатору Рушуккову и вице-президенту Энгельгардту. Подобное противорѣчіе меня ужасно удивило, и только долгое время спустя я узналъ разрѣшеніе этой проблемы. Просто-на-просто Безакъ написалъ приказъ, совершенно противоположный тому, который Прозоровскій собственноручно составилъ, и подписался за него. Изъ страха или изъ-за интереса, онъ протежировалъ тогда Милорадовичу и узналъ въ немъ своего врага лишь только тогда, когда послѣдній имѣлъ ошибку плохо обращаться съ нимъ и выказывать ему сильное презрѣніе.

Недѣлю спустя, послѣ моего отъѣзда изъ Галаца, кн. Прозоровскій написалъ мнѣ, по-французски, по поводу нѣкоторыхъ опасеній, выраженныхъ Милорадовичемъ, о благонадежности Валахіи, секретное письмо, слѣдующаго содержанія:

„Вашему Превосходительству уже извѣстно, что всѣ мои распоряженія, съ достаточной предусмотрительностью, направлены къ тому, чтобы предотвратить всѣ покушенія непріятели на безопасность занятія страны. Войска въ обѣихъ Валахіяхъ болѣе чѣмъ достаточно ¹⁾, вслѣдствіе сего, опасенія и боязнь Манукъ-Бея совершенно не основательны. Я подозрѣваю, что они проистекають изъ интригъ дома Филипеско, который, съ давнихъ поръ, мнѣ кажется

¹⁾ Князь Прозоровскій ошибался по этому поводу. Резервы, которыми я командовалъ тогда, имѣли массу баталіоновъ и эскадроновъ, но мало солдатъ подъ оружіемъ, такъ какъ лихорадка неизвѣрно истребляла ихъ, а мой раіонъ заключалъ въ себѣ 7.000 верстъ.

подозрительнымъ ¹⁾, въ виду его связей съ противоположной стороны Дуная и особенно съ княземъ Александромъ Суццо. Ваше Превосходительство, конечно, знаете слабости генераль-лейтенанта Милорадовича, и Филипеско, разумѣется, заинтересованъ поддерживать эти слабости, чтобы затѣмъ вымышлять опасности тамъ, гдѣ ихъ не существуетъ; распространять тревожные слухи въ странѣ и заставлять думать, что никто, кромѣ Милорадовича, не можетъ гарантировать благосостоянія и спокойствія Бухареста и его окрестностей. Въ общемъ, ихъ единственная цѣль—удержать его въ Валахїи и т. д. Галацъ, 27 іюля 1809 г., № 152“.

Письмо это, написанное почтеннымъ старцемъ, доказываетъ, что, несмотря на свои 80 лѣтъ, онъ сохранилъ здравый разумъ, хорошо все видѣлъ и хорошо судилъ. Но почему не захватилъ онъ виновныхъ тотчасъ же? Я объясняю себѣ это только протекціей Безака, покрывавшаго ихъ.

Если я долго оставаиваюсь на этихъ деталяхъ, часть которыхъ была мною описана раньше, то только потому, что я хотѣлъ дать точное понятіе о состояніи провинціи, куда я былъ призванъ командовать, и о трудностяхъ, превзошедшихъ мои ожиданія ²⁾.

¹⁾ Опредѣленіе «подозрительный» слабо: онъ могъ бы написать «изобличенный».

²⁾ Я помѣщаю здѣсь записки M-r de S'Anlaire (о которомъ я говорилъ уже въ запискахъ 1806 г.), переданныя Безаку въ концѣ 1809 г. „Когда русская армія вошла въ эти провинціи, различныя партїи, принадлежавшія Портъ, Фонару и Франціи, соединились и съ необыкновенною дѣятельностью употребили всѣ средства къ интригамъ, обманамъ и подкупамъ противъ русскихъ генераловъ. Они преуспѣли больше своихъ ожиданій. Старые приверженцы Россїи были угнетены, отстранены и сосланы, а толпа присоединилась къ торжествующей партїи, и Валахїя стала управляться французскимъ консуломъ и Екатериной Больме, женой второго сына вестїара Филипеско, министра и явнаго главы антирусской партїи. Извѣстно, что тогда турки имѣли вѣрныя свѣдѣнія обо всѣхъ предположеніяхъ и движеніяхъ нашей арміи; извѣстно также, какіе бывали результаты въ иныхъ случаяхъ, особенно при атакѣ Журжева. Не слѣдуетъ забывать, что постоянной работой заговорщиковъ было разореніе и дезертирство Валахїи съ цѣлю лишить армію возможности основаться въ этой странѣ. Въ концѣ концовъ ослѣпленіе со стороны русскихъ покровителей своихъ враговъ было такъ велико, что командиръ Валахїей ген. Милорадовичъ получилъ изъ рукъ Екатерины Больме довѣреннаго секретаря Роберта, француза, извѣстнаго шпіона французскаго консула, несмотря на предостереженія, сдѣланныя ему нѣсколькими лицами и мной. Графъ Ланжеронъ, замѣнившій этого генерала, былъ возмущенъ состояніемъ дѣлъ, онъ понялъ всю опасность ихъ и отъ всей души и со всею энергіею принялся бороться съ ними и уничтожать ихъ. Князь Багратионъ, извѣщенный имъ, въ концѣ кампанїи, состалъ семейство Филипеско.

Но партїя, въ которой Филипеско игралъ лишь роль манекена, осталась

Князь Прозоровскій назначилъ Милорадовичу перейти Дунай вмѣстѣ съ нимъ и приказалъ ему встрѣтить его въ Галацѣ со всѣмъ корпусомъ, прибывшимъ съ нимъ изъ Валахіи. Было бы проще оставить этотъ корпусъ на мѣстѣ, чѣмъ передвигать туда другія войска, а Милорадовичу дать корпусъ въ Саджатскомъ лагерѣ. Но Милорадовичъ со своимъ всегдашнимъ фанфаронствомъ, доходящимъ до смѣшнаго, убѣдилъ Прозоровскаго, что войска его корпуса обожаютъ его и состоятъ изъ непобѣдимыхъ солдатъ. На самомъ дѣлѣ было иначе, войска ненавидѣли его и, за исключеніемъ Бѣлорусскихъ гусаръ и 6-го Егерскаго полка, были худшіе въ арміи. Малороссійскій и Апшеронскій полки не пользовались хорошей репутаціей, да и не стояли лучшей. Я же лично былъ радъ отдѣлаться отъ этихъ полковъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ, и гдѣ офицеры служили плохо или вовсе не служили.

Приѣхавъ въ Бухарестъ, я еще болѣе открылъ глаза кн. Прозоровскому на все, что тамъ дѣлалось, и, 5-го августа, за 4 дня до своей смерти, онъ написалъ кн. Багратіону приказъ, кончавшійся такъ:

„Прикажете выступать какъ можно скорѣе корпусу ген. Милорадовича; если же онъ самъ захочетъ остаться въ Бухарестѣ, то исполните его желаніе, и тогда корпусъ поручите генераль-маіору гр. Цукато и прикажете ему прибыть сюда. Относительно семьи Филипеско, я уже приказалъ сенатору Кушникову отправить ее въ Ясы“.

Прозоровскій умеръ 9 августа, и этотъ приказъ не былъ исполненъ Кушниковымъ. Филипеско, имѣвшій хорошихъ шпионовъ въ главной квартирѣ, узналъ о своемъ изгнаніи и употребилъ всю протекцію и средства, чтобы избѣжать его, что ему и удалось.

Князь Багратіонъ, будучи еще вновь въ странѣ и очень занятый военными дѣлами, отложилъ занятія внутренними дѣлами страны до другого времени.

Я былъ встрѣченъ въ Бухарестѣ Милорадовичемъ съ проявленіемъ большой дружбы, но я не поддался обману и отвѣтилъ ему тѣмъ же, что онъ, конечно, хорошо понималъ ¹⁾.

вся цѣликомъ, крайне раздраженная, но обогащенная разореніемъ и грабежомъ провинціи; они нашли возможность снова занять прежнія мѣста. Послѣдній вестіаръ относился къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ и употреблялъ такихъ подозрительныхъ людей, что Филипеско не смѣлъ вѣрить».

¹⁾ Я его прекрасно зналъ. Въ теченіе 6 лѣтъ онъ командовалъ Апшеронскимъ полкомъ, самымъ дурнымъ и плохо обученнымъ, сравнительно съ другими, бывшими подъ моимъ начальствомъ. Внутреннее состояніе полка было еще хуже внѣшняго. Милорадовичъ растратилъ всѣ суммы этого несчаст-

Я себя льстил надеждой, по крайней мѣрѣ, найти друга въ ген. Энгельгардтѣ, бывшаго, также какъ и у Милорадовича, въ моемъ распоряженіи; я ему всегда протежировалъ. Въ первый же день моего приѣзда, я имѣлъ съ нимъ разговоръ, изъ котораго заключилъ, что я ошибся въ немъ, что онъ предался измѣнѣ, съ которой я боролся, что онъ сдѣлается моимъ врагомъ и, благодаря своему мѣсту, самымъ опаснымъ, какого я только могъ имѣть тогда. Между прочимъ, у него вырвалось, что Милорадовичъ сказалъ ему, что онъ можетъ быть моимъ другомъ, если только захочу имъ быть, но что я тотчасъ же потеряю его, если только трону Филиппеско. Я спросилъ его: уполномоченъ ли онъ повторить этотъ намекъ, крайне необдуманнѣйшій и, въ такомъ случаѣ, я попрошу его все это записать. Онъ страшно смутился и отвѣтилъ, что „нѣтъ“. Тогда я далъ ему почувствовать все презрѣніе, которое онъ мнѣ внушалъ, и то ничтожное значеніе, которое я придаю угрозамъ его покровителя. Разговоръ окончился тѣмъ, что я ему посовѣтовалъ исполнять мои приказанія относительно продовольствія и отнюдь не препятствовать моимъ распоряженіямъ. Если же онъ не будетъ этого исполнять, то я сумѣю его наказать. Тонъ моего разговора, повидимому, его устрасилъ, такъ какъ онъ сдѣлался очень сговорчивымъ, и нѣкоторое время я не могъ пожаловаться на него.

Я нашелъ въ Бухарестѣ гражданскія и военныя дѣла въ такомъ безпорядкѣ, какого я не могъ себѣ и представить. Корпусъ Милорадовича, назначенный въ Галацъ, стоялъ лагеремъ, какъ и

наго полка, даже жалованье и артельныя деньги, считающіяся неприкосновенными въ нашей службѣ, растрата или хищеніе которыхъ ведетъ къ позору и исключенію со службы. Онъ былъ долженъ полку 20—30 тысячъ рублей, выплачиваемыя имъ только по частямъ. Тѣ солдаты, которые переходили въ другіе полки или уходили совсѣмъ со службы, получили все, что имъ подавалось, но деньги тѣхъ, которые умирали или были убиты (число ихъ было огромно), онъ оставилъ у себя. Въ концѣ концовъ, онъ заложилъ серебряныя трубы, полученныя полкомъ за сраженіе подъ Цорндорфомъ, да такъ и не выкупилъ ихъ.

Эти злоупотребленія, столь преступныя и всегда такъ строго наказуемыя въ Россіи, не ускользнули отъ меня. Я отдалъ во всемъ отчетъ великому князю Константину, подъ начальствомъ котораго мы тогда были, но великій князь, будучи другомъ и покровителемъ Милорадовича, неблагоклонно принялъ мой докладъ и пропустилъ все безнаказанно своему любимцу; тогда какъ тутъ же бѣдные капитаны были разжалованы въ солдаты за то, что завладѣли 50 руб. артельныхъ денегъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ вѣтренности и неосторожности Милорадовича, который былъ главною причиною потери сраженія подъ Аустерлицемъ и не скрылъ этого. Эссену было хорошо извѣстно мое мнѣніе о безнравственномъ поведеніи Милорадовича въ Валахіи, что сдѣлало насъ врагами.

въ предыдущіе годы, въ отвратительномъ пунктѣ - Корочени, въ 20 верстахъ отъ Бухареста. Всѣ генералы, полковники и даже офицеры этого корпуса, по примѣру своихъ начальниковъ, жили въ Бухарестѣ и въ полкахъ оставалось по 3 - 4 офицера ¹⁾).

Въ корпусѣ не было ни магазиновъ, ни продуктовъ для сформированія магазина; 5.000 больныхъ въ Бухарестѣ, 3.000 — въ Крайово, мало докторовъ, отсутствіе медикаментовъ; деревни, расположенныя близъ Бухареста, разрушены и опустошены; въ ящикахъ — ни копейки денегъ ²⁾, ни суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе госпиталей. Однимъ словомъ, безпорядокъ и анархія были такъ велики, что я въ началѣ не надѣялся на возможность борьбы противъ такой массы препятствій и потерялъ вѣру хоть когда-нибудь возстановить какой-либо порядокъ.

Военное положеніе представляло еще больше опасностей. Въ обоихъ княжествахъ мы не обладали ни одной крѣпостью, мы не имѣли ни одного укрѣпленнаго лагеря. Дунай на обоихъ своихъ берегахъ имѣлъ турецкія крѣпости съ сильными гарнизонами и 5 изъ нихъ: Рущукъ, Видинъ, Силистрія, Никополь и Систово — имѣли, каждая, больше людей, чѣмъ было солдатъ въ обѣихъ моихъ провинціяхъ.

Браиловъ принадлежалъ еще туркамъ; они имѣли на правомъ берегу Дуная большіе и укрѣпленные города: Гирсово, Силистрію, Рущукъ, Систово, Никополь, Видинъ; крѣпости: Орсово, Прибрия, Луинбаковская, Флорентинская, Кладово; на лѣвомъ берегу: Измаиль, Браиловъ, Журжево; редуты: Зимницкій, Фламандскій; крѣпости: Турно и Ислава.

Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ они могли производить разруши-

¹⁾ Въ Бухарестѣ жило 200 офицеровъ, которыхъ я никакъ не могъ выгнать. Удаляемые изъ одной двери, они входятъ въ другую и рапортуются большими.

²⁾ У ген. Милародовича, дѣла о продовольствіи войскъ были не лучше его собственныхъ. Коммисіонера, взявшагося поставлять продукты его корпусу, звали Круликовскій; онъ ему разрѣшилъ дѣлать огромныя затраты, никогда не провѣрялъ его счетовъ, но завладѣвалъ иногда его кассой и бралъ огромныя суммы денегъ, безъ отдачи и, даже, безъ квитанцій. Круликовскій застрѣлился, оставивъ дефицитъ въ 50.000 дукатовъ. Милародовичъ заплатилъ 7—8 тысячъ, взятыхъ у Филипеско, и никогда нельзя было провѣрить, долженъ ли онъ только эту сумму или больше; да онъ и самъ не зналъ. Но это щекотливое для Милародовича дѣло тотчасъ же потушили. Диванъ заплатилъ остальную часть дефицита, но все же эта часть была въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ, несмотря на заботы новаго подрядчика, Кевенко, не воздержаннаго игрока, но очень аккуратнаго въ своемъ дѣлѣ. Я былъ очень доволенъ этимъ подрядчикомъ.

тельные набѣги въ страну, которую я долженъ былъ защищать. Надо было быть вездѣ сильнымъ, а я не могъ имъ быть нигдѣ. Извѣстно, что въ оборонительной войнѣ система разбросанности и малочисленности войскъ всегда бываетъ губительна. Я былъ нѣсколько спокоенъ за Измаиль, Браиловъ, Силистрію и Гирсово, передъ которыми было достаточно силъ, но я долженъ былъ защищать мѣстность въ триста верстъ, онъ Аржиша до Орсово съ 8.000 человѣкъ.

Обѣ Валахіи очень гористы, покрыты лѣсами и изрѣзаны массою рѣкъ. Эта страна удобна для защиты противъ регулярныхъ армій, но выгодна также и для турокъ, надъ которыми наши войска могутъ имѣть перевѣсъ только на равнинахъ. Лѣса Валахіи кончаются не доходя лѣваго берега Дуная у Петрика, расположеннаго на болотѣ и на вымокшемъ лѣсу, который тянется отъ Дуная до Ольты; передъ Видиномъ, на протяженіи 15—20 верстъ, параллельно рѣки, страна открыта и удобна для дѣйствій кавалеріи. Окрестности Бухареста орошаются множествомъ рѣченокъ, текущихъ изъ Трансильванскихъ горъ, съ сѣверо-востока на юго-западъ; Ольта течетъ съ сѣвера на югъ и дѣлитъ Валахію пополамъ; рѣка эта очень широка и быстра во время таянія снѣга и сильныхъ дождей, такъ что зачастую трудно проходимы. Въ малой Валахіи рѣка Жіа течетъ также съ сѣвера на югъ и довольно глубока. Обѣ эти рѣки впадаютъ въ Дунай. Со стороны лѣваго берега Ольты текутъ большіе ручьи и р. Беде, впадающая также въ Дунай, а ближе къ Бухаресту рѣки: Кильнишь, Сабаръ, Домбровица (эта рѣка пересѣкаетъ городъ) соединяются всѣ въ Аржишь и впадаютъ въ Дунай, передъ Туртукаемъ. Всѣ эти рѣки легко проходимы и имѣютъ правые берега гораздо выше лѣвыхъ, что представляетъ большія выгоды тѣмъ, кто ихъ занимаетъ. Единственная порядочная оборонительная позиція на этихъ рѣкахъ—это Сіетешти, на Сабарѣ, въ 13 верстахъ отъ Бухареста, но она можетъ быть обойдена и, кромѣ того, она слишкомъ близка къ городу.

Позиція Капочени на столько отвратительна, что не хочется вѣрить, чтобы кн. Прозоровскій могъ согласиться на занятіе ее Милорадовичемъ для обороны. Выбралъ ее полковникъ Хоментовскій, его начальникъ штаба.

Деревня Капочени лежитъ на лѣвомъ, низкомъ, берегу Аржиша, правый же берегъ граничитъ возвышенностями и на одной изъ нихъ находится плато въ 2—3 версты длины и въ 1 версту ширины.

Вотъ на этомъ-то плато и былъ расположенъ корпусъ Милорадовича. Загнанная къ рѣкѣ, войска наши имѣли въ тылу лишь

одинъ узенькій мостъ, а со всѣхъ сторонъ были окружены лѣсами, садами и дефилеями до такой степени, что непріятель могъ подойти на 500 шаг. совершенно незамѣченнымъ; тѣмъ болѣе что эта позиція могла быть обойдена у деревень: Койнисъ и Комана, расположенныхъ на возвышенностяхъ, близъ которыхъ, на Аржишѣ, былъ бродъ, а за нимъ дорога, идущая къ мосту Капочени, позади лагеря.

Аванпосты были выставлены впереди, на р. р. Аржишѣ, Кильницѣ, Ніелова, Негоешти, Будешти, Фестеше, Гастинарь, Будени, Браништоръ, Колугарени и проч., они сообщались съ передовой пѣпью, которая прошла черезъ Фируова, Магура, Маврадинъ, Ульмени, Баниакъ и кончалась у Ольты, въ Крешести, гдѣ былъ маленький отрядъ и редуть.

Но Диванъ, которому было поручено заготовить сѣна на зиму, по небрежности или преднамѣренно распорядился выкосить долину, ближайшую къ Дунаю, гдѣ дѣйствительно травы было въ изобиліи, и заставилъ Милорадовича, для охраненія этого сѣна, приблизить посты и занять Уда на Ольтѣ, гдѣ полковникъ Турчаниновъ, командиръ Олонецкаго полка, построилъ редуть. Если бы турки сдѣлали изъ Турно или изъ Зимницы серьезное нападеніе, что легко могло быть съ имѣющимися у нихъ силами въ Систовѣ и Никополѣ, имъ удалось бы, безъ особаго труда, отбросить наши аванпосты и завладѣть сѣномъ; что, быть можетъ, и входило въ расчеты Филипеско, но его добрые друзья—мусульмане не сумѣли выполнить его плановъ.

Всѣ вѣранныя мнѣ войска были посланы Милорадовичемъ на помощь Исаеву, который, послѣ несчастнаго штурма Кладовы, былъ въ ужаснѣйшемъ положеніи. Полки Нижегородскій и Пензенскій, прибывшіе въ Бухарестъ послѣ штурма Браилова, уменьшились вдвое противъ своего комплекта; Ново-Ингерманландскій и Старо-Оскольскій полки, прибывшіе изъ Саджатскаго лагеря, и одинъ баталіонъ Олонецкаго полка—были въ Малой Валахіи. Такимъ образомъ, если бы корпусъ Милорадовича выступилъ въ походъ, какъ этого желалъ Прозоровскій, то у меня осталось бы менѣе 2.000 чел., для защиты Бухареста и всей страны отъ Аржиша до Ольты. Кн. Прозоровскій думалъ, что Милорадовичъ нарочно послалъ эти полки въ Малую Валахію, чтобы имѣть предлогъ остаться въ Бухарестѣ. Его прежнее поведеніе хотя и могло дать поводъ къ такому подозрѣнію, но въ данномъ случаѣ было не вѣрно. Исаевъ дѣйствительно нуждался въ войскахъ, и Милорадовичъ долженъ былъ послать ему поддержку, такъ какъ онъ не могъ взять тѣ полки, которые назначены были двигаться въ Галацъ.

Саджатскій лагерь, близъ Бузео, былъ моимъ единственнымъ ресурсомъ, но этотъ лагерь уменьшался ежедневно для сформирования отрядовъ, которые, одинъ за другимъ, требовалъ Прозоровскій.

Недавно прїѣхавшій кн. Багратіонъ командовалъ тогда этимъ лагеремъ. Когда я получилъ въ Бухарестѣ извѣщеніе о его прїѣздѣ, и былъ очень доволенъ, но бывшій въ то время у меня Милорадовичъ не могъ скрыть своего смущенія и злобы. Кутузовъ уже уѣхалъ, и Милорадовичъ узналъ отъ своего друга Аракчеева, что онъ будетъ повышенъ при первой возможности. Прозоровскому оставалось жить не долго, и онъ льстилъ себя надеждой командовать арміей. Прїѣздъ Багратіона окончательно разстраивалъ его планы, тѣмъ болѣе, что онъ былъ старше, чѣмъ прїѣзжій Багратіонъ.

Свидѣвшись съ кн. Багратіономъ въ Узитшинахъ, въ 50 верстахъ отъ Бухареста, я ему рассказалъ о положеніи Валахіи и о томъ ужасномъ безпокойномъ состояніи, въ которомъ я находился. Согласившись со мной, Багратіонъ далъ мнѣ два прекрасныхъ полка: Ладожскій и Нашебургскій, вполнѣ укомплектованные, и эти 2.400 человекъ послужили ядромъ обороны.

Наступило уже время для сбора войскъ, а Милорадовичъ, несмотря на то, что его корпусъ уже выступилъ въ походъ, все еще сидѣлъ въ Бухарестѣ, чтобы провести еще нѣсколько дней съ М-Не Филипеско. Тогда я рѣшилъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы съѣздить въ М. Валахію для осмотра аванпостовъ и ознакомленія со страной, которую поручено было мнѣ охранять.

Казачій генералъ Исаевъ командовалъ въ М. Валахіи уже три года; я уже о немъ говорилъ раньше, это былъ человекъ умный, дѣятельный, интеллигентный, хорошо командовавшій войсками, но крайне безнравственный и слишкомъ преданный своимъ личнымъ интересамъ. М. Валахія была золотое дно, которое онъ эксплуатировалъ въ свою пользу, въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, какъ мы занимали обѣ провинціи. Я уже говорилъ, что никто и не предполагалъ о тѣхъ доходахъ, которые могла давать эта провинція, гдѣ одинъ провозъ товаровъ въ Зимницу и изъ Видина въ Трансильванію могъ приносить въ годъ болѣе 200 тысячъ дукатовъ, а соль вдвое больше, но ни Михельсонъ, ни Прозоровскій, ни Милорадовичъ, ни Кутузовъ, ни Энгельгардтъ — и не воображали собирать эти доходы для государственной казны; тогда даже не было основано таможи¹⁾. Всѣ товары проходили или контрабандой или за

¹⁾ Во время перемирія 1806--1808 г.г. купцы, боявшіеся подвергать опасности свои товары во время войны и не имѣя возможности рискнуть перевезти ихъ въ Сербію, скопили ихъ въ Болгаріи и лишь только объявили

дорого купленные билеты въ канцеляріи Милорадовича и Энгельгардта. Послѣдній самъ пользовался доходомъ съ нихъ, какъ и Исаевъ, но Милорадовичъ, также мало корыстный и не экономный въ своихъ расчетахъ, какъ и на счетъ государства и не подозрѣвалъ даже, что окружающіе его публично продаютъ эти билеты по очень выгодной цѣнѣ.

Соль скупалась Манукъ-Беемъ и Хаджи-Моска, интимнымъ другомъ Энгельгардта и самымъ активнымъ измѣнникомъ, продавшимися туркамъ.

Казаки, пропуская товары, требовали извѣстнаго вознагражденія, и, такимъ образомъ, полковникъ Мелентьевъ пріобрѣлъ себѣ значительное состояніе; часто ловили контрабандистовъ, но все улаживалось посредствомъ денегъ, и всѣ были въ выйгрышѣ. Это было благословенное для негодьяевъ время, и терялъ лишь одинъ Государь; впрочемъ, онъ долженъ былъ привыкнуть къ этому.

Купцы были тѣ же шпионы турокъ и валаховъ и агенты Филипеско; проѣзжали они обыкновенно черезъ Зимницу и Систово, а другъ его, наблюдавшій за провозомъ товаровъ, грекъ Така, самой низкой пробы, пріѣхавшій 20 лѣтъ назадъ лакеемъ валахскаго господаря Мурузи, составилъ себѣ огромное состояніе и выстроилъ себѣ въ Бухарестѣ дворецъ, въ турецкомъ стилѣ, стоившій ему 20.000 дукатовъ.

Пріѣхавъ въ Краіово, я переговорилъ съ Исаевымъ относительно охраны страны, найденной мною далеко не обезпеченной, а силы его весьма слабыми. Только довѣріе къ его таланту и дѣятельности дали мнѣ надежду сохранить М. Валахію.

Въ Краіовѣ былъ тогда небольшой отрядъ, состоящій изъ трехъ баталіоновъ Нижегородскаго полка, двухъ—Ингерманландскаго полка, одного—Сибирскаго, одного—Малороссійскаго и 50 казаковъ. Эти 7 баталіоновъ съ ихъ артиллеріей имѣли всего 2.500 чел.

Желая осмотрѣть теченіе Дуная, я поѣхалъ съ Исаевымъ въ Чернецъ, въ 100 вер. отъ Краіова. Этотъ городъ, тогда разрушенный и сожженный, былъ раньше очень красивымъ, расположенъ въ 3-хъ верстахъ отъ Дуная, почти противъ Кладовы, онъ лежалъ около возвышенности, имѣвшей плато, очень удобное для боевой позиціи, гдѣ можно было поставить сильный редутъ. Я сдѣлалъ большую ошибку, не приказавъ выстроить его. Въ Чернецѣ былъ

перемиріе, они массами отправляли товары на наши границы. Устройство таможи въ М. Валахіи могло бы тогда приносить до 25 тысячъ дукатовъ въ мѣсяць, а таможня въ Зимницѣ 5—6 тысячъ. Но ни той, ни другой не было основано, что было величайшей небрежностью со стороны главнокомандующаго и администраторовъ обѣихъ провинцій.

штабъ Уральскаго казачьяго полка. Всѣ казаки и два баталіона Пензенскаго полка, въ составѣ 6 офицеровъ и 200 вооруженныхъ солдатъ, были разбросаны вдоль Дуная.

Этотъ слабый отрядъ наблюдалъ за гарнизонами Кладовы и Орсовы и конечно не могъ помѣшать набѣгу турокъ внутрь страны.

Я узналъ Кладову еще на берегу по ея батарее, выстроенной въ 1700 году австрійцами и исправленной, затѣмъ, нами, когда Исаевъ атаковалъ Кладову. Около нея находился Трояновъ мостъ, о которомъ я уже говорилъ. Вслѣдъ затѣмъ, я переѣхалъ Дунай, противъ Бирза-Паланки, и прибылъ въ сербскій лагерь. Онъ мнѣ не показался очень грознымъ; одѣтые, какъ албанцы, они, также какъ и тѣ, не имѣютъ ни порядка, ни дисциплины. Начальникъ лагеря, одинъ изъ князей страны, по имени Мише, сообщилъ мнѣ печальныя новости, что сербы были разбиты между Ниссей и Делиградомъ. Этотъ Гибралтаръ Сербіи, выстроенный на Моравѣ, былъ блокированъ турками и въ моментъ взятія, если бы Делиградъ сдался, говорилъ мнѣ Мише (а онъ не имѣлъ достаточно удовольствія, чтобы долго держаться), сербамъ не оставалось никакой надежды, и что всѣ жители, какъ вооруженные, такъ и не вооруженные, должны были спастись въ Венгрію или въ Банию, что и сдѣлали многія семьи, и онъ принужденъ былъ покинуть Бирзу-Паланку. Этого онъ никакъ не долженъ былъ дѣлать, но онъ былъ подъ вліяніемъ такого страха, что я видѣлъ, что на него нельзя было рассчитывать.

Эти новости были тѣмъ болѣе мнѣ прискорбны, что въ данныхъ обстоятельствахъ я не могъ подать никакой помощи сербамъ. Наоборотъ, я рассчитывалъ на ихъ содѣйствіе при взятіи Кладовы, такъ какъ я непремѣнно хотѣлъ, чтобы Исаевъ продолжалъ осаду ея, тѣмъ болѣе, что нѣсколько 12 фунтовыхъ орудій было бы достаточно, чтобы сдѣлать брешь. Исаевъ располагалъ только 1.600 русскихъ, и я рассчитывалъ на 2—3 тысячи сербовъ; но, не будучи въ состояніи исполнить свою надежду и собрать ихъ, я принужденъ былъ отказаться отъ мысли взять эту крѣпость, обладаніе которой мнѣ было такъ необходимо, и ограничиться оборонительнымъ положеніемъ.

Затѣмъ, я посѣтилъ островъ Ольмаръ, имѣющій 13 верстъ длины и 3—4 версты ширины. Я уже замѣтилъ, насколько важно было обладаніе имъ. Пока онъ принадлежалъ туркамъ, они отрѣзывали всякое сообщеніе съ Сербіей и могли легко проникнуть въ М. Валахию, такъ какъ рукавъ, отдѣлявшій островъ отъ материка, былъ очень узкій и даже пересыхалъ въ сильные жары; другой же ру-

кавъ былъ очень широкъ. Посреди острова, на западной сторонѣ, была совершенно разрушенная деревня и старинное турецкое укрѣпленіе, а къ югу росъ совершенно заглохшій лѣсъ.

Маіоръ штаба Троевъ, желая выказать свои блестящія способности, составилъ проектъ укрѣпленія острова Ольмара; при чемъ, требовалъ для обороны его 13 орудій и людей болѣе, чѣмъ было у меня во всей М. Валахіи; и этотъ остроумный планъ былъ одобренъ Милорадовичемъ! видимо, онъ былъ слишкомъ легкомысленнымъ, чтобы вникнуть во что-нибудь серьезное. Исаевъ уже началъ было фортификаціонныя работы, но я долженъ былъ остановить ихъ, оставивъ только 8 укрѣпленій, въ числѣ которыхъ были 2 редута, одинъ на краю острова, а другой посрединѣ его. Эта ошибка моя была въ послѣдствіи причиной потери острова. Я долженъ былъ ограничиться постройкою только двухъ сильныхъ редутовъ, въ серединѣ острова, на западномъ и восточномъ рукавахъ Дуная, противъ деревни Бала-ди-верди, на разстояніи трехъ верстъ одинъ отъ другого.

За недостаткомъ времени, я не могъ осмотрѣть позицію въ Герофъ, весьма удобной для наблюдательнаго отряда, и тѣмъ менѣе я имѣлъ время побывать въ Калафатъ, передъ Видиномъ, на позиціи котораго необходимо было построить 4—5 редутовъ, но для обороны ихъ я не имѣлъ достаточнаго числа людей. Правда, въ моемъ распоряженіи было 3—4 тысячи пандуровъ, т. е. мѣстныхъ милиціонеровъ, организованныхъ кн. Прозоровскимъ, но они, какъ я уже говорилъ, могли быть полезными только въ редутахъ и вообще въ закрытыхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ увѣренность, что турки не будутъ имѣть къ нимъ никакого снисхожденія, заставляетъ ихъ защищаться съ ожесточеніемъ. Для дѣйствій въ полѣ, они непременно должны быть подъ руководствомъ и при поддержкѣ регулярныхъ войскъ. Эта милиція имѣла своихъ офицеровъ, родомъ изъ ихъ страны, но начальникомъ ихъ былъ русскій офицеръ, капитанъ Курта. Когда послѣдній былъ удаленъ, командованіе пандурами было передано маіору Олонецкаго полка Рогачеву, бравому офицеру, не рѣдко отличавшемуся. Пандуры имѣли непреодолимое отвращеніе къ службѣ внѣ ихъ страны и даже въ Большой Валахіи. Я имѣлъ приказаніе отправить одинъ баталіонъ на лѣвый берегъ Ольты, чтобы изъ него образовать ядро для отряда изъ болгаръ, которыхъ требовали собрать какъ изъ числа проживавшихъ въ Валахіи, такъ и изъ переселившихся изъ Болгаріи. Но Багратионъ еще недостаточно углубился внутрь страны, чтобы заставить эмигрировать болгаръ, живущихъ между Рущукомъ, Систовомъ, Никополемъ, Тырновомъ и Ловчей; а тѣ, которые жили вдоль Чернаго

моря, были ограблены, науганы и изгнаны казаками. Болгарь собрали лишь очень небольшое число, и я не могъ разсчитывать на нихъ, а тѣмъ менѣе можно было ожидать пользы отъ перемѣщенія баталіона пандуровъ, въ которыхъ, сначала, такъ сильно нуждался Исаевъ. Съ большимъ трудомъ и вопреки заключеннаго съ ними договора, заставили ихъ перейти на другую сторону Дуная, въ Сербію ¹⁾.

За островомъ Ольмаръ, на правомъ берегу Дуная, расположенъ цѣлый рядъ маленькихъ крѣпостей: Брегова, Неготинъ, Боково, Флорентинская—расположены между Бирза-Паланкой и Видиномъ, а нѣсколько ниже Видина находятся Цибро и Орсово.

Я возвратился въ Бухарестъ 5 августа, по аванпостной линіи, чтобы ознакомиться съ Турно, о которой я уже говорилъ, что она не можетъ быть взята приступомъ, а необходимо открыть траншеи; но осада не можетъ продлиться очень долго. Она построена въ открытой, болотистой равнинѣ, которую иногда заливаютъ рукава Ольты и Дуная, хотя расположена она очень скверно относительно этихъ рѣкъ, такъ какъ находится въ 1¹/₂ верстахъ отъ ихъ береговъ. Въ 2-хъ верстахъ отъ нея находится крѣпость Никополь, которая всегда можетъ ее поддерживать.

Аванпостная цѣпь наша была расположена очень хорошо. Командиръ Волинскаго уланскаго полка, полковникъ гр. Д'Оруркъ командовалъ тогда этой цѣпью, но онъ страдалъ лихорадкой, какъ и почти весь его полкъ, въ которомъ съ трудомъ насчитывалось до 350 выздоровѣвшихъ и бывшихъ въ состояніи нести службу людей. Милорадовичъ расположилъ этотъ полкъ, а также и Ново-Ингерманландскій—въ Руссо-ди-Веде, самой нездоровой мѣстности Валахія, и гдѣ они, въ сущности, были бесполезны. Въмѣсто гр. Д'Орурка, аванпостами командовалъ полковникъ Турчаниновъ, прекрасный офицеръ, занимавшій редутъ Дуда.

Изъ изложеннаго видно, что мое положеніе было очень критическое. Уже съ 28 іюля турки имѣли очень большой лагерь около Рущука, который угрожалъ Бухаресту. Со всѣхъ сторонъ они могли силою ворваться въ обѣ Валахія, куда они дѣлали частыя нашествія не имѣвшія, къ счастью, серьезнаго значенія, но утомлявшія наши войска въ этомъ жаркомъ климатѣ, принуждая ихъ форсированными маршами постоянно переходить съ мѣста на мѣсто.

Въ это время Делиградъ былъ занятъ турками, противъ которыхъ сербскими войсками командовалъ Петръ Обреновичъ. Желая

---

¹⁾ Австрійцы имѣли нѣсколько баталіоновъ пандуровъ и валаховъ, которыхъ они, не безъ пользы, употребляли для аванпостной службы.

переговорить съ другими сербскими вождями о принятіи противъ турокъ должныхъ мѣръ или, вѣрнѣе, желая покинуть свой постъ, онъ написалъ Младенъ Милановичу, прося замѣстить его на 24 часа. 3 августа, Младенъ прислалъ ему Милота, который хотя и принялъ командованіе, но, увидя, что турки подвинули свои траншеи, ночью, съ своими сербами спасся бѣгствомъ черезъ Мораву, оставивъ 200 больныхъ и раненыхъ. Милоть догналъ Георгія Чернаго, стоявшаго лагеремъ въ 20 верстахъ. Затѣмъ, къ нимъ присоединился Милановичъ, но они ничего не могли предпринять противъ турокъ, такъ какъ тѣ были во много разъ сильнѣе ихъ.

Лишь только Мише узналъ о потерѣ Делиграда, вѣрный данному мнѣ обѣщанію, онъ покинулъ Бирза-Паланку, не разрушивъ ея, несмотря на то, что посланный нами для сербовъ транспортъ оружія и продовольствія прибылъ тогда къ берегу Дуная.

Моя корреспонденція съ Родофинаки, нашимъ тогдашнимъ министромъ въ Сербіи, была очень дѣятельна; онъ мнѣ сообщалъ съ большою точностію все, что мнѣ нужно было знать. Это онъ предупредилъ меня объ опасности, которой избѣжали сербы, и о томъ, что на нихъ не слѣдуетъ слишкомъ полагаться. Онъ опасался также и за себя, ибо нѣкоторые ихъ вожди, которыхъ онъ мало уважалъ, питали къ нему злобу, и совѣтовалъ мнѣ повѣсить Мише, если онъ только покинетъ Бирза-Паланку. Отъ него же я узналъ подробности взятія Делиграда и объ эмиграціи огромнаго числа сербовъ въ Банатъ. Онъ просилъ меня о приготовленіи нѣсколькихъ судовъ для тѣхъ сербовъ, которые захотятъ укрыться въ М. Валахіи.

Полки Нижегородскій, Пензенскій, Ново-Ингерманландскій, Стараоскольскій и Тираспольскій драгунскій были назначены для образованія моихъ главныхъ силъ въ Большой Валахіи, но всѣ они были въ Малой, изъ которой я никакъ не могъ вывести всѣхъ полковъ, и взялъ только Нижегородскій пѣхотный и Тираспольскій драгунскій. Благодаря недостатку войскъ, я принужденъ былъ оставить Исаева, несмотря на то, что ему угрожали со всѣхъ сторонъ; но вскорѣ я могъ ему выслать 800 чел. Олонецкаго полка, оставшагося на Ольтѣ. Итакъ, я ограничился двумя полками. Въ Нижегородскомъ полку было на лицо 10 офицеровъ (изъ коихъ подполковникъ Валенти былъ раненъ во время Браиловскаго штурма и ходилъ еще на костыляхъ) и 180 солдатъ; Тираспольскій полкъ имѣлъ только 350 чел.; затѣмъ, въ 10 эскадронномъ Волынскомъ уланскомъ полку было 320 чел. и въ трехъ казачьихъ полкахъ не болѣе 900 чел.; наконецъ, Нашебургскій и Ладожскій полки были хорошо укомплектованы. Кромѣ того, въ Бухарестѣ были расположены 2 резервныхъ

баталіона. Все вмѣстѣ составляло 4.200 чел., съ которыми я и долженъ былъ защищать 100 верстъ открытой мѣстности противъ 30—40 тысячъ турокъ. На моихъ рукахъ оставалось 5.000 больныхъ въ Бухарестѣ, 2.000 въ другихъ госпиталяхъ, близъ Бухареста, артиллерійскіе парки, депо, магазины и никакихъ средствъ охраны, въ случаѣ неожиданнаго нападенія турокъ, чего можно было ожидать ежеминутно.

Не успѣлъ я пріѣхать въ Бухарестъ, какъ узналъ, что турки, въ количествѣ 6—7 тысячъ, перешли Дунай, между Кладовой и Гирсово и заняли Чернецъ, гдѣ командовалъ Желтухинъ. Это была большая ошибка со стороны Исаева, довѣрить такой важный постъ человѣку съ весьма малымъ запасомъ храбрости, рѣшимости и военныхъ знаній. Лишь только онъ увидѣлъ турокъ, какъ быстро отступилъ и тѣмъ открылъ имъ дорогу въ Краіово.

Потеря этого поста была для меня самымъ чувствительнымъ ударомъ, который я могъ только получить въ М. Валахіи. Мнѣ же нечего уже было надѣяться замѣнить его, разъ турки овладѣли Чернецомъ. Я тотчасъ же приказалъ генералу Исаеву собрать все, что только было возможно, и постараться отнять его у турокъ, чего бы это ни стоило.

Исаевъ и самъ уже подумалъ объ этомъ и послалъ туда браваго подполковника Аша, Малороссійскаго полка, съ его баталіономъ, баталіономъ пандуровъ въ 100 челов., двумя полками Уральскихъ казаковъ, Пензенскимъ полкомъ и резервнымъ Сибирскимъ баталіономъ. Желтухину онъ приказалъ находиться въ подчиненіи Аша.

19 августа, на разсвѣтѣ, Ашъ окружилъ и атаковалъ Чернецъ. Турки окопались въ одномъ разрушенномъ домѣ, а потому надо было его штурмовать такъ же, какъ и ретраншаментъ, выстроенный наскоро и не прочно. Ашъ сначала открылъ огонь, а турки, взявъ примѣръ съ Желтухина, сразу всѣ разбѣжались, несмотря на то, что къ нимъ подходила помощь изъ Кладовы и они должны были соединиться.

Ашъ могъ бы помѣшать этому соединенію и забрать всѣхъ, кто былъ въ домѣ, но онъ не ожидалъ такого быстрого исчезновенія непріятеля. Турокъ преслѣдовали, убили у нихъ полсотни людей, и, такимъ образомъ, Чернецъ былъ взятъ обратно и укрѣпленъ; а я былъ освобожденъ на нѣкоторое время отъ моихъ крайне основательныхъ опасеній.

Багратіонъ хотѣлъ наказать Желтухина, да и было за что, но Исаевъ вмѣшался въ это дѣло и выгородилъ его, такъ что Желтухинъ не только не былъ наказанъ, но продолжалъ чинить новыя

безчестія, что не помѣшало ему быть произведеннымъ графомъ Каменскимъ въ генералы, въ очереди, въ кампанію 1810 г. ¹⁾.

Въ тотъ же день, 19 августа, турки перешли Дунай немного ниже остр. Ольмара и атаковали редутъ, занятый слабымъ баталіономъ 6-го Егерскаго полка, подъ начальствомъ майора Глѣбова. Атаки турокъ продолжались цѣлый день, но безуспѣшно. Вечеромъ, 20 августа, Глѣбовъ получилъ подкрѣпленіе и самъ перешелъ въ наступленіе, выгналъ ихъ съ острова и обратилъ въ бѣгство. Турки бѣжали съ такой поспѣшностью, что не подобрали даже своихъ убитыхъ, которыхъ обыкновенно стараются унести съ собой. Они снова переправились обратно черезъ Дунай.

Я не могъ претендовать на кн. Прозоровскаго, что онъ мнѣ оставилъ такъ мало войскъ, такъ какъ по числу баталіоновъ было болѣе чѣмъ достаточно, но онъ не могъ знать, что болѣзни будутъ сильнѣе и упорнѣе въ этомъ году, чѣмъ въ предыдущіе, и что онѣ отнимутъ у меня четвертую часть состава частей, изъ коихъ половина не будетъ въ состояніи служить. Самъ онъ не придавалъ большого значенія оборонительнымъ планамъ и думалъ, вѣроятно, что великій визирь, вмѣсто того, чтобы угрожать Валахіи, пойдетъ навстрѣчу ему, лишь только онъ перейдетъ Дунай.

Войска, посланные кн. Багратиономъ мнѣ изъ Саджата, соединились 12 августа въ лагерѣ подъ Капочени, а 8 августа выступилъ Милорадовичъ съ своимъ корпусомъ, уменьшившимся отъ болѣзней до 4.800 чел., изъ коихъ 900 чел. заболѣли въ первые же дни похода.

Въ продолженіе 4 дней передъ Бухарестомъ не было ни одной души, такъ какъ Нашебургскій и Ладожскій полки прибыли только 11 августа.

Самъ Милорадовичъ уѣхалъ 10-го ²⁾.

¹⁾ 1827 г. Этого Желтухинъ — посрамленіе русской военной службы, всегда служилъ такъ, какъ въ Чернецѣ; между тѣмъ, онъ до сихъ поръ на службѣ и уже генераль-лейтенантъ и начальникъ дивизіи. Его особенный талантъ къ блестящимъ парадамъ, которымъ тогда отдавалось предпочтеніе, поддержалъ его, несмотря на ненависть всей арміи. На смотру 1812 г. Императоръ Александръ, увидя его дивизію, сказалъ: „Какая досада, что Желтухинъ такой трусъ“. Кромѣ того, онъ былъ злой и интриганъ.

²⁾ Въ день его отъѣзда, онъ далъ намъ новое доказательство своего легкомыслія и даже сумасбродства, которое прелестно обрисовываетъ его характеръ. Онъ пришелъ со мной проститься въ 9 ч. вечера (такъ какъ всѣ формы между нами были тщательно соблюдаемы), и въ разговорѣ я ему сказалъ, что купецъ Балтарески только-что получилъ большую партію

Мое положеніе со дня на день становилось болѣе критическимъ; турки могли меня атаковать со всѣхъ сторонъ, будучи сильнѣе насъ въ 6 разъ. Между тѣмъ, я ихъ опасался гораздо менѣе, чѣмъ валаховъ, которые постоянно меня обманывали.

Я уже говорилъ, что вся администрація находилась въ рукахъ нашихъ враговъ и, возможно, что я во всемъ буду чувствовать нужду. Недостатокъ фуража давалъ уже себя чувствовать, а вскорѣ я дошелъ до того, что вовсе не имѣлъ сѣстныхъ припасовъ, но комиссаръ Ковенко, человекъ очень богатый и разумный, купилъ самъ всего и отправилъ къ своей счетъ въ мой лагерь ¹⁾.

Александръ Суццо былъ всегда съ великимъ визиремъ и велъ дѣятельную переписку съ Бухарестомъ, направляя ее черезъ Систо.

Великій визирь, Коеръ-Юсуфъ-паша, по отъѣздѣ изъ Шумлы, предполагалъ сначала пріѣхать въ Силистрію, перейти Дунай и занять Коларашъ (какъ сдѣлалъ его предшественникъ Мустафа Челибей). Это движеніе, съ военной точки зрѣнія, исходило изъ удобства мѣстности, возможности подавать помощь въ Браиловъ, производить нашествія въ центръ В. Валахія и заставить кн. Багратиона перейти обратно Дунай. Но Суццо, оповѣщенный Филиппеско, что послѣ ухода корпуса Милорадовича, у меня остается только 4.000 солдатъ подъ ружьемъ, склонилъ великаго визиря измѣнить свои планы и произвести нападеніе между р. р. Аржишемъ и Ольтой. Въ успѣхѣ этого предпріятія онъ не сомнѣвался ²⁾, и если бы турки взяли Бухарестъ, обѣ Валахія были бы потеряны на довольно продолжительное время, войска М. Валахія отрѣзаны, и наша главная армія была бы принуждена экстренно перейти Дунай, чтобы защитить берега Ялоницы и, быть можетъ, Серета.

товаровъ. Онъ сейчасъ же побѣжалъ туда съ Филиппеско, заставилъ купца распаковать весь товаръ и набралъ для семьи своей повелительницы шалей и матерій на 3.000 дукатовъ, которыхъ, конечно, никогда не заплатилъ. Онъ уже былъ долженъ этому Балтарески нѣсколько тысячъ дукатовъ, и я не понимаю, какъ онъ могъ согласиться увеличить долгъ, зная, что никогда его не заплатитъ.

¹⁾ Этотъ хороший, душевный порывъ былъ представленъ кн. Багратиону друзьями Милорадовича, какъ желаніе имѣть пользу съ этихъ покупокъ, и Ковенко получилъ репримандъ; но я открылъ глаза князю и восстановилъ истину.

²⁾ Всѣ эти подробности я узналъ отъ Боснякъ-Ага, въ 1810 г.; послѣ взятія Руцука онъ мнѣ говорилъ, что турки знали рѣшительно все, что происходило въ Бухарестъ, черезъ Филиппеско.

Суццо имѣлъ свои особыя планы, совѣтуя это движеніе; кромѣ того, оно удовлетворяло его самолюбію и давало возможность отомстить Бухаресту.

Я не имѣлъ и не могъ имѣть никакихъ вѣрныхъ извѣстій ни о движеніи, ни о силѣ непріятели. Люди, преданные Россіи, не имѣли ни власти, ни средствъ; власть была въ рукахъ людей, которымъ я нисколько не довѣрялъ и не могъ имѣть среди нихъ ни малѣйшаго авторитета, такъ какъ не имѣлъ права вмѣшиваться въ гражданскія дѣла и долженъ былъ ограничиться командованіемъ войскъ.

При мнѣ состоялъ депутатъ отъ Дивана, справедливо подозрѣваемый мною въ шпионствѣ, и съ этою цѣлью онъ, вѣроятно, и былъ присланъ ко мнѣ и потому, конечно, я не смѣлъ ему ничего довѣрять. Всѣ приказанія, которыя я посылалъ генераламъ, всѣ рапорты Багратіону были написаны мною собственноручно или моимъ довѣреннымъ адъютантомъ. Никогда моя канцелярія ни о чемъ не знала, и я приказалъ журналисту не вносить ихъ въ журналъ; я даже не велъ мѣсячныхъ рапортовъ, изъ опасенія, чтобы кто-нибудь изъ писарей не былъ бы подкупленъ, дабы отнюдь не было извѣстно о малочисленности моихъ войскъ. Когда я посылалъ главнокомандующему депеши съ нарочнымъ, то запечатывалъ металлическій ящикъ, какой обыкновенно въ Россіи носятъ курьеры на груди.

Какъ только распространился слухъ о движеніи турокъ, ужасъ объялъ жителей и купцовъ Бухареста, страшившихся грабежей и пожаровъ, всегда сопровождавшихъ нашествіе турокъ. Бояре, болѣе преданные имъ, чѣмъ намъ, усугубили ти опасенія, преувеличивъ опасность; каждый изъ этихъ господъ имѣлъ во дворѣ у себя всегда запряженную повозку съ уложенными вещами. Быть можетъ, многіе изъ нихъ и не оставили бы города, въ случаѣ нападенія турокъ, но поддерживать волненія и опасенія, повидимому, входило въ ихъ расчеты.

Къ несчастію и меня захватила ужасная лихорадка, извѣстная подъ названіемъ Дунайской, которая, въ продолженіе 48 часовъ, едва давала мнѣ отдыхъ въ 12 часовъ, а между тѣмъ, я былъ заваленъ дѣлами и корреспонденціей. Это уже въ пятый разъ отъ начала войны, но къ счастью и въ послѣдній.

Консулъ Россіи, очень хорошій и дѣятельный человекъ, г. Кириковъ, силился дать мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія о непріятельскихъ движеніяхъ, но, къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти были рѣдки и не всегда вѣрны, такъ какъ онъ получалъ ихъ отъ Манукъ-Бея, къ которому я не имѣлъ полнаго довѣрія, но долженъ былъ держать на службѣ.

*

Къ счастью, валахи, зная приблизительно, сколько я имѣлъ войскъ въ Бухарестѣ, не знали, что корпусъ ген. Эссена 3-го былъ подъ моимъ начальствомъ, что собственно и составляло мою главную силу.

Весь Бухарестъ былъ загроможденъ присланнымъ провіантомъ, одеждой, барабанами, госпиталями и проч., а чтобы вывезти все это, а также и артиллерійскіе парки, мнѣ требовалось громадное количество крестьянскихъ подводъ, которыхъ я не могъ бы собрать, даже и съ большимъ трудомъ. Кромѣ того, такое распоряженіе могло бы быть принято за малодушіе или трусость съ моей стороны и увеличило бы слишкомъ сильно царствующую панику въ Бухарестѣ и дало бы имъ для сего очевидный предлогъ. Каждый день прибѣгали ко мнѣ изъ всѣхъ домовъ города узнать, готовы ли мои экипажи, и собирается ли моя жена къ выѣзду, и были удивлены моему спокойствію.

Злоба и ненависть Филипеско были такъ велики и такъ плохо скрывались, что меня предупредили, что онъ хочетъ меня отравить черезъ посредство греческихъ врачей, лечившихъ меня. Я находился въ положеніи Александра съ докторомъ Филиппомъ, и такъ же, какъ и онъ, принялъ прописанное лекарство и поправился. Неудача съ отравленіемъ породила массу другихъ нецрїятностей. Между прочими интригами Филипеско противъ меня, я расскажу одну, доказывающую всю низость его. Онъ послалъ 500 дукатовъ одной гречанкѣ, любовницѣ стараго Исаева, жившей съ нимъ, съ тѣмъ, чтобы она уговорила Исаева уѣхать изъ М. Валахіи. Посланъ былъ бояринъ 2 класса Лакостамъ (депутатъ Валахіи при гр. Каменскомъ и генералъ Кутузовъ, нажившій себѣ большое состояніе), но Исаевъ, несмотря на свою привязанность къ этой гадкой особѣ, слишкомъ любилъ свою родину и славу, чтобы совершить подобную подлость. Этотъ анекдотъ показываетъ, въ какомъ положеніи я тогда находился, и на что были способны враги Россіи, которые жертвовали даже своей страной, чтобы только достигнуть желаемыхъ результатовъ. Онъ доказываетъ также, куда можетъ завести излишнее самолюбіе.

Милорадовичъ, конечно, не могъ теперь не знать объ обманахъ и поступкахъ Филипеско, но, не будучи въ состояніи сознаться, что онъ былъ ослѣпленъ и обманутъ имъ, и чтобы показать мнѣ обратную сторону и желая вернуться въ Бухарестъ, онъ сдѣлался сообщникомъ обмана и самъ былъ въ то же время обманутъ. Въ эту войну этотъ генералъ сдѣлалъ для своей родины вреда больше, чѣмъ турки; онъ долженъ бы былъ сложить свою голову на эшафотѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ осыпанъ милостями. Пере-

писка его съ бухарестскими друзьями была самая дѣятельная и гвоздемъ ея желаній было напортить мнѣ.

Генераль Энгельгардтъ ¹⁾ былъ заодно съ ними въ этомъ благомъ намѣреніи.

Филипеско составилъ письмо Государю, въ которомъ просилъ, отъ имени всей Валахіи, замѣнить меня Милорадовичемъ, будто единственнымъ, могущимъ спасти ее; затѣмъ, что я французъ, эмигрантъ, и что назначеніе меня на такой высокой постъ могло вооружить Наполеона. Это письмо, также какъ и предыдущее, о которомъ я уже говорилъ, было подписано всѣми болгарами, т. е. всѣ подписи были фальшивыми. Меня увѣряли, что письмо отправилъ консуль Ду Коленкуру—герцогу Висенскому, бывшему тогда французскимъ посланникомъ въ Петербургъ, но Коленкуръ отослалъ его обратно, выражая неудовольствіе по поводу подобной просьбы.

Я долженъ былъ одинъ сражаться противъ столькихъ недоброжелателей, интригъ и вѣроломства, а я не имѣлъ ни войскъ, ни провизіи, ни средствъ и почти умиралъ отъ лихорадки, но все-таки я торжествовалъ надъ всѣми и спасъ Валахію и армію. Если когда-нибудь я могъ чѣмъ-либо отплатить моему Императору и Россіи, принявшимъ меня, то конечно только теперь, въ такое критическое и опасное время, что я и не замедлилъ сдѣлать. Не желая быть фанфарономъ, я могу смѣло сказать, что принесъ огромную пользу Россіи, а между тѣмъ, это долгое время оставалось неизвѣстнымъ.

Чтобы быть наготовѣ, въ случаѣ надобности, я послалъ ген. Эссену 3-му секретно приказъ, чтобы онъ подошелъ къ Обилешти, откуда онъ могъ одинаково наблюдать за Силистріей, бывшей въ 40 верстахъ, и за Туртукаемъ—въ 30 верстахъ; ко мнѣ же онъ могъ подойти въ 2 большихъ перехода. Я приказалъ ему быть готовымъ къ походу, а самъ собралъ въ Капочени: Тираспольскихъ драгунъ, Нашебургскій полкъ, Ладожскій полкъ, 200 чел. Нижегородскаго полка и 200 Волинскихъ уланъ.

Мои казаки съ полк. Грековымъ занимали берега Аржиша и

---

¹⁾ Этотъ человекъ ограниченный, несдержанный и интересантъ, былъ преданъ Милорадовичу, на протекцію котораго онъ разсчитывалъ больше, чѣмъ на мою. Онъ даже не умѣлъ скрыть своего недоброжелательства. Узнавъ, что я не хотѣлъ пользоваться депутатами, которыхъ онъ мнѣ назначилъ, а просилъ Варлама, какъ человека, которому я могъ довѣрять и поручать доставку вѣрныхъ свѣдѣній, какъ знающему хорошо страну, онъ отнесся къ Варламу самымъ скандальнымъ образомъ, грозя погубить его.

Кильниша и производили частыя развѣдки въ Журжево, Зимницу и Турно. Убѣжая изъ Уды, я велѣлъ скрыть неудачно расположенный редуть, а взамѣнъ приказалъ занять баталіономъ Ладожскаго полка редуть въ Крешести. Этотъ баталіонъ, 200 Волинскихъ уланъ и казаки Мелентьева составляли отрядъ Турчанинова, который долженъ былъ защищать пространство въ 80 верстъ. Турчаниновъ, желая знать о распространеніи и намѣреніи турокъ и съ цѣлью ввести ихъ въ обманъ, предпринялъ нѣсколько смѣлое наступленіе къ с. Фламундѣ—укрѣпленной деревнѣ, лежащей на берегу Дуная, въ 8 верстахъ отъ Турно. Но турки отбили его нападеніе и убили у насъ 20 человекъ. Потеря была незначительна, но эта неудача наша придала смѣлость туркамъ, и я былъ недоволенъ подобной неосторожностью.

25 августа они сами перешли въ наступленіе изъ Турно и Зимницы, двинувшись въ центръ аванпостовъ Турчанинова. Хотя это была и простая рекогносцировка, но она вызвала цѣлое дѣло, въ которомъ есаулъ Желтухинъ, командовавшій Мелентьевскимъ полкомъ, былъ убитъ, также какъ и нѣсколько солдатъ. Турки, проникнувъ до Магуры, отступили обратно.

Ночью, 23 августа, турки высадились на островѣ, тогда майоръ Апшеронскаго полка Кириловъ, занимавшій укрѣпленіе, которое мы имѣли ошибку оставить не скрытымъ, на южной оконечности острова, замѣтилъ ихъ высадку и тотчасъ же выслалъ отрядъ, дабы выгнать ихъ; но турки получили подкрѣпленіе и произвели новый десантъ, нѣсколько выше, около деревни. Узнавъ объ этомъ, подполковникъ Олонецкаго полка Рыбниковъ, командовавшій на островѣ, выступилъ самъ имъ навстрѣчу, при чемъ замѣтилъ, что они были значительно сильнѣе его отряда, и потому его наступленіе было неудачно.

Если бы я оставилъ на островѣ одинъ редуть, или самое большое два, то войска могли бы защищаться, но разбѣянные въ лѣсу и принужденныя подавать помощь за 6—7 верстъ отряды наши были повсюду разбиты. Рыбниковъ былъ убитъ, а одно орудіе его баталіона, за потерю всѣхъ лошадей и выбытіемъ изъ строя всѣхъ артиллеристовъ, было взято турками. Наши войска, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, въ безпорядкѣ отступили къ редуту острова, выстроенному со стороны М. Валахія, гдѣ подполковникъ Орловскаго полка Андріевскій, подошедшій со своимъ баталіономъ его защищать, собралъ отступавшихъ и, такимъ образомъ, сохранилъ редуть, а турки побоялись атаковать его. Мы потеряли въ этомъ дѣлѣ 3-хъ офицеровъ и до 200 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными.

Узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, генераль Исаевъ собралъ все, что могъ, и занялъ позицію въ 3 верстахъ отъ Дуная, около Балта-ди-верди. Онъ владѣлъ еще редутомъ на лѣвомъ берегу Дуная, но вынужденъ былъ покинуть тотъ, который мы имѣли на островѣ, такъ какъ 3.000 чел. турокъ овладѣли имъ, имѣя такой же силы отрядъ на правомъ берегу.

Съ потерей острова, всякое сообщеніе между нами и сербами прекратилось, и тѣ и другіе были буквально брошены на произволь судьбы.

Турки окопались на островѣ, къ нимъ прибыли еще войска изъ Ниссы и Видина, и Мула-паша, командовавшій войсками этого послѣдняго, публично объявилъ о намѣреніи завладѣть М. Валахіей. Если бы не медленность, сопровождавшая всѣ операціи турокъ, раздоры, царствующіе между ихъ начальниками, которые большею частью ненавидятъ другъ друга и никогда не подаютъ помощи одинъ другому, безъ всѣхъ этихъ причинъ, говорю я, не было никакого сомнѣнія, что Исаевъ, при всей своей дѣятельности и храбрости, долженъ былъ отступить за Ольту. Самъ я рѣшительно не могъ прислать ему подрѣзненія, такъ какъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы защищать Б. Валахію. Турки, впрочемъ, ограничились лишь незначительными нападѣніями, какъ вдругъ, узнавши объ успѣхахъ кн. Багратіона въ Болгаріи, признали себя вынужденными измѣнить свои намѣренія.

Сраженіе при Фрасине.

23 августа, полковникъ Грековъ донесъ мнѣ, что близъ Рушука замѣченъ огромный турецкій лагерь и другой, нѣсколько меньшій, близъ Журжева. На другой день я получилъ отъ него донесеніе, что лагерь у Рушука уменьшился, а другой, т. е. у Журжева, сильно увеличился и, наконецъ, 25 августа, онъ вновь донесъ, что вся турецкая армія, казалось, двинулась къ нашей сторонѣ.

По этимъ даннымъ нельзя было болѣе сомнѣваться относительно намѣреній турокъ, хотя кн. Прозоровскій нѣсколько разъ меня увѣдомлялъ, а кн. Багратіонъ извѣщалъ меня двадцатью письмами, что великій визирь, если и намѣревается перейти Дунай, то въ Силистрію.

Со всѣхъ сторонъ на меня надвигалась гроза, а потому надо было ее разсѣять, не ожидая, чтобы она разразилась. Я зналъ, что великій визирь съ князьями Суццо и Калинаши и всюю своею свитою находится въ Рушукѣ.

25 августа, въ 7 час. вечера, плацъ-маіоръ Бухареста капитанъ Скальскій, полякъ, креатура Милорадовича, но преданный своему долгу и мундиру, привелъ ко мнѣ двухъ болгарскихъ женщинъ, бѣжавшихъ изъ Журжева. У меня въ то время былъ сильнѣйшій пароксизмъ лихорадки, и я лежалъ безъ памяти. Скальскій ожидалъ до полуночи, пока я не пришелъ въ себя. Одна изъ этихъ женщинъ сказала мнѣ, что ея мужъ былъ лакеемъ у одного турецкаго офицера, но онъ съ нимъ очень дурно обращался, и она бѣжала; прекрасно понимая по-турецки, она слышала, какъ офицеръ говорилъ ея мужу о предположеніи атаковать насъ, и что предположеніе это должно быть исполнено черезъ 6 дней, т. е. въ слѣдующій понедѣльникъ, 1 сентября; что ожидали только прибытія понтоновъ, такъ какъ турки были увѣрены, что я разрушу мосты на Кильнишѣ, Аржишѣ и Саборѣ; что великій визиръ двинется прямо на Бухарестъ черезъ Петри, Фальштокъ и Капочени, съ 30.000 чел., а въ то же время 3.000 всадниковъ перейдутъ Дунай въ Туртукаѣ и также двинутся прямо на Бухарестъ, вдоль лѣваго берега Аржиша и Домбровицы (гдѣ, какъ видно изъ моихъ описаній, имъ не встрѣчалось никакихъ препятствій) и, наконецъ, другіе 3.000 всадниковъ должны подойти изъ Турно, черезъ Руссо-де-Веде, обойти мой правый флангъ и также подойти къ Бухаресту черезъ Воду-лалъ ¹⁾).

На войнѣ ничѣмъ не слѣдуетъ пренебрегать, между тѣмъ, мнѣ показалось страннымъ, что подобная женщина была настолько въ курсѣ плановъ нашего противника ²⁾, но на дѣлѣ оказалось, что все, что она говорила, весьма правдиво. Движеніе турокъ доказало это. Я же ничѣмъ не рисковалъ, принявъ предосторожности, которыя не разстраивали моихъ плановъ обороны и могли привести къ хорошимъ результатамъ. Нельзя было терять ни минуты, и я понялъ, что если бы я сталъ колебаться и не предпринялъ бы тотчасъ смѣлаго оборонительнаго рѣшенія, я бы погибъ.

Ждать турокъ въ Капочени было бы верхомъ безумія; я не могъ бы тамъ защищаться и былъ бы окруженъ со всѣхъ сторонъ, въ то время какъ турки заняли бы Кильнишъ и Аржишъ, правые берега которыхъ такъ возвышены, что они вездѣ могли бы поста-

---

¹⁾ Я всегда подозрѣвалъ, что кто-нибудь изъ офицеровъ руководилъ тогда движеніемъ турокъ, такъ какъ этотъ сложный, прекрасный планъ, во всѣхъ подробностяхъ разработанный, казался мнѣ, былъ выше соображеній турокъ.

²⁾ Все, что эта женщина мнѣ сказала, было поразительно вѣрно. Впослѣдствіи, Боснякъ-Ага мнѣ подтвердилъ это, изъ чего можно заключить, что въ турецкой арміи не можетъ быть большихъ секретовъ.

вить батареи и, подъ охраной ихъ, безъ малѣйшихъ трудностей, навести мосты. Противъ меня могли бы быть двинуты отряды изъ Туртукаа и Турно, и тогда Бухарестъ былъ бы взятъ, сожжёнъ, всѣ наши больные, магазины, парки и проч., попали бы въ руки непріятеля, и я, не имѣя выхода, принуждёнъ бы былъ сдаться.

Я рѣшилъ тотчасъ же двинуться къ Журжеву и вызвать турокъ на генеральное сраженіе. Если я его выиграю, то разобью всѣ ихъ планы; если же проиграю, то выжидательное мое положеніе въ Капочени не улучшить дѣла.

Я приказалъ ген. Эссену 3-му прибыть 27 августа, въ полдень, въ Фолштокъ, на Кильнишѣ, перейдя: Домбровицу въ Будешти, Саборъ—въ Фалешти и Аржишъ—въ Колибосѣ. Въ Фальштокъ онъ долженъ былъ соединиться со мною, чтобы уже вмѣстѣ двинуться на Журжево. Полковнику Турчанинову я приказалъ собрать свой маленькій отрядъ и быть: 26—передъ Турно, съ 27 на 28—передъ Зимницей, а 29—передъ Коколетци, въ 20 вер. отъ Журжева. Я его предупредилъ, что сраженіе предполагается 29-го, и ему поручается атаковать лѣвый флангъ турокъ, если только обстоятельства позволятъ.

Для исполненія сего, отрядъ Турчанинова долженъ былъ въ 3 дня пройти болѣе 100 верстъ, что онъ и сдѣлалъ.

Въ мои планы входило не обнаруживать своихъ силъ, а показывать туркамъ только часть ихъ, заставляя тѣмъ предполагать, что у меня повсюду имѣются войска. Въ результатѣ я ожидалъ, что турки задержатъ свое движеніе изъ Турно, которое меня страшно стѣсняло. Затѣя моя удалась прекрасно; я очень удачно поручилъ эту диверсію Турчанинову, дѣятельному и разумному офицеру, очень любящему подобнаго рода экспедиціи.

Мѣстность, прилегающую къ Туртукаю, я совершенно очистилъ отъ войскъ, только въ Ольтеницѣ у меня остался Выборгскій полкъ, такъ какъ турки не могли, за недостаткомъ судовъ, разомъ, въ большомъ числѣ, перейти Дунай,

По моимъ расчетамъ, у меня еще будетъ время, по исполненіи моего плана, въ случаѣ счастливаго его исхода, отправить отрядъ къ Туртукаю или къ Силистріи, смотря по обстоятельствамъ; надо было только дѣйствовать, по возможности, скорѣе. Всѣхъ же пунктовъ, все равно, я не могъ защищать.

Кн. Багратіонъ, которому я сообщилъ о своихъ планахъ, не зналъ такъ хорошо ни Бухареста, ни его окрестностей, а еще того менѣе—турокъ, а потому ужасно испугался моихъ смѣлыхъ предположеній и посылалъ мнѣ приказъ за приказомъ, предписывая

мнѣ ничѣмъ не рисковать. Онъ говорилъ, что судьба Валахиіи зависить отъ войскъ, которыми я командую, и если я, вопреки его мнѣнію, рѣшусь атаковать турокъ около Журжева, то предостерегалъ меня не рисковать атакой ретраншаментовъ и проч. и проч. Но эти совѣты его я получилъ уже послѣ сраженія съ турками!

Сначала я и не думалъ объ атакѣ ретраншаментовъ предмѣстья Журжева; быть можетъ, я и рѣшился бы на это, если бы я только могъ завязать дѣло и выиграть его. Зная по опыту, что послѣ пораженія турокъ охватываетъ паника, я былъ увѣренъ, что не встрѣчу никакого сопротивленія въ этихъ ретраншаментовъ и могъ бы потопить въ Дунаѣ всѣхъ турокъ, не успѣвшихъ скрыться въ крѣпости или спастись на лодкахъ.

Лишь только я узналъ, что армія визиря перешла Дунай, въ Бухарестѣ воцарился безумный страхъ, впрочемъ вполнѣ извинительный. У меня тамъ было всего два резервныхъ баталіона въ 400 чел.

Тогда я собралъ всѣхъ выздоравливающихъ изъ менѣе слабыхъ больныхъ, въ числѣ 2.000 чел. и сформировалъ изъ нихъ 2 баталіона и 2 эскадрона. Тѣ, которые страдали приступомъ пароксизма лихорадки, оставались въ госпиталѣ, а на слѣдующій день люди, хорошо себя чувствовавшіе, замѣняли тѣхъ, у которыхъ долженъ быть лихорадочный пароксизмъ. Этотъ полкъ, который какіе-то шутники называли „лихорадочнымъ“, имѣлъ офицеровъ тоже изъ числа больныхъ, былъ порученъ Энгельгардту. Онъ, по своей слабости, корысти и заблужденію, хотя и отдался нашимъ врагамъ, но все же онъ не измѣнилъ долгу и могъ считаться отважнымъ и хорошимъ офицеромъ.

Я скрылъ отъ всѣхъ свой планъ и публично распространялъ басни о движеніи визиря и объ опасностяхъ, угрожавшихъ городу; я увѣрялъ, что не сдѣлаю шага впередъ, что мнѣ нечего бояться, и что я употреблю всѣ усилія, чтобы успокоить жителей Бухареста.

27 августа, на разсвѣтѣ, я отправился въ Капочени, но былъ такъ слабъ, что дорогой два раза чувствовалъ себя очень плохо, и сопровождавшій меня врачъ принужденъ былъ давать мнѣ стаканъ ээира и другихъ возбуждающихъ средствъ, чтобы только поддержать мои силы.

Войска изъ Капоченскаго лагеря я направилъ въ Фальштокъ и въ тотъ же день, 27-го іюля, генералъ Эссенъ 3-й, прибывшій туда въ одинъ часъ со мной, соединился съ нашими войсками.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха, я двинулся на Петрики,

благополучно прошелъ лѣса и дефиле, гдѣ 500 турокъ могли легко задержать всю колонну. Расположившись бивакомъ въ глубинѣ лѣса, я выслалъ впередъ нѣсколько казаковъ, дабы скрыть отъ турокъ мое наступленіе, о которомъ они легко могли узнать изъ Бухареста, гдѣ хотя и не предполагали о моемъ движеніи, но поднялся страшный шумъ, когда, 28 числа, узнали, что меня нѣтъ дома, думая, что я бѣжалъ ¹⁾).

Вмѣстѣ съ корпусомъ Эссена у меня было всего 6.223 чел., но полки, составлявшіе эту маленькую армію, были лучшими войсками. Эссенъ, Ермоловъ, Новакъ, гр. Мантейфель, гр. Д'Оруркъ— все славные, храбрые офицеры, были моими друзьями, и я гордился ихъ дружбой и смѣло могъ рассчитывать на нихъ. Генераль Ратгофъ, котораго я просилъ себѣ въ помощники, захворалъ лихорадкой и остался въ городѣ.

Авангардомъ командовать я назначилъ полковника Грекова и отрядилъ къ нему:

- 200 Волинскихъ уланъ.
- Казачій полкъ Грекова.
- Казачій полкъ Астахова.
- 1 баталіонъ Ладожскаго полка.
- 2 орудія Донской артиллеріи.

Подъ моимъ начальствомъ находились:

- 2 баталіона Московскихъ гренадеръ.
- 2 баталіона Шлиссельбургскаго полка.
- 2 баталіона Нашебургскаго полка.
- 2 баталіона 29-го Егерскаго полка.
- 5 эскадроновъ Тверскихъ драгунъ.
- 5 эскадроновъ Петербургскихъ драгунъ.
- 5 эскадроновъ Тираспольскихъ драгунъ.
- 16 орудій 12-ти фунтовыхъ.
- 12 орудій конной артиллеріи.

---

¹⁾ Все-таки я не могъ скрыть отъ всѣхъ свое странное исчезновеніе. Варламъ и его сторонники (т. е. наши), смѣдаемые безпокойствомъ, не покидали моей пріемной; они видѣли меня увѣжающимъ, и я не могъ ихъ обманывать, что въ сущности становилось и лишнимъ; я имъ сказалъ: „до свиданія, господа я ѣду атаковать турокъ; послѣзавтра, 29-го, я ихъ разобью; вечеромъ вы получите извѣстіе, а черезъ 5 дней по эту сторону Дуная не останется ни одного турка“.

Это фанфаронство было слегка въ духъ Милорадовича; я очень желалъ сдержать обѣщаніе, но далеко не былъ увѣренъ въ успѣхъ. Къ счастью, благопріятный исходъ сдѣлалъ меня пророкомъ.

Въ общемъ, считая и полковыя пушки, 44 орудія, чего для 6.000 чел. было даже много.

Въ Фальштокъ я оставилъ всё обозы подъ прикрытіемъ баталіона Нижегородскаго полка, имѣвшаго всего 200 вооруженныхъ солдатъ.

29-го августа, съ разсвѣтомъ, я передвинулся еще на 6 верстъ впередъ и скрылся въ небольшой лощинѣ, а чтобы вызвать турокъ къ серьезному дѣлу, я выдвинулъ авангардъ, съ которымъ выѣхалъ и самъ въ дрожжахъ (drochki), такъ какъ не имѣлъ силъ держаться на лошади.

Передъ Петрики лѣсъ кончается, и открывается огромная равнина, перерѣзанная неглубокими лощинами; справа равнина примыкаетъ къ горамъ, а слѣва къ притокамъ Дуная и трудно-проходимымъ болотамъ. Около этихъ болотъ лежала деревня Фрасине, къ которой вела едва проходимая тропа. Справа горы замыкаются и образуютъ большую гладкую равнину, на которой расположено Журжево. Спуститься съ горъ въ равнину можно по многимъ дорогамъ, почтовый же трактъ проходитъ черезъ с. Дая, въ 10 верстахъ отъ Петрики и въ 13 отъ Журжева, пересѣкая небольшой мутный ручеекъ и черезъ него мостъ. По ту сторону моста лежитъ небольшой лѣсъ—заглохшіе сады Дая, который пересѣкаетъ широкая дорога, поднимающаяся на разстояніи 3 верстъ на возвышенность, къ которой я и приблизился съ авангардомъ въ 7 час. утра.

Завидѣвъ насъ, турки въ числѣ 1.500 чел. выступили изъ Журжева, тогда я, желая воспользоваться этимъ ихъ движеніемъ, приказалъ казакамъ и уланамъ броситься на нихъ, но въ продолженіе 4-хъ часовъ турки не сдѣлали ни шагу впередъ и даже начали отступать.

Потерявъ надежду въ этотъ день начать серьезное сраженіе, я вернулся на линію и приказалъ Грекову проивести такое же наступленіе, но онъ не успѣлъ, такъ какъ былъ въ 6 верстахъ отъ лагеря. Въ это время появилась изъ-за горъ турецкая конница, которая и атаковала отступавшихъ казаковъ; другая же конная колонна ихъ, прискакавшая галопомъ изъ Журжева, увеличила число турокъ до 8.000 ч. съ 6-ю орудіями. При такихъ условіяхъ, положеніе Грекова, не имѣвшаго и 1.500 ч., стало критическимъ, и я долженъ сознаться—по моей винѣ, такъ какъ, скрывая свои силы, я не долженъ былъ такъ удалять авангардъ и тѣмъ подвергать его опасности. Эссенъ замѣтилъ мнѣ это, но я не послушался его и нѣсколько легкомысленно полагалъ, что въ этотъ день турки уже больше не появятся.

Я бы могъ понести большія потери, если бы не рѣдкая твер-

дость и предприимчивость баталіона Ладожскаго полка и его храбраго командира маіора Савоини ¹⁾, которые спасли дѣло, принявъ весь ударъ на себя. Всякій другой баталіонъ, менѣ стойкій на войнѣ, могъ быть опрокинутымъ и разбитымъ. Принужденный къ отступленію Грековъ, понеся нѣкоторыя потери, отошелъ съ 2-мя пушками, 200 уланами и 600 казаками на возвышенности, о которыхъ я говорилъ. Тогда изъ садовъ Дая выдвинулся баталіонъ Ладожскаго полка, быстро перешелъ какъ мостъ, такъ и ручей и, занявъ небольшую площадку на большой дорогѣ въ Бухарестъ, перестроился въ каре, гдѣ и былъ атакованъ турецкой конницей съ такою злобою, какую я рѣдко видѣлъ у турокъ. Боснякъ-Ага, командовавшій этимъ отрядомъ, смотрѣлъ на солдатъ этого баталіона, уже какъ на погибшихъ ²⁾.

Боснякъ кидался въ атаку 5 или 6 разъ, но всегда безуспѣшно ³⁾. Трое турокъ, занесенные своими лошадьми во внутрь каре, моментально погибли подъ ударомъ штыковъ.

Въ теченіе часа этотъ храбрый баталіонъ, окруженный турками, отбивалъ всѣ ихъ нападенія. Уже были израсходованы всѣ патроны, но ни одинъ человекъ не дрогнулъ. Маіоръ Савоини, вполне достойный командовать такими солдатами, находился верхомъ среди каре, наблюдая за всѣми, думая обо всемъ, руководя всѣмъ и подбадривая солдатъ, обѣщала скорую помощь, которая дѣйствительно скоро и явилась. Въ баталіонѣ было уже 100 убитыхъ и раненыхъ, и ряды пустѣли, но потери турокъ были громадны, ибо 2 пушки

¹⁾ 1827 г. Савоини теперь начальникъ дивизіи и генераль-лейтенантъ; прекрасный офицеръ. Онъ италіанецъ, сынъ купца изъ Одессы.

²⁾ Онъ закричалъ имъ по-русски: «Сдавайтесь!» Онъ мнѣ говорилъ потомъ, что если бы его люди слѣдовали за нимъ съ большей отвагой, онъ бы врѣзался въ каре, но разсѣянная и, такимъ образомъ, обезсиленная конница не можетъ легко врубиться въ трехъ-линейное каре, изъ котораго со всѣхъ сторонъ открытъ огонь, если только индивидуальная храбрость не поколеблетъ фронтъ и разорветъ каре, чего, впрочемъ, нечего опасаться русскимъ; съ ними подобнаго случая не бывало. Напримѣръ, при Кагулѣ, каре ген. Племянникова не было разстроено въ моментъ атаки турецкой конницы, но по окончаніи сраженія, когда ружья уже были сложены въ козлы, 300 янычаръ, скрытые въ тростникахъ, бросились на нихъ внезапно и отрѣзали фланги каре, которые, какъ стѣны города, могутъ разбить только пушки.

³⁾ Ладожскіе солдаты узнали Босняка, котораго часто видали во время перемирія, передъ Измаиломъ. Въ послѣднюю атаку этотъ храбрый разбойникъ такъ близко подскочилъ къ нашему каре, что солдаты закричали: «Вотъ Боснякъ!» и тотчасъ же всѣ ружья были направлены на него. Его ранили въ лѣвую руку, и онъ принужденъ былъ покинуть поле сраженія. Отвага турокъ была парализована. Новый начальникъ не замѣнилъ его.

безпрерывно стрѣляли въ нихъ. Лишь только я узналъ, что турки снова двинулись на мой авангардъ, я послалъ ему на помощь генерала Ермолова съ Нашебургскимъ полкомъ, 6-ю орудіями 12-ти фунтовыми, роты Веселицкаго (подъ командою Мелина 2-го, больного лихорадкою; его везли на лафетѣ)¹⁾, 12 орудій конной артиллеріи и Тверскихъ драгунъ, подъ командою Бердяева.

Я приказалъ Ермолову направиться на лѣвый флангъ непріятеля, и самъ поѣхалъ туда съ Эссенемъ, который посовѣтовалъ мнѣ направить туда и главныя силы. Онъ по-прежнему былъ правъ, а я по-прежнему заблуждался, не слѣдуя его совѣтамъ²⁾. Я могъ бы окружить оба непріятельскихъ фланга и захватить ихъ пушки раньше, нежели они перешли бы ручей. Я слишкомъ придерживался своей первоначальной идеи—скрывать главныя силы, чтобы вызвать завтра турокъ на генеральное сраженіе, заставляя ихъ думать, что у меня только это небольшое число войскъ, которое я имъ уже показалъ.

Чтобы захватить больше пространства, ген. Ермоловъ приказалъ сформировать, изъ 1.100 вооруженныхъ солдатъ своего полка, два каре, а Тверской полкъ съ конной артиллеріей былъ посланъ лѣвѣе. Турки, при видѣ этой поддержки, оставили каре Ладожскаго полка, которое было очень обрадовано своему освобожденію, и бросились на оба каре Нашебургскаго полка, но огонь 10-ти пушекъ нанесъ имъ большія потери и заставилъ замолчать 6 ихъ орудій; наконецъ, турки отступили и въ ужаснѣйшемъ безпорядкѣ бросились бѣжать. Бердяевъ съ своими драгунами кинулся ихъ преслѣдовать, а Новакъ направилъ огонь 12 орудій въ самую середину толпы турокъ и съ такою отвагою, что я не могъ не любоваться имъ. Поручикъ Розенталь особенно отличился здѣсь³⁾.

Турки въ своемъ паническомъ бѣгствѣ были опрокинуты, многіе попали въ ручей и массою погибли подъ выстрѣлами нашей артиллеріи. Поле битвы покрылось мертвыми тѣлами. Янычары, оставшіеся въ 2-хъ верстахъ, также отступили, но казаки догнали ихъ, взяли одно знамя и многихъ истребили. У турецкой конницы также было отнято одно изъ знаменъ. Сраженіе это стоило туркамъ 1.500 чел. Боснякъ, вылечившійся отъ ранъ, три мѣсяца

¹⁾ Онъ вышелъ изъ кадетскаго корпуса и хотя никогда не видалъ огня, но велъ себя съ необыкновенной неустрашимостью.

²⁾ Мнѣ можно простить ошибки, сдѣланныя во время этого дѣла, принявъ во вниманіе мою слабость. Я долженъ былъ каждую минуту глотать или нюхать эфиръ, иначе упалъ бы въ обморокъ.

³⁾ Онъ былъ убитъ въ слѣдующемъ году, при осадѣ Базарджика. Это былъ славный офицеръ.

спустя, разсказалъ мнѣ объ этомъ. Наши потери состояли изъ 2-хъ офицеровъ и 170 солдатъ. Это было незначительно для столь продолжительнаго и удачнаго дѣла, имѣвшаго желанный результатъ. Дѣло окончилось въ 8 ч. вечера, и я расположился бивакомъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, я хотѣлъ подойти къ Журжеву, но проливной дождь заставилъ войска остаться на мѣстѣ до 9 ч. утра. Я переждалъ этотъ ливень въ небольшой палаткѣ, которая не могла быть хорошимъ лекарствомъ отъ лихорадки, а между тѣмъ пароксизмъ болѣе не повторялся ¹⁾.

30 августа войска наши подошли къ Журжеву въ двухъ колоннахъ и развернулись фронтомъ, между Турбитомъ и Чардырь-Оглы, въ узкую и длинную линію. Затѣмъ я выслалъ казаковъ къ турецкимъ ретраншаментамъ, чтобы они своимъ дерзкимъ и лихимъ набѣгомъ вызвали визиря на сраженіе. У меня было 6.000 ч., а визирь имѣлъ 30.000; но ни одинъ турокъ не выходилъ, всѣ они были заняты укрѣпленіемъ своего громаднаго лагеря, въ которой и сконцентрировали свои войска, однимъ флангомъ къ Дунаю.

Своимъ прибытіемъ въ Коконецъ полковникъ Турчаниновъ привелъ турокъ въ изумленіе и въ ужасъ. Извѣстія, получавшіяся изъ Турно и Зимницы, гдѣ проходилъ Турчаниновъ, показали имъ, что я имѣлъ очень много войскъ и буду ихъ атаковать всюду.

Князь Сущо, потерявшій къ себѣ довѣріе, былъ заподозрѣнъ визиремъ въ невѣрности сообщенія его, что у меня не было и 3.000 человекъ. Фактъ былъ вѣренъ, но не считая корпуса Эссена.

Этотъ походъ Турчанинова имѣлъ блестящій успѣхъ, и онъ исполнилъ данное мною порученіе съ большимъ стараніемъ и энергіей.

Сраженіе подъ Фрасине, которое дѣйствительно спасло Валахію, доказываетъ, что главная способность генерала состоитъ въ хорошемъ изученіи страны, гдѣ онъ воюетъ, и въ знаніи непріятеля. Вступить въ сраженіе съ 6.000 чел. противъ 40.000, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ 30.000 конницы, и находящихся подъ

---

¹⁾ Въ день сраженія я чувствовалъ необычайную слабость и заснулъ въ 10 ч. вечера, а на другой день, несмотря на дождь, я проспалъ до 9 ч. утра. Ген. Эссенъ 3-й, зная мой планъ дѣйствій, не разбудивъ меня, выступилъ съ войсками, оставивъ мнѣ 1 баталіонъ, 1 эскадронъ и 50 казаковъ, которые и охраняли мою палатку.

защитою стѣнъ крѣпости, казалось безуміемъ! и дѣйствительно, поступать такъ значило идти въ разрѣзъ правиламъ военнаго искусства. Но благодаря той мѣстности, гдѣ я находился, я былъ увѣренъ, что мои 6.000 побѣдятъ 40.000 турокъ; а въ мѣстности, болѣе пересѣченной и поросшей лѣсомъ, имѣя даже вдвое войскъ, я былъ бы разбитъ. Безъ сомнѣнія, въ Россіи найдется много генераловъ, болѣе меня талантливыхъ, но кто никогда не велъ войны противъ турокъ, а иные даже и изъ воевавшихъ съ ними, не рискнули бы предпринять такое смѣлое дѣло, которое между тѣмъ единственно и могло меня спасти, имѣло громадный успѣхъ. Милорадовичъ и Зассъ дѣйствовали бы, какъ и я, но болѣе никто. Хотя я и не приказывалъ называть себя „спасителемъ Бухареста“, но я имъ былъ въ дѣйствительности. Турки, будучи увѣрены, что я имѣю 20.000 чел., отказались отъ своего наступательнаго плана и оставались въ бездѣйствіи. Нѣсколько дней я оставался у нихъ на виду и возвратился на высоты Дая только вечеромъ 31 августа, гдѣ и пробылъ до 4 сентября. Опасаясь за свой лѣвый флангъ, подверженный нападенію изъ крѣпости, гарнизонъ которой былъ выведенъ, я отправилъ въ Будешти гр. Мантейфеля съ Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, казачьимъ полкомъ и 200 Нижегородцевъ, чтобы наблюдать за Туртукаемъ. Съ остальными войсками я возвратился въ лагерь въ Капочени, а Турчаниновъ снова занялъ свою прежнюю позицію. Передъ тѣмъ какъ покинуть мои биваки, я велѣлъ построить навѣсы, разбросать множество соломы и вырыть кухни на 20 полковъ, чтобы обмануть турокъ, чтò мнѣ и удалось. Боснякъ мнѣ потомъ сказалъ, что эта хитрость заставила визиря повѣрить, что я былъ втрое сильнѣе, нежели на самомъ дѣлѣ, и онъ не могъ понять, откуда я собралъ такую массу войскъ.

Возвратились снова въ скверный Капоченскій лагерь, гдѣ корпусъ Милорадовича настроилъ множество навѣсовъ и землянокъ, которыя мною и были предоставлены солдатамъ, имѣвшимъ возможность укрыться въ нихъ отъ жары лучше, чѣмъ въ палаткахъ. Но, конечно, я никакъ не предполагалъ встрѣтиться тамъ съ турками. Я приказалъ полковнику Грекову, прекрасному начальнику аванпостовъ, чтобы онъ строго слѣдилъ за турками, и если онъ замѣтитъ, что они намѣреваются двинуться впередъ, тотчасъ же донести мнѣ объ этомъ, и тогда я форсированнымъ маршемъ подойду къ Фрасине и атакую турокъ вторично. Но дѣло обошлось и безъ моего вмѣшательства; объятые ужасомъ пораженія, они лишь изрѣдка рекогносцировали наши аванпосты и то съ большою осторожностью. Зная, что кн. Багратионъ подвигался къ Силистріи, я

вскорѣ былъ освобожденъ отъ всякихъ опасеній. Не боясь болѣе за Силистрію, я оставилъ Эссена у себя и поручилъ генералу Ротгофу командовать моимъ правымъ флангомъ отъ Ольты до Кильниша и усилилъ этотъ отрядъ полками Нашебургскимъ пѣхотнымъ и Тираспольскимъ драгунскимъ. Затѣмъ, я составилъ планъ овладѣнія Туртукаемъ, въ успѣхъ котораго я очень вѣрилъ. Удачные результаты этого плана могли бы имѣть очень важныя послѣдствія, такъ какъ занятіе этого города отрѣзало бы сообщенія Рушука съ Силистріей и воспрепятствовало бы туркамъ прибыть туда, и заставить насъ снять осаду, какъ они это сдѣлали мѣсяць спустя.

Я приготовилъ необходимое число судовъ и, кромѣ того, имѣлъ 50 понтоновъ, изъ которыхъ я хотѣлъ сдѣлать паромы, соединивъ два понтона вмѣстѣ и покрывъ ихъ досками изъ остатковъ Фальстокскаго моста. Произведенныя вокругъ Туртукая рекогносцировки показали, что турки не ожидали подобнаго предпріятія, и я могъ бы ихъ захватить совершенно врасплохъ, но я сдѣлалъ громадную ошибку, испросивъ на это разрѣшеніе Багратіона, а онъ сдѣлалъ еще большую—не давъ мнѣ такового.

Багратіонъ, высказывавшій мнѣ, впослѣдствіи, живую дружбу и безграничное довѣріе, тогда еще очень мало надѣялся на меня, такъ какъ не оправился еще и отъ впечатлѣнія, которое произвело на него мое разжалованіе послѣ Аустерлицкой битвы; къ тому же я не имѣлъ чести пользоваться покровительствомъ Безака.

За сраженіе при Фрасинѣ, которое я считалъ блестящимъ, необходимымъ и успѣшнымъ, но не особенно выгодно для меня изложенное въ реляціи Багратіона, меня пожаловали Владиміромъ 2 ст. и не обратили вниманія на мои представленія о храбрцахъ, дравшихся со мной, но очень скупо награжденныхъ.

Въ Бухарестѣ я былъ принятъ очень скромно властями, когда 4 сентября, пріѣхалъ туда. Члены Дивана не только не прибыли благодарить меня за ту услугу, которую я имъ оказалъ, помѣшавъ туркамъ разрушить Валахію и ея столицу, но даже Филипеско былъ слишкомъ не тактиченъ, чтобы не скрыть своего настроенія.

Самъ Энгельгардтъ ограничился лишь нѣсколькими смущенными комплиментами.

Вскорѣ я избавился и отъ опасеній за М. Валахію, которую признаюсь, я не имѣлъ надежды отстоять. Турки, потерявшіе случай овладѣть ею, не сумѣли найти его вторично.

Великій визирь собралъ къ себѣ всѣ войска, бывшія у Видина,

оставивъ на островѣ Ольмаръ лишь небольшой отрядъ, соотвѣтствующій только для обороны, но никакъ не для наступленія.

Только разъ 6 сентября, около 700 турокъ, выйдя изъ Кладовы и Гирсовы, разграбили на сѣверѣ М. Валахіи уѣздъ Тиргожи и опустошили его. Но посланный Исаевымъ капитанъ Ивановъ съ баталіономъ Сибирскихъ гренадеръ, пандурами и казаками изъ Балтади-Верде, нагналъ возвратившихся турокъ и обратилъ въ бѣгство съ потерю 100 чел.

Я долженъ отдать полную справедливость Исаеву, который, въ продолженіе всей этой кампаніи, принималъ самыя дѣятельныя и разумныя мѣры для защиты и сохраненія ввѣренной ему страны и выказалъ столько же предприимчивости, сколько ума во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и походахъ.

Тѣ же счастливыя обстоятельства, освободившія меня отъ турокъ въ обѣихъ Валахіяхъ, избавили сербовъ отъ непріятеля, грозившаго разорить и ихъ страну. Турецкія войска направились отъ Моравы къ Видину, и босняки, оставшись одни, держались оборонительнаго положенія. Сербы, освобожденные отъ своихъ главныхъ враговъ, занялись своими внутренними междуусобицами. Господарь Георгій Черный, довольно жестокой и властный въ этой, такъ сказать, республикѣ, имѣлъ много враговъ и думалъ, что имъ покровительствуетъ Родофинаки. Онъ жаловался мнѣ на него, прося смѣнить этого министра; старанія же мои успокоить его были напрасны. Онъ грозилъ Родофинаки, который, зная хорошо, что Георгій Черный, казнившій своего брата, способенъ былъ на всякую крайность, бѣжалъ изъ Бѣлграда въ Землинъ и прибылъ ко мнѣ черезъ Трансильванію. Побѣгъ этотъ очень не понравился Багратіону и доказалъ, что Родофинаки обладалъ больше осторожностью дипломата, чѣмъ храбростью военнаго. Багратіонъ хотѣлъ приказатъ ему вернуться на его постъ, но Родофинаки рѣшительно отказался исполнить это, а Коронели, назначенный на его мѣсто, находя болѣе удобнымъ вести свои дѣла съ болгарами и Безакомъ, остался въ главной квартирѣ.

14 сентября, Грековъ мнѣ донесъ, что лагерь турокъ у Журжева замѣтно уменьшается, а 15-го я получилъ извѣстіе, что турки совершенно сняли свой лагерь. Отъ нашихъ шпионовъ я узналъ, что визирь отказался отъ всѣхъ предпріятій противъ обѣихъ Валахіи и собралъ всѣ свои силы, чтобы дѣйствовать противъ Багратіона.

Кампанія въ Валахіи кончилась и съ полной силой началась въ Болгаріи. Такъ какъ мнѣ болѣе нечего было дѣлать въ Бухарестѣ,

пробываніе въ которомъ мнѣ стало невыносимо, то я просилъ Багратіона разрѣшить мнѣ служить съ нимъ. Ходатайство мое было уважено, но я никакъ не могъ даже подозрѣвать, что онъ въ Бухарестъ пошлетъ Милорадовича. Въ данномъ случаѣ, онъ соблюдалъ болѣе свои интересы, чѣмъ общее благо. Присутствіе Милорадовича въ арміи очень не нравилось Багратіону, такъ какъ тотъ открыто возставалъ противъ него, публично критиковалъ все его дѣйствія и посылалъ своему другу Аракчееву длиннѣйшія посланія, при каждомъ случаѣ.

Милорадовичъ пріѣхалъ въ Бухарестъ 8 сентября, а 19-го я выѣхалъ оттуда.

Пріѣхавъ къ Багратіону, я имѣлъ съ нимъ разговоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Я ему подробно описалъ мои операціи и выяснилъ положеніе Валахіи, которое онъ уже начиналъ понимать. Я совѣтовалъ ему выслать Филипеско, но онъ отвѣтилъ, что до окончанія кампаніи онъ не въ состояніи заниматься этими дѣлами.

Любезность, съ которою онъ меня встрѣтилъ, и приказъ, въ которомъ онъ благодарилъ меня за мои военные и гражданскіе успѣхи въ Валахіи, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, не могли дать мнѣ повода предполагать, что въ военномъ журналѣ онъ будетъ мотивировать назначеніе Милорадовича безпокойствомъ за судьбу Валахіи, а потому и необходимостью назначить туда хорошо знающаго страну и ея средства защиты. Все было невѣрно и смѣшно въ этой мотивировкѣ, которая была безчестіемъ для меня и страшной низостью для Милорадовича. Совершенная неправда, что будто являлись еще опасенія за Валахію, а если и такъ, то надо было оставить въ ней того же генерала, который только-что спасъ эту страну. Журналъ былъ работой Безака, но Багратіону слѣдовало бы прочесть и исправить его, прежде чѣмъ его подписать ¹⁾.

Безакъ, какъ я уже говорилъ, все еще преклонялся передъ именемъ Милорадовича, хотя и ненавидѣлъ его за дурное обращеніе съ нимъ и думалъ, что ему все будетъ позволено со мной, зная, что я все еще въ немилости при дворѣ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я узналъ объ этомъ журналѣ долго спустя, когда онъ былъ уже напечатанъ. Зная я раньше, я бы не замедлил пожаловаться Багратіону и даже Государю.

Къ исторіи монастырей 1670 г.

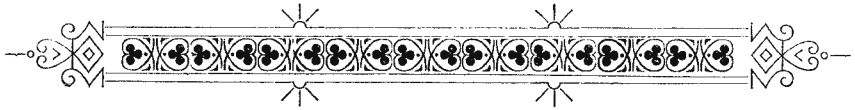
Государю Преосвященному Симону архіепископу Вологодскому и Бѣлоозерскому бьетъ челомъ и являетъ сирота Государевъ Воложанинъ посацкой человекъ Ивашко Осиповъ сынъ Головковъ, а кружечнаго двора ларешной цѣловальникъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 179-мъ году (*т. е. въ 1670-мъ*) декабря во 2 день Вологодкой таможенной голова Гаврило Ѳетіевъ прислалъ по меня сироту на кружечной дворъ таможеннаго коморника и велѣлъ мнѣ сиротѣ быть въ таможенную избу, и я сирота въ таможенную избу пришелъ того жъ числа, и онъ Гаврило Ѳетіевъ у меня сироты спрашивалъ торговъ прошлого 177 году, и я сирота ему Гаврилу говорилъ: по какову Великого Государя указу тѣхъ прошлыхъ годовъ торгововъ (*торговъ*) спрашиваешь? И онъ Гаврило Ѳетіевъ въ таможенной избѣ меня сироту билъ и увѣчилъ и съ палкою по таможнѣ ходилъ и заставлялъ меня сироту силою руку приложить невѣдомо къ какой запискѣ. И я сирота, не мога терпѣть побой и страстей, руку приложилъ. И какъ я сирота изъ таможни пошелъ, и невѣдомо по какову умыслу Вологжанинъ Иванъ Григорьевъ сынъ Салтановъ меня сироту бранилъ всякою неподобною бранью, и выбѣжалъ за мною на крыльцо, и меня сироту хотѣлъ бить. И я сирота отъ него Ивана побѣжалъ и являлъ на него, Ивана Салтанова, въ ряду и въ земской избѣ, что и впредь мнѣ сиротѣ онъ Иванъ угрожаетъ убивствомъ. И я сирота для Великого Государя дѣла на кружечной дворъ и на винокуренную поварню днемъ и ночью хожу безпрестани, а oprичъ его Ивана Салтанова лихихъ людей не знаю. Государь Преосвященный Симонъ, архіепископъ Вологодскій и Бѣлозерскій, пожалуй меня сироту Государева, вели, государь, челобитье мое и явку записать, чтобъ мнѣ сиротѣ Государеву отъ того Ивана Салтанова, отъ его похвальныхъ словъ впредь изувѣчену и убиту не быть. Государь великій святитель, смилуйся.

На оборотѣ челобитной рукоприкладство: къ сей извѣстной челобитной Ивашко Головковъ руку приложилъ.—*Наверху помнитъ:* 179, декабря въ 3 день. Записать.

Сообщ. И. Суворовъ.

Радостная кончина.

Въ теченіе прошлаго столѣтія въ Черниговѣ и въ Черниговской губ. былъ всемъ извѣстенъ общественный дѣятель, литераторъ и археологъ, почтенный Александръ Ивановичъ Ханенко.— Это былъ очень богатый, знатный дворянинъ, происходившій отъ одного изъ гетмановъ, человѣкъ образованный, благородный, игравшій видную роль въ дѣятельности редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ.

Послѣ него осталось много литературныхъ произведеній и историческихъ трудовъ.— Дѣтямъ своимъ онъ озаботился дать лучшее образованіе, ему удалось приготовить изъ нихъ прекрасныхъ общественныхъ дѣятелей и служителей родины.

Старшій его сынъ, почтенный Александръ Александровичъ Ханенко, занималъ послѣдовательно должность земскаго начальника въ Черниг. уѣздѣ, черниговскаго городского головы, черниговскаго тюремнаго инспектора, а главное въ то самое время, о которомъ идетъ рѣчь, состоялъ въ должности соборнаго старосты Борисоглѣбскаго собора, хранившаго мощи Святителя Θεодосія чудотворца земли Черниговской и Пресображенскаго собора, въ который предполагалось перенести мощи на всегда, что и было исполнено въ 1896 г. 9 сентября. Въ 1901 г. А. А. Ханенко скоропостижно скончался 6-го августа—въ день храмоваго праздника Пресображенскаго собора.

Въ теченіе всей жизни Александра Ивановича Ханенко занимала мысль о проведеніи дѣла открытія мощей святителя Θεодосія (изъ рода Углицкихъ), архіепископа черниговскаго. Онъ очень много поработалъ надъ изслѣдованіемъ жизни святителя и едва-ли не первый издалъ подробное описаніе этой жизни.

При всякомъ удобномъ случаѣ Александръ Ивановичъ поднималъ вопросъ и ходатайство объ освященіи мощей; по почину духовенства, при участіи его,— еще тогда очень молодого человѣка,—

въ 1824 году состоялось извлечение тѣла святителя изъ могилы, находившейся въ Черниговѣ подъ соборомъ Свв. Бориса и Глѣба и перенесеніе въ пристроенную для этого къ тому собору часовню,— гдѣ тѣло и покоилось въ серебряной ракъ въ теченіе семидесяти лѣтъ—до 1896-го года.

Къ этому году вопросъ объ освященіи мощей святителя и о канонизаціи его святымъ назрѣлъ; весной того года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ осуществленіи благой мысли.

Старикъ не могъ достаточно нарадоваться, прослышавъ, что старанія, которыя онъ поставилъ задачей своей жизни, увѣнчались успѣхомъ; онъ торжествовалъ, когда узналъ, что „Государь Императоръ Николай II, внявъ желаніямъ народа православнаго, одобрилъ мысль объ освященіи мощей и повелѣлъ привести ее въ исполненіе установленнымъ порядкомъ“.

Скоро стало извѣстно, что высокопреосв. Іоанникій,—митрополитъ кievскій и галицкій назначенъ предсѣдателемъ духовной коммиссіи, на которую возложено совершеніе всѣхъ подготовительныхъ работъ къ акту освященія, исполненіе всѣхъ полагающихся при этомъ формальностей и, какъ результатъ этого, назначеніе дня торжества освященія.

Въ началѣ іюля высокопреосв. Іоанникій прибылъ въ Черниговъ, подробно осмотрѣлъ соборъ, побывалъ нѣсколько разъ у раки святителя. Феодосія, имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ мѣстными іерархами, а на 10-е іюля назначилъ главную формальность -- осмотръ мощей святителя; къ осмотру были привлечены: епископъ черниговскій и нѣжинскій Антоній, епископъ новгородсѣверскій Питиримъ—викарій Черниг. епархіи, а также протоіерей градского собора и ключарь.

А. И. Ханенко переживалъ счастливые дни своей жизни, но, по своимъ годамъ, онъ уже не могъ переносить волненій и слезъ, хотя былъ совершенно здоровъ.—Оставаясь дома, онъ поминутно разсылалъ людей то къ одному, то къ другому изъ своихъ друзей и знакомыхъ, разузнавать о ходѣ дорогого для него дѣла и о новостяхъ по этому событію вообще.

Когда въ назначенный день совершенно особый колокольный звонъ возвѣстилъ о томъ, что митрополитъ Іоанникій съ архіереями выѣхалъ изъ загороднаго Троицкаго монастыря въ городъ и направился къ Борисоглѣбскому собору,—А. И. Ханенко, созвавъ всѣхъ домашнихъ, сказалъ имъ съ большой радостью: „вотъ когда я могу считать себя счастливымъ; я знаю, что могу теперь умереть спокойно; слава Господу, Творцу вселенной и благодареніе Царю Батюшкѣ... Помолимся“...

Домашніе въ умиленіи оставались при старикѣ. — Очень велико было ихъ и всего города изумленіе, когда стало извѣстно, что, по расчету времени, какъ только послѣдовало окончаніе церемоніи осмотра мощей и принято было рѣшеніе ходатайствовать о назначеніи днемъ торжества воскресенья 9-го сентября—въ самый моментъ возвѣщенія новымъ звономъ выхода владыки Іоанникія изъ мѣста упокоенія святителя, — Александръ Ивановичъ Ханенко тихо, незамѣтно скончался съ радостной улыбкой на устахъ.

Этотъ случай, происшедшій какъ бы срочно, въ указанный моментъ, произвелъ въ городѣ, а затѣмъ въ округѣ громадное впечатлѣніе на всѣхъ.

Бодрый, здоровый старикъ, дѣйств. статскій сов., достойнѣйшій А. И. Ханенко скончался на 94-мъ году жизни и погребенъ въ погостѣ Елецкаго Успенскаго монастыря въ Черниговѣ.

Сообщ. А. Е. К.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

слова, главы восточной православной церкви говорили, что онъ „возлюбил Христа выше земныхъ мудрецовъ, и есть мнози и велици князи на Руси, но не достигша такового тшания и труда, еже послати и видѣти святыи сей соборъ, яко же сей великий князь Борисъ“, что онъ— „подобенъ есть великому царю Константину, онъ бо со святыми отци на седьмомъ соборѣ былъ, а великий князь Борисъ присла своего боярина, а самому бо ему не быше за то, долготы ради путныя“; слово именуеть его не разъ „великимъ самодержцемъ“. „царствующимъ“, носящимъ „царский вѣнецъ“. Борисъ Александровичъ заключилъ (1449 г.) мирный договоръ съ королемъ Кази-миромъ; къ нему, а не въ Москву, приходили послы „отъ Шаврукова царства“, изъ Герата, гдѣ царствовалъ Шахрухъ, сынъ Тамерлана. Изгнанному изъ Москвы, дошедшему до „нищевидности“ великому князю Василю тверской князь помогаетъ утвердиться на прародительскомъ столѣ, и на сильнаго тверского государя смотритъ восточное христіанство какъ на наслѣдника традицій погибающей Византіи и защитника православія. „Увы!“—заканчиваетъ Н. П. Лихачевъ—, „черезъ нѣсколько десятилѣтій Твери не стало какъ политическаго организма. По неволѣ забыты горделивыя мечтанія, и московскіе книжники позаботились, чтобы твореніе тверского публициста стало рѣдкостью!“

Николай Брянчаниновъ. Впечатлѣнія бытія. Парижъ. 1907 г.

„Я родился зрителемъ и навѣрное сохраню навсегда это простодушіе зѣвканье большого города, которыхъ все забавляетъ, и которые въ почтенномъ возрастѣ отличаются безкорыстнымъ любопытствомъ маленькихъ дѣтей“... Этими мягкими, улыбающимися словами Анатоля Франса открывается сборникъ небольшихъ, отрывочныхъ замѣтокъ и набросковъ. Въ нихъ нѣтъ ни „ума холодныхъ наблюдений“, ни „сердца горестныхъ замѣтъ“. „Мнѣ было когда-то“—говоритъ авторъ—, „пріятно ихъ писать, какъ пріятно бываетъ съѣсть сочный фруктъ, выпить стаканъ хорошаго вина, насладиться погожимъ весеннимъ утромъ; онѣ говорить о вещахъ и людяхъ, которыхъ мнѣ пріятно видѣть или къ которымъ мнѣ пріятно возвращаться хоть бы мысленно“. И дѣйствительно, весь тонъ набросковъ говоритъ, что они были написаны безъ мысли о книгѣ и безъ всякой литературной притязательности, хотя нѣкоторые изъ нихъ и печатались кое-гдѣ. Замѣтки составились во время путешествія по Европѣ и образуютъ отдѣлы—„На всемірной выставкѣ 1906“, „По Парижу“, „Во Франціи“, „Въ Лотарингіи“, „Въ Вогезахъ и Эльзасѣ“, „По Германіи“, „По Испаніи“. Отъ природы и социальныхъ интересовъ современности авторъ довольно далекъ, но зато онъ любитъ обвѣянный пылью вѣковъ европейскій городъ, любитъ калейдоскопъ его улицъ, ихъ пестроту и шумъ, и особенно любитъ искусство въ его прошломъ. Наблюденія проникнуты духомъ усталости и скептицизма, хотя неглубокаго; вмѣстѣ съ тѣмъ они интересны и умны и читаются легко.

А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908 г.

Новые очерки г. Фаресова, наблюдателя народной жизни, посвящены пробужденію народа, начавшемуся съ нашей послѣдней несчастной войною. Сквозь толщу народнаго невѣжества пробилась лучи здраваго гражданскаго сознанія, за первые проблески котораго Россія заплатила такъ дорого. Невѣжество питаю самыя дикія и вздорныя легенды, вродѣ такой:—„у нихъ (японцевъ) при каждомъ полку особая японка есть безглазая, пустое мѣсто у носу, они ее на красномъ коврѣ носятъ, въ большемъ почетѣ она у нихъ; эта японка именно все и видитъ, рассказываетъ, по какимъ мѣстамъ мы идемъ, сколько насъ... Такой въ ней секретъ, ей все открыто; куда ее повернуть, она ту сторону, словно книжку, читаетъ; и на корабляхъ ихнихъ тоже такія японки сидятъ и говорятъ, когда нападать на наши суда и когда уходить отъ нихъ“. И противъ безглазой японки выпустили Скобелева, который, оказывается, не умеръ, а былъ гдѣ-то спрятанъ отъ „англичанки“, а когда ея не стало, снова вышелъ на свѣтъ Божій. Но вскорѣ посылались другіе, болѣе трезвые разговоры. Въ деревнѣ еще много дикости. У бабы „вся голова избита объ стѣну“, „мальцы завели моду бить дѣвушекъ на гулянкахъ“; мужъ жалуется на „нестепенницу“ жену, которая не даетъ себя тиранить: „молодуха ругаетъ мужа, а тотъ и бить не смѣй ее за это... Да у насъ прежде родами помирали женщины отъ побоевъ мужа, и то ничего имъ не бывало“... Но уже перерождается и забитая баба и отвѣчаетъ: „Не будетъ того болѣе, не тѣ времена, я тоже чоловікъ“,—а слушающіе это мужики качаютъ головами: „въ школу ходила и свой характеръ имѣтъ... Къ студентамъ приписамшись, по-новому жить хотятъ“... Такихъ иллюстрацій много въ интересной книжкѣ г. Фаресова, написанной живо и красочно. Языкъ мужиковъ, этихъ всегдашнихъ и любимыхъ героевъ автора, образенъ и ярокъ, и г. Фаресовъ справедливо говорить о немъ: „если бы ничего не было въ русской исторіи, но остался бы въ ней этотъ художественный языкъ великоросса, то одного его достаточно, чтобы вѣрить въ близкое пробужденіе великаго народа“.

Н. Л.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранцы** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. *По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ*, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей пхъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, В. Подъячская ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

Библиотека „Руниверс“

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIX-й.

АВГУСТЪ.

1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Великая совѣсть. П. Л.	215—222	X. Воспоминанія стараго орловца. Конст. Федор. Кулябца.	367—381
II. Крахъ земельныхъ банковъ. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	223—226	XI. Изъ дневника Опочинина.	383—400
III. Къ біографіи И. С. Тургенева. Н. Гугляръ.	229—240	XII. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій.	401—428
IV. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева.	241—255	XIII. Изъ давно прошедшаго. (Отрывочныя воспоминанія). Л. Драке.	429—436
V. С. - Петербургско - музыкально - драматическій кружокъ любителей. Сообщ. Крушковскій.	257—264	XIV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:	
VI. Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева. В. Н.	265—316	а) Результатъ излишней доврчивости. Сообщ. А. Е. К.	227—228
VII. Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—1878 годахъ. М. Костырко.	317—337	б) Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону. Сообщ. Д. Скалонъ.	—256
VIII. Къ 150-лѣтней годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 августа 1758 года. Л. Драке.	338—340	в) Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 году. Сообщ. П. Суворовъ.	366
IX. Поездка изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ на пароходъ „Александрія“ въ 1838 году. Ал. К.—ій.	341—365	г) Начальникъ Соколовой горы. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	382
		XV. Библиографическій списокъ (на оберткѣ).	

Приложеніе: Портретъ Графа Льва Николаевича Толстого.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ, д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

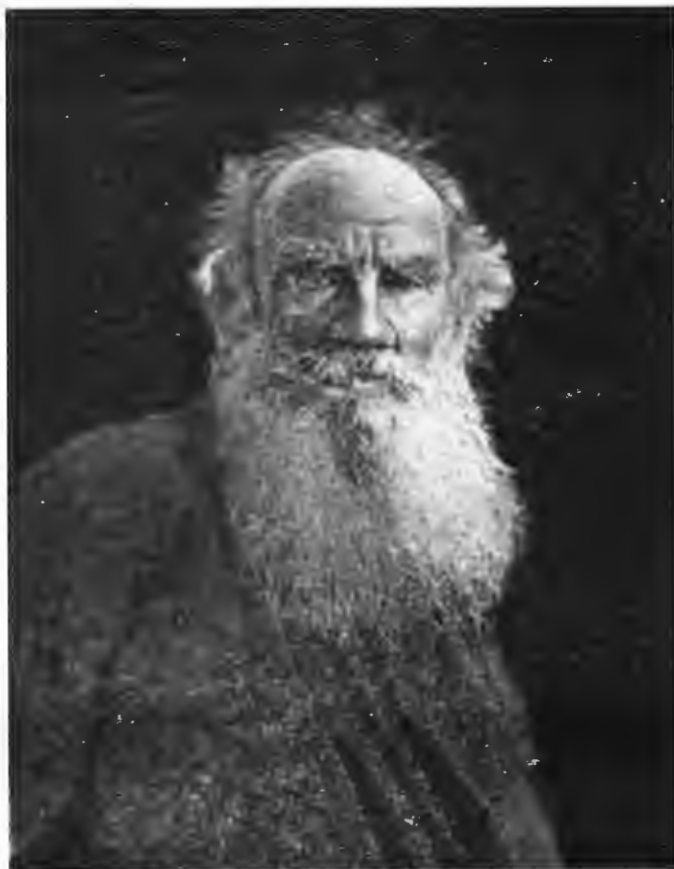
VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1908 года.

Библиографическій листокъ.

Владимиръ Короленко. Отошедшіе. СПб. 1908.

„Отошедшіе“, о которыхъ рассказываетъ В. Г. Короленко,—это Глѣбъ Успенскій, Чернышевскій и Чеховъ, и маленькую книжку воспоминаній талантливаго писателя о трехъ большихъ людяхъ прочитываешь быстро-быстро, и закрываешь медленно, словно нехотя, съ щемящей грустью въ сердцѣ. Это не столько мемуары, сколько мастерски набросанные психологическіе портреты, оттѣненные меланхолическимъ свѣтомъ нѣжнаго лиризма, такъ свойственнаго таланту Короленко. Самыя лучшія, теплыя страницы посвящены Глѣбу Успенскому, съ которымъ Короленко познакомился въ 1887 году. „Я увидѣлъ“—рассказываетъ авторъ—„въ первый разъ его удивительные глаза, широко разставленные и глубокіе. Въ нихъ было что-то ласковое и печальное въ то же время: лицо показалось мнѣ усталымъ. Помню, однако, что оно какъ-то сразу, безъ всякаго промежуточнаго впечатлѣнія и разлада,—слилось со всѣмъ лучшимъ, что отлагалось въ душѣ отъ его произведеній. Мнѣ казалось только, что лицо и взглядъ автора „Будки“, „Разоренья“ и столькихъ картинъ, полныхъ яркаго и своеобразнаго юмора,—должны бы быть нѣсколько веселѣе. Однако я чувствовалъ, что отъ этого оно не стало бы лучше, чѣмъ съ этой грустью,—сосредоточенной, вдумчивой и какъ-будто давно отложившейся на самомъ днѣ этой глубокой души... Разговоръ Успенскаго былъ тоже совершенно особенный. Рассказывая что-нибудь, онъ глядѣлъ на собесѣдника своимъ глубокимъ, мерцающимъ взглядомъ, говорилъ тихо, какъ-будто сквозъ слегка сжатые зубы, и при этомъ жестикулировалъ какъ-то особенно, то и дѣло прикладывая два пальца къ груди, какъ-будто указывая на какую-то боль, которую онъ чувствовалъ отъ собственныхъ разказовъ гдѣ-то въ области сердца. Его рѣчь была отрывиста, безъ закругленныхъ періодовъ, полная причудливыхъ изгибовъ и неожиданныхъ опредѣленій, часто вспыхивала своеобразнымъ юморомъ. И никогда она не производила впечатлѣнія простой болтовни на досугъ, среди которой такъ хорошо иногда отдохнуть отъ работы и отъ мыслей. Его молчаніе было отмѣчено тѣми же чертами, какъ и его разговоръ. Въ его отрывистыхъ замѣчаніяхъ и въ его молчаніи чувствовалась какая-то неразрывная связь. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ говоритъ, что иногда можно „молчать о многомъ“. Дѣйствительно, бываютъ разговоры, въ которыхъ содержанія меньше, чѣмъ въ полномъ молчаніи, и бываетъ молчаніе, въ которомъ ходъ мысли чувствуется явнѣе, чѣмъ въ иномъ даже умномъ разговорѣ. Такое именно значительное молчаніе чувствовалось въ паузахъ Успенскаго. Его рѣчь и его паузы продолжали другъ друга. Мысль его шла, какъ рѣка, которая то течетъ на поверхности, то исчезаетъ подъ землю, чтобы черезъ нѣкоторое время опять сверкнуть уже въ другомъ мѣстѣ“... Успенскій былъ живой, неисчерпаемый источникъ нравственнаго обаянія для всякаго, кто хоть на мгновение попадалъ въ атмосферу этого колоссальнаго ума и горящаго сердца, будь это писатель Короленко, или случайно столкнувшійся съ Успенскимъ на пароходѣ жалкій мѣщанишко, надъ которымъ „устроили большую подлость“, или двѣ ярмарочныя пѣвички, съ которыми какъ-то перекинулся дружескимъ словомъ Глѣбъ Ивановичъ.

Безотчетная, евангельская доброта Успенскаго мало задумывалась надъ вѣковѣчнымъ вопросомъ объ отношеніи человѣка и Бога, но въ послѣдніе еще не поглощенные безуміемъ годы его жизни, быть можетъ, уже витали въ его душѣ религиозные образы и мысли, въ которыхъ и нашель себѣ форму его психозъ. „Несомнѣнно, что въ этомъ изстрадавшемся чужими страданіями подвижникѣ литературы въ послѣдній періодъ жизни проснулся обычный типъ подвижника, знакомый нашей русской, порою жестокой, порою простодушной родной старинѣ. И, можетъ быть, въ другія времена его бы оставили на свободѣ, и онъ бродилъ бы по деревнямъ, или жилъ бы въ какой-нибудь обители, и говорилъ бы людямъ о святой инокинѣ Маргаритѣ, которая учить побѣждаетъ въ человѣкѣ звѣря и помогаетъ святому Глѣбу бороться съ животнымъ Иванычемъ, и раскрываетъ свѣтлое небо... И его слушали бы темные люди и ловили бы въ темныхъ рѣчахъ мерцаніе небесной правды“... Интересны слова Успенскаго о Толстомъ, передаваемые Короленко, у котораго онъ однажды увидѣлъ висѣвшій надъ столомъ портретъ великаго писателя, и спросилъ: „Что это значитъ?“—указывая глазами на портретъ. Это былъ періодъ, когда Толстой находился въ фазисѣ „непротивленія“, когда изъ-подъ его пера появилась сказка объ Иванѣ-дуракѣ и другіе разказы той же серіи, изъ-за которыхъ еще не развернулась новая эволюція этого безпокойнаго и могучаго духа. Я отвѣтилъ Глѣбу Ивановичу,—передъ чѣмъ именно я преклоняюсь въ этомъ человѣкѣ. Онъ долго и задумчиво смотрѣлъ своими печальными глазами въ суровыя черты портрета и потомъ сказалъ: „Да! Я вотъ давно собираюсь къ нему... Поговорить... о многомъ“... И потомъ, улыбувшись, отвѣтилъ:

Мелкиседек.
1908 10 мая.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ—ПЯТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

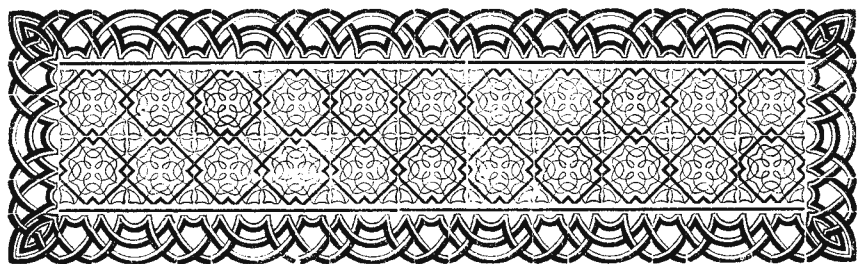
«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—ответственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ» платятъ: вмѣсто 5 руб.—4 руб., и вмѣсто 8 руб.—7 руб.

Великая совѣсть.

Взоры всего человѣчества обращены теперь къ маленькому уголку Тульской губерніи, къ бѣдной деревенькѣ, имя которой, Ясная Поляна, звучитъ образованному уху какъ Стаффордъ-на-Авонѣ, какъ Ферней, какъ Михайловское... Тамъ, въ груди восьмидесятилѣтняго старца, бьется одно изъ самыхъ прекрасныхъ, самыхъ благородныхъ сердець, какія зналъ міръ, — сердце, въ унисонъ съ которымъ бьются милліоны другихъ сердець, заимствующихъ свѣтомъ и пламенемъ отъ этого великаго источника. Нынѣ исполняется восемьдесятъ лѣтъ Толстому¹⁾, и весь цивилизованный міръ празднуетъ славное долголѣтіе великаго писателя и великаго праведника. „Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды“... Горька и безотраднa наша дѣйствительность. Но у насъ есть великое утѣшеніе — сознанье, что среди нашихъ современниковъ есть Левъ Толстой, носитель и живое олицетвореніе вѣчной правды на землѣ. Онъ, нашъ современникъ и соотечественникъ, наша слава и гордость, и всѣ мы уже много лѣтъ прислушиваемся къ вѣщему голосу яснополянскаго мудреца, который въ своемъ уединеніи, однако, не отошелъ отъ жизни, но весь въ ней, глубоко испытывая ее и направляя своей могучей рукою...

Прошло болѣе полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ молодой литераторъ-офицеръ писалъ (во второмъ изъ „Севастопольскихъ разсказовъ“ — „Севастополь въ маѣ 1855 года“), стараясь оправдать

¹⁾ Отзвываясь на просьбу редактора, глубокоуважаемый и любимый Левъ Николаевичъ нашелъ досугъ и охоту выбрать и собственноручно подписать для «Русской Старины» свой портретъ, снимокъ съ котораго приложенъ къ настоящей книгѣ нашего журнала.

или, вѣришь, объяснить свою безошадную художественную правдивость: „Можетъ, не надо было говорить этого; можетъ быть, то, что я сказалъ, принадлежитъ къ одной изъ тѣхъ злыхъ истинъ, которыя, безсознательно таясь въ душѣ каждаго, не должны быть высказываемы, чтобы не сдѣлаться вредными, какъ осадокъ вина, который не надо взбалтывать, чтобы не испортить его. Гдѣ выраженіе зла, котораго должно избѣгать? Гдѣ выраженіе добра, которому должно подражать въ этой повѣсти? Кто злодѣй, кто герой ея? Всѣ хороши, и всѣ дурны... Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ,—*правда*“. Поэтомъ этого героя Толстой остался навсегда.

Толстой великій счастливецъ. Ему удалось почти сразу, безъ страшныхъ душевныхъ мукъ, сомнѣній, терзаній и бореній, найти свою правду, найти себя. Его путь съ самаго начала былъ ровень, хотя не всегда былъ гладокъ и легкокъ. Въ сороковыхъ годахъ, еще юношей, подъ вліяніемъ Руссо, онъ принимается за разсужденіе „О цѣли философіи“, въ которомъ ясно выражаетъ свой идеаль нравственнаго совершенствованія и смотритъ на философію, какъ на „науку жизни“. Теорія у него не расходится съ практикой, и въ 1847 г. онъ, оставивъ университетъ, поселяется въ родной Ясной Полянѣ, чтобы послужить своимъ крѣпостнымъ, улучшить ихъ бытъ. Объ этой порѣ своей дѣятельности онъ самъ разсказалъ потомъ въ „Утрѣ помѣщика“. Объясняя свои намѣренія, герой, Нехлюдовъ (т. е. Толстой) пишетъ: „Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастіи этихъ семисотъ человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покидать ихъ на произволъ грубыхъ старостъ и управляющихъ, изъ-за плановъ наслажденія или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность?“ Нехлюдовъ, этотъ постоянный спутникъ Толстого и во многихъ отношеніяхъ его двойникъ, вскорѣ убѣждается въ невозможности создать идиллическую счастливую Аркадію на скудной почвѣ, прогноенной крѣпостнымъ правомъ. Но благородный пылъ души не гаснетъ отъ неудачъ, и въ 1858 г. имя Толстого появляется подъ запиской 105 тульскихъ дворянъ, предложившихъ тульскому губернскому комитету „для выработки мѣръ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ“ освободить крѣпостныхъ съ надѣленіемъ ихъ землю; послѣднее особенно ужасало тогда значительную часть дворянства.

Вскорѣ Толстой увлекается задачами народнаго воспитанія. Онъ додумывается до своей собственной педагогической системы, осно-

вывааетъ школу и заводитъ педагогическій журналъ. Въ то же время онъ дѣятельно работаетъ въ качествѣ мирового посредника, защищая интересы крестьянъ. Затѣмъ религіозно-философскіе вопросы окончательно занимаютъ его мышленіе. Путь, по которому онъ все время движется, неуклонно прямъ. Онъ родился рыцаремъ правды и совѣсти — и остался имъ навсегда.

Еще героемъ „Юности“, въ обликѣ Николенки, Толстой сдѣлалъ нравственное „открытіе“: онъ пришелъ къ убѣжденію, что „назначеніе человѣка есть стремленіе къ нравственному совершенствованію, и что совершенствованіе это легко, возможно и вѣчно“. Это убѣжденіе въ необходимости и возможности нравственнаго улучшенія навсегда окрасило міроотношеніе Толстого. Грянула Восточная война, Толстой принялъ, въ качествѣ артиллерійскаго офицера, участіе въ оборонѣ Севастополя. И какія чувства и мысли вызвала война въ молодомъ офицерѣ? Великій язычникъ Пушкинъ любилъ войну и все военное и, по крайней мѣрѣ какъ поэтъ, не замѣтилъ ея тѣневой, мрачной стороны. Ему нравилась не только „пѣхотныхъ ратей и коней однообразная красивость“, но даже „смерть и адъ со всѣхъ сторонъ“, и съ его пера сорвалось хладнокровное сравненіе битвы съ земледѣльцемъ („какъ пахарь, битва отдыхаетъ“). Мальчикомъ онъ мечталъ:

Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата...

Выйдя изъ лицея и собираясь вступить въ военную службу, онъ упоенно писалъ:

Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?..

Въ эпилогѣ „Кавказскаго Плѣнника“ онъ воспѣлъ храбраго Котляревскаго:

Куда ни мчался ты грозой,
Твой мечъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...

Ожидая войны въ Бессарабіи, въ 1821 г., онъ радовался:

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумятъ знамена бранной чести!

Увижу кровь, увижу праздникъ мести.
 Засвищеть вкругъ меня губительный свинець!
 И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей...

Ему словно въ голову не приходило, что на войну можно смотрѣть иначе, съ другихъ точекъ зрѣнія.

Не такъ взглянулъ на нее Лермонтовъ. Пѣвецъ Бородина и участникъ битвы при Валерикѣ послѣ кровопролитнаго сраженія грустно размышлялъ:

...Жалкій человекъ!
 Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
 Подъ небомъ мѣста много вѣзмъ,
 Но безпрестанно и напрасно
 Одинъ враждуетъ онъ. Зачѣмъ?..

Но то, что было нужно Пушкину, а у Лермонтова иногда проглядывало, какъ мимолетное настроеніе, составляетъ для Толстого источникъ внутреннихъ страданій и скорби. Въ „Севастопольскихъ разсказахъ“ война является не „съ музыкой и барабаннымъ боемъ, съ развѣвающимися знаменами и гарцующими генералами, а въ ея настоящемъ выраженіи — въ крови, въ страданіяхъ, въ смерти“... Описывая уборку труповъ во время кратковременнаго перемирія, Толстой говоритъ: „На бастіонахъ и на траншеяхъ выставлены бѣлые флаги; пвѣтущая долина наполнена мертвыми тѣлами; прекрасное солнце спускается къ синему морю; синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христиане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждого, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?.. Бѣлые флаги спрятаны, и снова свистятъ орудія смерти и страданій, снова льется невинная кровь, и слышатся стоны и проклятія“.

Вотъ Толстой въ новомъ автобіографическомъ изображеніи. Онъ—Оленинъ, герой „Казаконъ“. Умный юноша, съ нѣжной, чуткой душой, но съ слабой волей и испорченный плохимъ воспитаніемъ и беспорядочной жизнью, попадаетъ въ казачью станицу, въ міръ величавой природы и простыхъ, не тронутыхъ культурой людей. Онъ „чувствуетъ“ горы, ихъ непорочную бѣлизну и вѣчную красоту, и „какой-то торжественный голосъ“ прозвучалъ въ его душѣ: „Теперь началось“... „И вдругъ ему открылся какъ будто но-

вый свѣтъ: счастье вотъ что, — сказали онъ самъ себѣ, — счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастья; стало быть, она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастья незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на вѣшнія условія? Какія? — Любовь, самоотверженіе!.. Вѣдь ничего для себя не нужно, — все думалъ онъ, — отчего же не жить для другихъ?“ Только такъ жить значить — жить, и вотъ почему Платонъ Каратаевъ, жизнь котораго, „какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь, а имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовал“, не говоря уже о Кутузовѣ, носителѣ „духа простоты и правды“, который „ничего не говорилъ о себѣ, не игралъ никакой роли, казался всегда самымъ простымъ и обыкновеннымъ человѣкомъ и говорилъ самыя простыя, обыкновенныя вещи“, — въ глазахъ Толстого выше Наполеона, который „до конца жизни своей не могъ понимать ни добра, ни красоты, ни истины“. Потому что „нѣтъ истиннаго величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, доброты и правды“.

Пьеръ Безухій, въ котораго Толстой вложилъ часть своей души, „долго въ своей жизни искалъ съ разныхъ сторонъ успокоенія, согласія съ самимъ собою... Онъ искалъ этого въ филантропіи, въ масонствѣ, въ разсѣяніи свѣтской жизни, въ винѣ, въ геройскомъ подвигѣ самопожертвованія, въ романтической любви; онъ искалъ этого путемъ мысли, и всѣ эти исканія и попытки обманули его. И онъ, самъ не думая о томъ, получилъ это успокоеніе и это согласіе съ самимъ собою только черезъ ужасъ смерти, черезъ лишенія и черезъ то, что понималъ въ Каратаевѣ... То самое, чѣмъ онъ прежде мучился, чего онъ искалъ постоянно, цѣли жизни, теперь для него не существовало. Эта искомая цѣль жизни теперь не случайно не существовала для него, только въ настоящую минуту, но онъ чувствовалъ, что ея нѣтъ и не можетъ быть. И это-то отсутствіе цѣли давало ему то полное, радостное сознаніе свободы, которое въ это время составляло его счастье. Онъ не могъ имѣть цѣли, потому что онъ теперь имѣлъ вѣру — не вѣру въ какія-нибудь правила, или слова, или мысли, но вѣру въ живого, всегда ощущаемаго Бога. Вдругъ онъ узналъ, что Богъ — вотъ Онъ, тутъ, вездѣ. Онъ узналъ, что Богъ въ Каратаевѣ болѣе великъ, безконеченъ и непостижимъ, чѣмъ въ признаваемомъ масонами Архитектонѣ вселенной. Онъ испыталъ чувство человѣка, нашедшаго искомое у себя подъ ногами,

тогда какъ онъ направлялъ зрѣніе, глядя далеко отъ себя. Онъ всю жизнь свою смотрѣлъ куда-то поверхъ головы окружающихъ людей, а надо было не напрягать глазъ, а только смотрѣть передъ собой. Онъ не умѣлъ видѣть прежде великаго, непостижимаго и безконечнаго ни въ чемъ. Онъ только чувствовалъ, что оно должно быть гдѣ-то, и искалъ его. Во всемъ близкомъ, понятномъ онъ видѣлъ одно ограниченное, мелкое, житейское, бессмысленное. Онъ вооружился умственной зрительной трубой и смотрѣлъ вдаль, туда, гдѣ это мелкое житейское, скрываясь въ туманной дали, казалось ему великимъ и безконечнымъ оттого, что оно было не ясно видимо... Но и тогда, въ тѣ минуты, которыя онъ считалъ своею слабостью, умъ его проникалъ и въ эту даль, и тамъ онъ видѣлъ то же мелкое, житейское, безконечное. Теперь же онъ выучился видѣть великое, вѣчное и безконечное во всемъ и потому естественно, чтобы видѣть его, чтобы наслаждаться его созерцаніемъ, онъ бросилъ трубу, въ которую смотрѣлъ до сихъ поръ черезъ головы людей, и радостно созерцалъ вокругъ себя вѣчно измѣняющуюся, вѣчно великую, непостижимую и безконечную жизнь. И чѣмъ ближе онъ смотрѣлъ, тѣмъ больше онъ былъ спокоенъ и счастливъ. Прежде разрушавшій все его умственныя постройки страшный вопросъ: „зачѣмъ?“ теперь для него не существовалъ. Теперь на этотъ вопросъ—зачѣмъ? въ душѣ его всегда готовъ былъ простой отвѣтъ: „зачѣмъ, что есть Богъ, тотъ Богъ, безъ воли Котораго не спадеть волосъ съ головы человѣка“.

То же чувство живетъ и въ душѣ княжны Марьи Болконской. „Все сложныя законы человѣчества сосредоточивались для нея въ одномъ простомъ и ясномъ законѣ—въ законѣ любви и самоотверженія, преподанномъ тѣмъ, который съ любовью страдалъ за человѣчество, когда самъ Онъ—Богъ. Что ей было за дѣло до справедливости или несправедливости другихъ людей? Ей надо было самой страдать и любить, и это она дѣлала“.

Такъ, говоря о своихъ герояхъ, Толстой высказалъ лучшее, задушевное *свое*. Такъ рассказалъ онъ *себя*, и только такъ можно и должно понимать Толстого. Это—самое существенное въ немъ. Искателемъ Бога началъ онъ свой путь, скоро нашелъ Его и съ Нимъ проходить уже черезъ восемь десятилѣтій своей жизни.

Талантливый критикъ С. А. Венгеровъ, мѣтко опредѣлившій Бѣлинскаго—и опредѣленіе это вошло въ литературное сознаніе и обиходъ—какъ „великое сердце“, сказалъ такое же мѣткое и исчерпывающее въ своей краткости и лапидарности слово о Толстомъ—*великая совѣсть*. Нельзя ближе и лучше опредѣлить Толстого! Существуетъ взглядъ на русскую литературу, пытающійся истол-

ковать ее, какъ литературу учительную, терзающуюся нравственными проблемами, богоящую, какъ литературу совѣсти *par excellence*. Трудно сказать, конечно, что это единая основная черта русской литературы, но, конечно, *чувство совѣсти* ни одной литературѣ не сродни такъ сильно, какъ русской. И въ этомъ смыслѣ Толстой—высшій, совершеннѣйшій представитель русской литературы, величайшій русскій писатель. Онъ лучшій выразитель духа совѣсти, и нѣтъ у насъ, имѣющихъ Гоголя и Достоевскаго, писателя, въ которомъ этотъ духъ былъ бы глубже и крѣпче. Вотъ отчего никого у насъ такъ не любятъ, какъ Толстого, ни къ кому такъ не прислушиваются, какъ къ Толстому, и съ тѣмъ большимъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, чѣмъ тяжеле и мрачнѣе становится жизнь. Никогда человѣчеству не былъ такъ дорогъ ни одинъ писатель, быть можетъ, потому что никогда еще міръ такъ горько и мучительно не захлебывался въ омутѣ лжи, нравственныхъ противорѣчій и всяческаго зла и неправды. Толстой не только дорогъ,—онъ необходимъ, и тысячамъ людей становится легче жить подъ взглядомъ грустныхъ очей яснополянскаго мудреца. Легче дышать и глядѣть на свѣтъ Божій, зная, что живъ Толстой, жива правда...

Страстная любовь къ правдѣ, соединенная съ великимъ художественнымъ талантомъ, такъ сильна въ душѣ Толстого, что заставляетъ его забывать о своемъ писательскомъ геніи. Отрицая современную внѣшнюю культуру, идущую не по пути добра и совѣсти, Толстой возстаетъ противъ ея порожденія и орудія—искусства, и отказывается признавать то, что такъ часто служитъ злу. Но и самое отрицаніе облечено у него въ художественную форму, потому что перестать быть художникомъ художникъ не можетъ, и его горячія діатрибы противъ искусства говорятъ только о пламенной любви его къ идеалу, во имя котораго такъ доблестно началъ онъ и ведетъ до сихъ поръ свою славную дѣятельность.

Нѣтъ у насъ нынѣ писателя не только болѣе великаго, но и болѣе національнаго, болѣе кореннаго. Еще живъ былъ Пушкинъ, когда родился Толстой; Бѣлинскій писалъ свои жгучія статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Современникѣ“, когда юноша-поэтъ началъ свою сознательную жизнь. Его дѣтство и отрочество обвѣяны воспоминаніями Отечественной войны и двадцатыхъ годовъ. Императоръ Николай Павловичъ успѣлъ быть его читателемъ и, познакомившись съ „Севастопольскими разсказами“, сказалъ: „Этого офицера надо беречь“. Писемскій предсказалъ: „офицерикъ всѣхъ насъ за поясъ заткнетъ“. Толстой былъ близкимъ сотрудникомъ и членомъ редакціи „Современника“, товарищемъ Некрасова, Гончарова, Островскаго, и умирающій Тургеневъ короновалъ капитолійскимъ

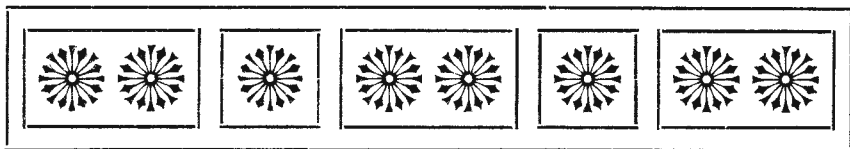

вѣнкомъ чело „великаго писателя земли русской“. Толстой—цѣлая эпоха, живая эпохея. Лучи славы цѣлаго вѣка горять на его восьми-десятилѣтнихъ сѣдинахъ. Великій поэтъ съ великою душою, онъ ни разу „не унижилъ ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной“, всегда идя во главѣ лучшихъ стремленій родного народа, въ авангардѣ всего юнаго и смѣлаго. Толстой никогда не былъ старымъ. Онъ навсегда останется въ сознаніи и благодарной памяти русскаго народа рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ, Достоевскимъ...

И теперь, когда величайшій, благороднѣйшій сынъ русскаго народа вступаетъ въ девятое десятилѣтіе своей прекрасной жизни, когда весь міръ чествуетъ въ великомъ праведникѣ высшій образецъ нравственной красоты, въ великомъ художникѣ, чтитъ вершину неслыханной эстетической прелести, какъ-то особенно хочется говорить и думать о Толстомъ, пріобщаясь къ неисчерпаемому роднику добра и свѣта, хочется снова и снова пожелать, чтобъ была долга и бодра благословенная небомъ, священная старость нашего Толстого...

Н. Л.

Крахъ земельныхъ банковъ.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

Къ числу нововведеній въ царствованіе Александра II принадлежитъ и учрежденіе земельныхъ банковъ, которые замѣнили дѣйствовавшіе ранѣе въ этомъ случаѣ Московскій Опекунскій Совѣтъ и Приказы Общественнаго Призрѣнія, благотѣльно сохранявшіе за дворянами ихъ вотчины, взимая незначительный процентъ, при различныхъ льготахъ отъ правительства. При этомъ самымъ крупнымъ земельнымъ банкомъ въ государствѣ являлось Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, съ главнымъ его правленіемъ въ Петербургѣ, и учредителями этого общества были лица, извѣстныя своею честностью и богатствомъ.

Провинціальныя дворяне, неуспѣвшіе послѣ крестьянской эмансипаціи заложить всѣ свои имѣнія, спѣшили сдѣлаться членами этого Общества, и ко мнѣ, какъ служившему тогда въ должности губернскаго предводителя, поступила масса писемъ отъ дворянъ, желавшихъ имѣть повѣреннаго этого Общества въ Саратовѣ для принятія въ залогъ имѣній. Вслѣдствіе чего, стремившійся занять эту должность, мѣстный дворянинъ П. И. Митрофановъ, получивъ отъ меня письмо на имя графа Бобринскаго, отправился въ Петербургъ. Вернувшись оттуда повѣреннымъ, онъ съ большимъ успѣхомъ сталъ вербовать новыхъ заемщиковъ, завлекая ихъ предсто-ящими выгодами ихъ положенія. Когда же пришлось оставить мнѣ свою продолжительную службу дворянству, то какъ и полагается для безвозмездныхъ служаекъ, попалъ въ эту золотую паутину и я. И затѣмъ недолго спустя двухмилліонная растрата Юханцева легла тяжелымъ бременемъ на членовъ заемщиковъ золотого банка.

Кто помнитъ это время, тотъ, конечно, не забылъ переполохъ, который надѣлалъ этотъ одинъ изъ первыхъ банковскихъ краховъ.

Тутъ начались его реформы учрежденіемъ въ губернскихъ городахъ Окружныхъ Отдѣленій Общества Взаимнаго Поземельнаго кредита, съ жалованьемъ предсѣдателю и членамъ отдѣленія, и на должность предсѣдателя былъ намѣченъ я, но такъ какъ я не встрѣтилъ сочувствія моему предложенію, чтобы, вообще, всѣ должностныя лица изъ членовъ заемщиковъ служили Обществу до пополненія Юханцевской растраты даромъ, что дало бы возможность достигъ этого пополненія не далѣе 6—7 лѣтъ, то отъ предсѣдательства я устранился, за что и былъ осмѣянъ въ столичныхъ газетахъ, какъ желавшій будто-бы тремя тысячами въ годъ своего жалованья покрыть двухмилліонную растрату.

Вскорѣ же затѣмъ послѣдовала новая реформа, по которой при Окружныхъ Отдѣленіяхъ была учреждена на жалованьи только должность непремѣннаго члена, предсѣдателя же и члены отдѣленія получали жетонное вознагражденіе по 25 рублей за каждое засѣданіе, являясь, по приглашенію непремѣннаго члена, для просмотра описаній закладныхъ имѣній и пр.

Привыкнувъ къ работѣ и считая службу во Взаимномъ Поземельномъ Кредитѣ также общественной, я, задавшись идеей посвятить свои силы исключительно общественной службѣ, не могъ уклониться отъ занятія мѣста предсѣдателя Саратовскаго Окружнаго Отдѣленія, и хотя поѣздки по осмотру и описаніе имѣній преимущественно возлагались на членовъ Отдѣленія, но, по просьбѣ дворянъ, я, почти постоянно, самъ находился для этого въ разъѣздахъ, знакомясь съ мѣстными условіями, которыя въ обширной Саратовской губерніи представляютъ большое разнообразіе. Но поѣздки мои въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяли желаній новыхъ заемщиковъ, которые хотя мои описанія имѣній находили правильными, но съ выводами о ихъ доходности не соглашались, особенно недовольны были мною, при осмотрѣ заложенныхъ въ Обществѣ и самовольно вырубленныхъ лѣсовъ, крупные титулованные землевладѣльцы и купцы, окрестившіе мои осмотры „погромомъ“, что и было впоследствии причиной приглашенія меня занять мѣсто предсѣдателя правленія Саратовско-Симбирскаго поземельнаго банка послѣ его краха, несмотря на то, что я не имѣлъ ни одной акціи этого банка. Это послѣднее обстоятельство произошло въ 1882 году, когда виновные въ этомъ крахѣ уже были устранены отъ должностей и преданы суду.

Какъ теперь, помню, насколько я былъ удивленъ, получивъ письмо за подписью восьми крупнѣйшихъ акціонеровъ этого банка, изъ числа которыхъ я лично зналъ лишь только одного. Въ письмѣ этомъ они, предлагая мнѣ занять мѣсто предсѣдателя правленія,

просили, въ случаѣ моего согласія, разрѣшить имъ внести отъ моего имени акцій на 6.500 р., чтобы я могъ имѣть право участія въ акціонерномъ собраніи. Переговоры эти шли письменно, потому что я, на шестомъ десяткѣ моей жизни, заболѣлъ гангренознымъ дифтеритомъ и выдержалъ карантинъ, и мой первый выѣздъ послѣ болѣзни былъ прямо въ акціонерное собраніе.

Предсѣдателемъ правленія мнѣ пришлось прослужить недолго, такъ какъ министерство финансовъ рѣшило, во что бы то ни стало, ликвидировать дѣла банка, затрудняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что заложенное крупное имѣніе Оренбургскаго края въ 100.000 десятинъ лѣса, подъ названіемъ Конно-Никольской дачи и Уткинская дача въ 50.000 десятинъ оставались за банкомъ, хотя и и представлялъ министру доводы о возможности поправленія дѣлъ этого банка передачей въ аренду Конно-Никольской дачи одному изъ самыхъ крупныхъ лѣсопромышленниковъ съ громаднѣмъ залогомъ и ручательствомъ уплаты срочныхъ платежей, и того обстоятельства, что Уткинская дача оставалась за банкомъ лишь только потому, что купчая крѣпость на это имѣніе была уничтожена по распоряженію бывшаго оренбургскаго генераль-губернатора Крыжановскаго и что при укрѣпленіи этого послѣдняго имѣнія за банкомъ, онъ могъ бы выручить за него, уже намѣченной продажей, гораздо больше лежащаго на имѣніи долга.

Подробный отчетъ мой по этому банковскому дѣлу былъ напечатанъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ 11 марта 1883 г. за № 39, гдѣ и упоминалось о крупныхъ акціонерныхъ совѣщаніяхъ въ это время у меня въ Петербургѣ и о требованіи министра Бунге немедленнаго взноса акціонерами по 120 р. на акцію, не допуская возможности разсрочить этотъ взносъ въ продолженіе полугода, какъ этого желали съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ изъ разныхъ мѣстъ акціонеры-банкиры.

Не безынтересно будетъ упомянуть, что изъ числа бывшихъ директоровъ этого банка А. П. Коваленко выбранъ былъ и на этотъ разъ директоромъ, такъ какъ онъ, хотя и находился подъ судомъ, какъ подписавшій отчеты и доклады банка, но не только акціонеры, но и все общество знало Коваленко, какъ человѣка, способнаго, не читая, подписать даже свой смертный приговоръ, и дѣйствительно Коваленко за время службы при мнѣ въ банкѣ подписывалъ какъ журналы, такъ и прочія бумаги, никогда не читая, говоря, что онъ вѣритъ своимъ коллегамъ.

А. П. Коваленко, владѣя миллионнымъ состояніемъ, занималъ съ молодыхъ лѣтъ въ своемъ уѣздѣ по выборамъ разныя высшія общественныя должности и даже отъ губернскаго земства состоялъ

директоромъ Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги. Человѣкъ онъ былъ честный, добрый и отзывчивый, но большой кутила, и въ домѣ его всегда можно было застать общество кутящей молодежи. Свое громадное состояніе онъ все прожилъ и подъ конецъ жизни дошелъ почти до нищеты, такъ что квартиру ему уже безвозмездно давало въ Балашовѣ городское общество, на нужды котораго онъ въ свое время не стѣснялся въ пожертвованіяхъ, содержали же его уже бывшіе его крѣпостные на свой счетъ.

Для характеристики я приведу одинъ случай его необузданныхъ кутежей въ г. Балашовѣ,—гдѣ онъ, пресыщенный различными выдумками забавъ, которыми утѣшалъ любившее его тамъ общество, однажды лѣтомъ вздумалъ потѣшить собравшуюся у него публику катаньемъ въ саняхъ, для чего онъ распорядился скупить, за баснословную цѣну, ледъ изъ погребовъ жителей города и устлать лучшую тамъ улицу льдомъ, по которому вереница троекъ и рысаковъ потѣшала этого, хотя и хорошаго человѣка, но безумнаго расточителя.

Въ Саратовѣ, гдѣ по зимамъ живалъ Коваленко, у него производилась игра въ штосъ и въ банкъ, и онъ для своихъ пріятелей устраивалъ аѣинскіе вечера.

Коваленко былъ также большой театраль и значительную часть своего состоянія онъ истратилъ, чтобы дать дорогу одной изъ современныхъ знаменитостей столицы, начавшей свою карьеру въ Саратовѣ, и которая впоследствии, когда ему не съ чѣмъ было выѣхать въ Саратовъ изъ Петербурга, за все это отплатила ему самой черной неблагодарностью.

В. А. Шомпулевъ.

Результатъ излишней довѣрчивости.

Со времянь императрицы Екатерины II было введено правиломъ, чтобы адъютанты расположенныхъ въ Петербургѣ полковъ, въ коихъ Государь состоитъ шефомъ, представляли ежедневно Его Величеству, въ видѣ записки, дневной рапортъ. Онъ писался на прекрасной ватманской бумагѣ; въ немъ обозначалось свѣдѣнiе о личномъ составѣ роты, или эскадрона, или батареи—по принадлежности,—о перемѣнахъ, послѣдовавшихъ за сутки, о заболѣвавшихъ, объ арестованныхъ, о бѣжавшихъ, а также о чрезвычайныхъ происшествiяхъ, когда такія случались.

Императоры Николай I и Александръ II съ особымъ интересомъ слѣдили за этими докладами-рапортами, а шефскія части, какъ наиболѣе заслуженныя, безъ сомнѣнiя, видѣли въ этомъ особое къ себѣ драгоценное Высочайшее вниманiе.

При Императорѣ Александрѣ III, когда, за постояннымъ пребыванiемъ Государя въ Гатчинѣ, явилось много препятствiй къ точному и срочному выполнению этого правила,—оно было, быть можетъ временно, отмѣнено.

Въ началѣ ноября 1876 года главнокомандующiей войскъ гвардiи и петербургскаго военнаго округа вел. князь Николай Николаевичъ Старшiй отбылъ въ Кишиневъ, гдѣ и вступилъ въ командованiе сформировавшеюся тогда для дѣйствiй противъ турокъ на Балканскомъ полуостровѣ армiей.

Въ послѣднихъ числахъ ноября, передъ Георгiевскимъ праздникомъ, въ гвардiи глухо пронесся слухъ о томъ, что временно заступившiй мѣсто вел. князя генераль-адъютантъ баронъ Вистромъ очень озабоченъ случаемъ, вышедшимъ въ одномъ изъ шефскихъ полковъ съ дѣломъ ежедневнаго представленiя дневныхъ рапортовъ; никто не зналъ въ чемъ суть, но изъ устъ въ уста передавали, что Государь остался по этому поводу очень недоволенъ и будто бы

приказалъ наложить взысканіе на одного изъ полковыхъ адъютантовъ; названіе полка произносили только шопотомъ и украдкой.

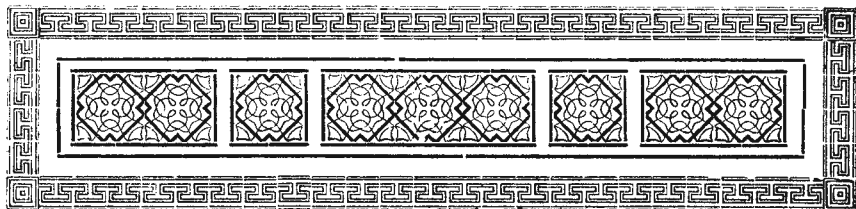
Въ самый день кавалерскаго праздника стали опредѣленно разсказывать, что Государь, проходя мимо представителей того полка, о которомъ носились глухіе слухи, сказалъ генераль-адъютанту барону Вистрому: „А ты невольную ошибку эту оставь безъ взысканія; Богъ съ нимъ“; полковому же адъютанту Государь сказалъ, снисходительно улыбаясь: „Я увѣренъ, что ничего подобнаго впредь не повторится не только у тебя, но и нигдѣ, никогда; ты, конечно, лишній разъ убѣдился въ томъ, насколько надо напрягать вниманіе къ тому, чтобы ближайшіе подчиненные исполняли свой долгъ точно и чтобы все, даже въ мелочахъ, шло гладко; пусть этотъ случай послужитъ урокомъ навсегда и тебѣ и всѣмъ, кто объ этомъ услышитъ“.

Обычно адъютанты, послѣ тщательной провѣрки содержанія рапорта, переписаннаго лучшимъ писаремъ, подписывали таковой, сами аккуратно его вкладывали въ конвертъ, тщательно запечатывали сургучною полковою печатью и отправляли „въ собственные Его Императорскаго Величества руки“.

Что случилось на этотъ разъ, не извѣстно: случайно ли адъютантъ, подписавъ рапортъ, довѣрилъ писарю его отправить или у того адъютанта это довѣріе къ писарю было въ обычаѣ, но оказалось, что 24-го ноября, въ Екатерининъ день, Государь, вскрывая конверты шефскихъ частей, нашелъ въ конвертѣ того полка, вмѣсто рапорта, написанное на прекрасной ватманской бумагѣ письмо лучшаго изъ писарей къ родителямъ; письмо, обыденнаго крестьянско-солдатскаго содержанія съ привѣтами, поклонами безконечному числу поименованныхъ родственниковъ, съ испрашиваніемъ родительскаго навѣкъ нерушимаго благословенія,—заканчивалось радостнымъ сообщеніемъ, что пишется это письмо на такой бумагѣ, на какой доблестный полкъ пишетъ только Царю Батюшкѣ. Писарь очевидно совершенно невинно перемѣшалъ два документа—родительскій послалъ Царю, а послалъ ли Царскій на родину,—неизвѣстно.

Сообщ. А. Е. К.

Къ біографіи И. С. Тургенева.

Въ серединѣ 1860 г. Тургеневъ продалъ право новаго изданія своихъ сочиненій Н. А. Основскому, издателю „Московского Вѣстника“. Послѣдній, желая сдѣлать счастливую аферу на имени писателя, который былъ въ то время на верху своей славы, выпустилъ вопреки условіямъ вмѣсто 4.800 экземпляровъ (въ 4 томахъ) около 6.000 и все-таки не заплатилъ Ивану Сергѣевичу 2.500 рублей. Друзья Тургенева: И. В. Павловъ, А. А. Фетъ, А. Н. Плещеевъ, Н. X. Кетчеръ, П. В. Анненковъ, по просьбѣ пострадавшаго, вмѣшались въ дѣло. Вслѣдствіе понятнаго противодѣйствія со стороны Основскаго и слишкомъ горячаго отношенія къ дѣлу друзей Ивана Сергѣевича, нѣкоторые изъ послѣднихъ оказались въ столкновеніи другъ съ другомъ. Недоразумѣніе, впрочемъ, кончилось благополучно, оставивъ лишь недобрый осадокъ въ душѣ Фета. Съ разсказа послѣдняго мы и начнемъ изложеніе этой любопытной исторіи, надѣлавшей въ свое время много шума среди литературныхъ кружковъ и до сихъ поръ смутно и сбивчиво передаваемой въ біографической литературѣ о Тургеневѣ. При изложеніи будемъ пользоваться, какъ газетнымъ, такъ и неизданнымъ, рукописнымъ матеріаломъ того времени.

На стр. 355—357 пераго тома „Моихъ воспоминній“ Фета читаемъ: „Отъ 17 декабря (ст. ст.) 1860 г. онъ (Тургеневъ) писалъ изъ Парижа: „На сей разъ, дорогой Аван. Аван., вы получите отъ меня коротенькое и чисто дѣловое письмо. До меня дошло свѣдѣніе, что изданіе моихъ сочиненій, сдѣланное г. Основскимъ, поступило въ продажу, а между тѣмъ обѣщанныя деньги имъ не высылаются, и вотъ уже два мѣсяца, какъ я не получаю отъ него писемъ. Такъ какъ это дѣло для меня важное, я покорнѣйше прошу васъ взять

на себя всё хлопоты и вообще вступить въ мои права, сдѣлаться моимъ „alter ego“, въ удостовѣреніе чего посылаю вамъ записочку для представленія г. Основскому. Наши условія были слѣдующія: онъ имѣлъ право печатать 4.800 экземпляровъ и за это долженъ былъ мнѣ заплатить 8.000 руб., изъ коихъ половина должна была быть представлена до изданія въ свѣтъ, другая — четыре мѣсяца послѣ. Получилъ же я отъ него, не помню хорошенько, 1.500 или 2.000 руб., кажется, 1.500. Вы попросите его, чтобы онъ представилъ вамъ счетъ и такимъ образомъ узнаете количество выданной суммы. Остающіеся 2.000 или 2.500 руб. онъ долженъ немедленно выслать. Мнѣ это все очень непріятно и особенно непріятно мнѣ васъ утруждать; но вы можете сказать ему, что у насъ есть съ вами счеты. Постарайтесь узнать сперва стороной или даже отъ него, не выслалъ ли онъ мнѣ денегъ? Въ такомъ случаѣ не беспокойте его, только скажите ему, что я прошу его передать вамъ слѣдующее мнѣ количество экземпляровъ, изъ которыхъ пошлите три Адненкову. Разрѣшеніе на полученіе этихъ экземпляровъ вы найдете на второй страницѣ прилагаемаго листика. Однимъ словомъ, я полагаюсь на васъ, что вы въ этомъ дѣлѣ поступите и деликатно и практично... Вашъ Ив. Тургеневъ“.

„Я прошу Аѳ. Аѳ. Фета взять на себя всё сношенія съ Н. А. Основскимъ по дѣлу изданія моихъ сочиненій и прошу г. Основскаго выдавать слѣдующія мнѣ деньги г. Фету, который вступаетъ вполне во всё мои права. Поручаю также г. Фету получить отъ г. Основскаго слѣдующіе мнѣ экземпляры. Ив. Тургеневъ“.

Типъ людей, совершенно равнодушныхъ къ матеріальнымъ своимъ средствамъ, готовыхъ горстями разбрасывать свое добро и въ то же время скупыхъ на копѣйки и неразборчивыхъ въ источникахъ новаго прилива денегъ,—далеко не новый. Если бы Тургеневъ самымъ рѣшительнымъ образомъ не принадлежалъ къ этому типу, я не сталъ бы говорить о его счетахъ съ Основскимъ. Дѣло въ томъ, что когда я попросилъ у Основскаго денегъ и книгъ, то солидарное въ его предпріятіи лицо напечатало въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ отрицаніе моего полномочія. Я попросилъ, въ оправданіе свое отъ самозванства, у Тургенева подтвержденіе моего полномочія телеграммой и напечаталъ послѣднюю съ буквальнымъ русскимъ переводомъ. На другой день по выходѣ номера мой антагонистъ прислалъ ко мнѣ секунданта, и дѣло приняло бы траги-комическій оборотъ, если бы старый Ник. Хр. Кетчеръ, со всегдашнею своею честностью и безпощадною грубостью, не разъяснилъ задорнымъ пѣтухамъ, что тутъ они дѣло имѣютъ не со мною, а съ Тургеневымъ. Тѣмъ не менѣе я переслалъ Тургеневу 2.000 руб. въ Парижъ, а когда позднѣе

я спросилъ его, чѣмъ кончилось дѣло, онъ самъ, превративъ разсказъ въ мимическое представленіе, отнесся къ нему комически. Онъ совершенно забылъ о моей траги-комедіи по его же милости“.

Если бы Фетъ дѣйствительно ограничился только требованіемъ „денегъ и книгъ“, какъ онъ пишетъ, то никакого „отрицанія своего полномочія“, онъ, разумѣется, не встрѣтилъ бы, и ему не пришлось бы инсинуировать по адресу Тургенева въ своихъ воспоминаніяхъ. На самомъ дѣлѣ Фетъ, по полученіи письма Ивана Сергѣевича отъ 17 (29) декабря, помѣстилъ слѣдующее открытое письмо въ № 9 „Московскихъ Вѣдомостей“ (12 января 1861 г.) въ отдѣлѣ книжныхъ объявленій: „Въ 51 № „Искры“ 1860 г. съ удивленіемъ прочелъ я, что наблюденіе надъ печатаніемъ 2-й части послѣдняго изданія сочиненій И. С. Тургенева принимаетъ на себя г. А. Плещеевъ. По случаю пребыванія самого автора за границей, всѣ сношенія его по теперешнему изданію поручены мнѣ, и я положительно могу завѣрить, что оно какъ было, такъ и останется въ завѣдываніи Н. А. Основскаго. Ни И. С. Тургеневымъ, ни мною, его уполномоченнымъ, не сдѣлано въ этомъ отношеніи никакихъ другихъ распоряженій. Поэтому всякое объявленіе о будущемъ печатаніи 2-й части отъ кого бы то ни было и въ другомъ смыслѣ, прошу считать недѣйствительнымъ. А. Фетъ“.

Немедленно по прочтеніи этого контръ-объявленія Плещеевъ и Павловъ обратились въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ со слѣдующими письмами, напечатанными на другой день въ № 10 газеты:

I. „Въ № 9-омъ „Московскихъ Вѣдомостей“ съ удивленіемъ прочелъ я объявленіе г. Фета, просящаго считать недѣйствительнымъ мое извѣщеніе въ 51 № „Искры“ о томъ, что наблюденіе надъ печатаніемъ 2-й части послѣдняго изданія сочиненій И. С. Тургенева принимаю на себя я самъ, нижеподписавшійся, какъ владѣлецъ большей половины (5/8) всего изданія. Честь имѣю увѣдомить и г. Фета и всю читающую публику, что 2-я часть будетъ печататься подъ моимъ личнымъ наблюденіемъ, съ согласія г. Основскаго, на что имѣю письменныя доказательства, которыя и напечатаю, буде г. Фетъ того пожелаетъ. Примите и пр. А. Плещеевъ. 12 января“.

II. „М. Г. Честь имѣю довести до всеобщаго свѣдѣнія, что я читалъ письмо И. С. Тургенева къ г. Фету отъ 17 (29) декабря, и что это письмо никакимъ образомъ не уполномочиваетъ г. Фета на такое странное объявленіе, какое сдѣлано имъ въ № 9 „Московскихъ Вѣдомостей“. Прошу покорнѣйше Ивана Сергѣевича Тургенева

*

подтвердить мои слова печатно. Примите и пр. Иванъ Павловъ. 12 января“.

Въ тотъ же Татьянинъ день, день праздника Московскаго университета, И. В. Павловъ послалъ письмо и къ Основскому 1): „Ниль Андреевичъ, я теперь въ самомъ веселомъ, пріятномъ расположеніи духа и готовъ расцѣловать всѣхъ и каждого, потому что вернулся сію минуту изъ собранія, гдѣ много было пито въ честь университета. Окончательно и „безповоротно“ принимаю на себя порученіе Плещеева и прошу тебя относиться исключительно ко мнѣ, а Плещеева не беспокоить ни подъ какимъ видомъ. На сейчасъ мною прочитанное письмо твое прежде всего отвѣчу тебѣ словами почтмейстера (въ Гоголевскомъ „Ревизорѣ“): „въ томъ-то и дѣло, что онъ не уполномоченный и не особа!“ Я читалъ письмо Тургенева къ Фету (отъ 17 (29) декабря): тамъ говорится только о полученіи съ тебя денегъ—и больше ничего! Объ этомъ завтра же будетъ напечатано отъ моего имени въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Я вызываю Тургенева подтвердить мои слова печатно. Фетъ въ конецъ себя одурачилъ! Скажи ему отъ меня, что своимъ контръ-объявленіемъ онъ подтвердилъ свое мнѣніе о лирическомъ поэтѣ, который (по его собственнымъ печатнымъ словамъ) „долженъ бросаться головою внизъ съ четвертаго этажа“. Вотъ эту-то штуку Фетъ и совершилъ. Такъ ему скажи. О содержаніи Тургеневскаго письма я въ завтрашнихъ газетахъ ничего не говорю, потому что отъ этого содержанія тебѣ бы не поздоровилось; но если Фетъ вздумаетъ возражать, то я публикую и содержаніе. Деньги за изданіе ты получишь отъ меня тотчасъ же, какъ только пришьешь текстъ 2-го тома для печатанія., т. е. тотчасъ получишь половину по твоему собственному счету, а остальную половину, т. е. часть—по напечатаніи мною 2-го тома: и намъ будетъ видно, что стоитъ изданіе, да и счетъ, тобою присланный, отдадимъ на провѣрку всѣмъ издателямъ и типографщикамъ. Жаловаться тебѣ на такое распоряженіе грѣхъ: мы тебѣ не мѣшали распродать твои и собственные экземпляры, несмотря на явную съ твоей стороны намъ помѣху... дай же намъ продать хоть частицу нашихъ экземпляровъ. Если же завтра ты не доставишь мнѣ текста для печатанія второго тома, то я передамъ все дѣло на судъ Русской литературы со всѣми подробностями... не щадя себя, передамъ исторію о продажѣ тобою Салаеву части изъ купленнаго для меня Плещеевымъ пая, и о твоёмъ любезномъ мнѣ подаркѣ на чужой счетъ... все, все! Подумай. Жду

1) Хранится въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

твоего отвѣта до девяти часовъ вечера 13-го января. Ив. Павловъ“.

Послѣ столь горячаго отпора со стороны Павлова, можетъ быть, и послѣдовала подтвердительная телеграмма Тургенева Фету, вызовъ послѣдняго на дуэль и т. д.? Никакихъ, однако, слѣдовъ какой-либо телеграммы ни въ объявленіяхъ „Московскихъ Вѣдомостей“, ни въ письмахъ заинтересованныхъ лицъ мы не находимъ, а находимъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ Фета (правда, въ другомъ мѣстѣ) два письма Ивана Сергѣевича къ нему 2 (14) и 10 (22) января, которыя какъ разъ и не допускаютъ возможности повѣрить этимъ свидѣтельствамъ Фета. Въ первомъ (отъ 2 янв.) мы имѣемъ простую отмѣну полномочій предыдущаго письма (отъ 17 дек.), второе (отъ 10 янв.) увѣдомляетъ о полученіи денегъ отъ Основскаго черезъ Фета, т. е. полученныхъ и высланныхъ послѣднимъ въ Парижъ еще до своего контръ-объявленія. Въ письмѣ Тургенева отъ 2 января, безъ сомнѣнія, уже бывшемъ въ рукахъ Фета черезъ 10 дней, читаемъ: „Теперь я только хочу вамъ сказать, что я получилъ отъ Основскаго хоть не все деньги, которыя онъ долженъ былъ выслать, однако, половину; и потому, положите подъ сукно все, что я вамъ сообщилъ по этому поводу, и пріостановитесь. Я душевно радъ, что всѣ распушенные слухи оказались ложными: радъ и за себя, а главное за Основскаго, котораго мнѣ было какъ-то дико воображать не совершенно честнымъ человѣкомъ“. Въ письмѣ же отъ 10 января Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: „Ля Илляхъ иль Аллахъ, Магомедъ резуль Аллахъ...—Нѣтъ Фета, кромѣ Фета, и Тургеневъ пророкъ его. Какими словесами достойно воспою я ваше многомилостивое обо мнѣ попеченіе, драгоцѣннѣйшій Аван. Аван! Воображеніе нѣмѣетъ, и языкъ отказывается выразить избытокъ чувствъ. Я сейчасъ получилъ ваше письмо со вложеннымъ векселемъ въ 9.250 ф. Я порадовался и за себя и за Основскаго; авось онъ мнѣ весной заплатить остальные деньги: будемъ также надѣяться, что число лишнихъ напечатанныхъ имъ экземпляровъ не слишкомъ велико, хотя по-настоящему ему вовсе не слѣдовало печатать лишнихъ. Прилагаю при семъ росписку, которую прошу васъ вручить ему отъ моего имени. Онъ обѣщался было выслать мнѣ экземпляръ, но обѣщаніе это вмѣстѣ со многими другими кануло въ воду, а мнѣ собственно хотѣлось бы знать, попали ли въ текстъ нѣкоторыя измѣненія и прибавленія, какъ напр. „Конецъ Рудина“. Но вамъ нечего хлопотать объ этой высылкѣ—я получу здѣсь экземпляръ другимъ путемъ. Однимъ словомъ, *danke, merci, gratias tibi ago, thank you, grazie, спасибо*,—вотъ только забылъ, какъ по-гречески“. Приложенная росписка была такого содержанія: „Я нижеподписавшійся симъ объ-

являю, что изъ слѣдующихъ мнѣ съ Н. А. Основскаго за изданіе моихъ сочиненій въ 4.800 экземплярахъ,—8.000 рублей серебромъ, (восемь тысячъ) получилъ 5.500 руб. (пять тысячъ пятьсотъ) Ив. Тургенева¹⁾).

Результатомъ нагоняя Павлова Основскому явилось слѣдующее письмо послѣдняго къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ (въ № 15): „М. Г. Считаю долгомъ объявить, что не только съ моего согласія, но по моему собственному предложенію и настоятельному требованію, печатаніе 2-го тома сочиненій И. С. Тургенева будетъ производиться подъ личнымъ наблюденіемъ г. Плещеева. Вчера я получилъ на то разрѣшеніе г. Фета, уполномоченнаго отъ г. Тургенева дѣйствовать, какъ его „*alte rego*“, по всѣмъ дѣламъ изданія. Я требовалъ и требую, чтобы это печатаніе производилось не въ типографіи г. Рышкова, мною завѣдываемой. Въ объявленіи, которое помѣстилъ г. Плещеевъ въ 51 № „Искры“, вовсе не упоминается о моемъ собственномъ предложеніи и настоятельномъ требованіи: это существенное упущеніе есть чрезвычайно важная ошибка г. Плещеева. Н. Основскій. 18 января“. Письмо это снабжено примѣчаніемъ Основскаго, въ которомъ онъ признаетъ полномочія Фета, ссылаясь не на какую-либо телеграмму, а все на то же письмо Тургенева отъ 17 дек.

Дѣйствительно, томы I, III и IV печатались въ типографіи Рышкова съ цензурскимъ разрѣшеніемъ отъ 30 сентября 1860 года, второй же томъ печатался въ типографіи Грачева и помѣченъ цензурою 28 числомъ февраля мѣсяца 1861 года. Сданъ же былъ въ продажу II томъ лишь въ маѣ. По крайней мѣрѣ первое по времени объявленіе о его продажѣ мы нашли въ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ отъ 20 мая (книжнаго магазина Свѣшникова).

Прошло затѣмъ оговоренныхъ въ условіи съ Основскимъ четыре мѣсяца, прошло и еще столько же, а остальной суммы Иванъ Сергѣевичъ такъ и не получилъ. Это дало поводъ эмигранту князю Долгорукому лишній разъ шумно рекламировать свой заграничный журналъ „Правдивый“, въ номерѣ котораго отъ 18 апр. 1862 г. онъ размахнулся такимъ нѣсколько запоздалымъ объявленіемъ, набраннымъ крупнымъ шрифтомъ на видномъ мѣстѣ: „Воровство. Издатель полнаго собранія сочиненій Ивана Сергѣевича Тургенева, Основскій, обокралъ нашего знаменитаго писателя на двѣ тысячи пятьсотъ руб. серебромъ. Предаемъ гласности этотъ поступокъ: пусть общественное мнѣніе заклеймитъ позоромъ вора-Основскаго“... Тур-

1) Фетъ I, 361—362.

геновъ отвѣтилъ на это объявленіе въ № 134 „Колокола“ такимъ письмомъ: „М. Г. Редакторъ „Правдиваго“ помѣстилъ въ № 3 (въ № 2) своего журнала нѣсколько строкъ объ издателѣ моихъ сочиненій, г. Основскомъ. Г. Основскій дѣйствительно не доплатилъ мнѣ двухъ тысячъ пятисотъ рублей серебромъ, но это еще не значитъ, чтобъ онъ заслуживалъ жестокое названіе, ему данное, и я не могу не сожалѣть о томъ, что почтеннѣйшій редакторъ „Правдиваго“ нашелъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія публики частный фактъ для нея неинтересный. Примите и пр. Иванъ Тургеневъ. Лондонъ, 17 мая 1862 года“.

Г. Викторовъ, изъ замѣтки котораго мы беремъ объявленіе Долгорукаго и отвѣтъ на него Тургенева, совершенно вѣрно говоритъ: „Появленіе письма легальнаго русскаго писателя за его полною подписью въ заграничномъ изданіи, да еще въ такомъ, какъ „Колоколъ“ въ эпоху его наибольшаго вліянія, было дѣломъ необычайнымъ и мало имѣетъ подобныхъ себѣ примѣровъ въ исторіи русской литературы“. Причину такого опаснаго выступленія г. Викторовъ видитъ въ необыкновенной добротѣ Ивана Сергѣевича. „Письмо Тургенева объ Основскомъ“, пишетъ онъ: „можетъ служить новою иллюстраціей гуманнаго, деликатнаго и внимательнаго отношенія Тургенева къ людямъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда онъ, повидимому, могъ имѣть противъ нихъ многое, былъ, по общему мнѣнію, въ правѣ метать громы или, по крайней мѣрѣ, не мѣшать другимъ дѣлать это за него“¹⁾.

Обратимся теперь къ воспоминаніямъ Анненкова. Въ № 4 журнала „Вѣстникъ Европы“ за 1885 г. (стр. 481 и слѣд.) читаемъ: „Этотъ замѣчательный годъ (1861), однако же, начался съ дурными предзнаменованіями для Тургенева. Начать съ того, что второе изданіе его сочиненій, порученное г. Основскому, окончилось третейскимъ судомъ издателя со своими займодавцами въ Москвѣ и полнымъ фіаско. Тургеневъ ропталъ, не получая ничего отъ издателя, а вмѣсто слѣдующихъ ему суммъ къ нему безпрестанно приходили жалобы на недобросовѣстность издателя, занимавшаго кругомъ деньги, чтобы исполнять свои обязательства передъ подписчиками, на запоздалые или неудовлетворительные его счета, даже на нѣкоторые издательскіе его приемы, имѣвшіе некрасивый видъ. Тургеневъ былъ раздраженъ. Впрочемъ, исторія съ Основскимъ началась еще ранѣе, и уже можно было предвидѣть, чѣмъ она кончится. Вотъ что писалъ мнѣ Тургеневъ еще въ 1860 г.: „18 (30) нояб-

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», 1897 г., июль, стр. 100—101.

ря. Парижъ. Любезнѣйшій другъ П. В. Доложу Вамъ, что я сильно почесалъ у себя въ затылкѣ послѣ вашего письма. Если Основскій, котораго я считалъ честнымъ человѣкомъ, выкинулъ такую штуку съ „Московскимъ Вѣстникомъ“, то кто жъ ему помѣшаетъ выкинуть таковую же и со мной—т. е. вмѣсто 4.800, какъ сказано въ условіи, напечатать 6.000 и денегъ мнѣ не выслать? А деньги мнѣ крайне нужны, при теперешнихъ моихъ большихъ расходахъ—и при оказавшемся нежеланіи моихъ мужичковъ платить мнѣ оброкъ, — тотъ самый оброкъ, за который они хотѣли быть благодарны „по гробъ дней“. А потому позвольте поручить Вамъ мои „интересы“, какъ говорятъ французы, хотя собственно я не вижу, что вы можете сдѣлать. Вотъ, однако, что можно: черезъ московскихъ пріятелей, стороной, узнать о поступкахъ Основскаго; можно прибѣгнуть къ Кетчеру или Ив. Вас. Павлову—однимъ словомъ — вамъ книги въ руки. Вы поступите съ свойственной вамъ аккуратностью и деликатностью“. Въ слѣдующемъ письмѣ къ Анненкову отъ 7 (19) января 1861 г. Тургеневъ пишетъ: „Спасибо за сообщенныя извѣстія объ изданіи. Я вчера получилъ письмо отъ Плещеева съ подробнѣйшимъ изложеніемъ дѣла. Я ему сегодня же написалъ — и поручилъ ему стовориться съ Фетомъ для обоюдостраго дѣйствія. Но, кажется, я останусь въ дуракахъ, хотя особенной грусти по этому поводу не чувствую. Такъ и быть! Но кто бы подумалъ, что Основскій“... Съ небольшимъ черезъ недѣлю, 16 (28) января, Тургеневъ писалъ тому же корреспонденту: „Я получилъ длинное письмо отъ Основскаго, и, оказывается, что онъ дѣйствительно былъ оклеветанъ—и достоинъ сожалѣнія. До него, между прочимъ, дошли слухи—будто я поручалъ вамъ употребить противъ него полицейскія мѣры; будьте такъ добры, напишите ему въ двухъ словахъ, что я ничего подобнаго вамъ не поручалъ: это подниметъ этого придавленнаго человѣка, который въ одно и то же время разоренъ и опозоренъ. Зная ваше доброе сердце, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы немедленно это сдѣлаете. Я не могъ не усомниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я никогда не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно“. Анненковъ заключаетъ свое изложеніе дѣла Основскаго такими строками: „Какъ удивились пріятели Тургенева, рассчитывавшіе на его поддержку въ ихъ расчетѣ съ Основскимъ, когда получили отъ него формальный отказъ участвовать въ какихъ-либо заявленіяхъ и протестахъ противъ издателя, нанесшаго такой ущербъ ему и погубившаго дѣло предпріятіе. Въ числѣ негодующихъ тогда находился одинъ изъ займодавцевъ Основскаго и горячій энтузіастъ самого Тургенева, котораго онъ называлъ основа-

телемъ русскаго женскаго Олимпа, населеннаго богинями непогрѣшимой нравственной чистоты и прямой неуклонной воли — именно извѣстный умный, даровитый писатель Иванъ Вас. Павловъ. Г. Павловъ разорвалъ дружелюбныя сношенія съ Тургеневымъ, не понимая, какъ можно потворствовать явному нарушенію своихъ обязанностей и покрывать ихъ молчаніемъ и своимъ именемъ. Но у Тургенева были и логическія, а всего болѣе гуманныя причины поступать такъ, какъ онъ сдѣлалъ. Прежде всего первой причиною неудачи „изданія своихъ сочиненій“ былъ онъ самъ: онъ поручилъ дѣло человѣку, не отвѣчавшему идеалу литературнаго дѣятеля, но очень хорошо отвѣчавшему старой привычкѣ Тургенева предполагать въ простыхъ малоразвитыхъ людяхъ основы иногда тупой и досадной, но всегда стойкой и неизмѣнной честности“.

Въ какихъ заявленіяхъ и протестахъ Иванъ Сергѣевичъ отказывался участвовать, изъ разсказа Анненкова совсѣмъ не видно. Вѣдь не имѣлъ же онъ въ виду зычное ручательство кн. Долгорукаго или миѣческую телеграмму Фета. Какимъ образомъ Основскій „погубилъ дѣлое предпріятіе“, это тоже остается непонятнымъ и невыясненнымъ въ воспоминаніяхъ Анненкова. Мы знаемъ только, что Основскій нанесъ матеріальный ущербъ Тургеневу, но изданія не загубилъ, а напротивъ выпустилъ его въ увеличенномъ количествѣ экземпляровъ. Очевидно, память измѣнила Анненкову при передачѣ подробностей дѣла, какъ измѣнила она ему и въ разсказѣ о происшедшемъ будто бы разрывѣ дружескихъ связей Ивана Сергѣевича съ И. В. Павловымъ. На этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ особенно любили останавливаться всѣ интересовавшіеся дѣломъ Основскаго, при чемъ неизмѣнно ссылались на воспоминанія Анненкова. Остановимся и мы минуту на этомъ фактѣ.

Лицензъ XII выпуска, мѣенскій помѣщикъ, бывавшій у своего земляка Ивана Сергѣевича въ Спасскомъ, Иванъ Васильевичъ Павловъ (1823—1904 гг.) былъ особенно близокъ къ Тургеневу во время сотрудничества своего въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, гдѣ Павловъ писалъ подъ псевдонимомъ: Л. Оптухинъ. Оба пріятели, и Тургеневъ и Павловъ, принимали одинаково горячее участіе въ этомъ недолго просуществовавшемъ (1859—1860 гг.) журналѣ. Въ Импер. Публичной библіотекѣ хранится болѣе десятка писемъ Павлова къ издателю „Московскаго Вѣстника“—Основскому, касающихся главнымъ образомъ литературной стороны предпріятія и рисующихъ ихъ автора, какъ удивительно симпатичнаго, умнаго и живого человѣка. Охлажденіе (но не разрывъ) между пріятелями дѣйствительно произошло, но причиной его были чисто внѣшнія обстоятельства: Иванъ Сергѣевичъ съ начала 60-хъ годовъ боль-

шею частію проживалъ за границую, И. В. Павловъ въ 1867 г. перешелъ на службу въ провинцію ¹⁾. Дѣйствительно, существовало у послѣдняго и особенное преклоненіе передъ „основателемъ русскаго женскаго Олимпа“, но оно поколебалось еще за два года до описываемаго эпизода, тотчасъ послѣ выхода „Дворянскаго гнѣзда“, о которомъ Павловъ далъ слѣдующій интересный отзывъ въ письмѣ къ Основскому отъ 10 марта 1859 г. ²⁾: „Романъ („Двор. гнѣздо“), несмотря на великолѣпнѣйшія подробности, въ цѣломъ есть фальшивый аккордъ. Доказательства мои просты, ясны, жестоки и неотразимы! Героиня не русская, не христіанка и даже не дѣвушка, а членъ „кружка“ 40-хъ годовъ... Дикая, не женственная псевдо-религіозность въ ней съ боку припека. Она помазана „горничнымъ“ элементомъ — и только; а въ сущности она одна изъ лживыхъ, неестественныхъ задириныхъ героинь... Она напоминаетъ Брюлловскихъ ангеловъ и праведницъ, въ которыхъ святости напущено густо—густо! А всмотрѣться попристальнѣй, это княжны и графини петербургскихъ салоновъ. Я такъ обожаю Ивана Сергѣевича, что ошибка его приводитъ меня въ совершенное отчаяніе! Послѣ „Фауста“ и „Аси“, въ которыхъ онъ достигъ Сіонскихъ вершинъ творчества, написать „гнѣздо“... Это ужасно! Окончивши чтеніе „гнѣзда“, я плакалъ, но не столько надъ романомъ, сколько объ романѣ, который для меня погибъ со всѣми его великолѣпными. И онъ, онъ—Иванъ Сергѣевичъ—на ложной дорогѣ... и вся русская журналистика будетъ ему за это кадить, восхищаться и утверждать его во лжи, его, которому въ правдѣ нѣтъ равнаго между всѣми нынѣ живущими романистами цѣлаго міра! Есть отчего придти въ отчаяніе“.

И. В. Павловъ не могъ слишкомъ гнѣваться на Тургенева за его отношеніе къ своему издателю, такъ какъ и самъ Павловъ относился къ Основскому въ періодъ, описываемый Анненковымъ, далеко не враждебно, хотя зналъ его съ худшей стороны, чѣмъ Тургеневъ. Прекрасное доказательство тому имѣемъ въ одномъ изъ писемъ Павлова къ Основскому, касающемся все той же исторіи съ изданіемъ сочиненій Ивана Сергѣевича ³⁾. „Очень знаю, что получать деньги тебѣ надо, да сколько? вотъ вопросъ. Ты такъ уменъ, что всѣхъ другихъ считаешь дураками и мальчишками. Бу-

¹⁾ См. некрологъ И. В. Павлова въ „Нов. Врем.“ 1904 г., № 10.344 (16 дек.).

²⁾ Хранится въ Импер. Публ. Библ.

³⁾ Письмо хранится въ Импер. Публ. Библиотекѣ Хронологической помѣты не имѣетъ, но, очевидно, относится къ среднимъ числамъ января 1861 г.

демь откровенны: ты, по всеобщему говору, напечаталъ шесть тысячъ экземпляровъ, изъ которыхъ успѣлъ продать около полутора тысячъ; тебѣ хочется еще продать полторы тысячи, а не триста, либо пятьсотъ, которыя у тебя должны остаться по договору и, ты во что бы то ни стало хочешь насъ отстранить отъ печатанія второй части... Вѣдь это яснѣ дня! Неужели ты всѣхъ считаешь Фетами? Тебѣ нужны деньги—изволь! продай всѣ пятьсотъ оставшихся у тебя экземпляровъ съ уступкой 25⁰/₀, а печатаніе двухъ остальныхъ частей передай намъ и въ газетахъ объ этомъ объяви самъ. Такъ и быть! и деньги за печатаніе 1-го и 4-го томовъ заплатимъ всѣ сполна по твоему счету. Ежели ты на эти условія не идешь, то ясное дѣло, что у тебя есть въ умѣ что-нибудь болѣе выгодное. Вотъ что я тебѣ скажу, Основскій: ты имѣешь неопровержимыя доказательства, что я только на тебя бѣсился и ругалъ тебя не болѣе какъ изустно... Слѣдовательно, зла я тебѣ не желалъ и не желаю. Я люблю сильныхъ, цѣльныхъ людей; будь они мнѣ раз-вѣроги, я ими порой люблюсь, какъ сильной лошадыю, которая меня же несетъ и бьетъ. Само собою разумѣется, что тебя я причисляю къ этой породѣ людей, потому что ты уменъ, какъ дьяволъ, въ этомъ надо отдать тебѣ справедливость... Мало того, ты человѣкъ добрый, да у тебя душа к....! Я иду до послѣдней откровенности и тебя на то же уполномочиваю... сердиться не стану. Честное и благородное слово даю, что вредить тебѣ не хочу и не стану; но вѣдь карманъ дѣло чувствительное! Литературный скандалъ заводитъ... бесполезно, потому что ты сраму не имашь и отпнешься отъ исторіи съ Салаевскимъ паемъ, какъ отперся въ своемъ теперешнемъ письмѣ ко мнѣ. А вотъ что: если ты на мое теперешнее предложеніе не согласишь, то завтра же я подаю докладную записку оберъ-полиціймейстеру, въ которой я излагаю всѣ обстоятельства дѣла,—надо, дескать, намъ Основскому платить, а сколько платить неизвѣстно; то просимъ дозволить намъ печатаніе остальныхъ двухъ томовъ, а ему воспретить. Деньги же съ насъ получать по его счету. Однимъ словомъ, сдѣлается то черезъ полицію, что теперь я предлагаю сдѣлать мирно и по-домашнему. Отвѣчай тотчасъ же. А оболтусу Фету я такую литературную вытrepку задамъ, что небу жарко будетъ! Отвѣчать... Тургеневъ его не уполномочивалъ—сіе вѣрно. Inde срамъ“.

До насъ не дошли объясненія Основскаго, какъ не дошли письма Плещеева по этому дѣлу, но и безъ нихъ роль Тургенева во всей этой исторіи настолько ясна, что какія-либо обвиненія, вытекающія изъ воспоминаній Фета и Анненкова, не попадаютъ въ цѣль. Подозрѣнія въ непростительномъ барскомъ легкомысліи или въ мало-

душной слабохарактерности не имѣють рѣшительно никакой почвы подъ собой, не оправдываются никакими положительными фактами. Иванъ Сергѣевичъ здѣсь, какъ и въ другихъ денежныхъ столкновеніяхъ, всегда былъ вѣренъ той порядочности, о которой писалъ разъ брату ¹⁾ по поводу денежныхъ счетовъ съ нимъ: „Изъ всѣхъ привилегій дворянства, которыя, слава Богу, исчезли, только и осталась, что поговорка ²⁾: *Noblesse oblige*“.

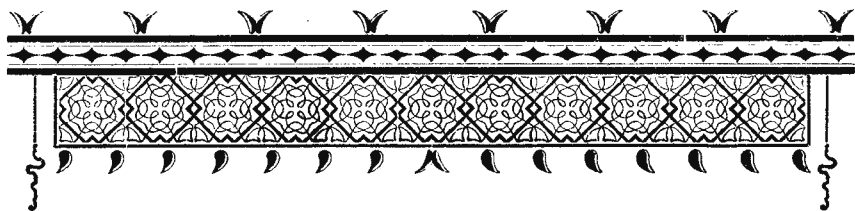
Н. Гутьяръ.

---

¹⁾ Письмо отъ 11 (23) февр. 1878 г. «Русск. Стар.» 1885 г., дек., 630.

²⁾ Конечно, въ смыслъ правила, принципа.

Учебныя воспоминанія ¹⁾.

зъ прочихъ крупныхъ сооруженій не могли, конечно, привлечь къ себѣ вниманія даже и заолустныхъ провинціаловъ такія произведенія казенной архитектуры, образцы которыхъ имѣются во всѣхъ губернскихъ городахъ,—какъ-то: зданія: духовной академіи, Родіоновскаго института, военнаго госпиталя, находящіяся на Арскомъ полѣ и тюремный замокъ (по-казански—„казамать“) близъ женскаго монастыря. При ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ обращаютъ на себя вниманіе еще нѣкоторыя мечети—въ татарской части города.

Относительно чистоты и внѣшняго порядка Казань въ то время ничѣмъ не отличалась отъ другихъ губернскихъ городовъ. Не припомню даже, были ли въ ней въ достаточномъ числѣ наши русскіе признаки существованія порядка—полицейскія будки?—Вообще же городъ былъ довольно грязенъ; особенно въ осеннее и весеннее время нѣкоторыя улицы были почти непроходимы, какъ напр., Рыбная и Горшечныя; на Рыбной жидкая грязь, стекавшая по наклонной плоскости отъ театра, клиники и изъ Горшечныхъ улицъ, представляла собою подобіе рѣчки изъ липкой глинистой грязи, переправляясь черезъ которую, пѣшеходы легко теряли калоши. А подъемъ съ Рыбной въ Старо-Горшечную по немощенному тогда глинистому спуску представлялъ очень трудную задачу для жителей и посѣтителей тѣхъ мѣстъ, особенно по вечерамъ, при почти полномъ отсутствіи освѣщенія. Возвращаясь однажды вечеромъ домой, я потерялъ тутъ калошу, а начавши искать ее—потерялъ и другую и такимъ образомъ явился домой уже безъ этой обуви, изобрѣтенной галлами для хожденія по ихъ грязной Лютеціи (что нынѣ Парижъ), но все-таки непригодной

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1908 г.

для нѣкоторыхъ изъ нашихъ городовъ, гдѣ иногда полезнѣе употреблять охотничьи сапоги... За ночь калоши мои, вѣроятно, были снесены потокомъ грязи на Рыбную и погибли въ ея пучинахъ. Еще отличались своей грязью улицы Засыпкина, Касаткина и Мокрая, заливаемая весенними разливами Волги и Казанки, доходящими до самыхъ стѣнъ кремля, когда все пространство вокругъ трехъ четвертей города представляетъ собою сплошное озеро. Тогда изъ этой массы воды виднѣется только дамба, соединяющая городъ съ Адмиралтейской слободой да насыпь-холмикъ, на которомъ стоитъ церковь-памятникъ покоренія Казани. Грязный ручей Булакъ дѣлается въ это время довольно приличной рѣчкой-каналомъ. Одна изъ слободъ Казанскихъ такъ и называется „Мокрой“¹⁾.

Перехожу къ университету, его обстановкѣ, профессорамъ и студенчеству съ его бытомъ.

Выборъ факультета. Оканчивая гимназію, а то и раньше, еще въ половинѣ гимназическаго курса, юноша намѣчаетъ себѣ дальнѣйшее поприще—опредѣлится ли прямо на казенную службу, или пристроится къ частнымъ занятіямъ, или поступить въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній—спеціальныхъ, или просто въ университетъ. Въ настоящее время всего удобнѣе поступать въ университеты, такъ какъ въ спеціальныя заведенія надо сдавать конкурентныя испытанія; тогда какъ въ университеты принимаютъ по гимназическимъ аттестатамъ. До 80-хъ годовъ существовала нѣкоторая провѣрка, но потомъ и она отмѣнена.

Въ прежнее время, хотя обязательной всеобщей воинской повинности не было, и привилегированныя сословія вольны были служить или не служить отечеству воинами, но нѣкоторые по окончаніи гимназіи поступали въ военную службу юнкерами, по призванію; другіе, изъ числа неудачниковъ, не имѣя силъ дотянуть до конца курса, убоявшись бездны премудрости, оставляли гимназію и тоже поступали въ юнкера и затѣмъ—сдавъ экзаменъ на офицера, если это удавалось, дѣлались офицерами. Такъ поступили и нѣкоторые изъ моихъ товарищей: поступили юнкерами и даже успѣли потомъ отличиться подъ Севастополемъ.

---

¹⁾ Въ этихъ низменныхъ мѣстахъ и вообще за Булакомъ процвѣтали въ изобиліи тѣ увеселительныя заведенія, къ которымъ относится извѣстная пѣсня Казанскихъ студентовъ: «Стою одинъ передъ избушкой».

Этотъ краткій очеркъ внѣшности Казани имѣетъ цѣлью только дать читателю общее представленіе о мѣстности, въ которой каждому студенту приходится пребывать четыре года, и о томъ, что на первый разъ больше обращаетъ на себя вниманіе новоприбывшихъ. Для интересующихся подробностями рекомендую существующія описанія Казани (напр. Панагина).

Намъревающіеся поступить въ университетъ, разумѣется, ѣдутъ въ университетскій городъ и поступаютъ на намѣченный еще въ гимназіи факультетъ, смотря по склонности къ извѣстной отрасли наукъ или по тому, какая спеціальность представляется болѣе выгодной въ будущемъ, съ матеріальной стороны.—Въ прежнее время молодые люди изъ разночинцевъ и семинаристовъ (пока этимъ послѣднимъ не было запрещено поступать въ университеты) поступали больше на медицинскій факультетъ; меньшее число поступало на историко-филологическій и физико-математическій факультеты, имѣя въ виду сдѣлаться учителями гимназій. Естественныя науки въ наше время не были еще въ особенномъ почетѣ у молодежи; поворотъ въ ихъ сторону начался приблизительно только съ 60-хъ годовъ.

Значительный процентъ гимназистовъ избиралъ, какъ и нынѣ, факультетъ юридическій, какъ прологъ къ гражданской службѣ; а съ судебною реформой 60-хъ г. стремленіе на этотъ факультетъ усилилось до чрезвычайности, что и вполне понятно въ виду современнаго спроса на юристовъ и возможности, если не удастся попасть на службу по судебному вѣдомству, отдаться адвокатурѣ. Но поступали и поступаютъ на юридическій факультетъ также и потому, что онъ считается самымъ легкимъ, какъ нетребующій той усиленной работы и самодѣтельности, какія нужны для другихъ факультетовъ, гдѣ такъ много обязательныхъ практическихъ занятій, успѣшностью коихъ обусловлено, въ значительной степени, передвиженіе студента изъ курса въ курсъ ¹⁾).

---

¹⁾ На юридическомъ факультетѣ въ Казани въ мое время только профессоръ Д. И. Мейеръ велъ практическія занятія со студентами гражданскимъ правомъ; въ чемъ они состояли — не знаю; помню только шкафъ съ «дѣлами», стоявшій въ его аудиторіи. Съ уходомъ его въ Петербургъ—дѣло это, кажется, не продолжалось. Позднѣе, уже въ 70-хъ годахъ, вопросъ о привлеченіи студентовъ юристовъ былъ рѣшительно возбужденъ м—вомъ народнаго просвѣщенія и, рѣшенъ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, въ 80-хъ годахъ учрежденіемъ занятій, но только не такъ называемымъ главнымъ предметамъ, каковы: римское право, гражданское, уголовное и исторія русскаго права; все прочее, преподаваемое на юридическомъ факультетѣ, считается второстепеннымъ, мало важнымъ для юриста и если, напр., профессоръ объявляетъ практическія занятія по политической экономіи, финансовому или полицейскому праву, то желающихъ заниматься оказывается очень мало. Мечта студента—благополучно раздѣлаться съ главными предметами; прочіе же имѣютъ значеніе только для нѣкоторыхъ любителей... Очевидна фальшь этого дѣленія наукъ на привилегированныя и непривилегированныя; этимъ порождается небрежное отношеніе студентовъ къ послѣднимъ, какъ будто обществу нужны только законники и казуисты, а въ людяхъ, имѣющихъ порядочныя свѣдѣнія объ условіяхъ народнаго благосостоянія и пр. т. п., вовсе нѣтъ надобности, или какъ

Самый бѣдный числомъ студентовъ былъ тогда вездѣ, какъ и теперь— факультетъ историко-филологическій (съ восточнымъ отдѣленіемъ въ Казани); но и математическій въ Казани не богатъ былъ слушателями. Изъ моихъ товарищей по гимназіи только одинъ поступилъ на математическій факультетъ, да и то по какому-то странному капризу; такъ какъ при его способности писать рассказы и стихи изъ него скорѣе выработался бы беллетристъ, а можетъ быть порядочный филологъ, чѣмъ математикъ. Четверо или пятеро изъ товарищей поступили на медицинскій факультетъ; я и еще двое—на камеральное отдѣленіе юридическаго факультета. Впрочемъ, поступленіе мое на этотъ факультетъ было довольно случайнымъ.

Слывя въ гимназіи за хорошаго математика, я думалъ было поступить на физико-математическій факультетъ. Но потолковавъ объ этомъ съ нѣкоторыми товарищами-студентами, мнѣ очень не совѣтовавшими избирать этотъ факультетъ, въ виду чрезвычайной якобы строгости и придирчивости профессора чистой математики Попова (т. н. „короткаго“), я быстро перемѣнилъ рѣшеніе и, какъ имѣвшій съ дѣтства влеченіе также къ естественнымъ и техническимъ наукамъ, поступилъ на камеральное отдѣленіе, въ число наукъ котораго, на-ряду съ нѣкоторыми изъ юридическихъ, входили—химія, технологія, ботаника, сельское хозяйство. Хотя камеральное отдѣленіе и считалось очень легкимъ, но для студентовъ, желающихъ учиться—было и тутъ надъ чѣмъ поработать.

Подавъ прошеніе, мнѣ пришлось, какъ я объяснялъ уже, сдавать вновь весь гимназическій экзамень. Казалось бы, отличный аттестатъ гимназіи долженъ бы былъ избавить юношу отъ лишнихъ хлопотъ; но канцелярское воззрѣніе взяло верхъ, и мнѣ пришлось опять пережить экзаменную тревогу.

Это было тѣмъ болѣе непріятно, что лѣто я провелъ очень добросовѣстно въ ничегонедѣланіи, а тутъ пришлось кое-что подзубрить, особенно изъ исторіи, въ виду строгости экзаменатора, профессора Иванова, о которой было извѣстно во всѣхъ гимназіяхъ Казанскаго округа, куда его посылали (по тогдашнему обычаю) на ревизіи. Но на экзамень изъ математики я пришелъ, совсѣмъ не готовясь, понадѣявшись на свою память и на возможность попасть къ профессору Котельникову, экзаменатору болѣе снисходительному, чѣмъ беспощадный Поповъ, отъ котораго меня очень предостерегали знакомые студенты-математики. Но счастливая звѣзда моя привела

будто кончившій юридическій факультетъ столько же способенъ ко всякой должности, насколько досель считались у насъ ко всему годными питомцы военно-учебныхъ заведеній.

меня именно въ его лапы. Онъ продержалъ меня часа полтора, щупая мои познанія по всѣмъ частямъ гимназическаго курса, справлялся даже съ моимъ аттестатомъ и заявилъ мнѣ наконецъ, что хотя я и получилъ золотую медаль, но что у меня нѣтъ математическаго мышленія. Тутъ я мысленно возблагодарилъ товарищей, отговорившихъ меня отъ математическаго факультета съ его мышленіемъ. А надо еще замѣтить, что я гораздо больше всѣхъ моихъ товарищей по гимназіи предавался сему мышленію, по доброй волѣ, безъ заданій занимаясь рѣшеніемъ задачъ и выводами формулъ. У Попова, однако, выручили меня логарифмы, съ которыми я умѣлъ очень хорошо обращаться; онъ смирился и поставилъ мнѣ хорошіе баллы.

Экзамены изъ прочихъ предметовъ сошли очень хорошо,—даже исторія и географія у грознаго Иванова, очень долго промучившаго меня и нѣсколько человѣкъ сибиряковъ, обязанныхъ сдавать экзаменъ, какъ прибывшіе изъ другого округа. Еще, правда, профессоръ богословія, отецъ Владимірскій, экзаменуя изъ церковной исторіи, очень любопытствовалъ узнать отъ меня подробности о ереси пелагианъ и за неполное знаніе оныхъ поставилъ мнѣ тройку. Предупреждали меня товарищи при экзаменѣ изъ нѣмецкаго языка стараться не попасть къ знаменитому цивилисту Мейеру, который будто бы держался правила никому не ставить высокаго балла потому, что-де „самъ я знаю только на пять, а вы все-таки меньше меня знаете“. Но я думаю, что это была выдумка; чтобъ удостовѣриться, правда ли это, я бы непременно подошелъ экзаменоваться къ Мейеру; но его не оказалось, и попалъ я къ Боллензену, который ограничивался самыми пустяжными вопросами.

Съ окончаніемъ всѣхъ предварительныхъ мытарствъ, поступающіе, узнавъ въ канцеляріи, что приняты, обязаны были какъ можно скорѣе шить себѣ форму и являться въ мундирахъ, при шпагахъ и трехуголкахъ къ административной грозѣ университета — инспектору Ланге, имѣвшему едва-ли не больше значенія и силы въ университетѣ, чѣмъ ректоръ и вся профессорская коллегія. При представленіи передъ его (въ родѣ свиныхъ) грозныя очи Василій Ивановичъ внимательно осматривалъ, все ли на студентѣ по формѣ; объяснялъ, кому и какъ отдавать честь — прикладываніемъ двухъ пальцевъ правой руки къ кокардѣ шляпы; какъ держать сію послѣднюю въ рукѣ, когда она не на головѣ;—при чемъ внушалъ при встрѣчахъ съ губернаторами и университетскимъ начальствомъ отдавать честь, непременно не доходя шести шаговъ до „особы“, если же въ фуражкѣ, то снимать ее, соображаясь съ этимъ разстояніемъ.

Студенческая форма состояла тогда изъ темнозеленаго мундира съ фалдами (съ хвостикомъ, какъ называли въ шутку), съ голубыми обшлагами и воротникомъ, украшеннымъ двумя петлицами изъ серебрянаго (въ столицахъ золотого) галуна. Большинство студентовъ, впрочемъ, вмѣсто петлицъ изъ галуна, носило вышитыя, на что начальство смотрѣло снисходительно, какъ бы не замѣчая такого отступленія отъ формы, въ сознаніи, что шитыя петлицы красивѣе. Вице-мундиромъ служилъ сюртукъ съ голубымъ воротникомъ и такими же кантиками на обшлагахъ. Пуговицы на мундирѣ и сюртукѣ были бѣлыя (въ столицахъ золоченыя) съ государственнымъ гербомъ тогдашняго гвардейскаго образца (орелъ съ распущенными крыльями). Къ сюртуку тоже полагались шпага и трехголка; но ношеніе ихъ при сюртукѣ было обязательно только въ театрѣ, на концертахъ, и т. п. На лекціи и всюду ходили безъ шпагъ, въ фуражкахъ, и быть на лекціяхъ застегнутыми на всѣ пуговицы не было обязательно. Въ столицахъ, напротивъ, шпага и шляпа при сюртукѣ были, говорятъ, обязательны даже для слушанія лекцій, что, конечно, было довольно стѣснительно и породило въ Москвѣ пѣсню, въ которой въ числѣ достоинствъ „прямого студента“ отмѣчалось, что онъ „не ходитъ въ трехголкѣ, застежкой пуговиць не рветъ, а шпагу ржавую на полкѣ на всякій случай беретъ“. Насколько трехголка и шпага способствовали успѣхамъ въ наукахъ—исторія умалчиваетъ. Впрочемъ, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, ношеніе шпаги имѣло нравственную цѣль: оно должно было удерживать студентовъ отъ поступковъ, несогласныхъ съ правилами благовоспитанности и приличія. Насколько достигалось это назначеніе шпагъ въ столицахъ, не знаю; но у насъ, въ Казани, по крайней мѣрѣ въ первое время по поступленіи, студенты дѣйствительно старались быть приличнѣе при шляпѣ и шпагѣ; нѣкоторые сожалѣли даже, что послѣдняя безъ темляка, который придавалъ бы имъ видъ состоящихъ на государственной службѣ. Потомъ этотъ престижъ исчезалъ.

Къ формѣ полагались бѣлыя замшевыя перчатки, которыя, впрочемъ, франты изъ студентовъ замѣняли, особенно для баловъ, бѣлыми лайковыми. Мундиръ со всѣми принадлежностями требовался не только для баловъ и собраній и торжественныхъ случаевъ, но и для обязательнаго, всѣмъ студентамъ православнаго исповѣданія, присутствія въ воскресные и праздничные дни за обѣдней въ университетской церкви, за чѣмъ инспекція слѣдила довольно усердно 1).

1) Обязательно было также для всѣхъ православныхъ говѣніе передъ Пасхой и присутствіе на Пасхальной утрени и обѣднѣ, послѣ коихъ предъ

При строгомъ Николаевскомъ режимѣ и такомъ его блюстителѣ, какимъ былъ Ланге, нарушеніе установленныхъ правилъ или формальностей легко могло повліять въ худую сторону на судьбу студента. Поэтому мы старались избѣгать встрѣчь съ этимъ господиномъ, чтобъ не нарваться на какое-либо грубое замѣчаніе Ланге, нисколько не стѣснявшася дѣлать выговоры студентамъ во всякомъ мѣстѣ и при всякой публикѣ, а пожалуй отправить и въ карцеръ ¹⁾).

Внѣ университета всего чаще приходилось встрѣчаться съ Ланге на Воскресенской, которая, должно быть, была любимымъ мѣстомъ его прогулки. Кстати сказать, она тогда была сплошь вымощена торцами и во всю ширину свою служила какъ бы бульваромъ для гуляющей публики.

Завидѣвъ издали Василя Ивановича на Воскресенской, мы, большею частію, спѣшили свернуть въ боковую улицу, а если были вблизи гостепріимнаго трактира „Китай“, то укрывались въ него. Тутъ всегда можно было найти занятіе: если не хотѣлось ѣсть, играли на билліардѣ, просматривали газеты.

Разстегнутый сюртукъ на улицѣ, недостающая пуговица и вообще всякое нарушеніе формы всегда возбуждали негодованіе Ланге; а неловкій отвѣтъ на его замѣчаніе легко приводилъ въ карцеръ. Особенно же слѣдилъ онъ за своевременнымъ отданіемъ ему чести. По этому поводу былъ со мной такой случай: мнѣ очень занездоровилось въ университетѣ, и я поспѣшилъ домой, взявъ извозчика, такъ какъ жилъ тогда довольно далеко, близъ такъ называемаго „казамата“ (т. е. тюрьмы). Ёду, закутавшись, никуда не глядя; вдругъ грозно окликаетъ меня грубымъ голосомъ Ланге; я вынужденъ былъ остановиться, сойти съ саней и, вмѣстѣ съ выговоромъ за упущеніе своевременно поклониться,

---

лагалось студентамъ общее розговѣнье въ актовомъ залѣ, съ участіемъ и начальства. Тутъ утомленные стояніемъ въ церкви студенты угощались куличами, пасхами, яйцами, чаемъ и пивомъ. При существованіи казенно-коштныхъ студентовъ устраивать это розговѣнье не было, конечно, затруднительно: имѣлась посуда, существовали повара; а студентовъ было не такъ много, чтобъ разорить университетскаго эконома.

¹⁾ Какъ, подумайте, измѣнились отношенія! Теперь студентъ освобожденъ отъ необходимости хотя бы изъ вѣжливости кланяться чинамъ инспекціи, такъ какъ инспекція признана уже совсѣмъ ненужной. Знаю случай, бывший въ Кіевѣ: студентъ очутился въ одной конкѣ съ инспекторомъ и, зная его въ лицо, не счелъ нужнымъ хотя бы головой ему кивнуть. «Я съ нимъ незнакомъ», отвѣчалъ онъ, когда при его же рассказѣ объ этомъ, ему напомнили о вѣжливости, къ которой долженъ бы побуждать хотя бы личный интересъ, при существовавшей доселѣ зависимости студентовъ отъ инспекціи.

*

получилъ приказаніе возвратиться въ университетъ. Кончилось тѣмъ, что я, больной, несмотря на мои объясненія, былъ отведенъ въ карцеръ. Учрежденіе это помѣщалось гдѣ-то вверху, близъ церковнаго чердака; состояло, помнится, изъ двухъ маленькихъ полутемныхъ комнатъ, очень грязныхъ; въ одной изъ нихъ была прежесткая постель, покрытая отвратительно-испачканнымъ байковымъ одѣяломъ, съ такой же чистоты подушкой. Стѣны были, разумѣется, разрисованы и исписаны всякими глупостями, плодами фантазіи и скуки заключенныхъ. Тюремный сторожъ, старикъ, котораго студенты звали Дагоберомъ, привелъ меня на эту вышку, принесъ кружку воды и ломоть чернаго хлѣба и скрылся. Не знаю, гдѣ онъ помѣщался, и была ли возможность дозваться его въ случаѣ надобности. Не полагалось ли вовсе освѣщенія или Дагоберъ не считалъ нужнымъ баловать имъ своихъ кліентовъ,—но, когда стемнѣло, мнѣ ничего не оставалось, какъ лечь и предаться въ тишинѣ одиночества размышленію о нанесенномъ мнѣ оскорбленіи. Легъ я, конечно, не раздѣваясь и, съ горя заснулъ, насколько позволяла жесткость ложа, то и дѣло о себѣ напоминавшая. Но вотъ, должно быть, часовъ около 9-ти, является Дагоберъ съ фонаремъ и зоветъ меня къ инспектору. Оказалось, что пріѣхалъ выручать меня мой хозяинъ Н. В. Лавровъ, у котораго я тогда временно жилъ. Къ счастью я, чуя, что „свинья въ манишкѣ“ (какъ звали студенты Ланге), пожалуй, посадить меня въ карцеръ, далъ знать Лаврову черезъ товарища о своемъ приключеніи и такимъ образомъ былъ освобожденъ. Тутъ Ланге былъ уже очень любезенъ и отпустилъ меня со словами: „какъ же это вы были такъ неосторожны“, нисколько значить не сознавая, что придрался ко мнѣ безъ достаточнаго основанія. Впрочемъ, можетъ быть, немножко и сознавалъ, потому что казался сковфуженнымъ, что ни за что, ни про что засадилъ въ карцеръ студента 3-го курса, и что это стало извѣстно такому крупному въ „губерніи“ лицу, какимъ былъ мой хозяинъ—управляющій палатой государственныхъ имуществъ. Если бы это были какой-нибудь обыкновенный студенческой хозяинъ или обыкновенная хозяйка, то просидѣть бы мнѣ цѣлыя сутки, а то и дольше, такъ какъ, отсылая меня въ карцеръ, Ланге не сказалъ на сколько времени; а простой человѣкъ и не посмѣлъ бы явиться къ такой „особѣ“ съ ходатайствомъ за своего жильца.

Впрочемъ, еще раньше этой исторіи у меня были два не то, что столкновенія съ Ланге, а маленькія приключенія, хотя на замѣчаніе я къ нему попасть не могъ, такъ какъ онъ вообще, кажется, не очень способенъ былъ запоминать фізіономіи и фамиліи, хотя мы обязаны были ежемѣсячно представлять ему для подписи свои студенческіе

виды на жительство. Первое мое приключеніе съ нимъ было на первыхъ же порахъ поступленія моего въ университетъ: вошелъ онъ въ аудиторію, гдѣ мы собрались въ ожиданіи профессора; „вы тамъ, что шуритесь?“ — раздался гнусавый грубый голосъ Василья Иваныча, когда я по свойству близорукихъ, прищурился, чтобы разглядѣть, кто вошелъ. „Я близорукъ“.— „Носите очки, а то начальникъ на васъ смотритъ, а вы шуритесь“. Другое приключеніе было въ квартирѣ г. инспектора, когда онъ мнѣ задалъ порядочный нагоняй за то, что, не найдя никого въ его передней, я прошелъ черезъ залу до кабинета, какъ это мы обыкновенно дѣлали въ гимназій, если была нужда къ инспектору, а доложить было некому. Въ карцеръ я, впрочемъ, тогда не попалъ: В. И. принялъ въ уваженіе, что я неотесанный еще провинціалъ. Были случаи и болѣе милостиваго его отношенія ко мнѣ: однажды мнѣ случилось прийти на урокъ танцевъ ¹⁾; явился и В. И. посмотрѣть за порядкомъ; „И вы здѣсь?“— „Да-съ“.— „А вы просили у меня разрѣшенія?“— „Позвольте попросить теперь“. Было милостиво позволено.

Послѣ исторіи съ карцеромъ В. И., кажется, помнилъ уже мою фізіономію и вообще сталъ любезнѣе; однажды, призвавъ меня, онъ попросилъ привезти ему съ Нижегородской ярмарки фунтъ табаку „кнастеръ“ (не знаю, существуетъ ли теперь этотъ табакъ). Задача была трудная, такъ какъ табакъ этотъ привозили на ярмарку, кажется, только по особымъ заказамъ. Но В. И. словно угадалъ, что я могу добыть ему желаемое: кнастеръ привозили на ярмарку въ количествѣ нѣсколькихъ фунтовъ для нижегородскаго помѣщика генерала павловскихъ времянь П. В. Григорьева (дѣдушки писателя П. Д. Боборыкина), а генералъ дарилъ его иногда 2—3 фунта своему постоянному врачу, моему отцу. И вотъ такимъ образомъ я имѣлъ возможность исполнить желаніе Ланге и преподнести ему желаемый фунтъ кнастера; онъ поблагодарилъ, и я думалъ этимъ и кончилось; но нѣсколько времени спустя онъ вручилъ мнѣ 2¹/₂ р.—стоимость табака.

Не знаю, много ли сдѣлалъ Ланге добра студентамъ въ свое продолжительное инспекторство; вѣроятно, нѣкоторые все-таки поминили его добромъ; вѣдь и у дурныхъ людей бываютъ моменты,

---

¹⁾ Танцы преподавалъ уморительнаго вида таяцмейстеръ Севастьяновъ. Подъ звуки двухъ скрипокъ, совершенно почти заглушавшихся шарканьемъ ногъ танцующихъ по некрашенному, пескомъ вымытому полу. Танцевальный залъ этотъ, находящійся близъ студенческой раздѣвальной, противъ входа въ инспекторскую квартиру, теперь обращенъ въ аудиторію, и полъ его выкрашенъ.

когда они не прочь сдѣлать и что-нибудь хорошее; — но большинство студентовъ относилось къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, даже, пожалуй, съ ненавистью. Много онъ перепортилъ имъ крови своею придирчивостью, своимъ грубымъ начальническимъ обращеніемъ. Нѣкоторымъ извиненіемъ ему, впрочемъ, могли служить, какъ духъ того времени, такъ и предписанія Уваровской инструкціи 1834 г. инспекторамъ университетовъ, напоминающей знаменитую инструкцію мрачной памяти знаменитаго „директора“ Казанскаго университета—Магницкаго. Согласно мысли графа Уварова (въ представленіи въ комитетъ министровъ 1833 г.) инспекторъ долженъ былъ „быть душою всѣхъ движеній студентовъ“; насколько Ланге былъ оною—хорошо помнимъ всѣ мы, бывшие студенты того времени. Но, несомнѣнно, что онъ, согласно мнѣнію того же министра Уварова (изложенному въ докладѣ 1848 г.), смотрѣлъ какъ на „зло—превыше всѣхъ прочихъ—на возможность у студентовъ мысли, что они составляютъ отдѣльное сословіе, имѣющее свои виды, свой голосъ и даже свои права“.

Какъ Ланге преслѣдовалъ это „зло“ видно, между прочимъ, изъ дѣлавшагося имъ внушенія студентамъ не ходить толпами: „одному, внушалъ онъ, идти позволительно, двоимъ неловко, а трое—составляютъ уже толпу; а хожденіе толпами запрещается“.

Припомнимъ еще, что согласно инструкціи 1836 г. неодобрительный отзывъ инспектора о поведеніи студента могъ помѣшать переводу его въ слѣдующій курсъ, награжденію медалью и полученію степени кандидата. Должно быть, составители инструкціи безусловно держались положенія, что „qui proficit in litteris sed deficit in moribus—plus deficit quam proficit“ и поэтому одобренное инспекторомъ поведеніе, хотя бы оно сводилось лишь къ лицемерію, поставили выше успѣховъ въ наукѣ, совершенно не понимая, что нерѣдко наиболѣе даровитые молодые люди оказываются и наиболѣе строптивыми въ смыслѣ послушанія и очень склонными выходить изъ рамокъ казеннаго „поведенія“.—А въ числѣ главныхъ примѣтъ хорошаго поведенія было „строгое и благочестивое исполненіе обрядовъ церкви, къ которой каждый принадлежитъ“; обязательное посѣщеніе студентами православнаго исповѣданія литургій и всеобщныхъ въ воскресные и праздничные дни—въ университетской церкви; безпричинное нехожденіе въ церковь, какъ черта нетвердой нравственности, отмѣчалось инспекторомъ въ особой книгѣ и принималось въ соображеніе при переходныхъ и окончательныхъ испытаніяхъ.

Инспектору студентовъ и его помощникамъ студенты обязаны были „безусловнымъ повиновеніемъ“.

Конѣцъ господства Ланге былъ довольно для него печальный и неожиданный. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло и въ Казанскомъ университетѣ новымъ духомъ; студенты стали держаться „вольнѣ“ и обнаруживать меньше страха передъ фигурой инспектора. А тутъ явился еще и довольно основательный поводъ къ ихъ неудовольствію: зимою 1857 г. случилось избіеніе студентами двухъ офицеровъ, пріѣзжихъ изъ Петербурга (Лобачевского и кн. Оболенскаго), оскорбившихъ студентовъ своими о нихъ отзывами. Однимъ изъ руководителей этого студенческаго подвига, а по другимъ разсказамъ—и скандала, которымъ сопровождалась рѣчь попечителя Молодцова, хотѣвшаго напомнить студентамъ о неприличіи ихъ поведенія,—былъ студентъ Умновъ, разжалованный за это въ солдаты. Если вина его не была преувеличена, а дѣйствительно онъ былъ зачинщикомъ, то подлинно можно сказать о немъ „малъ золотникъ, да дорогъ“: это былъ очень юный студентикъ, обладавшій такой маленькой фигурой, что при поступленіи его въ число козеннокоштныхъ, пришлось особо заказать для него шляпу и шпагу по росту. Сколько помню изъ тогдашнихъ разсказовъ (самъ я, занятый писаніемъ диссертации на медаль и зубреніемъ къ окончательнымъ экзаменамъ, мало увлекался въ это время студенческими дѣлами), главнымъ виновникомъ строгаго наказанія Умова былъ Ланге. Глубоко огорченные и взволнованные участіемъ товарища студенты сдѣлали подписку въ его пользу, привлекли въ ней и кое-кого изъ казанскаго общества; а относительно Ланге порѣшили поговорить съ ректоромъ (проф. І. М. Ковалевскимъ). Въ одинъ прекрасный день, собравшись послѣ лекцій въ актовомъ залѣ, они пригласили ректора для бесѣды. Я, нѣсколько опоздавши на эту сходку, шелъ еще по корридору, когда мимо меня быстро прошелъ Ковалевскій, направляясь къ залу, гдѣ и начался шумный говоръ; говорили, должно быть, всѣ разомъ. Вдругъ чуть не бѣгомъ пронесся туда же Ланге; но едва онъ показался въ залѣ, какъ былъ встрѣченъ криками: „вонъ! вонъ!“.. Что было дальше—не знаю, такъ какъ смущенный и испуганный этими криками и общимъ галдѣньемъ я не рѣшился уже войти въ залу, а повернулъ домой. Вскорѣ товарищъ принесъ вѣсть, что Ланге уже не инспекторъ, и что исполненіе должности инспектора поручено профессору Пахману. Такъ что мы, окончивающіе курсъ, имѣли дѣло уже съ нимъ. Ланге, получивъ скорѣе отставку, переселился въ Москву, гдѣ и умеръ въ 1867 году.

И странное дѣло: этотъ человекъ, презираемый и ненавидимый студентами, постоянный предметъ ихъ насмѣшекъ, дѣйствующее лицо въ пѣсенкахъ, о немъ сложенныхъ, и въ анекдотахъ, доказываю-

ющихъ его глупость и самодурство, „свинья въ ермолкѣ“ или въ „манишкѣ“, какъ обыкновенно его называли, остался у насъ, старыхъ студентовъ, больше въ памяти, чѣмъ тѣ лица, которыхъ стояло бы поминать добромъ. Когда на обѣдахъ бывшихъ студентовъ Казанскаго университета заходитъ рѣчь о старыхъ временахъ, личность Василія Ивановича поминается уже непременно, словно въ назиданіе собесѣдникамъ-студентамъ позднѣйшихъ лѣтъ, что вотъ-де не ропщите на свое время, а посмотрите, подъ какимъ режимомъ *мы* жили, когда судьба наша почти вполне зависѣла отъ глупаго и грубаго человѣка, мнившего себя, и не безъ основанія, по тѣмъ временамъ, вершителемъ студенческихъ судебъ. Припомнимъ, что уставъ 1835 года отдалъ всю дисциплинарную власть надъ студентами, помимо ректора и совѣта, инспектору, даже не выборному, а назначаемому „изъ гражданскихъ или военныхъ чиновъ“ и подчиненному непосредственно попечителю учебнаго округа. Ланге и былъ изъ военныхъ чиновъ, служивъ и въ гражданской службѣ до поступления въ инспекторы ¹⁾.

---

¹⁾ Уставъ 1862 г. сдѣлалъ должность инспектора выборною и предоставилъ совѣтамъ университетовъ избирать на нее одного изъ своихъ членовъ, съ званіемъ проректора или изъ стороннихъ чиновниковъ, съ званіемъ инспектора; при чемъ лицо это должно быть непременно изъ окончившихъ университетскій курсъ. дѣйствовать же на основаніи инструкціи, даваемой совѣтомъ. Въ экстренныхъ случаяхъ проректоръ или инспекторъ могъ распоряжаться только съ разрѣшенія ректора, который потомъ доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія совѣта. Позднѣе, мало по малу, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, съ перемѣною взглядовъ правительства, порядокъ этотъ намѣнился: права инспектора были значительно расширены, по образцу устава 1835 г. А уставъ 1884 года сдѣлалъ его опять непосредственно подчиненнымъ попечителю, который *de facto* его и назначаетъ, представляя намѣченное лицо на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія, который, разумѣется, никогда не усумнится въ правильности рекомендаціи попечителя. Хотя далѣе въ уставѣ сказано, что инспекторъ подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ ректору и исполняетъ его законныя (*sic!*) требованія, дѣйствуя при томъ по инструкціи, данной министромъ народнаго просвѣщенія (не совѣтомъ уже!), но эта его подчиненность ректору почти мнимая: въ случаѣ несогласія съ ректоромъ онъ всегда можетъ укрыться подъ эгиду своего непосредственнаго начальника—попечителя и даже, пожалуй, обвинить ректора въ незаконности его требованій. Стоитъ добавить еще, что въ уставѣ 1884 г. ни слова не сказано, изъ какихъ лицъ долженъ быть назначаемъ инспекторъ, и слѣдуетъ ли ему имѣть университетское или вообще какое бы то ни было образованіе. Уставъ полагается, повидимому, на сообразительность попечителей, предполагая, что они не рѣшатся представлять на должности инспекторовъ людей безъ образованія или какихъ-нибудь проходимцевъ...

Теперь, какъ извѣстно, инспекція совсѣмъ упразднена; но она возродилась въ лицѣ проректора съ его штатомъ.

Насколько въ настоящее время студенты вообще довольны этой реформой, сказать затрудняюсь; но уничтоженіе инспекціи входило въ число ихъ „требованій“ и знаю, что „субики“, какъ они называли субъ-инспекторовъ, далеко не пользовались ихъ расположеніемъ, а въ случаѣ появленія на сходкахъ подвергались иногда и насильственнымъ дѣйствіямъ вродѣ грубо-выражаемыхъ приглашеній убираться, выталкиванія, а то и бросанія въ нихъ картофелемъ и т. д.

Въ наше время въ Казани, не питая къ нимъ нѣжныхъ чувствъ, студенты относились къ нимъ вообще прилично: Иванъ Ивановичъ Ивановъ пользовался даже нѣкоторымъ расположеніемъ; другой субъ-инспекторъ, придирчивый Зоммеръ, былъ нерѣдко предметомъ насмѣшекъ, какъ и 3-й г. Фишеръ; а поступившій, кажется, вмѣсто этого послѣдняго, новый субъ-инспекторъ г. Ситновъ считался почему-то совсѣмъ глупымъ. Надъ ними посмѣивались; но тѣмъ не менѣе—чувство порядочности и дисциплины заставляло видѣть въ этихъ личностяхъ все-таки делегатовъ начальства; поэтому рѣзкія столкновенія съ ними были довольно рѣдки.

Въ недавнее время студенты, не безъ сочувствія даже нѣкоторыхъ изъ профессоровъ и, какъ говорятъ, университетскихъ совѣтовъ, потребовали и достигли полнаго уничтоженія инспекціи, т. е. всякаго надзора за благочиніемъ въ университетахъ, который все-таки однако пришлось *кое-кому поручить*. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, но въ нашемъ Петербургскомъ устраненіе надзора въ настоящую печальную для университетской жизни эпоху имѣло послѣдствіемъ исчезновеніе всякаго уваженія къ храму науки.

Впрочемъ, можно ли о какихъ-нибудь приличіяхъ помнить, когда у студента есть болѣе важныя заботы, благо онъ мнитъ себя призваннымъ и компетентнымъ рѣшать важные общественные и другіе вопросы помимо всякой науки!

Не то было въ наше время: о „матерьяхъ важныхъ“ студенты хотя и разсуждали иногда, но это не мѣшало имъ дѣлать свое студенческое дѣло. А если бы они пустились нарушать университетскія правила или требованія дисциплины, то у инспектора было вдоволь власти, чтобъ пресѣчь это зло, считавшееся тогда чуть не уголовнымъ преступленіемъ.

„Правила“ же строго запрещали студентамъ всякаго рода многочисленныя собранія и сходбища, а равно „всякія азартныя игры“.

Итакъ, инспекторъ съ его помощниками, по одному на факуль-

теты, были тѣми лицами, съ которыми студентамъ наибчае приходило имѣть дѣло. Они въ студенческой жизни подлинно *faisaient la pluie et le beau temps*, какъ говоритъ французская поговорка.

Съ прочимъ начальствомъ—ректоромъ, деканами и попечителемъ округа студенты мало имѣли соприкосновенія. По крайней мѣрѣ, мнѣ пришлось бесѣдовать съ ректоромъ Симоновымъ только однажды, при подачѣ прошенія о зачисленіи въ студенты; а къ декану юридическаго факультета, которымъ сначала при мнѣ былъ проф. Д. И. Мейеръ, а потомъ Н. А. Ивановъ, не пришлось даже ни разу обратиться—какъ и къ преемнику Симонова—новому ректору Ковалевскому. Но не всѣ студенты, конечно, были въ такомъ счастливомъ положеніи, какъ я, не дававшимъ случая обращаться къ этимъ лицамъ съ какими-либо заявленіями или просьбами. Довольно многіе, вѣроятно, обращались съ ходатайствами о какихъ-либо льготахъ, объ освобожденіи отъ платы, о пособіяхъ, о разрѣшеніи обѣдать съ казенными студентами и т. д.; а то по поводу экзаменныхъ неудачъ или, наконецъ, по чисто личнымъ дѣламъ. По части пособій, стипендій и льготъ, требовалось, кажется, обращаться прежде всего къ инспектору.

Въ новый годъ и первый день Пасхи нѣкоторые изъ насъ росписывались у ректора въ сѣняхъ его квартиры и у инспектора, на поздравительномъ листѣ. Нѣкоторые поздравляли также любимыхъ профессоровъ. Поздравляли ли декановъ, не знаю; по крайней мѣрѣ, мнѣ ни разу не пришло объ этомъ въ голову.

Попечитель генераль В. П. Молоствовъ и его помощникъ, знаменитый математикъ Н. И. Лобачевскій (тогда уже слѣпой), являлись въ университетъ только въ экстренныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Помяну, между прочимъ, что Лобачевскій присутствовалъ при приводѣ студентовъ къ присягѣ по случаю воцаренія Императора Александра II. А Молоствовъ, въ наше пребываніе въ университетѣ, только разъ попытался бесѣдовать со студентами, да и то очень неудачно. Всѣ студенты были приглашены въ актовъй залъ для выслушанія увѣщанія попечителя по случаю вышеупомянутыхъ и прочихъ безобразій, участившихся съ ослабленіемъ суроваго николаевского режима. Студенты, по какому-то странному недоразумѣнію, считавшіе этого высокообразованнаго и добраго человека за какого-то армейскаго бурбона, приняли его слова чуть не со смѣхомъ въ лицо и вообще такъ сконфузили бѣднаго старика своимъ поведеніемъ во время его рѣчи, что онъ, говорятъ, чуть не плакалъ отъ огорченія. По окончаніи же рѣчи нѣкоторые кричали „ура“, другіе „дуракъ“! Все это было, конечно, глупое и непростительное школьничество, совершенно неприличное студентамъ, мало-

мальски себя уважающимъ и сознающимъ чувство приличія. Происходило это неуваженіе къ себѣ и къ начальству, конечно, вслѣдствіе всегдашняго недостатка, присущаго нашей учащейся молодежи,— слабого нравственнаго развитія, отсутствія правильнаго воспитанія въ средней школѣ, а съ нимъ и благовоспитанности, свойственной образованному человѣку.

Перейду теперь къ обзору предметовъ, преподававшихся полстолѣтія тому назадъ на юридическомъ факультетѣ Казанскаго университета и, въ частности, на камеральномъ его отдѣленіи. Постараюсь дать и посильную характеристику преподавательскаго персонала.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону ¹⁾.

Санъ-Стефано 1878, 8/III, 11 час. дня.

Уважаемый Дмитрій Антоновичъ!

Еще разъ рѣшаюсь просить Вашего участія по поводу того же предмета.

За бои 22 августа, 30 и 31 того же мѣсяца, мною были представлены *особо* отъ прочихъ слѣдующіе мои ординарды къ Владимірскимъ крестамъ:

1. 10 стр. бат. поруч. Марковъ,
2. 26 каз. пол. хорунжій Дукмасовъ,
3. Казанск. пол. поруч. Лисовскій.

Рѣшился я представить этихъ достойныхъ офицеровъ къ столь высокой наградѣ только во вниманіе къ *дѣйствительной, вѣсьмъ отрядомъ* признанной ихъ боевой доблести. Между тѣмъ, до сихъ поръ офицеры эти не получили наградъ.

Вы знаете, я крайне рѣдко рѣшаюсь беспокоить Главнокомандующаго. Изъ-за себя лично *никогда*. Въ данномъ случаѣ, однако, вынужденъ просить Васъ мнѣ помочь и доложить Его Высочеству—мнѣ трудно будетъ прискаты себѣ такихъ офицеровъ въ бою, *до впріе ко мнѣ уменьшается*, а Вы знаете—одинъ въ полѣ не воинъ.

P. S. Посылаю Вамъ мою карточку, снятую въ Константинополь; не возвратите ли Вы мнѣ *мое письмо объ Индѣйскомъ походѣ* ²⁾.

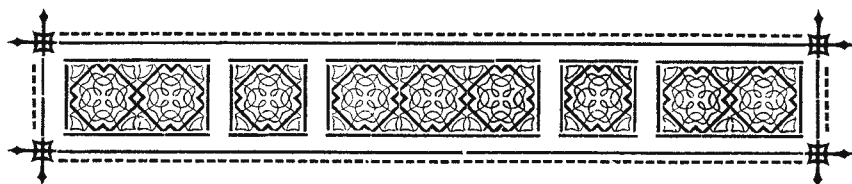
М. Скобелевъ.

Сообщено Д. Скалономъ.

¹⁾ Адъютанту Главнокомандующаго.

²⁾ Будетъ впоследствии помѣщено въ „Русской Старинѣ“.

С.-Петербургско-музыкально-драматическій кружокъ любителей.

В настоящее время въ Петербургѣ функционируетъ немалое количество любительскихъ кружковъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ столько серьезныхъ заслугъ передъ русскимъ искусствомъ, какъ „С.П.Б. музыкально-драматическій кружокъ любителей“, основанный еще въ 1877 г. и существующій понынѣ.—„Евгеній Онѣгинъ“ Чайковского, „Ферморсъ“ Рубинштейна, „Хованщина“ Мусоргскаго, „Кузнецъ Вакла“ Соловьева, „Кроатка“ Дютша и многія другія оперы впервые, силами любителей, безъ участія профессиональныхъ артистовъ, были поставлены этимъ кружкомъ, ставились имъ и новыя пьесы драматическаго репертуара.

Для дирижированія этими операми приглашались такія силы, какъ профессоръ Зикке, Соловьевъ, Гольдштейнъ, Дютшъ, Главачъ, Сафоновъ, Гуго Варлихъ; драматическими спектаклями дирижировали: Н. Потѣхинъ, Сазоновъ, Панчинъ и др.

Впослѣдствіи С.П.Б. музыкально-драматическій кружокъ настолько заинтересовалъ собою публику, что устроители благотворительныхъ спектаклей обращались къ его содѣйствію и опять таки силами любителей, но уже съ участіемъ извѣстныхъ артистовъ, кружокъ ставилъ оперы и драмы. Савина, Лавровская, Панаева-Карцева, Красовская, В. В. Самойловъ, Шалечекъ, Самусъ, Лодій участвовали въ нихъ вмѣстѣ съ любителями. Царская фамилія посѣтила спектакли, которые кружокъ ставилъ въ Михайловскомъ дворцѣ въ пользу благотворительныхъ учрежденій Вел. Кн. Екатерины Михайловны, равно какъ и тѣ, которые устраивали графини Кочубей и Игнатъева въ залѣ Кононова.

Интересно прослѣдить, какъ возникъ и развился этотъ кружокъ. Основаніе ему положилъ въ 1877 году адъютантъ Л.-Гв. 1-ой артиллерійской бригады Валеріанъ Васильевичъ Карминъ.

Самъ В. В. съ дѣтства пристрастился къ искусству. Въ 1857 г. Карминъ для подготовки къ поступленію въ „корпусъ института путей сообщенія“ былъ отданъ въ извѣстный въ то время пансіонъ г. Эмме; воспитателемъ и преподавателемъ французскаго языка состоялъ въ пансіонѣ нѣкто г. Фленъ (впослѣдствіи извѣстный педагогъ). Фленъ былъ хорошимъ актеромъ и страстнымъ любителемъ устраивать спектакли, конечно, на французскомъ языкѣ; устраивалъ онъ спектакли и въ пансіонѣ Эмме. Самъ же Эмме (преподаватель математики въ корпусѣ путей сообщенія) былъ музыкантъ любитель; онъ ввелъ въ пансіонѣ для желающихъ уроки музыки подъ руководствомъ скрипача итальянской оперы Ронси: такимъ образомъ, изъ воспитанниковъ образовался небольшой оркестръ, при чемъ на контрабасѣ игралъ самъ директоръ пансіона. Спектакли въ пансіонѣ обставлялись очень тщательно, репетицій дѣлалось много, и на нихъ допускались все воспитанники, а въ числѣ ихъ и Карминъ, страстно полюбившій сцену. Да и дома, благодаря брату, страсть къ театру поддерживалась въ мальчикѣ; братъ этотъ—архитекторъ—любитель механики, построилъ съ его помощью модель сцены съ обстановкой и „превращеніями“ знаменитаго акта „Волчья Долина“ изъ оперы „Фрейшютцъ“, образцомъ послужила братьямъ постановка извѣстнаго декоратора и механика Роллера на Императорской сценѣ.

Вмѣсто корпуса путей сообщенія, Карминъ попалъ въ 1858 г. въ 1-й кадетскій корпусъ.

Тутъ любовь мальчика къ театру не могла заглухнуть: 1-й корпусъ, какъ извѣстно, разсадникъ и дѣдушка русскаго театра еще со временъ Сумарокова; въ память этого въ корпусѣ ставились ежегодно спектакли, при чемъ все декораціи и костюмы доставлялись изъ Имп. театровъ. На спектакляхъ присутствовали Императоръ и вся Царская фамилія.

Въ программу представленія входили: русская и французская пьесы, и дивертисментъ—балетъ; какъ мужскія, такъ и женскія роли исполнялись кадетами.

Подготавливались къ спектаклямъ тщательно подъ руководствомъ В. В. Самойлова, лично учившаго кадетъ-актеровъ, французскую пьесу ставилъ кто-нибудь изъ выдающихся артистовъ французской труппы Имп. театра, а балетъ ставилъ учитель танцевъ Эбергартъ.

Карминъ поступилъ прямо во 2-ю роту, фельдфебелемъ этой

роты былъ тогда извѣстный впоследствии Н. И. Бобриковъ (финляндскій генераль-губернаторъ), въ то время серьезный, требовательный, никогда не улыбавшійся мальчикъ.

2-я рота обыкновенно танцевала на спектакляхъ, это была ея привилегія, и потому имѣла доступъ на репетиціи. Карминъ былъ окончательно очарованъ В. В. Самойловымъ, его художественныя указанія, полныя вмѣстѣ съ тѣмъ жизненной правды, такъ восхищали юнаго кадета, что онъ не уходилъ со сцены и въ концѣ концовъ попалъ не то въ бутафоры, не то въ помощники режиссера на корпусныхъ репетиціяхъ и спектакляхъ.

И лѣтомъ для развлечения въ лагеряхъ кадеты не отставали отъ театра и устраивали спектакли въ баракахъ, такъ какъ сами жили тогда въ палаткахъ. По окончаніи курса, Карминъ вышелъ въ подпоручики 3-й гвардейской и артиллерійской бригады въ Варшаву, во время польскаго возстанія, когда всякая общественная жизнь замерла, и офицеры могли вращаться лишь въ своемъ тѣсномъ военномъ кругу, развлеченіемъ служилъ имъ польскій театръ, такъ какъ о русскомъ театрѣ въ Варшавѣ тогда и помину не было, а потребность въ немъ была такъ сильна, что скоро подъ режиссерствомъ командира л.-гв. Прусскаго полка, 3-й гвардейской дивизіи, генерала-маіора Карцева, отличнаго актера-любителя, офицеры устроили русскій спектакль въ придворномъ театрѣ Померанчарнѣ, въ Лазенкахъ. Поставлена была, конечно, съ благотворительною цѣлью, „Свадьба Кречинскаго“, и исполнили великолѣпно свои роли Кречинскаго—самъ Карцевъ, Расплюева—уланъ Дерфельденъ, Нелькина—прапорщикъ артиллеріи Прежбяно, извѣстный въ кругу товарищей какъ талантливый рассказчикъ анекдотовъ и весельчакъ.

Начальникъ артиллеріи былъ въ то время генераль-адъютантъ В. М. Шварцъ, очень богатый человекъ; желая поднять и соединить общество, онъ любилъ устраивать разныя торжества. Такъ въ день тезоименитства В. Кн. Ольги Феодоровны, супруги Августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера всей артиллеріи, и въ день тезоименитства Государя Императора Шварцъ устроилъ грандіозный фейерверкъ передъ Лазенковскимъ дворцомъ.

Для устройства фейерверковъ и иллюминаціи на Повонскахъ въ лагеряхъ, гдѣ стояла вся артиллерія, была образована фейерверочная лабораторія; тамъ работали лаборатористы всѣхъ бригадъ и отъ каждой изъ нихъ по одному офицеру, при чемъ отъ 3-й Гвардейской артиллерійской бригады былъ командированъ В. Карминъ. Завѣдывали лабораторіей батарейные командиры подполковники Салецкій и Нетельгорстъ (извѣстный тогда художникъ). Они

обратили вниманіе на способности и любовь Кармина къ пиротехникѣ и декоративной части и назначили его завѣдующимъ декоративнымъ отдѣломъ и отдѣломъ бенгальскихъ огней на Лазенковскихъ торжествахъ.

Во всѣ торжественные дни Великій Князь Намѣстникъ и супруга его Великая Княжна Александра Іосифовна устраивали рауты въ Лазенковскомъ дворцѣ, и Августѣйшая хозяйка очаровывала всѣхъ своей любезностью и красотой.

Чтобы отблагодарить Великую Княгиню за эти рауты, бригадный командиръ И. С. Кохановъ (впослѣдствіи виленскій генералъ-губернаторъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) устроилъ (въ 1864 г.) большой праздникъ вродѣ пикника въ загородномъ дворцѣ графа Потоцкаго „Наталинѣ“, съ неизбѣжнымъ фейерверкомъ и иллюминаціей и двумя оркестрами музыки.

Устройство иллюминацій, фейерверка и декорированіе дома было опять таки поручено Кармину; это былъ его первый самостоятельный опытъ, который удался вполнѣ; Великокняжеская Семья осталась очень довольна всѣмъ вечеромъ. Черезъ нѣсколько дней Кохановъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ распорядителей праздника и прочиталъ имъ польскія газеты, напечатавшія большія похвалы устроенному имъ торжеству.

Иллюминація, состоявшая изъ бумажныхъ фонарей, склеенныхъ артиллеристами и промасленныхъ для большаго эффекта, особенно отмѣчалась одной изъ газетъ, въ ней же говорилось, что фейерверкъ превзошелъ всѣ ожиданія, „впрочемъ, иначе и быть не могло, такъ какъ устроенъ онъ былъ артиллеристами, опытными въ этомъ дѣлѣ“.

Перейдя на службу въ Петербургъ въ л.-гв. 1-ю артиллерійскую бригаду, Карминъ не могъ удовлетвориться скучнымъ, однообразнымъ образомъ жизни общества офицеровъ и натянутыми отнесеніями, которыя царствовали въ ихъ средѣ. Большую часть дня онъ сталъ проводить въ манежѣ, помогая бригадному берейтору объѣзжать молодыхъ лошадей, но это занятіе не могло заполнить жизнь общительнаго молодого человѣка, привыкшаго въ Варшавѣ къ столичному и военному обществу товарищей, и ему пришла мысль устроить въ небольшомъ тогда и сыромъ помѣщеніи манежа конныя карусели по вечерамъ, привлечь къ участію въ нихъ своихъ новыхъ товарищей и такимъ образомъ объединить ихъ. Устроивъ складчину между офицерами на приведеніе неказистаго манежа въ болѣе или менѣе приличный видъ, Карминъ выточилъ люстры изъ дерева для керосиновыхъ лампъ, устроилъ переносный барьеръ, за нимъ уставилъ скамьи для публики; конская аптека

была превращена въ уборную для прекрасныхъ амазонокъ, которыхъ пригласилъ энергичный распорядитель, а въ комнатѣ сторожа былъ устроенъ чайный буфетъ. Въ хлопотахъ помогаль Кармину извѣстный тогда сынъ богача спортсменъ Брюстъ-Лисицынъ, онъ же дирижироваль первую каруселью въ концѣ 1866 г. Родные и знакомые офицеровъ и амазонокъ любовались ѣздой молодежи подъ музыку, а по окончаніи карусели все общество соединилось за чайнымъ столомъ и окончили вечеръ кадрилию на пескѣ. Благодаря дружному веселю натянутыя отношенія исчезли, офицеры горячо благодарили Кармина за доставленное имъ удовольствіе, порѣшили составить общество каруселей и выбрали распорядителемъ Кармина. Изъ этого-то общества и образовался впоследствии СПБ. кружокъ любителей музыкантовъ и артистовъ.

Хотя карусели усильно шли и существовали десять лѣтъ, но не могли замѣнить театра и удовлетворить страсти къ нему Кармина. Кромѣ Императорскихъ театровъ тогда не было другихъ, такъ частныя антрепризы не разрѣшались въ столицахъ, но любительскіе спектакли устраивались часто, и Карминъ, устроивъ складной комнатный театръ, разѣжалъ по знакомымъ и разыгрывалъ съ ними разныя пьесы, но чаще въ качествѣ режиссера, слѣдуя указаніямъ В. В. Самойлова, усвоеннымъ молодымъ офицеромъ еще въ корпусѣ. Къ 1874 году карусели уже нѣсколько пріѣлись и возможно было для оживленія общества устроить въ манежѣ любительскіе спектакли, заведя разборную сцену.

За дѣло взялся Карминъ, которому посчастливилось къ тому же найти между офицерами 1-ой бригады хорошихъ актеровъ и любителей, а между амазонками хорошихъ любительницъ актрисъ. Манежъ уже окончательно преобразился къ этому времени, появилось въ немъ газовое освѣщеніе и хорошія ложи, конскую аптеку окончательно выселили и устроили на ея мѣстѣ прекрасныя дамскія уборныя.

Все было готово для спектаклей, недоставало только оркестра для аккомпанированія пѣнію, а любители желали ставить водевили съ пѣніемъ, которые были въ то время въ модѣ. Духовой бригадный оркестръ къ этому дѣлу не годился: онъ не могъ аккомпанировать пѣнію; рояль нельзя было держать въ сыромъ помѣщеніи манежа,—пришлось составлять струнный оркестръ изъ любителей, преимущественно офицеровъ.

Карминъ, бывшій въ то время бригаднымъ адъютантомъ, завѣдываль, слѣдовательно, и хоромъ музыки, капельмейстеромъ былъ имъ приглашенъ знаменитый нашъ солистъ на корнетъ-а-пистонѣ И. Е. Соловьевъ, получившій 1-ю золотую медаль на всемірномъ

конкурсъ военной музыки въ Парижѣ при Наполеонѣ III. Страстный любитель музыки, игравшій къ тому же и на скрипкѣ, Соловьевъ охотно помогъ Кармину составить оркестръ, привлекая къ участию въ немъ и нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ учениковъ своихъ офицеровъ. Безвозмездно дирижировалъ оркестромъ (человѣкъ въ 20) тотъ же Соловьевъ, а режиссеромъ спектаклей былъ Карминъ. Спектакли чередовались съ каруселями, тѣ или другіе ставились всего разъ въ мѣсяцъ до 1876 года, во въ этомъ году, по сформированіи 5-ой и 6-ой батарей въ бригадѣ, стало все труднѣе и труднѣе получать манежъ бригады, а съ осени 1876 г. начальство окончательно отказалось давать манежъ подѣ спектакли и карусели.

Трудно было любителямъ помириться съ такимъ положеніемъ вещей, особенно послѣ того, какъ на послѣднемъ спектаклѣ въ манежѣ имъ удалось блестяще исполнить такую серьезную пьесу, какъ „Ревизоръ“ и передъ такой публикой, какъ все высшее начальство во главѣ съ военнымъ министромъ графомъ Милутинымъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и его товарищемъ генералъ-адъютантомъ Баранцевымъ.

Въ это время сталъ разгораться славянскій вопросъ, и начиналась сербско-турецкая освободительная война, многіе изъ русскихъ офицеровъ уѣхали въ Сербію добровольцами, уѣхалъ и недавно отличившійся на послѣднемъ спектаклѣ въ роли Хлестакова, капитанъ Голощаповъ (нынѣ генералъ на Кавказѣ).

Всюду шли сборы въ пользу славянъ; желая со своей стороны внести лепту на это дѣло, любители актеры и музыканты обратились къ Кармину съ просьбой устроить спектакли въ пользу славянъ.

Карминъ пустился на поиски помѣщенія и снялъ залъ Кононова, который въ это время пустовалъ, досталъ на свой страхъ декораціи изъ прогорѣвшаго театра „Французскій Буффъ“ и устроилъ сцену, такъ какъ таковой въ залѣ Кононова не было, а была лишь эстрада, на которой Римскій-Карсаковъ давалъ свои концерты.

Помогъ Кармину завѣдывавшій домомъ П. И. Архаровъ, состоящій членомъ „кружка“ и нынѣ.

Въ этомъ помѣщеніи общество „каруселей“ дало цѣлый рядъ спектаклей, привлекая къ участию въ нихъ для увеличенія сборовъ В. В. Самойлова, который какъ-разъ въ это время ушелъ съ императорской сцены, но сохранилъ громадную симпатію публики. Самойловъ любезно согласился играть съ любителями за поспектакльную плату въ 300 рублей. Оркестръ любителей, увеличившійся къ этому времени до 40 человѣкъ, игралъ въ антрактахъ и

аккомпанировалъ пѣнію, а Кармину пришлось сдѣлаться въ немъ контрабасистомъ, такъ какъ играть на этомъ инструментѣ любителей находилось мало, а замѣнить Кармина, какъ скрипача, представлялась полная возможность. Къ русскимъ пьесамъ скоро присоединили и французскія, благодаря тому, что извѣстный тогда дѣятель по славянскому комитету, графъ Нессельроде (сынъ министра иностр. дѣлъ), плохо говорилъ по-русски и могъ играть лишь французскія пьесы; этотъ Нессельроде и другой дѣятель по славянскому комитету, графъ Соллогубъ (сынъ писателя), принимали гораздо участіе въ спектакляхъ любителей-офицеровъ.

Успѣшная дѣятельность „общества каруселей“ на сценическомъ поприщѣ дала мысль объ образованіи изъ его членовъ сиб. музыкально-драматическаго кружка любителей, написать соответственный уставъ и подать его на утвержденіе черезъ градоначальника Ф. Ф. Трепова.

Треповъ бывалъ часто на спектакляхъ любителей въ манежѣ, восхищался игрой ихъ и умѣньемъ привлечь въ качествѣ зрителей хорошее общество,—слѣдовательно, въ сочувствіи его музыкально-драматическому кружку сомнѣнія не было.

Все же возникновеніе частныхъ театровъ и кружковъ встрѣчало въ то время непреодолимые препятствія, на нихъ смотрѣли, какъ на конкурентовъ императорскихъ театровъ, и частная антреприза безусловно не допускалась. Надо было осторожно обойти всѣ препятствія, и Карминъ написалъ коротенькій уставъ кружка, включивъ такіе пункты: участіе въ кружкѣ профессиональныхъ артистовъ не допускается, спектакли должны быть бесплатные, всѣ расходы раскладываются поровну на всѣхъ членовъ кружка, число коихъ не должно превышать 200 человекъ.

Для большихъ шансовъ на успѣхъ, Карминъ поѣхалъ къ градоначальнику въ сопровожденіи Соллогуба и Нессельроде, которые носили оба придворное званіе камеръ юнкеровъ и имѣли большія связи въ высшемъ обществѣ. Уставъ былъ поднесенъ Трепову съ просьбой взять подъ свое покровительство нарождающійся въ Петербургѣ 1-й кружокъ любителей. Треповъ обѣщался оказать свое содѣйствіе по утвержденію устава и въ скоромъ времени, при докладѣ Императору о благополучіи въ столицѣ, доложилъ Ему и о новомъ кружкѣ, прося разрѣшенія на его утвержденіе.

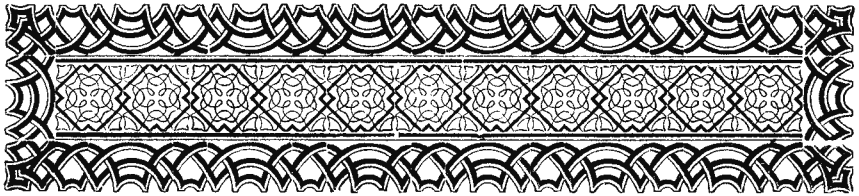
По Высочайшему повелѣнію уставъ былъ переданъ на разсмотрѣніе дирекціи императорскихъ театровъ. Всесильный тогда начальникъ репертуарной части П. С. Федоровъ неоднократно вызывалъ Кармина для разныхъ разъясненій, вставилъ отъ себя нѣсколько пунктовъ въ видѣ примѣчаній и, наконецъ, уставъ былъ пере-

*

данъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, утвержденъ и отпечатанъ, а черезъ девять дней, 3-го апрѣля 1877 года, состоялся въ залѣ Кононова первый спектакль С.-Петербургскаго-Музыкально-Драматическаго Кружка. 3-го же апрѣля 1907 года кружекъ торжественно отпраздновалъ свой 30-ти-лѣтній юбилей и чествовалъ своего основателя и почетнаго члена Валеріана Васильевича Кармина.

Крушковскій.

Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева.

(Окончаніе).

VI ¹⁾.

Въ 1832 году Плетневъ былъ избранъ профессоромъ на кафедру русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Кромѣ университета, у него остался Патриотическій институтъ, а также онъ долженъ былъ преподавать и въ педагогическомъ институтѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ читалъ только шесть лѣтъ, а профессура въ университетѣ оставалась за нимъ до назначенія его ректоромъ уже отъ правительства въ 1849 г., по новому закону, въ силу котораго, между прочимъ, обязанности профессора съ него слагались.

Скабичевскій въ своей второй статьѣ, говоря о началѣ профессорской дѣятельности Плетнева, обвиняетъ его въ томъ, что онъ не обладалъ достаточными для профессора знаниями и что, какъ „катедеръ-карьеристъ“ получилъ профессуру по протекціи. „Занять какую-либо кафедру въ одномъ изъ російскихъ университетовъ въ тѣ блаженные времена было дѣломъ очень легкимъ. Для этого не требовалось никакихъ ученыхъ степеней, а достаточно было сильной протекціи“. Примѣръ — Гоголь, получившій кафедру исторіи безъ всякихъ на это ученыхъ правъ. По поводу этого скажемъ,—не разсуждая о томъ, на сколько тяжель былъ „ученый багажъ“ Плетнева,—что никто не рѣшится утверждать, будто Плетневъ, какъ профессоръ, былъ не на своемъ мѣстѣ, въ особенности, если имѣть въ виду общее состояніе науки въ Россіи въ то время. Это вполне доказывается имѣющимися у насъ воспоминаніями разныхъ лицъ и, кромѣ того, сообщеніями его самого о собственныхъ лек-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль 1908 года.

ціяхъ, которыя мы ниже приводимъ. А съ другой стороны, кто же протежировалъ Плетневу? Никитенко оставилъ нѣкоторыя подробности избранія его на кафедру, откуда видно, что никакого искательства со стороны Плетнева не было. Онъ пишетъ, что съ помощью Уварова, бывшаго въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, „въ университетѣ принята и приводится въ исполненіе „система очищенія“, т. е. увольненія неспособныхъ профессоровъ. Поэтому Толмачеву (предшественнику Плетнева) велѣно подать въ отставку, Бугырскаго тоже хотятъ уволить (оба—профессора словесности). И вотъ Уваровъ посылаетъ Никитенку къ Галичу, съ предложеніемъ кафедры словесности, но Никитенко, какъ онъ пишетъ, „рѣшился совѣтовать отдать ее не Галичу, а Плетневу. Последній, говоритъ онъ, гораздо для нея пригоднѣе“. Совѣтъ этотъ былъ принятъ и приведенъ въ исполненіе ¹⁾). Въ этихъ извѣстіяхъ, въ которыхъ нельзя видѣть чего-либо недосказаннаго, нѣтъ и намека на протекцію въ избраніи Плетнева.

Изъ воспоминаній о профессорствѣ Плетнева приведемъ прежде всего слова Тургенева. Тургеневъ о Плетневѣ вспоминаетъ съ самою нѣжною любовью. О профессорствѣ его онъ пишетъ такимъ образомъ. „Какъ профессоръ русской литературы, онъ не отличался большими свѣдѣніями; ученый багажъ его былъ весьма легокъ; зато онъ искренно любилъ „свой предметъ“, обладалъ нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ, и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ—умѣлъ заинтересовать ихъ... Онъ былъ очень смиренъ, но его любили. При томъ, его—какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ...—окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: „Не мысля гордый свѣтъ забавить“,—и т. т. ²⁾).

Авторъ исторіи Спб. университета за первыя 50 лѣтъ, бывший слушателемъ Плетнева, какъ и Тургеневъ, говоритъ, что „переходъ отъ Толмачева къ Плетневу былъ рѣзокъ“. Первый былъ „человѣкъ старинный и съ отсталыми взглядами, державшійся строгой вѣры въ правила риторики и піитики“ ³⁾). Плетневъ же, говоря его словами ⁴⁾), принялъ за основаніе своихъ лекцій „историко-критическое изъясненіе произведеній литературы и соединилъ въ нихъ взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикой самаго искусства, въ перемѣнахъ котораго онъ показывалъ развитіе ду-

¹⁾ Ib.

²⁾ «Литературный вечеръ у П. А. Плетнева».

³⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 73.

⁴⁾ 25-лѣтіе Спб. у—та, стр. 80.

ховной жизни націи“. „Студентовъ располагала къ нему и производила вообще хорошее впечатлѣніе его симпатичная личность, его внимательность къ студентамъ, желаніе быть имъ полезнымъ. Онъ умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній—и скоро на кафедрѣ его явились студенческія произведенія, о какихъ раньше не могло быть и мысли: явился, между прочимъ, и „Конекъ-Горбунокъ“ Ершова ¹⁾. Однако, какъ говоритъ тотъ же авторъ, „его лекціи не поражали слушателей ни особенностью взглядовъ, ни глубиною мысли и еще менѣе ученостью“. Но нѣсколько иначе говоритъ другой слушатель Плетнева, Фортунатовъ. О самомъ первомъ курсѣ лекцій Плетнева онъ сообщаетъ слѣдующее: „Прежде чѣмъ приступить съ нами къ исторіи русской литературы, онъ предпослалъ этому курсу общія замѣчанія о литературѣ и языкѣ вообще. Во вступленіи къ исторіи литературы у него заключалось рѣшеніе вопросовъ: 1) что должна содержать исторія литературы; 2) въ какомъ отношеніи исторія литературы находится къ исторіи политической; 3) какъ надобно опредѣлять въ исторіи литературы эпохи и изображать періоды; 4) какому выбору должно подвергать всѣ матеріалы изъ исторіи литературы. На этихъ вступительныхъ лекціяхъ Плетнева видно вліяніе Фр. Шлегеля, котораго „Исторія древней и новой литературы“ въ переводѣ на русскій яз. вышла у насъ въ свѣтъ въ 1830 г. Исторію русской литературы успѣлъ съ нами довести Плетневъ только до Ломоносова. Онъ долго останавливался съ нами на томъ, что должно было имѣть главнѣйшее вліяніе на ходъ нашей древней литературы“. О томъ, какъ Плетневъ слѣдилъ за текущею литературою предмета, Фортунатовъ говоритъ: „лишь только являлось какое-нибудь замѣчательное произведеніе, изъ лекцій П. А.—ча мы видѣли, что оно ему знакомо ²⁾).

Нѣкто А. Ч., такъ же слушатель Плетнева, передаетъ, что Плетневъ, какъ и Никитенко, принадлежалъ къ числу немногихъ любимыхъ профессоровъ. Что касается его преподаванія, то А. Ч. присоединяется къ мнѣнію Григорьева, цитированному выше, и, кромѣ того, присоединяетъ слѣдующее: „Задачу ознакомить своихъ слушателей со своими взглядами на извѣстный періодъ русской литературы преподаватель понималъ довольно своеобразно. Я слушалъ его лекціи въ продолженіе трехъ курсовъ. Два года подрядъ читалъ Плетневъ Державина и только на 3-й неожиданно перешелъ къ Крылову, не удостоивъ вниманія всѣхъ прочихъ дѣятелей русской

¹⁾ Пятидесятилѣтіе, стр. 90.

²⁾ Р. Архивъ. 1869, стр. 332—333.

литературы. Большая часть этихъ лекцій посвящалась чтенію произведеній этихъ авторовъ, чтенію съ устарѣвшею декламациею, съ кикимъ-то неестественнымъ паѳосомъ“¹⁾. Этотъ отзывъ представляется единственнымъ; въ виду другихъ, болѣе благопріятныхъ свѣдѣній, онъ требуетъ осторожнаго къ себѣ отношенія. И, напри- мѣръ, о чтеніи Плетнева Смирнова отзывается такъ, что онъ умѣлъ своимъ чтеніемъ стиховъ растрогивать слушателей²⁾. Интересна подробность, встрѣчаемая у А. Ч., о черной трости, которую Плет- невъ „имѣлъ обыкновеніе приносить съ собою на лекцію, и кото- рую не выпускалъ изъ рукъ; говорили, будто она досталась ему на память отъ Пушкина“. Объ этой трости пишетъ, подсмѣиваясь, и Гротъ въ одномъ письмѣ³⁾.

Къ совершенно благопріятнымъ отзывамъ принадлежатъ отзывы Лонгинова, Грота, Барановскаго (профессора въ Гельсингфорсѣ). „Онъ читалъ“, говоритъ первый, „не мертвыя лекціи, а живыя импро- визаціи, исполненныя знанія и любви къ дѣлу... Онѣ были въ выс- шей степени занимательны⁴⁾. Барановскій говорилъ Гроту, какъ онъ любилъ лекціи Плетнева, особенно тѣ, на которыхъ происхо- дили пренія со студентами⁵⁾.

Съ 1840 года мы имѣемъ сообщенія о лекціяхъ Плетнева, при- надлежащія ему самому, именно въ перепискѣ съ Гротомъ. При- ведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Свое мнѣніе о лекціи вообще онъ высказываетъ въ такихъ словахъ. „Будь лекція коротка, но въ ней должно быть зерно мысли. Опредѣлительность предмета, ясность мнѣній и новостъ взгляда или самаго сюжета — вотъ секретъ быть любимымъ профессоромъ⁶⁾. 25 сентября 43 г. онъ сообщаетъ, что, передавъ слушателямъ идеи объ элементахъ сочиненія, онъ под- крѣпилъ свою теорію разборомъ Гоанны д'Аркъ. „Мои замѣчанія“, прибавляетъ онъ, „очень занимаютъ студентовъ“. Но въ 45 г. онъ пишетъ: „На лекціи я читалъ изъ Ундины. Мнѣ всегда бываетъ досадно, когда при чтеніи не замѣчаешь на лицахъ студентовъ ни- какого сочувствія къ красотамъ поэта. И теперь было такъ: или они безчувственны, или глупы“⁷⁾... Первые лекціи осени 1845 г. были посвящены имъ изложенію элементовъ эстетики, при чемъ

¹⁾ Р. А. 1888. № 9. «Петербургскій университетъ полвѣка назадъ», стр. 120.

²⁾ «Записки», I, 107.

³⁾ Переписка, III, 119.

⁴⁾ Труды Грота, III, 305.

⁵⁾ Переписка, II, 65.

⁶⁾ Ib. I, 332.

⁷⁾ Ib. II, 434.

было опровергаемо мнѣніе, „будто художества могутъ быть употребляемы какъ средства для достиженія общежительныхъ или политическихъ видовъ“¹⁾... 10 октября начать „переборъ произведеній нашей словесности“. Говорено о переводѣ библии „на одно изъ юго-восточныхъ славянскихъ нарѣчій“ и его значеніи. 24 октября лекція о XIII и XIV вв. „Важнаго ничего“, говоритъ Плетневъ, „но изложеніемъ своимъ я доволенъ“. 7 ноября „лекціи касались Никона и Петра Могилы, лицъ важныхъ въ исторіи русскаго образованія XVII в. 14 н. о Кантемирѣ. 28-го о томъ же Кантемирѣ съ сравненіемъ его съ Державинимъ, при чемъ найдено, что „первый оригинальнѣе, вѣрнѣе, полнѣе и проникнутѣе руссизмомъ“. 12-го декабря продолженіе о Ломоносовѣ съ доказательствомъ того, что „своею методою въ искусствѣ писанія онъ задержалъ развитіе общаго движенія нашей литературы, обративъ умы всѣхъ на кованіе громкихъ фразъ, въ которыхъ и заключалось долго все искусство писателей, пренебрегавшихъ легкимъ и комическимъ“. Личность Екатерины II Плетневъ считалъ центромъ всѣхъ культурныхъ движеній конца 18 в., въ томъ числѣ и литературы (ср. выше рѣчь о народности). Въ январѣ 1846 г. Плетневъ пишетъ: „я каждый отдѣлъ литературы во второй половинѣ XVIII в. вывожу изъ собственной умственной дѣятельности Екатерины II. Такъ приступая къ легкой словесности, въ которой отличились Богдановичъ и Хемницеръ, я показалъ, что въ сказкахъ государыни были уже элементы этого забавнаго тона и языка. Мнѣ удалось все это округлить и представить живо“. Объ одномъ оригинальномъ случаѣ читаемъ 6 февраля... „на лекціи читалъ я нѣкоторые мѣста изъ М. Н. Муравьева—и это не только интересовало слушателей, но и меня самого. Тутъ былъ и молодой Баратынскій. Я къ моимъ рассказамъ о впечатлѣніи, какое всегда производитъ на меня Муравьевъ, прибавилъ (указывая на Баратынскаго), что съ его отцомъ и Дельвигомъ началъ я учиться словесности съ этого чтенія—и, кажется, это на всѣхъ подѣйствовало“. Съ 1820 года, по хронологіи Плетнева, начинается великая эпоха: искусство начинаетъ падать, и выходитъ на сцену промышленность²⁾.

Для древней исторіи у Плетнева были записки. 9 марта 1848 г. онъ пишетъ: „я, составивши въ первый годъ профессорства записки касательно древней исторіи русской литературы (о новой могу всегда говорить безъ приготовленія) пользуюсь ими до сихъ поръ, разнообразя то содержаніе, то планъ, то изложеніе“. Въ качествѣ

¹⁾ Ib. II, 548.

²⁾ Ib. II, 709.

источниковъ онъ пользовался въ древней исторіи литературы Карамзинымъ и Евгеніемъ, которые „всѣхъ обстоятельнаѣе изложили дѣло и все черпали изъ самыхъ источниковъ“¹⁾. Гротъ пишетъ ему однажды объ этихъ источникахъ: „матеріалы извлечены (для записокъ) иногда слово въ слово, однако жъ ты умѣлъ оживить (въ общемъ ихъ соединеніи) ихъ своею мыслію и своимъ взглядомъ“²⁾.—Плетневъ по выслугѣ 25 лѣтъ въ ученomъ званіи, послѣ которыхъ профессоръ по закону долженъ былъ быть увольняемъ, еще два раза былъ избираемъ на кафедру³⁾.

Изъ всего этого видно, что Плетневъ былъ преподаватель средней руки, который, какъ отзывался Тургеневъ, „не внушалъ студентамъ никакихъ преувеличенныхъ чувствъ, ничего подобнаго тому, что возбуждалъ въ нихъ, напримѣръ, Грановскій“, но вовсе не характеризуетъ собою „блаженные времена“ 30—40-хъ годовъ, какъ утверждаетъ Скабичевскій.

Въ февралѣ 1840 года Плетневъ, оставаясь профессоромъ, былъ избранъ въ ректоры; въ 1844 и 48 гг. переизбранъ, а съ 1849 года, вслѣдствіе новаго постановленія о ректорахъ⁴⁾, назначенъ былъ на эту должность отъ правительства и оставался въ ней до октября 1861 г. Въ продолженіе этого времени Плетневъ исполнялъ также обязанности попечителей, когда они отсутствовали. Григорьевъ говорить о ректорствѣ Плетнева: „выборы Плетнева въ ректорское званіе совѣтомъ университета и затѣмъ утвержденіе его въ этомъ званіи правительствомъ на безсрочное время свидѣлствуютъ какъ о способностяхъ его къ ректорскимъ обязанностямъ, совершенно иного свойства, нежели профессорскія, такъ и о признаніи за нимъ этихъ способностей со стороны товарищей по университету и со стороны высшаго начальства. Большимъ счастіемъ для университета было, во многіе трудные дни его существованія, имѣть во главѣ своей человѣка съ такимъ покойнымъ до невозмутимости характеромъ, какимъ отличался Плетневъ, пользовавшійся за то, при необыкновенномъ практическомъ умѣ, тонкомъ тактѣ и холодной добротѣ своей, расположеніемъ и уваженіемъ во всѣхъ слояхъ общества“⁵⁾. Тотъ же А. Ч., отзывы котораго мы при-

¹⁾ Ib. I, 446.

²⁾ Ib. I, 416.

³⁾ Ib. III, 486.

⁴⁾ Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 3 янв. 1850 г. (Соч. и переп. III, 620) Плетневъ пишетъ, что (по словамъ Уварова) «перемѣна въ способѣ избранія ректоровъ устроена была для благовиднаго удаленія меня отъ должности». Вѣроятноѣе предполагать тутъ результатъ усиленія «охранительныхъ» мѣръ послѣ 48 года.

⁵⁾ Пятидесятилѣтіе, 296.

водили ранѣе, о ректорствѣ Плетнева говорить такимъ образомъ: „Добродушный и всегда доступный Плетневъ былъ совершенно противоположнаго типа“, чѣмъ его предшественникъ Шульгинъ, котораго „обращеніе со студентами было непривѣтливо и выраженіе лица сурово“¹⁾. „Плетневъ съ рѣдкою въ начальникѣ снисходительностью выслушивалъ просьбы студентовъ и, по возможности, всегда удовлетворялъ ихъ. Благоволительная скромность принадлежала къ отличительнымъ чертамъ его характера. Она проявлялась, напр. при студенческихъ исторіяхъ. Однажды студенты выгнали субинспектора изъ аудиторіи за то, что онъ по приказанію попечителя сталъ отмѣчать отсутствующихъ. Плетневъ въ рѣчи къ нимъ сталъ объяснять, что они должны „сохранять въ поступкахъ то достоинство, которое на нихъ возлагаетъ званіе студентовъ. Говорятъ“, прибавляетъ Плетневъ, „будто они изумлены были столь неожиданнымъ тономъ искренности и спокойствія моего“²⁾.

Случай съ Некрасовымъ особенно ярко характеризуетъ его благодушное отношеніе къ учащимся. Приведемъ его со словъ Скабичевскаго. „Получивъ на приѣмномъ экзаменѣ единицу изъ географіи и опасаясь экзамена физики, Некрасовъ явился къ ректору, Плетневу, и откровенно высказалъ ему свое положеніе: онъ противъ воли отца поступаетъ въ университетъ, и теперь, если его не примутъ въ число студентовъ, его положеніе будетъ отчаянное. Плетневъ справился о прочихъ отмѣткахъ, отлично рекомендовавшихъ юношу, желавшаго, при томъ поступить на философскій факультетъ, и обнадежилъ Некрасова обѣщаніемъ ходатайствовать за него въ совѣтъ. Но Некрасовъ совсѣмъ не явился на экзаменъ изъ физики, и въ совѣтъ только поэтому не могло быть объ немъ и рѣчи. За то потомъ при свиданіи Плетневъ убѣждалъ Некрасова все-таки не оставлять университета и поступить вольнослушателемъ. Некрасовъ сначала не рѣшался. Нѣсколько дней спустя, на Старо-Исаакіевскомъ мосту юноша видитъ, что кто-то догоняетъ его и идетъ съ нимъ рядомъ, всматриваясь въ него. Это былъ Плетневъ. Онъ снова сталъ убѣждать его, и Некрасовъ подалъ прошеніе“³⁾.

Въ качествѣ ректора, а также и ранѣе, будучи только профессоромъ, Плетневъ почти каждый годъ составлялъ отчетъ по университету. Кромѣ того, Плетневу принадлежитъ не разъ пиитированный нами трудъ, составленный ко дню юбилея: „Первое 25-лѣтіе

¹⁾ Л. с. 125.

²⁾ Переписка съ Грогомъ, II, 821 слл.

³⁾ В. Е. 1885 г. ноябрь, стр. 57. У Скабичевскаго приведено, какъ выдержка изъ «біографіи».

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета“, читанный имъ на актѣ 8 февраля 1844 г. ¹⁾). Никитенко отзывается объ отчетѣ не особенно одобрительно: „Ректоръ 3 ч. и 18 минутъ читалъ исторію университета. Тоска и холодъ всѣхъ одолѣли. Никогда еще, кажется, университетскій отчетъ не былъ неудачнѣе. О дѣятельности университета за истекшія 25 лѣтъ не сказано ничего существеннаго, а можетъ быть и не могло быть сказано“ ²⁾). Дѣйствительно, это трудъ, носящій характеръ довольно сухого перечня.

Не лишне для характеристики Плетнева, какъ профессора и ректора, упомянуть объ одномъ замѣчаніи Никитенко. Онъ говоритъ, что въ 1849 году—когда ходили слухи о закрытіи университетовъ — „Плетневъ въ своемъ отчетѣ старался, сколько возможно, выставить пользу и безопасность университетскаго образованія ³⁾).

VII.

Съ ректорствомъ Плетнева и съ службой его друга, Грота, въ Гельсингфорскомъ университетѣ тѣсно связаны не безынтересныя отношенія друзей къ Финляндіи. Прежде скажемъ о знакомствѣ Плетнева съ Гротомъ, которое перешло потомъ въ самую тѣсную дружбу и имѣло большое вліяніе на обоихъ друзей. Сближеніе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1837 года Яковъ Карловичъ окончательно обработалъ свой переводъ „Мазепы“ Байрона и далъ прочесть его своему товарищу Деларю. Этотъ перedalъ переводъ Плетневу, который и пожелалъ познакомиться съ Гротомъ лично. Гротъ, какъ онъ говоритъ въ автобіографіи, „по трудамъ его давно чувствовалъ влеченіе“ къ Плетневу. Онъ не замедлилъ откликнуться на зовъ Плетнева, и „Мазепа“ появился вскорѣ въ журналѣ Плетнева ⁴⁾). Склонный къ привязанности Плетневъ и мягкій, нѣжный Гротъ сошлись между собою и до конца сохраняли постоянное общеніе. Уже въ началѣ ихъ переписки встрѣчаемъ такія изъявленія любви друзей. Гротъ пишетъ: „Съ благоговѣніемъ любовался я вашею аккуратностью и жадно ловилъ глазами каждую букву вашей руки“ ⁵⁾). Плетневъ: „Я васъ люблю и уважаю, и въ перваго вѣрую, какъ въ себя“ ⁶⁾). Плетневъ часто

¹⁾ Издано въ томъ же г. Всего 127 стр. маленькаго формата.

²⁾ Дневникъ I, 462.

³⁾ Ib. I, 505.

⁴⁾ Переписка Плет. съ Гр. I, стр. IX. «Мазепа» въ Совр. 1838 г. т. IX, 94—128.

⁵⁾ Ib. 27 авг. 1840.

⁶⁾ Ib. 8 окт. 1840.

признается другу, что вліяніе Грота отражается на немъ самымъ благотворнымъ образомъ ¹⁾. Съ своей стороны и Гротъ не остается въ долгу въ отношеніи признательности. Но изъ переписки видно, что все-таки Плетневъ получилъ отъ дружбы болѣе, нежели Гротъ. Напримѣръ и Плетневъ говоритъ такимъ образомъ: „То, чѣмъ я обязанъ Якову Карловичу, въ сущности несравненно выше того, на что можетъ указать онъ, какъ на мое ему содѣйствіе. Его вліяніе на меня было чисто моральное и интеллектуальное: онъ развилъ въ душѣ моей любовь къ умственному труду, уваженіе ко всему дорогому и раскрылъ тѣ, едва замѣтныя черты въ душѣ нашей, которыя поставили человѣка такъ высоко надъ всею природой ²⁾. Въ 1840 году Гротъ переселился въ Гельсингфорсъ, а въ 1841 году былъ назначенъ тамъ профессоромъ. Плетневъ, избранный 1840 г. ректоромъ, въ тотъ же годъ былъ посланъ въ Гельсингфорскій университетъ на двухсотлѣтній юбилей, въ качествѣ представителя отъ петербургскаго университета. Тамъ онъ былъ избранъ, какъ и Жуковский, почетнымъ докторомъ. Результатомъ этой поѣздки была статья Плетнева: „Двухсотлѣтній юбилей Александровскаго университета“, напечатанная въ „Современникѣ“ въ томъ же 1840-мъ году ³⁾. Здѣсь описывается богатое перемоніями торжество и, между прочимъ, происходившія на немъ „промоціи“. Пребываніе Плетнева на юбилей, во время котораго онъ былъ и гостемъ своего друга, скрѣпило еще болѣе ихъ связь, а кромѣ того еще, вообще, произвело на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Съ этой поѣздки начинаются его симпатіи къ Финляндіи и финляндцамъ. Тамъ онъ познакомился съ нѣсколькими финляндскими учеными и литераторами. Это произошло, главнымъ образомъ, на собраніи 7 (19) іюля, когда русскіе ученые (а не наоборотъ!) устроили небольшое угощеніе своимъ собратьямъ. Тутъ присутствовали, между прочимъ, такія лица, какъ, Францевъ, Рунебергъ и Лёнротъ ⁴⁾, а изъ русскихъ — наши друзья. Объ этомъ торжествѣ, говоритъ Плетневъ, съ чрезвычайною теплою описывая союзъ участвовавшихъ гостей, въ своемъ описаніи: „Языки: латинскій, русскій, нѣмецкій, шведскій, французскій и даже финляндскій звучали по небольшой залѣ. Хозяева повели къ столу гостей своихъ, какъ дамъ, гдѣ и сѣли парами“ и т. д. Гротъ на этотъ случай приготовилъ стихи, кото-

¹⁾ Ib. I, 452 и др.

²⁾ Ib. III, 28 апр. 1865 г.

³⁾ Совр. XX, 5—23. Соч. и переп. I, 433.

⁴⁾ Епископъ Францѣнъ — шведскій поэтъ. Рунебергъ — финскій поэтъ (1804—1877). Лёнротъ — финскій ученый языковѣдъ и писатель (1802—1884) возстановитель текста Калевалы.

рые Плетневъ и приводитъ въ своемъ описаніи. Тутъ, между прочимъ, читаемъ:

Друзья, нальемъ огнистой влагой чаши
И весело подыmemъ ихъ къ устамъ;
„Да здравствуютъ“, воскликнемъ, „братья наши
По сѣверу и девяти сестрамъ!“
Отнынѣ намъ милѣе финновъ скалы;
Да будетъ вѣкъ сей край благословенъ.
Ура, осушимъ полные бокалы
За дружество полуночныхъ камень“... 1).

„Русскіе и финляндцы“, говоритъ Плетневъ въ концѣ статьи, „подъ охранительною державою единственнаго монарха, должны идти по одной дорогѣ и равнымъ шагомъ на поприщѣ просвѣщенія. Юбилей Александровскаго университета былъ поводомъ сближенія тѣхъ и другихъ, конечно не въ большомъ количествѣ, но онъ показалъ— взаимное ихъ стремленіе къ преуспѣванію благотѣльныхъ занятій и пламенную любовь къ общему ихъ отечеству. Можетъ быть, онъ составилъ эпоху въ соединеніи литературъ Сѣвера и въ обработываніи его исторіи“.

Затѣмъ, переписываясь съ Гротомъ, Плетневъ съ самымъ живымъ интересомъ справляется о своихъ новыхъ знакомыхъ. Въ августѣ того же года онъ пишетъ: „Сѣздите къ Вульфферту (финляндскому почтъ-директору) на дачу и, скажите, что я не перестаю вспоминать о томъ днѣ, который у нихъ провелъ. Не отвѣчалъ ли Франценъ?.. Миѣ все такъ у васъ любопытно. Я васъ прошу каждому изъ знающихъ меня пересказывать, какъ я ими всѣми не перестаю интересоваться 2). Онъ даже называетъ иногда себя финляндцемъ 3). 16 мая 1842 года пишетъ Гроту: великой княгинѣ Ольгѣ Николаевнѣ „всегда забавна моя привязанность къ финляндіи. Она говоритъ, что я похожъ на ребенка, которому удалось разъ куда-нибудь сѣздить, и онъ безпрестанно вспоминаетъ объ этомъ. „Вѣдь вы не родились тамъ“, прибавила она. „По крайней мѣрѣ“, отвѣчалъ я, „надѣюсь тамъ умереть“ 4). Въ письмахъ Грота читаемъ, что и финляндцы съ своей стороны выражали большую симпатію къ Плетневу. Нѣкоторые лица хотѣли перенести сближеніе и на почву печати. Напримѣръ, упомянутый Вульффертъ предполагалъ издавать „Финляндскій Вѣстникъ“, къ участию въ которомъ онъ

1) «Соч. и переписка» Плетнева I, 442.

2) Переписка I, 12.

3) Ib. I, 164.

4) Ib. I, 539.

хотѣлъ привлечь и Грота съ Плетневымъ. Послѣдній одобрялъ это намѣреніе, но оно осталось неосуществленнымъ ¹⁾. Другое изданіе, хотя нѣсколько позднѣе, было выпущено. На упомянутомъ обѣдѣ русскихъ и финляндскихъ литераторовъ въ юбилейные дни задуманъ былъ сборникъ, который и былъ изданъ Гротомъ къ началу 1842 г. подъ именемъ „Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея Александровскаго университета“, на шведскомъ и русскомъ языкахъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что Плетневъ снабжалъ финляндцевъ, отправлявшихся внутрь Россіи, рекомендаціями.

Однако, симпатіи финляндцевъ къ русскимъ были менѣ искренни, чѣмъ предполагалъ Плетневъ, и не простирались далѣе личностей. Это видно изъ сообщеній Грота, въ какомъ положеніи находилось въ Финляндіи изученіе русскаго языка и какъ отнеслись тамъ къ преподаванію Грота. Положеніе русскаго языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ было подобно тому, какое было въ доброе старое время въ Дерптскомъ университетѣ. О положеніи русскихъ преподавателей въ Гельсингфорсѣ ясно свидѣтельствуетъ случай съ предшественникомъ Грота, о чемъ пишетъ послѣдній, что этого преподавателя одинъ изъ студентовъ однажды схватилъ за носъ ²⁾. Другой профессоръ, обязанный читать русскую исторію, вовсе ея не читалъ ³⁾. Русскія дѣловыя бумаги иногда попадали нераспечатанными подъ столъ ⁴⁾, что дѣлалъ самъ ректоръ. О томъ, какого мнѣнія держались финляндцы о русскихъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Грота. „Послѣ обѣда“, пишетъ онъ, „поправлялъ сочиненіе одного студента о пользѣ русскаго языка. По его мнѣнію, недостаточные въ немъ успѣхи происходятъ отъ предрасудка, что русскіе вообще грубы и безнравственны“ ⁵⁾. Гротъ говоритъ, что изученіе русскаго языка запущено, да и самыя законы объ этомъ очень легко можно обходить. По закону, какъ пишетъ Гротъ, знаніе русскаго языка требовалось отъ всѣхъ студентовъ, поступающихъ изъ частныхъ домовъ, отъ тѣхъ гимназистовъ, которые не были въ гимназії освобождены отъ изученія русскаго языка. А этимъ правомъ пользовались тѣ, кто заявлять, что они готовятся къ ученому поприщу, а не къ гражданской службѣ. „А такъ какъ“, прибавляетъ Гротъ, „меньшее только число готовится въ чиновники, и меньшее же число поступаетъ изъ родительскаго дома, то

---

¹⁾ Ib. I, 666.

²⁾ Ib. I, 15.

³⁾ Ib. I, 315.

⁴⁾ Ib. III, 334.

⁵⁾ Ib. II, 620.

лено, что большая часть студентовъ нашихъ вовсе не обязана знать русскаго языка“¹⁾).

Финляндцы, должно быть, сразу увидѣли серьезныя намѣренія Грота и потому отнеслись къ его назначенію съ подозрѣніемъ. Онъ пишетъ Плетневу: „сильны старыя предрасудки: они сообразили, что правительство хочетъ вдругъ насильно навязать имъ русскій языкъ“²⁾). Профессоръ Лилле прямо говорилъ Гроту, что на послѣдняго смотрять съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ³⁾. Что симпатіи финляндцевъ именно простирались только на личности, показываетъ слѣдующее мѣсто изъ письма Грота: „когда я Рейну (профессору) рекомендовался, какъ новый его товарищъ (съ приличной скромностью), то онъ сказалъ, что собственно моей персонѣ всѣ они рады, но боятся, что слишкомъ усиленное ученіе русскаго языка повредитъ ихъ древней національной образованности“⁴⁾ Гротъ посѣдѣшилъ увѣрить его, что онъ постарается согласить оба интереса и что ему дорога, какъ и всякому изъ финляндцевъ, польза края и университета. Ректоръ объяснялъ Гроту, что налегать неудобно на русскій языкъ, который долженъ быть изучаемъ не въ университетѣ, а въ гимназіи⁵⁾. Такія заявленія дѣйствовали на Грота, а слова Лилле произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ плакалъ⁶⁾).

При такихъ условіяхъ приходилось Гроту начинать свое преподаваніе. Назначенный ординарнымъ профессоромъ (кромѣ него были еще лекторъ и экстра-орд. проф.) исторіи и литературы русской, онъ и долженъ былъ начать чтеніе по-шведски и только одну лекцію читалъ по-русски (изъ четырехъ)⁷⁾. Послѣднюю врядъ ли кто понималъ, такъ какъ, по словамъ самого Грота, студентовъ, способныхъ слушать русскія лекціи, не было⁸⁾. Первыя лекціи, однако, посѣщались. Вступительная „была полна любопытныхъ“,—въ слѣдующую—„опять множество слушателей, но уже поменьше“. Въ концѣ же концовъ ему пришлось добиваться успѣховъ строгостью. Онъ пишетъ: „Въ четвергъ утромъ былъ у меня на дому тентамень (предварительное испытаніе) въ русской исторіи. Одинъ изъ бывшихъ тутъ двоихъ студентовъ могъ отвѣчать и изъ русскаго

¹⁾ Ib. Письмо 25 ноября 1845 г.

²⁾ Ib. I, 319.

³⁾ Ib. I, 320.

⁴⁾ Ib. I, 315.

⁵⁾ Ib. I, 321.

⁶⁾ Ib. I, 320.

⁷⁾ Ib. I, 392, 396.

⁸⁾ Ib. I, 326.

языка. Я ихъ продержалъ съ 1/29 до 12-ти и рѣшился быть вообще гораздо строже прежняго въ своихъ требованіяхъ, убѣдившись, что только зыскательностью и можно добиться успѣховъ. Впередъ никому не будетъ оказываемо ни малѣйшаго снисхожденія. Къ тому я такъ устроилъ, что знаніе русскаго языка на моихъ экзаменахъ, какъ и въ службѣ, даетъ рѣшительный перевѣсъ“¹⁾. Но эта зыскательность не прошла ему даромъ. Ему пришлось испытать не особенно пріятную исторію „окломотства“. Въ его квартирѣ нѣсколько разъ выбивали стекла какимъ-то длиннымъ орудіемъ, и какъ будто производились даже выстрѣлы²⁾. Однако Гротъ, несмотря на всѣ непріятности, оставался въ Гельсингфорсѣ до 1853 г., когда онъ перешелъ въ Александровскій Царскосельскій Лицей и сталъ въ то же время учителемъ въ царскомъ домѣ. Вмѣстѣ съ этимъ кончились и финляндскія отношенія Плетнева.

Относительно Плетнева нужно замѣтить, что онъ не представлялъ себѣ ясно, по какому поводу финляндцы могутъ недружелюбно относиться къ Гроту. Онъ замѣчаетъ Гроту, что финляндцы поступили въ отношеніи къ нимъ не столь добросовѣстно, какъ можно бы отъ нихъ ожидать. „Какъ можно“, восклицаетъ тутъ же Плетневъ съ наивнымъ удивленіемъ, „принадлежа Россіи, пренебрегать ея исторією“?³⁾ Потомъ и онъ разочаровывается въ новыхъ друзьяхъ, однако суть дѣла все еще не ясна ему. Онъ не понимаетъ, въ чемъ могутъ финляндцы подозрѣвать Грота (слова Лилле). „Въ чемъ подозрѣніе?“ спрашиваетъ онъ, „въ проискѣ или въ другомъ чемъ“?⁴⁾ „Я удивляюсь, какъ Цигнеусъ (одинъ изъ друзей, поэтъ) не растолкуетъ тебѣ, что все это броженіе умовъ есть обыкновенное толмачество безсилія и празднословія“. „Вотъ каковы друзья! Годъ восхищались въ тебѣ всѣмъ, а теперь нахмурились“. Но со стороны финляндцевъ подобное настроеніе понятно вполнѣ, когда они увидѣли, какое серьезное значеніе придаетъ Гротъ изученію русскаго языка и исторіи, тогда какъ ихъ привычныя мнѣнія объ этихъ предметахъ были совершенно другія... Кромѣ того, имъ могло казаться, что это усиленіе русскаго языка приметъ размѣры, опасные для ихъ національности. Въ этомъ смыслѣ они могли подозрѣвать, что Гроту даны отъ правительства русскаго какія-нибудь инструкціи, что было, конечно, несправедливо, такъ какъ Гротъ дѣйствовалъ по личному усердію. И правительство русское въ то

¹⁾ Ib. II, 460.

²⁾ Ib. II, 664, 691, 695.

³⁾ Переписка, I, 324.

⁴⁾ Ib. I, 327.

время никакими особыми цѣлями по отношенію къ Финляндіи не задавалось.

Остается сказать, что заботы Плетнева о Финляндіи выразились еще въ нѣсколькихъ запискахъ, поданныхъ имъ разнымъ лицамъ. Одна изъ нихъ написана на имя статсъ-секретаря гр. Ребиндера, другая—наслѣдника престола, носившаго титулъ канцлера университета. Въ первой ¹⁾ изложенъ Плетневымъ планъ преподаванія русскаго языка въ Гельсингфорскомъ университетѣ. Должны быть, по его проекту, 4 преподавателя: 2 лектора, одинъ профессоръ литературы и ординарный профессоръ исторіи. Слушать должны студенты всѣхъ факультетовъ. Должна быть улучшена и расширена библиотека русскихъ книгъ. Для поощренія студентовъ должно учредить преміи или предоставить выгоды по службѣ. „Когда университетъ“, говорится въ запискѣ, „распространитъ по Финляндіи столько людей, которые воспитаютъ новое поколѣніе въ новыхъ чистыхъ понятіяхъ о Россіи, тогда достаточно будетъ оставить при университетѣ опять одного лектора... Прочее приведено будетъ въ движеніе распространившимся знаніемъ достоинства націи“. Въ запискѣ наслѣднику ²⁾ говорится о шведахъ, финляндцахъ, финнахъ, о важности тамошняго университета и объ отношеніи къ нему каждаго изъ указанныхъ племенъ. Затѣмъ изображено, „какъ распространеніе русскаго языка въ племени такъ называемыхъ финляндцевъ можетъ не только въ университетѣ, но и повсюду дѣйствовать на сближеніе Финляндіи съ Россіей“.

VIII.

Литературная дѣятельность Плетнева за разсматриваемый періодъ сосредоточилась въ „Современникѣ“. О происхожденіи его и о томъ, что онъ представлялъ изъ себя, намъ извѣстно слѣдующее. Въ декабрѣ 1835 г. Пушкинъ, давно уже имѣвшій намѣреніе „произвести что-нибудь: альманахъ, журналъ, чего добраго и газету ³⁾,“ подалъ записку Бенкендорфу съ просьбой позволить ему издать въ слѣдующемъ году четыре тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews“ ⁴⁾ Это позволеніе было дано

¹⁾ Ib. I, 661—2.

²⁾ Ib. I, 208.

³⁾ Письмо къ Плетневу. «Соч. и переписка» III, 376.

⁴⁾ Соч. Пушкина, стр. 1597.

Пушкину въ январѣ 1836 г., и результатомъ его явились четыре тома „Современника“. Уже изъ самой просьбы Пушкина видно, что онъ не предполагалъ издавать журналъ въ собственномъ смыслѣ, а именно нѣчто въ родѣ альманаха и просилъ разрѣшенія только на годъ. Дальнѣйшая судьба изданія изложена Плетневымъ въ запискѣ его опека дѣтей Пушкина, которая (опека) при передачѣ Плетневымъ „Современника“ въ 46 г. обратилась къ нему съ заявленіемъ правъ дѣтей поэта на „Современникъ“¹⁾. Оказывается, что на слѣдующій, 37-й годъ, Пушкинъ просьбы не возобновлялъ, а появленіе „Современника“ въ этомъ году объясняется тѣмъ, что „В. А. Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Θ. Одоевскій и Плетневъ обратились къ Государю Императору съ просьбою... издать еще четыре тома „Современника“ въ пользу семейства А. С. Пушкина“.

„Кончивъ изданіе“, продолжаетъ Плетневъ, „мы исполнили обязанность, которую приняли на себя въ память дружбы къ намъ А. С. П., и „Современникъ“ прекратился. Ни мы, ни наслѣдники покойнаго не имѣли права признавать его чьею-либо собственностью, такъ какъ онъ и прежде и нынѣ, по точному смыслу Высочайшаго разрѣшенія, существовалъ временно“. Относительно же своего самостоятельнаго издательства Плетневъ продолжаетъ: „Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Маріи Николаевнѣ угодно было ходатайствовать, чтобы это прекратившееся навсегда изданіе было восстановлено и чтобы „Современникъ“ изъ сборника, выходившаго каждый разъ съ особаго Высоч. разрѣшенія, обращенъ былъ въ постоянный журналъ и съ тѣмъ вмѣстѣ въ законную собственность одного издателя и редактора, представляя меня на этотъ отвѣтственный предъ правительствомъ трудъ, какъ человѣка, лично извѣстнаго Ея Высочеству“. Разрѣшеніе было дано 14 ноября 1837 г. и положило начало съ 1838 года издательской дѣятельности Плетнева.

Какую же цѣль преслѣдовалъ новый издатель и въ какомъ видѣ явилось его изданіе? Хотя Плетневъ и заявлялъ въ запискѣ, что „Современникъ“ Пушкина былъ явленіемъ временнымъ, и что такимъ образомъ „Современникъ“ Плетнева представляетъ изъ себя нѣчто независимое, однако онъ всегда говорилъ, что продолжаетъ дѣло Пушкина, сохраняеть его наслѣдіе. Разсмотрѣніе взглядовъ на журналъ Пушкина уяснить намъ, слѣдовательно, и взгляды Плетнева. Что Плетневъ считалъ себя продолжателемъ Пушкина, въ этомъ никто не сомнѣвался. Гроть смотреть на изданіе, какъ на нѣкото-

¹⁾ Переп., II, 957.

рую обязанность передъ Пушкинымъ ¹⁾. И Гоголь въ письмѣ къ Плетневу говоритъ: „его (журнала) цѣль другая: это благоуханіе цвѣтовъ, растущихъ уединенно на могилѣ Пушкина“... Каковы же были намѣренія поэта, которыя хотѣлъ онъ осуществить своимъ изданіемъ? Съ одной стороны это какъ будто желаніе придать равновѣсіе литературѣ посредствомъ борьбы противъ „братьевъ разбойниковъ“. Но, съ другой стороны, критика и тогда замѣтила склонность къ предрасудкамъ, которые не могли придать ему значеніе руководителя общественнаго мнѣнія. Именно, „Современникъ“, объявляя себя продолжателемъ Литературной Газеты, избралъ себѣ слишкомъ благородныя средства для приобрѣтенія вліянія: не подмику онъ взялъ себѣ принципомъ, а выраженіе почтенія къ заслугамъ, стремленіе къ образованію общественнаго вкуса посредствомъ указанія на избранныхъ представителей науки и искусства. Кромѣ того, въ „Современникѣ“ почти вовсе отсутствовалъ общественный элементъ, а намеки на него отличались наклоностью къ аристократизму, къ провозглашенію себя и лицъ единомысленныхъ родомъ избраннымъ, солью земли. За это-то и упрекалъ издателя Бѣлинскій: „къ чему эти безпрестанныя похвалы самимъ себѣ за знаніе „свѣтскости“, къ чему эти безпрестанныя увѣренія, что вы люди свѣтскіе? Мы и такъ вѣримъ вамъ“... Такимъ образомъ, изданіе Пушкина являлось чѣмъ-то въ родѣ оранжерейнаго цвѣтка, который нужно было оберегать отъ вреднаго дыханія современной журналистики. Но цвѣтокъ этотъ, будучи благороднымъ, не обладалъ тѣми качествами, которыя дѣлали бы его жизненнымъ: въ немъ не было общественности, современности. Безъ этихъ свойствъ онъ естественно и спустился на положеніе прежнихъ „Альманачковъ“.

Благоговѣя къ памяти великаго поэта и къ его взглядамъ, Плетневъ и беретъ на себя обязанность продолжать дѣло Пушкина въ томъ же духѣ и тѣми же средствами. Взгляды его на журнальную дѣятельность выражаются и въ положительныхъ сужденіяхъ о дѣятельности журналиста и въ отрицательныхъ—о тогдашнихъ литературныхъ дѣятеляхъ. Хотя отзывъ Плетнева о значеніи журнала не одинаковы, однако можно найти мѣста въ его письмахъ, въ которыхъ онъ придаетъ журналу, періодическимъ изданіямъ, вообще, великое значеніе. Такъ, онъ говоритъ по поводу импровизированныхъ лекцій: „Сосредоточивая вниманіе слушателей на трехъ эпохахъ развитія мысли, т. е. на открытіи языка, письменъ и книгопечатанія, вдругъ почувствовалъ я, что въ наше время соверши-

¹⁾ Ib. II, 828.

лось для мысли нѣчто равносильно-важное предыдущимъ случаямъ: это періодическія изданія. Франція и Англія уже почувствовали всю необъятность силы, все благо и всю гибель этого новаго властелина, поднявшагося надъ всѣми видоизмѣненіями могущества. Нѣтъ доктрины, которой бы, наконецъ, нельзя было навязать человѣчеству помощью періодическаго изданія, ведомаго равномерно, но неослабно“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Теперь безъ журнала нѣтъ средства ученому быть полезнымъ отечеству. Печатаніе сочиненій отдѣльно, преподаваніе лекцій изустно,—все это ничто въ сравненіи съ журналомъ, который превратился въ англійскій магазинъ всей умственной дѣятельности“ ²⁾. Что же касается назначенія журнала, одушевленнаго добрыми намѣреніями, а не преслѣдующаго наживу, то Плетневъ продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на вмѣстилище того же святого искусства, которому служили въ прошломъ, и отчасти въ настоящемъ, его друзья—поэты. Журналъ долженъ имѣть цѣлью „последовательное развитіе лучшихъ убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и другимъ“ ³⁾. Объ общественномъ же содержаніи журналистики онъ полагаетъ такъ, что „ни политика, ни религія, ни философія не могутъ у насъ развиваться и развѣтвляться“. Какъ продуктъ искусства, журналъ не долженъ терпѣть около себя какихъ-либо торговыхъ сдѣлокъ въ родѣ платы сотрудникамъ за ихъ произведенія, что начали допускать другіе „торгаши“, которые „изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку“ ⁴⁾. Въ силу тѣхъ же взглядовъ онъ не признавалъ и политики для своего благороднаго журнала. Онъ не желалъ спускаться до брани съ торгошами и невѣждами. Однако въ этомъ отношеніи нужно имѣть въ виду и то обстоятельство, о которомъ говоритъ и Тургеневъ, что онъ „не былъ рожденъ бойцомъ, ему недоставало мужества“. Доказательствомъ этого можетъ служить случай со статьею Никитенка. Никитенко принесъ Плетневу статью, съ духомъ „Современника“ несогласную, такъ какъ въ ней онъ говоритъ „очень ѣдко противъ Грека и Булгарина“. Авторъ желалъ, чтобы издатель помѣстилъ ее въ рубрику „Разное“, которую велъ самъ Плетневъ. Но послѣдній, какъ онъ признается Гроту, „все сдѣлалъ напротивъ, только и желавши вывести его на свѣжую воду“. „Когда уже гласно сдѣлалось въ городѣ, что это писалъ цензоръ Никитенко, я ничего не опасаюсь ни за личность свою, ни за

¹⁾ Ib. II, 563.

²⁾ Ib. II, 193.

³⁾ Переписка, письмо отъ 15 іюля 1844.

⁴⁾ Ib. 25 ноября 1842.

„Современник“¹⁾.—Такимъ образомъ, эстетическіе взгляды Плетнева оставались къ этому времени во всей силѣ, да и въ продолженіе всей послѣдней дѣятельности онъ не измѣнялъ имъ. Какъ говоритъ Л. Майковъ, „уже въ ту пору (послѣ смерти Пушкина) умственный взоръ Плетнева былъ обращенъ къ прошлому и такимъ остался до конца жизни“. Новыя явленія, новыя потребности жизни и перевороты въ литературѣ, замѣчаетъ кн. Вяземскій, „не сдвинули его съ той ступени, на которой онъ твердо и добросовѣстно сталъ однажды навсегда“. Но что для консерватора Вяземскаго было хорошимъ качествомъ въ его другѣ,—то, конечно, поставить въ заслугу Плетневу нельзя. Если для кружка старыхъ друзей на первомъ планѣ стояла эстетика, то для новаго времени получилъ значеніе уже и „печной горшокъ“. И если для старыхъ людей характерною чертою является ихъ консерватизмъ, то для новыхъ дѣятелей 40-хъ годовъ выступаетъ въ качествѣ главнѣйшей задачи углубленіе въ общественную жизнь и критика ея на новыхъ началахъ... Къ сожалѣнію, Плетневъ не понялъ новыхъ теченій въ жизни и литературѣ и отнесся къ нимъ почти вполнѣ отрицательно.

Изъ переписки Плетнева съ разными лицами можно видѣть, каковы были его сужденія о тогдашнихъ журналистахъ и писателяхъ. Всего больше доставалось отъ него Булгарину и Гречу. Произведенія ихъ „гадки“; „писать въ защиту Булгарина—все равно, что защищать своденъ, шпионовъ и паясовъ“. „Нашли же они (финляндскіе профѣ.) вкусъ въ панегирикахъ п.....а и невѣжи“²⁾ и т. д. и т. д. Сенковскій таковъ же. Сюда же присоединилъ Плетневъ и бѣднаго Полевого. Объ этихъ четырехъ журналистахъ Плетневъ пишетъ Грогу: „Нѣтъ, мой другъ, на Булгаринѣ, Сенковскомъ, Полевомъ и Гречѣ должно лежать навѣки проклятіе всѣхъ гражданъ, вѣрныхъ отечеству и служенію наукамъ. Они изъ храма и алтарей сдѣлали у насъ кабакъ и стойку“³⁾. Что касается Краевского, то онъ пользовался сначала расположеніемъ Плетнева, но вполнѣдствіи Плетневъ, кажется, никого такъ не ненавидѣлъ, какъ Краевского. Ненависть свою, къ сожалѣнію, переносилъ Плетневъ съ Краевского и на всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе соприкасался съ издателемъ „Отечественныхъ Записокъ“. Сюда принадлежали Бѣлинскій, Лермонтовъ, Грановскій, Некрасовъ и т. д. Даже эстетическое чутье Плетнева не помогло ему одѣлать талантъ Лермон-

¹⁾ Ib. II, 809.

²⁾ Ib. I, 114.

³⁾ Ib. I, 649.

това. Онъ былъ, по отзыву Плетнева, „запоздалый Пушкинъ по претензіямъ, безъ его ума и таланта“¹⁾. Лермонтовъ былъ послѣ Байрона и Пушкина фокусникъ, который гримасами своими умѣлъ толпѣ напоминать своихъ предшественниковъ“²⁾. Особенно слѣдуетъ отмѣтить непониманіе Плетневымъ Бѣлинскаго. Пока Бѣлинскій писалъ въ духѣ чистаго искусства, восхвалялъ кумировъ Плетнева, до тѣхъ поръ послѣдній и его хвалилъ. А затѣмъ, въ послѣдствіи, Плетневъ иначе не называлъ его статьи, какъ „завираньемъ“, „безалаберщиной“. Въ 1840 г. пишетъ Гроту: „о Бѣлинскомъ я всегда говорилъ, что онъ полонъ истинныхъ мыслей и знанія искусства“³⁾. „У Бѣлинскаго много души и энтузіазма. Прогляди его разборы: переводы римскихъ элегій Гёте и стихотвореній В. Гюго“⁴⁾. Статья Бѣлинскаго о народной поэзіи содержитъ „нѣчто полезное“, „много фактовъ“⁵⁾. Въ № 3 „Отеч. Зап.“ 42 г. статья—„Объединеніе“. Но потомъ читаемъ: „началь было читать и о Державинѣ Бѣлинскаго: нѣтъ силъ выдержать его философскія натуги. Онъ не только не исправляется, но все уходитъ въ глубь и въ даль неясности и завиранья“⁶⁾. Плетневъ перестаетъ его читать:—„только перелистываю“, пишетъ онъ. Онъ даже обзываетъ Бѣлинскаго вмѣстѣ съ Краевскимъ „скотиками“⁷⁾. „Говорятъ, что онъ (издатель „Финскаго Вѣстника“) нанялъ Бѣлинскаго, чтобы тотъ и въ его журналѣ лялъ на подобіе „Отеч. Зап.“⁸⁾.

Какія же вины указывалъ Плетневъ за своими литературными собратьями? Въ этомъ вопросѣ онъ много не разбирался, а больше ограничивался бранью. По отзыву Плетнева, всѣ журналисты—„шарлатаны, лавочники и невѣжды“; ихъ восторгъ—поддѣльный. „Мы“, пишетъ онъ Гроту, „одни должны дѣйствовать въ литературѣ. Все внѣ насъ есть эгоизмъ, расчетъ, чванство, подлость, безчувственность, безнравственность и невѣжество“⁹⁾. Торгашество—ихъ глав-

¹⁾ Т. I, 163.

²⁾ Письмо къ Коптеву,—Р. Ар. 1877, III, 365.—«Казначейша» Лермонтова была напечатана въ «Современникѣ». Ср. рассказъ Панаева о негодованіи Лермонтова по этому случаю съ замѣчаніями Скабичевскаго въ біографіи Лермонтова (изд. Павленкова).

³⁾ Переписка I, 159, 163.

⁴⁾ Т. I, 376.

⁵⁾ Т. I, 426, 462.

⁶⁾ Т. II, 7.

⁷⁾ Т., II, 182.

⁸⁾ Т. II, 297.

⁹⁾ Т. II, 196.

ный грѣхъ: всѣ они лавочники ¹⁾). Опредѣленнѣе пишетъ онъ въ слѣдующемъ мѣстѣ: тенденціи нашихъ юношей—это просто разрушеніе всякой святости. Нѣтъ теперь ничего нигдѣ прекраснаго, просто человѣчески, а все оцѣнивается по отношенію къ господствующимъ идеямъ. Романъ, поэма, трагедія, даже исторія не должны смѣть быть человѣчески-прекрасными; они должны стремиться къ поддержанію французскихъ политическихъ идей—и тогда всякую нелѣпость модные критики назовутъ міровымъ явленіемъ“ ²⁾).

Такъ оцѣнивалъ Плетневъ новыя теченія; онъ видѣлъ въ нихъ лишь одно „растлѣніе“ ³⁾). Эта-то отсталость литературныхъ мнѣній его и была главною причиною того, что журналъ его не имѣлъ успѣха. Замѣчанія о томъ, что у Плетнева, якобы, не было способностей журналиста ⁴⁾), имѣютъ мало значенія. Говорятъ, напр., что у Плетнева не было редакторской изворотливости, практическаго смысла и чутья журналиста, ни политическаго искусства и задора, ни юркости и беззащѣтливости. Дѣло было не въ этомъ и, особенно, не въ двухъ послѣднихъ качествахъ. Вѣрнѣе признать другой приговоръ, что новыя вѣянія не коснулись Плетнева, что онъ остался неподвиженъ подь обветшавшими знаменами двадцатыхъ годовъ. И случилось то, что онъ остался безъ сотрудниковъ, а потому и безъ подписчиковъ. Старые работники сошли со сцены, да они и не могли быть работниками въ настоящемъ смыслѣ, а передъ новыми Плетневъ затворилъ двери, не желая съ ними якшаться, такъ какъ не признавалъ въ нихъ ни ума, ни таланта, ни литературной порядочности ⁵⁾).

Посмотримъ теперь, въ какомъ видѣ явился журналъ. Въ концѣ послѣдней книжки „Современника“ за 1837 г. находится объявленіе о подпискѣ на слѣдующій годъ. Рѣшено было издавать по-прежнему четыре книги въ годъ размѣромъ не менѣе 20 листовъ. Плетневъ

¹⁾ Отрывки посланій къ Плетневу Пушкина прямо свидѣтельствуютъ, что и Плетневъ не былъ чуждъ торгашескихъ стремленій. Что касается Пушкина, то Никитенко рассказываетъ, какъ Пушкинъ требовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ министромъ стиховъ были поставлены точки, за которыя, все-таки, нужно было платить тѣ же 10 руб. со строки. Дневн. I, 326. О «Звѣздочкѣ», журналъ Ишимовой, Плетневъ пишетъ: Конст. Карл. (Гротъ) вызвался подслужиться А. О-нѣ. Онъ напишетъ ко всѣмъ знакомымъ ему губернаторамъ, чтобы они постарались о распространеніи «Звѣздочки» въ вѣреннхъ имъ губерніяхъ». 13 дек. 1847. Жуковскій съ Плетневымъ хлопчутъ о «Рекомендаціи» Одиссеи для школь. Соч. Пл. III, 609, 633.

²⁾ Ib. II, 323.

³⁾ Ib. III, 208.

⁴⁾ См. Біографич. очеркъ Е. Грота.

⁵⁾ «Загробный журналъ Пушкина». Ист. В. 1897 г. I. Нѣкоторыя немногія мѣста нашего изложенія о «Современникѣ» составлены по этой статьѣ.

позаботился о льготахъ для подписчиковъ, назначивъ разсрочку. Цензорами были назначены Никитенко и Лангеръ.

Первый годъ изданія былъ сравнительно удачный: мы встрѣчаемъ на страницахъ „Современника“ большое количество именъ, которыя пользовались любовью и популярностью среди читателей. Здѣсь явились: Гоголь, Даль, Гребенка, Губеръ, Розень, Тютчевъ, гр. Ростопчина, Кольцовъ, Бенедиктовъ и другіе, въ томъ числѣ Я. К. Гротъ и А. Ишимова, которымъ впослѣдствіи пришлось играть выдающуюся роль въ жизни „Современника“. Самъ Плетневъ помѣщаетъ въ своемъ журналѣ въ этомъ году рядъ интересныхъ очерковъ, свидѣтельствующихъ о его твердомъ намѣреніи не покладать рукъ на пользу своего дѣтища. Напр., здѣсь мы видимъ его статьи: „О литературныхъ утратахъ“, „А. С. Пушкинъ“, „О стихотвореніяхъ графини Ростопчиной“ и др. Въ общей сложности онъ печатаетъ 13 самостоятельныхъ статей, не считая множества библиографическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, особую цѣнность придавали „Современнику“ помѣщавшіяся тутъ, доселѣ неизданныя, произведенія Пушкина.

Болѣе или менѣе благополучно проходитъ и слѣдующій, 1839 г., но уже въ 1840 году, отчасти потому, что Плетневъ начинаетъ забираться служебными и общественными должностями, журналъ идетъ на убыль, дѣлается безцвѣтнымъ и теряетъ интересъ. Рѣдкими и случайными гостями являются здѣсь только слѣдующіе корифеи тогдашней литературы: Жуковскій, Одоевскій, Квитка, Бенедиктовъ, Кольцовъ, Сологубъ, Языковъ. Въ отдѣлѣ беллетристики фигурируетъ до своего перехода въ „Отечеств. Записки“ почти исключительно Квитка. Въ остальныхъ частяхъ книжки наполняются статьями Грота, Ишимовой и нѣкоторыхъ начинающихъ писателей, которые своими трудами, конечно, не могли много способствовать процвѣтанію журнала. До чего мало было сотрудниковъ у „Современника“ уже въ 1840 году, показываютъ слѣдующія прискорбныя извѣстія Плетнева Гроту: „Возвратясь домой (21 сент.), нашель у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей въ „Современникъ“, потому что дворянство при выборахъ намѣрено возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ будетъ и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей? Развѣ нанять переводчика? Да не будетъ ли гадко перепечатывать французскую водяность и мерзость?“ ¹⁾). Но главнымъ образомъ раздражило Плетнева то, что, очевидно, Квитка оставлялъ „Современникъ“ изъ нежеланія писать даромъ. „Но вотъ что досаднѣе“, пишетъ Плетневъ далѣе: „Квитка у меня просить позволенія напе-

¹⁾ Переписка съ Гротомъ I, 66.

чатать въ „Маякъ“ (также ненавистномъ Плетневу) отрывокъ изъ своего новаго романа: „Маякъ“-де исправно платить, а деньги вещь хорошая“. Какъ это вамъ покажется?“ Гротъ ему отвѣчалъ, что въ разсужденіи Квитки много логики. Гротъ предвѣщаетъ паденіе журнала и совѣтуетъ даже сейчасъ прикрыть его, хотя это и было бы прискорбно. При этомъ онъ указываетъ и причину безславія: „такова“, говоритъ онъ, „судьба журнала, несогласнаго съ духомъ времени, журнала анахронизма“. Но Плетневъ остается твердъ въ своемъ намѣреніи продолжать „Современникъ“. „Отъ Современника не откажусь и безъ Квитки. Ужели вы, Ал. Осиповна (Ишимова) да я не наполнимъ чѣмъ-нибудь четырехъ книжекъ. Все равно: подписчиковъ и теперь не было лишнихъ, а 300 авось всегда останется по привычкѣ. „Современникъ“ все будетъ острасткою для негодяевъ торгашей“. И дѣйствительно, Гротъ оправдалъ надежды друга. За весь періодъ изданія онъ выручалъ Плетнева съ удивительною преданностью и трудолюбіемъ. Чуть не въ каждомъ номерѣ мы встрѣчаемъ его произведенія, прозаическія и стихотворныя, касающіяся, преимущественно, скандинавскихъ и финскихъ обитателей. Но при всей важности своихъ статей Гротъ, какъ единственный работникъ, не могъ, конечно, поддерживать весь журналъ. Ишимова мало ему помогала „своимъ симпатичнымъ, но маленькимъ голоскомъ“ (Глинскій). Самъ Плетневъ, столь ревностно поработавшій въ 1838 году, во всѣ остальные 8 лѣтъ помѣщаетъ здѣсь всего лишь 9 небольшихъ очерковъ и цѣликомъ уходитъ въ составленіе библиографіи. Изъ другихъ сотрудниковъ можно указать на сестру Грота, участвовавшую въ качествѣ переводчицы, трудъ которой — „Семейство“—подвергся нелестному отзыву Бѣлинскаго.

Въ виду такихъ печальныхъ обстоятельствъ, немудрено, что „Современникъ“ запаздывалъ; это было даже, какъ сознавался издатель, для него обыкновеніемъ ¹⁾. Выходъ журнала былъ „мукой“ для издателя, изъ-за него онъ терялъ здоровье, да, кромѣ того, еще самъ платилъ 5 т. асс. денегъ ежегодно, такъ какъ подписчиковъ при такомъ веденіи дѣла было мало. Хотя и Плетневъ предполагаетъ небольшую цифру въ 300 подписчиковъ, но въ дѣйствительности было ихъ еще меньше. „На Современникъ денежныхъ подписчиковъ (пишетъ онъ въ янв. 1841 г.) только 160, въ томъ числѣ 100 въ долгъ ²⁾. Въ 1845 г. въ февралѣ ихъ нѣсколько больше: „на Современникъ по нынѣшнее число (27 фев.) подписалось въ С.-Петербургѣ 57 особъ, а внѣ Петербурга по городамъ (съ Москвою)

¹⁾ Ib. I, 205, 516.

²⁾ Ib. I, 219.

176 человекъ, итого въ Россіи всѣхъ умныхъ людей пока только 233 человека ¹⁾. Въ концѣ концовъ „получился заколдованный кругъ, въ которомъ издателю предоставлялось вертѣться, какъ бѣлкъ въ колесѣ: сотрудниковъ не было, потому что денегъ не было: денегъ не было, потому что подписчикъ отсутствовалъ, а послѣдній не являлся, такъ какъ не за чѣмъ сюда было и идти: журналъ былъ безсодержателенъ ²⁾).

Такое печальное положеніе дѣлъ, понятно, должно было вліять на издателя. Прежде всего нужно отмѣтить, что трудъ по „Современнику“ былъ ему очень непріятенъ: „вожусь“, пишетъ онъ, „съ окончаніемъ Современника. Это для меня самое тяжелое. Такъ непріятно сѣсть писать на срокъ“ ³⁾. Журналъ былъ для него „обузою“, „собачьей цѣпью“... А тотъ журналистъ, котораго Плетневъ причислялъ къ сонму невѣждъ и торгашей, писалъ: „умру на журналѣ и въ гробъ везу положить подъ голову книжку „Отъ Записокъ“... Литературѣ россійской моя жизнь и кровь!“...

И вотъ издатель придумываетъ средства, чтобы какъ-нибудь улучшить дѣло. Съ этою цѣлью онъ сталъ издавать съ 1843 года „Современникъ“ ежемѣсячными книжками по 7 листовъ. Онъ думалъ придать этимъ журналу больше живости и себя заставить работать усиленнѣе. Но тутъ же онъ сознается, что такая реформа— не болѣе какъ пустяки. Онъ пишетъ Гроту: „Я съ будущаго (43) года хочу издавать Современникъ ежемѣсячно, книжками по 7 печатн. листовъ. Это, можетъ быть, предсмертная вспышка, но нельзя же мнѣ было угасить С—къ, не усиливъ его движенія. Съ другой стороны, для тоненькихъ книжекъ, можетъ быть, и рука свободнѣе будетъ работать. Даже неизбежность выпустить № къ каждому 1-му числу не придастъ ли энергіи моему унынію? Словомъ, что я сдѣлалъ, какъ сдѣлалъ и для чего — не могу дать отчета въ этомъ ни себѣ, ни тебѣ. Между тѣмъ дѣло двинуто ⁴⁾. Онъ даже рѣшается измѣнить своему убѣжденію и предполагаетъ „нанять“ работниковъ, если журналъ получитъ какой-нибудь ходъ“. А пока издателю „бѣда съ матеріалами“. Онъ надѣется, что журналъ, являясь ежемѣсячно, привлечетъ участіе этихъ мелочныхъ писателей, которые все дѣлаютъ, чтобы скорѣе узрѣть себя въ печати“. При такихъ заявленіяхъ, конечно, ужъ не можетъ быть и рѣчи о „завѣтахъ Пушкина“... „Конечно“, оговаривается Плетневъ, „и толку въ нихъ (этихъ маленькихъ писателяхъ) немного. Но можно же что-нибудь вы-

¹⁾ Письмо къ Коптеву, Р. Арх. 1877, III, 361.

²⁾ «Загробный журналъ». Ист. В., стр. 270.

³⁾ Переписка съ Гр. I, 500.

⁴⁾ Ib. I. 556—6. Письмо отъ 11 іюля 1842.

братъ“. И заканчиваетъ трагически: „если же и эта переменѣна ничего къ нему не прибавитъ, кромѣ хлопотъ изданія,—я рѣшился бросить его черезъ годъ—и предать судьбѣ всю русскую литературу, которой, видно, на роду написано жить и умереть душой“¹⁾. А пока Плетневъ собираетъ: „*варахсать*“ кое-что отъ себя“²⁾.

Понятное дѣло, „Современнику“ доставалось отъ его коллегъ, и это еще болѣе угнетало Плетнева. Критики или замалчивали журналъ, или дѣлали такіе отзывы, которые бѣсили издателя. Интересно привести выдержку изъ „Инвалида“, которую выписываетъ самъ Плетневъ, съ комментаріями, своему другу. „Преуморительныя строки Краевскій сейчасъ тиснулъ въ № 50 Инвалида о Современникѣ. Вотъ онѣ: „Въ ряду нашихъ журналовъ 1843 г. не послѣднее мѣсто занимаетъ С—къ, издающійся подъ ред. г. Плетнева и выходящій съ 1-го янв. нынѣшняго года ежемѣсячно книжками въ 6 и болѣе печатныхъ листовъ (NB. Я публиковалъ непременно въ 7 л., а издалъ № 1 въ 9 л., № 2—въ 8, а № 3—въ 9½ л.). Въ Современникѣ помѣщаются, кромѣ ученыхъ статей, *небольшія повѣсти* (и ни слова о Семействѣ!), рассказы и стихотворенія, и *есть отдѣлъ*, подъ названіемъ: Новыя сочиненія (NB. У меня не *отдѣлъ*, а самая полная, какъ тебѣ самому извѣстно, *библиографія*, раздѣленная для удобства и системы на 3 ч.: Новыя сочиненія, Новые переводы и Новыя изданія,—чего никто не сумѣлъ изъ нихъ сдѣлать, ибо это требуетъ лишней работы). Наружность Современника очень благообразная“. (Переп. II, 29).

Кромѣ того, надъ Плетневымъ сыгралъ злую шутку книгопродавецъ Ивановъ. Съ нимъ Плетневъ заключилъ сдѣлку, по которой Ивановъ долженъ былъ взять на себя всѣ расходы по изданію: въ его же пользу шли и деньги подписчиковъ. Плетневъ обязывался—только работать, и ничего не приплачивать, а за труды получать изъ лишка („чего и не уповаю“—говоритъ онъ). Плетневъ напечаталъ, что прекращаетъ всякое сношеніе съ подписчиками. А потомъ вдругъ Плетневъ получаетъ извѣстіе, что Ивановъ печатно же извѣщаетъ о своемъ неучастіи въ изданіи „Современника“. Это, конечно, страшно обозлило Плетнева. „Мошенникъ съ компанією таковыхъ же вздумалъ подорвать мое изданіе. Но они ошиблись въ расчетъ! Я не живу своимъ изданіемъ, какъ они, а сохраняю его на зло имъ, и никогда не удостоится они отъ меня ни единого слова въ отвѣтъ, хотя бы я остался безъ единого подписчика“³⁾.

¹⁾ Ib. I, 568.

²⁾ Ib. I, 569.

³⁾ Ib. II, 177.

Терпя, такимъ образомъ, отовсюду и не видя никакой пользы отъ переѣны въ выходѣ изданія, Плетневъ начинаетъ строить новыя планы. Въ 1844 г., не найдя полемиической статьи Грота въ „Москвитянинѣ“ по поводу романа „Семейство“, онъ пишетъ: „Я взбѣшенъ... Съ этой минуты меня преслѣдуетъ мысль, что мнѣ и тебѣ надобно серіозно приняться вмѣстѣ за Современникъ. Теперь безъ журнала нѣтъ средства ученому быть полезнымъ отечеству... Ты бы глядѣлъ на Европу, а я на Россію, т. е. на Азію. Подумай“¹⁾... Но Гротъ не имѣлъ времени заняться серіознѣе, да, вѣроятно, и не особенно вѣрилъ въ намѣренія Плетнева. Переѣны, предлагаемыя Плетневымъ, не могли быть существенными, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ писемъ. Онъ предлагаетъ вмѣсто годового длиннаго романа, который „потоплялъ $\frac{3}{4}$ бумаги“, помѣщать рассказы покороче, а все прочее замѣщать „разными воззрѣніями, выписками, указаніями и т. подобными статьями, устремленными на основаніе дѣйствительно благородной школы литературной“. Цѣлью журнала будетъ: преслѣдовать полузнаніе, лѣнность, корыстные расчеты и насильно гнать къ труду, ученію и добросовѣстности.

Но эти планы были только словами. Плетневъ и на слѣдующій 1845 г. спрашиваетъ у Розы Карловны длиннаго романа. Отъ этого онъ ставитъ въ зависимость существованіе журнала. Гротъ въ отвѣтъ на это письмо ставитъ рѣшительный вопросъ, стоитъ ли съ прежними тенденціями продолжать изданіе, и высказываетъ свои мнѣнія о журналѣ. „Журналъ долженъ касаться интереснѣйшихъ вопросовъ эпохи... судить рѣшительно, спорить въ защиту своихъ убѣжденій... Журналъ, имѣющій много читателей, составляетъ силу въ обществѣ... Годимся ли мы въ издатели журнала?“... На подробныя разсужденія Грота Плетневъ отвѣчаетъ обширнымъ письмомъ, въ которомъ и показываетъ, что совѣты друга не оказывали на Плетнева никакого вліянія. „По-твоему“, пишетъ онъ, „журналъ долженъ отражать современную литературу въ извѣстный моментъ, а по-моему—последовательное развитіе лучшихъ убѣжденій въ назиданіе не только нынѣшнимъ поколѣніямъ, но и будущимъ. Гоняться за тѣмъ, чтобы большее число принимало наши убѣжденія, низко и бесплодно... Спорить и судить рѣшительно—два дѣла разныя. Одно доказываетъ неопытность, даже ребячество; другое исполняется безъ отношеній къ толпѣ... Ты не замѣчаешь, что (въ библиографіи) объ одной книжкѣ я говорю въ маѣ, а они—въ іюлѣ. Восхитительная современность ихъ (прочихъ журналовъ) существуетъ только

¹⁾ Ib. II, 193.

у тебя въ воображеніи. Прочія же статьи всё альманашные, какъ и у меня“.

Гротъ указываетъ Плетневу, что не онъ, а именно другіе журналы предупреждаютъ его своими библиографическими замѣтками. Указываетъ и на то, что самъ же Плетневъ былъ доволенъ статьею Грота въ защиту „Семейства“, а она была политическая. Плетневъ въ своихъ отвѣтахъ Гроту договорился до того, что Пушкинъ началъ „Современникъ“ просто для 25 тыс. руб. Также жалуется онъ, что и единственный его другъ не можетъ съ нимъ согласиться. Гротъ его успокаиваетъ, и пересталъ спорить.

Когда вышла февральская книжка журнала въ 1845 г.,—Гротъ замѣчаетъ Плетневу, что такъ какъ издатель отложилъ библиографію до № 3, то и осталось въ книжкѣ современнаго только слово февраль,—а издатель отвѣчаетъ, что и этого слова нѣтъ... да и не нужно...

Въ концѣ 1845 года былъ составленъ указатель за 10 лѣтъ изданія.

Съ какимъ отчаяннымъ пренебреженіемъ говоритъ Плетневъ о 46 годѣ: „...У меня къ 46 г. ни одной нѣтъ повѣсти. Нѣтъ ли чего у Лундала (шведъ, сотрудникъ)? Разказы Андерсена и Никандера истощились. Не знаю, чѣмъ и швырнуть въ эту публику. Воображаю, какъ ей противенъ былъ № 11“.

Относительно полемическаго элемента въ журналѣ Плетневъ, въ концѣ концовъ, согласился съ Гротомъ и призналъ не только возможнымъ, но и необходимымъ допустить его въ „Современникъ“. Съ этою цѣлью съ 1846 онъ вводитъ съ № 3 особый отдѣлецъ, названный имъ: „Разное“. „Тутъ“, говорилъ Плетневъ, „я намѣренъ ввертывать и полемическія замѣтки, чтобы не оставаться Молчалинымъ въ литературѣ ¹⁾“. Но эти полемическія замѣтки были довольно безобидны. Да и могъ ли Плетневъ рѣшительно высказываться, когда онъ говоритъ, что брезгуешь тѣми мѣстами, гдѣ падаются подъ языкъ такія скверныя имена, какъ Гречь и пр.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Плетневъ не всегда противодѣйствовалъ ненавистной ему современной журналистикѣ только литературными средствами. Когда можно было, онъ былъ не прочь и „власть употребить“. Это видно изъ слѣдующаго. Попечитель Спб. округа и вмѣстѣ предсѣдатель цензурнаго комитета, Волконскій, уѣзжая, поручилъ Плетневу исправлять его обязанности, но только по учебной части, а членамъ комитета предоставлено было самимъ руководствоваться своимъ уставомъ. Это распоряженіе

¹⁾ П. II, 679.

попечителя Плетневъ объяснилъ пройсками врагомъ, главнымъ образомъ, Краевского, который — пишетъ Плетневъ — „предчувствовалъ для себя что-нибудь нерадостное отъ новаго начальства... Но все къ лучшему“ — продолжаетъ онъ — „я не введенъ въ искушеніе воевать открыто съ этими мерзавцами, а они своей дерзостью и сами рано или поздно доконаютъ себя“. Едва-ли можно признать открытымъ боемъ борьбу начальника съ своими подчиненными, и хороша собственная рекомендація челоѣка, такъ откровенно заявляющаго о своей готовности вступить въ такой бой!.. Никитенко рассказываетъ объ одномъ случаѣ такого боя. 8 марта 1845 г. онъ пишетъ: „Плетневъ предсѣдательствуетъ въ цензурномъ комитетѣ. Первое употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своей власти въ пользу литературы — это притѣсненіе журналовъ, ему непріязненныхъ, а они почти всѣ ему непріязненны, ибо не обращаютъ вниманія на его бѣдный „Современникъ“ ...

Теперь Плетневъ вздумалъ провѣрить: издаются ли журналы точь-въ-точь по программѣ, которая была утверждена правительствомъ, т. е. не помѣщаютъ ли журналисты въ своихъ изданіяхъ такихъ статей, которыя не были поименованы въ первоначальной программѣ. Оказалось, что всѣ отступали отъ нея... Особенно виноваты въ этомъ смыслѣ „От. Зап.“ которыя сначала не обѣщались помѣщать иностранныхъ повѣстей, а теперь помѣщаютъ. Обстоятельство это никогда не считалось въ цензурѣ важнымъ...

Цензура заботилась только о томъ, чтобы журналы не нарушали правилъ ея и не касались предметовъ, предоставленныхъ другимъ цензурамъ... Плетневъ, поднимая этотъ вопросъ, воздвигалъ страшную бурю и повергалъ въ затрудненіе самого министра, который въ началѣ каждаго года утверждаетъ существованіе журнала въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ уже передъ тѣмъ... Бой былъ жаркій, и хотя я одержалъ побѣду, однако не увѣренъ въ прочности ея“... 15 марта: „Не даромъ сомнѣвался я въ Плетневѣ. Въ комитетѣ онъ согласился не начинать дѣла о журналахъ. Въ... дружескихъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ, онъ подтвердилъ мнѣ то же, а сегодня мы получили предписаніе министра, который, „увидѣвъ, что нѣкоторые журналы самовольно отступили отъ своихъ программъ, предписываетъ ввести ихъ въ предѣлы“. На этотъ разъ, однако, весь комитетъ возсталъ... Плетневъ, который, кромѣ того, покушался еще на разныя другія стѣснительныя распоряженія по цензурѣ — разбить на всѣхъ пунктахъ... Пробовалъ онъ придратъя и къ „Б. д. Ч.“: въ программѣ ея объявлено, что она будетъ печатать переводныя повѣсти, а она печатаетъ романы... Какую же существенную разницу полагаете вы, спросилъ я, — ме-

жду повѣстью и романомъ? Мы оба съ вами профессора словесности, и я, по крайней мѣрѣ, не могу опредѣлить иначе повѣсть, какъ повѣсть есть романъ, а романъ, какъ романъ есть повѣсть.— Бѣдная, бѣдная наша литература!..“¹⁾).

Сюда же относится „Замѣчаніе“, написанное Плетневымъ по порученію попечителя Мусина и помѣщенное по приказанію попечителя въ „Сѣв. Пчелѣ“. Это „Замѣчаніе“ было направлено противъ похвалъ Булгарина Дерптскому университету. Гротъ замѣчаетъ Плетневу по этому поводу: „Изъявлять неудовольствіе за то, что похвалили чужое, а не наше—не совсѣмъ ладно. Пользоваться властью, чтобы заставить издателя газеты напечатать у себя неприятное для него—еще менѣе ладно. Соединеніе именъ Мусина и Плетнева, хотя и не явное, оскорбительно для чувства“²⁾). Плетневъ оправдывается, что нужно было и... этого рода наказать чѣмъ-нибудь.

Такія мѣры, конечно, „Современнику“ пользы не принесли, и онъ долженъ былъ прекратиться; но на выручку явились Панаевъ И. и Никитенко, которые предложили Плетневу сдать имъ журналъ въ аренду. Предложеніе это было пріятно Плетневу, въ чемъ самъ онъ и сознался Гроту. Гротъ ничего противъ этого не говоритъ и указываетъ, въ чемъ, въ сущности, состояла вся дѣятельность Плетнева по изданію „Современника“. Это была, говоритъ онъ, „канцелярская очистка“ — „ты сдѣлался въ литературѣ канцеляристомъ“. Эти слова какъ нельзя правильнѣе характеризуютъ работу Плетнева—онъ заботился „наполнить чѣмъ-нибудь свои книжки“—хотѣлъ „варахсать“ и т. д.

Условія передачи были для Плетнева выгодны. Онъ теперь не только переставалъ платить издержки, но еще сталъ получать по 3 тысячи асс. ежегодно. Дозволеніе о передачѣ „Современника“ было подписано министромъ 23 октября 1846 года. „Съ плечъ моихъ спала гора“ — пишетъ Плетневъ. „Въ пятницу началъ статью, подъ названіемъ: „Къ читателямъ „Современника“, гдѣ прощаюсь съ моими подписчиками“. Объявленія о новомъ „Современникѣ“, гдѣ буквы въ аршинъ, на зеленомъ огромномъ листѣ уже разсланы по городу и въ города провинціальныя“. Гротъ пишетъ: „Итакъ, рѣшена участь „Современника“! Тѣнь Пушкина! не содрогнешься ли ты? Твое созданіе... Но иначе не могло сдѣлаться безъ совершеннаго уничтоженія журнала“³⁾...

¹⁾ Дневникъ I, 473—4.

²⁾ Переписка, II, 830—1.

³⁾ Ib. II, 845.

Но этого мало. Плетневъ довершилъ свое паденіе еще горшимъ поступкомъ. Въ числѣ сотрудниковъ новаго „Современника“, этихъ „невѣждъ“ и „подлецовъ“: Вѣлинскаго, Грановскаго и т. д., онъ позволилъ поставить и свое имя! Онъ оправдывается передъ Гротомъ тѣмъ, что ему нельзя было отказать въ этомъ Никитенку, просившему объ этомъ. Плетнева осуждали за это и другіе его знакомые. Шевыревъ, напримѣръ, просилъ его взять свое имя изъ числа сотрудниковъ.

Прощаясь съ читателями, издатель указываетъ на тѣ задачи, которыя онъ хотѣлъ преслѣдовать въ журналѣ, и на характеръ своей дѣятельности. Тутъ, между прочимъ, онъ ставитъ себѣ въ заслугу отсутствіе бранчиваго тона, который преобладаетъ въ другихъ жуналахъ. „Періодъ моего „Современника“ составляетъ въ жизни моей время, о которомъ я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе“...

Переходимъ къ литературной дѣятельности Плетнева, выразившейся въ его статьяхъ за этотъ періодъ. Въ 1837 году написаны статьи: „Исторія поэзіи, соч. Шевырева“, еще „Руководство къ исторіи литературы, соч. Вахлера“. Первая не даетъ какихъ-нибудь важныхъ заключеній. Во второй находимъ подтвержденіе взглядовъ Плетнева на риторикку, что она отжила свой вѣкъ. „Литература“, говоритъ онъ, „перестала быть изслѣдованіемъ троповъ и фигуръ“. „Школьныя теоріи въ дѣлѣ творчества не болѣе приносятъ пользы, какъ въ живописи толки о рамахъ, холстѣ, кистяхъ... Изящное—этотъ предметъ постоянныхъ споровъ — есть то же, что жизнь природы, необъятная въ своемъ разнообразіи“...

Разборъ „Ундины“ Жуковскаго, написанный въ томъ же году и напечатанный, какъ и предыдущая статья, въ Литературныхъ прибавленіяхъ къ „Русскому Инвалиду“,—не прибавляетъ также ничего особеннаго для выясненія теоретическихъ взглядовъ Плетнева — тутъ онъ эстетикъ безъ примѣси. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи художникъ вводитъ насъ „въ царство поэзіи“. Въ немъ „самое безотчетное воспріятіе въ душу прекраснаго не остается бесплоднымъ. Оно ее настраиваетъ въ тотъ необходимый тонъ, съ котораго начинается музыка прекрасной дѣятельности. Дальнѣйшее развитіе состоитъ въ зависимости отъ безчисленнаго множества обстоятельствъ, на которыя нѣтъ общихъ положеній“.

Послѣднюю статью 1837 года является „Шекспиръ“. По словамъ Грота, Плетневъ посвятилъ много времени на изученіе твореній этого гения и даже согласенъ былъ бы посвятить ему и всю жизнь. Плодомъ изученія Шекспира явилась только эта статья.

Черезъ нее проходитъ отъ начала до конца это чувство преклоненія предъ талантомъ драматурга. Главнѣйшею чертою шекспировскаго таланта, говоритъ Плетневъ, является „страсть къ анализу“ „Что только бывало когда-нибудь дорого или близко душѣ человека, въ уединеніи ли, въ семействѣ, или въ общественномъ, гражданскомъ быту, все знаетъ онъ, какъ будто черезъ его сердце текли потоки всѣхъ чувствованій и всѣхъ страстей нашихъ“. Затѣмъ автора поражаетъ его необычайная объективность. Этою способностью въ равной съ нимъ степени никто одаренъ не былъ. „Она въ его лицѣ осуществила басню о Протее. Можно сказать, что, прочитавши всего Шекспира, нигдѣ самого его не замѣтишь... Изъ столькихъ лицъ есть ли хоть одно, на которое можно указать и прибавить: вотъ характеръ, любимый авторомъ? Сочинилъ ли онъ хоть одну сцену? хоть одинъ монологъ? Вокругъ него движется цѣлый міръ, всѣ состоянія, всѣ возрасты, люди со всѣми ощущеніями сердца; все дѣйствуетъ, все борется, одерживаетъ побѣду или уступаетъ; а онъ, какъ духъ невидимый, ничему не причастный... стоитъ въ волшебномъ кругу своемъ и смотритъ на все безстрастно... Недоступнѣе и поразительнѣе этого искусства, кажется, нѣтъ“.

Глубокія идеи авторъ высказываетъ о реализмѣ Шекспира. Онъ строго порицаетъ исправленія, передѣлки, которыя прежде часто считались необходимыми въ переводахъ. „Такъ называемыя грубо-сти нѣкоторыхъ выраженій“—схвачены Шекспиромъ съ природы и являются плодомъ его гениальной наблюдательности. Въ жизни современнаго его произведеніямъ общества онѣ были вполне естественны и свойственны англійскому народу. „Поэтому переводчикъ и долженъ смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія „истиннаго англичанина или другого Шекспира“. Безъ этого нельзя и переводить его, безъ убѣжденія въ правдивости такихъ выраженій. „Смѣсь такъ называемыхъ низкихъ сценъ съ высокими или важными, шутокъ посреди трогательнаго, непристойностей посреди торжественнаго—все это переносить читателя въ ту сторону, гдѣ общежитіе и гражданскія условія не понимаютъ мелочной щекотливости другихъ народовъ, гдѣ непозволительно только то, что неестественно, или оскорбляетъ права гражданина, гдѣ нѣтъ отчужденности ни отъ чего человѣческаго“. Необходимость и естественность низкихъ выраженій Плетневъ остроумно доказываетъ также и въ одномъ письмѣ къ Пушкину. Онъ называетъ идею о натуральности ихъ любимую идею. Онъ проситъ Пушкина вернуть въ *трактатъ о Шекспирѣ*: „спрашивается, за чѣмъ передъ публикой позволять дѣйствующимъ лицамъ говорить непристойности? Отвѣчается: эти лица и не подозреваютъ о публикѣ: они рѣшительно

одни, какъ любовникъ съ любовницей, какъ мужъ съ женой... Иракситель, обдѣлывая формы статуи, заботится объ истинѣ всѣхъ частей ея (вотъ его корань!), а не о тѣхъ, кто будетъ прогуливаться мимо выставленной его статуи“¹⁾.

Если сопоставить эту защиту Шекспировской реальности съ нѣкоторыми мѣстами другихъ статей, то встрѣтимъ большую разницу. Разбирая Шекспира, Плетневъ стоитъ на сторонѣ грубыхъ выраженій, даже непристойностей—на сторонѣ полнѣйшей реальности—въ другихъ случаяхъ онъ, наоборотъ, порицаетъ изображеніе грубаго. Онъ осуждаетъ низкія выраженія, когда говоритъ о „Рыбакахъ“ Гнѣдича (см. выше стр. 63, 64), когда разбираетъ оду Петрова. Такимъ образомъ отзывы о Шекспирѣ нужно отнести къ увлеченію любимымъ авторомъ: они противорѣчатъ его теоріи изящнаго. Впрочемъ, говоря въ другомъ мѣстѣ о Шекспирѣ, онъ высказываетъ и о немъ сужденія, нѣсколько неясныя. Онъ говоритъ, что трагикъ обязанъ снять съ изображаемаго лица „все грубое, ничтожное, земное“, и приводитъ въ примѣръ Шекспира. „Его искусство украшаетъ природу, но не противорѣчитъ ей“.

Статья о Шекспирѣ напечатана въ „Инвалидѣ“. Съ 1838 года начинается „Современникъ“ Плетнева. Этотъ годъ, какъ сказано, былъ довольно плодотворенъ статьями. Изъ нихъ первую съ литературнымъ характеромъ является статья „*О литературныхъ утраткахъ*“. Здѣсь въ лирическомъ тонѣ Плетневъ говоритъ объ утратѣ трехъ талантовъ: Карамзина, Дмитриева и, особенно, Пушкина. Здѣсь открывается преклоненіе передъ талантомъ Пушкина, которое не покидало Плетнева никогда въ жизни. Вообще же эта статья является панегирикомъ искусству и въ особенности могущественнѣйшему изъ нихъ—поэзіи. О поэтѣ авторъ говоритъ: „онъ шелъ впереди всѣхъ, какъ вожатый и держалъ передъ нами свѣтильникъ, безъ котораго мгновенно очутились мы въ тьмѣ“. Гдѣ ни показывается имя поэта въ печати—„повсюду блеститъ оно яркой звѣздочкой, и появленіе этой алмазной точки на небосклонѣ литературномъ есть уже эпоха для всѣхъ и cadaго“.

„*Праздникъ въ честь Крылова*“ даетъ слѣдующія мысли о поэзіи. „По сочиненіямъ Крылова можно будетъ составить полную картину Россіи. Истинный поэтъ, говоря неfigurально, такой же дѣписатель, какъ и историкъ, съ тою разницею, что послѣдній сохраняетъ строгую систему въ распредѣленіи событій, а первый набрасываетъ группы, не заботясь объ ихъ послѣдовательности. Но поэтъ для души, способной все понимать въ немъ, глубоко-

¹⁾ «Соч. и переписка» Плетнева, III, 353. Письмо отъ 21 мая 1830 г.

мысленнѣе и наставительнѣе историка, точно такъ, какъ созерцаніе самой природы далѣе уводитъ въ естествознаніе, нежели изученіе Бюффона и Линнея“.

Подобное предпочтеніе поэта передъ историкомъ находить себѣ параллель въ перепискѣ Плетнева съ Гротомъ. Тамъ Плетневъ разсуждаетъ о ненужности антропологии, когда есть такіе изслѣдователи человѣка, какъ Шекспиръ ¹⁾...

Дань уваженія и любви къ умершему другу отдалъ Плетневъ въ статьѣ „А. С. Пушкинъ“, напечатанной въ томъ же году. Это небольшая характеристика личной и поэтической жизни поэта и его дѣятельности. Сужденія, которыя высказываетъ здѣсь Плетневъ, отличаются правильностью и безпристрастіемъ. Онъ порицаетъ влеченіе поэта къ высшему свѣту; отмѣчаетъ отсутствіе постоянства въ трудѣ. Говоря о „Русланѣ и Людмилѣ“, авторъ замѣчаетъ, что всѣ журнальные толки, вызванные поэмою, не коснулись существеннаго. „Никто не замѣтилъ, что это была первая на русскомъ языкѣ поэма, которую всѣ прочитали, забывши, что до сихъ поръ поэма и скука значили у насъ одно и то же“.

Въ томъ же году написана статья по поводу публичныхъ чтеній по литературѣ: „*Курсы литературы*“. Здѣсь Плетневъ высказываетъ слѣдующіе интересные взгляды на литературу, на отношеніе ея къ жизни. „*Одно согласіе съ общими законами духа человеческого такъ* еще мало даетъ характера и поразительной красоты произведенію, что мы даже сами требуемъ индивидуальныхъ достоинствъ отъ сочинителя, который въ послѣднемъ случаѣ не можетъ и не долженъ противорѣчить ни вѣку своему, ни своему мѣсту. Отсюда выводятся главнѣйшія требованія искусства. Литература безъ красокъ и жизни сдѣлалась бы сухимъ изложеніемъ отвлеченностей. Въ ней должна отражаться особенность дѣйствующихъ лицъ. Никто не живетъ безъ какого-нибудь отношенія къ обществу своего времени. Итакъ, оцѣнка литературы заключается въ соображеніи обстоятельствъ, подъ влияніемъ которыхъ явились ея произведенія. Какъ жизнь, не противорѣчающая общей идеѣ человѣка, его частному призванію и законамъ, принятымъ въ обществѣ, есть достоинство, такъ литература, вѣрно выражающая эту жизнь, есть совершенство“.

Первоначально, говоритъ далѣе авторъ, искусство шло этимъ естественнымъ путемъ согласія съ жизнью. Но самыя успѣхи его дали поводъ принять произведенія такого искусства за неизмѣнный образецъ и „изъ литературы, искусства изящнаго, то есть, изъ ес-

¹⁾ Переписка съ Гротомъ II, 37, 39, 46, , 56.

тественнаго стремленія человеческого духа къ творенію, образовали искусство механическое, заключенное въ обработкѣ опредѣленныхъ матеріаловъ въ опредѣленной формѣ“.

Это теченіе отразилось на современномъ обыкновеніи „дѣлать все, что составляетъ литературу, на классицизмъ и романтизмъ“. Но „если испанская поэма о Сидѣ проникнута духомъ романтизма, что же послѣ того находите вы романтическаго въ Шекспирѣ?“...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ касается мысли, которую развивалъ онъ и раньше въ своихъ статьяхъ. Это — мысль объ индивидуальности писателя. „Величайшая ошибка теоретиковъ“, говоритъ Плетневъ, „состоитъ въ томъ, что они подходятъ къ явленіямъ съ готовою въ рукахъ своихъ системой. Геніальный писатель самъ собою представляетъ полный міръ. Изъ него надобно составить систему; а мы его усиливаемся помѣстить въ такое же маленькое отдѣленіе, какое приготовили для всякаго встрѣчнаго“.

Эти разсужденія Плетнева, при сопоставленіи ихъ съ мыслями, высказанными имъ же въ другихъ мѣстахъ, рождаютъ нѣкоторыя недоумѣнія. Прежде чѣмъ привести эти мѣста и разобраться въ противорѣчіяхъ, разсмотримъ еще другія статьи, которыя касаются тѣхъ же самыхъ предметовъ. Сюда, между прочимъ, относится статья 1840 года, подъ заглавіемъ „Финляндія въ русской поэзіи“ (напечатано въ книгѣ: „Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета“, изд. Гротомъ). „Ученые“ (можно прибавить: и поэты) „перестали уже думать, что до всего можно дойти по одному наведенію, не покидая кабинета и корпия надъ теоріями. Одни изъ нихъ отправляются въ путешествія, чтобы собственными наблюденіями увѣриться въ истинѣ своихъ предположеній и чужихъ разсказовъ; другіе, превратясь въ антикваріевъ, живутъ въ пыльныхъ архивахъ и безмолвною бесѣдою допрашиваютъ старину на ея выразительномъ языкѣ...“

...Что душа, по счастливому образованію своему призванная на служеніе въ храмѣ изящныхъ искусствъ, не властна существовать безъ творчества.—это всѣмъ было ясно. Но указать для ея созданныхъ образы, которые бы отвѣчали всѣмъ требованіямъ;... которыхъ частное и преходящее значительностью и несомнѣнностью своею выкупало бы *холодность* и *безцвѣтность общечеловѣческаго*—указать это досталось позднѣйшей эпохѣ (авторъ ранѣе говорилъ о времени за четверть столѣтія). Теперь поэтъ или художникъ, проникнутый до глубины души всѣми стихіями жизни общества и физической природы, жизни, трепещущей отъ полноты и занимательности своего вѣка и своей точки на землѣ, возсозидаетъ ея образы неистошимо - разнородные, какъ его настроеніе, и неиз-

мѣнно привлекательные, какъ сама истина, т. е. природа. Въ критикѣ нѣтъ теперь требованій произвольныхъ, которыя неминуемо слѣдовали за неопредѣленными, сбивчивыми законами эстетики: „Надобно подражать изящной природѣ“, или: „Надобно возводить природу до идеала“. На основаніи этихъ разсужденій авторъ и указываетъ на односторонность картинъ Финляндіи въ стихотвореніяхъ Баратынскаго. Эта односторонность и неполнота произошла именно отъ недостаточнаго изученія жизни и мѣстности. И въ содержаніи преобладаетъ, поэтому же, „одна мысль, одинъ образъ,— это идея Скандинавскаго міра, вообще, безъ частныхъ эпохъ, и даже безъ замѣтнаго разграниченія Финляндіи и Швеціи“.

Сюда же относится статья о Мертвыхъ Душахъ, которую Плетневъ написалъ вслѣдъ за появленіемъ поэмы и помѣстилъ въ „Современникъ“ подъ вымышленнымъ именемъ. Эту статью Плетневъ называетъ выраженіемъ „почти всей эстетики своей“¹⁾; поэтому разсмотримъ ее нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего автора поражаетъ отсутствіе сочиненности лицъ и положеній, отсутствіе какихъ-либо авторскихъ намѣреній подѣйствовать на читателя. „Онъ самъ весь проникнутъ жизнью и, вмѣсто того, чтобы сочинять, онъ воплощаетъ въ дѣйствительность свою внутреннюю жизнь, это чудное вмѣстилище всего внѣшняго“ Это проникновеніе жизнью великаго таланта и производитъ то, что мы видимъ только рядъ поразительныхъ (картинъ) сценъ, не подозревая, что дѣло состоитъ въ искусствѣ автора.

Въ каждомъ произведеніи, даждѣ, должна быть основная идея, и въ произведеніи Гоголя она есть, но только еще въ зародышѣ, или, какъ говоритъ критикъ, книга Гоголя есть „вступленіе къ великой идеѣ человѣка, увлекаемаго страстями жажками, но неотступно дѣйствующими въ мелкомъ кругу общества“. Эта идея выражается пока не въ особенно сложномъ *дѣйствіи*, но это и не важно, потому что „въ сущности искусствъ не вымыселъ важенъ, а жизнь. *Ея полное и поэтическое развитіе есть прямая цѣль великихъ художниковъ*“. „Конечно“, говоритъ авторъ: „есть правило въ критикѣ: не останавливать движенія дѣйствія“. Но это не значитъ безпрестанно прибавлять что-нибудь новое къ общему ходу исторіи. Какъ въ дѣйствительной жизни наружное движеніе не доказываетъ еще внутренней дѣятельности, которая одна по справедливости называется нашею жизнью, такъ и въ произведеніи искусства развитіе дѣятельности каждаго момента есть истинно-художническое движеніе“.

¹⁾ Т. II, 630.

Далѣ авторъ восторгается объективностью, которою поэтъ „такъ превосходить всѣхъ писателей, что нерѣдко перестаешь подозрѣвать его присутствіе тамъ, гдѣ онъ, какъ рассказчикъ, обязанъ находиться... Отсутствіе усилія, естественное положеніе всѣхъ лицъ и между тѣмъ всеобщая жизнь и постоянное дѣйствіе комической красоты—вотъ что изумляетъ въ авторѣ, повидимому, безпечномъ и все предоставившемъ самой природѣ“.

На долю таланта авторъ относитъ тотъ „тактъ, сколько, гдѣ и когда надобно воплощать природу, а равнымъ образомъ сколько, гдѣ и когда не довѣрять ей, и образовать собственное цѣлое, лишь бы оно въ согласіи было съ ея законами“.

Въ числѣ первыхъ достоинствъ изящнаго произведенія авторъ полагаетъ „независимость созданія“. Талантъ долженъ, если онъ хочетъ творить законно, по призванію природы, — обладать „самобытностью“, „долженъ всему въ твореніи сообщить собственное содержаніе, объемъ, части, характеръ, форму, краски и выраженіе“. „Все это поразительно чувствуешь, читая Мертвыя Души. И прежде Гоголя были писатели съ комическимъ настроеніемъ. И прежде него провинція давала богатый матеріалъ талантамъ. И прежде него смѣсь европейскіхъ нравовъ съ невѣжествомъ и безвкусіемъ рѣзко отражалась то въ романахъ, то въ комедіяхъ, то въ повѣстяхъ. И прежде Гоголя простонародный языкъ игралъ веселую роль на устахъ героевъ, подмѣченныхъ авторами въ глуши, на облучкѣ саней... Мы всѣ читали это съ удовольствіемъ“... Но только у Гоголя „все является въ какомъ-то чудномъ, поразительномъ образѣ, проникнутомъ и новостію и истиною, безъ малѣйшихъ излишествъ, безъ преувеличеній, въ естественномъ движеніи, въ полнотѣ и въ завидномъ спокойствіи, которое одно сообщаетъ сценѣ высокое значеніе въ художественномъ отношеніи“. Эта-то сила таланта художника изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій, изъ которыхъ посредственный писатель ничего не извлекъ бы, „кромѣ натянутыхъ остротъ и скучныхъ шуточекъ“ — строить эстетическое цѣлое, гдѣ „никто не смѣшонъ, потому что въ жизни и дѣйствіяхъ каждаго есть истина, убѣждающая читателя“.

Далѣ авторъ развиваетъ ту мысль, почему данную комическую книгу онъ находитъ серьезною. Все въ поэмѣ проникнуто истиною, такимъ сочувствіемъ автора, что и читатель увлекается въ окружающую его сферу, и изображенныя въ поэмѣ комическія лица и положенія доводятъ читателя до созерпанія красоты высокой.

Только въ изображеніи скряжничества Плюшкина и умилительности Манилова критикъ находитъ недостатки въ томъ отношеніи,

что въ такомъ видѣ они являются преувеличеніемъ. Они встрѣчаются очень рѣдко и не должны бы имѣть мѣста въ поэмѣ. „Мнѣ кажется“, говоритъ авторъ, „что въ поэмѣ, которая такъ ярко отражаетъ все народное, предпочитать надобно и самыя особенности или даже странности, болѣе свойственныя націи, нежели просто общечеловѣческія. Народная поэма есть исторія въ лицахъ, между которыми, естественно, избираются выставляющіяся чаще и ярче“. Характеры Плюшкина и Манилова не соотвѣтствуютъ этимъ требованіямъ: они рѣдки и не національны, по мнѣнію автора. „Мы живемъ“, продолжаетъ авторъ, „въ такую эпоху, въ которую отъ каждаго художника критика требуетъ ближайшаго, ясно высказавшагося соотношенія между жизнію и произведеніемъ искусства. Если поэтъ и вздумаетъ въ своемъ созданіи возобновить дѣйствіе другой націи или давно прошедшаго времени, тѣмъ не менѣе отъ него мы требуемъ полного изученія избраннаго имъ предмета и самаго неподдѣльнаго сочувствія съ жизнію прошлою. Теперь странно вносить въ художества неопредѣленныя идеи, вѣрныя по изученію сердца человѣческаго вообще, но не схваченныя на извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время. Такого рода художественныя задачи забыты въ старыхъ книгахъ и отяжелѣвшихъ школахъ“...

Послѣднюю мысль разбора является интересная мысль объ одномъ недостатокѣ поэмы. „Въ ней нѣтъ того, чего мы еще не встрѣчаемъ въ нашей жизни—серьезнаго общественнаго интереса“. „Во всѣхъ нашихъ разговорахъ, мысляхъ, поступкахъ чувствуешь мелочность, ограниченность“. „Но все это не говоритъ противъ Гоголя, напротивъ, еще оправдываетъ его такъ какъ Гоголь возвратилъ обществу то, что оно могло ему дать само“. Авторъ заключаетъ эту мысль такъ: „Какъ прежняя, такъ и нынѣшняя наша общежительность хранить въ своей исторіи любопытныя доказательства того, что и у всѣхъ самыхъ великихъ писателей русскихъ степень развитія интересовъ всегда была ниже, нежели у писателей другихъ народовъ“.

Въ заключеніе разбора М. Душъ критикъ приводитъ слова Гоголя изъ описанія сада: „все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединяются вмѣстѣ“ и т. д., и говоритъ, что здѣсь писатель „съ изумительною отчетливостью изложилъ всю теорію изящнаго“... „Его книга точно этотъ садъ... Но что сказать тѣмъ, кто будетъ недоволенъ языкомъ его? Не лучше ли отослать ихъ къ тощимъ писателямъ, которые вмѣсто краснорѣчія сердца и воображенія поднесутъ имъ строчки, выпрямленныя по линейкѣ грамматики“?

Такимъ образомъ, по вопросу о томъ, что и какъ должна изо-

бражать поэзія, Плетневъ высказываетъ слѣдующія мысли. Цѣлью поэзіи является воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея полнотѣ. Жизнь дѣйствительная должна давать матеріалъ поэзіи и, именно, та жизнь, которую писатель наблюдаетъ вокругъ себя, которая протекаетъ въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Этотъ матеріалъ долженъ быть признанъ болѣе важнымъ по сравнению съ тѣмъ, который доставляетъ жизнь, согласная съ „общими законами духа человѣческаго“, не привязанная къ опредѣленной націи въ извѣстное время. Общечеловѣческая поэзія, говоритъ Плетневъ, холодна и безцвѣтна.

Далѣе, Плетневъ даетъ понятъ, что изображеніе жизни должно быть поэтическимъ. Поэтъ долженъ критически относиться къ своему матеріалу, долженъ обладать тактомъ, гдѣ можно довѣрять природѣ и гдѣ нѣтъ.

Теперь сдѣлаемъ сопоставленія, изъ которыхъ и увидимъ, что на практикѣ Плетневъ оказывался иногда противорѣчающимъ себѣ.

Касательно вопроса о реальности изображенія замѣтимъ, что Плетневъ, съ одной стороны, допускалъ „непристойности“ у Шекспира (для образца ихъ укажемъ, хоть, на „Перикла“), съ другой стороны, онъ возмущался тѣмъ, какъ одинъ писатель заставляетъ браниться одно изъ вводимыхъ имъ лицъ, которое, кромѣ того, находилось въ тавернѣ, въ закоулкѣ... „Прилично ли“, спрашиваетъ Плетневъ, „европейцу XIX в. остаться безъ свѣдѣній о томъ, какъ бранили трактирную служанку хозяйка и одинъ изъ посѣтителей таверны?“¹⁾

Почему же герои Шекспира могутъ выражаться и дѣйствовать такъ, какъ выражаются и дѣйствуютъ дѣйствительно ихъ прототипы, а герои другихъ писателей не могутъ этого допускать?

Далѣе, относительно общечеловѣческаго. Хотя Плетневъ и признавалъ его безцвѣтность и холодность, но въ другомъ мѣстѣ онъ самъ же пишетъ: тенденціи нашихъ юношей— „это просто разрушеніе всякой святости. Нѣтъ теперь ничего нигдѣ прекраснаго, просто человѣчески, а все оцѣнивается по отношенію къ господствующимъ въ политикѣ идеямъ. Романъ, поэма, трагедія, даже исторія не должны смѣть быть человѣчески прекрасными: они должны стремиться къ поддержанію французскихъ политическихъ идей—и тогда всякую нелѣпость молодые критики (Вѣлин.) назовутъ міровымъ явленіемъ. Отзывы о холодности общечеловѣческаго относятся къ 1840 г., а второй—къ 1844 г.

Любопытно справиться, какъ Плетневъ разрѣшалъ еще одинъ

¹⁾ «Соч. и переписка» II, 501.

вопросъ. Полное изображеніе жизни въ поэзіи требуетъ, чтобы выводились и отрицательныя стороны дѣйствительности. Какъ же къ нимъ относиться? Какъ совмѣстить ихъ изображеніе съ любовью къ отечеству? Какъ разсматривать явленія русской жизни, выведенныя Гоголемъ, явленія и лица, ужасныя, отвратительныя? Плетневъ отвѣчаетъ на эти вопросы тѣмъ, что признаетъ всѣхъ героевъ Гоголя не типами, а, какъ онъ выражается, „индивидуалами“. „Каждая черта ихъ характера есть въ нѣкоторомъ смыслѣ черта біографическая, а не родовая, т. е. общая многимъ лицамъ одного сословія, или одного времени, или одной націи. Индивидуальная черта, видимо, покажется ложью, если кто-нибудь перенесетъ ее въ другой характеръ для дополненія его. Оттого комическое, смѣшное, даже унижительное въ поступкахъ Гоголевскихъ лицъ нисколько не оскорбляетъ ни сословія ихъ, ни современности, а еще менѣе націи“¹⁾.

Такъ разрѣшая этотъ вопросъ въ примѣненіи къ Гоголю, Плетневъ говоритъ далѣе о другихъ писателяхъ. „Подражатели Гоголя, или не отбѣивши въ немъ этой особенности, или не владея талантомъ, чтобы сохранить столь тонкія черты въ своихъ произведеніяхъ, начали смѣшивать у себя въ сочиненіяхъ то, что натурою и гениемъ раздѣлено прекрасно. Но какъ и мыслю о національной нашей славѣ изображенія Гоголя проникнуты повсемѣстно; то у подражателей его, обыкновенно грубѣе принимающихся за дѣло и потому начавшихъ высказывать патріотизмъ, вышло теперь что-то явно себѣ противорѣчащее. Они пестрятъ свои рассказы, повѣсти, романы и другія сочиненія возгласами во славу Россіи, а герои ихъ, а рассказы ихъ, а описанія ихъ, заключающія не художнически-частное, а типически - общее, заставляютъ смѣяться надъ тѣмъ, или сожалѣть о томъ, или даже призирать то, что бы сочинителямъ хотѣлось заставить полюбить“²⁾.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Плетнева, любовь къ отечеству не совмѣстима съ изображеніемъ отрицательныхъ типовъ. Кто изображаетъ отечественныя отрицательныя явленія, придавая имъ типическій характеръ, тотъ не любитъ своей родины...

Въ перепискѣ съ Гротомъ Плетневъ, разсуждая о томъ же, называетъ и имена этихъ послѣдователей Гоголя, включая въ ихъ число и самого Гоголя. Ему кажется страннымъ, „что всѣ новые: Гоголь, Одоевскій и Сологубъ, стремясь превознести достоинство

¹⁾ «Соч. и переписка» II, 149.

²⁾ Ibidem.

русскаго народа, ни о чемъ не рассказываютъ, кромѣ его глупостей и мерзостей“ (7 окт. 44 г.).

Въ виду такого отношенія Плетнева къ творчеству Гоголя, становится понятнымъ сочувствіе и даже восторгъ, съ которымъ онъ встрѣтилъ „Переписку съ друзьями“. Плетневъ пишетъ Гоголю 1 янв. 1847 года: „вчера совершенно великое дѣло: книга твоихъ писемъ пущена въ свѣтъ. Но это дѣло совершитъ вліяніе свое только надъ избранными, прочіе не найдутъ себѣ пищи въ книгѣ твоей. А она, по моему убѣжденію, есть начало собственно русской литературы. Все, до сихъ поръ бывшее, мнѣ представляется, какъ ученическій опытъ на темы, выбранныя изъ хрестоматіи“...¹⁾).

Къ 1845 году относится разборъ „Опыта исторіи русской литературы“, Никитенко, напечатанный въ „Современникѣ“, гдѣ Плетневъ излагаетъ свои общія мысли объ историческомъ изслѣдованіи литературы.

Вначалѣ Плетневъ считаетъ нужнымъ указать на то, что „знаніе правилъ литературы и ея исторіи никого не доводитъ до степени отличнаго писателя, ежели человѣку не дано природою такъ называемаго таланта“.

По вопросу объ объемѣ понятія литературы Плетневъ высказывается, что „литература есть духовная жизнь народа, выразившаяся его словомъ... Дѣйствительная цѣнность литературныхъ сочиненій должна быть опредѣляема не безусловно, по общимъ законамъ эстетики, а по отношенію къ тому, что они вносятъ въ исторію народнаго духа... Я не нахожу ни выгоды, ни обязанности ученія разграничивать то (литературу и науку), что природою и сущностью своею соединено такъ нераздѣльно“. Получающаяся въ такомъ случаѣ необязательность предмета можетъ быть, по мнѣнію Плетнева, устранена, „когда всѣ повторенія, всѣ сокращенія, всѣ подражанія, всѣ выписки и многія подобныя имъ явленія письменности, какъ сухія вѣтви, отсѣчены будутъ историкомъ отъ возвращаемаго имъ древа исторіи литературы“.

Что касается метода изслѣдованія, то Плетневъ говоритъ: „Опасно въ нынѣшнее время возставать противъ исторіи, излагающей факты безъ примѣси теоретическихъ толкованій. Ясно, въ полнотѣ и съ художническою истиною представленныя событія обильнѣе благотворными выводами снабжаютъ читателя, нежели такъ называемые высшіе взгляды, односторонніе, произвольные“... Эти факты, однако, должны быть подвергнуты критико-эстетической оцѣнкѣ.

¹⁾ «Р. Вѣстн.» 1890, XI, стр. 42.

Слѣдуетъ также излагать и сужденія о вліяніи отдѣльных писателей на ходъ литературы и жизни.

Плетневъ возстаетъ противъ тѣхъ выраженій сочиненія, гдѣ русская литература какъ бы не считается дѣйствительно существующею, а обладающею лишь возможностью настоящаго проявленія. Никитенко говоритъ: „исторія русской мысли *должна* имѣть *свой* характеръ, *свое* значеніе“... „Какія задачи суждено ему (генію русскаго народа) рѣшать въ системѣ человѣческой разумности—это тайна Провидѣнія“. Плетневъ замѣчаетъ: „въ исторіи русской мысли не только *долженъ быть*, но и есть особенный ея характеръ и значеніе“ и проч.

Кромѣ изданія „Современника“, на Плетневѣ лежали еще и другія обязанности. Съ 1841 года, когда было учреждено II Отдѣленіе Академіи Наукъ, Плетневъ состоялъ его членомъ, а съ 1859 года былъ въ немъ предсѣдательствующимъ. Какъ академикъ, Плетневъ не заявилъ себя учеными трудами. Изъ филологическихъ мнѣній его укажемъ, напр., на то, что онъ повторяетъ мнѣніе Пушкина о происхожденіи „двенадцать“ отъ двое, невозможность чего Гротъ ему и доказываетъ. Плетневъ легко предполагаетъ возможность произвольнаго измысленія словъ ¹⁾. Вообще отзывъ его о филологіи таковъ: „твое пристрастіе къ филологіи (пишетъ онъ Гроту) похвально, какъ профессора, но можетъ сдѣлаться предосудительно, если ты этому скелету принесешь себя въ жертву, какъ челоуѣка“ ²⁾.—Въ качествѣ академика Плетневымъ были написаны слѣдующія статьи. Во-первыхъ, „В. А. Жуковскій“—статья, читанная въ Отдѣленіи и напечатанная въ „Извѣстіяхъ II Отд. Ак.“ ³⁾. Затѣмъ, по случаю смерти гр. Уварова: „Памяти гр. С. С. Уварова“—статья, напечатанная въ „Ученыхъ Запискахъ II Отд.“ ⁴⁾. Въ 1860 году написанъ небольшой „Отзывъ о драмахъ: „Горькая Судьбина“ и „Гроза“, напечатанный въ отчетѣ о 4 присужденіи наградъ гр. Уварова ⁵⁾.—Почти ежегодно Плетневъ писалъ отчеты по II отдѣленію. Въ этихъ отчетахъ Плетневъ обращалъ большое вниманіе на біографіи дѣятелей въ разныхъ областяхъ знаній. Онъ не разъ выражалъ желаніе, чтобы Гротъ потомъ собралъ и издалъ эти біографіи. Гротъ исполнилъ только одно: онъ собралъ и издалъ

¹⁾ «Переписка съ Гр.» II, 335.

²⁾ *Иб.* II, 438.

³⁾ «Соч. и переписка» III, 1-59.

⁴⁾ *Иб.* III, 149.

⁵⁾ *Иб.* III, 226.

отчеты его, которые и составили двѣ книги. Предполагается всѣ біографіи Плетнева изъ отчетовъ издать въ четвертомъ томѣ его сочиненій ¹⁾.

Въ заключеніе второго періода жизни и дѣятельности Плетнева можно указать, что положеніе его въ эту пору было установившимся. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ разнообразныхъ кругахъ и былъ вездѣ желаннымъ гостемъ. О популярности Плетнева свидѣтельствуетъ Гоголь. Онъ въ одномъ письмѣ къ сестрамъ спрашиваетъ ихъ: „разскажите мнѣ что-нибудь о Плетневѣ. Такъ же ли онъ бываетъ у васъ часто и по-прежнему ли любимъ всѣми?“ ²⁾. Гротъ не разъ упоминаетъ о множествѣ знакомыхъ Плетнева: „у тебя столько друзей, что тебѣ только стоитъ перейти Исаакіевскій мостъ,—и тотчасъ къ тебѣ явятся спутники“ ³⁾. И у Плетнева собиралось много гостей, особенно дамскаго пола“ ⁴⁾. Справедливость требуетъ, однако, замѣтить, что Плетневъ иногда злоупотреблялъ своимъ вліяніемъ, о чемъ уже было и ранѣе сказано. Здѣсь прибавимъ еще одинъ разсказъ Никитенки. Послѣ одного экзамена Плетневъ, Никитенко и Шульгинъ составили „конфедерацию для противодѣйствія въ университетѣ всякому нечистому духу въ ученomъ и нравственномъ отношеніи. Мы дали другъ другу слово сохранять строгое безпристрастіе при переводѣ студентовъ“... „Немного спустя мы пошли къ князю, и тутъ безпристрастіе наше встрѣтило свой первый камень преткновенія: Плетневъ просилъ попечителя за плохого студента, брата одного изъ своихъ друзей“ ⁵⁾.

X.

Покончивъ съ „Современникомъ“, Плетневъ доканчиваетъ *біографію Крылова*, которая была издана въ 1847 г. при сочиненіяхъ баснописца. Этому роду сочиненій Плетневъ думаетъ посвятить все свободное время. Онъ пишетъ Гоголю: „ты мнѣ долженъ сказать свое мнѣніе объ этомъ моемъ трудѣ (біографіи Крылова). Если онъ удался, то я примусь за Карамзина, а наконецъ и за Жуковскаго. Безъ „Современника“ мнѣ раздолье“ ⁶⁾. Этимъ намѣреніямъ относительно біографіи Карамзина, какъ мы знаемъ, онъ встрѣтилъ

¹⁾ Біографія Пл—ва, составл. К. Я. Гротомъ, сстр. 37—38.

²⁾ Письма Гоголя, изд. Маркса, I, 530

³⁾ «Переписка съ Гр.» II, 7.

⁴⁾ Ib. II, 517.

⁵⁾ «Дневникъ» I, 332.

⁶⁾ «Р. В.» 1890, XI, 50.

препятствіе въ семьѣ исторіографа; біографія же Жуковскаго была потомъ имъ написана и напечатана въ „Живописномъ Сборникѣ“ 1853 г., а также и отдѣльно ¹⁾, подъ заглавіемъ „О жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго“. Кромѣ этихъ біографій и указанныхъ ранѣе статей, Плетневымъ написана книга: „Юбилей 50-лѣтней литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго“ ²⁾. Этимъ ограничивается все, что сдѣлалъ Плетневъ въ литературной области за послѣдніе годы—съ 47 по день своей смерти (1865 г.), т. е. за періодъ, приблизительно, въ 20 лѣтъ.

О біографическихъ трудахъ Плетнева можно сказать, что онъ къ нимъ чувствовалъ особое пристрастіе. Онъ считалъ долгомъ воздать достойное „труженикамъ нашимъ не только по наукѣ и беллетристикѣ, но и на поприщѣ государственной службы“. „Изъ всѣхъ родовъ сочиненій“, пишетъ онъ Жуковскому, „я болѣе всего люблю біографіи. Ихъ чтеніе доставляетъ мнѣ всегда величайшее наслажденіе“ ³⁾.—Біографіи Плетнева написаны просто и живо. Онѣ не обильны подробностями о жизни лица, но имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, его характеристику. Въ біографіи Крылова находимъ много анекдотовъ, которымъ Плетневъ, вообще, придавалъ большое значеніе. Онъ называетъ анекдоты „двѣтами на канву“—они неизмѣримо важнѣе пошлыхъ фразъ о томъ, что извѣстное лицо обладало „умомъ просвѣщеннымъ и твердою волею“ и проч. Въ біографіяхъ поэтовъ Плетневъ высказываетъ и свои взгляды на искусство. Посмотримъ, какъ они выразились за этотъ періодъ. Это мы видимъ въ біографіи Жуковскаго.

Прежде всего, что касается сущности поэзіи, то Плетневъ указываетъ на неправильное пониманіе ея современниками: „Поэзія“, начинается онъ первую статью о Жуковскомъ, „можетъ быть никогда не была такъ ложно понимаема, какъ многіе понимаютъ ее въ наше время. Съ высоты провозвѣстницы божественныхъ истинъ (таково было о ней понятіе древнихъ) теперь низводятъ ее до забавы младенчествующихъ народовъ. Изъ вдохновеннаго искусства превращаютъ ее въ холодное разсужденіе на заданный предметъ. Но настоящая сущность поэзіи, говоритъ Плетневъ, останется въ основѣ неизмѣнною. Ея основаніе не случайное, не временное“... „Съ поэзіею всегда будетъ слито понятіе о вдохновенной человѣку силѣ къ возсозданію всего прекраснаго, поражающаго въ природѣ“.

Далѣе Плетневъ ставитъ вопросъ о пути, которымъ долженъ

¹⁾ «Соч. и переписка» III, 60.

²⁾ Ib. III, 234.

³⁾ Ib. III, 723.

слѣдовать поэтъ. и о цѣли этого пути. На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ, что это путь красоты. Въ объясненіе второго онъ приводитъ слова Жуковскаго изъ письма Гоголю, гдѣ Жуковскій комментируетъ слова Руссо: „Il n'y a de beau que ce qui n'est pas,—прекрасно только то, чего нѣтъ—въ романтическомъ смыслѣ. Но къ опредѣленію цѣли прекраснаго по Жуковскому, что она есть „не иное что, какъ самое это твореніе, свободное, вдохновенное,—ни съ какимъ постороннимъ видомъ не соединенное“, Плетневъ прибавляетъ: „Ежели прекрасное, по мнѣнію поэта нашего, въ себѣ самомъ заключаетъ и цѣль поэзіи, отсюда не слѣдуетъ, что оно осуществленіемъ своимъ ни къ чему не приближаетъ ни насъ, ни того, кто его производитъ“. „Оно вноситъ въ душу лучшія начала, изъ которыхъ развивается духовное бытіе наше“.

Такимъ образомъ о поэзіи Плетневъ судитъ точно такъ же и теперь, какъ судилъ онъ о ней и въ двадцатые годы. И точно такъ же благоговѣетъ онъ передъ поэзіей, какъ и тогда...

Что касается отзыва Плетнева о двухъ драмахъ, Островскаго и Писемскаго, то онъ представляетъ собою короткій разборъ произведеній на основаніи требованій искусства, особенно драматическаго. И критикъ находитъ въ обоихъ произведеніяхъ важную мысль, вѣрное изображеніе жизни и характеровъ и соответствующій языкъ, почему и находитъ возможнымъ наградить авторовъ.

Хотя Плетневъ и называлъ свой „Современикъ“ обузой, однако послѣ передачи его онъ сталъ ощущать нѣкоторую пустоту въ своей жизни. Уже около 1847 года въ его письмахъ начинаетъ звучать нота какихъ-то неопредѣленныхъ мечтаній. Чувствительное сердце Плетнева потребовало отзвука, и вотъ онъ вторично женится. Вторая жена Плетнева, княжна Щетинина, по замѣчанію біографа, была женщина, вполне достойная своего супруга, одинаковаго съ нимъ душевнаго склада. Съ этой семейной перемѣной, происшедшей въ 1849 году, совпадаетъ, приблизительно, и женитьба Грога, что повліяло на сокращеніе ихъ переписки. Съ 1853 г. эта переписка прекращается на долгое время, такъ какъ Гротъ переселился въ Петербургъ.

Въ общемъ жизнь Плетнева въ послѣдніе годы течетъ по-прежнему. Только въ 1849 году, какъ упоминалось ранѣе, его судьбѣ угрожала опасность по винѣ Бутурлинскаго комитета, но опасность эта благополучно миновала. Въ остальномъ положеніе его было прочно, что и доказывается всеобщимъ къ нему вниманіемъ. Онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ нѣсколькихъ университетовъ (Казанскаго — съ 1849, Московскаго — съ 55 г. и С.-Петербургскаго съ 62 г.), почетнымъ вольнымъ общникомъ Им. Акад. Художествъ (1853) и др.

Не разрывая связи съ тѣми учрежденіями, гдѣ началась его служба, онъ и въ эту эпоху нѣсколько лѣтъ (54—57) состоялъ членомъ совѣта патріотическаго института.

Какъ ни благодушно, въ общемъ, чувствовалъ себя Плетневъ ¹⁾, все-таки въ его жизни бывали иногда часы, какъ онъ говоритъ, меланхоли. О своемъ состояніи въ это время Плетневъ пишетъ въ 1847 году: „Я въ эти часы хожу по комнатамъ, думаю о своей прошлой жизни, сравниваю ее съ настоящею, гляжу съ какою-то боязнью въ будущее, и на меня находятъ мрачныя думы. Самая тяжелая для меня мысль, что я переживаю какое-то лишнее время“, Здѣсь, безъ сомнѣнія, отразилась присущая, вообще, характеру Плетнева нервность, по которой онъ увлекался въ крайности, какъ въ проявленіяхъ любви, такъ и вражды, и впадалъ въ состояніе какъ веселости, такъ и крайней грусти. Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ онъ написалъ Гроту письмо, которое сильно опечалило Грота. Послѣднимъ оно, должно быть, уничтожено, такъ какъ замѣтенъ пробѣлъ въ перепискѣ. Въ этомъ письмѣ, принятомъ Гротомъ за проявленіе болѣзненной вспышки, Плетневъ, судя по отвѣту Грота, упрекалъ друга своего въ холодности, неблагодарности и выставлялъ въ дурномъ свѣтѣ его противорѣчія. Съ женитьбой такія вспышки, кажется, прошли, и въ 1849 году Плетневъ пишетъ, что онъ наслаждается полнымъ семейственнымъ счастьемъ. Часто вращается онъ въ свѣткомъ высшемъ кругу, что доставляетъ ему освѣженіе.

Къ литературнымъ занятіямъ Плетневъ нѣсколько охладѣваетъ послѣ „Современника“, за текущей же литературой почти перестаетъ слѣдить, не находя въ ней ничего себѣ по сердцу ²⁾. Его мысли витаютъ въ добромъ старомъ времени. Такъ, вмѣстѣ съ біографіей Крылова, онъ пишетъ еще другую его же—для дѣтей. Гротъ ему и совѣтуетъ писать по воспоминаніямъ о друзьяхъ—поэтахъ—Жуковскомъ, Пушкинѣ и др. ³⁾. Но Плетневъ затруднялся писать о знаменитыхъ людяхъ: „Легко сказать, пиши о Жуковскомъ, Пушкинѣ. Вѣдь это не Крыловъ, гдѣ разложишь хронологически его изданія, да и валяй“... Гротъ указываетъ ему на его преимущества—близость къ поэтамъ, которыхъ дѣятельность такъ связана съ исторіей всей новѣйшей литературы и о которыхъ достовѣрныя свѣдѣнія получить такъ важно. Но, очевидно, Плетневу не всегда пріятно было напоминаніе о трудѣ, даже отъ друга. Поэтому Гротъ сѣштитъ

¹⁾ Въ 45 г. Пл. пишетъ: „у насъ все идетъ, какъ въ природѣ: неизмѣнно, покойно и благополучно“. Переп. съ Гр. II, 505.

²⁾ Переписка съ Гротомъ III, 20.

³⁾ Ib. II, 851.

успокоить его, говоря, что послѣ столькихъ трудовъ ему и отдохнуть можно. Обращая иногда вниманіе на текущую литературу, Плетневъ возмущался противъ „вралей“. „Можно бы написать книжку, если бы противники были поумнѣй!“ Гротъ въ 48 г. пишетъ ему: „Кто лѣтъ черезъ 50 будетъ читать ихъ (критическія статьи П.), пожалѣть, ... почему другъ Пушкина не написалъ болѣе? Плетневъ оправдывается тѣмъ, что у него три должности да 30 корреспонденцій. „Да я же и не помышлялъ“, заявляетъ онъ, „что какой-нибудь трудъ мой принесетъ хоть малую пользу литературѣ“... Онъ все-таки общается трудиться: „Дай только окончить оба годовые отчета по Академіи и университету. А гротосъ: зачѣмъ же этихъ ежегодныхъ писаній моихъ не считаешь ты за дѣло?“... Приводитъ онъ и другія причины и уповаешь на будущее. Отъ женитьбы также ожидается усиленія энергіи. Гротъ же указываетъ ему прямо на корень вещей: „въ тебѣ“, говоритъ онъ, „дѣйствуетъ русская лѣнь“. Видя, что Плетнева не заставишь систематически трудиться, Гротъ въ письмахъ начинаетъ задавать ему вопросы изъ исторіи литературы, на которые Плетневъ и отвѣчаетъ.

Чтобы успокоить совѣсть, Плетневъ радъ былъ иногда предаться иллюзіи занятія. Въ 1850 году онъ сообщаетъ, что „выбралъ новое занятіе, которое чрезвычайно пріятно и удобно“... Оно состояло въ томъ, что онъ бралъ на домъ каталоги изъ библіотеки и просматривалъ ихъ. Отмѣчалъ нужныя книги и приказывалъ библіотекарю приносить ихъ. „Ежели нахожу которую-либо стоящую прочитать ее всю, беру такую къ себѣ, а прочія возвращаю въ библіотеку“. Въ 1851 году продолжается то же заѣданіе времени отчетами, такъ что онъ и читать не успѣваетъ. Въ этихъ отчетахъ Плетневъ видѣлъ „нѣкоторую пользу исторіи литературы“.

Кромѣ отчетовъ, Плетневъ утѣшается еще тѣмъ, что онъ ведетъ переписку. Послѣдняя, дѣйствительно, отличалась строгою аккуратностью. Гроту онъ писалъ два раза въ недѣлю, Жуковскому — два раза въ мѣсяцъ. Это ставитъ онъ себѣ въ заслугу, считая письма „отраслью литературы, которая повсюду погибаетъ, хотя и составляетъ лучшую часть произведеній всякаго писателя“¹⁾. Плетневъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о писателѣ, „который ничего не печаталъ, а друзья послѣ смерти его, собравъ его къ нимъ письма, ихъ напечатали“. Это былъ Тернеросъ (Törneros), профессоръ римской словесности въ Упсалѣ, умершій въ 1839 г. Лѣтомъ Плетневъ читаетъ съ женою романъ Диккенса.

1852 годъ былъ для Плетнева тяжелымъ. Сначала умерли два его

1) П. II, 540.

друга—Жуковскій и Гоголь, а въ октябрѣ скончалась единственная дочь Плетнева. Съ тѣхъ поръ, пишетъ Плетневъ, жизнь для него—тоска.

Въ январѣ 1853 г. Гротъ переходитъ въ Царское Село, и послѣднее письмо его изъ Гельсингфорса написано 6 января.

Еще въ началѣ 1855 года заболѣла жена Плетнева, и весной слѣдующаго года онъ отпросился для ея лѣченія за границу, гдѣ они пробыли болѣе года. Плетневъ ѣхалъ за границу еще въ первый разъ и вынесъ отъ заграничной жизни самыя благопріятныя впечатлѣнія. Такъ, пробывая черезъ Пруссію, онъ писалъ Гроту 25 іюня 1856 г.: „Чѣмъ глубже вдаешься въ Пруссію, тѣмъ сильнѣе чувствуешь, какое это благоустроенное государство“. Конечно, болѣзнь жены препятствовала Плетневу въ ознакомленіи со страной, однако же онъ, насколько можно было, воспользовался случаемъ кое-что узнать и увидѣть. Будучи въ Парижѣ, онъ два раза посѣтилъ французскій институтъ и познакомился съ Вильменомъ, историкомъ литературы, о которомъ Плетневъ не разъ упоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Кромѣ того, онъ съѣздилъ въ Англію, отъ которой остался въ восхищеніи: „вотъ тамъ-то чувствуешь, что народъ живетъ самъ, а не ждетъ, чтобы его водили на помочахъ. Что за чудныя учрежденія для всякой части наукъ, художествъ, ремеслъ, торговли и проч. и проч.“ „День, проведенный мною въ Оксфордѣ“, пишетъ Плетневъ, „никогда не изгладится изъ моей памяти. Я видѣлъ городъ, въ которомъ цѣлое народонаселеніе служитъ только наукѣ“, говоритъ Плетневъ въ восхищеніи и описываетъ университетскіе обычаи. Въ Парижѣ Плетневъ посѣщалъ курсы Сорбонны и Collège de France. Въ то же время онъ составилъ „Записку“ въ 12 листовъ, посланную Титову, Вл. П., занимавшемуся тогда проектомъ дворцоваго учебнаго заведенія для великихъ князей и ихъ сверстниковъ изъ высшаго класса общества. Она касалась, вѣроятно, постановки учебнаго дѣла во Франціи ¹⁾. Плетневы возвратились домой среди лѣта 1857 г.

Въ 1858 г. Плетневъ былъ представленъ въ качествѣ перваго кандидата на должность попечителя. Но Государь сказалъ министру: „я очень хорошо знаю П. А-ча, люблю его и уважаю, но онъ такъ кротокъ, мягкосердеченъ и тихъ, что эта новая должность была бы ему въ тягость“. Плетневъ пишетъ, что онъ согласенъ съ этимъ и доволенъ, что „эта чаша прошла мимо“, но все-таки замѣчаетъ: „А сверхъ того, почему попечитель, самую этимологию призываемый къ мягкосердію и кротости, долженъ дѣйствовать въ духѣ новаго Мусина?“ ²⁾.

¹⁾ Ib. III, 649—50, 771.

²⁾ Ib. III, 655 и сл.

Въ 1859 году ¹⁾ Плетневъ вторично ѳздилъ по тому же поводу въ Парижъ, а въ 1861 году—еще разъ.

Въ 1861 году, съ закрытіемъ университета, по случаю безпорядковъ, Плетневъ оставилъ ректорство. Но дѣятельная связь его съ университетомъ отъ этого не прекратилась: онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ двухъ комиссій: по управленію университетомъ и для изысканія мѣръ и средствъ къ доставленію полезной дѣятельности лицамъ, оставшимся за штатомъ. Предсѣдателемъ II Отд. Ак. Н. онъ оставался (хотя съ 1863 года въ отсутствіи) до марта 1863 года.

Въ 1863 году Плетневъ поѳхалъ въ послѣдній разъ въ Парижъ, чтобы болѣе оттуда уже не возвращаться. Тяжелая болѣзнь (костовѣда) постигла его еще въ 61 году ²⁾, а въ 63-мъ образовались раны, которыя причиняли ему большія страданія. Они нѣсколько облегчались присутствіемъ жены его, ухаживавшей за нимъ со всею любовью. Также утѣшали его и письма друга, на которыя онъ изрѣдка находилъ силы отвѣчать. 2 (14) ноября 1865 года написано имъ послѣднее письмо, а 29 декабря, въ 5-мъ часу утра, не стало одного изъ ближайшихъ свидѣтелей Пушкинской эпохи.—Погребенъ Плетневъ въ С.-Петербургѣ, на кладбищѣ Александроневской Лавры, недалеко отъ Жуковского, Карамзина, Гнѣдича ³⁾.

Болѣзнь свою Плетневъ переносилъ „совершенно безропотно и даже весело“, говорилъ Тургеневъ, видѣвшій его въ Парижѣ незадолго до кончины. Тутъ же высказывался онъ Тургеневу: „Я знаю, что я скоро долженъ умереть и, кромѣ благодарности судьбѣ, ничего не чувствую;—пожилъ я довольно, видѣлъ и испыталъ много хорошаго, зналъ прекрасныхъ людей;—чего же больше? Надо и честь знать!“—Онъ умеръ на 74 году. 24 декабря слегъ въ постель и почувствовалъ приближеніе смерти. О послѣднихъ дняхъ Плетнева Гротъ сообщаетъ слѣдующее: „24 числа начались предсмертныя страданія, во время которыхъ больной слабымъ и тихимъ голосомъ говорилъ: „Господи, прими мою душу грѣшную!.. Вскорѣ прибылъ приглашенный къ умиравшему отецъ Васильевъ съ св. дарами. Принявъ причастіе, страдалецъ отъ души благодарилъ священника за его доброту и радостно сказалъ: „Боже мой, какъ я

¹⁾ Въ 1859 г. Плетневъ все еще требовалъ своихъ 3.000 за «Современникъ». Его усовѣщивали, что «за тѣнь, за имя журнала это дорогая плата». Но онъ былъ упоренъ. Никитенко II, 150.

²⁾ «Труды Грота» III, 292.

³⁾ На могилѣ поставленъ простой памятникъ, съ годами его рожденія (1792) и смерти въ 1901 г.

счастливъ, что приобщился Св. животворящихъ Христовыхъ таинъ; теперь я готовъ умереть! Объ одномъ прошу васъ, добрѣйшій отецъ, не оставьте мою бѣдную жену, которая безъ меня не будетъ знать; что ей дѣлать“.

„Послѣ трогательнаго прощанія съ женой, которую онъ благодарилъ за ея неистощимую любовь, онъ просилъ ее передать его благословеніе двумъ малолѣтнимъ сыновьямъ, бывшимъ въ эти минуты въ училищѣ. Но они успѣли еще возвратиться во-время; больной твердымъ голосомъ увѣщевалъ ихъ, какъ жить, какъ любить и уважать свою мать. „Я увѣренъ, что вы будете исполнять мое завѣщаніе свято: приходятъ послѣднія минуты моей жизни“. Бѣдныя дѣти рыдали неутѣшно. Умирающій не забылъ и молодого слугу своего, къ которому потомъ обратился съ словами: „Благодарю тебя, любезный П., за твою службу: ты былъ для меня не только слугою вѣрнымъ и добрымъ, но поистинѣ и роднымъ сыномъ“. Всѣ переданныя здѣсь подробности о предсмертныхъ мгновеніяхъ нашего друга и сообщены перомъ этого добраго служителя (бывшаго двороваго мальчика его), который, видя отчаяніе несчастной супруги, рѣшился самъ написать роднымъ своего господина объ ожидающейся ихъ утратѣ. Вскорѣ за письмомъ послѣдовала и печальная телеграмма овдовѣвшей супруги: „нашъ мученикъ въ лонѣ Божіемъ, молитесь за него!“¹⁾

Сдѣлаемъ нѣсколько общихъ замѣчаній о Плетневѣ, которыя могутъ характеризовать его дѣятельность.

Изъ нашего бѣлаго обзора видно, что эта личность не является особенно выдающеюся. Дѣлъ громкихъ Плетневъ не совершилъ, слова вѣщаго не сказалъ; его сочиненія можно считать полузабытыми. Переписка его въ большей части своей не даетъ драгоценныхъ историческихъ свѣдѣній... Его литературные взгляды не отъѣняются отъ обычныхъ представленій его современниковъ²⁾.

Однако Плетневъ имѣетъ право на вниманіе, именно въ томъ смыслѣ, что онъ является представителемъ среднихъ людей своего времени. По немъ можно судить о характерѣ этой образованной массы, которая, въ сущности, и дѣлаетъ жизнь, какъ исполнительный, такъ сказать, органъ. Она проводитъ въ жизнь тѣ высшіе

¹⁾ «Труды Грота», III, 293—4.

²⁾ «Карамзинъ явился жрецомъ искусства тогда, когда и въ Европѣ не было много подобныхъ поклонниковъ... Онъ творецъ этой *идеально-прекрасной* школы, которую составили Жук—ій, Бат., Пушкинъ и пр., включительно до насъ съ тобою».

взгляды, которые рождаются въ умѣ генія, она ихъ усволяетъ и потому дѣлаетъ достояніемъ низшихъ слоевъ. Или же, наоборотъ, она можетъ и задерживать благородные продукты высокой души и быть причиною поздняго признанія ихъ и со стороны толпы... Эта, болѣе высокая группа массы со все́мъ усердіемъ, доходящимъ до забвенія собственныхъ интересовъ, можетъ отстаивать признанное ею за великое и съ тѣмъ же усердіемъ, иногда обращающимся въ фанатическую нетерпимость, она будетъ не понимать и бранить то, что не нашло отклика въ ея душѣ... Въ первомъ случаѣ она будетъ ангеломъ-хранителемъ великихъ людей и ихъ дѣлъ, а во второмъ—демонъ-порицателемъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе ей не понравиться, чье міросозерцаніе отличалось отъ ея взгляда на вещи...

Все́ эти замѣчанія могутъ быть приложены къ Плетневу. Его душа раздѣлилась на двѣ части: въ одной помѣщались: Пушкинъ, Карамзинъ, Жуковский, Гоголь. Ихъ онъ любилъ самою нѣжною любовью, для нихъ онъ забывалъ свою „проклятую должность“, въ пользу ихъ употреблялъ онъ свою протекцію, ихъ дыханіе было для него священнымъ [„Какъ онъ дышалъ!“—собственные слова Плетнева о Пушкинѣ (Майковѣ)]. Въ другой половинѣ нашли себѣ мѣсто Бѣлинскій, Лермонтовъ, Грановскій, Некрасовъ и другіе. Ихъ Плетневъ—можно безъ преувеличенія сказать—ненавидѣлъ, имъ рсточалъ онъ самыя недетные отзывы, которые повторяютъ непріятно. Міръ этихъ людей остался ему непонятенъ. Это были люди, не похожіе на служителей чистаго искусства. Это были люди критики, которая была заключена Плетневымъ въ самыя узенькія рамки и отличалась полною „благовоспитанностью“.

Можно отмѣтить въ Плетневѣ и то, что нелюбовь свою онъ не выражалъ открыто. Мы только теперь яснѣе можемъ судить о его взглядѣ на людей второй половины его сердца. Онъ только въ письмахъ своихъ выражалъ вполне свое презрѣніе къ нимъ; а въ печатныхъ сочиненіяхъ говорилъ очень уклончиво. Припомнимъ, что письма онъ чуть ли не ставилъ выше другихъ произведеній пера.

В. Н.

Л И Т Е Р А Т У Р А.

«Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. По порученію II отд. Ак. Н. издалъ Я. Гротъ. Спб. 1885. 3 тома. Предполагается издать 4-й т., куда войдетъ біографія Плетнева и выборъ изъ остальныхъ произведеній».

«Переписка Я. К. Грога съ П. А. Плетневымъ». Спб. 1896. 3 т.

Плетневъ. Первое 25-лѣтіе И. Спб. Унив.—та. Спб. 1896.

Плетневъ. Отчеты по II отд. Имп. Академіи Наукъ 2 т. 1852 и 1865 г.г.

Плетневъ. Письмо въ редакцію «Вѣстн. Европы», В. Е. 1866 г. т. I.

Плетневъ. Письмо къ Коссовичу. Р. Арх. 1877, 11.

Письма къ Кошгеву. Р. А. 1877, 12.

Гротъ, К. Я. «Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ». Спб. 1900. От. изъ Изв. II отд. т. V кн. 1.

Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива, кн. П. А. Вяземскаго. (От. изъ Р. Арх. 66 г. Письмо Плетнева. (Межовъ).

Письмо Плетнева къ ректору Моск. Унив. «Чтеніе въ Об.—въ Ист. и Др.» 1873, № 2, стр. 269. (Межовъ).

Письма Пл—ва къ Кюхельбекеру. «Р. Стар.» 1875.

Гротъ, Я. К. «Труды» т. III. Спб. 1901. О Плетневѣ семь статей. Тамъ же см. «Пушкинъ, его липейскіе товарищи и наставники»: «Замѣтка о перепискѣ Пушкина съ Плетневымъ». Стр. 124 и «Секретныя донесенія о связяхъ между Пушкинымъ и Плетневымъ», стр. 255.

Гротъ, К. Я. Біографія Плетнева. Тоже — Біографическій словарь, русскій, — изд. Половцева.

Вяземскій. «Памяти Плетнева» въ сборникъ «Утро» М. 1866., стр. 152—57.

Короновскій. Современ. Лѣт. 1866, № 6.

Тургеневъ. Литературный вечеръ у Плетнева.

Лонгиновъ. Совр. Лѣт. № 2, 1866.

Скабичевскій. «П. А. Плетневъ» В. Е. 1885, № 11.

Его же «Катедеръ—карьеристъ 30-хъ годовъ». Р. М. 1898. VII.

Чернышевскій Н. «Очерки Гоголевскаго періода» стр. 161.

Гербель. Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Спб. 1888, стр. 266.

Геннади. Справочный словарь о русскихъ писат. и ученыхъ. Рус. Арх. 1867, стр. 971.

Григорьевъ. «Имп. Спб. Университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ». Спб. 1870.

Ивановъ. «Исторія русской критики», ч. III, стр. 24.

Добрывъ. Біографии русскихъ писателей.

- Пылинъ. Исторія р. литературы. т. IV.
 «Записки о жизни Гоголя».
 Авненковъ. Биографія Пушкина.
 Шашковъ. Эпоха Бѣлинскаго. Д. 77, 5
 Майковъ, Л. Историко-литературные очерки.
 Глинскій, Б. «Загробный журналъ Пушкина». И. В. 97, 1.
 Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина.
 Лачинова ст. «Р. Ст.» 97, 5.
 «Два вечера у гр. Блудова». Р. А. V. 1888, ст. Кокорева.
 Два письма Аксакова и Плетнева. Р. А. 92.
 Никитенко. Записки и дневникъ.
 Панаевъ И. Литературныя воспоминанія.
 Сологубъ Вл. А. гр. Воспоминанія. Спб. 87.
 Головачева-Панаева. Воспоминанія.
 Гоголь. Письма. 4 т. изд. Маркса.
 Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія.
 Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона.
 «Православно-русское слово» журналъ за 1902, статья: «Духовныя семинаріи и искусства».
 Фортунатовъ. Воспоминанія о Спб. универ. Р. А. 69, № 2.
 «Иллюстрированная Газета» некрол. Пл—ва.
 Биографич. очеркъ прот. Павскаго изъ журнала «Странникъ» 1876 г. (Межовъ).
 Матеріалы для біографіи Плетнева. Вятскія губ. вѣдомости. 1866, № 6. (тоже).
 П. А. П—въ. «Дом. Бес.» 1866, № 6 (тоже).
 О послѣднихъ дняхъ Плетнева. Сѣв. Почта, 66, № 4.
 Извлеченіе изъ письма прот. Васильева къ кн. Вяземскому о смерти Пл—ва. Сѣв. Почта, 66, № 14 (тоже).
 Панихида по Пл—въ. Спб. Вѣд. 1866, № 134 (тоже).
 In memoria di P. Pletnew. Wiazemski (Traduzione dal testo russo) St.-Pietrobr., 1866. 8 (тоже).
 Некрологъ Пл—ва «Мѣсяцеслозь на 1867 г.» тип. Ак. Н.
 Пылинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній.
 Майковъ, Ап. Н. Стихотворное посланіе къ Пл—ву.
 Плетневъ и Соханская. Рус. Об. 1896, июнь.
 Гоголя сочиненія.
 Голицына князя словарь.
 Филонова хрестоматія, ст. Плетнева: «Эпиграмма въ древности».
 Смирнова, А. О. Записки, Спб. 1895.
 Энциклопедич. словарь Брокг. и Ефрона. «Главный педагогическій институтъ», XVI полутомъ.
 «Сорезнователь Просвѣщенія и Благотворенія» журналъ.
 Майковъ, Л. «Пушкинъ».
 Вартевевъ, «Пушкинъ въ южной Россіи», М. 1862.
 «Современникъ». 1853 г. ст. Гаевского: «Дельвигъ».
 Пушкинъ. Сочиненія въ одномъ т. изд. Павликова.
 «Благонамѣренный» журналъ.
 «Петербургскій У—тъ полвѣка назадъ». Р. А. 1888, № 9.
 Скабичевскій. Біографія Лермонтова. Изд. Павликова.

«Русскій Вѣстникъ». Изъ переписки съ Гоголемъ. 1890, XI.

«Странникъ» 1860. Біографія о. М. Константинова.

«Гражданинъ» 1874. № 4. Воспоминанія Т. И. Филиппова.

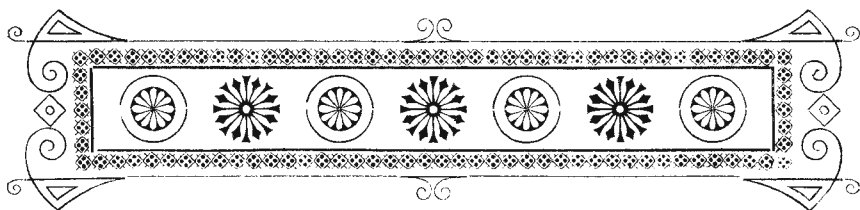
Стихотворенія Гнѣдича. Спб. 1832.

Сборникъ въ честь Стороженко.

П. А. Плетневъ и его отношенія къ Жуковскому и Пушкину. «Р. Ст.» 1904. Сентябрь. Статья В. Каминскаго.

Плетневъ, какъ критикъ и публицистъ. «Р. Ст.» 1906, ноябрь. Статья В. Каминскаго.

Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—1878 годахъ.

 въ 1877 году, послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай, по распоряженію его императорскаго высочества главнокомандующаго дѣйствующей арміею, были потребованы изъ разныхъ частей войскъ офицеры въ распоряженіе управляющаго гражданскою частью въ Болгаріи князя Черкаскаго, для назначенія на разныя должности по гражданскому управленію. Въ числѣ вызванныхъ офицеровъ былъ и я. Этотъ вызовъ былъ совершенной для меня неожиданностью: по случаю начавшейся войны, всѣ мы спѣшили приводить въ порядокъ все необходимое къ походу, а я, занимая должность завѣдывающаго хозяйствомъ, никакъ не рассчитывалъ разлучаться въ это время съ полкомъ, такъ какъ война была уже въ разгарѣ, а наша дивизія, имѣя бердановскія винтовки, скорѣе другихъ могла ожидать распоряженія о мобилизаціи. Командиръ полка, вслѣдствіе предписанія главнаго штаба о командированіи меня въ дѣйствующую армію, предписалъ мнѣ, по сдачѣ должности, отправиться въ Бухарестъ. Сдавъ должность и получивъ прогоны прямо изъ интендантства до Кишинева, я на третій день выѣхалъ, такъ какъ насъ понудили отправляться какъ можно скорѣе въ Бухарестъ, гдѣ отъ находившагося тамъ полковника Соболева мы должны были получить указаніе, куда намъ ѣхать далѣе, чтобы явиться къ князю Черкасскому. Полковника Соболева мы уже не застали въ Бухарестѣ и крайне затруднились — куда намъ ѣхать далѣе, такъ какъ о мѣстѣ нахожденія главной квартиры никто не зналъ или не рѣшался говорить; наконецъ, въ нашемъ посольствѣ, куда мы поспѣшили обратиться,

посоветовали намъ ѣхать по желѣзной дорогѣ до Журжева, а оттуда по обыкновенной дорогѣ добраться какъ-нибудь до Систова, гдѣ, вѣроятно, будетъ кто-нибудь, кому поручено распорядиться нашимъ назначеніемъ.

Доѣхавъ до Журжева, мы прежде всего отыскивали экипажи; условившись за три золотыхъ въ сутки съ экипажа, мы доѣхали до Зимницы; здѣсь не только всѣ дома, но всѣ сараи, конюшни и дворы заняты были нашими войсками, обозомъ, кухнями и лошадьми; разбивались госпитальныя палатки, и вообще работа и суета были невообразимы. Переночевавъ на землѣ возлѣ лошадей, мы на другой день добрались кое-какъ пѣшкомъ до Систова; такъ какъ войсковой обозъ, поднимаясь по узкой дорогѣ въ Систово, стоялъ безъ движенія, покуда двинется первая повозка, то мы послѣшили обогнать обозъ пѣшкомъ по боковымъ тропинкамъ; отъ встрѣчаемыхъ офицеровъ мы узнали, что генераль Анучинъ, помощникъ Черкаскаго, находится въ Систовѣ и распоряжается назначеніемъ офицеровъ на должности по гражданскому управленію; намъ было сказано, чтобы мы слѣшили идти къ генералу прямо съ дороги, въ кителяхъ, только бы поскорѣе. Простой и привѣтливый генераль Анучинъ встрѣтилъ насъ ласково и безъ малѣйшаго замедленія выдавалъ каждому заготовленныя предписанія и отзывы комендантамъ станцій для направленія насъ по румынскимъ желѣзнымъ дорогамъ къ мѣстамъ назначенія. Узнавъ, что я назначенъ въ Тульчу, губернской городъ, хотя и брошенный турками, но не разоренный, я возвратился въ Зимницу, гдѣ я догадался оставить на нѣкоторое время свой экипажъ съ вещами при моемъ денщикѣ, такъ какъ трудно себѣ представить, какимъ образомъ пришлось бы возвращаться одному ночью по румынскимъ владѣніямъ до Журжева. Добравшись до Журжева, мы отправились черезъ Бухарестъ до Галаца, надѣясь изъ Галаца ѣхать на баржѣ по Дунаю до Тульчи, но бывший въ Галацѣ нашъ консуль г. Романенко не советовалъ намъ ѣхать по Дунаю, такъ какъ, по его предположенію, тамъ могли быть поставлены загражденія или мины. Насколько подобное предположеніе было вѣрно, мы не знали, но тѣмъ не менѣе мы рѣшили возвратиться въ Браиловъ, чтобы тамъ подумать, какимъ образомъ добраться намъ до Тульчи. Въ Браиловъ одинъ изъ румынскихъ полицейскихъ далъ намъ весьма практичный совѣтъ, предложилъ нанять хорошіе экипажи, которые и доставятъ насъ безпрепятственно до Тульчи, такъ какъ, по его мнѣнію, въ этой мѣстности турецкихъ войскъ быть не могло, хотя и нашихъ также не было. Переправившись по устроенному нашими войсками мосту черезъ Дунай, мы ѣхали по турецкимъ владѣніямъ, гдѣ, по рассказамъ жителей, черкесы только-

что разорили нѣсколько селеній и угнали много скота; мы спѣшили проѣхать эту мѣстность засвѣтло.

Въ 12 верстахъ отъ Тульчи мы остановились въ небольшой нѣмецкой колоніи, расположенной вблизи румынскаго села Катадуй; здѣсь мы видѣли прекрасное нѣмецкое хозяйство, изобиліе у нѣмцевъ масла, молока и другихъ припасовъ, несмотря на то, что земля, отведенная имъ турками, была не изъ особенно плодородныхъ. Одинъ изъ проживавшихъ здѣсь русскихъ (вѣроятно, бѣглый солдатъ или изъ бывшихъ крѣпостныхъ) сказалъ намъ, между прочимъ, что у нихъ проведена съ горъ прекрасная, мягкая, ключевая вода, и мы воспользовались устроить чай, которымъ давно уже не наслаждались. По прибытіи въ Тульчу, насъ встрѣтили мѣстные болгары и проживающіе въ Тульчѣ старовѣры—некрасовцы, которые направили насъ въ конакъ, гдѣ мы и заняли временное для себя помѣщеніе: въ конакѣ было много отдѣльныхъ комнатъ съ нѣкоторою мебелью, которую не успѣли растащить мѣстные болгары, такъ какъ конакъ брошенъ былъ торопливо и никѣмъ не былъ охраняемъ. Въ Тульчѣ мы застали полусотню донскихъ казаковъ, оставленныхъ для охраны города подъ командою есаула, распорядившагося въ городѣ и уѣздѣ военною и гражданскою властью по собственному усмотрѣнію. Всѣ жители повиновались ему и безпрекословно исполняли всѣ его требованія. По прибытіи въ Тульчу, намъ предписано было явиться къ губернатору, отъ котораго мы и должны были получить назначеніе на должности по управленію гражданской частью въ Болгаріи, но губернаторъ еще не пріѣзжалъ, и гдѣ онъ находился — намъ извѣстно не было. Мы занялись устройствомъ себѣ квартиръ и, главное, продовольствіемъ, такъ какъ тѣмъ, кто не взялъ съ собой казенной прислуги, было чрезвычайно трудно довольствоваться въ мѣстныхъ ресторанахъ особенными какими-то блюдами. Полусотенный командиръ продолжалъ распорядиться гражданскою частью, такъ какъ мы съ часу на часъ ожидали прибытія губернатора и не приступали ни къ какимъ обязанностямъ. Въ городѣ было совершенно спокойно, несмотря на то, что, кромѣ полусотни казаковъ, въ городѣ и окрестностяхъ войскъ не было, а между тѣмъ, въ Сулинѣ—50 верстъ отъ Тульчи—стояли наготовѣ турецкіе броненосцы, нѣсколько таборовъ войскъ и, главное, черкесовъ, которые безпрепятственно могли пробыть по Дунаю въ Тульчу, занять городъ и перебить всѣхъ, такъ какъ полусотня казаковъ не могла бы оказать никакого сопротивленія такому числу турокъ и черкесовъ. Но все прошло благополучно; одинъ только разъ, когда въ Тульчѣ былъ уже пѣхотный полкъ, артиллерія и штабъ начальника южно-дунайскаго отряда, была днемъ тревога по случаю при-

хода по Дунаю 4-хъ турецкихъ броненосцевъ, остановившихся въ 3 верстахъ отъ Тульчи для рекогносцировки. Войска наши и артиллерія выстроились немедленно на горѣ въ боевомъ порядкѣ, а турки, увидавъ войска, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій и повернули обратно въ Сулинъ.

Наконецъ прибылъ въ Тульчу нашъ губернаторъ Б., назначенный на эту должность изъ бывшихъ консуловъ въ Турціи; какъ человѣкъ, знающій здѣшній край и здѣшніе обычаи, онъ могъ дать намъ много полезныхъ и практическихъ совѣтовъ. Послѣ нашего представленія губернатору, онъ предложилъ намъ вынимать жребій, кому и куда суждено отправиться вводить гражданское управленіе въ округѣ (уѣздѣ). Совѣщаясь и разсуждая съ губернаторомъ, мы прежде всего рады были видѣть въ немъ человѣка умнаго, безгранично-добраго и привѣтливаго. Когда мы узнали о своихъ назначеніяхъ, губернаторъ предложилъ идти на другой день знакомиться съ проживающими въ Тульчѣ иностранными консулами, такъ какъ, по его мнѣнію, этотъ существующій у дипломатовъ обычай необходимо было выполнить прежде всего. На другой день, всѣ мы, назначенные вводить гражданское управленіе въ санджакъ (губерніи), отправились, съ губернаторомъ во главѣ, къ проживающему въ Тульчѣ греческому митрополиту и ко всѣмъ консуламъ.

Предупрежденные консулы встрѣчали и принимали насъ ласково и привѣтливо и вмѣстѣ съ тѣмъ просто и радушно; митрополитъ благословилъ насъ и сказалъ на греческомъ языкѣ привѣтствіе (переводилъ намъ все губернаторъ). Вообще, митрополитъ и всѣ консулы произвели на насъ пріятное впечатлѣніе. Послѣ этого очень скоро мы прискали себѣ квартиры и устроились въ оставленныхъ турецкихъ домахъ; предназначенные же къ выѣзду закупили себѣ все въ Тульчѣ и заказали въ открывшейся типографіи бланки для своихъ округовъ. Начали мы устраивать кое-что въ своихъ канцеляріяхъ, а черезъ нѣсколько дней губернаторъ предложилъ собирать два раза въ недѣлю въ конакъ избранныхъ въ особый совѣтъ мѣстныхъ гражданъ для общаго обсужденія о предстоящемъ устройствѣ въ краѣ всѣхъ учрежденій. На засѣданіяхъ этихъ мы обязательно присутствовали всѣ, каждый разъ, такъ какъ и предназначеннымъ къ отъѣзду начальникамъ округовъ также хотѣлось почерпнуть на засѣданіяхъ хоть что-нибудь, чтобы затѣмъ въ округахъ начать смѣлѣе свою работу. Къ сожалѣнію, всѣ эти засѣданія не представляли для насъ никакого интереса, главнымъ образомъ, потому, что всѣ разсужденія на нихъ происходили на непонятныхъ намъ болгарскомъ и турецкомъ языкахъ, и потому

мы рады были, когда совѣты эти сами собою прекратились, и тѣмъ дали намъ возможность приступить къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію.

Наша дѣятельность въ округѣ состояла прежде всего въ избраніи членовъ въ управительный совѣтъ, который, на основаніи данной намъ инструкціи, долженъ былъ вѣдать всѣ хозяйственныя дѣла, обсуждать нужды и вопросы и собрать свѣдѣнія, какая еще осталась невзысканная подать за текущій годъ, такъ какъ при турецкомъ правительствѣ, кромѣ взимаемой десятины съ урожая, опредѣлялся еще ежегодно разный налогъ на жителей, который и помѣщался подробно въ выдаваемыхъ жителямъ листкахъ; на этихъ листкахъ, при взносѣ денегъ въ казначействѣ, дѣлалась отмѣтка о томъ, за что получена подать. Новыхъ налоговъ мы рѣшили никакихъ не устанавливать и впредь до полученія распоряженія высшаго начальства вопросовъ никакихъ объ этомъ не возбуждать. При этомъ мы обязали управительный совѣтъ собрать свѣдѣнія, какое количество ячменя и ржи можетъ быть взято отъ каждаго селенія въ случаѣ реквизиціи. Избранные въ управительный совѣтъ болгары не имѣли никакого понятія, какъ приступить къ дѣлу, какъ оформить въ совѣтѣ свои постановленія и т. д., такъ какъ въ краѣ все находилось въ рукахъ турокъ, болгары же и, вообще, христіане ни къ какой общественной дѣятельности не допускались.

При такихъ условіяхъ начальнику округа предстояло чрезвычайно много заботъ и умѣнія дать дѣло каждому, научить, какъ дѣлать, не отмѣнять много хорошаго изъ существовавшего при турецкомъ правительствѣ и нашими распоряженіями не стѣснять и не обижать никого.

Начали поступать разныя прошенія отъ жителей на турецкомъ, болгарскомъ и румынскомъ языкахъ, переводчиковъ было очень мало, да и тѣ плохіе, и потому даже по самымъ простымъ дѣламъ исполненіе затягивалось. Зная по опыту, что всюду намъ придется руководиться главнымъ образомъ нашими русскими законами и порядками, примѣняясь, конечно, и къ существующимъ мѣстнымъ правиламъ, я при отъѣздѣ изъ Россіи взялъ съ собою много разныхъ уставовъ и наставленій: судебные уставы, уставъ о таможенномъ сборѣ, наставленіе для производства слѣдствій и дознаній и т. д., а главное — сборникъ узаконеній, постановленій и распоряженій, касающихся полиціи, изданіе Леонтьева; сборникъ этотъ оказалъ мнѣ громадную услугу: служба начальника округа главнымъ образомъ полицейская, и на каждый случай я находилъ въ сборникѣ подробное указаніе: какъ поступать полицейскимъ чинамъ при

разныхъ общихъ распоряженіяхъ, по предупрежденію разныхъ преступленій и безпорядковъ, по наблюденію за благоустройствомъ въ городѣ и за торговлей, по охраненію здоровья и лѣченію заболѣвающихъ и т. д.; куда бы ни ѣхаль я въ уѣздъ, сборникъ былъ всегда моимъ вѣрнымъ и полезнымъ спутникомъ. Губернаторъ нашъ занимался чрезвычайно усердно и добросовѣстно, но, какъ человѣкъ, принявшій въ первый разъ такую отвѣтственную административную обязанность, безъ опытныхъ помощниковъ и руководствъ, затруднялся, изъ какихъ должностей образовать ему свое управленіе и канцелярію и, затѣмъ, какую придумать дать каждому работу. Назначенные служащіе являлись аккуратно въ канцелярію и сидѣли въ ожиданіи приступить къ какимъ-нибудь занятіямъ, но наконецъ начали поступать отъ управляющаго гражданскою частью разные циркуляры и другія объ устройствѣ гражданской части распоряженія, и работа началась. Выбранъ былъ управляющій канцеляріей, назначенъ завѣдывающій казенными дѣлами и имуществомъ (въ родѣ управляющаго казенной палатой), выбранъ казначей—все изъ болгаръ грамотныхъ, но совершенно несвѣдущихъ.—Одновременно съ устройствомъ губернской канцеляріи мы спѣшили вводить управленіе и въ своихъ округахъ, такъ какъ изъ всего видѣннаго и замѣчаемаго нами мы должны были убѣдиться, что единственными руководителями нашими будутъ русскіе законы и собственный здравый смыслъ, такъ какъ данное намъ краткое наставленіе составлено было на скорую руку, и никто изъ него ничего почерпнуть не могъ. Въ городѣ мы старались прежде всего образовать канцелярію, а въ уѣздѣ—нахіи (станы), отыскать чиновниковъ и дать дѣло каждому, учредить изъ избранныхъ жителей управительный совѣтъ для дѣйствія и распоряженій по хозяйственной части. Большое затрудненіе встрѣчали мы въ отысканіи служащихъ, въ особенности въ выборѣ секретаря и писцовъ, и потому приходилось брать только знающихъ читать и писать по-русски и болгарски; при назначеніи начальниковъ нахій—мы равномерно ограничивались грамотными изъ бывшихъ приказчиковъ или конторщиковъ. Формы входящихъ и исходящихъ журналовъ, разные книги и описи дѣлъ мы составляли сами изъ взятыхъ изъ полковъ печатныхъ бланковъ; денежный журналъ былъ главной кассовой книгой, а для казначея—книга квитанцій съ корешками, остающимися при кассѣ. Сначала я былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тульчѣ; назначенію этому я былъ очень радъ, такъ какъ Тульча городъ благоустроенный, не разоренный турками, близко отъ Измаила, гдѣ можно было доставать намъ разные припасы, хорошій русскій хлѣбъ и чай; въ Тульчѣ хотя и было до-

статочно всего мѣстнаго, но чай можно было найти только въ аптекѣ какъ лѣкарство. Въ скоромъ времени прибыло въ Тульчу еще нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ, которымъ необходимо было давать разныя должности; одного изъ чиновниковъ, отбывающаго воинскую повинность, губернаторъ назначилъ правителемъ канцеляріи, а старшаго полковника, съ моего согласія, назначилъ вице-губернаторомъ временно, такъ какъ должности вице-губернаторовъ предпасано было поручать чиновникамъ изъ болгаръ для ознакомленія съ предстоящей имъ дѣятельностью въ Болгаріи. вмѣстѣ съ этимъ я былъ назначенъ въ то же время начальникомъ Тульчинскаго округа вмѣсто исправлявшаго нѣкоторое время эту должность гвардейскаго офицера капитана С., котораго губернаторъ назначилъ на новую, совершенно необходимую, должность полицеймейстера въ Тульчѣ. Капитанъ С. оказался дѣятельнымъ и распорядительнымъ начальникомъ города, въ короткое время ввелъ въ немъ порядокъ и благоустройство и распоряжался во всемъ самостоятельно; между прочимъ, онъ официально именовалъ себя градоначальникомъ, устроилъ въ конакѣ приличный кабинетъ съ надписью на дверяхъ: „Кабинетъ градоначальника“ и поставилъ у дверей каваса (въ родѣ жандарма), который и докладывалъ о всѣхъ желающихъ видѣть градоначальника. Оставались въ Тульчѣ еще изъ вновь прибывшихъ офицеры, для которыхъ нужно было создавать должности, и потому я просилъ губернатора командировать меня открывать гражданское правленіе въ г. Сулинѣ, только-что занятый нашими войсками послѣ бомбардированія его отрядомъ генерала Веревкина, а занимаемую мною должность начальника тульчинскаго округа, какъ уже устроенную и правильно дѣйствующую, поручить другому вновь прибывшему офицеру. Губернаторъ охотно на это согласился и нѣсколько разъ спрашивалъ телеграммой управляющаго гражданскою частью, нужно ли командировать открывать гражданское управленіе въ Сулинѣ? Наконецъ полученъ былъ отъ помощника управляющаго гражданскою частью, генерала Анучина крайне неопредѣленный отвѣтъ: „Открывайте, если васъ пустять“.—Зная, что Сулинѣ занятъ нашими войсками, губернаторъ просилъ меня ѣхать туда, и я, немедленно собравшись, отправился на лодкѣ по Дунаю въ мѣстность, только-что оставленную турками. Добравъ до селенія Кедерлесъ, на берегу Чернаго моря, у устья Дуная, я остановился тамъ ночевать. Сопровождалъ меня отъ Тульчи житель Сулина Дульчери, человекъ молодой, дѣятельный, энергичный; живя въ Сулинѣ, въ портовомъ городѣ, онъ изучилъ практически всѣ необходимые для того края языки: турецкій, греческій, англійскій, французскій, болгарскій, румынскій и

русскій; человекъ онъ былъ безкорыстный и услужливый, и я, по прибытіи въ Сулинъ, назначилъ его на первое время при себѣ переводчикомъ.

Село Кедерлесъ населено русскими старообрядцами, занимающимися рыбною ловлею. Поговоривъ на другой день съ мѣстными жителями и узнавъ, что главная ихъ промышленность въ Кедерлесѣ рыбная ловля, я, по совѣту стариковъ, назначилъ извѣстнаго мнѣ болгарина вамышемъ въ с. Кедерлесъ. Вамышь обязанъ записывать по особой книгѣ пойманную рыбу, выреченную икру и взимать установленный при турецкомъ правительствѣ сборъ за рыбу и икру.—Объ обязанностяхъ вамыша я не имѣлъ никакого понятія и потому поручилъ назначенному мною вамышу отыскать оставленный турками у мѣстныхъ жителей отчетъ и книги и прислать мнѣ для перевода и чтобъ затѣмъ мнѣ ознакомиться съ отчетомъ. Вамышь оказался умнымъ, довольно честнымъ и аккуратнымъ человекомъ, ладилъ съ рыболовами и доставлялъ доходъ, собираемый имъ за рыбу и икру, который онъ успѣвалъ записать въ свою книгу и въ отчетъ. Въ Кедерлесѣ ловилась бѣлуга, осетрина, севрюга и друг. въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что, при болѣе правильной организаціи и большемъ надзорѣ, собираемый доходъ, несомнѣнно, увеличился бы, но я назначилъ вамыша и къ нему помощниковъ на свой рискъ, предупредивъ, что на первое время жалованье имъ я буду выдавать въ такомъ только случаѣ, если они будутъ слѣдить за рыбной ловлею и собирать установленный съ рыбы сборъ, такъ какъ я только-что открываю управленіе въ Сулинѣ, и что въ городѣ нѣтъ еще денегъ и никакихъ средствъ; какіе же будутъ поступать доходы, я не знаю. Прибывъ въ Сулинъ и при помощи Дульчери отыскавъ себѣ квартиру, я пошелъ осматривать городъ; все было пусто, лавки закрыты, хлѣбъ мы доставали у солдатъ. Нѣкоторые жители со страхомъ возвращались въ городъ и отпирали свои лавки и дома. Конакъ былъ занятъ подъ казармы для войскъ; управленіе городомъ и гражданскою частью принялъ на себя капитанъ 1-го ранга П., съ которымъ я немедленно познакомился и передалъ ему, что, по распоряженію главнокомандующаго дѣйствующей арміей, я командированъ открыть гражданское управленіе въ Сулинѣ и управлять Сулинскимъ округомъ. Затѣмъ я представился отрядному командиру генералу Салацкому, назначилъ полицеймейстеромъ въ Сулинѣ Дульчери и приказалъ вывѣсить въ городѣ объявленіе о томъ, чтобы жители свободно возвращались въ городъ и занимались по-прежнему торговлей и своими домашними дѣлами. Въ освобожденномъ отъ войскъ конакѣ я помѣстилъ свое управленіе и отдѣлилъ

помѣщеніе для будущаго казначейства. Отрядный командиръ генераль Салацкій принялъ меня чрезвычайно любезно, очень былъ радъ, что для управленія гражданскою частью будетъ наконецъ въ Сулинѣ особое правительственное лицо. Въ теченіе всего пребыванія моего въ Сулинѣ генераль Салацкій оказывалъ мнѣ возможное содѣйствіе въ нарядѣ войскъ и патрулей въ помощь полици и вообще, хорошо понимая тяжелое наше положеніе по образованію въ краѣ изъ ничего гражданского управленія, оказывалъ мнѣ всевозможную помощь.

Сулинскій портъ, при турецкомъ правительствѣ, состоялъ въ полномъ распоряженіи существующей въ Сулинѣ европейской комиссіи, главнымъ распорядителемъ которой былъ инженеръ Кюльць—англичанинъ, который и вѣдалъ всѣми дѣлами комиссіи, а также углубленіемъ и расчисткой сулинскаго гирла. Первымъ дѣйствіемъ моимъ въ городѣ было поспѣшить образовать свое управленіе, чтобы всѣ знали куда и къ кому обращаться—и отдѣлить помѣщеніе для казначейства. Прибывъ въ Сулинѣ съ однимъ своимъ денщикомъ и, кромѣ Дульчери, не зная ни одной души, мнѣ чрезвычайно трудно было сначала устраиваться и приступать къ своимъ занятіямъ, но послѣ объявленія объ открытіи дѣйствія въ управленіи, начали приходять ко мнѣ разныя личности и просить принять ихъ на службу. Разбирать было некогда, а выбирать не изъ кого, и потому всѣмъ являющимся и хорошо выглядывавшимъ я производилъ экзамень и знающимъ русскій и болгарскій языки довалъ назначеніе, прикомандировавъ къ своей канцеляріи. Городскимъ головой и предсѣдателемъ управительнаго совѣта я назначилъ мѣстнаго жителя Ободенко, челоуѣка очень порядочнаго и имѣвшаго въ городѣ осѣдлость; выборомъ этимъ я былъ доволенъ, такъ какъ впослѣдствіи Ободенко вполне оправдалъ свое назначеніе. Затѣмъ, по вызову моему, пріѣхали грамотные болгары, изъ которыхъ одного—Каврукова—я назначилъ секретаремъ, и другого, бывшаго гдѣ-то сельскимъ учителемъ въ Румыніи, Рашкова—мировымъ судьей, Дульчери же былъ уже полицеймейстеромъ.

Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ почтенный старичекъ Ушаковъ, бывший гдѣ-то въ Бессарабіи сельскимъ учителемъ, и просилъ дать ему мѣсто. Ушаковъ зналъ хорошо читать и писать по-русски, болгарски и по-румынски, и потому я назначилъ его переводчикомъ, поручивъ заниматься въ канцеляріи, такъ какъ переписка съ каждымъ днемъ все увеличивалась. Черезъ недѣлю явился ко мнѣ Ушаковъ и на колѣняхъ благодарилъ, что я спасъ ему жизнь, такъ какъ,—говорилъ онъ мнѣ,—нигдѣ онъ не могъ получить мѣста и, наконецъ, узнавъ, что въ Сулинѣ владѣютъ русскіе, рѣшился ѣхать

сюда и просить дать ему возможность существовать чѣмъ-нибудь, съ тѣмъ, что если и я ему откажу, то онъ помолится Богу и бросится въ Дунай. Ушаковымъ я былъ очень доволенъ, и все время онъ былъ старательнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ, человѣкомъ честнымъ и аккуратнымъ. Обставивъ кое-какъ свою канцелярію, я приступилъ къ благоустройству города, такъ какъ жители начали возвращаться, приступали къ торговлѣ и къ своимъ домашнимъ занятіямъ. Приказавъ составить списки въѣмъ домамъ и поименно въѣмъ домовладѣльцамъ и другимъ жителямъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ распорядился сдѣлать желѣзныя дощечки съ нумераціей по улицамъ всѣхъ домовъ съ наименованіемъ домовладѣльцевъ; приказалъ въ управленіи занести всѣхъ жителей въ особую книгу съ проставкою № дома, и кому онъ принадлежитъ, и затѣмъ, когда все было готово и мною провѣрено, приказалъ прибить дощечки на домахъ. Сулинъ очень небольшой городъ, но въ немъ собирается ежедневно около 2 тысячъ рабочихъ, которые разгружаютъ и нагружаютъ приходящія и отходящія суда.—По рекомендаціи мѣстныхъ жителей, назначилъ я одного болгарина казначеемъ за поручительство двухъ состоятельныхъ домовладѣльцевъ; далъ ему заготовленные уже книги и занялся обученіемъ порученнаго ему весьма несложнаго дѣла. Каждый пріемъ и выдачу денегъ казначей дѣлалъ въ моемъ присутствіи и все записанное показывалъ мнѣ; послѣ 2-хъ часовъ сводилъ итоги, сосчитывалъ наличность кассы, показывалъ мнѣ и затѣмъ запиралъ несгораемый шкафъ (доставшійся намъ отъ турокъ), запиралъ наружную у кассы дверь и, по постановкѣ отъ войскъ часового, уходилъ домой.

Осмотрѣвъ большую часть дворовъ, трактировъ и улицъ, я замѣтилъ вездѣ невыразимую грязь и нечистоту: масса сору и всякихъ отбросовъ по всѣмъ дворамъ и улицамъ производила зловошіе. Я тотчасъ приказалъ полицеймейстеру нанять рабочихъ—кстати ихъ много было праздныхъ въ городѣ,—и подъ своимъ наблюденіемъ очистить все и сбросить въ Дунай, такъ какъ дома и улицы находились на берегу, предупредивъ жителей, что дальнѣйшая очистка дворовъ и улицъ будетъ составлять предметъ ихъ заботливости и прямую ихъ обязанность. Послѣ этого, покуда жители не привыкли исполнять мое распоряженіе, мнѣ приходилось довольно часто штрафовать ихъ за каждую небрежность и неряшливость на улицахъ. Болѣе всего нарушался порядокъ въ трактирахъ и ресторанахъ, гдѣ кутежи, драки и пьянство продолжались всю ночь; я разрѣшилъ торговать въ нихъ только до часу ночи и за каждое неисполненіе моего приказанія штрафовалъ по золотому; если же и это не помогало, закрывалъ заведеніе на недѣлю и болѣе.

Послѣ прелиминарнаго договора въ Сулинѣ начали приходять ежедневно греческія, американскія, англійскія, французскія и др. суда, а также и пассажирскія изъ Константинополя. Я не имѣлъ никакого понятія, нужно ли и какимъ порядкомъ взимать съ нихъ пошлины за свободный пропускъ, какая существуетъ для этого отчетность и чѣмъ руководствоваться, чтобы взимать съ каждого судна различныя суммы по числу тоннъ. На помощь мнѣ явился одинъ турокъ, который велъ въ какомъ-то пограничномъ турецкомъ городѣ такой отчетъ и предложилъ мнѣ за небольшую плату свои услуги. Я очень былъ радъ поручить ему завѣдываніе этимъ дѣломъ и просилъ его ознакомить меня съ нимъ. Турокъ этотъ велъ отчетъ прекрасно и аккуратно; отъ него узналъ я, что каждое проходящее черезъ Сулинѣ судно должно здѣсь останавливаться, получить отъ начальника города пропускъ, что въ городѣ и окрестностяхъ нѣтъ никакихъ эпидемій, и затѣмъ, по уплатѣ установленной турецкимъ правительствомъ суммы по числу тоннъ, слѣдовать безпрепятственно до Галаца. Вслѣдствіе того, что судовъ проходило много, эта была у насъ главная доходная статья; вмѣстѣ съ другими поступающими сборами, она доставила средства для уплаты жалованья всѣмъ служащимъ; остатокъ же сдавался въ тульчинское казначейство.—Дознанія въ городѣ и уѣздѣ производилъ состоявшій при мнѣ переводчикъ, а болѣе серьезныя въ городѣ—секретарь управленія; слѣдствія же вовсе не производились, такъ какъ некому ихъ было поручать. По окончаніи дознанія мы подбирали изъ нашихъ судебныхъ уставовъ подходящія статьи законовъ, и затѣмъ все дѣлопроизводство передавалось мировому судѣ для разбирательства и постановленія приговора, который приводился въ исполненіе только послѣ моего утвержденія, такъ какъ неопытный мировой судья не могъ и не зналъ еще, какъ ему рѣшать самыя обыкновенныя дѣла и почти по каждому дѣлу спрашивалъ предварительно моего совѣта и указанія.—Болѣе серьезные уголовныя и гражданскія дѣла я предоставлялъ губернатору съ особымъ при каждомъ дѣлѣ моимъ заключеніемъ; губернаторъ, считаясь во всемъ съ моимъ заключеніемъ, возвращалъ дѣла обратно мнѣ для распоряженія по моему усмотрѣнію; иначе впрочемъ и быть не можетъ, такъ какъ губернаторъ былъ самъ не юристъ, а при немъ не было никакихъ свѣдущихъ лицъ. Каждое дѣло прежде всего я старался кончить миромъ. Содержащіеся подъ арестомъ при турецкомъ правленіи получали отъ казны хлѣбъ и воду, но я приказалъ отпускать имъ кормовыя деньги, на которыя сторожъ и покупалъ имъ пищу и хлѣбъ. Кромѣ незначительныхъ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, бывали и другія случайности, по

*

которымъ требовалось безотлагательное рѣшеніе, при томъ всепѣло на личной моей отвѣтственности. Напримѣръ: когда я служилъ въ Тульчѣ начальникомъ округа, ко мнѣ явилось нѣсколько вѣмецкихъ семействъ съ просьбой разрѣшить имъ поселиться въ турецкихъ домахъ и владѣть ихъ землею въ одномъ изъ селеній, изъ котораго турки бѣжали, и часть котораго занята теперь проживавшими вмѣстѣ съ турками въ томъ селѣ татарами; привели они съ собою татарскаго старшину и, въ качествѣ понятыхъ, человѣкъ пять мѣстныхъ татаръ изъ того селенія. Татары усердно просили послать нѣмцевъ вмѣстѣ съ ними, такъ какъ они любятъ нѣмцевъ и хотятъ поучиться у нихъ вести сельское хозяйство. Отправившись вмѣстѣ съ нѣмцами въ указанное село и осмотрѣвъ полуразрушенные турецкіе дома, я очень радъ былъ отдать ихъ нѣмцамъ и сказалъ имъ, чтобы они сами раздѣлили и помѣстились въ нихъ сообразно величинѣ своихъ семействъ и имущества; турецкую землю также раздѣлить по соглашенію съ мѣстными татарами, сколько кто можетъ обрабатывать и затѣмъ, когда они устроятся на новыхъ мѣстахъ, я приѣду посмотрѣть. Черезъ три недѣли я посѣтилъ въ татарскомъ селеніи новыхъ жильцовъ; оказалось, что нѣмцы привезли съ собой все имущество, привели лошадей съ повозками и скоть, устроили и обставили свои дома уютно и чисто: на окнахъ занавѣски, вездѣ лампы, кофейники и другая посуда; въ сараяхъ чистота, постлана солома для скота, и вообще какъ будто они давно уже имѣли здѣсь осѣдлость. Землю раздѣлили и приготовлялись обрабатывать. Все это было въ тульчинскомъ округѣ, гдѣ изобиліе хорошей земли, лѣсу, благоустроенныя селенія и пути и сообщенія. Вообще дунайскій вилайетъ, гдѣ генераль-губернаторомъ былъ извѣстный Мидхадъ-паша, можно считать изъ всей Болгаріи самымъ благоустроеннымъ; въ тульчинскомъ уѣздѣ, напримѣръ, я самъ ѣздилъ по шоссированнымъ даже проселочнымъ дорогамъ; сначала эти пути сообщенія были устроены правительствомъ, а потомъ по участкамъ ремонтировались и исправлялись мѣстными жителями. Почти во всѣхъ селеніяхъ устроены были турецкія бани, проведена съ горъ по сточнымъ трубамъ превосходная ключевая вода, устроены каменные резервуары для воды со вставленными въ нихъ мѣдными кранами; села не бѣдныя: достаточно скота и птицъ, много земли и лѣсу; сѣнокосъ бываетъ два раза въ годъ, такъ что сѣна много, а скоть почти круглый годъ пользуется подножнымъ кормомъ. На поляхъ виднѣлись большія стада овецъ, шерсть съ которыхъ выдѣлывается мягкая и нѣжная; во многихъ селеніяхъ живетъ по нѣсколько семействъ нашихъ малороссіянъ, имѣющихъ свои хорошія чистенькія хаты съ дворами и

сараями, достаточно скота и домашней птицы: гористая и лѣсная мѣстность изобилуетъ дичью, и малороссы свободно охотились въ ближайшихъ лѣсахъ, для чего имѣли гончихъ собакъ. Въ 35 верстахъ отъ Тульчи есть малороссійское село Дегтянка, а въ 5 верстахъ отъ нея — православный женскій монастырь, основанный какимъ-то выходцемъ изъ Малороссіи; будучи еще очень молодымъ, онъ получилъ отъ турецкаго правительства въ большомъ лѣсу и горахъ мѣсто, основалъ тамъ монастырь, назвавъ его „Чиликъ“, построилъ себѣ келью и въ горѣ вырылъ большую землянку и въ ней устроилъ церковь; войти въ церковь и выйти изъ нея можно было только съ зажженными свѣчами, и безъ провожатаго въ землянкѣ можно было легко заблудиться. Вскорѣ начали прибывать въ Чиликъ православныя монахини, которымъ строитель указывалъ мѣста для устройства келій. Работа шла довольно успѣшно, и въ скоромъ времени образовался благоустроенный монастырь; вблизи монастыря земля обрабатывалась подъ огородъ, виноградники, дыни, арбузы и др.; заводился постепенно скотъ, птица и все необходимое для домашняго хозяйства; построена была особая церковь, богослуженіе въ которой совершалъ самъ настоятель, или игумень, какъ онъ себя называлъ. При монастырѣ была выстроена довольно просторная гостиница, въ которой очень удобно было останавливаться всѣмъ прїѣзжающимъ къ обѣднѣ и по другимъ надобностямъ въ Чиликъ. Нерѣдко, посѣщая монастырь, мы бывали за обѣдней и не мало удивлялись, что старикъ-игумень такъ благоговѣнно совершаетъ богослуженіе.

Въ 1877 году, до войны, въ Чиликъ числилось до 100 монашенокъ и самъ игумень сѣдой, почтенный старикъ, но еще бодрый и веселый. Когда была объявлена война, — рассказывалъ игумень, — и наши войска переправились черезъ Дунай, поселенные въ 5 верстахъ отъ нихъ черкесы начали грабить имущество и угонять монастырскій скотъ, а потомъ нѣсколько изъ нихъ явились грабить и разорять монастырь; монашенки разбѣжались и спрятались въ ближайшемъ лѣсу, а игумень остался въ своей кельѣ одинъ. Черкесы разломали двери, взяли все, что было, и деньги, и когда имъ дали знать, что недалеко показались наши казачьи разъѣзды, захватили, что могли, и ускакали. Послѣ этого разгрома большая часть монахинь ушла въ Россію; остались въ монастырѣ однѣ старухи, не болѣе 60 человекъ, и игумень. Въ монастырѣ все-таки осталось еще много спрятаннаго въ лѣсу имущества, и игумень, зная, что край занятъ уже нами, началъ скоро приводить въ порядокъ все испорченное, обрабатывать виноградники, огороды и т. д., такъ что, когда мы посѣщали монастырь, слѣдовъ особеннаго грабежа и ра-

зоренія въ немъ не замѣчали. Очень интересовался игумень, кому будетъ принадлежать послѣ войны тульчинскій округъ и его монастырь, такъ какъ о турецкомъ правленіи онъ отзывался съ большою похвалою; пришелъ онъ въ Турцію очень молодымъ, устроилъ все и зажилъ совершенно свободно маленькимъ владѣтельнымъ князькомъ.

Продолжаю о дальнѣйшей своей дѣятельности въ Сулинь. Врачебная часть въ городѣ была въ самомъ печальномъ состояніи: не было ни врачей, ни фельдшеровъ, да и взять ихъ было не откуда, а между тѣмъ, не говоря уже о больныхъ, врачъ нуженъ былъ для разныхъ осмотровъ и освидѣтельствowanій. Симпатичный командиръ квартировавшаго въ городѣ 143-го Дорогобужскаго полка посовѣтовалъ мнѣ переговорить объ этомъ съ однимъ изъ врачей ввѣреннаго ему полка, обѣщаясь оказать полное свое въ этомъ содѣйствіе. Врачъ 143 полка согласился исполнять обязанность городского врача за жалованье отъ меня не менѣе по 50 руб. въ мѣсяцъ. Врачъ былъ очень доволенъ, а я еще болѣе, такъ какъ врачебная помощь была нужна почти ежедневно. Убой скота, по турецкимъ обычаямъ, производился открыто на улицѣ на берегу Дуная, и всѣ отбросы сваливались тутъ же въ рѣку безъ всякаго надзора. Я выбралъ мѣсто за городомъ на берегу Дуная, приказалъ устроить тамъ шалашъ, гдѣ и долженъ былъ производиться убой скота, а оттуда уже привозить въ городскія лавки для продажи; для наблюденія, чтобы убой не былъ допускаемъ въ чертѣ города, выбранъ былъ въ городѣ особый староста. Въ лавкахъ съ красными и бакалейными товарами разрѣшалась, при турецкомъ правительствѣ, продажа мѣстнаго вина и водки распивочно и на выносъ; такого обычая я не воспрещалъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы въ такихъ лавкахъ вечеромъ до закрытія лавокъ горѣли наружные фонари. На счетъ городскихъ средствъ я приказалъ поставить въ городѣ нѣсколько фонарей, но для южныхъ ночей требовалось гораздо большее освѣщеніе, а городскихъ доходовъ было недостаточно. Въ конакѣ я отдѣлилъ двѣ камеры для содержанія арестованныхъ, одну для задержанныхъ разныхъ предосудительныхъ личностей, другую—для отбывающихъ наказаніе по приговорамъ мирового судьи. Иностранные консулы безпрестанно тревожили меня различными своими претензіями относительно привлеченія къ отвѣтственности иностранныхъ подданныхъ и разбирательства дѣлъ объ нихъ мировымъ судьей, выражая желаніе, чтобы при производствѣ разслѣдованія и суда они могли присутствовать въ качествѣ защитниковъ интересовъ своихъ согражданъ. Въ судѣ, сказалъ я, не воспрещается быть никому, такъ какъ разбирательство производится гласно, но при дознаніяхъ ожидать прибытія консуловъ невозможно, такъ какъ всякое въ по-

добныхъ случаяхъ замедленіе будетъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія для открытія истины и задержанія виновныхъ; при этомъ я общалъ объ арестованіи и вообще привлеченіи къ отвѣтственности иностранныхъ подданныхъ сообщать консуламъ, поясняя: кто, за что и на какой срокъ арестованъ. Назначенный мною мировымъ судьей былъ человѣкъ очень усердный, осторожный и крайне интересовавшійся изучить наши судебныя уставы; онъ бывалъ очень доволенъ, когда ему самому удавалось подыскать по тому или другому преступленію подходящія статьи закона. Вообще, всѣ служащіе, набранные мною, совершенно случайно, въ канцелярію, были люди честные, трудолюбивые и, хотя вовсе не знали порядка дѣлопроизводства и самыхъ простыхъ канцелярскихъ правилъ, но никогда меня не обманывали и все исполняли добросовѣстно. Но когда въ округахъ все устроилось и установился возможный порядокъ, къ нашему губернатору въ Тульчѣ начали являться разныя личности съ просьбами дать имъ мѣста; губернаторъ, по своей безграничной добротѣ и деликатности, не могъ отказывать, и чтобы поскорѣе отъ нихъ отдѣлываться, давалъ имъ рекомендацельныя письма къ начальникамъ округовъ, предлагая давать имъ должность, какъ лицамъ, хорошо ему извѣстнымъ. Одинъ изъ такихъ проходимцевъ пріѣхалъ ко мнѣ, рассчитывая быть полицеймейстеромъ въ Сулинѣ вмѣсто моего полицеймейстера Дульчери, на котораго поступили къ губернатору жалобы отъ консуловъ, что полицеймейстеръ слишкомъ высокомерно держитъ себя передъ ними. Прибывшій господинъ заявилъ мнѣ, что онъ назначенъ полицеймейстеромъ въ Сулинѣ, и что завтра онъ долженъ вступить въ исполненіе этой должности. Я сказалъ ему, что не имѣю еще отъ губернатора никакого о немъ распоряженія и что, вообще, онъ вступить въ должность только тогда, когда я объявлю о томъ въ приказѣ по управленію; при этомъ я потребовалъ отъ него документы—кто онъ такой и откуда пріѣхалъ. Онъ весьма нахально отвѣтилъ мнѣ, что кто онъ такой—извѣстно губернатору, а откуда пріѣхалъ—доставитъ свѣдѣнія завтра. Между тѣмъ онъ успѣлъ уже обѣгать трактиры и лавки и объявилъ, что онъ новый полицеймейстеръ, что онъ заведетъ новые порядки и повернетъ все по-своему. Согласно его заявленію о выѣздѣ его изъ какого-то города и о томъ, что тамъ ему и его женѣ были самые сердечные проводы, я туда телеграфировалъ и получилъ отвѣтъ, что лицо съ такою фамиліею въ городѣ неизвѣстно, и что никакихъ проводовъ давно уже не было; между тѣмъ я узналъ, что онъ успѣлъ уже въ городѣ забрать отъ нѣкоторыхъ купцовъ вѣ долгъ разные товары и, вообще, зарекомендовалъ себя личностью крайне сомнительною. Я немедленно потре-

бывалъ его и, сказавъ, что полицейместеромъ онъ не будетъ, совѣтовалъ ему забрать свое семейство и завтра же на отходящемъ пароходѣ выѣхать изъ города, прибавивъ, что мѣсто на пароходѣ будетъ дано ему по моему распоряженію. Такимъ образомъ я спровадилъ эту личность, и куда онъ потомъ дѣвался, никто не зналъ и не слыхалъ. Послѣ прелиминарнаго договора въ Сулинѣ начали свободно приходять разные суда: греческія, англійскія, американскія, французскія и другія, а также и пассажирскія изъ Константинополя, направляясь съ товарами въ Галацъ. Незначительная часть разныхъ заграничныхъ товаровъ сдавалась лавочникамъ въ Сулинѣ безошлинно, такъ какъ, вообще, учреждать пограничную стражу я не имѣлъ средствъ, тѣмъ болѣе, что, по собраннѣ мною свѣдѣніямъ, пошлина могла быть весьма небольшая и не покрывала бы расходовъ на содержаніе стражи. Существовала въ Сулинѣ такъ называемая европейская коммиссія, управляемая англичаниномъ инженеромъ Кюльцъ, составляла отдѣльный превосходно устроенный городокъ, не имѣвшій ничего общаго съ городомъ, вѣдала полновластно портомъ, устраивала молъ, углубляла и расчищала Дунай (Сулинское гирло). Въ виду того, что приходящія въ портъ суда имѣли постоянное отношеніе ко мнѣ, какъ начальнику портового города, я счелъ долгомъ познакомиться съ управляющимъ коммиссіей, инженеромъ Кюльцъ. Принялъ онъ меня чрезвычайно любезно, весьма порядочно говорилъ по-русски, предложилъ мнѣ пользоваться во всякое время коммиссейскими пароходиками. Въ огромныхъ зданіяхъ коммиссии были прекрасныя помѣщенія для всѣхъ служащихъ, роскошный залъ для засѣданій и нѣсколько хорошо обставленныхъ свободныхъ комнатъ, которыми инженеръ Кюльцъ предложилъ мнѣ пользоваться въ случаѣ пріѣзда кого-либо изъ высокопоставленныхъ лицъ. Состоящій при коммиссии пилотъ (лоцманъ), по сигналамъ на устроенныхъ коммиссіей маякахъ, отправлялся въ море встрѣчать суда и показывать имъ проходимый путь по Дунаю; выходящія въ море суда провожались имъ тоже также до извѣстнаго мѣста; при коммиссии находился особый врачъ и, вообще, все необходимое и нужное для благоустроеннаго учрежденія.

Въ городѣ по возможности все успокоилось и приступило къ мирной жизни, хотя, вслѣдствіе разныхъ распускаемыхъ въ городѣ слуховъ и огромнаго числа пришлыхъ рабочихъ (грековъ, турокъ, румынъ, армянъ), наряжались усиленные отъ войскъ патрули и обходы; поэтому особенныхъ буйствъ и насилій въ городѣ не бывало. Пассажирскіе пароходы приходили въ Сулинѣ въ 4 часа утра, и съ этого часа всѣ служащіе и полицеймейстеръ были на ногахъ, встрѣчали пароходы и давали установленные имъ пропуски. Нѣ-

сколько разъ посѣщалъ Сулинъ начальникъ южно-дунайскаго отряда генераль-лейтенантъ Веревкинъ, штабъ котораго находился тогда въ Тульчѣ. Генераль Веревкинъ неоднократно выражалъ мнѣ удовольствіе, что Сулинъ, недавно имъ бомбардированный, представляетъ теперь изъ себя благоустроенный городъ съ городскими и казенными учрежденіями, гостиницами, магазинами и лавками. Пріѣзжалъ также въ Сулинъ начальникъ военныхъ сообщеній генераль-адъютантъ Дрентельнъ, Императорскій комиссаръ князь Дондуковъ-Корсаковъ также, проѣздомъ, былъ въ Сулинѣ, обходилъ всѣ городскія улицы, осматривалъ европейскую комиссію, но, по случаю кратковременной остановки, не воспользовался предложеннымъ ему помѣщеніемъ въ европейской комиссіи. Когда стало извѣстно, что вся Добруджа и, конечно, Сулинъ будутъ принадлежать румынамъ, въ Сулинѣ командированъ былъ болгаринъ, докторъ Минчевичъ, для временнаго управленія, вмѣсто меня, округомъ, такъ какъ болгаринъ этотъ заявилъ желаніе служить въ своей странѣ и хотѣлъ узнать хоть что-нибудь о предстоящей въ освобождаемой Болгаріи дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ, приказомъ управляющаго внутреннимъ отдѣломъ Болгаріи, генерала Грессера, я былъ назначенъ начальникомъ Ломпаланкскаго округа.

Во время службы моей въ Сулинѣ мною были образованы и устроены: окружное (полицейское) управленіе въ составѣ секретаря, 2-хъ переводчиковъ, полицеймейстера и писца; карантинное управленіе для взиманія пошлинъ съ проходящихъ судовъ; судебное учрежденіе для разбирательства дѣлъ по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; управительный совѣтъ (въ родѣ городской управы) въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ по выбору; касса (въ родѣ казначейства), управляемая кассиромъ по выбору; изданы правила о вымычѣ въ с. Кедрлесъ для взиманія пошлины за продаваемую рыбу и икру; о порядкѣ содержанія арестованныхъ; объ аукціонной продажѣ имущества по разнымъ случаямъ; объ исполненіи натуральной квартирной повинности; объ установленіи базарныхъ дѣяъ на главные припасы; о сборахъ съ трактирныхъ заведеній, гостиницъ и питейныхъ домовъ за право продажи водки и вина; объ охраненіи оставшихся турецкихъ зданій и имущества; велись списки лицъ, съ которыхъ взыскивались денежные штрафы, съ поясненіемъ причинъ и суммы взысканій; списки пріѣзжающихъ въ Сулинъ по разнымъ случаямъ: списки лицъ, коимъ выдавались паспорта и т. д. По сдачѣ преемнику моему дѣлъ и книгъ по описи и денегъ въ казначействѣ, около 700 руб., на текущіе расходы, я посѣщилъ выѣхать на пассажирскомъ пароходѣ черезъ Галацъ и Русчукъ въ Видинъ, гдѣ и пред-

ставился тамошнему губернатору Тухолкъ; здѣсь же познакомился я и съ бывшимъ видинскимъ вице-губернаторомъ Петко Каравеловымъ, извѣстнымъ впослѣдствіи виднымъ дѣятелемъ въ Болгаріи. Встрѣчаясь затѣмъ въ Видинѣ и Ломпаланкѣ съ Каравеловымъ, я никакъ не могъ предполагать, что со мной говорить будущій болгарскій министръ, энергичный и дѣятельный администраторъ: онъ казался мнѣ крайне тихимъ, скромнымъ и неразговорчивымъ. Во время пріѣзда въ Ломпаланку онъ бывалъ у меня, обѣдалъ, казался мнѣ добрымъ и симпатичнымъ, хотя и былъ неразговорчивъ. Я часто говорилъ ему, что мы скоро уѣдемъ изъ Болгаріи, и что ему придется занять какую-нибудь должность, и потому совѣтовалъ ему знакомиться по возможности чаще съ дѣлопроизводствомъ въ губернаторской канцеляріи. — Временно-исправлявшій въ Ломпаланкѣ должность начальника округа, очень дѣятельный и разумный офицеръ капитанъ С., несмотря на пребываніе свое въ Ломпаланкѣ менѣе мѣсяца, разобралъ всѣ бумаги, распредѣлилъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, образовалъ изъ нихъ дѣла, сдѣлалъ описи и приказалъ внести во входящій и исходящій журналы, такъ какъ этого канцелярскаго порядка до него почему-то не соблюдалось. Въ канцеляріи были два писца, совершенно незнакомые съ дѣлопроизводствомъ и вообще съ перепиской на русскомъ языкѣ. Управительный совѣтъ, въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, распоряжался хозяйственными дѣлами по своему усмотрѣнію, безъ соблюденія требуемыхъ канцелярскихъ правилъ и аккуратныхъ отчетовъ. Всю канцелярію я принялъ въ свое вѣдѣніе и приказалъ писцамъ только вести входящія и исходящія журналы и переписывать составляемыя мною бумаги. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ совершенно неожиданно ко мнѣ изъ Сулина Рашковъ, бывшій тамъ при мнѣ мировымъ судьей, и я въ тотъ же день назначилъ его секретаремъ и мировымъ судьей, такъ какъ онъ былъ даже знакомъ съ этимъ дѣломъ и хорошо писалъ по-русски и болгарски. Сосчитавъ наличную сумму въ кассѣ, я, для выясненія, какал должна быть сумма къ данному числу налицо, потребовалъ отъ предсѣдателя оправдывающіе приходъ и расходъ денегъ документы. Къ сожалѣнію, документовъ этихъ отыскать никакъ не могли, и хотя они и были въ свое время, но члены не знали, что ихъ нужно было хранить при книгахъ навсегда. Я приказалъ всѣ приходные и расходные документы хранить съ этого времени при книгѣ и въ концѣ мѣсяца сшивать ихъ въ хронологическомъ порядкѣ отдѣльно приходные и отдѣльно расходные, и показывать всегда мнѣ при повѣркѣ мною суммъ. Очень мнѣ трудно было установить порядокъ въ управительномъ совѣтѣ, такъ какъ до моего прибытія

этому учрежденію предоставлена была полная свобода ничегонедѣланія.

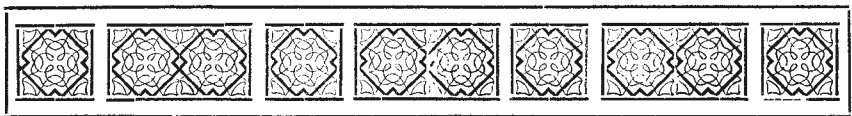
Черезъ недѣлю послѣ вступленія моего въ должность пріѣхалъ въ Ломпаланку изъ Софіи чиновникъ Ещенко, командированный управляющимъ финансовымъ отдѣломъ Болгаріи (министръ финансовъ) провѣрить дѣлопроизводство по денежной части въ городахъ и опредѣлить затѣмъ наличное состояніе суммъ. Чиновникъ Е. трудился усиленно нѣсколько дней и, не отыскавъ оправдывающихъ приходъ и расходъ документовъ, вынужденъ былъ оказавшуюся при его повѣркѣ сумму записать отдѣльною статьею по книгѣ и съ того времени начать правильно вносить въ книгу поступающія суммы и выписывать въ расходъ выдаваемыя; онъ просилъ меня представлять денежную вѣдомость такъ, какъ будто прежнихъ приходовъ и расходовъ не было, т. е. началомъ денежнаго отчета считать день опредѣленія чиновникомъ Е. Суммы, оказавшіяся при его ревизіи налицо, доказывали, что злоупотребленій въ денежныхъ дѣлахъ не было, вся же путаница происходила отъ того, что члены, выбранные изъ простыхъ нигдѣ неслужившихъ болгаръ, не имѣли никакого понятія о существующихъ кассовыхъ правилахъ и никто ими не руководилъ съ самаго открытія управленія. По словамъ чиновника во многихъ другихъ городахъ, гдѣ ревизовалъ онъ кассы и гдѣ управительные совѣты изъ болгаръ распоряжались хозяйственными и денежными дѣлами полновластно, онъ нашелъ такую путаницу въ отчетахъ и точно такъ же долженъ былъ приказать вести книгу и отчетъ, начиная съ оказавшейся налицо при ревизіи суммы. Вслѣдствіе того, что въ Ломпаланкѣ имѣлись пристани и въ виду большого количества привозимыхъ въ Болгарію изъ-за границы товаровъ, здѣсь находился австрійскій агентъ, онъ продолжалъ взимать пошлины со всѣхъ привозимыхъ товаровъ, всѣ товары по снятіи съ пароходовъ складывались въ особомъ при австрійскомъ агентствѣ помѣщеніи, осматривались агентомъ и, по внесеніи пошлины, возвращались владѣльцамъ товаровъ. Наша таможенная часть учреждена была также въ Ломпаланкѣ, по распоряженію видинскаго губернатора, завѣдывалъ ею особый человекъ и давалъ отчетъ прямо губернатору; какія взималъ онъ пошлины съ товаровъ и почему взималъ также и чиновникъ отъ австрійскаго правительства, я могъ знать только изъ одного любопытства, такъ какъ это было особое губернское распоряженіе, до котораго начальникъ округа никакихъ отношеній не имѣлъ. Тѣмъ не менѣе чиновникъ этотъ явился ко мнѣ и доложилъ, что онъ управляетъ недавно учрежденною таможенною частью и, на основаніи данной ему инструкціи, доставляетъ отчетъ и суммы, собранныя съ това-

ровъ, въ видинское правленіе. Исправленіе въ городѣ и округѣ дорогъ и устройство мостовъ производилось также по распоряженію губернатора особо командированными специалистами, которые имѣли отношеніе къ начальнику округа только въ томъ, что съ записками отъ губернатора приходили въ управительный совѣтъ получать деньги на покупку матеріаловъ для мостовъ, а по окончаніи работъ—условленную за исполненіе работъ сумму. Словомъ, отъ начальника округа требовалась только одна полицейская часть. Въ виду того исключительнаго положенія, что въ Болгаріи не было еще людей, которымъ возможно было бы поручать самостоятельно распоряжаться, казалось бы, что начальникъ округа долженъ бы быть полнымъ хозяиномъ въ округѣ и на первое время отвѣтственнымъ исполнителемъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій. Управительный совѣтъ, составленный изъ болгаръ, не знающихъ, для чего совѣтъ учрежденъ, не понимающихъ, съ чего начать и какъ дѣйствовать въ совѣтѣ, ничего не дѣлалъ. При такихъ условіяхъ и должна была, несомнѣнно, образоваться путаница въ хозяйственныхъ денежныхъ дѣлахъ, обнаруженная при ревизіи суммъ и дѣлъ чиновникомъ Е. Болгары очень любятъ жаловаться и обращаться съ просьбами, и я, по вступленіи въ должность, засталъ въ канцеляріи 2-хъ юныхъ писцовъ, обязанность которыхъ состояла въ сочиненіи прошеній отъ жителей въ такомъ родѣ: Петко Тихчевъ взялъ у меня 10 франковъ и не отдаетъ. За каждое такое сочиненіе юноши получали по полфранка и менѣе; сочинялось прошеній около 50 штукъ ежедневно. Находить виновныхъ по такимъ прошеніямъ было чрезвычайно трудно, а между тѣмъ нужно было читать ихъ, заносить въ журналъ и дѣлать распоряженія. Я приказалъ напечатать на счетъ канцелярскихъ суммъ бланки, въ которыхъ прописывалось бы: имя, отчество и фамилія истца и отвѣтчика, мѣсто ихъ жительства (№ дома и улица) и чѣмъ они занимаются; сущность жалобы, имѣетъ ли росписку или видѣлъ ли кто, какъ онъ давалъ деньги. Затѣмъ я поручалъ переводчику, онъ же и писецъ, производить дознаніе и переводить дѣло мнѣ для назначенія разбирательства мировыхъ судей. Большинство жалобъ оказывались при разбирательствѣ ложными или недоказанными и потому оставались безъ послѣдствій, а затѣмъ и значительно сократились. Въ городѣ, по распоряженію бывшаго начальника округа, была проведена прямая къ пристани дорога, и устроенъ порядочный городской садъ, для чего потребовалось снести оставленные турецкіе дома и очистить мѣстность; отдѣланъ былъ хорошій и довольно просторный домъ для предполагавшейся школы, и, вообще, городу приданъ былъ видъ довольно благообразный. Въ

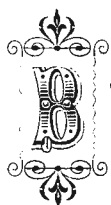
скоромъ времени ожидался прїѣздъ въ Ломпаланку императорскаго комиссара князя Дондукова-Корсакова вмѣстѣ съ управляющимъ внутреннимъ отдѣломъ, генераломъ Грессеромъ. Болгары непритворно радовались встрѣтить высокихъ гостей, такъ какъ они мечтали видѣть князя Дондукова-Корсакова своимъ княземъ; обставили въѣздъ его въ городъ торжественно, устроили арки при въѣздѣ и по срединѣ города съ надписью: „Здравствуй, княже нашъ!“ Многочисленная депутація отъ городскихъ и сельскихъ жителей привѣтствовала князя, съ губернаторомъ Тухолкой и вице-губернаторомъ Каравеловымъ во главѣ. Князь Дондуковъ-Корсаковъ, хотя и остался очень доволенъ такимъ привѣтствіемъ, но сказалъ мнѣ затѣмъ между прочимъ: „не велите на будущее время устраивать подобныхъ встрѣчъ и не вводите жителей въ такіе лишніе и совершенно ненужные расходы“. Черезъ нѣсколько дней высокіе гости возвратили опять въ Ломпаланку и прослѣдовали далѣе на лошадяхъ въ Софію. Представляясь генералу Грессеру, я доложилъ ему, что я въ Болгаріи болѣе полутора года, вводилъ гражданское управленіе въ трехъ городахъ, и потому просилъ откомандировать меня въ полкъ. Генераль Грессеръ охотно согласился исполнить мою просьбу, вспомявъ при этомъ, какъ мы съ нимъ, въ оберъ-офицерскихъ еще чинахъ, участвовали въ экспедиціи на Кавказѣ противъ горцевъ въ 1857-мъ году при разореніи дидойскаго аула Хибія. По прибытіи генерала Грессера въ Софію, послѣдовалъ въ скоромъ времени приказъ о моемъ откомандированіи и назначеніи вмѣсто меня другого офицера; губернаторъ Тухолка, еще до моего отъѣзда, уѣхалъ совсѣмъ въ Россію, и вмѣсто его прїѣхалъ временно исправлять должность губернатора въ видинскомъ санджакѣ г. Цѣнинъ, бывшій въ Россіи мировымъ судьей, а въ Болгаріи состоявшій, кажется, при управляющемъ внутреннимъ отдѣломъ въ Софіи. Г. Цѣнина я встрѣтилъ въ Ломпаланкѣ и заявилъ ему, что я кончаю уже свою обязанность и, по прїѣздѣ моего преемника, долженъ буду ожидать распоряженія о сдачѣ ему должности и объ отъѣздѣ къ мѣсту постоянного своего служенія. Затѣмъ, сдавъ все прибывшему майору К., я уѣхалъ въ Видинъ проститься и потомъ отправился на пароходѣ по Дунаю черезъ Вѣну въ Петербургъ, разставшись съ Болгаріей навсегда. За службу по введенію гражданского управленія въ Болгаріи, я былъ произведенъ въ полковники еще до отъѣзда моего изъ Болгаріи и затѣмъ, по прибытіи въ полкъ, черезъ три мѣсяца, былъ назначенъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ высшаго разряда.

М. Костырко.

Къ 150 лѣтней годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 августа 1758 года.

Въ провинціи Бранденбургъ, въ 9 километрахъ къ сѣверу отъ Кюстрина, по желѣзно-дорожной линіи на Старгардъ, находится незначительная станція Вилькерсдорфъ-Цорндорфъ, у мѣстечка Цорндорфъ.

Здѣсь, на окрестныхъ поляхъ, 150 лѣтъ тому назадъ, 14 августа 1758 года произошло кровопролитное сраженіе между русскими войсками, бывшими подъ общею командою графа Фермора, и пруссаками, коими лично предводительствовалъ король Фридрихъ II.

Д. Масловскій въ своемъ замѣчательномъ военно-историческомъ трудѣ „Русская армія въ 7-ми лѣтнюю войну“, описывая это сраженіе, далъ слѣдующій отзывъ о немъ: „Цорндорфъ былъ боевою пробою для русской пѣхоты, выдержанной ею (не смотря на разные недочеты) въ общемъ съ блестящимъ успѣхомъ“ ¹⁾. Хотя Цорндорфская битва и была въ сущности не рѣшительною для обѣихъ сторонъ ²⁾, тѣмъ не менѣе поле сраженія все же осталось въ рукахъ русскихъ войскъ, несмотря на весьма значительныя ихъ потери ³⁾.

Не касаясь описанія хода сраженія и его послѣдствій, вполнѣ

¹⁾ „Русская армія въ 7-ми лѣт. войну“. Д. Масловскій. Вып. II, гл. VI, стр. 281. (Изд. 1888 г.).

²⁾ Авторъ того же труда считаетъ Цорндорфскій бой преднамѣреннымъ, гдѣ обѣ стороны заранее готовились одержать побѣду. (Вып. II, глава VI, стр. 276).

³⁾ Тамъ же; стр. 260.

обстоятельно и талантливо изложенныхъ въ упомянутомъ капитальномъ трудѣ Д. Масловскаго по ряду сочиненій о 7 лѣтней войнѣ и, въ особенности, архивнымъ документальнымъ даннымъ, ограничимся лишь свѣдѣніями о потеряхъ, понесенныхъ обѣими сторонами въ Цорндорфскомъ бою; такъ, изъ общаго состава нашей тамъ арміи въ 44.045 чел. было убито и пропало безъ вѣсти—10.886 чел., ранено (считая и легко раненыхъ, оставшихся въ строю) — 12.788, а всего 22.674 чел., т. е. 50% состава. Пруссаки потеряли 11.385 человекъ ¹⁾.

По окончаніи боя, передъ фронтомъ нашихъ войскъ, на полѣ битвы былъ отслуженъ благодарственный молебенъ ²⁾.

Не вполне удачный для русскихъ войскъ исходъ сраженія при Цорндорфѣ былъ причиною замѣны, спустя нѣкоторое время, Фермора ³⁾ графомъ Салтыковымъ, подъ предводительствомъ коего нашею арміею спустя годъ одержаны были дѣйствительно двѣ блестящихъ побѣды надъ пруссаками—при Пальцигѣ (12 іюля 1759 г.) и, въ особенности, при Кунерсдорфѣ (1 августа 1749) ⁴⁾, при чемъ въ этомъ послѣднемъ сраженіи прусскою арміею также лично командовалъ Фридрихъ Великій.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ Цорндорфа, нынѣ на мѣстности бывшей тамъ 150 лѣтъ тому назадъ битвы, нѣтъ уже ни-

¹⁾ Тамъ же; стр. 265.

²⁾ Тамъ же; стр. 263.

³⁾ Во время сраженія графъ Ферморъ съ свитою удалился въ Кундорфъ, и управленіе боемъ перешло въ руки частныхъ начальниковъ (стр. 254). Между прочимъ, въ реляціи его о Цорндорфскомъ сраженіи сказано въ заключеніе слѣдующее: „Я не въ состояніи Вашему Императорскому Величеству о поступкахъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и солдатъ довольно описать и еще бы солдаты во все время своимъ офицерамъ послушны были, и вина потаенно сверху одной чарки, которую для ободренія выдать велѣно, не пили, то бы можно такую совершенную побѣду надъ непріателемъ получить, каковая желательна“. (Тамъ же, стр. 268). Въ Прил. XVI къ гл. II (стр. 58) своего труда, Д. Масловскій замѣчаетъ, что „пьянству и грабежу солдатъ въ Цорндорфскомъ бою дано Ферморомъ чрезмѣрно преувеличенное и умышленно невѣрное значеніе“.

Рескриптъ отъ 2 сентября 1758 года по поводу этого былъ сухой и кромѣ похвалы за храбрость, оказанную войсками, главнымъ образомъ былъ переполненъ самыми тяжкими упреками за исходъ сраженія. (Тамъ же, стр. 270).

⁴⁾ Въ этомъ сраженіи принимали участіе съ нашей стороны и австрійскія войска, но ихъ было сравнительно немного, а именно около 18½ тысячъ. Тамъ же, вып. III, глава II, стр. 107.

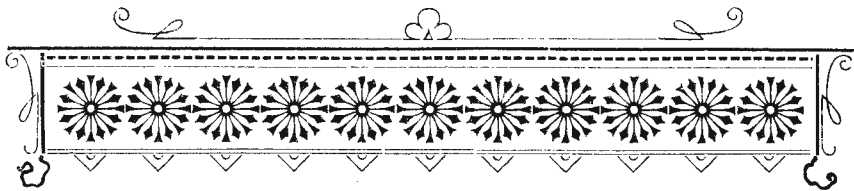
какихъ слѣдовъ ея, нѣтъ и русскаго памятника, а есть лишь довольно скромный и, повидимому, запущенный „прусскій“ памятникъ ¹⁾, въ видѣ обелиска, съ слѣдующею на немъ лаконическою надписью: „здѣсь стоялъ Фридрихъ Великій 25 августа 1758 г.“. (Hier stand Friedrich der Grosse am 25 August 1758).

Сообщилъ Л. Драке.

---

¹⁾ Въ полученномъ нами письмѣ изъ Цорндорфа 13 апрѣля сего года сказано слѣдующее: „Auf dem Schlachtfelde bei Zorndorf vom 7 jährigen Kriege keine Folgen mehr zu sehen sind. Es sind keine Batterien, Curganen, Grabmähle, Grabsteine u. s. w. vorhanden. Auf dem Schlachtfelde ist ein preussisches Denkmal aufgestellt. Ein russisches Denkmal ist nicht vorhanden“.

Поѣздка изъ С.-Петербурга въ Стокгольмъ на пароходѣ „Александрія“ въ 1838 году.

Посвящено лицейскимъ товарищамъ.

Вы хотите, друзья мои, чтобы я вамъ подробно описалъ путешествіе мое изъ Петербурга въ Стокгольмъ. Охотно исполняю ваше желаніе, не зная: вполнѣ ли удовлетворю вашему любопытству. Предъ вами выписки изъ моего журнала—слушайте или читайте:

I.

28 мая 1838. Крѣпость Ваксгольмъ.

Могъ ли я когда-нибудь думать, что такъ скоро, такъ неожиданно осуществится моя любимѣйшая мечта? Была пора, когда меня восхищала мысль, что современемъ золотыя эполеты украсятъ мои плечи, что бѣлый султанъ разовьется надъ моей головой.... но это время уходило; разсудокъ мой укрѣплялся въ силахъ; мысли становились свѣтлѣе и свѣтлѣе, и блескъ заманчивыхъ эполетъ начиналъ уже тускнѣть въ моихъ глазахъ. Тысячи новыхъ желаній по очереди тревожили мою юную душу, замѣняя прежнія ребяческія мечты. — Я хотѣлъ быть путешественникомъ. Я жаждалъ видѣть море... и вотъ оно—передо мной, за мной и подо мною!.. Стихія, доселѣ мнѣ незнакомая, доселѣ страшная мнѣ, внушила тысячу новыхъ восторговъ моей алчущей душѣ, оставила неизгладимое впечатлѣніе на воображеніи моемъ. Проплывъ пространство отъ нашей сѣверной столицы до дикихъ скалъ Скандинавскаго полуострова, я съ жадностью ищу теперь воспоминаній въ моей памяти.

Назначенный состоять при свиты Его Величества контръ-адмиралъ Р. К., отправлявшемся съ пароходами „Александрія“ и „Надежда“, для принятія у стокгольмскихъ шхеръ Ихъ Высочествъ

Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей, я не заставилъ себя долго дожидаться. Въ два дня у меня было все уже готово. Чемоданъ наполненъ, паспортъ въ рукахъ, Бердовъ пароходъ дымится у Англійской набережной. Чего долго думать? Безъ прощаній, оханій и слезъ—маршъ на палубу, и

Неси меня, корабль, носи къ предѣламъ дальнимъ,
По грозной прихоти обманчивыхъ морей...

Пассажировъ было очень немного на пароходѣ. Нѣсколько морскихъ офицеровъ, два или три Джонъ Буля съ сигарами во рту и вѣчнымъ Good на языкѣ, да три или четыре купчика съ кудрявыми бородками. Изъ прекраснаго пола я замѣтилъ только... ну да что мнѣ до него! Можно себя представить, какъ мнѣ было скучно идти въ Кронштадтъ.

Погода стояла тихая и ясная. Зеркальная равнина воды, недавно еще загрязненная льдами, разстилалась на широкомъ пространствѣ чистою голубою пеленою, бороздясь только тамъ, гдѣ плылъ пароходъ — эта парящая мысль гениальности вашего времени!

Со мною были ирландскія мелодіи Томаса Мура. Читая ихъ, я то гулялъ на палубѣ, то уходилъ въ каюту. Повсюду безжизненность и тишина. Флотскій офицеръ, разговаривая, какъ кажется, громко съ какою-то фигуркою de joli minois, своимъ краснорѣчіемъ, безъ сомнѣнія, пылкимъ и страстнымъ, не прерывалъ даже шума колесъ, монотонно хлеставшихъ синюю воду.

На пароходѣ было одно лицо, весьма замѣчательное для меня. Я не обратилъ бы на него вниманія, если бы не услышалъ словъ: *I was born in Strain throught up in England...* Я обернулся и что же? Это говорилъ инженерный полковникъ нашей службы со Станиславомъ на шеѣ. Такое признаніе заставило меня послушать далѣе. Онъ разговаривалъ съ англичанами, которые только-что передъ тѣмъ, по выговору полковника, удивлялись способности русскихъ говорить по-англійски. Узнавъ однако, что полковникъ былъ испанецъ, Джонъ Були не отказались отъ своего замѣчанія, а повторили его съ прибавкою, что не только англійскій, но вообще всѣ языки *покорилися* русскимъ. Это чрезвычайно щекотало мое самолюбіе. Я сто разъ порывался подтвердить ихъ замѣчаніе дѣломъ.... но робость и самолюбіе, очень часто встрѣчающіяся между собою, обыкновенно мѣшаютъ другъ другу.

Мы прибыли въ Кронштадтъ послѣ 3-хъ часовъ плаванія. Отыскавъ М-е Stuart, знаменитую трактирщицу, и занявъ у нея 10-й номеръ, я спокойно предался объятіямъ Морфея.

„На новомъ мѣстѣ худо спится“ — старинное наблюденіе, а потому-то мнѣ и не удивительно показалось, что, проснувшись, по-видимому, послѣ долгаго сна, я услышалъ стукъ 6 часовъ.

Время было чудесное. Я бродилъ по городу. Въ восемь часовъ отправился отыскивать к.-ад. К—а. Языкъ до Кіева доводитъ, — въ Кронштадтѣ же и безъ него не заблудишься. Впрочемъ я промаршировалъ добрыя двѣ версты, пока не нашель дома, гдѣ живетъ адмиралъ. Онъ еще спалъ. Я пошелъ далѣе на военную гавань—взглянуть, что дѣлаетъ пароходъ „Александриѣ“; игрушкой убранный, раззолоченный, какъ храмъ, онъ скромно любовался своею красотою въ свѣтломъ зеркалѣ воды. Все было тихо на „Александриѣ“, — никто не шевелился. Посмотрѣвъ, полюбовавшись на ту игрушку, которой я ввѣрялъ свою судьбу, и не замѣтивъ никакихъ приготовленій къ походу, я возвратился въ домъ Р.-К—ва ¹⁾, ожидая навѣрное застать его проснувшимся.

Такъ и случилось. Адмиралъ сидѣлъ уже за чайнымъ столикомъ. Прекрасная и премилая дама, супруга Р.-К—а разливала чай. Онъ меня представилъ ей. Раскланявшись онѣгински и извинясь, что по-походному явился въ сюртукѣ, я пододвинулъ стулъ и сѣлъ между супругами. Разговоръ нашъ переливался изъ предмета въ предметъ, какъ чай изъ чайника въ чашки. Мы долго бесѣдовали о лицахъ намъ обоимъ знакомыхъ. Живой, рѣшительный и бойкій разговоръ адмирала мнѣ чрезвычайно понравился. Я не люблю этого чопорнаго жеманства, которымъ думаютъ щеголять наши знаменитые краснобаи.

Адмиралъ объявилъ мнѣ, что пароходъ отойдетъ въ среду ночью или въ четвертъ поутру. Что дѣлать три дня въ Кронштадтѣ? Какъ убить время? Я побрелъ въ Лѣтній садъ. Кто былъ въ Кронштадтѣ, тотъ, конечно, знаетъ, что такое Лѣтній садъ; для того же, кто не былъ, не стоитъ и описывать его.

Однако двѣ вещи въ саду привлекли мое вниманіе и тысячу разныхъ думъ навѣяли на мою душу. Это бюстъ Петра Великаго—великаго во всемъ, и памятникъ мичману Домашенкѣ, принесшему себя въ жертву, спасая матроса.

Достойный морякъ сей, видя погибавшаго товарища, который тщетно боролся съ грозною волною, бросился къ нему на помощь — и жадное море поглотило ихъ обоихъ! Благородный подвигъ самоотверженія имѣеть необъятное вліяніе на душу человѣка. Не зная лица, чувствуешь неволью какое-то благоговѣніе къ нему. „Судьба твоя, Домашенко“, подумалъ я, глядя на простой памятникъ,

¹⁾ Надо полагать. Римскаго-Корсакова.

сооруженный офицерами корабля „Азова“ въ честь достохвальнаго поступка ихъ товарища: „судьба твоя печальна, но незабвенный подвигъ твой купилъ тебѣ неувядаемый, хотя терновый вѣнецъ. Если у подножія бюста Петра Великаго душа моя, обятая мыслию о гениальности, трепещетъ, чувствуя свое ничтожество, и я смиренно преклоняю колѣно передъ отцомъ отечества, — убогій памятникъ твой, Домашенко, рождая мысль о человѣколюбіи и самоотверженіи, отрадно умиляетъ душу: сердце сильно бьется въ груди моей; я постигаю ту минуту, когда, презрѣвъ опасность и движимый любовью къ брату, ты бросился въ пучину моря спасать несчастнаго. Какъ свѣтелъ былъ твой взоръ! Какъ радостно ты шелъ на битву съ грозными волнами! Двѣ смерти стали предъ тобою, и ты не устранился... но часъ твой пробилъ, ты погибъ подъ гнетомъ разъяренныхъ волнъ! Конецъ достойный моряка! . . . . .

...Пробилъ обѣденный часъ, и я отправился къ М-е Стюартъ обѣдать. За столомъ, хотя незатѣйливымъ, но дешевымъ, насъ сидѣло человѣкъ десять. Нечаянно я сѣлъ подлѣ испанца. Ни онъ, ни я не знаемъ Кронштадта. Служа 17 лѣтъ въ Россіи, онъ только два раза былъ въ Кронштадтѣ. — Я же, постоянный житель Петербурга, рѣдко выѣзжалъ изъ столицы, а потому мы очень скоро познакомились. Милый, словоохотный, съ богатымъ запасомъ разсказовъ, полковникъ занималъ меня въ продолженіе всего обѣда.

По окончаніи скромной трапезы, полковникъ уговорилъ меня идти на купеческую пристань, смотрѣть на иностранные корабли. Ему особенно любопытно было видѣть корабль „Anthoeus“ съ острова Тенерифа, гдѣ жилъ, а можетъ быть и живетъ еще отецъ полковника. Отыскавъ шкипера корабля „Антеуса“, замасленнаго, засмоленнаго англичанина, мы отправились къ нему въ гости.

Я воображалъ, что мнѣ представится нѣчто огромное, изящное, щегольской отдѣлки, и жестоко ошибся, увидѣвъ маленькій кораблишко, нечистый, загроможденный всякой дрянью. И это судно, подумалъ я, пришло съ западныхъ береговъ Африки! Какъ буря пошадилъ его! Шкиперъ Джонъ Бойдъ угостилъ насъ пожатіемъ сальною рукою и tenerifскимъ *brandy*. Я чуть не задохнулся, глотнувъ нѣсколько капель этого вина. Полковникъ же, прилежно осушая стаканъ свой, закусывалъ сухенымъ хлѣбомъ и, слушая разсказы шкипера про tenerifскихъ ихъ знакомыхъ, не думалъ, кажется, о возвращеніи домой. Мнѣ стало душно въ каютѣ; я хотѣлъ выйти, а гостепріимный хозяинъ уговаривалъ меня выпить, *I thank you, I thank you very much. I cannot, this enough, quite*

enough forme“. Только этими фразами могъ кое-какъ отдѣлаться отъ угощеній Джона Бойда.

На слѣдующій день рано утромъ, окончивъ счеты съ толстою М-е Стюартъ, я перебрался на пароходъ „Александрія“. Мнѣ хотѣлось уже поскорѣе въ море. Берегъ начиналъ надоедать мнѣ. Въ Кронштадтѣ, гдѣ на пятомъ шагу встрѣтишь непременно три разные костюма, гдѣ на каждомъ закоулкѣ услышишь Go-d-d или *porter*, я проводилъ большую часть дня въ купеческой гавани. Приходь и уходъ пароходовъ собираетъ туда множество народу. Только на пристани и можно встрѣтить миловидное личико. Въ самомъ же городѣ, кромѣ матросовъ всѣхъ націй и русскихъ флотскихъ офицеровъ, никакая женская головка не показывается.

Командиръ парохода „Александрія“ К. Л. С—ій принялъ меня очень ласково.—Ознакомиться съ людьми не трудно. Сдѣлайте только сами первый шагъ, и потомъ вы будете *своимъ*.

Въ каютъ-кампаниі я нашелъ нѣсколько офицеровъ съ трубками и сигарами въ зубахъ. „Здравствуйте, господа; очень радъ познакомиться и проч. и проч...“ Все это было дѣломъ пяти секундъ—и я, какъ дома.

Мы полагали къ вечеру оставить Кронштадтъ, а между тѣмъ адмиралъ, пригласивъ капитана и меня къ себѣ обѣдать, отложилъ походъ до слѣдующаго утра.

Погода начинала хмуриться. Имѣя надобность размѣнять русскія деньги на голландскіе червонцы, я бѣгалъ по городу, какъ сумасшедшій. Пробыло четыре часа, я поспѣшилъ къ адмиралу. Я пріѣхалъ къ нему, по-прежнему, въ сюртукѣ, полагая обѣдать *en famille*, и какъ удивился, увидѣвъ, что столъ накрытъ парадно. Что бы это значило? И какъ мнѣ быть въ дорожномъ платьѣ? Философія моя о приличіяхъ свѣта кричала подъ ухо: „Ступай отсюда прочь“. Желудокъ же, мудрецъ другого рода, нашептывалъ: „Останься здѣсь — или ты останешься безъ обѣда“. Я не успѣлъ еще примирить двухъ враговъ, какъ Н. П. К—овъ встрѣтилъ меня ласковымъ привѣтомъ и повелъ въ гостиную, гдѣ была м-е К—ва. „Mille et mille excuses, Madame, de mon impolitesse; je n'ai pas cru... je ne savais pas etc etc“. и все, что говорится, и что не говорится въ подобныхъ случаяхъ, поочереды сходило съ моего языка. Добрая, милая хозяйка просила быть безъ церемоніи; я ободрился.

Между тѣмъ гости начинали уже сѣзжаться. Все почти моряки. „Мы сегодня ждемъ къ себѣ молодыхъ“, сказала мнѣ М-е К—ва. Вотъ тебѣ и разъ, подумалъ я.—„Дочь адмирала Р., родственница моя, вышла замужъ за О... Вы, вѣрно, знаете Monsieur

О.“, продолжала хозяйка, вставая съ дивана и поправляя платье, чтобы идти навстрѣчу пріѣхавшимъ дамамъ. Я не отвѣчалъ. Мнѣ было досадно, что я въ сюртукѣ, и еще досаднѣе, что послушался увѣщаній желудка. Бѣжать было поздно. Я просилъ Н. П. извинить меня передъ адмираломъ Р...

Наконецъ зала и гостиная наполнились гостями. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа весь Кронштадтскій *beau monde* шевелился уже около стола. За прекраснымъ и вкуснымъ обѣдомъ разговоръ былъ порою всеобщій, порою раздроблялся на сосѣдей.

Когда все это кончилось, капитанъ парохода и я разсудили за благо убраться восвояси. Ему нужно было приготовиться къ походу, а мнѣ бѣжать отъ упрековъ и осужденій.

На другой день, ровно въ 11 часовъ утра, пароходъ „Александрія“ шумѣлъ уже колесами. Пока мы не вышли за Кронштадтскій рейдъ, — мнѣ все казалось, что я иду не въ далекой путь, а въ Петербургъ или Петергофъ... Но семь выстрѣловъ раздались съ парохода, и отвѣтный салютъ съ крѣпости прогремѣлъ прощальнымъ аккордомъ въ воздухъ—и сердце мое встрепенулось, какъ испуганная птица,—тысячи разныхъ ощущеній охватили меня. Мысли, старыя и новыя, толпою приходили ко мнѣ, какъ тѣ друзья, которые посѣщаютъ насъ только въ минуты необыкновенныхъ случаевъ. Вставъ на козлукъ, я предался, по обыкновению, мечтамъ.

Свершается... Передо мною даль и море — подо мною бездна! Солнце горестно прощалось съ небомъ и землею, закутываясь, какъ стыдливая дѣва въ густое покрывало сѣроватыхъ тучъ. Что предвѣщаетъ намъ это небо?... Что предстоитъ намъ въ грядущемъ?... Какъ совершимъ мы свой путь?... До сего времени воздухъ былъ прекрасенъ и тихъ, небо было чисто, а теперь? Какой-то мракъ поднялся съ запада, и въ небѣ заестрѣли облака, іероглифически начертывая, быть можетъ, нашу участь. Кто разберетъ, что пишется тамъ, выше?

Воображеніе, любящее раздолье, не страшится фантастическаго міра. Ему привольно всюду. Я радостно чертилъ въ воображеніи своемъ всѣ ужасы предстоявшаго плаванія, а накрапывавшій дождь живительно поливалъ мои фантастическіе цвѣты, которые росли съ быстротою подвигавшагося парохода. Даль, которая, можетъ быть, для другихъ ограничивалась видимымъ горизонтомъ, передо мною разстилалась на необъятное пространство.

Какъ грустный Child Harold лорда Байрона, я прощался съ роднымъ берегомъ...

Увижуль васъ, приду ли къ вамъ
 По этимъ сумрачнымъ волнамъ,
 Края мои родные?
 Покинувь васъ впервые,
 Ужели я въ послѣдній разъ
 Смотрю, люблюся на васъ?...

...Подумавъ, что одна только полоса дерева, скрѣпленнаго желѣзомъ, отдѣляетъ меня отъ всепоглощающей бездны; что стоитъ только морю разыгратъ свою дикую страсть, и никакія силы въ мірѣ не спасутъ меня отъ гибели, — я улыбнулся. Но этой улыбки не поняли бы люди. Ею выразилось и сознаніе собственнаго моего ничтожества и вмѣстѣ съ тѣмъ—твердое упованіе на благость Провидѣнія.

Послѣ тихаго, хотя насмурнаго вечера наступила майская ночь, и дождь усиливался замѣтно. Я не могъ идти въ каюту, мечты прогоняли сонъ, а для нихъ нуженъ былъ воздухъ и широкое море!...

Плескъ волны, однообразный шумъ колесъ и легкое, едва замѣтное, хотя чувствительное колебаніе парохода имѣли какое-то таинственное вліяніе на меня. Я прислушивался къ говору моря, мнѣ казалось, что кто-то разговаривалъ со мною. Изрѣдка крикъ вахтеннаго офицера: *средній ходъ, полный ходъ!* — прерывалъ таинственный процессъ моего воображенія. Мало-по-малу исчезали лица съ палубы, все утихало, — наконецъ, я остался почти одинъ. Утомленный напряженіемъ душевныхъ силъ, я спустился въ каюту и бросился на диванъ.

Не долго я спалъ. Въ 5 часовъ утра меня разбудили шумъ и суматоха на пароходѣ. Все суетилось. Мнѣ казалось болѣе жизни на палубѣ, чѣмъ прежде,—за то и небо было мрачно, вѣтеръ еже-часно усиливался, дождь шелъ изобильно. Съ каждою минутою, я замѣчалъ, увеличивалось безпокойствіе капитана и штурмановъ. Колебаніе парохода колебало всю мою внутренность, но еще не укачивало меня. Я могъ думать и размышлять.

— Что же, молодой путешественникъ, спросилъ я себя, любишь ты море? нравятся тебѣ его причуды?...

— Друзья мои, хотите испытать себя, желаете узнать себя вѣрнѣе, безпристрастнѣе—пускайтесь въ море, ищите бурь и въ ту минуту, когда васъ будетъ перебрасывать съ волны на валъ, и вы, подъ свистъ вѣтровъ, подъ грохотъ моря и дикій трескъ снастей, не потеряете разсудка, памяти,—спросите у себя: кто вы?.. О! вѣрьте—волна, какъ въ зеркалѣ, вамъ выкажетъ всю вашу душу!

Не нужно изученій цѣлей жизни, достаточно одной минуты, чтобы познать свое ничтожество. Мысль близкой гибели торжественно предстанетъ вамъ, и въ этомъ буйствѣ моря, въ этой борьбѣ стихій вы услышите знакомую вамъ повѣсть. Вамъ море выскажетъ всѣ ужасы прошедшаго. Передъ вами разрѣшится тайна жизни... Но предайтесь вѣрѣ. Тогда вашъ духъ, покинувъ все земное, свершитъ минутный переходъ въ нагорнее селеніе... Вы увидите, вы достигнете величія Творца; уразумѣете Его премудрость, вы сочтаетесь, такъ сказать, съ природою, и ужасы ея не будутъ страшны вамъ. Тогда вы сами—вы, сынъ земли, очищенный отъ плоти, соедините свой восторгъ съ всемірнымъ гимномъ всей природы!.. Великая минута! но минута... Утихнеть буря, и только страхъ воспоминанія объемлетъ васъ! Минута потому уже, что въ другой разъ свыкаетесь съ сею картиною и хладнокровно, а можетъ быть и равнодушно созерцаете бореніе стихій, какъ вамъ знакомое явленіе!..

Такъ было и со мною. На другой день я посмотрѣлъ на бѣшенство валовъ и очень хладнокровно спросилъ штурманскаго офицера: „Скоро ли пройдемъ мы этомъ плесъ; когда же снова въ шхеры?“...

Простоявъ нѣсколько часовъ на якорѣ, дождавшись парохода „Надежда“, мы пустились далѣе. Знакомыя ¹⁾ мѣста безпрестанно мелькали мимо насъ. Дикая Финляндія всюду выставяла углы своихъ голыхъ скалъ. Какъ мало здѣсь для живописи, зато какъ много для поэзіи!

Время на пароходѣ пролетало быстро. Всегда вмѣстѣ, разговоры наши были общіе. Всѣ мечтали о посѣщеніи Стокгольма, который впрочемъ мы отчаявались видѣть, потому что „Надежда“ была всегда за нами. Раза три мы бросали якорь собственно для нея. Буксируя тяжелый ботъ съ угольями, „Надежда“ отставала отъ насъ—отъ насъ, дѣтей міра сего, привыкшихъ бѣгать за нею.

Плаваніе наше до Свеаборга не было совершенно удачно. Вѣтеръ постоянно дулъ противный. Ночи были дождливыя и холодныя. День царя Константина и Елены, 21 число мая, мы встрѣтили за угломъ дикаго острова, стоя на якорѣ. 21 выстрѣлъ, шампанское за обѣдомъ, тосты за здравіе царя, царицы и милыхъ чадъ ихъ—и долгоденствіе высокому имениннику, провозглашенное общими восклицаніями всѣхъ собесѣдниковъ, ознаменовали этотъ день на пароходѣ.

Вечеромъ слѣдующаго дня мы пустились дальше.

Пробѣгая безпрестанно мимо голыхъ и дикихъ береговъ, а часто

---

¹⁾ Я былъ въ прошедшемъ году въ Финляндіи и возвращался изъ Гельсингфорса въ Петербургъ на чухонской лайбѣ шхерами.

между двухъ выдавшихся изъ воды острововъ, на которыхъ кое-гдѣ пестрѣютъ полуразвалившіяся избушки, я нерѣдко вслухъ удивлялся тѣмъ людямъ, которые, удалясь отъ всего человѣческаго, поселились и живутъ на этихъ камняхъ, не опущенныхъ зеленью, не отѣненныхъ березкою.

— Дайте мнѣ сто милліоновъ, замѣтилъ смѣясь К. С..., и я охотно промѣняю всѣ пышные хоромы лучшей европейской столицы на любой изъ этихъ камней.

— Я съ вами не согласенъ, возразилъ я, также смѣясь. Разберемъ ваше положеніе со ста милліонами на этомъ камнѣ . . . . .

Мы долго разбирали это предложеніе, взятое, конечно, изъ химерической фантазіи, а время между тѣмъ уходило, берега мѣнялись, погода измѣнилась и, наконецъ, величественный Свеаборгъ открылъ намъ свои зубчатые стѣны.

Семь выстрѣловъ съ крѣпости отвѣтствовали на нашъ привѣтъ.

Еще въ прошедшемъ году я былъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ и восхищался столицею Финляндіи. Городъ видимо украшается. Мнѣ представлялось, что я вижу прелестную дѣву, которая купалась въ морѣ и, вышедъ на крутой скалистый берегъ, окуталась въ роскошную пелену, такъ изящно обрисовывающую ея пластическія формы, — вотъ картина Гельсингфорса. Семь братьевъ, грозныхъ видомъ, обнявъ другъ друга, стоятъ поодаль и сторожатъ стыдливость скромной дѣвы—вотъ видъ Свеаборга.

Бросивъ якорь передъ самою крѣпостью, мы, въ катерѣ, отправились на берегъ. На пристани насъ встрѣтила толпа женщинъ, изъ которыхъ я замѣтилъ одну очень хорошенькую. Н. П. К—въ подошелъ къ ней, какъ къ знакомой.

Кто же эта красавица, подумалъ я, съ слѣдами постепеннаго разрушенія на лицѣ. Есть много прекраснаго въ ея чертахъ; глаза горятъ еще алмазнымъ огнемъ, но быстрое движеніе ихъ, безпрестанно бросаемые то въ ту, то въ другую сторону взгляды; потупленіе и возвышеніе очей, которое то открывало черный зрачекъ, то обнаруживало длинныя рѣсницы—все это уже ясно доказываетъ, что природа, уступающая всепокорителю времени, начинаетъ замѣняться искусствомъ, или даже кокетствомъ.

Дѣвушкѣ, какъ мнѣ показалось, не болѣе 24-хъ лѣтъ, но малиновыя губки ея не открывали уже бѣлыхъ, какъ перль, зубовъ.

Я спросилъ Н. П. объ ней.

— О! да это презамѣчательное лицо въ С..., воскликнулъ адмиралъ, совершенно довольный неожиданною встрѣчею. Это-то и есть

золотая рыбка, о которой я вамъ говорилъ. Ужели вы не поражены ея красотой?

— Какъ! Это *золотая рыбка!*—вскричалъ я въ свою очередь. Признаюсь, я ожидалъ бѣльшаго.

Здѣсь кстати разсказать исторію золотой рыбки.

Въ С—гѣ живетъ старикъ булочникъ. У него дочь—красавица. Какимъ образомъ, когда и гдѣ могъ онъ дать ей прекрасное воспитаніе,—никто не знаетъ, а многіе не понимаютъ; только всѣмъ извѣстно, что дочь булочника говоритъ по-французски, играетъ на фортепіано, можетъ быть, поетъ, танцуетъ очень мило и на всѣхъ С—скихъ балахъ является царицей. Флотскіе офицеры, которые зимуютъ въ С—гѣ, уходятъ потомъ въ море безъ ума и сердца. Все это у ногъ *золотой рыбки*—названіе, Богъ знаетъ къѣмъ пожалованное С—кой красавицѣ. Поклонниковъ у нея всегда было цѣлый полкъ. Многіе, влюбляясь не на шутку, искали руки ея и сердца, какъ великаго счастья. Жестокая всѣмъ отказывала. Ее не соблазнили ни пышные княжескіе титула, ни густые генеральскіе эполеты. Повидимому, ни честолюбіе, ни тщеславіе не смѣли касаться зеркальной души этой наяды. Всѣ удивлялись ея особенности: одни приписывали это невинности ея души, на которую соблазны міра не имѣли еще пагубнаго вліянія; другіе же относили это къ дикой горной ея природѣ; третье, наконецъ, въ этомъ упрямствѣ думали видѣть какую-то затаившуюся мечту; а мнѣ кажется, что тутъ просто смѣлая игра юнаго самолюбія съ необычайностью, которой неопытное сердце такъ легко вѣритъ. Золотой рыбкѣ, привыкшей увертываться отъ удочки многихъ ловцовъ, конечно, хочется попасть въ руки какого-нибудь заморскаго принца, лучше тѣхъ, которые являлись. „*Что, если бы*“... О! эта фраза очень заманчива. А потомъ, далѣе, выраженіе—„*да почему же, Боже мой, и нѣтъ?*“—поддерживаетъ нерѣдко юность въ такихъ химерическихъ надеждахъ, что она совершенно запутывается въ построеніи воздушныхъ замковъ и долго сама не можетъ выйти изъ этого лабиринта.

Я думаю, и съ *золотою рыбкою* было то же, пока зеркало ни въ чемъ ея не упрекало. Теперь же, когда природа ея съ каждой весной изобрѣтаетъ новый нарядъ, когда собственное очарованіе мало-по-малу уходитъ и толпа страждущихъ рыцарей съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ,—красавица, безъ сомнѣнія, легче покорится страсти любого поклонника. Стоитъ только явиться какому-нибудь смѣльчаку и даже притворствоваться передъ нею... О! я увѣренъ, что рыбка, нечаянно-ль, нарочно-ль, а попадетъ на удочку.—Въ С. и безъ того поговариваютъ о свадьбѣ купца Т—ва съ золотою рыбкою. Вотъ какіе переходы совершаетъ иногда капризная судьба!

„Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ“ сказалъ Наполеонъ;—отъ пышнаго титла княгини до наименованія купчихи Т. только нѣсколько мѣсяцевъ самонадѣянныхъ мечтаній.

Дѣвушки! Дѣвушки! прошу васъ, умоляю васъ, не будьте золотыми рыбками.—Рыбакъ въ другой разъ не бросаетъ тамъ сѣтей, гдѣ неудаченъ ловъ!..

Разсмотрѣвъ все достойное вниманія въ Гельсингфорсѣ,—городѣ мнѣ уже знакомомъ, сдѣлавъ кое-какія покупки для воспоминанія о поѣздкѣ моремъ,—на другой день вечеромъ мы снялись съ якоря. Время было прекрасное. Лѣто, казалось, наступило.

Разсчитывая по пальцамъ, котораго числа мы можемъ быть у Стокгольма, куда къ 28 числу мая ожидали прибытія ихъ высочествъ великихъ князей—мы начинали уже терять всякую надежду посѣтить столицу Швеціи. Адмиралъ предупредилъ насъ, что онъ самъ рѣшительно не пойдетъ въ Стокгольмъ. Отчаяніе наше было велико, тѣмъ болѣе, что и «Надежда» отставала.

Наступило 25 число. Къ вечеру стали показываться по берегу шведскаго материка телеграфы, что ясно обнаруживало близость столицы.

8 часовъ пробило, и мы повернули за островокъ, за которымъ открылись стѣны крѣпости Ваксгольмъ. «Стопъ машина!» раздалось на палубѣ.—Пары засвистали, пароходъ ослабѣвалъ въ ходѣ, двигался еще прежнею силою. Наконецъ, цѣпь якоря зашумѣла—мы остановились. Семь выстрѣловъ съ парохода и столько же, по обыкновенію, съ крѣпости прогремѣли для насъ безнадежною побывать въ Стокгольмѣ.

— „Кто хочетъ ѣхать въ столицу,—сказалъ адмиралъ,—можетъ, только съ тѣмъ, чтобы къ утру 27 числа быть здѣсь. Опоздавшаго не жду“.—Это насъ обрадовало. Мы всѣ разомъ собрались. На слѣдующій день, взявъ рано утромъ комендантскую шляпку съ 5 гребцами, благополучно отправились въ сентиментальное путешествіе.

Путь отъ Ваксгольма до Стокгольма не великъ, всего русскимъ счетомъ около 24 верстъ, но мы его сдѣлали въ 4 часа времени.

Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали увидѣть столицу. Съ нами былъ молодой шведскій офицеръ, взятый изъ Ваксгольма, который обѣщалъ намъ достать лучшій номеръ въ трактирѣ, ложу въ театрѣ и показать всѣ достопримѣчательности города.

Жаль, что времени у насъ было мало. Я почти не надѣялся воспользоваться вполнѣ суточнымъ пребываніемъ въ Стокгольмѣ. Имѣя порученія къ посланнику нашему графу Потоцкому, долженъ былъ прежде всего позаботиться объ нихъ.

Подходя все ближе и ближе къ городу, мы завидѣли сначала кое-какія избушки по берегамъ; потомъ стали показываться загородныя домики,—далѣе являлись городскія дачи; тамъ предмѣстье города, а наконецъ и городъ.

Видъ Стокгольма при вѣздѣ въ него, съ моря, прелестенъ. Крутой высокій берегъ скаль усѣянъ домами, разбросанными съ искусною небрежностью по разнымъ направленіямъ.—Повсюду каменные шестиэтажныя строенія.—Церкви, величественно упирая главы въ небо, обрѣзываютъ горизонтъ неровной бахрамою.—Прекрасный дворецъ, итальянской архитектуры, царствуетъ надъ всѣми частями города: крыша дворца видна отовсюду.—Множество купеческихъ судовъ пестрѣютъ разноцвѣтными флагами около пристани. Море у Стокгольма суживается въ проливъ, на нѣсколько рукавовъ раздѣленный, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно соединяется съ озеромъ Меларомъ, переброшенъ каменный мостъ, подъ которымъ отъ быстраго теченія шумятъ и пѣнятся волны.—Маленькія лодки безпрерывно прорѣзываютъ струи моря, перевозя жителей города съ одного берега на другой. Женщины въ желтыхъ соломенныхъ шляпкахъ исправляютъ должность гондольеровъ. Это показалось мнѣ страннымъ, но потомъ я вспомнилъ, что и у насъ въ Финляндіи *le beau sexe* гораздо трудолюбивѣе своихъ властелиновъ.

Я хотѣлъ подмѣтить то впечатлѣніе, которое произведетъ на меня Стокгольмъ, и что же?.. Видя предъ собою городъ, не замѣчалъ ничего столичнаго. Нѣтъ этого непрерывнаго движенія, этой многочисленности, жизни, которыми должна отличаться столица отъ простыхъ городовъ. Шлюпка наша причалила къ пристани противъ самаго дворца, и тутъ только толпа зѣвакъ обнаружила столичность.

Слѣдуя за нашимъ вожатаемъ, шведскимъ офицеромъ, мы пошли мимо дворца, и первое, что меня поразило—это недостатокъ въ тротуарахъ и дурное мощеніе улицъ. Дворецъ, дѣйствительно, прекрасенъ. Высокій, стройный, очень простой, онъ видимо отличается архитектурою отъ всѣхъ прочихъ зданій, окружающихъ его, и могъ бы сдѣлать честь любой европейской столицѣ. По правую сторону дворца—каменный мостъ, на которомъ избалованныя ноги петербургскаго жителя отдыхаютъ и не жалуются на боль отъ острыхъ камней. Намъ встрѣчались молоденькія, хорошенькія шведки, которыя, по привычкѣ, смѣло переступали съ камешка на камешекъ. Я дивился ихъ малоизнѣженности, а потомъ увидѣлъ, что на ногахъ у нихъ или деревянныя галоши, или башмаки съ такою толстою подошвою, что отъ одного грубаго вида ихъ, у насъ, въ Петербургѣ, любая дама упала бы въ обморокъ.

Бродя по улицамъ, отыскивая пріюта, мы едва нашли кое-какую квартиру. Столько наѣхало въ Стокгольмъ изъ провинціи, по случаю ожидаемаго прибытія его высочества государя цесаревича, что всѣ гостиницы были до насъ уже заняты.

Я не мѣшкалъ своимъ дѣломъ. Взявъ съ собою лопъ-лакея, отправился къ посланнику, котораго не засталъ дома. У меня было письмо къ секретарю посольства г-ну Г. Я обратился къ нему. Онъ посоветовалъ мнѣ заѣхать къ графу Поттоцкому около 3-хъ часовъ.

Главную цѣлью нашей мимолетной поѣздки въ Стокгольмъ было закупить нѣсколько книгъ, пообѣдать въ Thiergarten—въ одномъ изъ лучшихъ загородныхъ мѣстъ, и побывать въ театрѣ, чтобъ имѣть хотя маленькое понятіе о шведской Мельпоменѣ и видѣть образчикъ Стокгольмскаго *beau monde*.

Все это мы успѣли сдѣлать. Въ 3 часа я снова забѣжалъ къ посланнику.—Онъ былъ дома. Графъ принялъ меня очень ласково и радушно. „Приглашаю васъ обѣдать“, сказалъ онъ мнѣ по-французски: „впрочемъ располагайте временемъ, какъ вамъ лучше. Я знаю, что вы здѣсь на нѣсколько часовъ. Мы садимся въ 5“.—Я поблагодарилъ графа и просилъ извинить меня.

Соединившись съ товарищами путешествія, мы всѣ вмѣстѣ пошли закупать разныя бездѣлки. Въ полтора часа времени успѣли обойти всѣ книжныя и галантерейныхъ вещей лавки. Улицы Стокгольма послѣ петербургскихъ не могли мнѣ понравиться. Узенькія, не совсѣмъ правильныя, онѣ не могутъ быть такъ опрятны, какъ щегольскіе проспекты Петербурга. Три экипажа едва-ли пройдутъ рядомъ въ самыхъ широкихъ улицахъ Стокгольма, а есть такія, въ которыхъ проказникъ амуръ можетъ смѣло завести ручную почту между противоположными этажами.—Архитектура домовъ чрезвычайно разнообразна—но всѣ почти зданія носятъ на себѣ печать старины. Что же касается до магазиновъ, то въ сравненіи съ петербургскими, стокгольмскіе кажутся столь бѣдными, что объ нихъ говорить не слѣдуетъ. Даже наружность ихъ не блистательна и не соблазнительна для слабости прекраснаго пола. Предметы роскоши и мотовства, выставленные на окнахъ, не дѣлаютъ никакого эффекта потому, что или находятся въ узкой, грязной и темной улицѣ, или расположены безъ граціи, безъ этой *élégance*, которая плѣнительна и въ самыхъ бездѣлушкахъ.

Мы были и въ книжныхъ лавкахъ. Правда, что цѣна книгъ дешевле петербургской, но на бѣду нашу, лучшія книги или были распроданы, или оставались еще не распечатанными въ ящикахъ, такъ что желаемыхъ мы не могли получить. Книгопродавцы увѣряли

насъ, что торговля ихъ лѣтомъ почти прекращается. Главный разборъ книгъ бываетъ зимою. Повѣривъ имъ на слово, мы остались безъ книгъ.

Прошло 5 часовъ, и мы снова собрались у Дворцовой пристани, чтобы взять лодку съ двумя гребцами въ шляпкахъ и отправиться въ Thiergarten обѣдать.

Въ городѣ я видѣлъ, правда мелькомъ, двѣ статуи. Обѣ представляютъ Густава III. Одною (что передъ театромъ) король представленъ верхомъ на конѣ, подобно какъ Петръ I на Михайловской площади; другая же, у пристани, изображаетъ его стоящимъ въ величественной позиціи, какъ нашъ Кутузовъ передъ Казанскимъ соборомъ. Надписи гласятъ, что эти памятники сооружены благодарностью тому, кто былъ законодатель, побѣдитель и мировозстановитель.

Любуясь еще разъ наружнымъ видомъ Стокгольма съ лодки, мы невольно сравнивали его съ красавицею нашего сѣвера. Какая удивительная разница! Между тѣмъ гребцы напрягали силы; проходим мимо живописныхъ островковъ, мы скоро очутились у пристани въ Thiergarten.

Thiergarten есть не что иное, какъ паркъ, въ которомъ устроено множество дачъ, красивыхъ и некрасивыхъ, нѣсколько трактировъ, куда лѣтнимъ вечеркомъ шведская молодежь собирается попить и покурить. Курить она впрочемъ и въ городѣ.

Передъ калиткой, за которою тотчасъ начинается рядъ домиковъ, съ васъ потребуютъ *шиллингъ* въ пользу улучшенія дорогъ и мостовъ. Заплативъ пошлину смазливой привратницѣ, мы вошли въ узкую аллею, потомъ повернули направо, гдѣ намъ представился прелестнѣйшій ландшафтъ. По обѣ стороны дороги, проложенной какъ бы въ ущельи скалъ, устроены дачи и трактиры. Народу было очень мало. Только полненькія, розовенькія шведки вышли къ намъ навстрѣчу изъ трактировъ, приглашая, взорами, конечно, къ намъ обѣдать. Мы поднялись на бугорокъ, и чтобы не потерять напрасно времени, вошли въ первый трактиръ.

Намъ приготовили прекрасный и дешевый обѣдъ. За столомъ прислуживали дѣвушки—полныя, бѣлыя и румяныя.

Не успѣли насмотрѣться, нагуляться, какъ часы докладываютъ намъ, что давно пора въ театръ.

Приѣхали въ театръ. Театръ ужъ полонъ. Хотя ложи не блещутъ, хотя партеръ не хлопаютъ, но всѣ мѣста были заняты. При насъ играли послѣдній актъ національной драмы съ пѣніемъ и танцами: „*Королева Христина*“. Не заставъ начала пьесы, мы нисколько не раскаивались. Никто изъ насъ не понималъ по-шведски. Декла-

мація же актеровъ и актрисъ мнѣ показалась довольно тяжелою. Риѣмы такъ и стучали въ ухо. Впрочемъ г. Кинмансонъ въ роли старика Оксеншерна былъ очень хорошъ. Уговаривая королеву выйти замужъ для блага отечества, онъ говорилъ передъ нею длинный монологъ съ большимъ чувствомъ.

Занавѣсъ опустилась, и тишина, до того царствовавшая въ театрѣ, вдругъ нарушилась шарканьемъ, кашляньемъ и чиханьемъ.

Второе дѣйствіе открылось балетомъ. Передъ королевой танцуютъ. Мы не дождались конца и уѣхали.

Въ Швеціи, сколько могъ я замѣтить, нѣтъ обыкновенія хлопать или вызывать актера, особливо прежде окончанія спектакля. Это не дурно. Что сказать о самомъ театрѣ? Онъ стоитъ за мостомъ, на маленькой площади, неподалеку дворца. По наружности не отличается ничѣмъ отъ частныхъ домовъ. Внутренность его не богата. Костюмы изрядны; декораціи обыкновенны; сцена побольше нашей Михайловской.

Кто-то изъ проказниковъ путешественниковъ замѣтилъ, что въ Стокгольмѣ зимой при разѣздѣ изъ театра не кричатъ, какъ у насъ, и вѣроятно какъ во всей Европѣ: „карета такою-то готова“, а „галоши подъ № такимъ-то здѣсь“. Я смѣялся и готовъ былъ принять это замѣчаніе за шутку, за острогу—не хотѣлъ вѣрить, а теперь почти повѣрю. Подѣзжая къ театру, мы думали, что спектакль отмѣненъ. Не было ни одного экипажа—ни на площади, ни около театра, а между тѣмъ, всѣ ложи и партеръ были заняты. Вышедъ потомъ въ сѣни, я нигдѣ не замѣтилъ этой толпы лакеевъ, которыхъ у насъ встрѣчаешь при разѣздахъ. Все было пусто. Кто бы подумалъ, что въ этомъ домѣ театрѣ, что тысячи людей сидятъ внутри его. О галошахъ при насъ, правда, не кричали, да и кричать не могли: во 1-хъ, потому, что мы оставили спектакль прежде окончанія, а во 2-хъ, потому, что время было теплое и сухое.

Такъ день нашъ и кончился. На слѣдующее утро, мы поднялись очень рано, чтобы не опоздать на шведскій пароходъ, который шелъ съ посланникомъ нашимъ и важными лицами Швеціи навстрѣчу государю цесаревичу. Всѣ полагали, что его высочество прибудетъ 28 мая къ вечеру. Графъ Потоцкій совѣтовалъ и намъ заблаговременно отправиться въ Ваксгольмъ и дожидать прибытія ихъ высочества великихъ князей.

Грустно, а нужно было разставаться съ Стокгольмомъ. Тамъ узналъ я о несчастіи, постигшемъ пароходъ „Николай“, который шелъ изъ Петербурга съ пассажирами въ Любекъ. За милю до Травемюнде онъ загорѣлся. Людей спасли; но это происшествіе сильно меня встревожило. Я вспомнилъ о своихъ домашнихъ, кото-

рые должны были туда же отправляться на другомъ только пароходѣ, и вообразилъ ихъ испугъ.

Черезъ полтора часа насъ доставили въ Ваксгольмъ. Между тѣмъ и на этомъ краткомъ пути не обошлось безъ несчастій. Когда всѣ были заняты разговоромъ о пожарѣ парохода „Николай“, губернаторъ стокгольмской провинціи, почтенный старикъ, оступися въ люкъ одною ногою и упалъ на бокъ. Его подняли безъ чувствъ. Ушибъ былъ великъ, хотя многіе обморокъ генерала приписывали испугу отъ мысли попасть въ машину, надъ которой онъ провалился. По совѣту нашихъ докторовъ, случившихся на пароходѣ, рѣшено было оставить больного въ крѣпости и пустить ему кровь. Потомъ мы узнали, что губернаторъ переломилъ себѣ ребро. „*Какъ скуделаень сосудъ чловѣка*“, подумалъ я, вспомнивъ слова Великаго Петра передъ кончиною. . . . .

Такимъ образомъ я могу смѣло говорить всѣмъ и каждому, что былъ въ Стокгольмѣ—видѣлъ столицу Швеціи. Кто будетъ спрашивать: долго ли? Былъ, видѣлъ; могу рассказывать много—довольно этого.

Завтра, а можетъ быть и сегодня вечеромъ придетъ „Геркулесъ“ съ ихъ высочествами великими князьями, и мы отправилися обратно въ Петербургъ. Много воспоминаній оставила эта поѣздка въ душѣ моей!..

Мы готовимся принять высокихъ гостей и съ нетерпѣніемъ ждемъ прибытія „Геркулеса“.

Я побился объ закладъ съ Н. П. Корсаковымъ, что пароходъ „Геркулесъ“ прибудетъ сегодня вечеромъ не позже 9 часовъ. Онъ утверждаетъ, что завтра; посмотримъ—кто проиграетъ...

II.

9 іюня. Пароходъ «Александрія». Обратный путь въ Петербургъ.

— Червонцы ваши проиграны, — сказалъ мнѣ адмиралъ, когда барабанщикъ ударилъ зорю.

— Я это почти предвидѣлъ, — отвѣчалъ я, вынимая изъ кошелька деньги.

Наступило 29 число — воскресенье. Команда парохода „Александрія“ приготовилась къ походу. Адмиралъ очень сожалѣлъ, что ему не удалось видѣть Стокгольмъ, отъ котораго онъ былъ такъ близко. Офицеры и я рассказывали о томъ, что видѣли и

слышали и, показывая другъ другу покупки свои, укладывали ихъ въ чемоданы.

Около полудня намъ прислали сказать изъ крѣпости, что по телеграфическимъ извѣстіямъ изъ столицы получены свѣдѣнія о прибытіи двухъ пароходовъ въ Даларе.

Приготовленія на „Александріи“ дѣлались еще быстрѣе. Велѣно разводить пары и очищать каюты для Ихъ Высочествъ. Офицеры и команда одѣлись въ парадные мундиры. Я также принарядился въ форму. Потомъ адмиралъ, взявъ меня съ собою, отошелъ на катеръ къ пароходу „Надежда“, который стоялъ отъ насъ неподалеку. Тамъ то же движеніе, тѣ же приготовленія къ отплытію въ обратный путь.

— За скалой показался дымъ, — закричалъ вахтенный офицеръ. „Смирно!“ — скомандовалъ капитанъ, и все разомъ утихло. Рядовые построились въ двѣ шеренги. Адмиралъ и я отошли на катеръ отъ парохода, ожидая появленія „Геркулеса“.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ показался изъ-за угла острова, поднялъ великокняжескій флагъ, и началась пальба съ обѣихъ пароходовъ.

Съ трепетомъ мы ждали той минуты, когда „Геркулесъ“ поравняется съ нами, чтобы передать намъ драгоценныхъ гостей. Адмиралъ безпрестанно спрашивалъ: „готовы ли пары“? — „Есть“, раздавалось съ двухъ сторонъ.

Между тѣмъ гигантъ, бороздя зеленую воду, медленно, какъ бы усталый отъ похода, подвигался впередъ. Вдругъ поднимается на фокъ-мачтѣ сигналъ. Пока змѣйкой пробѣгалъ онъ между веревокъ, никто не могъ разгадать его. Достигнувъ вершины мачты, онъ вихремъ развернулся, и на вопросъ адмирала, что за сигналъ? — „Слѣдовать за мною“, раздалось съ нашего парохода. *Лѣвая табанъ, правая греби; греби обѣ!* — скомандовалъ адмиралъ катеру.

— Слѣдовать за мною! — произнесъ съ восторгомъ Н. П. К. — въ, когда мы снова очутились на палубѣ. „Что бы это значило? Какъ неожиданно!“

Команда, какъ я сказала уже, была выстроена въ двѣ шеренги. Поравнявшись съ докторомъ и приложивъ правую руку къ треугольной шляпѣ, я вытянулся, какъ струнка, и ждалъ приближенія „Геркулеса“. Его Высочество Государь Наслѣдникъ стоялъ съ княземъ Меншиковымъ на кожухѣ.

Когда „Геркулесъ“ поравнялся съ нами, Цесаревичъ изволилъ привѣтствовать команду нашу, приподнявъ фуражку. „Здравія же-

лаемъ Вашему Импер. Высочеству!“ дружно прогремѣло въ воздухѣ.

Мы снялись съ якоря и вслѣдъ за „Геркулесомъ“ отправились въ Стокгольмъ.

Кто изъ насъ могъ думать, что мы снова будемъ въ Стокгольмѣ, въ Thiergarten, опять увидимъ миловидныхъ шведокъ...

Н. П. К.—въ особенно восхищался. Сердце его какъ будто что-то предчувствовало.

Приемъ Цесаревича въ Стокгольмѣ былъ великолѣпенъ. Отъ малой крѣпости до самаго почти дворца построены были въ два ряда ёолы, съ которыхъ производилась пальба. Весла, поднятыя вверхъ, матросы, выстроенные въ двѣ шеренги, исчезая безпрестанно въ дымѣ пушекъ, представляли какое-то волшебное зрѣлище. Прибавьте къ этому минутный блескъ выстрѣловъ и громъ орудій, раскатывавшійся въ ущеліяхъ скалъ, роскошную пестроту обонхъ береговъ, усѣянныхъ народомъ разнаго пола, возраста и званія, тихій вечеръ, упавшее за горы солнце, четыре парохода, въ равномъ почти одинъ отъ другаго разстояніи, медленно подвигавшіеся къ берегу и, наконецъ, отвѣтный салютъ съ „Геркулеса“, потрясшій воздухъ и сердца прибывшихъ и ожидавшихъ прибытія,— и вы будете имѣть полную картину торжественнаго вѣзда Государя Цесаревича въ Стокгольмъ.

Въ одно мгновеніе всѣ пароходы бросили якорь.

Къ „Геркулесу“ подошелъ шведскій адмиральскій катеръ и принялъ Его Высочество Наслѣдника. На другой катеръ сѣло множество генераловъ. Адмиралъ, капитанъ и я отправились на своемъ катерѣ къ „Геркулесу“. Къ намъ напросилась бездна русскихъ офицеровъ и почти всѣ чиновники русскаго посольства.

Мы пристали ко дворцу. Не зная, что со мною будетъ, я шелъ за адмираломъ. Мы вошли во дворецъ.

Сначала на лѣстницу, потомъ съ лѣстницы на дворъ, въ огромныя сѣни, тамъ снова на верхъ — идемъ все выше, выше. Повсюду бездна зѣвакъ провожаетъ насъ, слѣдуетъ за нами во дворецъ. Я дивлюсь и почти не понимаю, что со мною происходитъ. Гдѣ я? Какъ сюда попалъ? Почему не иду въ Петербургъ? Между тѣмъ изъ комнаты въ комнату, мимо толпы придворныхъ лакеевъ, скороходовъ, разодѣтыхъ въ богатыя платья, мы проходимъ нѣсколько залъ. Я все вижу, на все смотрю, всему дивлюсь, а еще болѣе своему неожиданному положенію. Наконецъ мы остановились. Его Высочество Наслѣдникъ изволилъ идти къ намъ навстрѣчу.

Увидѣвъ Р.-К.—ва, Его Высочество сказалъ ему вскользь: „Государь здѣсь“. Мы трое ахнули отъ удивленія и не знали, вѣрить

ли своимъ ушамъ. Но появленіе графа О... (Орлова?), генераль-адъютанта А — а (Адлерберга) вскорѣ убѣдило насъ, что Государь дѣйствительно здѣсь. Не успѣвъ еще опомниться отъ этой радостной, неожиданной и вмѣстѣ съ тѣмъ непостижимой для насъ вѣсти, мы очутились въ комнатахъ короля и тамъ-то увидѣли эту прекрасную, благородную, величественно-державную наружность русскаго Царя. Какъ описать восторгъ нашъ! Какъ ни мучило меня любопытство посмотрѣть на Карла XIV, но я не могъ вытерпѣть, чтобъ не любоваться прежде всего нашимъ Императоромъ, котораго присутствіе столь неожиданное изумило шведовъ и обрадовало насъ, русскіхъ.

Вставъ поодаль отъ толпы русскихъ генераловъ и офицеровъ которыхъ Государь самъ изволилъ представлять королю, я со всевозможною подробностію разсматривалъ Карла XIV и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ этого необыкновеннаго судьбою человѣка.

Старый, худенькій съ орлинымъ носомъ и чрезвычайно умнымъ выраженіемъ глазъ, онъ былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ присутствія столь сильнаго сосѣда.

Всѣ генералы, какъ князь М—въ, князь Л—нъ и графъ О—въ и другіе, были королемъ по очереди расцѣлованы, инымъ онъ пожималъ только руку; съ нѣкоторыми раскланивался; остальнымъ же всѣмъ отдалъ одинъ общій поклонъ.

Я наблюдалъ лица придворныхъ шведскаго короля. Всѣ они были какъ-будто въ изумленіи. Конечно, не страхъ привелъ ихъ въ смущеніе, а неожиданность пріѣзда Государя нашего—удивленіе его любезности, его превосходной, поразительной наружности, той ловкости, съ которою Его Величество изволилъ обходиться съ королемъ—маститымъ старцемъ, который, проходя съ Государемъ по комнатамъ своего длиннаго дворца, не чувствовалъ, кажется, вовсе усталости.

За массою блестящихъ эплетъ и яркихъ лентъ и я переходилъ изъ конца въ конецъ дворца. Оставивъ покой короля, Его Величество со всею свитою поведенъ былъ на половину королевы.

Государь Императоръ, почти въ томъ же порядкѣ, изволилъ лично представлять и королевѣ своихъ генераловъ и вообще всю свиту. Очарованіе шведовъ къ русскому Владыкѣ ежеминутно возрастало.

Отсюда всѣ отправились въ покои кронъ-принцессы Жозефины,—супруги принца Оскара.

Ловкая, прекрасная собою, умная принцесса, послѣ разныхъ привѣтствій, которыя она не затруднялась дѣлать каждому изъ рус-

*

скихъ, представленныхъ ей также Его Величествомъ,—подвела къ Государю Императору милыхъ дѣтей своихъ.

Рѣдкій отецъ семейства, Царь нашъ, съ особенною нѣжностію обласкалъ маленькихъ принцевъ. Здѣсь мы видѣли пріятную семейную картину.—Быль часъ 11-й.—Принцесса Жозефина, какъ заботливая и нѣжная мать, подвела дѣтей своихъ къ престарѣлому дѣдушкѣ; король, цѣлуя малютокъ въ лобъ, благословлялъ каждого изъ нихъ по очереди на спокойный сонъ. Это было такъ мило и такъ непринужденно! Любовь къ внучатамъ,—чувство столь естественное въ дѣдахъ,—заставила короля забыть о присутствіи множества незнакомыхъ ему свидѣтелей. Меня это тронуло, я взглянулъ на короля, и 74 года, рѣзко начертанные на морщинахъ лица его, пробудили во мнѣ тысячу печальныхъ мыслей.

Исходивъ дворецъ вдоль и поперекъ, я ничего почти не помнилъ, что видѣлъ. Изъ огромныхъ, а порою маленькихъ комнатъ, ни одна не поразила меня ни великолѣпіемъ, ни прихотливымъ богатствомъ. Можетъ быть, я такъ былъ преисполненъ неожиданностей, новостію своего положенія, что пропускалъ безъ вниманія то, что въ другое время поразило бы меня. По крайней мѣрѣ, я помню хорошо лица королевской фамилии.

На другой день, въ понедѣльникъ, 30 числа мая, всѣ знатнѣйшія особы Швеціи имѣли счастье представляться Государю Императору.

Я отправился на пароходъ „Геркулесъ“, чтобы явиться къ его свѣтлости князю М—у; тамъ я узналъ, что Государь Императоръ, оставляя на слѣдующій день Стокгольмъ, возьметъ съ собою и дѣтей своихъ, кромѣ Государя Цесаревича. Его высочеству предположено пробыть въ Стокгольмѣ болѣе 10 дней, и пароходу „Александріи“ велѣно оставаться тамъ до отъѣзда его высочества въ дальній путь.

Итакъ мы, не надѣявшіеся вовсе быть въ столицѣ Швеціи, оставались тамъ долѣе другихъ. Вотъ судьба. Предполагайте послѣ этого; стройте свои воздушные замки, господа мечтатели. Справедливо повторяю: тысячу разъ справедлива всемірная пословица: *L'homme propose et Dieu dispose.*

Въ понедѣльникъ вечеромъ весь дворъ отправился въ Thiergarten. Народъ, какъ муравьи, потянулся туда же. Не было возможности достать экипажъ. Мы пытались было нанять коляску, но всѣ были уже взяты. Приѣхавъ, на казенной гичкѣ, къ парку, мы едва успѣли сдѣлать 50 шаговъ, какъ увидѣли, что весь придворный поѣздъ скачетъ къ намъ навстрѣчу. Государь Императоръ, его высочество Наслѣдникъ, король и принцъ Оскаръ ѣхали въ одномъ экипажѣ.

Весь городъ собрался въ Thiergarten. Трактиры, дачи, аллеи, дорога, все пестрѣло шляпками, чепцами, султанами и касками. Дымъ сигаръ мѣшался съ пылью отъ шоссе. Не любя пыли, а еще менѣе съ сигарнымъ дымомъ, я возвратился на пароходъ.

Наступилъ вторникъ. При дворѣ назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ балъ. Всѣ русскіе генералы, свита Государя Императора и командиры пароходовъ были приглашены къ обѣду. Время удивительно какъ быстро летѣло. Не успѣли оглянуться, какъ ужъ и вечеръ наступилъ.

Балъ для русскихъ продолжался не долго. Около полуночи Его Величество, въ сопровожденіи короля и принца, изволилъ отправиться на шведскомъ катерѣ къ „Геркулесу“, гдѣ, простившись съ королемъ, принцемъ и его высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ, велѣлъ сниматься съ якоря. Громъ пушекъ и всепотрясающее „ура!“ возвѣстили городу объ отбытіи великаго гостя. Наградивъ многихъ шведовъ русскими орденами, Государь Императоръ поплылъ въ обратный путь, въ свою столицу — гдѣ Онъ готовился обнять своихъ дѣтей, равно не ожидающихъ столь скорого возвращенія Его Величества.

Стокгольмъ замолкъ на сѣдующее утро. Всѣ отдыхали послѣ бала. Никто опомниться не могъ отъ этого орлинаго, могучаго налета нашего Царя. Самые закоренѣлые враги Россіи присмирѣли, не зная чему дивиться: своему ли прежнему невѣжеству, или этому магическому, неопределимому влиянію Русскаго Царя на душу каждаго. Двухдневное пребываніе Императора въ Стокгольмѣ рѣшительно очаровало весь городъ. Всѣ были обворожены Его Величествомъ. Никто не могъ побѣдить въ себѣ этого невольнаго влеченія, которое раздается въ душѣ, при видѣ Царя Николая. Шведы и милыя шведки, посѣщавшіе, изъ любопытства, нашъ пароходъ, только и говорили о томъ всеобщемъ восторгѣ, который произведенъ неожиданнымъ пріѣздомъ Государя.

Журналисты позамолкли. Словомъ, необыкновенный переворотъ совершился въ умѣ націи.

Намъ, остававшимся послѣ отъѣзда Государя Императора еще 8 дней, замѣтнѣе было впечатлѣніе, произведенно Его прібытіемъ въ Стокгольмъ.

Собирая свѣдѣнія отъ разныхъ лицъ, мы съ удовольствіемъ узнали, что шведы совершенно измѣнились въ понятіи своемъ о русскихъ. Злые враги наши узрѣли истину и покорились ей.

На вторые сутки послѣ отбытія Его Величества, Государь Наслѣдникъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу у королевы. Каждый день проходилъ въ осмотрахъ достопримѣчательностей сто-

лицы и въ увеселеніяхъ. Вездѣ высокаго гостя принимали съ любовью и радушіемъ, которые онъ внушалъ своею добротою и привѣтливостію.

Въ пятницу, утромъ 2 іюня, мы имѣли счастье принимать на пароходъ: Государя Наслѣдника и шведскаго кронъ-принца съ супругою. Щегольство, роскошь, чистота царскаго парохода не могли не понравиться ихъ высочествамъ.

Я любовался прелестною наружностью принцессы Жозефины. Въ чертахъ лица ея есть выраженіе грустнаго, тайнаго. Мнѣ казалось, что она и улыбалась вынужденно; будто бѣдствія, постигшія семейство Бонапарта, отразились въ глазахъ ея, какъ въ свѣтлой струѣ спокойнаго ручья отражается нерѣдко блескъ далекой грозы....

Вечеромъ, въ этотъ же день, графъ Поточкій давалъ блистательный балъ. Мы всѣ были приглашены. Я не хотѣлъ пропустить случай видѣть лучшее общество Стокгольма и, натянувъ мундиръ и башмаки, отправился вмѣстѣ съ адмираломъ въ домъ посланника.

Былъ 10-й часъ. Домъ, занимаемый посланникомъ, считается лучшимъ и почти огромнѣйшимъ въ городѣ. Между петербургскими хоромами онъ былъ бы средній по всему. Нѣтъ огромныхъ залъ, и дамскимъ ножкамъ нельзя скользить по соблазнительному паркету. Паркетъ вообще, сколько я могъ замѣтить, не въ обыкновеніи у шведовъ. Небольшая лѣстница была богато убрана цвѣтами и ковромъ. Когда мы вошли въ домъ, гостей уже было множество. Государь Наслѣдникъ ожидалъ приѣзда королевы, чтобы польскимъ съ ея величествомъ открыть балъ.

Въ прекрасно убранныхъ комнатахъ все блестѣло огнями, звѣздами и шитыми мундирами. Всѣ толпились въ одномъ мѣстѣ, чтобы встрѣтить ея королевское величество. Наконецъ, что-то зашумѣло. Явился скороходъ объявить графу о приѣздѣ королевы. Посланникъ донесъ объ этомъ Государю Цесаревичу, и его высочество, въ сопровожденіи своей свиты, извѣлиль пойти навстрѣчу къ королевѣ. Я сталъ нарочно у дверей первой комнаты, чтобы все видѣть подробно

Сначала показались лакеи въ блестящихъ мундирахъ—потомъ скороходы со свѣчами въ рукахъ, а тамъ и королева, ведомая подъ руку Цесаревичемъ Наслѣдникомъ. За ними кн. Л—нъ съ принцессою, тамъ принцъ Оскаръ съ придворною дамою, а далѣе другіе дамы съ кѣмъ-нибудь изъ свиты его высочества.

Раскланявшись по обѣ стороны и пройдя всѣ комнаты перваго этажа, ея величество, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника, изволила пойти по прекрасно убранной лѣстницѣ въ верхній этажъ,

гдѣ ихъ встрѣтили хоръ музыки. Всѣ гости, сначала попарно, а тамъ въ разсыпную послѣдовали туда же.

Музыка играла польскій. Я былъ спокойнымъ зрителемъ; искалъ повсюду красавиць, и мнѣ казалось, что ихъ вовсе нѣтъ въ залѣ. Когда прогремѣли звуки чуднаго вальса, любимаго танца шведовъ и шведокъ, я снялъ шпагу, бросилъ въ уголъ шляпу и подведенный адмираломъ къ премилой M-lle M—e отправился съ нею шаркать по наложенному полу.

Я пригласилъ ее потомъ ѣ на первую французскую кадрили.— Vis-à-vis моимъ былъ какой-то шведъ въ камергерскомъ мундирѣ. Танцую съ M-lle M—e, прѣвжею въ Стокгольмъ, я восхищался ея умомъ—порою колкимъ и острымъ.

Въ замѣчаніяхъ своихъ я былъ съ нею очень откровененъ.

— Comment vous plait la capitale?—спросила она меня; я, разумеется не спутался въ отвѣтъ на такой вопросъ.

— Mais où sont les jolies Suédoises? спросилъ я въ свою очередь. Je ne les vois pas du tout, pas même ici...

— Chut—прервала меня милая незнакомка, приложивъ свой вѣтеръ къ розовымъ губкамъ—„Et vous dites ça tout haut. Mais regardez donc votre voisine“.

— Ah cest vrai: elle est gentille.

— Voyez encore cella là à gauche.

Я оглянулся—лучше первой.

— Et puis remarquez bien la troisième paire du coin.

Дѣйствительно красавица.

— Ah! pardon, mille pardons M-lle. J'ai eu tort, j'ai eu tort.

Въ самомъ дѣлѣ, розовыя личики, какъ цвѣтки авроры, мелькали во всѣхъ углахъ залы.

Много танцевъ попеременно играла музыка. Здѣсь кстати замѣтить, что французскую кадрили танцуютъ въ Швеціи не такъ, какъ у насъ въ Петербургѣ. Кадансъ медленный, и милыя ножки прелестныхъ дамъ со всею граціею выдѣлываютъ па.—Это очень мило для дамъ, но каково же для мужчинъ, и въ особенности для насъ, привыкшихъ ходить.—Фигура *solo* пропускается, а вмѣсто нея—въ предыдущей фигурѣ каждый кавалеръ дѣлаетъ поклонъ своей сосѣдней дамѣ. Вообще шведы, какъ кажется, любятъ вальсъ и галопадъ. Мазурки же у нихъ почти не танцуютъ. Государю Наслѣднику угодно было, чтобы русскіе танцевали мазурку.—Это мой конекъ, подумалъ я, и, надѣвая перчатки, побрелъ искать дамы.—Проходя по богатому цвѣтнику, я долго не зналъ, кого выбрать себѣ для мазурки. О! мазурка—это цѣлый вѣкъ жизни въ два часа. Горе тому, кто сдѣлаетъ неудачный выборъ подруги!

Музыка заиграла. Съ прекрасною финляндкою, стройною, какъ лебедь, легкою, какъ пухъ, я занялъ мѣсто. Я былъ въ восторгѣ отъ своей дамы. Болтливость моя не имѣла границъ. Разказывала ей про Петербургъ, котораго она не видала, про петербургскіе балы, о которыхъ она можетъ быть мечтала, я просилъ ее между прочимъ пріѣхать посмотрѣть нашъ пароходъ, который ежедневно посѣщается шведами и шведками. И мнѣ дано было обѣщаніе. Я совершенно таялъ передъ своею богиней,—готовъ былъ улетѣть въ седьмое небо,—но музыка утихла; и ловкій поклонъ съ моей стороны и граціозное наклоненіе головы со словомъ: „merci, M-g“, со стороны финляндки, прервали мой полетъ. Я разстался съ нею.

Вскорѣ кончились танцы и всѣхъ позвали къ ужину. Кавалеровъ пригласили идти наверхъ; дамамъ накрыли столъ въ комнатѣ, гдѣ танцовали, а королевской фамиліи, его высочеству и всѣмъ знатнѣйшимъ особамъ парадный ужинъ былъ приготовленъ въ первомъ этажѣ со всею роскошью европейской гастрономіи.

Мнѣ любопытно было посмотрѣть на рой этихъ прекрасныхъ пчелокъ, которыя жужжа трудились надъ пышными яствами. Жаль, что въ Швеціи, какъ кажется, нѣтъ обыкновенія сажать кавалеровъ съ дамами. Я могъ только издали любоваться ими, и то пожертвовавъ своимъужиномъ.

Посмотрѣвъ потомъ на парадный ужинъ королевской фамиліи, я поспѣшилъ ѣхать домой. Чтобы вполнѣ соблюсти обычай шведскій, я вздумалъ отправиться съ балу пѣшкомъ. Секретарь англійскаго посольства, усадивъ свою жену въ карету, пригласилъ меня прогуляться съ нимъ. Я охотно принялъ предложеніе. Переступая съ камня на камень, въ тоненькихъ башмакахъ, начиналъ уже раскаяваться въ своемъ предпріятіи, какъ къ счастью адмиралъ подогналъ меня и пригласилъ сѣсть въ коляску. Этимъ я избавился отъ жестокаго мученія.

Въ послѣдующіе за баломъ 4 дня, которые мы провели въ Стокгольмѣ, я ничего новаго не прибавилъ къ своимъ наблюденіямъ въ Швеціи. Въ воскресенье мы были у обѣдни въ русской посольской церкви. Она построена въ 1768 году повелѣніемъ нынѣ царствующаго Государя Императора. Священникъ посольства служилъ прекрасно. Матросы съ нашего парохода пѣли хоромъ на клиросѣ.

Каждый вечеръ нашъ пароходъ привлекалъ къ себѣ вниманіе любителей музыки. Матросы пѣли пѣсни, а народъ, собираясь толпами на оба берега города, съ жадностью слушалъ то залихватскіе, то заунывные звуки русской мелодіи.

Мы ждали возвращенія Н. П. К—а, чтобы пуститься снова въ море. Сопровождая его высочество за городъ на праздникъ короля, Н. П. К—въ возвратился къ намъ во вторникъ 6 іюня утромъ; мы тотчасъ же снялись съ якоря. Сказавъ *прости* Стокгольму, и *прости со вздохомъ* милой финляндкѣ, съ которою я танцевалъ мазурку на балѣ гр. П—го, полный новыхъ впечатлѣній, я замечтался о возвращеніи въ Петербургъ, о той радости, съ которою обниму родныхъ, товарищей и друзей. Я приготовлялъ рассказъ о моемъ путешествіи и въ минуту, когда я это пишу, мы подходимъ къ Роченсальму. Здѣсь, Богъ дастъ, будемъ дома!..

Ал. К—ій.

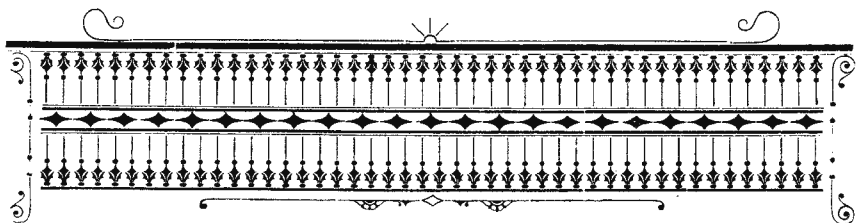
Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 году.

Лѣта 3СВ (т. е. 1693)-го, декабря въ аі (т. е. 11) день. По указу преосвященнаго Гавріила архіепископа Вологодского и Бѣлозерского память Засодимской волости села Стефановского поселскому старцу Марку. Били челомъ Преосвященному архіепископу деревни Кадникова крестьяне Петрушка Евсѣевъ съ сосѣдми: деревни де Зарѣчья крестьяне Ганка Ильинъ съ сосѣдми да Лопотова монастыря крестьяне деревни Чюрилова Максимко Ивановъ съ сосѣдми насильствомъ своимъ отводятъ они проѣзжую зимнюю дорогу пустыми плесами для своей корысти; а съ ихъ де дороги вехи ломаютъ; а прежь сего-де изстари дорога была всегда мимо ихъ деревни Кадниково, и въ писцовыхъ книгахъ написана и перемѣна была подводамъ въ прежніе годы въ той деревнѣ Кадниковѣ. И нынѣ для шествія великаго Государя дорога учинена была и мосты мощены мимо ихъ деревню Кадниково. И преосвященному архіепископу пожаловати бѣ ихъ—не велѣть той земней дороги пустыми плесами отводить, а быть той дорогѣ по прежнему противъ писцовыхъ книгъ. И какъ ль тебѣ ся память придетъ, и тебѣ-бѣ деревни Зарѣчья и деревни Чюрилова крестьяномъ зимней дороги пустыми плесами отводить не велѣть, а велѣть быть мимо деревни Кадникова, куды нынѣ по указу великихъ Государей дорога учинена, а за насильство ихъ Ганку Ильина и Максимка Иванова съ товарищи и за плутовство выслать на Вологду. Къ сей памяти архіепископлъ приказной Иванъ Александровъ печать свою приложилъ.

Сообщ. И. Суворовъ.

Примѣчаніе. Упоминаемая здѣсь деревня Кадниково—есть нынѣшній уѣздный городъ Кадниковъ. Объ этомъ путешествіи Петра Великаго смотри книгу „Историч. свѣдѣнія объ іерархахъ древне-Пермской и Вологодской епархіи, собраны Н. Суворовымъ. Вологда“. Стр. 132—133.

Воспоминанія стараго орловца.

Въ генварѣ 1847 г. я поступилъ въ Тульскій Александровскій малолѣтній кадетскій корпусъ, составлявшій нераджированную роту Орловскаго Бахметьева корпуса. Послѣ экзамена, произведеннаго единолично инспекторомъ классовъ штабсъ-капитаномъ Вас. Ив. Пясецкимъ, я былъ принятъ въ младшее отдѣленіе 2-го приготовительнаго класса. Не могу жаловаться, чтобы товарищи отнеслись ко мнѣ, какъ къ новичку, враждебно; обступили меня, предлагали разные вопросы: напримѣръ, ѣлъ ли я дома физику и химию, а когда я отвѣчалъ, что не ѣлъ, то перешли къ вопросамъ: учился ли я тому-то и тому-то; тутъ я погрѣшилъ и сказалъ, что я это училъ, и они рѣшили, что я долженъ поступить въ старшій классъ, при чемъ отнеслись ко мнѣ очень дружелюбно. Контингентъ воспитанниковъ состоялъ изъ поступившихъ въ корпусъ въ августъ мѣсяцъ и прибывшихъ изъ малолѣтняго Александровскаго Царко-сельскаго корпуса. Это тоже были мальчики не свыше 10 лѣтъ, но считались старыми кадетами; они руководили играми и умѣли дѣлать разныя коробочки, альбомы (дворцы) и пр. Всего въ корпусѣ было три класса: 1 и 2 отдѣленія 2-го подготов. класса и 1 общій классъ. Директоромъ былъ полковникъ Языковъ, котораго мы мало видѣли, а ротнымъ командиромъ — Петръ Ивановичъ Гинцъ; этотъ маленькій, коротко стриженный капитанъ, съ вѣчно суровымъ и непривѣтливимъ лицомъ и былъ нашъ главный руководитель; тамъ были 4 дежурныхъ офицера, изъ которыхъ только одинъ шт.-кап. Мих. Яков. Зейнъ отличался звѣрскимъ обращеніемъ. Зейнъ—единственный офицеръ, позволявшій себѣ давать затрещины кадетамъ; онъ оставилъ въ памяти слѣдующій случай:

одинъ изъ воспитанниковъ былъ доставленъ на штрафъ; слезы текли у него изъ глазъ и онъ отъвсилъ нижнюю губу. Зейнъ вынулъ изъ табакерки щепотку нюхательнаго табаку и мазнулъ имъ по отвисавшей губѣ кадета. Потомъ Зейнъ командовалъ въ Орловскомъ корпусѣ 6-й ротой, но о свирѣпости его не было слышно, и онъ скоро выбылъ изъ корпуса; въ Орловскомъ корпусѣ помню одинъ случай, когда дежурный офицеръ ударилъ кадета и немедленно былъ отчисленъ въ полкъ.

Зейнъ между прочимъ содержалъ пансіонъ, куда поступали невыдержавшіе экзамень въ корпусъ. Воспитательная часть лежала преимущественно на дядькахъ, которыхъ было четверо, по числу отдѣленій въ ротѣ. Это были отставные унтера, преимущественно гвардейскихъ полковъ; въ моемъ 4 отд. былъ Шалфѣевъ, гвардейскій саперъ, считавшійся самымъ добрымъ; они обучали насъ фронтовой выправкѣ, а также блюли за нашимъ туалетомъ, строго наблюдая, чтобы носовые платки не были скомканы, а сложены въ карманахъ; передъ обѣдомъ они выносили мѣдные тазики съ квасомъ, куда обмакивали головныя щетки и причесывали насъ съ висками на лобъ, при чемъ потеки отъ кваса такъ и засыхали на нашихъ лбахъ. Учительскій персоналъ состоялъ изъ законоучителя Дарскаго; учителя естественной исторіи и русскаго языка Шиманскаго; математики подполков. Мясковаго (онъ, кажется, былъ и корпусной казначей); чистописанія и рисованія Саратова; француза Крауза и нѣмца Берхмана. Эти два послѣднихъ отличались свирѣпостью, при писаніи на доскѣ, если кто не поставитъ или, то онъ того брыкалъ ногой, приговаривая вотъ тебѣ, вотъ тебѣ; нѣмецъ любилъ тоже показомъ обучать нѣмецкій языкъ и произношеніе: когда кто забывалъ какъ по-нѣмецки книга, то билъ по головѣ книгой, приговаривая бухъ, бухъ. Лучшіе по успѣхамъ воспитанники записывались въ классѣ въ спискахъ надъ красной чертой, средніе подъ красной, а худшіе подъ черной; зданіе корпуса было чрезвычайно нарядно: большія спальни, на стѣнахъ которыхъ золотыми буквами были надписи о времени посѣщенія корпуса членами Императорской фамиліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ кибиткахъ, помѣщавшихъ по 4 кадета, вся рота отправилась въ Орелъ, для послѣдняго укомплектованія Орловскаго корпуса, такъ что въ послѣдующіе годы изъ Тулы только прибывали перешедшіе во 2-й общій классъ.

Прибывши въ Орелъ, мы остановились на берегу рѣки Орлика. Здѣсь мы вымылись, почистились и строемъ пошли въ корпусъ, гдѣ составили 2-ю мушкатерскую роту. Встрѣтилъ насъ тамъ директоръ корпуса ген.-маіоръ Сергѣй Никол. Тиньковъ и въ заключительной

рѣчи объявилъ намъ, что объ обмочившихся въ постели публикуется въ приказѣ по корпусу. Дѣйствительно, въ приказѣ по корпусу, который читался намъ предъ вечерней молитвой, послѣ нарядовъ на дежурство и приказовъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ была рубрика, „сего числа обмочились въ постели“. Въ скорости директоръ явился къ намъ въ роту и произвелъ переформировку. Я, какъ бронецъ, былъ переведенъ въ 3-ю роту, вмѣстѣ съ капитаномъ Гинцемъ, блондины же остались во 2-й ротѣ, которую получилъ капитанъ Куколевскій; въ 3-й ротѣ я попалъ въ 4-е отдѣленіе, гдѣ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ былъ воспитанникъ 4-го общаго класса Разгильдѣевъ (бывшій помощникъ командовавшего войсками Варшавскаго военнаго округа, Петръ Имподистовичъ); это было необыкновенно суровое непосредственное начальство (мнѣ кажется, что онъ такимъ и остался, я съ нимъ встрѣчался, когда онъ былъ командиромъ Галицкаго пѣх. пол.). Въ 1-мъ отдѣленіи 3-й роты былъ унтеръ-офицеръ фонъ-Мевесъ 2-й.

Въ каждой ротѣ были по четыре дежурныхъ офицера, преимущественно назначаемыхъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ полковъ; были и кавалеристы, артиллеристы и гвардейцы. Всѣ они мало значили, какъ воспитатели, и смотрѣли только на своихъ дежурствахъ за тишиной и нарушавшихъ ее наказывали на штрафъ (стоять посреди залы), а также лишали послѣднихъ блюдь—одного или двухъ; нѣкоторыхъ, но слава-Богу ихъ было не много, лишали на ночь тюфяка, и такимъ приходилось спать на однѣхъ только кроватныхъ доскахъ. Но были и исключенія, и приходится съ большимъ удовольствіемъ вспоминать о дежурномъ офицерѣ штабсъ-кап. л.-гв. Волынскаго полка Порфиріи Алексѣевичѣ Иващенко; это былъ истинный воспитатель, принимавшій участіе во всѣхъ играхъ кадетъ; онъ умѣло и сердечно относился къ намъ, и мы его очень цѣнили, а на его дежурствѣ старались соблюдать тишину и порядокъ. (П. А. во время Крымской войны былъ командиромъ Сѣвскаго пѣх. полка).

Но не могу не отмѣтить прекрасный пріемъ Порф. Алек.: при при утреннемъ вставаніи, непріятно было разставаться въ 6 часовъ утра съ постелью, а потому дежурные офицеры поднимали постоянно крикъ, шумъ, сыпались угрозы лишить утренняго завтрака, сдерживанья одѣяла и пр., а Цар. Ал. на своемъ дежурствѣ, послѣ пробитія зори, обходилъ насъ и нѣжно потрогивая, говорилъ: „проснитесь“; потомъ, спустя, нѣсколько минутъ уже командовалъ: „вставать“, и всякій старался немедленно исполнить его приказаніе, другіе же дежурные офицеры не брали въ примѣръ подобный способъ.

Какъ противоположный типъ, вспоминаю деж. офиц. Тетерина, перешедшаго въ корпусъ изъ конной артиллеріи. Это былъ человѣкъ

съ какимъ-то непріятнымъ гробовымъ голосомъ и наказывавшій безъ утренняяго завтрака, минуя обѣденныя лишенія блюдъ, зная, что для воспитанника это было тяжелое наказаніе быть голоднымъ до обѣда. Тетеринъ послѣ былъ ротнымъ командиромъ и за инцидентъ въ лагеряхъ съ однимъ красивымъ воспитанникомъ своей роты былъ отчисленъ въ гарнизонный батальонъ, хотя мѣсто ему должно быть въ арестантскихъ ротахъ. Тетеринъ былъ женатый человѣкъ.

Еще о дежурномъ офицерѣ Мандрикѣ. Это былъ добродушный малороссъ, любившій чистоту и самъ былъ всегда одѣтъ очень изящно. Когда замѣчалъ у воспитанника нечищенные сапоги, то говорилъ, что сапоги есть зеркало души, онъ также рассказывалъ, что онъ учился въ Нѣжинѣ вмѣстѣ съ Гоголемъ и сидѣлъ рядомъ съ нимъ, и когда Гоголь писалъ стихи, то онъ рисовалъ лошадей.

Гренадерской ротой командовалъ Булычевъ, а 1-й ротой Шелькинъ. Болѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ въ письмѣ ко мнѣ Владиміръ Шумовскій, имя котораго красуется на мраморной доскѣ корпуса, въ воспоминаніяхъ своихъ о кадетской жизни, сравнивалъ Шелькина съ Малютой Скуратовымъ.

Кромѣ выше приведенныхъ наказаній, былъ арестъ. Существовала особая свѣтлая комната со сдвижной кроватью и надъ дверью, на зеленой доскѣ, золотыми буквами была надпись „уединенная комната“. Кромѣ того, въ каждой ротѣ существовали свои арестныя помѣщенія, на примѣръ, въ 3-й ротѣ былъ амуничникъ, чрезъ который былъ ходъ на церковныя хоры. Въ амуничникѣ этомъ были двѣ двери, но одна изъ нихъ была заставлена шкапомъ, и такимъ образомъ въ промежуткѣ, въ этомъ мѣшкѣ, безъ свѣта и воздуха, помѣщался нерѣдко заключенный.

Во 2-й ротѣ въ командованіе Петра Еф. Янковича драчунамъ надѣвали на руку солдатскую рукавицу и ставили во время обѣда около барабанщика или горниста, и маленькій забіяка съ поднятой рукой, со слезами на глазахъ, простаивалъ цѣлый обѣдъ, но эта привилегія принадлежала только 2-й ротѣ, а другіе ротные командиры этимъ не пользовались. Когда назначался къ столу горнистъ, то онъ въ продолженіе всего обѣда наигрывалъ сигналы. Ротные командиры обращались къ кадетамъ съ вопросомъ, какой былъ сигналъ, и незнающаго наказывали безъ блюда.

Теперь перейдемъ къ болѣе тяжкимъ, но довольно частымъ наказаніямъ розгами; это право принадлежало исключительно директору и отчасти ротнымъ командиромъ. Въ ротѣ существовалъ штрафной журналъ, куда дежурными офицерами записывались разные проступки воспитанниковъ; эти журналы ежедневно представлялись директору, который на поляхъ дѣлалъ резо-

люціи: „Прошу рот. ком. дать 25 крѣпкихъ и по исполненіи донести мнѣ запискою“; резолюція эта не тотчасъ исполнялась, а выжидалось время, пока наказуемыхъ собиралось нѣсколько, и тогда ротн. ком. велъ ихъ въ цейхгаузъ, гдѣ ставилась скамейка, накрывалась чистой простыней, и начиналась порка, при чемъ нужно было соразмѣрять свои голосовые органы: такъ, если, кто очень крѣпко кричалъ, то говорилось, что онъ жестоко нарасправу, если же кто молчалъ, то говорилось „солдатская шкура“. Также любили, кто кричалъ басомъ, всеѣмъ этимъ прибавлялось нѣкоторое число ударовъ. При этомъ находилось нѣсколько воспитанниковъ, которые въ видѣ назиданія должны были присутствовать при экзекуціи; они и разносили по товарищамъ о геройствѣ молчальниковъ. Болѣе торжественная обстановка была, когда директоръ самъ производилъ наказаніе. Предъ ужиномъ получалась въ ротахъ записка съ фамиліями наказуемыхъ, которые собирались въ цейхгаузъ 1-й роты, и наказаніе производилось съ 2-хъ сторонъ, при чемъ Сергѣй Николаевичъ покрикивалъ „порѣже, да покрѣпче“. При этомъ не могу не вспомнить о слѣдующемъ: это было предъ рождественскими каникулами. Я ходилъ по корридору съ великовозрастнымъ воспитанникомъ Леонидомъ Масловымъ, котораго за длинный носъ называли алигаторомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ ѣздили на праздники въ одинъ городъ въ отпускъ и мечтали о праздничныхъ удовольствіяхъ въ кругу родныхъ, но въ записку, присланную директоромъ, попадаю я. Масловъ провожаетъ меня на мѣсто наказанія и не успѣлъ выйти изъ цейхгауза, какъ вошелъ директоръ и спрашиваетъ: „чего онъ здѣсь?“—„такъ, ваше превосходительство“, былъ отвѣтъ, и его перваго положили и высѣкли; послѣ наказанія воспитанникъ раскланивался. Это было такъ принято, хотя начальство и не дѣлало на этотъ счетъ внушеній.

Этотъ карательный режимъ продолжался во все время директорства С. Н. Тинькова даже и тогда, когда за смертью в. к. Мих. Пав. въ 1849 г. начальникомъ всеѣхъ военно-учебныхъ заведеній сталъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Но за назначеніемъ директоромъ ген.-м. Вишнякова тѣлесное наказаніе было совершенно упразднено. Отчисленіе ген. Тинькова и назначеніе его, кажется, бриг. команд., состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: несмотря на кажущійся строгій режимъ, воспитанники Орловскаго корпуса, посылаемые въ спеціальные классы Дворянскаго полка, были признаны тамъ болѣе распущенными противъ прибывшихъ изъ другихъ корпусовъ, и вотъ въ одинъ день къ намъ прибыли изъ Дворянскаго полка 3 или 4 кадета обратно въ общій классъ. Они были лишены погоновъ и имъ были оставлены лишь одни погонныя цуговицы (тоже родъ наказанія). Это были Шумовскій 2-й, Чистяковъ

и князь Крапоткинъ. Въ этомъ же году корпусъ посѣтилъ начальникъ всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеній Е. В. Наслѣд. Цесаревичъ. День былъ праздничный, и Его Высочество отстоялъ обѣдню и, послѣ цѣлованія креста, поцѣловалъ руку у священника, священникъ тоже поцѣловалъ руку у Цесаревича, затѣмъ Е. В. обошелъ воспитанниковъ, стоявшихъ у своихъ кроватей, и, пришедши въ гренадерскую роту, въ которой я тогда былъ, обратился съ рѣчью; „господа, я вашими товарищами, какъ въ прошломъ году, такъ и въ этомъ, очень недоволенъ“. По обходѣ ротъ намъ велѣно надѣвать мундиры, амуницію и выходить на смотръ. Не успѣли роты собраться на корпусномъ плацу, какъ Е. В. уже прибылъ. Баталіонный команд. скомандовалъ: „ун.-оф. на линію!“ „баталіонъ на линію!“ какъ Е. В. приказалъ: „равняйся!“ Это уже было знакомъ его недовольства; затѣмъ были произведены ружейные приемы и сигналъ, вызывающій штуцерныхъ. Штуцерныя команды только-что были введены, и начальство, какъ видно, еще не изучило ихъ назначенія, а потому сформировало ихъ изъ самыхъ плохихъ фронтниковъ. Они стояли за взводомъ съ отомкнутыми штыками, держа ружья по унтеръ-офицерски, и приемовъ не дѣлали.

Само собою, эта команда вызвала неудовольствіе Е. В., который громко сказалъ: „Генераль Тиньковъ, распущенная команда! я не люблю шутить“. Послѣ обѣда Е. В. на плацу прощался съ кадетами, которые обступили его толпой. Директоръ, который былъ ростомъ не ниже Е. В., въ лосинахъ и ботфортахъ, наклонился, чтобы поцѣловать руку у Е. В., но Цесаревичъ руку отдернулъ. Затѣмъ вскорѣ послѣдовало назначеніе директоромъ Вишнякова и смѣна батал. командира Толокнеева. Не знаю, насколько были справедливы слухи, что всѣ эти перемѣны произошли по интригамъ начальника штаба Якова Ив. Ростовцева, который былъ не въ ладахъ съ Тиньковымъ и частенько надъ нимъ подтрунивалъ, пользуясь расположеніемъ В. К. Михаила Павловича. Тиньковъ до директорства былъ ротнымъ командиромъ Пажескаго корпуса.

Изъ воспоминаній о посѣщеніи корпуса Я. И. Ростовцевымъ осталось въ памяти, что онъ на плацу раздѣлъ насъ догсла, вызвалъ корпусную пожарную команду и подъ сигналъ „наступленіе!“ мы двигались впередъ, а насъ обдавали изъ пожарныхъ трубъ.

Вскорѣ по прибытіи изъ Тульского корпуса въ 1847 г., Орловскій корпусъ посѣтилъ первый разъ Его Имп. Вел. Государь Николай Павловичъ, обошелъ роты по кроватямъ и вскорѣ уѣхалъ. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукъ Кавалергардскаго полка и оставилъ большое впечатлѣніе своей величавой фигурой. Другой разъ Его Величество посѣтилъ корпусъ въ началѣ 50-хъ годовъ и произвелъ намъ смотръ

совмѣстно съ полками Тульскимъ и Бѣлевскимъ, а также мѣстнымъ гарнизоннымъ баталіономъ. Отпустивши полки, произвелъ намъ застрѣльческое ученіе. Былъ очень милостивъ и во время разсыпного строя покрикивалъ: „дѣти, не шумѣть“. Одѣтъ былъ Е. В. въ мундиръ гвардейскаго полка, съ закрытыми лацканами. При посѣщеніи лазарета обратился къ воспитаннику Стоянову или Ступину, хорошо не помню, съ вопросомъ, скоро ли онъ поправится? Воспитанникъ отвѣчалъ, что при видѣ Его Величества надѣется скоро поправиться; этотъ отвѣтъ понравился Государю и С. былъ награжденъ директоромъ вареньемъ и конфетами. Посѣщали корпусъ великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ при посѣщеніи корпуса былъ одѣтъ въ мундиръ Нижегородскаго драгунскаго полка. Были приглашены къ обѣденному столу Е. В. въ квартиру директора четыре фельдфебеля; изъ разсказовъ помню, что подавали пирожное въ бокалахъ, и фельдфебеля отказались, думая, что это было вино.

Посѣщали корпусъ инспектора военныхъ учебныхъ заведеній: баронъ Шлиппенбахъ, Анненковъ и Мирковичъ, но впечатлѣній о насъ не вынесли.

Разъ корпусъ посѣтилъ преосвященный Смарагдъ, архіепископъ или епископъ Орловскій (Лѣсковъ?) Для него, кажется, специально былъ устроенъ публичный экзаменъ въ саду; мнѣ кажется, что воспитанники были уже въ лагерь, и экзаменъ производился не изъ одного только Закона Божьяго, такъ какъ мнѣ пришлось ему отвѣчать басню Крылова „Два голубя“. Когда преосвящ. Смарагдъ былъ назначенъ въ засѣданіе Св. Синода, то директоръ повелъ всѣхъ кадетъ проститься съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Преосв. вышелъ на крыльцо, и мы всѣ подходили подъ его благословеніе; когда подошелъ къ нему маленькій воспитанникъ 2-й роты Аргамарковъ съ необыкновенно рыжими волосами, то его преосв. обратился къ сопровождавшему насъ нашему законоучителю Остромысленскому: „отъ Ефимъ, а какіе волосы были у Иисуса Христа?“ Отъ Ефимъ отвѣчалъ, что цвѣта орѣховаго дерева, что это сказано въ письмѣ...

Болѣе 10 лѣтъ лагерь не имѣлъ особаго мѣста и былъ расположенъ на плацу корпуса; особыхъ крытыхъ столовыхъ не было, и когда, бывало, шелъ дождь, то обильно разбавлялъ и до того тощія супы; все лѣто до 1-го августа происходили разныя ученія, особенно докучливы были шереночныя ученія съ тихимъ шагомъ въ три приема; это просто было истязаніе, въ особенности въ жаркіе

дни, при монотонной протяжной командѣ: ра-з-з-з-ть, д-в-в-в-а и три! Послѣ обѣда производились ротныя и баталіонныя ученія, а по вечерамъ устраивалась иногда парадная зоря съ перекличкой; при этомъ вспоминаю слѣдующій случай: когда при перекличкѣ назвали фамилію одного шаловливаго кадета, то онъ отвѣтилъ: „погибъ во славу русскаго оружія при Михайловскомъ укрѣпленіи“, за что стоялъ на линейкѣ; это было одно изъ лагерныхъ наказаній; нужно замѣтить, что незадолго передъ этимъ въ рекреационныхъ залахъ была повѣшена картина о подвигѣ рядового Арихипа Осипова; въ память его подвига въ Тенгинскомъ пѣх. полку было уставлено, чтобъ при перекличкѣ былъ первымъ называемъ Архипъ Осиповъ и 1-й № отвѣчалъ, что погибъ во славу русскаго оружія подѣ Михайловскимъ укрѣпленіемъ. По воскресеньямъ былъ церковный парадъ, хотя и продолжался недолго съ музыкой, но давалъ себя знать, такъ какъ послѣ него всегда болѣла голова: каска съ султаномъ, съ застегнутой чешуей необыкновенно давила голову и, разогрѣваясь на солнцѣ, ужасно воняла сапожнымъ товаромъ до одуренія. Въ свободное время воспитанники играли въ лапту, ходили на ходуляхъ и пѣли хоровыя пѣсни; много было любителей, которые занимались воспитаніемъ червячковъ и птичекъ, которые выдирали изъ деревьевъ, растущихъ въ саду у забора. Одинъ ухитрился выдрать бѣлаго воробья (албиноса) и доставилъ большое удовольствіе учителю естественной исторіи Тарачкову, сдѣлавшему изъ него чучело. Съ 1 августа до 15 были каникулы, и нѣкоторые разъѣзжались по домамъ въ отпускъ.

Обратимся опять къ составу ротныхъ командировъ. За смертью Булычева и уходомъ Шелькина ротными командирами выступили два брата Янковичи, бѣлый и черный. Бѣлый былъ прежде корпусный адъютантъ, а черный, Александръ Ефимовичъ, переведенъ изъ Полтавскаго кадетскаго корпуса. Алекс. Еф. былъ болѣе мягкаго характера и, даже когда велъ воспитанника на расправу, то дружески обнималъ его. Онъ отличался всегда франтоватостью и поощрялъ къ франтовству и воспитанниковъ: въ его командованіе появились собственные сапоги на высокихъ каблучкахъ, которые дозволялось надѣвать въ танцъ-классѣ. Можно было употреблять душистыя мыла и помадиться.

Алекс. Еф. также нашелъ неприличнымъ, чтобы въ число воскресныхъ лакомствъ, которыя покупались на собственные деньги, хранящіяся у рот. команд., входили колбаса и булки, а между тѣмъ по воскресеньямъ болѣе всего чувствовался голодъ, такъ какъ болѣе всего находились въ движеніи и обѣдъ, бывъ не такъ сытенъ, оканчивался слоенымъ пирожкомъ. Питаніе наше состояло

утромъ изъ кружки сбитня съ молокомъ и булки изъ 2-го сорта муки, величиною гораздо меньше обыкновенной французской; золотушнымъ вмѣсто сбитня давалось молоко. Сбитень съ молокомъ составлялъ пріятный напитокъ, а булка представляла солидный денежный знакъ; за нее можно было обмѣнить и карандаши, и тетради. Она была единицей при проигрышѣ пари и пр. Съ 11 часовъ давался кусокъ чернаго хлѣба, а въ часъ обѣды, состоявшій изъ 3-хъ блюдъ: супа или щей, куска варенаго мяса съ огурцомъ или гарниромъ, пирогъ или каша; за вторымъ блюдомъ ставились графины съ водой и квасомъ. Затѣмъ ужинъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: супа и каши размазни или крупениковъ или картофеля въ мундирѣ съ масломъ, а иногда вмѣсто ужина давалась кружка молока и булка. Если каша размазни подавалась часто и надоѣдала воспитанникамъ, то кашей смазывались салфетки. Этимъ выражался протестъ эконому, крупеники 4-хъ угольные изъ крупы, съ творогомъ и яйцами въ родѣ пряниковъ что-то, нужно думать, составляли привилегію изобрѣтательности эконома, такъ какъ въ разныхъ товарищескихъ обѣдахъ орловцевъ въ воспоминаніе ихъ входили крупеники. Передъ обѣдомъ пѣлась молитва всѣми воспитанниками, а также часто пѣлась и вечерняя молитва. Въ Тульскомъ корпусѣ на молитву выходили 3 воспитанника: православный, лютеранинъ и католикъ. Лютеранинъ читалъ по-нѣмецки, а католикъ по-польски.

Когда Алекс. Еф. женился, рота присутствовала въ церкви и потомъ подъ подушками, на кроватяхъ мы нашли конфеты и яблоки.

Затѣмъ перейдемъ къ учительскому персоналу. Въ приготовительномъ классѣ, который былъ отдѣльно отъ другихъ классовъ и назывался Египтомъ, преподавалъ Зак. Бож. корпусный діаконъ Гонорскій. Это былъ человекъ очень представительный, съ сильнымъ удареніемъ на букву о. Когда зѣвалъ въ классѣ, то крестилъ ротъ, когда пилъ воду, то дулъ въ стаканъ, все это онъ продѣлывалъ, какъ говорилъ, для отогнанія нечистаго духа.

Во всѣхъ остальныхъ классахъ Зак. Бож. преподавалъ протоіерей от. Ефимъ Остромысленскій. Это необыкновенно свѣтлая личность, оставившая по себѣ самое лучшее впечатлѣніе. Его кадеты очень любили и ему трудно было шествовать до инспекторской, такъ какъ толпа его обступала, подходи за благословеніемъ. Передъ полугодовыми и годичными экзаменами всякій учитель ставилъ отмѣтки. От. Ефимъ, приходя въ классъ, по списку спрашивалъ у каждаго, сколько ему поставить, и горе тому, кто увеличивалъ себѣ отмѣтки—

*

классъ дружно приходилъ въ негодованіе. Уроковъ отъ Ефимъ очень рѣдко спрашивалъ, а поль-лекціи состояло большею частью въ бесѣдахъ, остальная часть урока была посвящена объясненію слѣдующаго урока. Воспитанники широко пользовались прекрасными бесѣдами отъ Ефима и даже предварительно условливались, кто на сегодня долженъ заговаривать батюшку. Припоминаю одинъ казусъ. Былъ у насъ въ классѣ одинъ чрезвычайно тупой товарищъ, которому паль жребій заговаривать батюшку, и вотъ онъ предлагаетъ вопросъ: Правда ли, батюшка, что около Сѣвска нашли мощи І. Христа? Классъ раздражается смѣхомъ, но отъ Ефимъ и тутъ былъ на высотѣ своего званія и не разразился гнѣвомъ, тѣмъ болѣе, что это было не въ 1-мъ классѣ. Учитель математики Шведовъ, объяснивши урокъ, спрашивалъ, кто не понялъ. Если находились таковые, то онъ еще объяснялъ и потомъ спрашивалъ, кто не понялъ кромѣ N? N вышелъ въ юнкера. Я его встрѣчалъ отставнымъ маіоромъ, онъ такимъ и остался, какъ былъ въ молодости, и умеръ, кажется, отъ пьянства.

Учителя русскаго языка Карякинъ и Лаговской; первый очень хорошій, второй вѣчно плаксивый. Одному кадету очень досталось, такъ какъ въ журналѣ Лаговскій написалъ, что такой-то въ классѣ назвалъ меня кутейникомъ. Математикъ учили: Михайловъ, Шведовъ, Азанчевскій. Первый выработалъ особый способъ преподаванія „по величинамъ“. Шведовъ очень толковый былъ преподаватель. Исторію училъ Преферанскій; онъ вызывалъ отвѣчающихъ къ каедрѣ, которые брали литографированныя записки по исторіи, клали на каедру и читали. Это продолжалось года два, пока Преферанскій окончательно не сошелъ съ ума.

Учитель географіи Югансонъ пріятный и шутливый преподаватель. Естественной исторіи Тарачковъ, солидный учитель, умѣлъ заставить полюбить свой предметъ. Онъ также преподавалъ физикѣ и очень сердился, когда къ нему обращались съ просьбой, показать классу въ физическомъ кабинетѣ фокусы, говоря, что онъ не фокусникъ.

Физическаго кабинета отдѣльнаго не существовало, а онъ помѣщался въ корпусной бібліотекѣ, которая помѣщалась на 4-мъ этажѣ. Книги были разставлены по ранжиру, въ красивыхъ переплетахъ, но трудно сказать, для какой она цѣли существовала, такъ какъ воспитанники ею не пользовались и не видно, чтобы ею пользовались преподаватели и офицеры; воспитанникамъ же позволялось читать журналы Военно Учебныхъ Заведеній, которые хранились у каптенармусовъ въ цейхгаузахъ; собственныя книги, если и

были, то на нихъ должна была быть надпись: „сію книгу имѣть дозволяется—помощникъ инспектора Масловъ“, безъ этой надписи книга у воспитанника отбиралась, даже Новый Завѣтъ не избѣгала этой цензурной надписи. только въ директорство Вишнякова были учреждены ротныя бібліотеки, помѣщавшіяся въ шкапахъ, стоявшихъ въ спальняхъ. Но системы для чтеній никто не рекомендовалъ и этимъ дѣломъ, кажется, никто изъ начальствующихъ не интересовался, завѣдывалъ бібліотекой одинъ изъ кадетъ роты, рѣдко, но все-таки проникала въ среду кадетъ и нелегальная литература, какъ-то: „Три мушкетера“ и прочіе романы Дюма, которые читались съ большою осторожностью, во избѣжаніе отобранія.

Учителя нѣмецкаго языка были Мартесонъ и Миквиць (Фердинандъ Осиповичъ). У перваго я не учился, но онъ всегда служилъ предметомъ рисованія каррикатуръ и рассказовъ разныхъ комическихъ сценъ. Миквиць былъ строгій, но толковый учитель. Поганко добродушный чехъ, иногда преподававшій и исторію и ботанику. Французскаго языка Дельенъ, старый господинъ; говорили, что онъ былъ барабанщикомъ въ арміи Наполеона. Дюфуръ на щекѣ имѣлъ лишай, что дало поводъ говорить, что это было клеймо, и что онъ бѣглый изъ галеръ; де-Бельпортъ, обрусѣлый французъ, довольно толковый преподаватель. Инспекторомъ былъ Левъ Осип. Дюгамель, высокій штатскій господинъ, милый и любезный. Его смѣнилъ полковникъ Ниль Степановичъ Лавровъ; сынъ его Степа, кадетъ того времени, въ настоящее время директоръ Варшавскаго кадетскаго корпуса. Помощникъ инспектора классовъ Александръ Семеновичъ Масловъ, маленькій тщедушный капитанъ, сѣменящій быстро ножками, любилъ покрикивать и, обращаясь къ виновному, говорилъ: трепещи-ль! Виновный отвѣчалъ, трепещу, Александръ Семеновичъ. Молчи-ль. Молчу, Александру Семеновичъ былъ отвѣтъ, и Александръ Семеновичъ успокаивался.

Со вступленіемъ директора Вишнякова, въ праздничные дни были устраиваемы кадетскіе спектакли, живыя картины и бывали балы, посѣщаемые цвѣтомъ Орла.

Воспитанники скоро сдѣлались настоящими кавалерами, хотя ходилъ рассказъ, что одинъ кадетъ пригласилъ на легкой танецъ одну дѣвицу и предложилъ, какъ ей угодно танцевать за даму или за кавалера? Особое джентльменство слабо прививалось, такъ какъ очень мало воспитанниковъ посѣщали свои дома за отдаленностью, плохими путями и краткосрочными отпусками; въ нашъ проѣздъ изъ Тулы въ Орелъ, ѣхали по грунтовой дорогѣ, даже тогда шоссе не было; единственный разъ мы воспользовались продолжительнымъ

каникулярнымъ отпускомъ—это послѣ смотра Императора Николая Павловича, повелѣвшаго дать намъ отпускъ и освободить отъ лагерныхъ ученій. Не знаю, вслѣдствіе какихъ причинъ выработался особый типъ, считавшійся молодечествомъ, и назывался „закалы“. Они ходили въ развалку, говорили басомъ, были хорошіе товарищи, но не любимы начальствомъ; красивые воспитанники назывались „мазочками“.

Въ числѣ новшествъ было обязательное писаніе писемъ предъ праздниками Р. Х. и С. Х. В. къ родителямъ, которыя отправлялись на казенный счетъ; письма эти сопровождались аттестациями рот. ком., и вотъ одинъ маленькій кадетъ Ф., сынъ генерала съ почтенною нѣмец. фамиліею, лютеранинъ, писалъ отцу: „милый папаша, позвольте мнѣ перекреститься, такъ какъ всѣ товарищи называютъ меня колбасникомъ“. А другой, болѣе безстрашный, не отличавшій успѣхами и хорошимъ поведеніемъ, писалъ: „Милые Родители, учусь и веду себя скверно, въ чемъ можетъ засвидѣтельствовать ротный командиръ“. Это возмутило ротнаго, и онъ велѣлъ переписать, но воспитанникъ упорно отказался, и нужно думать, что письмо пошло въ первоначальномъ видѣ, но находчивый воспитанникъ адресовалъ въ тотъ городъ, гдѣ его родители никогда не были.

Всѣ эти новшества не завоевали любви къ новому директору, и мы часто вспоминали Тинькова, прощая ему его наказанія. Вспоминали его за добродушіе и что онъ въ продолженіе своего директорства никого не сдѣлалъ несчастнымъ.

На выпускномъ экзаменѣ во 2-мъ спеціальному классѣ одному изъ способныхъ учениковъ достался билетъ о Херасковѣ; онъ и говорить, что Херасковъ былъ сынъ бѣдныхъ и не благородныхъ родителей, что отецъ не могъ дать ему приличнаго образованія, а потому опредѣлилъ его въ кадетскій корпусъ. Разразился гнѣвомъ Вишняковъ, и способный кадетъ оставилъ корпусъ, поступилъ въ другое учебное заведеніе и былъ потомъ прекраснымъ выборнымъ мировымъ судьей.

С. Н. Тиньковъ обладалъ шутливымъ тономъ и особенными выраженіями—обращаясь къ воспитанникамъ, называлъ ихъ „милостивецъ“. Напримѣръ, въ строю былъ оставленъ интервалъ для неявившагося кадета. С. Н. показалось, что интервалъ великъ, и вотъ онъ обращается: „милостивецъ, что это вы для двухъ Шаховыхъ оставили мѣсто“. Петръ Шаховъ былъ новый кадетъ, и потомъ былъ воспитателемъ въ Орловскомъ корпусѣ. Въ 3-й ротѣ былъ кадетъ Краевичъ косой. С. Н. обращается къ нему и говорить, „совершенно какъ моя Нюночка“. Нина Сергѣевна, дочь С. Н., кра-

сивая, стройная дѣвица, но была немного косовата. Шутливый тонъ не покидалъ С. Н. до конца жизни; такъ, мнѣ пришлось слышать отъ одного калужца, что С. Н. въ отставку поселился въ имѣніи своемъ въ Калужской губ. и при освобожденіи крестьянъ писалъ миров. посреднику въ привычномъ ему тонѣ, за что былъ нѣсколько разъ штрафованъ миров. поср., а потомъ узнали, что онъ добрый человѣкъ, и оставили его въ покоѣ.

Періодъ, обнимающій мои воспоминанія, относится къ первымъ годамъ основанія корпуса. Воспоминанія мои подчеркнуты событіями немислимыми въ настоящее время, но, несомнѣнно, были и свѣтлыя страницы кадетской жизни. Корпусъ воспиталъ истинно-русскихъ людей, патриотовъ и далъ изъ тогдашняго состава: представителей высшихъ чиновъ арміи, корпусныхъ командировъ, администраторовъ, начиная съ губернаторовъ, земскихъ дѣятелей, судей, литератора Василия Потто (писавшаго еще въ корпусѣ стихи) и друг.

Александръ Пороховщиковъ, гвардейскій офицеръ, извѣстенъ былъ въ Москвѣ, какъ строитель, выработавшій особый архитектурный Пороховщиковскій стиль и, наконецъ, бывшій фельдфебель 1-й роты, артиллерія офицеръ Слѣпушкинъ, имѣлъ магазинъ дамскихъ принадлежностей, а Надѣинъ велъ книжную торговлю. Много героевъ пало на поляхъ битвы. Имена ихъ записаны на мраморной доскѣ въ корпусной церкви. Были и ученые и даровитѣйшіе воспитанники. Мацковъ, бывшій долгое время инспекторомъ корпуса, заслужилъ общую любовь послѣдующихъ поколѣній, и въ честь его собирается подписка на стипендію его имени въ Орловскомъ корпусѣ. Помню его, этого коренастаго, съ розовыми щечками кадета, съ костромскимъ нарѣчіемъ, и мы къ нему обращались: „Кострома же, братецъ, Кострома“!

Зданіе корпуса въ четыре этажа имѣло фигуру буквы Н. При немъ были отдѣльные флигеля, помѣщеніе директора въ два этажа и въ три этажа флигель, который занимали разныя должностныя лица: старшій врачъ Вилльенъ, казначей капитанъ Клейгельсъ, полицеймейстеръ подполковникъ Полтавцевъ, діаконъ Гонорскій и др. Затѣмъ была баня, куда водили поочередно, и прачешная съ кастеляншей Шарлотой Карловой, почтенной дамой, которую часто посѣщалъ во время приѣзда даже Яковъ Ив. Ростовцевъ.

Въ 1-мъ этажѣ главнаго зданія помѣщалась служительская рота со своимъ ротнымъ командиромъ и его помощникомъ. Это были офицеры, произведенные изъ каптенармусовъ корпуса; они носили инвалидную форму, но на эполетахъ были инициалы корпуса. Служителя, кромѣ обыкновенныхъ шинелей, имѣли сюртуки. Погоны же были одина-

коваго цвѣта съ кадетами, то есть синіе, съ бѣлыми кантами и съ инициалами О. В. (въ настоящее время черные съ желтымъ кантомъ). Женатые солдаты помѣщались съ женами, а со вступленіемъ въ директорство Вишнякова всѣ служителя сбрили усы, кромѣ четырехъ капитанармусовъ. Этой же участи подверглись и музыканты. 2-й этажъ занимали: кухня, квартира эконома, 4-хъ рот. командировъ, батальоннаго командира и нѣкоторыхъ офицеровъ, канцелярія, лазаретъ и запасный лазаретъ, гдѣ, во время пріѣзда лютеранскаго пастора и католическаго патера, совершалось богослуженіе. Воспитанники этихъ вѣроисповѣданій въ младшихъ классахъ учились совмѣстно съ православными, а тамъ, гдѣ преподавался уже катехизисъ, они сидѣли въ своихъ классахъ.

Помню одинъ случай съ воспитанникомъ Лелонгъ, поступившимъ изъ Сиротскаго Царскосельскаго Александр. кад. кор. и считавшимся православнымъ; но въ одно прекрасное время ему объявляютъ, что онъ католикъ. Это огорчило Лелонга, и онъ съ плачемъ говорилъ, что онъ не желаетъ быть полякомъ, и кажется, потомъ оказалось, что Лелонгъ не принадлежалъ ни къ той, ни къ другой изъ этихъ церквей.

3-й этажъ занимала зала собранія въ два свѣта; здѣсь же помѣщалась и гренадерская рота. Съ одной стороны были спальни, рекреационная зала 1-й роты, столовая, церковь и классы, а съ другой стороны рисовальный классъ, гдѣ былъ преподаватель Ома Александровичъ Александровъ, а учителемъ чистописанія былъ очень элегантный, съ орлинымъ носомъ Фельдманъ, который училъ писать по нѣмецкой командѣ 1, 2 и 3. На каждомъ счетѣ надавливалось перо и, на примѣръ, если букву нужно было написать въ три темпа, то при остановкѣ на 2-мъ темпѣ должно быть написано $\frac{1}{2}$ буквы; при существованіи Орловской-Бахтина военной гимназіи Фельдманъ былъ, кажется, воспитателемъ. При 12-ти бальной системѣ, самый высшій балъ по чистописанію былъ 9. 4-й этажъ рекреационныя залы 2-й и 3-й роты и спальни ихъ, а также спальня 1-й роты, бібліотека, пѣвческій классъ, цейхаузы 1, 2 и 3-й роты. Кромѣ этихъ зданій, была усадьба-особнякъ съ деревяннымъ мезониномъ-домомъ, квартира инспектора классовъ, а также деревянный флигель, гдѣ между прочими жила аптекарь Феро и архитекторъ Тибо. Женатымъ солдатамъ дозволялось имѣть гдѣ-то на корпусныхъ задворкахъ коровъ, и они просили за обѣдомъ кадетъ побольше оставлять кусковъ хлѣба и въ своихъ ведрахъ, наполненныхъ остатками обѣда и кусками хлѣба, относили ихъ своимъ коровамъ. Во время лагерей кадеты покупали у нихъ молоко по 10 к. за кубанку

(очень большой черный горшокъ). Молодыхъ служителей было очень мало, а все служившіе 20 и болѣе лѣтъ, но еще состоявшіе на службѣ. Еще въ концѣ плаца стояла очень старая изба, гдѣ помѣщалась слесарная. Эта изба была остаткомъ отъ владѣнія графа Каменскаго; на землѣ, купленной у него, и былъ построенъ корпусъ. За плацемъ былъ садъ. Впереди корпуса былъ городской плацъ и кафедральный соборъ. На этомъ плацу Императоръ Николай Павловичъ и произвелъ намъ смотръ съ полками 6-го армейскаго корпуса.

Конст. Федор. Кулябка.

Начальникъ Соколовой горы.

(Изъ записокъ стараго помѣщика).

По должности губернскаго предводителя мнѣ пришлось открыть и затѣмъ два года предсѣдательствовать въ особой комиссіи по пересмотру саратовскаго городского положенія 1839 года, утвержденнаго Императоромъ Николаемъ I, и комиссія эта, состоя изъ представителей отъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ съ городскимъ головою и полицеймейстеромъ, имѣла еще и представителей отъ правительства, назначенныхъ министерствомъ.

Занятія эти были очень трудныя и, въ особенности, для предсѣдателя, котораго министръ внутреннихъ дѣлъ не только торопилъ окончаніемъ пересмотра положенія, но отъ времени до времени требовалъ отъ него представленія и личныхъ по этому дѣлу его заключеній, при соображеніи съ прежнимъ городскимъ положеніемъ, почему мнѣ пришлось заглянуть въ городской архивъ, давно сдаанный уже въ архивъ при губернскомъ правленіи, и хотя архивы прежняго времени большею частью уничтожались, но въ оставшейся, пожелтѣвшей отъ времени перепискѣ, къ моему изумленію, я нашелъ странный бывшій городской расходъ на квартиру начальника Соколовой горы, у подошвы которой расположенъ Саратовъ.

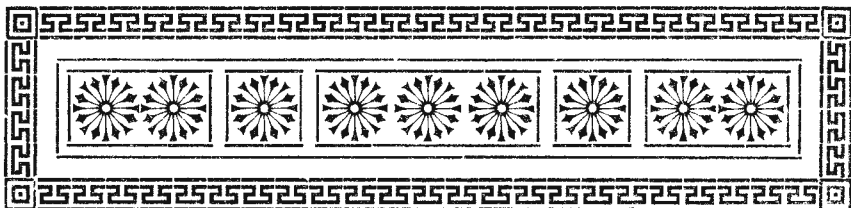
Гора эта, какъ извѣстно, уже въ продолженіе всего девятнадцатаго столѣтія не имѣла у себя не только ни одного деревца, но даже и какой-либо травы, между прочимъ до 1830 года состоялъ начальникомъ этой горы полковникъ М. А. Родіоновъ, получавшій по этой должности, кромѣ квартирныхъ, еще и значительное содержаніе отъ правительства.

Это курьезное обстоятельство заинтересовало меня, и я постарался узнать объ этомъ поподробнѣе, при чемъ оказалось, что Соколова гора въ XVIII столѣтіи на большое пространство была покрыта вѣковымъ дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ водились сокола, доставлявшіеся для охоты прежнимъ государямъ, но послѣ нашествія Пугачева, который, расположивъ тамъ свой станъ, обстрѣливалъ Саратовъ черезъ прорубленные просѣки, лѣсъ этотъ подвергался пожару и затѣмъ окончательно уничтожился. Милые же порядки того времени, зачастую въ ущербъ казны, сохраняли долгое время подобныя миеическія правительственныя должности, награждавшіяся и чинами и орденами.

Затѣмъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ весьма почтенной дамой, близкой родственницей полковника Родіонова; я рассказалъ ей объ этомъ курьезѣ, на что она, смѣясь, отвѣтила, что пока былъ начальникъ Соколовой горы, она не сползала въ Волгу, какъ это дѣйствительно случилось недавно.

В. А. Шомпулевъ.

Изъ дневника Опочихина.

Октябрь.—1830 г.

Воскресенье 5/17 окт. Варшава.

Въ настоящее тревожное время, когда политическія событія перво-степенной важности быстро слѣдуютъ одно за другимъ, у меня, безъ сомнѣнія, не будетъ недостатка въ интересномъ матеріалѣ для моего дневника. Если въ этой книгѣ сохранится хотя одна благотворная мысль, то я сочту трудъ мой вознагражденнымъ.

Нѣкто Янипревскій, вышедшій въ отставку въ 1815 г., работалъ на табачной фабрикѣ Ровацкаго, получая за свой трудъ по 2 флорина въ день. Не имѣя другихъ средствъ къ существованію, онъ рѣшился наконецъ бросить этотъ непроизводительный трудъ и поступилъ въ труппу странствующихъ музыкантовъ, игравшихъ по кофейнямъ. Когда же по случаю кончины Е. И. В. во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ было воспрещено играть музыкѣ, то человекъ этотъ, чтобы не умереть съ голода, отправился къ г. Войда, городскому головѣ г. Варшавы, просить мѣста въ муниципалитетѣ. Послѣдній отказалъ ему разъ, другой, а въ десятое его посѣщеніе, говорятъ, велѣлъ выгнать его изъ дому. Недѣли двѣ тому назадъ Янипревскій встрѣтилъ г. Войда близъ арсенала и снова обратился къ нему со своею просьбою. Городской голова отвѣчалъ ему по-прежнему отказомъ, пославъ его въ добавокъ къ черту; тогда отставной военный не вытерпѣлъ и за эти дерзкія слова нанесъ головѣ три удара. Его внушительная расправа на этомъ бы не кончилась, если бы въ дѣло не вмѣшался проходившій мимо артиллерійскій полковникъ **** и два польскихъ гренадера; они схватили расходившагося Янипревскаго и отправили его въ тюрьму подъ конвоемъ, взятымъ изъ арсенала, гдѣ въ то время стоялъ въ караулѣ г. Абрамовичъ съ Литовскимъ

полкомъ. Вслѣдъ за донесеніемъ г. Абрамовича каменданту объ этомъ приключеніи узналъ и его высочество; онъ тотчасъ послалъ своего дежурнаго адъютанта Трэмбицкаго освѣдомиться объ состояніи здоровья г. Войда, которому между тѣмъ пустили кровь. Виновный въ нанесеніи ударовъ былъ приговоренъ судомъ къ заключенію въ тюрьму на мѣсяцъ и къ денежному штрафу въ 40 флориновъ.

Г. Войда не любилъ въ городѣ; между поляками составилаь подписка, доставившая обвиненному 6.000 флориновъ.

Нѣсколько дней спустя къ разносчику, продававшему на улицѣ трости, подходитъ неизвѣстный челоѣкъ и спрашиваетъ его, что онъ стоитъ и какъ называются.

— Онъ не имѣютъ особаго названія, отвѣчаетъ торговецъ.— Какъ не имѣютъ?—возразилъ покупатель, это войданки; вотъ тебѣ рубль, продавай ихъ подъ этимъ названіемъ.

Глупецъ послушалъ этого совѣта, а полиція выместила его на спинѣ торговца.

Многіе утверждали, что возмущеніе въ Варшавѣ вещь невозможная. Но въ послѣднее время убѣжденіе это повидимому поколебалось; обстоятельства показали, что даже самыя прочно установившіяся государства не обезпечены отъ тревоженій. Правительство въ послѣднее время принимаетъ мѣры предосторожности противъ всякой попытки къ возмущенію, все это дѣлается самымъ секретнымъ образомъ; и мы могли замѣтить эти приготовленія только по болѣе частому появленію вице-президента Любавицкаго въ Бельведерскомъ дворцѣ, по совѣщаніямъ Е. И. В. съ Курutoй и Жандромъ, по удвоенному надзору нашихъ ближайшихъ начальниковъ за гвардіей и по новымъ паролямъ, розданнымъ часовымъ. Наши ежедневные приказы и тѣ отличаются странной таинственностью; намъ даютъ почувствовать, что приказы эти имѣютъ особенное значеніе, но не разъясняютъ ихъ вполне.

Вотъ какіе слухи носятя объ замыслахъ партіи недовольныхъ. Говорятъ, что на-дняхъ, въ казармѣ 4-го линейнаго полка найдена прокламація, писанная женскимъ почеркомъ, въ которой этотъ полкъ подстрекается къ возмущенію. Подобныя прокламаціи находятъ каждый день на всѣхъ углахъ, но куда дѣло этимъ ограничивается. Во всемъ этомъ обвиняютъ студентовъ; говорятъ, будто они хотять побудить народъ къ возстанію, воспользовавшись для этого всеобщю дороговизною, которая возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Перваго ноября, по новому стилю, цѣны на мясо должны подняться, и они хотять воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы поднять народъ, начавъ съ сожженія нашихъ мостовъ, чтобы запретить насъ въ казармахъ. Говорятъ, будто особенная опасность угро-

жаеть Мостовскому и Наваховичу; послѣдній уѣхалъ вчера въ Петербургъ, сказавъ, что жена его при смерти больна.

Говорятъ, что въ настоящее время приняты слѣдующія мѣры предосторожности. Всѣ ружья, находящіяся въ Варшавскомъ арсеналѣ, разобраны по частямъ; Волинскій полкъ, стоящій въ отдѣльныхъ казармахъ, получилъ приказъ быть готовымъ въ случаѣ тревоги; генералъ Исаковъ произвелъ даже на-дняхъ фальшивую тревогу, и солдаты въ 8 минутъ были уже въ полной походной амуниціи.

Уланскій и нашъ полкъ также получили по этому случаю новыя распоряженія. Въ казармахъ Волинскаго полка поставлены 4 пушки, всякая съ двумя запасными зарядными ящиками.

Относительно карауловъ увеличена строгость; генералы свиты его высочества получили приказаніе осматривать караулы по ночамъ, что его высочество разъ или два дѣлалъ лично. Въ нашемъ полку, приказомъ капитану *** удвоены часовые у всѣхъ мостовъ для наблюденія за толпами, шумомъ и пожаромъ.

Въ предмѣстїи (au Schouler) у дверей каждаго кабака поставлены часовые, обязанные не впускать туда солдатъ. Словомъ, полиція отличается необыкновенною дѣятельностью, и однако до сихъ поръ не найдено виновныхъ, нарушающихъ общественное спокойствіе. Часовымъ роздано по десяти боевыхъ патроновъ каждому.

При первомъ представленіи „Маріанны“ Вольтера эта трагедія подала поводъ къ двумъ насмѣшкамъ, произнесеннымъ на нее какимъ-то человѣкомъ въ партерѣ, и вслѣдствіе которыхъ она чуть было не сошла со сцены. Это было во время праздника трехъ королей; и вотъ въ ту минуту, какъ Маріанна беретъ чашу съ ядомъ, какой-то шутникъ закричалъ: *la reine boit* (королева пьетъ) — всѣ въ партерѣ разразились смѣхомъ. Актеръ, исполнявшій роль Варюса, былъ очень дурень собою; его наперсникъ говоритъ ему: „Вы смущаетесь, вы мѣняетесь въ лицѣ“. „Пускай себѣ мѣняется“, раздается снова въ партерѣ. Общій смѣхъ.

Вставъ въ 5 часовъ, я отправился въ казармы, такъ какъ былъ назначенъ командовать церковнымъ парадомъ, но онъ былъ отмененъ; я отстоялъ обѣдню. У обѣдни я былъ съ матерью; изъ церкви заѣхалъ къ Бутурлину, затѣмъ къ Сергѣю; онъ сегодня дежурный по полку. Обѣдалъ въ Бельведерскомъ дворцѣ, гдѣ дежурнымъ сегодня Грессеръ, а вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали „Le Para“, комедію въ одномъ актѣ, „Frachka“, комедію въ одномъ актѣ, и „Wuziaszeks Ukrainy“, водевиль, переведенный съ французскаго („Дядя изъ Америки“). Изъ театра возвратился прямо къ себѣ, читалъ и писалъ до полуночи.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Понедѣльникъ 6/18 октября. Варшава.

Г. Кулебакинъ, гусарскій офицеръ, весьма некрасивый собой, горбатый и совершенно изуродованный, отправился въ университетъ послушать рѣчь г. Оссиескаго. Когда онъ входилъ, въ классъ поднялся шумъ, слышались дерзкія восклицанія, и одинъ изъ студентовъ, проходя мимо него, нахально осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Не теряя присутствія духа, офицеръ отвелъ юношу въ сторону и спросилъ его фамилію и адресъ. — На что вамъ? — Чтобы потребовать объясненія по поводу того, какъ вы посмотрѣли на меня. — Но это моя обычная манера. — Въ такомъ случаѣ остается только пожалѣть васъ. На эти слова молодой человекъ сказалъ свою фамилію и сталъ извиняться, но его товарищи начали кричать, называя Кулебакина *москалемъ*. Въ это время вошелъ полицейскій и спросилъ офицера, кто его оскорбилъ. — „Никто“, отвѣчалъ гусаръ и, обратившись къ студентамъ, прибавилъ: „Вотъ, господа, какъ мстить русскій офицеръ. Я воспитывался такъ же, какъ и вы, въ общественномъ заведеніи ¹⁾, но никогда не позволялъ себѣ оскорбить иностранца, да и товарищи не дозволили бы мнѣ этого.

Я всталъ въ 7 часовъ и поѣхалъ верхомъ въ казармы. Въ 10 часовъ взводное ученіе верхомъ на уздечкахъ. Я жалуюсь капитану Килю на Голицына, который былъ выпивши. Онъ простилъ его. Возвратившись домой въ 12 ч., я болѣе никуда не выходилъ. Вечеромъ былъ у Левницкихъ. Легъ спать въ четверть перваго.

Да сохранить меня Господь.

Вторникъ 7/19. Варшава.

Судя по городскимъ слухамъ, вчера должно было вспыхнуть возстаніе, такъ какъ это былъ день раздачи жалованья рабочимъ и при томъ понедѣльникъ. Трудно сказать, до чего подобные справедливые или ложные слухи волнуютъ умы и сколько людей не спало всю ночь, ожидая возстанія.

Рунъ, юноша вообще довольно разсудительный, пресерьезно увѣрялъ меня, что всѣ эти слухи достовѣрны, и самъ до того былъ въ нихъ убѣжденъ, что созвалъ къ себѣ нѣсколькихъ товарищей, которые у него ночевали; между ними былъ маленькій Свитчинъ, капитанъ, состоящій при штабѣ Красинскаго. Этотъ маленькій человекъ, между прочимъ крайне безобразный, живетъ съ своимъ братомъ въ домѣ Красинскаго, и такъ какъ владѣлецъ этого дома ненавидимъ партией недовольныхъ, то онъ побоялся провести эту ночь подъ одной крышей съ нимъ. Я имѣлъ случай убѣдиться, до

¹⁾ Въ лицѣѣ.

какой степени человѣкъ, занятый одной мыслью, находитъ съ нею связь въ самыхъ обыкновенныхъ и ничтожныхъ фактахъ и толкуеть ихъ по-своему. Рунъ слышалъ въ первомъ часу ночи звукъ почтовой трубы, что въ Варшавѣ вовсе не составляетъ рѣдкости, и теперь вы ничѣмъ въ мірѣ не убѣдите его, что это не былъ сигналъ къ возстанію.

Наши генералы также ужасные трусы; они бредятъ революціей; Маковъ говоритъ, что никакія мѣры предосторожности не лишни; Жандръ и Курнатовскій то и дѣло объѣзжаютъ по ночамъ казармы; не далѣе какъ вчера они явились въ 1 часъ ночи; добрякъ комендантъ Левицкій объѣзжалъ сегодня ночью караулы съ конвоемъ изъ двухъ казаковъ вмѣсто одного. Одинъ только Кнорингъ такъ же спокоенъ и хладнокровенъ, какъ обыкновенно, и прекрасно дѣлаетъ.

Парадъ. Нашъ эскадронъ въ караулѣ. Посѣщеніе Овсянникова. Разговоръ съ Розеномъ. Въ 11 часовъ я навѣстилъ большого Безобразова; онъ спалъ. Я отправился въ баню. Гѣте дорого заплатился въ Женевѣ за удовольствіе взглянуть на прекрасную ж... въ природномъ костюмѣ; я же имѣлъ это удовольствіе бесплатно въ банѣ, благодаря маленькой щелочкѣ въ дверяхъ, сквозь которую я вдоволь налюбовался на хорошенькую, молоденькую женщину *in puris naturalibus*. Прелестное зрѣлище!!! Обѣдалъ дома. Вечеромъ былъ у Безобразова - не видалъ его; уединенная прогулка въ Саксонскомъ саду. Былъ у Левицкихъ. Юлія простила меня; она была причесана à la Niobé и очень хорошенькая. Игралъ въ мушку съ Озеровыми, полковникомъ Парадовскимъ и М-ме Левицкой; выигралъ 5 фл. 15 гр.: легъ спать въ половинѣ перваго.

Да сохранить меня Господь.

Среда 8/20. Варшава. Въ казармахъ.

Вчера въ полдень генералъ неожиданно отдалъ приказъ всѣмъ эскадронамъ, за исключеніемъ нашего, занимавшаго караулъ, осѣдлать лошадей и выступить. Въ 14 минутъ всѣ эскадроны были готовы къ бою, сѣдла безъ выюковъ, ине въ рейтузахъ, колетахъ, кирасахъ, каскахъ и при калошахъ. Одинъ солдатъ 2-го эскадрона былъ готовъ въ 6 минутъ. Затѣмъ эскадроны съ однимъ унтеръ-офицеромъ во главѣ прошли мимо генерала церемоніальнымъ маршемъ.

Я былъ дежурнымъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ, кап. Кноррингомъ и корнетами: Гриберомъ и Луба. По утру былъ его высочество и генералъ; вечеромъ мы играли до 2 часовъ утра въ горку, я выигралъ 22 злота. Дежурство очень строгое; всѣ при сабляхъ. 3 ч. ночи ходили съ ротмистромъ по конюшнямъ..

Да сохранить меня Господь.

Пятница 10/22. Варшава.

Холера, пришедшая къ намъ изъ Персіи, опустошила въ прошломъ году наши юго-восточныя провинціи. Въ этомъ году она свирѣпствовала въ Астрахани и Оренбургѣ, проникла въ Пензенскую, Владимірскую, Саратовскую губерніи и приближается теперь къ Москвѣ. Въ прошломъ мѣсяцѣ императоръ послалъ на мѣсто бѣдствія министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго съ 40 врачами. Онъ учредилъ комитетъ общественнаго здравія и предлагаетъ премію въ 25.000 руб. тому, кто напишетъ лучшее сочиненіе объ этой болѣзни. Надобно замѣтить, что къ конкурсу не допущены французскіе медики.

Получивъ 29 сентября извѣстіе, что холера появилась въ Москвѣ, Закревскій немедленно отправился туда. Въ Ижорѣ устроенъ карантинъ, баркамъ запрещено спускаться по Невѣ; крестьянамъ, прїѣзжающимъ въ столицу, приказано привозить съ собою какъ можно больше можжевельника; аптеки снабжены всеми лѣкарствами, употребляемыми въ этой болѣзни; въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи двора былъ отслуженъ молебень и читали молитву, сочиненную по этому случаю Филаретомъ. Въ церквахъ молятся о прекращеніи эпидеміи, а въ газетахъ и на улицахъ опубликованы слѣдующія правила:

Главные симптомы этой болѣзни: сильная головная боль, безпрестанная рвота, сопровождаемая кровавымъ поносомъ, наконецъ, конвульсія или спазмы въ икрахъ. Чтобы предохранить себя отъ этой болѣзни, жители должны точно соблюдать нижеслѣдующія мѣры предосторожности:

1. Какъ можно болѣе остерегаться простуды; въ дурную погоду, какая господствуетъ въ настоящее время, одѣваться какъ можно теплѣе, перемѣнять сырое платье и стараться не промочить ногъ.

2. Не спать ни днемъ, ни ночью на воздухѣ, и въ особенности на сырой землѣ.

3. Не обременять желудка неудобоваримой пищей; согласно съ этимъ строго воспрещается ѣсть яблоки, сливы, дыни, сырую рѣпу, грибы и пр.

4. Какъ можно менѣе употреблять крѣпкіе напитки и горячія кушанья, въ особенности не ѣсть луку.

5. Соблюдать чистоту тѣла, чаще мѣнять бѣлье и заботиться о чистотѣ не только жилыхъ покоевъ, но также дворовъ и улицъ.

6. Очищать воздухъ въ комнатахъ; въ хорошую погоду открывать окна, а въ дурную протапливать печи и курить уксусомъ и можжевельникомъ.

7. Не выходить по утру натошакъ и не утомляться до изнеможенія.

8. Лишь только въ домѣ у кого-нибудь обнаружатся вышеупомянутые симптомы, тотчасъ же донести объ этомъ комитету здравія.

9. Перенести больного въ отдѣльную комнату, которую слѣдуетъ часто обкуривать; для большей предосторожности мыть руки уксу-сомъ каждый разъ, какъ дотронешься до больного или до его одежды.

10. Въ случаѣ смерти больного, бѣлье, которое онъ употреблялъ, слѣдуетъ перемывать и провѣтривать, по крайней мѣрѣ, въ теченіе четырехъ дней, точно такъ же, какъ и его постель; тѣло должно быть предано погребенію не позже, какъ по прошествіи 24 часовъ отъ кончины.

11. Если врачъ потребуетъ отправить больного въ госпиталь, то за лѣченіе его и медикаменты не будетъ взиматься никакой платы.

Въ Грузіи и на Кавказѣ, гдѣ болѣзнь эта можетъ быть названа мѣстной, всѣ до того убѣждены, что она коренится въ воздухѣ, что запрещено даже организовать кордоны. Въ Тифлисѣ жители имѣютъ обыкновеніе уѣзжать въ горы; въ этомъ году подобная мѣра ни къ чему не привела. На Кавказѣ пробовали очищать воздухъ, стрѣляя изъ пушекъ, но безуспѣшно. Первый человѣкъ, кому пришло на мысль организовать кордонъ, былъ гетманъ донскихъ казаковъ—личность, какъ видно, не особенно авторитетная въ научномъ отношеніи.

Болѣзнь эта появилась, кажется, первоначально на Зондскихъ островахъ, откуда перешла въ Индію и распространилась по всей Азіи. Когда она появилась въ Россіи, то наше правительство сдѣлало официальный запросъ Англіи по поводу этой язвы, которую англійскимъ докторамъ часто представлялся случай изучать въ Индіи, и получивъ удовлетворительный отвѣтъ, оно сообщило его всѣмъ военнымъ врачамъ южныхъ губерній. Итакъ, до сихъ поръ примѣняется, и надобно замѣтить, почти безуспѣшно, одна только англійская система лѣченія. Это методъ въ высшей степени противувоспалительный, состоящій въ частомъ кровопусканіи и назначеніи слабительнаго. Также пробовали давать сильные приемы опиума. На Дону нынѣшній годъ съ успѣхомъ употребляли полынь.

Судя по извѣстіямъ изъ Москвы, холера тамъ довольно слаба. До сихъ поръ насчитываютъ не болѣе 17 жертвъ. Городъ раздѣленъ на участки, подчиненные вѣдѣнію сенаторовъ.

Cholera Morbus очень острая болѣзнь желудка и кишекъ, при которой съ сильными потугами и рвотой отдѣляется желчная, ѣдкая и кислая мокрота желтаго, зеленаго и черноватаго цвѣта; рвота сопровождается колотьями въ животѣ, тошнотою, слабостью, нервнымъ, учащеннымъ пульсомъ, холоднымъ потомъ, выступающимъ на лбу и оконечностяхъ, сильной жаждой и нерѣдко конвульсіями и другими опасными симптомами, которые нерѣдко причиняють смерть въ 24 часа.

Чума, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1777 году, была занесена туда въ турецкомъ платкѣ, денщикомъ одного генерала, возвратившимся изъ Турціи. Отъ заразы умеръ его хозяинъ и весь домъ, но болѣзнь удалось задержать, предавъ сожженію все ихъ имущество. Къ несчастію, какой-то ямщикъ изъ слободы Ямской подобралъ постромки, лежавшія около этого дома, и занесъ вмѣстѣ съ ними чуму въ свой кварталъ, откуда она распространилась по всей Москвѣ.

Вставъ въ 7^{1/2} ч., я отправился въ казармы. Конное ученье по-взводно на уздечкахъ; у меня во взводѣ десять рядовъ. Послѣ былъ дома, писалъ кое-что, мало читалъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ, гдѣ видѣлъ Ивана Михайловича Флавицкаго, который недавно приѣхалъ съ кавказскихъ водъ. У него засталъ доктора Волоскаго.

Да сохранить меня Господь.

Суббота 11/23. Варшава.

Говорятъ, будто сегодня положено перебить насъ, и что это должно было совершиться еще въ прошлый понедѣльникъ, но отложено до сегодняшняго дня, такъ какъ не все еще было подготовлено. Вѣроятно, завтра мы услышимъ, что экзекуція снова отложена до понедѣльника; въ понедѣльникъ—до 1 ноября и такъ далѣе до тѣхъ поръ, покуда найдутся легковѣрные люди, довѣряющіе всякимъ слухамъ на слово.

Что касается меня, то вотъ мое мнѣніе обо всѣхъ этихъ слухахъ. Генералъ Рожнецкій получаетъ ежегодно на содержаніе тайной полиціи около 400.000 рублей. Эта, столь дорого стоящая полиція накрывала до сихъ поръ, вмѣсто заговорщиковъ, офицеровъ, прогуливавшихся разстегнутыми, не по формѣ одѣтыми и т. д. Эти важныя открытія ни чуть не помѣшали заговору 1826 г. созрѣть подъ носомъ его превосходительства г. Рожнецкаго. Разумѣется,

это поколебало его кредитъ, а для того, чтобы его возстановить и удержать вмѣстѣ съ тѣмъ и 400.000 руб., которые легко могли ускользнуть изъ его рукъ, онъ, какъ умный человѣкъ, воспользовался, вѣроятно, теперешнимъ смутнымъ временемъ, ропотомъ нѣкоторыхъ недовольныхъ и незначительными студенческими волненіями, чтобы напугать Его Высочество. Изъ мухи сдѣлали слона; какъ знать, быть можетъ, и самая муха создана его фантазіей; это было бы верхъ совершенства! Я не вѣрю и $\frac{7}{8}$ всѣхъ тревожныхъ слуховъ, распускаемыхъ въ городѣ, и допускаю одно, что есть недовольные, которые были бы рады пошумѣть; число этихъ недовольныхъ быть можетъ значительнѣе, нежели думаютъ, но русскіе штыки держатъ ихъ въ повиновеніи, и они ничего не предпринимаютъ ни сегодня, ни въ понедѣльникъ, ни 1-го ноября и никогда.

У меня былъ поутру несчастный Гельвигъ; онъ сообщилъ мнѣ со слезами, что его мать умерла въ Дрезденѣ. Это прекрасный молодой человѣкъ, но слишкомъ мягкій и неопытный, чтобы быть гувернеромъ 16-лѣтняго юноши, и въ особенности Николая Левицкаго. Онъ окончилъ курсъ въ Лейпцигскомъ университетѣ, и кажется, на богословскомъ факультетѣ. Это истый нѣмецъ, сентиментальный, анализирующій каждое чувство, наивный, какъ дѣвушка, дѣвственный въ 24 года и въ то же время въ дѣлѣ религіи проникнутый самыми либеральными идеями. Онъ говорилъ мнѣ, на примѣръ, что не вѣруетъ въ Св. Троицу, потому что это непонятно. Онъ уѣзжаетъ къ отцу своему въ Дрезденъ, чему я не радъ, такъ какъ подъ его вліяніемъ я полюбилъ нѣмецкую литературу, и онъ снабжалъ меня лучшими нѣмецкими классиками.

Поутру парадъ; нашъ эскадронъ въ караулѣ: Его Высочество замѣтилъ, что дурно обмундированъ. Въ 11 часовъ была репетиція церковнаго парада на завтрашній день. Я поѣхалъ на нее верхомъ, а возвратился вмѣстѣ съ капитаномъ Килемъ. Посѣщеніе Гельвига и Озеровыхъ. Обѣдъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда, написавъ письмо, отправился къ Озерову, гдѣ засталъ Овандера, Шульгина и хорошенькую Г... отъ Яворскихъ. Играли въ вистъ.

Да сохранить меня Господь.

Понедѣльникъ 13/25. Варшава.

Вчера вечеромъ въ театрѣ смѣси (Rosmaitosci) Шульгинъ занималъ кресло перваго ряда возлѣ графа Солтыкова; передъ ними всталъ родственникъ генерала Пенхержевскаго. Графъ Солтыковъ неоднократно замѣчалъ ему, что онъ мѣшаетъ имъ видѣть, наконецъ, всталъ и пожаловался дежурному офицеру. Тогда Жандръ, Штакельбергъ и капитанъ Карскій замѣтили Шульгину, что если бы подобная сволочь наступила бы имъ на ногу, то они заставили бы полицію принять должныя мѣры. Шульгинъ, по его словамъ, ничего не отвѣчалъ; однако ему пришлось за все поплатиться. По выходѣ изъ театра, его окружили пятеро или шестеро статскихъ, прижали его къ стѣнѣ и говорили, показывая ему кулакъ: „Мы люди свободные, и никакая полиція ничего съ нами не можетъ сдѣлать. Ты москаль, а мы поляки!“ Штакельбергъ 2-й и маленькій Жандръ хотѣли выручить его, но въ свою очередь были окружены, стиснуты, и такъ какъ все это происходило въ узкомъ корридорѣ при входѣ, то произошла давка. Женщины подняли крикъ; среди всеобщей суматохи дежурному плацъ-адъютанту съ трудомъ удалось вызвать статскихъ и Шульгина въ сосѣднюю комнату. Когда толпа разошлась, эти господа отнесли съ жалобой къ Любовицкому и генералу Штрандманну. Поутру Шульгинъ отправился къ корпусному командиру, графу Красинскому, который оправдалъ его, но сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „жалъ, что вы не обратились прямо ко мнѣ, вице-президентъ покровительствуетъ гражданскимъ и обвинить васъ въ своемъ докладѣ Его Высочеству“. Дѣйствительно, не знаю, какъ было объ этомъ донесено Его Высочеству, но онъ сказалъ: „такъ какъ Шульгинъ не умѣетъ держать себя въ театрѣ, то пусть и не ходитъ туда“, и подвергъ его домашнему аресту. Особенно смѣшно было видѣть, съ какими вытянутыми лицами явились сегодня генералы на смотръ. Любавицкій также былъ весьма мраченъ. Они приписываютъ этому дѣлу политическое значеніе. Въ настоящее время нельзя поздороваться или проститься съ кѣмъ-нибудь, чтобы въ вашей манерѣ не заподозрили какого-нибудь политическаго отгѣнка.

Я слышалъ такъ объ этомъ событіи отъ самого Шульгина и его партіи. Вотъ что говорятъ его противники. Они утверждаютъ, во-первыхъ, что господа офицеры были немного навеселѣ. Денщикъ Шульгина приходилъ къ нему въ началѣ спектакля съ извѣстіемъ, что въ городѣ волненіе. Шульгинъ, живой отъ природы, сообщилъ это извѣстіе довольно громко, такъ что слухъ о немъ

пронесся по залѣ, и всѣ бывшіе тутъ кавалеристы оставили театръ. Многіе изъ моихъ товарищей были такъ встревожены, что поспѣшили надѣть мундиръ и верхомъ отправились въ полкъ. Возвратившись въ театръ, маленькій Жандръ не кстати вмѣшался въ споръ графа Солтыкова съ *Кубдарскимъ* и Шульгинымъ съ компаніей; обозвали его с . . . Люди болѣе благоразумные удалились, а Шульгинъ къ несчастію первый попался подъ руку и одинъ только заплатилъ за все домашнимъ арестомъ. Всѣ, однако, того мнѣнія, что полиція не исполнила своей обязанности. Гражданскія лица, замѣченныя въ этомъ дѣлѣ, также арестованы.

Комендантъ Левицкій получилъ сегодня отъ его высочества головомойку за то, что въ своемъ рапортѣ по утру донесъ о пожарѣ въ деревнѣ Случево, между тѣмъ какъ горѣло N¹), мѣстечко, принадлежащее Потоцкимъ, за Виллановымъ. При этомъ погибло много рогатаго скота, между прочимъ 400 барановъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ, неизвѣстно какимъ путемъ, Его Высочество часто получаетъ анонимныя письма. На-дняхъ его извѣщали, между прочимъ, что вечеромъ должна была произойти сходка на биржѣ. Онъ отправился туда въ полночь, прошелъ по всѣмъ дворамъ и никого не видалъ.

Сегодня вечеромъ снова былъ пожаръ за заставой. Если завтра опять будетъ горѣть какая-нибудь деревня въ окрестностяхъ, то я право стану вѣрить въ существованіе заговора.

Сегодня къ Его Высочеству прибылъ изъ Москвы фельдъегерь отъ Императора; онъ пробылъ здѣсь не болѣе получаса и отправился въ С.-Петербургъ; если онъ не застанетъ тамъ Государя, то поѣдетъ къ нему навстрѣчу. Онъ привезъ извѣстіе о признаніи Людовика Филиппа королемъ со стороны Россіи. Говорятъ, что нашъ Императоръ написалъ по этому случаю французскому королю прекрасное и чрезвычайно искреннее нисъмо, въ которомъ онъ высказываетъ, что рѣшается признать его королемъ только въ интересахъ обще-европейскаго мира.

Я всталъ въ 7 ³/₄ ч. Въ 11 час. былъ на смотру; Ал. Чичеринъ довелъ меня въ полкъ. Ученье иѣшее съ карабинами въ присутствіи его превосх. Генераль очень недоволенъ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Послѣ обѣда былъ съ Чичеринымъ у Шульгина; потомъ, вечеромъ, у Левицкихъ.

Да сохранить меня Господь.

1) Пропущено въ подлинникѣ.

Прим. переводчика

Вторникъ 14/26. Варшава.

Съ тѣхъ поръ какъ въ окрестностяхъ начались возмущенія, и въ особенности послѣ случая съ Войдой, Рожнецкому отпускають ежедневно 6.000 флориновъ на содержаніе тайной полиціи; поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ старается поддерживать въ Его Высочествѣ мысль о существованіи заговора.

Вставъ въ 8 часовъ, я отправился въ 9-ть въ казармы; конное ученье на уздечкахъ. Павелъ не присутствовалъ на немъ, такъ какъ онъ былъ въ церкви по случаю дня рожденія покойной императрицы.

Да сохранить меня Господь.

Среда 15/27. Варшава.

Сегодня вечеромъ мы играли у Левицкихъ въ фанты; игра въ вопросы мнѣ очень понравилась.

Разводъ отказанъ. Ученье пѣшее съ карабинами очень скверно. Репетиція ординарцамъ. Я, Чичеринъ 1-й и Рамъ. Генераль весьма доволенъ. Обѣдалъ дома.

Привожу извлеченіе нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ моею матерью по поводу холеры.

Москва. 30 сент. 1830 г.

„Императоръ пріѣхалъ вчера по утру въ 11 часовъ. Пріѣздъ его оживилъ Москву, облеченную въ трауръ. Дома всѣ заперты, въ городѣ не видно экипажей, и по всѣмъ улицамъ тянутся погребальныя процессіи. Всѣ объаты ужасомъ; кто не видѣлъ города, опустошаемаго эпидеміей, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ ужасно работаетъ воображеніе испуганнаго населенія; вообразить себѣ, что не только боишься воздуха, которымъ дышемъ, но съ опасеніемъ встрѣчаемъ самаго близкаго человѣка, обкуриваемся, спрашиваемъ, откуда онъ? Всякій шагъ внушаетъ опасеніе. Вотъ состояніе Москвы. Императоръ явился въ глазахъ народа ангеломъ хранителемъ. Всѣ вышли изъ оцѣпенѣнія. Самоотверженіе Государя возбудило въ жителяхъ храбрость, и я увѣрена, что присутствіе его спасетъ многихъ, сдѣлавшихся жертвами страха. Представьте себѣ, что одна дама изъ университета, беременная въ третьемъ мѣсяцѣ, до того испугалась, узнавъ, что по сосѣдству отъ нея одинъ человѣкъ умеръ отъ холеры, что она лишилась разсудка и умерла третьяго дня“.

Стрѣльна. 8/20 октября 1830 г.

Между Москвою и Петербургомъ учреждено два карантина, одинъ въ Вышнемъ Волочкѣ, и другой въ Помераньѣ. Въ первомъ приходится останавливаться на 4, а во второмъ на 5 дней. Императоръ также выдержитъ этотъ карантинъ. Московская дорога не проходитъ теперь черезъ Царское Село; а идетъ изъ Ижоры на Славянку; Кіевская дорога сворачиваетъ изъ Гатчины на Кипень; все по случаю пребыванія царской фамиліи въ Царскомъ Селѣ.

Присутствіе Е. В. ободрило Москву; каждый спѣшитъ со своей стороны что-нибудь пожертвовать, одни отдаютъ свои дома подъ госпиталь, многіе купцы присылаютъ муку, рожь и т. п. Аптекаря предложили изготовлять лѣкарства безплатно; словомъ, общее настроеніе напоминаетъ 1812-й годъ

Вотъ рѣчь, съ которой митрополитъ Филаретъ обратился къ Императору, встрѣтивъ его съ крестомъ, въ дверяхъ Успенскаго собора:

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенно любятъ являться царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести,—ты являешься нынѣ среди насъ, какъ царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ твоимъ раздѣлять, чтобы трудности предпобѣждать. Такое дѣло царское выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь небесный провидитъ сію жертву сердца твоего, и милосердно хранить тя, и долготерпѣливо щадить насъ. Съ крестомъ, сръгаемъ тебя, Государь, да будетъ съ тобою воскресеніе и жизнь.

По разнымъ отчетамъ видно, что съ начала эпидеміи въ Москвѣ заболѣло 1.000 человѣкъ, изъ коихъ умерло 500.

Вставъ въ 8 часовъ, я провелъ весь день дома; вечеромъ былъ у Левицкихъ. По утру были похороны полковника Менье, состоявшаго при штабѣ его высочества. Легъ спать въ 12 часовъ.

Да сохранить меня Господь.

Воскресенье 19/31. Варшава.

Гельвигъ самъ былъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и вотъ что рассказывалъ мнѣ о тайныхъ студенческихъ обществахъ. Въ каждомъ университетѣ есть нѣсколько обществъ, терпимыхъ правительствомъ, такъ какъ они не считаются опасными. Въ Лейпцигѣ существуетъ ихъ пять. Общества эти бываютъ двухъ родовъ:

одни, называемыя Handsmannschaft, имѣютъ цѣлю просто хорошо жить, т. е. наблюдать за нравственностью членовъ. Такъ, напр. они не дозволяютъ своимъ членамъ посѣщать б..... Тайныя общества, какъ указываетъ ихъ названіе, возникли изъ союзовъ, заключенныхъ между собою студентами-земляками. Поэтому они принимаютъ названія и цвѣта главнѣйшихъ областей Германіи. Есть общества саксонцевъ, саксо-пруссавъ и т. д. На академическихъ празднествахъ члены носятъ на шляпахъ перья цвѣта своего общества. Особеннымъ предпочтеніемъ пользуется смѣшеніе желтаго, краснаго и чернаго цвѣта, входившихъ въ кокарду древней Германской имперіи. Но такъ какъ ее запрещено носить, то студенты украшаютъ шляпу бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, а подъ рубашку надѣваютъ полосатыя ленты по цвѣтамъ ихъ общества. Другія тайныя общества имѣютъ цѣлю сохранить въ Германіи національность; они возникли изъ Tugend Bund'a и т. п. Члены ихъ носятъ старинный студенческой костюмъ: обтянутый черный сюртукъ, такого же цвѣта шляпу съ бѣлыми перьями и бѣлымъ шарфомъ, бѣлыя брюки, испанскіе ботфорты со шпорами, шпагу, длинные усы и волосы. Эти общества чисто университетскія; члены исключаются тотчасъ по окончаніи курса. Каждое изъ этихъ обществъ имѣетъ своего судью и наблюдаетъ въ особенности за распрями между студентами. Напр., если студентъ толкнулъ другого, оскорбленный имѣетъ право сказать: Sie Sind ein dummer Junge (болванъ); тотъ въ свою очередь можетъ вызвать его на дуэль, и тогда они дерутся на обоюдоострыхъ шпагахъ; или если оскорбленный отвѣтилъ: Sie sind ein Hundssotz, то въ такомъ случаѣ дерутся на сабляхъ, что гораздо опаснѣе. Если же было произнесено какое-нибудь другое слово, кромѣ вышеозначенныхъ, то виновный съ позоромъ изгоняется изъ общества. Дуэли на пистолетахъ дозволены между студентами лишь въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ не умѣетъ владѣть шпагой.

Вечеромъ, бывши у г-жи Кнорингъ, я долго всматривался въ Дюрана, французскаго консула. Это маленькій кубикъ, или скорѣе шарикъ, который не ходитъ, а катится по комнатѣ; руки его дотого коротки, что ему никогда не удастся сложить ихъ на животѣ, и вслѣдствіе этого онъ постоянно держитъ въ рукѣ шляпу самымъ комичнымъ образомъ. Онъ не дипломатъ, но скорѣе карриатура на дипломата, въ особенности послѣ недавнихъ событій. Кромѣ политическаго поприща, онъ занимается еще содержаніемъ виноградниковъ, и поэтому при возвышеніи Полиньяка счелъ нужнымъ предложить свои услуги и войти въ соглашеніе съ господствующей партіей. Но вотъ обстоятельства измѣнились, Полиньякъ и К^о.

обанкрутились, и нашъ маленькій человѣкъ совершенно потерялся, не зная, какъ держать себя. Съ нимъ любопытно поговорить. Мнѣ болѣе всего нравится въ немъ его вино, называемое *Люнелемъ Дюрана*. По утру былъ за приказаніемъ въ Бельведерѣ; обѣдалъ дома.

Да сохранить меня Господь.

Четвергъ 23/4. Варшава.

!!!Все мои надежды на богатство и счастье рушились, въ карманѣ нѣтъ ни гроша, не на что купить куска хлѣба взамѣнъ обѣда!! Какое положеніе послѣ вчерашнихъ надеждъ и воздушныхъ замковъ!! Въ какое положеніе поставилъ меня этотъ отказъ или, лучше сказать, неразрѣшенный отпускъ. По утру мое положеніе было ужасно; я буквально умиралъ съ голоду, и не предвидѣлось никакого исхода; одинъ несчастный флоринъ, найденный мною въ моей коллекціи, далъ мнѣ возможность купить порцію холоднаго мяса и хлѣба. Это составило мой обѣдъ. Утоливъ голодъ я повеселѣлъ и обдумалъ свое положеніе, однако надобно сознаться, что покуда желудокъ мой былъ пустъ, мнѣ приходила охота побить кого-нибудь.

Воскресенье 26 октября, (7 ноября), Св. Дмитрія. Варшава.

Именины гр. Курута.

Онъ родился въ рубашкѣ. Воспитанный у адмирала Л. И. Кутузова, который до нѣкоторой степени растратилъ свое состояніе, онъ вполне наслѣдовалъ его образъ мыслей, его оригинальность и даже его дурныя манеры. Онъ кривляется ужасно; съ нимъ нужно разговаривать закрывши глаза. Онъ очень уменъ, много знаетъ и жаждетъ почестей. Онъ началъ службу въ гвардейской пѣшей артиллеріи и считался старательнымъ и весьма приличнымъ офицеромъ. Онъ завѣдывалъ школою фейерверкеровъ. 14 декабря командовалъ батареей, будучи простымъ лейтенантомъ, имѣлъ счастье первымъ прибыть на площадь съ картечью и этимъ обратилъ вниманіе Императора. Онъ получилъ тогда Владимірскій крестъ и нѣсколько времени спустя былъ назначенъ адъютантомъ Его Высочества. Въ турецкую кампанію 1828 года онъ мало былъ при в. к., а большею частью находился въ авангардѣ или при осадныхъ батареяхъ. При Бѣловѣ командовалъ 9 дней батареей, получилъ Георгія 4 степени. Храбрый и необыкновенно хладнокровный, ищущій всегда случая отличиться, онъ получилъ въ эту войну почетную саблю, чинъ штабсъ-капитана, Анну на шею и нѣсколько

благодарностей. Въ 1829 г. онъ состоялъ при главнокомандующемъ графѣ Дибичѣ. Командовалъ двумя батареями при осадѣ Силистріи, былъ произведенъ въ капитаны и получилъ лихорадку въ траншеяхъ. При заключеніи мира онъ получилъ корону на Анну и тогда онъ отправился въ Карлсбадъ, объѣхалъ въ продолженіе 6 мѣсяцевъ, истративъ 10.000 руб., всю Италію, Рейнъ и часть Австріи и теперь возвратился въ Россію. Съ такой жаждой къ повышенію и съ его средствами, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ играть со временемъ видную роль въ нашемъ военномъ мірѣ.

Вторникъ 28/9. Варшава.

Въ настоящее время никто не вѣритъ въ возможность возмущенія въ Варшавѣ и говорить о заговорѣ считается уже не современнымъ; мысли направлены въ другую сторону, и что бы теперь ни случилось—ничего не относятъ болѣе къ недовольству поляковъ. Въ прошлую субботу, на примѣръ, около ста студентовъ отправились въ № чтобы пропѣть заукокойный гимнъ въ честь храбрыхъ защитниковъ отчизны, отправленныхъ Суворовымъ *ad patres*. Десять дней тому назадъ это встревожило бы всѣхъ властей; патрули и часовые были бы усилены, и моимъ храбымъ товарищамъ снова пришлось бы заряжать свои пистолеты. Теперь же объ этомъ фактѣ никто не говорилъ и даже не думалъ. Вчера всѣ были встревожены холерою, появившеюся въ Гродненской губерніи, сегодня всюду только и говорятъ о войнѣ съ возставшими бельгійцами. Весь этотъ переполохъ поднялся вслѣдствіе отказа въ отпускахъ и приказанія учить солдатъ стрѣльбѣ въ цѣль. Всѣ только и толкуютъ о приготовленіяхъ къ походу; говорятъ даже, будто 1-й корпусъ графа Петра Малена составить авангардъ. Дай Богъ, чтобы эти слухи имѣли болѣе основанія, нежели толки о заговорѣ.

Среда 29/10. Варшава.

Нельзя долго быть влюбленнымъ, не надѣлавъ много глупостей; также трудно говорить о любви, не сказавъ пошлости.

Ивашкевичъ, полковникъ нашего полка, котораго мы всегда считали величайшимъ пьяницей и челоуѣкомъ, который болѣе всего боится Его Высочества и генерала, будучи въ кирасирскомъ полку, подъ командою ген. Левашева, спасъ послѣднюю жизнь. Онъ его вывезъ изъ сраженія, когда ген. былъ раненъ въ руку. Я узналъ объ этомъ, пот. что Его Высоч. пожелалъ видѣть Ивашкевича.

Слухи о войнѣ раздаются все чаще и чаще. Сегодня мнѣ говорили, что первая гусарская дивизія, отданная подъ личный при-смотръ инспектора всей кавалеріи, снова присоединена къ первому корпусу. Корпусъ этотъ, ввѣренный графу Петру Палену, получилъ приказаніе быть готовымъ выступить 20-го декабря; мы должны выступить того же числа.

Четвергъ. 30^{ти} Варшава.

Привожу содержаніе полученныхъ писемъ:

Холера продолжаетъ свирѣпствовать въ Москвѣ. Присутствіе Его Величества, подобно электрической искрѣ, возвратило жизнь и движеніе властямъ этой столицы, парализованной страхомъ. Всѣ газеты наполнены списками лицъ, жертвующихъ на общую пользу деньги или личный трудъ. Каждый сенаторъ взялъ въ свое распоряженіе одинъ кварталъ, и многіе добровольно предложили свои услуги, чтобы помогать имъ.

Многія частныя лица, между прочимъ князь Михаилъ Долгору-кій, отдають свои дома подъ госпитали. Купцы предложили снабжать народъ по дешевой цѣнѣ мукою и капустою.

Съ начала эпидеміи число больныхъ возрасло до 2.400 чело-вѣкъ, изъ коихъ около 1.000 умерли до 12/24 октября. Это цифра небольшая при населеніи въ 300.000 душъ.

Москва объята ужасомъ. Нѣкто Хвостовъ пріѣхалъ въ Москву 8, заболѣлъ 9 и умеръ 10. Доктора объявили, что боязнь помѣшала лѣкарствамъ подѣйствовать. „Анастасія Николаевна Хитрово пи-шетъ изъ Москвы, что она со всѣмъ семействомъ уже исповѣдалась, приобщалась, и что они ежеминутно ожидаютъ вѣчной разлуки“.— Впрочемъ „хотя холера не забываетъ и аристократію, но все же это болѣзнь чисто демократическая и простонародная“.

Поѣздка Императора въ Москву составитъ достойную страницу по исторіи; во время своего пребыванія въ этомъ городѣ онъ не-сколько не беретъ себя, не только посѣщалъ госпиталю, но и въ Кремлѣ былъ окруженъ народомъ, исполненнымъ надежды и любви къ нему. Особенно достойно вниманія, что онъ строго выдержалъ двухнедѣльный карантинъ въ Твери; въ С.-Петербургъ онъ воз-вратился 19 числа. 25-го дворъ переѣдетъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 31/12. Варшава.

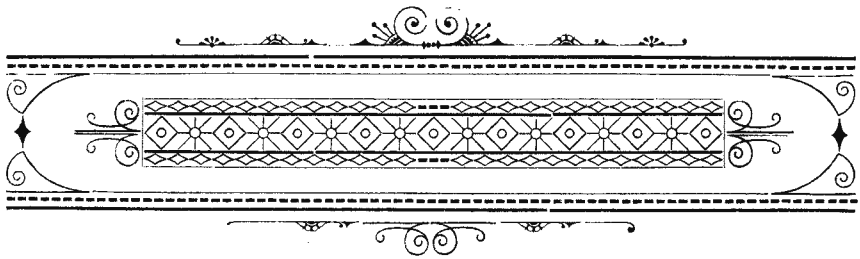
Въ Литовскомъ полку Федоровыхъ было пять: Василій, Николай, Павелъ, Михаилъ и Дмитрій. Теперь ихъ осталось только трое. Впрочемъ, они схожи почти во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что, зная одного, можно сказать, что знаешь всѣхъ. Настоящіе полувоспитанные московскіе баричи.

Хвастливы, крикуны, оскорбляющіеся за каждое слово, и готовы всегда возстановить свою честь дуэлью... на вилкахъ. Ограниченнаго ума и образованія, тщеславные: но, не взирая на эти маленькіе недостатки, младшіе два все - таки добрые малые. Павелъ имѣеть вдобавокъ претензію быть поэтомъ, я никогда не имѣлъ удовольствія читать его стихи, но Одинцовъ 1-ый, имѣвшій это несчастье, рассказываетъ, что они въ высшей степени комичны. Этотъ же самый Павелъ повздорилъ однажды (въ 1829 г.) съ Сережей; они должны были драться въ Страстную пятницу; никогда не забыть мнѣ этого дня. Сережа и я были приглашены на обѣдъ къ Жандръ, куда я отправился одинъ, чтобы не возбудить подозрѣнія. Дуэль была назначена въ 5 часовъ.

Какая была моя тревога все время обѣда! Лишь только вышли изъ-за стола, я поспѣшилъ удалиться и побѣжалъ узнать о Сережѣ къ Одинцову; но поединокъ окончился весьма миролюбиво, и страхъ мой былъ напрасенъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. ¹⁾

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Осада Силистріи.

Пріѣхавъ въ лагерь Багратіона передъ Силистріей, я принялъ командованіе корпусомъ Милорадовича, состоящимъ изъ слѣдующихъ частей:

- 2 баталіона Сибирскаго гренадерскаго полка.
- 2 „ Малороссійскаго гр. полка.
- 2 „ Одесскаго „
- 2 „ Апшеронскаго „
- 2 „ 6-го Егерскаго „
- 5 эскадроновъ Кинбургскихъ драгунъ.
- 10 „ Бѣлорусскихъ гусаръ.
- 6 орудій двѣнадцати фунтовыхъ.
- 12 „ конной артиллеріи.
- 2 казачьихъ полка.

Подъ личнымъ начальствомъ князя Багратіона состояли:

- 2 баталіона Архангелогородскаго полка.
- 2 „ Воронежскаго „
- 2 „ Новгородскаго „
- 2 „ Украинскаго „
- 5 эскадроновъ Стародубовскихъ драгунъ.
- 12 орудій двѣнадцати фунтовыхъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1908 г.

Авангардъ Платова состоялъ:

- 2 баталіона 7-го Егерскаго полка.
- 2   "   14-го   "   "
- 2 орудія Донской артиллеріи.
- 12 эскадроновъ Чугуевскихъ уланъ.
- 5   "   Дерптскихъ драгунъ.
- 9 казачьихъ полковъ.

16-го сентября наша флотилія бомбардировала Силистрію, и 8 канонерскихъ лодокъ поплыли противъ теченія на всѣхъ парусахъ, чему способствовалъ сильный восточный вѣтеръ, вдоль города, и остановилась по другую сторону его. Но слабость этой флотиліи лишила насъ надежды въ возможность задержать ожидаемыя подкрѣпленія изъ Рушука. Слѣдовало бы собрать здѣсь всю флотилію какъ лейтенанта Центиловича, такъ и часть флотиліи Акимова, стоявшей противъ Браилова.

Турки, не подозрѣвая такой дерзости со стороны нашей флотиліи, къ которой наши моряки не пріучили ихъ, не догадывались даже о проходѣ этихъ лодокъ, такъ какъ ими нельзя было управлять въ каналахъ р. Борща, которая тогда была слишкомъ мелководна для канонерскихъ лодокъ.

Платовъ безпрестанно посылалъ разъѣзды на 20, 30 и 40 верстъ отъ Силистріи. Эти разъѣзды изрѣдка встрѣчали и разсѣивали турецкихъ всадниковъ, но по большей части, вѣроятно, что они вовсе ихъ не видѣли, а ограничивались лишь донесеніями. Во всѣхъ арміяхъ начальники мелкихъ, легкихъ отрядовъ пользуются привилегіей лганья, а потому надо всегда вѣрить только половинѣ того, что они доносятъ; но казаки въ этомъ отношеніи превосходятъ всѣхъ гусаръ и стрѣлковъ всего свѣта, и нужно всегда сокращать въ 10 разъ число встрѣченныхъ и убитыхъ ими враговъ.

18 сентября, 1.000 турецкихъ всадниковъ вышли изъ Силистріи по Туртукайской дорогѣ. Изъ города имъ не былъ виденъ лагерь Платова, подъ Канипетри, и они не подозрѣвали тамъ никого. Какъ только турки были замѣчены, графъ Строгановъ приказалъ казакамъ атаковать ихъ. Генераль Кутейниковъ и полковники Ефремовъ, Балабинъ, Иловайскій бросились на нихъ, опрокинули, убили 50 человекъ и преслѣдовали до города. Но какъ только турки получили подкрѣпленіе, казаки принуждены были отступить.

20 сентября, наконецъ, подошелъ и корпусъ Маркова, который составляли:

- 2 баталіона Фанагорійскаго гренадерскаго полка.
- 2 баталіона Колыванскаго полка.
- 2 баталіона Старо-Ингерманландскаго полка.
- 2 баталіона 13-го Егерскаго полка.
- 1 баталіонъ Алексопольскаго полка.
- 5 эскадроновъ Сѣверскихъ драгунъ.
- 5 эскадроновъ Ольвиопольскихъ гусаръ.
- 12 орудій 12-ти фунтовыхъ.

Это было очень полезное подкрѣпленіе, но еще недостаточное, чтобы кольцомъ окружить и блокировать Силистрію

Марковъ остановился на дорогѣ въ Шумлу, но берегъ Дуная и дорога въ Туртукай все еще оставались незанятыми.

Въ этотъ день, довольно значительный отрядъ турокъ, подъ начальствомъ Пегливана, вышелъ изъ Рущука и подошелъ къ Силистріи. Пегливанъ прошелъ черезъ Туртукай, чего бы онъ не могъ сдѣлать, если бы мнѣ дано было право взять этотъ городъ, какъ я это предполагалъ сдѣлать раньше, когда это было сравнительно легко. Извѣстіе о движеніи Пегливана было получено отъ полковника Емельянова, командовавшаго Выборгскимъ полкомъ въ Ольтеницѣ, передъ Туртукаемъ. Турки расположились лагеремъ сначала у с. Поппи, около праваго берега Дуная, въ 25 верстахъ отъ Силистріи, а 21 они произвели движеніе вправо. 23 сентября, Пегливанъ и тиранъ Махмутъ, знаменитый своимъ побѣгомъ изъ дома, который былъ блокированъ Уланіусомъ и Исаевымъ (Записки 1807 г.), вышли съ 3—4 тысячами, для рекогносцировки лагеря Платова.

Платовъ тотчасъ же вышелъ имъ навстрѣчу; въ авангардѣ, съ 6-ю казачьими полками выступилъ гр. Строгоновъ, за нимъ, во второй линіи, находились гр. Павелъ Панинъ и генераль Лисаневичъ съ регулярной кавалеріей, а аррьергардъ составляли 4 баталіона егерей, подъ начальствомъ кн. Трубецкого.

Живая и прекрасно произведенная атака регулярной кавалеріи и казаковъ совершенно разстроила ряды турокъ, они не выдержали и бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ. Конница наша преслѣдовала ихъ 5 верстъ. Затѣмъ турки собрались и остановились на одной возвышенности, гдѣ Пегливанъ отчаянно защищался, но Платовъ приказалъ произвести вторую конную атаку, при которой Исаевъ съ 2 казачьими полками ударилъ во флангъ, а драгуны и уланы понеслись на фронтъ. Турки вторично были разбиты и преслѣдуемы до ихъ лагеря, находившагося верстахъ въ 15 позади. Турки

потеряли около 1.000 чел. и взято въ плѣнъ 108, изъ коихъ 38 офицеровъ, и въ ихъ числѣ попалъ раненымъ Махмутъ. Онъ былъ взятъ во время преслѣдованія, когда его лошадь устала, а другая, которую онъ имѣлъ для смѣны, была уведена его слугою, которому Пегливанъ приказалъ за это отрубить голову.

Мы потеряли 60 человекъ убитыми и очень много ранеными; въ числѣ убитыхъ былъ подполковникъ Ефремовъ, человекъ большого ума и рѣдкой храбрости. Казаки сильно сожалѣли о немъ.

24-го турки, не зная о происшедшемъ наканунѣ, вышли изъ Силистріи въ числѣ 2.000 чел., чтобы соединиться съ Пегливаномъ, но Платовъ немедленно выслалъ противъ нихъ казаковъ, которые и прогнали ихъ обратно, нанеся большія потери.

27-го на присоединеніе съ кн. Багратиономъ прибылъ изъ Валахій генераль-маіоръ принцъ Мекленбургъ-Шверинскій съ 2 баталіонами Московскаго гренадерскаго полка, 2 баталіонами Шлиссельбургскаго полка, 5-ю эскадронами Петербургскихъ драгунъ и 6-ю орудіями двѣнадцати фунтовыми.

1-го октября, изъ Молдавіи прибыла осадная артиллерія, которую расположили въ Калорашѣ, на батареяхъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу Дуная. Тогчасъ же началась бомбардировка Силистріи, но крайне не успѣшно, что вызвало неудовольствіе кн. Багратиона противъ начальника артиллеріи арміи, генерала Рѣзваго, который предполагалъ, что снаряды его не истощимы, и не жалѣлъ ихъ. Выстрѣлами осадной артиллеріи были разбиты и сожжены нѣсколько мельницъ около города и ничего болѣе.

Генералъ Зассъ все еще не прибывалъ, а между тѣмъ его присутствіе считалось необходимымъ. Багратионъ приказалъ гр. Сергѣю Каменскому оставить Кюстенджи, Мангалию и Коварну (пушки этихъ крѣпостей мы принуждены были бросить въ море изъ-за невозможности перевезти ихъ), подойти къ с. Ветеркинъ, въ 50 вер. отъ Базарджика и соединиться съ Зассомъ, который получилъ приказъ взять Базарджикъ, разрушить и выслать отряды къ Шумлѣ и къ Козлуджѣ.

Такое, не вполне рациональное, распоряженіе вынуждало насъ съ недостаточными силами удержать не пропорціонально большую площадь, что, конечно, было ошибкой Багратиона. Онъ долженъ былъ вернуть Засса и гр. Каменскаго, тогда онъ, имѣя на 7.000 чел. болѣе войскъ, могъ бы разбить Пегливана и взять Силистрію, что, конечно, было важнѣе, нежели разореніе Базарджика.

Между тѣмъ наступило осеннее позднее время и нельзя было

думать о дальнѣйшихъ операціяхъ по взятіи Силистріи. Засѣь, хотя и получилъ отмѣну перваго приказа, но было уже слишкомъ поздно.

Разоренные болгары разсѣялись по лѣсамъ и начали беспокоить насъ, захватывая нашихъ офицеровъ и отсталыхъ. Необходимо было войско еще и для назначенія въ конвой противъ этихъ вооруженныхъ жителей, которыхъ мы такъ не кетати принудили сдѣлаться нашими врагами, не удержавъ казаковъ отъ грабежа ихъ деревень. Въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря, эти разбойники увезли коляску полковника Ланскаго и перебили у насъ довольно много лошадей. Мы нуждались въ сѣнѣ, а фуражъ могъ быть доставленъ только подъ конвоемъ; казаковъ же для сего было слишкомъ недостаточно.

13 октября Багратіонъ приказалъ Маркову построить редутъ передъ своей позиціей въ одну линію съ моими, чтобы удержать турецкихъ стрѣлковъ. Редутъ этотъ, очень хорошо намѣченный, былъ трасированъ рано вечеромъ, но Марковъ, не желая разстраивать своей партіи въ бостонъ, не отдалъ приказаній о сборѣ рабочихъ въ тотъ же вечеръ, а сдѣлалъ это много позднѣе. Работу эту онъ поручилъ офицеру генеральнаго штаба армянину Турманову—очень скверному субъекту и еще болѣе плохому офицеру. Несмотря на длинную ночь, работа не была окончена; а на другой день, лишь только турки замѣтили работу редута, толпой вышли изъ города и атаковали съ такой силою, что надо было имѣть хладнокровіе Попандоуло и твердость 13-го Егерскаго полка, чтобы удержать этотъ, едва начатый, редутъ. Марковъ выслалъ туда Старо-Ингерманландскій полкъ, который былъ размѣщенъ въ лощинѣ, между этимъ редутомъ и моими, и просилъ у меня помощи; самъ же не двинулся изъ своей палатки, сказавшись больнымъ.

Услыхавъ объ атакѣ, я сейчасъ же двинулъ Малороссійскій полкъ, который, скажу по правдѣ, не пошелъ, а полетѣлъ въ огонь. Ген. Булатовъ и я, мы ѣхали галопомъ, а полкъ подошелъ въ одно время съ нами, хотя онъ запыхался и былъ немного въ безпорядкѣ.

Дѣло было серьезное, турки увеличивались ежеминутно, и я не могъ дать ни секунды отдыха полку.

Я собралъ всѣхъ стрѣлковъ, соединилъ ихъ со Старо-Ингерманландцами, и генер. Булатовъ самъ ихъ повелъ впередъ. Турки отступили, и въ одинъ мигъ редутъ былъ освобожденъ. Но сраженіе не прекратилось; мы продолжали драться въ виноградникахъ, са-

дахъ и огородахъ—любимыхъ мѣстахъ турокъ, откуда ихъ уже нельзя было легко выбить. Затѣмъ, турки напали на меня, и я долженъ былъ выдвинуть вправо Апшеронскій полкъ и приказалъ открыть стрѣльбу картечью изъ 8 орудій въ формирующіяся группы турокъ. Потери ихъ были весьма значительны, но все же они успѣли убрать всѣхъ своихъ убитыхъ.

Наконецъ, подошелъ и Марковъ съ Фанагорійскимъ полкомъ и Сѣверскими драгунами. Онъ издалъ взглянулъ на сраженіе и ухъалъ доигрывать свою партію въ бостонъ.

Вызвавъ Кинбургскій драгунскій полкъ, я приказалъ наблюдать за небольшими валиками, находившимися позади насъ, куда не слѣдовало никоимъ образомъ допускать проскользнуть туркамъ.

Наконецъ, огонь сдѣлался на столько жаркимъ, что Багратіонъ лично выхалъ на поле сраженія и, встрѣтивъ тамъ Маркова, очень сухо обошелся съ нимъ. Затѣмъ, онъ вернулся снова въ линію огня, подѣхалъ ко мнѣ, поблагодарилъ и сказалъ: „по крайней мѣрѣ этотъ куда придетъ, тамъ и остается“.

Я мало видѣлъ такихъ горячихъ и такихъ упорныхъ сраженій, какъ это; оно продолжалось 8 часовъ и стоило намъ всего 200 чел., что было еще счастливо. Турки потеряли 500 чел., одинъ приступъ редута стоилъ имъ 200 чел. Апшеронскаго полка маіоръ Стеркъ и 3—4 другихъ офицера были ранены.

Между тѣмъ, турки продолжали собираться въ Поппи и не прекращали своихъ частыхъ рекогносцировокъ.

Выше я уже говорилъ, что Багратіонъ долженъ бы былъ приказать Зассу и гр. Каменскому какъ можно скорѣе присоединиться къ нему, тогда бы онъ достигъ численнаго превосходства, котораго ему не доставало для побѣды надъ Пегливаномъ.

Съ прибытіемъ войскъ Засса, можно было быть увѣреннымъ, что намъ удалось бы опрокинуть турокъ и, тогда выигранное сраженіе давало намъ всѣ шансы на взятіе Силистріи; тогда, быть можетъ, и сами турки сдались бы.

Вообще, я долженъ повторить, что до Россевата планъ кампаніи, намѣченный Прозоровскимъ, по исполненію своему дѣлаетъ честь кн. Багратіону; но послѣ Россевата, онъ дѣйствуетъ на удачу, безъ плана, безъ цѣли и постоянно дѣлаетъ ошибки; самая главная изъ нихъ—незнаніе имъ мѣстности предстоящихъ сраженій. Ошибка эта не только непростительна, но она была бы, со стороны Багратіона, преступной небрежностью и недостаткомъ предпріимчивости, которыхъ, конечно, не было ни въ его характерѣ, ни въ его привычкахъ.

Разъѣзды до Туртукая посылались безъ конца; казаки разъ 20 проходили взадъ и впередъ разстояніе до Татарницы и никто не изучилъ его.

Багратионъ не только лично не выѣхалъ осмотрѣть мѣстность между своимъ и турецкимъ лагерями, когда турки приближались и были еще въ Поппи, значить, въ 25 верстахъ отъ него, но онъ даже не послалъ туда ни начальника своего штаба, генерала Адеркаса, ни одного изъ своихъ офицеровъ свиты. Онъ слишкомъ довѣрялъ Платову и не сомнѣвался, что послѣдній сдѣлалъ все, что въ подобномъ случаѣ долженъ сдѣлать образованный генералъ. Я полагаю, что главнокомандующій самъ долженъ все видѣть лично, и Багратионъ долженъ былъ знать невѣжество и нерадивость Платова, черезъ котораго вѣдь онъ и потерпѣлъ пораженіе и потерялъ славу плодовъ этой кампаніи.

9-го октября, въ полдень, стало извѣстно о движеніи турокъ отъ Поппи къ Коракли и Татарницѣ, которая находилась всего въ 8 верстахъ отъ Силистріи, въ 6 верстахъ отъ лагеря Платова и въ 12 отъ лагеря Багратиона. Казаки донесли, что турки были въ числѣ 25.000 (на этотъ разъ они преувеличили всего на $\frac{1}{3}$).

Пегливанъ безъ затрудненій вошелъ въ Татарницу и окопался тамъ.

Деревня Татарница лежитъ на равнинѣ, тянущейся вдоль Дуная, въ $1\frac{1}{2}$ вер. отъ берега рѣки. Вся эта равнина, длиною 20—25 верстъ, имѣетъ около Татарницы ширины 1—2 версты. Между этой деревней и Вейдемиромъ, находящимся на 2 версты ниже Силистріи, лежать болота.

На разстояніи 2-хъ верстъ отъ Дуная эта равнина упирается въ рѣзко возвышающіяся горы, вершины которыхъ покрыты кустарниками и называются Вейдемирскими возвышенностями.

Небольшой оврагъ перерѣзываетъ ихъ слѣва, параллельно Дунаю, а по другую сторону этого оврага тянутся горы, покрытыя густымъ кустарникомъ. Горы эти образуютъ два широкихъ оврага, изъ которыхъ одинъ является лишь продолженіемъ только-что описаннаго, а другой лежитъ перпендикулярно къ Дунаю. Овраги очень глубоки и упираются въ большое озеро, находящееся позади Татарницы.

У подножія одной изъ возвышенностей, спускающейся амфитеатромъ къ деревнѣ, Пегливанъ построилъ ночью ретраншаментъ который захватывалъ и деревню. Въ ту же ночь, онъ построилъ на горѣ, по другую сторону овраговъ, редутъ.

Пегливанъ былъ слабъ, чтобы наступать на русскихъ, у него

было всего 17—18 тысячъ и 18 пушекъ; вотъ почему онъ и за-сѣлъ въ укрѣпленіяхъ, гдѣ и ожидалъ Мухтара-пашу, сына Али-паши изъ Ясины, который привелъ ему 4—5.000 арнаутовъ.

Если бы великій визирь былъ болѣе дѣятельнымъ и предприимчивымъ, онъ двинулся бы на Багратіона со всей своей арміей и могъ бы съ своими сорока тысячами заставить снять осаду Силистріи, даже безъ боя; но онъ преспокойно остался въ Русуцѣ съ большей частью своихъ войскъ, гдѣ онъ былъ совершенно бесполезенъ.

9-го октября турецкая конница показалась на Вейдемирскихъ высотахъ, и обычныя стычки съ нашей кавалеріей продолжались до вечера.

Въ то же время турки вышли изъ Силистріи, чтобы соединиться съ Пегливаномъ, но Платовъ, съ Чугуевскими уланами и казачьимъ полкомъ, атаковалъ ихъ и отогналъ обратно въ крѣпость.

Передъ выступленіемъ своимъ, кн. Багратіонъ поручилъ мнѣ командованіе войсками, оставленными передъ Силистріей, и назначилъ мнѣ въ помощь двухъ хорошихъ генераловъ: Булатова и Мантейфеля. Остался также и Марковъ, котораго Багратіонъ больше не выдѣлялъ и не пожелалъ взять съ собой. Общее число оставшихся войскъ нашихъ составляло 7.000, а у турокъ, въ крѣпости, было 12.000 человѣкъ.

Сраженіе при Татарицѣ.

Князь Багратіонъ двинулся на турокъ съ цѣлю атаковать ихъ и распредѣлил свою маленькую армію, въ 11.000 чел., слѣдующимъ образомъ: направо, вдоль Дуная—генераль Павелъ Иловайскій съ своимъ полкомъ и двумя полками его братьевъ; въ центрѣ—казачьи полки: Атаманскій, Сысоева и Баранникова, подъ начальствомъ графа Строганова; на лѣвомъ флангѣ Мельниковъ, Кутейниковъ, Иловайскіе 5-й и 10-й.

Въ первой линіи нашего фронта находилось 6 пѣхотныхъ каре; на правомъ флангѣ — Московскій и Малороссійскій полки, подъ начальствомъ принца Карла Мекленбургскаго; въ срединѣ—1) большое каре Воронежскаго и Архангелогородскаго полковъ, подъ начальствомъ Бахметьева съ полковниками Сутгофомъ и Беренъ, 2) каре Новгородскаго и Украинскаго полковъ, подъ начальствомъ генерала Рѣшинскаго; на лѣвомъ флангѣ—7-й и 14-й Егерскіе

полки, подъ начальствомъ кн. Трубецкого съ полковниками Лаптевымъ и Колоперъ.

Регулярная кавалерія была поставлена въ 3 линіи; съ праваго фланга—полковникъ Ланской съ 10-ю эскадронами Бѣлорусскихъ гусаръ, затѣмъ Денисьевъ съ 5-ю эскадронами Сѣверскихъ драгунъ и гр. Павелъ Паленъ съ Стародубовскими и Деритскими драгунами.

По фронту было разставлено 60 орудій. Багратіонъ и Платовъ находились въ центрѣ, при большомъ каре Бахметьева. Позади себя, для охраненія тыла и для наблюденія за Силистрійскимъ гарнизономъ, онъ поставилъ генерала Лисаневича съ Чугуевскими уланами, Шлиссельбургскимъ баталіономъ и казаками.

10-го октября вся наша армія начала наступленіе, оставивъ въ резервѣ одно каре принца Мекленбургскаго съ Московскимъ полкомъ.

Вмѣсто того, чтобы обойти сильную позицію турокъ, Багратіонъ двинулся прямо на ихъ фронтъ; благодаря этой ошибкѣ, онъ потерялъ сраженіе.

Съ 6 час. утра казаки завязали стычку съ турецкой конницею, а 8 ч. утра началось общее сраженіе.

При наступленіи на Вейдемирскія возвышенности генер. Бахметьевъ встрѣтилъ большой отрядъ непріятельской конницы и пѣхоты, строившихъ тамъ редутъ; онъ немедленно атаковалъ ихъ стрѣлками Новгородскаго полка и спѣшенными казаками, открывшими сильный ружейный огонь, поддержанный пальбою изъ орудій. Сильный огонь этотъ заставилъ турокъ бросить работы и отступить. Стрѣльба продолжалась нѣсколько часовъ, и турки, мужественно сопротивляясь, начали отступленіе лишь тогда, когда къ мѣсту боя подошли казаки гр. Строганова и кн. Трубецкаго.

Если бы кн. Багратіонъ, чтобы сломить упорство турокъ, оставилъ одно каре, часть кавалеріи и артиллеріи на позиціи противъ непріятели, а три каре пѣхоты съ большимъ числомъ кавалеріи и казаковъ отправилъ внизъ, въ долину, на лѣвый флангъ, съ цѣлью обойти правый флангъ Пегливана, то, спустясь въ оврагъ и двигаясь къ озеру, они могли бы зайти въ тылъ непріятельскихъ укрѣпленій. Гора Татарыцы была совершенно голой и имѣла доступъ со стороны этихъ овраговъ, а потому достигъ ея вершины было очень легко, и тогда Пегливану ничего не оставалось бы дѣлать какъ бросить всю свою артиллерію. Такое движеніе было бы повтореніемъ сраженія подъ Россеватомъ. Но кн. Багратіонъ, не разслѣдовавъ мѣстности, упорно двигался на фронтъ. Единственный, кто угадалъ,

что надо было дѣлать,—это былъ кн. Трубецкой. Онъ двинулся влѣво и могъ бы выиграть сраженіе, если бы не одно происшествіе, которое ему помѣшало въ этомъ, какъ мы увидимъ дальше. Павелъ Иловайскій двинулся, направо, вдоль Дуная, и турки сейчасъ же вышли ему навстрѣчу; тогда Багратіонъ приказалъ каре Украинскаго и Малороссійскаго полковъ спуститься съ высотъ Вейдимиръ и они, соединившись съ казаками Иловайскаго, отбросили турокъ въ ихъ укрѣпленія, откуда былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь, который и остановилъ Иловайскаго. Но онъ выставилъ противъ нихъ 12 двѣнадцати-фунтовыхъ орудій, которыя и завязали артиллерійскую перестрѣлку.

Когда опредѣлилось, что турки стали сосредоточиваться именно съ этой стороны, то Багратіонъ перевелъ сюда, изъ резерва, и Московскій полкъ. Вслѣдъ затѣмъ, полковникъ Ланской, съ большей отвагой, чѣмъ разсудительностью, атаковалъ съ своими гусарами турецкую конницу и взялъ у нихъ 2 знамени, но, увлекшись атакой, наскочилъ на ретраншаментъ и попалъ подъ картечный и ружейный огонь. Преслѣдуемые турками, гусары въ сильнѣйшемъ безпорядкѣ быстро отступили на высоты Вейдемира и смѣшались каре Бахметьева, а на плечахъ гусаръ туда же ворвались и преслѣдовали ихъ турки и произвели общую суматоху и свалку. Но смѣлая стойкость каре и отвага опытнаго начальника его спасли людей отъ разгрома и пораженія. Въ этотъ критическій моментъ, подвергаясь сильной опасности, подѣхалъ сюда кн. Багратіонъ и немедленно приказалъ Денисьеву съ Сѣверскими драгунами атаковать турокъ. Въ полномъ порядкѣ, стройно кинулись драгуны въ атаку на турокъ и, при содѣйствіи картечнаго огня 12 орудій, не только отразили турокъ, но и выгнали ихъ обратно въ ретраншаментъ.

Воспользовавшись отступленіемъ турокъ, Багратіонъ задумалъ самъ перейти въ наступленіе и для сего открылъ сильный артиллерійскій огонь, продолжавшійся нѣсколько часовъ, но наши 60 орудій никакъ не могли заставить прекратить огонь 18 турецкихъ пушекъ разныхъ калибровъ. Перестрѣлка эта, хотя и сильно поражала турокъ, но причинила и намъ не малыя потери.

Между тѣмъ, кн. Трубецкой, со своимъ каре стрѣлковъ, удалился отъ центра, перешелъ оврагъ, находившійся влѣво отъ него, двинулся на правый флангъ турокъ, открылъ орудійный огонь съ высотъ, которыя предварительно были имъ заняты, и взялъ Татарцкую возвышенность. Въ это же время, Мельниковъ, со своими казаками, спустился въ другой оврагъ, откуда было очень удобно обойти турецкую позицію, и гдѣ хотѣлъ его поддержать кн. Трубецкой, но,

за недостаткомъ войскъ, не могъ этого сдѣлать. Но на помощь казакамъ былъ присланъ гр. Паленъ съ 10 эскадронами драгунъ, 4-мя орудіями Донской артиллеріи и 12-ю двѣнадцати-фунтовыми орудіями, подошедшими къ нему немного спустя послѣ начала сраженія.

Въ этотъ же день, утромъ, въ 10 верстахъ отъ поля сраженія, по Разградской дорогѣ, проходилъ съ своими войсками Мухтаръ-паша. Услыхавъ выстрѣлы, онъ быстро прискакалъ съ конницей и, около 2-хъ часовъ дня, внезапно напалъ на кн. Трубецкаго и гр. Палена.

Каре егерей было окружено и болѣе часа отбивалось отъ яростнаго нападенія турокъ. Если бы не его твердость и хорошій примѣръ офицеровъ и генераловъ, то оно было бы разбито. Двѣ наши пушки, лошади и прислуга которыхъ были убиты, попали въ руки турокъ. Мельникову пришлось употребить много усилій, чтобы выбраться изъ оврага, куда онъ углубился, и снова подняться на высоты. Графъ Паленъ приказалъ своимъ драгунамъ спѣшиться, такъ какъ они не могли дѣйствовать на конѣ. Благодаря храбрости войскъ, драгунамъ не только удалось вернуть два потерянныхъ орудія, но и выручить кн. Трубецкаго.

Наконецъ, наши войска, съ большимъ трудомъ, отступили на 3 версты. Багратіонъ, хотя и выслалъ на помощь войскамъ генерала Рѣпинскаго съ Новгородскимъ полкомъ, но помощь эта подошла уже тогда, когда войска отступили. Трубецкой и Паленъ прославились въ этомъ дѣлѣ.

Наконецъ, около 6 час. вечера, послѣ одиннадцати-часовой ожесточенной битвы, Багратіонъ отошелъ на 4 версты и расположился бивакомъ, въ боевомъ порядкѣ.

Въ этой битвѣ, мы хотя и не потеряли ни знаменъ, ни орудій, но и не достигли предполагаемыхъ результатовъ. Вслѣдствіе сего, принуждены были снять осаду Силистріи. Надо сознаться, что мы потеряли это сраженіе, а между тѣмъ легко могли его выиграть.

Потери наши заключались въ 5 офицерахъ и 206 солдатъ убитыми и 380 ранеными. У турокъ было взято 16 знаменъ и они потеряли 1.000—1.200 чел. убитыхъ и раненыхъ.

Во время сраженія гарнизонъ Силистріи не оставался въ бездѣйствіи, но онъ не сдѣлалъ достаточно большихъ усилій, чтобы дѣйствительно помочь Пегливану. Рано утромъ, въ день сраженія, 3.000 всадниковъ вышли изъ валоу крѣпости и поднялись на гору, влѣво отъ Маркова, позади долины Калипетри. Другой

конный отрядъ имѣлъ намѣреніе перейти черезъ долину, тянувшуюся вдоль Дуная, съ цѣлью зайти въ тылъ нашей арміи, но этотъ отрядъ былъ задержанъ Лисаневичемъ и казаками, соединившимися, на ихъ правомъ флангѣ, съ войсками, которыя я отправилъ на лѣвый флангъ Маркова. Тогда я выслалъ гр. Мантейфеля съ Петербургскими драгунами, Фанагорійскими гренадерами и баталіономъ егерей, которые и остановили турокъ, сражаясь съ ними все утро съ большою отвагой и благоразуміемъ.

Около 2-хъ часовъ я замѣтилъ, что турки начинаютъ усиливаться, а потому, не опасаясь болѣе за свой фронтъ, выдѣлилъ отъ себя, въ помощь Мантейфелю, генер. Булатова съ тремя баталіонами и 6 орудіями. Къ вечеру турки принуждены были, съ небольшими потерями, возвратиться обратно въ крѣпость. У насъ было 60 чел. убитыхъ и раненыхъ.

11-го и 12-го все было спокойно; а вечеромъ 12-го, армія Багратіона расположилась бивакомъ въ Калипетри.

Мѣжду тѣмъ, Пегливанъ оставался въ Татарицѣ и усиливалъ свои укрѣпленія, а великій визирь продолжалъ оставаться въ Русукѣ съ 30.000 войскъ, готовыхъ прійти на помощь Пегливану, что конечно легко можно было ожидать.

Наступила поздняя осень. Корма для лошадей не было. Подвозы затруднялись непроходимостью дорогъ. Въ войскахъ сталъ обнаруживаться недостатокъ не только въ сѣнѣ и овсѣ, но даже и въ хлѣбѣ.

13-го октября Багратіонъ пріѣхалъ подъ Силистрію и, вмѣстѣ съ Адергасомъ, былъ у меня. Войдя въ палатку, онъ выслалъ всѣхъ присутствующихъ и сказалъ мнѣ, что предполагаетъ отступить въ Валахію, но все же хочетъ остаться нѣкоторое время у Троянова вала, чтобы собрать всѣ свои войска и дать генеральное сраженіе великому визирю, если онъ только выйдетъ изъ крѣпости. Этимъ онъ задержитъ его и дастъ время Эссену взять Браиловъ¹⁾. Я отвѣтилъ ему, что онъ тысячу разъ правъ и что не можетъ ничего лучшаго сдѣлать при тѣхъ затруднительныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы тогда находились, но предупредилъ его, что это наступленіе не понравится въ Петербургѣ и поставитъ его въ дурныя отношенія ко двору, гдѣ, конечно, не могутъ вѣрно судить о дѣйствительномъ

---

¹⁾ Это опасеніе было неосновательно, особенно противъ турокъ. Благодаря взятію Мачина и Гирсова и нашей флотиліи, можно было помѣшать всякой попыткѣ проникнуть въ Браиловъ, но надо было усилить войска флотиліи и гарнизоновъ обѣихъ крѣпостей.

положеніи дѣль, такъ какъ слишкомъ мало знакомы со страной и полагають, что въ Валахіи вѣчная весна и что тамъ можно вести войну даже зимой. Я полагаю, что послѣ Татарницы, поведеніемъ Багратіона дѣйствительно можно быть недовольнымъ.

14-го утромъ, турки еще разъ вышли изъ Силистріи, по Туртукайской дорогѣ, но были отброшены.

Если бы Багратіонъ перенесъ къ Силистріи мостъ, оставшійся около Гирсово, то съ 16-го октября мы все уже могли бы начать переправу на лѣвый берегъ Дуная. Вообще, я нахожу, что онъ черезчуръ остерегался утомить войска и слишкомъ рано задумалъ занять зимнія квартиры, не давая даже разрѣшенія оставить войска въ Гирсовѣ, на правомъ берегу Дуная.

14-го октября Шлиссельбургскій полкъ былъ отправленъ на островъ, лежащій противъ Силистріи, для охраны отступленія осадной артиллеріи, а въ 9 ч. вечера я приказалъ увезти орудія изъ всехъ редутовъ и срыть все укрѣпленія, выстроенныя мною во время осады. Въ ночь на 15-е число и я съ своимъ корпусомъ выступилъ въ походъ, вслѣдъ за войсками кн. Багратіона. Мы сдѣлали 32 версты и остановились въ Ольсонѣ, имѣя передъ собой непроходимый въ бродъ ручей. Платовъ отступилъ въ 2 ч. дня и расположился въ 15 верстахъ впереди насъ. Для прикрытія нашего марша, въ продолженіе всей ночи, производилась стрѣльба изъ редутовъ Калараша.

Турки и не предполагали о нашемъ отступленіи и только на слѣдующій день узнали объ этомъ. На островѣ Сусеѣ они напали на нѣсколько нашихъ повозокъ съ больными, не успѣвшими перейти Дунай, но огнемъ флотиліи они были разстроены и, раньше чѣмъ успѣли построить боевой порядокъ, все наши больные уже были перевезены на другой берегъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ повозокъ, уже захваченныхъ турками.

16-го мы простояли въ Ольсонѣ, и въ этотъ день кн. Багратіонъ послалъ Одесскій полкъ въ Гирсово, а Малороссійскій гренадерскій и Петербургскій драгунскій въ Каларашъ, гдѣ и былъ сформированъ особый отрядъ подъ начальствомъ гр. Мантейфеля.

17-го мы подошли къ Россевату, въ 25 верстахъ отъ Ольсонѣ, а Платовъ занялъ Миріанъ, въ 15 верстахъ впереди насъ.

18-го и 19-го мы простояли на тѣхъ же мѣстахъ, а 20-го расположились лагеремъ въ Черноводахъ, въ 5 верстахъ отъ Троилова вала, на возвышенностяхъ, имѣя передъ собой деревню и болотистый непроходимый ручей съ перекинутымъ черезъ него маленькимъ мостомъ, который легко можно было защищать. Платовъ съ

авангардомъ остался на Трояновомъ валу и выставилъ посты. Въ этотъ день, догнавшій насъ наконецъ, Зассъ занялъ чудную позицію въ Карасонѣ, въ самомъ центрѣ Троянова вала, а гр. Каменскій расположился близъ Кюстенджи, на берегу Чернаго моря.

Съ нашей стороны, позади вала, шелъ цѣлый рядъ озеръ, весьма затруднявшихъ подступы къ нашей позиціи. Зассъ находился въ 18 верстахъ отъ Черноводовъ, на возвышенности, наклонно спускающейся къ озерамъ, и имѣя передъ собой узкій и длинный мостъ, по которому никакъ нельзя было пройти не замѣтнымъ.

Къ Милорадовичу былъ отправленъ его плохой Апшеронскій полкъ, который никто не пожелалъ оставить при себѣ, и превосходный полкъ Кинбургскихъ драгунъ. Самъ князь Багратіонъ оставался со мной въ Черноводахъ.

Общій составъ нашихъ войскъ заключался:

У меня:

- 16 баталіоновъ.
- 15 эскадроновъ.
- 28 орудій 12-ти фунтовыхъ.
- 12 „ конной артиллеріи.

У Платова:

- 9 казачьихъ полковъ.
- 10 Уланскихъ эскадроновъ.
- 15 Гусарскихъ „
- 7 Егерскихъ баталіоновъ.
- 12 орудій Донской артиллеріи.

У Засса:

- 10 баталіоновъ.
- 10 эскадроновъ.
- 3 казачьихъ полка.
- 10 орудій 12-ти фунтовыхъ.

У графа Каменскаго:

- 7 баталіоновъ.
- 10 эскадроновъ.
- 3 казачьихъ полка.
- 6 орудій конной артиллеріи.

Самый большой баталіонъ не насчитывалъ въ своихъ рядахъ и 400 чел., а были и такіе, которые имѣли и по 200. Эскадроны имѣли не болѣе 60 чел. каждый, а казачьи полки — по 200 челов. Въ общей сложности армія не превышала 24.000 челов. и имѣла 132 орудія, включая и полковыя.

Мы организовали хорошее сообщеніе между аванпостами и, въ случаѣ нападенія, могли соединиться въ 36 часовъ. Но турки, очень довольные освобожденіемъ Силистріи, были далеки отъ желанія подвергнуться вѣрному пораженію въ открытомъ полѣ, во-первыхъ, потому, что они не имѣли достаточно времени и средствъ, чтобы подвезти провіантъ для арміи въ 6.000 челов. и, во-вторыхъ, они вовсе не любятъ такъ далеко двигаться по грязи въ своихъ туфляхъ. Надо скорѣе предположить, что освобожденные отъ всякой опасности, на правомъ берегу Дуная, они не будутъ стараться проникнуть въ Валахію. Багратіонъ опасался этого и желалъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія о силахъ и намѣреніяхъ непріятеля въ Журжевѣ и Руцукѣ. Зная очень хорошо, что онъ не можетъ получить ихъ отъ тѣхъ, которыхъ назначилъ бы Милорадовичъ, онъ просилъ моего содѣйствія. Я написалъ Варламу и просилъ его послать въ Руцукъ вѣрнаго шпіона и увѣдомилъ Грекова, чтобы пропустить его черезъ дѣль, не извѣщая однако ни Милорадовича, ни гр. Цукато, подъ начальствомъ котораго Грековъ находился и зная, что онъ преданъ Милорадовичу. Платовъ также написалъ Грекову, но послѣдній, убоясь своего начальника или изъ желанія ему угодить, показалъ оба письма гр. Цукато, а этотъ Милорадовичу. Раздраженный этимъ поступкомъ Милорадовичъ, почувствовавшій причину справедливыхъ подозрѣній, подрывающихъ довѣріе къ нему, отправилъ оба эти письма къ князю Багратіону съ рапортомъ и прошеніемъ на Высочайшее имя ¹⁾, гдѣ позорно жаловался на своего начальника и на меня.

Багратіонъ былъ смущенъ, но Милорадовичъ, легкомысленный и не послѣдовательный, не придавалъ этому никакого значенія. Его убѣдили, что это возмущеніе компрометируетъ его больше, чѣмъ насъ, и онъ просилъ возвратить ему обратно свой рапортъ и прошеніе и пропустилъ шпіоновъ, посланныхъ Варламомъ, которые и успокоили насъ. Турки и не думали наступать на Бухарестъ, гдѣ они были бы приняты Милорадовичемъ такъ же, какъ и мной.

---

¹⁾ Въ Россіи всякое прошеніе надо посылать черезъ своего прямого начальника, хотя бы это была жалоба на него самого, какъ это было въ данномъ случаѣ.

Великій визирь подошелъ къ Силистріи поздравить Пегливана съ побѣдой, но онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы самъ раздѣлилъ или одержалъ ее. Комендантъ Силистріи Емикъ-Оглы, увидѣвъ ихъ со стѣнъ крѣпости, не разрѣшилъ войти въ городъ ни тому, ни другому. Надо сказать, что въ этой экстраординарной арміи коменданты крѣпостей имѣютъ особенную власть—отказывать входъ въ крѣпость даже своему главнокомандующему и первому министру, которые бы пріѣхали снять осаду.

Визирь хотѣлъ было послать Пегливана намъ въ слѣдъ съ 20.000 войскъ, полагая, что мы остановимся въ Гирсовѣ, но наша настоящая позиція, на Трояновомъ валу, измѣнила его намѣреніе и дала намъ возможность разрушить его планы.

Для усиленія генерала Эссена 3-го, которому (какъ мы увидимъ позднѣе) поручено было осаждать Браиловъ, Багратіонъ послалъ: Московскій, Воронежскій, Архангелогородскій и Одесскій полки. вмѣстѣ съ тѣмъ, начальникомъ отряда въ Гирсовѣ былъ назначенъ генераль Рѣпинскій.

Для постройки предмостнаго укрѣпленія, вмѣсто заболѣвшаго генерала Гартинга, послали къ Гирсовскому мосту генерала Рѣзваго. Генераль-лейтенантъ Ротгофъ, посланный въ Бессарабію, послѣ назначенія шефомъ Астраханскаго полка, былъ замѣщенъ въ Измаилѣ генераломъ Тучковымъ.

18-го октября Платовъ разрушилъ Буздумъ, по приказанію князя Багратіона, оставивъ только мечети и тѣмъ показалъ туркамъ, что мы уважаемъ ихъ священныя мѣста. Пегливанъ нашелъ только одинъ пепель на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше возвышались его дворцы и всѣ чудныя постройки. Тогда онъ счелъ за лучшее уѣхать въ Россію.

22 октября, одна маленькая лодка, вышедшая изъ Силистріи, намѣревалась пробраться подъ Гирсовскій мостъ, чтобы проникнуть въ Браиловъ; въ ней находилось двое турокъ и три болгарина. Часовой на мосту, рядовой Одесскаго полка Георгій Насѣкинъ, замѣтилъ ихъ и выстрѣломъ изъ ружья опрокинулъ этотъ челнокъ. Двое турокъ и одинъ болгаринъ утонули, другой болгаринъ спасся вплавь, а третій былъ взятъ въ плѣнъ. На немъ были найдены письма, изъ которыхъ мы узнали, что турки хотѣли отправить въ Браиловъ 100 лодокъ съ продовольствіемъ. Багратіонъ тотчасъ же приказалъ флотиліи Центиновича перейти въ Гирсово и соединилъ ее съ флотиліей Акимова. Этого было достаточно, чтобы задержать турецкія транспортныя суда, которыя однако не появлялись, а остались въ Силистріи. Турецкая флотилія прошла изъ Рушука мимо Туртукая, гдѣ была обстрѣлена подполковникомъ Емельяновымъ,

который, повредивъ нѣсколько судовъ, заставилъ инныя изъ нихъ вернуться обратно.

30-го октября генераль Зассъ выслалъ три отряда казаковъ для наблюденія за турками. Каждый изъ этихъ отрядовъ имѣлъ стычки съ встрѣченными турками; при чемъ, тотъ изъ нихъ, который доходилъ до Базарджика, имѣлъ очень живое дѣло съ конницей гарнизона города. Въ этомъ дѣлѣ было убито 50 казаковъ и столько же турокъ.

5-го ноября авангардъ Платова отступилъ на Черноводы.

Къ концу октября и въ началѣ ноября погода стала очень холодной, выпало много снѣгу. Нѣкоторые полки, а въ особенности авангарды вовсе не имѣли палатокъ, такъ какъ отослали ихъ въ Валахию. Въ фуражѣ чувствовался большой недостатокъ. Люди и лошади терпѣли сильную нужду въ продовольствіи. Дороги стали такими ужасными, что конвой съ трудомъ могъ проѣзжать по нимъ. Быки, на которыхъ перевозили походные магазины, взятые у жителей Валахи, покрывали дороги своими трупами. Наше положеніе было ужасно, и князь Багратіонъ, желая избѣгнуть опасности погубить свою армію и кавалерію, приготовился перейти Дунай.

Имѣя дѣло съ непріятелемъ болѣе образованнымъ и предприимчивымъ, чѣмъ турки, можно было бы опасаться, что они доставятъ провіантъ въ Браиловъ, увеличивъ свои силы на правомъ берегу Дуная, между Гирсовымъ и Мачинымъ. Батареи, поставленныя вдоль рѣки, могли бы принудить нашу флотилію удалиться, и тогда визирь имѣлъ бы возможность водою доставить въ блокированную крѣпость съѣстные припасы и провіантъ на 3—4 мѣсяца. Онъ могъ бы располагать множествомъ подводъ изъ Рущука, изъ Шумлы и Базарджика. Тогда-то кн. Багратіонъ почувствовалъ ту громадную ошибку, которую онъ сдѣлалъ, не прекративъ разбоевъ казаковъ и не приготовивъ средствъ для зимовки въ Болгаріи.

Если бы не были разрушены деревни, и жители оставались бы въ своихъ домахъ, то мы легко могли бы достать продовольствіе для арміи въ 50.000 человекъ. Сохраняя Трояновъ валъ и опираясь обоими флангами своей позиціи на Кюстенджи и Черноводы, можно было приготовить себѣ большія преимущества для кампаніи слѣдующаго года. Все это было упущено, и очевидно, что Государь былъ правъ, найдя, что не сдѣлали всего того, что должны были сдѣлать.

Мы покинули 14 ноября Трояновъ валъ и 15-го прибыли въ Гирсово; 17-го былъ день назначенный для переправы черезъ Дунай. Зимнія квартиры были уже назначены. Князь Багратіонъ долженъ былъ имѣть свою главную квартиру въ Фокшанахъ, вмѣстѣ съ

графомъ Сергѣемъ Каменскимъ; Милорадовичъ—по-прежнему въ Бухарестѣ; Марковъ—въ Бузео; Исаевъ—въ Краіово; Платовъ—въ Рымникѣ; Засъ—въ Галацѣ; Эссенъ—въ Бирлатѣ (послѣ сдачи Браилова); Тучковъ—въ Измаилѣ и я—въ Фальчѣ. Мы были сильно обмануты въ нашемъ предположеніи и въ нашихъ ожиданіяхъ. Но прежде чѣмъ заняться этимъ мало пріятнымъ эпизодомъ нашей кампаніи, я долженъ описать, что происходило передъ Браиловомъ.

Взятіе Браилова.

Войска наши въ Валахіи были расположены слѣдующимъ образомъ: кн. Василій Вяземскій — передъ Визирьскимъ бродомъ; Олсуфьевъ—лагеремъ подъ Саджатомъ; Колюбакинъ—подъ Галацомъ; вдоль всего Дуная, отъ Серета до Аржиша, находились небольшіе отряды; генералъ Ильинскій, со своимъ полкомъ Ливонскихъ драгунъ, резервными баталіонами и нѣсколькими казаками, находился въ Ульмѣ и Бершетти въ 50 верстахъ отъ Браилова и въ 50 отъ Бузео, въ устьѣ Кальмоцани, впадающей въ Дунай.

Послѣ взятія Гирсова, полкъ Мельникова былъ посланъ къ Платову, и у него оставалось такъ мало людей, что не хватало даже для аванпостовъ. Всѣ эти отряды были подъ моимъ начальствомъ, во время командованія моего войсками Валахіи, но это командованіе было только фиктивное, такъ какъ за исключеніемъ отряда въ Ольтеницѣ, всѣ остальные были слишкомъ удалены, чтобы я могъ управлять ихъ движеніями и оказывать, въ случаѣ надобности, во время имъ помощь. Я отдалъ приказъ начальникамъ всѣхъ этихъ небольшихъ отрядовъ непосредственно доносить обо всемъ князю Багратиону, который былъ къ нимъ гораздо ближе.

Какъ только, такъ называемая, большая армія пододвинулась къ Россевату, стало бесполезнымъ оставлять генерала Олсуфьева въ Саджатѣ, и я приказалъ ему отправиться къ Визирьскому броду, гдѣ онъ былъ болѣе полезенъ. Между тѣмъ онъ не имѣлъ достаточно кавалеріи, чтобы препятствовать назирѣ дѣлать, изъ Браилова, во внутрь страны, вылазки, столь необходимыя ему для добыванія себѣ припасовъ и для безпокойства насъ. Не понимая бездѣйствія, которому онъ себя обрекъ, такъ какъ оно не было въ его характерѣ, я думалъ, что онъ двинется къ Фокшанамъ или даже въ Бирлатъ, гдѣ онъ могъ бы овладѣть нѣсколькими нашими госпиталями, перехватить наши сообщенія, разрушить деревни, и причинить намъ много зла, но назиръ не двинулся своей персоной.

Быть можетъ, онъ считалъ насъ сильнѣе, чѣмъ мы были въ дѣйствительности, быть можетъ, онъ не хотѣлъ раздражать насъ противъ себя, предвидя, что скоро попадется намъ въ руки, быть можетъ, наконецъ, онъ боялся, чтобы жители не закрыли ему воротъ, когда онъ удалится отъ города, какъ это сдѣлали съ Пегливаномъ въ Измаилѣ.

Олсуфьевъ не имѣлъ съ нимъ серьезныхъ сраженій, но, при множествѣ мелкихъ стычекъ съ аванпостами, всегда одерживалъ верхъ.

Въ началѣ августа, кн. Вяземскій отбилъ вылазку фуражировъ. 24 августа Олсуфьевъ, узнавъ, что они вышли изъ города съ большими силами за фуражемъ, приказалъ подполковнику Снарскому, офицеру смѣлому и почтенному, при содѣйствіи двухъ, столь же хорошихъ гвардейскихъ офицеровъ: капитана Колли, француза ¹⁾, своего адъютанта и капитана Ренненкампа, адъютанта кн. Вяземскаго, атаковать фуражировъ. Они прогнали турокъ, убивъ у нихъ 40 человекъ.

7 сентября было у нихъ дѣло болѣе горячее; Снарскій имѣлъ стрѣлковъ и орудія; сраженіе продолжалось 7 часовъ; мы потеряли около 50 человекъ, турки же оставили на полѣ сраженія 200.

12 сентября турки выступили изъ Браилова въ трехъ колоннахъ, по направленію къ Фокшанамъ и Бузео. Олсуфьевъ собралъ всѣ отряды, приказалъ Ильинскому двинуться изъ Ульма на Бертешти и повсюду разставилъ казаковъ, чтобы быть освѣдомленнымъ относительно направленія непріятельскихъ колоннъ, надѣясь отрѣзать ихъ отъ города, но они отступили.

Олсуфьевъ предполагалъ, что осаду Браилова поручать ему, но онъ ошибся. Мечтая о командованіи, еще ни одинъ генераль не взялъ той крѣпости, взятіе которой онъ желалъ и къ осадѣ которой онъ себя предназначалъ!

Я хотѣлъ взять Измаилъ и имѣлъ на это нѣкоторое право, послѣ того, какъ 3 года простоялъ передъ нимъ. Послѣ моего отъѣзда изъ Бессарабіи, для той же операціи назначили Войнова, и только Зассъ исполнилъ это. Гартингъ долженъ былъ взять Мачинъ, а удостоился этого Марковъ. Этотъ послѣдній былъ назначенъ для взятія Гирсова и Кюстенджи, а овладѣлъ ими Платовъ. Милорадовичъ долженъ былъ взять Силистрію, а взялъ бы ее я, если бы мы выиграли битву при Татарицѣ. Наконецъ, Олсуфьевъ долженъ бы

---

¹⁾ 1827 г. Теперь генераль-лейтенантъ и командиръ корпуса, одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи.

былъ взять Браиловъ, а извлекъ изъ этого пользу Эссенъ. Олсуфьевъ былъ самъ причиною этой неприятности, которую испыталъ. Онъ имѣлъ переводчика, поляка Пикельштейна, который прекрасно зналъ по-турецки, но очень скверно по-русски и по-французски, а Олсуфьевъ зналъ послѣдній еще хуже. Пикельштейнъ вздумалъ написать назирѣ Браилова самое курьезное и неумѣстное письмо, угрожая ему, что совершенно не имѣло смысла, послѣ печальныхъ результатовъ штурма и снятія осады. Назиръ отвѣтилъ ему очень иронично, съ большой твердостью и остроуміемъ. Эта корреспонденція крайне не понравилась Багратиону, который и отправилъ Эссена командовать подъ Браиловъ. Сначала эту операцію онъ предложилъ мнѣ, но я предпочелъ остаться передъ Силистріей, которую я считалъ погибшей, но я ошибся, что доказываетъ, что на войнѣ всегда надо покоряться своей судьбѣ, а не выбирать себѣ дѣятельности.

Олсуфьевъ, обиженный тѣмъ, что его обошли, не захотѣлъ быть ниже Эссена и его перевели въ Яссы. Эссенъ, въ началѣ октября, собралъ войска изъ лагеря Галаца, Бузео и Визирьскаго брода, починилъ мостъ въ Сербешти, отправилъ въ Мачинъ—теперь очень важный для насъ пунктъ, генерала Степанова съ 4 баталіонами, поставивъ одинъ баталіонъ въ Фокшанахъ, одинъ—въ Бузео, одинъ—въ Галацѣ и 2 ноября, получивъ подкрѣпленіе, присланное ему изъ главной арміи, двинулся на Браиловъ съ 22 баталіонами, 13 эскадронами, 18 орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 4 орудіями конной артиллеріи. Онъ распредѣлил войска на три колонны, которыя устроили три отдѣльныхъ лагеря, на такой же позиціи, на какой были три лагеря Прозоровскаго въ апрѣлѣ, но немного дальше отъ города.

Въ центрѣ былъ лагерь Колюбакина съ слѣдующими войсками:

- 2 баталіона Смоленскаго полка.
- 2 „ Мингрельскаго полка.
- 1 „ Вятскаго полка.
- 1 „ Нейшлотскаго полка.
- 1 „ Одесскаго полка.
- 1 „ Бутырскаго „
- 1 „ 14-го Егерскаго полка.
- 5 эскадроновъ Житомирскихъ драгунъ.
- 3 эскадрона Ольвіопольскихъ гусаръ.
- 16 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ.

На лѣвомъ флангѣ, у кн. Вяземскаго были:

- 2 баталіона Архангелогородскаго полка.
- 1 баталіонъ Мингрельскаго полка.
- 1 „ „ Вятскаго полка.
- 1 „ „ Смоленскаго полка.
- 2 баталіона Воронежскаго „
- 1 баталіонъ 14-го Егерскаго полка.
- 2 эскадрона Ольвiопольскихъ гусаръ.

На правомъ флангѣ, у принца Карла Мекленбургскаго:

- Московскій гренадерскій полкъ.
- 1 баталіонъ 27-го Егерскаго полка.
- Ливонскій драгунскій полкъ.

Отрядъ этотъ былъ расположенъ скрыто, въ глубинѣ лощины, чтобы турки не могли замѣтить его малочисленности; и дѣйствительно, они считали его сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Эссенъ не имѣлъ и 6.000 чел., а блокировалъ гарнизонъ въ 12.000 чел. Его положеніе было весьма критическимъ, и надо было быть очень осторожнымъ, чтобы счастливо выйти изъ него. Онъ построилъ флешы между всѣми тремя отрядами (эти работы велись маіоромъ Мишо, присланнымъ ему Баграціономъ).

Флотилія приблизилась къ крѣпости и бомбардировала ее. 16 октября Мишо выстроилъ одну батарею, а 19-го другую, соединивъ ихъ между собою траншеями. Батареями командовали люди съ такою же отвагою, какъ и подъ Измаиломъ.

Уже 13 октября, назиръ соглашался сдать крѣпость, но на такихъ условіяхъ, что Эссенъ не могъ ихъ принять. 15-го Эссенъ вызвалъ его и потребовалъ окончательнаго отвѣта. 16-го опять начались переговоры. Для сего Эссенъ назначилъ своего брата, дежурнаго маіора его штаба и лейтенанта Искуля — офицера главнаго штаба; всѣ трое были нѣмцы. Генералы этой націи всегда выдвигаютъ только своихъ близкихъ ¹⁾.

---

¹⁾ Ливонскіе нѣмцы еще болѣе нѣмцы, чѣмъ таковыя изъ Германіи. Офицеры этой націи образуютъ въ русской арміи особый кружокъ. Они не любятъ русскихъ и очень мало связаны съ другими національностями, находящимися на русской службѣ. Когда генераль-ливонецъ командуетъ корпусомъ или арміей, можно быть увѣреннымъ, что онъ будетъ окруженъ только нѣмцами и что всѣ награды и милости будутъ раздаваться только нѣмцамъ. Французы, англичане и другіе иностранцы, находящіеся на рус-

21-го октября Браиловъ сдался.

Назиръ ясно видѣлъ, что больше не было средствъ защищаться и что, если бы онъ вывелъ насъ изъ терпѣнія, то не могъ бы рассчитывать получить хорошія условія. Имѣя провіанта только на 15 дней, онъ просилъ и получилъ разрѣшеніе выйти изъ города съ оружіемъ и имуществомъ, оставивъ намъ знамена, артиллерію и аммуницію. Паша Абдуль-Какманъ, въ качествѣ командующаго войсками, подписалъ условіе капитуляціи. Мы никогда о немъ не слышали никакихъ разговоровъ, онъ дѣлалъ только то, что ему приказывалъ назиръ, который былъ истиннымъ комендантомъ крѣпости. Отъ него потребовали возврата русскихъ перебѣжчиковъ и дезертировъ, которыхъ оказалось 200 чел., но многіе изъ нихъ скрылись отъ нашихъ поисковъ.

96 знаменъ, 2 бунчука пашей, 205 артиллерійскихъ орудій (изъ нихъ 14 мортиръ), огромное количество военныхъ запасовъ и пороху, котораго турки всегда имѣли большіе запасы,—все это было нами взято въ Браиловъ.

2.000 жителей, оставшихся въ городѣ, были исключительно христіане, а вышло изъ города: 1.100 всадниковъ, 4.100 пѣхотинцевъ и 11.300 жителей мусульманъ.

Капитуляція эта не была одобрена при Дворѣ и въ результатѣ, по прошествіи 2-хъ недѣль, мы-бы заставили назира сдаться военноплѣнными. Задержать назира, для насъ, было также желательно, какъ и взять въ плѣнъ 5.000 турецкихъ войскъ, состоявшихъ изъ солдатъ Хотина, Бендеръ, Аккермана и Бессарабскихъ татаръ. Всѣ они были храбры, воинственны и въ продолженіе всей этой войны дѣйствовали противъ насъ вездѣ энергично.

Эссенъ нисколько не былъ виноватъ въ этомъ соглашеніи, такъ какъ онъ получилъ точное приказаніе Багратіона подписать капитуляцію. Вся же вина лежала на Багратіонѣ, отдавшемъ это приказаніе ¹⁾.

Эссенъ получилъ орденъ Александра Невскаго, также какъ и Зассъ получилъ его за Измаиль и, также какъ и тотъ, былъ единственнымъ награжденнымъ за успѣхъ, столь намъ необходимый.

ской службѣ, гораздо легче привыкають къ нравамъ и обычаямъ русскихъ, чѣмъ ливонцы; тѣ даже говорятъ иногда между собой по-русски или по-французски, но ливонцы исключительно говорятъ по-нѣмецки. Но нужно имъ отдать справедливость — они хорошіе офицеры, образованные, имѣютъ понятіе о наукахъ, но вообще они очень педантичны и полны претензій.

¹⁾ Если бы я командовалъ Браиловской осадой, то я, конечно, настоялъ бы, чтобы назиръ выдалъ доказательство своихъ сношеній съ Фидипеско и его измѣны.

Гарнизонъ и жители выступали, частію водою, частію сушей, въ Силистрію; назирь выбралъ себѣ сухопутье ¹⁾).

Приѣхавъ въ Каларашъ, онъ остановился на нѣсколько дней у гр. Мантейфеля, былъ очень веселъ, любезенъ и даже галантенъ съ М-ше Мантейфель и пилъ много рома, какъ настоящій христіанинъ, называя его шербетомъ.

Эссенъ оставилъ въ Браиловѣ своего брата комендантомъ, назначивъ гарнизономъ его Архангелогородскій и Алексопольскій полки (возвращенный изъ Мачина), а 26 октября самъ онъ занялъ зимнія квартиры въ Бирталѣ.

Князь Вяземскій, со своимъ Егерскимъ полкомъ, былъ посланъ въ Мачинъ и возвратился оттуда, когда Багратіонъ перешелъ обратно Дунай и приказалъ срыть Мачинъ.

Мы должны были перейти Дунай 17 октября. Послѣ такой живой и утомительной кампаніи, всѣ мечтали объ отдыхѣ и о зимнихъ квартирахъ, какъ вдругъ, 16-го вечеромъ произошла перемѣна. Кн. Трубецкой былъ посланъ въ Петербургъ съ донесеніемъ о Татарскомъ сраженіи, дабы придать ему настоящей колоритъ и объяснить причины нашего отступленія; но онъ былъ плохо принятъ. Черезъ 2 дня мы получили приказъ, адресованный кн. Багратіону, съ предложеніемъ оставаться всей арміи въ Болгаріи и вести кампанію зимой. Первый изъ этихъ двухъ пунктовъ оказался не исполнимымъ, изъ-за опустошенія страны, но въ Петербургѣ думали, что такого опустошенія быть не можетъ. Что же касается втораго пункта, то исполненіе его представляло чрезвычайныя трудности или, вѣрнѣе сказать, онъ былъ не исполнимъ, но, какъ я уже говорилъ, при Дворѣ были увѣрены, что берега Дуная не знаютъ, что такое зима.

Можно себѣ вообразить наше настроеніе при полученіи этого приказа, между тѣмъ надо было слушаться. Багратіонъ представилъ Двору наисильнѣйшіе доводы, но въ ожиданіи отвѣта, который могъ быть не раньше трехъ недѣль, надо было оставаться въ Гирсовѣ, гдѣ у насъ не было ни продовольствія, ни квартиръ.

---

¹⁾ Надо помнить, что въ 1807 г. назирь былъ извѣщенъ объ отъѣздѣ князя Ипсиланти изъ Бухареста и о томъ, что курьеръ, привезшій ему эту новость, имѣлъ паспортъ отъ Милорадовича. Этотъ паспортъ и письмо отъ Филипеско назирь сохранилъ. Я просилъ Эссена потребовать эти документы, но Эссенъ выказалъ слишкомъ мало энергіи и сказалъ ему объ этомъ лишь въ день отъѣзда его въ Силистрію; назирь отвѣтилъ, что они были уже отправлены въ числѣ другихъ бумагъ. Эссенъ этимъ удовлетворился, а я потерялъ случай обнаружить дѣйствія Филипеско и Милорадовича.

Городъ былъ наполовину разрушенъ; согласно законнаго обычая русскихъ, были сохранены только дома, занятые подъ госпиталя, и, конечно, не особенно пріятно было помѣщаться тамъ, но ничего нельзя было сдѣлать. Багратіонъ имѣлъ лучшее помѣщеніе, всего въ одну жилую комнату; остальные генералы размѣстились, какъ могли, въ конюшняхъ, въ развалинахъ домовъ, въ лачугахъ, словомъ, кое-какъ устроились. Войска расположились лагеремъ въ три линіи; частію изъ обломковъ разрушенныхъ домовъ, частію изъ лѣса, привезеннаго за 40—50 верстъ, наши солдаты выстроили себѣ землянки и укрѣпили лагерь редутами и флешами.

Людей у насъ осталось очень мало, такъ какъ Багратіонъ, послушавшійся болѣе своего разума, чѣмъ полученнаго приказанія, отослалъ всю кавалерію и часть артиллеріи за Дунай, оставивъ себѣ только нѣсколько казачьихъ полковъ.

Засѣъ былъ расположенъ въ Черни, на полдорогѣ отъ Мачина.

Багратіонъ повсюду разослалъ приказы, чтобы подвозили провіантъ войскамъ и солдаты не нуждались ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ. Не такъ было съ нами, дороги были такъ отвратительны, что мясники и торговцы не хотѣли рисковать жизнію своихъ лошадей, чтобы привезти намъ провизіи, и мы часто оставались безъ обѣда. Безъ милости Варлама, приславшаго мнѣ нѣсколько повозокъ провизіи, я бы буквально умеръ съ голода ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе мы были въ прекрасномъ настроеніи. Сначала мы пали духомъ и были въ отчаяніи, но дня черезъ 4 мы примирились со своей участью, и наше горе смѣнилось ужаснымъ сумасбродствомъ. Никогда мнѣ не приходилось видѣть въ арміи подобной близости между генералами; ни одинъ начальникъ не былъ такъ любимъ нами, какъ Багратіонъ.

Корпусъ кадетъ, оставленный безъ надзора своими воспитателями, не придумалъ бы столько развлеченій, какъ мы въ Гирсовѣ. Мы не были дѣтьми, но забавлялись, какъ они. Багратіонъ, Платовъ, Трубецкой, Строгановъ, Рѣпинскій, Бахметьевъ, Адеркасъ, Попандопуло, Циціановъ (пріѣхавшій недавно изъ Вѣны), Булатовъ и я, мы не разставались, и все служило для насъ мотивомъ къ веселью. Грязь была такъ ужасна, что не было никакой воз-

---

¹⁾ Однажды утромъ, Платовъ прислалъ ко мнѣ посланнаго съ просьбой одолжить ему небольшой кусокъ сахара для чая, я сдѣлалъ ему эту любезность съ тѣмъ, чтобы онъ прислалъ мнѣ 2 свѣчи, такъ какъ уже 4 дня я освѣщалъ у себя, какъ дикарь, лучинками, оторванными отъ карнизовъ моего дома.

возможности перейти изъ одного дома въ другой иначе какъ верхомъ, утопая по колѣно въ этой отвратительной черной массѣ. Изъ разрушенныхъ ледниковъ образовалось множество ямъ, куда каждый изъ насъ падалъ по очереди, и это составляло интересъ дня.

Платовъ имѣлъ у себя одного калмыка, въ родѣ шута, котораго мы заставляли пѣть, рассказывать намъ исторіи объ его странѣ, и это служило для насъ спектаклемъ. Конечно, эти исторіи не имѣли никакого смысла, но хохотали надъ ними ужасно; особенно забавно было хладнокровіе Платова, слушавшаго ихъ съ величайшимъ вниманіемъ, замѣчая умъ и остроты—этого буффона, которыми онъ одинъ могъ восхищаться. Этотъ калмыкъ, Маныкъ, больше всѣхъ выигралъ отъ нашего пребыванія въ Гирсовѣ; мы ему надавали болѣе сотни дукатовъ, а Багратіонъ имѣлъ слабость пожаловать ему Св. Георгія 4-й ст. (солдатскій) ¹⁾.

Мы рисковали еще большимъ, чѣмъ плохимъ продовольствіемъ; намъ, также какъ и солдатамъ, грозило лишиться всѣхъ средствъ къ существованію, если бы случился ураганъ, какъ въ 1810 г., и снесъ бы Руцукскій мостъ. Разрушь онъ нашъ мостъ, мы не имѣли бы другой пищи, какъ конина отъ нашихъ лошадей, но мы не думали объ этихъ бѣдствіяхъ, и ничто не могло помѣшать нашему веселію ²⁾.

Что бы сдѣлать диверсію и показать туркамъ, что мы еще не

¹⁾ Изъ этого можно заключить, что эти кресты давались такъ же легко, какъ и въ 1807 г. Такъ напр. я видѣлъ, какъ Зассъ декорировалъ своего полка унтеръ-офицера, никогда не бывшаго подъ огнемъ, но который велъ его хозяйство и соблюдалъ его маленькіе интересы.

²⁾ Я, положимъ, былъ нѣсколько смущенъ однимъ непріятнымъ эпизодомъ. Одинъ поручикъ генеральнаго штаба, Тумановъ, тотъ самый, который мѣсяцемъ раньше выстроилъ такъ плохо редутъ передъ Силистріей, былъ назначенъ ко мнѣ и я посадилъ его чертить въ своей комнатѣ. Онъ укралъ у меня шкатулку съ нѣсколькими важными бумагами, всѣми моими орденами и значительной суммой денегъ. (Я только-что получилъ жалованье, и онъ объ этомъ прекрасно зналъ). Одинъ солдатъ нашелъ на другой день пустую шкатулку, брошенную въ канаву. Слѣды были явные, и я ни на минуту не сомнѣвался относительно лица, виновнаго въ такомъ поступкѣ. Я заставилъ его признаться передъ генераломъ Адеркасомъ и изъ уваженія къ его мундиру я потушилъ дѣло, хотя оно стало извѣстнымъ всей арміи, что не помѣшало, однако, поручику Туманову, по рекомендаціи графа Сергѣя Каменскаго, годъ спустя, получить чинъ капитана, крестъ св. Владиміра, золотую саблю, а въ 1811 году, выйти въ отставку подполковникомъ. Я же такъ и не получилъ ни своихъ бумагъ, ни денегъ. Тумановъ былъ потомъ полицеймейстеромъ въ Кишиневѣ и сдѣлался фаворитомъ губернатора, генерала Алексѣя Бахметьева, который, конечно, не могъ не знать объ исторіи съ пропавшей шкатулкой, такъ какъ былъ въ то время съ нами въ Гирсовѣ. Вскорѣ послѣ того, Тумановъ былъ помѣщикомъ Херсонской губ., гдѣ былъ очень уважаемъ. Но немъ можно судить о другихъ.

ушли и что наше отступленіе не было бѣгствомъ, а можетъ быть, чтобы угодить Платову, желавшему дать возможность отличиться своему зятю Грекову (пріѣхавшему недавно съ Дона), Багратіонъ назначилъ набѣгъ на Базарджикъ. Строгановъ двинулся туда съ тремя полками казаковъ и уланъ. Засѣь отправилъ туда Петербургскихъ драгунъ съ двумя егерскими баталіонами. Но ничего изъ этого не вышло. Грековъ, бывшій впереди, съ авангардомъ отряда, который долженъ былъ получить всю славу этой экспедиціи, былъ совершенно разбитъ конницею Базарджикскаго гарнизона и съ трудомъ спастся бѣгствомъ, потерявъ 100 чел. Строгановскихъ казаковъ. Регулярныя же войска отступили еще до сраженія.

Я уже говорилъ о томъ, что Багратіонъ сдѣлалъ Двору самыя сильныя представленія о нашемъ положеніи и гибельныхъ для арміи послѣдствіяхъ, если ее оставить въ Болгаріи. Онъ представилъ Императору тѣ же резоны, какіе фельдмаршалъ Румянцевъ представлялъ Екатеринѣ въ 1773 г., и Императоръ Александръ отвѣтилъ почти то же, что и Екатерина Румянцеву. Мы получили изъ Петербурга шифрованный отвѣтъ, и Безакъ вскорѣ узналъ его содержаніе.

Наконецъ, послѣ взятія Браилова, мы получили разрѣшеніе занять зимнія квартиры, но Багратіону было приказано оставить одинъ корпусъ въ Гирсовѣ, и онъ былъ принужденъ оставить почти всѣ войска, находившіяся тамъ.

Въ своей перепискѣ съ Багратіономъ, Императоръ былъ очень сухъ и холоденъ. Переписка Багратіона съ графомъ Румянцевымъ (все еще министромъ иностранныхъ дѣлъ) была крайне обострена. Несомнѣнно, что идея о зимовкѣ нашей арміи въ Болгаріи принадлежала Румянцеву, который осуждалъ даже память своего отца за отказъ зимовать въ Болгаріи. Багратіонъ, не желавшій и не имѣя возможности исполнить требованія Румянцева, не скрывалъ отъ него досады, которую тотъ вызвалъ въ немъ. Однако онъ беспокоился о послѣдствіяхъ этой перемѣны и объ опасностяхъ для себя, въ случаѣ неисполненія имъ требованій Двора; онъ также боялся Аракчеева, тогда уже вполнѣ могущественнаго и открыто протектировавшаго Милорадовичу, съ которымъ продолжалъ быть въ перепискѣ, гдѣ не мало доставалось Багратіону. Вся переписка между ними доставлялась курьерами Милорадовича, имѣвшими паспорта, подписанные военнымъ министромъ Аракчеевымъ ¹⁾.

---

¹⁾ Одинъ изъ адъютантовъ Аракчеева, Незвановъ, гвардейскій подпоручикъ, еще болѣе усилилъ безпокойство Багратіона. Онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ осмотра артиллерійскихъ парковъ, но на самомъ дѣлѣ для

Князь Багратионъ назначилъ Милорадовича командовать корпусомъ въ Гирсовѣ, чѣмъ онъ хотѣлъ вызвать его изъ Бухареста, а самъ предполагалъ провести зиму въ В. Валахїи. Присутствіе тамъ же и Милорадовича сильно стѣсняло бы его. Милорадовичъ счелъ себя обиженнымъ за это назначеніе и сказался больнымъ. Тогда корпусъ его былъ переданъ графу Сергѣю Каменскому, о которомъ Багратионъ отдалъ очень лестный приказъ, поздравляя его, какъ перваго генерала, зимующаго на правомъ берегу Дуная.

Это былъ придворный комплиментъ, который Каменскій прекрасно сумѣлъ оцѣнить, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ казалось, что онъ былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ.

31 декабря кн. Багратионъ выѣхалъ въ Браїловъ и оттуда въ Бухарестъ, а я остался въ Гирсовѣ до 4 января, чтобы дожидаться гр. Каменскаго, которому я долженъ былъ передать командованіе корпусомъ. Затѣмъ я переѣхалъ въ Яссы, гдѣ была моя главная квартира.

Распредѣленіе войскъ было измѣнено. Главной квартирѣ назначено быть въ Бухарестѣ. Армію раздѣлили на 5 корпусовъ и одинъ отрядъ—Исаева, находившійся въ М. Валахїи. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 15 баталіоновъ, 5 полковъ казаковъ, 5 баталіоновъ Пандуровъ и Хорватовъ, 6 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ и 6 орудій конной артиллеріи.

Въ Бухарестѣ расположились: Зассъ и Олсуфьевъ съ 22 баталіонами, 8-ю полками казаковъ, 18-ю орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 6-ю конной артиллеріи.

Платовъ и Марковъ расположились въ Римникѣ съ 20 баталіонами, 25 эскадронами, 24 орудіями двѣнадцати-фунтовыми, 24 орудіями конной артиллеріи и 8-ю полками казаковъ.

Мнѣ была назначена квартира въ Яссахъ съ 15 баталіонами, 30 эскадронами, 12 орудіями двѣнадцати-фунтовыми и 12 орудіями конной артиллеріи. Затѣмъ ко мнѣ присоединились 12 баталіоновъ и 20 эскадроновъ 18-й дивизіи и 12 баталіоновъ 10-й дивизіи, что увеличило подчиненныя мнѣ войска до 39 баталіоновъ, 50 эскадроновъ, 36 орудій двѣнадцати-фунтовыхъ и 24 орудія конной артиллеріи.

того, чтобы шпионить и быть въ курсѣ всего происходящаго. Онъ видался съ Милорадовичемъ, но Багратиона ему не удалось видѣть, несмотря на то, что онъ очень долго оставался въ Фокшанахъ.

Во всей своей командировкѣ этотъ негодный мальчишка выказывалъ рѣдкую наглость и заставлялъ трепетать многихъ генераловъ. Графъ Сергѣй Каменскій имѣлъ низость сдѣлать ему визитъ, который тотъ ему не отдалъ.

Эскадръ 3-й остался въ Бирлатѣ съ 25 баталіонами, 30 эскадронами, 36 орудіями двѣнадцати-фунтовыми, 12 орудіями конной артиллеріи и однимъ полкомъ казаковъ.

Графъ Каменскій былъ въ Гирсовѣ и имѣлъ 15 баталіоновъ (изъ нихъ 6—въ Гирсовѣ, 2—въ Мачинѣ, 4—въ Черновидлахъ и 3—около моста) и 5 полковъ казаковъ; кромѣ того, онъ имѣлъ одинъ казачій полкъ при главной квартирѣ и одинъ при магазинахъ.

Флотилія наша расположилась въ слѣдующемъ порядкѣ:

26	судовъ	въ Сулинѣ.
6	„	въ Килии.
5	„	въ Исаакѣ.
5	„	въ Измаилѣ.
12	„	въ Мачинѣ.
22	„	въ Галацѣ.
26	„	въ Гирсовѣ.
13	„	въ Браиловѣ.

Оставлено было:

5	резервныхъ баталіоновъ	въ Браиловѣ.	
5	„	„	въ Измаилѣ.
2	„	„	въ Килии.
1	„	„	въ Аккерманѣ.
2	„	„	въ Бендерахъ.
2	„	„	въ Хотинѣ.
1	„	„	въ Тирасполѣ.
2	„	„	въ Каменецъ-Подольскѣ.

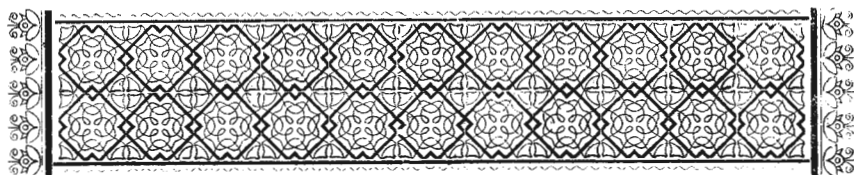
Такъ окончилась эта кампанія, по результатамъ довольно счастливая. Мы взяли Измаилъ, Браиловъ и 9 другихъ крѣпостей въ Болгаріи; но она могла имѣть болѣе доблестные результаты и принести больше пользы, если бы не разрушали страну, если бы разбили Пегливана подъ Татарицей и если бы взяли Силистрію.

Всѣ эти предположенія было очень легко привести въ исполненіе.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ давно прошедшаго ¹⁾.

(Отрывочныя воспоминанія).

(Окончаніе).

Въ томъ 1866 года посѣтили Казань ихъ императорскіе высочества великіе князья наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владиміръ Александровичъ; въ честь ихъ въ залахъ дворянскаго собранія данъ былъ казанскимъ дворянствомъ обѣдъ и блестящій балъ, при чемъ къ этому дню специально былъ выписанъ изъ Петербурга оркестръ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Изложу теперь, частью по сохранившимся путевымъ замѣткамъ, частью по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, наиболѣе характерныя частности продолжительной командировки, выпавшей на мою долю зимою 1865—66 годовъ, въ направленіи на Свияжскъ, Козьмодемьянскъ и Чебоксары, для попутнаго осмотра этапныхъ пунктовъ и опроса встрѣчавшихся арестантскихъ партій. Въ этомъ направленіи все оказалось въ порядкѣ и претензій заявлено не было. Вернувшись черезъ нѣсколько дней въ Казань, я, спустя сутки, отправился въ Пермь по ссыльному тракту на Малмыжъ и Оханскъ.

Въ то время издавна практиковавшій порядокъ „пѣшей“ пересылки арестантовъ, на Тобольскъ, Ачинскъ и далѣе, былъ только-что отмѣненъ и замѣненъ перевозкою на подводахъ и саняхъ; одновременно произведена была и реорганизація инвалидовъ и этапныхъ командъ и сформированы конвойныя команды, частью изъ бывшихъ этапныхъ, но съ лучшимъ подборомъ людей. Благодаря бывшему мятежу въ Царствѣ Польскомъ и въ губерніяхъ сѣверо-и юго-западнаго края,—въ 1863 и 1864 годахъ число высы-

¹⁾ См. „Русская Старина“, іюль 1908 г.

лавшихся „политическихъ“ арестантовъ было весьма значительно и лишь немного уменьшилось въ 1865 году.

Путемъ осмотра по пути всѣхъ этапныхъ пунктовъ по ссыльному тракту, частью днемъ, частью ночью, и изъ опросовъ пересылавшихся арестантовъ, независимо записи заявлявшихся иногда претензій, пришлось услышать и увидѣть многое.

До 1865 года пересылка арестантовъ въ Сибирь—въ рудники, тюрьмы и на поселеніе, производилась, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ порядкомъ, слава Богу минувшимъ. Каждая партія (иногда общее число арестантовъ въ ней доходило до 100 и болѣе человекъ) дѣлилась на три категоріи: политическую, гражданскую и „невродную“ (то есть изъ лицъ, слѣдовавшихъ за арестантами по разнымъ причинамъ въ Сибирь, но „не въ родѣ“ арестантовъ); каждая категорія выбирала изъ своей среды старосту съ круговою порукою—на весь путь, то есть, напримѣръ, до Тобольска, гдѣ категоріи арестантовъ обыкновенно дробились на мелкія партіи, въ зависимости отъ дальнѣйшаго назначенія. Этапы (ночлежные пункты) совпадали съ почтовыми станціями по ссыльному тракту, отстоя одинъ отъ другого на перегонъ въ 20—25 верстъ ¹⁾. Такимъ обра-

---

¹⁾ Въ повѣсти «Въ далекіе края», соч. К. Станюковича, приведена слѣдующая фраза, касающаяся этаповъ на главномъ ссыльномъ Сибирскомъ трактѣ: «что же касается этаповъ, то они буквально представляютъ собою клоповники». (Стр. 454, т. V, кн. 3, изд. Маркса 1907). Въ правдивости этого я имѣлъ случай лично убѣдиться во время моей поѣздки зимою 1865 года по упомянутому тракту. Все это, конечно, уже былѣемъ поросло, и нынѣшніе порядки, начиная съ желѣзнодорожнаго сообщенія въ этомъ направленіи, но въ то время большая часть мрачныхъ зданій этаповъ, по такъ называемой «Владиміръкѣ», была до-нельзя скверною, помѣщенія для арестантовъ, особенно общія,—не говоря уже объ отсутствіи вентиляціи въ нихъ,—нары и корридоры—содержались грязно, а по ночамъ были невыносимо смрадны, благодаря отчасти «парашамъ» и развѣшаннымъ для просушки арестантскимъ портянкамъ. Все это привелось тогда лично видѣть при посѣщеніи нѣкоторыхъ этаповъ въ ночное время.

Правдивое описаніе жалкаго состоянія въ тогдашнее время большинства этапныхъ пунктовъ по ссыльному тракту помѣщено было даже и въ романѣ С. Окрейца, подъ заглавіемъ: «Въ Сибири»; такъ, про общій видъ этапа, на 3 стр. тамъ сказано: «группа деревянныхъ построекъ, окруженная высокимъ, заостреннымъ частоколомъ, изъ-за зубцовъ котораго снаружи едва виднѣлись почернѣвшія крыши и нѣсколько кирпичныхъ трубъ. Крѣпкія окованныя желѣзомъ ворота всегда бывали на запорѣ съ безмолвными часовыми у будки». Далѣе, на стр. 7, описывая помѣщенія арестантовъ въ этапныхъ пунктахъ, авторъ замѣчаетъ: «на ночь весь этотъ людъ наглухо запертъ и долженъ исполнять всѣ свои нужды при посредствѣ общей кадки—параша, тутъ же стоящей». («Въ Сибири», романъ С. Окрейца; Спб. 1888 г. Ч. I, гл. I, стр. 3 и 7).

зомъ, пѣшая отправка арестантовъ длилась весьма долго, ибо партія дѣлала въ день только одинъ переходъ и ночевала на слѣдующемъ этапѣ. Иное было уже въ 1865 году, когда арестантская партія, перевозимая на троечныхъ колесныхъ подводахъ или троечныхъ саняхъ, дѣлала до ночлега 100—120 верстъ въ день, мѣняя лошадей на промежуточныхъ этапахъ. Ночью переѣзды не производились.

Изъ свѣдѣній, добытыхъ тогда на мѣстѣ, практиковавшійся до 1865 года вполне своеобразный порядокъ пересылки арестантовъ до Перми и далѣе на Екатеринбургъ и Тюмень, былъ, въ общемъ, слѣдующій.

Передъ выступленіемъ утромъ съ ночлежнаго пункта (этапа), арестантская партія выстраивалась и пересчитывалась, затѣмъ кромѣ кандалныхъ и „невродныхъ“ арестантовъ, дѣлилась на „шестерки“, т. е. каждые 6 человѣкъ будто бы приковывались правыми руками къ желѣзному пруту ¹⁾). Конвой былъ слабый, совершенно не соответствовавшій численности партіи и иногда слѣдовавшій за нею даже особнякомъ, скромно—сзади. Сборную партію (изъ трехъ категорій, съ добавленіемъ иногда подводъ, на коихъ сидѣли больные арестанты и жены ихъ съ дѣтьми) сопровождалъ до слѣдующаго этапа (ночлега) офицеръ этапной команды и, по прибытіи на этапъ, сдавалъ партію по статейнымъ спискамъ. Переночевавъ, партія, уже съ другимъ этапнымъ офицеромъ, отправлялась на слѣдующій ночлегъ (этапъ) и такъ далѣе.

Злоупотребленія при подобной пересылкѣ арестантовъ, не считая разнаго рода вымогательствъ и поборовъ съ арестантовъ, продаждъ имъ по высокимъ цѣнамъ разныхъ пищевыхъ продуктовъ на этапахъ,—заклучались въ слѣдующемъ. Зачастую, арестантская партія, выступивъ съ мѣста ночлега и пройдя 1—2 версты, останавливалась, прикованные къ прутамъ арестанты—освобождались, конечно, съ разрѣшенія офицера, по соглашенію съ старостами, кандалные расковывались и кандалы складывались на подводу, слѣдовавшую при партіи „на случай“ болѣзни въ пути. Конвойный офицеръ усаживался на подводу съ однимъ изъ старостъ и, дабы скоротать скучное время перехода до слѣдующаго этапа, иногда съ старостою начиналъ закусывать и бражничать. Партія двигается свободно, появляется даже гармоника и затягивается пѣсня; арестанты идутъ въ разбродъ, частью по обочинамъ тракта. Не доходя 2—3 верстъ до слѣдующаго этапа (ночлега), партія останавливается, и все при-

¹⁾ Какъ мнѣ тогда было заявлено на этапахъ въ Кунгурѣ и Камышловѣ.

водится въ порядокъ, т. е. надѣваются, кому слѣдуетъ, кандалы и пр., и партія, какъ ни въ чемъ не бывало, въ порядкѣ подходитъ къ этапу. Несмотря, однако, на такія поблажки, побѣги арестантовъ съ пути, благодаря вліянію старость и круговой поруки, были рѣдки. Конечно, партіонный начальникъ получалъ за такой переходъ,—кромѣ казеннаго путевого довольствія, — небольшую сумму, уплачивавшуюся ему арестантскими старостами (вѣроятно, не болѣе 5—8 рублей за всю партію), при чемъ она своевременно собираема была старостами путемъ складчины. Напримѣръ, на Тугулымскомъ этапѣ Тобольской губерніи, у начальника этапа имѣлось даже съ десятокъ охотничьихъ ружей, выдававшихся, по соглашенію съ партіоннымъ начальникомъ (его же подчиненнымъ), „желающимъ“ охотникамъ-арестантамъ, конечно, за хорошую плату—для охоты въ пути до слѣдующаго ночлега; тамъ эти ружья отбирались и при оказіи отправлялись обратно. Все вышеизложенное смахиваетъ скорѣе на анекдотъ, а не на быль, но я все это узналъ изъ цѣлаго ряда опросовъ нижнихъ чиновъ конвойныхъ командъ, арестантовъ-рецидивистовъ (т. е. уже ранѣе побывавшихъ въ Сибири и вторично туда выславшихся), станціонныхъ смотрителей и проч. и проч., а также изъ официальныхъ попутныхъ сообщений исправниковъ и становыхъ на посланные мною имъ запросы. Продолжаю однако. Какъ только партія арестантовъ приближалась къ этапу, тамъ возлѣ тына (частокола) уже готовъ былъ рядъ столовъ съ дымящимися на нихъ самоварами, разнымъ варевомъ и незатѣйливою свѣдью ¹⁾; торговлею иногда завѣдывала лично жена этапнаго начальника или его родственница, устанавливавшая свою таксу на все и, конечно, не малую ²⁾. Короче, грабили безъ зазрѣнія совѣсти, зная, что, если иной арестантъ, чего добраго, кому-либо и нажалуется—все равно изъ его жалобы ничего не выйдетъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ составѣ партій, среди арестантовъ, иногда встрѣчались люди съ достаткомъ, а бывали и весьма денежные. Все это сходило съ рукъ благополучно и безнаказанно. Нѣтъ сомнѣнія, что инспекціи были, но, вѣроятно, инспектирующія лица, быстро и комфортабельно ѣхавшія по ссыльному тракту, мало были освѣдомлены о существовавшихъ порядкахъ, а если что-либо видѣли или имъ показывали,

¹⁾ Это я лично видѣлъ на нѣсколькихъ этапахъ ссыльнаго тракта.

²⁾ Припоминается, что тогда же, случайно, на квартирѣ одного изъ этапныхъ начальниковъ (кажется, въ Дебессахъ) я замѣтилъ установленную на буфетѣ цѣлую серію крупной величины самоваровъ и на мой вопросъ о причинѣ такого ихъ обилія получилъ уклончивый отвѣтъ, сопровождавшійся нѣкоторымъ конфузомъ хозяйки дома.

то это было не только надлежащимъ образомъ заблаговременно прибрано, но и, вѣроятно, приукрашено. Такъ, по добытымъ даннымъ, практиковалось изъ года въ годъ и все благополучно сходило съ рукъ, т. е. и арестанты полностью доходили до конечнаго пункта ихъ дѣйствительно тернистаго пути, ну и бывые этапные начальники не оставались въ накладѣ. Все это, къ счастью, уже миновало безвозвратно; даже въ 1865 году, когда мнѣ пришлось ѣхать по ссыльному Сибирскому тракту, хотя и были мѣстами прорухи, непорядокъ на ночлежныхъ пунктахъ, жалобы иногда арестантовъ на вымогательство и сравнительно мелкія злоупотребленія, но уже порядокъ былъ иной, а нынѣ, думаю, и представить себѣ нельзя встрѣтить что-либо подобное изложенному выше.

Общій видъ этаповъ на всемъ трактѣ по Казанской, Вятской, Пермской и Тобольской губерніямъ былъ одинаковый съ весьма малыми вариантами, а именно, рядъ деревянныхъ, изрѣдка каменныхъ, одноэтажныхъ построекъ, обнесенныхъ высокимъ тыномъ (изъ толстыхъ заостренныхъ наверху бревень), съ воротами и часовымъ у нихъ. Этапы эти находились всегда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, деревни или почтовой станціи.

Трудно было узвать правду, и приходилось поневолѣ прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ, подѣзжая, напр., къ этапу ночью, а иногда, — оставивъ кибитку на дорогѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этапа, — идти къ нему по снѣгу, безъ дороги, пѣшкомъ, дабы застать тамъ все, какъ есть, безъ приготовленій, и только такимъ образомъ возможно было разсчитывать видѣть все безъ прикрасъ и опросить арестантовъ, не предупрежденныхъ начальствомъ.

Порядокъ перевозки арестантовъ по ссыльному тракту въ Сибирь въ 1865 году былъ слѣдующій. Перевозили ихъ небольшими партіями (транспортами) на просторныхъ троечныхъ саняхъ, называвшихся почему-то — „форпостными“; перевозки были только дневныя, по одному и по два рейса. Такіе транспорты не разъ приходилось обгонять въ пути, а при обратной поѣздкѣ — встрѣчать, при чемъ я иногда останавливалъ транспорты и опрашивалъ арестантовъ. Въ каждахъ троечныхъ саняхъ сидѣло по 4 арестанта (2 на передней и 2 на задней скамьѣ) и конвойный рядовой (одѣтый въ короткій полушубокъ, при шашкѣ, свисткѣ и заряженномъ револьверѣ), сидѣвшій на нѣсколько приподнятыхъ кѣзлахъ, рядомъ съ ящикомъ и лицомъ къ арестантамъ. Подобный транспортъ обыкновенно состоялъ изъ 8—10 саней, а лѣтомъ изъ такого же числа телѣгъ; позади транспорта на отдѣльныхъ саняхъ ѣхалъ конвойный унтеръ-офицеръ — начальникъ транспорта.

Нѣсколько разъ приходилось ѣхать во время снѣжнаго бурана, при чемъ широкая дорога настолько заносилась снѣгомъ, что послѣ перепряжки въ пути ѣзда продолжалась весьма медленно гуськомъ, при чемъ одна изъ пристяжныхъ лошадей привязывалась сзади — къ кибиткѣ.

Прибывъ въ Пермь 5 декабря вечеромъ, я, не заѣзжая на почтовую станцію, отправился въ канцелярію мѣстнаго губернскаго баталіона, гдѣ, въ силу даннаго мнѣ предписанія, выбралъ по описи нужныя для справокъ дѣла, указы по баталіону и пр., оставивъ росписку на все взятое, а на слѣдующій день явился мѣстному губернскому воинскому начальнику полковнику Николаеву и губернатору Струве (прославившемуся впоследствии своимъ участіемъ въ извѣстномъ продовольственномъ еврейскомъ триумvirатѣ въ войну 1877—78 г.г.) и получилъ приглашеніе на балъ къ нему въ тотъ же день ¹⁾.

Покончивъ съ порученными мнѣ дѣлами въ Перми, я 11 декабря выѣхалъ далѣе по Сибирскому тракту на Кунгуръ и Екатеринбургъ. Почти сейчасъ же за Пермью мѣстность стала постепенно возвышаться, и подъемы, впрочемъ довольно пологіе, встрѣчались часто. Селенія по пути, какъ напр., Златоустовское и Билимбаевское, выглядѣли богато и тянулись вдоль тракта иногда на версту и болѣе. Здѣсь Сибирскій трактъ пролегалъ по наиболѣе широкой части Уральскаго хребта. Встрѣчались въ попутныхъ селахъ и деревняхъ сосланные поселенцы за участіе въ мятежѣ 1863—64 годовъ.

Изъ попутныхъ городовъ особенно бѣдно и захудало выглядывалъ Камышловъ. Перевалъ черезъ Уральскій хребетъ былъ почти незамѣтенъ и на высшей точкѣ перевала, — въ разстояніи 16—17 верстъ не доѣзжая Екатеринбурга, у дороги находился большой полуразвалившійся обелискъ съ надписью металлическими буквами — къ сторонѣ Перми — „Европа“, а въ другую сторону — „Азія“. Отъ перевала мѣстность начала замѣтно понижаться и, подѣзжая къ Екатеринбургу, было нѣсколько крутыхъ спусковъ.

Городъ этотъ выглядѣлъ гораздо обширнѣе и богаче Перми, имѣлъ порядочное число многоэтажныхъ каменныхъ домовъ (напр. дома Горнаго управленія и Севастьянова), широкія улицы, много магазиновъ и въ числѣ ихъ съ различными произведеніями горнозаводскаго промысла и порядочное зданіе городского театра. Вообще, по первому впечатлѣнію, Екатеринбургъ можно было скорѣе при-

---

1) Игралъ на балу не штатный и дрянной оркестръ Пермскаго губернскаго баталіона.

знать губернскимъ центромъ, чѣмъ Пермь, съ его сугробами снѣга на улицахъ и можествомъ деревянныхъ домишекъ, рядомъ съ рѣдкими каменными; лучшими тамъ (т. е. въ Перми) зданіями были: домъ губернатора, казенные дома съ правительственными учрежденіями, ну, и конечно, какъ обыкновенно, — мѣстный тюремный замокъ.

Изъ Екатеринбурга я выѣхалъ по Сибирскому ссыльному тракту на Камышловъ къ Тюмени, съ попутнымъ осмотромъ всѣхъ арестантскихъ этаповъ и на станціи Тугулымской (въ 16—17 верстахъ отъ Тюмени), гдѣ былъ послѣдній этапъ казанскаго военнаго округа, закончилъ свою миссію ¹⁾.

Обратный переѣздъ по тому же пути, на Екатеринбургъ, Пермь и Малмыжъ въ Казань, исполненъ былъ уже нѣсколько скорѣе, хотя также съ осмотромъ нѣкоторыхъ этаповъ и опросомъ встрѣчавшихся арестантскихъ партій, и въ Казань я вернулся въ первой половинѣ февраля 1866 года, пробывъ въ командировкѣ немного болѣе 1½ мѣсяца. Результатомъ подробнаго отчета по командировкѣ былъ рядъ дознаній по жалобамъ арестантовъ и, кажется, отчисленіе отъ должностей нѣсколькихъ бывшихъ этапныхъ начальниковъ.

Такъ закончилась эта, хорошо памятная мнѣ и интересная поездка. Въ заключеніе этого краткаго очерка службы въ Казанскомъ

¹⁾ Курьезный случай имѣлъ мѣсто съ ѣхавшимъ со мною писаремъ штаба на Тугулымской станціи. Еще въ Перми онъ жаловался на ноющую боль въ ухѣ и я намѣревался помѣстить его въ мѣстномъ лазаретѣ, но, уступивъ его усиленной просьбѣ, взялъ все же съ собою въ дальнѣйшій путь. Прибывъ, помню, какъ разъ въ сочельникъ, 24 декабря, на названную станцію, — конечный пунктъ порученнаго мнѣ разслѣдованія, — я рѣшилъ тамъ отдохнуть сутки и затѣмъ двинуться въ обратный путь. Лично я устроился для ночлега въ небольшой комнаткѣ «для проѣзжающихъ», а писарь примостился на полу въ сосѣдней комнатѣ (канцеляріи), имѣя изголовье подъ кіотомъ, уставленнымъ горѣвшими восковыми свѣчами. Около полуночи вдругъ раздался сильнѣйшій крикъ; оказалось слѣдующее: станціонный смотритель «посоветовалъ» страдавшему отъ боли уха писарю взять отъ образа тонкую двухкопѣечную горѣвшую восковую свѣчу, воткнуть ее въ ухо и лечь, добавивъ, что «зажженная свѣча, взятая въ такой большой праздникъ прямо отъ образа, сразу уймешь боль». Писарь съ дуру это исполнилъ, то есть имѣлъ глупость всунуть горѣвшій огарокъ свѣчи себѣ въ ухо, легъ и — задремалъ, ну, а свѣча тѣмъ временемъ конечно догорѣла до поверхности уха и обожгла его.

Обезумѣвшій отъ боли писарь закричалъ благимъ матомъ и со всей силы ударилъ себя по больному уху; получился неожиданный благоприятный результатъ, ибо отъ удара прорвался нарывъ. Въ концѣ концовъ вечеромъ 25 декабря мы благополучно тронулись въ обратный путь.

округѣ, добавлю еще слѣдующее. Въ 1866 году командированъ былъ изъ Петербурга въ округъ адъютантъ военнаго министра штабсъ-ротмистръ (или ротмистръ) П. для „осмотра“ нѣсколькихъ резервныхъ баталіоновъ (совершенно не подходящая командировка для оберъ-офицера, да еще кавалерійскаго). Копіи отчета этого „инспектора“ были присланы въ штабы окружный и мѣстныхъ войскъ, при чемъ въ отчетѣ объ осмотрѣ 66 резервнаго баталіона, квартировавшаго въ Саратовѣ, по поводу корпуса офицеровъ этого баталіона была приведена слѣдующая забавная по своей полной непонятности фраза: „Офицеры 66 баталіона, при всей ихъ единоправности, не могутъ достигнуть равномѣрности“ и затѣмъ точка; что хотѣлъ именно сказать этими словами авторъ отчета—осталось неизвѣстнымъ.

Служба и жизнь въ Казани продолжали идти своимъ чередомъ, при чемъ первая при такомъ начальникѣ, какимъ былъ упомянутый выше генералъ П. (спустя 1^{1/2} или 2 года отчисленный таки отъ должности), временами была прямо невыносима, и приходилось не разъ вспоминать о полковой жизни и службѣ, несмотря на всё перенесенныя въ періодъ польскаго мятежа 1863—64 г.г. лишенія и невзгоды ¹⁾).

Л. Дранке.

---

¹⁾ См. статью «Пережитое». «Рус. Старина» 1907 г., июнь—ноябрь.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
на 1908 годъ.

Вступая въ 1908 году на тридцать девятый годъ своего существованія, „Русская Старина“, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редація предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редація получила согласіе на помѣщеніе въ журналѣ трудовъ слѣдующихъ лицъ: Е. К. Андреевскаго, Е. А. Боброва, И. Н. Божерянова, Н. Д. Бутовскаго, Н. Н. Вельямина, К. А. Военскаго, А. А. Голумбѣвскаго, С. М. Горяинова, Г. К. Градовскаго, П. Я. Дашкова, Н. М. Затворницкаго, Е. С. Каменскаго, Н. Н. Каразина, Ю. С. Карцова, В. О. Ключевскаго, А. Ф. Кони, Н. О. Лернера, П. М. Майкова, П. Д. Паренсова, Пирлинга, С. Ф. Платонова, М. А. Полѣвктова, В. Ф. Руднева, В. И. Саитова, Д. А. Скалона, М. К. Соколовскаго, Т. О. Соколовской, А. И. Успенскаго, Д. И. Успенскаго, И. А. Шляпкина, Е. С. Шумигорскаго, Н. Д. Чечулина, А. И. Фаресова и др.

Въ 1908 году будутъ напечатаны:

А. Ф. Кони — „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля и „Житейскія встрѣчи“, **Г. К. Градовскаго** — „Изъ минувшаго“, Дневникъ академика В. П. Безобразова—**М. В. Безобразовой**. **Ю. С. Карцова** — „За кулисами дипломатіи“, **П. Д. Паренсова**—„Изъ прошлаго“, воспоминанія —**Д. А. Скалона**, записки генерала **Домонтовича**, «Война за независимость славянъ 1877—1878 гг.» **П. Д. Зотова**, **А. Бѣломора** — «Изъ русско-японской войны»—**Детлова**. Въ походѣ и въ бою на «Владимирѣ Мономахѣ». 11 лѣтъ въ театрѣ —**И. Оноре**, записки основателя „Русской Старины“—**М. И. Семѣвскаго**, воспоминанія **Тургеневъ**, **Де-Сангле**, **А. Ф. Петрушевскаго**, воспоминанія командира „Варяга“—**В. Ф. Руднева**, переписка—композитора **А. Н. Сѣрова**, письма **П. И. Чайковскаго**, воспоминанія—**Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Никитина**, воспоминанія изъ русско-японской войны и изъ жизни духовенства и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа cadaго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ — ПЯТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей — ВОСЕМЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ — стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Спб. въ ред. журн. «Русская Старина» (гдѣ помѣщается контора этого изданія) — Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

«Новаго Времени», Невскій, 40;

«Т-ва М. О. Вольфъ», Гостиный дв., 18 и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамилии которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей — отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи кажд. выпуска.

Книжные магазины принимающіе подписку на «Стенографическій отчетъ» платятъ: вмѣсто 5 руб. — 4 руб., и вмѣсто 8 руб. — 7 руб.

„Боюсь все. Огромный онъ... А все-таки соберусь. Непремѣнно... Вотъ укрѣплюсь и побѣду поговорить... о многомъ“. Сколько мнѣ извѣстно, онъ такъ и не собрался“.

Воспоминанія о Чернышевскомъ и Чеховѣ нѣсколько блѣднѣе. Это понятно. Короленко не только не былъ съ ними такъ хорошо знакомъ, какъ съ Успенскимъ, но и по духу былъ не такъ близокъ къ нимъ. Но и эти „отошедшіе“ глядятъ живыми глазами, говорятъ живымъ языкомъ со страницъ тепло и сочно написанной книжки.

Н. Л.

Н. К. Кульманъ. Изъ исторіи общественнаго движенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I. СПб. 1908.

Небольшое изслѣдованіе г. Кульмана рассказываетъ объ одномъ замѣчательномъ эпизодѣ изъ исторіи нашей общественности. Матеріалы для этого разсказа почерпнуты авторомъ главнымъ образомъ изъ архива Н. И. Тургенева, недавно поступившаго въ академію наукъ и представляющаго собою такой источникъ, который при самой щедрой и разносторонней разработкѣ не скоро будетъ истощенъ. Этотъ эпизодъ—записка объ освобожденіи крестьянъ, поданная въ маѣ 1820 г. Александру I гр. М. С. Воронцовымъ, кн. А. С. Меншиковымъ, гр. С. С. Поттоцкимъ, кн. П. А. Вяземскимъ, Н. И. и А. И. Тургеневыми. Ее приписывали В. Н. Каразину; не совсѣмъ точно она была напечатана въ герценовской „Полярной Звѣздѣ“, а затѣмъ въ „Русской Старинѣ“ 1871 г. Въ тургеневскомъ архивѣ нашлась окончательная редакція записки, помѣченная 5 мая 1820 г., и г. Кульманъ напечаталъ ее въ окончательной редакціи. Записку считали поданной государю 5 мая, черезъ посредство И. А. Каподистріа, и думали, что въ ней принялъ участіе В. Н. Каразинъ. Изслѣдовавъ вопросъ, г. Кульманъ пришелъ къ выводу, что она была подана 20 мая, что докладывалъ о ней не Каподистріа, а гр. В. П. Кочубей, и что Каразинъ не только не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, но и не могъ участвовать. Главную роль въ немъ играли Н. И. Тургеневъ и кн. П. А. Вяземскій. Послѣдній былъ „иниціаторомъ общества, задуманнаго группою противниковъ крѣпостничества. Николай же Тургеневъ ухватился за мысль Вяземскаго и придалъ ей вполне законченныя формы; группа людей, сочувствовавшихъ его планамъ и занимавшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ видное положеніе, нашлась; Н. Тургеневъ 5 мая 1820 года составилъ соответственную записку, и дѣло было, такимъ образомъ, начато“. Рухнуло оно главнымъ образомъ благодаря перемѣнчивости настроеній и намѣреній Александра Павловича. Царь, который сначала выразилъ сочувствіе составившему обществу, пробѣжавъ записку, сказалъ (какъ записалъ Н. Тургеневъ въ своемъ дневникѣ), что „общество и подписки не нужны, а каждый можетъ свои намѣренія въ разсужденіи крестьянъ сообщать мин. вн. дѣлѣ“. Общественное мнѣніе сразу повернулось по направленію подушгаго съ другой стороны вѣтра, и Н. Тургеневъ горько жаловался въ своемъ дневникѣ: „Публика возстаётъ противъ нашихъ именъ. Претекстъ ея—не богатство наше, малое число нашихъ крестьянъ. Я полагаю, что этого претекста недостаточно. Искать его въ аристократическомъ образѣ мыслей нашихъ богатыхъ или знатныхъ людей—есть ли, впрочемъ, эти архи-хамы имѣютъ что-нибудь общаго съ какими бѣто ни было аристократами. Наконецъ, слышавъ и то, и другое, я, покуда, увѣрился, что негодованіе противъ насъ происходитъ отъ того, что о насъ разумеютъ эта публика какъ о людяхъ опасныхъ, о якобинцахъ. Вотъ, какъ мнѣ теперь кажется, вся загадка“. Благородное дѣло погибло въ зачаткѣ, не давъ плода и надолго оставивъ скорбь въ сердцахъ мечтателей. Николай Тургеневъ думалъ: „Боже мой! Неужели суждено мнѣ переступить за гробовую доску, не выдавъ правды, свободы въ моемъ отечествѣ!“ Что касается до Каразина, то онъ какъ разъ тогда занимался доносами (доносилъ между прочимъ, и на Пушкина), ораторствовалъ противъ „мнимыхъ правъ человечества и свободы совѣстей, столько препрославленныхъ“, и проектировалъ общество, „которое бы сверхъ публичнаго своего назначенія улучшивать участь поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими явными и тайными обществами“. Конечно, въ начинаніи Вяземскаго и Тургенева Каразинъ участвовать не могъ. Глава о немъ—лучшая, наиболѣе самостоятельная и вдумчивая часть интересной работы г. Кульмана. Сужденія о нравственной физиономіи этого замѣчательнаго человѣка разносторонни и противорѣчны. „Всякій“—говоритъ авторъ—„безъ особаго труда найдетъ и въ произведеніяхъ, и въ дѣятельности Каразина немало принципиальныхъ противорѣчій, сумбурности, а иногда и прямой нелѣпности. Здѣсь и заключается источникъ разнообразныхъ сужденій о немъ. Но было бы большою ошибкой думать, что Каразинъ всегда намѣренно, съ расчетомъ по мелкимъ побужденіямъ ходилъ „на два пути“; хамелеонство этого своеобразнаго дѣятеля, со всѣми характерными проявленіями, выт. кало, какъ намъ кажется, изъ психически ненормальной, патологической организаціи“. Эта характеристика не только умна и мѣтка, но и нова; ею вполне рѣшается вопросъ, что такое представлялъ собою Каразинъ.

Н. Л.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достоимѣтныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и докумены, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. *По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ*, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для печатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ**.

Библиотека „Руниверс“

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIX-й.

СЕНТЯБРЬ.

1908 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри. 1777—1782 гг. В. Т.	437—465	X. Къ 100-лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровай-сѣ. Сообщ. Л. Драке.	601—602
II. М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Ивановъ Великимъ. В. В. Данилова.	466—472	XI. Воспоминанія К. П. Каблукова. (Записанныя съ его словъ). Георгія Миллера.	603—633
III. Изъ дневника Опочинина.	473—494	XII. Забытая писательница и ея заслуги. А. И. Фаресова.	635—648
IV. Къ 200 лѣтней годовщинѣ сраженія при д. Лъсной. Л. Драке.	495—499	XIII. Ардаганскій отрядъ. (Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ). В. Комарова.	649—660
V. Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога. (Личныя воспоминаванія и замѣтки бывшаго кандидата-педагога). М. Прокопьева.	501—546	XIV. Записки графа Ланжерона. Война съ Турціей 1806—1812 гг. Сообщ. Е. Каменскій	661—672
VI. Къ биографіи М. Н. Муравьева. Сообщ. А. И. Бирюковъ.	547—550	XV. Изъ записной книжки «Русской Старины»:	
VII. Изъ записокъ стараго помѣщика. Рядъ похищеній и увлеченій. В. А. Шомпулева.	551—558	а) Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи. Сообщ. Д. Скалонъ.	500
VIII. Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви. Александра Нечаева.	559—578	б) Къ исторіи монастырей (1671 г.). Сообщ. И. Суворовъ.	634
IX. Учебныя воспоминаванія. В. Лебедева.	581—600	XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложенія: 1) портретъ Тамбовскаго епископа Θεодосія,
2) портретъ Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1908 года.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ на Фонтанкѣ д. № 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «Надежда». Почтамтская, 13.

1908.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1908 года.

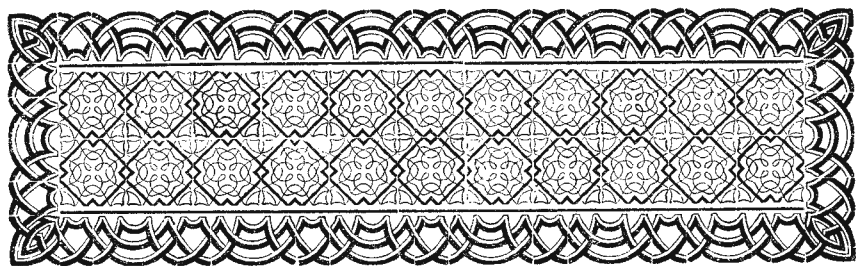
Библиографическій листокъ.

Н. Кашкинъ. Очеркъ исторіи русской музыки. Москва. 1908 г. Ц. 2 р.

Г. А. Ларошъ какъ-то сказалъ, что музыка въ своемъ развитіи отстаетъ отъ литературы лѣтъ на пятьдесятъ. Вѣрная мысль вообще, въ частности она примѣнима къ опытамъ разработки историческихъ свѣдѣній о русскомъ музыкальномъ творествѣ: количество трудовъ по исторіи нашего художественнаго слова, какъ академическаго, такъ и публицистическаго характера, все разрастается, а наша исторія звука все еще находится въ зачаточномъ состояніи, отражая на себѣ слѣды обывательскаго отношенія въ этой области. Большая часть вышедшихъ доселѣ изданій или по дилетантски наивны или же добросовѣстно-шаблонны; лишь въ самые послѣдніе годы стали появляться статьи и книжки съ болѣе серьезными намѣреніями самостоятельно изслѣдовать прошлое нашего искусства, чаще подготовительнаго характера для будущихъ ученыхъ. Попытку представить популярно изложенный обзоръ всего матеріала съ научнымъ его освѣщеніемъ сдѣлалъ въ нынѣшнемъ году представитель московской профессуры Н. Д. Кашкинъ.—Спеціальная критика уже показала немногочисленныя погрѣшности и пропуски въ книгѣ, относящіяся къ временамъ XVII и XVIII столѣтій, а также на обычную и въ прежнихъ работахъ сжатость изложенія до-глинкинскаго періода; мы считаемъ лишь нужнымъ обратить здѣсь вниманіе читателя на замѣчательную выпуклость характеристики тѣхъ пѣсенъ, которыя, появившись во второй половинѣ XVIII в. и видоизмѣняясь позднѣе въ т. наз. „русскій романсъ“, оказывали самое сильное воздѣйствіе на сердца нашихъ любителей почти вплоть до конца слѣдующаго столѣтія, въ качествѣ старинныхъ и народныхъ (главы IV и V). Таковы романсы: „Среди долины ровныя“, „Красный сарафанъ“ и безконечный рядъ тому подобныхъ. Очень удачнымъ кажется намъ принятое авторомъ подраздѣленіе народныхъ пѣсенъ на деревенскія (діатоническія, стариннаго склада) и городскія (вышеупомянутыя, онѣ—позднѣйшія гармоническія, ихъ иногда называютъ ложно-народными). Если обратиться къ другимъ главамъ, то найдемъ не малое число здравыхъ миѣній, точно высказанныхъ положеній и мѣткихъ характеристикъ. Останавливаетъ вниманіе картина упадка глинкинскаго таланта; врядъ ли кто до Кашкина такъ ясно очертилъ въ немногихъ строкахъ поистинѣ безумное отношеніе петербургскаго высшаго общества къ Глинкѣ, погубившаго его, какъ раньше Пушкина и Лермонтова. Но о послѣднихъ много писалось, трагедія же Глинки, какъ и Гоголя, отличается тѣмъ, что дѣятельность ихъ не была прервана исключительно раннею физическою смертью, но за то вся окружающая среда (большинство было, конечно, изъ иностранцевъ, частью же русскихъ, утратившихъ свой обликъ) съ презрѣніемъ относилась къ національнымъ духовнымъ цѣностямъ и сумѣла привести творца „Руслана“ къ апатіи и упадку творчества. Такихъ примѣровъ достаточно и теперь. Вспомнимъ дорогого, только что скончавшагося Николая Андреевича Римскаго-Корсакова. Какъ расцвѣла и оживилась его работа, когда онъ нашель въ Москвѣ обширный кругъ почитателей, а главное, людей, имѣвшихъ возможность предоставить для его оперъ частную сцену и такимъ образомъ познакомить съ ними чуткую московскую публику. Сколько высокихъ оригинальныхъ произведеній далъ бы намъ гений Глинки, свободный отъ миѣній несвѣдущихъ и чуждыхъ русскимъ и, вообще, художественнымъ интересамъ лицъ, влиявшихъ на участь его оперъ; отъ творчества же основателя національной музыки многое зависѣло въ дальнѣйшемъ.—Въ качествѣ удачныхъ страницъ упомянемъ сравненіе Даргомыжскаго съ Глинкою, объ историческомъ значеніи Чайковскаго; найдутся еще и другія. На всемъ лежитъ печать мягкаго, доброжелательнаго, вполне культурнаго (что у насъ рѣдко) отношенія автора къ представителямъ музыкальнаго искусства и его неподдѣльная любовь къ темъ изложенія; при томъ книга читается очень легко. Но получили ли мы съ нею современную и достаточно полную исторію? Самъ проф. Кашкинъ, назвавъ ее очеркомъ, въ предисловіи говорить: „Русская музыка имѣетъ ту особенность, что, за исключеніемъ произведеній Глинки, почти вся ея литература, имѣющая большую художественную цѣнность, возникла въ послѣднія 50 лѣтъ и по отношенію къ этой литературѣ авторъ книжки является не столько историкомъ, сколько лѣтописцемъ—очевидцемъ, передающимъ отраженіе впечатлѣній, какія возбуждали явленія этого рода и, при томъ, въ извѣстномъ кругу“ и далѣе—„Весь такой рассказъ слишкомъ основанъ на личныхъ впечатлѣніяхъ музыкальной жизни, чтобы въ немъ не было пропусковъ, недосмотровъ или, быть можетъ, слишкомъ личнаго субъективнаго отношенія къ предмету“. И помимо этого искренняго заявленія можно усмотрѣть позицію Кашкина. Онъ московскій музыкантъ-восьмидесятникъ, сверстникъ Чайковскаго, слегка посторонній наблюдатель исканій и стычекъ „молодой русской школы“ съ противниками; къ тому

Людмила Христофоровна
Симонова-Хохрякова.

Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри.

1777—1782 гг. ¹⁾.

Въ исходѣ марта прибылъ въ Петербургъ къ графу Герцу посланный изъ Потсдама, съ секретнымъ порученіемъ. Со времени его пріѣзда Герцъ чуть не ежедневно совѣщался съ Панинымъ и съ Потемкинымъ. Короля прусскаго такъ волновало предстоявшее въ Могилевѣ свиданіе Екатерины съ императоромъ Иосифомъ, что онъ рѣшилъ послать въ Петербургъ прусскаго принца; предполагаемый его пріѣздъ къ русскому двору и былъ предметомъ этихъ секретныхъ совѣщаній. Императрица три дня не давала никакого отвѣта Герцу, и, какъ писалъ Гаррисъ, „не была ничуть обрадована этимъ предложеніемъ; тѣмъ не менѣе, на это посѣщеніе ею было дано согласіе, въ самомъ дружескомъ тонѣ. Графъ Герцъ гордится тѣмъ, что онъ уладилъ этотъ важный вопросъ. Ему было поручено распространиться о миролюбивыхъ намѣреніяхъ своего монарха и изобразить вѣнскій дворъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; напомнить императрицѣ его поведеніе въ послѣднюю турецкую войну, его недавніе виды на Баварію... постараться возстановить Екатерину противъ Австріи, напомнивъ ей, что австрійская императрица была противъ поѣздки своего сына въ Россію ²⁾ и что она не дала на это своего согласія до тѣхъ поръ, пока она не получила увѣренности, что нравственности императора не будетъ угрожать опасности ³⁾“. „Герцъ

¹⁾ См. «Русск. Стар.», июнь 1908 г.

²⁾ Для свиданія съ Екатериной.

³⁾ Письмо Гарриса къ лорду Стормонту отъ 31 марта—11 апрѣля 1780 г.

съ большимъ усердіемъ старался выполнить данное ему порученіе, но я имѣю основаніе думать, говорить Гаррисъ, что ему не удалось произвести на императрицу особенно сильнаго впечатлѣнія“. „Графъ Панинъ не хотѣлъ допустить свиданія Герца съ Потемкинымъ, когда Герць настаивалъ на этомъ, говоря, что онъ обязанъ выполнить данныя ему инструкціи, то Панинъ былъ внѣ себя отъ гнѣва и заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не будетъ болѣе поддерживать интересовъ Пруссіи. Но эта размолвка продолжалась не долго; они вскорѣ примѣрились“.

Англійскій посланникъ узналъ, что графъ Герць, во время своихъ переговоровъ относительно прїѣзда прусскаго принца, секретно передалъ Потемкину собственноручное письмо короля прусскаго, написанное въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Въ этомъ письмѣ, говоря о томъ, что единственной цѣлью свиданія въ Могилевѣ было, „какъ ему доподлинно извѣстно, разрушить союзъ, существующій между берлинскимъ и петербургскимъ дворами, и создать новую политическую комбинацію, которую король прусскій убѣждалъ князя Потемкина поддерживать его интересы; обѣщая, что если онъ сдѣлаетъ это, то онъ (король), со своей стороны, *il tâchera de rendre possible ce qui parait impossible* (сдѣлаетъ невозможное возможнымъ); эти слова, при всей туманности, были какъ нельзя болѣе выразительны; и я боюсь—говоритъ Гаррисъ—что они глубоко западутъ въ сердце князя Потемкина, такъ какъ они относятся либо къ его планамъ относительно Курляндіи или, что еще вѣроятнѣе, они равносильны обѣщанію примирить его съ великимъ княземъ, чтобы въ случаѣ кончины императрицы обезпечить ему личную безопасность, сохраненіе почестей и богатствъ; боязнь лишиться всего этого часто преслѣдуетъ князя, и имъ овладѣваетъ иногда самая черная меланхолія“.

Велѣдствіе интригъ и происковъ Пруссіи, отношенія при петербургскомъ дворѣ до того запутались, что англійскій посланникъ, не будучи въ состояніи разобраться въ нихъ, обратился за разъясненіями къ одному близкому къ князю Потемкину лицу, пользовавшемуся его полнымъ довѣріемъ и безъ котораго князь ничего не предпринималъ. Щедрія обѣщанія Гарриса возымѣли свое дѣйствіе, и онъ могъ вскорѣ сообщить своему правительству полученныя имъ подробныя объясненія на рядъ предложенныхъ имъ вопросовъ ¹⁾, которые сводились къ слѣдующему: „чѣмъ была вызвана декларація? кѣмъ она была составлена? каковы были первоначальныя намѣренія императрицы и остались, ли они неизмѣнны? можно

¹⁾ Письмо къ лорду Стормонту отъ 15/26 мая 1780.

ли вѣрить искренности дружескихъ заявленій Потемкина и выражаемой имъ готовности служить Англiи? или онъ отводитъ глаза и дѣйствуетъ въ интересахъ враговъ Англiи лично или черезъ короля прусскаго? какіе шаги сдѣланы Франціей и Испаніей съ цѣлью снискать расположеніе петербургскаго двора, и удалось ли имъ достигнуть этого?

Собесѣдникъ Гарриса отвѣтилъ на поставленные вопросы, что декларация написана всецѣло по инициативѣ самой императрицы и была вызвана поведеніемъ Испаніи. Всѣ пять пунктовъ деклараціи были намѣчены въ черновомъ проектѣ деклараціи, посланномъ ею графу Панину; онъ не прибавилъ къ нимъ ничего существеннаго; неизвѣстно, кто подалъ ей мысль изложить эти пять пунктовъ, но такъ какъ послѣдніе мѣсяцы она часто видѣла своего гамбургскаго агента, St. Paul'я и графа Воронцова, стоящаго во главѣ коммерц-коллегіи, то, по всей вѣроятности, декларация сложилась у нея подъ впечатлѣніемъ разговоровъ съ ними. Вначалѣ, изъ врожденной симпатіи къ Англiи, императрица склонялась на ея сторону. Но происки ея министровъ и расточаемыя ей со всѣхъ сторонъ однѣ похвалы заставили ее измѣнить свое мнѣніе, и она видимо рѣшила соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

„Князь Потемкинъ говоритъ и дѣйствуетъ вполне искренно; онъ не любитъ французовъ, предубѣжденъ противъ короля прусскаго и остается глухъ къ предложеніямъ, сдѣланнымъ ему за послѣднее время этимъ монархомъ. Но его симпатіи къ Англiи не такъ велики, чтобы онъ преодолѣлъ для нея свою лѣнь и безпечность; онъ можетъ выйти изъ своей инертности только въ томъ случаѣ, если его вынудитъ къ тому противодѣйствіе графа Панина.

„Французы неутомимы въ своемъ стараніи обойти императрицу. У нихъ масса агентовъ, и они не щадятъ ни денегъ, ни труда чтобы разрушить всѣ наши планы. Имъ удалось перетянуть на свою сторону графа Панина; хотя императрица все еще не вполне довѣряетъ имъ и относится къ нимъ нѣсколько пренебрежительно, но лестъ нравится ей, и она полагаетъ, что ея могущество и слава нигдѣ не встрѣтятъ такой правдивой оцѣнки, какъ въ Версалѣ.

„На мой вопросъ вышеупомянутому лицу, что онъ подразумѣваетъ подъ выгодными предложеніями, сдѣланными князю Потемкину королемъ Прусскимъ, онъ отвѣтилъ, пишетъ Гаррисъ, что король обѣщаетъ помочь ему получить герцогство Курляндское и, если онъ пожелаетъ, предлагаетъ найти ему жену среди нѣмецкихъ принцессъ,—не называя впрочемъ ни одной изъ нихъ. Я полюбопытство-

*

валъ узнать, почему князь отвергнулъ столь лестное предложеніе? это объясняется тѣмъ, отвѣтилъ мой собесѣдникъ, что онъ не считаетъ это предложеніе искреннимъ, а рассчитаннымъ лишь на то, чтобы списать его расположеніе на время свиданія въ Могилевѣ. Я спросилъ, что думаетъ князь Потемкинъ объ этомъ свиданіи, и какъ онъ относится къ вѣнскому двору. „У князя нѣтъ определенной политики; онъ дѣйствуетъ подѣ впечатлѣніемъ минуты. Въ данный моментъ онъ заискиваетъ расположеніе императора, который, подавая ему надежду пожаловать ему какое-нибудь княжество или что-нибудь въ родѣ этого, можетъ навсегда заручиться его расположеніемъ. Затѣмъ я попросилъ его сказать свое мнѣніе о настроеніи двора“. „Оно слишкомъ зависитъ отъ случая, отвѣчалъ онъ, поэтому объ немъ нельзя сказать ничего опредѣленного; все зависитъ отъ событій, и пока не случится чего-нибудь особенно важнаго, тотъ будетъ имѣть наибольшее вліянія, кто лучше сумѣетъ льстить и потворствовать слабостямъ императрицы; у нея нѣтъ опредѣленного плана дѣйствій, нѣтъ никакихъ видовъ на будущее... Можно сказать одно, что ежели ея величайшій врагъ будетъ льстить ей, то она будетъ содѣйствовать его видамъ и будетъ усыплена его похвалами; съ другой стороны, если ея лучшей и самый любимый другъ будетъ перечить ея желаніямъ или идти противъ нѣкоторыхъ ея мѣропріятій, то она въ первый моментъ будетъ готова разстаться съ нимъ, и въ ея душу глубоко занедетъ чувство недовольства“¹⁾.

Въ исходѣ мая (1780 г.) состоялось волновавшее всѣхъ свиданіе Екатерины съ императоромъ австрійскимъ въ Могилевѣ, которое имѣло огромное политическое значеніе, такъ какъ оно могло повлечь за собою сближеніе между Россіей и вѣнскимъ кабинетомъ.

„Императоръ пріѣхалъ 23-го, императрица два дня спустя. Кобенцель представилъ его ея императорскому величеству подѣ именемъ графа Фалькештейна. Проведя въ Могилевѣ пять дней, и отъ ужинавъ 30 числа въ Шеловѣ, загородномъ домѣ генерала Зорича, ихъ величества отбыли въ Смоленскъ, откуда императрица поѣдетъ далѣе по заранѣе составленному маршруту, а императоръ отправится въ Москву. Онъ проведетъ въ древней столицѣ четыре дня и, осмотрѣвъ ея достопримѣчательности, отправится въ Петербургъ, куда его ожидаютъ одновременно съ ея императорскимъ величествомъ. Во всѣхъ письмахъ, полученныхъ изъ Могилева, говорится о взаимномъ удовольствіи, испытанномъ августѣйшими особами во время этого свиданія; любезность императора и

¹⁾ Письмо Гарриса къ Г. Эліоту отъ 2/13 іюня 1780 г.

его душевныя качества должны были произвести самое благопріятное впечатлѣніе на государыню, которая сама обладаетъ въ высокой степени искусствомъ нравиться.

Прусская партія крайне встревожена тѣмъ, что прибываніе императора въ Россіи будетъ столь продолжительно, тѣмъ болѣе, что это дѣлается, очевидно, по желанію императрицы, которой не только льститъ посѣщеніе этого высокопоставленнаго гостя, но которая поражена его любезнымъ обхожденіемъ и пріятными манерами. Онъ, со своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы понравиться; дѣйствуя совершенно въ ея духъ, онъ разсыпается въ похвалахъ по поводу всего, что сдѣлано ею, или что она предпринимаетъ въ настоящее время.

Императоръ уѣхалъ изъ Петербурга 25 іюля; онъ нанесъ такой чувствительный ударъ вліянію короля прусскаго и такъ замѣтно поколебалъ его вліяніе, что королю едва-ли удастся возстановить его“.

„Прощаясь съ императрицею, Іосифъ II сказалъ ей, въ самыхъ простыхъ и благородныхъ выраженіяхъ, что онъ показалъ себя ей такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, что онъ не прибѣгалъ ни къ хитрости, ни къ какимъ-либо уловкамъ, чтобы снискать ея благоволеніе и дружбу, что она можетъ поэтому составить себѣ вѣрное представленіе объ его характерѣ и душевныхъ качествахъ, такъ какъ онъ вполне увѣренъ, что послѣ его отъѣзда будутъ стараться оклеветать его и очернить въ ея глазахъ, то онъ проситъ ее, прежде нежели вѣрить тому, что ей скажутъ, справиться со своимъ собственнымъ сердцемъ. Онъ присовокупилъ, что не любитъ льстить, но долженъ сказать откровенно, что она превзошла добрую славу, которой она пользуется, и что онъ считаетъ дни, проведенные съ нею, самымъ пріятнымъ временемъ своей жизни, проведеннымъ съ наибольшей пользою. Императрица была до того тронута тономъ, которымъ все это было сказано, что даже прослезилась; она поцѣловала его съ большимъ волненіемъ и сердечною, а когда Іосифъ II поцѣловалъ ея руку, она въ свою очередь поцѣловала ему руку. Это передано мнѣ человѣкомъ, который былъ единственнымъ свидѣтелемъ этой оригинальной сцены“.

Любопытно сопоставить съ этими строками отзывъ Іосифа II объ Екатеринѣ, который передаетъ въ одной изъ своихъ депешъ англійскій посланникъ въ Константинополь, Кейтъ.

„Императоръ сказалъ мнѣ, писалъ Кейтъ, что все искусство состоитъ въ томъ, чтобы понять характеръ русской императрицы и польстить ей. Она обладаетъ, безъ сомнѣнія, выдающимся умомъ, но не можетъ все дѣлать сама. Тотъ, кому приходится вести съ нею пере-

говору, никогда не долженъ упускать изъ вида ея пола, не долженъ забывать, что женщина мыслить и дѣйствуетъ иначе, нежели мужчина. Я говорю по опыту, что единственное средство быть съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ, это не потакать ей, но и не затрогивать ея предразсудковъ, предоставить ей дѣйствовать въ мало-важныхъ дѣлахъ по своему собственному усмотрѣнію, чтобы имѣть возможность въ болѣе существенномъ отвѣтить ей отказомъ. Слѣдуетъ постоянно выказывать готовность быть ей пріятнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно дать ей понять, что вы твердо намѣрены слѣдовать извѣстнымъ принципамъ и вполне ясно сознаете свои права; если она выражаетъ желаніе получить что-либо, на что можно согласиться, не отступая отъ этихъ принциповъ, то ей слѣдуетъ оказывать ту предупредительность и вниманіе, какіе подобаютъ женщинѣ, но когда она настаиваетъ на уступкахъ, которыхъ невозможно сдѣлать, то надобно дать ей почувствовать, что ея желаніе будетъ исполнено лишь въ предѣлахъ возможнаго. Такимъ образомъ можно сохранить съ нею дружественныя отношенія и оградить себя отъ ея слишкомъ пылкихъ и стремительныхъ чувствъ и убѣдить ее въ то же время, что въ серьезныхъ вопросахъ всякій монархъ имѣетъ неоспоримое право держаться своей собственной политики и не отступать отъ нея ни на шагъ. Главное несчастье императрицы заключается въ томъ, что возлѣ нея нѣтъ человѣка, который осмѣлился бы ограничить или хотя бы сдержать вспышки ея страстей. Гр. Остерманъ человѣкъ ничтожный; онъ ничего не дѣлаетъ и не имѣетъ вѣса. Что касается Безбородко,—это выскочка; онъ былъ писмоводителемъ и простымъ переводчикомъ при фельдмаршалѣ Румянцевѣ и сохранилъ до сихъ поръ взгляды этого класса людей. У него есть кое-какія способности, есть навыкъ къ дѣламъ, но онъ мало читалъ, ничего не смыслить въ государственномъ управленіи и не понимаетъ высшихъ интересовъ, коими руководятся монархи. Когда государыня пользуется его перомъ и диктуетъ ему рѣзкія подъ часъ и несдержанныя выраженія, въ коихъ она изливаетъ чувства, волнующія ее въ данный моментъ, то у ея секретаря не хватаетъ твердости, а быть можетъ и желанія сдержать ея первый и необдуманнѣйшій порывъ; онъ излагаетъ на бумагѣ ея мысли во всей ихъ непосредственности и при томъ, вѣроятно, говоритъ себѣ: „Не мое дѣло взвѣшивать послѣдствія и предостерегать государыню: пускай короли Франціи и Англіи или императоръ австрійскій сами разбираются въ этомъ“. Таково положеніе императрицы; это не слѣдуетъ упускать изъ виду тому, кто ведетъ съ нею серьезные переговоры.

— Но развѣ, со времени опалы гр. Панина, кн. Потемкинъ не является ближайшимъ совѣтникомъ императрицы? замѣтилъ я.

— Разумѣется,—возразилъ императоръ,—но это плохой совѣтникъ. Его познанія крайне ограничены. При томъ онъ очень лѣнивъ; сама императрица относится къ нему, или по крайней мѣрѣ говорить о немъ, какъ о своемъ ученикѣ въ дѣлѣ политики, слѣдовательно, какъ о человѣкѣ, коимъ надобно руководить, но который не можетъ быть руководителемъ. Ей доставляетъ удовольствіе говорить: „это мой ученикъ; онъ мнѣ обязанъ всѣми свѣдѣніями въ дѣлахъ“. Вы понимаете, что тотъ, кому это она говорила, не былъ достаточно откровененъ, чтобы сказать ей: „да, в. в.; онъ вашъ ученикъ, но, по правдѣ сказать, онъ не дѣлаетъ вамъ чести“.

— Развѣ что-нибудь заставляетъ предполагать, сказалъ я, что вліяніе и значеніе Потемкина уменьшаются?

— Ничуть, возразилъ императоръ, но въ дѣлахъ политики его вліяніе никогда не было такъ велико, какъ полагали. Императрица не желаетъ разстаться съ нимъ; на это есть тысяча причинъ. Ей было бы не легко отдѣлаться отъ него даже, если бы она того желала. Надо побывать въ Россіи, чтобы понять всѣ особенности положенія императрицы“.

Шесть недѣль спустя послѣ отъѣзда изъ Петербурга императора Иосифа II, въ Россію пріѣхалъ другой высокій посѣтитель: прусскій королевскій принцъ, наслѣдникъ прусскаго престола и племянникъ Фридриха II, которому было поручено по мѣрѣ возможности постараться загладить благопріятное впечатлѣніе, которое произвелъ на Екатерину Иосифъ II. Прусскаго принца ожидалъ въ Петербургѣ совсѣмъ иной пріемъ.

„28 августа, въ среду, пріѣхалъ сюда прусскій принцъ“, писалъ Гаррисъ (8 сентября) 1780 г. „Его свиданіе съ императрицею; происшедшее вчера утромъ съ большимъ церемоніаломъ и этикетомъ, врядъ ли удовлетворило кого-нибудь. Императрица нашла принца неповоротливымъ, несообщительнымъ и неловкимъ; онъ, со своей стороны, нашелъ, что его приняли холодно и высокомерно. На вечернемъ пріемѣ онъ такъ же не имѣлъ успѣха, и хотя императрица принимала его въ Эрмитажѣ, гдѣ она бываетъ обыкновенно очень любезна и сообщительна; она обращала на него вниманіе не больше, какъ того требовало приличіе и самая простая вѣжливость“.

„Императрица съ каждымъ днемъ становится менѣе любезна съ прусскимъ принцемъ и всячески старается избѣгать его, писалъ Гаррисъ 22 сентября (30 октября). До сихъ поръ не было, да и впредь не будетъ никакихъ чрезвычайныхъ празднествъ по слу-

чаю его прїѣзда, и судя по тому, какъ государыня обходится съ нимъ, она видимо рѣшила показать ему, что это должно быть его послѣднее посѣщеніе. Принца это задѣло за живое; вѣроятно, онъ никогда не проститъ ей этого и не забудетъ той глупой роли, которую онъ здѣсь играетъ. Великій князь и великая княгиня относятся къ нему очень внимательно, хотя онъ и съ ихъ стороны не видитъ того радушія, на которое онъ рассчитывалъ.

„Давъ понять гр. Панину, что ей было бы пріятно, если бы принцъ назначилъ свой отъѣздъ на одинъ изъ ближайшихъ дней, императрица приказала наконецъ своему секретарю сказать графу безъ обиняковъ, чтобы онъ это устроилъ, ибо иначе она не ручается, что она не скажетъ принцу какой-либо грубости. Какъ это ни покажется страннымъ, но это совершенно вѣрно. Въ обществѣ императрица относится къ принцу съ холодностью и сдержанностью, которая совершенно не свойственна ея характеру; она никогда не говоритъ ни съ кѣмъ изъ лицъ его свиты. Въ пятницу, на маскарадѣ и въ субботу, на прїемѣ во дворцѣ, онъ не игралъ въ карты съ нею; это всемъ бросилось въ глаза, тѣмъ болѣе, что когда я вошелъ, она попросила князя Барятинскаго уступить мнѣ мѣсто за ея столомъ.

„Относясь пренебрежительно къ пруссакамъ, императрица весьма внимательна ко всемъ имѣющимъ отношеніе къ вѣнскому двору. Она сказала графу Кобенцелю, въ присутствіи прусскаго принца и его свиты, что не проходитъ дня, чтобы она не вспоминала графа Фалькенштейна и не пожалѣла объ его отъѣздѣ; разговаривая съ княземъ де-Линь, она расточаетъ похвалы императору и постоянно говорить о своемъ уваженіи къ нему. Это поведеніе не согласуется съ тѣмъ, на чтѣ рассчитывалъ прусскій принцъ, и возбудитъ безъ сомнѣнія, неудовольствіе его дяди, когда онъ вернется изъ Петербурга. Все это такъ разстраиваетъ принца, что онъ чувствуетъ себя здѣсь еще хуже, чѣмъ въ Берлинѣ“.

Ничто такъ не оскорбляло прусскаго принца и его свиту, какъ вниманіе, которое императрица оказывала принцу де-Линь, не только какъ умному и любезному собесѣднику, но именно какъ австрійцу. Отличить принца, оказать ему особое вниманіе было въ глазахъ Екатерины равносильно тому, чтобы подчеркнуть свое расположеніе къ императору Іосифу II и свою антипатію къ королю прусскому и вообще къ Бранденбургскому дому.

Столичное общество подражало высочайшимъ особамъ; князь Потемкинъ также не старался быть пріятнымъ принцу и не оказывалъ ему должнаго вниманія.

„Отъѣздъ князя Потемкина (изъ Петербурга) въ настоящій мо-

ментъ, писалъ Гаррисъ лорду Стормонту 25 сентября (6 октября) 1780 г., считается знакомъ неуваженія къ прусскому принцу, да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Я оставался съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не сѣлъ въ экипажъ, и когда всѣ удалились, я имѣлъ съ нимъ еще длинный и интересный разговоръ. Онъ былъ очень сообщителенъ, говорилъ о характерѣ императрицы, о современномъ состояніи имперіи и о своемъ собственномъ положеніи въ такомъ тонѣ, который свидѣтельствуесть о его здоровомъ сужденіи и проницательности.

„Я совершенно увѣренъ, что всѣ старанія пруссаковъ снискать расположеніе императрицы не приведуть ни къ чему и что только чудо можетъ измѣнить ея отношенія къ королевскому принцу и ея чувства къ нему. Послѣдніе три дня я былъ свидѣтелемъ такого пренебрежительнаго отношенія и такого невниманія къ нему со стороны императрицы, что я удивлялся его терпѣнью и сдержанности.

На-дняхъ у шталмейстера Нарышкина она не пригласила его къ своему столу ни за картами, ни за ужиномъ; съ ней сидѣли только ея фаворитъ, князь Потемкинъ и я.

Вчера во время маскарада она появилась въ маскѣ и, войдя въ залъ, попросила меня сопровождать ее, сказавъ: *Ne me quittez pas de toute la soirée; je vous ai fait Chevalier, et je veux que vous me défendiez contre les ennuyeux*“. Она пробыла на маскарадѣ отъ семи до десяти часовъ и все время не обращала ни малѣйшаго вниманія на принца и на его свиту.

Императрица выказывала въ присутствіи своего высокаго гостя неудовольствіе и скуку, и, говоря о немъ, давала понять, что она имѣетъ самое жалкое мнѣніе о его способностяхъ. Я увѣренъ, что хотя король прусскій имѣетъ при здѣшнемъ дворѣ многочисленныхъ и могущественныхъ друзей, его племяннику не удалось достигнуть ни одной изъ своихъ цѣлей, что онъ скорѣе поддержаль, нежели ослабилъ выгодное мнѣніе, которое императрица составила себѣ о графѣ Фалькенштейнѣ, и повредилъ интересамъ своего дяди вмѣсто того, чтобы ихъ упрочить. Кн. Потемкинъ не позволилъ своей племянницѣ пригласить его на ужинъ. Словомъ, прусскій принцъ уѣхалъ недовольный и скучалъ здѣсь все время“.

„Послѣ отъѣзда принца о немъ говорили въ Петербургѣ не иначе какъ съ оттѣнкомъ жалости, близкой къ презрѣнью. Таково здѣсь настроеніе въ настоящее время, писалъ Гаррисъ, мѣсяць спустя послѣ отъѣзда принца ¹⁾, но я не ручаюсь за то, что бу-

¹⁾ Письма къ лорду Стормонту отъ 17 и 29 ноября 1780 г.

детъ завтра. Прусская партія здѣсь многочисленна, ловка, изощрилась въ интригахъ и до того привыкла властвовать, что ея значеніе не легко поколебать.

„Стараясь изгладить благопріятное впечатлѣніе, произведенное на императрицу Іосифомъ II, прусская партія пускается на всѣ уловки; между прочимъ передаютъ разговоръ, который императоръ имѣлъ, будто бы по возвращеніи своемъ въ Вѣну и въ которомъ было много оскорбительнаго для императрицы; къ этому примѣшиваютъ разныя замѣчанія и остроты, которыя могли оскорбить императрицу; низость дошла до того, что пруссаки утверждаютъ, будто графъ Фалькенштейнъ вошелъ въ соглашеніе съ молодымъ дворомъ, которое очень не выгодно для императрицы. Какъ это ни странно, но эти слухи поддерживались подъ рукою французской партіей; и хотя де-Веракъ (французскій посланникъ) обязанъ весьма многимъ неограниченному довѣрью, которое оказываетъ ему графъ Кобенцель (по всей вѣроятности по приказанію своего двора), однако и онъ и его близкіе относятся съ большой завистью и неудовольствиемъ къ возрастающему вліянію Австріи. Ихъ собственные ин-интересы тѣсно связаны съ интересами Пруссіи, и слѣдовательно все то, что уменьшаетъ ея вліяніе, должно огорчать ихъ. Однимъ словомъ, прусскій и французскій посланники дѣйствуютъ въ полномъ согласіи . . . и я полагаю, что прежде чѣмъ предпринять какой-нибудь шагъ, они совѣтуются другъ съ другомъ. Графъ Панинъ покровительствуетъ обоимъ и относится къ Австріи такъ же недоброжелательно, какъ и къ Англіи“.

Какъ справедливо отмѣчаетъ Гаррисъ, французскій посланникъ явно держалъ сторону Пруссіи и старался передать самыя неблагопріятныя для нея факты въ такомъ освѣщеніи, которое было выгодно для пруссаковъ и въ то же время должно было ввести въ заблужденіе тѣхъ, кому онъ это писалъ, т. е. его собственное правительство. Такъ, напр., хотя онъ и вынужденъ былъ признать, что прусскому принцу былъ оказанъ въ Петербургѣ нелюбезный пріемъ, но онъ объяснялъ это не личными качествами принца или измѣнившимися взглядами императрицы, а совершенно иными причинами.

„Императрица была чрезвычайно раздражена послѣднее время событіями совершенно частнаго, семейнаго характера“, писалъ де-Веракъ 6 октября, „она такъ тревожилась, что стала неузнаваема. Всѣ окружающіе страдаютъ отъ этого; можно только пожалѣть о томъ, что прусскій принцъ пріѣхалъ сюда въ такой моментъ, когда его присутствіе могло еще болѣе усилить неудовольствіе императрицы, вслѣдствіе того, что ей приходилось скрывать свои чувства. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что при иныхъ обстоя-

тельствѣхъ королевскій принцъ очень понравился бы императрицѣ. Онъ соединяетъ съ благородной внѣшностью большую любезность, обладаетъ повидимому умомъ и познаніями, держитъ себя всегда съ достоинствомъ, приличнымъ его сану и, какъ частный человѣкъ, въ обществѣ весьма любезенъ“.

„Прощанье императрицы съ королевскимъ принцемъ было трогательное. Говорятъ, будто при этомъ даже были пролиты слезы. Она выразила въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ свою симпатію къ королю прусскому; я не сомнѣваюсь, что королевскій принцъ снискалъ ея уваженіе, и что его поѣздка будетъ весьма полезна для прусскаго короля“.

Ни въ депешахъ де-Верака, ни въ донесеніяхъ Гарриса не говорится подробно о событіяхъ, на которыя намекаетъ французскій посланникъ. Но что они дѣйствительно существовали, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо въ депешѣ англійскаго посланника отъ 9 ноября мы читаемъ:

„Кн. Потемкинъ жалуется на то, что императрица разсердилась на него за его просьбу оказать какія-то особыя милости ему и его семейству, а когда онъ сталъ настаивать, то она приказала ему удалиться, осыпавъ его упреками. Онъ жалуется также на злобу враговъ, которые, по его словамъ, постоянно возбуждаютъ императрицу противъ него и убѣдили ее въ томъ, что онъ преслѣдуетъ только свои личныя, честолюбивыя цѣли; Потемкинъ говоритъ, что характеръ императрицы послѣднее время измѣнился, она стала болѣе чѣмъ когда-либо недовѣрчива и подозрительна, и такъ избалована лестью, что не можетъ выслушать правды, если она непріятна. Онъ говоритъ, что дворъ ему наскучилъ, и выражаетъ намѣреніе уѣхать изъ столицы и отправиться путешествовать: словомъ, онъ говоритъ тономъ фаворита, которому все наскучило и который считаетъ себя въ опалѣ“.

„Когда все идетъ хорошо, говорилъ кн. Потемкинъ ¹⁾, мое вліяніе ничтожно, но когда у императрицы бываютъ непріятности, она нуждается во мнѣ; въ такіе моменты мое вліяніе усиливается болѣе, чѣмъ когда-либо.“

Когда это случится, я воспользуюсь, конечно, этимъ обстоятельствомъ такъ или иначе“.

Время шло; между тѣмъ всѣ старанія англійскаго посланника склонить императрицу въ пользу Сентъ-Джемскаго кабинета разбивались объ упорное противодѣйствіе съ ея стороны. Екатерина оставалась глуха къ совѣтамъ Потемкина, который поддерживалъ домогательства посланника, и Потемкинъ, удивляясь этому необычай-

¹⁾ Письмо Гарриса отъ 1 августа 1780 г.

ному упорству, приписывала это главнымъ образомъ „тонко разсчитанной лести графа Фалькенштейна, который, по его словамъ, много повредилъ ему, увѣривъ императрицу, что она величайшая монархиня Европы и не должна позволять никому руководить ея политикой.

„Подобныя слова и въ прежнее время вскружили бы ей голову, говорили Потемкинъ, а за послѣдніе два года ея умственные способности до того понизились, и она такъ поддалась своимъ страстямъ, что такія рѣчи дѣйствуютъ на нее очень сильно“.

Но ему все-таки удалось добиться для Гарриса аудіенціи. Седьмого декабря онъ пригласилъ къ себѣ посланника ¹⁾ и показалъ ему записку, посланную имъ императрицѣ и ея отвѣтъ на нее. Записка была немногосложна. Упомянувъ объ усердіи, съ какимъ онъ всегда служилъ ей, и высказавъ свое сожалѣніе по поводу того, что лица, не дорожающія ея славой, поставили ее въ ложное положеніе, Потемкинъ просилъ императрицу, если она сколько-нибудь довѣряетъ его словамъ, исполнить данное ему обѣщаніе и дать посланнику частную аудіенцію. Отвѣтъ императрицы былъ также немногосложень; она изъявляла согласіе принять Гарриса, но предварительно выражала желаніе говорить съ самимъ Потемкинымъ. Согласно съ этимъ, онъ отправился въ ея апартаменты, гдѣ провелъ съ нею наединѣ болѣе двухъ часовъ. „Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его возвращенія, говоритъ Гаррисъ, и былъ очень радъ видѣть, что онъ вернулся веселый и довольный. Онъ посѣпно сообщилъ, мнѣ, что ея в. приметъ меня на другой день въ десять часовъ утра, что она выслушала его съ особымъ удовольствіемъ и очевидно измѣнила свой взглядъ“.

Князь совѣтовалъ мнѣ быть съ императрицей вполне откровеннымъ и искреннимъ.

„Государыня очень проницательна, сказалъ онъ, и если она замѣтитъ въ вашихъ словахъ какую-либо непослѣдовательность или умышенное искаженіе истины, она подумаетъ, что вы не довѣряете ей; дайте ей понять, что единственное ваше оружіе есть правда и справедливость, что вами руководятъ только эти принципы и любовь къ родинѣ. Не скупитесь на лесть; чѣмъ больше вы будете ей льстить, тѣмъ лучше.

„Не думайте, чтобы вы, или кто-либо иной былъ въ состояніи отклонить ее отъ ея излюбленной мысли о вооруженномъ нейтралитетѣ. Будьте довольны, если вамъ удастся парализовать послѣдствія этого плана; въ этомъ случаѣ ея рѣшеніе неизмѣнно. Этотъ проектъ льстить тщеславію и гордости императрицы, и она настаиваетъ на

---

¹⁾ Письмо къ лорду Стормонту отъ 2/13 декабря 1780 г.

немъ изъ упрямства; вы очень хорошо знаете, какъ легко женщины поддаются этимъ страстямъ, и если вы вздумаете бороться съ ними, вы еще болѣе осложните дѣло. Повторяю вамъ еще разъ, будьте откровенны и чистосердечны, дайте понять императрицѣ, что вы относитесь къ ней съ полнымъ довѣріемъ; она недовольна, такъ какъ она полагаетъ, что англійскій народъ не питаетъ къ ней довѣрія“.

Въ половинѣ одиннадцатаго въ аппартаменты Потемкина явился за Гаррисомъ камердинеръ императрицы и провелъ его заднимъ ходомъ въ ея покои, гдѣ между Екатериной и англійскимъ посланникомъ произошелъ слѣдующій въ высокой степени любопытный разговоръ, который былъ записанъ Гаррисомъ тотчасъ по окончаніи аудіенціи. По свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ англійскаго посланника, онъ обладалъ изумительной памятью и могъ по окончаніи любого засѣданія продиктовать или записать дословно все, что говорилось; поэтому донесеніе, въ которомъ онъ передаетъ свой разговоръ съ императрицей, имѣетъ большую цѣну.

Разговоръ съ императрицей, по собственному свидѣтельству Гарриса, произвелъ на него столь глубокое впечатлѣніе, что онъ запомнилъ каждое ея слово и могъ поручиться, что имъ записаны подлинныя слова и выраженія его высокой собесѣдницы; разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ и записанъ въ видѣ діалога, такъ, какъ онъ происходилъ; сокращены нѣсколько только реплики самого Гарриса.

Harris. Je viens pour représenter à Votre Majesté Impériale la situation critique dans laquelle nos affaires se trouvent. Elle connaît

Переводъ:

Г.—Я явился съ намѣреніемъ изобразить В. И. В. критическое положеніе, въ какомъ находятся наши дѣла. В. В. извѣстно, какое довѣріе мы питаемъ къ ней; мы льстимъ себя надеждою, что В. В. отвратите грозящую намъ бѣду и разсѣете наши опасенія въ томъ, что мы лишились ея расположенія.

Е.—Вамъ извѣстны мой чувства къ вашей націи; они столь же искренни сколь неизмѣнны; но я встрѣтила съ вашей стороны такъ мало взаимности, что мнѣ не слѣдовало бы долѣе считать васъ въ числѣ своихъ друзей.

Г.—Я хотѣлъ обратиться непосредственно къ В. В., такъ какъ я питаю надежду, что эти чувства еще не совсѣмъ изгладились, но я дѣлаю это не безъ боязни, ибо все, что я вижу, убѣждаетъ меня въ томъ, что наши враги извѣстнымъ образомъ успѣли воздѣйствовать на В. В.

Е.—Какимъ образомъ, въ чемъ?

Г.—Вездѣ, В. В., въ Голландіи, Даніи, Пруссіи. Если бы В. В. благоволили взглянуть на записку, переданную мною князю Потемкину, то вы увидѣли бы, на чемъ основаны мои опасенія.

Е.—Я прочла ее; повторяю вамъ, м. г., я люблю вашу націю; было бы слабостью вѣрить всѣмъ сплетнямъ, распускаемымъ мелкими государствами.

notre confiance en elle; nous osons nous flatter qu'elle détournera l'orage, qu'elle nous rassurera sur nos craintes d'avoir perdu son amitié.

Impératrice. Vous connaissez, Monsieur, mes sentiments pour votre nation; ils sont aussi sincères qu'invariables, mais j'ai rencontré si peu de retour de votre part, que je sens que je ne devrais plus vous compter parmi mes amis.

H. C'est dans l'espérance où j'étais que ces sentiments n'étaient pas entièrement effacés, que je désirais m'adresser directement à elle, mais ce n'était pas sans crainte que je l'approchais, les apparences n'annonçaient que trop les impressions qu'elle avait reçu de nos ennemis.

I. En quoi, et comment?

H. Partout, Madame, en Hollande, en Dannemarc, en Prusse. Si Votre Majesté Impériale a jeté les yeux sur note que j'ai remise au prince Potemkin, elle aurait vu sur quoi mes craintes sont fondées.

I.—Je l'ai lue; je vous répète, Monsieur, que j'aime votre nation; c'est une faiblesse de croire à tous les commérages que les petits politiques répandent.

H.—Nos ennemis sont parvenus à tourner toutes les opérations de votre Majesté Impériale si fort à leur avantage, qu'à l'heure qu'il est on croit à Londres qu'elle est secrètement en intelligence avec la France; qu'elle s'entend avec la maison de Bourbon, pour décider du sort de la guerre.

Г.—Ваши враги успѣли направить всѣ дѣйствія В. И. В. въ свою пользу, такъ что въ настоящую минуту въ Лондонѣ полагаютъ, что вы заключили тайное соглашеніе съ Франціей, и что вы ведете переговоры съ Бурбонами, чтобы рѣшить участь войны.

Е.—(съ живостью) Даю вамъ слово, это невѣрно; я никогда не питала и не буду питать склонности къ французамъ; но надобно сознаться, что они оказывали мнѣ такое вниманіе, какого я не встрѣчала со стороны другихъ.

Г.—Они имѣли въ виду только свои собственныя интересы, В. В., ихъ вѣжливость всегда подозрительна; В. В., конечно, не сравните ту легкость, съ какою наши враги согласились на проектъ вооруженнаго нейтралитета, съ тѣми доказательствами недвусмысленной дружбы, какія она получала отъ насъ во время войны съ Портой; могла ли бы она когда-либо рассчитывать, въ подобномъ случаѣ, на такую готовность поддержать ее, какую мы выказали въ то время, когда ея флотъ вступилъ въ Средиземное море и когда онъ вышелъ изъ него?

Е.—Я признаю эти заслуги. Я никогда ихъ не забуду, ежели вы не заставите меня сдѣлать это; но что же я могу сдѣлать для васъ? вы не хотите заключить миръ.

I.—(avec une extrême vivacité). Je vous donne ma parole d'Impératrice, que non; je n'ai jamais eu de l'inclination pour les Français; je n'en aurai jamais; cependant je dois avouer qu'ils ont eu à mon égard des attentions bien plus marquées que vous autres.

H.—Ils n'ont eu, Madame, que leurs intérêts en vue; leur politesse est toujours suspecte. Elle ne comparera certainement pas la facilité qu'elle a trouvé chez nos ennemis à déférer à son projet de Neutralité armée, à toutes les preuves d'amitié non équivoques qu'elle a reçu de nous dans la guerre avec la Porte; et pourrait—elle jamais espérer dans un cas pareil, cet empressement à la soutenir que nous avons témoigné, quand sa flotte est entrée et qu'elle est sortie de la Méditerranée?

I.—Je les reconnais, Monsieur, ces services. Je ne les oublierai jamais, à moins que vous ne m'y forciez; mais que voulez-vous que je fasse pour vous? vous ne voulez pas faire la paix.

H.—Nous ne désirons rien tant; mais nous ne sommes pas les agresseurs, et nous sommes sans amis.

I.—C'est que vous ne voulez pas en avoir, Monsieur, vous êtes si *raides*, si *réservés*; vous n'avez point de confiance en moi.

H.—Je suis au désespoir de voir que l'effet des intrigues, qui n'ont que trop réussi en Europe, aient porté sur un esprit aussi éclairé que celui de Votre Majesté Impériale; je n'avais que trop raison de la croire prévenue contre nous.

I.—Je parle d'après des faits; les faux bruits ne me font rien; je

Г.—Мы ничего такъ сильно не желаемъ; но не мы начали войну и у насъ нѣтъ друзей.

Е.—Потому что вы не хотите ихъ имѣть, вы такъ *непреклонны* и такъ *скрытны*; вы не имѣете довѣрія ко мнѣ.

Г.—Я въ отчаяніи, что интриги, имѣвшія такой успѣхъ въ Европѣ, повлияли на просвѣщенный умъ В. И. В.; я былъ правъ, полагая, что вы предубѣждены противъ насъ.

Е.—Я говорю на основаніи фактовъ; пустые слухи на меня не вліяютъ; я выше предубѣжденій; но вы постоянно держали себя по отношенію ко мнѣ жестко; признаюсь вамъ, мнѣ это было весьма непріятно, такъ какъ я люблю вашу націю, какъ свою.

Г.—Такъ спасите же. В. В., націю, которую вы любите; она прибѣгаетъ къ вамъ за помощью.

Е.—Дайте мнѣ возможность сдѣлать это, и я ни минуты не буду колебаться: скажите мнѣ, на какихъ условіяхъ вы хотите заключить миръ. Пусть вашъ дворъ будетъ со мною откровененъ; ему бы слѣдовало знать меня лучше.

Г.—Требуйте отъ насъ все, что вы ни пожелаете; мы ни въ чемъ не сможемъ отказать В. И. В., если только мы будемъ знать, что можетъ быть вамъ пріятно.

suis au dessus des préventions, mais toute votre conduite a été dure vis-à-vis de moi; je vous avoue, cela m'a été fort sensible, car j'aime votre nation comme la mienne.

H.—Sauvez donc, Madame, la nation que vous aimez; elle a recours à vous.

I.—Mettez moi à même de le faire; je n'hésiterai pas un moment; dites moi sur quel pied vous désirez faire la paix. Que votre Cour s'ouvre à moi; elle devrait me connaître mieux qu'elle ne fait.

H.—Exigez de nous ce que vous voulez; nous ne saurions rien refuser à Votre Majesté Impériale, si nous savions ce qui pourrait l'obliger.

I.—Que voulez-vous que je vous dise, avant que je sois instruite des sentiments de votre Cour?

H.—Nous ne pouvons prétendre à moins que le renouvellement de la paix de Paris de 1762.

I.—Vous faites bien d'y prétendre, si vous êtes en force de la soutenir.

H.—Ne sommes nous pas en droit? Uofre Majste' n'est elle pas de nos amis? que ferait elle à notre place?

I.—Quand je saurai vos sentiments, je vous le dirai.

H.—Daignez nous donner des conseils.

I.—Quand vous me parlerez clairement.

H.—J'ose assurer Votre Majesté Impériale que nous avons une confiance aveugle en elle.

Е.—Что же я могу сказать вамъ, не зная намѣреній вашего двора?

Г.—Мы желаемъ возобновленія Парижскаго договора 1762 г. и на меньшее не можемъ согласиться.

Е.—Вы прекрасно дѣлаете, предъявляя это требованіе, если только вы въ состояніи поддержать его.

Г.—Развѣ мы не въ правѣ требовать этого? Развѣ В. В. не другъ намъ? какъ бы вы поступили на нашемъ мѣстѣ?

Е.—Я скажу это вамъ, когда мнѣ будутъ извѣстны ваши намѣренія.

Г.—Соблаговолите дать намъ совѣтъ.

Е.—Вы должны высказаться сперва вполне ясно.

Г.—Смѣю увѣрить В. И. В., что мы питаемъ къ вамъ безграничное довѣріе.

Е.—Докажите его не на однихъ словахъ; вы увидите тогда, какого вы имѣете во мнѣ друга; вы до сихъ поръ только отталкивали меня. Какъ же вы хотите, чтобы я дѣйствовала въ вашу пользу?

Г.—В. И. В. не говорили бы такъ, если бы наши поступки были представлены вамъ въ ихъ истинномъ совѣтѣ, и если бы наши чувства не были изображены совершенно превратно.

Е.—Кто могъ исказить ихъ смыслъ? Кто посмѣлъ бы обманывать меня?

I.—Témoignez la autrement que par des paroles; vous verrez alors combien je serai de vos amis; vous ne faites que me rebuter. Comment voulez vous que je vous veuille du bien?

H.—Votre Majesté Impériale ne dirait pas ainsi, si notre conduite lui avait été représentée dans son vrai jour, et si on ne lui avait pas rendu nos sentiments bien différens de ce qu'ils sont.

I.—Qui a pu les changer? qui aurait osé me tromper?

H.—*Votre premier ministre, Madame, le comte Panin*; il est le plus dangereux de nos ennemis.

I.—(avec chaleur). Il cessera d'être mon ministre dès l'instant qu'il me trompe.

H.—Il parait évident qu'il cherche à le faire; qu'il a juré de semer la discorde entre les deux nations; et mené entièrement par les intrigues de Potsdam, il ne vise à d'autre but qu'à lier Votre Majesté Impériale avec la France, et pour l'effectuer, *il est déjà lui même dans une intelligence parfaite avec le ministre de Versailles.*

I.—(piquée). Ne croyez pas que cela signifie quelque chose; je connais à fond Mons. Panin; ses intrigues ne font plus rien sur moi; je ne suis pas un enfant; personne ne m'empêche de faire ce que je veux; je vois clair.

H.—Votre Majesté Impériale ne saurait voir ce qui ne se passe pas chez elle; le comte Panin prône le parti français partout; il l'appuie et le soutient; il est entièrement dévoué au Roi de Prusse;

G.—Вашъ первый министръ, В. В., графъ Панинъ; онъ нашъ отъявленный врагъ.

E.—(съ горячностью) онъ пересталъ бы быть моимъ министромъ съ того момента, какъ онъ сталъ бы обманывать меня.

G.—Но онъ, несомнѣнно, старается сдѣлать это; онъ, видимо, поклялся посѣять раздоръ между обѣими націями; поддавшись всецѣло интригамъ, которыя исходятъ изъ Потсдама, онъ преслѣдуетъ одну цѣль,—связать В. И. В. съ Франціей, и онъ уже сблизился съ французскимъ посланникомъ и находится съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

E.—(обиженнымъ тономъ) Не думайте, чтобы это имѣло какое-нибудь значеніе; я хорошо знаю Панина; его интриги на меня не оказываютъ никакого вліянія; я не ребенокъ; никто не заставитъ меня дѣлать то, что я не хочу; я все отлично знаю.

G.—В. И. В. не можете знать того, что дѣлается вѣ этихъ стѣнъ; графъ Панинъ вездѣ превозноситъ французскую партію; онъ поддерживаетъ ее; онъ всецѣло преданъ королю прусскому и служитъ ему усердиѣе, нежели В. В. Онъ предложилъ королю присоединиться къ вооруженному нейтралитету.

E.—(высокомѣрно) Я, со своей стороны, буду очень довольна, если онъ присоединится къ нему; я буду настаивать на своемъ проектѣ; я считаю его полезнымъ.

et le sert plutôt que Votre Majesté. Il l'a invité d'accéder à la Neutralité armée.

I.—(avec hauteur). Je serais bien aise qu'il accède moi; je soutiendrai mon projet; je le crois salutaire.

H.—On dit, Madame (mais je crains de l'offenser) que c'est le projet des Français, et que le votre était très différent.

I.—(avec violence). Mensonge atroce! vous devez savoir que je puis rendre politesse pour politesse, mais je n'aurai jamais de la confiance en eux. Mais quel mal vous fait cette Neutralité armée, ou plutôt *Nullité armée*?

H.—Tout le mal possible, elle établit de nouvelles loix, qui mettent à couvert le commerce de nos ennemis en exposant le notre; elle leur laisse leurs vaisseaux marchands pour le transport des troupes et leur fournit de quoi construire des vaisseaux de guerre; elle sert encore à confondre nos amis avec nos ennemis, et on l'emploie encore à des projets bien éloignés de celui auquel elle doit sa naissance.

I.—Vous molestez mon commerce; vous arrêtez mes vaisseaux; j'attache à cela un intérêt particulier; c'est mon enfant que mon commerce, et vous ne voulez pas que je me fâche?

H.—J'ose dire, Madame, que Votre Majesté Impériale a encore été

Г.—Говорятъ, В. В., что это французскій проектъ, что вашъ собственный былъ иной.

Е.—(запальчиво) Гнусная ложь! знайте, что я могу отвѣчать любезностью на любезность, но что я никогда не могу довѣрять имъ. Но что вамъ мѣшаетъ этотъ вооруженный нейтралитетъ, или, лучше сказать, это *вооруженное ничтожество*?

Т.—Онъ причиняетъ намъ очень много зла; онъ устанавливаетъ новые законы, которые покровительствуютъ торговлѣ нашихъ враговъ и вредятъ нашей собственной торговлѣ; онъ даетъ имъ возможность употреблять свои торговые суда для перевозки войскъ, даетъ имъ средства строить военные суда; даетъ возможность смѣшивать нашихъ друзей и враговъ; имъ пользуются не для тѣхъ цѣлей, для какихъ онъ былъ созданъ.

Е.—Вы наносите ущербъ моей торговлѣ; вы задерживаете мои суда; я придаю этому особое значеніе; торговля мое дѣтище; а вы хотите, чтобы я не сердилась?

Г.—Осмѣлюсь сказать, В. В., вы были обмануты и въ этомъ случаѣ. Сблаговолите припомнить все то, что мы отвѣчали на заявленія, сдѣланныя нами въ этомъ смыслѣ; обдумайте сдѣланный нами шагъ, когда мы включили статьи 10 и 11 договора, заключеннаго въ 1766 г., въ наши каперныя свидѣтельства.

trompée là dessus. Qu'elle daigne se rappeler les réponses que nous avons faites à tout ce qu'elle nous a dit à cet égard: qu'elle réfléchisse sur le pas que nous venons de faire, en insérant les articles 10 et 11 de son traité de 1766 dans nos lettres de marque.

I.—Permettez moi d'observer, que la nation que j'aime le plus, et de qui je croyais être le plus aimée, a été la dernière à avoir cette complaisance pour moi. Ne parlons plus la dessus, nous nous brouillerions. Mais écoutez ce que je vais vous dire. Faites la paix; le moment en est venu; ouvrez vous à moi avec une entière confiance; je suis amie de l'Angleterre d'inclination ainsi que d'intérêt. Ces sentiments assurent ma façon de me conduire; ne me cachez rien; je vous passe ma parole d'Impératrice de ne pas vous compromettre. Je désire ardemment vous tirer d'embarras, mais prêtez vous y vous — même: soyez plus souple, moins réservé; rendez justice à vos amis, et Dieu veuille que cette conversation entre Cathérine II et Mons. Harris, bon Anglais et honnête homme, conduise au but que nous désirons; qu'elle devienne époque dans l'histoire. Je vous le répète, point de méfiance; point de raideur, je ne répons alors plus de rien: mais soyez ouverts, clairs et francs, je répondrai alors de tout.

H.—La manière dont Votre Majesté Impériale vient de s'exprimer me touche; elle mérite et elle a notre entière confiance; nous n'avons jamais cessé d'en avoir en elle, mais nous avons toujours craint de

---

Е.—Позвольте мнѣ замѣтить, что нація, которую я болѣе всего люблю и которая, какъ я полагала, болѣе всего любить меня, послѣдняя оказала мнѣ эту любезность. Не будемъ говорить объ этомъ, мы изъ-за этого могли бы поссориться. Слушайте, что я вамъ скажу. Заключите миръ; моментъ для этого подходящий; откройтесь мнѣ съ полнымъ довѣріемъ; я другъ Англии изъ личнаго расположенія какъ и изъ расчета. Эти чувства будутъ руководить моими дѣйствіями; не скрывайте отъ меня ничего; даю вамъ свое царское слово, что я не скомпрометирую васъ. Я горячо желаю вывести васъ изъ затруднительнаго положенія, но вы должны мнѣ въ этомъ помочь: будьте сговорчивѣе, будьте менѣ скрытны; отдавайте должное вашимъ друзьямъ, и дай Богъ, чтобы этотъ разговоръ между Екатериной II и г. Гаррисомъ, добрымъ англичаниномъ и честнымъ человѣкомъ привелъ къ желаемой цѣли и составилъ эпоху въ исторіи. Повторяю вамъ: имѣйте довѣріе ко мнѣ, будьте сговорчивѣе; если этого не будетъ, я ни за что не ручаюсь; но если вы будете откровенно искренни, и если все будетъ ясно, я ручаюсь за все.

Г.—Все сказанное В. И. В. глубоко трогаетъ меня; мы относимся къ В. В. съ полнымъ довѣріемъ и всегда такъ относились къ вамъ; но мы боялись довѣряться вашему министру, такъ какъ я счелъ долгомъ изобразить его своему двору такимъ, каковъ онъ есть; В. И. В. не поставите мнѣ въ вину

*

nous fier à son ministre, que j'ai cru de mon devoir de représenter à ma Cour tel qu'il est; et Votre Majesté Impériale voudra bien me permettre d'observer, que si je dois m'expliquer avec lui, il me trahira, ou ne vous rendra que très imparfaitement ce que je lui aurai dit.

I.—Ne lui donnez rien que par écrit; il ne pourra alors rien changer; s'il me cache la vérité, *je le chasse*.

H.—Je sais d'avance que rien moins que la paix de Paris, renouvelée en entier, peut nous satisfaire.

I.—(avec finesse) Je ne dis rien; parlez moi franchement de chez vous; desabusez moi de cette réserve, de cette méfiance que je crois apercevoir dans votre ministère; je vous dirai tout alors.

H.—En admettant ce que dit Votre Majesté Impériale, cette méfiance ne serait que prudence, dès qu'elle nait de l'idée que Votre Majesté Impériale est dans les intérêts de nos ennemis; qu'elle a de l'éloignement pour nous.

I.—(avec chaleur). Moi, de l'éloignement pour vous! quelle idée!

H.—Si nos actions sont mal rendues à Votre Majesté Impériale, les siennes ne sont pas plus fidèlement rapportées à ma cour. L'Europe entière est menée par une cabale; en Hollande on assure que Votre Majesté Impériale protège la faction Gallo-Américaine; en Danemarck

если я скажу, что если мнѣ придется объясниться съ нимъ, онъ подведетъ меня, онъ не точно передастъ вамъ сказанное мною.

Е.—Сообщите ему всѣ свои желанія письменно; тогда онъ ничего не сможетъ измѣнить; если онъ скроетъ отъ меня правду, я *прогоню его*.

Г.—Я знаю заранѣе, что мы будемъ удовлетворены только въ томъ случаѣ, если миръ, заключенный въ Парижѣ (въ 1762 г.), будетъ возобновленъ по всѣмъ статьямъ.

Е.—(уклончиво) Я ничего на это не скажу; говорите со мною откровенно о вашихъ дѣлахъ; убѣдите меня, что той скрытности, того недоверія, которое я замѣчаю въ поступкахъ вашего министерства, не существуетъ; тогда я выскажусь откровенно.

Г.—Допустивъ что, все это такъ, какъ В. И. В. изволите говорить, я скажу все-таки, что это недоверіе есть только осторожность, такъ какъ она происходитъ изъ убѣжденія, что В. И. В. поддерживаете интересы нашихъ враговъ; что вы не сочувствуете намъ!

Е.—(съ горячностью) Я не сочувствую вамъ! какой вздоръ!

Г.—Если наши поступки передавы В. И. В. невѣрно, то съ другой стороны и ваши дѣйствія передаются моему двору въ столь же невѣрномъ освѣщеніи. Въ Европѣ идетъ какой-то заговоръ; въ Голландіи увѣряютъ, что В. И. В. покровительствуете англо-американской партіи; въ Даніи, ссы-

son nom a chassé le premier Ministre, et les Rois de Prusse et de France l'emploient à leur fantaisie partout.

I.—Commerage, vous dis-je encore; c'est une imbécilité d'ajouter foi à de pareilles absurdités; mettez moi à même par votre conduite de leur donner le démenti, je le ferais demain; soyez mon ami, autant que je désire que vous le soyez. Je crois que vous avez encore des amis en Hollande, qu'ils ne permettent pas à la ville d'Amsterdam de plonger la République dans une guerre; et c'est une fausseté abominable de dire, que j'ai contribué à faire chasser Bernsdorff; c'était un honnête homme, un ministre intègre; mais faites la paix, je vous l'ai si souvent dit.

H.—Si Votre Majesté Impériale me l'avait si souvent dit, je l'aurais certainement rapporté à ma Cour.

I.—J'ai cependant bien ordonné à Mons. Panin de vous en parler.

H.—Il m'a bien tenu quelques propos vagues relatifs à une pacification, mais pas au nom de Votre Majesté Impériale et j'avoue que tout ce qui venait de lui seul m'a toujours paru suspect.

I.—Vous l'entendez du moins de ma part à présent; faites la paix; traitez avec vos Colonies en détail; tâchez de les désunir; leur alliance avec les Français tombe alors d'elle même, et cela leur servira

лаясь на ваше требованіе, уволили перваго министра; короли прусскій и французскій ссылаются постоянно на ваше имя.

Е.—Повторяю вамъ, все это однѣ сплетни; глупо вѣрить подобной нелѣпости; дайте мнѣ возможность опровергнуть все это вашимъ поведеніемъ я завтра же сдѣлаю это; будьте моимъ другомъ, какъ я того желаю. Я полагаю, у васъ еще есть друзья въ Голландіи; пусть они не дозволяютъ городу Амстердаму ввергнуть республику въ войну; гнусная ложь говорить, будто Берндорфъ уволенъ по моему желанію; это былъ честный человѣкъ, неподкупный министръ, но вы должны заключить миръ, я уже не разъ повторяла это вамъ.

Г.—Если бы В. И. В. такъ много разъ говорили это мнѣ, я, конечно, передалъ бы это моему двору.

Е.—Но я приказала Панину передать вамъ это.

Г.—Правда, онъ говорилъ мнѣ, хотя довольно туманно, о заключеніи мира, но не отъ имени В. И. В.; а все исходящее отъ него лично, признаюсь всегда внушало мнѣ подозрѣніе.

Е.—По крайней мѣрѣ, вы слышите это теперь отъ меня лично; заключите миръ; начните переговоры съ вашими колоніями, съ каждой въ отдѣльности; постарайтесь разьединить ихъ; тогда ихъ союзъ съ Франціей раз-

d'échappatoire, car il faut penser aussi, que chaque puissance voudrait sauver son honneur.

Н.—Mais les Français ont lésé notre honneur, faut il que nous pensions au leur?

І.—Quand on veut faire la paix, on commence par oublier le mal qu'on s'est fait réciproquement; mais, je le répète, votre ministère est dans la plus grande erreur de me croire changée, il m'a revolté, il m'a empêché de témoigner à votre nation ma bonne volonté; je l'ai trouvé en opposition à moi partout; c'est dans sa conduite, pas dans la mienne, qu'il faut chercher le mal passé, et le remède futur. Je vous reponds de mon amitié, de ma justice; je suis charmée que vous ayez témoigné une envie de me voir, j'ai voulu vider mon sac; je désirais infiniment m'exculper avec vous; j'ai voulu m'acquitter des derniers devoirs de l'amitié; si vous n'en profitez pas, je n'aurai plus rien à me reprocher. Tenez, mon cher Harris, je vous parle très sincèrement, et je prétends que vous fassiez un rapport très sérieux à Votre Cour; si après tout ce que je viens de vous dire, je lui trouve la même *indifférence*, la même *raideur*, que sais-je moi, le même ton de *supériorité* avec moi, je ne me mêle plus de rien; je laisse aller les affaires leur train, et vous vous trouverez alors dans cette position où vous croyez être déjà, mais d'où cependant vous êtes bien éloignés, en autant que cela dépend de moi, et vous pensez bien qu'il dépend uniquement de moi. En vous disant cela, je vous parle comme je n'ai

строится самъ собой, и это дастъ ей выходъ, ибо надобно имѣть въ виду, что всякая держава хотѣла бы спасти свою честь.

Г.—Но вѣдь французы опозорили нашу честь; почему же мы должны заботиться объ ихъ чести?

Е.—Когда хотятъ заключить миръ, надобно прежде всего позабыть зло, которое взаимно причиняли другъ другу; но, повторяю, ваше министерство жестоко ошибается, полагая, что я измѣнилась; я была имъ возмущена, оно не дало мнѣ возможности выказать вашей націи мое доброжелательство; оно всегда и вездѣ противилось моимъ видамъ; въ его, а не въ моемъ поведеніи слѣдуетъ искать причину зла и возможность исправить его въ будущемъ. Положитесь на мою дружбу, на мою справедливость; я рада, что вы выразили желаніе видѣть меня, я хотѣла высказаться, я хотѣла бы оправдаться передъ вами; мнѣ хотѣлось до конца исполнить долгъ дружбы; если вы этимъ не воспользуетесь, мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя. Я говорю съ вами, любезный Гаррисъ, очень серьезно и надѣюсь, вы вполне точно донесете все это вашему двору; если, послѣ всего сказаннаго, я увижу, что онъ относится также *равнодушно*, скажемъ, также *непреклонно*, будетъ говорить со мною тономъ такого же *превосходства*, то я болѣе ни во что не стану вмѣшиваться; я предоставляю дѣла ихъ теченію, и вы очутитесь тогда въ томъ положеніи, въ какомъ, по вашимъ словамъ, вы находитесь

parlé à personne; je croirais me compromettre vis-à-vis de tout autre; mais je vous veux du bien; profitez en, Monsieur Harris; rapportez fidelement tout ce que je vous ai dit; j'attends avec impatience le retour de votre courrier; mais je vous avoue, si je dois juger de l'avenir par le passé, je n'espère rien; je désespère même; vous continuerez à raidir, vous n'ajouterez pas foi à ce que je dis; vous indisposerez vos amis, vous augmenterez vos ennemis, et j'aurais le chagrin de voir vos difficultés sans pouvoir les diminuer.

H.—Votre Majesté Impériale a l'âme trop élevée pour jamais nous abandonner. Elle ne voudra jamais que la postérité dise, que de son règne, l'Angleterre a pensé succomber, sans qu'elle ait tendue la main pour la secourir.

I.—Je suis lasse d'être généreuse; faut-il toujours l'être sans que l'on le soit pour moi? Soyez le à mon égard, vous verrez comme je le serai au votre; laissez mon commerce en repos; n'arrêtez pas le peu de vaisseaux que j'ai; je vous dis qu'ils sont mes enfants; je voudrais que mon peuple devint industrieux; et ce dans le caractère d'une nation philosophe de s'y opposer?

H.—Nous ferons tout pour vos vaisseaux. Mais Votre Majesté Impériale ne prétend surement pas par cette Neutralité Armée, que toute nation jouisse du même droit?

нынѣ, но отъ котораго, по скольку это зависить отъ меня, вы очень далеки; вы понимаете, я думаю, что это зависить единственно отъ меня. Говоря вамъ это, я говорю съ вами, какъ никогда ни съ кѣмъ не говорила; говоря это кому-либо другому, я бы боялась скомпрометтировать себя; но я желаю вамъ добра; воспользуйтесь этимъ, г. Гаррисъ; передайте въ точности все, что я вамъ сказала; я буду съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія вашего курьера; но если судить о будущемъ по прошлому, признаюсь, я не только ни на что не надѣюсь, но я даже теряю всякую надежду; вы будете по-прежнему непреклонны, вы не будете довѣрять тому, что я говорю; вы восстановите противъ себя своихъ друзей, вы увеличите число своихъ враговъ, и я съ грустью буду видѣть ваше затруднительное положеніе, не имѣя возможности помочь вамъ.

G.—В. И. В. слишкомъ великодушны, чтобы покинуть насъ. Вы никогда не захотите, чтобы потомство могло сказать, что въ ваше царствованіе Англія едва не погибла и вы не протянули ей руку помощи.

E.—Я устала быть великодушной; возможно ли всегда быть великодушной, если мнѣ не платятъ взаимностью. Будьте великодушны ко мнѣ, и вы увидите, какъ я буду великодушна по отношенію къ вамъ; оставьте мою торговлю въ покъ; не задерживайте моихъ немногочисленныхъ судовъ; говорю

I.—Je vous dis que c'est une Nullité Armée, mais je la soutiendrai toujours; rendez la plus nulle encore en faisant la paix; proposez moi vos conditions.

H.—Certainement, Madame, nous ne pourrons jamais accepter de moins favorables que celles comprises dans le traité de Paix de Paris; et je ne saurais croire que Votre Majesté Impériale approuve que nous rabattions aucune de ces prétensions.

I.—Quand vous me les présenterez de la part de votre Cour, nous verrons; et j'atteste le Ciel que je désire que cette entrevue, dans la quelle (en riant) nous ne nous sommes pas mal expliqués, ait toutes les suites que je désire; je voudrais dire que j'espère.

H.—Cette entrevue est bien flatteuse pour moi; elle me rassure sur la façon de penser de Votre Majesté Impériale. et je vois qu'elle ne s'est point livrée à nos ennemis.

I.—(avec un air de vérité). Jamais je ne serai de leurs amis; je ne cesserai jamais d'être des vôtres, à moins que vous ne m'y forciez; si vous le voulez, je vous servirai d'inclination et d'intérêt; avec ces deux motifs on ne fait pas à moitié. Adieu, Monsieur (en se levant), n'oubliez pas l'importance de notre conférence.

H.—Avant que Votre Majesté Impériale se retire, qu'elle me permette d'observer, qu'on n'ignorera pas en ville que j'ai été chez elle

вамъ, это мои дѣти; я хотѣла бы, чтобы народъ мой занялся промышленностью; подобаетъ ли націи-философу препятствовать этому?

Г.—Мы сдѣлаемъ все возможное для вашихъ судовъ. Но В. И. В., вѣроятно, не имѣете въ виду, чтобы при существованіи вооруженнаго нейтралитета всякая нація пользовалась одинаковыми правами?

Е.—Я говорю вамъ, что это «вооруженное ничтожество», но я всегда буду поддерживать его; уменьшите его значеніе, заключите миръ, предъявите ваши условія.

Г.—Конечно, В. В., мы никогда не примемъ условій, которыя были бы менѣе благопріятны, нежели условія Парижскаго договора; и я не думаю, что В. И. В. ободрили бы насъ, если бы мы отказались отъ какого-либо изъ этихъ требованій.

Е.—Когда вы представите ихъ отъ имени вашего двора—увидимъ; клинуйте вамъ, я искренно желаю, чтобы это свиданіе, во время котораго (добавила Императрица, смѣясь), кажется, мы вполне договорились, имѣло тѣ послѣдствія, какихъ я желаю: я хотѣла бы сказать, что я надѣюсь на это.

Г.—Это свиданіе весьма лестно для меня; оно успокаиваетъ меня на счетъ образа мыслей В. И. В., и я вижу, что В. В. не перешли на сторону нашихъ враговъ.

et bien qu'on soit accoutumé à ses bontés pour moi, il n'est pas douteux qu'on ne remue ciel et terre pour en deviner l'objet, que peut être, à peu de chose près, le devinera-t-on, et que certainement on emploiera tous les moyens que la finesse, le manège, et la calomnie peuvent imaginer, pour nous desservir dans son esprit. J'ose donc la supplier de regarder tout ce qui ce passera entre le départ et le retour de mon courrier comme non avenu.

I.—Que vous me connaissez mal! suis-je un enfant? n'ai-je pas assez dit? faut il ajouter que je désire autant que vous que vous me mettiez à même de vous servir.

II.—Quelle perspective agréable Votre Majesté Impériale me fait entrevoir! Il me paraît que je vois le moment approcher, quand les deux Cours s'entendront, et que Votre Majesté Impériale ajoutera un nouveau lustre à son règne, en donnant à son empire l'alliée la plus naturelle et la plus utile.

I.—Je le désire ardemment; j'y contribuerai de mon mieux; faites un pas de votre côté! Pour une femme, c'est peu exiger. Mais, je vous parle très sérieusement, Monsieur Harris, faites envisager à votre Cour, qu'il y va du tout. Surtout, qu'elle ait de la confiance en moi. Je veux qu'on se fie à moi; je n'en abuse jamais; cependant; je prévois qu'il n'en sera rien, et que je fais inutilement ce dernier effort en votre faveur. Adieu, monsieur.

E.—(видимо вполне искренно). Я никогда не буду ихъ другомъ; я никогда не перестану быть вашимъ другомъ, если только вы не вынудите меня къ этому; если хотите, я буду служить вамъ по склонности и изъ личнаго интереса; руководясь этими побужденіями, я никогда не буду дѣйствовать на половину. Прощайте, г. Гаррисъ (вставъ); не забудьте, какое важное значеніе имѣетъ нашъ разговоръ.

G.—Прежде нежели В. И. В. удалитесь, позвольте мнѣ замѣтить, что въ городѣ будетъ извѣстно, что мнѣ была дана аудіенція, и хотя всѣ привыкли къ тому, что вы оказываете мнѣ благоволеніе, но, несомнѣнно, будутъ испробованы всѣ средства, чтобы угадать, что именно было предметомъ нашей бесѣды; быть можетъ, отчасти это угадаютъ; безъ сомнѣнія, будутъ пущены въ ходъ всѣ средства, всѣ уловки, какія можетъ придумать клевета, чтобы повредить намъ въ вашемъ мнѣніи. Поэтому я умоляю В. В. считать недѣйствительнымъ все то, что произойдетъ между отправленіемъ и возвращеніемъ моего курьера.

E.—Какъ плохо вы меня знаете! Развѣ я ребенокъ? развѣ я не достаточно высказалась? нужно ли прибавить, что я не менѣ васъ желаю, чтобы вы дали мнѣ возможность быть вамъ полезной.

G.—Какія пріятныя перспективы В. И. В. открываете мнѣ; мнѣ сдается, что я уже вижу моментъ, когда оба двора придутъ къ соглашенію и когда

Н.—Je dois informer Votre Majesté Imperiale qu'en vertu de ses instances le Roi, mon maître, a décoré M-r Wroughton de l'Ordre du Bain, et que sa Majesté a toujours un plaisir infini en témoignant à Votre Majesté Imperiale son désir de lui complaire en tout.

И.—Dites à sa Majesté que je suis très sensible à cette attention de sa part, et que j'espère trouver en lui la même complaisance dans les affaires plus importantes. Il me trouvera toujours bien reconnaissant“.

Изъ этой продолжительной бесѣды англійскій посланникъ вынесъ убѣжденіе, что въ вопросѣ о вооруженномъ нейтралитетѣ императрица не намѣрена была идти на уступки; ей не позволяла этого ея гордость, но она поняла, какія тяжелыя послѣдствія могъ имѣть этотъ проектъ для другихъ державъ, и какъ онъ могъ быть неудобенъ для нея лично; она искала предлога смягчить его послѣдствія; это было самымъ горячимъ ея желаніемъ въ тотъ моментъ, когда уполномоченные Даніи подписывали актъ вооруженнаго нейтралитета.

Съ этой непослѣдовательностью англійскому правительству необходимо было считаться; на это указывалъ посланнику и Потемкинъ, когда Гаррисъ передалъ ему свой разговоръ съ императрицей.

„Ваше министерство должно принять во вниманіе *характеръ* и *пользу* императрицы, сказалъ онъ; нѣтъ ничего постыднаго льстить слабымъ, когда изъ этого можно извлечь величайшія выгоды; пусть оно сдѣлаетъ то, что сдѣлали король прусскій и императоръ австрійскій, пусть оно затронетъ ея страсти и ея чувства, и она будетъ

В. И. В. еще болѣе прославите свое царствованіе, давъ своей имперіи самую естественную и полезную союзницу.

Е.—Я горячо этого желаю; я буду всѣми силами содѣйствовать этому; сдѣлайте же и вы шагъ со своей стороны; какъ женщина, я требую весьма малаго. Но я говорю очень серьезно, г. Гаррисъ, дайте понять вашему двору, что отъ этого зависитъ все. Главное надобно, чтобы онъ довѣрялъ мнѣ. Я хочу, чтобы ко мнѣ питали довѣріе; я никогда не злоупотребляю имъ; но я предвижу, что этому не бывать, и что я напрасно дѣлаю еще одинъ шагъ въ вашу пользу; прощайте, г. Гаррисъ.

Г.—Я долженъ до свѣдѣнія В. И. В., что король, мой монархъ, по настоянію В. В., пожаловалъ г. Роутону орденъ Бани, и что Е. В. всегда доставляетъ особое удовольствіе доказать В. И. В. свое желаніе быть вамъ пріятнымъ.

Е.—Передайте Е. В., что мнѣ весьма пріятно вниманіе съ его стороны, и что я надѣюсь встрѣтить подобную же уступчивость съ его стороны въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

самой вѣрной и самой дѣятельной вашей союзницей. Бога ради не стѣсняйтесь со своей стороны льстить ей; это единственное средство свискать ея благоволеніе. Она жаждетъ похвалъ и комплиментовъ. Не скупитесь на нихъ, и она предоставитъ въ ваше распоряженіе всѣ вооруженныя силы имперіи“.

„Это сказалъ мнѣ дословно Потемкинъ, и въ этомъ *весь секретъ* здѣшняго двора“, присовокупляетъ Гаррисъ.

Но посланникъ предпочелъ прибѣгнуть къ тому средству, которое считалось самымъ дѣйствительнымъ при русскомъ дворѣ, т. е. щедро платить за дѣйствительныя или мнимыя услуги болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которыя могли ему быть полезны. Желая оправдать свою расточительность, онъ писалъ 24 декабря 1780 г. лорду Веймуту, стоявшему во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ:

„В. с—ть не можете себѣ представить, до какой степени въ этой странѣ всѣ продажны, какія огромныя суммы тутъ запрашиваютъ и съ какой безцеремонностью это дѣлается. Французскій, голландскій и даже прусскій посланники самые щедрые въ этомъ отношеніи; первый изъ нихъ истратилъ, насколько мнѣ извѣстно, огромныя суммы, впрочемъ, безъ всякаго успѣха. Онъ снабдилъ деньгами двухъ двоюродныхъ братьевъ графа Паница и вице-канцлера, которые купили дома, стоимостью отъ 4—5 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Всякій мелкій чиновникъ разсчитываетъ получить вознагражденіе, которое бываетъ соразмѣрно съ требованіями минуты. Герцогъ Курляндскій тратитъ 20.000 ф. ст. въ годъ и можетъ похвастать тѣмъ, что въ числѣ лицъ, получающихъ отъ него пенсіи, находятся гр. Панинъ, Чернышевъ и Остерманъ“.

„Трудно себѣ представить расточительность французскихъ и прусскихъ дипломатическихъ агентовъ. Императрица сама подаетъ къ тому примѣръ. Она подарила, нѣсколько дней тому назадъ, кн. Потемкину 40 тысячъ ф. ст. безъ всякаго повода; этотъ странный человѣкъ до того избалованъ, что не считалъ даже нужнымъ поблагодарить за это“.

Эта огромная сумма была вознагражденіемъ за новыя услуги, оказанныя государынѣ. Екатеринѣ наскучилъ Ланской, и Потемкинъ, посвященный въ эту тайну, послѣдилъ найти ему достойнаго преемника.

„Я слышалъ, что новый фаворитъ, Мордвиновъ“, писалъ Гаррисъ 18 мая 1781 г.: „который давно уже исполняетъ всѣ обязанности, сопряженныя съ этою должностію, будетъ на-дняхъ открыто пользоваться всѣми преимуществами своего положенія, а Ланской, числящійся пока оффиціальнымъ фаворитомъ, уступить ему свои покои въ разныхъ дворцахъ“.

„Бывшій фаворитъ виситъ на волоскѣ“, сообщилъ посланникъ нѣсколько дней спустя; но онъ получить отставку не прежде, какъ съ отъѣздомъ двора въ Петергофъ. Дворъ представляетъ собою невообразимую картину безъ урядицы, тѣмъ болѣе, что Ланской держитъ себя безукоризненно и не подалъ ни малѣйшаго повода къ его увольненію. Онъ не ревнивъ, не дерзокъ и не заслужилъ упрека въ непостоянствѣ; онъ жалуется на свою отставку, которую считаетъ неизбѣжной, въ такихъ трогательныхъ выраженіяхъ, что государыня и ея довѣренныя лица поставлены въ весьма затруднительное положеніе и не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ него, не заслуживъ упрека въ жестокости. Но его преемникъ громко заявляетъ свои права, и жалость, вѣроятно, скоро уступитъ мѣсто иному чувству. Я слышалъ, что кн. Потемкинъ, коего власть въ подобныхъ случаяхъ бываетъ безгранична, собирается испросить себѣ сумму въ 700 тысячъ рублей.

Перемѣны, происходящія при дворѣ, доставляли матеріалъ для каждаго письма Гарриса; никогда еще придворная жизнь не представляла болѣе удивительнаго зрѣлища. „Императрица становится съ каждымъ днемъ болѣе подозрительна и раздражительна“, сообщалъ Гаррисъ въ началѣ іюля 1781 г.: „гордясь своею властью и упорно настаивая на своихъ мнѣніяхъ, она недовольна всѣми своими приближенными и относится къ нимъ недоброжелательно. Государыня, которой прежде было такъ легко служить, стала теперь крайне требовательна, и служить ей весьма непріятно; ея собственныя слуги, точно такъ же какъ министры, страдаютъ отъ этой удивительной перемѣны въ ея характерѣ, которая такъ чувствительна и съ которой такъ трудно мириться, что многіе изъ главныхъ сановниковъ имперіи просятъ объ увольненіи.

Генералъ Сиверсъ, губернаторъ нѣсколькихъ провинцій, чловѣкъ весьма преданный государынѣ и вполне достойный, уволенъ въ отставку; фельдмаршалъ Голицынъ неоднократно просился въ отставку; увѣряютъ, что то же намѣренъ сдѣлать Бецкій; кн. Потемкинъ, который болѣе всѣхъ терпитъ отъ послѣдствій этой перемѣны въ характерѣ императрицы, выразилъ ей совершенно серьезно желаніе сложить съ себя всѣ свои должности; но онъ долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія, такъ какъ императрица самымъ категорическимъ образомъ отказала ему въ этомъ. Но я не вѣрю, чтобы онъ дѣйствовалъ искренно, такъ какъ онъ отлично знаетъ, что императрица не можетъ обойтись безъ него, онъ хотѣлъ, вѣроятно, этимъ вернуть свое вліяніе, которое замѣтно поколебалось въ послѣднее время, а на случай неудачи съ этой сто-

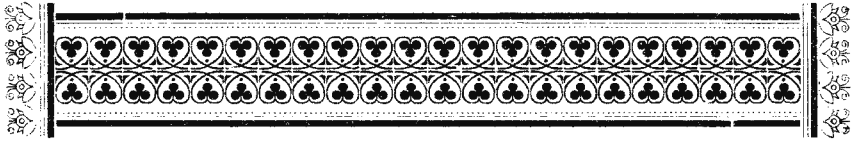
роны, онъ обезпечилъ себя въ другомъ отношеніи, убѣдивъ императрицу купить у него для Ланского, который видимо пользуется вновь большимъ благоволеніемъ, огромное помѣстье, стоимостью въ 500 тысячъ рублей: одно обстоятельство заставляетъ думать, что Потемкинъ дѣйствительно намѣренъ удалиться отъ двора, это то огромное количество наличныхъ денегъ, которое онъ скопляетъ, продавая свои помѣстья, лошадей и драгоценности. Наибольшимъ влияніемъ пользуется въ настоящее время Безбородко, секретарь императрицы, коего возвышеніе возбуждаетъ всеобщую зависть. Потакая всѣмъ капризамъ императрицы, онъ приобрѣлъ уваженіе и довѣріе и бываетъ ей весьма полезенъ своими выдающимися способностями и удивительной памятью. Онъ руководитъ почти одинъ внутренними дѣлами имперіи и принимаетъ значительное участіе въ веденіи иностранной политики“.

Въ одной изъ нашихъ послѣднихъ бесѣдъ, кн. Потемкинъ высказался объ императрицѣ свободнѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ и прежде часто упрекалъ ее въ легкомысліи, въ томъ, что она безпрестанно мѣняетъ свои взгляды и дѣйствуетъ безъ всякой системы. Теперь онъ не побоялся сказать мнѣ, что „съ годами блѣднѣютъ всѣ ея прекрасныя качества, что она стала недовѣрчива, робка, что ея умственныя способности становятся ограниченнѣе; что когда ей предлагаютъ какой-либо новый планъ, то она подозрѣваетъ со стороны предложившаго эгоистическій расчетъ, а если она вѣритъ его искренности, то видитъ лишь опасность предпріятія, а не тѣ блестящія выгоды, которыя оно сулитъ; что ея честолюбіе меркнетъ при мысли о малѣйшемъ рискѣ, и что она доступна теперь только одной лести“.

В. Т.

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Т. Каченовскій и С. П. Глинка подъ Иваномъ Великимъ.

тоявшій въ Москвѣ въ царствованіе Императора Павла I Ярославскій полкъ собирался въ походъ въ Швейцарію. Чтобы освободиться отъ ненужнаго въ пути хлама, кое-какія полковыя вещи были назначены въ продажу, завѣдывать которою начальство поручило офицеру Михаилу Трофимовичу Каченовскому. Въ числѣ предметовъ, признанныхъ ненужными для полка, оказался порохъ. Было ли послѣднее обстоятельство слѣдствіемъ недоразумѣнія высшаго офицерства, или порохъ, дѣйствительно, никуда не годился, но только этотъ опасный предметъ былъ назначенъ въ продажу.

Когда нашлись покупатели полковыхъ вещей, солдаты доложили объ этомъ Каченовскому, и онъ велѣлъ имъ продать вещи гуртомъ.

Самъ онъ въ то время увлекался чтеніемъ „Генриады“ Вольтера и былъ очень занятъ этимъ, такъ какъ долженъ былъ справляться со словаремъ. Онъ уносился своими мечтами въ небо, почти забывая, что находится на землѣ, и потому совсѣмъ не интересовался продажей казенныхъ вещей.

И вотъ съ поэтического неба онъ упалъ на грязную землю и чуть было не пострадалъ сильно.

Каченовскій не зналъ, что покупать порохъ нельзя безъ разрѣшенія коменданта, а онъ продалъ, не спросивъ у покупателя такого разрѣшенія.

Законъ былъ нарушенъ, и послѣдовало наказаніе виновнаго.

Каченовскій былъ взятъ подъ стражу и посаженъ на гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ.

Въ это время въ Москвѣ въ Архаровскомъ полку служилъ Сергѣй Николаевичъ Глинка. Часто онъ караулил на гауптвахтахъ и, между прочимъ, подъ Иваномъ Великимъ.

Однажды, когда онъ окончилъ повѣрку арестантовъ, ему при-

несли обѣдъ отъ его пріятеля, разгульнаго владимірскаго помѣщика Ѳедора Григорьевича Карина, жившаго въ Москвѣ. Каринъ любилъ хорошо поѣсть и повеселиться, на чтѣ истратилъ большую часть своего состоянія, и впослѣдствіи былъ взятъ въ опеку.

Глинка положилъ около себя двѣ толстыя книги: примѣчанія Болтина на Русскую исторію, сочиненную Леклеркомъ, и сѣлъ обѣдать.

Каченовскій смотрѣлъ на Глинку, не сводя съ него глазъ. По его лицу можно было подумать, что его очень прельщаетъ прекрасный каринскій обѣдъ Глинки, и потому Глинка пригласилъ Каченовскаго откушать вмѣстѣ съ нимъ. Но Каченовскій, къ удивленію Глинки, отказался, сказавши, что онъ уже пообѣдалъ.

— На что же вы такъ пристально смотрите?—спросилъ Глинка Каченовскаго.

— На ваши книги,—отвѣтилъ Каченовскій.

Такъ Глинка познакомился съ Каченовскимъ и сталъ съ тѣхъ поръ приносить ему на гауптвахту книги.

Каченовскій подлежалъ суду, но былъ освобожденъ по ходатайству на Высочайшее имя генераль-лейтенанта Дурасова: „Въ военныхъ процессахъ Петра I—писалъ въ своемъ прошеніи Дурасовъ—сказано, что собственное признаніе паче свидѣтельства цѣлаго свѣта. Признаюсь, Государь, что аудиторъ моего полка по приказу моему продавалъ порохъ, а потому подвергаю себя суду“¹⁾.

Арестъ произвелъ на Каченовскаго сильное впечатлѣніе. У него даже явилась потребность высказать свои чувства по этому поводу, и онъ написалъ небольшое произведеніе: „Отпускная жаворонку“, которое послалъ въ журналъ: „Ипобрена или утѣхи любословія“.

„Прохладный вечеръ освѣжаетъ утомленныхъ жителей,—писалъ Каченовскій.—Уже великолѣпное свѣтило, склоняясь къ западу, простираетъ далеко тѣнь кремлевскаго исполина. Я сижу одинъ, устремляя взоръ на заключенную птичку“.

Въ неволѣ Каченовскій понялъ, какъ тяжело жаворонку сидѣть въ клѣткѣ, „сколь не сносна темница, и сколь вождедѣнно состояніе свободы“. Онъ рѣшаетъ выпустить птичку: „Лети, милый жаворонокъ, любимое чадо природы! Возвратися на лоно твоей матери, будь осмотрителень... Спѣши въ обновленную рощу!“²⁾.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ. Каченовскій сталъ извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, главою скептической школы въ исторіи. Глинка, послѣ многихъ патріотическихъ и

¹⁾ «Записки С. Н. Глинки», стр. 173--174.

²⁾ «Русскій Филологическій Вѣстникъ», 1907, кн. 4.—Проф. Е. Бобровъ: «Литературный дебютъ М. Т. Каченовскаго».

литературныхъ трудовъ, которые ему ничего не дали, долженъ былъ поступить въ цензоры.

Въ концѣ 1828 г. Каченовскій объявилъ въ „Вѣстникѣ Европы“, который тогда выходилъ при содѣйствіи московскаго университета, что онъ съ будущаго года будетъ издавать журналъ вполнѣ самостоятельно. Объявленіе было написано въ высокопарныхъ выраженіяхъ, и Н. А. Полевой въ своемъ „Московскомъ Телеграфѣ“ началъ вышучивать по этому поводу „Вѣстникъ Европы“ и, между прочимъ, замѣтилъ, что журналъ выходитъ изъ стѣнъ университета „на скудельныхъ ногахъ“.

Совѣтъ университета увидѣлъ въ этомъ оскорбленіе должностнаго лица—статскаго совѣтника Каченовскаго, и поэтому послѣдній подалъ по начальству прошеніе, въ которомъ требовалъ „имати подъ стражу майора и кавалера Сергѣя Глинку“, какъ цензора, пропустившаго оскорбительныя для него выраженія „Московскаго Телеграфа“¹⁾.

Такъ подлинно сбылась русская пословица: „Старая хлѣбъ-соль забывается“. Забылъ Каченовскій и гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ, и свою тоску тамъ, и жаворонка... Забылъ и про книги Сергѣя Глинки, такъ забылъ, что даже просилъ заключить его на гауптвахту.

Но это не удалось Каченовскому. Дѣло кончилось ничѣмъ.

Однако Глинка все-таки не избѣжалъ гауптвахты.

Въ 1830 году профессоръ естествознанія въ Московскомъ университетѣ М. А. Максимовичъ издалъ альманахъ „Денницу“²⁾. Цензурное разрѣшеніе на „Денницу“ было подписано Глинкою.

Альманахъ былъ составленъ очень интересно и даже украшенъ участіемъ Пушкина. Въ немъ впервые появились двѣ начальныя сцены „Бориса Годунова“, пѣсня Языкова: „Пловецъ“ („Нелюдимо наше море“), а также были помѣщены произведенія Баратынскаго, Веневитинова, кн. Вяземскаго, Ф. Глинки, барона Дельвига, Мерзлякова, Полевого, Погодина и др.

Между этими извѣстными именами русской литературы были имена и неизвѣстныя, какъ, напримѣръ, сокращенная подпись: С—ма Т—ва, стоявшая подъ однимъ стихотвореніемъ.

Это была дѣвица Серафима Теплова, знакомая Максимовичу по Малороссіи, откуда происходилъ самъ онъ. Стихотвореніе было озаглавлено: „Къ***“. Оно невелико и носитъ характеръ поэтическаго отрывка:

¹⁾ «Записки С. Н. Глинки», стр. 352.

²⁾ Денница, альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1830.

Слезами горькими, тоскою
 Твоя погибель почтена.
 О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою,
 Стонъ скорби слышала волна!
 О вѣрь, что надъ тобой почило
 Прощенье, миръ, а не укоръ, —
 Что не страшна твоя могила,
 И не постыденъ твой позоръ!

И вотъ въ этомъ стихотвореньицѣ увидѣли государственное преступленіе. Было рѣшено, что оно относится ни къ кому другому, какъ къ поэту Рылѣеву, казненному послѣ усмиренія Декабрьскаго возстанія. Почему же не къ Пестелю, не къ Каховскому, а именно къ Рылѣеву? Да потому, что клевета въ основаніяхъ не разбирается, и сила ея заключается не столько въ доказательствахъ, сколько въ дерзости и самоувѣренности.

Эта клевета исходила изъ такой сферы, которая всегда была перенасыщена ненавистничествомъ, ложью, продажною и безстыдствомъ. Есть положительныя основанія думать, что клевета на стихотвореніе Серафимы Тепловой была сочинена пресловутымъ Фаддеемъ Булгаринымъ.

Булгаринъ имѣлъ вѣскія причины сердиться на „Денницу“ и на ея цензора Глинку. Въ „Денницѣ“ была помѣщена статья И. В. Кирѣевскаго: „Обозрѣніе русской словесности 1829 года“, первая статья, съ которою Кирѣевскій открыто выступалъ на литературное поприще.

Въ этой статьѣ Кирѣевскій сильно задѣлъ самолюбіе Булгарина, давъ такой неблагоприятный отзывъ объ его „нравственно-сатирическомъ“ романѣ „Иванъ Выжигинъ“: „Пустота, безвкусіе, бездушность, нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, — вотъ качества сего сочиненія, качества, которыя составляютъ его достоинства, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катехизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что „Выжигинъ“ расходится. Но гдѣ же эти люди? спросятъ меня. — Мы не видимъ ихъ, точно такъ же, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются Сонникомъ и книгой о клопахъ, но они есть, ибо и Сонникъ, и „Выжигинъ“, и „О клопахъ“ раскупаются во всѣхъ лавкахъ“¹⁾.

¹⁾ «Денница», стр. 73—74.

Хоть какому писателю не поздоровилось бы отъ такого сосѣдства съ „Клопами“. Булгаринъ былъ раздраженъ и обозленъ противъ Кирѣвскаго и отвѣтилъ на критику по-своему — клеветами и доносами.

30 марта того же 1830 года Жуковскій писалъ императору Николаю I: „Въ Москвѣ напечатанъ Альманахъ, въ коемъ мой родственникъ Кирѣвскій помѣстилъ обзорѣніе русской литературы за прошлый годъ. Въ этомъ обзорѣніи сдѣланы рѣзкія замѣчанія на романъ Булгарина „Иванъ Вижитинъ“... Этого было довольно, чтобы заставить думать Булгарина, что статья Кирѣвскаго была написана по моему наущенію. Это бы ничего; но послѣ я услышалъ, что Булгаринъ вездѣ разславляетъ, будто бы Кирѣвскій написалъ ко мнѣ какое-то либеральное письмо, которое извѣстно и правительству“¹⁾.

При этомъ достойно особаго замѣчанія то обстоятельство, что разговоры о преступномъ характерѣ стихотворенія Серафимы Тепловой въ кружкѣ Булгарина возникли раньше, чѣмъ послѣдовало какое-либо явное распоряженіе начальства по этому дѣлу.

8 февраля за обѣдомъ у барона Дельвига, гостившаго въ то время въ Москвѣ, издатель „Денницы“ Максимовичъ получилъ изъ Петербурга письмо отъ сотрудника Дельвига и Пушкина по изданію „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, писателя О. М. Сомова, который былъ расположенъ къ Максимовичу, какъ къ своему земляку — малороссу. Въ этомъ письмѣ Сомовъ предупреждалъ Максимовича о возможныхъ непріятностяхъ и сообщалъ о толкахъ по поводу стихотворенія въ средѣ Греча и Булгарина.

Сочиненный послѣднимъ доносъ достигъ цѣли. Глинка былъ взятъ подъ стражу и посаженъ на ту самую гауптвахту подъ Иваномъ Великимъ, гдѣ когда-то онъ былъ дежурнымъ офицеромъ и караулил Каченовскаго.

Каченовскій очень не любилъ, когда ему вспоминали про дѣло о порохѣ, такъ какъ, повидимому, слухи придавали этому дѣлу не совсѣмъ чистый характеръ. Вѣроятно, это воспоминаніе было большимъ мѣстомъ ученаго, и потому-то Полевой, желая какъ можно сильнѣе уколоть своего литературнаго противника, замѣтилъ разъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“ на счетъ Каченовскаго, что издавать журналъ, это не то, что порохомъ торговать. И, конечно, привелъ Каченовскаго въ возмущеніе.

Надо думать, что Каченовскій также не любилъ бывать около колокольни Ивана Великаго, такъ какъ „кремлевскій исполинъ“

¹⁾ Соч. Жуковскаго, под. редакціей А. Д. Алферова, т. I, стр. 358.

долженъ былъ живѣе всегда напоминать ему непріятную исторію изъ его прошедшей жизни.

Но когда подъ Ивана Великаго попалъ цензоръ Глинка, Каченовскій пошелъ его навѣстить.

Почему? Неужели, слѣдуя евангельскимъ словамъ: „Въ темницѣхъ я былъ, и вы пришли ко мнѣ“? Возможно ли такъ думать, когда только полтора или два года передъ тѣмъ Каченовскій самъ просилъ имѣющихъ власть взять Глинку подъ стражу за оскорбительныя, по его мнѣнію, слова. Врядъ ли съ тѣхъ поръ Каченовскій сдѣлался лучше и преисполнился любовью къ Глинкѣ.

И Глинка не принялъ посѣщенія Каченовскаго за выраженіе сочувствія, а понялъ его, какъ насмѣшку надъ собою.

— Вотъ встрѣча и судьба!—воскликнулъ Глинка, увидя Каченовскаго среди другихъ своихъ посѣтителей.—Помните ли, Михайлъ Трофимовичъ, какъ вы сидѣли здѣсь за дѣло о порохѣ, а я былъ тогда дежурнымъ офицеромъ? ¹⁾

Слова Глинки получаютъ особенный смыслъ, если принять во вниманіе указанное выше отношеніе Каченовскаго къ несчастью своей военной службы.

Вскорѣ, однако, была признана неосновательность подозрѣній въ преступности стихотворенія Серафимы Тепловой,—Глинка вышелъ на свободу и снова занялъ кресло цензора.

4 марта Сомовъ писалъ Максимовичу изъ Петербурга: „Не знаю, какъ у васъ, а здѣсь о „Денницѣ“ все замолкло, разумѣется, въ отношеніи не литературномъ. Я старался дознаться чего-нибудь, но, кажется, ничего не выйдетъ замѣчательнаго. Скажите мнѣ ваши московскія вѣсти; не было ли чего съ вами, или не дано ли, по крайней мѣрѣ, дальнѣйшаго слѣдствія этому дѣлу?“ ²⁾

Впрочемъ, хотя дѣло съ „Денницей“ обошлось для Глинки благополучно, оно все-таки имѣло косвенное вліяніе на его увольненіе отъ должности цензора, послѣдовавшее въ томъ же 1830 году.

Въ это время Пушкинымъ было написано посланіе „Къ вельможѣ“ (кн. Н. В. Юсупову, въ Архангельское). А въ майскомъ номерѣ „Новаго Живописца общества и литературы“, составлявшаго приложение къ „Московскому Телеграфу“, были напечатаны коми-

¹⁾ Нѣкоторыя подробности дѣла съ «Денницей» и извѣстіе о встрѣчѣ Каченовскаго и Глинки во время ареста послѣдняго мы заимствуемъ изъ не напечатаннаго воспоминанія М. А. Максимовича, записаннаго на клочекъ бумаги, сохранившемся среди его писемъ. Самъ Глинка въ своихъ „Запискахъ“ совсѣмъ не упоминаетъ о дѣлѣ съ „Денницей“, и вообще эпизодъ этотъ не былъ описанъ послѣдовательно.

²⁾ Изъ неизданнаго письма Сомова къ Максимовичу.

ческія сцены подъ заглавіемъ: „Утро въ кабинетѣ знатнаго барина“, въ которыхъ высмѣивался князь Беззубовъ, совершенно глупый старецъ, подписывающій бумаги кверху ногами, котораго его любовница бьетъ по щекамъ. Высмѣивался и поэтъ, посвятившій Беззубову стихи, въ которыхъ онъ воспѣваетъ князя за то, что тотъ ѣздилъ „въ какую-то землю только за тѣмъ, чтобы взглянуть на хорошенькихъ женщинъ“, пилъ кофе съ Вольтеромъ и игралъ въ шашки съ Бомарше ¹⁾.

Въ князѣ Беззубовѣ увидѣли прозрачные намеки на князя Юсупова; при томъ же, эпиграфъ, взятый для „Утра въ кабинетѣ“, былъ заимствованъ изъ посланія Пушкина къ Юсупову.

Попечитель Московскаго университета князь С. М. Голицынъ, въ завѣдываніи котораго тогда находилась цензура, позвалъ для объясненій Глинку, пропустившаго „Утро въ кабинетѣ“, и, когда тотъ явился, закричалъ на него:

— Какъ вы, сударь, осмѣлились пропустить такія мерзости на князя Юсупова? Васъ и такъ и за такія мерзости государь сажалъ на обахту ²⁾!

Такимъ образомъ, случай съ „Денницей“ какъ-будто усиливалъ послѣдующую цензурную вину Глинки. Онъ былъ уволенъ отъ должности цензора и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію съ женою и восемью дѣтьми. И только заступничество Жуковскаго и князя Вяземскаго спасло Глинку отъ нищеты. Государь далъ ему пенсію въ три тысячи рублей въ годъ ³⁾.

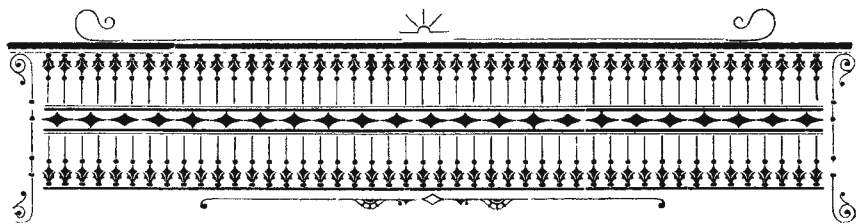
В. В. Даниловъ.

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1899, т. II, стр. 89.

²⁾ «Записки», стр. 357.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1875, т. III, 495.

Изъ дневника Опочиника.

Октябрь. — 1830 г.

(Окончаніе ¹⁾).

Воскресенье, 2/14. Варшава.

Заговоръ, о которомъ говорили на всѣ лады, причисливъ его наконецъ къ выдумкѣ генерала Рожнецкаго, оказывается далеко не вымышленнымъ. Третьяго дня было захвачено 6 заговорщиковъ изъ нижнихъ чиновъ, которые, какъ говорятъ, хотѣли посягнуть на жизнь Его Высочества. Итакъ, нить заговора найдена, остается только искусно распутать ее. Неискусная или недоброжелательная рука, порвавъ ее, можетъ вызвать большое несчастье.

Въ прошлую среду обычныя глупыя шуточки Шульгина вывели изъ терпѣнія Владека; онъ ему что-то отвѣтилъ, а нашъ московскій пѣтушекъ погрозилъ выбросить его въ окно. Слѣдствіемъ этого было объясненіе на смотру, колкости, сказанныя съ обѣихъ сторонъ, и дуэль въ прошлую пятницу. Секундантомъ Владека былъ Дерфельденъ 1; у Шульгина — гусаръ Шталь-фонъ-Гольштейнъ. Шульгинъ промахнулся; Владекъ отдалъ ему свой пистолетъ, не стрѣлявъ. По этому поводу ходитъ много толковъ, которые надобядаютъ мнѣ.

По утру обѣдня во дворцѣ. Смотръ. Фельдъ-егерь изъ Петербурга. Говорятъ, война въ отставку. Обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Грессеромъ; онъ получилъ выговоръ. Вечеромъ у Левицкихъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1908 г.

Понедѣльникъ, 3/15. Варшава.

Вотъ что я узналъ о пресловутомъ заговорѣ: до сихъ поръ арестовано пятьдесятъ человѣкъ; между прочимъ много студентовъ, нѣсколько унтеръ-офицеровъ и юнкеровъ польской арміи. Говорятъ, что душою заговора были гренадерскія роты 3-го линейнаго полка. Предполагали начать съ убійства Его Высочества. Говорятъ, что обо всемъ донесъ какой-то юнкеръ. Все было готово, заговорщики имѣли патроны, заряды и оружіе. Первыми были арестованы шесть человѣкъ въ прошлую пятницу, съ оружіемъ въ рукахъ; они, какъ говорятъ, были совершенно готовы привести въ исполненіе свой гнусный заговоръ. До сихъ поръ арестованы все незначительныя лица, но подозрѣваютъ, что жокаками были нѣкоторые болѣе значительныя лица, принимавшія участіе въ предшествовавшихъ заговорахъ. Дѣло въ томъ, что все это разузнала вовсе не хваленая полиція Рожнецкаго; Его Высочество назначилъ слѣдственную комиссію изъ генер.: Гука, Крассинскаго и Ратенштрауха. Секретаремъ опредѣленъ Жадерновскій изъ канцеляріи Его Высочества. Особенно достойна вниманія храбрость, съ какою Его Высочество выходилъ въ субботу, какъ обыкновенно, хотя онъ и зналъ, что жизнь его въ опасности. Это прекрасная нравственная твердость характера.

Вставъ въ 7 часовъ, я былъ въ казармахъ до 2³/₄ ч. Обѣдалъ въ Бельведерѣ въ 4¹/₂ ч., потому что Его Высочество работалъ съ Рожнецкимъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Легъ спать въ 12 ч.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ, 4/16. Варшава.

28 іюля 1830 г., день паденія Бурбоновъ, совпалъ съ 9 термидоромъ, днемъ паденія Робеспьера.

Говорятъ, будто Карлъ X принадлежалъ къ ордену іезуитовъ и даже былъ посвященъ въ епископы, исполняя его обязанности во дворцѣ.

Вставъ въ 8 часовъ, былъ на смотру. Я былъ дежурнымъ: унтеръ-офицеръ Лукашевичъ, 1-го взвода, солдатъ Камборъ въ моемъ взводѣ. Обѣдалъ дома; вечеромъ у Овандеръ. Проигралъ въ пять и пять мои послѣдніе 10 фл. Легъ спать въ 2 часа.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Среда, 5/17. Варшава.

Всталъ въ 8 часовъ; былъ въ казармахъ; гонялъ молодыхъ лошадей на кордѣ. Обѣдалъ въ Бельведерѣ. Возвратился къ себѣ въ 7 часовъ. Много писалъ. Вечеромъ у Левицкихъ. Озеровы... нужно объясниться. Легъ спать въ часъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Е. И. В. великій князь Константинъ, во время своего пребыванія въ Парижѣ 1815 г., встрѣтилъ особенно любезный пріемъ со стороны семейства Кубьеръ (Cubièrre). Въ его поѣздкахъ инкогнито, в. князя часто сопровождалъ одинъ молодой человѣкъ изъ этой семьи, служившій впоследствии въ лейбъ-гвардіи. Въ одно прекрасное утро этотъ молодой человѣкъ пріѣхалъ въ Варшаву, поселился въ Бельведерѣ и нѣсколько времени спустя былъ зачисленъ въ гвардейскій уланскій полкъ и назначенъ адъютантомъ при Его Высочествѣ. Этотъ весьма умный и любезный юноша, Оливъ, сдѣлался тѣнью Его В., сопровождая его во всѣхъ поѣздкахъ, сталъ ухаживать за М-elle Скобининой, женился на ней, взявъ приданое съ 40.000 ежегоднаго дохода; наконецъ, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья оставилъ службу и уѣхалъ во Францію. Политическія событія заставили его выѣхать оттуда. Жена его проводитъ зиму въ Дрезденѣ, а онъ между тѣмъ заѣхалъ въ Варшаву и снова занялъ свое мѣсто въ коляскѣ и за столомъ Его Высочества. Мнѣ рѣдко случалось встрѣтить человѣка, болѣе пріятнаго въ обращеніи.

Представленіе оперы Обера *Muette de Portici* воспрещено; польскій театръ остается ни при чемъ со своими великолѣпными декораціями.

Вчера возобновились французскія представленія; говорятъ, начало было не блестящее.

Дюмушецкій говоритъ сегодня въ своемъ „Курьерѣ“, что 1-й и 2-й армейскій корпуса, литовскій корпусъ и польская армія получили приказаніе выступить въ походъ. Было ли ему разрѣшено сдѣлать подобное сообщеніе или это одна изъ его обычныхъ утокъ?

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница, 7/19. Варшава. Въ казармахъ.

Я получилъ сегодня утромъ письма изъ Петербурга отъ своихъ, писан. 29 окт.

Въ Петербургѣ только и говорятъ о холерѣ, это вопросъ дня. Министру финансовъ Канкрину, у котораго собирается многочисленное общество, до того наскучили эти разговоры, что онъ назначилъ штрафъ въ 10 коп. сер. со всякаго, кто заговоритъ объ этомъ предметѣ, и собралъ огромную сумму, такъ какъ никто не хотеть объ немъ молчать.

Замѣчено, что нигдѣ холера не свирѣпствовала такъ долго и не похитила столько жертвъ, какъ въ Москвѣ. До сихъ поръ она обнаруживалась болѣе въ народѣ, теперь же перешла въ высшее общество; въ примѣръ приводятъ Афросимова и его сестру и одного

врача по имени ****. Особенно странно, будто, как говорят, московскіе врачи пользуются эту болѣзнь съ гораздо меньшимъ успѣхомъ, нежели провинціальныя доктора и даже деревенскіе лекаря. Впрочемъ болѣзнь эта весьма странная. Она занесена въ Москву однимъ студентомъ изъ Саратова, который не только не умеръ, но даже не хворалъ и это не единственный примѣръ. Папашѣ рассказывалъ это Е. В. Въ Саратовѣ одна дама умерла отъ холеры; мужъ ея, пускавшій ей кровь, хотѣлъ обтереть холодный потъ, выступившій у нея на лбу, и лишь только дотронулся до нея, какъ упалъ замертво. Хирургъ, бывшій при этомъ, въ свою очередь захотѣлъ обтереть потъ и также скоропостижно умеръ.

Утромъ 19 октября насчитывали со дня появленія 3.402 больныхъ, изъ коихъ 1.679 умерло.

Изъ письма лейбъ-медика Лодера къ редактору „С.-Петербургской Газеты“:

„Къ несчастію болѣзнь эта еще мало изслѣдована, но повидимому это тоже индѣйская холера, видоизмѣненная климатомъ. Она не въ такой степени заразительна, какъ чума, хотя и убиваетъ въ нѣсколько часовъ тѣхъ, кто особенно предрасположенъ къ ней. Здѣсь число заболѣвающихъ относится какъ 8 : 5, и они принадлежатъ по преимуществу къ низшему классу, что слѣдуетъ приписывать вліянію тѣсныхъ, сырыхъ жилищъ, а также привычкѣ простолудинъ ходить босикомъ, ѣсть сырой лукъ, грибы, огурцы и испорченную соленую рыбу. Но въ особенности холера поражаетъ пьяницъ. Кромѣ того, въ народѣ есть привычка скрывать первые признаки болѣзни. Что же касается до лицъ высшаго сословія, которыхъ заболѣло впрочемъ не болѣе тридцати, то они погибли большею частью вслѣдствіе пустого страха, парализовавшаго дѣйствіе лекарствъ. Число больныхъ все еще не уменьшается, но болѣзнь начинаетъ уступать“.

Неоднократныя попытки докторовъ: Высоцкаго, Рихтера 2-го и т. д. доказали, что въ началѣ болѣзни весьма дѣйствительными оказываются укусныя втиранія; ихъ производятъ до тѣхъ поръ, покуда не появится легкая испарина.

Было замѣчено, что холера проявляется иногда вслѣдствіе несвоевременнаго приема даже самыхъ невинныхъ слабительныхъ средствъ, какъ-то: сильныхъ приемовъ магнезіи и т. д. Санитарный комитетъ предлагаетъ не употреблять ихъ безъ предписанія врача. Иные употребляютъ при поносѣ соленую икру, и однако опытъ доказалъ, какія это можетъ имѣть гибельныя послѣдствія.

Въ „Journal de S. Petersbourg“ въ № 128 напечатано:

„Е. И. В. Государь Императоръ соблагволилъ повелѣть при-

вести на военное положеніе нижепоименованные корпуса, именно: 1-й и 2-й пѣхотный корпусъ, 3-й и 5-й кавалерійскій, резервный, Литовскій корпусъ, *резервный корпусъ, состоящій подъ командою Е. И. В. великаго князя Константина*, польскую армію и подобное же число иррегулярныхъ казацкихъ полковъ. 3-му и 5-му кавалерійскимъ резервнымъ корпусамъ, стоявшимъ въ Херсонской и Курской губерніяхъ, приказано двинуться къ западной границѣ, останавливаясь временно въ губ. Подольской и Житомирской. Корпуса эти уже выступили.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Суббота 8/20. Варшава.

Существуетъ нѣкая М-ле Глотковская, воспитанница драматической консерваторіи въ Варшавѣ, дебютировавшая недавно съ большимъ успѣхомъ здѣсь, въ оперѣ. Она и М-ле Волкова—любимая ученица *Соливы*, капельмейстера этого заведенія; онъ представлялъ ихъ въ салоны, гдѣ онѣ поютъ.

Въ нее влюбился генераль Исаковъ, который послѣ своей поѣздки за границу считаетъ себя обязаннымъ покровительствовать искусствамъ. На-дняхъ онъ далъ обѣимъ пѣвицамъ и Соливѣ обѣдъ; за десертомъ предложилъ Глотковской двѣ карамели; въ одной изъ нихъ была записка на французскомъ языкѣ; молодая дѣвушка отвѣтила ему, онъ въ свою очередь отвѣтилъ ей, и такъ завязалась переписка.

Актеры свели съ ума всѣхъ нашихъ генераловъ. Генераль Рихтеръ на-дняхъ послалъ Волковой, которую онъ едва знаетъ, вуаль. Сумасшедшіе!!!

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 9/21. Варшава.

Варшавская драматическая консерваторія находится, неизвѣстно почему, подъ высокимъ надзоромъ генерала Рожнецаго. Поручена ли ему эта должность въ качествѣ командующаго польской кавалеріи или какъ начальнику тайной полиціи? Суть въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ нея сераль для своихъ забавъ. Бѣднымъ пансіонеркамъ нѣтъ покоя, если онѣ не уступаютъ желаніямъ его превосходительства. Одна изъ этихъ дѣвицъ, по фамиліи Бемецкая, имѣла несчастіе понравиться ему и глупость отказать въ нѣкоторой благосклонности. Ее наказали, не отпустивъ даже повидаться съ матерью. Бѣдняжка скучала, отчаявалась и нашла, наконецъ, себѣ утѣшеніе въ маленькомъ Адеркасъ—прапорщикѣ Волинскаго полка, который жилъ въ Маріенштадтѣ, противъ консерваторіи.

Въ воскресенье вечеромъ онъ видѣлся съ нею подъ воротами; она сказала ему, что намѣрена бѣжать; онъ далъ ей свою шинель и фуражку, нанимаетъ извозчика и отвозить ее къ матери. Этотъ побѣгъ возбудилъ сильный переполохъ; начальство пожаловалось Соливу, Солива—Рожнецкому, Рожнецкій—Его Высочеству, и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ вся исторія кончится.

Сегодня былъ обѣдъ у коменданта; прежде у него давались роскошные обѣды, теперь же ихъ можно назвать только сносными. Вкусна одна только кулебяка. Вина отвратительныя; все носитъ отпечатокъ чванства и бѣдности. Обѣдали *Парадовскіе*; мужъ, человѣчекъ небольшого роста съ тыквообразной головой, походить на kota въ гусарскомъ мундирѣ. Когда онъ служилъ въ уланахъ въ Волынскомъ полку, деревня, въ которой стоялъ его эскадронъ, сгорѣла со всѣми лошадьми. Онъ считалъ себя разореннымъ; въ нашей гвардіи составила подписка, Его Высочество заплатилъ остальное и, кромѣ того, великій князь запомнилъ его фамилію и перевелъ его въ гвардію, когда былъ сформированъ Гродненскій полкъ. Онъ настоящій полякъ, обращается къ вамъ всегда съ улыбкой и распростертыми объятіями. Жена его очень хорошенькая полька, съ рыжими волосами; она необыкновенно бѣла, обладаетъ восхитительными глазами и напоминаетъ женскія фигуры французской школы 18 вѣка; даже въ манерѣ ея проглядываетъ нимфа Буше или Ванъ-Лoo (Vanloo). *Г. Ланге*, тайный совѣтникъ, мужъ своей жены и отецъ г-жи *Альбрехтъ*; чопорный, неповоротливый, онъ никогда не высказывается прямо, коверкаетъ французскій языкъ, которому разучился во время своего пребыванія въ Вѣнѣ, куда онъ былъ посланъ, не знаю по какому-то финансовому дѣлу. Онъ состоитъ теперь при Новосильцевѣ. *Мюнере* (Munegoe), американецъ, адъютантъ великаго князя. Я не могу объ немъ говорить. *Онъ сдѣлалъ мнѣ слишкомъ много зла, чтобы сказать о немъ доброе слово, а она слишкомъ благоволяетъ къ нему, чтобы я могъ отнестись объ немъ дурно.* Можетъ быть я заблуждаюсь. *Озеровы*. Увы! ихъ пора миновала!!!

Павелъ Чичеринъ, добрый малый, который пороха не выдумаетъ, но съ прекраснымъ сердцемъ, что гораздо лучше. Этотъ ребенокъ дозволяетъ всѣмъ вертѣть собою, и не понимаю, почему послѣднее время всѣ особенно стали пользоваться этимъ. Кап. *Носовъ* плацъ-адъютантъ, женатый на племянницѣ коменданта. Красивый, высокаго роста, щекотливый, какъ всѣ не особенно умные люди, и вѣчно въ сорѣ со своей дражайшей половиной, которая повидимому очень жеманна. За обѣдомъ я сидѣлъ рядомъ съ нею; моимъ vis à vis былъ Ив. Озеровъ, котораго я когда-то называлъ своимъ другомъ.

Однако, сколько я ни обдумывалъ своего поведенія относительно него, я не могу ни въ чемъ упрекнуть себя. Я такъ ихъ любилъ, такъ былъ преданъ имъ душою и тѣломъ, и чѣмъ они мнѣ отплатили... Я слишкомъ гордъ, чтобы искать объясненія; цѣлый мѣсяцъ и скрывалъ мое огорченіе и мои слезы, не показывалъ, что замѣчаю ихъ холодность, я надѣялся, что это не болѣе какъ недоразумѣніе, но тщетно; остается только отдалиться; я долженъ это сдѣлать, хотя такъ привыкъ ихъ любить, что это надрываетъ мнѣ сердце. Нѣтъ, я не вѣрю болѣе въ дружбу, я не положусь болѣе ни на кого. Но если бы когда-нибудь представился случай пойти за нихъ въ огонь, то и бы это сдѣлалъ, и они убѣдились бы въ справедливости пословицы: „старый другъ лучше новыхъ двухъ“.

Сегодня за обѣдомъ она говорила мнѣ о нѣкомъ *Адольфѣ*; это таинственное имя сводило меня когда-то съ ума. Оказывается, что это не кто иной, какъ милый американецъ, которому приписываютъ всѣ качества, не исключая и названія героя. „Не моего романа“, само собою разумѣется. Не понимаю, что онѣ нашли въ этой рыжей головѣ и этомъ тощемъ тѣлѣ. Ему все прощается, даже его эгоизмъ и вѣчное я... которымъ начинаются всѣ его фразы. Женщины, женщины, кто васъ пойметъ!

Я составилъ на сегодняшній день хорошій или дурной проэктъ, не знаю, но по крайней мѣрѣ я надѣялся, что онъ поведетъ къ объясненію. Онъ не удался, и я ограничился однѣми мечтами. Я вижу, что лучше все предоставить времени, пользоваться только обстоятельствами, не стараясь создавать ихъ. Это будетъ вѣрнѣе.

М. Вернонь, французъ, служившій сначала своей странѣ, затѣмъ перешедшій въ австрійскую службу, а въ настоящее время состоитъ въ нашемъ гвардейскомъ уланскомъ полку, услыхавъ о приготовленіяхъ къ войнѣ, считаетъ неловкимъ идти противъ своего отечества. „Чти отца своего и мать свою, и долготѣнъ будеши на земли“. Онъ подалъ въ отставку и оставляетъ по себѣ репутацію негодяя, забіяки, хвастуна и гуляки. Его исторія съ Гудаковскимъ, адъютантомъ в. князя, не дѣлаетъ ему чести.

Сынъ Ивана Тимирязева умираетъ. Мать въ отчаяніи; это единственный плодъ ихъ брака, прелестный двухлѣтній мальчикъ. М-те Левицкая провела у нихъ почти весь вечеръ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Понедѣльникъ 10/22. Варшава.

Великій князь въ минуту гнѣва назвалъ одного польскаго генерала короной. Его превосходительство въ отчаяніи явился съ жалобой къ графу Курута; онъ считалъ себя оскорбленнымъ, даже

обезчещеннымъ. Графъ далъ ему высказаться, высморкался четыре или пять разъ и, складывая платокъ, сказалъ:—Словомъ, генераль, что же онъ вамъ сказалъ? — Онъ назвалъ меня короной. — Э, Боже мой, любезный генераль, со мной это случилось не разъ, и однако я все же остался человѣкомъ.

Мнѣ говорили, будто нашъ генераль получилъ письмо отъ моего двоюроднаго брата, *полковника Пиллера*, командующаго Кирасирскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ. Этотъ полкъ двинулся въ Подольскую губ., но къ несчастью въ немъ были случаи холеры, и заболѣло уже 10 человѣкъ. Не знаю, какъ размѣстятъ въ Подольской губ. весь этотъ полкъ по квартирамъ.

Сынъ г-жи Тимирязевой очень плохъ. М-ше Левицкая поѣхала сегодня въ 11 часовъ вечера утѣшить мать. Несчастливая женщина.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Вторникъ 11/23. Варшава.

П. Грессеръ, адъютантъ великаго князя, добрый малый, но къ несчастію болѣе образованъ, нежели умень. Съ тѣхъ поръ какъ онъ занялся чтеніемъ французскихъ книгъ, онъ имѣетъ претензію говорить на этомъ языкѣ; но это было бы ничего, если бы, не зная совершенно употребленія членовъ, онъ не старался говорить отборными выраженіями, что дѣлаетъ его бесѣду утомительною; видно, что онъ ищетъ отборныхъ словъ и, такъ какъ память иногда измѣняетъ ему, то онъ тянетъ, жуеетъ свои фразы, перемѣшивая ихъ безпрестанными *ou pour mieux dire, pour ainsi dire*. Когда въ разговорѣ съ нимъ употребимъ какой-нибудь особенный оборотъ рѣчи, онъ остановитъ васъ среди фразы и заставитъ повторить. Ради Бога, говорите по-русски. Онъ въ раздорѣ съ Мюнерео; я его очень люблю.

Ребенокъ г-жи Тимирязевой умеръ сегодня утромъ. Генераль Трембицкій, бывшій адъютантъ в. князя, назначенъ директоромъ школы подпоручиковъ польской пѣхоты; это слѣдствіе знаменитаго заговора. Прежде директоромъ этой школы былъ е. пр. графъ Курута.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ Польшѣ существуетъ обширное тайное общество, которое постоянно думаетъ о возстановленіи отчизны. Увѣряютъ, что оно имѣетъ скрытое вліяніе на правительственный совѣтъ, посылаетъ всюду эмиссаровъ, чтобы розыскивать враговъ Россіи; эмиссары эти заѣзжаютъ даже въ Персію. Подъ вліяніемъ этого общества, Прушинскій, офицеръ конной артиллеріи, былъ посланъ въ качествѣ торговаго агента въ Лондонъ. Безобразовъ говорилъ вчера одному изъ этихъ господъ, которыхъ онъ не

хотѣлъ назвать мнѣ.—Русскіе не могутъ придти съ вами въ соглашеніе; никогда ни одинъ изъ насъ не захочетъ уступить губерній, приобрѣтенныхъ Екатериной II.—Дѣло можетъ уладиться, отвѣчали ему; мы не хотимъ вашихъ губерній, пусть онѣ остаются при васъ: великую Польшу, Галицію, вотъ чего мы желаемъ, а въ замѣнъ Литвы, Волыни и т. д. мы имѣемъ Венгрію, которая протягиваетъ намъ руки. Это народъ такъ же, какъ и мы, недовольный своимъ правительствомъ, который только и желаетъ свободы и охотно сталъ бы подъ знамя Бѣлаго Орла. Что касается меня, то я думаю, что если бы Венгрія когда-нибудь стряхнула австрійское иго, то она отдалась бы подъ покровительство Россіи. Венгерцы любятъ насъ и большинство ихъ исповѣдуетъ одну религію съ нами. Однако надобно опасаться возстанія.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Пятница 14/26. День м. рожденія 22 года. Варшава.

Письма отъ мамы и отъ сестры отъ 5/17 ноября. Въ Петербургѣ менѣе говорятъ о холерѣ, нежели о войнѣ. Въ Москвѣ эпидемія уменьшается. 27 окт.: заболѣло только 98 человекъ, выздоровѣло 90, умерло 62. Вообще, съ начала болѣзни заболѣло 4.408 человекъ; изъ нихъ умерло 2.292 человекъ.—Отецъ писалъ великому князю, прося уволить меня въ отпускъ.

Да поможетъ мнѣ Господь.

Воскресенье 16/28. Варшава.

Я дежурный вмѣстѣ съ Далинскимъ. Весь день только и былъ разговоръ о нашихъ ложныхъ опасеніяхъ относительно революціи. Каждый излагалъ свой планъ побѣга, если бы пришлось оставить свои квартиры, и всѣ офицеры признали, что мнѣ угрожала наибольшая опасность, такъ какъ я жилъ очень далеко отъ казармъ.

Понедѣльникъ 17/29 ноября. Я покидаю Варшаву.

Утро я провелъ на учени, обѣдалъ въ Бельведерѣ съ Чичериными, и мы разговаривали о революціи, какъ о дѣлѣ поконченномъ, такъ какъ заговорщики были найдены и арестованы. Вернувшись домой довольно поздно, я наскоро переодѣлся и отправился къ Озеровымъ, жившимъ въ улицѣ Баклянской, близъ 1-го арсенала, намѣреваясь побѣхать оттуда вечеромъ къ Левицкимъ. У нихъ я засталъ Овандера, подпоручика Литовскаго полка, который вскорѣ ушелъ, намѣреваясь посѣтить свою возлюбленную, жившую въ улицѣ Моривзиль.

Мы съѣли играть въ пикетъ: около 8 часовъ тотъ же самый Овандеръ вбѣгаетъ совершенно растерянный крича: „Господа, русскихъ рѣжутъ, Бельведеръ взять, я бѣгу въ казармы!“ Поцѣловаться на прощанье и спуститься одинъ за другимъ съ лѣстницы—было минутнымъ дѣломъ. Сережа побѣжалъ въ казармы, я—во дворецъ, чтобы осѣдлатъ лошадь, а Ивану Озерову пришла несчастная мысль отправиться къ Левицкимъ. По дорогѣ я встрѣтилъ множество народу, даже женщинъ, бѣжавшихъ къ арсеналу; вдали раздавался глухой шумъ, но, несмотря на мой русскій султанъ, меня никто не затронулъ, и не могло быть сомнѣнiя въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня грабили арсеналь. Завернувъ въ Белянскую улицу, я встрѣтилъ сына военного министра, *Гаука*, подпоручика конной артиллерiи польской гвардiи; онъ шелъ очень скоро. Я остановилъ его, спросивъ, что все это значить. „Не знаю, проходите“, отвѣтилъ онъ довольно сухо. Не предлагая ему другого вопроса, я поспѣшилъ ко дворцу. Нѣсколько шаговъ далѣе я увидѣлъ чело-вѣка съ обнаженной саблей, за которымъ слѣдовали нѣсколько мальчишекъ и нѣсколько чело-вѣкъ въ рубищахъ; они шли съ Саксонской площади, крича *Do bronі, Polacy, do bronі, iuz czas*. Я едва успѣлъ спрятаться подъ воротами дома Думашевского. Они прошли мимо, не замѣтивъ меня, продолжая свой кровавый призывъ. Я не пишу съ цѣлю хвастовства, не хочу выставить себя героемъ; однако я не трусь, ихъ нѣтъ въ нашъ благодатный вѣкъ, но близость этихъ кровожадныхъ людей, предводимыхъ изступленнымъ фанатикомъ, произвела на меня такое впечатлѣнiе, что покуда я буду живъ, я никогда не вспомню безъ содроганья этой минуты; еще долго спустя меня будилъ ночью этотъ фанатическій крикъ, раздававшійся въ моихъ ухахъ, и даже теперь, живя совершенно спокойно въ моемъ отечествѣ и припоминая эти событiя, я не могу безъ отвращенiя написать польскаго слова *do bronі*. Какой герой не блѣднѣлъ при первой стычкѣ? Кто, проснувшись внезапно на бивакѣ отъ страшнаго возгласа: къ оружію! непріятель въ лагерь! не испыталъ жгучаго чувства ужаса, который, правда, мину-ту спустя разсѣивается разсудкомъ? А эта встрѣча была моей первой опасностью, моей первой стычкой; это было внезапнымъ пробужденiемъ отъ полной безопасности, и мои 17 лѣтъ могутъ извинить пробудившееся во мнѣ тогда чувство близкой опасности. Итакъ: покинувъ эти благодатныя ворота, я прибѣжалъ запыхавшись во дворецъ. Всѣ были объаты ужасомъ; мой конюхъ, полякъ, впрочемъ порядочный негодяй, плакалъ и упрашивалъ меня на колѣняхъ одѣть его платье, чтобы доѣхать въ полкъ. Генераль Кривцовъ и Даниловъ въ отчаянiи находились въ канцелярiи, гдѣ

человѣкъ пятьдесятъ чиновниковъ и писарей передавали другъ другу все болѣе и болѣе печальныя извѣстія. Говорили, будто великій князь убитъ; многіе русскіе офицеры перебиты на улицахъ; ген. Исаковъ и Бутурлинъ изрублены. Во дворъ внесли кучера ген. Исакова; онъ имѣлъ двѣ раны въ животъ, истекалъ кровью и кричалъ: „Бѣдный баринъ погибъ!“ Онъ испустилъ духъ у меня на рукахъ; это былъ первый убитый на моихъ глазахъ; ужасное зрѣлище заставило меня содрогнуться; оно могло случиться и со мною; я вспомнилъ объ матери. Она ожидала меня въ Петербургѣ; отецъ только-что просилъ великаго князя уволить меня для свиданія съ ними передъ моимъ отправленіемъ въ походъ, въ Бельгію. Великій князь отвѣтилъ ему наканунѣ, что это немыслимо, но я этого не зналъ и мечталъ уѣхать во вторникъ или въ среду. Ген. Кривцовъ поручилъ мнѣ разузнать, каковы были намѣренія дежурнаго офицера.

Въ караулѣ стоялъ 4-й линейный баталіонъ. Я подошелъ къ нему и прямо спросилъ, что онъ былъ намѣренъ сдѣлать, если бы на насъ напали: „Защищаться до послѣдней капли крови“, отвѣчалъ онъ.— Но ваши солдаты? „Нашъ солдатъ—машина; они будутъ дѣлать то, что я прикажу, что я самъ сдѣлаю; я удвоилъ караулы у воротъ, потрудитесь вы, какъ русскій, приказать служителямъ помочь мнѣ завалить входы“.—Я исполнилъ его просьбу; рѣшетка была завалена камнями, къ главнымъ воротамъ подкатили фургонъ, и такимъ образомъ мы были въ осадномъ положеніи. Я поднялся къ себѣ, чтобы наскоро зарядить pistols; мнѣ не хватило пыжей, я попросилъ бумаги, и мнѣ подали послѣднее письмо отъ мамы. Еще разъ вспомнилъ я о моемъ бѣдномъ семействѣ и сошелъ во дворъ. Генераль Нессельроде только-что пришелъ пѣшкомъ; онъ не зналъ, что предпринять; я предложилъ ему свою лошадь; онъ отказался; тогда, простившись съ офицерами, я вскочилъ на лошадь и, обнявъ мою прислугу, пришпорилъ коня и направился къ Саксонской площади. (Я выѣхалъ, по ошибкѣ человѣка, не въ колетѣ, а въ дежурной формѣ). Тамъ я нашелъ ген. Семянтова и Турно съ гвардіей Бѣлаго Орла и 4 или 5 егерей изъ гвардейскаго пикета; они находились въ дозорѣ. Полковникъ Турно кажется встревоженнымъ, Семянтовскій былъ печаленъ и молчаливъ; онъ пожалъ мнѣ руку въ первый и послѣдній разъ; когда же я освѣдомился у полковника о великомъ князѣ и о полкѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: Они въ Бельведерѣ. Я направился туда. Въ Мазовецкой улицѣ увидѣлъ многочисленныя группы народа, но все это большею частью любопытныя, бѣжавшіе на пожаръ, который вспыхнулъ близъ арсенала. Домовладѣльцы запирали ворота, но въ

толпѣ шныряло нѣсколько человѣкъ въ плащахъ, съ шляпой надвинутой на глаза, а изъ-подъ плащей ихъ торчали пистолеты, сабли и кинжалы. Мое первое смущеніе смѣнилось теперь чувствомъ злобы противъ этого измѣнническаго города и во мнѣ проснулась вновь вся прежняя ненависть къ полякамъ, заглошная было во время шестилѣтняго пребыванія въ ихъ средѣ.

Я желалъ встрѣтить на пути какое-нибудь препятствіе, чтобы пустить пулю въ лобъ какого-нибудь поляка. Близъ каплички младенца Иисуса мнѣ повстрѣчалась группа въ четыре или пять человѣкъ; одинъ изъ нихъ закричалъ мнѣ *Stoi* (Стой).

— Я имѣлъ глупость остановиться. *Do kont Pan iedzisz?* (Куда вы ѣдете) *Do polko gwardye kirassirow.*—(Въ гвардейскій кирассирскій полкъ). И я продолжалъ свой путь, заинтересованный тѣмъ, чего хотѣли отъ меня эти люди и что означалъ ихъ вопросъ. При вѣздѣ на Александровскую площадь, я увидѣлъ егерей конной гвардіи, занимавшихъ аванпосты; меня провели къ генералу Курнатовскому, который съ двумя эскадронами этого храбраго и вѣрнаго полка занималъ проходы въ аллеи. Возлѣ него я увидѣлъ бѣднаго Грессера, которому уже успѣли разорвать рукавъ штыкомъ. Въ этой части города все было мрачно и на военной ногѣ; нѣсколько ротъ пѣшихъ егерей, оставшихся вѣрными, занимали площадки. Великій князь верхомъ, окутанный въ плащъ, то развѣзжалъ по большой дорогѣ, то останавливался поговорить съ генераломъ Рожнецкимъ, который повидимому былъ очень непокоенъ. Я нашелъ полкъ между деревней Саутъ и главной аллеей. Второй эскадронъ стоялъ противъ Бельведерскаго двора. Мы сошли съ лошади и каждый разсказалъ въ свою очередь и объ опасностяхъ, которымъ подвергался, и тѣ новости, какія успѣлъ узнать. Извѣстія быстро смѣнялись одни другими; великій князь постоянно разсылалъ во всѣ стороны своихъ адъютантовъ, и надобно отдать имъ справедливость въ томъ, что, исполняя возложенныя на нихъ порученія, они храбро преодолевали тысячи опасностей. Грессеръ былъ изрубленъ и взятъ въ плѣнъ близъ госпиталя, Гогель — раненъ въ руку около казармъ Волинскаго полка, а прочіе спаслись какимъ-то чудомъ, такъ какъ имъ не разъ приходилось проѣзжать среди мятежниковъ. Молодой Рихтеръ не хотѣлъ даже снять своего бѣлаго султана. Такъ прошла ночь. Тутъ-то я узналъ, какимъ образомъ начался этотъ страшный мятежь. Впослѣдствіи я имѣлъ честь слышать этотъ разсказъ отъ самого великаго князя, но я помѣщаю его здѣсь.

Великій князь по своему обыкновенію легъ въ 5½ часовъ, приказавъ разбудить себя въ 7½, когда пріѣдутъ ген. Жандръ и вице-президентъ Любовицкій для вечернихъ занятій. Они были уже

во дворѣ и ожидали его пробужденія въ камердинерской, когда вниманіе ихъ было обращено шумомъ, поднявшимся во дворѣ Бельведера. Они увидѣли, что къ подъѣзду бѣжала толпа людей въ длинныхъ плащахъ, вооруженныхъ ружьями и штыками. Жандръ кинулся къ стеклянной двери на лѣстницѣ, чтобы запереть ее; тутъ онъ былъ раненъ въ первый разъ; возвратясь въ камердинерскую и спускаясь по маленькой потаенной лѣстницѣ великой княгини, онъ направился къ конюшнямъ; но, преслѣдуемый четырьмя убійцами, получилъ нѣсколько ранъ и палецъ мертвый у дверей большого сарая. Фрицъ, дежурный камердинеръ, разбудилъ великаго князя словами: Ваше Высочество! бунтъ! Великій князь тотчасъ схватился за ружье, чтобы дорого продать свою жизнь; но камердинеръ увлекъ его черезъ бібліотеку и комнату в. князя Михаила на чердакъ, откуда, въ случаѣ надобности, они могли бы спуститься по маленькой лѣстницѣ въ боковой дворъ. Между тѣмъ убійцы, разломавъ стеклянную дверь, ворвались въ камердинерскую. Любвицкій хотѣлъ защищать дверь въ кабинетъ великаго князя, но получилъ 14 ударовъ штыкомъ; три камердинера Фельдманъ, Курочкинъ и Сылуновъ имѣли ту же участь. Увѣряютъ, что мятежники проникли въ кабинетъ и, не найдя тамъ в. князя, считали себя спасенными и поспѣшили выйти. Выходя изъ подъѣзда, одинъ изъ этихъ господъ выстрѣлилъ изъ ружья; вѣроятно, это былъ условный сигналъ. Въ ту же минуту Podchoragi (пѣхотные юнкера), помѣщавшіеся въ Лазенкахъ, въ флигелѣ королевскихъ кухонъ, напали на гвардейскій эскадронъ улановъ, стоявшій въ караулѣ. Они явились въ конюшню, перебили фонари, убили нѣсколько человѣкъ и лошадей, но отбитые съ урономъ потеряли одного изъ своихъ, убитаго собственноручно дежурнымъ офицеромъ, г. Саваневскимъ. Въ это время въ казармахъ трехъ кавалерійскихъ полковъ гвардіи раздался призывъ сѣдлать лошадей. 4-й эскадронъ былъ готовъ первый и галопомъ примчался въ Бельведерь. Юнкера хотѣли остановить нашъ 1 эскадронъ, слѣдовавшій за нимъ, и начали стрѣлять по немъ изъ-за деревьевъ; но или они худо цѣлились или не имѣли достаточно пуль. Имъ удалось ранить только одного человѣка, а другого задѣли по плечу (Попова 4-го взвода). Капитанъ Лѣсниковъ, дежурный по полку, находился при эскадронѣ; онъ командовалъ во фронтъ, и все утихло. Тогда эти господа отправились по новой дорогѣ въ городъ, гдѣ присоединились къ прочимъ мятежникамъ. Пожаръ, вспыхнувшій возлѣ арсенала, привлекалъ толпы народа, а студенты и другіе гражданскіе участники заговора старались взволновать его возгласами: do bronі Polacy! москали убиваютъ поляковъ! Одинъ бата-

ліонъ четвертаго полка, не бывшій въ караулѣ, и нѣсколько гренадерскихъ ротъ ворвались въ арсеналь и, выбрасывая оружіе въ окно, предлагали народу воспользоваться имъ. Волинскій полкъ, подъ командою полковника Овандера съ 4 пушками учебной артиллеріи, бывшими въ его казармахъ, двинулся на защиту этого пункта, столь важнаго по числу заключавшагося въ немъ всевозможнаго оружія (тамъ было около 80.000 ружей). Но было уже поздно. Непріятель былъ силенъ; *Наливки* (Naliwki) и баталіонъ саперовъ выходилъ изъ казармъ въ тылу нашей колонны, которая могла такимъ образомъ очутиться между двухъ огней и поэтому была принуждена возвратиться въ казармы, а затѣмъ присоединилась на парадномъ плацу къ Литовскому полку и къ 10 гренадерскимъ ротамъ, оставшимся вѣрными. Тутъ они получили отъ великаго князя приказаніе находиться въ оборонительномъ положеніи и прибѣгнуть къ силѣ лишь въ томъ случаѣ, когда сами поляки напали бы на нихъ.

Почти весь городъ былъ въ рукахъ мятежниковъ. Биржа и банкъ были заняты возмущившимися гренадерскими ротами и свободными гренадерскими баталіонами, которыхъ удерживалъ нѣкоторое время своимъ присутвіемъ ген. Стасъ Потоцкій; но когда послѣдній былъ смертельно раненъ, то гренадеры окончательно возмутились. Они убили полковника Сасса, котораго в. князь послалъ узнать о положеніи дѣла. Фурно и Семянтовскій съ горстью солдатъ защищали Саксонскую площадь. Въ этомъ пунктѣ бунтовщики высказали желаніе войти въ переговоры. Генераль Семянтовскій выступилъ впередъ, но тотчасъ былъ пораженъ пулей и мертвый упалъ съ лошади. Подираторщики встрѣтили на пути ген. Трембицкаго и предложили ему стать во главѣ ихъ; онъ отказалъ; они протасили его съ угрозами до арсенала, гдѣ онъ наконецъ погибъ жертвою своей вѣрности. Военный министръ, ген. Гаукъ также имѣлъ несчастіе встрѣтить этихъ изверговъ; они вытащили его изъ кареты и безчеловѣчно убили противъ дворца намѣстника. Русскіе генералы: Исаковъ, Энгельманъ, ген.-лейтенантъ Рихтеръ, адъютанты Е. В.: Бутурлинь, Грессеръ 1-й были взяты въ плѣнъ; послѣдній, упавъ раненый съ лошади, терпѣлъ всевозможныя оскорбленія со стороны черни, какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти и былъ перенесенъ въ караульную арсенала, гдѣ онъ два дня лежалъ безъ перевязки. Генераль Новицкій, полякъ, ѣхалъ въ государственный совѣтъ. Группа разъяренныхъ бунтовщиковъ остановила его: „Кто ѣдетъ?“ — „Генераль Новицкій“, отвѣчалъ онъ. Толпѣ послышалось Левицкій, и онъ былъ безжалостно убитъ. Ген. Блумеръ, полякъ, также былъ убитъ близъ арсенала. Необуз-

данные солдаты и чернь, какую можно встрѣтить только въ Варшавѣ, опьяненная кровью и виномъ, предаются всевозможнымъ безчинствамъ. Вслѣдствіе разграбленія арсенала толпа вооружена саблями, ружьями и т. п. Всюду водружаютъ бѣлую кокарду, несмотря на старанія нѣсколькихъ французовъ, каковы Жиранъ или Жираръ. Нѣкто Жирардо, хирургъ, состоящій при графѣ Красинскомъ, очень желалъ, чтобы было поднято трехцвѣтное знамя. Такъ ужасно прошла ночь съ 17 на 18 число. Мы провели ее, какъ я уже сказалъ, около Бельведера.

Вторникъ, 18/30 ноября.

Въ 4 часа утра я отправился въ Бельведеръ за знаменами нашего полка. Печальное, тяжелое зрѣлище представлялъ этотъ дворецъ. Въ сѣняхъ разбитыя окна, на лѣстницѣ кровь, въ камердинерской ею былъ залитъ весь полъ и стѣны; въ комнатахъ царствовалъ полнѣйшій беспорядокъ, всюду укладывали, уносили вещи, какъ на пожарѣ, и точно такъ же, какъ во время пожара, укладывались пустяки, а нужное забывалось; поэтому случилось, что великому князю и великой княжнѣ въ дорогѣ не хватило бѣлья. Во дворѣ стояли запряженные экипажи: я замѣтилъ между ними карету прусскаго генеральнаго консула, г. Шмидта. Онъ явился, по его словамъ, за приказаніями Его Высочества, но я полагаю, что онъ скорѣе искалъ убѣжища отъ черни. Въ комнатахъ дежурнаго адъютанта (деж. былъ Трембицкій) были раненные; вице-президентъ Любовицкій и нашъ поручикъ Дерфельденъ 1, раненый въ бедро. Каждую минуту ожидали, что первый изъ нихъ скончается; рана второго считалась легкою. На другой день оба были перенесены въ госпиталь Уяздова (Ouiasdoiff); Любовицкій выздоровѣлъ черезъ три недѣли, а Дерфельденъ умеръ черезъ мѣсяць.

Въ 10 часовъ великій князь получилъ извѣстіе, что мятежники двигались черезъ Новый Свѣтъ и повидимому намѣревались напасть на насъ. Въ мигъ всѣ были на лошадяхъ; генераль Кнорингъ, полагая, какъ и всѣ, что настала часъ дѣйствовать, обратился къ солдатамъ съ маленькой рѣчью. Всѣ обнажили сабли, подтянули стремена, — но пришлось отступить. „По три направо кругомъ!“ скомандовалъ великій князь, и мы вышли изъ Варшавы послѣ 17-ти лѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ. Съ этой минуты великій князь потерялъ надежду возвратиться въ Варшаву, иначе какъ по слѣдамъ русской арміи. „Прощай, Варшава!“ Brzese протягиваетъ намъ руки. Съ этихъ же поръ онъ хотѣлъ возложить всю вину на поляковъ и избѣгать столкновенія съ ними русскихъ войскъ. Наши аванпосты, расположенные возлѣ церкви Св. Але-

※

ксандра, были заняты польскими отрядами, оставшимися вѣрными, именно нѣсколькими ротами пѣшихъ линейныхъ егерей и храбрымъ и вѣрнымъ полкомъ конныхъ егерей гвардіи. „Я хочу“, говорилъ в. к., „чтобы это была не національная, а гражданская война“. Наша пѣхота, все еще стоявшая на парадномъ плацу, получила приказаніе, также какъ пѣшая артиллерія, находившаяся въ Гура, и конная артиллерія, бывшая въ Скерневицахъ, присоединиться къ намъ въ Мокотовской равнинѣ, гдѣ мы расположились бивуакомъ. Княгиня Ловичъ и нѣсколько русскихъ дамъ, выѣхавшихъ изъ Варшавы, а также главная квартира находились въ Виржбѣ, помѣсть г. Миттона, на шоссе. Это былъ мой первый бивакъ, на которомъ я могъ предвкусить всѣ ужасы войны. Солдаты грабили окрестные дома и деревни, разносили сараи и крыши. Хорошенькая дача г-жи Ванзовичъ была разграблена въ четверть часа: словомъ, солдаты, до крайности раздраженные голодомъ и лишениями, которыя имъ приходилось переносить, предались съ такимъ неистовствомъ мародерству и грабежу, что пришлось употреблять строгія мѣры; двухъ или трехъ солдатъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, схватили, предали суду, приговорили къ смерти и повели на мѣсто казни, но тутъ они были помилованы в. княземъ. Въ то же время въ городѣ совершались не менѣе ужасныя вещи. Предводители мятежа, желая привлечь на свою сторону народъ, предоставили ему на разграбленіе русской военной комиссаріатъ, гдѣ находилось въ то время денегъ на нѣсколько милліоновъ; все было ограблено; вечеромъ и въ послѣдующіе дни сторублевыя бумажки продавались по дукату и еще менѣе. Понизилась даже цѣнность серебрянаго рубля. Въ другомъ кварталѣ грабили домъ коменданта Левицкаго; все, что негодяи не могли унести, было сломано или сожжено; бѣдная М-ме Левицкая съ ея четырьмя дочерьми и сыномъ спаслись какимъ-то чудомъ, перелѣзши черезъ стѣну. Нѣсколько лавокъ и кабаковъ были взяты со взломомъ; многія жены русскихъ офицеровъ, которыя не могли послѣдовать за своими мужьями, ограблены и оскорблены.

Богъ знаетъ, до чего дошли бы эти безчинства, и чего бы не сдѣлала эта необузданная чернь, если бы ген. Хлопицкій, взявшій командованіе войсками, не успѣлъ своею твердостью возстановить порядокъ, или, лучше сказать, не объединилъ бы беспорядокъ. Въ ночь съ 20—21 нояб. къ намъ присоединились Литовскій и Волынскій полкъ, нѣсколько вѣрныхъ ротъ польскихъ гренадеръ, русскій учебный баталіонъ, стоявшій въ Блони, пѣшая и конная артиллерія; они стояли лагеремъ возлѣ насъ всю среду и четвергъ.

Среда 19 нояб.—1 дек. Четвергъ 20 нояб.—2 дек.

Мы ожидали извѣстій изнутри Россіи. Было извѣстно, что мятежники разослали всеѣмъ полкамъ приказанія идти въ Варшаву, но великій князь повидимому надѣялся еще, что они не перейдутъ на сторону виновныхъ, и что съ ихъ помощью можно будетъ наказать бунтовщиковъ. Однако извѣстія, доходившія изъ города, были не утѣшительны; ихъ сообщали намъ плѣнные, бѣглые и адъютантъ Замоискій, который съ этой минуты измѣнилъ русскимъ и одинъ только могъ расхаживать по улицамъ. Правительственный совѣтъ, подчиненный вполнѣ вліянію кн. Любецкаго, дѣйствовалъ нерѣшительно, или подъ вліяніемъ страха или отъ желанія измѣнить намъ; въ составъ его были приняты лица, фигурировавшія всегда въ рядахъ оппозиціи и поэтому любимцы студентовъ и молодежи. Наконецъ, въ ночь на 21 число, генераль Шембекъ прибылъ въ Волю, во главѣ 1-го и 3-го бат. пѣхотныхъ егерей. Мы надѣялись, что они присоединятся къ намъ; 1-й егерскій полкъ, шефомъ котораго со времени организаціи польской арміи былъ Императоръ Николай, пользовался постоянно его особенной милостью: самъ ген. Шембекъ былъ адъютантомъ Е. В. и теперь еще состоялъ въ свитѣ. Великій князь посылалъ къ нему адъютанта за адъютантомъ, приглашая его присоединиться къ намъ. Онъ увѣрилъ Е. В. въ своей преданности и въ вѣрности своей бригады, далъ честное слово, что пришелъ съ намѣреніемъ образумить поляковъ и двинулся сопровождаемый благословеніями. Нѣсколько минутъ спустя онъ вступалъ церемоніальнымъ маршемъ въ Варшаву, и такъ какъ онъ первый изъ провинціальныхъ военачальниковъ присоединился къ мятежникамъ, то, разумѣется, былъ героемъ дня, идоломъ въ глазахъ черни.

Пятница 21 нояб.—3 дек.

Эта неожиданная измѣна разрушила все планы, все надежды великаго князя. Гренадеры, съ самаго начала высказавшіе намѣреніе не поднимать оружія противъ согражданъ, начинали теперь проявлять желаніе присоединиться къ нимъ. Роты пѣшихъ егерей также были въ нерѣшительности. Одни конные егеря выказывали слѣбую, безграничную преданность. Наше положеніе съ каждой минутой становилось болѣе критическимъ; примѣру Шембека могла послѣдовать вся армія; польскіе полки, стоявшія въ Мазовецкомъ и Краковскомъ воеводствахъ, могли напасть на насъ съ тыла, между тѣмъ какъ впереди находился весь гарнизонъ Варшавы, поддерживаемый возбужденнымъ населеніемъ, имѣвшимъ въ распоряженіи 8.000 ружей, найденныхъ въ арсеналѣ. Въ Вижбо, гдѣ нахо-

дился великій князь, прибыла депутація временнаго правительства. Я не знаю подробностей ихъ свиданія, но результатомъ его было родъ перемирія. Съ одной стороны, великій князь отослалъ въ Варшаву плѣнныхъ, заключенныхъ въ послѣдніе дни, и войска, оставшіяся вѣрными; съ другой, генераль Хлопицкій, исполнявшій роль диктатора, хотя официально и не носилъ еще этого титула, обѣщаль снабдить насъ всѣмъ необходимымъ и обезпечить намъ свободное отступленіе до русской границы. Польскія газеты прибавили впослѣдствіи, будто великій князь обѣщаль склонить Императора возвратить Польшѣ провинціи, присоединенныя къ Россіи по 3-му раздѣлу. Тогда обвиняли и до сихъ поръ обвиняють еще великаго князя въ томъ, что, заключивъ этотъ родъ трактата, онъ тѣмъ самымъ поощрилъ мятежниковъ. Послѣдній пунктъ, безъ сомнѣнія, не болѣе какъ выдумка; что же касается остальныхъ, то мы не могли предпринять ничего иного. Благопріятная минута прошла; теперь не было возможности напасть на бунтующій городъ; это шло бы лишь къ потерѣ семитысячнаго корпуса. Въ особенности было важно сохранить и обезпечить личность великаго князя.

Въ 11 часовъ утра мы начали отступленіе. Прощанье съ конными егерями были раздирающее. Насъ оставили всѣ поляки, состоявшіе при главной квартирѣ. Ген. Красинскій и Курнатовскій заливались слезами; они считали, что идутъ на смерть. При великомъ князѣ остался одинъ только ген. Рожневскій, котораго поляки слишкомъ ненавидѣли, чтобы онъ могъ надѣяться по возвращеніи въ городъ избѣжать ихъ мести; изъ адъютантовъ остались полковникъ Фурно, разыгрывавшій еще роль человѣка преданнаго, и капитанъ Трембицкій, опасавшійся раздѣлить участь брата. Ген. Мале, или Малетоки, также сопровождалъ насъ почти до Гуро; но онъ имѣлъ при этомъ въ виду найти только удобную минутку, чтобы, подобно ген. Бонтемо, попасться въ руки поляковъ; это былъ ловкій маневръ перейти на сторону непріятели. Въ рядахъ войска вѣрность правительству высказалась также расчетливо. Одинъ офицеръ 4-го линейнаго полка, стоявшій въ караулѣ на Саксонской площади, также не хотѣлъ со своими солдатами оставить насъ. Его опредѣлили въ Митавскій полкъ; во время похода онъ получилъ Владимірскій крестъ и былъ убитъ при штурмѣ Варшавы.

Мы направились къ Гурѣ, гдѣ надѣялись переправиться черезъ Вислу. Ничто не могло быть печальнѣе нашего движенія. Мы были принуждены тащить за собою цѣлую вереницу экипажей, наполненныхъ женщинами, стариками, дѣтьми, которымъ удалось спастись; одни оплакивали потерю своего имущества, другіе смерть родныхъ,

и всё, не имѣя лишней одежды, страдали отъ холода. Офицеры и солдаты, плохо одѣтые, впроголодь, также оставили въ Варшавѣ свое имущество, надежды и счастье. Всѣ вздыхали по Литвѣ, но приходилось еще прежде переправиться черезъ Вислу, а Богъ одинъ знаетъ, допустятъ ли это поляки. Все это до того омрачало картину, что нашъ походъ напоминалъ скорѣе погребальное шествіе. За войскомъ въ безпорядкѣ тянулись длинныя вереницы каретъ, колясокъ, бричекъ, дрожекъ, телѣгъ и т. д., полныхъ женщинъ и дѣтей; солдаты терпѣли недостатокъ во всемъ, и покинувъ все свое имущество въ Варшавѣ, движимые голодомъ и отчаяніемъ, неистово предались мародерству. Никогда не забыть мнѣ нашъ бивакъ на улицахъ Гуры; мы прибыли туда довольно поздно вечеромъ; улицы были уже полны народа, и войско съ трудомъ могло двигаться въ толпѣ. Гостиницы, частные дома, хижины—все наполнилось голоднымъ людомъ, который требовалъ за свои деньги поѣсть подобно тому, какъ разбойникъ требуетъ жизнь или кошелькъ. Тутъ посылаютъ за соломой и сѣномъ, тамъ ломаютъ заборъ на дрова, сто командъ съ разныхъ полковъ мечутся во всѣ стороны за разными потребями; темнота ночи не позволяетъ офицерамъ смотрѣть за солдатами. Со всѣхъ сторонъ слышны крики грабимыхъ жителей и визгъ издыхающихъ животныхъ. Наконецъ запылали костры, заварили кашу, и мародеры начали стекаться къ своимъ мѣстамъ, отягощенные разной добычей. По неосторожности, другіе говорятъ—по злоумышленію загорѣлся какой-то домъ и освѣтилъ сію ужасную картину бѣдствій войны. Для меня, не имѣвшаго понятія о войнѣ, это было хорошей дебютъ. Я почувствовалъ вполнѣ всѣ ея ужасы тѣмъ болѣе, что самъ былъ одною изъ жертвъ. Не имѣя при себѣ ни одного деншика, въ одномъ мундирѣ и полуобгорѣломъ плащѣ, я вѣроятно умеръ бы вмѣстѣ съ моей бѣдной лошадейю отъ холода и голода, если бы меня не спасли своими заботами и своею дружбою храбрые солдаты моего 4-го взвода. Во время этого отступленія они были для меня слугами, поварами, конюхами и друзьями. Они отплатили мнѣ съ лихвой мои попеченія о нихъ въ Варшавѣ. Я также много обязанъ Константину Ивановичу Килю, который мнѣ былъ отцомъ и благодѣтелемъ. Ни я, ни мои дѣти никогда не должны забывать его.

Суббота, 22 нояб.—4 дек.

Мы оставили Гуру на разсвѣтѣ, все еще въ полной увѣренности, что поляки преслѣдуютъ насъ.

На одной почтовой станціи задержали дилижансъ, ѣхавшій съ юга. Кажется, при немъ нашли около 2.000.000 флориновъ и между

прочимъ много банковыхъ облигацій; такъ какъ распространился слухъ, что нашъ корпусъ нуждался въ деньгахъ, то Е. Высочество велѣлъ забрать всю звонкую монету. Можетъ быть, это былъ только одинъ слухъ; я не подтверждаю его достовѣрности.

Неурядица все та же, но къ счастью становится темнѣе, что значительно облегчаетъ намъ движеніе. Подъ вечеръ мы прибыли къ мѣстечку Реживола; тутъ намъ не позволили даже расположиться, и мы устроили бивакъ за городомъ.

Опять повторились тѣ же сцены грабежа и разоренія. Мы рѣшительно направились на Пулавы, намѣреваясь въ этомъ пунктѣ переправиться черезъ Вислу. Неизвѣстно, дозволить ли намъ исполнить это рота конной артиллеріи, стоящая въ этомъ мѣстечкѣ.

Воскресенье, 23 нояб.—5 дек.

Сегодняшній переходъ довольно легкій. Главная квартира находится въ Цециковѣ. Нашъ полкъ стоитъ въ окрестностяхъ Кошеицы. 4-й взводъ занимаетъ несчастную деревеньку Вула Тежинска. Я первый разъ нахожусь одинъ на квартирахъ съ моими храбрыми солдатами. Это одиночество тяжело дѣйствуетъ на меня, заботы солдатъ о моемъ обѣдѣ оживляютъ меня.

Меня занимаетъ новость моего положенія. Я былъ бы почти доволенъ своею судьбой, если бы зналъ что-нибудь положительное о нашемъ возвращеніи въ Россію. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Здѣсь я узналъ въ первый разъ, что въ Польшѣ есть крестьяне, которые никогда не ѣдятъ хлѣба. Какая бѣдность!

Понедѣльникъ, 24 нояб.—6 дек.

Мы выступили рано утромъ; дорога хороша; погода очень теплая, мы шли легко и весело. Великая княгиня опередила насъ съ уланскимъ полкомъ и 4 пушками. Она была уже въ Гура Пулавска, напротивъ Пулавы, гдѣ должна была совершиться переправа. Мы подходили къ маленькому городку, гдѣ должны были переночевать, какъ вдругъ Винцингероде, одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, бывший въ аріергардѣ, прискакалъ во весь опоръ съ извѣстіемъ, что поляки атаквали насъ, ген. Пенхержевскій раненъ и взятъ въ плѣнъ, и одинъ эскадронъ разбитъ на голову. Всѣ ужаснулись при этомъ страшномъ извѣстіи. Надобно было побѣдить или умереть. Великой княгинѣ послали сказать, чтобы она вернулась. Его Высочество поскакалъ въ аріергардъ, а мы поспѣшили занять позицію передъ Гневажевымъ. Минута была ужасная, тутъ шелъ вопросъ о жизни; тутъ я увидѣлъ, какъ на войнѣ дурныя извѣстія передаются быстро, и какъ въ то же время каждый увеличиваетъ ихъ по своему усмотрѣнію.

Не прошло четверти часа, какъ уже рассказывали, какъ достоверный фактъ, что на насъ готовилась напасть цѣлая дивизія конныхъ егерей. Между тѣмъ весь этотъ переполохъ былъ не болѣе, какъ слѣдствіе паническаго страха. Ген. Пенхержевскій, отправляя свою жену въ Варшаву, замѣшкался на ночлегѣ. Въ то время, какъ онъ прощался съ супругой, прибыли два эскадрона конныхъ егерей, конвоировавшіе насъ съ самой Варшавы. Офицеры окружили его, даже солдаты этого храбраго полка казались счастливы повидать его. Между тѣмъ слугою его овладѣлъ страхъ; онъ побѣждалъ къ нашему арьергарду съ извѣстіемъ, что его баринъ взятъ въ плѣнъ, и отсюда весь переполохъ. Мы провели ночь въ городкѣ Тулвашева Граница. Это два мѣстечка, соединенныя вмѣстѣ, но они не стоятъ однако порядочнаго.

Вторникъ, 25 нояб.—7 дек.

Мы оставили мѣсто стоянки на зарѣ; погода была пасмурная, сырая; этотъ день долженъ былъ рѣшить для насъ вопросъ о существованіи, гамлетовскій—быть или не быть. Сердце у меня сильно билось, подходя къ желанной переправѣ.

Наконецъ мы достигли берега Вислы; три жалкихъ парома были къ нашимъ услугамъ; мы медленно принялись за дѣло; я горѣлъ нетерпѣніемъ; по ту сторону ожидала насъ родина и честь, здѣсь мы имѣли въ перспективѣ Кавдинское ущелье.

Въ ту минуту, когда мы были на срединѣ рѣки, солнце выглянуло изъ за-тучь, туманъ разсѣялся, и мы пристали къ правому, столь желанному берегу Вислы въ самую восхитительную погоду. Разумѣется, поляки оказали намъ большую услугу, давъ намъ спокойно переправиться черезъ Вислу; одной артиллеріи, стоявшей въ Пулавѣ, было достаточно, чтобы остановить насъ. Въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы продолжать наше тяжелое отступленіе на Краковъ, силою оружія проникнуть въ этотъ городъ, который, конечно, не принялъ бы добровольно; нарушивъ такимъ образомъ нейтралитетъ этой мнимой республики, намъ пришлось бы наконецъ просить у Австріи разрѣшенія пройти въ Россію черезъ Галицію.

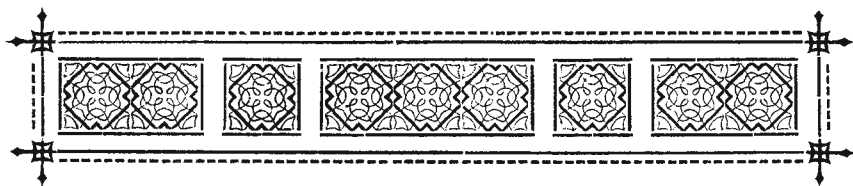
Какая прекрасная тема для французскихъ журналистовъ! Не считая еще, что въ силу договоровъ мы не могли бы пройти по австрійскимъ владѣніямъ иначе, какъ сложивъ оружіе, что не было бы особенно почетно для русской императорской гвардіи. Это благодѣяніе было однимъ изъ послѣдствій страннаго образа дѣйствій Хлопицкаго, которымъ онъ хотѣлъ или усыпить Россію или обмануть поляковъ. Словомъ, результатомъ этого была наша переправа,

между тѣмъ какъ батарея Вейсплокъ, занимавшая Пулаву, очистила его и направилась въ Варшаву, а мы, размѣстившись на хорошихъ квартирахъ въ окрестностяхъ Конскіо Вола, остановились на дневной отдыхъ. Я былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ кап. Килемъ у добраго слѣпого нѣмца, и первый разъ по прошествіи 8 дней могъ выбриться, вымыться и раздѣться. Одежда моя была въ лохмотьяхъ. Кап. Киль одолжилъ мнѣ одну изъ своихъ трехъ рубашекъ; одинъ изъ моихъ кирасиръ, по фамиліи Голынской, далъ мнѣ свои брюки, и благодаря 5 д. (?), которыми в. князь приказалъ ссудить всѣхъ офицеровъ, я могъ купить себѣ пару носокъ и сапоги.

Вел. князь провелъ этотъ день въ Гура Пулавская, онъ отправился верхомъ, въ сопровожденіи одного только адъютанта, къ старой княгинѣ Чарторыйской, матери кн. Адама и къ г-жѣ Замойской, жившимъ въ Пулавѣ.

Къ 200 лѣтней годовщинѣ сраженія при д. Лѣсной.

28 сентября текущаго года минеть 200 лѣтъ со дня достопамятнаго сраженія при дер. Лѣсной ¹⁾, въ которомъ войсками нашей молодой регулярной арміи, созданной ²⁾, обученной и воспитанной подъ личнымъ руководствомъ царя Петра I, была одержана первая рѣшительная побѣда надъ шведами. Сраженіе это было серьезнымъ испытаніемъ нашимъ войскамъ, и блестящій результатъ его, вообще чреватый своими послѣдствіями во всѣхъ отношеніяхъ, оказалъ громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій, завершившихся, спустя 11 мѣсяцевъ, полнымъ разгромомъ шведской арміи подъ Полтавою.

Предварительно изложенія въ общихъ чертахъ хода боя при д. Лѣсной, скажемъ нѣсколько словъ о военныхъ событіяхъ, непосредственно предшествовавшихъ этому бою.

28 августа 1708 года русская армія отошла за р. Наппу и расположилась у сел. Добраго, гдѣ, спустя два дня, шведамъ нанесенъ былъ порядочный уронъ, хотя съ нашей стороны въ этой стычкѣ участвовало только два гвардейскихъ полка.

¹⁾ Въ Могилевской губерніи, къ сѣв. отъ г. Пропойска.

²⁾ По указу царя Петра I, отъ 8 ноября 1699 года, объявленъ былъ наборъ со всего государства новыхъ солдатскихъ пѣхотныхъ и драгунскихъ полковъ взамѣнъ прежде бывшихъ стрѣльцовъ, и это рѣшеніе состоялось въ предвидѣніи войны со Швеціею. Сначала образовано было 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полковъ, распределенныхъ на три генеральства или дивизіи (генераловъ: Репнина, Головина и Вейде). Численный составъ пѣхотныхъ полковъ опредѣленъ былъ въ 35 офицеровъ и 1.000 нижнихъ чиновъ, но затѣмъ до 1711 года постоянно видоизмѣнялся. (Исторія 131 пѣх. Тираспольскаго полка. Сост. М. Михайловъ. 1900 г. Ч. I.),

О дѣлѣ у с. Добраго Петръ I писалъ такъ ¹⁾: „Какъ я началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ) и такого еще въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ; Боже, не отыми отъ насъ милость твою впредь“, а Екатеринѣ Петръ I писалъ: „правда, что я какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ; однако же, сей танецъ, въ очахъ горячаго Карлуса, изрядно станцовали“ ²⁾.

30 августа въ главной квартирѣ нашей арміи получено было извѣстіе, что Левенгауптъ съ 15 т. шведскихъ войскъ ³⁾, собранныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи, и съ 7 т. повозокъ съ боевыми и продовольственными запасами, идетъ на соединеніе съ Карломъ XII. На военномъ совѣтѣ рѣшено было не допускать этого „слученія“ ⁴⁾, для чего и сформированы были два отряда—одинъ, подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметева для дѣйствій противъ Карла XII, а другой—летучій—подъ личнымъ начальствомъ царя Петра I для преслѣдованія Левенгаупта, при чемъ, для ускоренія похода, пѣхота этого послѣдняго отряда посажена была на лошадей, а обозъ былъ исключительно вьючный ⁵⁾. Въ составъ ле-

¹⁾ Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Составилъ П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86.

²⁾ Потеря шведовъ была болѣе 1.000 убитыми и ранеными (по русской реляціи до 2 т. убитыми), 6 знаменъ и 4 орудія. Потери русскихъ: убито 89 и ранено 90 офиц. и 258 нижн. чиновъ. (Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Сост. П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86).

³⁾ Первоначально свѣдѣнія о составѣ этого отряда были не точны, и полагали, что онъ не превышаетъ 7 тысячъ (Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Сост. подъ ред. Леера. Т. IV, стр. 624).

⁴⁾ Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Сост. П. Диринъ. Т. I, гл. IV, стр. 86.

⁵⁾ 4 сентября отрядъ этотъ выступилъ изъ Мстиславля на Мисновичи, Перепечи и Соболево (на границѣ Смоленской области и Польши), оставивъ, по пути въ м. Григорково колесный обозъ. 15 сентября отрядъ, уже налегкѣ, т. е. съ вьючнымъ обозомъ, двинулся далѣе на югъ для преслѣдованія Левенгаупта (Энциклопедія воен. и мор. наукъ. Т. IV, стр. 624 и Исторія Л.-Гв. Семеновск. полка. Т. I, гл. IV, стр. 86).

Между прочимъ, пѣхотные наши полки состояли тогда изъ двухъ батальоновъ по 4 роты въ каждомъ и назывались (кромѣ трехъ гвардейскихъ бывшихъ пѣхотныхъ) по именамъ первыхъ своихъ командировъ, а поздѣе указомъ 10 марта 1708 г., полки названы были по областямъ, преимущественно тѣмъ, гдѣ были первоначально сформированы; вооружены были нижніе чины: ²/₃ ружьями съ багнетами, замѣнявшими тесаки и штыки и ¹/₃ пиками и шпагами. Багеты замѣнены были трехгранными штыками въ 1711 году. (Исторія 131 пѣх. Тираспольскаго полка. Сост. М. Михайловъ. Изд. 1900. Кіевъ. Стр. 2--4--11. Въ Петровское время этотъ полкъ назывался полкомъ Ивана Англера, а съ 1708 года Пермскимъ). Драгунскіе

тучаго отряда вошли слѣдующія части: Преображенскій, Семеновскій и Ингерманландскій пѣхотные полки, одинъ баталіонъ Астраханскаго ¹⁾ пѣх. полка ²⁾, 10 драгунскихъ полковъ и нѣсколько сотенъ казаковъ и калмыковъ (4.830 ч. пѣхоты и 6.975 ч. конницы, а всего 11.800 ч.) ³⁾.

Послѣ 11 дней марша, 27 сентября, Петръ I настигъ отрядъ Левентаупта, остановившійся у д. Долгіе Мхи. Стычка ограничилась канонадою, и шведы ночью, пользуясь густымъ туманомъ, потянулись черезъ лѣсъ и болото къ дер. Лѣсной, гдѣ и заняли позиціи: передовую (шестью батальонами) и главную—впереди названной деревни, тыломъ къ р. Лѣснянкѣ ⁴⁾. На разсвѣтѣ 28 сентября, войска наши, переправившись черезъ р. Гисту, двинулись для преслѣдованія шведовъ—двумя колоннами: *правою*—подъ личнымъ начальствомъ Петра I (Преображенскій и Семеновскій полки

полки назывались также сначала по именамъ своихъ командировъ и были 8-ми ротнаго состава, по 100 чел. въ каждой ротѣ; вооруженіе было простое. Поверхъ кафтана крестъ на крестъ надѣвались двѣ широкія лосиные перевязи, изъ которыхъ на одной висѣла лядунка, а на другой—ружье (дуло внизъ). На поясной португелѣ висѣлъ широкій палашъ, а при сѣдлѣ въ открытой чухкѣ—пистолеть. (Исторія 1 Лейбъ-драгунскаго Московскаго Императора Александра III полка. Сост. Шебякинъ. 1894. Тверь. Стр. 5. Въ Петровское время этотъ полкъ назывался драгунскимъ Ефима Гулица полкомъ).

¹⁾ Въ поясненіяхъ на одномъ планѣ сраженія при д. Лѣсной, изложенныхъ на французскомъ языкѣ (В. Уч. Ар. Гл. Шт.), между прочимъ сказано слѣдующее:

„Le regiment d'infanterie d'Ingrie et celui des dragons de la Nawa, ayant avancé jusqu'à la lisière du bois se trouvèrent attaqués par l'ennemi; certe circonstance déterminâ la colonne droite à se rabattre sur sa gauche pour appuyer les troupes engagées. Le regiment de Sémenovsky se mit en ligne avec celui d'Ingrie et celui de Préobragensky; prit en flanc la gauche des Suédois qui rétrogradèrent en désordre sur le gros de leurs forces, portées en avant du Village de Lésnaia“.

²⁾ Хотя нынѣшній Астраханскій гренадерскій полкъ и сформированъ въ 1790 году изъ 8 ротъ Вологодскаго (Романа Брюса) и 2 ротъ Ингерманландскаго полковъ, тѣмъ не менѣе онъ является *продолжателемъ* стараго Петровскаго Астраханскаго (Александра Гордова) полка, баталіонъ коего участвовалъ въ сраженіи при д. Лѣсной, ибо и историческое Петровское знамя сего полка, съ Высочайшаго соизволенія, хранится, какъ регалія, въ нынѣшнемъ 12 Гренадерскомъ Астраханскомъ Императора Александра III полку. (По выдержкѣ изъ краткой исторіи сего полка).

³⁾ Первоначально, въ составъ летучаго отряда Царя Петра I находился только Невскій драгунскій полкъ, а остальные драгунскіе полки, подъ командою генерала Баура, присоединились къ отряду въ день сраженія при д. Лѣсной 28 сентября. (Энцикл. воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624).

⁴⁾ Тотъ же источникъ; стр. 624.—Исторія л.-гв. Семен. полка, стр. 86—88. «Воен. Ист.» сост. полк. Россійскій и Сухомлинь, стр. 75—76.

и батальонъ Астраханскаго полка) изъ д. Лопатичи проселкомъ черезъ лѣсъ и *львою*—подъ командою полковника Кампбелля (Невскій драгунскій и Ингерманландскій пѣхотные полки) по большой дорогѣ, и около полудня настигли противника. Начался бой. Первоначально, шведы, бросившіеся на нашъ лѣвый флангъ, имѣли успѣхъ и даже взяли 4 орудія, но подоспѣвшій Семеновскій полкъ энергическою атакою поправилъ дѣло ¹⁾, и шведы вынуждены были отступить на свою главную позицію, при чемъ нами не только обратно отбиты были 4 орудія, но и захвачены два шведскихъ. Въ 3 часа бой временно прекратился. Петръ I ожидалъ драгунскіе полки Баура, спѣшившіе изъ Кричева, а шведы—свой авангардъ отъ Пропойска ²⁾. Этотъ временный отдыхъ на полѣ сраженія въ „журналѣ“ Петра I былъ слѣдующими словами описанъ: „зѣло дивно было видѣть, будто бы непріатели между собою были такъ кротки и, близко другъ отъ друга сидя,—отдыхали“ ³⁾.

Въ 5 часовъ по-полудни прибылъ Бауръ съ драгунами, а къ шведамъ ихъ 3-хъ тысячный авангардъ, и бой возобновился сначала канонадою, за которою вскорѣ началась общая атака нашихъ войскъ, завершившаяся жестокою рукопашною схваткою, продолжавшеюся почти два часа. Шведы были разбиты на голову, и путь отступленія имъ на Пропойскъ прегражденъ. Сильная вьюга съ снѣгомъ и наступившая темнота прекратили бой ⁴⁾. Шведы побросали остальные свои орудія, обозы, больныхъ и раненыхъ и, не имѣя уже возможности отступить на Пропойскъ, сожгли все остальные, оставшіяся еще при ихъ войскахъ, повозки и въ безпорядкѣ двинулись на д. Глинки, гдѣ и переправились черезъ р. Сожъ вплавь ⁵⁾. Дальнѣйшее преслѣдованіе остатковъ шведскаго отряда Левенгаупта нѣсколькими драгунскими полками подъ командою генерала Флуга началось на слѣдующій день, 29 сентября. Побѣда одержана была полная и рѣшительная, и по поводу ея Петръ I писалъ впоследствии такъ: „сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому же еще гораздо меньшимъ числомъ будучи передъ непріателемъ. И по истинѣ оная виною всехъ благоприятныхъ послѣдо-

¹⁾ Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Сост. П. Дирингъ. Т. I, гл. IV, стр. 87--88.

²⁾ Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624.

³⁾ Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Т. I, гл. IV, стр. 88.

⁴⁾ Исторія л.-гв. Семеновскаго полка, стр. 88. Энциклоп. воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624.

⁵⁾ Воен. исторія. Сост. полк. Россійскій и Сухомлинь. Изд. 1905. Часть I, гл. VIII.

ваній Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ одобреніемъ людей, такъ и временемъ, ибо, по 9 мѣсячномъ времени оное младенца счастье, произнесла“¹⁾).

На слѣдующій день 29 сентября, на полѣ сраженія, въ присутствіи Царя Петра I, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ при троекратной пальбѣ изъ пушекъ и ружей²⁾).

Наши потери въ этомъ сраженіи состояли изъ 1.111 убитыхъ и 2.856 раненыхъ, а потери шведовъ изъ 8.000 убитыми и ранеными и 876 чел. плѣнными. Трофеями нашими были 10 штандартовъ, 34 знамени, 17 орудій и весь шведскій обозъ³⁾).

По полученіи извѣщенія отъ Петра I о побѣдѣ, одержанной при д. Лѣсной, Апраксинъ отправилъ царю слѣдующее письмо⁴⁾): „Всемилоствѣннѣйшій Государь. Премилостивое Вашего Величества письмо о преславной побѣдѣ надъ непріятелемъ, писанное отъ д. Лѣснаго сентября 29 черезъ адъютанта Пашкова принялъ при Санктъ-Петербургѣ сего октября 9 дня и, воздавъ хвалу всемилоствому Богу съ молебнымъ благодареніемъ и съ пушечною стрѣльбою въ Нарвѣ обще съ господиномъ оберъ-комендантомъ Нарышкинымъ и комендантомъ Зотовымъ и другими офицеры, Вашему Величеству приносимъ поздравленіе и молимъ всемилоствого Бога, дабы и прочемъ такую жъ милостью окончатъ изволять“.

Л. Драке.

¹⁾ Исторія л.-гв. Семеновскаго полка. Т. I, гл. IV, стр. 88.

²⁾ Тамъ же, стр. 88.

³⁾ Энциклопедія воен. и морск. наукъ. Т. IV, стр. 624. Въ одномъ, напримѣръ, л.-гв. Семеновскомъ полку было убито 3 офицера и 210 ниж. чиновъ и ранено 23 офицера и 493 ниж. чина. (Исторія сего полка, стр. 89).

⁴⁾ Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Вып. V. Сѣв. война на Ингерманландскомъ и Финляндскомъ театрахъ войны. 1708—1741. Соч. А. Мышлаевскаго. Письмо № 30, на стр. 30.

Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи.

Хаскіой, 8 января 1878 г.

Начальнику Штаба Дѣйствующей Арміи.

Вслѣдствіе приказанія Вашего Высокопревосходительства, вчера, 7-го января, мною была двинута часть ввѣреннаго мнѣ отряда на Хаскіой изъ Германлы.

Авангардъ колонны подъ начальствомъ Командира Углицкаго полка полковника Панютина въ 12-ти верстахъ отъ Германлы наткнулся на турецкій отрядъ (около 6-ти таборовъ и множество вооруженныхъ жителей). Послѣ двухчасового блистательнаго боя, несмотря на то, что у полковника Панютина было всего 4 баталіона и два орудія (3 Углицкіе баталіона и 11-й Стрѣлковый бат.), турки были отброшены, и путь къ Хаскіой свободенъ.

Обозъ Филиппопольскаго населенія, повозокъ около 20 т., остался на дорогѣ.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ 46 чел. и 4 офицера.

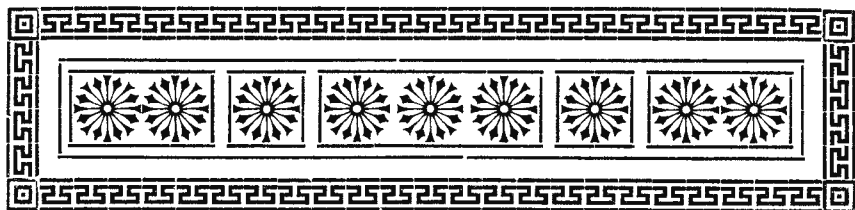
Подходя къ Хаскіой, я вступилъ въ связь со 2-й Гвард. Кавал. дивиз., которая, какъ я тутъ же узналъ, съ утра занимала этотъ городъ.

Вечеромъ 7 января я получилъ отъ г.-м. Струкова донесеніе о паникѣ, распространившейся въ Адрианоуполь. На этомъ основаніи я рѣшилъ воспользоваться положеніемъ дѣлъ и неожиданнымъ появленіемъ подъ стѣнами Адрианоуполя сильнаго отряда ускорить паденіе этой крѣпости.

Всѣ распоряженія для этого сдѣланы, и сегодня 4 баталіона занимаютъ Мустафа-Паша, куда завтра стянется большая часть отряда. Сосредоточить тамъ же весь отрядъ возможно не ранѣе 14 января.

Генераль-Лейтенантъ Скобелевъ.

Сообщилъ Д. Скалонъ.

Памяти Григорія Григорьевича Даниловича, какъ выдающагося педагога.

(Личныя воспоминанія и замѣтки бывшаго кандидата-педагога).

6 апрѣля, 1906 года, скончался въ Петербургѣ генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфантеріи *Григорій Григорьевичъ Даниловичъ*, состоявшій при особѣ Его Императорскаго Величества.

Покойный былъ извѣстенъ, какъ выдающійся педагогъ по военно-учебнымъ заведеніямъ и какъ воспитатель нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича. Жизнь этого, рѣдкаго у насъ и выдающагося дѣятеля, — есть воплощеніе силы и величія духа, которыя проявилъ онъ въ теченіе своей продолжительной жизни, достигнувъ 82 лѣтъ. Этотъ скромный по внѣшнему виду, маститый генераль, при своихъ богатыхъ талантахъ, обширномъ и глубокомъ умѣ, разностороннемъ образованіи, неутомимой дѣятельности и гуманности, представляетъ собою выдающійся типъ педагога, который онъ выработалъ самобытно, въ благословенную русскимъ народомъ эпоху Царя-Освободителя Александра II.

Покойный Г. Г. много работалъ надъ собой и своимъ самоусовершенствованіемъ духовнымъ, неуклонно достигая высшаго идеала человѣка и педагога. Въ этомъ отношеніи жизнь почившаго теперь Г. Г. представляетъ собою не только историческій интересъ, но и тотъ высоко поучительный примѣръ для всѣхъ насъ, кто трудится для общаго блага и пользы другихъ. Какъ увидимъ далѣе, покойный Г. Г. жилъ и работалъ всецѣло для другихъ, для ближняго.

Въ этомъ, по нашему искреннему и глубокому убѣжденію, заключается поучительный и психологическій интересъ бога-

той силою духа жизни Г. Г., какъ человѣка и педагога. Работая духовно и нравственно надъ собой, Г. Г. неустанно работалъ собственно для другихъ. Этой силой и величіемъ своего самоувершенствованія духовного онъ неотразимо дѣйствовалъ и на другихъ. Трудно постигнуть личную психологію человѣка, особенно такого сосредоточеннаго въ себѣ, человѣка, каковымъ былъ Г. Г.; но у такихъ людей мы видимъ дѣла, видимъ работу ихъ, постигаемъ мысли и слова—для другихъ. Здѣсь мы не претендуемъ на полную характеристику Г. Г.—это дѣло будущаго и историковъ.

Пишущему эти строки пришлось быть, такъ сказать, питомцемъ Г. Г. и его ученикомъ, когда онъ руководилъ педагогическими курсами, бывшими при 2-й с.-петербургской военной гимназій, что нынѣ 2-й кадетскій корпусъ, гдѣ Г. Г. былъ тогда директоромъ. Затѣмъ, мнѣ пришлось быть преподавателемъ этого корпуса, хотя и одинъ годъ. На основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, а также и другихъ данныхъ, я и рѣшаюсь предлагаемыя строки посвятить дорогой памяти своего учителя, незабвеннаго Г. Г. Прежде всего прошу снисхожденія у читателя за тѣ личныя и другія отступленія, которыя было нелегко мнѣ обойти, такъ какъ эти детали, такъ или иначе, хотя и косвенно, характеризуютъ личность Г. Г. Вѣроятно, найдутся бывшіе кандидаты—педагоги временъ Г. Г., которыхъ впрочемъ уже осталось, кажется, въ живыхъ немного, которые болѣе подробно и обстоятельно выполнять эту задачу, что, по моему крайнему разумѣнію, будетъ не только интересно, но и важно съ историко-педагогической точки зрѣнія, для будущаго нашей средней школы и вообще ея исторіи; особенно же это необходимо теперь, когда въ важномъ вопросѣ: основательной подготовки учителей нашей средней школы, требующей ея обновленія, возникла живая и насущная потребность.

I.

Образованіе Г. Г. и его служба вообще.

Григорій Григорьевичъ Даниловичъ родился въ 1825 г. Отецъ его былъ офицеръ, тяжело раненый въ Отечественную войну. Начальное образованіе онъ получилъ въ Александровскомъ корпусѣ для малолѣтнихъ въ Царскомъ Селѣ; потомъ покойный Г. Г. учился въ I и Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, а также и въ Дворянскомъ полку. Службу онъ началъ въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку, съ прикомандированіемъ къ офицерскимъ классамъ артиллерійскаго училища (нынѣ Михайловская артиллерійская академія). Получивъ

академическое образованіе, Г. Г. былъ назначенъ преподавателемъ артиллеріи въ Дворянскій полкъ. Вся послѣдующая служба покойнаго была посвящена педагогической дѣятельности. Во 2-й военной гимназіи онъ былъ сначала инспекторомъ, а потомъ и директоромъ. Въ 1863 г. было рѣшено приступить къ преобразованію прежнихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи. Подъ вліяніемъ прогрессивныхъ идей того времени, устройствомъ военныхъ гимназій, на новыхъ педагогическихъ началахъ, имѣли въ виду воспитать человѣка вообще.

Тогда кадетскіе корпуса прежняго времени стали организовать въ военныя гимназіи, съ общеобразовательнымъ въ нихъ курсомъ; старшіе классы прежнихъ кадетскихъ корпусовъ были выдѣлены въ особыя военныя училища, откуда уже выходили офицеры, которые прежде были изъ кадетскихъ корпусовъ. Эта высокая преобразовательная работа всецѣло почти, или въ значительной ея степени, выпала на долю покойнаго Г. Г. Здѣсь-то и проявился широкой его умъ и энергія.

Въ 1865 г., при 2-й военной гимназіи учреждены были педагогическіе курсы, для приготовленія учителей вновь преобразуемыхъ тогда военныхъ гимназій. Предсѣдателемъ и главнымъ ихъ организаторомъ былъ назначенъ покойный Г. Г. Даниловичъ.

Въ 1877 г. покойный былъ избранъ Императоромъ Александромъ III воспитателемъ великихъ князей: Николая Александровича (нынѣ царствующаго Государя Императора) и Георгія Александровича. Впослѣдствіи Г. Г. руководилъ обученіемъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Михаила Александровича, Ксеніи Александровны, Ольги Александровны и др. малолѣтнихъ особъ императорской фамилии. Съ 1895 Г. Г. состоялъ при особѣ Его Императорскаго Величества. Послѣднія 10 лѣтъ Г. Г. жаловался на слабость зрѣнія. Но это не мѣшало ему заниматься кабинетнымъ трудомъ и вести свои записки и воспоминанія, имѣющія большой интересъ по близкимъ личнымъ сношеніямъ съ Высочайшими особами. Какъ уже сказано, Г. Г. умеръ на 82 г. своей жизни. Послѣ тяжелой болѣзни онъ, по словамъ окружавшихъ его, скончался тихо, какъ истинный христіанинъ, въ свѣтлую недѣлю Пасхи. Масса лицъ, присутствовавшихъ на панихидахъ по Г. Г., а также на его проводахъ и выносѣ тѣла, наглядно свидѣтельствовала о томъ глубокомъ чувствѣ уваженія, которымъ они были проникнуты.

II.

Мое первое знакомство съ Г. Г. и поступленіе на педагогическіе курсы, бывшіе при 2-й с.-петербургской военной гимназій

37 лѣтъ тому назадъ, въ маѣ 1871 г., мнѣ первый разъ пришлось увидѣть Г. Г., когда онъ уже былъ директоромъ 2-й военной гимназій и предсѣдателемъ педагогическихъ курсовъ при ней. Объ этой послѣдней дѣятельности Г. Г. я и буду болѣе подробно говорить въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ.

Въ маѣ 1871 г. мы, студенты сиб. духовной академіи, сдали послѣдніе экзамены, и я отправился къ Г. Г. Принявши меня со свойственной ему деликатностью, онъ сталъ меня разспрашивать подробно о дѣлѣ; онъ зналъ, что изъ духовнаго званія выходъ тогда былъ вообще труденъ, тѣмъ болѣе въ то время, когда оберъ-прокуроромъ въ Св. Синодѣ былъ извѣстный министръ, графъ Д. А. Толстой, который къ выходу изъ духовнаго званія относился строго вообще. Когда я подробно выяснилъ Г. Г. о возможномъ, хотя и трудномъ, своемъ выходѣ изъ духовнаго званія, то онъ, выслушавъ меня внимательно и сильно въ меня всматриваясь, сказалъ: „да, у васъ есть шансы поступить на курсы“. Затѣмъ онъ еще сказалъ мнѣ, чтобы я представилъ ему особую, по его выраженію, *интимную рекомендацію* отъ кого-либо изъ профессоровъ академіи, въ дополненіе къ своему аттестату объ окончаніи курса.

Эта первая встрѣча и знакомство съ Г. Г., о которомъ я слышалъ многое и прежде, произвели на меня отрадное впечатлѣніе, но вмѣстѣ и имѣли для меня какое-то особенное, такъ сказать, психологическое значеніе. Когда я пришелъ въ первый разъ къ Г. Г., то у него уже было довольно лицъ, желавшихъ его видѣть; его еще не было дома; онъ былъ на экзаменѣ, у себя, въ заведеніи. Вотъ приходитъ Г. Г., видимо утомленный. Вызываютъ по очереди и меня. Г. Г. произвелъ на меня впечатлѣніе серьезнаго, но симпатичнаго начальника. Его мягкій, нѣсколько пѣвучій голосъ, деликатное отношеніе и пріемъ какъ-то сразу придали мнѣ бодрость и увѣренность въ своемъ настроеніи. Несмотря на его виѣшнюю серьезность и даже видимое утомленіе, онъ съ большимъ вниманіемъ выслушивалъ мои отвѣты на предлагаемые имъ вопросы. Эта первая бесѣда моя съ Г. Г. продолжалась замѣтно не малое время. Онъ принималъ отдѣльно каждаго у себя въ кабинетѣ; другіе ждали своей очереди.

Обдумывая затѣмъ эту первую встрѣчу съ Г. Г., я понялъ, что онъ умѣлой и деликатной постановкой вопросовъ произвелъ

надо мной нѣчто въ родѣ пріемнаго экзамена. Но все это онъ умѣлъ сдѣлать такъ тактично, что я не чувствовалъ никакого стѣсненія, или неловкости. Наоборотъ, я говорилъ съ нимъ свободно и непринужденно: рѣдко кто могъ такъ симпатично и серьезно обращаться съ молодежью, какъ это естественно выходило у Г. Г. Такія встрѣчи какъ-то отрадно дѣйствуютъ на молодыхъ людей. Въ этомъ настроеніи нѣтъ самохвальства, а скорѣе бодрое чувство, которое возбуждаетъ васъ къ свѣтлому и отрадному будущему въ жизни, съ желаніемъ полезной и благотворной работы для другихъ. Эти мои свѣтлыя и отрадныя предчувствія тогда, потомъ оправдались въ жизни, хотя и съ нѣкоторыми препятствіями, какъ это будетъ видно далѣе.

Взявши свою записную книжку, съ которой онъ никогда не разставался, и записавъ мой адресъ, онъ сказалъ, чтобы я подалъ прошеніе и представилъ свои документы. Когда я возвратился въ академію, то помню, что меня нѣсколько затруднялъ вопросъ *объ интимной рекомендаціи*, о которой мнѣ говорилъ Г. Г. Не долго, впрочемъ, думая, я отправился къ своему ректору І. Л. Янышеву. Выслушавъ меня и повидимому удивившись такой просьбѣ о моемъ выходѣ изъ духовнаго званія, оставаться въ которомъ онъ насъ все-таки не принуждалъ, І. Л. мнѣ далъ особое письмо къ Г. Г., которое я и представилъ ему. Въ сентябрѣ 1871 г. я уже переѣхалъ въ помѣщеніе общежитія кандидатовъ-педагоговъ, которое тогда было на Петербургской сторонѣ, на Большой Спасской улицѣ, въ особомъ флигелѣ.

III.

Занятія и жизнь на курсахъ, руководимыхъ Г. Г. Мои первыя впечатлѣнія.

Какъ я уже сказалъ выше, въ предлагаемыхъ воспоминаніяхъ и замѣткахъ я буду, главнымъ образомъ, говорить о Г. Г., какъ о предсѣдателѣ и руководителѣ педагогическихъ курсовъ, бывшихъ при 2-й военной гимназіи. Насколько онъ отдавалъ свое время исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, какъ директоръ, настолько же, если не больше, Г. Г., въ своихъ благородныхъ стремленіяхъ къ педагогическому идеалу, отдавалъ все свое время и богатыя силы на основательную подготовку будущихъ учителей военныхъ гимназій, которые проходили организованные имъ курсы. Безъ преувеличенія можно сказать, что эти курсы были любимое дѣтище Г. Г., которое онъ лелѣялъ и любилъ въ глубинѣ своего

духа. Протекшая жизнь и исторія этихъ курсовъ нераздѣльно и органически была связана съ личностью Г. Г. Создавая тогда единственное учрежденіе такого характера у насъ, въ Россіи при умѣломъ выборѣ выдающихся педагоговъ, онъ явился пионеромъ того великаго дѣла, которое дало такіе богатые плоды, особенно для тогдашнихъ военныхъ гимназій.

Поступая на курсы, по предложенію Г. Г., я сначала явился къ ближайшему своему руководителю по русскому языку, къ И. Ѳ. Рашевскому, тоже теперь покойному. Ознакомившись со мной, И. Ѳ. указалъ мнѣ учебникъ по русскому языку, по которому нужно было сдать отчетъ въ конференціи. Кромѣ того, онъ читалъ намъ свой курсъ грамматики русскаго языка, вмѣстѣ съ церковно-славянскимъ. По педагогикѣ мы изучали, подъ руководствомъ Н. Х. Весселя, извѣстное и единственное тогда сочиненіе К. Ушинскаго: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Это изученіе происходило посредствомъ нашихъ очередныхъ рефератовъ, которые излагались, въ присутствіи Н. Х. Весселя. Этотъ сотрудникъ Г. Г. тоже скончался въ началѣ іюня 1906 года, на 82 году своей жизни.

Кромѣ того, мы должны были посѣщать уроки И. Ѳ. Рашевскаго, которые тогда онъ давалъ въ III и VI классахъ. О посѣщеніи этихъ уроковъ мы должны были прочитать письменный отчетъ въ конференціи.

Что касается этихъ конференцій, имѣвшихъ важное воспитательное значеніе для всѣхъ насъ, я скажу подробнѣе далѣе, теперь же отмѣчу только свои первыя впечатлѣнія. Сравнительно съ духовной академіей, изъ которой я только-что вышелъ, на педагогическихъ курсахъ мнѣ многое сначала казалось новымъ и интереснымъ. Помню, что первое посѣщеніе такой конференціи во 2-й военной гимназій произвело на меня серьезное впечатлѣніе. Передъ конференціей, сначала мы познакомились съ занятіями по педагогикѣ у Н. Х. Весселя, которыя тоже происходили въ зданіи корпуса. Затѣмъ всѣ кандидаты - педагоги и руководители собирались въ особой комнатѣ, гдѣ всегда происходили засѣданія. Вотъ входитъ Г. Г., садится на свое мѣсто предсѣдателя; затѣмъ онъ достаетъ свою записную книжку, въ которой онъ отмѣчаетъ, какія должны быть выполнены работы въ предстоящемъ засѣданіи. Прочитанъ былъ, затѣмъ, протоколъ прошлаго засѣданія, составленный кандидатомъ-педагогомъ, поочередно. Тутъ же были высказаны замѣчанія по поводу только-что прочитаннаго протокола. Потомъ сдавались очередныя работы кандидатовъ-педагоговъ. При этомъ также высказывались замѣчанія. Ходомъ засѣданія руководилъ непосредственно Г. Г. Это первое засѣданіе произвело, повторяю, на меня серъ-

езное впечатлѣніе. Г. Г., какъ предсѣдатель, велъ себя серьезно: онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ работы, придавая всему строгую отчетливость и провѣрку. Видно было, что такая общая и коллективная работа была необходима для того высокаго дѣла и его дальнѣйшаго развитія, о которомъ такъ заботился Г. Г. Побывши на этой первой конференціи, я невольно сказалъ своему коллегѣ, поступившему прежде меня: „однако, у васъ, какъ видно, строгая конференція!“ Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Это ничего, мы уже привыкли; здѣсь мы ученики, и въ то же время учителя: сдаемъ работы на конференціи, какъ ученики; въ то же время бываемъ оппонентами другимъ; тогда уже являемся равноправными членами конференціи, какъ учителя въ гимназіяхъ“.

Постоянная сдача работъ въ конференціи и ихъ коллективная провѣрка, посредствомъ преній и взаимнаго обмѣна мыслей, какъ нельзя лучше способствовали нашей будущей профессіи учителя. Зная все это, Г. Г. придавалъ ходу преній надлежащую свободу и границы. Тутъ я впервые убѣдился, что хотя кандидаты-педагоги всѣ свои работы сдавали открыто, при всѣхъ, но это, развѣ за нѣкоторые исключенія только, не имѣло того тревожнаго характера экзаменовъ, который переживаетъ каждый студентъ. Со своими товарищами мы жили вмѣстѣ, нѣкоторые руководители тоже жили съ нами въ одномъ флигелѣ; Г. Г. Даниловича тоже мы видѣли почти каждый день, такъ что мы уже сначала какъ-то примѣнялись къ своему положенію. Почти съ самаго начала поступленія на курсы, мы хотя и сдавали постоянно свои работы, или своего рода маленькіе экзамены, но это насъ не стѣсняло особенно, хотя и требованія на конференціи Г. Г. предъявлялъ, вообще, къ намъ строго и серьезно. Видно было, что строго продуманная работа на дому, у себя, затѣмъ, удачно сданная на конференціи, радовала и утѣшала нравственно Г. Г. Сдавался ли какой отчетъ по учебнику или отчетъ съ разборомъ данныхъ уроковъ кандидатомъ-педагогомъ, онъ, слѣдя внимательно за ходомъ работы, былъ всегда серьезенъ и сдержанъ; но какъ только всѣ, подъ удачнымъ направленіемъ Г. Г., начнутъ, что называется, входить въ курсъ и незамѣтно для самихъ себя интересоваться его содержаніемъ, дальнѣйшими замѣчаніями и преніями, тогда и нашъ предсѣдатель тоже начнетъ еще далѣе оживлять все это. Изъ его веселаго настроенія видно было, что удачная работа кандидата-педагога видимо радовала его душевно: это свѣтлое состояніе его духа мы между прочимъ замѣчали по тому внѣшнему проявленію, что тогда Г. Г. начинаетъ какъ-то особенно усиленно тереть рука объ руку. Это его доброе и свѣтлое настроеніе какъ-то невольно передавалось и

другимъ. При не особенно удачной работѣ, онъ становился какъ-то особенно серьезень, сдержанъ и молчаливъ. Какъ уже сказано, хотя его отношенія къ намъ въ общемъ устанавливались серьезно, но это не были отношенія какія-либо сухія, формальныя, или казенныя, какъ ихъ называютъ. Сохраняя серьезные и дѣловыя отношенія съ нами, Г. Г. какъ-то умѣлъ поставить себя такъ, что мы потомъ откровенно высказывали ему свои мысли и настроеніе. При своей искренности и довѣрчивости, молодежь какъ-то тонко и чутко понимаетъ тѣхъ своихъ наставниковъ, которые тоже искренно относятся къ ней.

Хотя вначалѣ же у насъ съ Г. Г. устанавливались отношенія серьезные, какъ я уже сказалъ, но это все создавалось естественно и органически, на здоровой почвѣ: видя серьезную работу Г. Г., его широкій умъ, какой-то особенный тактъ въ обращеніи со всѣми, мы какъ-то невольно проникались къ нему тоже особеннымъ уваженіемъ,—уваженіемъ, которымъ проникаетесь вы не какъ къ начальнику, стоящему выше васъ на іерархической лѣстницѣ, но какъ къ благородному человѣку, съ богатымъ интеллектомъ и силой нравственного величія. Такіе люди есть у насъ, хотя мы и рѣдко встрѣчаемъ ихъ въ жизни. Таковы мои первыя впечатлѣнія личнаго и субъективнаго характера, которые потомъ развивались въ жизни и далѣе.

Въ виду особенно благотворнаго вліянія покойнаго Г. Г., всѣ строгія требованія на конференціи какъ-то потомъ устранялись естественно. Г. Г. умѣлъ молодого и неопытнаго кандидата-педагога такъ поставить, что въ этой же самой конференціи онъ незамѣтно учился у другихъ; по возможности, каждый изъ насъ старался вырабатывать и исправлять себя къ лучшему. Помню, одинъ изъ товарищей сдавалъ пробные уроки въ старшихъ классахъ, въ общемъ присутствіи кандидатовъ-педагоговъ, руководителей и членовъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, тоже покойныхъ теперь: Авилова и Гаярина. Первый протоколъ, по очереди, пришлось составлять мнѣ. Помню такъ же, что разборъ этихъ уроковъ г. К. въ конференціи имѣлъ оживленный и интересный характеръ. По своей неопытности, этотъ свой первый протоколъ я составилъ особенно подробно, но неособенно удачно. На мой протоколъ посыпалась такая масса замѣчаній оппонентовъ, что я пришелъ было въ сильное смущеніе; оппоненты изъ товарищей говорили, что, напр., онъ лично совсѣмъ не то говорилъ по поводу уроковъ, что сказано въ протоколѣ и пр. Видя мое смущеніе, Г. Г. въ концѣ концовъ предложилъ мнѣ исправить неточности въ протоколѣ и тогда уже сдать его по принадлежности. Этотъ урокъ

послужил мнѣ въ пользу: слѣдующіе протоколы, помню, у меня проходили уже безъ особыхъ замѣчаній.

Первой работой, которая собственно опредѣляла наше пониманіе и вкусъ къ педагогическому дѣлу, былъ отчетъ объ урокахъ своего руководителя. Здѣсь не только передавалось содержаніе, планъ и ходъ извѣстнаго урока или цѣлага ряда ихъ, но также можно было высказывать въ этомъ отчетѣ и свое личное отношеніе къ ходу дѣла. Эта моя работа тоже вызвала извѣстныя замѣчанія, но въ общемъ признана была правильной, какъ объ этомъ тутъ же заявилъ И. О. Рашевскій. При этомъ считаю необходимымъ здѣсь отмѣтить, что когда, послѣ первыхъ своихъ работъ, а также и товарищей, сталъ я потомъ подробнѣе изучать дѣло и знакомиться съ ходомъ работъ на курсахъ вообще, то убѣдился, что всѣмъ сложнымъ дѣломъ здѣсь, съ замѣчательнымъ тактомъ и знаніемъ дѣла, собственно руководилъ нашъ предсѣдатель Г. Г. Наши руководители на курсахъ: И. О. Рашевскій, К. К. Сентъ-Илеръ, В. А. Евтушевскій, Н. Х. Вессель и др., были выдающіеся педагоги того времени, которые свой обширный запасъ опыта и знанія школьнаго дѣла дополняли еще въ заграничныхъ учебныхъ заведеніяхъ, куда они были командированы еще прежде. Все это требовало большого ума и такта, чтобы умѣло руководить такими засѣданіями, въ которыхъ иногда обнаруживалось разное направленіе, неизбѣжное во всякомъ коллективномъ учрежденіи. Г. Г. умѣлъ дѣлу этому придать надлежащій смыслъ, значеніе и пользу для общаго дѣла. Онъ уважалъ мнѣніе кандидата-члена, давалъ ему высказываться вполне и открыто; онъ съ терпѣніемъ выслушивалъ доводы оппонента. Но если послѣдній въ своемъ увлеченіи уклоняется въ сторону, то Г. Г. умѣлъ, съ присущимъ ему тактомъ, остановить или направить его на истинный и прямой путь. На этихъ конференціяхъ я также увидѣлъ, что кандидатъ-педагогъ былъ не какой-нибудь заурядный практикантъ, который, въ качествѣ безправнаго ученика, только пассивно слушалъ старшихъ себя, опытныхъ педагоговъ-руководителей. Хотя нѣкоторые и считали Г. Г., какъ предсѣдателя, не любящаго оппозиціи въ преніяхъ и вообще; но, по нашему мнѣнію, это было больше недоразумѣніе, чѣмъ самый фактъ. На конференціи кандидаты-педагоги были, дѣйствительно, какъ ученики, какъ всякій изучающій дѣло; но нужно тоже отмѣтить и то, что мы, хотя и въ положеніи кандидатовъ-педагоговъ, были въ то же время и какъ члены той же конференціи: благодаря умѣлому такту Г. Г., намъ также предоставлено было право высказывать свои замѣчанія и вести дебаты, какъ и старшимъ насъ педагогамъ.

Въ эти же первые мѣсяцы моего поступленія на педагогическіе курсы мнѣ пришлось сдать еще слѣдующія работы: я былъ оппонентомъ сочиненія по психологіи своего товарища и участвовалъ въ разборѣ уроковъ другого.

Оцѣнивая и разбирая свое положеніе въ то время, я приходилъ къ тому выводу и убѣжденію, что въ общемъ, на педагогическихъ курсахъ, бывшихъ тогда при 2-й военной гимназій, дѣло было поставлено рационально и серьезно; особенно это важно было для того времени, когда у насъ, въ Россіи, только еще начинали появляться педагогическія учрежденія: учительскія семинаріи, курсы и т. п. Г. Г. Даниловичъ своими широко и разнообразно образованнымъ умомъ, энергіей, тактомъ и любовью къ дѣлу, умѣлъ блестяще руководить курсами: всѣ мы были въ постоянной работѣ; но это не была работа по какому-либо внѣшнему воздѣйствію, а именно по живому интересу къ ней; все дѣло на курсахъ, полное разнообразія, живости и плодотворности его, невольно какъ-то тягивало и увлекало насъ все дальше и больше. Но о дальнѣйшихъ занятіяхъ на курсахъ, по мѣрѣ раскрывавшагося для меня тогда горизонта, я еще скажу далѣе; это послужить, въ то же время, характеристикѣ дѣятельности Г. Г. Теперь скажу нѣсколько словъ о тѣхъ препятствіяхъ, которыя пришлось встрѣтить мнѣ въ начавшейся для меня новой жизни.

Заинтересовавшись такъ живо курсами и начавши уже работать, я мѣсяца черезъ два какъ-то узналъ, что дѣло мое о выходѣ изъ духовнаго званія „остановилось“. Бывшій тогда оберъ-прокуроръ въ Синодѣ, графъ Д. А. Толстой, отнесся къ этому вопросу строго, тѣмъ болѣе, что до 10 кандидатовъ разныхъ духовныхъ академій тоже заявили о своемъ желаніи перейти въ другое вѣдомство. Дѣло мое становилось труднымъ; квартирой на курсахъ я пользовался, но жалованья на прожитіе не давали. Узнавши о моемъ затруднительномъ положеніи, покойный Г. Г. принялъ во мнѣ истинно отеческое попеченіе: онъ мнѣ предоставилъ занятія по русскому языку съ кандидатами-педагогами изъ французовъ, которые приготовлялись также къ преподаванію въ военныхъ гимназіяхъ. Эти занятія, въ томъ же общемъ помѣщеніи нашемъ, вполнѣ вознаграждали меня, и я, наравнѣ съ другими, получалъ потомъ тоже жалованье. Наконецъ, когда мое дѣло уладилось, то Г. Г. сказалъ: „ну и слава Богу! Теперь вы можете работать спокойно!“ Нужно было только слышать и убѣдиться въ томъ искреннемъ чувствѣ, съ которымъ такъ открыто это все сказалъ незабвенный Г. Г. Да, такія отрадныя минуты бываютъ въ жизни не особенно часто!

IV.

Научныя и теоретическія занятія на педагогическихъ курсахъ, организованныхъ Г. Г. Даниловичемъ.

Хотя занятія на педагогическихъ курсахъ въ то время имѣли разнообразный характеръ, по ихъ теоретическимъ и практическимъ началамъ и цѣлямъ, но мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что тѣ и другія, т. е. наука и практика, были удачно сопоставлены здѣсь, особенно для того времени. Что касается научныхъ занятій, то еще, напр., въ духовной академіи насъ приучали къ серьезной работѣ, полагаемъ, какъ и во всякомъ высшемъ учебномъ заведеніи; въ академіи мы писали сочиненія; посѣщая лекціи, мы записывали, по очереди, чтенія профессоровъ и пр. На педагогическихъ курсахъ изъ научныхъ предметовъ, какъ уже тоже отчасти сказано, мы серьезно изучали извѣстное, почти единственное въ то время, капитальное сочиненіе К. Ушинскаго: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Изучая это сочиненіе у себя на дому, мы домашнія свои работы потомъ излагали, также по очереди, на лекціи Н. Х. Весселя, въ видѣ отдѣльныхъ рефератовъ. Такія научно-философскія работы для насъ, окончившихъ курсъ духовной академіи, не представляли особенныхъ затрудненій, и мы уже къ такимъ занятіямъ, сравнительно съ другими, были болѣе или мѣнѣе подготовлены научно.

Исходя изъ этого сочиненія К. Ушинскаго, мы также писали свои сочиненія по педагогической психологіи; напр., мною была выбрана такая тема для домашняго сочиненія: „О сознаніи по Беннеке и Ушинскому“. Въ такомъ же родѣ были сочиненія и у другихъ товарищей. Кромѣ того, что сочиненія эти прочитывали наши руководители и нѣкоторые изъ товарищей, мы подвергались еще особому диспуту на конференціи. Излагая основательно указанное сочиненіе К. Ушинскаго, естественно требовалось и дополненіе къ нему. Въ виду этого, у кандидатовъ-педагоговъ развивался вкусъ и интересъ къ чтенію книгъ философскаго содержанія, которыя способствовали бы къ уясненію серьезнаго педагогическаго дѣла, въ его примѣненіи на практикѣ.

Что касается лично Г. Г. Даниловича, то нужно здѣсь отмѣтить, что онъ, при своемъ обширномъ умѣ, если не былъ специалистомъ-философомъ, то, во всякомъ случаѣ, нужно сказать, что онъ перечиталъ массу книгъ по философіи и педагогіи. Въ этомъ отношеніи въ то время онъ стоялъ на высотѣ своего дѣла. Все это было видно на конференціи, когда возбуждались вопросы по педагогіи

вообще. Здѣсь онъ обнаруживалъ свою богатую эрудицію, не уступающую любому профессору. Но объ этомъ еще будетъ сказано дальше, когда мы будемъ касаться общей характеристики Г. Г. По поводу же изученія книги К. Ушинскаго, отмѣтимъ еще, что это сочиненіе онъ зналъ основательно, не только какъ дилеттантъ вообще, но и какъ психологъ, каковымъ въ жизни, дѣйствительно, и былъ Гр. Гр. Даниловичъ.

Что касается изученія другихъ научныхъ предметовъ, то специальное знакомство съ ними мы тоже дополняли соответственными пособиями и средствами. По избранному, напр., мною предмету: русскому языку и словесности, кромѣ изученія разныхъ руководствъ по грамматикѣ, мы сначала должны были основательно усвоить одно какое-либо руководство. Познакомившись такъ съ однимъ учебникомъ, намъ уже далѣе легко было изучать, сравнительно, и другіе. Для насъ, специально не подготовленныхъ, изученіе грамматики составляло серьезное дѣло, особенно вначалѣ. Въ виду этого, нашъ руководитель И. Ѳ. Рашевскій читалъ намъ особый, имъ составленный и выработанный удачно, систематическій курсъ грамматики русскаго языка, сравнительно съ церковно-славянскимъ.

Загѣмъ, также посредствомъ домашняго чтенія и очередныхъ рефератовъ, мы изучали курсъ: „Исторической грамматики“ Бу-слаева, по которой сдавали особый экзамень. Словесность въ военныхъ гимназіяхъ того времени изучали, главнымъ образомъ, посредствомъ разбора образцовыхъ произведеній писателей. Все это мы изучали по курсамъ Галахова, исторіи общей литературы Шерра и др. По этимъ предметамъ также сдавали потомъ общій экзамень на конференціи.

Здѣсь позволю себѣ отмѣтить тотъ, такъ сказать, популярный методъ преподаванія и отношенія къ дѣлу И. Ѳ. Рашевскаго, который долгое время, въ теченіе своей жизни, былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Г. Г. Даниловича, какъ по 2-й военной гимназіи, такъ и во дворцѣ. Насколько вообще былъ сосредоточенъ и серьезенъ Г. Г., настолько былъ живъ и подвиженъ И. Ѳ. Последний иногда горячился въ дѣлѣ, но Г. Г. такъ умѣлъ на него подѣйствовать, что И. Ѳ. вскорѣ же успокоивался. Но въ общей серьезной работѣ оба они, какъ умные люди, сходились. И. Ѳ. Рашевскій, какъ нашъ ближайшій руководитель, обращался съ нами просто и, можно сказать, отечески. Г. Г. въ обращеніи былъ вообще серьезенъ; но И. Ѳ., какъ истый малороссъ, проявлялъ иногда такой добродушный юморъ, который оживлялъ наши серьезные занятія. Напримѣръ, пріѣзжалъ онъ къ намъ въ общежитіе большею частію въ вечерніе часы, послѣ уроковъ. И. Ѳ. потому

имѣлъ болѣе близкое отношеніе ко всѣмъ кандидатамъ-педагогамъ, что его курсъ слушали обязательно всѣ, такъ какъ этотъ предметъ былъ обязателенъ также для всѣхъ кандидатовъ-педагоговъ; окончившіе курсы по другимъ предметамъ, напр., математикѣ и др., также получали право преподаванія русскаго языка въ младшихъ классахъ военныхъ гимназій.

Г. Г. также былъ въ курсѣ этого дѣла. Когда мы на конференціи сдавали свои работы по русскому языку, то онъ тоже обнаруживалъ свои основательныя знанія и по этому предмету. Основательной постановкой вопросовъ онъ иногда удивлялъ насъ, которые специально изучали русскій языкъ.

Относительно занятій по русскому языку и литературѣ, нужно еще отмѣтить, что для дополненія своихъ свѣдѣній по этимъ предметамъ, кандидатамъ-педагогамъ, благодаря участію Г. Г., предоставлена была возможность, въ качествѣ вольнослушателей, посѣщать соотвѣтственныя лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

У.

Образованіе и эрудиція Г. Г. Даниловича. Его серьезное отношеніе къ научнымъ занятіямъ вообще.

Въ изложенномъ выше краткомъ біографическомъ очеркѣ Г. Г. было указано, какое основательное образованіе онъ получилъ для своего времени, какъ офицеръ, прослушавшій высшій академическій курсъ. Покойный Г. Г., какъ своимъ основательнымъ и всестороннимъ образованіемъ, также широтой и прогрессивнымъ направленіемъ ума своего и положительною талантливостью вообще,—былъ выдающійся человекъ своего времени. Это не былъ только кабинетный ученый, хотя онъ у себя дома, въ кабинетѣ, работалъ много и основательно. Онъ работалъ, какъ говорится, „съ перомъ въ рукѣ“, обращая и претворяя всякую теорію, всякое знаніе въ живое дѣло. Видно было, что Г. Г. много читалъ, много думалъ и старался оправдать, что возможно, на практикѣ воспитательнаго дѣла. Онъ не претендовалъ на ученаго, или какого-либо профессора; онъ зналъ, что наука необходима для жизни. Своей обширной и разнообразной эрудиціей онъ поражалъ многихъ. Не ошибемся, если скажемъ, что Г. Г. особенно любилъ читать книги философскаго и научнаго характера, имѣвшія отношеніе къ педагогикѣ, владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, а также и нѣмецкимъ, покойный Г. Г., для основательнаго знакомства съ ан-

гійской психологіей въ наше время занялся еще изученіемъ англійскаго языка. (См. „педаг. сборн.“ 1906 г. К. В. Ельницкаго). Намъ тогда было извѣстно, что онъ посѣщаль ученые и литературные кружки профессоровъ того времени, напр., извѣстнаго тогда ученаго Кавелина и др. Масса книгъ и учебниковъ по разнымъ предметамъ школьнаго обученія имъ была тоже перечитана. Все это мы видѣли и убѣдились на засѣданіяхъ, когда Г. Г. высказывалъ свои замѣчанія по извѣстному предмету. Вотъ фактъ: вновь поступившій тогда во 2-ю военную гимназію преподаватель нѣмецкаго языка г. П. между прочимъ рассказывалъ тогда намъ о своемъ первомъ визитѣ и бесѣдѣ съ Г. Г. Этотъ педагогъ, получившій образованіе въ заграничномъ университетѣ и уже практиковавшій въ русскихъ школахъ, удивился той начитанности и знакомству съ массой учебниковъ по нѣмецкому языку, которые перечиталъ въ своей жизни Г. Г. Даниловичъ.

По близкому знакомству съ жизнью покойнаго Г. Г., которая, можно сказать, была на виду у всѣхъ, кто къ нему имѣлъ отношенія, мы знали, что у себя дома онъ много читалъ, думалъ и работалъ. Его богато одаренный отъ природы умъ все шелъ прогрессивно къ дальнѣйшему совершенству. Этотъ скромный дѣятель больше жилъ у себя одинъ; книги и умная бесѣда были его лучшіе друзья и духовное наслажденіе. Умную и серьезную книжку Г. Г. не только читалъ, но какъ-то глубоко, въ то же время, умѣлъ онъ мѣтко и быстро извлечь изъ нея главное и существенное. Это было очевидно изъ его бесѣдъ съ другими. Его умъ насколько быстро схватывалъ извѣстную мысль, или идею, настолько же глубоко и основательно удерживалъ еѣ у себя въ памяти; но эта выработка знанія или новой идеи, у Г. Г. совершенствовалась и шла дальше, что уже составляло его личный психологическій процессъ, его дальнѣйшее творчество.

Напр., мы знали, что когда у насъ предполагалась научная конференція, то Г. Г. у себя, на дому, подготовлялся лично самъ къ тому, что послужить предметомъ засѣданія. Относительно изученія указаннаго выше обширнаго труда К. Ушинскаго, напр., тогда говорили, что каждый годъ, когда оканчивающіе кандидаты-педагоги сдавали экзамень по этому предмету, то Г. Г. снова перечитывалъ этихъ два тома книги Ушинскаго, повторяя и провѣряя свои знанія по ней. На конференціяхъ и вообще, дѣйствительно, мы видѣли, что на этихъ экзаменахъ, своими мѣткими вопросами и замѣчаніями, онъ основательно усвоилъ этотъ трудъ выдающагося педагога того времени, съ которымъ, какъ говорили, Г. Г. былъ тоже лично знакомъ. Уже было

сказано выше, что Г. Г. любилъ науку и знаніе, не только какъ теорію, вообще внѣ приложенія къ жизни, но и какъ дѣйствительное знаніе, необходимое для усовершенствованія и прогресса культурной жизни человѣка. Въ засѣданіяхъ и бесѣдахъ, также и въ обращеніи съ людьми, Г. Г. обнаруживалъ большую наблюдательность, мѣткую и справедливую оцѣнку свойствъ и внутреннихъ качествъ людей. Онъ былъ вообще психологъ не только по теоріи, но и по жизни. Этому психологическому таланту Г. Г., по нашему крайнему разумѣнію, нужно приписать и имъ объяснять, напри- мѣръ, тотъ удачный выборъ сотрудниковъ и сослуживцевъ, который имъ былъ сдѣланъ въ то время для преобразованія, въ 60-хъ г.г., 2-й военной гимназіи и такого блестящаго устройства педагогическихъ курсовъ при ней. Эта характерная черта личности Г. Г. Даниловича отмѣчена также въ книгѣ К. В. Ельницкаго: „Русскіе педагоги 2-й половины 19 вѣка“. (С.П.Б. 1904 г. стр. 132). Свои психологическія и житейскія наблюденія Г. Г. обнаруживалъ не только въ правильномъ опредѣленіи своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, но и въ мѣткой оцѣнкѣ и характеристикѣ учениковъ и своихъ многочисленныхъ воспитанниковъ. Когда, напр., у воспитателя выходило какое-либо недоразумѣніе съ воспитанникомъ, которое требовало быстрого и опредѣленнаго рѣшенія, то Г. Г. всегда весьма удачно находилъ исходъ изъ этого труднаго положенія, когда ему объ этомъ докладывали лично. Тогда рассказывали, напр., такой случай: одинъ мальчикъ въ нашей военной гимназіи, въ сильномъ нервномъ возбужденіи, хотѣлъ было выброситься изъ открытаго окна верхняго этажа и вообще проявлялъ другіе рѣзкіе аффекты. Когда пригласили Г. Г., то онъ, какъ бы не зная, въ чемъ дѣло, сталъ упрекать возбужденнаго ненормально мальчика за невниманіе къ своему костюму: оказывается, у виновника печальнаго приключенія оторвалась у воротника форменной курточки пуговица. Мальчикъ такъ смутился этимъ, что сталъ постепенно успокаиваться и приходитъ въ себя, что и было нужно Г. Г. Такъ мирно и благополучно кончился этотъ печальный эпизодъ къ общему удовольствію для всѣхъ. Секретъ психологическаго воздѣйствія Г. Г. сказался, въ данномъ случаѣ, въ томъ, что, имѣя въ виду успокоить крайне взволнованнаго мальчика, онъ старался отвлечь вниманіе его отъ ближайшаго предмета и направить его на другое, чтобы онъ пришелъ въ себя; словомъ, здѣсь нужно было строго-методично остановить аффектъ у больного психически субъекта. Такихъ случаевъ психологическаго воздѣйствія и тонкой наблюдательности въ жизни Г. Г. была масса, что подтверждалось его сотрудниками и всѣми, которые знали его ближе.

Здѣсь мы только подтверждаемъ ту мысль, что психологія и вообще наука для Г. Г. не была только, какъ говорится, „искусство для искусства“, или какая-либо сухая и безжизненная теорія, питающая и увлекающая только самого себя. Всякое знаніе Г. Г. старался проводить на практикѣ, въ дѣйствительной жизни. При своей разнообразной начитанности и широтѣ воззрѣній, онъ прежде всего строго и методично относился самъ къ себѣ, къ своимъ работамъ и занятіямъ не только у себя, дома, но и внѣ его. Все время каждаго дня было правильно распредѣлено у Г. Г. Видно было, что онъ у себя много работалъ и читалъ, основательно подготавливая себя къ своимъ разнообразнымъ занятіямъ, напримѣръ, въ разныхъ засѣданіяхъ, гдѣ требовался не только административный опытъ педагога, но и научныя знанія, чтобы стоять на высотѣ своего положенія и авторитета. Это мы все видѣли и наблюдали.

Здѣсь мы позволимъ себѣ еще высказать, что въ отношеніи умственной и продуктивной дѣятельности Г. Г. могутъ возникнуть такого рода вопросы: гдѣ же плоды всего этого? Гдѣ литературные труды этого педагога? На это можно отвѣтить такъ: въ средѣ нашей интеллигенціи есть не мало такихъ скромныхъ, но въ то же время выдающихся дѣятелей, которые не любятъ или не желаютъ создавать себѣ имя какой-либо знаменитости въ литературѣ, или они руководятся въ этомъ случаѣ какими-либо другими побужденіями, понятными имъ самимъ, для себя лично. Но покойный Г. Г. Даниловичъ въ этомъ отношеніи представлялъ собою нѣчто другое. Читая и наблюдая, онъ постоянно отмѣчалъ у себя необходимое въ книжкѣ, съ которой онъ не разставался почти никогда. Кромѣ такихъ книжекъ, у Г. Г. была масса тетрадей для записи всего интереснаго, что онъ продолжалъ дѣлать до своей старости и болѣзни, какъ отмѣчено было объ этомъ выше.

Если не ошибаемся, то мы такъ понимаемъ эту особенность въ личной дѣятельности Г. Г.: работая и читая у себя въ кабинетѣ, для большей основательности и отчетливости своего умственного процесса и прочности его результатовъ, онъ все необходимое отмѣчалъ себѣ на память и выходилъ на дѣло или засѣданіе со строго выработанными мыслями и ихъ опредѣленнымъ планомъ, чтобы придать общей работѣ большій интересъ, для удобной выработки, коллективнымъ путемъ, въ засѣданіи извѣстныхъ выводовъ и положеній. Нужно еще сказать: когда же было время печатать или писать Г. Г. интересные трактаты по педагогическимъ вопросамъ, если продуманное и выработанное у себя въ кабинетѣ, ему нужно было провести на практикѣ, путемъ живого слова, чѣмъ онъ и пользовался? Хотя рѣчь Г. Г. въ педагогическихъ засѣданіяхъ не

отличалась разными красивыми эффектами, но его пѣвучій, симпатичный голосъ какъ-то увлекалъ невольно другихъ: всѣ со вниманіемъ слушали его рѣчь, полную содержанія, вполне обдуманнаго и проработаннаго предварительно: у него, какъ видно было, только были намѣчены въ книжкѣ общія мысли, но подробное развитіе и выводъ онъ дѣлалъ, выходя изъ сказаннаго также и другими. Вообще, знанія, выводы и идеи у него отличались ясностью, глубиной и устойчивостью.

Повторяемъ еще, что, говоря объ умственныхъ дарованіяхъ покойнаго Г. Г. Даниловича, а также объ его широкомъ, разнообразномъ и всестороннемъ образованіи, какъ выдающагося педагога, мы отмѣчаемъ ту поучительную черту въ его жизни, что онъ, какъ говорится въ евангельской притчѣ, не зарывалъ своего таланта въ землю. Постоянно работая надъ собой, постоянно вырабатывая плодотворныя знанія для себя, обновляя, освѣжая ихъ и расширяя свой умственный горизонтъ, покойный, Г. Г. этимъ своимъ жизненнымъ прогрессомъ, какъ выдающійся дѣятель и педагогъ, въ широкомъ смыслѣ слова, былъ, можно сказать безъ преувеличенія, добрымъ, живымъ и нагляднымъ образцомъ для другихъ. Съ такими основательными данными Г. Г. былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Какъ серьезно и съ уваженіемъ онъ относился къ наукѣ и ко всякому основательному знанію, такъ же и всѣ относились съ уваженіемъ лично къ нему.

Сознательно оцѣнивая и уважая умъ Г. Г., также свободно, разумно и сознательно шли за нимъ и другіе, потому что Г. Г. умѣлъ уважать право другого, какъ и свое.

Впрочемъ, иногда въ этомъ отношеніи были и скептики, безъ которыхъ не обходится нигдѣ. Говорили, напр., что Г. Г., хотя и выслушивалъ мнѣнія оппонентовъ, не согласныя съ нимъ, но дѣлалъ все-таки по-своему, что будто бы онъ, не стѣсняясь, проводилъ свои личныя намѣренія и пр. Не беремся объ этомъ судить, такъ какъ это дѣло служебной и практической жизни, которой, при нашихъ занятіяхъ на курсахъ и нашей неопытности житейской, мы могли и не знать. Правда, что у Г. Г. иногда, въ практикѣ, проявлялась своя тактика, иногда непонятная для другихъ. Напр., разъ былъ такой случай: помню, я шелъ по корридору зданія 2-й военной гимназіи съ И. Θ. Рашевскимъ. Вдругъ, встрѣтился намъ Г. Г., который приглашаетъ его на засѣданіе въ тотъ день, въ 8 ч. вечера. И. Θ. отвѣтилъ Г. Г., что онъ никакъ не можетъ быть въ этотъ именно часъ. На это Г. Г. ему отвѣтилъ: „ну, да мы такъ и поставимъ дѣло, что въ 9 ч. вы, И. Θ., и пожелуете къ намъ“. Г. Г. сталъ отходить отъ насъ. И. Θ., сильно взволнованный, съ

позволенія сказать, плюнулъ и заворчалъ: „вотъ, вѣдь, не выслушаетъ до конца, а дѣлаетъ по-своему“.

Г. Г., зная вспыльчивость своего сотрудника, улыбаясь, пошелъ дальше. Все-таки И. Ѳ., не желая огорчить Г. Г., какъ говорятъ, хотя съ опозданіемъ, но все-таки пріѣхалъ въ засѣданіе. Я думаю, что этотъ эпизодъ представляетъ собою такое обычное въ жизни недоразумѣніе, которое всегда и вездѣ возможно при разности характера и настроенія. Во всякомъ случаѣ, здѣсь нельзя видѣть какого-либо произвола со стороны Г. Г., какъ начальника. Все равно: всѣ были уже извѣщены, и засѣданіе должно было состояться.

VI.

Практическія занятія на педагогическихъ курсахъ и проверкѣ ихъ на конференціи, подъ руководствомъ Г. Г. Польза и значеніе этихъ занятій.

Какъ уже сказано, всѣ наши работы окончательно провѣрялись на конференціи. Кромѣ указанныхъ выше работъ, мы должны были сдавать отчеты и сами вести въ классѣ съ учениками самостоятельно отдѣльные уроки, какъ учителя, но подъ руководствомъ и наблюденіемъ своего ближайшаго руководителя. Уроки эти были двоякаго рода: пробные и семестріальные. Какъ научнымъ занятіемъ, такъ и практическому преподаванію въ классѣ каждаго кандидата-педагога у насъ, на курсахъ, было придано тоже серьезное значеніе. Какъ бывшій преподаватель и завѣдующій учебной частью инспекторъ, Г. Г. тоже серьезно относился къ практической сторонѣ школьнаго обученія. Онъ, обходя корпусъ ежедневно, посѣщалъ постоянно уроки преподавателей вообще, также и кандидатовъ-педагоговъ. Г. Г. не только слушалъ уроки и внимательно слѣдилъ за ихъ выполненіемъ, но дѣлалъ у себя отмѣтки въ книжкѣ, что потомъ и высказывалъ въ конференціи, при разборѣ данныхъ уроковъ кандидатомъ-педагогомъ, въ извѣстномъ классѣ, по очереди. При основаніи педагогическихъ курсовъ, въ 60-хъ годахъ, было прежде всего обращено вниманіе на элементарное обученіе, такъ какъ оно служило необходимымъ условіемъ для правильной постановки систематическаго курса. Прежнее наше обученіе въ младшихъ классахъ средней школы было механическое: учили на память, безъ развитія разсудка ученика. На педагогическихъ курсахъ, руководимыхъ Г. Г., прежде всего старались возбудить самостоятельность ученика. Въ этомъ отношеніи 2-я военная гимназія была первымъ опытомъ здоровой постановки учебнаго дѣла на практикѣ. Въ подтвержденіе этого

можно, между прочимъ, указать статью бывшего руководителя курсовъ К. К. Сентъ-Илера, составленную имъ по протоколамъ конференціи: „Педагогическіе курсы при 2-й пет. военной гимназіи“. (Пед. сборникъ. 1871 г.). Хотя здѣсь не говорится о Г. Г. Даниловичѣ, но вліяніе его очевидно. Этимъ мы нисколько не хотимъ умалять значенія заслугъ другихъ школъ того времени. Изъ исторіи столѣтія 2-й Спб. гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, напр., мы знаемъ, что и здѣсь тоже заботились о здоровомъ и цѣлесообразномъ обученіи. (См. „Историческія записки“ къ 100-лѣтію 2-й Спб. гимназіи. 1905 г.). Здѣсь мы отмѣчаемъ только тотъ фактъ, что военное министерство того времени, во главѣ съ тогдашнимъ в. министромъ, Д. А. Милютинымъ, болѣе широко и рационально приступило къ лучшей постановкѣ педагогическаго дѣла у насъ въ Россіи. Въ ту свѣтлую эпоху нашей внутренней жизни, какъ и другіе выдающіеся дѣятели и педагоги, Г. Г. Даниловичъ былъ призванъ обновить и преобразовать старую военную школу, съ ея тяжелымъ пережиткомъ механическаго обученія.

Выполняя эту высокую миссію, Г. Г. разумно и умѣло приступилъ къ дѣлу. Для обновленія тогдашней военной школы нужно было прежде всего позаботиться о приготовленіи хорошихъ учителей, не только теоретиковъ, но и практиковъ. Организуя педагогическіе курсы, Г. Г., со свойственнымъ ему тактомъ и умѣлымъ выборомъ людей, пригласилъ упомянутыхъ выше себѣ сотрудниковъ, или руководителей курсовъ, уже извѣстныхъ тогда педагоговъ: Модзалевскаго, Весселя, Рашевскаго, Евтушевскаго, Сентъ-Илера и др. Тогда же говорили, что Г. Г. часто совѣтовался также съ К. Ушинскимъ и др. Наши руководители не только были педагоги-теоретики, но и практики. Здѣсь нужно отмѣтить, что именно въ этомъ удачномъ выборѣ нашихъ руководителей сказался талантъ и психологія Г. Г. Даниловича. Эти руководители въ большинствѣ не только были люди знающіе, но также и талантливые педагоги. Мы съ истиннымъ наслажденіемъ слушали выдающіеся, и вдохновенные иногда, уроки въ классахъ: Рашевскаго, Евтушевскаго, Запольскаго и др. Въ этихъ урокахъ замѣчалась не только ихъ вѣщная техника и отчетливая отдѣлка, но въ нихъ, въ минуты вдохновенія, былъ тотъ огонь души и чувства, который такъ неотразимо дѣйствуетъ на другихъ, особенно же юныхъ духомъ. Благодарнымъ матеріаломъ для этого особенно служили образцы словесности и умѣлые ихъ разборы съ учениками, веденные въ классѣ, напр., Рашевскимъ, Запольскимъ и др. Правда, что въ этихъ работахъ иногда проглядывало излишнее увлеченіе и даже крайности въ деталяхъ, но, въ общемъ, это производило отрадное, цѣльное и глубокое впечатлѣніе.

✽

Правда и то, что наши руководители иногда впадали въ излишній методизмъ. Но это было болѣе временное увлеченіе, чѣмъ, постоянное настроеніе. Почти всѣ наши руководители были командированы въ Германію, гдѣ школьное обученіе тогда признавалось образцовымъ. Но все-таки, какъ въ большинствѣ умные и талантливые люди, они далеки были отъ крайностей нѣмецкаго методизма. Переносъ въ русскую школу нѣмецкіе методы, они умѣли отнестись къ этому здраво и критически. Наши руководители не забывали самобытности русскихъ дѣтей, ихъ національныхъ и психологическихъ особенностей. Такъ самобытно и оригинально они вели вообще свои образцовые уроки въ классахъ. Выбирая лучшее въ методикѣ нѣмецкихъ педагоговъ, наши руководители на практикѣ шли своимъ путемъ, примѣняясь къ условіямъ и характеру русской жизни и русской школы. Учебный курсъ военныхъ гимназій тогда имѣлъ характеръ общеобразовательной школы. За выполненіемъ всего этого неуклонно слѣдилъ Г. Г. Онъ слѣдилъ не за формальнымъ исполненіемъ учебныхъ программъ, а за ихъ раціональнымъ и прогрессивнымъ направленіемъ къ лучшему, чтобы обученіе достигало возможнаго идеала.

Но эта цѣль достигается разными и сложными путями: здѣсь предполагается не только теорія, практика, но и постоянный прогрессъ въ выработкѣ опредѣленныхъ, твердыхъ и устойчивыхъ методическихъ положеній. Лучшимъ средствомъ къ этому служили практическіе уроки кандидатовъ-педагоговъ, въ особенности же ихъ коллективное обсужденіе въ конференціи. Обсужденіе практическихъ уроковъ въ младшихъ классахъ, отчасти и въ среднихъ, имѣло, большею частью, въ виду дидактическія и методическія цѣли. Что же касается старшихъ классовъ, то здѣсь предполагались не только частные приемы элементарнаго преподаванія, но и научнаго метода.

Нужно отмѣтить, что пробные уроки, по большей части, помимо своего общаго интереса, извѣстнымъ образомъ уже опредѣляли будущую судьбу и профессію кандидата-педагога. На практикѣ уроковъ иногда выходило такъ: нѣкоторые кандидаты отлично сдавали уроки въ младшихъ классахъ, гдѣ предполагалась большая трудность въ томъ, что дѣтямъ нужно было провести урокъ путемъ умѣлой катихизаціи, по правиламъ методики; въ старшихъ классахъ такіе практиканты какъ-то терялись. Нерѣдко выходило и наоборотъ: хорошо сдавшій уроки въ старшихъ классахъ терялся въ младшихъ.

Какъ наши ближайшіе руководители, такъ и Г. Г., въ этомъ отношеніи, старались выполнить недостающее и привести кандидата-

педагога къ возможной нормѣ въ дѣлѣ преподаванія. Послѣ общей конференціи и сдачи особенно важной и серьезной работы, напр., окончательныхъ уроковъ кандидата-педагога, ближайшіе по предмету руководители дѣлали еще особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Г. Г., гдѣ они, опредѣляя достоинства и недостатки урока практиканта, сообщали ему о томъ, на что ему необходимо было обратить особое вниманіе, чтобы не повторять указанныхъ промаховъ и ошибокъ. Нѣкоторые изъ кандидатовъ, не чувствуя особаго призванія къ учительству, уходили сами, оставляя курсы. Другіе же, поступивъ на службу въ военныя гимназіи, твердо и до конца своей трудовой жизни, удерживали свое положеніе. Напр., я знаю лично одного бывшаго кандидата-педагога, преподавателя одного кадетскаго корпуса, который уже слишкомъ 30 лѣтъ преподаетъ арифметику въ младшихъ классахъ. И нужно отмѣтить, что это хотя и строгій преподаватель для мальчиковъ, но они, высоко уважая его знанія и отеческій авторитетъ, работаютъ у него отчетливо и съ большимъ интересомъ къ дѣлу. Были и есть и такіе учителя изъ кандидатовъ-педагоговъ, которые предпочитали быть въ старшихъ классахъ, гдѣ они тоже были вполне на своемъ мѣстѣ и приносили пользу общему дѣлу. Многое, если не все, зависитъ отъ индивидуальныхъ качествъ педагога, его личныхъ дарованій, настроенія, характера и пр. Всякая профессія, а тѣмъ болѣе учительская, предполагаетъ прогрессъ и своего рода творчество. Съ другой стороны, кажется, что нигдѣ, кромѣ учительства, нѣтъ такихъ ближайшихъ поводовъ впасть въ состояніе ремесленника и опаснаго умственнаго застоя, какъ именно пробывши долгое время учителемъ извѣстнаго предмета, особенно въ младшихъ классахъ. Постоянное повтореніе одного и того же, особенно же постоянное примѣненіе къ складу дѣтскаго мышленія и языка, безъ чего не мыслимъ надлежащій успѣхъ обученія, поневолѣ многихъ педагоговъ дѣлаетъ отсталыми людьми отъ общаго прогресса; дѣлаетъ ихъ рутинными и какъ бы неподвижными въ умственномъ отношеніи. Въ виду этого, на педагогическихъ курсахъ, руководимыхъ Г. Г., на это важное условіе въ жизни педагога, особенно же въ провинціи, было обращено тоже должное вниманіе. Образцомъ въ этомъ былъ самъ Г. Г.

Мы видѣли, что Г. Г., постоянно работая надъ собой и читая массу книгъ, этимъ совершенствовалъ себя; онъ былъ въ постоянной работѣ, гдѣ немислимъ былъ застой и рутинна. Это стремленіе къ самоусовершенствованію Г. Г. побуждало и насъ къ тому же, а главное, его умѣлое руководство на конференціяхъ. Самыя оживленныя и выдающіяся по интересу пренія у насъ возбуждались, главнымъ образомъ, по урокамъ въ старшихъ

классахъ. При разборѣ уроковъ въ младшихъ и среднихъ классахъ, наши дебаты носили большей частью методическій характеръ. Что же касается старшихъ классовъ, то здѣсь уже возбуждался научно-методическій интересъ. Здѣсь иногда высказывались совсѣмъ противоположныя мнѣнія. Дѣло доходило иногда и до жаркихъ преній, которыми увлекались оппоненты. Г. Г. внимательно слѣдилъ за ходомъ преній, искусно и умѣло направляя ихъ, какъ истый дирижоръ. Онъ давалъ полную возможность высказаться всякому; онъ умѣлъ во время и деликатно остановить разгоряченнаго оппонента и направить его на истинный путь нормы и порядка. Этимъ умѣлымъ руководствомъ Г. Г. старался, главнымъ образомъ, поддерживать общій интересъ къ дѣлу. Онъ замѣтно давалъ намъ понимать, что извѣстное научное, или методическое, положеніе только тогда прочно, устойчиво и жизненно, когда оно выработано путемъ основательнаго процесса; строго и отчетливо продумано, продѣлано удачно на практикѣ, а также провѣрено и всесторонне рассмотрѣно другими. Эти коллективныя конференціи, руководимыя Г. Г., неволью воспитывали и обучали насъ. Зная хорошо, что всякая наша работа, которую мы готовили у себя дома, будетъ провѣрена на конференціи, мы старались выполнить ее добросовѣстно и отчетливо, на сколько могли. Но, какъ извѣстно, во всякой работѣ или, пожалуй, экзаменѣ возможны случайности; это еще болѣе заставляло насъ основательнѣе готовить себя къ сдачѣ работы на конференціи. Если гдѣ предполагались всякія случайности, то особенно при сдачѣ практическихъ уроковъ. Но зная объективное отношеніе своихъ товарищей, также солидное отношеніе къ нашимъ работамъ своихъ руководителей и особенно Г. Г., мы, въ свою очередь, уважали общее дѣло. Такимъ образомъ, благодаря благотворному вліянію Г. Г., мы на педагогическихъ курсахъ пріобрѣтали для себя ту практическую подготовку, которая необходима для каждаго учителя; словомъ, мы были гарантированы отъ тѣхъ промаховъ и неловкости положенія, которыя приходится испытывать молодымъ учителямъ, только-что сошедшимъ со школьной скамьи. Поступивши на службу, первое время мы присматривались къ окружающей насъ новой обстановкѣ и новымъ лицамъ: начальникамъ, учителямъ, воспитателямъ и особенно къ ученикамъ. Уже на педагогическихъ курсахъ мы выкли къ тому, что въ педагогич., въ ея приложеніи къ практикѣ, нужно имѣть въ виду прежде всего общее благо, общій интересъ. Обучая ученика извѣстному предмету, мы прежде всего должны были вести дѣло такъ, чтобы, исходя изъ его особенностей, развивать его интересъ къ работѣ, возбуждать его самодѣтельность и пр. Возбуждая разумно его молодыя силы къ работѣ, постепенно

расширяя его кругозоръ, мы легко уже имѣли доброе вліяніе на ученика. Благодаря гуманному вліянію педагогическихъ курсовъ, насъ приучили уважать личность ученика, любить его, не заискивая передъ нимъ и не потакая его разнымъ слабостямъ, что ведетъ къ распушенности. Педагогическіе курсы также дали намъ и то, какъ благотворно воздѣйствовать на отдѣльнаго ученика и на цѣлый классъ, что весьма важно, при массовомъ обученіи въ школахъ. Для молодого и начинающаго самостоятельно работать учителя необходимо прежде всего умѣть поставить себя съ учениками, чтобы они уважали его умъ, знанія, справедливость и гуманное отношеніе къ нимъ. Еще бывши на курсахъ, мы видѣли и наблюдали, какъ мальчики „пробуютъ“ новаго учителя. Здѣсь также мы видѣли, какъ можно пріобрѣсти ихъ уваженіе и возбудить разумную ихъ любовь къ учителю, на здоровыхъ началахъ. Поэтому-то насъ прежде всего приучали къ тому, чтобы мы сначала основательно ознакомились съ общимъ составомъ всякаго класса въ отдѣльности, порученнаго намъ. Руководители курсовъ долго и часто бесѣдовали съ нами, указывали выдающихся учениковъ по способностямъ, прилежанію, а также о тяжелыхъ и трудныхъ для воздѣйствія субъектахъ. Въ этомъ отношеніи у покойнаго Г. Г. былъ обширный педагогическій опытъ и мѣткая наблюдательность: хотя самъ лично Г. Г., какъ директоръ, не давалъ уроковъ, чего и не было вообще въ военныхъ гимназіяхъ, но, ежедневно обходя корпусъ и обращая свое вниманіе на главное и существенное въ его внутренней жизни, онъ обнаруживалъ удивительную наблюдательность, при опредѣленіи личныхъ и субъективныхъ свойствъ питомцевъ. Эта наблюдательность и практическое пониманіе жизни и натуры мальчиковъ Г. Г. не рѣдко обнаруживалъ въ педагогическихъ засѣданіяхъ, чѣмъ не мало иногда удивлялъ ближайшихъ къ нимъ воспитателей и учителей.

. Затѣмъ, еще также нужно отмѣтить, что безъ всякаго педантизма и вмѣшательства въ наши личныя дѣла, при отсутствіи всякаго формализма и мелочности, при общемъ и рациональномъ руководствѣ Г. Г. курсами, насъ приучали къ отчетливой и обдуманной работѣ съ учениками, въ классѣ. Добрымъ вліяніемъ и образцомъ самаго Г. Г. и другихъ его сотрудниковъ, мы какъ-то незамѣтно для самихъ себя вырабатывали то нравственное убѣжденіе, что съ учениками, для ихъ пользы, нужно работать не только интересно, умѣло, тактично въ педагогическомъ отношеніи, но и честно. Выходя изъ этихъ нравственныхъ побужденій и педагогическаго идеала, вообще, на курсахъ была организована вся система и строй практическихъ работъ. Какъ уже сказано, насъ

не сразу допускали самимъ давать уроки; сначала мы должны были посѣщать уроки своего руководителя, присмотрѣться къ составу и положенію своего класса, ознакомиться съ характеристикой учениковъ и пр. Кромѣ этого, нужно было составить примѣрныя программы, какъ пробныхъ, такъ и семестріальныхъ уроковъ, которые подробно провѣрялись руководителемъ. Это въ общемъ; въ частномъ, насъ пріучали детально разработать каждый урокъ, особенно первые изъ нихъ. Конечно, не трудный и несложный матеріалъ для преподаванія былъ въ младшихъ классахъ; здѣсь — не наука, а только ея элементы; главное было въ методическомъ выполненіи урока, въ его примѣненіи къ классу, вообще, и къ нѣкоторымъ ученикамъ, въ отдѣльности. Чтобы былъ успѣхъ урока и его благой результатъ, необходимо было строго и отчетливо его обдумать и продѣлать предварительно самому для себя, до деталей. При этомъ понятная для самолюбія кандидата опасность, въ виду коллективнаго разбора урока на конференціи, провалиться на пробномъ урокѣ, не мало также волновала многихъ; но все-таки благоразуміе и необходимое самообладаніе брали верхъ надъ чувствами мелкаго самолюбія. Въ большинствѣ, дѣло выходило благополучно: серьезное, разумное и спокойное отношеніе кандидата — педагога побѣждало, казалось, непреодолимое препятствіе. Эти побѣды, этотъ первый опытъ пріучалъ насъ къ добросовѣстному отношенію къ урокамъ. Потомъ, уже пробывши долгое время на службѣ, бывало такъ, что бывший кандидат-педагогъ не пойдетъ на урокъ въ классъ, не приготовившись и не обдумавъ его, какъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи мы встрѣчали такихъ изъ нихъ, можно сказать, идеальныхъ педагоговъ, которые до конца своей жизни не только трудились разумно, но и честно. Таковъ былъ для насъ добрый примѣръ Г. Г., какъ выдающагося педагога, самоотверженно преданнаго своему высокому служенію.

Выше было также отмѣчено, что у него теорія и практика были органически и естественно связаны между собою. Всякое практическое дѣло у Г. Г. было строго продумано, и онъ слѣдилъ за отчетливымъ его выполненіемъ на практикѣ. Всѣ окружающія его лица: руководители, преподаватели и кандидаты, готовясь къ сдачѣ работы въ конференціи, или приглашенные оппоненты, шли сюда съ матеріаломъ, приготовленнымъ у себя въ записной книжкѣ, или съ особеннымъ планомъ и программой на бумагѣ. Неувѣренность при сдачѣ предстоящей работы въ конференціи пріучала насъ къ предварительной работѣ относиться съ большей внимательностью къ ея деталямъ, особенно на первыхъ порахъ. Все это не исключало прогресса и творчества въ работахъ кандидата-педа-

гога, безъ котораго немислимо живое, педагогическое дѣло. Какъ наши ближайшіе руководители на педагогическихъ курсахъ, такъ и особенно Г. Г., старались только на первыхъ порахъ дать намъ надлежащее направленіе и толчокъ. Въ дальнѣйшемъ насъ не стѣсняли формальнымъ исполненіемъ программъ и учебныхъ плановъ, предоставляя детальную разработку уже дальнѣйшей нашей личной практикѣ. Здѣсь нужно еще указать такой фактъ, уже тоже отмѣченный выше, что военныя гимназіи того времени представляли собою типъ общеобразовательной средней школы. Согласно съ этимъ, таковы же были ихъ учебныя программы: въ нихъ намѣчены были только общіе идеи и принципы учебнаго курса, въ смыслѣ его содержанія и матеріала. Въ этихъ программахъ не видно было той регламентаціи, которую замѣчаемъ впоследствии, гдѣ курсы и матеріалъ расположены по §§, за исполненіе которыхъ приходится отвѣчать преподавателю, въ ущербъ всякому прогрессу дѣла. Нестѣсненная регламентаціей преподаватель могъ дальше и лучше разрабатывать свой курсъ, сообразуясь съ прогрессомъ науки. Шаблонность и рутина обученія иногда устранялись и такими неожиданными вещами; на курсахъ бывали такіе, напр., случаи: приготовляя для разбора въ классѣ съ учениками какое-либо произведеніе образцоваго писателя, кандидатъ-педагогъ приготовить вмѣстѣ и планъ урока, съ вопросами. Прочитавши произведеніе съ учениками въ классѣ, при дальнѣйшей бесѣдѣ съ ними, онъ иногда наталкивается на такіе вопросы со стороны учениковъ, которыхъ онъ не ожидалъ. Между тѣмъ мальчики обнаруживали иногда такое оригинальное и самобытное творчество своего мышленія, указывая мѣтко на такія стороны въ деталяхъ художественнаго произведенія, которыхъ никакъ нельзя игнорировать и оставлять это безъ вниманія.

Въ такихъ случаяхъ обыкновенно возражаютъ въ томъ смыслѣ, что къ чему же служатъ всѣ эти детальныя программы, когда ученики сами даютъ поводъ и матеріалъ для разбора извѣстнаго произведенія писателя? Другими словами, не убивается ли всякая самостоятельность и творчество ученика, благодаря заранѣе приготовленнымъ программамъ? На это можно отвѣтить, что это только такъ кажется. Если о чемъ, то о самостоятельности ученика насъ пріучали заботиться прежде всего, насколько было возможно. Этотъ принципъ здоровой педагогіи неуклонно проводилъ Г. Г. и наши руководители. Здѣсь не такъ важно было детальное выполненіе программы извѣстнаго урока, даже и на первыхъ порахъ, сколько его общая цѣль и общій планъ; детали же урока уже дополнялись самими учителями въ классѣ, при содѣйствіи и общей работѣ учениковъ.

Вообще нужно отмѣтить, что всѣ практическія работы, которыя мы сдавали на конференціи, при ихъ коллективной здѣсь провѣркѣ и дебатахъ, для насъ были насколько интересны и поучительны, настолько же и плодотворны для нашей будущей дѣятельности самостоятельнаго и отвѣтственного за свое дѣло учителя. Въ общемъ тоже нужно еще отмѣтить, что главное, на что тогда было обращено вниманіе,—это педагогическій тактъ и способность практиканта давать уроки въ классѣ. Здѣсь уже требовалось истинное, по возможности, идеальное призваніе къ тяжелой профессіи педагога. Г. Г. высоко цѣнилъ научныя знанія будущаго учителя военной гимназіи, но не менѣе, если не болѣе, онъ цѣнилъ и способности его и тактъ, какъ преподавателя, не говоря уже объ особенномъ талантѣ, составляющемъ счастливый удѣлъ немногихъ, живущихъ на землѣ. Нужно отдать справедливость: Г. Г. насколько умѣлъ выбирать умныхъ и талантливыхъ сотрудниковъ, настолько же умѣлъ онъ также цѣнить, направлять и поощрять молодые таланты. Невольно здѣсь припоминается то глубокое и искреннее сочувствіе, которое Г. Г. оказывалъ, напримѣръ, молодому тогда преподавателю Н. Н. Запольскому, который такъ художественно велъ съ учениками разборъ образцовъ словесности. Здѣсь Г. Г. сочувствовалъ не только технической отдѣлкѣ уроковъ Н. Н. З., но сколько, такъ сказать, поэзіи педагога вообще. Такія свѣтлыя и талантливыя натуры Г. Г. умѣлъ какъ-то особенно привлечь къ общему дѣлу.

Вообще же говоря, при раціональномъ и тактичномъ руководствѣ Г. Г. организованными имъ педагогическими курсами, какъ научная, такъ и ихъ практическая сторона—были уравновѣшены, насколько это было возможно въ то время. Раціональное начало въ организаціи курсовъ, благодаря вліянію Г. Г. именно и сказывалось въ томъ, что здѣсь не вдавались въ утопическіе и широкіе проекты и планы. Если прослѣдить общія положенія о курсахъ въ ихъ первоначальной постановкѣ на практикѣ, то нельзя не видѣть сравнительной умѣренности въ требованіяхъ. При основаніи курсовъ при 2-й военной гимназіи, еще въ началѣ 60 гг., существовалъ только проектъ приготовленія учителей, собственно для младшихъ классовъ военныхъ гимназій. Слѣдовательно, въ научномъ отношеніи здѣсь предполагались скромныя требованія, такъ какъ главнымъ образомъ имѣли въ виду приготовить элементарныхъ учителей. Но эти требованія потомъ были расширены съ научной стороны. Расширяя постепенно научныя требованія, на педагогическихъ курсахъ все-таки придавали большое значеніе практическимъ урокамъ въ младшихъ классахъ, постепенно восходя далѣе,

по мѣрѣ развитія школьнаго дѣла въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, къ рациональной постановкѣ методическаго обученія въ среднихъ и высшихъ классахъ. Въ 80 гг. были закрыты педагогическіе курсы при 2-й военной гимназіи. Г. Г. тогда уже былъ приглашенъ во дворецъ. Но, какъ видимъ теперь, педагогическіе курсы опять возобновляются: въ настоящее время опять готовятъ молодыхъ педагоговъ къ спеціальной профессіи воспитателей и преподавателей кадетскихъ корпусовъ. Слѣдовательно, опять обновляется военная школа, для чего такъ самоотверженно и съ такимъ выдающимся талантомъ педагога поработалъ покойный теперь Г. Г. Даниловичъ.

VII.

Мои практическіе уроки на педагогическихъ курсахъ. Участіе Г. Г. при окончаніи курсовъ въ устройствѣ нашего положенія въ жизни. Ею гуманность и самоотверженіе въ дѣятельности для друзей.

Нашъ ближайшій руководитель по русскому языку И. О. Рашевскій въ наше время, въ 1871—2 учебномъ году, преподавалъ въ III, V и VI классахъ 2-й военной гимназіи. Поэтому мы должны были посѣщать его уроки и потомъ сами практиковаться въ тѣхъ же классахъ. Въ III классѣ я сдавалъ уроки двухъ родовъ: пробные и семестріальные; въ старшемъ классѣ только первые. Всѣмъ видамъ практическихъ уроковъ у насъ придавали свое значеніе, дѣлали свою опредѣленную оцѣнку, коллективное ихъ обсужденіе и разборъ на конференціяхъ, подъ предсѣдательствомъ Г. Г. Съ отраднымъ чувствомъ протекшей безвозвратно молодости вспоминаю я объ этихъ урокахъ, когда мы, молодые тогда люди, испытывали столько сладкихъ волненій, надеждъ, а иногда, при неудачахъ, не мало также и тяжелаго. Сдать удачно уроки—это считалось для насъ великими и дорогими минутами душевнаго счастья. Мы знали, что по послѣднимъ практическимъ урокамъ опредѣлялась окончательно наша будущая судьба и назначеніе. Мы знали также, что тѣ неизбѣжные промахи, ошибки и пр., которые мы допускали въ семестріальныхъ урокахъ, намъ прощались и забывались, такъ какъ для исправленія своихъ невольныхъ ошибокъ у насъ еще было время. Что же касается пробныхъ уроковъ, особенно въ старшихъ классахъ, которые мы сдавали почти при окончаніи двухлѣтняго пребыванія на педагогическихъ курсахъ, то это было дѣло особаго рода. Какъ уже отмѣчено, имъ придавали особенно важное зна-

ченіе, ими интересовались всѣ, начиная съ Г. Г. и кончая всѣми нами. Объ этихъ урокахъ предварительно оповѣщали членовъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ чаще у насъ бывали на урокахъ и на конференціяхъ, тоже покойные теперь, генералы: Авиловъ и Гаяринъ. Перваго, за его серьезное, до строгости отношеніе мы, откровенно говоря, тогда и побаивались-таки. Наружность и взглядъ покойнаго Авилова какъ-то дѣйствовали особенно на другихъ. Но въ этомъ случаѣ насъ всегда выручалъ Г. Г. Своимъ деликатнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, онъ какъ-то умѣлъ сгладить все и придать дѣлу нормальный ходъ; словомъ, онъ, какъ выдающійся педагогъ, былъ на стражѣ своего дѣла.

При строгомъ разборѣ нашихъ уроковъ посторонними членами, онъ всегда умѣло, со свойственнымъ ему тактомъ, поддерживалъ интересы и права нашихъ товарищей. Относительно своихъ пробныхъ уроковъ въ VI классѣ, позволю себѣ рассказать нѣсколько подробнѣе. Составляя свой первый неудачный протоколъ, при началѣ поступленія на педагогическіе курсы, я живо заинтересовался пробными уроками своего коллеги г. К., который разбиралъ съ учениками рассказъ Тургенева: „Бѣжинъ Лугъ“. Я въ свою очередь взялъ для разборки того же писателя рассказъ: „Пѣвцы“. Готоваго разбора этого произведенія я тогда найти не могъ. Но зная хорошій по составу классъ, за которымъ мы наблюдали другой годъ, я попросилъ учениковъ внимательнѣе прочитать выбранный мною рассказъ внѣ урока. Намѣтилъ я примѣрные вопросы и программу для разбора этого образца, совмѣстно съ учениками. Сколько помню, разборъ происходилъ при многочисленномъ собраніи посѣтителей, съ Г. Г. во главѣ. Своимъ оживленнымъ интересомъ и толковымъ отношеніемъ ученики блестяще оправдали себя. Моя роль сводилась къ тому, чтобы они не уклонялись и сами, на основаніи усвоеннаго содержанія произведенія, отмѣтили характерныя его стороны, выяснили для себя идею произведенія и пр. Разборъ моихъ уроковъ въ конференціи вышелъ совсѣмъ неожиданнымъ для меня, по своему содержанію и дебатамъ. Большинство товарищей отнеслись къ моимъ урокамъ, строго-критически, хотя замѣчанія ихъ имѣли болѣе частный характеръ. Въ концѣ концовъ я уже началъ падать духомъ отъ этой беспощадной критики, которую нѣсколько смягчалъ И. Э. Рашевскій. Но больше всего я боялся замѣчаній строгаго генерала Авилова. Въ заключеніе продолжительныхъ дебатовъ по моимъ урокамъ слово предоставлено было генералу Гаярину. Этотъ офіціальный оппонентъ отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній высказалъ совсѣмъ противоположное сужденіе; онъ выразилъ свое удивленіе, что оппо-

ненты указывали только отрицательныя стороны уроковъ, умалчивая объ ихъ положительныхъ свойствахъ. Къ этому мнѣнію г. Гаярина присоединились Авилловъ и Г. Г. Даниловичъ. Тогда я ободрился и воспрянулъ духомъ. Мои оппоненты тоже сочувствовали мнѣ. Бывшій тогда у насъ молодой преподаватель покойный Г. Н. Песковъ послѣ сказалъ мнѣ, что я удачно взялъ сюжетъ для уроковъ.

При этомъ онъ мнѣ разсказалъ такой эпизодъ изъ жизни Г. Г. Даниловича: когда по выходѣ въ свѣтъ разсказа Тургенева: „Пѣвцы“ Г. Г. въ первый разъ прочиталъ его, то пришелъ въ большой экстазъ, при всей своей сдержанности; даже, по словамъ Г. Н. Пескова, Г. Г. Даниловичъ, съ избраннымъ своимъ кружкомъ пошелъ въ ресторанъ Палкина, гдѣ много судили и разбирали новое тогда произведеніе Тургенева. Здѣсь кстати нужно отмѣтить, что хотя и въ наше время, начала 70-хъ годовъ, въ программахъ военныхъ гимназій былъ указанъ примѣрный списокъ для изученія съ учениками извѣстныхъ образцовъ словесности, но этимъ насъ нисколько не стѣсняли, какъ это потомъ стало практиковаться въ возобновленныхъ кадетскихъ корпусахъ. Напр., сочиненій Тургенева, за весьма малыми исключеніями, почти не было указано въ программахъ, а также и въ приспособленныхъ къ нимъ хрестоматіяхъ. Но нужно сказать, что наши ученики тогда свободно читали произведенія образцовыхъ писателей въ цѣльномъ ихъ видѣ, а не по отрывкамъ въ хрестоматіяхъ. Вообще, у молодыхъ людей военно-учебныхъ заведеній того времени былъ замѣтенъ большой интересъ и вниманіе къ изученію произведеній новыхъ писателей, чего далеко нельзя сказать о послѣднемъ времени. Тогда наши ученики такъ зачитывались доступной имъ изящной литературой, при живомъ ея изученіи на урокахъ, что оставалось только радоваться за нихъ. Какъ на урокахъ нашихъ руководителей, такъ и на нашихъ лекціяхъ, они ставили толковыя и разумныя вопросы, безъ всякаго пустословія и излишней смѣлости. Помню такой случай: по распоряженію главнаго управленія, въ нашъ классъ прикомандированъ былъ одинъ кандидатъ университета для сдачи пробныхъ уроковъ, для полученія правъ преподавателя русскаго языка. Зная хорошо свой классъ, И. Ѳ. Рашевскій объ этомъ предупредилъ учениковъ, въ виду ихъ откровенныхъ отношеній съ преподавателями. И. Ѳ. старается выяснить ученикамъ, что это будетъ посѣщать и сдавать уроки постороннее лицо: поэтому они должны быть съ нимъ болѣе сдержанны и пр. Дѣло было въ старшемъ классѣ. Но вотъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ вдругъ спросилъ И. Ѳ.: „а что, можно съ нимъ будетъ поспорить на урокахъ?“. И. Ѳ. от-

вѣтилъ: „можно, только умно и толково; а то я прекращу всякія неумѣстныя замѣчанія“. Такъ у насъ тогда проявлялись возможная свобода и самодѣятельность учениковъ. Въ то время, благодаря разумному направленію всего учебнаго дѣла, данному Г. Г. Даниловичемъ, не было и помина о формализмѣ преподаванія. Г. Г. стоялъ выше всего этого и смотрѣлъ вообще широко на дѣло; онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ классѣ была вообще плодотворная работа.

Какъ уже отмѣчено, Г. Г. придавалъ серьезное значеніе интересу и живости въ практикѣ пробныхъ уроковъ кандидатовъ-педагоговъ вообще. Но особенное предпочтеніе онъ отдавалъ удачно сданнымъ урокамъ молодыхъ педагоговъ въ высшихъ классахъ.

На другой день, послѣ сдачи моихъ уроковъ, И. Ѳ. Рашевскій сообщилъ мнѣ интимно, что Г. Г. радуется моей удачѣ и успѣху; онъ рѣшилъ, что „вы останетесь въ Петербургѣ“. Я былъ радъ тоже, въ свою очередь, вообще и въ частности тому, что я все-таки могъ нѣсколько отблагодарить за то безпокойство, которое Г. Г. перенесъ при моемъ выходѣ изъ духовнаго званія.

Но вотъ, въ іюнѣ 1873 г., кончились всѣ наши работы, которыя мы выполняли на курсахъ, въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Насъ кончило тогда около 10 человекъ; изъ нихъ одинъ еще прежде былъ преподавателемъ гимназій; поэтому онъ пробылъ среди насъ только одинъ годъ, какъ уже подготовленный къ дѣлу прежней своей учительской практикой. Онъ особо отъ насъ получилъ свое назначеніе. Во второй половинѣ іюня вдругъ всѣхъ насъ приглашаетъ къ себѣ Г. Г., чтобы объявить о нашемъ назначеніи. Троицъ изъ насъ онъ сказалъ, что мы опредѣлены уже главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній—преподавателями въ 3-ю с.-петербургскую военную гимназію, что нынѣ кадетскій корпусъ Императора Александра II. По идеѣ Д. А. Милютина, тогдашняго военнаго министра, тогда предполагалась для приходящихъ военная гимназія, какъ школа общеобразовательная, для учениковъ и дѣтей всѣхъ сословій, въ связи вскорѣ же съ тогда объявленной у насъ, всеобщей военной повинностью. Правда, сначала предполагалось только открытіе младшихъ классовъ этого новаго типа военныхъ гимназій для приходящихъ учениковъ.

Въ виду ограниченнаго приѣма во вновь открываемую 3-ю военную гимназію, Г. Г. думалъ, что у насъ будетъ мало уроковъ для нашего будущаго обезпеченія. Поэтому онъ просилъ И. Ѳ. Рашевскаго и другихъ нашихъ руководителей, чтобы они постарались намъ найти уроки въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда же я получилъ еще уроки въ одной изъ женскихъ гимназій, по рекомен-

даціи И. Э. Рашевскаго. Вообще, здѣсь нужно сказать, что при опредѣленіи насъ на учительскія мѣста, Г. Г. обнаруживалъ строгую справедливость, соединенную съ истинно-отеческой гуманностью. Нужно прямо и откровенно сказать, что для покойнаго Г. Г. Даниловича было высшимъ счастьемъ, когда ему удавалось удачно пристроить на мѣсто, вообще, или воспитанника, или молодого педагога. Можно сказать, что онъ жилъ радостью и горемъ близкихъ ему людей.

Откровенно могу теперь сказать, что на этой высоко-гуманной чертѣ въ характерѣ и натурѣ Г. Г. Даниловича, пріятно и поучительно остановиться въ своихъ воспоминаніяхъ. Всегда съ виду серьезный, Г. Г., по наружности своей, казался какъ бы серьезнымъ, иногда, до суровости.

Но это только такъ казалось. На самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ своего гуманнаго чувства, онъ былъ сердечный и отзывчивый человекъ. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ собою тотъ отраднѣйшій типъ общественнаго дѣятеля, который дѣлалъ добро по-христіански, разумно, тихо, о чемъ узнавали другіе послѣ. При наружной строгости Г. Г., гуманность его отлично понимали мальчики. Въ душѣ своей они все-таки чувствовали и соображали своимъ умомъ, что ихъ директоръ только съ виду строгій, а на самомъ дѣлѣ „добрый“. Они знали, что онъ любилъ ихъ, какъ своихъ дѣтей. Поэтому въ лицѣ своего начальника, при своихъ шалостяхъ и проступкахъ, они часто находили прощеніе у своего директора. Г. Г. отлично понималъ и сочувствовалъ тяжелому положенію мальчика въ закрытомъ учебномъ заведеніи, внѣ и вдали отъ своей родной семьи. Онъ всегда смягчалъ самое тяжкое для такого мальчика наказаніе—остаться въ праздникъ безъ отпуска. Не желая парализовать, или унижить авторитетъ воспитателя, назначившаго такое наказаніе, онъ, очень осторожно и со свойственнымъ ему тактомъ, освобождалъ такого узника. Эта высокая черта гуманности Г. Г. рельефно также указана и отмѣчена фактами въ статьѣ г. Л. („Истор. Вѣстникъ“. Май 1906 г.).

Нѣкоторые еще считали Г. Г. такимъ анахоретомъ, который отдался будто бы книгѣ, своимъ кабинетнымъ занятіямъ, чуждымъ семьѣ, какъ неженатый человекъ, отдавшійся своему служебному дѣлу и пр. Все это говорили, или люди, незнавшіе Г. Г., или вообще предубѣжденные, не умѣвшіе наблюдать другихъ и здраво относиться къ окружающимъ.

Можетъ быть, эти превратные толки о личности Г. Г. вытекали изъ его особенной сосредоточенности въ себѣ; но только мы прямо и открыто можемъ сказать, что Г. Г. дѣлалъ много добра для дру-

гихъ; какъ уже тоже сказано, что онъ дѣлалъ добро тихо, разумно и основательно. Его участіе къ положенію лицъ, которыхъ онъ узнавалъ потомъ лично, было тоже искреннее, глубокое и постоянное. Напримѣръ, въ разныхъ спорахъ въ засѣданіяхъ, по дѣламъ воспитанниковъ, онъ былъ ихъ отцомъ и защитникомъ; онъ всегда умѣло отражалъ и успокоивалъ суровый гнѣвъ педагога, возбужденный неумѣстной выходкой какого-нибудь шалуна и пр. Мы видѣли также и то, какъ потомъ Г. Г. заботился о бѣдныхъ мальчикахъ въ продолженіе ихъ учебнаго курса; какъ онъ старался облегчить ихъ горькую жизнь во время праздниковъ, каникулъ и пр., когда ихъ товарищи находились у своихъ родныхъ.

Мы знали также о томъ отеческомъ попеченіи и участіи, которое вообще Г. Г. оказывалъ своимъ питомцамъ. Знали мы это также и по своему собственному положенію. Наши опредѣленія на мѣста не всегда зависѣли лично отъ Г. Г., какъ директора и председателя педагогическихъ курсовъ.

Многое тогда зависѣло отъ высшей администраціи. Въ этомъ отношеніи Г. Г. приходилось иногда выдерживать сильную борьбу и испытывать неизбѣжныя волненія. За два года пребывания на курсахъ мы обязательно должны были отслуживать военному министерству извѣстное число лѣтъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ не особенно охотно ѣхали въ дальнія окраины, даже и совсѣмъ отказывались ѣхать далеко. Все это нужно было улаживать Г. Г. Насколько возможно было, онъ устраивалъ дѣло къ обоюдному соглашенію, и дѣло улаживалось.

Но были и другіе случаи. Нѣкоторые представители военно-учебныхъ заведеній иногда неособенно жаловали кандидатовъ учителей съ педагогическихъ курсовъ. Однимъ изъ этихъ представителей не нравилось опредѣленіе преподавателей, по назначенію свыше, помимо ихъ начальственной власти, у себя, особенно въ провинціи. Другіе изъ нихъ вообще не сочувствовали курсамъ: находили, что съ курсовъ выходятъ преподаватели-теоретики, которые мало заботятся о практической сторонѣ преподаванія и пр. Напр.; по адресу преподавателей русскаго языка говорили, что они стараются только развивать учениковъ, заставляють съ младшихъ классовъ писать изложенія и сочиненія; совсѣмъ игнорируютъ диктовки, списыванье съ книги и пр. Но тогда эти представители говорили еще тихо и не смѣло, пока не дошло дѣло до обратнаго теченія къ корпусамъ. Поэтому, не взирая на эти, тогда еще отдѣльные голоса, кандидаты-педагоги работали смѣло и увѣренно. Въ трудныхъ случаяхъ своей учительской жизни, особенно въ провинціи, они обращались къ своему бывшему начальнику Г. Г.; онъ

всегда успокаивалъ угнетаемыхъ и помогалъ имъ, чѣмъ могъ. Такъ онъ, напр., помогъ одному бывшему кандидату-педагогу, теперь тоже покойному, Т. В. Д. Последній, какъ выдающійся преподаватель, составилъ себѣ въ провинціи почтенную и солидную популярность какъ педагогъ. Онъ уже былъ директоромъ одного средняго учебнаго заведенія. Но вотъ у него по службѣ вышло какое-то крупное недоразумѣніе, такъ что онъ долженъ былъ оставить мѣсто директора. Приѣхавши въ Петербургъ, онъ обратился къ Г. Г., который предоставилъ ему уроки у себя; благодаря этому участію Г. Г. Д., опять, какъ говорится, онъ поднялся и умеръ уже на должности педагога-администратора. Такихъ примѣровъ гуманнаго отношенія Г. Г. къ ближнимъ было немало, о чемъ мы знали тоже хорошо.

Вообще, кто зналъ ближе Г. Г. Даниловича, тотъ легко могъ убѣдиться въ томъ, что это былъ выдающійся человекъ своего времени: какъ своимъ богатымъ умомъ и работой, онъ жилъ для другихъ, на ихъ общую пользу, таковъ онъ былъ и по своему гуманному направленію. Постоянная работа и служеніе для счастья другихъ, понимаемаго въ его разумномъ смыслѣ,—таковъ былъ идеалъ жизни Г. Г. въ его постоянной жизни, какъ выдающагося педагога. Эта высокая черта Г. Г., по нашему разумѣнію, есть та поучительная страница въ его жизни, которая служила для другихъ добрымъ примѣромъ для подражанія. Да, покойный Г. Г. умѣлъ работать энергично и плодотворно для другихъ; умѣлъ онъ почти всѣхъ близкихъ привлечь къ этой работѣ; онъ умѣлъ также отстоять и защитить, когда нужно было, полезныхъ и честныхъ работниковъ; уважая свое нравственное право, онъ глубоко цѣнилъ и ограждалъ его и у другихъ, которыхъ онъ зналъ ближе, какъ своихъ питомцевъ, учениковъ и многочисленныхъ сотрудниковъ. Здѣсь мы абсолютно не идеализируемъ личности Г. Г. Даниловича: какъ человекъ, онъ могъ ошибаться,—это общій удѣлъ всѣхъ людей, въ ихъ отношеніяхъ съ другими, въ массовой борьбѣ общественной и служебной жизни и пр. Но, кажется, наблюдая жизнь лицъ, руководящихъ другими, не трудно видѣть то, когда они дѣйствуютъ только лично для своихъ интересовъ, и когда они работаютъ всецѣло на общую пользу, по евангелію, для служенія и счастья другого. Мы видѣли, что Г. Г. жилъ уединенно, даже очень скромно для начальника и генерала, о которомъ тогда не мало говорили. Живя близко, мы не слышали, чтобы у него были какіе-либо вечера, исключая скромныхъ и рѣдкихъ собраній интеллигентныхъ его друзей, соединенныхъ высшими, культурными интересами. Говорили тогда, что Г. Г. посѣщалъ напр. кружокъ профессора Кавелина и изрѣдка другія интеллигентныя собранія. Боль-

шая часть вечеровъ у него занята была засѣданіями, дѣлами по корпусу и кабинетнымъ трудомъ.

Что же касается высшей административной карьеры, то онъ, сколько можно было видѣть, тоже не интересовался этимъ, какъ и матеріальными благами, которыми онъ былъ обезпеченъ для своей скромной жизни. Вообще, можно было видѣть, что Г. Г. работалъ и жилъ для другихъ, а не для себя только лично. Это мы видѣли, и многіе изъ насъ испытали это на себѣ, по нравственно-высокому довѣрію къ намъ покойнаго Г. Г. Если потомъ Императоръ Александръ III призвалъ Г. Г. на отвѣтственный постъ воспитателя своихъ дѣтей, то этимъ высоко-разумнымъ актомъ русской царь осторожно, по особому выбору и довѣрію, опредѣлилъ личность Г. Г. Даниловича, какъ педагога-администратора, который уже тогда пользовался общей репутаціей, какъ выдающійся дѣятель. Это произошло при Александрѣ II, въ 1878 г. Такихъ выдающихся дѣятелей, съ ихъ высокими идеалами, выработанными въ жизни ими самими лично, каковыми въ дѣйствительности былъ покойный Г. Г., всегда глубоко цѣнили и уважали всѣ разумные люди, начиная отъ высшихъ по положенію.

VIII.

Значеніе дѣятельности Г. Г. Даниловича въ развитіи общаго образованія военно-учебныхъ заведеній. Послѣдующая его работа и жизнь. Нѣкоторые случаи и эпизоды изъ жизни его.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что выдающіяся заслуги Г. Г. Даниловича именно цѣнны тѣмъ, что, организуя педагогическіе курсы, для приготовленія дѣльныхъ учителей для тогдашнихъ военныхъ гимназій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ насажденію и развитію идеи общаго у насъ образованія, понимаемаго въ его рациональномъ и прогрессивномъ смыслѣ. Цѣлью воспитанія и образованія воспитанника военной гимназіи поставленъ былъ тогда общій педагогическій идеаль. Сначала стремились тогда воспитать и образовать человѣка вообще, а потомъ, уже примѣнительно къ военному быту, — офицера. Тогда старалась о томъ, чтобы мальчикъ воспитывался и учился вообще, какъ всякій гражданинъ, который бы сталъ потомъ офицеромъ сознательно, по собственному его призванію и желанію. Дѣйствительно, въ 70-хъ годахъ было не мало такихъ молодыхъ людей, которые, окончивъ курсъ военныхъ гимназій, потомъ поступали въ разныя высшія учебныя заведенія, особенно спеціальныя, а также и въ университетъ, даже съ экза-

меномъ по древнимъ языкамъ, которыхъ вообще не преподавали никогда въ военныхъ гимназіяхъ. Но гдѣ же, скажутъ, результаты и плоды военныхъ гимназій, которыя опять обратили въ кадетскіе корпуса? На это можно только отвѣтить вообще, что военныя гимназіи дали не мало хорошихъ и дѣльныхъ офицеровъ Россіи, которые заявили себя истинными героями въ русско-турецкую войну 1878 г., въ другихъ своихъ подвигахъ и заслугахъ отечеству того времени.

Что же касается личности Г. Г. Даниловича, то мы только здѣсь можемъ сказать, что, благодаря его выдающимся способностямъ и энергіи, подъ его руководствомъ вышелъ цѣлый рядъ преподавателей и дѣятелей по народному образованію у насъ въ Россіи. При существованіи педагогическихъ курсовъ, организованныхъ Г. Г., ежегодно дополнялся и освѣжался составъ преподавателей военныхъ гимназій основательно и практично подготовленными кандидатами. Отмѣченное выше недовѣріе директоровъ нѣкоторыхъ военныхъ гимназій, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ работой кандидата-педагога, постепенно сглаживалось и исчезало. Въ теченіе своей 30-лѣтней службы это отрадное явленіе я наблюдалъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Когда узнавали ближе бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ, то ихъ больше потомъ цѣнили и уважали, какъ начальники, такъ и товарищи. Подъ вліяніемъ такого знакомства, нѣкоторые изъ молодыхъ учителей, уже со службы, также потомъ поступали на курсы. Правда, что нѣкоторые упреки относительно курсовъ отчасти были и справедливы. Тогда кандидатовъ-педагоговъ упрекали въ излишнемъ методизмѣ и пр., о чемъ уже отчасти сказано выше. Но вѣдь нужно было взять во вниманіе то время, когда у насъ тогда увлекались нѣмецкой школой не только молодые и неопытные педагоги, но и болѣе умудренные въ жизни. Прошло потомъ увлеченіе русскихъ педагоговъ нѣмецкими методами; сталъ постепенно исчезать изъ русской школы и методизмъ, съ его первоисточникомъ, нѣмецкаго происхожденія и образца.

Но педагогическіе курсы, организованные Г. Г. Даниловичемъ, кромѣ военно-учебныхъ заведеній, дали потомъ цѣлый рядъ полезныхъ дѣятелей и администраторовъ для школъ другихъ вѣдомствъ. Многіе изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ впослѣдствіи заняли мѣста директоровъ, инспекторовъ и даже главныхъ начальниковъ цѣлаго ряда учебныхъ заведеній. Таковы мѣста по высшей учебной администраціи занимали: З. Б. Вулихъ, бывший начальникъ спб. женскихъ гимназій, Н. А. Бетхеръ; не мало также изъ кандидатовъ-педагоговъ были инспекторами женскихъ гимназій, особенно въ столицѣ. Затѣмъ, спб. земская учительская школа, основан-

✱

ная еще при первомъ ея инспекторѣ, И. О. Рашевскомъ, можно сказать, долгое время представляла собою замѣтное подражаніе педагогическимъ курсамъ, устроеннымъ Г. Г. Даниловичемъ. Инспекторъ этой семинаріи, бывший кандидатъ-педагогъ, П. А. Аникіевъ слишкомъ, кажется, 30 лѣтъ пробылъ въ этомъ учрежденіи преподавателемъ и инспекторомъ. Въ этомъ симпатичномъ учрежденіи долго работали въ качествѣ преподавателей бывшіе также кандидаты-педагоги, покойные теперь: Медеръ, Бетхеръ, Докучаевъ и др. Пишущему эти строки тоже, въ теченіе 14 лѣтъ, пришлось поработать здѣсь съ прежними своими коллегами по педагогическимъ курсамъ. Конечно, бывшіе кандидаты-педагоги проводили свои идеи и методы, исходя изъ принциповъ и требованій народной школы. Также изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ на видномъ административномъ поприщѣ трудится и теперь С. С. Григорьевъ, который завѣдуетъ техническими училищами министерства народнаго просвѣщенія и др. Мало теперь уже осталось въ живыхъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ время незабвеннаго Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося дѣятеля. Когда онъ былъ приглашенъ во дворецъ, то сюда же онъ привлекъ къ дѣлу нѣкоторыхъ руководителей педагогическихъ курсовъ, напр., И. О. Рашевского, В. А. Евтушевскаго и изъ бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ: З. Б. Вулиха, І. Е. Мандельштама и др.

Кромѣ практической дѣятельности преподавателей и администраторовъ школъ, многіе, можно сказать, большая часть, бывшихъ сотрудниковъ и питомцевъ педагогическихъ курсовъ, съ пользой для русской школы, потрудились на литературномъ поприщѣ, гдѣ тоже твердо, умѣло и послѣдовательно проводили принципы здравой педагогиі, выработанные на курсахъ. Здѣсь мы не можемъ дать подробныхъ данныхъ. Но достаточно назвать, положимъ, педагогическіе журналы 70-хъ годовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, издаваемомъ главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній, вы встрѣтите массу статей бывшихъ кандидатовъ-педагоговъ: Запольскаго, Вулиха и многихъ другихъ. Здѣсь еще отмѣтимъ: въ концѣ сентября 1907 г. состоялось чествованіе 25-лѣтія редакторства „Пед. Сборника“, которое такъ умѣло ведетъ уважаемый А. Н. Острогорскій, одинъ изъ рѣдкихъ военныхъ педагоговъ времени Г. Г. Даниловича. Маститый педагогъ-литераторъ трудится уже почти 50 лѣтъ, былъ также воспитателемъ во 2-й военной гимназіи. То же находимъ въ бывшихъ журналахъ: „Народной Школѣ“, „Педагогическомъ Музеѣ“, „Семь и Школѣ“. Нѣкоторыми изъ кандидатовъ-педагоговъ составлены также дѣльные учебники для школъ, которые одобрены и

оправданы удачной практикой ихъ въ школахъ. Многіе изъ питомцевъ курсовъ трудились еще съ успѣхомъ, какъ члены бывшаго „Педагогическаго Общества“, что при 2-й гимназіи, въ различныхъ сѣздахъ, комиссіяхъ и собраніяхъ „Педагогическаго Музея“, что въ Солянѣ Городкѣ и др.

По уходѣ съ курсовъ Г. Г. Даниловича, мѣсто предсѣдателя, до ихъ закрытія, занималъ бывший директоръ Педагогическаго Музея А. Н. Макаровъ. Этотъ высокоуважаемый педагогъ-ветеранъ, на своемъ 50-лѣтнемъ юбилеѣ, который въ маѣ прошлаго года ему справляли наши педагоги, въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія между прочимъ, съ глубоко-отраднѣмъ чувствомъ вспоминалъ о своемъ предшественникѣ и сотрудникѣ, Г. Г. Даниловичѣ, съ которымъ онъ поработалъ на педагогическомъ поприщѣ, при 2-й военной гимназіи. Отдавши должную дань заслугамъ своего предшественника Г. Г., почтенный юбиляръ также особенно рельефно очертилъ его симпатичный образъ.

Въ виду всего сказаннаго о Г. Г. Даниловичѣ, какъ выдающемся педагогѣ, нужно вообще отмѣтить, что самоотверженные труды этого рѣдкаго у насъ дѣятеля еще болѣе и лучше будутъ оцѣнены другими въ исторіи русскаго просвѣщенія. Много нужно было данныхъ для того, чтобы Г. Г. такъ удачно создать институтъ серьезно и умѣло подготовленныхъ педагоговъ для нашей средней школы въ то время. Благодаря своему таланту, всестороннему образованію, необычайной энергіи и самопожертвованію, Г. Г. Даниловичъ, при содѣйствіи своихъ, удачно выбранныхъ имъ талантливыхъ сотрудниковъ, воспиталъ для русской школы, хотя не особенно многочисленное, но высоко полезное учрежденіе и институтъ дѣльныхъ педагоговъ, которые, почти въ теченіе истекшаго полустолѣтія, трудились и теперь еще работаютъ на нивѣ русской школы. Времена измѣнились; пошло другое теченіе нашей жизни. Закрыты были педагогическіе курсы, организованные Г. Г. Даниловичемъ. Но идеи и принципы, также педагогическіе его идеалы опять оживаютъ: теперь снова открыты педагогическіе курсы для приготовленія воспитателей и преподавателей кадетскихъ корпусовъ. Этими курсами, какъ сказано, прежде руководилъ директоръ Педагогическаго Музея, что въ Солянѣ Городкѣ, А. Н. Макаровъ, который, какъ уже отмѣчено выше, былъ сотрудникомъ Г. Г. Даниловича и продолжалъ его дѣло, при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Конечно, нынѣшніе курсы, какъ это было видно, между прочимъ, на 50-лѣтнемъ юбилеѣ А. Н. Макарова, по своей широкой постановкѣ научнаго образованія, при его современномъ развитіи и прогрессѣ, сравнительно съ прежнимъ, поставлены на большую

высоту. Съ прошлаго учебнаго года директоромъ П. М. и курсовъ для педагоговъ состоитъ генераль-маіоръ З. А. Макшеевъ. При организаціи прежнихъ педагогическихъ курсовъ для военныхъ гимназій, при Г. Г. Даниловичѣ, слишкомъ 30 лѣтъ тому назадъ, какъ уже тоже отмѣчено, было такое теченіе, чтобы соединить въ школѣ практику съ теоріей, чтобы наука прочно и плодотворно дѣйствовала на ученика; тогда заботились развивать ученика и приучать его къ самостоятельности, хотя и при меньшемъ научномъ матеріалѣ. Но съ другой стороны нужно брать во вниманіе и историческія условія: въ 60 и 70-хъ годахъ были другіе педагогическіе идеалы, чѣмъ теперь.

Какъ бы тяжело ни было время, которое мы переживаемъ теперь, но надежды на лучшее будущее намъ терять нельзя. Такіе выдающіеся по своему нравственному идеалу личности, каковымъ былъ Г. Г. Даниловичъ, поддерживаютъ и укрѣпляютъ наше чувство вѣры и надежды на лучшее будущее нашей жизни вообще и особенно нашей школы.

Что касается послѣдней дѣятельности Г. Г. въ качествѣ руководителя воспитаніемъ и обученіемъ Государя Императора, Августѣйшихъ Его Братьевъ и Сестеръ, то нужно сказать, что свѣдѣнія объ этомъ не составляютъ предмета предлагаемой статьи: здѣсь мы старались, по мѣрѣ нашего знакомства и разумнія, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, а также и другихъ источниковъ, дать возможную характеристику Г. Г. Даниловича, главнымъ образомъ, какъ организатора и выдающагося дѣятеля по руководству педагогическими курсами, бывшими при 2-й военной гимназій. Какъ уже сказано, во дворецъ Г. Г. приглашенъ былъ еще въ 1877 г.; слѣдовательно, здѣсь онъ пробылъ около 30 лѣтъ. Свѣдѣній объ этой дѣятельности покойнаго Г. Г. пока еще нѣтъ, но они, въ смыслѣ ихъ важнаго историческаго значенія и интереса, какъ сказано въ началѣ нашей статьи, еще будутъ обнаружены. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и въ царской семьѣ, какъ и на своей службѣ вообще, покойный Г. Г. стоялъ на подобающей ему нравственной высотѣ. Говорили, что съ этого времени Г. Г. уже отдалился отъ круга педагоговъ и будто бы сторонился ото всѣхъ. Но это тоже едва-ли такъ. Въ то время я уѣхалъ на службу въ Кіевъ, гдѣ пробылъ 10 лѣтъ. Поэтому Г. Г. мнѣ потомъ почти не пришлось и видѣть. Но по пріѣздѣ вторично въ Петербургъ, я много слышалъ объ немъ, хотя я избѣгалъ свиданія съ нимъ, изъ опасенія стѣснить его. Но не мало пришлось слышать о Г. Г. отъ покойнаго И. Θ. Рашевскаго и своего земляка, покойнаго профессора И. Н. Жданова, который тоже преподавалъ исторію русской

литературы Государю Императору и ихъ Императорскимъ Высочествамъ, дѣтямъ Императора Александра III. По рассказамъ этихъ педагоговъ, Г. Г. Даниловичъ такъ же добросовѣстно, честно и разумно работалъ въ царской семьѣ, какъ и на прежней своей службѣ.

Всецѣло отданный выполненію своего высокаго долга, онъ и здѣсь такъ же жилъ скромно и просто, какъ и во 2-й военной гимназіи. Тогда рассказывали, между прочимъ, такой эпизодъ: собравшіеся, по приглашенію Государя, педагоги разъ сказали шутя Г. Г., что, вѣроятно, онъ будетъ министромъ; на это онъ имъ отвѣтилъ: „хотя бы мнѣ и предложили это, я бы не позволилъ себѣ принять такое дѣло“.

Вообще и здѣсь покойный Г. Г. былъ вѣренъ себѣ и твердо проводилъ свой неизмѣнный принципъ—всецѣло служить дѣлу общаго блага. Зная, несомнѣнно, выдающуюся натуру Г. Г. Даниловича, можно быть вполне увѣреннымъ, что онъ и здѣсь стоялъ на той высотѣ выдающагося педагога-администратора, на которой онъ былъ и прежде, во 2-й военной гимназіи, гдѣ онъ былъ такъ популяренъ, въ истинномъ значеніи этого слова. Какъ передавали, и въ царской семьѣ умная, симпатичная и энергичная личность Г. Г. была цѣнима всеми. Будемъ надѣяться, что будущіе труды историковъ оправдаютъ это и полнѣе освѣтятъ рѣдкую у насъ личность Г. Г.

Да, много труда и силъ положилъ для другихъ Г. Г. Пробывши 14 лѣтъ на отвѣтственномъ вообще мѣстѣ директора только-что впервые преобразованной тогда 2-й военной гимназіи, онъ съ полнымъ самоотверженіемъ работалъ для воспитанія и образованія вѣренныхъ ему дѣтей. Тотъ же великій подвигъ онъ совершилъ для подготовленія хорошихъ учителей, лишая себя семейныхъ, общественныхъ и житейскихъ радостей и утѣхъ. Позволю себѣ здѣсь привести еще такой рассказъ, извѣстный тогда намъ: разъ Г. Г. проходилъ по коридору младшаго возраста воспитанниковъ 2-й военной гимназіи; вдругъ къ нему подбѣгаетъ одинъ изъ мальчиковъ, вѣроятно, настроенный домашними разговорами, и спрашиваетъ откровенно Г. Г.: „отчего вы не женитесь?“ На это Г. Г. ему добродушно отвѣтилъ: „Ты, кажется, видишь, что я занятъ и такъ у меня много дѣла, что мнѣ некогда объ этомъ и думать“. Все это мальчикъ передавалъ и другимъ, нисколько не смущаясь. Вообще, въ наше время; начала 70-хъ годовъ, репутація Г. Г. Даниловича, какъ рѣдкаго человѣка и выдающагося педагога, установилась уже солидно и прочно. Въ массѣ рассказовъ объ его личности, иногда и добродушно-комическаго оттѣнка, обрисовывался рѣдкій умъ, талантъ Г. Г., также его гуманность, соединенная со справедливыми требованіями долга. Нужно еще отмѣтить, что въ

собраніяхъ, въ минуты душевнаго и свѣтлаго настроенія, иногда Г. Г. и самъ увлекалъ другихъ живыми и интересными разсказами изъ жизни, которую онъ умѣлъ наблюдать; тогда рѣчь его лилась плавно, какъ чистый и прозрачный ручей. Всѣ слушали его тогда съ наслажденіемъ, какъ остроумнаго и симпатичнаго собесѣдника. Эта черта въ натурѣ Г. Г. проявлялась не только въ частныхъ собраніяхъ, но даже иногда и въ засѣданіяхъ конференціи, въ минуты его свѣтлаго настроенія. Отмѣчая эту симпатичную черту Г. Г., мы имѣемъ въ виду устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить то мнѣніе, что Г. Г., какъ всегда сосредоточенный и только думавшій о дѣлѣ, былъ будто-бы далекъ отъ дѣйствительной жизни, съ ея радостями и печалами, не чуждыми даже и дѣтямъ. Бывая изрѣдка на собраніяхъ и обѣдахъ сослуживцевъ и знакомыхъ, Г. Г. держалъ себя просто и непринужденно; иногда даже позволялъ себѣ добродушныя шутки и пр. Припоминаю разъ такое благодушное его настроеніе на одномъ обѣдѣ, въ честь одного сослуживца, устроенномъ во 2-й военной гимназіи. Всѣ сослуживцы уже были въ сборѣ, кромѣ Г. Г., котораго задержали по дѣлу. Послѣ нѣкотораго ожиданія появляется и нашъ уважаемый директоръ. Его встрѣчаетъ распорядитель и собравшіеся сослуживцы, въ числѣ которыхъ былъ казначей Я. старый полковникъ. Обращаясь ко всѣмъ и указывая на Я—ва, Г. Г. довольно громко и добродушно замѣтилъ: „Вѣдь вотъ исправный сослуживецъ: не прозѣваетъ ни одного званнаго обѣда и пирушки; всегда является первый“. Эта добродушная встрѣча со стороны Г. Г. такъ подѣйствовала на всѣхъ присутствовавшихъ тогда, что весь обѣдъ прошелъ интересно и оживленно для всѣхъ.

Изъ этого и многихъ другихъ такихъ случаевъ мы видѣли, что всегда сосредоточенный и строгій къ себѣ въ дѣлѣ Г. Г., внѣ этой сферы, былъ такой же общественный, гуманный и симпатичный членъ семьи и общества, какъ и другіе. Позволю себѣ еще припомнить такой случай: изъ кандидатовъ-педагоговъ былъ нѣкто г. М. который, при своемъ веселомъ характерѣ, обладалъ способностью подражать другимъ, что онъ даже обнаруживалъ при участіи на сценѣ домашнихъ театровъ. М. довольно удачно умѣлъ воспроизводить также рѣчь и интонацію голоса Г. Г., но все это продѣлывалъ М. добродушно, не только не унижая авторитета Г. Г., но, наоборотъ, этимъ еще рельефнѣе обрисовывалъ выдающуюся личность его.

Между прочимъ, вотъ разсказъ, переданный покойнымъ тоже теперь, тѣмъ же бывшимъ кандидатомъ-педагогомъ М.: у Г. Г. была привычка повторять въ разговорѣ фразу: „Сдѣлайте одолже-

ніе!“ Эти слова Г. Г. повторялъ въ разговорѣ въ смыслѣ своего соглашенія, или одобренія. Въ наше время пребыванія на курсахъ, прїѣзжалъ въ Петербургъ бывший руководитель, извѣстный тогда педагогъ, теперь тоже покойный, Д. Д. Семеновъ. По случаю прїѣзда въ столицу своего бывшего сотрудника и сослуживца, Г. Г. устроилъ у себя маленькую пирушку, или ужинъ, куда приглашенъ былъ и молодой преподаватель, упомянутый выше М. Во время ужина М. какъ-то неловко повернулся, отчего отбилась ножка у старого кресла директора. Молодой М. сильно сконфузился и сталъ извиняться предъ хозяиномъ. „Что же на это сказала Г. Г.?“, стали мы спрашивать молодого педагога. „Да онъ сказалъ мнѣ добродушно, какъ всегда: „Сдѣлайте одолженіе!“ Все это покойный М. умѣлъ передать такъ естественно, съ комическимъ оттенкомъ, что невольно у всѣхъ вызывалъ добродушный и искренній смѣхъ.

Покойный М., благодаря своей тонкой наблюдательности и постоянному соприкосновенію по курсамъ и службѣ во 2-й военной гимназіи, рассказывалъ массу случаевъ и эпизодовъ изъ жизни Г. Г. Рассказы эти были тогда популярны въ нашемъ кругу.

Отмѣчая случаи изъ жизни Г. Г. Даниловича, которые такъ или иначе обрисовываютъ его умственную и симпатичную личность и, вообще, его натуру, глубоко все-таки сосредоточенную въ себѣ, нельзя еще не отмѣтить его самостоятельности и отсутствія укаживанья предъ высшими себя. Въ 60 и 70-хъ г.г. 2-я военная гимназія, при ея новомъ тогда директорѣ—Г. Г. Даниловичѣ, первая подверглась реформѣ, на новыхъ началахъ и принципахъ, обнародованныхъ Императоромъ Александромъ II. Этимъ преобразованнымъ вновь учебнымъ заведеніемъ интересовались тогда всѣ, кому были близки вопросы воспитанія и обученія.

Вторую военную гимназію, съ ея педагогическими курсами, посѣщали многія высокопоставленныя лица, начиная съ высочайшихъ особъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Г. Г. Даниловичъ, какъ директоръ, держалъ себя самостоятельно и вообще корректно.

При всей присущей ему скромности, въ этихъ особыхъ случаяхъ Г. Г. большею чстью предоставлялъ право сопровождать почетныхъ посѣтителей инспектору, или кому-либо другому изъ старшихъ сослуживцевъ. Въ необходимыхъ же, и особенно выдающихся случаяхъ, онъ являлся и самъ. Такъ было при посѣщеніи 2-й военной гимназіи покойнымъ Императоромъ Александромъ II, также ближайшими начальниками: военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исаковымъ. Эти важнѣйшіе дѣятели той эпохи преобразованій военно-учебныхъ заведеній болѣе подробно и обстоятельно

входили въ сущность и детали педагогическаго дѣла. Здѣсь необходимо было личное присутствіе Г. Г., который давалъ необходимыя свѣдѣнія и объясненія. Помню, наше общезитіе на курсахъ посѣщало безъ директора одинъ великій князь, Н. В. Исаковъ и др., ихъ тогда сопровождалъ К. К. Сентъ-Илеръ; Г. Г. находился въ это время дома, хотя и зналъ о посѣщеніи. Еще бывши на курсахъ, мы внолнѣ цѣнили и уважали это самостоятельное и независимое положеніе, которое создалъ себѣ покойный Г. Г. Скромный въ своихъ житейскихъ требованіяхъ, при тихомъ образѣ жизни, полномъ благотворнаго труда на пользу другихъ, какъ уже нами отмѣчено, Г. Г. не искалъ на землѣ высшихъ почестей и богатства. При нравственной, доброй и честной жизни, ему не нужно было показывать у себя по службѣ „товаръ лицомъ“. Г. Г. заботился о воспитаніи души вѣранныхъ ему дѣтей, чтобы они привыкали къ простой и трудовой жизни въ будущемъ, которую онъ и самъ постоянно велъ, не увлекаясь пагубнымъ честолюбіемъ и внѣшнимъ блескомъ. Скромность, присущая Г. Г., подмѣчали и другіе. Когда я былъ еще на курсахъ, то помню, что по случаю царскаго дня въ Петергофѣ собрались у церкви генералы, въ числѣ которыхъ былъ и Г. Г. Собравшіеся ожидали Высочайшаго выхода. Въ публикѣ былъ одинъ заслуженный придворный протоіерей, который долго смотрѣлъ на Г. Г., о которомъ слышалъ тоже многое. Послѣ, въ разговорѣ со мной, этотъ о. протоіерей сказалъ мнѣ: „я долго любовался вашимъ генераломъ Даниловичемъ: онъ такъ умно и симпатично выглядывалъ, что я просто восхищался его скромной и пріятной личностью“.

IX.

Последніе годы въ жизни Г. Г. и его кончина.

Заключеніе: историческое и нравственное значеніе личности Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося педагога.

Уже давно ходили слухи о томъ, что покойный Г. Г. Даниловичъ сталъ серьезно болѣть и хворать. Отдавая свой, богатый блгами послѣдствіями, трудъ на пользу другихъ, онъ дожилъ до глубокой старости, именно благодаря правильному и строгому образу своей жизни. Какъ уже сказано выше, Г. Г. умеръ на 82 г. своей жизни. Во время своей службы во 2-й гимназіи, какъ мы хорошо знали, у него было строго и методично распределено время для труда. Вставалъ онъ рано. Поступая на курсы, я дивился тому, когда, напримѣръ, мнѣ сказали, что Г. Г. можно видѣть у себя дома, до 8 часовъ утра, то есть до того времени, когда уже на-

чинались уроки въ военной гимназіи. Въ эти же часы его можно было видѣть иногда на занятіяхъ въ гимназіи. Ведя строго правильный образъ жизни, при своей скромной физической наружности, онъ былъ крѣпокъ духомъ. Послѣднія 10 лѣтъ своей жизни, говорятъ, онъ сталъ замѣтно слабѣть силами. Давно у него уже стала обнаруживаться слабость зрѣнія, на что онъ иногда жаловался, еще бывши директоромъ. Слишкомъ зѣ лѣтъ тому назадъ, онъ обходился больше безъ очковъ, но читалъ и писалъ уже съ очками на глазахъ. Видѣвшіе въ послѣдніе время Г. Г. говорили, что онъ почти ничего не видѣлъ, съ трудомъ читалъ и писалъ; при этомъ онъ также не могъ ходить отъ слабости въ ногахъ. Правда, очевидцы говорили, что еще незадолго до смерти видѣли Г. Г. въ Лѣтнемъ саду, куда онъ пріѣзжалъ для обычныхъ прогулокъ.

Но при всѣхъ этихъ физическихъ недугахъ и общей слабости, онъ сохранялъ ясность ума и крѣпость памяти; рассказываютъ такой случай: бывши у одного изъ преподавателей августѣйшихъ особъ, чтобы пригласить его на уроки, Г. Г. спросилъ о мальчикѣ, сынѣ преподавателя, котораго онъ видѣлъ еще ребенкомъ, лѣтъ около 20 тому назадъ. Бывшіе преподаватели въ царской семьѣ, на вопросы о Г. Г., говорили, что хотя онъ въ послѣднее время сильно ослабѣлъ и терялъ свои силы, но продолжалъ интересоваться и слѣдить за дѣломъ обученія и воспитанія, которое ему было довѣрено. Въ эти послѣдніе годы также сказалась всегдашняя высокогуманная черта Г. Г., по отношенію къ бывшихъ преподавателямъ: онъ старался обезпечить и устроить ихъ семьи, въ награду за понесенные ими труды, напримѣръ, онъ хлопоталъ ихъ обезпечить пенсіей и пр. Съ чувствомъ искренней и глубокой благодарности они вспоминаютъ все это и молятъ за добраго и справедливаго Г. Г., который всегда умѣлъ цѣнить трудъ педагоговъ. Повторяемъ еще разъ, что о жизни и трудахъ Г. Г. во дворцѣ мы подробно не знаемъ, исключая частныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, нѣкоторыми его сотрудниками отмѣченныхъ выше. Надѣмся, что записки, которыя здѣсь велъ Г. Г., о чемъ сказано въ его некрологѣ, еще болѣе и полнѣе освѣтятъ его симпатичный образъ. Нужно вѣрить и надѣяться, что въ интересѣ исторической правды этотъ драгоценный матеріалъ не пропадетъ безслѣдно для потомства. Всегда глубоко сосредоточенный въ себѣ самомъ, можно сказать, покойный Г. Г. былъ силенъ и крѣпокъ духомъ, или, какъ говорятъ теперь, жилъ нервами. Многое онъ наблюдалъ; многое изучалъ своимъ богато одареннымъ умомъ; но главное, все это оригинально и прочно онъ обрабатывалъ въ своемъ сознаніи. Объ этой богатой силѣ его духа мы уже не разъ говорили здѣсь. Не

претендуя на психологию, кажется, въ этомъ отношеніи, можно наблюдать такой фактъ духовной стороны человѣка: люди, выдающіеся своей особой энергіей и силой духа, постоянно упражняя и укрѣпляя ее, именно и достигаютъ этимъ своего, возможнаго для нихъ, совершенства. По нашему крайнему разумѣнію, такъ или иначе, это все можно, вообще, объяснить; но все-таки нужно сказать, что Г. Г. Даниловичъ, во всякомъ случаѣ, принадлежалъ къ разряду особо выдающихся и рѣдкихъ натуръ въ нашей обычной, сѣрой дѣйствительности, которая теперь еще осложняется разными неожиданными явленіями и событіями.

Нужно также сказать, что мы, бывшіе его питомцы и ученики, интересовались положеніемъ Г. Г., хотя онъ и стоялъ отъ насъ далеко и находился въ другихъ сферахъ. Мы знали и вѣрили, что до самой кончины Г. Г. былъ вѣренъ своимъ идеаламъ. Мы знали, что принципы, убѣжденія и нравственные идеалы, выработанные тяжелымъ и продолжительнымъ опытомъ жизни Г. Г., были у него тверды, постоянны и устойчивы. Въ этомъ отношеніи нужно быть увѣреннымъ и далекимъ отъ того, чтобы думать о какой-либо реакціи, или перемѣнѣ убѣжденій Г. Г.

Затѣмъ нужно сказать, что, зная Г. Г., можно думать, что онъ былъ вообще далекъ отъ разныхъ вѣяній и теченій высшихъ сферъ. Вѣрный своимъ педагогическимъ, высоконравственнымъ идеаламъ, онъ тихо, но плодотворно выполнялъ свое отвѣтственное дѣло. Такъ объ этомъ намъ говорили люди, стоявшіе у этого дѣла. До послѣднихъ минутъ своей жизни, намъ говорили, Г. Г. живо интересовался учебнымъ дѣломъ въ Царской семьѣ.

Но пришелъ конецъ и земной жизни Г. Г. Узнавши изъ газетъ о кончинѣ его, я отправился въ квартиру покойнаго, чтобы побыть на панихидѣ. Тихо и мирно лежалъ въ гробу нашъ почившій учитель и наставникъ. Въ его скромной квартирѣ, при Аничковомъ дворцѣ, собрались бывшіе его сослуживцы по военно-учебнымъ заведеніямъ, напр., А. Н. Макаровъ и др. Пасхальное пѣніе у гроба почившаго производило свое неотразимое дѣйствіе, соединенное со свѣтлымъ и отраднымъ чувствомъ надежды въ будущемъ мірѣ для усопшаго, положившаго свою душу для другихъ... Одно изъ близкихъ лицъ, находившееся при кончинѣ Г. Г., передавало, между прочимъ, бывшимъ на панихидѣ, что покойный передъ смертью былъ слабъ, что кончина его была вообще тихая. Отдавши, по христіанскому обычаю, „послѣднее цѣлованіе умершему“, лежавшему съ открытымъ лицомъ въ гробу, мы отправились домой...

Пришлось намъ побыть и при выносѣ тѣла Г. Г. Подобающія военному генералу воинскія почести, отданныя открыто почившему

Г. Г., въ послѣдній уже разъ напоминали всѣмъ объ его высокому трудѣ и заслугахъ для Россіи. Но съ грустью еще нужно отмѣтить, что переживаемое нами теперь тревожное и тяжелое время таково, что даже кончина и утрата выдающихся дѣятелей и педагоговъ какъ-то проходитъ незамѣтно. Отмѣтимъ здѣсь, что, напр., о кончинѣ, и особенно о заслугахъ Г. Г. въ повременной печати не много было говорено вообще.

Наконецъ, что касается историческаго значенія дѣятельности покойнаго Г. Г. Даниловича, то нужно еще сказать, что ее слѣдуетъ разсматривать въ связи съ той эпохой, когда онъ выступилъ на общественное поприще, какъ выдающійся педагогъ. Призванный къ высокой дѣятельности обновить и преобразовать нашу военную школу, послѣ крымскаго разгрома, покойный Г. Г., какъ уже тоже сказано выше, благодаря своему выдающемуся уму, таланту, широкому и всестороннему образованію, необычайной энергіи, самопожертвованію и гуманности, съ честью выполнилъ свою высокую и отвѣтственную миссію воспитателя, наставника и руководителя многочисленныхъ своихъ питомцевъ, юношей, умѣлыхъ и опытныхъ педагоговъ. Онъ явился новаторомъ обновлявшейся тогда военной школы, на ея разумныхъ и прогрессивныхъ началахъ. 14 лѣтъ трудился Г. Г., какъ директоръ преобразованной тогда 2-й военной гимназіи. Бывшіе питомцы искренно любили и высоко уважали своего гуманнаго директора Г. Г. Даниловича; любили его, какъ отца, особенно бѣдные изъ нихъ. Особенно же незабвенна для потомства останется благотворная дѣятельность его, какъ перваго у насъ въ Россіи организатора и руководителя педагогическихъ курсовъ, которые дали столько полезныхъ педагоговъ, не только для военныхъ, общеобразовательныхъ школъ, но, въ значительной степени, и для другихъ подобныхъ учрежденій въ Россіи. Глубоко признательными должны остаться къ высоко полезной дѣятельности Г. Г. Даниловича тѣ, которые знали все это и видѣли на дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи онъ, по своимъ заслугамъ, какъ выдающійся педагогъ, служить лучшимъ украшеніемъ въ томъ ряду высоко полезныхъ дѣятелей, которымъ было славно царствованіе незабвеннаго Царя-Освободителя. Тѣмъ же неугасимымъ свѣточемъ онъ былъ и послѣ.

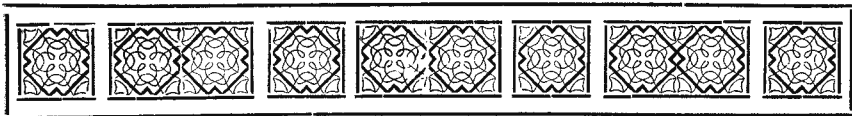
Велико должно быть и нравственное значеніе дѣятельности Г. Г. Даниловича: постоянно и неуклонно работая надъ своимъ внутреннимъ самоусовершенствованіемъ, отдавая свои богатые дарованія и непрестанную дѣятельность всецѣло для другихъ, онъ шелъ неуклонно къ тому высокому идеалу, который завѣщанъ намъ І. Христомъ и Его послѣдователями. Въ этомъ самоотверженіи Г. Г.

для блага другихъ, по нашему крайнему разумѣнію, и заключается высокопоучительный смыслъ и значеніе благотворной дѣятельности его, какъ выдающагося педагога. Память о такихъ людяхъ не умираетъ въ потомствѣ: она возбуждаетъ его къ бодрой работѣ для будущаго. Особенно же дорога память о такихъ дѣятеляхъ въ наше тяжелое время; такіе дѣятели, какъ Г. Г., не падали духомъ въ тяжелой борьбѣ, потому что умѣли питать и укрѣплять его для общаго блага.

Вѣчная память дорогому учителю и рѣдкому человѣку—Г. Г. Даниловичу!

М. Прокопьевъ.

Къ біографіи М. Н. Муравьева.

е смотря на то, что протекло уже 100 лѣтъ со смерти Михаила Никитича Муравьева, мы до сихъ поръ не имѣемъ сколько-нибудь полной его біографіи. Какъ извѣстно, Михаилъ Никитичъ былъ учителемъ и „приставникомъ“ Императора Александра I и великаго князя Константина Павловича, и съ этой стороны было бы очень важно знать, что былъ за человекъ Муравьевъ, каково было его вліяніе на своихъ высокихъ питомцевъ и т. п. Пыпинъ въ своемъ „Общественномъ движеніи“ и Буличъ въ „Очеркахъ“ очень глухо отзываются о педагогической дѣятельности Муравьева, вѣроятно, именно вслѣдствіе недостатка знакомства съ сочиненіями послѣдняго, а также его біографіей. Мы привыкли „звать варяговъ“ всякій разъ, какъ у насъ что-нибудь случится, и все готовы имъ приписать. Въ данномъ случаѣ сформированіе характера Александра I, его наклонностей, а главнымъ образомъ образованіе мы всецѣло почти приписываемъ Лагарпу, — между тѣмъ въ этомъ Михаиль Никитичъ игралъ не маловажную роль. Правда, у насъ нѣтъ такого свидѣтельства относительно роли Муравьева въ жизни Александра I, какъ относительно Лагарпа, но это отчасти могутъ восполнить его сочиненія, а также дружескія отношенія Благословеннаго къ своему воспитателю изъ русскихъ.

Но личность Муравьева важна и въ другомъ отношеніи — вѣдь онъ былъ товарищемъ министра нар. просвѣщенія и попечителемъ Московскаго университета. И въ той и другой дѣятельности имъ было сдѣлано очень много. Вотъ слова Александра I относительно того, какую роль игралъ Муравьевъ въ министерствѣ: „Ваше сожалѣніе“, пишетъ Императоръ Лагарпу, „о назначеніи Завадовскаго уменьшится, когда вы получите вѣрныя свѣдѣнія относительно организациі вѣреннаго ему министерства. Онъ самъ нуль. Совѣтъ, составленный изъ Муравьева, Клингера, Чарторыйскаго, Новосильцева

и т. д., управляетъ всё́мъ“ (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. V, стр. 39). Что же касается дѣятельности Муравьева на поприщѣ попечителя Московскаго университета, то она отчасти выяснена проф. Шевыревымъ въ его „Исторіи Московскаго университета“.

Ниже мы приводимъ два документа, найденные нами при разборѣ бумагъ Муравьева, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ, которыя помѣщаемъ съ сохраненіемъ орфографіи подлинника. Одинъ изъ этихъ документовъ содержитъ лѣтнее росписаніе уроковъ для великихъ князей, а другой касается причины перехода Муравьева изъ военной службы въ гражданскую. Кроме того, изъ него мы видимъ, что Михаилъ Никитичъ былъ не только учителемъ Александра I въ русскомъ языкѣ, но и его супруги, тогда еще принцессы баденской.

I.

Порядокъ ученія Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича ¹⁾.

По утрамъ:

Всѣ дни недѣли съ господиномъ де Ларпомъ ²⁾.

Послѣ обѣда:

Въ понедѣльникъ: оба великіе князья рисуютъ, а послѣ учатся: Александръ Павловичъ по-англійски, Константинъ Павловичъ по-гречески.

Во вторникъ: первые часы съ господиномъ де Ларпомъ, а послѣдніе съ господиномъ Муравьевымъ по-русски.

Въ среду: Александръ Павловичъ начинаетъ по-нѣмецки, а кончитъ по-англійски, а Константинъ Павловичъ начинаетъ по-гречески, а кончитъ по-нѣмецки.

Въ четвергъ: сперва рисуютъ, а потомъ учатся съ господиномъ де Ларпомъ.

Въ пятницу: Александръ Павловичъ начинаетъ по-нѣмецки, а кончитъ по-русски; а Константинъ Павловичъ начинаетъ по-русски, а кончитъ по-нѣмецки.

Въ субботу: оба великіе князья учатся физикѣ у господина Крафта.

¹⁾ См. рукоп. Муравьева № 34, л. 45.

²⁾ Лагарпомъ.

Въ среду и пятницу: оба великіе князья танцуютъ съ господиномъ Пикомъ.

Въ понедѣльникъ: Константинъ Павловичъ, а въ четвергъ Александръ Павловичъ ѣздятъ въ манежъ.

Апрѣля „ „ дня
1790 года
Село Царское.

II.

Письмо М. Н. Муравьева къ князю А. А. Беклешову¹⁾.

Свѣтлѣйшій князь!

Милостивый Государь!

Александръ Андреевичъ!

Драгоценное воспоминаніе, что я удостоился нѣкогда заслужить вниманіе Вашей Свѣтлости, останется навсегда впечатлѣннымъ въ благодарномъ сердцѣ моемъ. Оно мнѣ служить теперь единственною отрадою въ глубокой горести, въ которую ввержень я прощениемъ меня въ производствѣ почти всѣхъ бригадировъ, пожалованныхъ 4 іюня въ генераль-маіоры. Я не вижу другого средства къ возстановленію меня въ глазахъ общества, какъ въ великодушномъ покровительствѣ, которымъ Ваша Свѣтлость можете возвысить жребій мой отъ сего оскорбляющаго униженія. Оно мнѣ тѣмъ болѣе чувствительно, что бывшіе со мною при воспитаніи ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей младшіе меня приставники воспользовалися Монаршею милостію, и я одинъ, кажется, былъ избранъ между ими для испытанія всей строгости наказанія въ то время, когда я ласкался имѣть нѣкоторое право къ отличеніямъ особенными моими трудами при ученіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ великихъ князей и Государынь великихъ княгинь. Ежели мнѣ еще позволено обманываться какою-нибудь отрадою, то я стараюся увѣрить себя, что сіе оставленіе меня въ прежнемъ чинѣ

---

¹⁾ См. рукоп. Муравьева № 38, л. л. 6—7. Когда это письмо было написано, точно неизвѣстно, такъ какъ на немъ нѣтъ никакой хронологической даты. Во всякомъ случаѣ оно написано не ранѣе 1797 г., такъ какъ отъ 4 іюня этого года сохранилась его записка къ неизвѣстному лицу, изъ которой видно, что Михайлъ Никитичъ въ 1797 г. числился еще на военной службѣ въ чинѣ бригадира. Записка эта также хранится въ Публ. Библ. подъ № 38, л. 1. Приводимъ ея текстъ: «Покорнѣйше прошу дать мнѣ билетъ на покунку ста чудовъ сѣна для имѣющихся у меня семи лошадей. 1797 г. іюня 4 дня. Бригадиръ М—айло Муравьевъ». *Прим. Я. Б.*

произошло отъ того, что я только считаюсь въ арміи и не несу дѣйствительно военной службы. Ежели отчаяніе имѣеть какую-нибудь вѣроятность, соблаговолите, Свѣтлѣйшій князь! отвратить сіе обстоятельство исходатайствованіемъ мнѣ мѣста въ обширной части правленія ввѣренной особенно попеченіямъ вашей Свѣтлости¹⁾ и испросите мнѣ Высочайшее награжденіе слѣдующаго чина по гражданской линіи въ сравненіи съ моими сверстниками. Высокое чувствованіе чести, которымъ украшается душа ваша, представитъ себѣ, безъ моего выраженія, безпредѣльную обязанность, которую наложить на меня изволите возвращеніемъ того, что драгоцѣннѣе жизни.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ пребывать честь имѣю
Свѣтлѣйшій князь

Милостивый Государь

Вашей свѣтлости

всенижающій слуга

Михайло Муравьевъ.

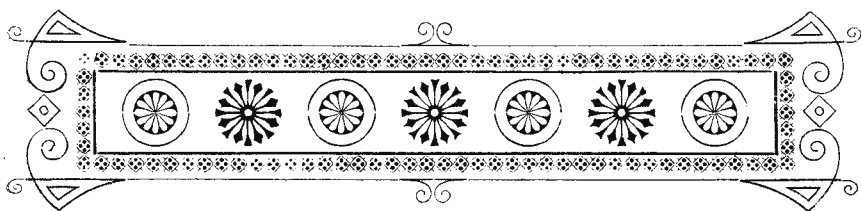
Сообщилъ А. Я. Бирюковъ.

---

¹⁾ А. А. Беклешовъ съ 3 декабря 1796 г. состоялъ военнымъ губернаторомъ Каменецъ-Подольска, а въ 1797 г. въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи былъ военнымъ губернаторомъ Кіева; должность эту онъ исправлялъ до 1799 г., когда Павелъ I назначилъ его сенаторомъ и генераль-прокуроромъ. Въ 1800 г. 2 февраля Беклешовъ былъ уволенъ не только отъ должности генераль-прокурора, но и вовсе отъ службы. Принимая въ соображеніе вышесказанное, а также то, что Муравьевъ въ началѣ 1800 г. былъ назначенъ сенаторомъ, можно предположить, что письмо къ Беклешову имъ было написано именно въ 1799 г., когда Беклешовъ находился въ фаворѣ у Павла I.

Изъ записокъ стараго помѣщика.

Рядъ похищеній и увлеченій.

Вѣтъ 60—70 назадъ, при крѣпостномъ правѣ, каждому чиновнику и купцу представлялась возможность имѣть дешевую прислугу, нанимавшуюся у помѣщиковъ, и въ то время трудно было встрѣтить на улицахъ безъ лакея или горничной хоть сколько-нибудь порядочныхъ женщинъ, не говоря уже о дѣвицахъ. И Боже упаси было увидѣть въ провинціи женщину, прогуливающуюся съ постороннимъ мужчиной и безъ провожатаго. Ей сейчасъ приписывалась безнравственность, и она дѣлалась притчей во языцѣхъ. О помѣщичьихъ семействахъ и говорить нечего. Для нихъ существовали кареты, запряженные четверикомъ пугомъ, съ форейторами, а во время прогулокъ верхомъ были провожатыми жокеи или лакеи въ ливреяхъ. И трудно сказать почему именно, но въ тѣ времена стѣсненія женской свободы, случаи оставленія мужей женами были большой рѣдкостью и объ нихъ знали даже и въ другихъ губерніяхъ. Но зато похищеніе дочерей было дѣломъ зауряднымъ и на своей памяти я могу ихъ насчитать не мало, при чемъ похитителями были преимущественно домашніе наставники и другія лица, допускавшіяся въ интимную жизнь семьи.

Тогда, при отсутствіи въ провинціи институтовъ и гимназій, женское образованіе было весьма ограниченное, такъ какъ не всѣмъ было доступно выписывать гувернантокъ, и въ городахъ преимущественно ограничивались приглашеніемъ для ученія своихъ дѣтей

*

недоучекъ мужскихъ гимназій, ссыльныхъ поляковъ, которыхъ въ Саратовѣ было довольно, французовъ, застрявшихъ въ Россіи послѣ двѣнадцатаго года, и разныхъ другихъ проходимцевъ-учителей. И эти люди вкрадывались въ довѣріе семьи, и пользуясь обычной близорукостью родителей, сплошь и рядомъ развивали юныхъ дочерей въ дурномъ направленіи, похищая изъ нихъ болѣе богатыхъ, и были случаи даже соvrращенія женъ.

Въ концѣ 30-хъ годовъ мѣщанинъ Вася ...кинъ, исключенный изъ IV класса гимназіи, былъ приглашенъ давать уроки въ весьма почтенный домъ богатаго помѣщика генерала, гдѣ спустя нѣсколько лѣтъ, когда единственная дочь этой семьи достигла 16-лѣтняго возраста, она бѣжала съ нимъ и обвѣнчалась. Высшее общество, къ которому она принадлежала, заперло свои двери для новобрачной, а вдовая мать не вынесла этого удара и вскорѣ скончалась, но молодая супруга, пользуясь пожизненнымъ правомъ дворянки владѣть крестьянами, увезла своего мужа въ деревню. Вася ...кинъ умеръ, и жена оплакивала его до тѣхъ поръ, пока не пришлось ей, внесенной въ пятую часть родословной дворянской книги, приписывать своихъ дѣтей къ мѣщанскому обществу. Тутъ она страшно возмутилась и долго не хотѣла покориться этому обстоятельству.

Такихъ случаевъ на моей памяти было очень много, и теперь еще живы нѣкоторые почтенные люди, которые вспоминаютъ, какъ послѣ смерти ихъ матерей у нихъ отбирали крѣпостныхъ крестьянъ въ казну, такъ какъ отцы ихъ не принадлежали къ потомственному дворянству.

Въ 40-хъ годахъ былъ возмутительный случай въ семействѣ полковника, носившаго голубой мундиръ. Жена его была дочерью ветерана двѣнадцатаго года и воспитывалась въ одномъ изъ столичныхъ институтовъ; красавица брюнетка была настолько скромна, что, бывъ уже замужемъ, служила примѣромъ для всѣхъ дѣвицъ. Мужъ ея былъ великолѣпный человекъ и они были вполне счастливы до тѣхъ поръ, пока не стали выростать дѣти. Тутъ понадобился для нихъ учитель, для чего и былъ приглашенъ находившійся въ Саратовѣ, подъ надзоромъ полиціи, бѣжавшій изъ своего отечества, молодой шведскій офицеръ генеральнаго штаба, Девель. Онъ былъ очень красивъ, но въ высшемъ обществѣ не вращался, и его знали только, какъ учителя. Конечно, никому и въ голову не приходило, чтобы такая скромная женщина, какъ жена этого полковника, увлеклась Девелемъ.

Однажды въ нѣмецкомъ клубѣ, помѣщавшемся въ домѣ Челюскиныхъ, во время маскарада ко мнѣ подошла неизвѣстная мнѣ

стройная маска въ черномъ домино. Я былъ тогда еще очень молодъ и передъ поступленіемъ въ кавказскія войска служилъ чиновникомъ при губернаторѣ Кожевниковѣ. Съ маской, какъ вообще и водится, я ходилъ подъ руку, и она все время смущенно поглядывала на Девеля; когда же мнѣ пришлось съ ней танцевать кадрили, Девель безцеремонно подошелъ къ намъ и увелъ отъ меня маску. Возмущенный этой дерзостью, я потребовалъ отъ Девеля удовлетворенія, но онъ, не обращая на это вниманія, хотѣлъ насильно увести маску изъ клуба. Общество настолько было возмущено этимъ обстоятельствомъ, что даже прекратило танцы и послѣшило передать о случившемся жандармскому полковнику, который въ это время въ гостинной игралъ въ карты. И тотъ, скрывъ, что эта маска оказалась его женой, просилъ меня проводить ее до кареты, а самъ снова сѣлъ за карты. Относительно Девеля тутъ же старшины составили актъ, вслѣдствіе котораго онъ былъ торжественно выведенъ изъ клуба и, по порядкамъ того времени, двое лакеевъ, идя за нимъ до выходныхъ дверей съ половыми щетками, заматали его слѣдъ.

Драться на дуэли съ Девелемъ однако же мнѣ не пришлось, такъ какъ, по распоряженію губернатора, утромъ онъ былъ арестованъ и затѣмъ вскорѣ высланъ въ Вятку за неслыханный поступокъ: когда жена полковника, возвратясь домой, раздѣлась въ своей уборной, выходявшей окнами на улицу, то Девель бросилъ ей въ окно камень, обернутый запиской, въ которой съ угрозами требовалъ, чтобы она немедленно вышла къ нему. Полураздѣтая женщина, набросивъ на себя наскоро салоиъ чернобурыхъ лисъ, исполнила его требованіе, умоляя не дѣлать скандала, но Девель, посадивъ ее въ сани, увезъ къ себѣ на квартиру, гдѣ, оставивъ у себя ея дорогой салоиъ и брилліантовыя серьги изъ ушей, выгналъ ее на улицу, откуда эта несчастная женщина должна была пройти почти полгорода домой ночью, въ сильный морозъ, въ ночной кофтѣ и туфляхъ. Въ довершеніе же своей подлости Девель потребовалъ отъ мужа три тысячи рублей выкупа за оставленные имъ у себя дорогія вещи.

Мужъ былъ настолько благороденъ, что, любя жену, простилъ ей, но самъ тутъ же впалъ въ эпилепсію и черезъ годъ умеръ. Жена же его, отвергнутая обществомъ, долго скиталась по разнымъ губерніямъ, преслѣдуемая слухомъ объ этой ужасной исторіи, и лѣтъ 20 назадъ говорилось въ столичныхъ газетахъ, что она кончила жизнь въ Одессѣ содержательницей дома терпимости.

Не стану упоминать здѣсь объ очень многихъ, бывшихъ на

моихъ глазахъ, случаяхъ похищенія дочерей богатыхъ семействъ, кончившихся свадьбой, хотя нѣкоторые изъ нихъ были немного лучше женитбы Вася ...кина, и расскажу лишь о болѣе выдающихся.

Въ концѣ 50-хъ годовъ появился въ Саратовѣ молодой и далеко не красивый учитель-музыкантъ, Петровъ. Онъ былъ хорошій скрипачъ и давалъ въ то же время уроки на фортепiano. Очаровывая ученицъ своей игрой, онъ два раза неудачно похищалъ ихъ, такъ какъ при первой его попыткѣ бѣглянку, дочь бывшаго командира гарнизоннаго баталіона, успѣли захватить въ церкви до вѣнчанія, а вторую, дочь купца, вечеромъ задержали съ нимъ на улицѣ по дорогѣ въ церковь, но зато третья попытка ему удалась, и онъ съ дочерью вдовы богатаго помѣщика Степанова успѣлъ повѣнчаться. Однако же стройная брюнетка *beau broncé*, съ синими глазами, напоминавшая собою типъ креолки, недолго пользовалась своимъ счастьемъ и черезъ два мѣсяца своего замужества сбѣжала отъ супруга прямо отъ рояли, гдѣ Петровъ, аккомпанируя ей на скрипкѣ, въ экстазѣ своей игры сломалъ объ голову жены смычекъ, вслѣдствіе чего красавица-креолка, выскочивъ изъ окошка въ одномъ платьѣ, въ страшномъ отчаяніи прибѣжала въ домъ къ своей матери. Петровъ послѣ этого подалъ заявленіе о водвореніи къ нему жены, и постановленіе о приводѣ ея къ мужу пслиціей уже было составлено губернскимъ правленіемъ, но бывший въ то время предводитель дворянства вошелъ въ положеніе молодой женщины и протестовалъ противъ этого распоряженія, принявъ во вниманіе, кромѣ грубаго обращенія съ женой, еще то обстоятельство, что Петровъ похитилъ все дорогое приданое жены, не исключая мебели, зеркалъ и проч.,—увезъ его въ Воронежъ, гдѣ подъ своимъ управленіемъ составилъ театральнй оркестръ;—при чемъ онъ, воспользовавшись выданными его женѣ долговыми обязательствами на крупную сумму, успѣлъ передать ихъ кредиторамъ за половинную цѣну.

Предводитель дворянства по этому случаю снесся тогда съ воронежскимъ губернаторомъ, по распоряженію котораго все приданое, почти еще не тронутое, было цѣлымъ обозомъ доставлено въ Саратовъ.

18-ти лѣтняя креолка, получивъ свое великолѣпное приданое, которое ей дѣлали въ столицѣ, появилась затѣмъ на балѣ въ дворянскомъ собраніи, хотя этому и предшествовала цѣлая буря въ обществѣ благочестивыхъ дамъ, такъ какъ онѣ находили шокирующимъ присутствіе среди нихъ женщины, бросившей мужа. Три, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, дамы, имѣя вліятельныхъ мужей, которые въ то же время состояли старшинами клуба, узнавъ о

намѣреніи г-жи Петровой, настояли, чтобы мужа ихъ вызвали противъ этого протестъ членовъ дворянскаго клуба ¹⁾).

Это обстоятельство дошло до предводителя и онъ, не долго думая, приказалъ запереть домъ дворянства, вывѣсивъ на дверяхъ объявленіе, что клубные вечера, впредь до особаго распоряженія, прекращаются по случаю перекладки печей.

Дамское общество было поражено этимъ обстоятельствомъ немовѣрно, такъ какъ для бала уже готовы были роскошные костюмы, выписанные нѣкоторыми изъ нихъ даже изъ Петербурга. Записки прелестнаго пола, съ мольбами къ предводителю отворить домъ дворянства, посыпались со всѣхъ сторонъ; пріѣзжали къ нему съ той же просьбой отъ женъ губернаторъ, жандармскій полковникъ и другія вліятельныя лица, а также и старшины клуба, которые и дали слово, что никакихъ демонстрацій противъ Петровой не будетъ.

И вотъ дамы, слѣдовавшія смѣшной и странной модѣ съѣзжаться на балъ послѣ полуночи, собрались на этотъ разъ гораздо раньше. Танцы начались, но шли очень вяло, такъ какъ общество, волнуясь, ожидало появленія женщины, надѣлавшей такъ много шума. Наконецъ, въ дверяхъ залы появилась креолка въ брилліантахъ, въ малиновомъ бархатномъ платьѣ съ дорогими валансьенскими кружевами. Предводитель дворянства послѣшилъ ей навстрѣчу и подъ руку провелъ черезъ всю залу. Она робко смотрѣла на незнакомыя ей лица, такъ какъ, кончивъ образованіе, тотчасъ же вышла замужъ, не успѣвъ войти въ общество. Но дамы, надо отдать имъ справедливость, сдержали свое слово и не только не проявили никакой демонстраціи, но, наоборотъ, стали даже сами подходить къ ней. Нѣсколько уѣздныхъ предводителей, въ числѣ которыхъ одинъ оказался ея двоюроднымъ дядей, танцовали съ ней *contredanse*, при чемъ, въ видѣ раскаянія, ея главный недоброжелатель, никогда не танцовавшій, жандармскій полковникъ Пашенный, также протанцовалъ съ ней кадрили.

Получивъ такое удовлетвореніе со стороны общества и отъ предводителя дворянства—отдѣльный видъ на жительство, г-жа Петрова уѣхала съ матерью изъ Саратова. Мужъ же ея, однако, не долго пользовался присвоеннымъ капиталомъ, такъ какъ вскорѣ затѣмъ, возвратившись въ Саратовъ, бросился съ баржи въ Волгу, гдѣ и утонулъ. Впослѣдствіи Петрова до конца жизни находилась въ Саратовѣ, давая уроки музыки.

---

¹⁾ Эти же самыя дамы, полгода передъ тѣмъ, не считали для себя пресудительнымъ провожать съ бокалами шампанскаго на пароходѣ одну госпожу съ княземъ Киргизской Орды,—для котораго она внезапно бросила мужа, пользовавшагося высокимъ положеніемъ среди дворянства губерніи.

Курьезно то обстоятельство, что ея мать, ранѣе въ свою очередь увлекшись во вдовствѣ молодымъ французомъ управляющимъ, вышла за него замужъ, но прожила съ мужемъ также не особенно долго, такъ какъ онъ, промотавъ значительную часть состоянія, ее бросилъ.

Еще расскажу одинъ курьезъ: жена одного извѣстнаго въ губерніи помѣщика, композитора С., увлеклась сельскимъ священникомъ, который, снявъ съ себя духовный санъ, женился на ней, съ оформленнаго согласія своей попадьи и покинутого мужа, и поступилъ на гражданскую службу въ Западный край. Мужъ же помѣщикъ, скучая въ своемъ одиночествѣ, нашелъ внослѣдствіи утѣшеніе съ покинутой попадьей.

Съ 60-хъ годовъ многое измѣнилось. Щепетильность дамскаго общества настолько понизилась, что не только появленіе въ немъ соломенныхъ вдовъ стало дѣломъ зауряднымъ, но начали происходить иного рода, неслыханные до того времени, случаи.

Жена одного очень почтеннаго и чиновнаго человѣка, принадлежавшая къ извѣстной въ Саратовской и Пензенской губ. фамиліи, проживъ нѣсколько лѣтъ замужемъ, увлеклась молодымъ кучеромъ изъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ людей. Мужъ ея, далеко не старый и пользовавшійся уваженіемъ въ губерніи, узнавъ объ этой связи, скрывалъ ее отъ общества и, лишь умирая въ скоротечной чахоткѣ, объявилъ объ этомъ въ послѣдніе часы своей жизни нѣкоторымъ лицамъ. Я и мой beau frère Ивановъ были свидѣтелями его признанія, при чемъ онъ въ присутствіи жены указалъ на своего сына и на сына кучера, послѣ чего преступная женщина выбѣжала изъ комнаты. Возможность такого позорнаго случая намъ казалась невѣроятной, и мы готовы были приписать это бреду умирающаго, тѣмъ болѣе, что эту особу я зналъ еще прелестной дѣвушкой, вышедшей изъ Смольнаго монастыря съ шифромъ. Но когда на другой день смерти ея мужа мнѣ пришлось навѣстить ее, то, войдя неожиданно, я засталъ эту барыню сидѣвшей за самоваромъ въ гостиной съ ея кучеромъ, передъ которымъ стояла закуска и бутылка водки. Пораженный этой картиной, я, ни слова не говоря, ушелъ.

Вскорѣ затѣмъ, по желанію покойнаго, надъ его имуществомъ и сыномъ была учреждена опека, и обязанности опекуна принялъ на себя родной братъ этой госпожи, не желавшій даже слышать имени сестры, уже обвѣнчавшейся съ кучеромъ.

Года три спустя мнѣ, какъ предводителю дворянства, доложили о приѣздѣ ко мнѣ этой госпожи, назвавшейся фамиліей своего перваго мужа. Я былъ страшно возмущенъ такой дерзостью, почему и принялъ ее стоя, высказавъ свое негодованіе, что она позволила себѣ называться честнымъ именованъ уважаемаго человѣка, но молодая женщи-

на упала въ обморокъ. Мнѣ стало жаль ея, я закричалъ женскую прислугу, которая принесла воды и помогла мнѣ привести ея въ чувство.

Спустившаяся съ ея головы длинная мѣщанская шаль раскрыла изнуренное лицо когда-то бывшей свѣтской барыни, и я невольно вспомнилъ въ ней молодую дѣвушку богатой помѣщичьей семьи, гордившейся своей единственной дочерью. Отецъ ея былъ предводителемъ одного изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи, а братья мировыми посредниками. Когда эта несчастная женщина очнулась, она въ слезахъ рассказала мнѣ свою горькую участь жены мужика, по требованію котораго она продала свое имѣніе и купила на его имя небольшой домъ въ глухой улицѣ Саратова. Весь же остальной капиталъ мужъ забралъ въ свои руки и прожилъ въ короткое время на извозничьи аферы.

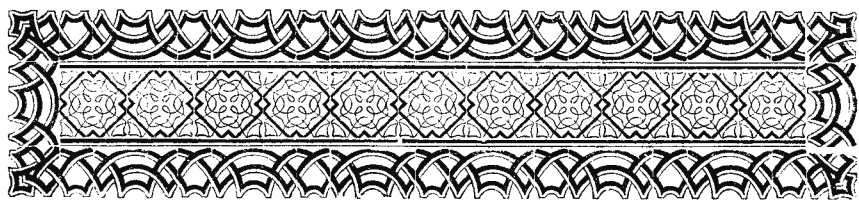
Желая убѣдиться, насколько эта женщина заслуживаетъ участія, я въ своей обыденной прогулкѣ нашелъ ея скромное жилище. Это былъ двухэтажный, въ три окна, небольшой флигель, выходящій окнами на улицу. При отсутствіи подъѣзда съ улицы, я вошелъ во дворъ и затѣмъ въ отворенную дверь нижняго этажа, гдѣ оказалась кухня. Тамъ въ русской печи варился въ горшкахъ обѣдъ. Вдоль стѣны стоялъ, покрытый грязной скатертью, кухонный столъ, на которомъ находилась большая глиняная чашка, блюдечко съ солью и нѣсколько деревянныхъ ложекъ. Сама же хозяйка, подоткнувъ за поясъ ситцевую юбку и съ шлычкой на головѣ, подмывала изъ лоханки полъ. Увидѣвъ меня, она съ крикомъ бросилась за занавѣску, отдѣлявшую кухню отъ темной комнатки, откуда, оправившись, вышла и пригласила меня въ комнату, выходящую окнами на улицу. На мой вопросъ, почему она не выйдетъ изъ этого положенія, не имѣя даже прислуги, она указала рукой на висѣвшую люльку, около которой сидѣла старуха, отгоняя мухъ отъ копошившагося тамъ ребенка, лежавшаго съ соской во рту. „Это матушка моего Ивана“, замѣтила она, „которая вамъ объяснитъ, что не мало перебивало у насъ молодыхъ работницъ, но изъ-за нихъ вѣчно происходили непріятности съ мужемъ, который на 10 лѣтъ меня моложе“. Вся эта обстановка и сама хозяйка произвели на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Когда же я собрался уходить, то на дворъ вѣхало двѣ извозничьихъ пролетки. Это были ея мужъ Иванъ и его племянникъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ людей. Оказалось, что они стояли на биржѣ близъ моего дома, на Соборной площади, и мнѣ не разъ приходилось съ ними ѣздить. Оба они, снявъ шапки, предложили довести меня до дома. Отказавшись на этотъ разъ отъ ихъ услугъ, я все-таки не стѣснялся подать руку провожавшей меня за ворота хозяйкѣ дома, которую съ тѣхъ поръ я больше никогда не видалъ.

Затѣмъ на моей памяти было еще нѣсколько болѣе прискорбныхъ случаевъ, гдѣ крестьянскимъ парнямъ выпадала роль даже соблазнитель дѣвицъ-дочерей благородныхъ семействъ, но въ этихъ случаяхъ главная вина, конечно, падаетъ на родителей, которые, гоняясь за чинами и звѣздами и добиваясь службы въ высшихъ учрежденіяхъ столицы, оставляли въ глухой деревнѣ единственныхъ своихъ дочерей подъ предлогомъ хозяйства.

В. А. Шомпулевъ.

Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви.

(Окончаніе ¹⁾).

Временикомъ преосвященнаго Пахомія былъ Феодосій Голосницкій. По происхожденію своему онъ, какъ и его предшественникъ, былъ малороссъ ²⁾, образованіе получилъ въ Кіевской академіи ³⁾ и былъ, надо полагать, сверстникомъ и однокашникомъ его по академіи ⁴⁾. Обладая, какъ и первый, большимъ умомъ и твердой волей, онъ въ отличіе отъ перваго былъ человѣкомъ въ высшей степени мягко-сердечнымъ и добрымъ. Всѣ отношенія свои къ подчиненнымъ онъ старался сводить, главнымъ образомъ, на нравственную почву, имѣя несокрушимую вѣру въ возрождающую силу любви. Всегда занятый мыслью о собственномъ нравственномъ самоусовершенствованіи и усовершенствованіи другихъ, онъ былъ человѣкомъ малопрактичнымъ въ жизни и далеко уступалъ епископу Пахомію въ своей хозяйственной распорядительности. Такимъ именно человѣкомъ изображаютъ его намъ добытыя нами историческія извѣстія. Будучи

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1908 г.

²⁾ Прибавленіе къ Вологод. Епар. Вѣд. 1869 г. №№ 14 и 15, стр. 606—607. Объ іерархахъ бывшей Великоустюжской епар. Н. Суворова.

³⁾ Асоченскій, часть II, 289, Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ.

⁴⁾ Такъ думать намъ даетъ нѣкоторое право какъ то, что оба они были малороссы и одновременно начали свое исторически-извѣстное административное служеніе. Е. Пахомій въ первый разъ встрѣчается въ спискахъ рос. іерарховъ въ санѣ архимандрита Іосифо-Волоколамскаго монастыря съ 1753. Е. Феодосій—архимандритъ Желтиковскаго монастыря съ того же 1753. Умерли они почти въ одно время. Е. Феодосій умеръ 24 дек. 1786 г., а Е. Пахомій 1789 г. 5 мая. Строевъ, ср. Ист. стат. опись. Тамб. епар. Хитрова.

вызванъ въ ректора Псковской семинаріи и архимандрита Святогорскаго монастыря¹⁾, онъ вмѣстѣ съ архипастыремъ псковскимъ—Веніаминомъ Пудекъ-Григоровичемъ послужилъ дѣлу возрожденія названной семинаріи и оставилъ въ исторіи ея неизгладимый слѣдъ. До него семинарія была въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ 1756 г., напрімѣръ (слѣдовательно, за 2 года до его назначенія сюда), въ трехъ высшихъ классахъ семинаріи не было ни одного ученика, а въ низшихъ же изъ 120, числящихся по записямъ, 70 значилось отпущенными въ домъ родителей „для обученія“, а 7—въ бѣгахъ. О прочемъ—нечего и говорить. При немъ же все начинаетъ упорядочиваться и принимать лучшей видъ. Матеріальныя средства семинаріи, хотя были и ограничены, сдѣлались болѣе надежными. Для развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ учащейся молодежи, полагались прочныя основанія. На учительскія должности назначались люди къ тому приготовленные, преподаваніе наукъ поставлено было на болѣе разумныхъ началахъ, и въ видахъ лучшаго развитія учащихся привнесены нѣкоторыя новыя предметы обученія. Въ основу воспитанія положена была христіанская любовь. Результатомъ всѣхъ этихъ благихъ начинаній добраго, сердечнаго ректора было то, что ученики не бѣжали теперь изъ пріютившей ихъ школы и за все 3-хъ лѣтнее управленіе его семинаріей исторія не знаетъ ни одного подобнаго факта. Очевидно, въ любвеобильномъ, пламенномъ сердцѣ о. ректора не тѣсно и не холодно было немалочисленнымъ²⁾ питомцамъ старой, въ общемъ суровой школы. Вѣсть о необычайной добротѣ псковскаго ректора скоро проникла не только въ столицы, но и далеко за предѣлы. Когда онъ былъ назначенъ (1761 году) епископомъ великоустюжскимъ, то былъ встрѣченъ здѣсь съ необычайной и по тому времени почестью³⁾. По всему видно было, что имъ хорошо извѣстна

1) До этого времени преосвящ. Феодосій былъ настоятелемъ Калязинскаго Макарьевскаго монастыря, куда былъ переведенъ изъ Желтиковскаго 25 мая 1755 г. (Строевъ).

2) Въ 1759 г. въ семинаріи было 197 учениковъ, и всѣ они значились «на лицо», въ 1760—212; въ 1761 г.—226.

3) Вотъ какъ описывается эта встрѣча въ современныхъ запискахъ. «Сей Пр. по степеніи 10 прибылъ въ Устюгъ Вел. 1762 г. марта 21 д. въ ночи и, миновавъ г. Устюгъ, изволилъ проѣхать въ с. Богородское, въ которомъ продолжалъ бытіе свое марта до 25 числа; между тѣмъ какъ священныя чины, такъ дворянскіе и гражданскіе поздравляли Е. Пр. съ счастливымъ прибытіемъ и получали его Архип. благословеніе, а 25 числа марта изволилъ въ Устюгъ вступить въ препровожденіи духовныхъ властей до вратъ Архангельск. монастыря; а во-первыхъ встрѣченъ былъ подъ Іоанно-Предтеченск. монастыремъ при множественномъ числѣ народа, малыми подъя-

была чистая открытая душа ихъ новаго архипастыря. Пробывъ 5 лѣтъ на В.-Устюжской кафедрѣ, въ 1766 г. кроткій и смиренный архипастырь по волѣ Синода, къ великой грусти своей паствы долженъ былъ оставить Устюгъ и переселиться въ Тамбовъ, оставивъ въ своихъ устюжскихъ пасомыхъ память о себѣ, какъ о человѣкѣ добродѣтельной и богоугодной жизни ¹⁾.

Напутствуемый слезами и самыми лучшими благожеланіями устюжцевъ преосвященный Θεодосій ненавистью и враждой былъ встрѣченъ на своей новой кафедрѣ. Разсерженные насильственнымъ лишеніемъ горячо любимаго ими пастыря (е. Пахомія) и нежела- тельнымъ вниманіемъ высшаго церковнаго начальства (всѣ просив- шіе о возвращеніи были, какъ было уже замѣчено выше, нака- заны) тамбовцы не хотѣли и знать новаго епископа, кто бы онъ ни былъ. Уже это одно обстоятельство — незаслуженная вражда и ненависть со стороны паствы сильно огорчало нашего архипастыря и доставляло ему рядъ ужасныхъ нравственныхъ страданій. Но тамбовцы не довольствовались этимъ и искали повода болѣе рѣзко заявить свое нерасположеніе къ своему новому архипастырю и, если возможно, совершенно изгнать его изъ епархіи, скрыто, можетъ быть, питая надежду на возвращеніе чрезъ это своего любимаго пастыря. Поводъ представился. Въ 1768 году въ декабрѣ одинъ „негодный канцеляристъ“ консисторскій и выгнанный изъ хора

ками и семинаристами, облеченными въ стихари бѣлые, имѣющими на главахъ своихъ вѣнцы золоченные, а въ рукахъ держащими вербы укра- шенныя, которые шли по обѣимъ сторонамъ возлѣ его арх. кареты и пѣли стихиры: «Днесъ благодать Свят. Духа насъ собра» и прочія слѣдующія послѣ того стиха, идучи до вышеозначенныхъ вратъ монаст., а потомъ изволили выйти изъ кареты Е. Пр. и, вступая въ монаст. со всѣми града Устюга священно-церковно-служителями, изволили шествовать въ соборную Архангела Михаила большую холодную церковь, въ которой, облекшись по чину архіер., во все святит. облаченіе, при продолженіи тогда во всемъ г., по церквамъ, колоколеннаго звону; по облаченіи же началась цер. церемо- нія до кафедр. Успен. собора со всякимъ благочніемъ, предыдущимъ предъ Е. Пр. реченнымъ подъякамъ и учен. въ вѣнцахъ съ вербами два въ рядъ. И прибылъ Е. П. въ собор. цер., подать миръ всему гражданству, а по- томъ служилъ божеств. литург. и, по окончаніи оной, молебствовалъ о здравіи Ея Импер. Вел. и всей Ея Высоч. Фам. и потомъ шествовалъ въ домъ свой съ такою же церемонією. И по прибытіи въ крест. палату, чтены были предъ Е. П. на лат. и рос. діалектѣ кармина и ораціи (т. е. стихи и рѣчи), по окончаніи которыхъ пѣвчіе пѣли многія лѣта о здравіи Ея Вел., а потомъ о здравіи Е. П., и тѣмъ кончилась церемонія. (Прибав. къ Вологод. Е. В. 69 г. №№ 14 и 15 стр. 606—607. „Объ іерархахъ бывшей Великоустюж- ской епархіи“ Н. Суворова).

¹⁾ Прибавл. къ Вологод. Е. Вѣд. 1869 г. № 14 и 15 стр. 606—607. «Объ іерархахъ бывшей В.-Устюжской епархіи Н. Суворова.

пѣвчій, во время утрени ограбивъ въ Казанскомъ монастырѣ келію іеромонаха Пансія, самого его вытащили за монастырь, избили и оставили едва живымъ. Дѣло было какъ нельзя болѣе ясно. но, поступивъ къ воронежскому губернатору Маслову, оно тамъ рѣшено было почему-то неправильно, можетъ быть, вслѣдствіе ложныхъ свидѣтельскихъ показаній — епископскихъ недоброжелателей. Ревнитель правды — преосвященный Ѳеодосій донесъ объ этомъ Св. Синоду. Губернаторъ закипѣлъ гнѣвомъ на епископа; гнѣвомъ увлеклись и всѣ недовольные архипастыремъ. На бѣду указомъ отъ 24 января 1769 г. открытъ былъ наборъ съ духовенства, вмѣстѣ съ чѣмъ открывалось широкое поле для всякаго рода козней противъ незлобиваго, жизненно-непрактичнаго епископа, и враги его не преминули воспользоваться этимъ. Наборы, какъ извѣстно, всегда были грозой для забитаго духовенства. Тяжелая доля вѣчнаго солдата пугала даже самыхъ безстрашныхъ церковниковъ, и лучшіе люди того времени сознавали это и по мѣрѣ силъ и умѣнія старались улаживать дѣло къ обоюдному удовольствію. Такъ намъ уже извѣстна политика перваго тамбовскаго епископа XVIII в. Пахомія Симанскаго, который, пользуясь расположеніемъ свѣтскихъ начальственныхъ лицъ, страшный по тогдашнимъ порядкамъ наборъ превратилъ въ наборъ тѣхъ, которые по своему нраву наиболѣе способны быть солдатами. Вздумалъ и епископъ Ѳеодосій послѣдовать обычаю лучшихъ людей времени, но къ несчастію неудачно. Незлобивый пастырь не видѣлъ того, что вездѣ и всюду вокругъ него клекотала злоба и ненависть, ежеминутно готовая излиться на его голову. Не замѣчалъ, повторяемъ, епископъ окружающей его злобы и дѣйствовалъ, какъ подсказывали ему разумъ и сердце. Правильно понимая мотивы приказовъ о разборѣ духовенства — удалить ненужный для церкви избытокъ священно-церковно-служительскихъ дѣтей и только ¹⁾, — онъ удалялъ отъ службы неспособныхъ по старости лѣтъ и замѣнялъ ихъ новыми молодыми силами. Подобная мѣра епископа нисколько не противорѣчила духу высочайшаго повелѣнія, но она противорѣчила буквѣ указа, и этимъ не преминули воспользоваться враги его. Они доложили объ этомъ губернатору, губернаторъ Сенату. Результатомъ жалобы было то, что изъ Синода былъ присланъ епископу указъ отсылать къ разбору всѣхъ, кого только потребуютъ уполномоченные для разбора со стороны губернатора лица, и прислать объясненіе. Изумленный полученіемъ указа, епископъ медилъ и ничего не писалъ въ Си-

¹⁾ И. Экземплярскій. «Рекрутскіе наборы». Рук. для сельск. пастыр. 33 г. II. 22.

нодь и только послѣ новаго настоятельнаго требованія — отвѣтилъ. Пока шла эта переписка, епископъ не отпускалъ въ военную службу всѣхъ штатныхъ священно-церковно-служителей, а враги преосвященнаго не медлили въ совершеніи своихъ козней противъ ненавистнаго имъ епископа. По ихъ проискамъ была отправлена новая жалоба въ Синодъ. Неудовлетворясь этимъ, ободренные заступничествомъ губернатора, они стали требовать къ разбору въ военную службу лицъ, совершенно не подлежащихъ этому даже по буквѣ закона; такъ, они стали требовать давнишнихъ канцелярскихъ служителей консисторіи и духовныхъ правленій. Епископъ не могъ выносить подобной несправедливости и доносилъ объ этомъ Св. Синоду, заявляя, что отъ подобныхъ противозаконныхъ распоряженій воеводы, дѣла въ канцеляріи остановились, что дѣйствія воеводы злонамѣренно направлены къ нарушенію порядка въ епархіальномъ управленіи и къ его личному оскорбленію. Но изъ Синода тотъ же отвѣтъ—отправить всѣхъ требуемыхъ канцеляристовъ къ разбору. За жалобу же на противозаконныя требованія губернаторскихъ уполномоченныхъ, по ихъ внушенію, губернаторъ въ 3-ій разъ послалъ въ Сенатъ донесеніе на архипастыря, защищавшаго своихъ подчиненныхъ. Это новое донесеніе губернатора вмѣстѣ съ жалобами священно-церковно-служителей, изъ которыхъ одни (пономари Тарасовъ и Никифоровъ) писали, что будто бы „преосвященный за укрывательство церковниковъ бралъ великія взятки — рублей до 70-ти“¹⁾, а другіе заявляли, что они, имѣющіе на свои мѣста грамоты, отданы въ военную службу, тогда какъ опредѣленные на ихъ мѣста въ недавнее время оставлены въ покоѣ, — въ конецъ скомпрометтировало нашего святителя въ глазахъ Синода. Напрасно онъ писалъ Синоду, что доносчики изъ церковныхъ люди „негодные, штрафованные, бывшіе въ бѣгахъ“, что дѣйствія воеводы злонамѣренно направлены къ нарушенію порядка въ епархіальномъ управленіи и къ личному оскорбленію. Его словамъ не вѣрили, его прежней репутаціи не принимали въ расчетъ и указомъ Синода онъ „удержанъ былъ отъ правленія Тамбовской епархіи“, съ дозволеніемъ ему одного священнослуженія. Вскорѣ надъ нимъ была учреждена слѣдственная комиссія, и онъ вызванъ былъ въ Воро-

---

¹⁾ Замѣтимъ, подобная наглая клевета направлялась противъ того архипастыря, у котораго по смерти его осталось самое нищенское имущество: нѣсколько бѣдныхъ рясъ, четокъ, духовн. книгъ, икона Богородицы и 1.100 руб., изъ которыхъ 1000 руб. завѣщана была на покушку народнаго училища, и это послѣ 25 лѣтняго епископскаго служенія, послѣ 33-лѣтняго административнаго служенія (Дубасовъ... I в. 103. ср. Хитровъ. 108 стр.).

нежь на судъ. Цѣлыхъ 2¹/₂ года тянулось слѣдственное дѣло. Вслѣдствіе сильнѣйшей нерасположенности свѣтскихъ властей къ епископу слѣдственная комиссія ¹⁾ не удовольствовалась росписями духовенства, составленными консисторіею, и разъясненіемъ смиреннаго епископа, признавая ихъ „неудовлетворительными“, и требовала къ допросу многихъ священно-церковно-служителей и канцеляристовъ консисторіи и духовныхъ правленій. Слѣдственное дѣло было представлено на усмотрѣніе Императрицы Екатерины 2-ой, и она 14 февраля 1773 г. написала: „преосвященнаго Θεодосія въ несходственныхъ при разборѣ церковниковъ поступкахъ, равно и другихъ по тому дѣлу прилучившихся, прощаемъ“.

Нравственно истерзаннѣмъ и утомленнѣмъ явился кроткій епископъ къ любимой имъ, но холодно равнодушной къ нему богодарованной ему паствѣ ²⁾ и съ ревностью истиннаго пастыря и вѣрнаго слуги Христова принялся за упрядоченіе епархіальной жизни. Много трудовъ и заботъ предстояло нашему архипастырю. Произведенный наборъ лишилъ многіе приходы хорошихъ (сравнительно) причетниковъ. Найти замѣстителей ихъ изъ среды своихъ поголовно невѣжественныхъ пасомыхъ было не легко. И только счастливая случайность помогла епископу выйти изъ этого непригляднаго положенія. 40 церковно-служителей были возвращены изъ военной службы за „неспособностью“—вотъ изъ этихъ-то „негодныхъ для царской службы“, съ приказанія Синода, и были возвращены 19 человекъ въ церковный чинъ. Но замѣщеніе причетническихъ мѣстъ было далеко не первой заботою епископа. Отъ наблюдательнаго взора его не скрывалось то обстоятельство, что не-

¹⁾ Слѣдственную комиссію составляли: воронежскій епископъ Тихонъ П., не тотъ, который почиваетъ въ Задонскѣ, и рязанскаго Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній, присланный изъ СПб., премьерь-маіоръ Купреяновъ и губернаторъ; за недосугомъ послѣдняго могъ быть назначаемъ имъ чиновникъ губернской канцеляріи.

²⁾ Свою преступную холодность въ отношеніи къ преосвященному Θεодосію тамбовская паства обнаружила во время слѣдственнаго дѣла надъ нимъ. Всѣ въ Тамбовѣ знали, за что страдалъ епископъ, но, «несмотря на это даже самые близкіе къ нему, архіерейскаго дома служители, пѣвчіе и священно-церковно-служители, когда узнали, что епископъ удаленъ отъ дѣлъ правленія, не чинили ему послушанія; и въ отправленіи божественной службы, этой единственной отрады епископа, производили остановки и великіе неурядки». а игумень Трегуляевскаго монастыря Іеронимъ, въ присутствіи самого преосв. съ крикомъ и шумомъ называлъ его домъ—чортовымъ домомъ, а его самого—ярыжнымъ и озорническимъ полунменемъ. Оскорбленія и некоррство были на столько сильны, что епископъ вынужденъ былъ писать объ этомъ въ Синодъ (Дубасовъ, в. I, 104 стр. ср. Хитровъ. 92).

вѣжественнсе грубое духовенство, призванное къ нравственному возрожденію его предшественникомъ, съ удаленіемъ его возвратилось къ своимъ домашнимъ кумирамъ и далеко-далеко не оправдывало своего призванія и назначенія, тогда какъ историческія обстоятельства требовали этого. Дѣло въ томъ, что 1762 г. 18 февр. Императоромъ Петромъ III былъ изданъ знаменитый манифестъ о вольности дворянства, которымъ разрѣшалось дворянамъ служить и выходить въ отставку по собственному желанію, жить гдѣ угодно въ Россіи и за границей и учить дѣтей чему и какъ хочетъ (хотя послѣднее право скоро опять было отнято). Дворяне широко воспользовались предоставленной имъ свободой. Тотчасъ всѣ дороги изъ С.-Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спѣшили по своимъ угламъ Россіи. Будучи въ большинствѣ случаевъ людьми еще не старыми, насмотрѣвшимися петербургской жизни, привыкшими къ ней, съ кое-какими знаніями, любящими общество ¹⁾, они являлись сильными насадителями „барской“ культуры въ нашей сѣрой деревнѣ и съ самаго перваго дня по духу времени становились (въ большинствѣ случаевъ) въ антагонизмъ съ церковью и ея представителями. Нашъ край былъ особенно несчастливъ въ этомъ отношеніи. Въ наши многочисленныя барскія усадьбы и помѣстья много отлило сразу представителей свѣтскаго общества и, конечно, сразу начали культивировать темную деревню.

Пастыри церкви самымъ своимъ званіемъ призывались становиться въ антагонизмъ съ наноснымъ влияніемъ, но, при своей неразвитости и нравственной грубости, они не могли, конечно, сдѣлать этого и, естественно, или оставались молчаливыми свидѣтелями (въ лучшемъ случаѣ), или поддавались влиянію новаго вѣянія. Зло и нестроеніе общественной жизни все больше и больше росло. Видѣлъ все это епископъ, но не имѣлъ средствъ помочь горю. Скоро разразился пугачевскій громъ, и епархія преосвященнаго Феодосія была еще болѣе разорена. „Въ это тяжелое для государства время ни въ одной изъ мѣстностей, взволнованныхъ бунтомъ, не было столько случаевъ измѣны между духовными, какъ именно въ Тамбовскомъ краѣ“ ²⁾.

Генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ Панинъ, слѣдуя по пятамъ Пугачева и укрощая бунты въ народѣ, отмѣтилъ множество священно-церковно-служителей, на которыхъ мѣстные воеводы то зло-

¹⁾ Чечулинъ. Русское Провинц. Общ. во 2-ой 1/2 XVIII вѣка. (Истор. очерк. 89 г.) 57 стр.

²⁾ П. В. Знаменскій. Духов. школы въ Россіи до реформы 1808, 514 стр.

умышленно, то неумышленно указывали, какъ на покорныхъ слугъ мятежника ¹⁾, и въ своемъ донесеніи Императрицѣ писалъ, что „если бы духовный чинъ хотя малоинаковъ былъ, злодѣянія не возрасли бы до такой степени; что онъ находилъ духовенство „погруженнымъ въ самомъ вышнемъ невѣжествѣ и грубіанствѣ“, такъ что человекъ „съ настоящимъ чувствомъ добродѣтели и хотя съ нѣкоторымъ познаніемъ должности пастыря“ казался среди него какимъ-то дивомъ ²⁾. Результатомъ донесенія гр. Панина было то, что несчастные служители алтаря присуждены были къ лишенію сана и изверженію изъ духовнаго званія, „отчужденію отъ церкви и проклятію“ ³⁾. Окруживъ своего архипастыря, они оглушали его воплемъ и рыданіемъ и свидѣтельствовались Богомъ въ своей невинности, но добрый епископъ Θεодосій не могъ медлить въ рѣшеніи ихъ участи. Сто двадцать девять священно-церковно-служителей ⁴⁾ было лишено сана, „чрезъ одѣваніе ихъ въ мужичье платье и торжественное разстриженіе“. Не видя помощи и защиты отъ своего архипастыря, разоренныя семьи духовенства обратились съ своей мольбой къ свѣтскому начальству, и искреннія, непритворныя слезы ихъ призвали гражданское начальство къ строгому, безкорыстному изслѣдованію дѣла лишенныхъ сана. Сдѣланъ былъ повальный обыскъ, и оказалось, что служители алтаря, подвергнутые жесточайшему наказанію, пострадали всѣ невинно. Воронежскій губернаторъ Потаповъ посылалъ въ Синодъ донесеніе за донесеніемъ о невинности священно-церковно-служителей, замѣшанныхъ въ бунтѣ, а казанскій губернаторъ князь Платонъ Ст. Мещерскій, подъ управленіемъ котораго находилась Пензенская провинція, ходатайствовалъ о помилованіи предъ самой Императрицей. Слѣдствіемъ ходатайства князя Мещерскаго было изданіе всемило-

¹⁾ Хитровъ... 94.

²⁾ П. В. Знаменскій. «Дух. школы въ Россіи», 508 стр.

³⁾ И. И. Дубасовъ. Чума и пугачевщина въ Там. краѣ. «Ист. Вѣст.» 83 г. т. XIII ср. II в. 100 стр.

⁴⁾ Много горя принесла пугачевщина и дворянамъ. По донесенію Григорія Сердешнева во время Пугачевского бунта въ одной Пензенской провинці изъ благородныхъ дворянъ государственнымъ воровъ и его толпами было убито 173 человекъ: 99 муж. 74 жен. изъ 92 фам. (Собран. писемъ къ о. Памфилову, I т., 158—159 листъ). Вообще въ Тамбовскомъ краѣ было очень много убитыхъ, такъ что въ 1775 году въ Шацкѣ и Тамбовѣ пріѣзжали изъ Петербурга чиновники, которые составляли списки дворянскихъ сиротъ, оставшихся по смерти убитыхъ родителей, раздавали имъ денежные пособія и выбирали имъ благонадежныхъ опекуновъ изъ мѣстнаго уцѣлѣвшаго дворянства (Дубасовъ. Чума и Пугачевщина. «Истор. Вѣст.», 830 г., т. 13, 124 стр.).

стивѣйшаго манифеста (17 мар. 1775 г.), которымъ все священно-служители, лишенные сана, оставлены въ духовномъ званіи, на причетническихъ мѣстахъ, а церковно-служители вмѣсто военной службы опредѣлены въ податное сословіе. Только священно-служители г. Саранска, Наровчата остались на своихъ мѣстахъ, такъ какъ еще не успѣли снять съ нихъ сана. Архимандритъ Нижне-Ломовскаго монастыря Исаакій, съ почестью встрѣтившій пугачевца, вмѣстѣ съ своими соучастниками всенародно лишень архимандритства и монашества и даже волосъ на головѣ и бородѣ¹⁾.

Неприглядная картина быта духовенства до Пугачевщины послѣ нея стала еще мрачнѣе и страшнѣе. Прежде, хотя плохіе, да были священно-служители, теперь не хватало ихъ, а взять было негдѣ. Прежде мало уважаемы были помѣщиками и барами священно-церковно-служители, теперь ихъ авторитетъ совершенно поруганъ и обезчещенъ. Архимандритъ одного изъ лучшихъ монастырей, служившаго убѣжищемъ для всехъ жизненныхъ страдальцевъ и источникомъ возрожденія для всехъ извѣрившихся въ истинѣ, поруганъ и обезчещенъ, какъ какой-то тяжкій, злонамѣренный преступникъ (онъ на площади былъ лишень архимандритства, монашества и даже волосъ на головѣ и бородѣ—былъ обрить). И вотъ послѣ такого униженія священнаго сана, какое было допущено во время слѣдственнаго дѣла надъ епископомъ и измѣнниками (по невѣдѣнію) русскаго царя, преосвященный Θεодосій долженъ былъ взывать къ паствѣ о необходимости нравственнаго возрожденія, необходимости тѣснѣйшаго единенія между пастырями и пасомыми, какъ единственно вѣрномъ и надежномъ факторѣ жизненности общества! И епископъ съ ревностью истиннаго послѣдователя Невиннаго Страдальца принялся за это и съ честью вѣрнаго слуги Его выполнялъ. Не имѣя возможности найти замѣстителей изъ среды своихъ пасомыхъ, онъ просилъ Синодъ придти къ нему на помощь и дать ему способныхъ къ тому лицъ изъ другихъ епархій. Просьба его была уважена, и вотъ по приказу Синода нѣсколько священно-церковно-служителей были переведены въ нашу епархію изъ сосѣднихъ епархій: Крутицкой и Рязанской; духовникъ императрицы Екатерины—Ив. Ив. Памфиловъ, шлетъ къ Θεодосію кандидатовъ на епархіальную службу, которые и были опредѣлены соотвѣтственно его желанію: одинъ въ Керенскій соборъ протоіереемъ²⁾ и предсѣдателемъ духовнаго правленія, а другой канце-

1) Указъ см. изв. Арх. Ком. в. V. 85 г.

2) С.-Петербур. Император. Публич. библиот. Собраніе писемъ къ о. Памфилову, т. I. 3-е. Письма Θεодосія, епископа Тамб.

ляристомъ этого правленія. Укомплектовавъ штатъ священно-церковно-служителей этихъ главныхъ насадителей культуры въ глухой деревнѣ, епископъ всецѣло отдался дѣлу нравственнаго возрожденія ихъ. Чуждый внѣшняго величія, доступный для всѣхъ, просто и бѣдно одѣтый, онъ скромно, въ простой кибиткѣ, крытой рогожей, совершалъ свои путешествія по епархіи. Считая сельскихъ священно-церковно-служителей самыми близкими къ себѣ людьми, онъ вниманіе свое прежде всего обратилъ на этихъ безвѣстныхъ тружениковъ на нивѣ Христовой. Въѣзжая въ приходъ, онъ неизмѣнно направлялся въ убогую хижину сельскаго батюшки, настойчиво избѣгая роскошныхъ барскихъ хоромъ ¹⁾. Вошедши подъ непривѣтливый кровъ смиреннаго труженика, онъ старался ближе познакомиться съ его насельниками. Голосомъ друга и старшаго учителя онъ подолгу бесѣдовалъ съ нимъ, печальныхъ утѣшалъ, невѣдующихъ научалъ, отчаявшихся ободрялъ, гордыхъ смирялъ и увѣщевалъ—всѣхъ же вообще призывалъ къ бодрой жизнедѣятельности, согласно съ ихъ пастырскимъ призваніемъ. И не вотще были слова кроткаго пастыря. Всѣ, кто только могъ, брались за дѣло народнаго образованія и воспитанія. Исторія сохранила намъ одинъ въ высшей степени поучительный фактъ. Престарѣлый заштатный пономарь Терентій Феодоровъ, разбитый параличемъ, не владѣвшій правою рукою, подъ впечатлѣніемъ, вѣроятно, рѣчей симпатичнаго архипастыря, рѣшилъ посвятить свои послѣдніе дни дѣлу народнаго образованія и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1774—1786 г., годъ открытія главнаго народнаго училища) былъ самымъ замѣчательнымъ распространителемъ просвѣщенія ²⁾. Всѣ же, кто могъ и не могъ быть учителемъ другихъ, старились учиться сами и прежде всего у своего добраго архипастыря, почему появленіе епископа въ томъ или въ другомъ мѣстѣ епархіи наполняло радостью сердце пасомыхъ и собирало ихъ въ большомъ количествѣ около своего добраго пастыря. Взаимная любовь и довѣріе къ епископу были настолько сильны, что самая ссылка имъ священно-церковно-служителей на черныя монастырскія работы ³⁾ за неумѣніе совершать церковныя службы, за нечистоту въ храмахъ, за допущеніе женщинъ въ алтарь и т. п. проступки, не вызывали противъ него взрыва неудовольствія и негодованія. Всѣ видѣли въ этомъ отеческую мѣру исправленія. Передъ его гигантской силой любви бессильна была даже ярая вражда его

¹⁾ Дубасовъ. Очерки Тамб. края в. I, 101 стр.

²⁾ Дубасовъ. в. II, 109 стр. ср. Училищное дѣло въ Тамб. краѣ 93 г. 53 т. 155 стр.

³⁾ Протоіерей Г. В. Хитровъ. Историко-Стат. опис. Тамб. епар., 101 стр.

ближайших по мѣсту жительства пасомыхъ, разумѣю тамбовцевъ вообще и „интеллигенцію“ тамбовскую въ частности. Свое расположеніе къ нему они выражали по поводу обращенія къ нимъ нашего епископа съ просьбой о выпискѣ¹⁾ новаго, издаваемого тогда Новиковымъ журнала „Утренній Свѣтъ“, поставившей своею цѣлью „споспѣшествовать koliko возможно истинному просвѣщенію, утверждая оное на благодѣяніи и на любви къ отечеству“²⁾, содержащей между прочимъ училище для „бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей“. Замѣчательно, что многіе изъ прихожанъ не только не отказались отъ предложенія епископа, но, слѣдуя примѣру его, давали болѣе нормальной подписной цѣны³⁾. И только типичные

¹⁾ „Духовныя лица, читаемъ мы въ изслѣдованіи Незеленова о Новиковѣ, энергично поддерживали журналъ Новикова — „Утренній Свѣтъ“. Они были главными вкладчиками суммы, они же были и первыми главными распространителями его. Въ спискахъ подписчиковъ можно встрѣтить указанія, у какого епископа сколько подписалось“. Правда, всѣ подписчики тамбовскіе въ спискахъ не показаны подписавшимися именно у епископа, но то обстоятельство, что имя нашего ревностнаго, отзывчиваго на всякое благое дѣло пастыря стоитъ первымъ среди тамбовскихъ подписчиковъ, говоритъ именно за непосредственное усердіе его въ этомъ дѣлѣ. Мы полагаемъ, что причина молчанія о томъ, чрезъ кого подписались тамбовцы, кроется въ характерѣ святителя. (Незеленовъ. „Н. И. Новиковъ“, изд. жур. 1769—85 г. 235—270—271 стр.).

²⁾ „Утренній Свѣтъ“, 77 г., часть I. СПБ. 281 стр. объявл.

³⁾ Вотъ имена подписчиковъ съ обозначеніемъ ихъ платы за журналъ; (подписная цѣна была 3 р. 50 к. Незеленовъ, „Новиковъ“ 263 стр.):

1. Его преосвященство Θεодосій	1 экз. 10 руб.
2. Козлов. Троиц. монаст. игуменъ Иліодоръ	1 „
3. Козлова г. Покровскаго соб. Протоіер. Іоаннъ Тимоѣевъ (объ о. Іоаннѣ, Дубасовъ, II, 77)	1 „
4. г. Тамб. протоіер. Васил. Яковлевъ	1 „
5. Тамб. Спасо-Преобр. соб. ключарь іерей Іоаннъ Герасимовъ	1 „
6. г. Наровчатъ Покр. Богоматери протоіерей Никита Алексѣевъ	1 „
7. г. Тамб. соб. свящ. Симеонъ Іоанновъ	1 „
8. Тамб. епар. проповѣд. іерей Петръ Іоанновъ	1 „
9. Крылов. ратуши г. бургомистръ Ів. Алекс. Придорогинъ	1 „
10. Его высокогород. Никол. Андр. Охлѣбининъ	1 „ 5 „
11. Тамбовскій гражд. депут. Савва Ів. Дитягевъ	1 „ 5 „
12. Его высокоблагор. Сергѣй Андреев. Чубаровъ	1 „ 10 „
13. Его высокоблагород. Сергѣй Иванов. Страховъ	1 экз. 10 руб.
14. „ „ Θεодоръ Яковлевъ Мактѣевъ	1 „
15. „ „ Алексѣй Иванов. Масловъ	1 „ 5 „
16. „ „ Ник. Ів. Свѣчинъ	1 „
17. Его благородіе Иванъ Ильичъ Ознобишинъ	1 „ 5 „
18. „ „ Вас. Ів. Хрипуновъ	1 „

сельскіе бары — „помѣщики, стремившіеся къ произволу относительно причтовъ и крѣпостныхъ не любили его. Но въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ, говоритъ почтенный И. И. Дубасовъ, только новый поводъ къ заявленію такого факта, что описанный нами епискомъ былъ истымъ архипастыремъ, дѣйствовавшимъ въ духѣ апостольскаго служенія“. (Дубасовъ . . . . 1, 101 стр.).

-
19. Его благородіе Алексѣй Иванов. Степановъ	1 экз.	5 руб.
20. „ „ Никита Ив. Каверинъ	1 „	5 „
21. Его высокоблагородіе Стефанъ Ларионовичъ Рахмановъ	1 „	5 „
22. Москов. куп. Ив. Петр. Плотниковъ	1 „	„
23. г. Козлова воевода его высокобл. Василій Масловъ	1 „	„
24. Его благород. Аванасій Мих. Соминъ	1 „	5 „
25. г. Козлова воеводскій товарищъ его благор. Никита Иван. Аленивъ	1 „	„
26. Того же гор. секретарь е. бл. Михайло Семенов. Ило- вайской	1 „	„
27. Его высокобл. Дементій Андреев. Чечеринъ	1 „	„
28. Его благор. Петръ Ив. Аврыльской	1 „	„
29. „ „ Петръ Ив. Голосницкій	1 „	„
30. „ „ Антонъ Ив. Петровъ	1 „	„
31. Москов. куп. Иванъ Плотниковъ	1 „	5 „
32. Для приказ. служит. Тамбов. Дух. К—рин	1 „	6 „
33. Тамб. (Разсказовской) сук. фабр. содержат. Яковъ Тулинъ	2 „	10 „
34. Тамб. штатной команды капит. Ив. Емельян. Давыдовъ	1 „	„
35. Тамб. провинціальн. протоколиетъ Василій Макаровичъ За- вятинъ	1 „	„
36. Его благородіе Ив. Александровичъ Платковъ	1 „	„
37. „ „ Ив. Алексѣевичъ Давыдовъ	1 „	„
38. „ „ Яковъ Андр. Салтыковъ	1 „	„
39. „ „ Григорій Кириллов. Апушкинъ	1 „	„
40. Воронеж. куп. и фабрик. Яковъ Васильев. Тумановъ	1 „	5 „
41. Тамб. куп. Матвей Петров. Бородинъ	1 „	5 „
42. Его благородіе Никита . . . . . Сальновъ	1 „	5 „
43. Тамб. провинціальн. магистрата г. президентъ Михайло Герасим. Бородинъ	1 „	5 „
44. Моск. куп. Алексѣй Ив. Журавлевъ	1 „	10 „
45. Тамб. куп. Степанъ . . . . . Расторгуевъ	1 „	5 „
46. Тамб. куп. Алексѣй Тимофеев. Гриденъ	1 „	„
47. Спб. куп. Ив. Мих. Орловъ	1 „	„
48. Москов. куп. и Тамбов. (Разсказовскій) фабрик. Михайло Павлов. Олесовъ	2 „	10 „
49. Тамб. куп. Ив. Романов. Жмаевъ	1 „	5 „
50. Тамб. провинц. канцеляр. секрет. Алексѣй Степановичъ Степановъ	1 „	5 „
51. Овой же канцеляріи регистраторъ Петръ Даниловъ	1 „	5 „

„Утренній Свѣтъ“ 78 г., III ч., изд. 2-ое; 78 г. IV ч., 1-ое изд.
Что особенно замѣчательно въ этомъ фактѣ, такъ это то, что подписка

Ревнуя о нравственномъ возрожденіи духовенства, а чрезъ него и всей своей паствы, преосвященный Θεодосій ясно сознавалъ всю недостаточность своихъ личныхъ силъ для такого труднаго дѣла и серьезно думалъ объ учрежденіи семинаріи, этого разсадника и питомника главныхъ и едва-ли ни единственныхъ истинныхъ просвѣтителей деревни. Зная, что дѣло учрежденія семинаріи столько же зависитъ отъ него, сколько, если еще не болѣе, отъ Св. Синода и самой Государыни, онъ проситъ высшее начальство ходатайствовать предъ Государыней о самомъ дозволеніи учредить семинарію и ассигнованіи на нее обычной штатной суммы¹⁾, духовника Императрицы, протоіерея І. І. Памфилова, проситъ рекомендовать чело-вѣка способнаго правильно устроить и направить жизнь новаго учебнаго заведенія²⁾; съ своей стороны избираетъ мѣсто наиболѣе удобное для открытія семинаріи.

эта была сдѣлана ранѣе года открытія семинаріи и слѣдовательно косвенно подтверждаетъ то положеніе, что Θεодосій былъ не только ученымъ, но и слѣдящимъ за литературой. Онъ выписываетъ и убѣждаетъ выписать журналъ въ Тамбовѣ, тогда какъ въ Богородскѣ, значитъ, подъ самой Москвою, до 1779 года никто не зналъ о журналахъ, издававшихся Новиковымъ.

(Русское провинціальное общество во 2-ой половинѣ XVIII в. Историч. очерк. Н. Чечулинъ 1889 г., 76 стр.).

¹⁾ Вопреки высказанному печатно мнѣнію, что Тамб. сем. учреждена Св. Синодомъ по волѣ самой Императрицы, безъ ходатайства о томъ епарх. архіерея (Хитровъ, «Истор. стат. описаніе Тамб. епар.», 102 стр.; архимандритъ Дмитрій „1-ый ректоръ Семинаріи“; П. В. Знаменскій „Духов. школы въ Россіи“, 514 стр.), основанному вѣроятно на замѣткѣ Г. Р. Державина, что еп. Θεодосій былъ чело-вѣкъ неученый (Записки Г. Р. Державина, 270 стр.), мы утверждаемъ, что сем. учреждена именно по ходатайству епископа. На такое утверженіе насъ уполномачиваетъ, во 1-хъ, то обстоятельство, что о. Θεодосій былъ чело-вѣкъ образованный, ученикъ Кіевской академіи и слѣдовательно могъ понимать значеніе учрежденія сем. для такой темной епархіи, какою была тогда Тамб. епархія, хорошо извѣстная ему по его личнымъ наблюденіямъ; во 2-хъ, то, что паства была для него единственнымъ предметомъ жизни, въ 3-хъ, Іоанникій, первый ректоръ семинар., переводится изъ Царев-Константинова монастыря въ Нижне-Ломовскій монастырь 7 мая (Аскоченскій. „Кіевъ съ его древ. уч.“. II ч. 287 и 537 стр., Исторія Амвросія, V кн. 179 стр. Н.-Ломовская лѣтопись), задолго до подписанія Императрицею указа о бытіи семинаріи въ Тамбовѣ, и въ 4-хъ, наконецъ, — обычай того времени, по которому инициатива учрежденія семинаріи всегда принадлежала епархіальному архіерею. (Г. М. Пясецкій. „Исторія Орловской епархіи и описаніе церквей, приходо-въ и монастырей“, 671—74 стр. П. В. Знаменскій. „Духовныя школы“ 515 стр.).

²⁾ Правда, среди дошедшихъ до насъ писемъ разныхъ лицъ, адресованныхъ къ названному о. протоіерею, хранящихся въ настоящее время въ Императорской Публичной бібліотекѣ, мы не встрѣчаемъ подобнаго письма,

Какъ ближайшему начальнику и руководителю учрежденной семинаріи, преосвященному, безъ сомнѣнія, хотѣлось помѣстить ее гдѣ-нибудь около архіерейской каѳедры. Но всѣ попытки его въ данномъ отношеніи должны были кончиться полнѣйшей неудачей. Нѣкогда благоустроенный, а теперь уже пришедшій въ ветхость Казанскій монастырь не могъ дать учреждаемой семинаріи не только готового помѣщенія, но даже и пустошорожняго мѣста для усадьбы. Городъ же имѣлъ самый плачевный видъ и не могъ дать хотя какой-нибудь квартиры. Призванный къ жизни исключительно въ административныхъ цѣляхъ, а не естественными усиліями и мѣстными потребностями, онъ постоянно нуждался въ искусственной поддержкѣ со стороны правительства, а потому, какъ только о немъ стали забывать, по мѣрѣ утраты имъ своего оборонительнаго значенія, онъ постепенно ветшалъ и разорялся, пока не дошелъ до такого состоянія, что представлялъ изъ себя большое захудалое село, раскинутое около забытой, полуразрушенной крѣпости. До чего жалокъ былъ Тамбовъ при преосвящ. Θεодосіи, можно заключать изъ того, что когда въ 1779 г. нужно было устроить въ городѣ призванныя къ жизни, вслѣдствіе учрежденія намѣстничества, присутственныя мѣста, то ихъ пришлось размѣщать кое-какъ. Верховный земскій судъ, напримѣръ, былъ помѣщенъ въ развалинахъ старинной воеводской избы. Управление губернскаго прокурора заключалось въ одной малой комнатѣ¹⁾. Чиновники палаты зимой должны были сидѣть въ шубахъ, подъячіе—въ своихъ чуйкахъ, такъ какъ печи, гдѣ таковыя и доставляли еще свои послѣдніе дни, никогда не топились²⁾.

но бытіе его въ свое время намъ кажется несомнѣннымъ. Среди дошедшихъ до насъ писемъ преосвящ. Θεодосіа къ о. Памфилу нѣтъ ни одного просительнаго письма, а между тѣмъ въ заголовкѣ писемъ называлъ его своимъ, между прочимъ, милостивѣйшимъ отцомъ и величайшимъ благодѣтелемъ. Считать подобное обращеніе только литературными приѣмами писанія не позволяетъ какъ самый характеръ писавшаго, такъ и характеръ писемъ; слѣдовательно, надо полагать, нашъ преосв. считалъ себя на самомъ дѣлѣ облагодѣтельствованнымъ о. Памфиловымъ. Да, потомъ о. Памфиловъ принималъ широкое участіе въ дѣлахъ церкви, входилъ въ нужды всѣхъ обращающихся къ нему и, видимо, считалъ за особое удовольствіе быть полезнымъ кому-нибудь. Его услугами пользовались очень многіе изъ русскіихъ іерарховъ времени Екатерины; поэтому чего-либо страннаго въ подобной просьбѣ со стороны нашего преосвященнаго не было ничего. Съ фактами его участливости въ судьбахъ нашего края мы еще встрѣтимся впереди и убѣдимся, что Тамбовскій край былъ близокъ его сердцу. Объ Іоанникіи, этомъ выдающемся молодомъ іерархѣ, онъ не могъ не знать.

¹⁾ Дубасовъ... III, 96 стр.

²⁾ Гр. Салиасъ. Поэтъ Державинъ правитель намѣстничества „Рус. Истор. Вѣстн.“, 1876 г., 125 т., 104 стр. и отдѣл. брошюр.

Самъ губернаторъ Г. Р. Державинъ (въ 1786 г.) не могъ сыскать подходящаго мѣста для училища въ Тамбовѣ и долженъ былъ нанять такой домъ, который потребовалъ ремонту на 200 р. и при всемъ томъ побудилъ, не болѣе какъ чрезъ 4—5 лѣтъ, приобрести новый—за 30 верстъ отъ города ¹⁾. Но если люди облеченные свѣтскою властью, не могли въ убогомъ Тамбовѣ сыскать болѣе или менѣе сноснаго помѣщенія, то что же могъ сдѣлать кроткій епископъ Θεодосій. Естественно поэтому, что скоро взоры его были устремлены на другія мѣста своей епархіи, и здѣсь вниманіе его невольно останавливалось на Казанско-Богородичномъ Нижне-Ломовскомъ монастырѣ—этомъ единственномъ 2-классномъ ²⁾ (остальные были 3-классными и заштатными) монастырѣ вѣренной ему епархіи, недавно предъ тѣмъ возобновленномъ строеніемъ и неразоренномъ Пугачевымъ ³⁾. Правда, дальность разстоянія этого монастыря отъ Тамбова представляла и порождала много неудобствъ, но лучшаго исхода не было, и вотъ епископъ избираетъ этотъ монастырь временной резиденціей Тамбовской семинаріи, впредь до приобретения собственнаго зданія въ Тамбовѣ.

Мѣсто для семинаріи было найдено. Найдены были и челоувѣкъ устроить и направить жизнь нарождающагося училища—Иоанникій, архимандритъ Царево-Константиновскаго монастыря во Владимірской епархіи, который по желанію епископа Θεодосія и былъ переведенъ въ Нижне-Ломовскій монастырь 7 мая 1779 г. Оставалось теперь только получить высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе названнаго училища съ ассигнованіемъ обычнаго 2.000 оклада. Пугачевскій бунтъ какъ нельзя болѣе посодѣйствовалъ скорѣйшему осуществленію этого желанія епископа. Св. Синодъ, хорошо освѣ-

¹⁾ Тамъ же 571—572 стр.

²⁾ Тамбовская епархія, читаемъ мы въ „Географическомъ словарѣ Россійскаго Государства“ Шекатова и Максимовича, заключаетъ въ себѣ 902 церкви, въ томъ числѣ штатныхъ и заштатныхъ мужскихъ и женскихъ монастырей и пустошь, а именно: мужской Нижне-Ломовскій, Казанско-Богородицкій 2-классный, подъ управленіемъ архимандрита; 2) Козловскій-Троицкій; 3) Троицкій-Елецкій, что въ Лебедяни, мужск. 3 класса,—оба управляются архимандритами; 4) женскій Тамбовскій Вознесенскій 3 класса, подъ начальствомъ игуменьи; 5) Тамбовскій Трегуляев. Предтеченскій; 6) Санаксарскій-Богородицкій; 7) Шацкій Николаевскій Черняев. монастыри; 8) Саровская; 9) Шацкая Успенская Вышенская пустынь, заштатные,—всѣ 5, управляются строителями и 10) Своекоштный Усманскій женскій монастырь („Географическій Словарь Тамб. г. въ концѣ XVIII и нач. XIX стол.“, сост. Θ. С. Соколовымъ по географ. слов. Р. Г. изд. Л. Максимовичемъ и А. Шекатовымъ „Извѣст. Тамб. уч. Арх. Ком. XVI в.“ и отд. брош. 66 стр.).

³⁾ Истор. Стат. опис. Ниж.-Лом. Каз. Богор. 2-кл. м. монас., изд. 91 г.

домленный о повальномъ невѣжествѣ тамбовскаго духовенства, вошелъ къ Государынѣ со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ учрежденіи семинаріи, и Государыня, не менѣ освѣдомленная изъ донесеній гр. Панина о состояніи Тамбовскаго края въ религіозно-нравственномъ отношеніи, въ исполненіи своихъ словъ, обращенныхъ къ тому же Панину 22 сент. въ день своего священнаго коронованія 1779 г., подписала докладъ Св. Синода о бытіи въ Тамбовской епархіи семинаріи и отпускѣ на нее 2.000 руб. ежегодно. Извѣщая о состоявшемся распоряженіи Императрицы, Св. Синодъ писалъ епископу Θεодосію:

Указъ объ открытіи семинаріи ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ С.-Петербургскаго Синода пресвященному Θεодосію, епископу тамбовскому и пензенскому.

3 окт. 1779 г., № 1645.

Минувшаго сент. 23 дня Св. Пр. Синоду синод. г. Оберъ-Прокуроръ Сергій Вас. Акчуринъ предложилъ копію съ послѣдов. по докладу Св. Синодальнаго имяннаго Ея Импер. Вел. указа, даннаго коллегіи экономіи того сент. 22 дня за собст. ручн. Ея Импер. Вел. предписаніемъ, въ которомъ между прочимъ написано: на заведеніе и содержаніе семинаріи въ Тамбовской епархіи повелѣваемъ отпущать во оную по 2.000 руб. ежегодно; и по ук. Ея Импер. Вел. Св. Пр. Синодъ приказали: о надлежащемъ по оному имянному Ея Импер. Вел. высочайшему указу исполненіи къ Вашему Преосв. и куда надлежитъ послать указъ съ слѣдующимъ предписаніемъ. 1-ое, чтобъ для заведенія оной семинаріи въ епархіи своей избрали пристойное мѣсто по своему усмотрѣнію, а какъ въ Тамбовской епархіи изъ настоятелей монастыря и изъ другихъ званіевъ духовныхъ къ заведенію училищному способныхъ людей не имѣется, Владимірской же епархіи Царя-Константинова монастыря архимандритъ Іоанникій, по довольному его въ наукахъ обращенію признается быть къ тому надежнымъ, для того его, арх. Іоанникія, перевести въ Тамбовскую епархію въ Нижне-Ломовскій Казанско-Богородицкій монастырь съ тою степенью, какую онъ въ Царя-Константиновскомъ монастырѣ имѣлъ, во оный же Царя-Константина того Нижне-Ломовскаго монастыря архимандрита Тихона и изъ нихъ архимандриту Іоанникію, будущему Тамбовской семинаріи ректору, къ тому и заведеніе и строеніе сея семинаріи въ точное распоряженіе поручить съ тѣмъ, чтобы онъ все то производилъ съ доклада В. Пр. съ возможнымъ попѣшеніемъ, и какъ сія должность требуетъ особливыхъ трудовъ и почти вседневной

изъ монастыря отлучки, то ему, архимандриту Іоанникію, изъ положенной на семинарію суммы производить жалованья по 150 р. въ годъ, а дабы удобнѣе онъ могъ все исполнить, то ему, архимандриту, и въ консисторіи Тамбовской имѣть присутствіе.

2. Оную Тамбовскую семинарію за неимѣніемъ въ ней ученыхъ людей снабдить на первый случай учителями въ наукахъ достойными и состоянія честнаго П. Ряз. для обученія же той семинаріи учениковъ набрать В. Пр. въ епархіи своей изъ священно-церковно-служительскихъ дѣятелей и потребное число.

3. О содержаніи семинаріи учителей и учениковъ неимущихъ изъ пожалованной отъ Е. И. В. суммы, а богатыхъ отцовъ дѣтей въ силу Духовнаго Регламента на собственномъ отцовскомъ коштѣ, такъ же и о такихъ ученикахъ, которые по довольномъ усмотрѣніи окажутся непонятными, поступать по Духовному Регламенту.

4. Какъ на оную семинарію положенная сумма такимъ образомъ ежегодно производится съ состоянія о томъ имяннаго Высоч. Ея И. В. указа, въ первыхъ годахъ учителя и ученики быть еще не могутъ, слѣдовательно и, сумма подлежащая на нее, имѣетъ оставаться, то въ сіе время архимандритъ Іоанникій долженъ стараться лервѣе на ту сумму для семинаріи потребное число покоевъ построить, дабы въ оныхъ можно свободно помѣщаться учителямъ, ученикамъ и библіотекѣ и прочее къ содержанію ихъ нужное, не оставляя при томъ и покупки самонужнѣйшихъ книгъ.

5. Гдѣ въ Тамбовской епархіи для семинаріи мѣсто назначено было и когда она учредится и кто откуда имянно учительствовать опредѣляется, о томъ въ Св. Синодъ отрапортовать.

6. Въ предъ же о состояніи школъ, о числѣ учениковъ и учителей и о прочемъ по силѣ преждепосланныхъ изъ Св. Синода ко всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ въ разныхъ годахъ, а особливо въ 1774-мъ указовъ присылать въ Св. Синодъ ежегодныя вѣдомости, а къ пр. епископу рязанскому и владимірскому указы посланы. Окт. 3 дня 1779 года.

Подъ указомъ подпись:

Оберъ-Секретарь Апполось Наумовъ.

Секретарь Игнатій Калининъ.

(Ар. Нижне-Ломовскаго монастыря пачка указ., касат. Тамбовской семинаріи, № 1 по реестру) № 1645.

Получивши указъ, а можетъ быть и ранѣе, епископъ распорядился о томъ, чтобы священно-церковно-служители заблаговременно приготовляли своихъ дѣтей къ поступленію въ семинарію и въ началѣ слѣдующаго новаго (1780) года представили ихъ въ Нижній Ломовъ въ Казанскій монастырь. Въ ноябрѣ прибылъ въ Тамбовъ вновь назначенный и давно ожидаемый епископомъ архимандритъ Іоанникій. Увидѣвъ предъ собою полнаго внутренней силы и энергіи челоуѣка, о которомъ онъ, можетъ быть, зналъ очень много хорошаго чрезъ о. Памфилова, онъ сдалъ на его руки дѣло устройства учреждаемой семинаріи, за собою же оставилъ только почетное мѣсто блюстителя семинаріи, посредника въ сношеніяхъ съ людьми внѣшними для семинаріи, и главнаго благотворителя. Въ такихъ именно отношеніяхъ къ семинаріи и оставался преосвященный Θεодосій до конца дней своихъ. Жизнь семинаріи текла въ направленіи, указанномъ ей ея ректоромъ.

„Послуживъ 20 лѣтъ паствѣ Тамбовской во славу Господа Іисуса, архипастырь Θεодосій отошелъ къ Нему въ навечеріе Его рождества 1786 года. Погребеніе совершено епископомъ рязанскимъ Симономъ, при дѣятельномъ участіи въ печальномъ обрядѣ тамбовскаго намѣстника, знаменитаго русскаго поэта Гавріила Романовича Державина. Тѣло преосвященнаго Θεодосія положено въ кафедральномъ соборѣ у сѣверной стороны, гдѣ въ то же время устроена красивая деревянная гробница. Подъ портретомъ надъ этою гробницею начертаны неизвѣстною рукою стихи, которые подтверждаютъ и дополняютъ предложенное повѣствованіе о жизни и пастырской дѣятельности епископа Θεодосія:

Се памятникъ! подъ нимъ сокрытая особа,
 Другимъ которая вѣщала смерть и судъ,
 Безгласна днесъ лежитъ сама внутрь мрачна гроба.
 Скончалась среди ея лѣтъ нужныхъ для паствы и минутъ.
 Се пастырь, въ городѣ Казани (?) что рождень,
 И въ Лаврахъ многихъ былъ начальникомъ почтенъ:
 Великаго Устюга потомъ былъ пастырь града,
 Тамъ пять лѣтъ охранялъ овецъ Христова стада;
 Въ Тамбовѣ 20 лѣтъ архіереемъ былъ.
 Не тщетно здѣсь свою всю жизнь онъ проводилъ,
 Но тщился и училъ тому овецъ словесныхъ:
 Какъ должно получать часть въ свѣтлостяхъ небесныхъ,

И временную жизнь какъ должно проводить,
 Дабы въ покоѣ ту душевномъ окончать.
 Онъ Θεодосіемъ въ сей жизни назывался;
 Судьбѣ отдавши долгъ, сей общій долгъ скончалъ,
 Проживъ не больше трехъ шестидесяти лѣтъ,
 И се воздвигнуть печальный отъ паствы ему монументъ“.

1786 г. 23 декабря ¹⁾).

22 мая 1789 года родственниками почившаго было передано семинаріи нѣсколько книгъ изъ бібліотеки преосвященнаго, на всегдашнее воспоминаніе объ учредителѣ ея. Вотъ эти книги:

Книги въ листъ.

1. Jacobi Tirini commentarius in sacram scripturam duobus comprehensus	1 lib.
2. Erasmi operum omnium tomus secundus	1 lib.
3. Iunckeri Lexicon Latino-Germano-Græcum	1 lib.
4. Лексиконъ письменный латино-славян. Искаленина	1 lib.

въ четверть.

1. Rhetorica latina manuscripta	1 lib.
2. Проповѣди письменныя	1 lib.
3. Poetica manuscripta	1 lib.
4. Solomonis Vantil Theologia Paraeolica	1 lib.
5. Confessio ecclesiae armenicae latine reddita	1 lib.

въ осьмуху.

1. Theophanis Procopovicz tractatus de processione spiritus sancti duo exempl.	2 lib.
2. Eugenii logica Graeca	1 lib.
3. Xenophontis de Cyri expeditione	1 lib.
4. Ciceronis orationes selecta	1 lib.
5. Baumesteri elementa philosophia	1 lib.
6. Winkleri institutiones philosoph. pars secunda	1 lib.
7. Burgii elementa oratoria	1 lib.
8. Ciceronis de officiis	1 lib.
9. Theophanis Procopovicz liber historicus de jure legis intolerabile	1 lib.

¹⁾ Хитровъ. 106—107 стр.

10. Compendium logicae Crusii	1 lib.
11. Langii medicina mentis	1 lib.
12. Лексиконъ латинскій Геснеровъ	1 lib.
13. Лексиконъ Целляріевъ	1 lib.
14. Lamentationes obscurorum virorum Erasmi Rotterdami in duodecimo	1 lib. ¹⁾

Александръ Нечаевъ.

12 августа 1906 г.

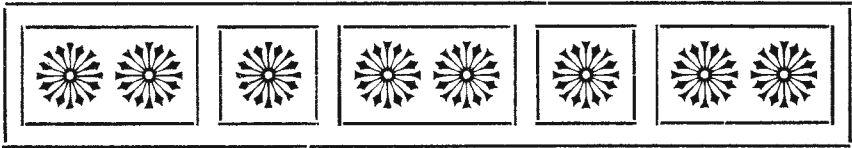

---

¹⁾ Арх. Тамб. Дух. Семинаріи.

Тамбовскій епископъ
Θеодосій.

Учебныя воспоминакія ¹⁾).

ридическій факультетъ, какъ выше сказано, имѣлъ два разряда (или отдѣленія): юридическій и камеральный.

Въ росписаніи предметовъ юридическаго отдѣленія значились слѣдующіе, со слѣдующими преподавателями (1853—1854 г.г.):

1) Энциклопедія законовѣдѣнія и россійскіе государственные законы—проф. Пахманъ, нѣкоторое время проф. Осокинъ. Раньше читалъ проф. Станиславскій, который въ 1853 г. ушелъ въ Харьковъ, а потомъ, въ 1869 г., вернулся въ Казань.

2) Римское законодательство и его исторія—проф. Камбекъ.

3) Общенародное право и дипломатія—Пахманъ.

4) Исторія русскаго права — онъ же „по собственнымъ запискамъ“.

5) Россійскіе гражданскіе законы и судопроизводство—проф. Мейеръ, а по уходѣ его въ Петербургъ—законы—Пахманъ, судопроизводство—адъюнктъ Соколовъ.

6) 3-му курсу юридическаго разряда, и 2-му камеральнаго—Россійскіе уголовные законы по памятникамъ древняго русскаго уголовного законодательства и „Уложенію о наказаніяхъ“ — проф. Фогель; онъ же 4-му курсу юристовъ и камералистовъ — полицейскіе законы по „Своду законовъ“.

7) Законы государственнаго благоустройства и благочинія — 3-му к. юристовъ и камералистовъ по „Своду законовъ“ и „сочиненію Рождественскаго“ — Пахманъ, а потомъ, съ переходомъ его на гражданское право,—Осокинъ.

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, августъ 1908 г.

8) Законы о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народнаго про-свѣщенія“: 3-му курсу обоихъ разрядовъ законы о государственныхъ повинностяхъ, имуществахъ и промыслахъ, вмѣстѣ съ исторіей; 4-му курсу—русское дѣйствующее законодательство о податяхъ съ его исторіей и обзоромъ средствъ къ удовлетворенію чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей—проф. Осокинъ.

9) Каноническое право православной церкви — юристамъ 4-го курса—протоіерей Владимірскій, по „программѣ, утвержденной высшимъ начальствомъ“.

„Свобода преподаванія“, какъ видно изъ этого росписанія, была не очень широка: читалось то по Своду законовъ, то по утвержденнымъ начальствомъ программамъ, то по сочиненіямъ въ родѣ книги Рождественскаго, состоящей изъ буквальной перепечатки статей Свода законовъ, только безъ нумераціи.

Камеральные факультеты или камеральные отдѣленія юридическихъ факультетовъ появились, какъ извѣстно, въ 17—18 ст., въ Швеціи и Германіи. Цѣлью ихъ учрежденія было приготовленіе для государства людей, знающихъ науки, нужныя для камеральной службы, проще сказать, для службы гл. обр., по вѣдомству финансоваго управления. А такъ какъ главными источниками государственныхъ финансовъ того времени были государственныйя имущества и казенныя промышленныя предпріятія, то въ кругъ камеральнаго образованія и вошли тѣ науки, знаніе которыхъ нужно для извлеченія доходовъ отъ государственныхъ земель, лѣсовъ, горныхъ и др. промысловъ, принадлежащихъ казнѣ. А какъ при веденіи хозяйственныхъ операцій встрѣчается надобность и въ нѣкоторыхъ юридическихъ познаніяхъ, равно и въ знакомствѣ съ общимъ строемъ государства и его управленія, то въ составъ камеральныхъ наукъ были введены и юридическія науки, но въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ для юристовъ чистой воды.

Въ Казанскомъ университетѣ, съ учрежденіемъ здѣсь камеральнаго отдѣленія (въ 1844 г.), преподавались на немъ слѣдующіе предметы:

1) Публичное російское правовѣдѣніе, государственныйя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ; 2) уголовные законы; 3) гражданскіе законы, какъ предметъ дополнительный; 4) политическая экономія и статистика; 5) законы государственнаго благоустройства и благочинія; 6) законы о государственныхъ податяхъ и повинностяхъ (первоначально подъ именемъ „камеральнаго права“); 7) химія неорганическая, органическая и аналитическая; 8) технологія; 9) ботаника и сельское хозяйство.

Въ другомъ, болѣе подробномъ, позднѣйшемъ официальномъ перечисленіи предметовъ камеральнаго отдѣленія, значатся слѣдующіе—съ слѣдующими преподавателями:

1) Россійскіе государственные законы — по Своду законовъ — 3-му курсу, проф. Пахманъ; 2)—а) 3-му курсу камералистовъ съ первымъ к. юристовъ и общей словесности: политическая экономія, по „программѣ, разсмотрѣнной и утвержденной м-вомъ народного просвѣщенія“; б) 3-му курсу юристовъ и камералистовъ и 2-му общей словесности — общая сравнительная статистика европейскихъ государствъ и хозяйственная статистика Россіи „по утвержденной м-вомъ программѣ“—проф. Бабсть; 3) ботаника и сельское хозяйство: 1-му курсу камералистовъ ботаника въ примѣненіи къ сельскому хозяйству, по Декандолю и Бишофу; 2-му курсу—общее земледѣліе; 3-му курсу—полеводство и садоводство по Бабсту,—кандидатъ Пелль; 4) химія: 1-му к. камералистовъ совместно съ 1-мъ курсомъ медиковъ: неорганическая химія по Отто и Гросму; 2-му курсу органическая химія по Леману и Левичу; 3-му курсу—аналитическая химія (въ этомъ официальномъ перечнѣ неупомянутая)—проф. Бутлеровъ; 5) технология—камералистамъ 2, 3 и 4-го курсовъ, по Дюма и словарю Лабулэ,—проф. Киттары.

Въ этомъ официальномъ списокѣ предметовъ камеральнаго отдѣленія не упомянуты почему-то: на 3 и 4 курсахъ уголовное право и полицейскіе законы, гражданское право и судопроизводство, на 1 и 2 курсахъ—русская исторія, на 1 курсѣ упражненія во французскомъ языкѣ и въ русскихъ сочиненіяхъ.

Съ 1855—56 учебнаго года введено было преподаваніе камералистамъ на 1 курсѣ очень полезныхъ для нихъ предметовъ—зоологіи и минералогіи и проектировано преподаваніе англійскаго языка и архитектуры.

Всѣмъ студентамъ университета преподавались необязательно „свободныя искусства“: рисованіе и живопись (препод. Раковичъ), музыка (Мукъ) и танцованіе (Севастьяновъ). Обязательнымъ предметомъ для всѣхъ православныхъ былъ, конечно, законъ Божій—собственно богословіе дагматическое и нравственное и церковная исторія, читавшаяся по „программѣ, утвержденной Синодомъ“.

Съ богословія мы и начнемъ нашъ обзоръ предметовъ, намъ преподававшихся.

Этотъ предметъ читалъ протоіерей-настоятель университетской перкви, Александръ Поликарповичъ Владимірскій — преподаватель серьезный и требовательный. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ,

дѣлавшихъ репетиціи передъ святками. Однако экзаменъ изъ его предмета сдавать было очень легко. Экзаменъ этотъ производился съ большою торжественностью, въ присутствіи высшаго начальства, при участіи архіерея и архимандритовъ. Экзаменаторы эти были очень снисходительными, даже если кто изъ экзаменующихся и очень зарпортовывался. Но сіе послѣднее случалось съ экзаменующимися не часто. благодаря тому, что для подготовленія къ этому экзамену примѣнялся экономическій принципъ раздѣленія труда: большинство студентовъ готовили, каждый, только по одному билету, и только добросовѣстные пробѣгали весь курсъ. На экзаменѣ же дѣлалось такъ: студентъ, съ спрятаннымъ въ рукавъ мундира или иначе „своимъ“ билетомъ подходилъ къ столу экзаменаторовъ, бралъ билетъ и моментально замѣнялъ его своимъ; для удобства подмѣна можно было нѣсколько отодвинуться за отвѣчающаго товарища или полѣзть за платкомъ въ карманъ... Можетъ быть, духовныя особы и замѣчали иногда происходящее, но совѣстились обличить; а зналъ ли объ этомъ фортелѣ самъ профессоръ—утверждать не могу; но думаю, что если бы достоверно зналъ, то, какъ человѣкъ добросовѣстный, постарался бы искоренить это зло. Вѣроятно, что онъ только подозрѣвалъ о его существованіи и потому весьма основательно пробиралъ тѣхъ изъ студентовъ, которымъ приходилось экзаменоваться у него самого.

Замѣчу ксгати, что тогда на экзаменахъ не давалось такъ много времени для обдумыванія билетовъ, какъ это дѣлается теперь, по крайней мѣрѣ у насъ, въ Петербургскомъ университетѣ, гдѣ иногда 2—3 человѣка разомъ берутъ билеты и садятся въ сторонѣ для обдумыванія, пока отвѣчаетъ предыдущій. Обдумываніе это производится нерѣдко при помощи конспектовъ или же программъ, на которыхъ бисернымъ почеркомъ выписано содержаніе каждаго билета, а то и съ помощью учебниковъ, скрытно читаемыхъ, сидя за партой. Не совѣстятся дѣлать это даже и на такъ называемыхъ государственныхъ испытаніяхъ... Въ наше время „обдумывали“, стоя передъ самымъ столомъ экзаменатора, пока отвѣчалъ товарищъ, такъ что пользованіе „пособіемъ“ тутъ было уже рѣшительно невозможно; приходилось или являться во всеоружіи знанія и памяти или прибѣгать къ гнуснымъ уловкамъ съ билетами, въ родѣ только что описанной и т. п. Добросовѣстнымъ студентамъ уловки эти, конечно, претили, но общее теченіе и нежеланіе казаться выскочкой увлекали и нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Продѣлывались и другія штуки: такъ, напримѣръ, если профессоръ поручалъ изготовленіе билетовъ кому либо изъ слушателей, то выставлялись условныя значки на оборотной сторонѣ билетовъ, или дѣ-

лались билеты—часть съ гладкообрѣзанными краями, часть съ рваными—и распредѣлялись между экзаменующимися по соглашенію, кому брать тѣ, кому другіе. На окончательномъ экзаменѣ, изъ технологіи, помню, былъ примѣненъ такой способъ: билеты—продолговатые—были сдѣланы выпуклыми—часть вдоль, часть поперекъ, т. е. одни съ широкаго, а другіе съ болѣе узкаго борта, съ тѣмъ чтобы продолговато-выпуклыхъ (или наоборотъ не помню) вовсе не готовити не брать.

Всѣ подобныя ухищренія были, однако, не въ прокъ тѣмъ изъ близорукихъ, которые не носили очковъ; наклоняться къ столу, чтобы выбирать билетъ съ признакомъ, или избѣжать его, было неудобно и приходилось полагаться на свое счастье. Мнѣ, какъ таковому, несмотря на вышеупомянутое внушеніе Ланге, очковъ не носившему, приходилось, разумѣется, готовить весь курсъ каждаго предмета, да и совѣсть претила идти на обманъ. За это или за другую какую „добродѣтель“, не знаю, судьба иногда не отказывалась меня и побаловать. Такъ, на этомъ самомъ экзаменѣ изъ технологіи мнѣ, не желавшему руководствоваться „признаками“, достался билетъ о „стеклодѣліи“, считавшійся наитруднѣйшимъ; а я, готовясь ночью къ экзамену, такъ заинтересовался стеклодѣліемъ, что прочелъ о немъ съ большимъ вниманіемъ и потому, къ удивленію товарищей, пораженныхъ моею неудачей съ билетомъ, отвѣтилъ великолѣпно и привелъ въ удивленіе профессора, если не знавшаго, то, вѣроятно, подозрѣвавшаго, что съ его экзаменомъ устроенъ какой-то фокусъ: товарищамъ моимъ попадались все легкіе билеты; только мнѣ попался трудный.

Злоупотребленія съ билетами (кромѣ богословія, гдѣ прямо происходилъ подмѣнъ билетовъ) были возможны, вслѣдствіе снисходительности профессоровъ, предоставлявшихъ студентамъ самимъ заготовлять билеты; студентъ, болѣе извѣстный профессору, предлагалъ свои услуги избавить его отъ лишняго труда, и дѣло въ шляпѣ. Изготовивши же билеты съ условными „признаками“, вручалъ ихъ профессору, который „ничего же сумняся“ и приносилъ ихъ на экзамень. Впрочемъ многіе изъ профессоровъ имѣли свои билеты.

Припоминая давно прошедшее и свою профессорскую практику, невольно удивляешься, какъ рѣдко наши тогдашніе профессора предлагали экзаменующимся вопросы внѣ содержанія билета или, какъ студенты выражаются, „проходили по всему курсу“. Вѣдь въ тѣ времена, при десяткѣ-другомъ экзаменующихся такъ легко было это дѣлать!

На первомъ курсѣ предлагались еще камералистамъ и отчасти студентамъ другихъ факультетовъ—упражненія во французскомъ языкѣ и въ сочиненіяхъ на русскомъ. Упражненія эти, какъ и рус-

ская исторія, введены были въ число предметовъ обязательныхъ для первокурсниковъ юридическаго факультета, вѣроятно въ виду той скудости познаній въ отечественной исторіи и упомянутыхъ языкахъ, какую обнаруживали поступавшіе въ университетъ изъ гимназій и семинарій. Но не лучше были ихъ познанія и во всеобщей исторіи и въ нѣмецкомъ языкѣ; такъ что для пополненія гимназическихъ quasi-познаній слѣдовало бы предложить и эти предметы студентамъ первыхъ курсовъ, но не худо бы даже и въ настоящее время, позаняться студентамъ этими предметами.

Дѣйствительно, хотя французскій и нѣмецкій языки преподавались обязательно въ тогдашнихъ гимназіяхъ въ теченіе всего 7-милѣтняго курса, но успѣхи учениковъ, не имѣвшихъ помощи дома, были очень незавидны, оттого ли, что учителя были плохи, или оттого, что на экзаменахъ и въ аттестатахъ новымъ языкамъ не придавалось большого значенія,—Богъ вѣсть. Это печальное положеніе иностранныхъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ давало, не безъ основанія, поводъ В. И. Далю утверждать, что примѣра не было, чтобы въ русской гимназіи кто-либо научился французскому или нѣмецкому языку. Но не лучше было и съ русскимъ языкомъ: долбили грамматику, риторiku, исторію словесности (не дальше Гоголя); а грамотно и безъ крупныхъ ошибокъ въ грамматикѣ излагать свои скудныя мысли большинство гимназистовъ не научалось. Такъ что и въ отношеніи русскаго языка Казанскій университетъ имѣлъ полное основаніе предложить студентамъ поупражняться въ изложеніи своихъ мыслей.

Что же касается до всеобщей исторіи, то въ гимназіяхъ тѣхъ временъ она преподавалась по довольно подробнымъ учебникамъ Смарагдова, неизвѣстно за что впослѣдствіи преданнымъ осмѣянію и замѣненнымъ, кажется, всюду учебникомъ Иловайскаго, достаточно краткимъ для того, чтобы въ памяти учащихся не осталось никакого представленія о связи историческихъ событій. Смарагдовъ все-таки давалъ больше; не его вина, что учились вообще плохо. Русская же исторія проходила тогда въ послѣднемъ — седьмомъ классѣ по очень краткому и крайне тяжелымъ языкомъ написанному учебнику Устрялова. Пополнять въ университетѣ скудныя свѣдѣнія, даваемые этимъ учебникомъ, было вовсе не лишнее.

Французскимъ языкомъ занимался въ Казани лекторъ de Plagny съ 5 и 2-мъ курсами историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ и камеральнаго разряда. Занятія эти состояли, какъ сказано, въ отчетѣ за 1853—54 учебный годъ, въ переводахъ съ французскаго на русскій изъ хрестоматіи Noe'l'a и Chapsal'a, и съ русскаго на французскій изъ хрестоматіи Галахова, съ объясненіями

синонимовъ и идиотизмовъ французскаго языка. Посѣщались эти упражненія и объясненія очень лѣнливо; видимо, студенты не сознавали пользы этой практики въ языкѣ для своихъ научныхъ занятій. Заходили же въ аудиторію де-Плянни больше для того, чтобы просить его подписывать библиотечные требовательные бланки, такъ какъ для полученія книгъ изъ университетской бібліотеки требовалось, чтобы бланкъ былъ снабженъ ручательствомъ профессора. Такъ какъ не всѣ профессора подписывали охотно и не спрашивая, какую книгу мы хотимъ взять, то мы и обращались больше къ тѣмъ, которые охотнѣе подписывали. Случалось, конечно, что подписи эти и поддѣлывались, безъ злаго умысла, конечно, чтобы поскорѣе получить нужную книгу, равнѣе чѣмъ удастся поймавъ профессора.

Де-Плянни былъ добрейшій старецъ, патриархальнаго вида, оставшійся въ Россіи, какъ говорили, обломокъ Наполеоновской арміи, въ которой онъ будто-бы состоялъ барабанщикомъ ¹⁾.

Русскимъ языкомъ, собственно упражненіями въ сочиненіяхъ, занимался съ 1-мъ и 2-мъ курсами обоихъ разрядовъ юридическаго факультета и общей словесности, только что кончившій въ 1853 г. курсъ кандидатъ историко-филологическаго факультета Павелъ Аполлоновичъ Ровинскій — симпатичнѣйшая личность. Много лѣтъ спустя, кажется въ 1876 г., я встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, уже какъ съ завѣдующимъ колонією малолѣтнихъ преступниковъ.

Къ упражненіямъ этимъ студенты относились не лучше, чѣмъ къ французскимъ, можетъ быть и потому, что и тутъ, какъ тамъ, не предстояло повѣрки успѣховъ—экзаменами.

Русскую исторію читалъ профессоръ Николай Алексѣевичъ Ивановъ; читалъ онъ намъ на первомъ курсѣ пропедевтику русской исторіи, на второмъ—эпоху Петра Великаго. Посѣщали его лекціи частью съ охотою, какъ хорошаго лектора, частью — страха ради, какъ строгаго экзаменатора. Своимъ ораторскимъ искусствомъ и зычнымъ голосомъ онъ, пожалуй, даже злоупотреблялъ, часто впадая въ напускной паѣосъ. Голосъ у него былъ какой-то странный — замогильный, какъ называли нѣкоторые; но дикція была хорошая, выразительная. Читалъ онъ громко, округленными фразами, нѣсколько напоминая своей торжественностью и излишнимъ паѣосомъ того гоголевскаго учителя, который изъ-за Александра

¹⁾ Въ отчетѣ за 1853—54 г. упомянуто, что онъ «написалъ» *Chrestomatie des sciences juridiques*. Книги этой мы однако не видали, и онъ намъ о ней не говорилъ.

Македонскаго казенные стулья ломаль. Хотя эта напыщенность лекцій Иванова и его ультрапатріотическое направленіе не очень нравились студентамъ, однако аудиторія его была почти всегда полна, а читаль онъ въ самой большой.

Онъ былъ не очень аккуратенъ и нерѣдко пропускалъ лекціи и, хотя пропуски эти не очень огорчали слушателей (по школьной склонности къ праздношатаію), однако профессоръ всегда считалъ нужнымъ извиняться передъ аудиторіей, ссылаясь то на множество факультетскихъ дѣлъ, лежавшихъ на немъ, какъ деканъ, то на нездоровье. Главною причиною этого нездоровья, какъ всѣмъ намъ было извѣстно, была выпивка, къ которой питалъ склонность,—что грѣха таить, — не одинъ онъ изъ тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ ¹⁾).

На экзаменѣ Ивановъ былъ очень требователенъ; срѣзаться у него было очень легко; плохіе отвѣты сильно его раздражали; онъ краснѣлъ и пилъ воду стаканъ за стаканомъ, все время ходя взадъ и впередъ по залѣ. Если отвѣчающій, сбившись, успѣвалъ поправиться, профессоръ обыкновенно приговаривалъ: „это дѣло десятое“. Несмотря на вообще небольшое тогда число студентовъ, экзаменъ у Иванова тянулся цѣлый день, съ утра до глубокой ночи ²⁾).

Несмотря на свою суровую личность, Ивановъ былъ очень вѣж-

¹⁾ Въ числѣ таковыхъ грѣшниковъ называли особенно Попова—математика, Корнуха-Троцкаго, Бабета, Осокина, даже Мейера, его друга и нѣк. другихъ.

Въ стихотворной характеристикѣ профессоровъ объ Ивановѣ значилось:

Нашъ деканъ Ивановъ,
Тяветъ сиволдай,
Выпить хотъ пять жбановъ,
Только подавай.

²⁾ Ивановъ былъ также грозой гимназій, когда его посылали, по существовавшимъ тогда правиламъ, на ревизію. Рассказывали, что онъ приводилъ въ трепетъ и гимназическія начальства, и учителей, и гимназистовъ, даже въ Нижегородской гимназіи, близкой ему, какъ ея ученику, нижегородскому уроженцу. При приѣздахъ своихъ въ Нижній онъ обыкновенно не забывалъ навѣстить свою мать, вдову мелкаго чиновника или дьячка, жившую невдалекѣ отъ города при считаемомъ святынею «Барановомъ ключѣ».

Н. А. Ивановъ, какъ значится въ біографическомъ словарѣ, изданномъ по случаю столѣтія Казанскаго университета, былъ авторомъ нѣсколькихъ историческихъ работъ и, между прочимъ, участвовалъ въ составленіи книги, изданной подъ своимъ именемъ—извѣстнымъ Фаддеемъ Булгаринымъ въ 30-хъ годахъ: «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Изданіе это не было доведено до конца.

ливъ къ студентамъ; на поклоны наши при встрѣчахъ онъ всегда любезно раскланивался, приговаривая: „здравствуйте, господишь студентъ“.

Я засталъ Иванова уже въ концѣ его профессорства въ Казани, когда, какъ говорили, онъ уже не стоялъ на прежней высотѣ научнаго пониманія и исторической критики. Въ 1856 г. онъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ въ 30-хъ годахъ готовился къ профессорскому званію въ такъ наз. „профессорскомъ институтѣ“. Въ 1859 г. онъ перешелъ изъ Казани въ Митавскую гимназію учителемъ, а въ 1869 г. былъ приглашенъ на кафедру въ Дерптскій университетъ. Въ Дерптѣ онъ и умеръ 30 марта 1869 г. на 56-мъ году жизни.

Преемникомъ его въ Казани былъ совершенно юный адъюнктъ Стенанъ Васильевичъ Ешевскій,—ученый совѣтъ другого пошиба, ученикъ Грановскаго и Кудрявцева. Съ появленіемъ его на кафедрѣ совѣтъ новымъ духомъ повѣяло въ бывшей Ивановской аудиторіи. Посѣщать ее стали массаи уже не страха и не ораторскаго искусства ради (Ешевскій былъ нѣсколько косноязыченъ и по слабости легкихъ громко говорить не могъ), а ради того новаго направленія въ изученіи исторіи, представителемъ котораго оказался Ешевскій. Не обладая ни видною фігурою Иванова, ни ясною дикціей, ни громкимъ голосомъ,—словомъ, ни однимъ изъ внѣшнихъ качествъ хорошаго лектора, онъ привлекалъ слушателей содержательностью своихъ лекцій, массою сообщаемыхъ интересныхъ фактовъ, даже вполне интимнаго характера, и мастерскими характеристиками дѣятелей послѣ-петровской эпохи, о которой онъ тогда читалъ.

Казань не была ему симпатична; онъ стремился въ Москву, куда и перешелъ въ 1857 г. учителемъ 3-го разряда въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ, успѣвъ впрочемъ жениться въ Казани на сестрѣ профессора Н. П. Вагнера. Профессоромъ же Московскаго университета онъ сдѣлался въ 1858 г., а въ 1865 г. скончался, слишкомъ рано (35 лѣтъ) для науки, потерявшей въ немъ крупную силу. Несмотря на раннюю кончину, Ешевскій оставилъ довольно много монографическихъ работъ¹⁾.

---

¹⁾ Младшій братъ С. В. Ешевскаго Василій былъ моимъ товарищемъ по нижегородской гимназіи. А сестра ихъ Елизавета Васильевна († янв. 1903) была замужемъ за профессоромъ Константиномъ Николаевичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ († янв. 1907). Бракъ этотъ былъ романическій, съ похищеніемъ невѣсты изъ строгаго родительскаго дома. Знавшіе Константина Николаевича въ позднѣйшіе годы едва-ли могутъ себѣ представить возможность такого подвига съ его стороны; а между тѣмъ это достовѣрный фактъ.

Перехожу къ основнымъ и прочимъ предметамъ нашего камеральнаго разряда. 1) Государственные законы (не право государственное, ибо слово „право“ тогда не пользовалось хорошей репутаціей въ „высшихъ сферахъ“) ¹⁾ или, какъ подробнѣе значилось въ спискѣ преподаваемыхъ предметовъ, „публичное російское правовѣдѣніе, государственныя и губернскія учрежденія и право о состояніяхъ“ читалъ намъ замѣнившій ушедшаго въ 1853 г. въ Харьковскій университетъ профессора Станиславскаго, молодой симпатичный профессоръ Семень Викентьевичъ Пахманъ (нынѣ сенаторъ). Въ Казань С. В. перешелъ въ 1852 г. изъ Одесскаго Ришельевского лица, гдѣ оныя состоялъ съ 1848 г. адъюнктомъ по кафедрѣ энциклопедіи и исторіи правовѣдѣнія. За неимѣніемъ же въ Казани кафедры исторіи права ему поручена была вакантная кафедра законовъ государственнаго благоустройства и благочинія (т. е. полицейскаго права); съ уходомъ же профессора Станиславскаго ему пришлось преподавать и государственное право. Что касается до характера преподаванія этого предмета, то надо замѣтить, что при тогдашнемъ государственномъ режимѣ, много распространяться о государственныхъ теоріяхъ и т. п. скользкихъ предметахъ не очень-то было удобно, да и прямо не позволялось. А поэтому преподаваніе ограничивалось лишь изложеніемъ нашихъ государственныхъ законовъ (т. е. 1-го тома Свода законовъ), съ кое-какими поясненіями. Курсъ, такимъ образомъ, былъ очень кратокъ; для приготовленія же къ экзамену мы пользовались просто на просто гимназическими учебниками законовѣдѣнія, кто учебникомъ Рождественскаго, кто Проскурякова, состоявшими, особенно первый, изъ сплошной перепечатки статей Свода законовъ, только (какъ выше сказано) безъ ихъ нумераціи и безъ указанія источниковъ. Одновременно съ полицейскимъ правомъ приходилось С. В. Пахману читать и международное право и исторію русскаго права. Перейдя за-

¹⁾ Впрочемъ еще въ концѣ 1820-хъ годовъ читалось въ Казани «право естественное», но въ «обличительномъ смыслѣ». И прочіе предметы правъ, какъ докладывалъ правительству тогдашій ректоръ Фуксъ, преподавались въ Казанскомъ университетѣ, съ «такими отъ прочихъ университетовъ отмѣтками»: «вся теоретическая часть, все, что не можетъ быть изъ правъ древнѣйшихъ народовъ и даже римскаго приложено къ російскому законодательству» проходило «кратко, не теряя времени ни на тщетныя умозрѣнія теоріи правъ, ни на познанія, бесполезныя для русскаго, употребляя какъ можно болѣе времени на изученіе законодательства и судопроизводства отечественнаго» (См. рѣчь Е. П. Янишевскаго о Лобачевскомъ, 1868 г.). Отчасти въ этомъ духѣ читались нѣкоторыя изъ юридическихъ наукъ и въ мое пребываніе въ Казанскомъ университетѣ, можетъ быть по традиціи, а можетъ быть и страха ради.

тѣмъ въ 1856 г. (съ уходомъ профессора Д. И. Мейера въ Петербургскій университетъ) на свой любимый предметъ—гражданское право, профессоръ Пахманъ окончательно отдался ему. На этой кафедрѣ Семень Викентьевичъ былъ, какъ рыба въ водѣ; тутъ вполне проявились и его блестящій лекторскій талантъ, и основательное знаніе предмета, и умѣніе поддерживать вниманіе слушателей во-время рассказаннымъ анекдотомъ или остроумной цитатой. Странно только то, что онъ не попалъ въ стихотворную характеристику профессоръ Казанскаго университета ¹⁾).

Небогаты были учеными силами въ наше время Казанскій университетъ; нѣкоторымъ профессорамъ приходилось быть то совмѣстителями, разбрасывая свои силы одновременно на нѣсколько кафедръ, то и совсѣмъ переходить временно съ своей кафедры на другую. Такъ случалось впрочемъ и въ позднѣйшее время: напр., профессору римскаго права Н. А. Кремлеву приходилось въ разное время читать студентамъ и уголовное право съ судопроизводствомъ, и политическую экономію; профессоръ государственнаго права Н. К. Нелидовъ читалъ также энциклопедію, и исторію философіи права, и исторію иностранныхъ законодательствъ; А. В. Соколовъ читалъ въ разное время римское право и его исторію, энциклопедію, русское государственное право, гражданское право и судопроизводство, также—уголовное, и велъ еще практическія занятія по уголовной и гражданской юридической практикѣ.

Такія совмѣстительства и перескакиваніе съ одной кафедры на другую были возможны для профессоръ прежней формаціи благодаря тому, что для пріобрѣтенія ученыхъ степеней тогда требовалось знаніе большаго числа предметовъ, чѣмъ это установлено правилами 1864 г., очень сѣзвившими требованія, что очень облегчило полученіе степеней, но едва-ли принесло пользу дѣлу, какъ мало принесутъ пользы, конечно, и нынѣ проектируемыя правила, еще болѣе облегчающія пріобрѣтеніе профессорскаго званія.

Политическую экономію и статистику читалъ молодой профессоръ Иванъ Кондратьевичъ Бабстъ. Изъ учителей исторіи въ Московскомъ сиротскомъ домѣ онъ былъ назначенъ въ Казанскій университетъ въ 1851 г. Обладая основательной исторической подготовкой, читалъ онъ хорошо, иногда довольно смѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, критикуя то-другое; но разумѣется въ большія подробности какихъ-либо „сомнительныхъ“ ученій онъ вдаваться не могъ, такъ какъ политическая экономія читалась по „установленной“

---

¹⁾ Впослѣдствіи мнѣ привелось быть изъ ученика сослуживцемъ С. В. Пахмана въ С.-Петербургскомъ университетѣ (1867—1876).

программѣ, состоя, кажется, на-ряду съ философiей, изъ всѣхъ наукъ на наихудшемъ счету у правительства, всегда у насъ боявшася „разрушительныхъ“ ученiй, всегда однако бравшихъ свое въ нашемъ обществѣ, несмотря на запреты.

Вслѣдствiе „установленной“ программы, курсъ политической экономiи былъ, какъ выражались студенты, короче воробьиного носа. И курсъ статистики былъ тоже не обширенъ. Кромѣ того И. К. читалъ намъ еще о государственномъ кредитѣ. Говорятъ, что, перейдя въ Москву, въ 1857 г., онъ сталъ читать болѣе подробно, что отчасти видно и изъ напечатаннаго имъ начала курса политической экономiи, къ сожалѣнiю не пошедшаго дальше 1-го выпуска.

Въ предпоследнiй (1855) годъ его пребыванiя въ Казанскомъ университетѣ много надѣлала шуму его актовая рѣчь „о нѣкоторыхъ условiяхъ, способствующихъ умноженiю народнаго капитала“. Нѣкоторыя мѣста и выраженiя въ этой рѣчи, прекрасно написанной, казались необычайно смѣлыми для того времени, когда и наука, и общество только еще начинали, не безъ робости, дышать смѣлѣе съ перемѣной царствованiя.

Бабстъ былъ человекъ съ обширнымъ образованiемъ, очень начитанный, охотно бесѣдовавшiй съ обращающимися къ нему студентами и вообще добрѣйшей души человекъ ¹⁾.

Въ Москвѣ онъ впоследствии пустился въ коммерческiя предпрiятiя, кажется, съ извѣстнымъ Чижовымъ; потомъ былъ директоромъ купеческаго банка. Я видѣлся съ нимъ послѣ университета только разъ въ Москвѣ въ концѣ 1857 г. проѣздомъ изъ Нижняго въ Петербургъ, при чемъ онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ извѣстному статистику, своему знакомому по Казани, А. И. Артемьеву. Но желанiю моему сдѣлаться статистикомъ не суждено было исполниться... Еще разъ я видѣлъ Бабста мелькомъ на одномъ изъ безобразовскихъ экономическихъ обѣдовъ у Донона. Умеръ онъ въ 1881 году въ своемъ подмосковскомъ имѣнiи, на 58-мъ году жизни ²⁾.

¹⁾ Не даромъ въ вышеупомянутой характеристикѣ профессоръ о немъ поется:

Бабстъ Иванъ Кондратьевъ
Славный человекъ:
Любитъ насъ, какъ братьевъ;
Жить бы ему вѣкъ!

²⁾ Имъ написано нѣсколько историческихъ и экономическихъ работъ; а докторская его диссертация „Джонъ Ло или финансовый кризисъ Францiи въ первые годы регентства“, (1852 г.) весьма замѣчательная монографiя по тогдашнему состоянiю исторической и экономической литературы.

„Законы о податяхъ и повинностяхъ“, т. е. финансовую науку и финансовое право читалъ профессоръ Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ. Какъ большинство тогдашнихъ казанскихъ профессоровъ, это былъ серьезный ученый, хорошо знавшій свой предметъ и обладавшій, какъ всѣ профессора—юристы стараго поколѣнія, широкимъ юридическимъ образованіемъ, дававшимъ возможность имъ читать не одинъ свой специальный предметъ, но и другіе, даже не очень къ нему близкіе. Осокинъ—совоспитанникъ Д. И. Мейера по Главному Педагогическому Институту, штудировалъ вмѣстѣ съ нимъ за границей въ 1840—44 годахъ (откуда привезъ себѣ, кажется, и жену-нѣмку) и почти одновременно съ нимъ получилъ званіе профессора ¹⁾.

Недостатокъ Осокина, какъ профессора, былъ тотъ, что онъ не обладалъ ни даромъ краснорѣчія, ни искусствомъ заинтересовывать слушателей, почему и не пользовался особымъ расположеніемъ студентовъ, хотя всегда былъ къ нимъ добръ и внимателенъ, и съ полной любезностью давалъ указанія и совѣты къ нему обращавшимся. Неумѣніе красно выражаться и неясность дикціи дѣлали то, что лекціи его посѣщались неохотно; иногда устанавливалась даже очередь, кому пойти на „финансовое право“. Если къ неясности произношенія прибавить еще очень несильный голосъ профессора, то отсутствіе у него полной аудиторіи („все равно немного услышишь“) станетъ еще болѣе понятнымъ ²⁾.

Не мало пугала студентовъ и обширность курсовъ, читавшихся Осокинымъ, осложненныхъ массою подробностей, историческихъ и сравнительныхъ очерковъ. Исторію онъ особенно выдвигалъ въ своихъ лекціяхъ, вѣроятно подъ вліяніемъ историческаго направленія въ разработкѣ политической экономіи и финаисовой науки,

---

¹⁾ И какая странная игра случая! Конечно, ни Евграфъ Григорьевичъ Осокинъ, вологодскій уроженецъ, въ позднѣйшее время, ни профессоръ исторіи, его однофамилецъ, Николай Алексѣевичъ, уроженецъ Петербургскій, получая назначеніе въ Казань, не ожидали встрѣтить здѣсь тоже однофамилецевъ среди мѣстной аристократіи.

²⁾ Вышеописанныя внѣшнія качества Осокина, какъ профессора, и отмѣчены въ стихотворныхъ характеристикахъ профессоровъ слѣдующимъ юмористическимъ четверостишіемъ:

Осокинъ Евграша
 Говоритъ мастакъ:
 Во рту словно каша,
 А въ глазахъ столбнякъ!

Послѣдній стихъ объясняется тѣмъ, что взглядъ у Осокина былъ дѣйствительно какой-то странный, малоподвижный, словно робкій.

основаніе которому было положено извѣстнымъ лейпцигскимъ профессоромъ Рошеромъ въ 1840-хъ годахъ ¹⁾).

Не очень старательно посѣщая лекціи Осокина студенты, разумѣется, мало себѣ и усваивали, такъ что къ экзамену приходилось готовиться на „авось, кривая вывезетъ“,—пользуясь записками, когда-то и кѣмъ-то составленными, едва-ли просмотрѣнными профессоромъ, частію же его печатными работами. Очень не по нутру была слушателямъ Осокина и обширность его курсовъ, какъ финансоваго права, такъ и временно читавшагося имъ полицейскаго, тѣмъ болѣе, что онъ слылъ за очень требовательнаго экзаменатора. Ввести же его въ заблужденіе однимъ изъ выше описанныхъ ухищреній съ билетами не было возможности, такъ какъ билеты для экзамена онъ приносилъ свои. Поэтому, „сдать финансовое право“, говорили студенты,—„перейти Рубиконъ“; однако профессоръ, большею частію, относился къ отвѣчающимъ снисходительно, если они не слишкомъ уже завирались и не обнаруживали слишкомъ ясно отсутствія познаній. Но для этого и самымъ лѣнливымъ приходилось готовиться серьезно; и вотъ зубрили изъ всѣхъ силъ, бѣгая другъ къ другу за тетрадами лекцій, которыхъ чуть-ли не единственный полный экземпляръ съ добавленіями изъ другихъ, разрозненныхъ, находился въ то время въ моемъ обладаніи; имъ-то и пользовались мои товарищи, главнымъ образомъ, передавая другъ другу отдѣльныя тетради. Вѣдь надо было быть въ состояніи хоть малость отвѣтить толково на каждый билетъ!

По окончаніи мною курса мой экземпляръ остался у кого-то на пользу послѣдующихъ поколѣній слушателей Е. Г. Осокина. Имъ это, конечно, было на руку; но я потомъ очень жалѣлъ, что не сохра-

¹⁾ Историческія изслѣдованія и интересовали Осокина преимущественно. Такой характеръ носить уже магистерская его диссертация: «Историко-критическое изслѣдованіе пауперизма» (1846 г.). Его докторская диссертация «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи» (1850 г.)—есть уже чисто-историческое изслѣдованіе. По поводу разбора этой книги профессоромъ Бѣляевымъ Осокинъ написалъ возраженіе, представляющее собою тоже экскурсію въ область исторіи. «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права (Юридич. Сборникъ Мейера, 1855). Въ сочиненіи «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи» (1856, напеч. въ Сборникѣ статей въ память 50 лѣтія Казанскаго университета и отдѣльно) исторической части отведено значительно больше мѣста, чѣмъ теоретической. Есть и еще работа Осокина—тоже историческая. «Объ организаціи финансоваго управленія въ Аѳинахъ». (Уч. зап. Каз. ун-в. 1852), составляющая извлеченіе изъ книги извѣстнаго Вёскля. Темы для студенческихъ сочиненій Осокинъ предлагалъ обыкновенно историческаго характера. Я наприм. получилъ у него золотую медаль за «Историческій обзоръ мѣръ русскаго правительства касательно внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ».

ниль этого солиднаго и обширнаго трактата о предметѣ, котораго самъ потомъ сдѣлался преподавателемъ ¹⁾).

Преподаваніе полицейскаго права Осокинымъ отличалось тѣми же достоинствами и недостатками, что и финансоваго. Можетъ быть и не по душѣ было Евграфу Григорьевичу возиться съ обработкой еще этого обширнаго курса, но и къ нему онъ относился столь же добросовѣстно, какъ къ своему основному предмету. Его курсъ полицейскаго права былъ тоже очень подробенъ и съ обширными историческими справками. Этотъ курсъ сохранился у меня случайно; но написанъ онъ такими почерками, что можно сказать, только отсутствіе печатныхъ руководствъ могло заставлятъ студентовъ преодолевать подобныя каллиграфическія трудности (лишь бы не срѣзаться на экзаменѣ), уснащенные при томъ искаженіями переписчиковъ.

Приводя въ порядокъ доставшіяся отъ кончающихъ товарищей записки, я, по мѣрѣ силъ, пополнялъ ихъ собственными записями лекцій и дополненіями изъ другихъ экземпляровъ, въ чемъ усердно сотрудничалъ товарищъ мой (впослѣдствіи членъ Кіевской судебной палаты) М. В. Суринъ († 1903).

До назначенія Осокина въ Казанскій университетъ въ 1845 г. адъюнктомъ по кафедрѣ „законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ“, — финансовое право тамъ еще не читалось. Было оно, правда, поручено, „въ видѣ опыта“, кандидату правъ Бржозовскому, но курсъ его такъ и не состоялся за выбытіемъ Бржозовскаго на родину, въ Западный край. Осокину же пришлось сразу работать по двумъ кафедрамъ — своей — финансовъ, и по кафедрѣ полицейскаго права, за уходомъ проф. Сергѣева. Потомъ въ 1849—51 гг. онъ преподавалъ политическую экономію и статистику; 1851—52 и 1855—56 гг. — полицейское право; въ 1853—55 гг. — російскіе государственные законы. Потомъ, за переходомъ проф. Иванова въ Дерптъ, Осокинъ былъ деканомъ юридическаго факультета; затѣмъ, съ 1863 года до кончины своей въ 1880 году (на 61 году жизни), дважды ректоромъ университета,

¹⁾ Вообще не къ чести прежнихъ, да и нынѣшнихъ студентовъ надо замѣтить, о нерасположеніи ихъ къ записыванію и обработкѣ лекцій. При существованіи печатныхъ учебниковъ это, конечно, еще извинительно; но и въ учебникахъ не всегда имѣется все то, что сообщается на лекціяхъ, не говоря уже о новыхъ изслѣдованіяхъ, открытіяхъ или перемѣнахъ въ возрѣніяхъ преподавателей, совершившихся послѣ изданія ими учебниковъ. Во время моего студенчества печатныхъ руководствъ для большинства наукъ не существовало. Профессора указывали слушателямъ на иностранныя руководства; но многіе ли изъ изучавшихъ иностранныя языки въ нашихъ гимназіяхъ способны читать на этихъ языкахъ?

въ 4-лѣтнимъ промежуткомъ. Съ Казанью онъ совсѣмъ сжился, обзавелся собственнымъ немудренымъ домикомъ и, повидимому, совсѣмъ не мечталъ о какомъ-нибудь другомъ университетѣ, какъ другъ и товарищъ его Д. И. Мейеръ, прямо на пагубу свою, при своемъ плохомъ здоровьѣ, перешедшій въ Петербургскій университетъ и умершій черезъ мѣсяць по полученіи здѣсь каедръ.

Въ отчетѣ университета за 1880 годъ сказано объ Евграфѣ Григорьевичѣ такъ: „По общему отзыву онъ былъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ-преподавателей, собственно по исторіи финансовъ“. Отъ себя могу прибавить, что и теорія у него была хорошо разработана. Далѣе: „громадное количество юристовъ и камералистовъ, учениковъ его, доселѣ вспоминають съ признательностью и особымъ уваженіемъ имя покойнаго профессора, его даръ изложенія предмета, всегда сообщаемого аудиторіи съ замѣчательною полнотою. Всегда до крайности вѣжливый, тихій, почти робкій передъ аудиторіей, Е. Г. былъ особенно требователенъ на экзаменахъ“.

Оригиналенъ онъ былъ и въ домашней жизни: мнѣ и другимъ, писавшимъ у него кандидатскія сочиненія, приходилось нерѣдко бывать у него для полученія совѣтовъ и указаній. На звонокъ онъ почти всегда самъ отстегивалъ крючекъ двери и затѣмъ послѣшно убѣгалъ въ кабинетъ, откуда и выходилъ уже, какъ ни въ чемъ не бывало, къ намъ, обыкновенно въ пестромъ татарскомъ халатѣ. Замѣтивъ такую повадку профессора, мы, чтобы не конфузить его немедленнымъ появленіемъ въ передней, оставались на минуту въ сѣняхъ за дверью, чтобы дать ему время убѣжать въ кабинетъ. Принималъ онъ студентовъ всегда радушно, охотно бесѣдуя и давая желаемыя указанія ¹⁾.

Перехожу къ прочимъ главнымъ предметамъ камеральнаго отдѣленія.

¹⁾ Лично я обязанъ Осокину устройствомъ моей профессорской карьеры: когда министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ задумалъ въ началѣ 1860-хъ годовъ командировать за границу молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію, я напомнилъ Евграфу Григорьевичу о себѣ, и онъ тотчасъ же сдѣлалъ обо мнѣ представленіе, имѣя въ виду, что я кончилъ университетъ кандидатомъ, съ золотою медалью на тему по финансовому праву. Во время пребыванія моего за границей въ 1862—65 гг. мы обмѣнивались съ нимъ иногда письмами. Но увидѣвъ мнѣ его послѣ университета пришлось только разъ, въ концѣ 1866 г., когда онъ, какъ ректоръ, былъ вызванъ въ Петербургъ въ комиссію по пересмотру правилъ для университетскихъ слушателей (правила 26 мая 1867 г.). Я тогда приглашалъ его на мой диспутъ, «pro venia legendi», но онъ былъ нездоровъ и не явился «пробрать» своего ученика. Въ 1876 г. онъ участвовалъ въ комиссіи по пересмотру университетскаго устава, но въ этотъ разъ мнѣ не пришлось его видѣть. Кажется, что комиссія эта засѣдала лѣтомъ, когда меня не было въ столицѣ.

Ботанику, „примѣненную къ сельскому хозяйству“, т. е. „общія начала и систему ботаники, съ обзоромъ сельскохозяйственныхъ и огородныхъ растений, а также и вредныхъ“, читаль первому курсу камералистовъ, а въ слѣдующихъ курсахъ — сельское хозяйство, садоводство и лѣсоводство — кандидатъ Петръ Андреевичъ Пелль. Хотя ему тогда не было еще 50 лѣтъ, но онъ казался значительно старше. Это былъ сѣдоватый, высокаго роста блондинъ—оригинальная фигура и оригинальный преподаватель. По общему отзыву это былъ очень знающій ученый и до мозга костей преданный наукѣ; рассказывали, что за своими занятіями онъ иногда забывалъ даже объ обѣдѣ. Читаль онъ ясно и толково, постоянно приправляя свои объясненія жестукилированіемъ своихъ длинныхъ пальцевъ. Аудиторія его съ нѣкоторыми другими помѣщалась въ лѣвой половинѣ университетскаго зданія, въ бель-этажѣ (какъ впрочемъ и всѣ общія аудиторіи), въ одномъ корридорѣ съ спальнями казенно-коштныхъ студентовъ ¹⁾).

Посреди комнаты, служившей намъ здѣсь сборной, первой отъ входа въ этотъ этажъ съ боковой лѣстницы, стояли два огромныхъ умывальника красной мѣди, около которыхъ мы и блуждали въ ожиданіи лекціи Пелля, по-школьнически оттягивая ея начало, хотя профессоръ обыкновенно уже находился въ аудиторіи. Нерѣдко его терпѣніе допалось, и онъ выходилъ изъ аудиторіи будто затѣмъ, чтобы велѣть служителю принести мѣлу; но это было намъ тонкимъ намекомъ, что пора на лекцію. Прямо же онъ никогда не обращался съ приглашеніемъ.

Странно было въ преподаваніи этого знающаго и усерднаго лектора то, что онъ ни разу не счелъ нужнымъ сводить насъ въ ботаническій садъ (въ который, увы, многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, такъ и не собрались заглянуть), чтобы показать разныя растенія въ ихъ естественномъ, а не высушенномъ видѣ, чѣмъ онъ ограничивался, пользуясь гербаріумомъ, находившимся въ двухъ шкафикахъ тутъ же въ аудиторіи. Не возилъ онъ насъ и на учебную земледѣльческую ферму министерства государственныхъ имуществъ, находившуюся невдалекѣ отъ города. Весьма возможно, впрочемъ, что тому и другому путешествію, а особенно на ферму, препятствовала трудность сообщенія, въ виду осенней и весенней грязи, дарившей не только на подгородныхъ дорогахъ, гдѣ она прямо засасывала лошадей и экипажи, но и на пути къ озеру Кабану, на берегу котораго находится ботаническій садъ университета.

¹⁾ Днемъ студенты эти, въ свободное отъ лекцій время, пребывали въ комнатахъ третьяго этажа, выходящаго окнами на университетскій дворъ, а спать спускались въ бель-этажъ.

Лѣтомъ же студенты отсутствовали, а зимою тамъ мало чего было смотрѣть.

Для преподаванія сельскаго хозяйства не было ни почвенныхъ картъ, ни образцовъ почвъ; были, кажется, только модели нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ орудій; но и тутъ профессоръ больше ограничивался ихъ описаніями и черченіемъ на доскѣ. Правда, что бюджетъ университета былъ тогда такъ скромный, что на приобрѣтеніе всего необходимаго для нагляднаго преподаванія, вѣроятно, не имѣлось средствъ.

Тѣмъ не менѣе студенты, имѣвшіе хорошіе баллы по ботаникѣ и сельскому хозяйству, получали особыя свидѣтельства объ успѣшномъ изученіи агрономіи, дававшія какія-то преимущества въ службѣ по вѣдомству м-ва гос. имуществъ. Такое свидѣтельство получилъ и я, но воспользоваться имъ мнѣ не пришлось.

При ограниченности средствъ къ преподаванію Пелль дѣлалъ, что могъ, повидимому. Преподавалъ онъ толково и былъ снисходительнымъ экзаменаторомъ, который, конечно, ни одному студенту не испортилъ аттестата. Умеръ онъ въ отставку, въ Петербургѣ, въ 1861 г.

Съ 1854—55 учебнаго года введено было на 1-мъ курсѣ камеральнаго разряда еще преподаваніе минералогіи и зоологіи, какъ пособіе для изученія сельскаго хозяйства, технологіи и химіи, съ порученіемъ этихъ предметовъ адъюнкту Н. П. Вагнеру (тогда носившему у студентовъ кличку „пискунъ“; впоследствии столь извѣстному профессору Петербургскаго университета, спириту, „Коту мурлыкѣ“). Намъ слушать эти предметы уже не пришлось. Съ уходомъ Пелля Н. П. Вагнеру была поручена и ботаника. По настоянію Вагнера, вѣроятно, назначены были наконецъ особые часы для практическихъ занятій камералистовъ ботаникою; а за библіотекою отведено было мѣсто „для воспитанія растений, замѣчательныхъ въ сельско-хозяйственномъ и техническомъ отношеніяхъ“, какъ значится въ отчетѣ за 1855—56 г. Но еще въ 1857 г., при окончаніи нами курса, мѣсто это оставалось поросшимъ „травой забвенья“, какъ поетъ Русланъ, т. е. репейникомъ и крапивой ¹⁾).

Химію читалъ намъ очень молодой (р. 1829 г.), впоследствии знаменитый творецъ русской химической школы, адъюнктъ Александръ Михайловичъ Бутлеровъ. Аудиторія и лабораторія его помѣщались, какъ и понынѣ, конечно, помѣщаются, въ нижнемъ этажѣ находящагося на университетскомъ дворѣ особаго знанія, въ верх-

¹⁾ Въ 1856 г. было проектировано еще ввести для камералистовъ преподаваніе англійскаго языка и архитектуры. Состоялось ли это—не знаю. Но раньше того англійскимъ языкомъ нѣкоторые изъ насъ занимались у лектора Бересфорда добровольно.

немъ этажѣ котораго помѣщаются физическіе—кабинетъ и аудиторія. Позади химической аудиторіи было помѣщеніе для химическихъ снарядовъ и матеріаловъ и лабораторія, тогда очень тѣсная; тутъ же была и квартира лаборанта Грахе, да отдѣльная комната для студента-метеоролога, обязаннаго нѣсколько разъ въ день подниматься въ будку на крышѣ зданія, въ которой помѣщались инструменты для наблюденій, и записывать направленіе вѣтра, количество осадковъ и прочее, что у метеорологовъ полагается отмѣчать. Кстати скажу, что такъ какъ студентъ этотъ не всегда же могъ быть на лицо въ требуемые часы, да при томъ не отличался трезвостью, то и записи эти дѣлались иногда наобумъ, приблизительно, а то подъ влияніемъ Бахуса, можетъ быть и совсѣмъ расходились съ дѣйствительностью.

Мы слушали химію вмѣстѣ съ математиками и медиками, такъ что иногда народу набиралось очень много. На первомъ курсѣ читалась химія неорганическая, на 2-мъ органическая, на 3-мъ аналитическая. Читаль Бутлеровъ очень бойко, вразумительно, большею частію удачно поясняя свои сообщенія опытами, при помощи лаборанта Грахе (впослѣдствіи, съ 1860 г., ставшаго адъюнктомъ по химіи). Читаль А. М. настолько внятно, что была полная возможность записывать его лекціи, что нѣкоторые и дѣлали. Но большинство для экзамена пользовалось существующими руководствами—для неорганической химіи Гесса и Реньо. Для аналитической существовало руководство, довольно безграмотно переведенное съ чьего-то французскаго учебника, которое приходилось пополнять собственными записями; а для химіи органической печатной книжки вовсе не было; записанныя мною лекціи восполняли моимъ товарищамъ этотъ дефектъ, переходя изъ рукъ въ руки во время экзаменовъ.

Химія тогда была гораздо проще и менѣ сложна, чѣмъ теперь, особенно органическая, страшно подвинувшаяся впередъ за послѣднія 40—45 л. и обогатившаяся множествомъ 4-хъ и 5-ти этажныхъ названій разныхъ новыхъ соединеній и массою новыхъ формулъ, въ которыхъ мнѣ теперь уже и не разобраться, хотя въ тѣ времена, о которыхъ пишу, я изучаль эту науку довольно основательно.

Лекціи химіи доставляли намъ не мало удовольствія. Благодаря прекрасной манерѣ изложенія, передъ нами болѣе и болѣе поднималась завѣса, скрывавшая тайны природы въ этой области знанія. Не симпатична была, правда, химія аналитическая, такъ какъ тутъ приходилось заучивать на память, чѣмъ, что, въ какомъ количествѣ и какими количествами разлагается, и что изъ этого получается...

Извѣстно, что такъ называемыя тайны природы интригуютъ умъ уже въ очень раннемъ возрастѣ; уже малолѣтній ребенокъ ломаетъ

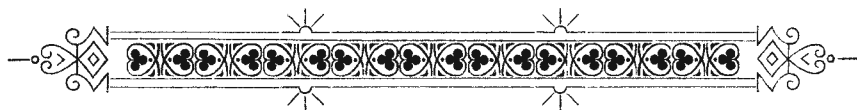
игрушку, чтобъ узнать, отчего она нищитъ или вообще, какъ она сдѣлана,—производить своего рода анализъ... Физическіе и химическіе и т. п. опыты всегда находятъ не мало интересующихся не только между юнцами и юницами, но и между людьми всѣхъ возрастовъ и положеній. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, что камералисты интересовались химіей и технологіей нѣрѣдко больше, чѣмъ предлагаемыми имъ науками юридическими. Особенно увлекались химіей первокурсники; нѣкоторые занимались даже въ лабораторіи, портя иногда работы самого А. М. Бутлерова. Мой землякъ и товарищъ по гимназіи и отчасти по университету, нынѣ извѣстный писатель П. Д. Боборыкинъ въ первое время такъ предался химіи, что даже перевелъ на русскій и издалъ „органическую химію“ Лемана, а потомъ, желая совсѣмъ посвятить себя этой наукѣ, перешелъ, по совѣту Бутлерова, въ Дерптъ, чтобы изучить ее спеціально подъ руководствомъ знаменитаго проф. Клауса, перешедшаго изъ Казанскаго университета въ Дерптскій въ 1852 г. ¹⁾

Бутлеровъ былъ очень симпатичный, доступный профессоръ и непридирчивый экзаменаторъ. Такимъ же онъ оказался и въ Петербургскомъ университетѣ, въ который перешелъ въ 1868 г., по предложенію Д. И. Менделѣева. Умеръ онъ въ 1886 г. въ своемъ имѣніи въ Казанской губерніи отъ случайной закупорки какой-то артеріи или вены, слишкомъ рано для своихъ лѣтъ и для науки, въ которой онъ былъ такимъ выдающимся работникомъ, создавшимъ свою „бутлеровскую“ школу въ химіи. Петербургскій университетъ почтилъ его память особымъ торжественнымъ собраніемъ, на которое было приглашено и его семейство.

В. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Впослѣдствіи, какъ извѣстно, жизненная карьера П. Д. Боборыкина сложилась совсѣмъ иначе: пробывъ Дерптъ на физико-математическомъ и (кажется, одновременно) медицинскомъ факультетахъ около пяти лѣтъ, онъ сдалъ въ 1861 году, въ временно закрытомъ тогда Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на кандидата юридическихъ наукъ и, вскорѣ затѣмъ, окончательно отдался литературѣ; сначала былъ сотрудникомъ «Библиотеки для чтенія», потомъ ея редакторомъ-издателемъ, а когда дѣло это разстроилось, сдѣлался усерднѣйшимъ поставщикомъ романовъ, повѣстей и драматическихъ произведеній въ толстые журналы, корреспонденцій и статей въ газетѣ, словомъ «талантливымъ беллетристомъ» и наконецъ сопричисленъ къ Академіи Наукъ. Для казанцевъ пребываніе его въ Дерптѣ сказалось обширнымъ письмомъ къ одному изъ товарищей, въ которомъ П. Д. давалъ разныя наставленія и между прочимъ очень одобрялъ ихъ желаніе просить объ отбѣнѣ переводныхъ экзаменовъ. Послѣднее, кажется, особенно всѣмъ понравилось, какъ избавленіе отъ ежегодной зубрежки. Письмо ходило по рукамъ и, кажется, даже списывалось.

Къ 100 лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровайсѣ.

2 сентября 1808 года, близъ береговъ Ботническаго залива по пути изъ Вазы въ Нью-Карлебю, произошло сраженіе при м. Оровайсѣ между нашими войсками, предводимыми графомъ Каменскимъ, и шведо-финскими войсками, коими командовалъ генераль Клингспоръ. Это сраженіе по числу войскъ, въ немъ участвовавшихъ (нашихъ до 6 т. и шведовъ до 7 т.), хотя и не было особенно значительнымъ, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ, ибо войска наши, преслѣдуя шведовъ, 12 сентября заняли городъ Гамла-Карлебю, а спустя 5 дней, по предложенію Клингспора, заключено было перемиріе, при чемъ шведы отступили къ с. Химанго. Такъ какъ на это перемиріе не послѣдовало Высочайшаго утвержденія, то графъ Каменскій 20 октября продолжалъ наступленіе и 17 ноября занялъ Улеаборгъ и вскорѣ, по Олькюнскои конвенціи, походъ 1808 года закончился занятіемъ Финляндіи до р. Кеми. Коротче, рѣшительное пораженіе, нанесенное шведамъ при Оровайсѣ, привело къ быстрому окончанію похода, несмотря на затруднительное наступленіе, такъ какъ шведы, отступая, жгли за собою мосты и уничтожали все, что только могло быть въ пользу нашихъ войскамъ.

Въ заключеніе, приведемъ въ нѣсколькихъ словахъ и въ общихъ чертахъ ходъ сраженія при Оровайсѣ.

Въ 10 часовъ утра 2 сентября, авангардъ генерала Кульнева завязалъ дѣло и, слѣдя за противникомъ, остановился лишь тогда, когда со стороны залива начали дѣйствовать канонерскія лодки, прибывшія къ шведамъ на помощь изъ Улеаборга.

По прибытіи подкрѣпленія изъ двухъ полковъ подъ командою генерала Демидова начался упорный бой по всей линіи. Шведы двинули въ атаку резервы на нашъ центръ и опрокинули его, вслѣдствіе чего и фланговья наши части начали отходить, но подослѣвшіе резервы вскорѣ поправили дѣло. Шведы начали отступ-

леніе къ своимъ позиціямъ, перешедшее въ бѣгство. Наступившія сумерки и туманъ не прекратили боя. Полки генерала Демидова двинулись въ обходъ лѣваго фланга шведской позиціи, и засимъ началась общая атака, завершившаяся взятіемъ шведскихъ окоповъ и батарей. Войска противника обратились въ бѣгство и были преслѣдуемы еще двѣ версты за Оровайсь. Наши войска ночь провели на бивакахъ у Оровайской кирки.

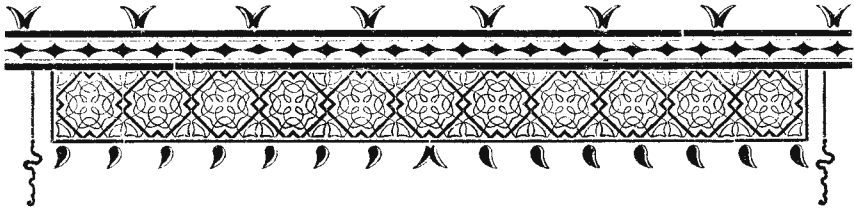
Спустя два мѣсяца графъ Каменскій отправился, по болѣзни, въ Петербургъ и при отъѣздѣ, прощаясь съ войсками корпуса, сказалъ: „мы завоевали Финляндію—сохраните ее!“¹⁾

Сообщ. Л. Дране.

---

¹⁾ Исторія 131 пѣхотнаго Тираспольскаго полка, г. Кіевъ 1900. Составилъ М. Михайловъ, стр. 95—98.

Воспоминанія К. П. Каблукова.

(Записанныя съ его словъ).

Одно изъ лицъ, упоминаемыхъ въ этихъ воспоминаніяхъ, есть геройня сенсационнаго процесса, такъ талантливо разобраннаго на страницахъ „Русской Старины“ высокоуважаемымъ А. Ө. Кони, въ декабрьской книгѣ за 1907 г.

I.

Въ первыхъ числахъ іюля 1866 г., въ селѣ Бекетовѣ, Сызранскаго уѣзда, шелъ пиръ горой. Кстати и дни выдались чудные и не слишкомъ жаркіе. Ночью накрапывалъ дождикъ, такъ что торныя дороги, не покрываясь невылазной грязью, были все-таки на столько влажны, что не окутывали проѣзжихъ облаками пыли.

Такія благоприятныя обстоятельства были очень на руку помѣщикамъ, спѣшившимъ въ церковь, по приглашенію моего отца, уѣзднаго предводителя дворянства Петра Александровича Каблукова, на бракосочетаніе мое, тогда гвардіи штабъ-ротмистра, съ Клавдіею Андреевной Бекетовой, дочерью очень богатаго, всѣми уважаемаго помѣщика.

Было около семи часовъ вечера, времени, указаннаго въ пригласительныхъ билетахъ часомъ вѣнчанія. Женихъ, конечно, уже минутъ двадцать, былъ въ церкви; невѣсту, какъ водится, ожидали. Самъ губернаторъ, во главѣ губернскаго Олимпа, удостоилъ пріѣхать къ обряду. Превосходные архіерейскіе пѣвчіе, любезно присланные владыкой, уже пропѣли жениху концертъ. Гости группами вели оживленный разговоръ. Шафера шутили съ женихомъ, подтрунивая надъ его нетерпѣніемъ.

Но вотъ въ отворенныя двери храма ворвался снопъ золоти-

стых лучей заходящаго солнца, и въ этомъ волшебномъ освѣщеніи, въ полномъ расцвѣтѣ девятнадцатилѣтней красоты, подъ руку съ блестящимъ красавцемъ-кавалергардомъ, показалась невѣста.

Вся внутренность храма мгновенно окуталась золотистой дымкой, а мерцаніе сотенъ восковыхъ свѣчей у мѣстныхъ иконъ и воуженнаго паникадила придавали всей обстановкѣ и лицамъ присутствовавшимъ какой-то особенно торжественный колоритъ. Пѣвчіе грянули „гряде, голубица“, шаферъ уступилъ мѣсто отцу, съ видимою гордостью поведшему къ аналою свою красавицу дочь.

Обрядъ начался.

„Какая прекрасная парочка“, говорили мужчины.

„Какой душа женихъ“, слышалось у дѣвиць.

„Невѣста немного блѣдна. Платье-то; съ лѣвой стороны лифъ какъ-будто морщить; а фата какъ приколотая! Ну, ужъ одѣли!“ шептали дамы.

„Брильянтищи нацѣпила! Вотъ думаетъ удивить!“ подхватывали другія.

Но невѣстѣ было не до этихъ пересудовъ. Вся погруженная въ думы о предстоящей жизни, о важности переживаемаго момента, она усердно молилась и, держа въ лѣвой рукѣ свѣчу, правой рукой, время отъ времени, набожно осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Въ безконечно добромъ, симпатичномъ взорѣ глубокихъ, голубыхъ ея глазъ отражалось столько вѣры, столько надежды на Бога, столько любви къ будущему мужу, что женихъ могъ считать свое счастье обеспеченнымъ. Украдкой взглядывалъ онъ на свою невѣсту, и когда взоры ихъ встрѣчались, лица ихъ озарялись счастливой улыбкой.

Между тѣмъ обрядъ шель своимъ чередомъ. Дамы уже успѣли замѣтить, кто изъ вѣнчавшихся раньше вступилъ на коверъ; чья свѣча больше сгорѣла: успѣли даже подмѣтить подробности болѣе интимнаго характера, давшія поводъ къ оживленному спору и догадкамъ.

Словомъ—все было въ порядкѣ.

Но вотъ обрядъ кончился. Гости шумною толпою обступили молодыхъ и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ напутствовали новую жизнь ихъ лучшими пожеланіями. Изъ церкви все направилась въ барскій домъ Бекетовыхъ, гдѣ и пошелъ пиръ горой.

Шампанское лилось рѣкой. Тосты слѣдовали за тостами. Молодые только и дѣлали, что по требованію гостей подслащали горькое вино сладкимъ, сахарнымъ поцѣлуемъ. Послѣ обѣда оркестръ домашнихъ, очень хорошихъ музыкантовъ безъ усталы игралъ вальсы, кадрили и польки. Танцовали, можно сказать, до упаду; и

не только молодые, но даже и почтенные люди, въ перерывахъ между робберами, показывались въ залѣ и принимали участіе въ танцахъ.

Но, по совѣсти, молодые превосходили всѣхъ ловкостью и граціей такъ, что приковали къ себѣ общее вниманіе. Наконецъ усталость взяла свое, и въ шестомъ часу утра гости частью разѣзжались, другую же часть, и едва-ли не большую, приняли въ гостепріимномъ домѣ Андрея Васильевича объятія Морфея.

На утро встали, конечно, довольно поздно и только около трехъ часовъ сошлись въ столовой за раннимъ обѣдомъ. Опять пошли тосты, пожеланія. Вечеромъ танцы на открытомъ воздухѣ, и только на четвертый день жизнь обитателей Бекетова вступила на обычный путь. Молодые собирались уже ѣхать къ моему отцу, когда молодого пригласили въ кабинетъ Андрея Васильевича.

„Еще разъ поздравляю тебя, Костя“, встрѣтилъ меня тесть: „отъ души желаю тебѣ всего лучшаго въ жизни. Живи такъ, какъ жилъ весь свой вѣкъ твой отецъ, а мой съ дѣтскихъ лѣтъ другъ, Петръ Александровичъ. Увѣренъ, что моя Клавдія будетъ съ тобою счастлива. Я позвалъ тебя, чтобы переговорить о дѣлѣ. До сихъ поръ, въ чадѣ приготовленій и веселья все некогда было. Видишь ли: я опредѣлилъ, за каждой изъ моихъ дочерей, которыхъ, какъ тебѣ извѣстно, у меня три, по сто тысячъ и по имѣнію. Когда мы со старухой умремъ, все вамъ останется“.

„Да полно-те, Андрей Васильевичъ“, перебилъ я зятя. „Успѣемъ еще поговорить объ этомъ“.

„Нѣтъ, нѣтъ“, настаивалъ старикъ: „дѣло-дѣломъ“.

„Да вѣдь я женился на вашей дочери совѣмъ не ради денегъ. Слава Богу, отецъ мой богатъ; я женился съ его согласія, слѣдовательно“...

„Все это прекрасно“, перебилъ старикъ: „и дѣлаетъ честь твоимъ благороднымъ чувствамъ. Я знаю, что у Петра Александровича прекрасное состояніе, но никогда не допустилъ бы, чтобъ моя дочь ушла изъ дому ни съ чѣмъ, съ пустыми руками. Итакъ, когда поѣдешь въ Петербургъ, я вручу тебѣ ломбардный билетъ на назначенную сумму и дарственную на Пензенское имѣніе, если къ тому времени утвердятъ; или вышлю въ Петербургъ. Кстати, когда кончится твой отпускъ?“

„Да еще осталось двѣ недѣли гулять“.

„Ну, хорошо. Я думаю, къ тому времени справлюсь“.

„Не беспокойтесь; это рѣшительно все равно“.

„Извини; я, кажется, задержалъ тебя?“

„Мы съ Клашенькой собираемся ѣхать къ отцу“.

„Поѣзжайте, поѣзжайте. Погостите тамъ. Только смотри не долго. А то и такъ ужъ увозишь Клавдію, да и послѣдніе-то дни не дашь на васъ полюбоваться. Приглашай своихъ на проводы къ намъ. Съ Богомъ!“

II.

Семейство предводителя дворянства Андрея Васильевича Бекетова состояло изъ жены и трехъ дочерей.

Самъ онъ въ молодости служилъ въ гвардейской кавалеріи и сохранилъ въ памяти благодарныя воспоминанія о прежнихъ временахъ, когда товарищество и *point-d'honneur* были признаваемы за главную доблесть всякаго, имѣвшаго честь носить военный мундиръ. Дошелъ Бекетовъ до чина ротмистра, вышелъ въ отставку и пріѣхалъ хозяйничать въ деревню. Не то, чтобы онъ разстроилъ свое состояніе, служба въ гвардіи, нѣтъ—онъ даже не пошатнулъ его. Ему просто захотѣлось пожить на свободѣ, послужить по вѣборамъ, чего онъ и достигъ. Хотя дворянство нѣсколько и косилось на него за женитьбу на дѣвушкѣ незнатнаго рода и не богатой, но такъ какъ онъ этимъ бракомъ показалъ благородство своихъ чувствъ, а его вообще любили и уважали, то скоро примирились съ Пелагеей Пахомовной, тѣмъ болѣе, что она дальше своего хозяйства не шла и была всегда радушна.

Отъ этого брака произошло на свѣтъ три дочери: Елисавета, Клавдія и Софія. Нашъ разсказъ застаётъ старшую уже года два три замужемъ за сосѣдомъ по имѣнію, помѣщикомъ, тоже бывшимъ военнымъ, Лазаревскимъ, очень хорошимъ и добрымъ человѣкомъ. Вторая дочь Клавдія—моя жена. Третья—Софія, или, какъ ее звали дома, Сонюрочка, премилая семнадцатилѣтняя стрекоза, всеобщій баловень. Очень неглупая, довольно образованная какъ барышня, немного рѣзкая, но безъ угловатости, столь свойственной всѣмъ дѣвушкамъ, показывающимъ изъ себя не то, что онѣ на самомъ дѣлѣ есть. Если природа и не дала ей ослѣпительной красоты ея сестры Клавдіи, то вознаградила умомъ, миловидностью и симпатичной вѣшностью. Портретъ ея, на которомъ слѣдуетъ остановить вниманіе, такъ какъ ей принадлежитъ въ моемъ разсказѣ выдающаяся роль, будетъ полонъ, если сказать, что это была средняго роста брюнетка съ темносиними глазами и чудными бровями и рѣсницами.

Все время, пока шли приготовленія къ свадьбѣ да и къ самому объявленію о семейной радости она отнеслась очень холодно; холоднѣе даже, чѣмъ можно было ожидать отъ дружныхъ между со-

бою сестеръ. Родители не могли налюбоваться отношеніями между сестрами. Сонюшка очень любила Клашеньку и всегда старалась быть ей пріятною, часто не безъ жертвъ. Та, разумѣется, цѣнила это и съ своей стороны выражала сестрѣ полное расположеніе.

Въ массѣ хлопотъ и безпокойства по случаю свадьбы, интересы Клавдіи были, конечно, на первомъ планѣ, и о Сонѣ въ семьѣ какъ-то позабыли. Между тѣмъ опытный глазъ непременно обратилъ бы вниманіе на перемѣну, происшедшую въ Сонѣ съ той поры, какъ я сталъ свататься къ сестрѣ ея. Она замѣтно похудѣла и поблѣднѣла. Стоило только мнѣ показаться, какъ Соня почти не отходить отъ меня, предупреждаетъ мои желанія, ловить каждое мое слово и каждый взглядъ. Такое поведеніе Сони бросалось въ глаза; всѣ объясняли себѣ любезности Сони желаніемъ угодить сестрѣ. Никому и въ голову не приходило, что дѣвочка Соня сама страстно влюбилась въ жениха сестры. Между тѣмъ это было такъ, и чувство въ ней развилось на столько сильно, что въ день свадьбы сестры она занемогла и не могла принимать участія въ общемъ весельѣ. Это нездоровье удерживало ее въ постели почти до самаго отъѣзда молодыхъ въ Петербургъ. При сестрахъ, въ качествѣ не то гувернантки, не то компаньонки, находилась дѣвица среднихъ лѣтъ, изъ петербургскихъ институтокъ, любившая своихъ питомицъ до обожанія.

Семья жениха была еще малочисленнѣе. Самъ Петръ Александровичъ, вдовецъ лѣтъ шестидесяти, съ хорошими средствами, честнѣйшій англоманъ во вкусѣ пушкилскаго Муромцева, образцовый хозяинъ. Два его сына, почти ровесники, милые молодые люди. Старшій кончилъ курсъ въ лицей и служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, на очень хорошемъ счету, съ прекрасной карьерой впереди; второй я—Костя, гвардейскій уланъ, не сегодня—завтра адъютантъ покойнаго принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

Петра Александровича Каблукова можно было, не обинюясь, называть другомъ своихъ сыновей. Такъ велъ онъ ихъ съ малолѣтства, что, при полномъ, глубокомъ уваженіи къ отцу, они обращались съ нимъ, какъ съ другомъ, и никогда отъ него ничего не скрывали. Все равно: серьезное дѣло или юношеская шалость—отецъ прежде другихъ посвящался въ тайну; въ отцѣ находили мы съ братомъ опору, поддержку и совѣтъ. Словомъ, жили мы, какъ говорится, душа въ душу. Онъ насъ не особенно баловалъ: обречая себя на одиночество и скуку деревенской жизни, насъ онъ заставлялъ служить. „Молодой человѣкъ долженъ работать“, вотъ

его девизъ. Въ средствахъ онъ намъ не отказывалъ и поселился въ деревнѣ, чтобы быть ближе къ своему состоянію и лично за нимъ слѣдить. Мы съ братомъ были вполне обезпечены, цѣнили труды отца и платили ему безграничнымъ уваженіемъ, искреннею сыновнею любовью и почтительностью.

III.

Незамѣтно пронеслось первое время пребыванія молодыхъ въ Петербургѣ: устройство квартиры, визиты знакомымъ, которыхъ у Константина Петровича было не мало поглощали массу времени. Вскорѣ послѣ приѣзда состоялось и назначеніе, о которомъ я такъ долго мечталъ. Повидимому, жизнь улыбнулась молодой четвѣ. Выѣзды въ свѣтъ, сегодня вечеръ, завтра балъ, а тамъ спектакль, и такъ день за день.

Нельзя сказать, что жена моя очень любила свѣтъ,—далеко нѣтъ; но такъ сложились обстоятельства, что нельзя было отказываться или избѣгать приглашеній.

Не прерывалась связь и съ деревней; дѣятельная переписка съ родителями ставила насъ въ извѣстность, что тамъ все обстоитъ благополучно. Всѣ здоровы, дѣла идутъ хорошо. Но въ каждомъ письмѣ Андрея Васильевича непремѣнно сообщалось, что Сонюрочка скучаетъ безъ сестры и очень хотѣла бы погостить у нея въ Петербургѣ.

„Я очень понимаю, писалъ старикъ, что бѣдной дѣвочкѣ скучно. Она выросла съ Клавдіей, это ея единственный другъ. Не знаемъ, чѣмъ и развлечь ее; никуда не хочетъ выѣзжать: все сидитъ дома и дома. Мнѣ кажется, что, если это васъ съ Клавдіей не стѣнитъ, очень не худо бы ее послать къ вамъ въ Питеръ, мѣсяца на четыре. Это развлекло бы ее; да, кстати, она людей бы увидала и себя показала бы. Право, братъ Костя, устрой. Не худо бы... Что ты думаешь?“ и такъ далѣе.

„Какъ же ты думаешь, Клашенька? обратился я къ жемѣ.

„Я тебя хотѣла просить объ этомъ, Костя. Мнѣ самой очень ее жаль. Пусть бы приѣхала съ Марьей Петровной погостить. Комната ей есть“.

„Если это твое желаніе, я, конечно, согласенъ и сейчасъ же напишу папашѣ. Будемъ поджидать“.

Но ждать пришлось не долго: не прошло и трехъ недѣль, какъ прибыла Соня съ компаньонкой.

Дѣвочка дѣйствительно очень измѣнилась: похудѣла, поблѣднѣла.

Клавдія очень обрадовалась сестрѣ; пошли разспросы о деревнѣ; обмѣнялись новостями.

Появленіе Сонюрочки въ свѣтѣ произвело хорошее впечатлѣвіе. Она прекрасно себя держала, а ея нѣсколько рѣзкій тонъ даже нравился. Такъ прошелъ конецъ зимы, великій постъ, и настало лѣто, проведенное нами на дачѣ въ Петергофѣ.

Въ концѣ августа мою семью постигло первое горе. Клавдія Андреевна родила сына и, заболѣвъ горячкой, умерла. Скорби моей не было границъ.

Сонечка не отходила послѣдніе дни отъ умиравшей сестры, а только-что та скончалась, перенесла всѣ свои заботы и ласки на молодого вдовца.

Понятно, что послѣ смерти сестры Соня уже не могла оставаться жить у меня хотя бы даже и съ компаньонкой, и вотъ, когда прошли первые дни горя и печальныхъ хлопотъ, я далъ ей понять необходимость отъѣзда ея къ родителямъ.

„Ты меня гонишь отъ себя, Костя? со слезой въ голосъ воскликнула она. Я тебѣ надоѣла“.

„Нисколько, милая дѣвочка; но я думаю, ты сама очень хорошо понимаешь, что нельзя тебѣ оставаться у меня. Я слишкомъ дорожу твоей репутаціей, что бы допустить на твой счетъ какіе-нибудь слухи или намеки“.

„Я не боюсь никакихъ слуховъ, Костя. Я такъ люблю тебя, что готова на все, лишь бы не оставить тебя одного въ такое время, когда ты въ горѣ и я могу быть тебѣ полезной“.

„Спасибо, милая; я высоко цѣню твое расположеніе и считаю себя на вѣкъ твоимъ должникомъ. Но все-таки тебѣ нельзя остаться со мной. Богъ знаетъ, что начнутъ говорить. Да и родители твои, конечно, будутъ недовольны“.

Время шло. Сонечка всегда находила предлогъ для отсрочки отъѣзда въ деревню: то нездоровье, то какое-нибудь недоразумѣніе въ туалетѣ; и такъ день за день.

Наконецъ обстоятельства такъ сложились, что поневолѣ пришлось отложить поѣздку. Я серьезно захворалъ и слегъ въ постель. Врачи констатировали воспаленіе легкихъ. Соня не отходила отъ моего изголовья. Никакая сестра милосердія или опытная сидѣлка не несла бы съ такой любовью и такъ добросовѣстно тяжелыхъ обязанностей, связанныхъ съ уходомъ за больнымъ. Ночи на пролетъ, не смыкая глазъ, просиживала она у моей постели; когда я сталъ поправляться, то почувствовалъ, что смотрю на Соню уже не прежними, братскими глазами.

Нѣсколько словъ довершили дѣло. Да и въ словахъ-то этихъ

не было особенной надобности, такъ какъ и я и она чувствовали, что любимъ другъ друга.

Словомъ сказать, черезъ годъ съ небольшимъ, послѣ усиленныхъ хлопотъ по консисторіямъ, не говоря уже о большихъ издержкахъ, неразрывныхъ съ такими дѣлами, Константинъ Петровичъ Каблуковъ сталъ законнымъ супругомъ Софіи Андреевны Бекетовой, родной сестры первой его жены.

IV.

Надо сказать, что со стороны Андрея Васильевича большихъ препятствій не было. Сперва онъ какъ-будто и не соглашался на этотъ бракъ, но несогласіе его скорѣе истекало изъ вліянія его жены, Палагеи Пахомовны, и слышать не хотѣвшей о такой, по ея мнѣнію, незаконной и безнравственной свадьбѣ.

Долго убѣждалъ ее Андрей Васильевичъ, долго приводилъ всякіе резоны—ничто не помогло.

„Какъ же будетъ на томъ свѣтѣ, затруднялась старушка. И Сонечка—жена, и Клашенька—жена. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что. Нѣтъ моего благословенія“.

„Да вѣдь здѣсь-то ему съ ней жить, а не тебѣ“, возражалъ онъ. А на томъ свѣтѣ, говоритъ владыко, нѣтъ ни женъ, ни мужей. Они любятъ другъ друга. Не знаешь ты Сонюрку, что-ли? Хуже будетъ, какъ она сбѣжитъ съ нимъ, помяни мое слово: сраму надѣлаешь—сбѣжить; непременно сбѣжить. Что ты тогда про тотъ свѣтъ за говоришь?“

„Ни за что не соглашусь! Такой грѣхъ, упорствовала Пелагея Пахомовна. Сбѣжить—такъ прокляну на вѣки. Да ты-то что хлопчешь! Хорошъ папаша—нечего сказать! Чѣмъ бы остановить, уговорить, а онъ, вотъ, на-поди! Вотъ какъ запру ее на ключъ, подъ замокъ, вся блажь сойдетъ“.

Убѣдившись, что ему ничего съ женой не подѣлать, Андрей Васильевичъ призвалъ Костю.

„Плохо, братъ, Костя, говорилъ онъ; не хочетъ и слышать Поля о свадьбѣ твоей. Ужъ просто не знаю, какъ и помочь тебѣ... Развѣ вотъ что. Сумѣешь ты ее украсть? А? Какъ думаешь? Ужъ я-то, конечно, препятствовать не стану. Гдѣ тутъ препятствовать? Помогу. Ну, рѣшился?“

Я, конечно, не заставилъ себя упрашивать, и скоро планъ бѣгства былъ готовъ.

Въ тридцати верстахъ отъ села Бекетова было большое мѣстеч-

ко Кравково, гдѣ долженъ былъ въ мѣстной церкви ожидать священникъ, исполнѣнный къ совершенію брачнаго обряда.

Все совершилось какъ нельзя лучше. Хотя Пелагея Пахомовна и привела свою угрозу въ исполненіе, и дѣйствительно заперла бѣдную Соню на ключъ, но для наблюденія за ней приставила дѣвушкѣ, бывшую на сторонѣ заговорщиковъ. Наступилъ вечеръ, назначенный для бѣгства. Утомленная хозяйствомъ, а главнымъ образомъ нравственно потрясенная ссорой съ мужемъ и слезами любимой дочери, Пелагея Пахомовна крѣпко уснула. Андрей Васильевичъ не дремалъ и собственноручно вывелъ заключенную изъ-подъ ареста и проводилъ до воротъ сада; здѣсь сдалъ ее, съ рукъ на руки, вмѣстѣ съ той самой горничной, которая должна была ее стеречь, Константину Петровичу, уже поджидавшему ее на тройкѣ чудныхъ лошадей.

Съ нимъ ожидалъ бѣглянку и братъ его, ихъ будущій единственный шаферъ.

Тридцать верстъ проскакали они часа въ полтора, а черезъ два послѣ бѣгства изъ дома родителей Сонечка была обвинена съ Костей, такъ что погоня, посланная Пелагеей Пахомовной, уже застала ихъ мужемъ и женой, и Лазаревскому, руководившему погоней, пришлось первому поздравить молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Перепочевавъ въ мѣстечкѣ, молодые послали на утро шафера, брата Кости, просить за нихъ прощенія у стариковъ, особенно у Пелагеи Пахомовны.

Добрый Андрей Васильевичъ не заставилъ себя упрашивать.

„Да, что вы! говорилъ онъ. Я ничего не имѣю противъ этого брака. Костя ее любитъ, она его также. И слава Богу! Я очень радъ, очень радъ, повторялъ онъ. Пусть бы только Костя оберегалъ ее. Вотъ только не знаю, какъ жена; она какая-то чудная, Богъ съ ней. Все о грѣхѣхъ что-то толкуетъ“...

У Пелагеи Пахомовны шаферу пришлось долго говорить и убѣждать упрямую старушку. Онъ уже потерялъ всякую надежду на успѣхъ и собирался откланяться, какъ ему пришла мысль подѣйствовать на нее ея же оружіемъ.

„Пелагея Пахомовна, сказалъ онъ: Христось, пострадавшій за насъ, самъ простилъ намъ грѣхи наши и намъ велѣлъ прощать виноватымъ передъ нами. Костя и Соня виноваты: словъ нѣтъ. Но ради заповѣди Христовой простите ихъ и позвольте имъ явиться къ вамъ испросить ваше благословеніе.

„Ну, уговорилъ ты меня, согласилась она. Ладно. Пусть пріѣдутъ. Какъ Богъ дастъ—такъ пускай и будетъ“.

Молодые скоро пріѣхали въ Бекетово. Ставъ передъ старушкой

на колѣни, они выслушали длинное наставленіе, не возражая ни слова и только по временамъ цѣлуютъ ея руки.

Такая покорность тронула старушку, въ душѣ не злоую и любившую Сою.

„Богъ съ Вами! Прощаю и благословляю“, сказала она, осѣнивъ ихъ приготовленною заранѣ иконою.

Живите мирно и дружно, какъ мы со старикомъ. А все же ты отвѣтишь передъ Богомъ. Всю жизнь надо отмаливать такой грѣхъ Христосъ съ Вами!“

„Простила! Ура! Человѣкъ, шампанскаго! кричалъ искренно обрадованный Андрей Васильевичъ. Поздравляю, поздравляю! Очень радъ, повторялъ онъ, обнимая и цѣлуетъ то Костю, то Сою. Ну, слава Богу, все устроилось! Я и за Соней даю сто тысячъ, какъ за покойной Клашенькой. Приходи, Костя, ко мнѣ; надо кончать дѣло“.

„Дѣло-то дѣломъ, вмѣшалась Пелагея Пахомовна, но вина больше не пей. Тебѣ вредно. Ты, Костя, не позволяй ему. А то вѣдь онъ случаю радъ“.

„А ты-то, мой батюшка, хорошъ, обратилась она къ Лазаревскому. Поручила ему, какъ путному, догнать и вернуть Сою; а онъ, на-поди, къ шапочному разбору послѣлъ“.

„Да вѣдь у нихъ лошади“, оправдывался тотъ.

„Нечего тутъ, лошади... Знаю я... Обвели меня. Ну, да Богъ съ вами! Теперь уже все кончено“.

Свадьба и прощеніе матери были отпразднованы роскошнымъ обѣдомъ, послѣ котораго молодые вернулись въ Петербургъ.

V.

Прошло восемь лѣтъ. За это время неумолимая смерть унесла въ могилу добрѣйшаго Андрея Васильевича, его жену Пелагею Пахомовну и старика отца, такъ что въ рукахъ моихъ образовалось довольно крупное состояніе, заключавшееся въ имѣніяхъ, домахъ въ Петербургѣ и денежныхъ капиталахъ. Постоянно занятый службою, я увидѣлъ, что не могу самъ управлять своими собственными дѣлами и вынужденъ былъ пригласить управляющаго.

По рекомендаціи многихъ знакомыхъ выборъ палъ на нѣкоего Юсіфа Петровича Гулакъ-Артемовскаго.

Съ перваго взгляда этотъ господинъ произвелъ на меня очень выгодное впечатлѣніе. Молодой, красивый, образованный и, какъ

всѣ поляки, нѣсколько вкрадчивый Іосифъ Петровичъ выказалъ: недюжинныя познанія въ управленіи имѣніями, нуждавшимися въ опытномъ руководителѣ. Нѣсколько словъ, брошенныхъ по поводу способа употребленія капитала, показали, что онъ не чуждъ и этого рода операціи.

Дипломъ одного изъ южныхъ университетовъ и заграничной агрономической академіи довершили дѣло, и Іосифу Петровичу была вручена полная довѣренность на управленіе имуществомъ мужа и жены Каблуковыхъ.

Дѣйствительно, онъ оказался человѣкомъ весьма даровитымъ и, на первый взглядъ, честнымъ. Доходъ съ имѣнія увеличился; дома стали приносить больше прежняго.

Между тѣмъ увеличилась и моя семья. На третій годъ брака Софія Андреевна подарила меня сыномъ, названнымъ въ честь крестнаго отца, принца Ольденбургскаго — Петромъ, а спустя два года у насъ родилась дочка—Клашенька. Рожденіе дочери сильно отразилось на здоровьи Софіи Андреевны. Она стала прихварывать и по совѣту врачей должна была ѣздить лѣтомъ за границу, на воды. Первая ея поѣздка состоялась въ сопровожденіи мужа и старшихъ дѣтей. Но на слѣдующій годъ, служебныя обязанности не позволили мнѣ отлучиться изъ Петербурга, и Софія Андреевна поѣхала за границу съ той же неизмѣнно преданной ей Марьей Петровной.

Случилось такъ, что въ это время Іосифъ Петровичъ ѣздилъ за границу для покупки земледѣльческихъ машинъ, такъ какъ освобожденіе крестьянъ вызвало настоятельную потребность въ замѣнѣ ручного труда машиннымъ, и встрѣтился съ Софіей Андреевной въ одномъ изъ большихъ нѣмецкихъ городовъ. Сонечка, кончившая курсъ минеральныхъ водъ, ѣхала теперь на морскія купанья, и встрѣча ихъ, совершенно случайная, очень обрадовала ее, уже болѣе двухъ мѣсяцевъ не видѣвшую знакомаго лица. Вотъ какъ описывала она мужу эту встрѣчу:

„...въ Кельнѣ, на дебаркадерѣ желѣзной дороги я была въ очень печальномъ положеніи. Представь себѣ, дорогой Костя, какой случай. За нѣсколько станцій до Кельна Марья Петровна вышла изъ вагона, чтобы выпить стаканъ воды. Какъ это случилось я не знаю, но ударилъ звонокъ, и моя Марья Петровна осталась на станціи, а меня поѣздъ увезъ дальше. Это бы ничего, потому что я могла бы подождать ее на слѣдующей большой станціи, въ Кельнѣ; но бѣда въ томъ, что мы еще не рѣшили, гдѣ остановиться, а у нея были въ саквояжѣ и деньги, и билетъ, и багажная квитанція. Я такъ растерялась, что сию въ Кельнѣ, въ пассажирскомъ залѣ и

плачу. Вдругъ подходитъ ко мнѣ, можешь вообразить себѣ мою радость и удивленіе, кто бы ты думалъ?—Іосифъ Петровичъ. Я его едва узнала. Онъ уже не тотъ скромный, застѣнчивый, у котораго едва можно было вытащить слово, а совершенно измѣнившійся и наружностью, и манерою держать себя господинъ. Начать съ того, что одѣтъ онъ съ головы до ногъ вполне изысканно-прилично. Видимо обрадованный встрѣчей со мной и узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ совершенно успокоилъ меня. Черезъ часъ, благодаря его помощи, я уже имѣла отвѣтъ отъ Марьи Петровны и ожидала ее въ „Hotel Imperial“, гдѣ мы съ тобой останавливались въ прошломъ году, и гдѣ Іосифъ Петровичъ, не желая оставить меня одну, взялъ и для себя небольшой номеръ.

Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ сильно простудился въ Лондонѣ на пробѣ первой молотилки для нашего Бекетова. Говорилъ, что доктора совѣтуютъ ему полѣчиться, а главное—покупаться въ Остенде. Онъ былъ такъ деликатно-внимателенъ со мной, что я сочла своею обязанностью, да я думаю и ты бы такъ поступилъ, пригласить его ѣхать съ нами. Онъ не хотѣлъ согласиться. Ему казалось, что ты будешь недоволенъ его отсутствіемъ изъ деревни въ спѣшное время хозяйства. Но я взяла вину на себя и, давъ ему слово упросить тебя не сердиться, уговорила его ѣхать съ нами, на что онъ послѣ многихъ отказовъ согласился“...

Слѣдующее письмо отъ Софіи Андреевны изъ Остенде посвящало ей мужа въ подробности пребыванія ея въ этомъ излюбленномъ морскомъ курортѣ,

„Никогда еще, — писала она, — не приносили мнѣ морскія купанья такой видимой пользы, дорогой Костя. Въ этомъ году я дѣйствительно поправилась, окрѣпла. Даже не могу пожаловаться на скуку, такъ сильно дававшую себя чувствовать на водахъ. Іосифъ Петровичъ такъ любезенъ, внимателенъ, такъ предупреждаетъ мои желанія, что я не знаю, какъ благодарить его“.

Въ этомъ же духѣ были и дальнѣйшія письма Сонечки. Каждое изъ нихъ изображало бюллетень ея здоровья, рстачало похвалы удивительнымъ качествамъ Іосифа Петровича и заключалось просьбой о переводѣ денегъ по той или другой причинѣ. Просьбы эти, конечно, безпрекословно удовлетворялись.

VI.

Повидимому, все шло прекрасно, какъ вдругъ обстоятельство, совершенно ничтожное, имѣло большое значеніе въ жизни супруговъ Каблуковыхъ.

„Вернувшись какъ-то со службы домой, я нашелъ у себя на столѣ карточку одного пріятеля, только-что пріѣхавшаго изъ заграничнаго путешествія. Пріятель, передавая мнѣ поклонъ отъ жены, очень жалѣлъ, что не засталъ дома и звалъ поговорить вечеромъ.

Заинтересованный и обрадованный возможностью услышать о женѣ живое слово, я едва дождался вечера.

„Очень радъ тебя видѣть,—говорилъ я, обнимая пріятеля. Расскажи, гдѣ видѣлъ жену и какъ она поживаетъ“.

„Видѣлъ я ее въ Парижѣ. Просила поцѣловать тебя и дѣтей, что я охотно исполнилъ. Въ Парижѣ я встрѣтилъ ее на скачкахъ и не замедлилъ быть у нея въ Грандъ-Отелѣ, гдѣ она остановилась проездомъ въ Остенде, на морскія купанья. Она была очень опечалена тѣмъ, что вынуждена была уступить свою золотую, безцѣнную,—какъ она выразилась,—Марью Петровну, больной старухѣ Безверховой, а сама ѣдетъ въ Остенде одна. Положеніе Безверховой дѣйствительно критическое: одна, и ни слова ни на какомъ языкѣ, и больна. Кстати — болталъ пріятель,—познакомила меня она тутъ съ какимъ-то полякомъ, кажется, Гулакъ-Артемовскимъ что-ли? Что это за личность? На меня онъ произвелъ какое-то странное впечатлѣніе своей ужъ слишкомъ искательной манерой. Софія Андреевна рекомендовала мнѣ его какъ чуть ли не спасителя ея. Ты его знаешь? Кто онъ такой?“

„Ты ошибаешься, называя его полякомъ. Онъ русскій, даже малороссъ, но совершенно ополячившійся. Это очень образованный, очень неглухой господинъ. Служить, кажется, гдѣ-то въ Сенатѣ, или въ юстиціи, то есть, вѣрнѣе, числится. Кандидатъ университета и агрономъ; слушалъ, кромѣ того, гдѣ-то за границей какія-то лекціи. Главное его занятіе — управляющій и руководитель нашего состоянія. Ловкій, вкрадчивый и, до настоящей минуты, честный. Правда, что онъ много грѣшитъ манерою держать себя. Это польское „падамъ до ногъ“ въ немъ дѣйствительно шокируетъ. Но, вѣроятно, это происходитъ отъ недостатка въ хорошемъ обществѣ“.

„Ну какъ бы то ни было, онъ мнѣ не нравится“,—брезгливо отозвался собесѣдникъ.

„Ты говоришь, что жена хотѣла ѣхать въ Остенде? Такъ?“

„Да, въ Остенде. Очень ее уговаривалъ этотъ Артемовскій. Рисовалъ ей картины чуть не земного рая“, — насмѣшливо отвѣчалъ пріятель,

„Вотъ какъ! Это удивительно! неволью вырвалось у меня. А я думалъ...“

*

„Что ты думалъ? Что удивительно?“ — спрашивалъ пріятель, догадавшійся, что выдалъ какую-то тайну.

„Нѣтъ, ничего. Я такъ... Скажи, гдѣ же ты потомъ видѣлъ (ою“, — заговорилъ Костя, называя жену уменьшительнымъ именемъ, чтобы не дать пріятелю возможности что-нибудь заподозрить.

„Позволь; надо припомнить. Вотъ ужъ точно не помню: не то во Флоренціи, не то въ Вѣнѣ. Но это уже было послѣ морскихъ ея купаній. Да, въ Вѣнѣ. Она осталась въ Вѣнѣ, поджидая извѣстія о какихъ-то машинахъ для деревни. Молотилка, что-ли?“

„А! Ну, братъ, спасибо тебѣ за поклонъ. А какже ты нашель ее!..“

„Она очень понравилась. Пополнѣла. Въ хорошемъ расположеніи духа, хотя и говорила, что скучаетъ по тебѣ и дѣтямъ“.

„Ну еще разъ спасибо. До свиданья“, — поторопился я.

„Куда же ты? Посиди у меня сегодня. Я хотѣлъ тебѣ предложить вспрыснуть немного нашу встрѣчу послѣ столь долгой разлуки. Вѣроятно сейчасъ пріѣдутъ Дурасовъ, Кушелевъ. Сыграемъ. Поужинаемъ. Вспомнимъ прошлое и съ Богомъ“.

„Нѣтъ, спасибо. Не могу. Что-то нездоровится. Другой разъ — съ удовольствіемъ“.

„Ну, какъ знаешь. А жаль... Впрочемъ, ты дѣйствительно будто блѣдный. Поѣзжай домой и лягъ пораньше спать. Дастъ Богъ, пройдетъ“.

VII.

Взволнованный, нервный вернулся я домой. Обдумавъ и взвѣсивъ все, что говорилъ мнѣ пріятель, и говорилъ совершенно просто, безъ всякой задней мысли, не имѣя даже и отдаленной цѣли внушить мнѣ какія-нибудь подозрѣнія, или намекать на какую-нибудь двусмысленность отношеній моихъ къ Артемовскому, я невольно сопоставилъ слова его съ письмами Софіи Андреевны. Выводы, къ которымъ я пришелъ, были далеко не выгодны для послѣдней. Къ чему, думалось мнѣ, было ей писать, что трудно было уговорить Артемовскаго ѣхать въ Остенде, когда уговаривалъ онъ, а не она? Да и почему это надо было вдругъ разстаться съ Марьей Петровной? Что за порывъ великодушія, что за самопожертваніе, на которое она далеко уже не такъ способна? Уже не стѣсняло ли ее присутствіе этого преданнаго нашей семьѣ челоуѣка? Тутъ и Артемовскій. Пріятель говоритъ, что Соня весела, довольна. Да и какъ небыть веселой, живетъ въ свое удовольствіе, да еще въ придачу

этотъ развернувшійся тихоня. И какая наблюдательность въ отношеніи къ нему; даже до туалета. Пополнѣла! Что-то подозрительно. Денегъ хватить и на двоихъ.

Всю ночь безпокойно промучился я въ постелѣ, и наступившее утро не только не принесло успокоенія и сна, но напротивъ еще болѣе раздражало меня. Наскоро выпивъ стаканъ чаю, я усѣлся за письмо за границу, какъ человѣкъ доложилъ мнѣ о прибытіи Маріи Петровны.

„Проси, проси ее скорѣе ко мнѣ,—заспѣшилъ я и всталъ навстрѣчу входившему въ кабинетъ другу дома.—Здравствуйте, дорогая; съ пріѣздомъ!—привѣтствовалъ я ее.—Садитесь и рассказывайте“.

„Здравствуйте, Костя. Мнѣ и самой хочется поскорѣе оправдаться передъ вами. Иванъ, принеси мнѣ чаю! Я вѣдь прямо изъ вагона. Даже не проводила Безверхову, такъ какъ ее встрѣтила дочь“.

„Ну, вотъ и спасибо, спасибо вамъ. Садитесь же, дорогая. Вы говорите оправдаться; въ чемъ же? Что за пустяки“?!

„Нѣтъ, Костя, для меня не пустяки. Я васъ такъ давно знаю и люблю, какъ родныхъ. Вы мнѣ довѣрили и поручили жену вашу, и мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы подумали, что я чѣмъ-нибудь способна нарушить довѣріе и бросила Сонечку ради какихъ-нибудь выгодъ“.

„Что вы, что вы, Марья Петровна,—отвѣчалъ я—мнѣ и въ голову не могло придти ничего подобнаго“.

„Да позвольте я расскажу вамъ все по порядку; тогда судите сами, кто виноватъ въ этомъ недоразумѣніи“.

„Такъ у васъ было даже недоразумѣніе? Что же такое? Расскажите“.

„Сначала у насъ все шло хорошо. Передъ Кельномъ со мной случился эпизодъ: я осталась на станціи, а поѣздъ съ Сонечкой ушелъ. Конечно, я растерялась, страшно испугалась, не столько за себя, сколько за Сонечку, такъ невольно мною покинутую. Каково же было мое удивленіе, когда, ожидая поѣзда на Кельнъ, я вдругъ услышала свою фамилію, выкликаемую дежурнымъ телеграфистомъ. Смотрю: подають мнѣ депешу и къмъ подписанную? Какъ вы думаете?—Иосифомъ Петровичемъ. Телеграфируетъ, что Софія Андреевна будетъ ждать меня въ Кельнѣ въ Hotel de Russie. Я, разумеется, страшно обрадовалась, сейчасъ же отвѣчала и чрезъ нѣсколько часовъ была уже въ этой гостинницѣ и застала ихъ за ужиномъ. Смѣху сколько было! Иосифъ Петровичъ такъ комично представлялъ мое смущеніе, когда поѣздъ ушелъ. Съ этого времени онъ съ нами

не разставался. Мы ѣздили вмѣстѣ въ Парижъ. Веселились какъ никогда. Были во всѣхъ театрахъ, въ маскарадѣ въ Grand-Opera, даже въ Мабиль попали; и все Юсифъ Петровичъ. Тутъ я стала замѣчать, что Соня со мною точно перемѣнилась: стала суше обращаться, точно я ее чѣмъ-то стѣсняю или будто лишняя. Я не знала, чѣмъ это себя объяснить. Наконецъ отношенія такъ обострились, что мы обѣ ухватились, какъ за спасеніе, за просьбу Безверховой перейти къ ней, такъ какъ она больна и не знаетъ языковъ. Да теперь во мнѣ уже не было необходимости, простодушно говорила Марья Петровна, меня замѣнилъ не отстававшій отъ насъ Артемовскій. Конечно, отъ этой замѣны Соня только выиграла, ей гораздо веселѣе и пріятнѣе“.

Непріятныя думы тѣснились въ моей головѣ. Теперь я былъ окончательно увѣренъ, что отставка Маріи Петровны не есть плодъ великодушія Сони. „Такъ вотъ, думалъ я, какая штука. Она просто стѣсняла ихъ своей особой, и они ухватились за первый благовидный предлогъ, чтобы отъ нея отдѣлаться. Но не желая и виду подать, что я догадался, въ чемъ дѣло, съ напускнуой веселостью и добродушіемъ сказалъ:

„Ну, ужъ Марья Петровна. Вамъ вездѣ видится сухость и холодность. Какъ можетъ быть, чтобы Соня измѣнилась къ вамъ. Это предположеніе невозможно. Вы послѣ этого пожалуй и меня заподозрите въ какой-нибудь интригѣ противъ васъ. Нѣтъ, полноте, полноте. Соня, напротивъ, писала мнѣ, что ей было очень трудно и больно разстаться съ вами и, если бы не болѣзнь нашей доброй старушки Безверховой, она никогда и не рѣшилась бы. Иначе, какъ незамѣнимой она васъ и не зоветъ. Да вы и сами хорошо знаете, какъ горячо мы васъ любимъ“.

Эти теплыя, ласковыя слова видимо успокоили Марью Петровну такъ, что она ушла въ свою комнату, примиренная съ Софьей Андреевной.

Очень нехорошо было у меня на душѣ, когда я остался одинъ на одинъ съ своими думами. Чтобы хотя немного развлечься, я поѣхалъ завтракать въ ресторанъ, гдѣ нашель нѣсколькихъ знакомыхъ. Но ни шумный завтракъ, ни обѣдъ въ загородномъ кабачкѣ, ни в-ечернее представленіе одной изъ каскадныхъ этуалей не дали желаннаго результата, а вызвали лишь утомленіе.

VIII.

Прошло нѣсколько дней. Писемъ изъ-за границы не было. Это молчаніе уже начинало меня, и безъ того нервно настроеннаго, сильно тревожить, какъ полученная телеграмма изъ Вѣны извѣщала о днѣ прибытія въ Петербургъ Софіи Андреевны. Нельзя сказать, что извѣстіе это очень меня обрадовало; далеко нѣтъ: уже въ сердцѣ моемъ произошелъ расколъ. Если и хотѣлось увидѣть жену, то желаніе поскорѣе выяснитъ мучившія меня сомнѣнія было главною тому причиною.

Не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, что Сонечка, которую я такъ нѣжно любилъ, которую я окружилъ такими нѣжными заботами, могла такъ легкомысленно разбить мою жизнь. Но если фактъ ея невѣрности произошелъ?

Этотъ сорвавшійся съ языка пріятеля намекъ и, наконецъ, твердая увѣренность добрѣйшей, но огорченной Марьи Петровны въ томъ, что виновникъ ихъ разлуки Артемовскій! Нѣтъ, надо непременно убѣдиться въ положеніи дѣла. Соня провела за границей слишкомъ три мѣсяца, слѣдовательно какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ достаточно, чтобы увѣриться, намекалъ ли пріятель или говорилъ о полнотѣ, происходящей отъ здоровья. А Марья Петровна?! Ну, да мало ли что можетъ показаться взволнованной и обиженной женщиной. Рѣшеніе, къ которому я пришелъ, даже обрадовало меня. Я рѣшилъ избѣгать супружеской близости съ женой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ: болѣзни, предписанія врача: разстроены нервы, что ли въ сильной степени, и докторъ предписалъ полное отсутствіе волненія и покой. Наскоро устроилъ себѣ въ кабинетѣ спальню, переставилъ мебель, и на этомъ остановился.

Въ этотъ же вечеръ была получена еще депеша, извѣщавшая, что съ тѣмъ же поѣздомъ, съ какимъ я ожидалъ жену, возвращается изъ-за границы и принцъ Ольденбургскій. Поэтому я рѣшилъ выѣхать навстрѣчу этому поѣзду въ Гатчино. вмѣстѣ со мной поѣхали навстрѣчу принцу, пользовавшемуся заслуженно общою любовью и уваженіемъ, еще нѣсколько приближенныхъ принцу людей.

Въ Гатчинѣ пришлось немного подождать, и скоро показался ожидаемый поѣздъ. Встрѣчавшіе подошли къ салонъ-вагону, изъ котораго показался маститый принцъ.

„Здравствуйте, господа. Очень радъ васъ видѣть. А вамъ,— обратился онъ ко мнѣ,— я привезъ жену вашу. Идите скорѣе къ

ней. Мы успѣемъ еще и завтра повидаться“, любезно, какъ всегда, съ присущей ему добрѣйшей улыбкой, разрѣшилъ онъ.

„Благодарю васъ, Ваше Императорское Высочество“, отвѣчалъ я, и пошелъ къ вагону I класса, изъ окна котораго Соня уже махала мнѣ платкомъ.

Встрѣча была самая нѣжная, и, странное дѣло, мнѣ показалось, что Сонечка была искренна. Рассказывала массу подробностей о своемъ путешествіи, о пользѣ морскихъ купаній въ Остенде, о впечатлѣніи, произведенномъ на нее Парижемъ, Венеціей, Вѣной. Одно не вполне естественно: она тщательно хотя и неумѣло избѣгала произносить фамилію Артемовскаго и какъ-то обошла и встрѣчу и путешествіе съ нимъ; тоже ничего не сказала объ эпизодѣ съ Марьей Петровной.

Когда она стала рассказывать кельнскій случай, я невольно перебилъ ее.

„Ты писала мнѣ объ этомъ. Гдѣ же ты его оставила?“ спросилъ я.

„Онъ остался въ Вѣнѣ. Ему надо еще купить кое-что для хозяйства“, просто отвѣчала она.

„Вотъ какъ! Онъ повидимому очень усердно радѣеть о нашемъ имѣніи. Ты вѣдь нѣсколько разъ встрѣчалась съ нимъ за границей?“

„Да и спасибо ему. Онъ выручилъ меня въ Кельнѣ изъ большой бѣды“.

„Ну, спасибо, такъ спасибо. Однако вотъ и Петербургъ. Будемъ собираться. Вѣроятно, дѣти выѣхали къ тебѣ навстрѣчу. Впрочемъ ты подь такимъ обаяніемъ заграничнаго вояжа, что и не спросишь о нихъ“, не могъ удержаться я отъ упрека.

Она поняла шпильку и не нашла, что отвѣтить. Поѣздъ подходилъ къ вокзалу и черезъ нѣсколько секундъ уже вошелъ подь его темные своды.

Пока дѣти цѣловались съ Соней, я успѣлъ откланяться принцу и, усѣвшись съ семьей въ карету, покотилъ домой.

IX.

День или, вѣрнѣе, остатокъ дня прошелъ незамѣтно, и послѣ чаю и легкаго ужина мы разошлись спать каждый къ себѣ. Хотя это и произвело на Софію Андреевну извѣстное впечатлѣніе, но она приписала это деликатности мужа, не хотѣвшаго беспокоить ее усталую отъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ вагонѣ.

Послѣдующіе за этимъ дни она видимо недоумѣвала, но не рѣшалась спросить. Я же, съ своей стороны, не считалъ нужнымъ начинать щекотливый разговоръ. Наконецъ, не въ силахъ уже долѣе выдерживать мою холодность:

„Костя,—прерывающимся голосомъ и страшно волнуясь, спросила она,—почему ты видимо избѣгаешь меня? Мнѣ больно, мнѣ невыносимо тяжело думать, что ты меня разлюбилъ и забылъ за это время“.

„Ты знаешь меня, Соня; я никогда съ тобой не хитрилъ и не прибѣгалъ къ обману. Не знаю, люблю ли я тебя по-прежнему, но суди сама. Ты отсутствовала болѣе трехъ мѣсяцевъ. Правда, ты часто писала мнѣ, но, къ огорченію моему, я убѣдился, что ты въ письмахъ не одну правду писала. Многие ты скрывала, многое не договаривала. Мы, конечно, не будемъ перебирать теперь все это. Пришла минута, когда мнѣ необходимо удостовѣриться въ томъ, на что мнѣ только намекали. Однимъ словомъ, мнѣ надо увѣриться, что ты не беременна: тогда я навсегда твой должникъ. Если же это подозрѣніе станетъ дѣйствительностью, то извини меня, но мужемъ своимъ меня больше не считай. Я согласенъ даже на расторженіе брака, тѣмъ болѣе, что законный поводъ есть: я женатъ на родныхъ сестрахъ. Прошу тебя, скажи мнѣ прямо, откровенно. Обойдемся безъ мѣщанскаго скандала“.

Соня выслушала это, поникнувъ головой. Нѣсколько минутъ длилось томительное, еще болѣе укрѣпившее мои подозрѣнія, молчаніе. Ни слова не вымолвила она въ отвѣтъ на скорбную мою рѣчь и вышла изъ комнаты.

Нѣсколько дней прошло безъ перемѣнъ. Я не измѣнилъ своего обращенія съ женой; былъ вѣжливъ, любезенъ, внимателенъ, иногда даже вѣженъ, но не болѣе. Софія Андреевна, повидимому, свыклась съ такимъ положеніемъ и не начинала болѣе никакихъ объясненій. Въ это время пріѣхалъ Артемовскій. Изъ отчета его поездки можно было заключить, что денегъ онъ истратилъ много, даже слишкомъ много, но ничего существеннаго для деревни не сдѣлалъ. Правда, онъ ссылаясь на нездоровье, понудившее его временно оставить занятіе дѣлами, но ужъ слишкомъ прозрачно намекалъ, что сообщество Софіи Андреевны вовлекло его въ непосильные расходы. Вслѣдствіе такихъ намековъ, я считалъ неудобнымъ требовать отъ него точнаго разсчета.

„Я вынужденъ отказаться отъ услугъ вашихъ,—сказалъ я Артемовскому. Мнѣ не по средствамъ столь цѣнный управляющій“.

„Я и самъ хотѣлъ просить васъ, Константинъ Петровичъ,—отвѣчалъ Артемовскій,—освободить меня отъ занятій по вашимъ дѣ-

ламъ. Займусь службой въ Сенатѣ и другимъ трудомъ, или займусь адвокатской практикой, тѣмъ болѣе, что наклеивается выгодный, бракоразводный процессъ“.

„Радуюсь за васъ и желаю вамъ успѣха. До свиданія“.

Онъ вышелъ. На бѣду, я совершенно забылъ отобрать у него выданную Артемовскому полную довѣренность. Впослѣдствіи пришлось сильно раскаяться въ этой оплошности.

Вскорѣ послѣ отставки Артемовскаго, какъ-то утромъ выйдя къ завтраку, я не нашелъ жены на обычномъ ея мѣстѣ.

„Никифоръ,—обратился я къ лакею,—попроси барыню; доложи, что кушать подано“.

„Барыни дома нѣтъ“,—отвѣчала тотъ.

„Какъ нѣтъ? Давно уѣхала?“.

„Да, онъ какъ вчера вечеромъ изволили уѣхать, такъ и не были. Не ночевали. И горничная съ ними“.

„А, да, да. Я и забылъ“,—съ большимъ самообладаніемъ, не желая выдать себя и показать лакею, что отсутствіе жены для меня неожиданность, проговорилъ я.

Только-что кончилъ завтракать, какъ человѣкъ подалъ мнѣ письмо.

„Константинъ Петровичъ,—читалъ я. Такая жизнь стала мнѣ невыносимой. Правды не скроешь. Я беременна; вамъ, я думаю, все равно отъ кого. Вы предупредили меня не считать васъ больше моимъ мужемъ; я такъ и поступаю: больше къ вамъ не вернусь. Марья Петровна укажетъ вамъ необходимыя мнѣ вещи, а затѣмъ мы можемъ условиться въ разводѣ. Пока же прошу васъ дать мнѣ необходимый паспортъ и денегъ. Адресъ мой сообщу вамъ, когда это будетъ возможно и нужно“.

Софія Каблукова.

Коротко и ясно.

Вотъ мой отвѣтъ:

„Софія Андреевна! Нужныя вещи и деньги посылаю. Въ постигшей васъ бѣдѣ былъ увѣренъ. Паспортъ на-дняхъ пришлю. Дѣло о разводѣ поручите адвокату, который пусть будетъ у меня для переговоровъ. Какъ вѣжной матери сообщаю, что дѣти здоровы“.

К. Каблуковъ.

X.

Не представляло никакихъ затрудненій достать паспортъ, и черезъ нѣсколько дней желаніе Софіи Андреевны было бы исполнено. Безтактность ея испортила все дѣло.

Не было границъ моему изумленію и огорченію, когда въ качествѣ повѣреннаго жены моей предо мною предсталъ Артемовскій.

„Что вамъ угодно, милостивый государь,—спросилъ я. У насъ всякіе счеты съ вами покончены, а продолжать знакомство съ вами мнѣ не интересно“.

„Я и не имѣю въ виду разсчитываться съ вами за себя,—отвѣчалъ Артемовскій,—хотя грубый вашъ тонъ и даетъ мнѣ право. Я повѣренный супруги вашей, Софіи Андреевны Каблуковой, и пріѣхалъ требовать отъ васъ паспортъ и условиться относительно развода и издержекъ по этому дѣлу“.

„Жена моя можетъ у меня просить, а не требовать видъ на жительство; а такъ какъ она, по вашимъ словамъ, требуетъ, а не просить, то я вида не дамъ. Расходовъ по разводу никакихъ знать не хочу, такъ какъ начинаю дѣло не я. У нея свое состояніе, пусть дѣлаеть, какъ хочетъ“.

„Но вѣдь тутъ возникаетъ щекотливый вопросъ о винѣ, то есть о виновной сторонѣ—замямлилъ Артемовскій“.

„Это до меня не касается. Я ни въ чемъ не виноватъ и не хочу брать на себя несуществующей вины“.

„Тогда придется вести дѣло о расторженіи брака, потому что вы женаты на родныхъ сестрахъ. Въ такомъ случаѣ вы понесете уголовное наказаніе и эпитимію“.

„Прошу васъ обо мнѣ не заботиться. Хорошъ адвокатъ противной стороны!“,—вскричалъ я взбѣшенный нахальствомъ Артемовскаго. Я хорошо понималъ, что Артемовскій безпокоился не обо мнѣ, такъ какъ почти такое же наказаніе понесла бы и Софья Андреевна. „Оставьте меня въ покоѣ и дѣлайте, что хотите. Я запрещаю вамъ являться ко мнѣ; въ противномъ случаѣ я прикажу лакею показать вамъ дорогу въ дверь. Никифоръ,—позвалъ онъ человѣка,—проводи этого господина.“

„Вы вынуждаете меня принять мѣры, которыхъ я хотѣлъ бы избѣжать. Вамъ будетъ неприятно, когда васъ понудятъ дать супругѣ видъ“,—уходя, произнесъ Артемовскій.

„Уходите вонъ отсюда! Чтобы ноги вашей здѣсь не было! Угрозы вашихъ я не боюсь!“

Легко себѣ представить мое душевное состояніе послѣ такого

пріятнаго визита. Мысли одна другой горше, одна другой тяжелѣе шли въ возбужденномъ моемъ мозгу. Я не вполне ясно сознавала, не хотѣлъ вѣрить дѣйствительности. Такъ вотъ на кого промѣняла меня любимая мною Соня: на проходимца, искателя состоянія, чуть не *chevalier d'industrie*! Вотъ кого она посылаетъ для переговоровъ со мною! Своего любовника! Какое оскорбленіе, какой цинизм! Могла бы сама. И это моя Сонечка, которой я такъ слѣпо вѣрилъ! И въ какія жалкія руки ввѣряетъ она свою судьбу! Вернись она сама, не только не проси прощенія, но даже не намекни на прошлое, на эту печальную заграничную поѣздку, а просто протяни она мнѣ руку, я взялъ бы эту милую ручку въ обѣ свои руки, расцѣловалъ бы и все было бы кончено. Я еще любилъ ее. Я былъ готовъ на всякую жертву, чтобы вернуть ее къ прежней жизни.

Но появленіе Артемовскаго въ роли заступника за нее, въ роли ея защитника отъ моего деспотизма, тонъ и манера этого импровизированнаго адвоката такъ оскорбили и огорчили меня, что я рѣшился не уступать и воспользоваться всеми своими правами. Усѣвшись за письменный столъ, я написалъ женѣ своей письмо, которымъ увѣдомилъ ее, что вида на жительство ей не дамъ, а если она въ теченіе недѣли не вернется домой, то буду требовать ее по закону, чрезъ полицію, для водворенія, для совмѣстнаго проживанія съ мужемъ и дѣтьми. Я старался изложить письмо возможно суше и официальнѣе, хотя въ душѣ былъ далекъ еще отъ приведенія угрозъ въ исполненіе. Отправивъ это письмо, я успокоился, или, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, что на душѣ какъ будто легче. Послѣ службы обѣдалъ съ дѣтьми и Марьей Петровной, все еще не смѣвшей поднять на меня глазъ, а вечеромъ повезъ семью въ циркъ.

XI.

Нѣсколько дней спустя, вернувшись домой къ обѣду, я былъ непріятно удивленъ, найдя повѣстку, гласившую:

„Состоящій при с.-петербургскомъ генераль-губернаторѣ генераль-маіоръ Ракѣевъ, по приказанію Его Свѣтлости, просить ротмистра К. П. Каблукова пожаловать въ канцелярію его, помѣщающуюся по Николаевской ул., № 4, въ 11 ч. утра для необходимыхъ объясненій“.

Я положительно недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло и какихъ объясненій черезъ генерала Ракѣева, обязанности коего были всемъ хорошо извѣстны, могъ требовать свѣтлѣйшій князь Суворовъ, коротко знавшій не только лично меня, но и всю семью.

Служебныхъ отношеній не было никакихъ, тѣмъ болѣе, что я былъ личнымъ адъютантомъ Принца Ольденбургскаго и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ міромъ, въ которомъ разбирался генераль Ракѣевъ.

Частныхъ,—но какое можетъ быть дѣло свѣтлѣйшему до моихъ частныхъ дѣлъ? Долговъ у меня нѣтъ. Контрактовъ и договоровъ, вызывающихъ жалобы, не было. Развѣ вотъ Артемовскій? Но кто же можетъ заставитьъ держать насильно управляющаго, по чему-нибудь отставленнаго.

Политическаго—и быть за мною не могло. Странно, что порученіе было возложено на генерала Ракѣева, не пользовавшагося особенно завидной репутаціей и извѣстнаго скорѣй со стороны хорошаго сыщика, хотя часто прибѣгавшаго къ пріемамъ не вполне корректнымъ: угрозамъ или матеріальнымъ подкупамъ для достиженія той или иной цѣли.

„Нѣтъ, это должно быть какая-нибудь ошибка или недоразумѣніе, думалось мнѣ. Но, такъ или иначе—ѣхать все-таки надо“.

На другой день, въ назначенное время я уже подѣзжалъ къ дому на Николаевской. Въ девять оконъ, деревянный, одноэтажный домъ особнякъ наружностью своею ничѣмъ не обличалъ жительства въ немъ какого-нибудь важнаго лица или помѣщенія присутственнаго мѣста. Однако оказалось, что я не ошибся, такъ какъ встрѣтившійся дворникъ указалъ мнѣ ходъ къ генералу.

„Да вѣдь, мнѣ, братецъ, въ канцелярію, а не на квартиру“,—объяснилъ я.

„Все тамъ: и канцелярія, и сами живутъ“, было отвѣтомъ, послѣ чего я смѣло вступилъ въ стеклянныя сѣни, а изъ сѣней въ полутемную прихожую. На вопросъ вѣстоваго я отвѣчалъ, что вызванъ повѣсткою къ генералу.

„Пожалуйте сюда, въ канцелярію,—указалъ вѣстовой на комнату, направо изъ передней. Они сами тутъ“.

Войдя въ канцелярію, какъ ее назвалъ вѣстовой, я увидѣлъ два лица: цисаря въ военной формѣ, что-то писавшаго за столомъ, и въ глубинѣ комнаты какую-то личность, въ военной тужуркѣ безъ погонъ, съ зеленымъ глазнымъ зонтикомъ на лбу.

Принявъ его за письмоводителя генерала:

„Могу ли я видѣть генерала Ракѣева,—спросилъ я эту личность“.

„Я генераль Ракѣевъ,—отвѣчалъ тотъ. Что вамъ угодно?“

„Ротмистръ Каблуковъ. Я вызванъ къ вамъ вашей повѣсткой. Прошу, ваше превосходительство, сообщить мнѣ, что вамъ отъ меня угодно?“

„А, да, да. Дѣйствительно есть къ вамъ дѣло. Пожалуйста въ кабинетъ, тамъ удобнѣе будетъ объясняться. Вѣстовой! Проводи ихъ въ кабинетъ“!

Опять полутемная передняя, большая зала, убранная хотя и богато, но безъ вкуса. Тутъ была и золоченая, легкая мебель, и трельяжъ, дѣлившій залу на двѣ части, и консоли съ наставленными на нихъ статуэтками, и бюсты — изваянія не особенно важныхъ мастеровъ, красовавшіеся на кронштейнахъ по стѣнамъ. Были и картины: Юдиѣ съ головою Олоферна; неизбѣжная Суанна съ любопытствующими старцами. Вѣстовой, подойдя къ запертой дубовой, черной двери, стукнулъ въ нее пальцемъ. Отвѣта не было.

„Немного извольте обождать, Ваше Высокоблагородіе, они сейчасъ отворять“, сказалъ онъ.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъ щелкнулъ замокъ. Дверь отворилась, при чемъ отворившій скрылся за отворенной половинкой. На приглашеніе войти, я переступилъ порогъ кабинета. Дверь опять закрылась и была замкнута на ключъ. Глазамъ моимъ представился небольшого роста жандармскій генераль, въ разстегнутомъ сертукѣ, изъ-подъ котораго виднѣлась пунцовая фуфайка; свѣтовой зонтикъ на глазахъ; черные, какъ смоль, съ просѣдою волосы на головѣ, такіе же короткіе подстриженные усы и круглый, выбритый подбородокъ.

„Прошу садиться“, обратился ко мнѣ, не подавая руки и указывая на сафьянное кресло, стоявшее у чернаго письменнаго бюро, генераль, занимая другое, спиной къ свѣту. „Дѣло вотъ въ чемъ. Свѣтлѣйшій поручилъ мнѣ вытребовать отъ васъ отдѣльный видъ для проживанія супруги вашей“.

„Ваше Превосходительство говорите, что свѣтлѣйшій поручилъ вамъ вытребовать отъ меня паспортъ?“

„Такъ, именно такъ“.

„Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только посмотрѣть, какъ это вамъ удастся исполнить приказаніе князя“.

„Да я увѣренъ, что вы не будете возражать и подпишете паспортъ супругѣ. Вѣдь вы съ ней не живете!“

„Это мое дѣло, генераль. Смѣю васъ увѣрить, что я никогда не соглашусь подписать ей паспортъ, разъ она прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ и беспокоитъ князя жалобой на меня“.

„Она не жаловалась на васъ князю. Ея повѣренный, нѣкто Артемовскій обратился ко мнѣ по этому дѣлу. Я доложилъ князю. Вотъ и все“.

„Дѣйствительно, это очень не сложно. Такъ вотъ оно что. Зна-

чить, вы отъ себя настаиваете на томъ, чтобы я выдалъ ей видъ?“

„Да, конечно, и отъ себя. Тѣмъ болѣе, что г. Артемовскій говорилъ“...

„Виновать, Ваше Пр-во“, перебилъ я. „Мнѣ совершенно не интересно знать, что говорятъ Артемовскій и имъ подобные люди. Да и вы совершенно не знаете моихъ семейныхъ обстоятельствъ, если рѣшаетесь вмѣшиваться въ нихъ“.

„Я все знаю; прекрасно знаю. Ужъ если люди не скупятся на издержки, то значить имъ плохо. Я совѣтую вамъ подписать ей видъ“.

„Я не нуждаюсь ни въ какихъ совѣтахъ. Вѣдь не для совѣтовъ вы беспокоили и вызвали меня сюда“, негодовалъ я.

Генеральъ вскипѣлъ. Вскочивъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ, онъ поднялъ къ волосамъ глазной зонтикъ, при чемъ я увидѣлъ пару черныхъ, не останавливавшихся на одномъ предметѣ и не выдерживавшихъ взгляда собесѣдника, быстрыхъ глазъ, съ почти сросшимися надъ ними бровями, онъ кричалъ: „Такъ вы не подпишете, такъ вы не подпишете? Худо вамъ будетъ! Будете сожалѣть. Я имѣю власть и могу васъ въ бараній рогъ согнуть!“

Мнѣ стало смѣшно. Расходившійся генеральъ насканивалъ на меня, извергая тучу брызгъ слюны. Я только-что хотѣлъ отвѣчать, какъ дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и въ кабинетъ вошла средняго роста, молодая женщина, очень красивая брюнетка. Она подошла, вѣжливо отвѣтивъ на поклонъ Каблукова къ генералу, и что-то шепнула ему.

„Сейчасъ, Вѣра, сейчасъ“, отвѣтилъ ей генеральъ и затѣмъ, обращаясь къ Каблукову, продолжалъ: „Свѣтлѣйшій просилъ васъ пожаловать завтра часу въ 12 утра къ нему, если вы не хотите дать вашей женѣ паспортъ“.

„Имѣю честь кланяться“.

„Вѣстовой, проводи ихъ“, приказалъ генеральъ.

Опять зала, статуэтки, Юдиѣ, Сусанна, темная передняя, свѣтлыя сѣни.

Усѣвшись въ сани, я приказалъ ѣхать во дворецъ Принца Ольденбургскаго, которому хотѣлъ сейчасъ же рассказать эту исторію, чтобы Принцъ слышалъ ее прежде всѣхъ отъ меня самого.

Очень было непріятно, что въ интимную мою жизнь вмѣшалась административно-полицейская власть, да еще въ лицѣ такъ мало симпатичнаго генерала Рахѣва.

XII.

Тѣмъ больнѣе было мнѣ все это, что генераль-губернаторъ былъ знакомъ съ нами домами. Мы съ женой бывали у него и запросто, и на званыхъ вечерахъ. Мнѣ было какъ-то стыдно, что теперь волей-неволей придется посвятить князя въ наше семейное горе, а черезъ генерала Ракѣва дѣло можетъ быть представлено ему въ неправильномъ освѣщеніи и можетъ заставить князя имѣть дурное мнѣніе. Поэтому я рѣшилъ быть у князя сегодня же, не ожидая назначеннаго времени. Такъ поступить казалось лучше, чтобы предупредить всякую неточность или инсинуацію со стороны генерала Ракѣва. Къ сожалѣнію, это не удалось.

Принцъ, которому я сообщилъ свою скорбь, очень долго задержалъ меня. Какъ могъ и умѣлъ, успокаивалъ онъ своего адъютанта.

„Я знаю васъ хорошо; и жену вашу хорошо знаю. Вы оба хорошіе люди и у васъ есть дѣти. Объ этомъ надо подумать. Если даже она и увлеклась, то повѣрьте мнѣ, уже раскаялась; а не говорить отъ глупой женской гордости. Зачѣмъ вы сказали ей, что вы больше ей не мужъ. Не надо было совсѣмъ. Вотъ пусть прійдетъ ко мнѣ, я ее отечески пожурую и все пройдетъ. Къ чему тутъ жандармы, не правда ли?“ сердечно отнесся принцъ къ адъютанту.

„Не знаю, какъ благодарить васъ, Ваше Высочество. Но на вѣдь ли жена осмѣлится прійхать къ вамъ. Она подъ вліяніемъ Артемовскаго“.

„Ну, что жъ! Это ничего. Его можно убрать. Я скажу Суворову“.

„Будетъ большая огласка. Всѣ узнаютъ“, — отвѣчалъ я.

„Такъ располагайте мной, если я могу помочь. Ахъ, какъ жаль, какъ больно все это. Повзжайте теперь къ дѣтямъ, не оставляйте ихъ. Есть при нихъ хорошій человѣкъ?“

„Есть, Ваше Высочество, очень преданная нашей семьѣ особа“.

„Вотъ это прекрасно. Не надо, чтобы они знали. До свиданія. Не стѣсняйтесь службой и, если надо, приходите ко мнѣ“. Отпустилъ онъ меня.

Было уже поздно ѣхать къ князю Суворову. Пришлось ѣхать на другой день.

Въ пріемной первое лицо, которое я увидѣлъ, былъ генераль Ракѣвъ. Но тутъ онъ былъ неузнаваемъ. Съ любезной улыбкой пошелъ онъ мнѣ навстрѣчу, пожалъ руку, такъ что оставалось только ожидать вопроса о здоровьи.

„Я доложилъ князю ваше дѣло. Свѣтлѣйшій желаетъ перегово-

рять лично съ вами. Будьте такъ любезны, подождите, князь скоро выйдетъ,—сказалъ онъ.

„Я подожду. Но повторяю вамъ, что у меня нѣтъ никакого дѣла, если только князю извѣстна правда“,—отвѣчалъ я.

„Такъ и скажите князю; увидимъ, какое будетъ его рѣшеніе“. Съ этими словами генераль ушелъ въ другую комнату.

Не прошло и четверти часа, какъ въ пріемную вышелъ князь въ сопровожденіи генерала Ракѣва и дежурнаго чиновника. Ожидавшихъ его было человѣкъ десять; такъ какъ я пріѣхалъ послѣднимъ, то я и сталъ послѣднимъ въ ряду представлявшихся.

Увидѣвъ меня, князь подошелъ ко мнѣ и, ласково подавая мнѣ руку, сказалъ:

Bonjour, cher ami. Très content de vous voir. Mais pourquoi restez vous ici? Passez donc dans mon cabinet. Je serai tout à l'heure à vos ordres“. (Здравствуйте, дорогой другъ. Очень радъ васъ видѣть. Но зачѣмъ же вы здѣсь? Идите ко мнѣ въ кабинетъ. Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ“).

Около получаса пришлось подождать князя, наконецъ онъ появился и слѣдомъ за нимъ генераль Ракѣвъ. Еще разъ подавъ мнѣ руку:

„Вы позволите, — сказалъ онъ, — генералу присутствовать при нашемъ разговорѣ. Я ручаюсь вамъ словомъ моимъ за полное сохраненіе тайны, тѣмъ болѣе, что ему по моему порученію пришлось уже наводить справки по этому дѣлу“.

„Если вашей свѣтлости угодно, я ничего не могу имѣть противъ этого“.

„Ну, и прекрасно. Тамъ вотъ генераль передалъ мнѣ, что вы не хотите исполнить желаніе вашей супруги. Я не буду спрашивать, почему именно? Это ваше дѣло. Могу только ходатайствовать за нее“.

„Ваша свѣтлость, мнѣ кажется, что женѣ моей слѣдовало бы обратиться прямо ко мнѣ, а не посылать разныхъ адвокатовъ къ генералу“, отвѣчалъ я.

„Какъ адвокатовъ? Развѣ она посылала?“ удивился князь.

„Такъ по крайней мѣрѣ сообщилъ мнѣ самъ генераль“.

„Дѣйствительно, ваша свѣтлость, пріѣзжалъ ко мнѣ ея повѣренный г. Артемовскій и подалъ прошеніе, которое я доложилъ вамъ“, сказалъ генераль.

„Да, конечно, это не совсѣмъ прилично, поморщился свѣтлѣйшій. Но что же въ этомъ прошеніи? Какіе доводы? Какія причины заставляютъ ее просить отдѣльнаго вида на жительство?“ обратился онъ къ генералу.

„Супруга ихъ жалуется на ихъ дурное обращеніе... Князь не далъ ему кончить.

„Voilà ce qui est curieux“! разсмѣялся онъ. (Вотъ это любопытно). Вы въ роли тирана и деспота. Вы, котораго я всегда считалъ образцовымъ мужемъ, вы, котораго такъ любить и уважаетъ принцъ Петръ Георгіевичъ! Но это невозможно! Это прямо продиктовано. Это, *passer moi le mot*, подлогъ! Ну, а больше ничего нѣтъ“?

„Какъ же, есть, ваша свѣтлость. Ихъ супруга жалуется, что они страдаютъ болѣзною, препятствующей брачной жизни и заразительною“, не устыдился заявить генераль.

„Прошу васъ, князь, приказать освидѣтельствовать меня сейчасъ же. Вы убѣдитесь, что это гнусная клевета“.

„Я полагаю, вмѣшался генераль, что въ такой рѣзкой мѣрѣ нѣтъ надобности. Ротмистръ! вѣдь, насильно миль не будешь. Отчего бы вамъ не уступить супругѣ?“ просилъ онъ.

Тутъ уже я не выдержалъ. Наглый, насмѣшливый тонъ генерала сильно оскорбилъ меня.

„Ваша свѣтлость! едва владѣя собой, воскликнулъ я. Не знаю, что за причина побуждаетъ генерала такъ усердно хлопотать за жену мою и просить уступить ей. Я согласенъ, но на одномъ условіи. Вчера я видѣлъ его жену; она мнѣ понравилась; пусть онъ ее мнѣ уступить“.

Генераль позеленѣлъ отъ злости.

„*Calmez vous, mon cher. Je comprend que l'affaire est très désagréable. Mais ne faites pas attention à toutes ces vilénies. Je ne m'en mêle plus. Mille pardons de vous avoir dérangé.* (Успокойтесь, дорогой. Понимаю, что дѣло очень неприятно. Не обращайтесь вниманія на всѣ эти гадости. Я больше не вмѣшиваюсь. Тысяча разъ извиняюсь, что побеспокоилъ васъ). Прикажите написать супругѣ ихъ, обратился онъ къ Ракѣеву что я въ это дѣло не вхожу“. Генераль вышелъ.

„*Venez me voir ce soir; je tâcherai de vous consoler*“, простился со мною князь. (Пріѣзжайте ко мнѣ вечеромъ. Постараюсь утѣшить васъ).

XIII.

Вѣроятно отказъ свѣтлѣйшаго произвелъ сильное впечатлѣніе на Софію Андреевну и ея повѣреннаго, потому что болѣе уже не было покушеній меня испугать воздѣйствіемъ администраціи. Она

все-таки рѣшилась лично просить принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго уговорить меня выдать ей отдѣльный паспортъ, и только просьба принца, котораго я глубоко уважалъ и искренно любилъ, побудила меня выдать женѣ видъ.

Время шло, и приближался день, въ который Софія Андреевна должна была дать отвѣтъ за свое заграничное увлеченіе. За нѣсколько времени до событія я получилъ отъ нея письмо.

Въ горячихъ выраженіяхъ, обращаясь къ моему благородству, она просила согласія на крещеніе имѣющагося родиться ребенка, какъ ребенка ротмистра Каблукова и законной его жены.

Глубоко задумался я надъ этимъ письмомъ.

Несправедливо, думалъ я, было бы лишить своихъ законныхъ дѣтей части состоянія и давать имъ брата или сестру, ничего общаго съ ними не имѣющаго. Кромѣ того, это будущее дѣтище Артемовскаго было мнѣ противно и ненавистно. Жаль было Софію Андреевну, но, повинуюсь долгу совѣсти, я рѣшилъ отказать ей въ ея просьбѣ. Къ счастью ея, она разрѣшилась мертвымъ младенцемъ.

Прошло болѣе года. Возбужденное, по доносу Артемовскаго, дѣло о расторженіи брака близилось къ концу, и въ одинъ прекрасный день бракъ ротмистра Каблукова, какъ противный уставу церковному, былъ расторгнутъ, и виновныя стороны понесли кару: подверглись эпитимьи.

Впослѣдствіи намъ разрѣшено было вступать въ бракъ, чѣмъ воспользовалась Софія Андреевна и вышла замужъ за Артемовскаго.

XIV.

Послѣдняя встрѣча моя съ моей ех-женой была настолько оригинальна, что надо рассказать и ее. Какъ-то утромъ получаю я записку, писанную женскою рукой: приглашеніе въ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, гдѣ будетъ ожидать меня маска съ пунцовымъ розаномъ въ головѣ и на правомъ плечѣ. Не разъ попадавшійся на такія записочки, я и не обратилъ бы вниманія и на эту, но въ тотъ же день я встрѣтилъ одну даму, обѣщавшую мнѣ пріѣхать въ этотъ маскарадъ.

Въ первомъ часу ночи я входилъ въ ярко освѣщенную залу. Сотни масокъ, домино и капуциновъ прогуливались попарно и въ одиночку. Буфетъ и цвѣточные кіоски работали на славу.

Тщетно проискавъ интересовавшую меня особу больше получаса,

*

и остановился посмотрѣть на танцующихъ, какъ ко мнѣ подошла дама, одѣтая такъ, какъ общала мнѣ утренняя записка.

„Благодарю тебя, Костя, начала маска, взявъ меня подъ руку, за то, что ты исполнилъ мою просьбу“,

„Сонечка, ты ли это? — воскликнулъ я, неподдѣльно изумленный. Но какъ же ты страшно похудѣла! Что съ тобой? Здорова ли ты?“

„Да, Костя, это я. Мнѣ очень худо живется. Очень плохо и тяжело. Всего тутъ не расскажешь: я хотѣла бы поговорить съ тобой наединѣ“.

„Зачѣмъ же дѣло стало? Поѣдемъ ужинать и поговоримъ“.

Отдѣльный кабинетъ лучшаго ресторана открылъ намъ свои гостепріимныя двери.

„Я такъ несчастлива, Костя. Такъ глубоко чувствую свою вину передъ тобой и дѣтьми,—сквозь слезы проговорила она. Что дѣти? Гдѣ они?“

„Дѣти здоровы; съ Марьей Петровной и англичанкой въ деревнѣ. Вспоминаютъ тебя. Думаю отдать Петю въ правовѣдніе, а Клавдю въ институтъ. Но почему же ты говоришь, что такъ несчастлива?“

„Я очень ошиблась въ мужѣ: онъ оказался сухимъ, черствымъ эгоистомъ. Все подозрѣваетъ меня въ невѣрности. Сцены, въ которыхъ онъ позволяетъ себѣ поднимать на меня руку, доводятъ меня до отчаянія. Больше нѣтъ терпѣнія“.

„Такъ брось его, разойдись съ нимъ“.

„Это не такъ-то легко сдѣлать. Я ему слѣпо вѣрила и подписывала бумаги, будто по разводу, не читая. Теперь оказывается, что онъ перевелъ все состояніе на свое имя, а у меня почти ничего нѣтъ“.

„Этому можно помочь. Можно обратиться къ Высочайшей милости и просить возвратить обманомъ взятую собственность“.

„Ахъ, Костя, если бъ ты зналъ, что это за человѣкъ. Какими онъ нечистыми дѣлами занимается и еще цинично хвастается ими. Сердца въ немъ не найдешь“.

„Жаль мнѣ тебя, Соня. Очень жаль. Я ничѣмъ не могу помочь, кромѣ дружескаго участія и совѣта. Но если бъ я тебѣ понадобился — располагай мною, какъ хочешь. Я все готовъ сдѣлать, что въ моей власти“.

„Спасибо тебѣ, дорогой. Не забуду тебя въ тяжелую минуту. Хотѣлось бы видѣть дѣтей! Но однако поздно. Проводи меня домой“.

„Съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что у меня карета“.

Ей однако не пришлось прибѣгать къ моей помощи. Вскорѣ мужъ ея получилъ большую непріятность, за которую заплатился

жизнью. Его сильно поколотили наслѣдники одного богатаго коммерсанта, такъ что онъ отдалъ Богу свою грѣшную душу. Состояніе его, такъ несправедливо отнятое имъ у Софьи Андреевны, перешло къ его брату, а ей досталась лишь законная часть.

Печальная судьба Софьи Андреевны, сосланной въ Сибирь по громкому дѣлу съ Пастуховымъ, всѣмъ извѣстна.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошелъ слухъ, что въ ссылкѣ она вышла замужъ. Насколько это вѣрно—неизвѣстно.

Георгій Миллеръ.

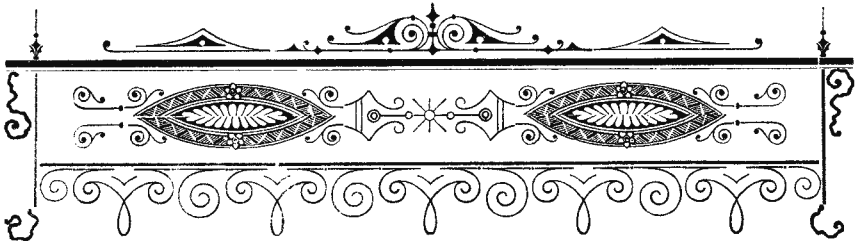

Къ исторіи монастырей (1671 г.).

Государю преосвященному Симону, архіепископу Вологодцкому и Бѣлоозерскому бьетъ челомъ Івашко Салтановъ Арсеньевы пустыни на бывшаго ігумена Іона (*sic*). Въ нынѣшнемъ, государь, во 179-мъ (т. е. 1671) году апрѣля въ 16 день зговорился онъ Іона Лопотова монастыря з бывшимъ ігуменомъ Іоною, не бивъ челомъ тебѣ, государю архіерею, поклепалъ напрасно, подалъ явки въ Николаевскомъ приходѣ на Комѣ тоежъ Арсеньевы пустыни на казначея старца Θεодосія, да на казеннаго дьячка на Титка Іванова, да на вкладчика Івашка Елисеѣва, будто онъ, казначей старецъ Θεодосій, стакавшись со мною, Івашкомъ Салтановымъ съ товарищи, будто, государь, мы унесли у него Іоны изъ сѣней посохъ воровски и будто съ тѣмъ посохомъ пропало платье, двѣ мантіи большіе, да шуба, да ряска новая, да шапка, да клобукъ и будто всего на шесть рублевъ на двѣ гривны, и всѣмъ тѣмъ онъ поклепалъ напрасно, хотя помѣщиковъ и мірскихъ людей ссорить съ нами. А тотъ, государь, посохъ взялъ казначій хотя ево нести къ тебѣ, государю архіерею, для благословенія Пахомія ігумена, какъ онъ Пахомій званъ былъ въ Арсеневу пустыню на игуменство. Да онъ же Іона писалъ въ явкахъ своихъ, будто, государь, въ нынѣшнемъ во 179-мъ году апрѣля въ 9 день онъ же казначій Θεодосій съ товарищи научилъ дьячка Титка ево Іону бить и будто дьячекъ хотѣлъ ево Іону бить и ножемъ рѣзать, и тѣмъ онъ казначея, старца Θεодосія, и меня Івашка клеплетъ напрасно же, а тотъ казначей Θεодосій да дьячекъ Титко почели считать житенново старца Арсенія, и онъ Іона того старца Арсенія на счетъ не далъ, прибѣжавъ въ столовую, того дьячка Титка билъ ослопомъ, а азъ Івашко съ тѣмъ казначеемъ не стакивался и посоха воровски и платья не унашивалъ, и тѣмъ онъ меня клеплетъ и безчеститъ напрасно, а въ прошлыхъ, государь, годахъ онъ же Іона также клепалъ меня напрасно и составлялъ челобитную, подозвавъ къ себѣ крестьянъ сродниковъ своихъ, и въ томъ своемъ составномъ поклепномъ челобитьѣ предо мною прошался и запись на себя далъ, что впредь ему Іонѣ воровски на меня челобитенъ не составлять и изгони какіе не чинить. Милостивый государь, преосвященный Симонъ, архіепископъ Вологодцкій и Бѣлоозерскій, пожалуй меня раба твоего: вели, государь, мнѣ съ нимъ Іоною въ тѣхъ ево составныхъ и поклепныхъ явкахъ дать очную ставку и съ очной ставки милостивой свой указъ учинить. Государь великій архіерей, смилуйся, пожалуй.

Сообщ. И. Суворовъ.

Примчаніе. Приводимый здѣсь документъ относится къ исторіи Арсеніева монастыря (въ Грязовецкомъ уѣздѣ Вологодской губ.), основаннаго игуменомъ Троице-Сергіевской лавры. Описание монастыря было издано Н. Суворовымъ въ г. Вологдѣ въ началѣ 1870 года. Лопотовъ монастырь—въ Кадниковскомъ уѣздѣ Волог. губерніи. Въ концѣ 1904 года Арсеніевъ монастырь обращенъ въ женскій, вслѣдствіе почти полного отсутствія въ немъ монаховъ.

Забытая писательница и ея заслуги.

I.

Биографическія данныя о Л. Х. Симоновой. — Быть русскаго духовенства.

Людмила Христофоровна Симонова-Хохрякова очень мало оцѣнена въ русской литературѣ, и само общество недостаточно знакомо съ ней. Причиною тому было между прочимъ, то, что она по преимуществу печаталась въ еженедѣльникахъ („Еженедѣльное Обзорѣніе“, „Восточное Обзорѣніе“, „Живописное Обзорѣніе“ и т. д.) и очень рѣдко въ ежемѣсячникахъ, откуда выдаются аттестаты на литературное имя.

Между тѣмъ, по своему дарованію и разносторонней дѣятельности, Людмила Христофоровна несомнѣнно заслуживаетъ извѣстности среди женщинъ-писательницъ гораздо болѣе, чѣмъ прославленныя изобразительницы буржуазныхъ сферъ.

Цѣль нашей работы о ней заключается въ возстановленіи имени забытой писательницы и въ указаніи ей подобающаго мѣста въ русской литературѣ.

Это необходимо сдѣлать, по пословицѣ „лучше поздно, чѣмъ никогда“, между прочимъ и въ виду готовящагося къ выходу въ свѣтъ „Полнаго Собранія“ ея сочиненій.

Кромѣ литературной справедливости къ ея заслугамъ, разборъ ея произведеній тѣсно связанъ съ цѣлымъ рядомъ животрепещущихъ вопросовъ, которые были въ свое время подняты ею и которые до сихъ поръ не утратили своего интереса.

Такимъ образомъ, опираясь на ея произведенія, въ связи съ личнымъ матеріаломъ о писательницѣ, я надѣюсь сообщить своей работѣ современный интересъ и по многимъ вопросамъ русской жизни.

Людмила Христофоровна происходила изъ старинной дворянской фамиліи Эстляндской губерніи—Ребиндеровъ, предки которыхъ въ числѣ первыхъ рыцарей поселились на берегахъ Финскаго залива. Одинъ изъ позднѣйшихъ потомковъ, Христофоръ Ребиндеръ, женился на помѣщицѣ Орловской губерніи Измайловой. Отъ этого брака родилась въ 1838 г. дочь Людмила, когда ея родители жили въ г. Вологдѣ.

Такимъ образомъ, она происходила отъ обрусѣвшаго нѣмца и такой же татарки по линіи отъ Измаилъ-Бека, перешедшаго съ своей ордой въ царствованіе Ивана Грознаго черезъ Уралъ и принявшаго подданство Россіи.

Воспитывалась Людмила Христофоровна на Александровской половинѣ Смольнаго института. Во время своего пребыванія въ его стѣнахъ, она осиротѣла и, по окончаніи курса въ 1857 г., была взята сестрой въ Пермскую губернію. Здѣсь она вскорѣ вышла замужъ за чиновника министерства государственныхъ имуществъ—Симонова, и второй разъ—за Хохрякова.

Бѣдная развлеченіями провинціальная жизнь вызвала въ молодой и любознательной женщинѣ желаніе сопровождать перваго мужа въ его ревизіонныхъ поѣздкахъ по волостямъ. Это дало ей возможность основательно присмотрѣться къ жизни тогдашняго крестьянскаго населенія и впоследствии провести въ литературу нѣкоторые типы и картины хозяйственной и семейной жизни какъ мѣстнаго крестьянскаго населенія за Ураломъ, такъ и инородцевъ, примыкающихъ къ нимъ.

— Во время поѣздокъ съ мужемъ по деревнямъ, — рассказывала мнѣ Симонова, — я и не думала, что когда-нибудь примкну къ литературѣ, а записывала всѣ наблюденія собственно изъ любви къ искусству. Овдовѣвъ въ 1864 г., я пріѣхала въ Петербургъ и получила мѣсто на телеграфѣ. Въ это время судьба свела меня съ писателями и издателями журналовъ... Одна изъ моихъ институтскихъ подругъ была замужемъ за издателемъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, Александромъ Ивановичемъ Поповицкимъ. Когда я съ нимъ познакомилась, онъ возсталъ противъ того, чтобы я подъ спудомъ хранила массу интереснаго матеріала, и заставилъ меня писать въ его газетѣ, небольшой по размѣру, но значительной по тѣмъ либеральнымъ тенденціямъ, какія въ ней проводились въ пользу блага духовенства.

Людмила Христофоровна часто говорила о себѣ:

— Быть благаго духовенства былъ мнѣ знакомъ еще съ Сибири. Въ редакціи Александра Ивановича я познакомилась со всеми вопросами, которые проводились тогда въ жизнь. Но участіе мое въ газетѣ А. И. Поповицкаго выражалось въ небольшихъ публицистическихъ статьяхъ. Редакторъ отдалъ въ мое распоряженіе общественную жизнь, самъ же занимался церковной. Скоро я очень привязалась къ газетѣ. Дѣло пошло такъ: каждый новый вопросъ въ церковной жизни я отгнѣяла беллетристическимъ рассказомъ или очеркомъ. Мною были напечатаны статьи и рассказы по вопросамъ: о реформѣ благаго духовенства и уравненіи ихъ въ правахъ съ мірянами (святочный рассказъ „Рогъ изобилія“), о необезпеченности духовенства, о вдовствѣ, о каноническихъ постановленіяхъ и необходимости пересмотра ихъ на новомъ церковномъ соборѣ и т. д. Таковы мои работки: „Праздничный сонъ до обѣда“, „Женитьба священника“, „Чудакъ“ и нѣсколько статей объ обездоленныхъ раскольникахъ. По поводу 300-лѣтія завоеванія Сибири появилось у меня въ печати нѣсколько сибирскихъ очерковъ и легендъ, а „Непраздничныя мысли“ — есть отвѣтъ на строгость цензуры того времени.

О бѣдности сельскаго духовенства и унижительномъ способѣ добыванія имъ средствъ жизни, путемъ требъ и поѣздокъ за подаеніемъ, г-жа Симонова писала столь образно и убѣдительно, что по ея газетнымъ статьямъ другія газеты составляли свои „передовицы“.

Она горячо доказывала, что зачастую приходится встрѣчать такихъ священниковъ, которые незадолго передъ поѣздкой за подаеніемъ стараются разузнавать домашнимъ способомъ, что называется подъ рукою, кто изъ прихожанъ и чѣмъ именно разбогатѣлъ, чтобы въ извѣстное время, въ случаѣ прижимистости крестьянина, имѣть возможность съ достовѣрностью указать на тотъ или другой въ обилія хранящійся и скрываемый продуктъ и тѣмъ самымъ устыдить, допечь скупого человѣка, неохотно дающаго, упорно настаивающаго на своей крайней несостоятельности.

Кромѣ того, священники этой категоріи, по ея наблюденіямъ, передъ собираніемъ подаеній стараются сближаться съ богатыми крестьянами, съ кулаками и міроѣдами, пьютъ вмѣстѣ съ ними, льстятъ имъ, поддѣлываются подъ ихъ нравы и обычаи, съ затаенною надеждою поживиться на ихъ счетъ при собираніи руги (подаенія). Но, говоритъ г-жа Симонова, дѣланіе такой надежды священникомъ не остается тайной ни для смѣтливаго міроѣда, ни для

окружающаго народа, такъ какъ не трудно догадаться о цѣли сближенія, практикуемаго изъ года въ годъ въ извѣстные періоды. Не всегда, конечно, и цѣль достигается; кулаки болѣе склонны къ глумленію, чѣмъ къ милосердію,—къ глумленію безпощадному при сознаніи ими своего значенія, своей силы надъ человѣкомъ, стоящимъ въ зависимости отъ нихъ. Легкія насмѣшки, балагурство, остроты надъ положеніемъ и поведеніемъ священника начинаются съ перваго шага.

— Никакъ батка за подаваніемъ пріѣхалъ, говоритъ глава семьи, поглядывая въ окно. Эй, Анисья, спрячь холсты-то подалѣ, а то, знамо, поповскіе глаза сейчасъ высмотрятъ, а высмотрятъ, такъ сама знаешь... попь, что ни увидитъ, то ему и подай. Отъ него ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаться...

— Эй, Иванъ, кричитъ другой, батка за сборомъ пріѣхалъ; вынеси ему пригоршню овса, ладно съ него. Попъ смиренный, слова не скажетъ и такъ уѣдетъ.

Симонова постоянно указывала на ненормальность подобныхъ отношеній и настаивала на увеличеніи жалованья причтамъ въ видахъ того, чтобы наше сельское духовенство, подобно протестантскимъ пасторамъ, не собирало бы милостыню, а подавало бы ее призрѣваемымъ вдовамъ и сиротамъ прихода, устраивало бы школы и пріюты, заботилось бы о нравственномъ воспитаніи своихъ духовныхъ чадъ и съ кулаками совсѣмъ не сближалось, а если и сближалось, то не для полученія лишннихъ пригоршней овса, а ради иныхъ высшихъ христіанскихъ цѣлей.

Защищая въ „Церк. Общ. Вѣстн.“ судьбу духовенства и настаивая на его большей обезпеченности, Симонова заботилась и объ его нравственномъ подъемѣ. Ее поражала участь священника-вдовца, не имѣющаго права вторично жениться. Она написала въ „Церков. Общ. Вѣстн.“ разсказъ „Порченый“ и нѣсколько статей, посвященныхъ семейной жизни духовенства. Вопросъ о второбрачій духовенства долгое время не сходилъ со столбцовъ газетъ, особенно послѣ того, какъ Симонова напечатала въ „Церк. Общ. Вѣст.“ свои воспоминанія о Достоевскомъ, говорившемъ ей:

— Второбрачіе — насущный вопросъ духовенства и вопросъ этотъ вопіетъ о скорѣйшемъ разрѣшеніи. Но напрасно-напрасно вы взяли эту тему. Трудъ вашъ даромъ пропалъ. Это гласъ вопіющаго въ пустынь! Меня тоже просили сказать объ этомъ въ дневникъ, но я не скажу, потому что не хочу бросать горохъ въ стѣну. Ничего изъ этого не выйдетъ. А почему? почему?—приставалъ ояъ ко мнѣ,—вы знаете, почему?

И самъ же отвѣтилъ на свой вопросъ, разставляя и отчеканивая каждое слово:

— Потому—что—для—разрѣшенія—этого — вопроса — нужно — чтобы — собрался — вселенскій — соборъ. А разрѣ это можетъ быть теперь? Тамъ, можетъ быть, послѣ, со временемъ, когда-нибудь, а теперь тутъ ни синодъ и никакая власть ничего не могутъ подѣлать! Вотъ видите ли? Апостоль Павелъ заповѣдалъ имѣть одну жену. Они изъ этого и вывели ошибочное, ложное заключеніе. А разрѣ апостоль Павелъ былъ злой человѣкъ?

Онъ остановился и какъ бы ждалъ моего отвѣта. Я молчала.

— Я васъ спрашиваю, скажите же: апостоль Павелъ былъ добрый или злой человѣкъ?

— Добрый!—отвѣтила я тономъ школьника.

— Ну, конечно! Конечно, добрый, — заговорилъ горячо Ѳедоръ Михайловичъ;—онъ эти слова сказалъ въ виду идолопоклонническаго многоженства, т. е. чтобы они не имѣли двухъ или трехъ женъ одновременно, а вселенскій соборъ этого не принялъ во вниманіе и ограничилъ въ этомъ отношеніи наше духовенство, поставивъ его тѣмъ въ безвыходное положеніе.

Статьи г-жи Симоновой и ея „воспоминанія“ о Достоевскомъ, въ связи съ вопросомъ о второбрачій вдовыхъ священниковъ, вызвали противъ нея во многихъ петербургскихъ органахъ печати горячія нападки. Въ газетѣ „Русь“ Ив. Аксакова отъ 27 іюня 1881 года была помѣщена статья, подписанная „Одинъ изъ священниковъ“, въ которой послѣдній гнѣвно заявилъ:

„Одна изъ пропагандистокъ необходимости разрѣшить вдовымъ духовнымъ лицамъ вновь вступать въ браки, г-жа Симонова, сослалась даже въ этомъ случаѣ на незабвеннаго Ѳ. М. Достоевскаго. Мы охотно прощаемъ ему эту грубую съ богословской точки зрѣнія ошибку. Мы не только сами лично признаемъ невозможнымъ и противнымъ слову Божію и ученію св. Православной вселенской церкви вступленіе духовныхъ лицъ во второй бракъ, но глубоко убѣждены, вопреки мнѣнію приснопамятнаго Ѳ. М. Достоевскаго, что и никакой вселенскій соборъ не разрѣшитъ второбрачій для духовныхъ лицъ, какъ противнаго прямому и очевидному смыслу свящ. писанія,—не говоря уже о томъ, что вѣчныя и неизмѣнныя каноническія постановленія одного вселенскаго собора, вершающаго церковно-религіозные вопросы не произвольно, а по изволенію Св. Духа, отнюдь не могутъ быть уничтожаемы и перевершаемы другимъ соборомъ, служащимъ органомъ того же Св. Духа. Если бы св. апостоль Павелъ, предписывая епископамъ поставлять на ду-

ховныя должности только мужей одной жены (Тит. I, 6; Тимоѳ. III, 2), имѣлъ въ виду лишь идолопоклонническое многоженство, какъ думалъ Ѳ. М. Достоевскій, то правило это, намъ кажется, было бы по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ,—въ виду того, что и всякій мірянинъ иначе и не могъ быть принятъ въ число членовъ церкви Христовой, какъ предварительно отрехшись не на словахъ только, а фактически отъ языческаго многоженства. Ясно, слѣдовательно, что смыслъ апостольскаго правила о единобрачїи духовныхъ лицъ не допускаетъ никакихъ измѣненій и лжетолкованій,—почему на вселенскихъ соборахъ ему и придано значеніе вѣчнаго и неизмѣннаго церковно-каноническаго постановленія“.

Нападки на г-жу Симонову участились, но она отважно повторяла одно и то же: положеніе вдоваго священника весьма незавидное, если не сказать безвыходное. Овдовѣвъ часто, въ молодыхъ лѣтахъ, человекъ, полный силы и жизни, онъ долженъ нести поневолю крестъ вѣчнаго вдовства, что, безъ сомнѣнія, вредно вліяетъ на его нравственность. Нерѣдко молодыя экономки и различныя дальнія родственницы, встрѣчаемыя въ домахъ нашихъ священниковъ, служатъ доказательствомъ стремленія вдоваго духовенства къ семейной жизни, но при этомъ является неизбѣжное лицемѣріе передъ обществомъ. На нѣкоторыхъ запрещеніе жениться во второй разъ дѣйствуетъ еще вреднѣе. Не имѣя довольно смѣлости поставить въ этомъ отношеніи протестъ въ видѣ экономки, они предаются тайному разгулу. И въ этомъ мы видимъ самыя ужасныя послѣдствія запрещенія второбрачїя. Отсюда дурной примѣръ прихожанамъ, потеря вліянія на пасомыхъ, потеря чувства собственнаго достоинства, а все вмѣстѣ взятое нерѣдко влечетъ за собою полное нравственное паденіе.

На упреки о томъ, что о второбрачїи за послѣднее время стали писать свѣтскіе люди, мало понимающіе его богословское значеніе, г-жа Симонова съ гордостью заявила письмомъ въ редакцію „Улей“ о томъ, что вопросъ этотъ былъ поднятъ въ послѣднее время не свѣтскими лицами и не свѣтскою печатью, а „Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ“ въ 1875 году; что вопросъ поддерживается самимъ духовенствомъ, которое печатало въ „Церк. Общ. Вѣстникѣ“ массу статей и сочувственныхъ писемъ по этому вопросу въ теченіе 1875, 1876 и частію въ 1877 годахъ; что въ послѣднее же время, за исключеніемъ ея „Воспоминаній о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ“, о второбрачїи духовенства никто и не говорилъ изъ свѣтскихъ писателей.

II.

Быть сибирскаго инородца.

Поратоборетвовавъ за судьбу вдовствующаго духовенства не менѣе горячо, чѣмъ и за его матеріальное обезпеченіе, г-жа Симонова начала въ томъ же „Церк. Общ. Вѣстн.“ защиту сибирскаго инородца, близко ей знакомаго.

Она рѣзко осуждала административное обрусеніе Сибири, указывая на то, что съ нашей стороны почти ничего не сдѣлано для подъема инородцевъ въ культурномъ отношеніи. Если въ средѣ ихъ съ давнихъ поръ существуетъ православное миссіонерство, то оно поставлено тамъ, по ея наблюденію, въ слишкомъ неблагоприятныя условія и, кромѣ того, просвѣщеніе инородцевъ свѣтомъ религіозной истины составляетъ только одно изъ средствъ къ нравственному подъему ихъ. Является еще цѣлая сѣть мѣропріятій, столь же необходимыхъ для ихъ развитія: школы, гражданскія и экономическія права, пути сообщенія, жилища, орудія хозяйственнаго производства, правильныи сбытъ произведеній, взаимность интересовъ ихъ съ русскими собратіями, приобщеніе ихъ къ общей русской жизни,—а между тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ. Она постоянно писала о томъ, что страшная эксплуатація инородцевъ и кулачество достигли высшихъ размѣровъ; что у инородцевъ за безцѣнокъ отбирались цѣнныя шкурки звѣрей и рыба; что ихъ заставляли непосильно работать, спаивали водкой, вовлекали въ неоплатные долги и закабалили, какъ самихъ инородцевъ, такъ и ихъ дѣтей, въ крѣпостничество; что такія сношенія съ русскими однихъ истощали до крайности, другихъ вынуждали бѣжать и забиваться за непроходимыя болота, въ такія трупщобы, куда проникать возможно только зимою, и тамъ, изолированныя отъ всего живого, они стали постепенно гибнуть отъ голода, суровости климата и болѣзней: что голодный тифъ и эпидемическія болѣзни не рѣдкость среди инородцевъ; что люди умираютъ цѣлыми сотнями прежде, чѣмъ слухъ о бѣдственномъ положеніи ихъ доходитъ до русскихъ властей, умираютъ безпомощно, среди всякаго рода лишеній.

Народы кочевые, находящіеся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ звѣроловы и рыболовы, по ея мнѣнію, въ послѣднее время также начинаютъ жаловаться на стѣсненія ихъ пастбищъ и угодій русскими поселенцами. При уменьшеніи пастбищъ уменьшаются стада, а стало быть, и благосостояніе инородцевъ. Затѣмъ, эксплуатація промышленниковъ проникла и къ кочевникамъ и проявляетъ здѣсь такія же послѣдствія, какъ среди рыболововъ и звѣролововъ. Поль-

зуюсь простодушіемъ и неопытностью нецивилизованныхъ кочевниковъ, русскіе промышленники обманываютъ ихъ всеми способами.

Вмѣсто ассимиляціи по сибирскимъ окраинамъ инородцевъ, г-жа Симонова обнаруживала среди нихъ „Вымирающія племена“. („Церк. Общ. Вѣст.“ отъ 4 апр. 1883 г.).

Въ „Новомъ Времени“ отъ 22 іюня 1883 года также встрѣчается ея надѣлавшая шуму статья о томъ, какъ послѣдней зимой въ Нарымскомъ и Якутскомъ округахъ, населенныхъ первый—остяками, второй—якутами, свирѣпствовала оспа, уносившая цѣлыя семьи. Люди въ ужасѣ бѣжали въ снѣжныя пустыни и тамъ умирали. Въ Туруханскомъ краѣ, въ зиму 1883 года, благодаря оспенной эпидеміи и плохому улову рыбы и пушнины, инородцы крайне бѣдствовали; часть изъ нихъ вымерла, часть отдалась въ кабалу къ кулакамъ и міроѣдамъ. Сотни юртъ стоятъ пустыми. Бывали случаи, что голодные остяки и самоѣды набрасывались на трупы умершихъ и пожирали ихъ. Не менѣе бѣдствовали и вогулы, жители восточной части Пермской губерніи и западной части Тобольской. По словамъ очевидца, эти инородцы питались горячей золой, въ которой варился олений рогъ да гореть толченаго урака. Дѣти жевали край лосиной шкуры, лежавшей на полу. Подобнаго рода питаніе представляетъ не исключительное явленіе, а часто повторяющееся. Эксплоатація вогуль русскими промышленниками доводитъ ихъ до нищеты: при покупкѣ у вогуль рыбы и звѣриныхъ шкуръ имъ даютъ ничтожныя цѣны, а при продажѣ имъ продуктовъ берутъ съ нихъ за все болѣе, чѣмъ втрое, противъ существующихъ цѣнъ. Такъ мѣшокъ ячменя въ Пелымѣ въ минувшую зиму стоилъ 1 руб. 80 коп., съ вогуловъ же брали по 4—5 руб.; 1 фунтъ дрови въ Пелымѣ стоилъ 15 коп., вогуламъ же продавали по 84 коп. и т. д. У вогуль есть отличные кедровые участки,—промышленныя артели арендуютъ ихъ, платя инородцамъ по 12 руб. за три урожая года, сами же въ одинъ 1882 годъ выручили отъ промысла орѣховъ двѣ тысячи рублей.

Мы,—продолжаетъ Симонова—не винимъ темную массу, эксплуатирующую инородцевъ. Масса эта въ Сибири едва-ли просвѣщеннѣе какихъ-нибудь вогуловъ. Но образованному классу смотрѣть равнодушно на гибель инородцевъ непростительно. Ни одного факта или проявленія состраданія со стороны мѣстной интеллигенціи не было заявлено въ печати. Вѣдь и инородецъ такой же человѣкъ, какъ и русскій крестьянинъ, такой же сынъ общаго отечества, такой же подданный Россіи, платящій ясакъ на пользу государства и для удовлетворенія общихъ нуждъ. Неужели мы еще долго не перестанемъ равнодушно смотрѣть на вымираніе его отъ болѣзней и

голода инородческихъ племень? Пускай горсть сухихъ педантовъ видятъ въ процессѣ вымиранія удѣлъ низшей расы. Мы не можемъ признать этого процесса неизбѣжнымъ. Мы предпочитаемъ ему метисацію и обрусеніе. Многими учеными доказана возможность такого предположенія. По ихъ мнѣнію, нужно поднять условія экономическаго быта инородцевъ, чѣмъ и предотвратится конечное исчезновеніе ихъ. Это должно бы лежать всецѣло на обязанности мѣстной администраціи и интеллигенціи. Ей слѣдовало бы сдѣлать починъ въ этомъ дѣлѣ, т. е. постараться предупредить окончательное истощеніе тѣхъ средствъ къ существованію, которыя даетъ бѣднымъ инородческимъ племенамъ занимаемая ими территорія. Уже во всякомъ случаѣ на ея обязанности сохранить инородцевъ отъ различныхъ видовъ эксплуатаціи. Можетъ, возможно было бы поднять уровень экономическаго и умственнаго развитія путемъ ознакомленія съ лучшими орудіями промысловъ и новыми производствами, а главное—посредствомъ установленія справедливости при торговыхъ сношеніяхъ, хотя бы путемъ обязательной таксы, съ отвѣтственностію за нарушеніе. Послѣ нерѣдкихъ случаевъ голодной смерти и вынужденнаго людоедства, долгъ совѣсти требуетъ вспомнить о нашихъ инородцахъ, этихъ аборигенахъ Сибири ¹⁾).

Своими статьями о сибирскихъ инородцахъ Симонова обратила вниманіе Ник. Мих. Ядринцева. Ея переходъ въ его „Восточное Обозрѣніе“ совершился самъ собою.

III.

Кружокъ Н. М. Ядринцева.

Отъ 12 марта 1882 года Николай Михайловичъ Ядринцевъ пишетъ г-жѣ Симоновой:

„Милостивая Государыня, Людмила Христофоровна. Съ величайшимъ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе по части сотрудничества въ „Восточномъ Обозрѣніи“. Будучи знакомъ съ вашими статьями и обративъ на нихъ вниманіе, я самъ искалъ случая съ вами познакомиться и пригласить васъ оказать честь нашей

¹⁾ По вопросу объ обезпеченіи сибирскихъ инородцевъ, въ журналѣ «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство» за іюль 1897 года помѣщена статья П. И. Войнаральскаго, подъ заглавіемъ «Приполярное земледѣліе». Авторъ доказываетъ возможность обезпечить якутскихъ рыболововъ и звѣролововъ земледѣльческимъ трудомъ: возможностью произростанія земледѣльческихъ продуктовъ на крайнемъ сѣверѣ. Смори о Войнаральскомъ и его трудахъ въ Якутской области въ моей книгѣ: «Семидесятники». А. Фаресовъ.

газетѣ своимъ участіемъ. Ваше письмо и адресъ были весьма кстати.

Въ первую свободную минуту я постараюсь быть у васъ, но если бы обстоятельства и хлопоты отчасти задержали меня, то имѣйте въ виду, что въ воскресенье до 12 часовъ могу быть къ вашимъ услугамъ, а въ четвергъ вечеромъ всегда. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи. Н. Ядринцевъ“.

Ея разсказъ въ „Вост. Обзор.“: „На Уралѣ“ направленъ противъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, когда изъ-за бумажной формальности погорѣльцы сибирскихъ деревень и сель не могутъ получить во-время изъ казны ни лѣсу на построенія, ни хлѣба на обмѣненіе полей изъ запасныхъ магазиновъ.

Вскорѣ она становится въ „Сибирскомъ кружкѣ“ своимъ членомъ.

Она была приглашена на его собранія, происходившія у Ядринцева по четвергамъ. Въ этомъ кружкѣ преобладали интересы сибирской жизни и члены его раздѣлялись по мѣсту жительства. Были въ немъ „томичи“, „тоболяки“, „иркутяне“, „забайкальцы“ и др. землячества. Кружокъ Ядринцева былъ не многочисленъ, но въ числѣ членовъ были люди замѣчательные, какъ, на примѣръ, молодой ученый по антропологіи, Михайлъ Викторовичъ Малаховъ. Онъ доказалъ, что на Уралѣ существовалъ каменный вѣкъ, тогда какъ десятки ученыхъ, производившихъ до него изслѣдованія, не могли найти искомымъ доказательствъ и отказались отъ мысли о существованіи тамъ каменнаго вѣка. Михайлъ Викторовичъ страстно любилъ свое дѣло и погибъ жертвою научной любознательности. Въ холодную осень онъ продолжалъ свои изслѣдованія, простудился и получилъ скоротечную чахотку.

„Была я на годовыхъ обѣдахъ, — писала мнѣ Симонова,—гдѣ всегда была общая, откровенная, честная бесѣда между сибиряками; высказывались разнообразныя нужды края. Иногда тутъ же шла подписка, и все это дѣлалось изъ любви къ родинѣ. Антропологъ Малаховъ, этнографъ Потанинъ, беллетристикъ Наумовъ были видными лицами этого кружка. Масса учащейся молодежи-сибиряковъ посѣщали журъ-фиксы Ядринцева. Душой всего этого кружка, дававшей жизнь ему, конечно, былъ самъ Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Иллюстраціей къ журъ-фиксу можетъ служить глава изъ романа „На поискахъ за богатствомъ“, написаннаго мною подъ псевдонимомъ „Соборный“. Предполагалось писать его втроемъ: Н. И. Мердери, Митуричъ и я,—а когда дѣло подошло къ работѣ, то двое изъ нихъ отказались, и мнѣ пришлось одной сдержатъ обѣщаніе редакціи написать этотъ романъ въ теченіе 1884 года.

Иногда на какомъ - нибудь журъ-фиксѣ высказывались идеи, скорѣйшее осуществленіе которыхъ было для всѣхъ очень желательно, и Николай Михайловичъ совѣтовалъ намъ провести ихъ въ газетахъ. Многіе изъ присутствующихъ дѣлили между собою газеты, въ которыхъ и помѣщались ихъ замѣтки. Мнѣ большею частью доставались „Новое Время“, „Молва“ и „Церковно-Общественный Вѣстникъ“. Конечно, Николая Михайловича радовало, что въ одно и то же утро въ нѣсколькихъ газетахъ появлялись одновременно статьи на темы, интересовавшія сибиряковъ. Цѣлый рядъ вопросовъ, школа, средне-учебныя заведенія, университетъ, земство, удобные пути сообщенія, гуманное отношеніе къ инородцамъ и т. д., былъ поднятъ сибиряками и захватывалъ меня всецѣло“.

До какой степени Ядринцевъ считался съ мнѣніемъ г-жи Симоновой и дѣлился съ нею своими литературными радостями и огорченіями, можно усмотрѣть изъ его собственноручной замѣтки, присланной г-жѣ Симоновой тотчасъ по прочтеніи имъ одной изъ статей въ „Новостяхъ“ по переселенческому вопросу...

Озаглавивъ замѣтку: „Образецъ невѣжественнаго отношенія къ переселенческому вопросу“, онъ пишетъ:

„Всякій русскій человекъ не можетъ быть противникомъ колонизаціоннаго вопроса, а вопросъ о переселеніяхъ именно вопросъ колонизаціонный.

Посмотрите же, какъ на него смотрятъ нѣкоторые метафизики и какъ сдумѣли спутать его.

Дѣло просто. Снимаются переселенцы, значить худо жить, масса корреспондентовъ говоритъ о недостаткѣ земли.

Переселенцы идутъ на востокъ и достигаютъ все-таки желаемого. Дѣло, стало быть, въ помощи и облегченіи имъ достигнуть цѣли. Объ этомъ и идетъ дѣло. Но „Новости“ поняли колонизаціонный вопросъ по-своему.

1) Программа министерства государственныхъ имуществъ...

Такого вопроса не существовало.

2) Причины выселенія не малоземелье. Это вздоръ. Спасеніе не въ переселеніяхъ, а въ поднятїи культуры и улучшенїи хозяйства. Значить, надо только заставить мужика пользоваться $\frac{1}{2}$ или 1 десятиной земли?

Поводъ переселенія — мужичья фантазія; надо положить предѣлъ этой фантазіи и переселеніе задержать (по словамъ „Новостей“).

Но „Новости“ не рѣшаются до конца развить свою мысль. Онѣ находятъ необходимымъ только регламентировать переселенія, раз-

дѣлать переселенцевъ на категоріи: кого пускать, кого нѣтъ. Кто же это сдѣлаеть, кварталный или „Новости“?

Далѣе высказано, что отъ вспомошествованія и субсидій мужикъ балуется, а потому можно допустить одни совѣты.

Мужики даже сравнены съ получающими прогоны чиновниками.

И о ненужности помощи, о баловствѣ мужика говорится въ такую минуту, когда доносятся вѣсти о страданіяхъ переселенцевъ на пути, о несчастіяхъ пионера, идущаго заселять новыя земли.

Нѣтъ! Лучше бы „Новостямъ“ оставить судить объ этомъ вопросѣ народной жизни, въ которомъ онѣ, какъ видно, не ориентировались.

Задерживать переселеніи и искать другихъ средствъ—это взглядъ извѣстной партіи, весьма выгодной крупнымъ землевладѣльцамъ. Повысятся цѣны на земли, аренды, увеличится батрачество, удешевится трудъ, создастся крупное фермерство, а затѣмъ и культура, купленная дешевизной батрака. Можетъ быть, этой культуры желаютъ „Новости“. Но тогда надо это уже прямо сказать, только не прикрываясь либерализмомъ“.

Относясь горячо ко всѣмъ вопросамъ далекой окраины на востокѣ, Н. М. Ядринцевъ всегда страстно полемизировалъ съ противниками и устно какъ у себя по „четверговымъ“ вечерамъ, такъ и въ чужомъ домѣ, о чемъ свидѣтельствуется одно изъ его писемъ къ той же Симоновой.

„Многоуважаемая Людмила Христофоровна. Желая чѣмъ-нибудь испугать и загладить буйно-этнографическое настроеніе, проявившееся въ послѣдней моей бесѣдѣ, совершенно безсознательно, единственно изъ горячей любви къ наукѣ, я постарался для изглаженія сего впечатлѣнія, къ обоюдному нашему согласію и миру, приобрести: Петра Коппена съ Вогуличами и всякими прелестями, которымъ не прочь буду подѣлиться, дабы послѣ смерти ревниваго этнографа вы сохранили доброе воспоминаніе о преданномъ *redactor-furioso* Н. Ядринцевѣ. 2 мая. Лѣто 1883-е“.

Этотъ „*redactor-furioso*“ не могъ не остаться въ благодарной памяти Людмилы Христофоровны навсегда. Она часто говорила мнѣ о томъ, что послѣ перваго кружка по редакціи „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ либеральнаго Поповицкаго на ея литературное направленіе и упроченіе на писательскомъ поприщѣ оказалъ значительное вліяніе „Сибирскій Кружокъ“ Н. М. Ядринцева.

Сибирскій бытъ, съ его серьезной экономически-бытовой стороной и вмѣстѣ съ индивидуальными страстями его представителей,

воспроизведенъ въ романахъ и очеркахъ г-жи Симоновой если не съ такимъ блескомъ, какъ у Мамина-Сибиряка и Немировича-Данченко, то гораздо правдивѣ ихъ. Среди писательницъ она не имѣетъ въ этомъ жанрѣ соперницъ себѣ. Романъ „Ваской“ („Живоп. Обозр.“) можно считать этнографическимъ, какъ отмѣтило его географическое общество. Героємъ романа является политическій преступникъ, бѣжавшій отъ рукъ правосудія. Въ зимнее время онъ попадаетъ на Уралъ и тамъ отъ истощенія и голода падаетъ на дорогѣ. Крестьяне подобрали его, обогрѣли и вылѣчили. Идти далѣе пришельцу было некуда, и онъ остался въ деревнѣ, весь отдавшись обученію ребятишекъ. Крестьяне сдружились съ нимъ, полюбили его. Между тѣмъ, мѣстный священникъ сталъ завидовать его популярности и интриговать противъ него. Наконецъ, онъ сдѣлалъ на него доносъ. При появленіи властей молодой человекъ лишилъ себя жизни...

Наиболѣе этнографически-беллетристическимъ произведеніемъ надо считать очеркъ подъ заглавіемъ „Голодь“, напечатанный въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1884 г.

Сюжетъ взятъ изъ инородческой жизни вогуловъ и остяковъ въ ту пору ихъ жизни, когда звѣрь убѣжалъ въ новыя мѣста, какъ только въ лѣсу раздавался звукъ топора и шумъ русскихъ селеній, подвигавшихся все болѣе и болѣе къ сѣверу; когда и птица улетѣла, и инородцамъ нечего было стрѣлять, и нечѣмъ было питаться. О томъ, что гдѣ-то существуютъ запасные хлѣбные магазины, они не имѣли понятія и сами запастъ что-нибудь не могли, находясь въ эксплуатаціи русскихъ. Они продавались имъ въ крѣпостные работники или умирали съ голоду.

Въ одну изъ своихъ раннихъ поѣздокъ съ мужемъ Людмила Христофоровна была разбужена ночью какимъ-то шумомъ и возней въ деревнѣ. Оказалось, что крестьяне поймали двухъ бѣглыхъ. Изъ сообщенія крестьянъ она узнала объ ихъ преступленіи, за которое они были пойманы, о дорогахъ, какими они шли, и какими средствами они находили себѣ пропитаніе. Это дало ей сюжетъ для очерка „Бѣглые“ („Живоп. Обозр.“). Онъ обратилъ на себя вниманіе сибирскихъ газетъ и „Восточнаго Обозрѣнія“.

Достаточно было бы и этой части ея работъ, перечисленныхъ здѣсь, чтобы она пользовалась значеніемъ въ литературѣ. Немногіе критики, читавшіе ее, охотно признавали, что ея этнографически-беллетристическіе очерки изъ быта вогуличей наглядно иллюстрируютъ уроки по отечественной географіи и исторіи: что авторъ не придумываетъ характеры лицъ и картины природы, но самъ долго жилъ среди этой природы и людей, понималъ и любилъ ихъ; что

•

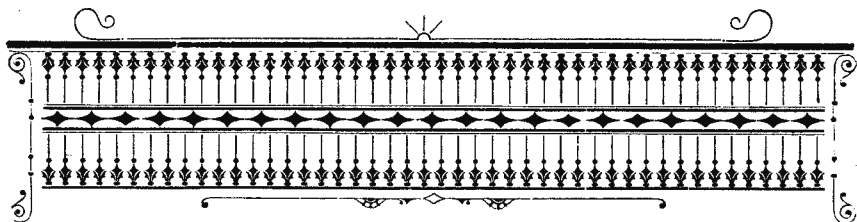
этотъ родъ литературы, особенно полезный для юнoшества, исполненъ точныхъ свѣдѣній, безъ моральныхъ сентенцій, безъ заднихъ мыслей наказать порокъ и вознаградить добродѣтель, безъ предвзятыхъ ужасовъ, вліяющихъ на воображеніе дѣтей и т. д.

„Лаача“ — значитъ по-русски утка. Вогуличи, какъ и многія первобытныя племена, даютъ новорожденнымъ имена тѣхъ предметовъ, которые первыми попадутся имъ на глаза при рожденіи ребенка. Изображая „Лаача“ охотникомъ, убивающимъ дробинкою бѣлку въ глазъ и плѣняющимъ своимъ молодечествомъ вогульскую красавицу, Симонова въ то же время знакомитъ съ ихъ жилищами, убранствомъ, занятіями, способами охоты, свадебными и похоронными обычаями, съ торговыми отношеніями и т. д. Въ разсказѣ „Эзе“ (что значитъ деньги) выведены полудикія черты изъ жизни остяковъ, преимущественно изъ жизни остячкой дѣвочки и т. т. Разсказы эти читаются въ школахъ съ волшебнымъ фонаремъ и переведены на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: „La Russie inconnue“.

А. И. Фаресовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ардаганскій отрядъ ¹⁾

Воспоминанія о войнѣ 1877—1878 годовъ.

(Окончаніе).

Неудачный штурмъ Эрзрума, произведенный генераль-лейтенантомъ Гейманомъ 28-го октября, огорчилъ всѣхъ до крайности. Войска, бывшія подъ его начальствомъ, должны были отойти за Деве-Бойну и переносить холодъ и всевозможныя лишенія по разореннымъ турецкимъ деревнямъ. Причины неудачи подъ Эрзрумомъ кроются не столько въ обстановкѣ и сопротивленіи турокъ, сколько въ диспозиціи данной на этотъ день, и составленной ранѣ рекогносцировки. Цѣли для колонныхъ начальниковъ были поставлены неточныя. Обходныя колонны блуждали всю ночь и въ бой не успѣли. Дружный ударъ центра на укр. Азизіе, не поддержанный резервами, коихъ было недостаточно, обратился намъ во вредъ. Азизіе мы взяли, но, отстаивая малыми силами, должны были отступить, понеся громадныя потери.

По зимнему времени турки ограничились этимъ успѣхомъ и вновь борьбу за Деве-Бойну не переносили. Въ дѣйствительности они были въ свою очередь разстроены до крайности.

Въ концѣ ноября обнаружилось, что обезпеченіе войскъ нашихъ провіантомъ обѣщаетъ быть затруднительнымъ и на самомъ дѣлѣ оно стало таковымъ уже въ началѣ декабря. За фургоны, возившіе

---

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1907 г.

провіантъ въ Карсъ и въ отрядъ генерала Геймана, платили отъ 120—140 руб. сер. въ мѣсяцъ. Провіантъ доходилъ еще въ Карсъ полностью, но по Эрзрумской дорогѣ этимъ провіантомъ кормились не только возчики, но и лошади; такимъ образомъ, погрузивъ на фургонъ 15 четвертей въ Александрополь, возчикъ утрачивалъ въ дорогѣ почти половину. Дѣлали фургоны по два оборота въ мѣсяцъ. Лошади были изнурены. Фуража по дорогѣ имъ не было вовсе или за него брали баснословныя деньги. Въ войскахъ подъ Эрзрумомъ тоже обнаружился во всѣхъ видахъ тифъ.

22-го ноября меня потребовалъ къ себѣ главнокомандующій и, очертивъ кратко неблагоприятную обстановку Кобулетскаго отряда, предложилъ мнѣ ѣхать въ Ардаганъ, составить отрядъ и черезъ перевалъ Яланусъ-Чамъ идти въ г. Артвинъ, лежащій въ тылу, т. е. къ юго-востоку отъ Батума, и этимъ способомъ отвлечь часть турецкой арміи, дѣйствовавшей по берегу Чернаго моря, отъ Батума до Чуруксу.

Въ составъ моего отряда вошли полки: Владикавказскій, Пятигорскій, 1-й стрѣлковый батальонъ, три сотни казаковъ (полка полковника Унгернъ-Штенберга), 4 сотни конно-иррегулярнаго полка и батарея горныхъ орудій (полковникъ Горбатовъ). Главною задачею было обезпечить отрядъ продовольствіемъ, коего въ Ардаганѣ былъ избытокъ. Надо бы было сократить тѣ 94 версты, которыя отдѣляли Ардаганъ отъ Ардануча черезъ единственный перевалъ Яланусъ-Чамъ, высотой свыше 7 т. футовъ, который и лѣтомъ-то былъ трудно проходимъ, а зимою представлялъ истинное бѣдствіе. Чтобы достигнуть этого, съ 24-го ноября по 6-го декабря я устроилъ подъ самымъ переваломъ складъ сухарей и нѣкоторыхъ продуктовъ въ дер. Райванъ, употребивъ на это какъ червадарскій транспортъ, по найму, такъ и полковыхъ вьючныхъ лошадей. Погода благоприятствовала: были морозы, но снѣга еще не было.

6-го декабря я двинулся въ путь и 10-го уже былъ въ Арданучѣ, гдѣ и началъ устраивать свои магазины, дабы обезпечить себя продовольствіемъ для дальнѣйшаго наступленія.

Появленіе мое въ Лазистанѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, формально ошеломило турокъ. Дервишъ-паша съ невыразимою быстротою приступилъ тамъ къ сформированію отрядовъ частью изъ 6 батальоновъ низама, присланнаго изъ Батума, частью изъ мѣстныхъ жителей, вызванныхъ со всего теченія Чороха, начиная отъ Байбурта. Г. Арданучъ я занялъ безъ боя. Непріятель не успѣлъ организовать тутъ никакого сопротивленія, но уже въ 2-хъ верстахъ отъ этого

города по обоимъ берегамъ рѣки Арданучъ-Чая стояли сильныя турецкіе аванпосты. Ранѣе устройства базы и накопленія запасовъ сухарей двигаться далѣе, во внутрь страны, не было никакой возможности. Достать муку покупкою тоже было нельзя. Страна эта достаточно хлѣба не производитъ. На высотахъ родятся хороши только лишь одинъ ячмень и травы. Фуража было въ изобиліи. Вьючный транспортъ между Ардаганомъ и Арданучемъ ходилъ исправно. Къ 28 декабря я былъ настолько уже обезпеченъ, что вновь началъ наступленіе внизъ по Арданучъ-Чаю къ Долисъ-Хана. Едва авангардъ мой тронулся съ мѣста, какъ появилась турецкая депутація съ просьбою остановить движеніе, вслѣдствіе того, что заключено перемиріе, о чемъ имъ дано знать телеграммой изъ Батума. Волей неволей я остановилъ войска и, черезъ нарочнаго, послалъ телеграмму въ Тифлисъ, въ штабъ кавказской арміи запросъ: точно ли это правда? Отвѣтъ, что никакого перемирія не заключено, и что отъ меня ждутъ самыхъ энергическихъ дѣйствій, пришелъ лишь 31-го декабря. Медленность отвѣта зависѣла отъ того, что нашего телеграфа въ Арданучѣ тогда еще не было, а ближайшая станція Ардаганская отстояла отъ моего штаба на 90 верстъ.

2-го января я перешелъ въ рѣшительное наступленіе. Непріятель занималъ позиціи на обоихъ берегахъ рѣки, такъ какъ не могъ опредѣлить, куда направляется нашъ ударъ: на Долисъ-Хану, или же на Орджохи, съ цѣлью переправы черезъ р. Чорохъ, по имѣвшемуся здѣсь мосту. Мнѣ, во что бы ни стало, надо бы было овладѣть каменнымъ мостомъ около деревни Долисъ-Хана, отрѣзать отъ вліянія турецкой администраціи Шавшетію и пользоваться изъ этой зажиточной страны продовольствіемъ, во всѣхъ видахъ. Была другая дорога въ Шавшетію, черезъ горный хребетъ Годохвепія (Иветы), но столь невозможная и опасная въ зимніе мѣсяцы, что сами жители отказывались ею пользоваться. Съ главою Шавшетіи Нури-Бекомъ, происходящимъ отъ древняго грузинскаго дворянскаго рода, я вошелъ въ соглашеніе относительно поставки провіанта и продуктовъ, но онъ выговорилъ непремѣнное условіе занять Долисъ-Хану, опасаясь иначе за свою голову. Выбирать мнѣ было не изъ чего, я рѣшилъ цѣлью дѣйствій брать Долисъ-Хану.

Большая часть моихъ войскъ направилась по правому берегу Арданучъ-Чая, между рѣкою и горою Бацъ, изображавшею изъ себя сахарную голову, а меньшая дѣлала диверсію къ Чороху и прикрывала какъ городъ Арданучъ, такъ и собранные здѣсь запасы.

На обоихъ берегахъ я встрѣтилъ столь сильное сопротивленіе, что не только не подвинулся впередъ ни шага, но и понесъ зна-

чительныя потери убитыми и ранеными. Обледенѣлыя покатоcти горъ дѣлали маневрирование почти невозможнымъ: войска скучивались къ дорогѣ и представляли изъ себя самую наилучшую мишень. Пришлось работать ночью. 1-й кавказскій стрѣлковый батальонъ, съ своимъ славнымъ командиромъ капитаномъ барономъ Зальца, преодолевая крутизну, напрямикъ полѣзъ на гору Бацъ. Пятигорскій полкъ съ горною артиллеріею пошелъ обходить эту же самую гору съ запада. Въ ночной темнотѣ я потерялъ путь этой послѣдней колонны и около полуночи попалъ съ своимъ незначительнымъ конвоемъ на турецкіе аванпосты, но успѣлъ благополучно отѣхать, не сдѣлавъ даже тревоги; колонна наша оказалась въ полуверстѣ ниже по покатоcти горы.

3-го января съ утра закипѣлъ бой. Непрiятель началъ отходить за р. Иммерхеви, не имѣя нигдѣ возможности удержаться. Потерь въ моей колоннѣ было мало. Вечеромъ турецкая батарея, ставшая сзади Долисханскаго каменнаго моста, открыла по нашимъ войскамъ стрѣлбу, но безвредную.

Съ 4—8-го января я сдѣлалъ рядъ рекогносцировокъ, на странствѣ отъ Орджокъ до Тепри-Хеви, и долженъ былъ удостовѣриться, что перейти Чорохъ въ первомъ изъ этихъ пунктовъ и дѣйствовать на Артвинъ значило бы рисковать всею своей обстановкою, разбросать свои силы, поставить въ опасное положеніе свой тылъ и позабыть, что главная моя задача была отвлечь часть войскъ Дервишъ-паши отъ Батума. Вслѣдствіе этихъ данныхъ я рѣшилъ штурмовать мостъ у Долисъ-Хана и отбросить турокъ за хребетъ Карчхаль.

Всѣ послѣдніе дни погода стояла то снѣжная, то дождливая. Рѣка Иммерхеви вздулась на 4 ф. вверхъ и мѣстами клокотала, имѣя всѣ свойства каскада, ни выше моста, ни ниже нечего было и думать искать бродовъ. Провiантъ мой приходилъ къ концу, количество больныхъ увеличивалось. Утромъ 8-го числа я собралъ совѣтъ изъ полковыхъ командировъ полковниковъ: князя Чавчавадзе (Севастопольскаго полка) и Козелкова (Владикавказскаго полка), подполковника Иоселіани (конно-иррегулярнаго), капитана барона Зальца (1-го стрѣлковаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича батальона) и начальника штаба отряда генеральнаго штаба подполковника Левашова. На совѣтѣ этомъ вопросъ поставленъ прямо: штурмовать ли урочище Долисъ-Хана по единственному, ведущему туда каменному мосту, или же, въ виду полнаго истощенія провианта и невозможности его добыть, отойти къ Арданучу, а затѣмъ отступать и обратно къ Ардагану.

Всѣ члены совѣта, кромѣ полковника Козелкова, рѣшили, что надо пробовать штурмовать непріятельскую позицію и что отойти мы всегда успѣемъ. По выходѣ изъ моей ставки полковникъ Козелковъ былъ такъ неостороженъ, что громко порицалъ принятое рѣшеніе.

Я слышалъ также заключеніе полковника Козелкова, а потому вышелъ изъ своей ставки и, повторивъ начальнику штаба, подполковнику Левашову, нѣкоторыя подробности къ диспозиціи, обратился къ полковнику Козелкову съ слѣдующими словами: „Вамъ ядѣлаю честь идти въ авангардѣ вслѣдъ за охотниками, но предупреждаю васъ, что мы встрѣтимся не иначе, какъ за мостомъ. Я все вами сказанное слышалъ и увѣренъ, что вы будете сегодня работать лучше, чѣмъ когда-либо“. Отвѣта не было, инцидентъ былъ исчерпанъ. Прибавляю, полковникъ Козелковъ пользовался репутаціею человѣка несомнѣнной храбрости, но у него былъ развитъ духъ противорѣчія, при отсутствіи научныхъ свѣдѣній. Онъ всегда и безосновательно не любилъ офицеровъ генеральнаго штаба. Вся суть предстоящаго дѣла сводилась къ тому, чтобы съ одного удара перебѣжать Долисанскій мостъ и схватить въ свои руки наскоро построенныя здѣсь турками траншеи, вооруженныя 3-мя орудіями. Требовалась подготовка и лихой предводитель.

Первая выразилась въ томъ, что къ 9 часамъ вечера 200 охотниковъ собрались за утесомъ, близко подходящимъ къ мосту, а предводителемъ къ намъ назначенъ прапорщикъ Дегтяниковъ, внушавшій къ себѣ полное довѣріе по своей предыдущей службѣ.

Отдавая лично приказаніе названному выше офицеру, я любовался его физическою силою и смѣтливостью. Его единственная просьба была дозволить взять, вмѣсто шашки, палицу, въ которой ночью онъ видѣлъ оружіе болѣе сильное, нежели шашка.

Въ 10 часовъ вечера, безъ всякихъ сигналовъ, команда охотниковъ дружно ринулись на мостъ. Турецкій аванпостъ былъ снятъ, едва подавъ нѣсколькими выстрѣлами тревогу. Турецкая траншея не успѣла развить своего огня, какъ всѣ защитники были перебиты, а батарея дала всего лишь нѣсколько выстрѣловъ. За охотниками шель Владикавказскій полкъ и отбросилъ непріятельскій резервъ прямо передъ собою. Севастопольскій полкъ, подъ командою замѣчательнаго храбреца князя Арчила Чавчавадзе, разыскавъ тропинку, ведущую въ аулъ Долисъ-Хана, полѣзъ прямо въ гору. Ночь была холодная. Временами налеталъ сильный ураганъ. Въ 2 часа ночи все затихло. Я находился на мосту, обогрѣваясь въ сосѣдней турецкой саклѣ. Извѣстій ни откуда не получалось. Меня

утѣшала наступившая тишина, изображая изъ опыта предвѣстницу успѣха.

Свѣтало. Со своимъ маленькимъ конвоемъ я двинулся въ путь, желая найти свой авангардъ. По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ и встрѣчалъ то раненаго, пріютившагося подъ скалою, то упавшую съ крутизны, разбившуюся лошадь, я дивился той энергіи и той беззавѣтной удали, съ которою работали въ эту ночь войска.

Въ 8 часовъ утра я выѣхалъ въ аулъ Долисъ-Хана, обогнавъ Севастопольскій пѣхотный полкъ. Князь Чавчавадзе, потерявшій голосъ отъ холода и сильнаго напряженія, рапортовалъ мнѣ такъ: „Ваше Превосходительство! случилось великое несчастіе: по оплошности патруля, шедшаго впереди, два турецкихъ орудія успѣли уйти вмѣстѣ съ бѣжавшимъ непріятелемъ“. Успокойтесь, князь, сказалъ я, съ насъ довольно и той батареи, которую мы взяли; позвольте мнѣ васъ обнять, и идемте вмѣстѣ благодарить вашихъ героевъ.

Въ аулѣ Долисъ-Хана, съ населеніемъ до 3-хъ тысячъ жителей, намъ достался турецкій продовольственный магазинъ съ запасомъ въ 2 тысячи пудовъ англійскихъ галетъ и столько же пудовъ ячменя. Восторгъ мой былъ полный: этимъ запасомъ я обезпечивалъ отрядъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли. Правдивое донесеніе о взятіи Долисъ-Хана я отправилъ въ Тифлисъ къ главнокомандующему, съ героемъ ночи—прапорщикомъ Дегтянниковымъ и былъ очень счастливъ, когда узналъ, что Его Императорское Высочество властію своею наградилъ его чиномъ поручика и Владиміромъ 4 степени съ мечами, а къ Георгіевскому кресту приказалъ представить особо. Для молодого офицера цѣлая карьера въ одну ночь. Орденъ Св. Георгія 4 степени полковнику князю Чавчавадзе достался послѣ весьма долгой переписки и особыхъ моихъ ходатайствъ. Это былъ тотъ самый Чавчавадзе, который, въ званіи юнкера милиціи, былъ начальникомъ караула въ башнѣ Пахалистави и сдавшійся съ своимъ ничтожнымъ гарнизономъ, въ 1854 г. полчищамъ Шамиля, дѣлавшимъ набѣгъ на Кахетію, окончившійся плѣномъ княгини Чавчавадзе со всѣмъ ея семействомъ.

Наряженный тогда судъ не принялъ отъ князя Чавчавадзе заявленій, что онъ произвелъ сдачу не по личной волѣ, а по принужденію своего гарнизона, и былъ обвиненъ. Неблагопріятный этотъ эпизодъ въ жизни Чавчавадзе тяготѣлъ надъ нимъ во всю его службу, хотя и было у общества сознаніе, что его вины тутъ не было. Можно представить себѣ, какъ велико было счастье князя Чавчавадзе, когда георгіевская дума сама ходатайствовала какъ объ уничтоженіи штрафа, такъ и о награженіи его орденомъ Св.

Георгія. Результатъ ходатайства получился благоприятный. Въ Долисъ-Хана я долженъ былъ дать своимъ войскамъ продолжительный отдыхъ. Блужданіе по горамъ въ январѣ мѣсяцѣ, переправы черезъ Арданучъ-Чай и Иммерхеви въ бродъ по студеной водѣ, ночлеги то подъ дождемъ, то подъ снѣгомъ сдѣлали свое дѣло: были молодцы, но не было почти здоровыхъ людей. Въ Долисъ-Хана мы нашли все: квартиры, продовольствіе, бани. Черезъ нѣсколько дней начался подвозъ и хлѣба и живности изъ Шавистіи.

Бѣжавшія турецкія войска получили подкрѣпленіе изъ Батума, собрались вновь и расположились лагеремъ на позиціи у Тольгома на перекресткѣ дорогъ, ведущихъ и въ Батумъ и въ Артвинъ. Позиція ихъ, грозная сама по себѣ, начала укрѣпляться еще и фортификаціонными сооружеціями. Обѣ воюющія стороны были раздѣлены недоступною въ это время года горою Карчхивъ, возвышающеюся на 10.000 ф. Вокругъ горы шла широкая дорога, извиваясь змѣею по горнымъ отрогамъ. Ширина дороги почти вездѣ доходила до 4—5 сажень. Обходовъ не было нигдѣ. Надобно было рѣшиться или идти этимъ путемъ или считать кампанію оконченною. Я рѣшился на первое и нашелъ во всѣхъ своихъ подчиненныхъ полное сочувствіе этому рѣшенію.

14 февраля авангардъ мой дошелъ до впаденія рѣки Иммерхеви въ рѣку Чарохъ и расположился на утесахъ, дивно здѣсь нагроможденныхъ природой. Оказалось возможнымъ сдѣлать точную рекогносцировку позиціи турецкихъ войскъ, расположившихся за врагомъ Малый Тольгомъ, при чемъ лѣвый флангъ ихъ позиціи доходилъ до снѣговой линіи г. Карчхивъ, а правый упирался въ обрывъ, ведущій по едва проходимой дорожкѣ въ г. Артвинъ, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки Чороха. Рекогносцировка показала, что путь отступленія намѣченъ турками на Батумъ, и что только оттуда и могутъ прибыть подкрѣпленія. Главнымъ своимъ врагомъ я считалъ уже не турецкое войско, а ту мѣстность, которая меня окружала. Нигдѣ нельзя было развернуться, а приходилось формально штурмовать каждую точку, закрѣплять ее за собою и продвигаться чуть-чуть, что не шагомъ. Разстояніе въ 10 верстъ мы прошли въ 6 дней, употребляя постоянно одинъ и тотъ же маневръ: завоевывали 600 сажень пространства и возводили брустверъ на 4 горныхъ орудія, такъ какъ весь мой перевѣсъ надъ турками и состоялъ въ одной горной батарее, последовательно мною выдвигаемой по полубатарейно.

17 февраля отрядъ мой сталъ твердою ногою надъ д. Тольгомъ, оказалось возможнымъ сосредоточить здѣсь главныя мои силы и дать имъ возможность подготовиться къ атакѣ турецкой весьма

сильной позиціи. Свѣдѣнія, получаемыя мною о непріятелѣ, рисовали бѣдственное его положеніе, особенно по части продовольствія; видимо энергія турокъ ослабѣвала.

22 февраля, съ ранняго утра закипѣлъ бой по всей линіи. По полудни непріятель началъ свое отступленіе, но вдругъ съ его стороны прекратились выстрѣлы. Недоумѣніе выяснилось скоро. Изъ рядовъ турецкихъ войскъ выѣхало около 12 всадниковъ съ бѣлымъ значкомъ, тихо подвигаясь въ нашу сторону. У насъ эту группу кавалеристовъ приняли за парламентаревъ, но затѣмъ выяснилось, что это депутація, получившая изъ Батума приказъ остановить всѣ военныя дѣйствія, такъ какъ 19 февраля въ С.-Стефанѣ заключенъ миръ. Не повѣривъ этому извѣстію на сей разъ я не могъ, но такъ какъ отъ своего начальства я не имѣлъ еще никакихъ указаній, то и объявилъ депутаціи, что остановить дѣйствія я не признаю возможнымъ.

— Требуейте, что вамъ угодно, былъ отвѣтъ турокъ, привозимое нами извѣстіе вполнѣ точно; больше мы оружія употреблять не будемъ.

Я потребовалъ: 1, чтобы турецкія войска сейчасъ же должны отойти на 25 верстѣ къ Батуму; 2, наши войска располагаются на позиціи у Тольгома и, 3-е, путь въ Артвинъ для обѣихъ сторонъ признается свободнымъ.

Къ вечеру слѣдующаго дня всѣ мои войска стянулись въ Тольгому и занялись устройствомъ лагеря. Больныхъ, а особенно усталыхъ было весьма много. Тотъ только, кто самолично знакомъ съ Лазистаномъ, можетъ оцѣнить всю тяжесть той обстановки, въ которой оказались войска и ихъ хозяйство.—Интендантство вполнѣ отсутствовало, для него Ардаганскій отрядъ какъ будто бы и не существовалъ. Сухари и мука привозились изъ Ардаганскаго продовольственнаго магазина на вьюкахъ, съ платою по 5 коп. за версту пудъ, или за пространство около 80 верстѣ и 7 пудовъ на вьюкѣ 28 руб. за весь путь. Цѣна по истинѣ баснословная, но ее приходилось платить, такъ какъ было вполнѣ констатировано, что при безкормицѣ ни одна вьючная лошадь болѣе 2-хъ рейсовъ сдѣлать не могла и приходила или въ полное изнеможеніе, или же падала. Бывали дни, когда провіантъ запаздывалъ, а потому приходилось отдавать приказы: растянуть провіантъ на извѣстное время.

Въ половинѣ марта въ отрядѣ обнаружился полный недостатокъ сухарей, муки тоже не хватало. Я былъ вынужденъ войти въ сношеніе съ интендантомъ округа и получилъ отвѣтъ: сухари отправлены изъ Александрополя. Впослѣдствіи обнаружилось, что они

дѣйствительно были отправлены, но по ошибкѣ доставлены не на Яланусь-Чамскій перевель, а на Панджеретскій, т. е. за 100 верстѣ въ сторону, гдѣ были свалены и сгнили. Не могу объяснить, почему произошла эта грустная ошибка, но она поставила Ардаганскій отрядъ въ тяжелое положеніе.

Въ заботахъ о продовольствіи войскъ я просто изнывалъ и часто прибѣгалъ вполнѣ къ произвольнымъ дѣйствіямъ, принимая на себя всю отвѣтственность: мнѣ нельзя же было обнаружить свою слабость и отойти въ этихъ видахъ на сближеніе съ своими магазинами, безъ прямого на то указанія своего высшаго начальства.

Въ такомъ тяжеломъ положеніи я простоялъ до половины апрѣля на позиціи у Тольгома, въ 5-ти верстахъ отъ города Артвина, въ коемъ все-таки былъ во всемъ относительный достатокъ. Занять Артвинъ являлось самою насущною потребностью. Я донесъ объ этомъ телеграммою помощнику главнокомандующаго генераль-адъютанту князю Мирскому. Отвѣтъ получился слѣдующій: на конференціи въ Берлинѣ постановлено, что мы имѣемъ право занимать тѣ мѣстности и позиціи, которыя турки будутъ намъ постепенно очищать. Отвѣтъ этотъ не разъяснилъ ничего; я рѣшился дѣйствовать по личному усмотрѣнію и во что бы то ни стало занять Артвинъ, несмотря на присутствіе тамъ турецкихъ войскъ.

Съ турецкими властями наружно я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и не рѣдко въ лагерь ко мнѣ пріѣзжалъ турецкій генераль Мустафа-Паша и турецкіе офицеры, но на самомъ же дѣлѣ было сдѣлано распоряженіе никакихъ продуктовъ въ нашъ лагерь не привозить и ничего русскимъ не продавать. Платили мы за все баснословныя цѣны. Кромѣ того, черезъ лазутчиковъ я получилъ свѣдѣнія, что христіанское народонаселеніе въ г. Артвинѣ подвергалось всѣмъ возможнымъ притѣсненіямъ и преслѣдованіямъ. Наступалъ день 17-го апрѣля—день рожденія Государя Императора Александра II.

Турецкія власти, во главѣ съ Мустафой-Пашею, пріѣхали ко мнѣ въ лагерь 16-го по полудни. Началось самое широкое угощеніе, продолжавшееся всю ночь.

Утромъ 17-го, въ 8 часовъ утра, войска выстроились. Отслужили молебень при громогласномъ ура. Я прочиталъ депешу, полученную отъ князя Мирскаго, обратился къ Мустафѣ-Пашѣ и сказалъ ему: „Сейчасъ я вступаю въ Артвинъ, такъ какъ вы мнѣ его обязаны очистить“. „Съ большимъ удовольствіемъ“, отвѣчалъ турецкій генераль. Я нарядилъ для этого 6 батальоновъ и горную батарею. Къ 11 часамъ дня мы были уже у моста черезъ Чорохъ и начали переходить съ праваго берега на лѣвый. Вдругъ предъявилось

препятствіе: командиръ турецкаго табора, расположеннаго карауломъ впереди моста, объявилъ, что онъ войска наши съ одного берега на другой болѣе не пропуститъ и начнетъ стрѣлять. Съ большими усиліями мнѣ пришлось его остановить и успокоить. Къ этому времени перешло уже около 4-хъ батальоновъ и горная батарея. Остальные забивакировали на лѣвомъ берегу и назначены охранять мостъ.

Въ самый городъ я не вступилъ, но нашлись площади въ его предмѣстьѣ, и тутъ я расположилъ всѣ четыре батальона въ хорошей позиціи.

Турецкій телеграфъ началъ работу съ Батумомъ, чтобы получить приказанія отъ Мушира-Дервишъ-Паши. Отвѣтъ турецкаго главнокомандующаго получился слѣдующій: требовать, чтобы рускія войска отошли обратно на лѣвый берегъ на свои позиціи. Подчиниться этому требованію я не могъ и не хотѣлъ. Отвѣтъ мой былъ коротокъ: обо всемъ донесу своему начальству и поступлю соотвѣтственно съ его приказаніями.

Сухарей у меня было на 2 дня. Мостъ для движенія вьюковъ турки закрыли. Положеніе моихъ перешедшихъ войскъ было критическое; я всѣми способами долженъ былъ избѣгать дать первый выстрѣлъ. Во что бы ни стало мнѣ надобно было обезпечить отрядъ продовольствіемъ. Здѣсь предъявилось могущество золота. Я заплатилъ пекарю турку по 20 коп. за око (около 3 фунтовъ) хлѣба и началъ получать его въ изобиліи.—Отвѣта на мое донесеніе изъ Тифлиса не было. На шестой день, послѣ пребыванія нашихъ войскъ на позиціи, турецкія войска оставили городъ. По мѣрѣ того, что турки уходили, я измѣнялъ свои позиціи и занялъ какъ самый городъ, такъ и высоты, его окружающія. Жители насъ встрѣтили съ необычною радостью.

Съ занятіемъ Артвина мы отрѣзали весь верхній Чорохъ отъ всякаго вліянія изъ Батума и хотя не въ большомъ, но все-таки въ достаточномъ количествѣ стали получать оттуда и скоть и другіе продукты. Цѣны на припасы установились довольно сносныя.

Я занималъ оба берега р. Чороха Артвинъ и Тольгомъ; въ военномъ смыслѣ крѣпость обѣихъ позицій незыблемая, и быть съ нихъ сброшеннымъ я не опасался.

Время отъ времени получались извѣстія, что Лазы, независимо отъ турецкаго правительства или же по тайному его наущенію, намѣрены атаковать наши войска, но я особеннаго вѣроятія этому не придавалъ, вполне увѣренный, что это было не по ихъ силамъ, но тѣмъ не менѣе переживалъ тяжкія минуты, вполне сознавая, что виновникомъ за всѣ послѣдствія я буду одинъ. Ардаганскаго уѣзднаго

начальника Меписова я перевелъ въ Артвинъ и назначилъ его главою учрежденнаго здѣсь уѣзда. Энергія, здравый умъ и необычная его умѣлость обращаться съ народомъ вскорѣ водворили вполнѣ удовлетворительный порядокъ. Довольно и того — оказалась возможность существовать.

На этомъ я прекращаю мои воспоминанія о войнѣ 1877—78 годовъ. Задача исполнена была войсками и ихъ руководителями блистательно, въ особенности въ виду малой нашей подготовленности къ занятію обширныхъ пространствъ турецкой территоріи. Можно ли было исполнить лучше?..

На послѣдній вопросъ, впрочемъ, вопросъ совершенно праздный, можно было бы и не отвѣчать, но мы отвѣтимъ тѣмъ, что на всю борьбу 1877—1878 года бросимъ бѣглый очеркъ. Распределеніе нашихъ войскъ было крайне разбросанное, вопреки чистой стратегіи, въ силу горькой необходимости защищать громадную границу отъ Арарата до Новороссійска.

Война начинается народнаго волненія и измѣны племени, прилегающаго къ Сухуму. Малочисленный Сухумскій отрядъ держаться не можетъ и отступаетъ во внутрь страны, съ большою утратою казеннаго имущества; Сухумъ разграбленъ и частью сожженъ. Сейчасъ же нужно было принять самыя энергическія мѣры, не дать этой неудачѣ принять большіе размѣры и достигнуть благопріятнаго результата. Кобулетскій отрядъ не достигаетъ своей цѣли—взять съ налета Батумъ и обращается самъ въ заслонъ, не позволяющій туркамъ вторгнуться въ наши предѣлы, и всю кампанію удерживаетъ здѣсь до 25 т. турецкихъ войскъ. Даетъ бой, несетъ потери, но стоитъ твердо.

Паденіе Ардагана, ясно очертившаго превосходныя качества нашихъ войскъ, не отуманиваетъ насъ ни на мунуту, и черезъ двое сутокъ главныя силы направляются къ Карсу, оставивъ здѣсь лишь слабый заслонъ, на который возлагается обширная задача охранить нашу границу отъ Карса до Абесъ-Тумана.

Карсъ берется въ блокаду и осаду. Удача нѣтъ отъ 2-хъ причинъ: крѣпость имѣетъ сильный гарнизонъ и хорошо снабжена всѣми ресурсами для продолжительной обороны. Соответственно съ силою верковъ и дальнобойностью артилл. орудій, наша осадная артиллерія стараго образца оказывается не на высотѣ своего призванія. Турецкая администрація не дремлетъ, а проявляетъ дѣятельность поразительную: количество ихъ войскъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; уже въ началѣ іюля турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша самъ переходитъ въ наступленіе и ставитъ въ затруднительное положеніе Эриванскій отрядъ генерала Тергукасова. Пре-

восходная комбинація разбить турокъ гдѣ-либо около Гассанъ-Кала намъ не удастся вслѣдствіе неудачнаго боя, даннаго нами подъ Зивиномъ, гдѣ мы разбились объ превосходно укрѣпленный фронтъ турецкой позиціи и вынуждены были отступить. Но головы мы не теряли, и энергія наша не падала ни на одну минуту. Едва мы получили подкрѣпленіе, какъ вновь взяли инициативу въ свои руки. Послѣдовательно мы дали рядъ боевъ, которые заканчивались славнымъ днемъ Авліара. Здѣсь на насъ надвигается непобѣдимый врагъ— зима. Мы холодаемъ, терпимъ иногда нужду и въ провіантѣ, и въ дровахъ, но съ безпримѣрной удачею штурмуемъ Карсъ и бьемъ турокъ у Деве-Бойну. Подъ Эрзрумомъ терпимъ новую неудачу, но энергія наша все растетъ и растетъ.

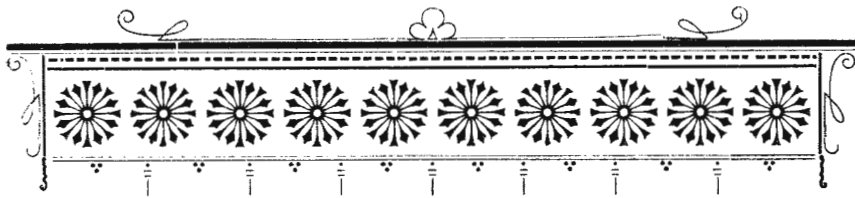
Заканчиваемъ войну переходомъ нашихъ войскъ по обледенѣлымъ тропинкамъ, по переваламъ выше Альпійскихъ, черезъ весь Лазистанъ и ставимъ Батумъ въ невозможность защищаться.

Военное искусство вещь трудная, и объ немъ спорить можно сколько угодно, но энергія вещь осязательная. Ежели міръ можетъ чему удивляться, при изученіи послѣдней на Кавказѣ войны, такъ это именно той энергіи, съ которою она велась. Силы были одновременно на обѣихъ сторонахъ то равныя, то съ большимъ колебаніемъ въ перевѣсѣ, но энергія была не равная, и послѣдняя побѣдила.

Слава побѣдителямъ! Слава русскому фельдмаршалу великому князю Михаилу Николаевичу, вдохновителю этой энергіи!

В. Комаровъ.

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей 1806—1812 гг. ¹⁾

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1810 года.

Князь Багратионъ былъ принятъ въ Бухарестѣ съ большими почестями. Всѣ бояре поспѣшили выказать ему знаки своего расположенія, но, конечно, дѣйствовали болѣе въ своихъ интересахъ, чѣмъ искренно; одни изъ страха, другіе—въ надеждѣ добиться его расположенія.

Мое командованіе распространялось на Молдавію и Валахію, я вскорѣ составъ моихъ войскъ увеличился на 2 дивизіи.

Пріѣхавъ въ Яссы, я нашелъ тамъ только-что прибывшую 18 дивизію, которая состояла изъ слѣдующихъ полковъ:

Тамбовскій пѣхот.,	командиръ полка	полковникъ	Вашиловъ.
Днѣпровскій	”	”	князь Хованскій.
Костромской	”	”	г.-м. князь Щербатовъ.
Якутскій	”	”	подполк. Демьяновъ.
28 егерскій	”	”	полковн. Корниловъ.
32 егерскій	”	”	полковн. Мещериновъ.
Александрійскій гусарскій,	командиръ полка	г.-м. графъ Ламбертъ	(въ отпуску), полков. Яфимовичъ.
Серпуховскій драгунскій,	командиръ полка	полк. Григоровичъ.	
Арзамасскій	”	”	г.-м. Крушевъ.
12 орудійная батарея	полков. Бушуева.		
12	”	”	полков. Рутковскаго.

¹⁾ См. «Русск. Стар.», августъ 1908 г.

Начальникъ этой дивизіи г.-м. князь Василій Долгоруковъ, 27 лѣтъ, генераль-адъютантъ Государя, былъ сынъ князя Георгія, старѣйшаго изъ всѣхъ русскихъ генераловъ. Онъ былъ однимъ изъ богатыхъ и знатныхъ вельможъ Россіи, но такое счастливое положеніе совершенно не соотвѣтствовало ни его характеру, ни его поведенію. Этотъ несчастный молодой человѣкъ, умершій въ концѣ этой кампаніи, соединялъ въ себѣ всѣ недостатки и пороки, какіе только свойственны человѣку. Сильно пристрастившійся къ вину, необузданный игрокъ въ карты, мало деликатный, распущенный, трусливый до смѣшного, но въ то же время фанфаронъ, самолюбивый и съ претензіей, невозможный въ обществѣ, хотя онъ не былъ лишень ни ума, ни образованія, жалкій и презрѣнный на войнѣ, онъ никогда не имѣлъ друзей и не заслуживалъ имѣть ихъ.

Его дивизія считалась очень хорошей, въ особенности оба егерскіе полка; также артиллерія была прекрасная; вновь сформированные драгунскіе полки были посредственны. Александрійскіе гусары пользовались хорошей репутаціей, а ихъ шефъ—графъ Карлъ Ламбертъ, считался однимъ изъ лучшихъ генераловъ въ арміи; онъ былъ въ отпуску и потому не участвовалъ въ этой кампаніи, гдѣ, конечно, былъ бы произведенъ въ генер.-лейтенанты, чего такъ желалъ и графъ Каменскій, сожальбя, что эта дивизія не досталась ему. Говорятъ, что и самъ Ламбертъ сильно рассчитывалъ получить эту дивизію и былъ очень недоволенъ, когда начальникомъ дивизіи былъ назначень князь Долгоруковъ, котораго онъ презиралъ, имѣя на то свои причины, и подѣ начальствомъ котораго не хотѣлъ служить.

Черезъ нѣсколько времени, въ составъ войскъ, бывшихъ подѣ моимъ начальствомъ, вошла также и 10-я дивизія.

Генераль-лейтенантъ Левисъ, командовавшій этой дивизіей, былъ человѣкъ мужественный, храбрый, честный и образованный, но въ то же время считался посредственнымъ генераломъ; его нерѣшительность и медлительность въ трудные моменты боя — вредили всѣмъ этимъ качествамъ.

Эта дивизія, дурно обученная и содержавшаяся не въ особенномъ порядкѣ, за исключеніемъ егерскаго полка, состояла изъ слѣдующихъ полковъ:

Кіевскій гренадерскій	—	командиръ полка г.-м. Инзовъ.
Ярославскій пѣхотный	—	командиръ полка полков. П. Соколовскій.
Курскій	”	”
Крымскій	”	”
Брянскій	”	”
8-й егерскій	”	”
		г.-м. Огатинъ.
		полков. Баумгартенъ.
		полков. Шаровъ.
		полков. Вѣлокопытовъ.

Кавалерія этой дивизіи осталась въ Россіи.

Объ эти дивизіи прибыли изъ Галиціи, гдѣ онѣ составляли часть арміи князя Сергѣя Голицина, которому суждено было дѣйствовать противъ Австрійцевъ въ ужасной войнѣ 1809 г., когда Наполеонъ оказывался нѣсколько разъ въ безвыходномъ положеніи и могъ бы погибнуть окончательно, если бы Россія, вмѣсто того, чтобы идти за него, соединилась съ Австрійцами, какъ того требовали политика и интересы какъ имперіи, такъ и всей Европы. Русская армія въ дѣйствительности не воевала противъ Австрійцевъ, но она угрожала имъ, сковывая ихъ дѣйствія, и заставила заключить невыгодный для нихъ миръ. Россія, найдя возможнымъ заключить союзъ съ Франціей, не дѣйствовала искренно, но союзъ этотъ побудилъ и другія государства Европы показывать видъ, что они стоятъ за Францію. Такая политическая ошибка имѣла послѣдствіемъ пустое и безчестное пріобрѣтеніе клочка Галиціи, въ чемъ слѣдуетъ упрекнуть графа Румянцева, бывшаго главнымъ инициаторомъ этой войны.

Война эта была причиной смерти князя Сергѣя Голицина, всѣми уважаемаго военнаго человѣка, разумнаго патріота, искренняго, честнаго, обладавшаго правильными взглядами на вещи. Опечаленный тою двусмысленною ролью, которую ему приходилось играть, затрудняясь своимъ положеніемъ (онъ командовалъ въ 1809 г. дѣйствующей арміей противъ Австрійцевъ), удрученный безпокойствомъ за послѣдствія того ложнаго пути, на который вступала Россія, онъ не перенесъ всѣхъ этихъ бѣдъ и скончался отъ апоплексическаго удара.

Молдавская армія, которою онъ долженъ былъ командовать, радостно встрѣтила его прибытіе, такъ какъ онъ былъ любимъ и уважаемъ рѣшительно всѣми. Я хорошо знаю, что Багратионъ остался специально для того, чтобы служить подъ его начальствомъ; онъ былъ его племянникъ по женѣ, дочери графини Литтъ, урожденной графини Скавронской.

Несчастныя войска, оставленныя на правомъ берегу Дуная, сильно страдали не только отъ недостатка сѣстныхъ продуктовъ, сквернаго устройства землянокъ, наскоро воздвигнутыхъ и крайне вредныхъ для здоровья, вслѣдствіе своей сырости, но также и отъ множества ученій и парадовъ, которыхъ требовалъ отъ нихъ графъ Каменскій—бичъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Онъ велѣлъ укрѣпить Гирсово, что было вполнѣ правильно, но, въ то же время, я думаю, что для насъ было большимъ счастьемъ, что турки не имѣли ни желанія, ни средствъ атаковать Гирсова

✱

зимой, такъ какъ весьма возможно, что въ этомъ случаѣ нашъ главнокомандующій не задумался бы перейти Дунай.

Въ эту зиму армія, наконецъ, избавилась отъ генерала Милорадовича, а Валахія—отъ Филипеско; главная заслуга этого принадлежитъ Безаку. Генералы: Платовъ, Зассъ, Строгановъ, Трубецкой и я—давно давали понять князю Багратиону о необходимости измѣнить управленіе въ Валахіи и удалить администраторовъ, предавшихъ нашимъ врагамъ и уличенныхъ въ расхищеніи казны, но, несмотря на наши безпрестанные протесты, если бы не вліяніе Безака, то командующій арміей никогда бы не рѣшился привести въ исполненіе этой правильной и необходимой мѣры. Безакъ, въ этомъ случаѣ, велъ себя прекрасно; полагаютъ, что онъ былъ подкупленъ какимъ-нибудь цѣннымъ подаркомъ Валахской администраціей, чему и я склоненъ вѣрить.

Безакъ составилъ очень основательную записку, которая была подписана Багратиономъ и послана Государю; въ ней очень хорошо и подробно была изложена вся административная дѣятельность Филипеско; онъ доказалъ, какъ мало довѣрія можно было имѣть къ нему, какъ велики его кражи, какъ опасны его сношенія съ Фанарскими греками, а также подчеркнул злоупотребленія Филипеско, вслѣдствіе довѣрія къ нему Милорадовича.

Эта записка пришла въ Петербургъ одновременно съ депешами, посланными изъ Вѣны нашимъ посланникомъ гр. Андреемъ Разумовскимъ, открывавшимъ преступную переписку Филипеско съ Константинополемъ.

Генералъ Милорадовичъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ г. Кіева, и армія съ большимъ нетерпѣніемъ ждала его отъѣзда. Отправляясь къ мѣсту назначенія, онъ, безъ стыда, обратился къ кн. Багратиону, котораго онъ такъ публично и незаслуженно обидѣлъ, прося у него денегъ на дорогу. Багратионъ далъ ему около 5000 р., которыхъ обратно не получилъ.

Милорадовичъ оставилъ въ Бухарестѣ долговъ болѣе, чѣмъ на 600.000 дукатовъ, которыхъ онъ также не уплатилъ. Если бы не его колоссальное вліяніе, то братья Филипеско непременно были бы казнены, такъ какъ не было недостатка доказательствъ въ подтвержденіи ихъ виновности. Но въ Россіи никогда никого не наказываютъ, и въ данномъ случаѣ ограничились только выселеніемъ Филипеско внутрь имперіи, въ г. Елисаветградъ, что въ 170 вер. отъ Одессы. Они уѣхали съ огромнымъ обозомъ, который слѣдовалъ за ними на 400 повозкахъ, нагруженныхъ вещами, награбленными имъ. Къ сожалѣнію, вещей этихъ отъ нихъ не отобрали, что было бы необходимымъ. На это изгнаніе осуждалась

вся семья Филипеско. Сначала эти негодяи были отправлены въ Одессу, гдѣ герцогъ де-Ришелье принялъ ихъ ласковѣе, чѣмъ это было нужно.

Сенаторъ Кучниковъ, ихъ постоянный покровитель и другъ Милорадовича, очень недовольный подобными мѣрами, на желаніе кн. Багратиона видѣть его въ Бухарестѣ отвѣтилъ отказомъ, несмотря на то, что присутствіе его тамъ было необходимо. Между ними началась довольно неприятная переписка, и Кучниковъ подалъ сначала рапортъ о болѣзни, а потомъ попросился въ отставку. Объ его уходѣ никто особенно не сожалѣлъ, но многіе были неправы, слишкомъ сильно обвиняя его. Это былъ очень честный человѣкъ, но слишкомъ склонный къ преувеличеніямъ и не всегда правильно смотрящій на вещи; къ тому же, его окружали люди, имѣвшіе на него весьма дурное вліяніе; въ обществѣ же онъ былъ очень любезенъ, уменъ, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и умѣлъ обращаться съ боярами, какъ того требовало его служебное положеніе.

Преемникомъ его былъ назначенъ сенаторъ Милашевичъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ и слабого здоровья, очень ограниченнаго ума, но съ большимъ упрямствомъ; онъ имѣлъ привычку къ дѣламъ и прилагалъ всю свою изобрѣтательность для достиженія поставленныхъ цѣлей. Въ обществѣ онъ былъ очень скромный и, для даннаго времени, считался честнымъ человѣкомъ.

Генераль Чевкинъ, завѣдывавшій продовольствіемъ арміи, для того, чтобы не ѣхать въ Бухарестъ, гдѣ его присутствіе было такъ же необходимо, какъ и пріѣздъ Кучникова, подалъ рапортъ о болѣзни. Эти господа, очень недовольные распоряженіями Багратиона, и не смѣя ему это выразить, обратили всю свою злобу противъ Безака.

Чевкинъ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и дѣятельныхъ людей въ Россіи, былъ бы вполне на своемъ мѣстѣ, если бы его служебное положеніе соотвѣтствовало его талантамъ; противъ него было слишкомъ много подозрѣній, нуждавшихся въ серьезныхъ разоблаченіяхъ его дѣяній, чего онъ сильно опасался, и подалъ въ отставку, которую вскорѣ и получилъ.

Уходъ генерала Чевкина поставилъ всѣхъ въ затруднительное положеніе, потому что не знали, кого назначить на его мѣсто. Безакъ не рѣшался отдать эту должность въ руки старшаго члена провіантской комиссіи, нѣкому графу Грабовскому, самому нечестному человѣку изъ всего управленія и въ то же время самому ничтожному и ни къ чему неспособному. Этотъ Грабовскій служитъ какъ бы новымъ доказательствомъ, что въ Россіи не наказываютъ воровъ и терпятъ всевозможныя ничтожества.

Отданный подъ судъ, и не имѣющій рѣшительно никакихъ законныхъ оправданій, чтобы избѣжать наказанія, котораго онъ уже двадцать разъ заслуживалъ, онъ все-таки былъ спасенъ Безакомъ. Князь Прозоровскій, освѣдомленный объ его поведеніи, рѣшилъ примѣрно наказать его, но въ нашихъ арміяхъ воля начальствующаго генерала (какъ бы она ни была неограничена) часто принуждена уступать желаніямъ подчиненныхъ писакъ, которые его окружаютъ. И Безакъ спасъ Грабовскаго ¹⁾. Такъ какъ на эту должность долженъ быть назначенъ человѣкъ, хорошо знающій страну, и мы не могли ждать, чтобы на это мѣсто прислали кого-нибудь изъ Петербурга, то я указалъ на стараго генерала Бѣлуху, могущаго замѣнить Чевкина. Онъ уже служилъ по этой части 20 лѣтъ назадъ, во времена князя Потемкина, и сдѣлалъ всю кампанію войны 1768 года въ качествѣ адъютанта графа Румянцева. Очень старый уже и тяжелый на подъемъ, онъ былъ не лишень ума и такта. Я рѣшилъ принять его на мѣсто интенданта и написалъ объ этомъ князю Багратиону, который и назначилъ его на эту должность. Въ первый годъ Бѣлуха оправдалъ мой выборъ, и графъ Каменскій былъ имъ очень доволенъ, но затѣмъ, говорятъ, что онъ, кажется, слишкомъ вошелъ въ роль и началъ злоупотреблять своимъ служебнымъ положеніемъ.

Генералъ Цицировъ, довольно неудачно назначенный кн. Багратиономъ военнымъ губернаторомъ въ Вухарестѣ, повелъ себя крайне не тактично; онъ предавался крупной игрѣ въ карты и однажды обыгралъ какого-то несчастнаго поставщика. Князь Багратионъ принужденъ былъ смѣстить Цицирова ²⁾, скомпрометтиро-

---

¹⁾ Вотъ какъ рассказывали въ то время этотъ эпизодъ: книги графа Грабовскаго безспорно были самыми яркими обвинителями его, однако онъ ихъ уничтожилъ и завелъ вмѣсто нихъ новыя, въ которыя вписывалъ все, что ему было угодно. Но книги эти должны были быть подписаны съ печатью правителя канцеляріи командующаго арміей; эту должность занималъ тогда Безакъ. Меня увѣрили, что Грабовскій послалъ ему книгу въ 75 страницъ и 75.000 р., и что будто Безакъ послалъ ему сказать, что въ этой книгѣ не хватаетъ еще 25 страницъ, т. е. 25.000 руб. Такимъ образомъ, сдѣлалъ себя его сообщникомъ. Дѣло велось ужасно долго и кончилось тѣмъ, что забыли о немъ. Послѣ исторіи съ Безакомъ, Грабовскій приобрѣлъ, вѣроятно такимъ же способомъ, протекцію нѣкоего Буткова, управляющаго канцеляріей гр. Каменскаго, и затѣмъ, во время командованія арміей Кутузовымъ, Емельяненко. Мало-по-малу онъ былъ всеми признанъ за честнѣйшаго человѣка, получалъ чины, ордена, остался при своей должности до конца войны и ушелъ съ капиталомъ въ 300.000 руб.

²⁾ Цицировъ, какъ это полагается въ подобномъ случаѣ, сейчасъ же заболѣлъ и вышелъ въ отставку.

ванный его поведеніемъ, и замѣнилъ его генераломъ Назимовымъ, человѣкомъ уже пожилымъ, спокойнымъ и честнымъ, но довольно ограниченнымъ и слишкомъ осторожнымъ для занятія имъ такого серьезнаго поста.

Энгельгартъ былъ на очень дурномъ счету у Багратіона и у всей арміи, однако, несмотря на всю свою ограниченность, онъ повелъ дѣла съ такою осторожностью, тактичностью и ловкостью, какой отъ него нельзя было и ожидать. Багратіонъ, несмотря на все свое презрѣніе и дурное отношеніе къ нему, за неимѣніемъ никого лучшаго, оставилъ его при прежней должности; какъ ни прискорбно—однако это фактъ.

Осенью, въ окрестностяхъ Яссы появились шайки воровъ; мѣстная полиція поймала многихъ изъ нихъ, оказавшихся главнѣйшими боярами; одинъ изъ нихъ былъ Кантакузинъ (жена его, разведясь съ нимъ, вышла замужъ за русскаго офицера, по фамиліи Болховскаго, служащаго въ обмундировальной комиссіи), другого звали Катаржи. Оба были осуждены на казнь; вмѣстѣ съ ними также былъ повѣшенъ извѣстный разбойникъ—Бужоръ, который передъ висѣлицей признался, что былъ агентомъ у главнѣйшихъ яскихъ вельможъ; у нихъ же, прибавилъ онъ, можно найти всѣ украденныя имъ вещи. Но это сообщеніе пропустили мимо ушей и были весьма неправы. Нетрудно было бы убѣдиться, что его слова были близки къ истинѣ. Нѣтъ болѣе ничтожныхъ людей, какъ эти молдавскіе и валахскіе бояре; это самые негодные люди во всей Европѣ, хотя быть можетъ въ Азіи они могли бы считаться честными.

Въ февралѣ мѣсяцѣ я получилъ письмо отъ князя Багратіона, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что нездоровье вынуждаетъ его просить у Государя позволенія оставить службу. Я прекрасно понялъ по этому письму, что князь Багратіонъ зналъ, что его кампаніей недоволенъ. Онъ предвидѣлъ, что его смѣнятъ, и хотѣлъ уйти самъ—пріемъ, къ которому часто прибѣгаютъ, но которому обыкновенно никто не вѣритъ.

Тѣмъ не менѣе Багратіонъ продолжалъ приготовленія къ кампаніи, которую онъ хотѣлъ начать очень рано. Не рассчитывая больше на милость двора, онъ хотѣлъ имѣть возможность опереться на мнѣнія генераловъ своей арміи, для чего онъ приказалъ имъ собраться въ Бухарестъ и высказать ему свои взгляды относительно плана кампаніи 1810 года. Я былъ единственнымъ, который не прибылъ на этотъ совѣтъ, такъ какъ не могъ оставить штаба, да и Багратіонъ уже заранѣе зналъ мое мнѣніе относительно предстоящей кампаніи: мы много говорили объ ней въ Гирсовѣ.

Генераль Гартингъ хотѣлъ, чтобы въ мартѣ мѣсяцѣ начать

переправу черезъ Дунай въ Гирсовъ, дабы утвердиться на правомъ берегу, а чтобы оттуда двинуться на Силистрію и Варну, онъ хотѣлъ, чтобы наша операціонная линія тянулась бы влѣво отъ нихъ и шла бы съ сѣвера на югъ. Послѣ взятія Силистріи и Варны, онъ хотѣлъ, не приближаясь ни къ Рушукъ ни къ Шумлѣ, перейти Балканы по возможности ближе къ морю и, затѣмъ, идти въ Константинополь. Мнѣнія генераловъ Эссена, Осуфьева, Маркова и Засса согласовались съ планомъ Гартинга: я также былъ согласенъ съ нимъ, но только иначе думалъ относительно Шумлы и считалъ, что ее необходимо было занять. Оперирова на нашемъ лѣвсмъ флангѣ, мы были бы ближе къ нашимъ магазинамъ и къ продовольственнымъ запасамъ, высланнымъ изъ Польши и Херсонской губерніи; наконецъ, мы знали, что турки смотрѣли на Варну, какъ на бульваръ Константинополя, и что послѣ взятія этого города можно было уже увѣренно ждать мира; населеніе столицы принудило бы къ тому султана.

У насъ было довольно силъ, чтобы охранять обѣ Валахіи и наблюдать за Рушукомъ, Журжево, Систовымъ, Никоподемъ, Видиномъ и пр.

Инженеръ ген.-маіоръ графъ Сиверсъ высказалъ свое своеобразное мнѣніе, которое, хотя и выражало смѣлость его характера, но въ то же время доказывало, что онъ очень мало освѣдомленъ, какъ надо вести войну съ турками. Въ странѣ, гдѣ всякій житель — солдатъ, никакимъ образомъ нельзя оставлять позади себя всѣ крѣпости, и необходимо было занять по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ изъ нихъ.

Онъ хотѣлъ вмѣстѣ съ большею частью арміи перейти Дунай въ Туртукаѣ и двинуться на Шумлу и къ Балканамъ.

Безакъ тоже составилъ планъ кампаніи, съ которымъ однако я далеко не соглашался; видно было, что этотъ планъ былъ написанъ человѣкомъ, имѣвшимъ очень мало военнаго опыта. Его проектъ представлялъ много несообразностей, и главнѣйшая трудность его исполненія заключалась въ томъ, что Безакъ перенесъ операціи на центръ и правый флангъ, куда очень трудно было бы доставить продовольствіе; вслѣдствіе этого, цѣлые мѣсяцы пришлось бы терпѣть въ нихъ недостатокъ. Къ нашему общему изумленію, Багратионъ одобрилъ планъ Безака и непремѣнно привелъ бы его въ исполненіе, если бы оставался нашимъ главнокомандующимъ.

По этому плану 13 батальоновъ и 4 полка казаковъ назначались гарнизонами на сообщеніяхъ въ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи и для защиты береговъ Чернаго моря; 5 батальоновъ — для службы во флотиліи; 5 батальоновъ, 5 эскадроновъ, полкъ Бугскихъ

казаковъ и хорватовъ — для защиты Малой Валахїи и наблюденїя за Видиномъ и Кладовой; 11 батальоновъ, 3 полка казаковъ, 6 двѣнадцати-фунт. пушекъ и 5 конно-артил., орудій подъ начальствомъ генер. Исаева, назначались для переправы черезъ Дунай между Видиномъ и Кладовой и соединенїя съ Сербами.

Корпусъ, изъ 20 батальоновъ, 14 эскадроновъ, 3-хъ полковъ казаковъ, 6 двѣнадцати фунт. пушекъ и 6-ти конно-артил., орудій со всей осадной артиллерїей, долженъ былъ, подъ моимъ начальствомъ, наблюдать за Силистріей, Зимницей, Турно, Никополемъ, а затѣмъ начать осаду Журжева ¹⁾.

Въ арміи, предназначенной для военныхъ дѣйствій на правой сторонѣ Дуная, составлялось: 83 батальона, 95 эскадроновъ, 10 казачьихъ полковъ, 72 двѣнадцати-фунт. пушки и 54 орудія конной артиллерїи. Я нигдѣ не обозначилъ полковыя пушки, а ихъ было болѣе 200.

Надѣялись, что, атакуя турокъ со всѣхъ сторонъ съ довольно значительными силами, на нихъ наведутъ этимъ панической страхъ, благодаря чему, безъ особенныхъ трудностей, достигнуть исполненїя своихъ гигантскихъ плановъ. Я сомнѣвался, чтобы правому отряду удалось бы занять всю часть Болгарїи, находящуюся между рѣками Янтрой, Озиной и Видомъ. Великій визирь, конечно, сосредоточилъ бы всѣ свои силы въ Шумлѣ, которую не легко было бы занять, но тѣмъ не менѣе, только послѣ взятїя этой крѣпости, Русука и Журжево, можно было двинуться къ Балканамъ. Въ то же время Черноморскій флотъ долженъ угрожать Босфору и Варнѣ.

Я доказывалъ Безаку, одаренному поэтическимъ воображеніемъ, и снисходительному князю Багратіону, что считаю этотъ планъ кампанїи крайне опаснымъ. Уже видно было, сколько неудобствъ онъ представлялъ слишкомъ длиннымъ протяженіемъ фронта, которое приводило къ операціямъ, независимымъ одна отъ другой, что вызывало разброску силъ. Говорятъ, что въ крѣпостяхъ не было турецкихъ войскъ, но для защиты ихъ было бы достаточно мѣстныхъ жителей, которые, бросивъ свои очаги, легко могутъ соединиться въ Шумлѣ или Силистріи, какъ предоставленныхъ въ началѣ кампанїи самимъ себѣ.

Съ марта мѣсяца мы уже знали, что вмѣсто князя Багратіона, главнокомандующимъ арміей назначенъ графъ Каменскій, который прибылъ въ Яссы 8-го марта.

Генераль Платовъ, будучи старше графа Каменскаго, не могъ

¹⁾ Эта операція была совершенно бесполезна. Журжево совсѣмъ не требовало правильной осады; нужно было только наблюдать за нимъ съ 1.000 или 1.200 чел. и какъ только Русукъ былъ бы взятъ, оно бы само сдалось.

оставаться въ арміи послѣ такого назначенія и былъ посланъ на Донъ. Проѣздомъ черезъ Яссы, онъ узналъ объ этой перемѣнѣ и былъ очень недоволенъ, такъ какъ она совершенно измѣнила его планы.

Графу Николаю Каменскому было только 52 года ¹⁾, а выглядѣлъ онъ еще молодецъ. Несмотря на необыкновенную живость, даже, можно сказать, буйность его характера, его лицо было очень кроткое, пріятное, манера обращенія очень мягкая; не созданный для общества, онъ мало вращался въ немъ и особенно избѣгалъ женщинъ, съ которыми чувствовалъ себя всегда стѣсненнымъ; вообще, въ свѣтѣ онъ не пользовался репутаціей умнаго человѣка, хотя на самомъ дѣлѣ и былъ таковымъ. Какъ генералу, ему не доставало главнѣйшаго качества, необходимаго каждому солдату, качества, безъ котораго всѣ остальные не важны, а именно — онъ боялся опасностей. Зная, что эта его слабость была многимъ извѣстна, онъ страшно конфузился, краснѣлъ и старался приневолить свою натуру, но все-таки его страхъ выдавалъ его ²⁾.

Графъ Каменскій имѣлъ еще много другихъ недостатковъ; вспыльчивость его порой доходила до такой степени, что онъ часто забывался передъ такими, къ которымъ, вслѣдствіе ихъ лѣтъ и положенія, онъ долженъ бы былъ относиться болѣе почтительно.

Не простой и не ласковый съ солдатами, онъ не былъ любимъ ими; недостатокъ въ немъ мужества отталкивалъ его отъ нихъ; русскій солдатъ никогда не прощаетъ этой слабости своему начальнику. Онъ часто бывалъ слишкомъ поспѣшнымъ въ исполненіи своихъ плановъ и движеній; не умѣлъ хранить тайнъ и скрывать своихъ намѣреній; его легко можно было обмануть и провести.

¹⁾ Одинъ офицеръ написалъ товарищу, на вопросъ тоже объ арміи и начальникахъ — „одни слишкомъ молоды, другіе слишкомъ стары“.

²⁾ Я часто слышалъ отъ военныхъ, что главнокомандующему совсѣмъ не необходимо быть храбрымъ и всегда готовымъ идти въ опасность. Въ Россіи при этомъ постоянно приводятъ, какъ примѣръ, Румянцева, человѣка, обладавшаго высшимъ военнымъ талантомъ, но въ то же время очень нерѣшительнаго, что утверждаютъ всѣ служившіе подъ его начальствомъ (но такое мнѣніе распространялось, быть можетъ, тѣми, которые сами хотѣли найти себѣ оправданіе). Личная храбрость въ генералѣ, можетъ быть, важнѣе, чѣмъ въ оберъ-офицерѣ. Когда, во время дѣла, занимаются счетомъ получаемыхъ ружейныхъ выстрѣловъ, а не выпускаемыхъ, когда думаютъ слишкомъ много о себѣ, нельзя уже думать о другихъ. Часто генералъ своимъ примѣромъ такъ воодушевляетъ свои войска, что они доставляютъ ему побѣду. Если бы великій Конде пощадилъ бы себя при Фрицбургѣ, его бы войска потерпѣли страшное пораженіе.

Въ войнахъ, которыя ведутъ уже 20 лѣтъ французы, если бы генералы не подавали примѣровъ рѣшительности и смѣлости, развѣ солдаты торжествовали бы побѣды во всей Европѣ?

Его быстрый и пылкій умъ рѣдко былъ способенъ на необходимыя размышленія при начатомъ предпріятіи; онъ съ живостью принималъ всѣ новыя идеи, не вдаваясь глубоко въ ихъ существо и не взвѣсивъ ихъ, благодаря чему у него въ арміи часто происходили крупныя безпорядки.

Наконецъ, онъ не могъ и не умѣлъ держаться на лошади, ни скакать галопомъ; это было большимъ неудобствомъ для главнокомандующаго, такъ какъ въ дни сраженія онъ долженъ быть въ разныхъ пунктахъ, гдѣ его присутствіе было бы необходимо. Графъ Каменскій былъ очень самолюбивъ и не терпѣлъ никакихъ совѣтовъ и противорѣчій своимъ мнѣніямъ; когда же онъ убѣждался въ правотѣ другихъ, то всегда было уже слишкомъ поздно; его первымъ движеніемъ всегда былъ сухой и рѣзкій отказъ.

Но если графу Каменскому недоставало мужества и сердца, зато онъ обладалъ высокимъ качествомъ—умомъ; трудно было имѣть болѣе тактичности, разсудительности и сообразительности. Онъ не успѣлъ заставить полюбить себя, но зато никто лучше его не могъ и не умѣлъ заставить подчиняться себѣ. Несмотря на всѣ свои недостатки, онъ обладалъ военными способностями и, хотя его образованіе было и не полно, но у него все-таки были основательныя знанія, которыми онъ умѣло пользовался.

Онъ необыкновенно быстро комбинировалъ движенія и дѣйствія различныхъ корпусовъ. Командованія арміей онъ достигъ послѣ долгаго и основательнаго изученія службы въ низшихъ чинахъ, благодаря чему пріобрѣлъ опытность и разсудительность, которыя даются единственно только временемъ и практикой; вообще я не сомнѣваюсь въ его хорошей репутаціи, но онъ былъ еще слишкомъ молодъ, и это обстоятельство отразилось на его командованіи и стоило намъ очень дорого.

Честность и безкорыстность гр. Каменскаго доходили до высшей степени; всякаго рода не деликатность не только была ему чужда, но онъ даже не выносилъ ее въ другихъ. Его чистая и благородная натура возмущалась всякими мнительными поступками, и лицо его при этомъ выражало глубокое презрѣніе. Я былъ съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ; 6 лѣтъ мы прожили съ нимъ вмѣстѣ въ Польшѣ, и я не могъ не оцѣнить его честности, твердой воли и другихъ качествъ. Ни разу въ нашей дружбѣ не произошло никакихъ недоразумѣній, и я никогда не переставалъ любить и уважать его, хотя нисколько не былъ ослѣпленъ на счетъ его недостатковъ и строго осуждалъ ихъ.

Графъ Каменскій сдѣлалъ свою первую кампанію генералъ-майоромъ въ Италіи, подъ начальствомъ Суворова, въ 1799 г. Въ

Швейцарской кампаніи онъ былъ отличенъ своимъ начальникомъ, который обращался съ нимъ очень дружески. Подъ Аустерлицемъ гр. Каменскій находился въ авангардѣ князя Багратиона. Его Архангелогородскій полкъ въ храбромъ бою былъ весь уничтоженъ. Въ Прусской войнѣ онъ также проявилъ свою дѣятельность: онъ командовалъ корпусомъ, назначеннымъ для охраны города, но ему не удалось этого сдѣлать, несмотря на всѣ старанія.

Въ концѣ кампаніи онъ получилъ чинъ генераль-лейтенанта, когда ему было всего 28 лѣтъ.

Въ войнѣ со Швеціей (1809 г.) онъ командовалъ отдѣльнымъ корпусомъ, и успѣхи его надъ непріателемъ обратили на него вниманіе нашего двора; особенно выдвинула его одна побѣда, когда онъ совершенно отрѣзанный, очутился въ очень критическомъ положеніи, изъ котораго однако очень счастливо и удачно сумѣлъ выйти. За эту войну онъ получилъ чинъ генераль-аншефа, чѣмъ опередилъ всѣхъ генераль-лейтенантовъ.

Сообщ. Е. Каменскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки: въ іюльской книгѣ (т. СХХХV) на страницѣ 74, 4-я строка сверху напечатано Волочжана, слѣдуетъ читать Вологжана; 18-я строка сверху напечатано цифра 3, слѣдуетъ читать буква з и на страницѣ 210 въ книгѣ и на оберткѣ напечатано заглавіе къ «Къ исторіи монастырей 1670 г.», слѣдуетъ читать «Къ исторіи винной монополіи 1670 г.».

Редакторъ-издатель **П. Вороновъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1908 г.

ТОМЪ СТО ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Генераль Залѣсовъ. (Воспоминанія). А. Жиркевича.	13—20
II. Учебныя воспоминанія. В. Лебедева. 21—36, 241—255, 581—600	
III. Изъ записокъ стараго помѣщика. Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	57—73, 551—558
IV. Дитя любви. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщилъ В. А. Шомпулевъ.	121—123
V. Изъ давно прошедшаго (Отрывочныя воспоминанія). Л. Драке.	129—132, 429—436
VI. Царская милость (Изъ воспоминаній восточной войны). Сообщ. И. Гловацкій.	133—134
VII. Записки гр. Ланжерона. Война съ Турціей, 1806—1812 г.г. Сообщ. Е. Каменскій.	159—209, 401—428, 661—672
VIII. Крахъ земельныхъ банковъ. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ. 223—226	
IX. Воспоминанія стараго орловца. Конст. Ѳедор. Кулябка.	367—381
X. Памяти Г. Г. Даниловича, какъ выдающагося педагога. (Личныя воспоминанія). М. Прокшьева.	501—546
XI. Воспоминанія К. П. Каблукова. Георгій Миллеръ.	603—633
XII. Ардаганскій отрядъ. Воспоминанія о войнѣ 1877—78 гг. В. Комаровъ.	649—660

Издѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписки. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. За кулисами дипломатіи. Ю. С. Карцова.	3—12
II. Очерки изъ исторіи Тамбовской церкви. А. Нечаева.	37—56, 559—578
III. Къ исторіи винной монополіи 1659 г. Сообщ. И. Суворовъ.	74, 210
IV. Исторія карель. В. Крохина.	75—87
V. Отношеніе главноначальствующаго Кремлевскою экспедиціею П. С. Валугева къ преосвящ. Августину. 20 ноября 1812 г. Сообщ. В. Афанасьевъ.	88
VI. Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева. В. Н.	89—119, 265—316
VII. Акростихъ, поднесенный Д. П. Трошинскому. Сообщ. Петръ Челищевъ.	120
VIII. Овлажденіе непріателемъ крѣпостью Кинбургъ во время Крымской войны. Сообщ. Ив. Вороновъ.	124—128
IX. Изъ исторіи русскаго театра въ XVIII вѣкѣ Б. В. Варнеке.	135—158
X. Къ исторіи монастырей 1671 г. Сооб. И. Суворовъ.	634
XI. Радостная кончина. Сообщ. А. Е. К.	211—213
XII. Великая совѣсть Н. Л.	215—216
XIII. Результатъ излишней довѣрчивости. Сообщ. А. Е. К.	227—228
XIV. Къ біографіи И. С. Тургенева М. Гутьяръ.	229—240
XV. Письмо М. Д. Скобелева Д. А. Скалону. Сообщ. Д. Скалонъ.	256
XVI. С.-Петербургско - музыкально - драматическій кружокъ любителей. Сообщ. Крушковскій.	257—264
XVII. Очеркъ гражданской дѣятельности нашей въ Болгаріи въ 1877—78 гг. М. Костырко.	317—337
XVIII. Къ 150-лѣтней годовщинѣ сраженія при Цорндорфѣ 14 августа 1758 г. Л. Драке.	338—340
XIX. Поѣздка изъ Петербурга въ Стокгольмъ на пароходъ „Александрія“ въ 1838 г. Ал. К—ій.	341—365
XX. Къ путешествію Петра Великаго въ Архангельскъ въ 1694 г. Сообщ. И. Суворовъ.	366

XXI. Начальникъ Соколовой горы. (Изъ записокъ стараго помѣщика). Сообщ. В. А. Шомпулевъ.	382
XXII. Изъ дневника Опочинина.	383—400, 473—494
XXIII. Изъ дипломатической переписки сэра Джемса Гарриса—графа Мальмсбюри. 1777 — 1782 гг. Сообщ. В. Т.	437—467
XXIV. М. Т. Каченовскій и С. Н. Глинка подъ Ивановомъ Великимъ.	468—472
XXV. Къ 200-лѣтней годовщинѣ сраженія при дер. Лъсной. Л. Драке.	495—499
XXVI. Донесеніе генерала Скобелева начальнику штаба дѣйствующей арміи. Сообщ. Д. Скалонъ.	500
XXVII. Къ біографіи М. Н. Муравьева. Сообщ. А. Я. Бирюковъ.	547—550
XXVIII. Къ 100-лѣтней годовщинѣ сраженія при Оровайсѣ. Л. Драке.	601—602
XXIX. Забытая писательница и ея заслуги. А. И. Фаресова.	635—648

Портреты.

- I. Тамбовскаго епископа Пахомія (при 7-ой книгѣ).
- II. Графа Л. Н. Толстого (при 8-ой книгѣ).
- III. Тамбовскаго епископа Θεодосія (при 9-ой книгѣ).
- IV. Людмилы Христофоровны Симоновой-Хохряковой (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества Т. СХХV. Спб. 1906 (на оберткѣ іюльской книги).
2. Н. П. Лихачевъ. Инока Фомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ. Спб. 1908 г. (тамъ же).
3. Николай Брянчаниновъ. Впечатлѣнія бытія. Парижъ. 1907 г. (тамъ же).
4. А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908 г. (тамъ же).
5. Владиміръ Короленко. Отошедшіе. Спб. 1908 г. (на оберткѣ августовской книги).
6. Н. К. Кульманъ. Изъ исторіи общественнаго движенія въ

СТРАН.

Россіи въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1908 г. (тамъ же).

7. Н. Кашкинъ. Очеркъ исторіи русской музыки. Москва. 1908 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

8. Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. Спб. 1907 г. (тамъ же).

же представитель консерваторскаго образования. Какъ свидѣтель, онъ живо чувствуетъ этотъ, нынѣ закончившійся періодъ борьбы просвѣщеннаго дилетантизма съ серьезной спеціальной школой.—какъ москвичъ, онъ относится безпристрастно и спокойно къ обѣимъ сторонамъ, поле дѣятельности которыхъ было собственно въ Петербургѣ. Но достоинства въ одномъ отношеніи являются недостатками въ другомъ. Только музыкантъ „второго“ періода, доведя исторію до послѣднихъ дней, могъ пропустить Скрябина *), отдѣлаться по-прежнему общими сочувственными фразами о гордости нашихъ дней—Рахманиновъ, не отмѣтить глубокаго вліянія Мусоргскаго на вокальную музыку послѣдняго десятилѣтія, не развитъ мысли о благотворныхъ послѣдствіяхъ консервативныхъ мнѣній Лароша. А вѣдь эти мнѣнія воспринялъ и на практикѣ провелъ даровитый, бывшій профессоръ московской консерваторіи С. И. Танѣевъ, обративъ очень большое вниманіе при преподаваніи на изученіе старинныхъ мастеровъ и стараго стиля. Такимъ образомъ онъ обогатилъ насъ технически-совершенными дарованіями, что и дало этимъ москвичамъ возможность въ 30 лѣтъ сдѣлаться европейски извѣстными музыкантами, тогда какъ одни изъ крупныхъ талантовъ предшествовавшаго періода путемъ личнаго, долгаго опыта достигли высшаго музыкальнаго образования, другимъ же оно вовсе не было суждено.—Итакъ, отдавъ должное уважаемому Н. Д. Кашкину и поблагодаривъ его за полезный, основательный, популярный трудъ съ вѣрными въ большинствѣ случаевъ взглядами, признаемъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что еще необходимы работы въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, нужна разработка первоисточниковъ, обследованіе имѣющихся въ архивахъ матеріаловъ XVII и XVIII в.в. и свodka ихъ въ одно цѣлое; съ другой стороны слѣдуетъ приковать общественное вниманіе къ славному прошедшему 70-лѣтію, освѣтивъ его съ точки зрѣнія современнаго музыканта, пользуясь въ возможности и эстетическимъ критеріемъ, также доведя обзоръ до нашихъ дней,—другими словами, нужно продѣлать приблизительно ту работу, что была блестяще выполнена Александромъ Бенуа по исторіи нашей живописи. Встрѣтимся ли мы въ первомъ случаѣ съ авторскими именами Ст. Смоленскаго или Ник. Финдейзена, а во второмъ съ петербургскимъ Оссовскимъ или московскимъ Энгелемъ—намъ неизвѣстно, но появленіе такихъ книгъ стало безусловно необходимымъ.

Вас. Яковлевъ.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Кишиневская ложа. СПб. 1907.

Кишиневская масонская ложа, съ которой связано имя Пушкина, рассказавшаго о своей принадлежности къ ней, долго служила предметомъ архивныхъ розысковъ, такъ какъ о ней почти ничего не было извѣстно, кромѣ нѣсколькихъ словъ Пушкина, стиховъ его генералу П. С. Пушину, анекдотическаго разсказа Липранди и упоминанія въ официальной перепискѣ князя П. М. Волконскаго, спрашивавшаго о какихъ-то „масонскихъ ложахъ въ Бессарабіи“, и И. Н. Изнова, отвѣчавшаго, что ложа въ Бессарабіи не открывалась. Между тѣмъ сообщеніе г. Кульмана знакомить насъ съ архивными документами, изъ которыхъ видно, что въ Кишиневѣ недолго существовала масонская ложа, носившая имя „Овидій“ и внесенная въ списокъ ложъ подъ № 25-мъ. Она была закрыта 9 декабря 1821 г., просуществовавъ всего пять мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько дней послѣ отвѣта Изнова Волконскому. Начальникъ ея, генералъ П. С. Пушинъ, былъ взятъ „въ особенное замѣчаніе“, и масонство, въ связи съ нѣкоторыми служебными неудачами, стоило ему карьеры. Говоря объ отношеніи Пушкина къ этой ложѣ, г. Кульманъ справедливо замѣчаетъ: „какую роль игралъ онъ въ ней,—сказать трудно, но врядъ ли эта роль и по свойству характера Пушкина, и по недолговѣчности самой ложи, могла быть значительной“. Отношенія Пушкина, которыхъ г. Кульманъ почти не коснулся, не прерывались и впоследствии. Въ Одессѣ Пушкинъ, Пушинъ и Ал. Раевскій („Демонъ“), по разсказу современника, составляли „неразлучный тріумвиратъ“. Изъ своего Михайловскаго Пушкинъ иногда вѣдиль въ имѣніе Пушина Жадрицы, бывшее въ трехъ верстахъ. Къ своему сообщенію г. Кульманъ приложилъ всѣ новые документы, которыми пришлось ему воспользоваться.

Н. Л.

*) Кромѣ пропусковъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣятелей первой половины XIX столѣтія, непонятными пропусками являются—неупоминаніе С. М. Ляпунова, Лисенко, замѣчательнаго артиста Ф. П. Стравинскаго и теоретиковъ Мельгунова и Сокальскаго. Сверхъ того, считая возможнымъ изложить дѣятельность молодыхъ Золотарева и Черепнина, авторъ не говоритъ объ имъ же расхваленномъ Василенкѣ, также нѣтъ ни слова о Метнерѣ, Ребиковѣ и нѣк. др. Шалапинъ вспоминается мимоходомъ, Оленкиной д'Альгеймъ вовсе не нашли. Перечислены главнѣйшіе дѣятели оперной сцены, что вполне правильно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ощущается отсутствіе въ книгѣ концертныхъ исполнителей (кромѣ прежнихъ профессоровъ консерваторіи), а между тѣмъ въ настоящее время значеніе ихъ, благодаря развитію у насъ концертной музыки, очень возросло.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1908 г.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иностранные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ входахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. *По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ*, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справку.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1907 по **9** рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Вороневъ**.

Библиотека „Руниверс“

